III. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

Абадзехія и ея обитатели.

Территорія Абадзехіи, по даннымъ 1830—1864 гг., занимала пространство въ 7150 кв. верстъ.

Западная граница ея шла по р. Шебшу, мимо стан. Ставропольской, до нынѣшняго сел. Григорьевскаго. Сѣверная проходила близъ станицъ Калужской, Пензенской, Бакинской, Черноморской, Черниговской, Пшехской, шла мимо Майкопа къ р. Псефюру. Восточная подымалась по послѣдней рѣчкѣ и мимо горы Тхачь подходила къ горѣ Шугусу (10642 ф.). Южная шла по Главному хребту.

Абадзехія страна горъ по-преимуществу. Контрфорсы Главнаго хребта здѣсь значительно выше шапсугскихъ и натухайскихъ хребтовъ: здѣсь мы находимъ слѣдующія вершины: Аутль (6063 ф.), Оштенъ (9358), Фиштъ (8360), Абаго (10631), Шугусъ (10642).

Рѣка Бѣлая, берущая начало въ снѣгахъ Шугуса, дѣлила Абадзехію на двѣ неравныя части: западная была очень густо населена и составляла основную часть области абадзеховъ. Долина р. Псекупса представляла собою сплошной аулъ, утопавшій въ фруктовыхъ садахъ; особенно густое населеніе было близъ нынѣшняго мѣстечка Горячій-Ключъ.

Вся описываемая мѣстность въ настоящее время почти утратила слѣды пребыванія здѣсь абадзеховъ: кое-гдѣ сохранились поляны, дубы съ отрубленною верхушкою, колодцы минеральной воды, обложенные камнемъ и задѣланные въ дубовые срубы, мѣстами сохранились обширные горскіе сады. Чудное зрѣлище являютъ собою склоны Пшафа и Котха весною, когда они сплошь покрыты блѣдно-розовой пеленой цвѣтущихъ яблонь и грушъ. Пространство между Псекупсомъ и Пшишемъ было менѣе густо населено. Очень густое абадзехское населеніе сидѣло по р. Тшехѣ. Въ верховьяхъ этой рѣки существуетъ большая поляна Тубе, очень почитаемая абадзехами, какъ колыбель ихъ племени. Долина р. Бѣлой, съ знаменитымъ своими красотами Даховскимъ ущельемъ, окаймлена высокими отрогами Черныхъ горъ. Эта часть старой Абадзехіи отличается грандіозностью природы: многочисленные ея притоки не текутъ, а стремительно низвергаются, иногда разлетаясь брызгами, орошая скалы своего русла, состоящія, какъ и массивы Шугуса, Абаго и сосѣднихъ съ ними горъ, изъ очень твердаго темно-сѣраго аспиднаго сланца. Истоки Бѣлой начинаются рядомъ ключей-фонтановъ, бьющихъ и бурлящихъ между скалъ. Горцы до сихъ поръ чтятъ эти ключи и называютъ ихъ святыми. Близъ станицы Даховской расположено чудное альпійское плоскогорье Луганаки; на немъ всѣ бѣлорѣченскіе абадзехи пасли лѣтомъ свой скотъ. Даже жители долины р. Шахе пригоняли сюда свой скотъ по тропамъ, идущимъ на Бѣлорѣченскій перевалъ, черезъ Бабуки (такъ называемая дорога генер. Геймана).

Теплый влажный климатъ, тучная почва вызвали появленіе необыкновенной гущины сплошныхъ лѣсовъ, въ предгорьяхъ и нижнемъ поясѣ горъ преимущественно дубовыхъ, въ среднемъ буковыхъ; на болѣе высокихъ хребтахъ растетъ пихта (abies nordmanniana), достигающая трехъ съ четвертью саженей въ окружности и 60 аршинъ высоты, ель, сосна, тисъ; встрѣчается кленъ, вязъ, липа, ясень, ольха, береза, яблони, груши, алыча, черешня, сливы, каштанъ, смородина, крыжовникъ, малина, брусника, кавказскій чай.

Абадзехи были, въ точномъ смыслѣ слова, „лѣсные люди“: лѣсъ былъ ихъ стихіей, гдѣ они себя чувствовали, какъ рыбы въ волнахъ; лѣсъ ихъ укрывалъ отъ непогоды, и отъ непріятеля, лѣсъ ихъ кормилъ: множество оленей, дикихъ козъ, свиней, сернъ, туровъ, зубровъ таилось въ дремучихъ дебряхъ Пшехи, Куржипса, Бѣлой.

Во время отдыха отъ набѣговъ въ сосѣднія области, абадзехскіе воины охотились сначала съ лукомъ, копьемъ, а затѣмъ и съ ружьемъ на медвѣдей, барсовъ, волковъ, куницъ, лисицъ, выдръ, бобровъ.

Изъ ископаемыхъ Абадзехіи слѣдуетъ отмѣтить каменный уголь (въ долинѣ Бѣлой и ея притока Дахо), нефть (близъ стан. Ширванской, Апшеронской, Нефтяной, Ключевой), горный воскъ (близъ укр. Хадыжинскаго), бурый желѣзнякъ (между Бѣлой и М.-Лабой, близъ Даховской, Царской, Губской, близъ Дефановскаго перевала), каменную соль близъ ст. Ключевой. Изъ минеральныхъ ключей въ Абадзехіи большой славой пользовались псекупскія—Псефабе (Горячая Вода). Сюда свозились на арбахъ больные и раненые черкесы; здѣсь подъ руководствомъ горскихъ врачей они проходили короткій, но энергичный курсъ лѣченія. Кромѣ сѣрныхъ горячихъ водъ, дававшихъ до 30 тысячъ ведеръ въ сутки, близъ Псефабе (нынѣ м. Горячій-Ключъ) существовали и эксплоатировались горцами соленo-іодобромистые, углекислый и соленые источники. Близъ Горячаго-Ключа сохранились слѣды обширнаго поселенія. Близъ истока горячихъ ключей было вырыто нѣсколько ямъ, куда по-очереди больные опускались, затѣмъ ихъ обертывали въ бурки и несли въ скалы; сѣрную воду принимали и внутрь. По словамъ старыхъ абадзеховъ, воды въ большинствѣ случаевъ излѣчивали ревматизмъ, накожныя болѣзни, раны.

Абадзехи жили большими аулами, тянувшимися иногда по нѣсколько верстъ, при чемъ одинъ аулъ почти соединялся съ другимъ. Названія ауламъ, въ большинствѣ случаевъ, давались по фамиліямъ знатныхъ дворянскихъ родовъ—князей, „пши“ у абадзеховъ никогда не существовало. Изъ абадзехскихъ фамилій особенно славились Едыге, Бешуковы, Анчоковы, Гуте, Дауровы. Эти-то дворянскія фамиліи (уоркъ) и стояли во главѣ обществъ (хабль) и передавали имъ свои имена. Общества раздѣлялись на сельскія общины (псухо). Общины въ большинствѣ случаевъ были вполнѣ самостоятельными единицами, управлявшимися сельскимъ сходомъ подъ предсѣдательствомъ старшины. Дѣла, касавшіяся всего общества (хабль), рѣшались общественнымъ собраніемъ. Вопросы же высокой политической важности, касавшіеся всего абадзехскаго народа, рѣшались народнымъ собраніемъ (за-уча).

По одному изъ трехъ записанныхъ нами преданій о происхожденіи абадзеховъ, первые насельники долины Ту-

бе были весьма немногочисленны, всего 7 семействъ. Эти семьи выводили своихъ предковъ изъ Арабистана. Кто-то изъ нихъ совершилъ преступленіе и принужденъ былъ бѣжать на Кавказъ, гдѣ и пріютился со своими родственниками близъ Туапсе, пока случайно на охотѣ не наткнулись на долину Тубе. Дѣло было весною. Долина имъ понравилась своимъ мѣстоположеніемъ, и они посѣяли тамъ для пробы зерна горнаго проса. Когда осенью вернулись взглянуть на урожай, они были удивлены плодородіемъ этой никѣмъ еще не заселенной мѣстности и рѣшили перебраться сюда всѣмъ племенемъ. Всѣ 7 семействъ перекочевали сюда и, подѣливъ землю на равныя части, стали заниматься хлѣбопашествомъ. Впослѣдствіи къ нимъ приселились выходцы изъ Крыма-Едыге и Цей. Со времени поселенія абадзеховъ въ Тубе, по словамъ стариковъ-абадзеховъ, считается 600 лѣтъ.

Первыя столкновенія уже сложившагося племени произошли съ кабардинцами. Однажды кабардинскій князь послалъ 15 всадниковъ къ абадзехамъ съ требованіемъ дани. Пословъ приняли и размѣстили по саклямъ. Аульному же глашатаю приказано прокричать въ извѣстный часъ условленную фразу: пусть каждый хозяинъ зарѣжетъ корову и угоститъ гостя. Смолкъ крикъ глашатая въ ночной тиши, и гостепріимство было оскорблено: каждый хозяинъ зарѣзалъ не корову, а гостя. Разсерженный кабардинскій князь собралъ дружины и двинулся на абадзеховъ. Встрѣча враждующихъ сторонъ произошла въ ущелье р. Дахо. Ущелье это въ верховьяхъ своихъ превращается въ узкую тѣснину. Абадзехи надрубили окрестные дубы, привязали къ ихъ вершинамъ длинные ремни и приготовились завалить кабардинцевъ. Притаившись за камнями и пропустивши передовое войско, они дернули за ремни, дубы рухнули и завалили тѣснину. Отрѣзанныхъ отъ дружины кабардинцевъ стали колоть пиками, разстрѣливать стрѣлами, давить сбрасываемыми кусками скалъ. Въ числѣ отрѣзанныхъ былъ кабардинскій богатырь Борокъ. Какъ барсъ, отбивался онъ длиннымъ мечемъ отъ окружавшихъ его абадзеховъ. Увидѣлъ это оставшійся позади другъ его Шоготыжъ, богатырь небольшого роста. Бросился онъ на помощь Бороку, перелѣзъ черезъ скалу и прыгнулъ внизъ на кучу враговъ: тѣ снизу подхватили его на копья. „Смотри, Борокъ!“ закричалъ онъ другу, умирая: „всю жизнь я былъ маленькимъ, а передъ смертью сталъ выше тебя!“

Всѣхъ кабардинцевъ абадзехи перебили, а прочіе ни съ чѣмъ повернули назадъ.

Къ первонасельникамъ Тубе, отличавшимся, повидимому, какъ и всѣ авантюристы, энергіей и храбростью, приселились наиболѣе предпріимчивые и воинственные изъ аборигеновъ, а рядъ удачныхъ набѣговъ, подъ предводительствомъ удальцевъ, ставшихъ впослѣдствіи родоначальниками именитыхъ абадзехскихъ фамилій, отдалъ во власть горной республикѣ (у абадзеховъ, какъ сказано выше, не было князей) сначала долину Пшехи, затѣмъ Бѣлой, Пшиша и, наконецъ, Псекупса. Что касается языка, то языкъ покоряемыхъ адыге уничтожилъ „смѣсь языковъ“, царившую въ горсти завоевателей.

Внѣшность абадзеховъ очень привлекательна: они выше средняго роста, очень стройны; волосы коротко стригутъ, лѣтомъ бреютъ. Черты лица правильны и пріятны, крючковатыхъ носовъ встрѣчается мало. Иногда встрѣчаются блондины. Женщины миловидны. Бурное прошлое этихъ горянъ, большого племени, способствовало выработкѣ ловкости, смѣлости и неутомимости. Старики, дѣятели борьбы съ русскими, сокрушаются о томъ, что равнинная жизнь, хлѣбопашество, общеніе со станицами, сильное развитіе торгашества губительно дѣйствуютъ на старинныя доблести абадзеховъ. Одѣваются абадзехи, какъ и раньше, въ общечеркесскую одежду. Въ старые годы всѣ дѣвушки носили островерхія шапки-колпаки, обвитыя параллельными полосами позументовъ. Въ настоящее время абадзехскій аулъ имѣетъ видъ довольно благоустроеннаго селенія. Въ старину было не такъ: издали аулъ являлъ собою группы сѣрыхъ саклей-шалашей; онѣ были едва обмазаны глиной, сверху лежалъ безпорядочными космами тонкій покровъ изъ соломы; нѣсколько тщательнѣе строилась „хозяйская“ сакля, женское отдѣленіе, куда запрещенъ былъ доступъ мужчинамъ, и куда самъ хозяинъ осмѣливался прокрадываться поздно ночью. Въ „хозяйской“ была и спальня, и дѣтская, и кухня, и кладовая. Близъ „хозяйской“ былъ пристроенъ амбаръ, гдѣ хранились съѣстные припасы; амбаръ обыкновенно бывалъ рубленный. Далѣе стоялъ сарай для лошадей. Наконецъ, въ почтительномъ отдѣленіи была кунацкая, гдѣ весь день сидѣлъ самъ хозяинъ и куда ему изъ „хозяйской“ присылался обѣдъ: шашлыкъ, жареное въ маслѣ мясо, обильно приправленное перцемъ; курица съ соусомъ изъ масла, душистыхъ травъ и перца; кукурузная похлебка, вареное просо, приправленное кислою сывороткою, вареное ржаное тѣсто съ масломъ или сыромъ. Бузу держали въ мѣхахъ. У хорошей хозяйки было нѣсколько мѣховъ, и каждый былъ наполненъ мукою извѣстнаго сорта. Ѣли съ помощью ложекъ, выдѣлывавшихся довольно изящно изъ буковаго дерева или изъ рога, и съ помощью ножей. Въ зажиточномъ домѣ можно было найти большіе лари съ дверцами; въ нихъ помѣщались праздничныя одежды, цѣнныя вещи, изысканные съѣстные припасы; на стѣнахъ висѣли открытые шкапчики для деревянной посуды, ложекъ, котелковъ; множество корзинъ, плетенокъ для сыженія сыра, скамеечекъ, круглыхъ низенькихъ столиковъ наполняло „хозяйскую“. Въ спальной стояли деревянныя кровати, иногда съ рѣзбою и инкрустаціями; у бѣдныхъ же кровати замѣнялись нарами изъ плетеныхъ изъ хвороста щитовъ, покрытыхъ слоемъ глины.

Абадзехи, какъ и всѣ адиге, на воспитаніе обращали серіозное вниманіе. Мальчикъ и юноша въ старину воспитывались очень строго: изъ нихъ вырабатывали воина, владыку семьи, свободнаго и свободолюбиваго члена демократическаго государства, какимъ была Абадзехія.

Мальчики воспитывались на женской половинѣ, въ „хозяйской“, до 7 лѣтъ. Отецъ тогда упражнялъ сына въ метаніи ножа, копья, камня, кинжала, въ стрѣльбѣ въ цѣль, сначала въ неподвижную, затѣмъ въ движущуюся; мальчики „пронзали въ облакахъ орловъ“, какъ это Пушкинъ отмѣтилъ въ своемъ „Кавказскомъ плѣнникѣ“. Затѣмъ слѣдовала верховая ѣзда, джигитовка со всѣми ея головоломными упражненіями. Идя на охоту, отецъ бралъ сына съ собою и пріучалъ его ко всѣмъ охотничьимъ хитростямъ, объясняя привычки и свойства звѣрей, училъ подражать ихъ крику. Абадзехи, лѣсные люди, во многомъ напоминали индійцевъ Купера: они имѣли множество условныхъ знаковъ, криковъ, свистовъ; они отличались необыкновенною чуткостью, ловкостью въ преслѣдованіи добычи, мышечною силою: они зачастую въ одиночку отправлялись на опасную охоту за зубрами, барсами и медвѣдями. Безъ сомнѣнія, мальчикъ выросшій въ подобной охотничьей и боевой обстановкѣ, самъ становился отважнымъ охотникомъ и опаснымъ воиномъ.

У абадзеховъ былъ въ большомъ ходу обычай аталычества. Особенно онъ развился благодаря множеству кабардинскихъ княжескихъ семействъ, бѣжавшихъ въ горы Б. и М. Лабы. Всѣ абадзехскіе уорки (дворяне) имѣли „аталыковъ“, т.-е. воспитателей своихъ сыновей или дочерей. Впослѣдствіи аталыкомъ стали звать и воспитанника. Для шльфокотля (свободнаго крестьянина) было и почетно и выгодно принять на воспитаніе ребенка богатаго, сильнаго и знатнаго человѣка. Съ другой стороны, уоркъ считалъ необходимымъ удалить отъ себя дѣтей, чтобы получить не изнѣженныхъ, а сильныхъ юношей и дѣвушекъ. Воспитатель прилагалъ всѣ усилія, чтобы его воспитанникъ былъ совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ: это былъ самый бдительный гувернеръ всецѣло овладѣвавшій помыслами воспитанника; неудивительно, поэтому, что аталыковъ любили больше, чѣмъ родныхъ отцовъ.

Съ 17 лѣтъ юноша уже начиналъ участвовать въ хищническихъ предпріятіяхъ, въ „купѣ“, небольшой шай-

ки, промышлявшей разбоемъ. Заслужить прозвище храбраго было мечтой каждаго юноши. Выйти замужъ за такого храбреца было мечтой каждой дѣвушки.

Въ мирное время юноши и дѣвушки свободно сходились, устраивались хороводы. Молодежь любитъ „сумерничать“, особенно подъ пятницу. Въ вечернемъ воздухѣ надъ ауломъ виситъ до глубокой ночи какой-то плачущій вой, похожій на теноровый тонъ паровознаго гудка въ отдаленіи или на вопль комара, приближающагося къ уху,—это тягучій плачъ поющаго абадзеха. Мужчины женятся обыкновенно въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ; дѣвушки же отъ 18 до 20. Калымъ уорковъ доходитъ до 900 р., тльфокотли платятъ 600 р., пшитли—400—500 р. Изъ общей суммы калыма половина выдается на руки женѣ. Жена находится въ полной зависимости отъ мужа, но въ съ семействахъ уорковъ пользуется большой свободой и самостоятельностью.

У абадзеховъ отчетливо сохранились воспоминанія о языческомъ культѣ. Представленіе о Единомъ Богѣ древнимъ абадзехамъ тоже не было чуждо. Божество это они называли Ахынъ. Приносить жертву Ахыну они собирались къ священнымъ дубамъ; здѣсь они рѣзали священную корову, старики призывали Ахына помочь народному бѣдствію, затѣмъ корова дѣлилась на части и тутъ же съѣдалась.

Магометанство насаждено среди черкесовъ крымцами; по словамъ кабардинскихъ преданій, по приказанію турецкаго султана, крымскіе ханы Девлетъ-Гирей и Хазъ-Гирей (въ 1717 г.) распространяли исламъ огнемъ и мечемъ. Магометанство пришлось вполнѣ по душѣ абадзехамъ, ибо воинствующая религія давала полный просторъ воинственнымъ наклонностямъ абадзеховъ.

Отношенія между сословіями у абдзеховъ, начавшихъ позже другихъ черкесскихъ племенъ жить государственною жизнью, были гораздо проще, чѣмъ у сосѣднихъ бжедуховъ или кабардинцевъ. Никто изъ потомковъ семи родоначальниковъ, первонасельниковъ долины Тубе не возвысился до званія „пши“ (князья), и всѣ они оставались уорками (дворянами); уорки 2 класса (тльфокотли) были скорѣе свободными землепащцами, нѣчто въ родѣ нашихъ одноодворцевъ. Они были потомками свободныхъ воиновъ, приселившихся къ обществамъ первонасельниковъ Абадзехіи. Классъ пшитлей (несвободныхъ крестьянъ) явился результатомъ завоеванія и покупки плѣнныхъ или ихъ потомковъ; кромѣ этихъ классовъ, у абадзеховъ существовалъ многочисленный классъ азатовъ, вольноотпущенниковъ.

Абадзехскіе уорки, за рѣдкими исключеніями, не пользовались вліяніемъ дальше своей общины (псухо). Только вліятельная фамилія Едыге, жившая въ обществахъ Тубе, Темъ-даши, Джанкотъ-Хабль имѣла особенный вѣсъ: ее и понынѣ абадзехскіе старики ставятъ на первомъ мѣстѣ при перечисленіи знаменитыхъ уоркскихъ фамилій.

Каждая община (псухо) управлялась мірскою сходкою (за-уча) и была совершенно независимой политической единицей. Только борьба съ русскими дала большой толчокъ къ сплоченію отдѣльныхъ „псухо“, что въ послѣдствіи вызвало образованіе общеабадзехскаго союза. Благодаря дѣятельности наибовъ Шамиля, Хаджи-Магомета и Магометъ-Эмина народныя собранія значительно упорядочились, и ихъ рѣшенія стали пріобрѣтать силу закона. Магометъ-Эминъ проявилъ необыкновенную энергію, преобразовывая Абадзехію въ государство. Онъ раздѣлилъ народъ на общины по 100 дворовъ въ каждой; управлялись они избранными народомъ старшинами. Всѣ общины составили 4 округа; въ каждомъ изъ нихъ было центральное управленіе, носившее названіе *„мягкеме“*. Это былъ цѣлый поселокъ: въ каждомъ мягкеме находились мечеть, судъ, духовное училище, яма для преступниковъ и противниковъ новаго порядка вещей, помѣщеніе для муфтія и трехъ кадіевъ, управлявшихъ и судившихъ въ своемъ округѣ, помѣщеніе для конной стражи, провіантскій магазинъ, конюшни; все мягкеме было обнесено валомъ и рвомъ. Содержалось мягкеме на счетъ народа. Мягкеме были на Бѣлой, Пшехѣ, Пшишѣ и Псекупсѣ.

Абадзехи очень рано пришли въ столкновеніе съ русскими. Отмѣтимъ главнѣйшія боевыя событія на Западномъ Кавказѣ, въ которыхъ принимали участіе абадзехи.

Въ 1824 г., 8-го марта, Кацыреву, извѣстному сотруднику Вельяминова въ охраненіи „праваго фланга“, донесли, что на Бѣлой собирается многочисленное скопище горцевъ: онъ рѣшилъ прекратить его наступательное движеніе, и съ этою цѣлью предпринялъ туда движеніе съ ширванцами, съ линейными казаками и пятью конными орудіями. У рѣки, которая широко разлилась, произошла встрѣча съ абадзехами, густою массою занявшими опушку лѣса на противоположномъ берегу рѣки и открывшими оживленную перестрѣлку. Ширванцы и орудія отогнали черкесовъ отъ рѣки. Линейцы съ храбрымъ маіоромъ Дадымовымъ вплавь переправились черезъ Бѣлую, сожгли сосѣдній аулъ, перегнали на другую сторону рѣки около 200 головъ рогатаго скота. Кацыревъ съ тріумфомъ вернулся на „линію“. Въ октябрѣ того же года конная партія около 800 человѣкъ, состоявшая изъ бѣглыхъ кабардинцевъ и абадзеховъ, подъ начальствомъ извѣстнаго въ горахъ наѣздника темиргаевскаго князя Джамбулата Айтекъ-Болотоко, двигалась изъ бассейна Лабы въ кабарду, чтобы увезти оттуда мирные аулы. Близъ деревни Сабль Джамбулатъ отбилъ табунъ лошадей числомъ около 3,000. Ногайцы пытались было его отбить, но были окружены абадзехами. Казачья команда есаула Попова поспѣшила имъ на выручку, но была также окружена на берегу р. Барсуклы. Казаки около 25 человѣкъ, геройски защищались, но въ концѣ концовъ, всѣ были изрублены абадзехами. Джамбулатъ съ богатою добычею спокойно отступилъ въ горы. Въ іюнѣ 1825 г. Вельяминовъ уже двигался къ мѣсту сліянія Куржипса съ Бѣлой, отражая нападенія абадзеховъ на обозъ. Цѣлью экспедиціи было истребленіе аула абадзехскаго уорка Хаджи Тляма. Ставши лагеремъ на мѣстѣ нынѣшняго города Майкопа, Вельяминовъ заложилъ здѣсь укрѣпленіе, и въ августѣ, преодолѣвъ упорное сопротивленіе абадзеховъ, сжегъ аулъ. Отступая, онъ потерялъ болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными. Здѣсь былъ убитъ знаменитый Дадымовъ. Абадзехи въ конномъ и пѣшемъ строю въ кинжалы атаковали войска. Однако, эти нападенія не помѣшали отряду истребить огнемъ всѣ окрестные аулы.

Въ 1829 г. Анапа была взята; но турки не хотѣли успокоиться, и послали Гассана-пашу поднять черкесовъ и обрушиться на „линію“, но во время принятыя мѣры, выразившіяся, главнымъ образомъ, въ сосредоточеніи на черноморской и кавказской линіяхъ большого числа войскъ, остановили движеніе турокъ; однако, вышеупомянутый Джамбулатъ Айтекъ-Болотоковъ продолжалъ свои набѣги на линію, и вынудилъ генерала Эммануэля, покорителя Карачая, наказать горцевъ, и онъ разгромилъ бѣглыхъ кабардинцевъ, бесленвцевъ, темиргоевцевъ и абадзеховъ; черкесы понесли большія потери. Бассейнъ обоихъ Зеленчуковъ, обѣихъ Лабъ, Бѣлой до Курджипса былъ преданъ огню и мечу: двѣсти десять деревень, огромные запасы хлѣба и сѣна уничтожены, захвачено много скота. Абадзехи были доведены до такой крайности, что за съѣстные припасы промѣнивали у насъ табуны, стада, предлагали на мѣну своихъ дѣтей.

Въ 1841 г., послѣ битвы на Фарсѣ со скопищемъ горцевъ, преимущественно абадзеховъ и темиргоевцевъ, генералъ Засъ рѣшилъ „линію“ съ Кубани передвинуть на Лабу. Абадзехи были отодвинуты къ верхнему теченію Бѣлой, Ходза, Псефора, Фарса; съ другой стороны, эта мѣра пробудила идею солидарности всѣхъ черкесскихъ племенъ: абадзехи первые обратились къ Шамилю съ просьбою прислать имъ наиба. Шамиль послалъ Хаджи-Магомета въ 1842 г. Наибъ произвелъ рядъ набѣговъ на линію, но вскорѣ умеръ, и въ 1845 г. Шамиль при-

слалъ другого наиба Солимана-эфенди, но онъ вскорѣ вернулся въ Чечню.

Оставшись безъ главы, абадзехи притихли: лѣтомъ въ 1846 г. четыре абадзехскія общества заключаютъ съ нами первый мирный договоръ.

Въ 1848 г. къ абадзехамъ прибылъ замѣчательный по уму и настойчивости человѣкъ, въ теченіе десяти лѣтъ причинившій русскимъ не мало тревогъ и пролившій не мало крови, сражаясь за идею мюридизма и за самостоятельность черкесскихъ племенъ: это былъ Магометъ-Аминъ, наибъ Шамиля.

По его приказанію, каждый дворъ обязанъ былъ выставлять по одному всаднику: очередные всадники не имѣли права отлучаться изъ аула безъ дозволенія и должны были являться на сборные пункты по первому требованію. Вскорѣ наибъ подчинилъ своей власти окрестныя племена. Аминъ удачно сражался противъ русскихъ, пока не былъ разбитъ на голову Евдокимовымъ, что вызвало отпаденіе отъ него большинства племенъ.

Къ веснѣ 1853 года онъ сдѣлался опять главнокомандующимъ всѣхъ черкесскихъ племенъ, попытался прорваться въ Карачай, но былъ отброшенъ Евдокимовымъ. Происки Сеферъ-бей Зана весьма умалили власть Эмина, и хотя впослѣдствіи онъ вновь сталъ правителемъ абадзеховъ, однако, прежняго успѣха не имѣлъ. Потерявъ надежду на успѣхъ своего дѣла Эминъ 20-го ноября 1859 года торжественно присягнулъ съ абадзехами на подданство Россіи. Однако, скоро абадзехи вновь возстали, но были Евдокимовымъ доведены до безвыходнаго положенія, и въ 1863 году послали къ нему депутацію, которая и подписала договоръ, обязывавшій весь абадзехскій народъ къ 1-му февраля 1864 г. начать переселеніе на плоскость; прочіе же должны были въ $2^1/_2$ мѣсячный срокъ покинуть предѣлы имперіи.

Горцы, надѣясь на помощь Турціи, однако, не покидали ауловъ, не прекращали своего образа жизни, хозяйничали, и застигнутые врасплохъ, не имѣли возможности уничтожить богатую жатву: запасы обмолоченнаго хлѣба, котлы, земледѣльческія орудія, они сбрасывали въ овраги, минеральные ключи забивали хворостомъ, воду въ колодцахъ портили трупами павшихъ животныхъ. Одинокіе абадзехи, разсчитывая на возможность скрыться въ неприступныхъ трущобахъ, и не думали оставлять родину; впослѣдствіи многіе изъ нихъ погибли отъ голода; большая же часть была взята въ плѣнъ охотниками изъ казаковъ; только нѣсколько десятковъ, просуществовавъ въ горахъ лѣтъ 5 исчезли неизвѣстно куда. Толпы выселенцевъ направлялись вверхъ по Псекупсу и черезъ Гойтхскій перевалъ спускались въ Туапсе, гдѣ ихъ ждали суда для перевозки въ Турцію. На берегу моря устроился огромный рынокъ, на которомъ продавался не только скотъ, но и рабы, скупавшіеся мирными горцами и турками; цѣны стояли низкія: дѣвочки и мальчики до 10 лѣтъ продавались отъ 10 до 30 руб., быкъ 3—5 р., корова 2—3 руб. Разсказываютъ слѣдующій трогательный случай, характеризующій любовь горца къ родинѣ, коню и оружію: одинъ изъ абадзехскихъ воиновъ, прекрасно вооруженный и „доброконный", въ теченіе нѣсколькихъ дней искалъ покупателя для своей лошади и оружія; наконецъ, встрѣчая вездѣ низкую цѣну, обратился къ русскому офицеру: тотъ предложилъ все свое серебро—около 20 руб. Сосчитавъ деньги, абадзехъ горько улыбнулся, возвратилъ ихъ офицеру; затѣмъ, вскочивши на коня бросился въ море. Долго плылъ онъ на глазахъ всего рынка, пока не скрылся подъ водою.

Въ настоящее время абадзехи разселены по всѣмъ черкесскимъ ауламъ Екатеринодарскаго и Майкопскаго отдѣловъ, большая ихъ часть живетъ въ послѣднемъ.

А. Дьячковъ-Тарасовъ.

Карачай и карачаевцы.

Территорія, занимаемая народомъ карачаевцевъ, лежитъ въ бассейнѣ верхняго теченія Кубани и ея притока Теберды, на сѣверо-западъ отъ подножія Эльбруса, по сѣверному склону Главнаго хребта. Это типическая горная страна, расчлененная 3 узловатыми массивными кряжами, упирающимися въ главную цѣпь почти подъ прямымъ угломъ. Средній хребетъ дѣлитъ Карачай на двѣ, мѣстами суживающіяся, мѣстами расширяющіяся долины со множествомъ ущелій, покрытыхъ лѣсомъ; здѣсь встрѣчается береза, грабъ, букъ, дубъ, кленъ, ясень, ближе къ Главному хребту (долина Хурзука и Уллукама) преобладаетъ сосна, а въ верховьяхъ Теберды пихта и ель. По восточной долинѣ бѣжитъ по гранитному и фельзитъ-порфировому руслу, усѣянному огромными валунами, несется каскадами Кубань, образующаяся въ аулѣ Учькуланѣ изъ сліянія рр. Учькулана и Уллукама, вытекающаго непосредственно изъ-подъ снѣговъ Эльбруса; съ лѣвой она принимаетъ Дуутъ, а съ правой пѣнистый Худесъ и Индышъ, по живописному ущелью котораго можно легко добраться до Кисловодска (отъ индышскаго рудообогатительнаго завода общества „Эльбрусъ" всего 60 верстъ). Выбѣгая на болѣе широкую долину близъ Хумаранскаго укрѣпленія и принявъ быструю и многоводную Теберду, Кубань образуетъ большую рѣку, весьма удобную для сплава лѣса изъ богатой тебердинской долины, мѣстности, имѣющей будущность превосходной климатической станціи. Кубанское ущелье отличается скорѣе мрачнымъ, величественнымъ видомъ, особенно близъ Эльбруса. Мѣстность близъ главнаго аула Картъ-Джюрта, а также близъ Учькулана, Хурзука, Дуута бѣдна растительностью, когда-то, по преданію, густо покрывавшею эти каменистые, съ обширными сѣрыми осыпями склоны. Однако, эти скалы скрываютъ несмѣтныя богатства, заключающіяся въ серебро-свинцевой рудѣ[1]) (окрестности рр. Худею и Дуута), каменномъ углѣ (особенно вблизи кабардинскаго аула Хумара), мѣди, цинкѣ, желѣзнякѣ, мѣдной сини, зелени, графитѣ (мощность пласта равняется 1 саж.). Этотъ рудный участокъ находится въ 146 верстахъ отъ станціи Невинномысской Владикавк. желѣзной дороги; сюда-то и направлялась руда по довольно хорошо разработанной дорогѣ черезъ Хумару и станицу Баталпашинскую, главный административный пунктъ Баталпашинскаго отдѣла, Кубанской области, въ которомъ находится и Карачай. Вообще карачаевскіе пути сообщенія довольно удобны даже для почтовой телѣжки; особенно хорошо разработана шоссированная дорога по Тебердинскому ущелью до аула Теберды; выше же этого пункта до самаго Клухорскаго перевала она страдаетъ большими дефектами и у самаго перевала превращается въ горную вьючную тропу, исчезающую подъ снѣговыми массами.

Въ общемъ, карачаевскій пейзажъ красивъ и грандіозенъ. Краснозеленыя сосны, громоздящіяся по причудливымъ скаламъ, кажутся вѣковыми деревьями, выросшими на зубчатыхъ стѣнахъ старинныхъ замковъ; волокнистыя облака, спускающіяся въ долину—дымомъ безмолвной канонады... Сосны, пихты, березы, ели... и тишь, горная тишь, красиво оттѣняемая глухимъ рокотомъ рѣки!.. Вы проѣхали по ущелью верстъ тридцать: оно расширяется, лѣса смѣняются кустарникомъ, видны красно-сѣрыя осыпи кряжей, нѣкогда лежавшихъ подъ ледниками; вдали подымается синій хребетъ, за нимъ серебряною бахромою сверкаютъ вѣчные снѣга, голубѣютъ ледники, едва замѣтны сѣдловины перевалов. Налѣво блещетъ бѣлымъ золотомъ ледяная громада Эльбруса, внизу синѣютъ глубочайшія ущелья, ближе ярко зеленѣютъ поля ячменя. Чудные альпійскіе виды!.. Но какъ здѣсь жалокъ человѣкъ!..

[1]) Эксплоатація этой руды производилась на худесскихъ рудникахъ, на плавильномъ, электро-литическомъ и рудообогатительномъ заводѣ общества „Эльбрусъ", нынѣ прекратившаго свою дѣятельность.

Горный пастухъ, овцеводъ и коневодъ, проводящій лѣто на кочевьяхъ по склонамъ „сѣдовласаго Шата“, а на зиму отгоняющій свои стада на предгорья и плоскость, карачаевецъ мало живетъ въ своемъ непривлекательномъ селеніи, издали похожемъ на кучи толстыхъ бревенъ.

Карачаевцы—народъ магометанскаго вѣроисповѣданія, говорящій татарскимъ нарѣчіемъ, близкимъ къ казанскому,—числомъ душъ обоего пола не превышаетъ 32 тысячи[1]). Главныя занятія карачаевцевъ овцеводство, коневодство и скотоводство. Особенною славою пользуются карачаевскія овцы. Средняго роста, на короткихъ ножкахъ, карачаевскія овцы отличаются бѣлымъ длиннымъ глянцеватымъ руномъ, считающимся нѣжнѣе лейчестерскаго; у барановъ виситъ изъ-за щекъ почти до самыхъ колѣнъ, густая шерсть, что придаетъ имъ очень красивый видъ. Овцы довольно хорошо переносятъ зиму: онѣ приспособились и къ климату, очень суровому, и къ этимъ крутымъ каменистымъ скаламъ, гдѣ каждое удобное мѣстечко отведено подъ посѣвы ячменя; при чемъ послѣдняго хватаетъ только на 2½ мѣсяца, такъ что карачаевцамъ приходится покупать хлѣбъ на плоскости, въ станицахъ. Кромѣ того, большой недостатокъ ощущается и въ сѣнѣ; жители ревниво оберегаютъ каждое удобное для сѣнокоса мѣстечко и тщательно огораживаютъ его низкимъ заборомъ изъ камней, въ изобиліи усѣивающихъ долины.

Намъ приходилось видѣть, какъ карачаевскіе косари заботливо косятъ свое сѣно: они становятся на колѣни и такъ движутся по усѣянному мелкими камнями полю, стараясь какъ можно ниже срѣзать траву. Въ концѣ зимы, особенно затянувшейся, путешественникъ можетъ видѣть грустную картину, какъ истощавшій скотъ копытами пробываетъ слежавшійся по склонамъ снѣгъ и добываетъ прошлогоднюю траву; овцы же не въ силахъ дѣлать того же, и губнутъ поэтому сотнями. Нѣкогда знаменитыя карачаевскія лошади въ настоящее время утрачиваютъ свои высокія качества—выносливость, быстроту и осторожность, ибо хозяева заботятся о количествѣ головъ въ табунѣ, а не объ улучшеніи породы посредствомъ скрещиванія съ лучшими экземплярами некарачаевской породы. Обычай считать богатство по числу головъ скота, а затѣмъ традиціонное скотокрадство и конокрадство оправдываютъ нѣсколько карачаевца въ такомъ веденіи хозяйства.

Скотоводство обусловило и распредѣленіе времени карачаевца, ограничило его потребности, препятствовало развитію ремеслъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ приблизило его къ природѣ, сдѣлало наивно-добродушнымъ, воспріимчивымъ ко всему новому, способнымъ въ рукахъ опытнаго цивилизатора ко всякаго рода реформамъ. Съ половины мая населеніе Карачая переселяется на альпійскія высоты, на „коши“—лѣтовья; въ аулахъ остаются сторожа-старики, по одному на кварталъ. Въ Джазлыкѣ, наприм., даже писарь временно переводитъ свою канцелярію на кошъ, ибо въ аулѣ ему положительно нечего дѣлать. Съ начала сентября начинается обратное движеніе: карачаевецъ спускается въ долины и на короткое время становится гостемъ въ родномъ аулѣ; стада гонятся далѣе на зимовку, на станичныя земли. Кочевая жизнь дѣлаетъ карачаевца крайне невзыскательнымъ въ пищѣ, въ одеждѣ, неряшливымъ, невнимательнымъ къ требованіямъ религіи. Онъ по-преимуществу плотоядецъ: лѣтомъ ѣстъ свѣжее мясо—вареное и жареное (часто безъ хлѣба и соли), зимою—вяленое; его приготовляютъ исключительно женщины. Путешественникъ съ изумленіемъ смотритъ, съ какимъ сладострастіемъ и умѣніемъ канибала карачаевцы потрошатъ, варятъ, а затѣмъ пожираютъ барана, не заботясь ни о хлѣбѣ, ни о соли. Свѣжаго путешественника, вошедшаго въ толпу карачаевцевъ непріятно поразитъ смѣсь разнообразныхъ запаховъ, надъ которыми доминируетъ, впрочемъ, запахъ стараго бараньяго сала; даже мѣстные аристократы не свободны отъ этого поистинѣ національнаго запаха.

Особенность карачаевскихъ ауловъ—проточная вода; горцы эти искусники въ дѣлѣ отвода отъ рѣки множества канавъ. Однако обиліе воды не мѣшаетъ имъ быть удивительно нечистоплотными, такъ что даже осетины въ Георгіевскомъ поселкѣ, тоже не отличающіеся чистоплотностью, увѣряли насъ, что карачаевцы никогда не моются. Не удивительно, поэтому, что накожныя болѣзни, особенно чесотка, свирѣпствуетъ здѣсь; врачебная помощь, въ лицѣ фельдшера, развозящаго мазь противъ чесотки, мало дѣйствительна. Гораздо серіознѣе опасность является со стороны проказы, занесенной въ Карачай, по преданію, крымскимъ татариномъ Гассаномъ. Карачаевцы называютъ проказу „куртъ-ауру“ (червивая болѣзнь), вмѣстѣ съ тѣмъ они обнаруживаютъ большую неосторожность въ сношеніяхъ съ больными: прокаженные нигдѣ не изолированы, живутъ и умираютъ въ аулѣ, въ кругу своихъ семей. Карачаевцы считаютъ проказу наслѣдственной болѣзнью. Намъ пришлось видѣть двухъ прокаженныхъ; изъ нихъ одинъ былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати; онъ являлъ собою типичный видъ прокаженнаго: отсутствіе бровей, распухшій лобъ, изрытое лицо, напоминавшее нѣчто львиное; пальцы на рукахъ были искривлены, нѣкоторые отпали; сухая нога блестѣла точно желтая полированная кость. Проказа распространена по всему Карачаю, и нѣтъ ни одного изъ десяти ауловъ, гдѣ бы не было прокаженныхъ, общее число которыхъ восходитъ до 35 человѣкъ.

Частое отсутствіе изъ дому не заставляетъ карачаевца совершенствовать свою убогую саклю. Путешественникъ съ любопытствомъ разсматриваетъ карачаевскія жилища, если только эти длинные сараи, съ фашинами на крышахъ, вмѣсто трубъ, можно назвать жилищами. Особенно типичны эти сакли-сараи въ Картъ-Джюртѣ, самомъ древнемъ карачаевскомъ аулѣ; всѣ онѣ построены срубами изъ бревенъ до 10 вершковъ толщины; крыши двускатныя, съ легкимъ наклономъ, покрыты толстымъ слоемъ земли, дающимъ обильную растительность: поэтому, если смотрѣть съ сосѣдней вершины, аулъ имѣетъ видъ зеленаго луга пересѣченнаго черными и сѣрыми полосами—дворами и переулками; улицъ нѣтъ, ибо дома строились не по опредѣленному плану, но сообразно съ условіями рельефа мѣстности; при этомъ недостатокъ земли заставлялъ тѣсниться до послѣднихъ предѣловъ. Всякій карачаевскій домъ дѣлится на женскую и мужскую половину; чтобы проникнуть въ послѣднюю, путешественникъ долженъ согнуться насколько возможно, и тогда только онъ можетъ перешагнуть полуаршинный порогъ узкой овальной двери, и увидитъ себя въ кунацкой: закопченый потолокъ подпертъ столбами; прохладно и темно: свѣтъ проникаетъ черезъ широкій раструбъ очага, спускающійся довольно низко; оттуда торчитъ крюкъ на желѣзной цѣпи, на которомъ виситъ черный котелъ; вверху, у потолка, пробиты узкія щели, заслоняемыя зимою дощечками. Широкія нары-диваны, идущіе вдоль стѣнъ, покрыты коврами. Я вошелъ въ одинъ изъ такихъ домовъ близъ мечети; это была „арабская“ школа: въ маленькой комнатѣ, увѣшанной коврами и бѣлой воловьей шкурой, на которой учитель, быстроглазый брюнетъ, творитъ намазъ, толпилось десятка два дѣтей и подростковъ. Я взялъ у одного изъ нихъ книжку: это былъ рукописный арабскій букварь, съ маленькими фразами для упражненій. „Послѣ этой книги мы читаемъ коранъ“, объяснилъ мнѣ учитель; „потомъ идетъ теджюдъ—церковные стихи, далѣе катехизисъ и, наконецъ, толкованіе на коранъ. Дѣти занимаются отъ 8 до 12 часовъ утра“. „А хо-

[1]) Карачаевцы живутъ въ слѣдующихъ 10 аулахъ: *Картъ-Джюртъ* на правомъ берегу Кубани—2376 м. и 2475 ж.; *Хурзукъ*—на правомъ берегу Уллукама—1893 м. и 1875 ж.; *Учькуланъ*—2703 м. и 2653 ж.; *Дуутъ*—332 м. и 328 ж.; *Джазлыкъ*—615 м. и 601 ж.; *Мара*—590 м. и 580 ж.; *Ташъ-Купыръ* (Каменномостскій)—279 м. и 235 ж.; *Сенты*—205 м. и 280 ж.; *Теберды*—235 м. и 204 ж.; *Джегута*—600 м. и 602 ж.

рошо они учатся?" спросили мы. Учитель, вмѣсто отвѣта, съ улыбкою показалъ на короткую, толстую палочку, бывшую въ его рукахъ и уже залакировавшуюся отъ употребленія. Мы просили его продолжать урокъ. Ученики упражнялись въ хоровомъ чтеніи церковныхъ стиховъ. Намъ хотѣлось удостовѣриться, сознательно ли они читаютъ: мы просили перевести одно-другое слово,—въ большинствѣ случаевъ ученики не понимали значенія слова: арабскіе стихи, очевидно, заучивались наизусть механически.

Карачаевцы большіе любители ничегонедѣланія: по цѣлымъ часамъ они простаиваютъ на углахъ, передавая новости, останавливая прохожихъ и втягивая ихъ въ разговоръ; если же карачаевецъ въ дорогѣ встрѣтитъ чиновника въ сопровожденіи конвойнаго, онъ немедленно присоединяется къ нимъ и не отстанетъ, хотя бы ему пришлось вернуться на мѣсто отправленія, пока не узнаетъ, кто, куда, зачѣмъ ѣдетъ. Все это передается встрѣчному земляку. Неудивительно поэтому, что малѣйшая новость быстро облетаетъ весь Карачай. Въ этомъ отношеніи карачаевцы весьма похожи на цезаревскихъ галловъ. По адату (обычное право), карачаевцы не могутъ заниматься торговлею; это обстоятельство также увеличиваетъ ихъ досугъ. Всѣ лавки въ аулахъ принадлежатъ горскимъ евреямъ изъ Джеутинскаго поселка; торговля мѣновая—на домашнихъ птицъ, яйца, молоко, масло, сыръ, шерсть, овецъ; лошадь рѣдко идетъ въ обмѣнъ на товаръ—стыдно; мужчины стыдятся даже заходить въ лавки,—это дѣло женщинъ. Послѣднія заняты гораздо больше, нежели мужчины: онѣ прядутъ шерсть, дѣлаютъ бурки, шьютъ черкески или папахи, вышиваютъ; но ковровъ дѣлать не умѣютъ: ихъ привозятъ изъ-за Закавказья. Положеніе женщины довольно свободное, самостоятельное; это, конечно, обусловливается характеромъ народа, его исторіей, мирнымъ трудомъ. Мягкость характера карачаевцевъ, воспоминанія о многочисленныхъ лишеніяхъ, перенесенныхъ во время продолжительныхъ странствованій предковъ, сознаніе своей малочисленности, изолированное положеніе среди чуждыхъ по языку горцевъ—все это способствовало тому, что Карачай оказалъ слабое сопротивленіе русскимъ.

Происхожденіе народа карачаевцевъ, даже происхожденіе имени „Карачай" невполнѣ ясно и для самихъ карачаевцевъ: въ Картъ-Джуртѣ, напр., намъ разсказывали, что слово „карачай" (собств. по-татарски черная вода, рѣка) то же, что и кара-шай—черный чай; что такимъ-де именемъ называютъ траву, растущую на черноморскомъ склонѣ хребта; что настой-де этой травы нѣкогда употреблялся карачаевцами въ качествѣ чая,—поэтому-де окрестные народы, употреблявшіе кизилъ-шай (красный, обыкновенный чай), и прозвали ихъ карачаевцами. Въ Хурзукѣ, въ аулѣ близъ Эльбруса, старики рѣшительно отвергли вышеупомянутое объясненіе имени „карачай" и производили его отъ своего родоначальника—Карачая, который иногда смѣшивается съ другимъ родоначальникомъ—Карчою. Собранные нами разсказы карачаевскихъ стариковъ рисуютъ слѣдующую легендарную картину прошлаго этого народа. У одного крымскаго хана было двѣ жены: одна была ханскаго рода, другая—простолюдинка; у первой было четыре сына, у второй—три: Будуянъ, Наурузъ и Адурхай. Въ семьѣ произошли раздоры: дѣти простолюдинки попытались овладѣть престоломъ. Это имъ не удалось, и они принуждены были бѣжать; къ нимъ присоединилось 60 семействъ и одинъ родственникъ, богатырь Карча. Поселились они на Кавказѣ, въ мѣстности, называемой Иналъ-куба. Здѣсь къ нимъ присоединился выходецъ изъ Турціи, сынъ военноначальника, бѣжавшій изъ турецкаго города Эски-шахаръ (Старъ-городъ); звали его Карачай; у него было три сына. Кромѣ того, къ нимъ пристали родъ Хубіевыхъ, изъ племени „малкарцевъ" (не балкарцевъ), жившихъ-де около Сухума. Позднѣе къ нимъ присоединились: родъ Узденевыхъ изъ племени кизилъ-бековъ; Крымъ-шамхалъ, выходецъ изъ Крыма, родоначальникъ богатаго и вліятельнаго нынѣ рода Крымшамхаловыхъ. Карачай предлагалъ Карчѣ переселиться въ Турцію, но послѣдній не согласился. Притѣсняемые турками, они переселились на сѣверный склонъ, гдѣ также послѣ ряда скитаній поселились на р. Баксанѣ, близъ Эльбруса, гдѣ прожили 40 лѣтъ. Но и здѣсь они не нашли мирной жизни. Послѣ нѣкоторой борьбы на нихъ наложилъ дань Кази, владѣтель Большой Кабарды. Однако, Карчѣ обидно было платить дань,—послалъ онъ однажды собаку: князь разгнѣвался и разграбилъ селеніе. Карча тѣмъ временемъ бѣжалъ за Эльбрусъ, къ сванетамъ, за помощью. Пришелъ съ войскомъ, напалъ на скотъ кабардинскій и угналъ въ горы. Посовѣтовался Кази съ подручными князьями и рѣшилъ миръ съ Карчою; при томъ карачаевцы получили полную самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и плѣнныхъ, за исключеніемъ двухъ, умершихъ въ плѣну. Вмѣсто нихъ, Кази далъ двухъ кабардинцевъ изъ ауловъ Тахчукъ и Тамбій. Прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды охотникъ, по имени Боташъ, съ двумя товарищами пошелъ охотиться на р. Балыкъ; тамъ онъ ранилъ „марала"; въ погонѣ за нимъ охотники добрались до высотъ Садырла (надъ Хорзукомъ), спустились въ долину Уллукама и остановились на единственной полянкѣ близъ впаденія Уллу-Хурзука въ Уллу-камъ: вокругъ лежали непроходимые лѣса, по Уллу-каму тянулись вербы; нигдѣ не было видно слѣдовъ человѣка. Охотники поставили себѣ на полянкѣ, близъ Баташева камня, шалашъ изъ вѣтвей, покрыли его шкурами туровъ и оленей, во множествѣ водившихся въ окрестностяхъ. Здѣсь они прожили 15 дней и осмотрѣли долины Хурзука, Учькулана и верхней Кубани. Въ „газыряхъ" одного оказались зерна ячменя; Боташъ горной палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ вскопалъ немного земли и посѣялъ тамъ зерна. Послѣ этого они вернулись на Баксанъ и передали своимъ о видѣнномъ. На слѣдующій годъ они опять посѣтили названную мѣстность и увидѣли, что посѣянный ячмень далъ превосходный урожай. Тогда весь народъ рѣшилъ переселиться сюда, въ ущелье Кубани, чтобы быть подальше отъ набѣговъ кабардинцевъ и осетинъ; переселенію содѣйствовалъ моръ, появившійся на Баксанѣ.

Поселились они на мѣстѣ теперешняго Картъ-Джюрта (Эльтюбе). Окрестные лѣса стали вырубаться, стали образовываться аулы. На р. Хурзукѣ былъ, наприм., хуторъ Боташа. Когда эти хутора обратились въ аулы Хурзукъ и Учькуланъ, тогда Эль-тюбе обратилось въ Картъ-Джюртъ (Старое селеніе). Вся земля была раздѣлена на 3 части—по числу ауловъ. Этотъ дѣлежъ, по словамъ одного 120-лѣтняго старика Джанкёзова, произошелъ 587 лѣтъ назадъ, т. е. въ 1309 году, считая съ 1896 г., когда мы бесѣдовали съ Джанкёзовымъ. Безъ сомнѣнія, этой датѣ нельзя придавать серіознаго значенія.

Что касается до борьбы съ русскими, то весьма вѣроятно, что карачаевцы, увлеченные письмами Баталъ-паши, принимали участіе въ сраженіи 30-го сентября 1790 года на берегахъ Кубани, близъ ст. Баталпашинской, гдѣ генер. Германъ разбилъ 30-тысячный отрядъ трехбунчужнаго паши, самого его взялъ въ плѣнъ и разсѣялъ многочисленныя скопища горцевъ, соблазненныхъ идеей турецкаго главнокомандующаго соединить подъ главенствомъ турокъ племена горскія отъ устьевъ Кубани до Каспія и отбросить русскихъ отъ горъ Кавказа.

Карачай покоренъ въ 1828 году.

Въ началѣ этого года карачаевцы принимали дѣятельное участіе въ битвѣ генер. Антропова съ кабардинцами у ст. Незлобной; побѣжденные, они спаслись въ Карачай; русскіе преслѣдовали ихъ; это обстоятельство дало послѣднимъ возможность удостовѣриться, что горныя твердыни, вопреки установившейся молвѣ, хотя съ трудомъ, но доступны для артиллеріи. Осенью того же года областной начальникъ Кавказскаго края и командующій войсками на линіи генер. Г. А. Эммануэль рѣшилъ двинуться на Карачай и лишить его возможности на буду-

щее время дѣлать набѣги на жителей равнины. Русскія войска вступили въ Карачай 20 октября 1828 года. Карачаевцы оказали упорное сопротивленіе: сраженіе длилось 12 часовъ и окончилось полнымъ пораженіемъ карачаевцевъ. Русскіе понесли значительную потерю: 3 офицера и 34 рядовыхъ; ранены: 4 офицера и 116 рядовыхъ. Дальнѣйшее движеніе русскихъ къ аулу Картджюрту произошло безпрепятственно. 22 октября глава карачаевцевъ Валій Исламъ Крымшамхаловъ со всѣми старшинами отъ имени всего народа явился въ лагерь къ Эммануэлю и подалъ слѣдующее заявленіе: „Его превосходительству командующему войсками на кавказской линіи и въ Черноморіи, и начальнику Кавказской области, господину ген.-отъ-кавалеріи и кавалеру Георгію Арсеніевичу Эммануэлю отъ карачаевскихъ владѣльцевъ, нижеподписавшихся, и чернаго народа прошеніе: 1) Повинуясь волѣ вашего превосходительства, обязуемся отнынѣ впредь ни въ чемъ не провиняться противъ Россіи, и виновныхъ людей, какъ-то: кабардинцевъ и проч. къ себѣ отнюдь не принимать и къ нимъ не пріобщаться, быть всегда Россійскому Престолу вѣрноподданными и подтвердить то присягою, и все нами напередъ похищенное—людьми, скотомъ и прочимъ имуществомъ—безъ изъятія подъ присягою возвратить. 2) Въ удостовѣреніе вышеписаннаго даемъ изъ назначенныхъ вами четырехъ фамилій аманатовъ. 3) Буде черезъ наши земли пройдетъ многочисленное черкесское войско для вторженія въ Россію, коихъ мы не въ состояніи будемъ удержать, въ томъ насъ не обвинять; но только тогда о томъ обязаны дать знать, а за тѣхъ, коихъ мы удержать будемъ въ состояніи, отвѣчаемъ. 4) Если кто имѣетъ изъ подданныхъ Россійскаго Императора, подобныхъ намъ мусульманъ, на насъ какую-нибудь претензію или мы на нихъ, предоставить намъ разобраться по нашимъ обычаямъ—шаріатомъ. 5) Для мѣны и торговли учредить намъ на рѣкѣ Кумѣ, у крѣпости Хахандуховской, мѣновой дворъ, дабы мы могли получать тамъ соль, желѣзо, товаръ и хлѣбъ, и были бы пропускаемы въ предѣлы Россіи по своимъ надобностямъ". Къ документу всѣ старшины „приложили перстами чернильные знаки". Эммануэль, взявъ заложниковъ, вернулся на линію. Въ слѣдующемъ году генер. Эммануэль предпринялъ въ Карачай развѣдочную экспедицію, пригласивъ участвовать въ ней и ученыхъ: академія наукъ командировала адъюнкта Ленца (физика), адъюнкта дерптскаго университета Мейера (ботаника), хранителя зоологическаго кабинета академіи Менетри (зоолога), чиновника горнаго департамента Вонсовича (геолога). 29 іюня отрядъ выступилъ изъ Пятигорска. Карачаевцы всполошились, но генералъ успокоилъ присланныхъ старшинъ, объяснивъ цѣль экспедиціи. Въ горахъ экспедиція была встрѣчена проливными дождями, такъ что только 8 іюля отрядъ добрался до истоковъ Малки, гдѣ и расположился лагеремъ. 9 іюля академики начали подъемъ на *Эльбрусъ*, но десятаго вернулись въ лагерь, не одолѣвъ трудностей пути; только Ленцъ съ казакомъ и двумя горцами продолжалъ подъемъ, но и онъ, не дойдя 600 фут. до вершины, повернулъ назадъ. Между тѣмъ отыскался одинъ кабардинецъ, по имени Килларъ, который подымался отдѣльно отъ прочихъ и въ 11 час. утра показался на вершинѣ Эльбруса. Генералъ Эммануэль въ зрительную трубу первый замѣтилъ его на вершинѣ горы и приказалъ стрѣлять изъ орудій. Килларъ получилъ 400 руб. награды. 21-го іюля экспедиція была уже въ Пятигорскѣ; результатами ея были богатыя минералогическія, ботаническія, геологическія коллекціи; далѣе академики открыли свинцовую руду (на Худесѣ), залежи каменнаго угля и другихъ минеральныхъ богатствъ[1]); офицеры же генеральнаго штаба произвели топографическія работы. Словомъ, край былъ всесторонне изслѣдованъ. Эммануэль избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ.

Карачаевцы, народъ тюркскаго происхожденія, все родное, тюркское, потеряли, даже типъ, но сохранили самый консервативный элементъ въ жизни каждаго народа—языкъ: онъ близко подходитъ къ нарѣчію ногайскому, казанскому и къ нарѣчію горскихъ татаръ Нальчикскаго округа.

Народная поэзія карачаевцевъ, по нашимъ изслѣдованіямъ, однородна съ поэзіей адигейскихъ племенъ; здѣсь мы встрѣчаемъ тотъ же дуализмъ, ту же борьбу добраго и злого начала, свѣта съ тьмою, надземныхъ богатырей съ подземными, „нартовъ", съ „эмегенами".

Въ качествѣ образца карачаевскаго эпоса приведемъ одну изъ записанныхъ нами въ Карачаѣ, напоминающую новеллу Боккачьо (8 нов. 7 дня).

Княгиня Сатанай.

Жили на свѣтѣ два нарта Саусурукъ и Доуатъ. Никогда они другъ друга не видали, но много слышали о подвигахъ другъ друга. Однажды, на охотѣ въ лѣсу, они встрѣтились и были очень рады, что познакомились; устроили они себѣ изъ кожъ оленьихъ палатку и стали жить вмѣстѣ, охотиться въ окрестныхъ лѣсахъ. Какъ-то Доуатъ завелъ рѣчь о женщинахъ, говорилъ, что каждую женщину, какъ бы она честна не была, можно соблазнить.

— Ты ошибаешься, Доуатъ,—сказалъ Саусурукъ,— правда, у всѣхъ женщинъ головы похожи на комья снѣга, облѣпившаго весною бурьянъ, и вѣрно, что противъ такого красавца, какъ ты, женщинѣ трудно устоять, но есть на свѣтѣ только одна женщина; она умнѣе всѣхъ женщинъ: ее никто не сумѣетъ соблазнить. Эта женщина—Сатанай-биче, моя жена.

— Давай побьемся о закладъ, что соблазню твою жену,—сказалъ Доуатъ.

— Хорошо,—сказалъ Саусурукъ,—я закладываю 9 дворовъ.

— А я 40 телушекъ и бѣлаго жеребца съ золотистымъ хвостомъ.

Саусурукъ остался охотиться, а Доуатъ поѣхалъ въ замокъ Саусурука. Услышала княгиня: кто-то подъѣхалъ къ замку; выбѣжала на дворъ, видитъ красавца Доуата.

— Я тебя принять не могу: нартъ-бія нѣтъ дома.

— Я это знаю,—сказалъ Доуатъ,—я пріѣхалъ прямо отъ него, а пріѣхалъ я соблазнить тебя: мы съ мужемъ твоимъ закладъ заложили.

— Хорошо,—сказала Сатанай-биче,—ты очень красивъ и мнѣ нравишься. Но такъ стоять намъ вдвоемъ зазорно: сейчасъ полдень, и насъ могутъ замѣтить; обо мнѣ разойдется дурная слава. Дождемся вечера, а пока посиди въ кунацкой.

Проситъ Доуатъ зарѣзать ему барана на шашлыкъ.

— Мы зарѣзали бы тебѣ барана,—велѣла сказать Доуату Сатанай-биче,—да нартъ-бія дома нѣтъ, некому зарѣзать.

— Мнѣ не нужно мужчины,—сказалъ Доуатъ,—пришлите только барана, самъ зарѣжу.

Сатанай-биче послала барана, а сама стала смотрѣть въ щелку, что будетъ дѣлать Доуатъ. Нартъ вынулъ ножъ, бросилъ его о землю,—явились два прислужника: одинъ зарѣзалъ барана, другой шкуру содралъ. Доуатъ ходилъ по кунацкой и казался такимъ высокимъ и красивымъ, что княгиня Сатанай вздохнула и сказала: „нартъ красивъ; всякая женщина полюбила бы его, а я не поддамся".

Послала она къ нему вѣрную дѣвушку сказать, чтобы ждалъ ее поздно вечеромъ. Дѣвушку эту она раздѣла, посадила въ корыто, чисто-на-чисто вымыла, нарядила въ свои драгоцѣнныя одежды. Когда стемнѣло, она опять послала ее къ нарту. До разсвѣта пробыла дѣвушка у нарта. Когда стало свѣтать, она поднялась.

— Подожди,—сказалъ Доуатъ,—надо положить мнѣ на тебя мѣтку.

[1]) Всѣ они до сихъ поръ ни къмъ не разрабатываются.

Взялъ онъ самоцвѣтный, самъ собою раскалявшійся камень и прижегъ ей ногу, затаврилъ ее своимъ тавромъ: онъ считалъ ее женою нарта-бія Саусурука.

Вернулся тогда Доуатъ къ Саусуруку на „конъ“ и сказалъ ему:

— Постигло тебя горе великое, срамъ великій палъ на твою голову: доселѣ непобѣдимый, опозоренъ ты навѣки,—я соблазнилъ твою жену. Подавай теперь мои 9 дворовъ.

— Подожди еще, не спѣши требовать,—сказалъ Саусурукъ,—надо доказательствъ.

Вернулся онъ домой; самъ чернѣе ночи, не ѣстъ, не пьетъ, не говоритъ, не смотритъ на жену, словно ея нѣтъ въ домѣ. Ходилъ онъ будто мертвый. Ждала женакогда же заговоритъ съ нею нартъ-бій—недождалась; подошла къ нему и стала спрашивать: „что ты такъ печаленъ, мужъ мой? Девяносто лѣтъ мы прожили съ тобою въ добромъ мирѣ, а теперь ты гнѣваешься за что-то на меня“.

— Кого только Доуатъ проклятый ни обманывалъ! Нѣтъ! не обмануть ему только моей жены,—думалъ я,—а ты поддалась ему!

— Не вѣрь всякому, кто про меня дурное скажетъ. Впрочемъ, не смѣю я спорить съ тобою, съ княземъ нартовъ.

Опять Саусурукъ сказалъ:„ Уйди съ глазъ долой: не могу я тебя видѣть“.

— Хорошо,—ласково отвѣчала княгиня Сатанай,—я скроюсь въ тѣни, я уйду въ мѣста, гдѣ меня никто не увидитъ. Только позволь мнѣ въ послѣдній разъ напоить и накормить тебя изъ своихъ рукъ. Послѣ этого я скроюсь.

Онъ согласился. Она накормила его вкусными яствами, напоила его пьяными напитками: нартъ-бій захмелѣлъ и уснулъ. Княгиня Сатанай собрала все свое добро и скрылась, ушла изъ замка со всею своею прислугою; внизу она перемѣнила свой костюмъ на мужской. Поселилась она невдалекѣ отъ замка. Долго спалъ Саусурукъ. Наконецъ, проснулся, и удивился: никого въ замкѣ не осталось, всѣ ушли за княгиней. Вышелъ онъ на дворъ, видитъ—бѣжитъ „маралъ“; бросился онъ за ружьемъ—нѣтъ ружья. Взбѣжалъ онъ на чердакъ высокій, нашелъ тамъ лукъ безъ тетивы. Натянулъ вмѣсто тетивы ремень, наложилъ стрѣлу и выстрѣлилъ: маралъ былъ раненъ, но продолжалъ бѣжать. Бросился нартъ внизъ съ чердака, побѣжалъ за мараломъ, а тотъ бѣжитъ-бѣжитъ, да и споткнется; наконецъ упалъ маралъ—издыхаетъ, а нечѣмъ его прирѣзать: нѣтъ ножа у Саусурука. Оглянулся онъ, видитъ: стоитъ женщина—хаджи.

— Я тебѣ дамъ ножъ,—сказала хаджи,—только поклянись напередъ, что исполнишь, о чемъ бы я тебя ни попросила.

Тогда Саусурукъ поклялся все, о чемъ хаджи его ни попросила бы. Хаджи тогда дала ему ножъ, и Саусурукъ прирѣзалъ марала.

— Чего жъ ты отъ меня желаешь?—спросилъ тогда Саусурукъ.

— Я хочу, чтобъ ты сейчасъ раздѣлилъ ложе со мною.

Тогда нартъ-бій удивился несказанно и воскликнулъ:

— Какъ это возможно—ты духовное лицо, а я мужчина! Какъ тебѣ не совѣстно.

— Ты клялся, я требую.

— Нечего дѣлать. Если ты требуешь, я долженъ исполнить свою клятву.

Тогда она попросила его набросить на голову покрывало и такъ простоять нѣсколько времени, а сама все съ себя сняла и надѣла драгоцѣнную княжескую одежду, и снова стала Сатанай-биче. Стоялъ-стоялъ съ покрытой головой Саусурукъ,—надоѣло; снялъ покрывало—видитъ: стоитъ передъ нимъ княгиня Сатанай и смѣется.

Саусурукъ удивился очень и сказалъ:

— Я, вѣрно, съ ума сошелъ.

Сатанай-биче сказала:

— О, мужъ мой, князь нартовъ! Какъ ты могъ не повѣрить мнѣ и такъ на меня разсердился, что прогналъ меня?! А самъ ты, что хотѣлъ сдѣлать? Ты не повѣрилъ мнѣ, что я не уступила коварному Доуату; поэтому пойдемъ домой, я тебѣ приведу прислужницу, которая была съ нимъ и которую онъ затаврилъ.

Саусурукъ при всѣхъ осмотрѣлъ дѣвушку и увидалъ на ногѣ у нея выжженное тавро Доуата. Позвалъ онъ его къ себѣ, осрамилъ при всѣхъ и взялъ съ него закладъ—40 телушекъ и жеребца съ золотистымъ хвостомъ.

Такъ непобѣдимаго нарта одурачила слабая женщина, двухъ богатырей побѣдила хитроумная княгиня.

А. Дьячковъ-Тарасовъ.

Екатеринодаръ, 1902 г.

Къ антропологіи Даргинцевъ.

(*Въ Дагестанѣ*).

Благодаря множеству громадныхъ хребтовъ, неприступныхъ горъ, ущелій и пропастей, Дагестанъ съ древнѣйшихъ временъ служилъ надежнымъ убѣжищемъ для народовъ Европы и Азіи, гонимыхъ тѣми или иными историческими условіями. Переселеніе народовъ, крестовые походы, нашествіе монголовъ—оставили въ Дагестанѣ слѣды въ видѣ цѣлыхъ народностей. Попавъ въ эту страну горъ, народности эти, въ силу необычайной недоступности Дагестана, теряли всякую связь какъ со своею родиною, такъ и съ остальнымъ культурнымъ міромъ и продолжали жить только своею обособленною, полумертвою жизнью. Духъ времени—прогрессъ, совершенно измѣнившій народы Европы сравнительно съ первобытнымъ ихъ состояніемъ,—въ теченіе многихъ вѣковъ не могъ коснуться Дагестана,—вслѣдствіе непреодолимой преграды въ видѣ цѣлаго хаоса высочайшихъ пересѣченныхъ горъ. Были, конечно, и другія причины обособленности населенія Дагестана, какъ, напр., географическое положеніе, историческія условія и проч. Но въ результатѣ произошло то, что населеніе Дагестана какъ бы застыло на уровнѣ первоначальнаго своего развитія, съ которымъ оно и поселилось въ этой странѣ. И много столѣтій оно почти не измѣняло своему древнему быту, не имѣло международныхъ сношеній, а благодаря этому,—что очень важно для антропологическихъ изслѣдованій,—въ средѣ своей почти не имѣло метисовъ. По настоящее даже время оно сохранило, такъ сказать, въ кристаллической чистотѣ, основныя черты своихъ древнихъ нравовъ, обычаевъ и даже тѣлосложенія. Такимъ образомъ въ населеніи Дагестана въ настоящее время мы имѣемъ какъ бы образцы первоначальныхъ народовъ Европы и Азіи. Обстоятельство это весьма важно. При наличности историческихъ указаній о принадлежности данной народности къ какой-либо расѣ, она представляетъ собою наиболѣе чистый матеріалъ для детальнаго изученія этой коренной расы. Съ другой стороны, при отсутствіи такихъ указаній,—что, кстати сказать, несравненно чаще въ Дагестанѣ,—данная народность, какъ кристаллически чистая и не затемненная посторонними элементами, даетъ возможность опредѣлить ей мѣсто въ ряду расъ безъ особыхъ трудовъ и усилій. Тѣ или иныя черты тѣлосложенія, не смѣшанныя съ посторонними, и тѣ или иные обычаи, не заимствованные и не трансформированные, сразу могутъ указать на извѣстную расу, а иногда даже и на извѣстный народъ. Въ Дагестанѣ много подобнаго антропологическаго матеріала въ видѣ многочисленныхъ народностей. Но, по понятнымъ причинамъ, этотъ матеріалъ, въ наиболѣе чистомъ видѣ, можно найти только въ самомъ центрѣ дебрей горъ. Какой-нибудь аулъ, гнѣздящійся на подобіе орлинаго гнѣзда подъ небесами, между вершиною горы и пропастью, и имѣющій для сообщенія съ внѣш-

нимъ міромъ единственную тропинку, по которой едва можетъ пройти вьючная лошадь,—представляетъ, въ отношеніи чистоты матеріала, конечно, большія преимущества. И если бы кто пожелалъ собирать подобный антропологическій матеріалъ, то ему можно рекомендовать посѣщать именно такіе затерянные аулы. Незнакомый съ Дагестаномъ можетъ руководиться слѣдующимъ. Отъ Петровска почтовыми можно ѣхать на Т.-Х.Шуру: здѣсь почти центръ области кумыковъ. Отъ Т.-Х.-Шуры почтовый трактъ идетъ на Леваши (даргинцы), Гунибъ (аварцы), Кумухъ (лаки), Хунзахъ (аварцы) и Ботлихъ (ботлинцы). Отъ станціи Билиджи (петровско-баладжарской вѣтви), почтовый трактъ на Касумъ-кентъ (кюринцы) и Ахты (кюринцы); отъ станціи Мамедъ-Кала (той же вѣтви желѣзной дороги) почтовый трактъ на Маджалисъ. Уже въ перечисленныхъ мѣстахъ можно найти удобный матеріалъ для антропологическаго наблюденія. Но населеніе Дагестана далеко не исчерпывается упомянутыми народностями. Въ глубинѣ страны проживаетъ еще много другихъ; болѣе извѣстны изъ нихъ: агулы, андійцы, арчинцы, ахвахцы, багулальцы, адербейджанскіе татары, годоберинцы, дидойцы, капучинцы, кайтагцы, кубачинцы, ногайцы, рутульцы, табасаранцы, таты, тиндальцы, горскіе евреи, чамалильцы, хунзальцы, цахурцы, хваршинцы. Къ какимъ расамъ принадлежатъ эти народности, кто были ихъ предки? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, требуются антропологическія изслѣдованія и наблюденія. Но чтобы имѣть возможность наблюдать ихъ въ первобытной чистотѣ нравовъ и тѣлосложенія, приходится ѣхать вглубь страны верхомъ, такъ какъ почтовые тракты въ вышеприведенныхъ пунктахъ совершенно заканчиваются. И подобное путешествіе нельзя назвать покойнымъ и удобнымъ. Мрачный характеръ горъ, фанатичное населеніе, не говорящее по-русски и бросающее на чужестранца косые взгляды, отсутствіе гостиницъ и даже постоялыхъ дворовъ, а главное—опасныя горныя тропинки. На непривычнаго онѣ производятъ жуткое впечатлѣніе и возбуждаютъ мысль о memento mori. Словно высѣченный у вершины горы карнизъ, извивается тропинка надъ пропастью. По одной сторонѣ отвѣсный бокъ горы, по другой—бездна; ширина тропинки нерѣдко менѣе аршина. То подъемъ, близкій къ отвѣсному, то спускъ по какому-то подобію лѣстницы: упавшіе съ горъ камни, принявшіе отъ времени форму плитъ, одинъ подъ другимъ, образуютъ ступени. Лошадь опускаетъ внизъ осторожно сначала одну ногу, потомъ другую, корпусъ и т. д. И вдругъ поворотъ подъ прямымъ угломъ. Остается ѣхать у самой вершины угла, вися надъ бездною. Положеніе всадника жуткое. Инстинктивно всадникъ хочетъ отвернуться и отклонить корпусъ отъ прямо зіяющей подъ нимъ бездны, къ горной стѣнѣ, но боится сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобы не перемѣстить центръ тяжести своего тѣла и не принудить тѣмъ лошадь сдѣлать рискованное движеніе. Между тѣмъ надъ головою нависаетъ какой-нибудь утесъ; чтобы проѣхать подъ нимъ, надо наклониться почти къ шеѣ лошади. Наконецъ множество камней, которые ежеминутно грозятъ обрушиться съ горы. На подобныхъ тропинкахъ одна надежда на лошадь. Къ счастью, дагестанскія лошади осторожны и привычны къ подобнымъ дорогамъ. Стоитъ посмотрѣть на эту лошадь, какъ она размѣренно ступаетъ, везя всадника надъ пропастью. Словно понимая опасность, посматриваетъ она умными глазами то на зіяющую бездну, то, искоса, на всадника. Дѣйствительно благородное животное! Безо всякаго понужденія со стороны своего господина въ опасныхъ мѣстахъ оно замедляетъ ходъ, выбираетъ наиболѣе безопасную тропинку, осторожно переступаетъ съ камня на камень, не позволяя себѣ ни малѣйшаго рѣзкаго движенія, даже тогда, когда вздрагиваетъ отъ боли при ударѣ кавказскою плетью, которою, собственно говоря, можно убить волка. Она употребляетъ всѣ усилія не сдѣлать отъ боли опаснаго прыжка, при чемъ заботится не столько о себѣ, сколько о всадникѣ. Бываетъ, что на узкой тропинкѣ, надъ пропастью, человѣкъ, испытывая страхъ и головокруженіе, не можетъ итти пѣшкомъ. Онъ садится на лошадь, закрываетъ глаза и благополучно проѣзжаетъ опасное мѣсто. Здѣсь утверждаютъ даже, что дагестанская лошадь инстинктивно чувствуетъ болѣзненное состояніе своего всадника. Иная горячая лошадь, къ которой трудно и подступиться, становится смирною и спокойною, когда везетъ, напр., пьянаго. Она вся дрожитъ, но старается изо всѣхъ силъ сдержать себя и благополучно везти свою ношу, чтобы послѣдняя не покачнулась и не упала. Къ счастью, далеко не всѣ пути сообщенія въ Дагестанѣ состоятъ изъ такихъ опасныхъ тропинокъ. Ко многимъ ауламъ проложены аробныя дороги. Хотя онѣ, какъ проведенныя въ обходъ опасныхъ мѣстъ, длиннѣе, но несравненно безопаснѣе.

Гдѣ можетъ проѣхать запряженная парою воловъ или буйволовъ арба съ грузомъ, тамъ горецъ не нахвалится дорогою, ибо послѣдняя сравнительно широка и не имѣетъ очень крутыхъ подъемовъ и спусковъ.

Мнѣ пришлось ѣхать, въ началѣ апрѣля, верхомъ, по подобной аробной дорогѣ изъ Маджалиса въ Харбукъ. Маджалисъ—административный центръ Кайтаго-Табасаранскаго округа. Онъ состоитъ изъ двухъ прилежащихъ, даргинскаго и еврейскаго, ауловъ, вблизи которыхъ расположено нѣсколько окруженныхъ крѣпостною стѣною русскихъ домовъ для администраціи. Находясь въ ущельѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ лѣсистыми и скалистыми горами, Маджалисъ довольно живописенъ, хотя высота его котловины, сравнительно, незначительна,—не болѣе 700 фут. надъ уровнемъ моря. Такимъ образомъ Маджалисъ лежитъ собственно на предгоріи, и его нельзя отнести къ настоящимъ горнымъ ауламъ. Населеніе его, благодаря близости къ Дербенту (44 вер.) и желѣзной дорогѣ (24 вер.), имѣетъ нѣкоторое соприкосновеніе съ цивилизованнымъ міромъ и мало-по-малу утрачиваетъ первобытный характеръ горцевъ. Тѣмъ не менѣе въ Маджалисѣ чувствуется пульсъ горнаго Дагестана съ его полудикимъ бытомъ и мусульманскимъ фанатизмомъ. Плоскія сакли скучены на возвышенныхъ мѣстахъ; узкія окна безъ стеколъ напоминаютъ бойницы. Жители, въ папахахъ и черкескахъ, съ неизмѣнными кинжалами за поясомъ. Отправляясь изъ аула въ поле вооружаются, кромѣ того, ружьями и пистолетами. Харбукъ—большой аулъ (1,646 жител.), въ 42 верстахъ отъ Маджалиса. Славится производствомъ издѣлій кустарнаго типа, изъ золота и серебра, а также ружейныхъ стволовъ, кинжаловъ и вообще оружія.

Было ясное солнечное утро. Температура въ тѣни 15° Р. Посылаю въ еврейскій Маджалисъ нанять лошадь. Горскіе (или кавказскіе) евреи, несмотря на то, что считаютъ себя переселившимися въ Дагестанъ изъ Палестины еще во времена Авраама и поэтому чуждыми современному европейскому израилю, все-таки не прочь отъ спекуляцій и всегда готовы ссудить лошадь за рубль,—другой въ сутки. Еврейскія лошади какъ будто смирнѣе мусульманскихъ и не такъ разбиты на ноги. Евреи, по свойству своей натуры, вообще избѣгаютъ горячихъ коней. Притомъ они проживаютъ на сравнительно невысокой полосѣ въ Дагестанѣ, тяготѣя къ городамъ—Темиръ-Ханъ-Шурѣ, Дербенту и Петровску. И даже для выгодныхъ дѣлъ кавказскіе евреи не склонны ѣздить въ высокіе, настоящіе горскіе аулы. Поэтому ихъ конямъ не такъ часто приходится путешествовать по крутымъ каменистымъ горнымъ тропамъ, отчего и ноги коней, сравнительно, болѣе здоровы. А это и есть главное. Дороги здѣсь усыпаны камнями, и никакая лошадь не пройдетъ въ горахъ 20—25 верстъ, не оступившись нѣсколько разъ. Если при этомъ неопытный или зазѣвавшійся всадникъ слабо держитъ поводья, то лошадь легко можетъ упасть на колѣни, а всадникъ, по инерціи,—перелетѣть черезъ голову лошади. Въ результатѣ—вывихъ или переломъ, если не хуже. Недаромъ огромный процентъ дагестанцевъ хромые и увѣчные.

Еврей со смуглымъ библейскимъ лицомъ и черною

съ просѣдью волнистою бородою привелъ лошадь. Еврей одѣтъ въ рваную черкеску и папаху, но при кинжалѣ. Лошадь на видъ тощая, но съ исправными ногами. Несмотря на худобу, энергично настораживаетъ уши. Сѣдло, впрочемъ, надо взять собственное: еврейское прямо невозможно. Безобразная клѣтка съ огромными, точно для верблюда, луками, накрытая грязною рваною подушкою. Говорятъ, впрочемъ, что подобныя еврейскія сѣдла покойнѣе мусульманскихъ, въ общемъ похожихъ на казачьи.

Между тѣмъ подъѣхалъ, молодцеватою иноходью, всадникъ туземной милиціи, или, по-здѣшнему, „нукеръ", Мустафа, который долженъ былъ ѣхать со мною въ Харбукъ. Лѣтъ 45, выше средняго роста, стройный, съ красивыми темно-карыми глазами и правильными чертами лица. Мустафа—большой франтъ. Черная, подстриженная, съ небольшою сѣдиною, бородка оттѣняетъ продолговатое смуглое лицо. Длинные усы,—темно-русые или подкрашенные, нафабрены и закручены въ стрѣлку. Щеголеватая синяя черкеска и бѣлая папаха, дно которой, краснаго сукна, обшито позументами. На плечахъ красивый красный башлыкъ. На чеканномъ серебряномъ поясѣ большой шикарный кинжалъ. Сзади, за поясомъ—длинный пистолетъ, правда, кремневый, но со сплошь обложенною черненымъ серебромъ ручкою; на боку виситъ подобной же отдѣлки кривая шашка. Все это оружіе—мѣстной кустарной работы, большею частью кубачинское или харбукское. Кромѣ того Мустафа вооруженъ двухствольнымъ тульскимъ ружьемъ и кобуромъ, въ которомъ можно предполагать присутствіе револьвера. На груди подъ блестящими козырями виситъ серебряная медаль на станиславской лентѣ, а также и маленькій компасъ-брелокъ. Подобные компасы, въ дорогѣ, можно встрѣтить у многихъ горцевъ. При совершеніи религіозныхъ моленій магометанинъ долженъ обращаться лицомъ къ Меккѣ; компасъ помогаетъ ему ориентироваться въ незнакомыхъ горахъ. По округлости формъ Мустафы замѣтно, что подъ черкескою у него надѣтъ полушубокъ. Спрашиваю, не будетъ ли жарко; Мустафа загадочно указываетъ на предлежащія горныя вершины и что-то говоритъ на своемъ языкѣ, изъ чего я могу понять, что предосторожность не мѣшаетъ. Въ Дагестанѣ весною трудно примѣниться къ погодѣ. Хотя море и должно бы давать опредѣленность здѣшнему климату, но тутъ большую роль играютъ и другіе факторы, какъ близкіе ледники, массивные горные хребты, пересѣченная мѣстность, ущелья и проч. Дующіе съ моря и съ горъ вѣтры то задерживаются на своемъ пути цѣпями горъ, то направляются въ ущелья и долины, то встрѣчаются между собою. Въ приморской полосѣ, не заслоненной отъ моря высокими горами, климатъ болѣе равномѣрный; здѣсь весенніе, довольно сильные, бризы дуютъ почти съ математическою правильностью въ опредѣленные часы дня. Наоборотъ, въ горахъ какая-нибудь глубокая котловина, окруженная со всѣхъ сторонъ громадными хребтами, круглый годъ не имѣетъ вѣтра; въ ней всегда тепло и душно, какъ въ парникѣ. Здѣсь прекрасно созрѣваетъ лучшій виноградъ. Между тѣмъ въ близъ же лежащемъ ущельѣ почти постоянно бушуетъ что-то въ родѣ борея, прохладнаго даже и лѣтомъ. Бываетъ, что на разстояніи какихъ-нибудь 10 верстъ безвѣтренный палящій зной нѣсколько разъ чередуется съ рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ. Мартъ и начало апрѣля особенно отличаются неровностями погоды. На Кавказѣ мартъ называютъ „гижи", т. е. сумасшедшій.

Приходится послѣдовать примѣру Мустафы и одѣть шубу и даже, на всякій случай, теплые бурочные сапоги. Уложили въ хурджины (переметныя сумки) съѣстныхъ припасовъ и живительной влаги въ видѣ бутылки водки. Спиртныхъ напитковъ въ горахъ не куните ни за какія деньги. Въ виду предстоящей антропометріи, уложены и кое-какіе инструменты. Наконецъ все готово. Подъ вліяніемъ натянутыхъ поводьевъ лошади съ мѣста засеменили. Еврейскій конь, повидимому, имѣлъ большія достоинства. Онъ старательно поднимался на крутизны, по которымъ извивалась наша дорога, не спотыкался, слушался узды и боялся плети. По обычаю кавказскихъ коней задиралъ какъ можно больше шею и голову кверху.

По бокамъ дороги прошли мимо насъ засѣянныя пшеницею зеленѣющія поля. Масса полевыхъ цвѣтовъ. Ароматическій горный воздухъ, но жарко, хотя, къ счастью, не душно. Большую часть года Дагестанъ одолѣваютъ туманы. На этотъ разъ воздухъ сухой, чистый и прозрачный. Дорога, усѣянная множествомъ валуновъ, по краямъ обросла густыми кустами ежевики, кизиля и боярышника. Справа у дороги цѣлый оазисъ тополей, бросающихъ классически-черную тѣнь. Здѣсь, говорятъ, могила какого-то мусульманскаго праведника. Деревенскій монументъ на подобіе четырехъ-угольнаго большого ящика, слѣпленнаго изъ глины и хвороста; на вершинѣ водруженъ вѣтвистый дрюкъ. На вѣтвяхъ развѣваются куски, въ четверть носового платка, яркихъ разноцвѣтныхъ матерій, ситца или полотна. То благочестивыя мусульманки пожертвовали частицы своихъ платьевъ съ просьбою о помощи въ сердечныхъ дѣлахъ. Вблизи, прислоненный къ дереву и частью врытый въ землю, стоитъ правильно обточенный намогильный камень, высотою около 2 аршинъ. На полированной поверхности выбитъ кинжалъ, окрашенный въ красную краску; ниже, зеленые и желтые, приличные стихи изъ корана. Около года назадъ я проѣзжалъ въ этомъ мѣстѣ ночью. Луна разливала таинственный свѣтъ, и отъ деревъ падали точно пластическія южныя тѣни. Вдругъ на могилѣ раздался жалобный протяжный стонъ. Ѣхавшій со мною нукеръ прошепталъ „Аллахъ" и оборвалъ бесѣду, которую до того оживленно поддерживалъ. Вѣроятно, стоналъ сычъ или сова и производилъ иллюзію. Теперь, напротивъ, на могилѣ распѣвали веселыя весеннія птички. Поднялись довольно высоко. Сзади, за отрогами горъ, далеко внизу, виднѣется синее море. Оно слегка покрыто туманомъ, какъ будто пушистымъ налетомъ. Указывая на него, Мустафа улыбнулся и сказалъ: „Дарья". Изъ разспросовъ выяснилось, что „дарья" у нихъ называется глубокая вода. И вотъ гдѣ пришлось получить объясненіе названій Сыръ-Дарья и Аму-Дарья, которыя интриговали еще въ гимназіи. Дальше проѣхали аулъ Ахметъ-кентъ. Онъ на высотѣ около 3,000 фут., и жители его большую часть года проводятъ въ туманѣ, дождѣ и холодѣ. Сейчасъ за ауломъ съ дороги открывается чудный видъ, который можно рекомендовать любителямъ величественно-дикихъ картинъ природы. Дорога идетъ по карнизу почти отвѣсной горы. Внизу, саженяхъ въ 100, быстрая рѣчка, противоположный берегъ которой составляетъ грандіозная, съ точно высѣченнымъ отвѣснымъ бокомъ, скалистая гора. Дальше, въ ущельѣ, рѣчка заворачиваетъ вокругъ скалы и омываетъ подошвы прилежащихъ горъ, покатые бока которыхъ покрыты дубовымъ и орѣховымъ лѣсомъ. Говорятъ, здѣсь много вепрей, рысей, дикихъ кошекъ, встрѣчаются и медвѣди. Въ этомъ ущельѣ со всѣхъ сторонъ нависли скалы, камни и горныя вершины въ хаотическомъ безпорядкѣ. Впрочемъ, подобныя картины очень часты въ Дагестанѣ. Спускаемся къ рѣкѣ и переѣзжаемъ ее въ бродъ. Затѣмъ снова крутой подъемъ, все выше и выше, къ облакамъ. Почти на уровнѣ нашего зрѣнія медленно плыветъ откуда-то появившееся бѣлое блестящее облачко. По бокамъ горъ появляются рѣдкіе въ Дагестанѣ гости—сосны, ели и осины. Но деревья становятся малорослыми, и количество ихъ все уменьшается; зато является цѣлое царство роскошной травы. На этой высотѣ солнце уже не въ силахъ выжигать ее, и трава даетъ обильную пищу многочисленнымъ стадамъ горцевъ. Не даромъ овцеводство—главный источникъ ихъ существованія. Впрочемъ и земледѣліе здѣсь не заброшено; гдѣ есть хоть малѣйшая возможность, горецъ старательно устраиваетъ свое поле. Какая-нибудь конусообразная, въ видѣ сахарной головы, гора, косо срѣзанная, оказывается сплошь вспаханною на своей плоскости сѣченія. По дорогѣ изъ

Маджалиса въ Харбукъ видна одна подобная, очень высокая гора; остается удивляться, какъ взобрались туда пахари и какъ, во время полевыхъ работъ, не скатились оттуда въ окружающія со всѣхъ сторонъ пропасти и люди, и животныя.

По грандіозному ущелью поднимаемся все выше и выше. Въ этомъ мѣстѣ всегда бываетъ свѣжій, порывистый вѣтеръ. Тѣмъ не менѣе, благодаря слишкомъ крутому подъему, лошади наши стали почти сплошь мокрыми. На высотѣ 5,000 футовъ открывается еще красивый видъ. Дорога идетъ по узкому гребню горы, по обѣимъ сторонамъ котораго, какъ панорама, верстъ на 20 въ ту и другую стороны, обрываются глубокія долины, или, правильнѣе, котловины. Дно послѣднихъ, далеко внизу, саженяхъ въ 200, мѣстами закрыто сизо-фіолетовою дымкою. Кое-гдѣ виднѣются рѣдкіе аулы. Издали они кажутся крошечными, точно муравейники. Вдали котловины окаймлены горами. Впереди, налѣво, на высокихъ вершинахъ, блистаютъ на солнцѣ ярко-бѣлые снѣга. Подъемъ прекратился, и мы ѣдемъ по плоскогорію. Кругомъ всѣ склоны горъ залиты нѣжнымъ зеленымъ цвѣтомъ молодой травы. На пути большой аулъ Уркарахъ, населенный даргинцами. Не доѣзжая до него, встрѣчаемъ туземца на превосходной лошади. Богатое сѣдло, серебряныя круглыя восточныя стремена и уздечка съ затѣйливыми украшеніями. Всадникъ лѣтъ 45, съ черною съ просѣдью бородою, на смугломъ лицѣ—слѣды оспы. Одѣтъ изысканно. Оружіе съ золотыми насѣчками. Подъѣхавъ къ намъ, онъ вѣжливо остановился въ сторонѣ и приподнялъ папаху въ знакъ привѣтствія. По отношенію ко мнѣ онъ произнесъ: „Алласъ-алласъ!“, а Мустафѣ привѣтливо сказалъ: „Сялямъ-алейкумъ!“ Такова разница при привѣтствіи христианина и магометанина. Всадникъ оказался уркарахскимъ жителемъ и мѣстнымъ богачемъ, по имени Магоматъ-Хаджи-Абокаръ-оглы. Мустафа разъяснилъ ему, куда мы ѣдемъ. Магоматъ-Хаджи тотчасъ повернулъ коня и хотѣлъ ѣхать за нами. Онъ деликатно заявилъ, что, быть можетъ, его услуги потребуются намъ, когда мы будемъ проѣзжать черезъ Уркарахъ; притомъ просилъ остановиться и отдохнуть къ его домѣ. Но это не входило въ мои планы, а потому я поблагодарилъ этого джентльмена и обѣщалъ побывать у него въ другой разъ. Между тѣмъ я разсматривалъ его большую кривую шашку, которая заинтересовала меня своею стариною, хотя очевидно была богато реставрирована. На крѣпкомъ стальномъ клинкѣ, съ обѣихъ сторонъ, выгравировано изображеніе рыцаря и льва, при чемъ на одной сторонѣ неразборчивая надпись: „vion re aut v io Cungarn“ и на другой: „Vicere aut. mo Hori igarii“. Вѣроятно шашка принадлежала когда-то рыцарю-крестоносцу.

Не желая задерживать вѣжливаго горца, я просилъ его не стѣсняться и продолжать свой путь. Тогда, пожавъ руки мнѣ и Мустафѣ, онъ скорою иноходью уѣхалъ въ противоположную отъ насъ сторону. Проѣхали Уркарахъ, грязный, неживописный аулъ, хотя и сравнительно богатый, благодаря обширнымъ своимъ пастбищамъ. За ауломъ дорога суживается и направляется по крутому боку горы, подошва которой видна далеко внизу. Верстахъ въ двухъ за Уркарахомъ тропинка, какъ издали кажется, прямо упирается въ огромный, до 10 саж. высоты, земляной столбъ, повидимому, изъ глинистаго сланца. На самомъ дѣлѣ тропинка, извиваясь надъ обрывомъ, огибаетъ какъ этотъ столбъ, такъ и второй такой же, стоящій немного дальше за первымъ. Оба столба-великана имѣютъ форму цилиндровъ съ діаметромъ внизу и вверху почти одинаковымъ и равнымъ приблизительно саженн. Зачѣмъ здѣсь эти два нѣмые стража? Поставилъ ли ихъ кто или они служатъ проявленіемъ силъ природы?

Дальше тропинка снова расширяется. Грунтъ становится мягкимъ и какъ-будто черноземнымъ. Лошади наши сильно пылятъ. Проѣзжаемъ еще какой-то аулъ. Наконецъ, Мустафа показываетъ вдали Харбукъ. Всматриваясь въ холмистое плато, вижу въ верстахъ 5—6 скопище саклей, между которыми высятся силуэты двухъ башенъ. Подобныя башни часты въ аулахъ Дагестана. Крупныя многогранныя, саженъ 5—10 въ діаметрѣ и высотою въ двухъ-трехъ-этажный домъ, онѣ построены изъ глины и вмазанныхъ въ нее валуновъ. Большинство—персидскаго происхожденія, но есть достроенныя и при Шамилѣ. Прежде башни служили для защиты и для сигналовъ: при приближеніи непріятеля на верхушкѣ разводился костеръ. Теперь всѣ онѣ запущены и разваливаются; въ нихъ никто не живетъ и за ними никто не смотритъ; внутри грязь и нечистота. Усталость, солнце и пыль берутъ свое. Послѣдніе полчаса дороги тянутся томительно скучно и однообразно. Но вотъ и Харбукъ. Обыватели съ нескрываемымъ любопытствомъ высыпаютъ на улицы—поглазѣть на рѣдкихъ гостей. Дѣти кричатъ: „урусъ, урусъ“... На крышахъ и балконахъ появляются „прекрасныя магометанки“ и, закрываясь рукою не то отъ солнца, не то отъ „гяура“, тщательно слѣдятъ за всѣми перепетіями нашего движенія по улицамъ. Но въ публикѣ незамѣтно злобы или недоброжелательства. Напротивъ, нѣсколько парней съ большимъ удовольствіемъ взялись сопровождать насъ по аулу и указать дорогу къ кунаку, который у Мустафы оказался въ Харбукѣ.

Съ чувствомъ облегченія влѣзаю по крутой лѣстницѣ въ кунацкую и тотчасъ же располагаюсь на покрытомъ коврами полу. Другой мебели нѣтъ! Такъ пріятно распрямить спину и ноги на неподвижной ковровой подстилкѣ вмѣсто постоянно-качающейся спины лошади, производящей ломоту во всемъ тѣлѣ. Услуживый хозяинъ спѣшитъ подложить вамъ подъ голову и бока огромныя мягкія подушки. На мгновеніе беретъ раздумье: не набраться бы насѣкомыхъ... У горцевъ ихъ масса! Но усталость превозмогаетъ, начинаю дремать, хотя слышу, что у очага, въ сосѣдней комнатѣ, принялись что-то жарить. Вѣроятно яичница или курица, плавающая въ маслѣ, а можетъ быть и шашлыкъ. Какой-то молодой гигантъ, пристроившись возлѣ дверей, на балконѣ, во всю глубину своихъ легкихъ, изо всѣхъ силъ раздуваетъ старый, давно нечищенный, ведерный самоваръ. Осторожно входитъ хозяинъ, складываетъ къ сторонѣ сѣдло, беретъ платье, тщательно очищаетъ его отъ пыли и методически вѣшаетъ на стѣнѣ. Онъ такъ доволенъ, что принимаетъ у себя гостя. Вотъ онъ ласково смотритъ вамъ въ глаза, стараясь угадать ваши желанія. А послѣднія сводятся къ одному: какъ бы оставили васъ одного, въ покоѣ, чтобы можно было отдохнуть. Но не тутъ-то было. Комната наполняется народомъ. Это пришли почетныя и уважаемыя лица аула оказать вѣжливость, поздороваться, поговорить, узнать новости, особенно изъ міра мѣстнаго начальства, а затѣмъ потранезовать вмѣстѣ съ вами, если позволите и напиться рѣдкаго у нихъ напитка—чаю. Избавиться отъ назойливыхъ посѣтителей и ихъ вопросовъ—невозможно. Это было бы крайне невѣжливо по мѣстнымъ обычаямъ. Остается покориться. Кстати и развитый горнымъ воздухомъ аппетитъ, усыпленный на время усталостью, снова и настойчиво пробуждается. Хлопотавшій у самовара гигантъ, весело подмигивая и широко разставивъ руки, приноситъ большой оловянный круглый подносъ. Чего только не наставлено на подносѣ! Тутъ, на тарелкахъ: курица, яичница, шашлыкъ; въ полоскательныхъ чашкахъ: свѣжій, душистый медъ и подобіе кисловатой сметаны (каймакъ); на особомъ блюдечкѣ разрѣзанный на круглые куски кавказскій лукъ сизо-фіолетоваго цвѣта, сладковатый на вкусъ; наконецъ куски, на подобіе ломтей, грязновато-бѣлаго, соленаго и остраго на вкусъ, мѣстнаго овечьяго сыра. Кушать приходится прямо руками: вилокъ, ложекъ и салфетокъ нѣтъ и въ поминѣ. Веселый гигантъ ставитъ подносъ на полу посреди комнаты. Я, Мустафа, хозяинъ, мулла и нѣсколько изъ наиболѣе почетныхъ лицъ, поджавъ подъ себя ноги, мирно усаживаемся вокругъ подноса. Веселый малый торжественно приноситъ около дюжины пшеничныхъ хлѣбцовъ,—горячихъ, испускающихъ паръ. Ихъ страшно взять въ ротъ, чтобы не

обжечься, но, по мнѣнію горцевъ, это и есть самое вкусное. Между тѣмъ Мустафа достаетъ изъ хурджина бутылку живительной влаги. Улыбка озаряетъ всѣ лица. Гдѣ-то разыскивается не то рюмка, не то стаканчикъ изъ стараго позеленѣлаго стекла, который и начинаетъ обходить всѣхъ по-очереди. Водку горцы пьютъ съ удовольствіемъ, хотя и стѣсняются. Вино совсѣмъ запрещено кораномъ, а водка—какъ-то не очень. Горцы говорятъ, что водка перегоняется черезъ огонь, слѣдовательно коранъ не могъ ее запретить. Долженъ, впрочемъ, засвидѣтельствовать, что мулла стоически отказался отъ своей порціи. Неугомонный веселый гигантъ тащитъ, съ особеннымъ усердіемъ, пыхтящій самоваръ и ставитъ его на полу, возлѣ Мустафы. За чаемъ мнѣ сообщили, что въ аулѣ есть больные. Въ сопровожденіи старшины и Мустафы, который предусмотрительно захватилъ съ собою плеть для защиты отъ собакъ, отправляюсь осмотрѣть больныхъ. Плеть оказалась очень кстати, ибо собаки, какъ разсвирѣпѣлые звѣри, бросились на насъ со всѣхъ сторонъ.

Нѣсколько странно отношеніе горцевъ къ этимъ животнымъ. Извѣстно, что мусульмане считаютъ собакъ нечистыми животными, а между тѣмъ у горцевъ-мусульманъ—огромныя, откормленныя овчарки, которыхъ, какъ видно, они очень любятъ и цѣнятъ. Вѣроятно, здѣшнія овчарки успѣли заслужить званіе дѣятельнаго сторожа главнаго богатства горцевъ—стада. Заходимъ въ одну, бѣдную по виду, саклю. Внутри темно, кажется, вслѣдствіе полнаго отсутствія оконъ. Зажигаю спичку. На прикрытомъ грязными паласами земляномъ полу лежатъ рядомъ, на тощихъ, грязныхъ, старыхъ перинахъ, покрытые овчинами, 2 мальчика и дѣвочка отъ 4 до 7 лѣтъ. У всѣхъ красныя лица, горячее тѣло и коревая сыпь. Въ слѣдующихъ домахъ также корь. Пришлось посовѣтовать соблюдать изоляцію. Но, судя по недовѣрчивымъ взглядамъ, изоляція не въ фаворѣ у горцевъ. Впрочемъ, тоже самое мнѣ приходилось наблюдать и въ русскихъ селахъ. По понятіямъ и адатамъ горцевъ навѣщать больныхъ есть благочестивое дѣло, и чѣмъ больше у больного посѣтителей, тѣмъ больше ему чести и славы. Поэтому къ больнымъ корью дѣтямъ приходятъ въ гости почти всѣ здоровыя дѣти аула. Но, великъ аллахъ, корь проходитъ у нихъ большею частью легко, и почти всѣ выздоравливаютъ.

Отправились еще въ одинъ домъ, гдѣ, по словамъ старшины, былъ больной. Однако, не доходя туда, увидѣли, что изъ сакли со всѣхъ ногъ улепетнулъ мальчикъ лѣтъ 8. Это и былъ искомый больной, который, очевидно, вполнѣ поправился.

Возвратившись къ себѣ на квартиру, мы нашли цѣлую толпу интересовавшихся нами горцевъ. Можно было и приступить къ антропометріи. Но горцы вообще неохотно соглашаются на измѣренія своего тѣла: они не могутъ понять цѣли измѣреній.

Желая ихъ задобрить, я предложилъ папиросы. Они съ удовольствіемъ закурили, но стали выражать сожалѣніе, что мнѣ, пожалуй, не хватитъ папиросъ на дорогу. Оставалось достать изъ хурджинъ табакъ, гильзы и машинку для дѣланія папиросъ и тутъ же сдѣлать ихъ нѣсколько штукъ. Легкость производства такой, повидимому, сложной вещи, всѣмъ имъ чрезвычайно понравилась и они, другъ передъ другомъ, старались выпросить у меня машинку, чтобы самимъ дѣлать опыты. Оказалось, что пальцы ихъ тонки и не очень загрубѣли, такъ что работа происходила успѣшно. Тогда, въ видѣ пэшкеша, я предложилъ по десятку папиросъ каждому, кто согласится подвергнуться нѣсколькимъ несложнымъ измѣреніямъ тѣла. Такимъ образомъ удалось измѣрить ростъ и голову у 20 индивидуумовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти измѣренія не могутъ безапелляціонно установить мѣсто харбукцевъ въ ряду народовъ и даже расъ: для подобной цѣли надо измѣрить не менѣе 100 индивидуумовъ, притомъ по гораздо болѣе обширной программѣ. Мнѣ кажется однако, что нелишне привести данныя этихъ измѣреній, которыя могутъ бросить хоть маленькій лучъ свѣта въ загадочный мракъ происхожденія этой интересной народности.

Ростъ 20 харбукцевъ или даргинцевъ, ибо ихъ относятъ къ даргинской народности, въ среднемъ оказался 168,7 сантиметр. Кстати сказать, ростъ даргинцевъ мнѣ приходилось измѣрять въ другихъ, кромѣ Харбука, аулахъ Дагестана. Было измѣрено 79 индивидуумовъ и найдена средняя ихъ роста 167,84 сантим. Слѣдовательно средняя роста 99 даргинцевъ есть 168,02 сантиметра. Это указываетъ, что даргинцы не относятся къ монгольской расѣ, ибо монголы, по Гюкелею, въ общемъ, имѣютъ малый ростъ[1]). Цвѣтъ кожи всѣ 20 харбукцевъ имѣли смуглый. Это второе указаніе. Типичный цвѣтъ кожи монголовъ—свѣтло-желтый. Сѣверяне (славяне и англосаксы) имѣютъ румяный цвѣтъ кожи, тогда какъ южане (итальянцы, испанцы, южные: французы и нѣмцы)—смуглый. Цвѣтъ волосъ у 65% харбукцевъ имѣетъ русый оттѣнокъ, откуда можно думать, что харбукцы не принадлежатъ къ глубокимъ южанамъ, волосы у которыхъ обыкновенно черные, цвѣта воронова крыла. Цвѣтъ радужной оболочки глазъ у всѣхъ 20 карій, различныхъ оттѣнковъ, что подтверждаетъ предположенія, выведенныя на основаніи цвѣта кожи и волосъ. Весьма важнымъ антропологическимъ признакомъ служитъ форма носа. По ней можно иногда, почти безошибочно, опредѣлить еврея, армянина и даже француза, не говоря о монголахъ. Въ этомъ отношеніи 10 харбукцевъ имѣли прямую форму, 6—горбатую (римскій носъ), 1—извилистую, съ горбинками, встрѣчающуюся часто у французовъ, 1—вздернутую, свойственную славянамъ, 1—орлиную, т. е. носъ, заворачивающійся внутри, на подобіе клюва (форма носа, часто наблюдаемая у евреевъ) и 1—плоскую форму, свойственную монголамъ. Послѣднія формы у харбукцевъ, повидимому, случайныя, зависящія отъ неизбѣжной метисаціи. Но преобладающее большинство двухъ первыхъ даетъ основаніе предполагать о принадлежности даргинцевъ къ европейской расѣ и даже о близости ихъ къ южно-германскимъ или романскимъ народамъ, имѣющимъ большею частью прямую, горбатую или извилистую форму носа. Для удостовѣренія интересно разсмотрѣть цифры черепа и лица харбукцевъ. Средняя длина черепа у 20 изъ нихъ 18,1 сант. Средняя ширина черепа—15,8 сант. Показатель ширины черепа будетъ, слѣдовательно, 87,3, т. е. черепъ гипербрахицефалическій (очень короткоголовый). По классификаціи проф. Топинара[2]) въ бѣлыхъ расахъ представителями короткоголовыхъ служатъ: кельты, славяне, лигурійцы и лапландцы. Но два послѣдніе народа имѣютъ малый ростъ; по цвѣту же кожи и формѣ носа харбукцы не походятъ на славянъ. Показатель ширины черепа кельтовъ=84,9[3]). Найденный мною у харбукцевъ—значительно больше, но это вѣроятно зависитъ отъ малаго числа подлежавшихъ измѣренію индивидуумовъ, вслѣдствіе чего максимальныя цифры не уравновѣсились въ достаточной степени. Надо, впрочемъ, замѣтить, что народность Галча (въ Средней Азіи), въ которой проф. Топинаръ склоненъ видѣть родоначальника всѣхъ кельтовъ, имѣетъ этотъ показатель 86,5[4]). Средняя длина лица 20 харбукцевъ=12,5 сант., а средняя ширина лица=14,6, откуда указатель лица 85,6, т. е. лицо ихъ широкое, хамепрозопическое. Черепа дольменовъ Франціи имѣютъ очень широкія лица. Профес. Топинаръ склоненъ объяснять это обстоятельство тѣмъ, что предки кельтовъ, не подвергнувшись метисаціи, имѣли болѣе широкія лица[5]). Длина носа харбукцевъ=5,5 сант. и ширина его между крыльями =3,5 сант., откуда указатель носа 63,6, т. е. харбукцы

[1]) Professor D-r Johann Ranke „Der Mensch." Zweiter Band. 1894 г., стр. 271.

[2]) Le d-r Paul Topinard. „Eléments d'anthropologie générale". 1885 г., стр. 412.

[3]) Тамъ же, стр. 401.

[4]) Тамъ же, стр. 408, 409 и 719.

[5]) Тамъ же, стр. 921 и 908.

лепторины. Къ этой категоріи относятся европейцы, тогда какъ монголы—мезорины, т. е. ихъ указатель отъ 69,0. Длина уха у 20 харбукцевъ 6,2 сант. и ширина уха 3,5 сант., откуда ушной указатель 56,5. По Топинару этотъ указатель у европейцевъ 54,0, у желтыхъ расъ 51,4. Средній лицевой уголъ 20 харбукцевъ=72,9°. Кумыки (монгольская вѣтвь) имѣютъ этотъ уголъ 71,9[1]), бѣлые солдаты и моряки, по Гульду, 72,0 (5).

Повторяю, всѣ эти цифровыя данныя далеко не могутъ быть признаны рѣшающими, такъ какъ число измѣреній (20)—недостаточно. Однако цифры намекаютъ на нѣкоторую близость харбукцевъ къ кельтической расѣ. И если бы въ исторіи можно было найти соотвѣтствующія указанія, то вопросъ о происхожденіи харбукцевъ или даргинцевъ былъ бы ближе къ разрѣшенію. Къ сожалѣнію, о даргинцахъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ. Даже лингвисты не указываютъ почти ничего. По барону Услару, даргинцы употребляютъ нарѣчіе „даргва", родственное нарѣчію акушинцевъ, кайтагцевъ и кубачинцевъ. Послѣдніе, надо замѣтить, судя по нѣкоторымъ даннымъ, близки къ романскимъ народамъ. Такъ, напр., мѣстоимѣніе я, французское je, покубачински—жю, онъ—і, у кабачинцевъ—иль, мы—nous, у кубачинцевъ—нусса. Впрочемъ, большинство лингвистовъ признаетъ это за случайное совпаденіе и не находитъ ничего общаго между языкомъ французовъ и кубачинцевъ. Но довольно антропометріи. Кстати, впрочемъ, сказать объ археологической рѣдкости, хотя и не столь отдаленныхъ временъ. У харбукца Абдулла-Кади-Касумъоглы интересная шашка со старинными надписями; на одной сторонѣ: „Нами бо", на другой (неразборчиво): „кого „неустрашадсъ". Между тѣмъ наступалъ вечеръ и приносилъ съ собою, въ этомъ глухомъ аулѣ, грустное чувство. Пріятно провести у этихъ первобытныхъ людей часъ—два, но если больше, на душѣ становится смутно. Совсѣмъ другой бытъ и несвойственные намъ нравы и обычаи. Вы—внѣ своей сферы и инстинктивно чувствуете, что находитесь внѣ области цивилизаціи. Альтруизмъ и гуманность въ отношеніяхъ людей уступили здѣсь мѣсто отчужденію и жесткости. Чуждое міровоззрѣніе, чуждыя идеи и чуждая жизнь...

Частью усталость, а частью подобное тоскливое настроеніе привели меня къ желанію пораньше подумать о ночлегѣ. Едва я заикнулся объ этомъ, какъ нашъ хозяинъ уже распорядился. Хозяйка съ дочерью постлали мнѣ и Мустафѣ, на полу, огромныя перины; онѣ даже покрыли ихъ простынями, что—рѣдкость у горцевъ. Правда, простыни, хотя и были совершенно новыя, немытыя, но, въ отношеніи чистоты, оставляли желать многаго. Вообще мытье бѣлья туземцы считаютъ излишнею роскошью. Истинные стоики, они носятъ бѣлье, не снимая, до тѣхъ поръ, пока оно не истлѣетъ на тѣлѣ...

Часа въ 2 ночи я проснулся въ недоумѣніи: надъ моею головою раздавался какой-то странный топотъ: затѣмъ послышалось заунывно-протяжное пѣніе. Это мулла, на плоской крышѣ нашей сакли, пѣлъ свою предразсвѣтную молитву. Далеко, среди торжественной тишины ночи, поплыли пріятные баритонные звуки по горамъ и ущельямъ. Слышно было, какъ эхо спѣшило повторять звуки молитвы.

Утромъ хозяинъ привелъ ко мнѣ своихъ маленькихъ дѣтей. Замѣтивъ навѣшанныя на нихъ, въ видѣ ожерелья, серебряныя монеты, я воспользовался случаемъ и попросилъ привѣсить нѣсколько и моихъ монетъ, которыя я вложилъ дѣтямъ въ ручки. Это было единственнымъ способомъ отблагодарить за гостепріимство. Горецъ, по традиціи, считаетъ позоромъ взять деньги съ гостя, для него обидно даже уже самое предложеніе денегъ.

Когда мы выѣхали въ Маджалисъ, то хозяинъ, старшина и еще какой-то старикъ провожали насъ верхомъ верстъ пять. И, чтобы доставить намъ удовольствіе, старикъ вдругъ помчался впередъ бѣшенымъ галопомъ. Скачка была дѣйствительно неустрашимая и головокружительная. Страшно было смотрѣть на старика, который, воздѣвъ руки кверху, продолжалъ скакать сумасшедшимъ галопомъ, не обращая вниманія ни на какія опасности. Намъ стоило большого труда сдерживать своихъ коней, которые привыкли въ такихъ случаяхъ бѣшеной скачки выскакивать каждая впередъ. Промчавшись такъ версты двѣ, старикъ наконецъ остановился и съ торжествомъ и радостью посматривалъ на насъ. Проѣхавъ еще версты три, мы вѣжливо и тепло простились съ провожатыми, а затѣмъ, часовъ черезъ пять, прибыли въ Маджалисъ.

Докт. мед. *П. Ф. Свидерскій.*

[1]) См. мою диссерт. „Матеріалы для антропологіи Кавказа Кумыки", стр. 122.

Замѣтка объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ[1])

Наврядъ ли какая-нибудь страна можетъ возбудить столько интереса въ лингвистическомъ отношеніи, сколько Кавказъ, гдѣ на небольшой, сравнительно, территоріи размѣстились самые разнообразные по языкамъ народы; въ числѣ языковъ оказывается немало и такихъ, для которыхъ до сихъ поръ не отысканы еще родичи. Многіе изъ нихъ представляютъ столько оригинальныхъ явленій, что должны были бы вызвать цѣлую массу изслѣдователей, а между тѣмъ исторія кавказской лингвистики можетъ представить самое скромное число солидныхъ дѣятелей. Напрасно вы искали бы въ исторіи лингвистическихъ изысканій правильнаго хода и даже преемственности. Въ 40-хъ годахъ академ. Шёгренъ принимается за изученіе осетинскаго языка. Плодомъ его занятій явился довольно почтенный трудъ. Онъ, однако, не полонъ. Никто и не думаетъ продолжать изслѣдованій Шёгрена. Почти черезъ 15 лѣтъ послѣ этого, Усларъ принимается за изученіе восточно-горскихъ языковъ (ключъ къ уразумѣнію которыхъ далъ академ. Шифнеръ); умираетъ Усларъ —и со смертью его прекращается систематическое изслѣдованіе этихъ языковъ. Изрѣдка заѣзжаютъ на Кавказъ на короткое время изслѣдователи, въ родѣ Георга Розена или Березина, которые составляютъ бѣглыя замѣтки о разныхъ кавказскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. На основаніи подобныхъ замѣтокъ, подчасъ, первостепенные лингвисты дѣлаютъ выводы, сближенія, которые въ концѣ концовъ оказываются неудовлетворительными. Появляются и въ краѣ любознательные люди; они записываютъ слова, составляютъ парадигмы склоненій и спряженій нѣкоторыхъ языковъ. Но не только эти скромные труды, но даже капитальные остаются почти въ неизвѣстности; ими не особенно интересуются даже ученыя учрежденія и съѣзды представителей лингвистической науки. На съѣздѣ, напр., оріенталистовъ въ Петербургѣ говорилось немало объ аккадійскомъ языкѣ, а между тѣмъ ни слова не было сказано о лингвистическихъ трудахъ Услара, который скончался почти передъ самымъ открытіемъ съѣзда.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, нельзя не выразить глубокой признательности московскому подготовительному Комитету для устройства предполагаемаго археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ за то, что онъ включилъ въ программу занятій съѣзда и лингвистику. Сдѣлалъ онъ это совершенно основательно: археологическія изысканія на Кавказѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, нуждаются въ помощи лингвистики уже потому, что свѣдѣнія объ отдаленномъ прошломъ обитателей Кавказа, передаваемыя какъ мѣстными лѣтописцами, такъ классическими и арабскими писателями, крайне сбивчивы. Независимо отъ того, что

[1]) Статья Л. П. Загурскаго.

лингвистика должна оказать громадную услугу въ классификаціи кавказскихъ народовъ по ихъ происхожденію, она можетъ дать и историческія указанія. Въ подтвержденіе этого положенія, приведемъ здѣсь одинъ примѣръ: уже и теперь, на основаніи имѣющихся лингвистическихъ данныхъ, можно безошибочно указать на то, что предки горцевъ Восточнаго Кавказа пришли съ сѣвера и подвигались на югъ, далѣе—на то, что они жили въ странѣ низменной и довольно холодной; можно также сдѣлать нѣкоторыя указанія и относительно доисторической культуры означенныхъ народовъ. Такъ на значеніе лингвистики для кавказской археологіи смотритъ акад. Броссе, предложившій уже для рѣшенія на съѣздѣ вопросы лингвистико-этнологическіе. По всей вѣроятности, поставятъ вопросы члены импер. акад. наукъ гг. Дорнъ и Розенъ, профессора с.-петербургскаго университета гг. Паткановъ и Цагарели. Но задача ученыхъ съѣздовъ не можетъ ограничиться составленіемъ выводовъ изъ разработанныхъ уже матеріаловъ; главное назначеніе подобныхъ съѣздовъ—двигать науку впередъ и поставить ее тамъ, гдѣ окажется нужнымъ, на прочную почву. А на Кавказѣ, какъ по отношенію къ археологіи, такъ и къ лингвистикѣ, въ этомъ ощущается сильная потребность. Поэтому мы думаемъ, что если люди, интересующіеся изученіемъ кавказскихъ языковъ, составятъ сообща планъ дальнѣйшихъ лингвистическихъ изслѣдованій и укажутъ на мѣры, ведущія къ успѣшному его выполненію, то они окажутъ громадную услугу этой столь интересной отрасли кавказовѣдѣнія. Но для того, чтобы рѣшить вопросъ, что нужно дальше дѣлать, нужно знать, что уже сдѣлано. Поэтому является необходимость составленія къ съѣзду историческаго очерка лингвистическихъ изслѣдованій на Кавказѣ. Подобный очеркъ, конечно, долженъ быть составленъ спеціалистами.

Предоставляя спеціалистамъ какъ это, такъ и постановку вопросовъ для рѣшенія ихъ на съѣздѣ, я въ предлагаемой замѣткѣ ограничусь указаніемъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, на то, что сдѣлано по изслѣдованію кавказскихъ языковъ. Цѣль моей поѣздки—указать на настоятельную необходимость продолженія изслѣдованій кавказскихъ языковъ. Приступаемъ къ дѣлу.

Серединную часть Кавказскаго края вообще и западную часть Закавказья занимаютъ группы языковъ, сродство которыхъ съ другими языками еще не отыскано. Эти группы: картвельская (иверская), западно-горская и восточно-горская. Прежде чѣмъ примемся за разсмотрѣніе каждой изъ этихъ группъ, замѣтимъ, что такъ называемая западно-горская группа представляетъ, какъ кажется, двѣ отдѣльныхъ группы.

Картвельская (или иверская) группа заключаетъ въ себѣ четыре языка, а именно: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій. Первый изъ нихъ, т. е. грузинскій языкъ, занимаетъ, въ сравненіи съ прочими, самую большую территорію. Онъ подраздѣляется на нарѣчія или, выражаясь точнѣе, на говоры, которые до сихъ поръ не были изслѣдованы. Существуютъ и въ публикѣ, и въ литературѣ разныя мнѣнія на этотъ счетъ, но ни одно изъ нихъ не провѣрено еще научнымъ образомъ. Самое распространенное и ходячее мнѣніе то, что нарѣчія горцевъ-грузинъ, т. е. пшавовъ, хевсуръ, тушинъ, заключаютъ въ себѣ болѣе слѣдовъ древне-грузинскаго языка, нежели говоръ грузинъ, населяющихъ равнины. Лучшимъ средствомъ для провѣрки этого показанія былъ бы филологическій разборъ собранныхъ г. Умиковымъ въ разныхъ мѣстностяхъ Грузіи пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и сказокъ. Грузинскій языкъ въ первый разъ подвергся филологическимъ изслѣдованіямъ около двухъ вѣковъ съ половиною тому назадъ; имѣется уже не малое количество трудовъ по грамматикѣ этого языка. Но они не разъясняютъ многихъ явленій въ грузинскомъ языкѣ. Для того, чтобы ихъ уяснить, нужно подвергнуть тщательному изслѣдованію и другіе языки картвельской группы, о которыхъ существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія: нѣкоторые, напр., считаютъ мингрельскій языкъ нарѣчіемъ грузинскаго, лазскій языкъ нарѣчіемъ мингрельскаго, сванетскій языкъ признается многими (въ томъ числѣ и академикомъ Броссе) неимѣющимъ ничего общаго съ грузинскимъ языкомъ. Только строго-научныя изслѣдованія могутъ разрѣшить этотъ вопросъ. Въ послѣдніе годы иверская группа языковъ пріобрѣла изслѣдователя, серьезно отнесшагося къ дѣлу, въ лицѣ А. А. Цагарели, профессора грузинскаго языка въ с.-петербургскомъ университетѣ. Въ 1872 году онъ отлитографировалъ брошюрку „Сравнительный обзоръ морфологіи иберійской группы кавказскихъ языковъ". Разобравъ этимологическія формы языковъ этой группы, онъ высказываетъ слѣдующее положеніе: „Этимологическія формы грузинскаго языка оказываются въ общемъ, сложнѣе и разнообразнѣе таковыхъ же формъ сродныхъ съ нимъ языковъ; но сложность и богатство словообразовательныхъ формъ не даютъ еще права грузинскому языку быть отцомъ остальныхъ языковъ,—онъ братъ ихъ, можетъ быть, старшій. Этимологическія формы мингрельскаго и лазскаго языковъ ближе другъ къ другу, чѣмъ къ формамъ остальныхъ двухъ сочленовъ". Что же касается этимологическихъ формъ сванетскаго языка, то онъ удаляется больше отъ формъ остальныхъ языковъ картвельской группы. То же, кажется, можно сказать и относительно фонетики означенныхъ языковъ. А. А. Цагарели занимается въ настоящее время обработкою собранныхъ имъ на мѣстѣ лингвистическихъ матеріаловъ по изслѣдованію мингрельскаго языка. Затѣмъ онъ намѣренъ приняться за обстоятельное изученіе сванетскаго и лазскаго языковъ. Мы увѣрены, что изслѣдованія его подтвердятъ положенія, высказанныя имъ въ 1872 году. По окончаніи этихъ изслѣдованій можно будетъ приняться за разъясненіе непонятныхъ теперь явленій въ грузинскомъ языкѣ и составить цѣльное понятіе объ организмѣ крайне-оригинальной иверской группы языковъ. Представляется другой вопросъ: существуютъ ли гдѣ-либо родичи иверской группѣ языковъ? Бопп старался показать сродство грузинскаго языка съ арійскими, Максъ-Миллеръ—съ туранскими языками; но ихъ выводы не могутъ выдержать критики. Недавно академикъ Броссе въ письмѣ своемъ, адресованномъ на имя г. предсѣдателя Московскаго археологическаго общества, высказался въ пользу арійскаго происхожденія грузинскаго языка, присовокупивъ къ этому, что въ грузинскомъ языкѣ отыщется семитическій элементъ и еще элементъ неизвѣстнаго происхожденія. Многоуважаемый грузинологъ обѣщался, въ подтвержденіе своего положенія указать на присутствіе въ грузинскомъ языкѣ корней старо-персидскихъ и пехлевійскихъ. Подобное указаніе хотя еще не рѣшитъ вопроса о сродствѣ грузинскаго языка съ арійскими, но можетъ бросить свѣтъ на отдаленное прошлое картвельскаго поколѣнія. Не мѣшало бы подвергнуть критической оцѣнкѣ и сдѣланныя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Гейдъ-Клеркомъ объясненія древнихъ наименованій горъ, рѣкъ и городовъ Малой Азіи посредствомъ грузинскаго языка. Не мѣшало бы также подвергнуть критической оцѣнкѣ и мнѣніе Ленормана, усмотрѣвшаго въ ванскихъ клинообразныхъ надписяхъ формы грузинскаго языка. Утвердительный результатъ помогъ бы указать на путь, по которому двигались предки картвельскихъ народовъ въ Грузію. Весьма желательно было бы и указаніе въ грузинскомъ языкѣ, по категоріямъ, словъ, вошедшихъ въ него изъ грузинскаго, турецкаго, персидскаго и другихъ языковъ,—это бросило бы свѣтъ на прошлое грузинскаго поколѣнія. Предоставляя спеціалистамъ обстоятельную постановку вопросовъ, относящихся къ иверской группѣ языковъ, переходимъ къ западно-горской группѣ.

Западно-горская группа языковъ. Къ этой группѣ обыкновенно относятъ языки абхазскаго и черкесскаго племенъ. Абхазскій языкъ, одинъ изъ труднѣйшихъ въ фонетическомъ отношеніи, интересенъ уже и потому, что принадлежитъ къ категоріи агглютинативныхъ язы-

ковъ, къ той категоріи, къ которой относятся языки американскіе и языкъ басковъ. Это обстоятельство, конечно, не говоритъ въ пользу сродства его съ поименованными языками, но подтверждаетъ то положеніе, что и въ средиземной (или такъ называемой кавказской) расѣ, къ которой принадлежатъ, по наружнымъ признакамъ, абхазцы были народы, стоявшіе на болѣе низкой степени по языку. Абхазскій языкъ былъ изслѣдованъ въ началѣ 60-хъ годовъ покойнымъ Усларомъ. Предшественникъ его, по изученію означеннаго языка, берлинскій академикъ Георгъ Розенъ указалъ только на нѣкоторыя особенности послѣдняго. Усларъ, при помощи руководителей изъ абхазцевъ, вникнулъ въ фонетику и грамматическое строеніе этого языка; составилъ онъ и абхазскій словарь, но не полный. Усларъ изучилъ нарѣчіе, самое распространенное въ Абхазіи. Желательно было бы изслѣдовать и нарѣчія, употребляемыя остатками абхазскаго племени въ Кубанской области. Это дастъ возможность объяснить лучше строй разсматриваемаго языка. Былъ еще одинъ родичъ на Кавказѣ абхазскаго языка—это убыхскій языкъ; но онъ исчезъ уже съ Кавказа. Объ языкѣ убыховъ существовали самыя странныя мнѣнія, которыя сводились къ тому, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ своими сосѣдями—абхазскимъ и черкесскимъ языками. Въ 1861 г. принялся было за изученіе этого языка покойный Усларъ. Приведемъ здѣсь слова его: „У насъ въ лагерѣ проживалъ 15-тилѣтній мальчикъ извѣстной убыхской фамиліи Берзековъ. Съ нимъ приступилъ я къ изслѣдованію убыхскаго языка. Зная, что мои занятія могутъ прерваться не сегодня, такъ завтра, я спѣшилъ ознакомиться, хотя бѣгло, съ грамматическимъ строеніемъ языка. Дѣйствительно, занятія мои прекратились на шестой день. Юный Берзекъ исчезъ изъ лагеря, не знаю куда. Мой грамматическій очеркъ вышелъ чѣмъ-то въ родѣ Вагнерова человѣчка, которому совѣстно показаться на свѣтъ Божій... Но и то крайне немногое, что узналъ я объ убыхскомъ языкѣ, вполнѣ убѣдило меня въ близкомъ родствѣ его съ абхазскимъ, хотя и встрѣчаются въ немъ явленія не сходныя. Если кому-либо откроется непредвидѣнная мною возможность заняться дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ убыхскаго языка, то я готовъ передать ему сдѣланныя мною замѣтки. Медлить нельзя, потому что убыхскій языкъ при послѣднемъ издыханіи, и лингвисты будутъ горько сожалѣть о томъ, что исчезъ онъ, не оставивъ по себѣ другого слѣда, кромѣ моего хилаго, шестидневнаго грамматическаго очерка". Вѣроятно, еще отыщутся въ Турціи убыхи, но отыщется ли лингвистъ, который взялъ бы на себя трудъ изучить этотъ языкъ, звуки котораго, безъ сомнѣнія, замрутъ въ непродолжительномъ времени навсегда? Къ абхазскому племени относились, какъ кажется, и джигеты, оставившіе тоже Кавказъ.

Переходимъ къ черкесскимъ народамъ, составляющимъ поколѣніе адиге. Значительное число ихъ выселилось 15 лѣтъ тому назадъ въ Турцію. Слабые ихъ остатки сохранились въ Кубанской области, сохранился и болѣе значительный адигейскій народъ—кабардинцы, игравшіе въ XVII и XVIII вѣкахъ первенствующую роль на сѣверномъ Кавказѣ и пріобрѣвшіе тогда сильное нравственное и политическое вліяніе на своихъ сосѣдей—осетинъ и плоскостныхъ чеченцевъ. Черкесъ Шора-Бекмурзинъ-Ногмовъ, получившій русское образованіе, составилъ грамматическій очеркъ черкесскаго языка. Трудъ этотъ былъ въ рукахъ г. Берже, который передалъ его Услару; неизвѣстно, что съ нимъ сдѣлалось. Въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойнаго Каменева, отыскались набросанныя на-черно отрывочныя и бѣглыя замѣтки объ языкѣ абадзековъ, принадлежащихъ къ племени адиге. Остается трудъ Люлье, отпечатанный въ 1846 г. и одобренный с.-петербургскою академіею наукъ. Этотъ трудъ „Словарь русско-черкесскій, или адигейскій, съ краткою грамматикою послѣдняго". Но г. Люлье не былъ подготовленъ не только къ лингвистическимъ, но и къ филологическимъ занятіямъ; словарь его даетъ весьма слабое понятіе о корняхъ языка; грамматика же его, занимающая нѣсколько страничекъ и составленная по шаблону старинныхъ грамматикъ, не даетъ возможности уяснить себѣ сколько-нибудь особенности черкесскаго языка. Неизвѣстно даже, для какого нарѣчія она составлена. По показанію Люлье, въ адигейскомъ языкѣ находится всего только три нарѣчія, а именно: кабардинское, бесленеевское и вообще черкесское (?!). Онъ составилъ словарь и грамматику этого оригинальнаго нарѣчія, котораго онъ даже не опредѣлилъ территоріи. Предстоитъ, поэтому, надобность изслѣдовать кабардинское нарѣчіе и нарѣчія оставшихся въ Кубанской области черкесскихъ обществъ. По изученіи этихъ нарѣчій и можно будетъ искать сродства ихъ съ абхазскимъ языкомъ. Въ настоящее же время, сличая, на основаніи имѣющихся данныхъ, абхазскій языкъ съ черкесскимъ, можно, пожалуй, усмотрѣть кое-какіе слѣды агглютинаціи въ черкесскомъ языкѣ; но изъ этого еще нельзя вывести заключенія о сродствѣ означенныхъ языковъ. Лексика ихъ не представляетъ, повидимому, сродства. Впрочемъ, чтобы судить о лексическомъ сродствѣ двухъ языковъ, нужно вникнуть въ фонетическія ихъ условія, а трудъ г. Люлье не даетъ понятія о фонетикѣ черкесскаго языка. Однимъ словомъ, покамѣстъ не изслѣдованы нарѣчія черкесскаго языка и не имѣется еще данныхъ въ пользу несомнѣннаго сродства послѣдняго съ абхазскимъ, благоразумнѣе не признавать общей западно-горской группы языковъ, которую ввелъ въ своей классификаціи и Фридрихъ Миллеръ (см. его Allgemeine Ethnographie). Основательное изученіе черкесскихъ нарѣчій броситъ свѣтъ и на прошлое адигейскихъ народовъ. Предстоитъ надобность и пополнить словарь абхазскаго языка, составленный покойнымъ Усларомъ: трудъ его объ абхазскомъ языкѣ былъ первымъ его трудомъ; обративъ главное вниманіе на фонетику и грамматическій строй языка, онъ почти упустилъ изъ виду филологическое объясненіе названій мѣстностей какъ въ Абхазіи, такъ и наименованій сосѣднихъ странъ и народовъ. Лишь изрѣдка попадаются у него подобныя объясненія, весьма цѣнныя въ дѣлѣ провѣрки этническихъ названій, встрѣчаемыхъ у классическихъ писателей (какъ, напр., названіе „зуху", означающее по-абхазски черкеса).

Въ заключеніе замѣтимъ, что не отыскано сродства абхазско-черкесскихъ языковъ съ другими языками.

Восточно-горская группа. Эта группа обнимаетъ языки народовъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Андійскаго водораздѣла, а именно: чеченскій, съ его нарѣчіями, и языки народовъ Дагестана, извѣстныхъ у насъ подъ общимъ именемъ лезгинъ. Чеченцы и лезгины, родственные между собою по происхожденію и по языку, направили было въ прежнія времена свою дѣятельность въ совершенно разныя стороны: между тѣмъ какъ чеченцы пріобрѣли себѣ извѣстность своими нападеніями на Сѣверный Кавказъ, лезгины наводили ужасъ на Закавказье, въ разныхъ мѣстахъ котораго и успѣли они утвердиться.

Главная масса чеченцевъ населяетъ плоскостную мѣстность. Языкъ ихъ, занимающій, сравнительно, значительную территорію, былъ изслѣдованъ покойнымъ Усларомъ. Насколько разнятся отъ него нарѣчія чеченскихъ обществъ, населяющихъ горныя мѣстности, это еще не разъяснено. Только одно нарѣчіе, а именно, нарѣчіе Цовскаго общества въ Тушетіи, изучено академ. Шифнеромъ и названо имъ неправильно тушскимъ языкомъ. Нарѣчіе это, сродное съ чеченскимъ языкомъ, до того, однако, отдѣлилось отъ послѣдняго, что можетъ быть названо языкомъ. Чеченское племя далеко не представляетъ сего разнообразія по языку, какое замѣчается у дагестанскихъ народовъ, превосходящихъ чеченцевъ численностью почти въ три раза.

Дагестанъ еще арабами былъ прозванъ „Горою языковъ"; даже въ новыя времена распространены были и въ публикѣ и въ литературѣ самыя странныя свѣдѣнія о разнообразіи языковъ въ этой странѣ: увѣряли, что тамъ что ни ауль, то новый языкъ; отыскали въ Дагестанѣ, а имен-

но въ Кубачахъ, и мнимо-франскій языкъ. Изслѣдованія Услара разсѣяли этотъ туманъ, разстилавшійся надъ „Горою языковъ". Покойный Усларъ изучилъ пять самыхъ распространенныхъ языковъ въ Дагестанѣ, а именно: аварскій и лакскій, т. е. казикумухскій (въ Нагорномъ Дагестанѣ), даргинскій, кюринскій и табасаранскій (въ восточной части Дагестана). Набросалъ онъ коротенькій очеркъ языка аула Арчи и записалъ числительныя имена нарѣчій самой западной части Дагестана. Я собралъ матеріалы для изученія андійскаго и кубачинскаго нарѣчій, а также рутульскаго и цахурскаго языковъ. Въ результатѣ всѣхъ изслѣдованій получилось, что всѣ лезгинскіе языки сродны между собою. Языки распадаются на нарѣчія. Языковъ отдѣльныхъ изрядное количество. Спрашивается: существовало ли такое разнообразіе языковъ еще до занятія Дагестана предками лезгинъ, или же оно образовалось впослѣдствіи, уже въ Дагестанѣ, вслѣдствіе разобщенности народностей, населяющихъ крайне гористыя мѣстности? Основываясь на теоріи, принятой въ лингвистикѣ, мы должны допустить первое; гористая же мѣстность Дагестана способствовала только поддержанію разнообразія языковъ и къ развитію особенностей, лежащихъ въ ихъ основѣ. Можно, кажется, скорѣе сдѣлать совершенно противоположное предположеніе, а именно, что въ отдаленныя времена существовало, быть можетъ, еще большее лингвистическое разнообразіе; и это на томъ основаніи, что въ Дагестанѣ есть нѣсколько языковъ, значительно преобладающихъ численностью говорящихъ на нихъ надъ другими, каковы, напр., языки аварскій и даргинскій, языки именно тѣхъ націй, которыя съ давнихъ поръ совокупились въ одно политическое общество и, вѣроятно поглотили въ себѣ мелкія народности. На это предположеніе наводитъ то явленіе, что большее разнообразіе языковъ замѣчается въ мѣстностяхъ, менѣе доступныхъ и болѣе изолированныхъ природою. Но какъ бы то ни было, всѣ обслѣдованные языки Дагестана оказываются сродными между собою; далѣе, всѣ они, хотя и обнаруживаютъ стремленіе къ флексіи, но, вопреки мнѣнію покойнаго Услара, должны быть отнесены скорѣе къ категоріи приставочныхъ языковъ или, вѣрнѣе сказать, къ такимъ языкамъ, въ которыхъ совершается переходъ къ флексіи. Эта степень въ развитіи языковъ представляетъ многоразличныя фазы, весьма поучительныя для лингвиста, который, при изученіи дагестанскихъ языковъ, можетъ найти подтвержденіе тѣхъ теорій, для доказательства которыхъ въ другихъ языкахъ пришлось прибѣгать подчасъ къ натяжкамъ. Лингвисты, напр., утверждаютъ, что падежи образовались посредствомъ присоединенія къ темѣ существительнаго указательнаго мѣстоименія,—парадигмы склоненій въ арчинскомъ языкѣ представляютъ такое наглядное подтвержденіе этого положенія, какого мнѣ не случалось встрѣчать въ другихъ языкахъ. Изученіе каждаго горскаго языка представляетъ новыя явленія, не встрѣченныя въ изслѣдованныхъ языкахъ. Очевидно, что для уразумѣнія всего организма дагестанскихъ языковъ нужно обстоятельное изученіе всѣхъ ихъ. Провидѣніе передало въ руки Россіи совершенно особый, весьма интересный лингвистическій микроскопъ,—неужто она не ознакомитъ съ нимъ ученый міръ? Прибавимъ къ этому, что безъ подобнаго изученія дагестанскихъ языковъ немыслима и ихъ классификація.

Мы сказали выше, что лезгины успѣли утвердиться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья. Такъ, они заняли, между прочимъ, довольно значительную территорію, извѣстную теперь подъ именемъ Закатальскаго округа. Это, однако, произошло не въ слишкомъ отдаленное отъ насъ время. Но есть одинъ народецъ, сродный по языку съ дагестанскими народами, который водворился въ Закавказьи въ незапамятныя времена. Этотъ народъ удины; языкъ ихъ (объ этомъ языкѣ имѣется трудъ академ. Шифнера), сохранившій основу лезгинскихъ языковъ, подвергся сильному вліянію татарскаго языка; вошло въ него немало и армянскихъ словъ. Повѣствованіе Моисея Хоренскаго о томъ, что Месропъ отправился въ Агванію, съ цѣлью составленія азбуки для народа, языкъ котораго изобиловалъ горловыми звуками, надо, кажется, отнести къ удинамъ. Судя по указаніямъ армянскихъ лѣтописцевъ, армяне успѣли окрестить этотъ народъ; но надо полагать, что армянскіе миссіонеры въ дѣлѣ христіанской пропаганды ушли не дальше греческихъ миссіонеровъ, водворявшихъ христіанство въ Абхазіи и Черкесіи: они, по всей вѣроятности, ограничились также сооруженіемъ церквей и введеніемъ нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ; богослуженіе, надо полагать, совершалось на непонятномъ для обращенныхъ языкѣ. Какъ бы то ни было, но христіанство не пустило глубокихъ корней у удинъ, и они, послѣ наплыва татаръ, омусульманились и отатарились. Нынѣ удинскій языкъ сохранился въ двухъ деревняхъ Нухинскаго уѣзда: Варташенѣ и Нижѣ. Поименовываютъ еще нѣсколько мусульманскихъ деревень, въ которыхъ будто бы сохранились остатки удинскаго языка. У удинъ существуетъ, какъ они увѣряютъ, преданіе о томъ, что предки ихъ населяли Агванію (Албанію), что у нихъ было царство, со столицею Бердою. Мы не придаемъ значенія этому сказанію, видимо, распространенному книжными людьми; но тѣмъ не менѣе, остается загадочнымъ фактъ исчезновенія албанцевъ. Не окажетъ ли тутъ пособія лингвистика? Армянскія лѣтописи передали названія древнихъ авганскихъ мѣсяцевъ. Нѣсколько изъ нихъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть объяснены, безъ всякой натяжки, посредствомъ удинскаго языка (мы объ этомъ писали профес. К. П. Патканову). Быть можетъ, отыщутся въ армянскихъ лѣтописяхъ и другія агванскія слова. Если сближеніе ихъ съ удинскимъ языкомъ дастъ положительные результаты, то тогда вопросъ о происхожденіи агванцевъ (албанцевъ) будетъ поставленъ на прочную почву.

Родичей для группы чеченско-дагестанскихъ языковъ не оказалось внѣ Кавказа. Правда, что Клапротъ старался отыскать слова, подходящія къ горскимъ словамъ, въ такъ называемыхъ туранскихъ языкахъ; но Клапротъ жилъ въ то время, когда лингвистика была еще въ пеленкахъ, и когда сравнивали слова, но не корни и грамматическія формы, и когда еще не убѣдились въ томъ, что сходство данныхъ словъ въ разныхъ языкахъ можетъ быть совершенно случайнымъ. Кромѣ того, слова кавказскихъ языковъ записаны у Клапрота совершенно въ извращенномъ видѣ. Покойный Усларъ высказалъ то предположеніе (см. VII книжку „Записокъ кавказскаго отдѣла императ. россійск. общества"), что „кавказскіе горцы представляютъ собою ничтожные остатки множества народовъ населявшихъ въ доисторическія времена огромныя полосы земли въ Азіи и въ Европѣ и принадлежавшихъ къ одной расѣ, которая вездѣ исчезла, за исключеніемъ Кавказа". „Мы говоримъ,", продолжаетъ Усларъ, „вездѣ, потому что новѣйшія попытки пріискать для кавказскихъ горцевъ сродниковъ въ Тибетѣ и у Гималая представляютъ еще мало убѣдительнаго. Кавказъ былъ не путемъ переселенія народовъ, а убѣжищемъ народовъ, гонимыхъ и истребляемыхъ на равнинѣ". Какъ бы то ни было, но, окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи кавказскихъ горцевъ, необходимо предварительно изслѣдовать обстоятельно ихъ языки, а потомъ уже приступить къ сравненію ихъ съ языками внѣ-кавказскихъ народовъ.

Разсмотрѣнныя группы языковъ, называемыя обыкновенно кавказскими на томъ основаніи, что онѣ встрѣчаются только на Кавказѣ, не представляютъ сродства между собою, а потому соединять ихъ въ одну группу болѣе, чѣмъ странно. Такъ на это смотрѣлъ и покойный Усларъ. Между тѣмъ онъ употребилъ въ одной газетной статьѣ (№ 113 „Кавказа" за 1868 г.) неловкое выраженіе, введшее въ обманъ классификаторовъ кавказскихъ языковъ. Вотъ слова Услара: „для меня явственно очертились три группы кавказскихъ языковъ: западно-кавказская, восточно-кавказская и грузинская. Послѣдняя мнѣ наименѣе извѣстна, или, откровенно сказать, вовсе не-

извѣстна. Составляетъ ли она звено между кавказскими группами: западною и восточною? Составляетъ ли она совершенно чуждое имъ семейство? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ еще въ будущемъ и..... вѣроятно, выпадетъ не на мою долю. Ars longa et vita brevis". Какъ видно изъ этой выдержки, нашъ незабвенный изслѣдователь высказался рѣшительно, что онъ не можетъ рѣшить вопроса о томъ, существуетъ ли какое-нибудь соотношеніе между картвельскою (грузинскою) группою и горскими группами языковъ; но, съ другой стороны, онъ допускаетъ возможность того, что картвельская группа составляетъ звено между восточною и западною горскими группами языковъ. Если картвельская группа можетъ составлять звено между послѣдними, то надо предположить, что между ними есть много общаго; но этого-то именно не замѣчается, а поэтому не можетъ быть рѣчи о звенѣ, ихъ соединяющемъ.

Переходимъ къ языкамъ, сродство которыхъ съ другими внѣ-кавказскими языками очевидно. Эти языки, за исключеніемъ русскаго и калмыцкаго, подводятся главнымъ образомъ къ двумъ семействамъ: иранскому и тюркскому. Народы, говорящіе этими языками, позже пришедшіе на Кавказъ, опоясали собою съ трехъ сторонъ (съ С.-В., В. и Ю.-В.) группы собственно кавказскихъ народовъ.

Прежде нежели приступимъ къ разсмотрѣнію этихъ языковъ, мы должны выдѣлить изъ нихъ языкъ, считавшійся прежде иранскимъ, но который, какъ кажется, не долженъ быть отнесенъ къ иранской группѣ. Этотъ языкъ — древняго культурнаго народа—хотя и не занимаетъ на Кавказѣ сплошной большой территоріи, но по числу населенія, говорящаго на немъ, долженъ быть отнесенъ къ категоріи болѣе распространенныхъ языковъ. Рѣчь идетъ объ армянскомъ языкѣ.

Грамматически армянскій взыкъ сталъ изучаться съ весьма отдаленнаго времени, но лингвистическое его изслѣдованіе началось лишь съ 1837 года, т. е. со времени появленія объ этомъ языкѣ труда профессора берлинскаго университета Петермана. Мало по малу выработалось то мнѣніе, что армянскій языкъ слѣдуетъ причислить къ иранской семьѣ языковъ. Для устраненія недоразумѣній, возникшихъ вслѣдствіе того, что армянскій языкъ значительно разнится отъ новыхъ иранскихъ языковъ проф. Вѣнскаго университета, извѣстный лингвистъ, Фридрихъ Миллеръ придумалъ слѣдующую остроумною формулу: „На армянскій языкъ слѣдуетъ смотрѣть не какъ на дочь древне-персидскаго или древне-бактрійскаго, а какъ на потомка другого, неизвѣстнаго намъ, основного языка, отдѣлившагося одновременно съ древне-персидскимъ и съ древне-бактрійскимъ отъ первоначальнаго основного языка (Sprachstamme)". Въ послѣднее время теорія объ иранскомъ происхожденіи армянскаго языка подверглась сильнымъ нападеніямъ. Кто желаетъ обстоятельно познакомиться съ преніями, возникшими по этому поводу, тому совѣтуемъ прочесть капитальную статью профессора К. П. Патканова, помѣщенную въ 1 вып. VI тома „Извѣстій Кавказскаго отдѣла импер. русск. географическаго общества". „Въ концѣ концовъ", такъ заключаетъ свой разборъ мнѣній о генетическомъ происхожденіи армянскаго языка многоуважаемый профессоръ,— „результаты всѣхъ сдѣланныхъ до сихъ поръ изысканій сводятся къ слѣдущей формулѣ: армянскій языкъ, занимая среднее мѣсто между группами иранской и славо-литовской, есть представитель самостоятельной, исчезнувшей (можетъ быть Мало-Азійской) группы индо-европейскихъ языковъ". Смѣемъ надѣяться, что Керопэ Петровичъ въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ укажетъ на тѣ особенности, на основаніи которыхъ армянскій языкъ слѣдуетъ считать представителемъ самостоятельной, исчезнувшей группы языковъ. Нечего распространяться о важномъ значеніи разработки этого предмета, какъ для сравнительнаго языкознанія, такъ и для этнологіи. Съ разработкою этого предмета и указаніемъ тѣхъ сторонъ въ армянскомъ языкѣ, въ которыхъ онъ соприкасается съ иранскими языками и славо-литовскою группою, уяснится въ значительной степени и отдаленное прошлое армянской націи. К. П. Паткановъ обратилъ свое вниманіе и на діалекты, которыхъ въ армянскомъ языкѣ немало (г. Паткановъ, въ своемъ трудѣ „Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка", насчитываетъ ихъ 12). Одинъ изъ нихъ, а именно діалектъ Араратской области, сдѣлался съ IV вѣка литературнымъ языкомъ. Это—такъ называемый „грабаръ". К. П. Паткановъ высказывается въ пользу древности армянскихъ діалектовъ и указываетъ на важное значеніе ихъ для обстоятельнаго изученія армянскаго языка. Онъ уже собралъ много матеріаловъ для изслѣдованія нарѣчій. Нѣкоторые изъ діалектовъ, какъ видно изъ поясненій, сдѣланныхъ К. П. Патканомъ, очень близки другъ къ другу; другіе же значительно расходятся между собою. Не сохранили ли нѣкоторые изъ послѣднихъ элементъ, чуждый прочимъ армянскимъ нарѣчіямъ и который, быть можетъ, представляетъ собою остатки исчезнувшихъ сродственныхъ языковъ? Вотъ вопросъ, который невольно является въ умѣ, и разрѣшеніе котораго нужно предоставить К. П. Патканову. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что на нѣкоторые изъ діалектовъ имѣли вліяніе языки смежныхъ народовъ.

Перейдемъ теперь къ иранскимъ языкамъ. Съ отдаленныхъ уже временъ персіяне проникли въ Закавказье, заняли юго-восточное прибрежье Каспійскаго моря и основали Дербентское укрѣпленіе, для защиты своихъ владѣній отъ вторженія съ сѣвера тюркскихъ народовъ. Въ настоящее время такъ называемые таты составляютъ почти сплошное населеніе Бакинскаго уѣзда; живутъ они и вблизи Дербента. Таты, по показанію г. Петрусевича, живутъ въ сѣверномъ Хорасанѣ; живутъ они вообще въ сѣверной Персіи, гдѣ ихъ называютъ также таджиками. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ объясненіе названій: „татъ" и „таджикъ". Не подлежитъ сомнѣнію, что таты говорятъ нарѣчіемъ ново-персидскаго языка. О татскомъ нарѣчіи имѣется въ трудѣ Березина „Recherches sur les dialectes persans" (1853 г.) замѣтка занимающая около 20-ти страницъ. Конечно, нельзя на основаніи бѣглой филологической замѣтки составить цѣльнаго понятія объ организмѣ языка. Березинъ высказываетъ мнѣніе, что татское нарѣчіе, представляя фонетическое и лексическое искаженіе ново-персидскаго языка, сохранило почти цѣликомъ большинство формъ послѣдняго, въ подтвержденіе чего и приводитъ примѣры.

Больше свѣдѣній у Березина находится о нарѣчіяхъ: талышинскомъ, гилянскомъ и мазендеранскомъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимались и до него. Въ числѣ изслѣдователей этихъ нарѣчій нужно поставить на первомъ планѣ Александра Ходзько, автора „Specimens of the popular poetry of Persia". Талышинцы, гилянцы и мазендеранцы, говоритъ знаменитый оріенталистъ (см. 457—458 стр.), занимая малодоступныя мѣстности между Каспійскимъ моремъ и Эльбрусскимъ хребтомъ, могли лучше устоять противъ посторонняго вліянія,—у нихъ даже исламъ былъ введенъ позже, нежели въ остальныхъ провинціяхъ Персіи. И языкъ ихъ, сравнительно съ другими персидскими нарѣчіями, подвергся меньшимъ видоизмѣненіямъ. Изъ означенныхъ діалектовъ насъ болѣе должно интересовать нарѣчіе талышинцевъ, живущихъ въ Закавказьи, а именно въ Ленкоранскомъ уѣздѣ. Г. Ходзько утверждаетъ, что въ ихъ языкѣ сохранилось болѣе остатковъ зендскаго языка, нежели въ другихъ нарѣчіяхъ прикаспійскихъ иранскихъ племенъ, въ подтвержденіе чего указываетъ на обиліе въ талышинскомъ нарѣчіи двугласныхъ, на слова и грамматическія формы, близко подходящія къ зендскому языку. Замѣтимъ здѣсь, что краткій грамматическій очеркъ талышинскаго нарѣчія былъ составленъ покойнымъ Риссомъ. Очеркъ этотъ напечатанъ въ III книжкѣ „Записокъ Кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества". Просматривая имѣющіеся матеріалы объ означенномъ нарѣчіи, нужно придти къ тому заключенію, что оно все-таки весь-

ма близко къ ново-персидскому языку и наврядъ-ли можетъ считаться особымъ, самостоятельнымъ языкомъ.

Въ Закавказьи есть еще одинъ языкъ, близкій къ ново-персидскому; но онъ уже имѣетъ полное право на названіе самостоятельнаго языка. Это курманджи—языкъ курдовъ.

Первоначальная родина курдовъ—это древняя Мидія; теперь еще курды составляютъ почти сплошное населеніе сѣверо-западныхъ окраинныхъ частей Персіи. Уже въ довольно отдаленной древности они потеряли свое политическое значеніе, обратились по преимуществу въ кочевой горный народъ и разсѣялись, съ одной стороны, къ с.-в., до сѣверо-восточныхъ оконечностей Хорасана, а съ другой стороны—заняли удлиненную полосу, простирающуюся въ Азіатской Турціи до Сулейманіэ. Они распространились такимъ образомъ и по древней Великой Арменіи, гдѣ и заняли гористыя мѣстности. Въ нѣкоторыхъ же ея частяхъ, вслѣдствіе выселенія оттуда въ значительномъ количествѣ армянъ, они составили численно преобладающее населеніе. Поэтому европейскимъ географамъ предстоитъ немалое затрудненіе въ точномъ опредѣленіи границъ такъ называемаго Курдистана и Арменіи; недавно константинопольскіе армянскіе патріоты заявили сильный протестъ противъ включенія на картѣ въ Курдистанѣ значительной части древней Арменіи.

Курды живутъ уже съ отдаленныхъ временъ разрозненными обществами. Это обстоятельство содѣйствовало въ сильной степени развитію разныхъ нарѣчій и говоровъ. Но всѣ эти изрѣчія близки другъ къ другу, всѣ они называются „курманджи“ и носятъ вполнѣ характеръ этого языка, представляющаго крайне сжатый видъ словъ и въ высшей степени упрощеніе грамматическихъ формъ; курды съ противоположныхъ мѣстностей безъ труда понимаютъ другъ друга. Одно только нарѣчіе, называемое зазà и употребляемое въ бассейнѣ восточнаго Евфрата (Мурадъ-чая), въ окрестностяхъ Муша и Палу, значительно разнится отъ другихъ. Оно хотя и представляетъ, безпорно, лингвистическое сродство съ курманджи, но для курда, говорящаго послѣднимъ нарѣчіемъ, почти непонятно съ перваго раза. Г. Лерхъ, записавшій кое-какіе тексты на означенномъ нарѣчіи, говоритъ, что „оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ приближается болѣе другихъ языковъ своей группы къ осетинскому“. Желательно было бы, не только въ интересѣ лингвистики, но и этнологіи, подтвержденіе этого мнѣнія вѣскими доводами; къ сожалѣнію, для этого имѣется мало данныхъ.

Возвратимся къ курманджи. Его сталъ изучать, почти сто лѣтъ тому назадъ, католическій миссіонеръ Гарцони. Съ этихъ поръ появилось не мало трудовъ и замѣтокъ, касающихся этого языка. Изъ изслѣдователей упомянемъ: Лерха, Ал. Ходзько, Жабу, Рича, Березина, Реа. Въ текущемъ году Императорская Академія Наукъ издала, подъ редакціею профессора Юсти, довольно объемистый словарь этого языка. Во всѣхъ трудахъ означенныхъ ученыхъ поражаетъ, во первыхъ, крайняя сбивчивость и противорѣчіе въ транскрипціи однихъ и тѣхъ-же словъ. Явленіе это объясняется тѣмъ, что лица, изучившія курдскій языкъ, слишкомъ много довѣряли своему слуху, а если и обращались, при транскрипціи словъ, къ помощи курдовъ, то прибѣгали къ арабскому алфавиту, весьма бѣдному начертаніями, въ особенности для гласныхъ, которыхъ въ курдскомъ языкѣ имѣется изрядное количество. Во вторыхъ въ курдскомъ языкѣ, представляющемъ, какъ мы сказали, въ высшей степени упрощеніе грамматическихъ формъ, весьма важную роль играютъ приставки, прилоги, послѣлоги; уразумѣніе ихъ и составляетъ ключъ къ пониманію означеннаго языка. Между тѣмъ изслѣдователи не обратили на нихъ должнаго вниманія. Вотъ, между прочимъ, источникъ сбивчивости въ показаніяхъ относительно глагольныхъ формъ. При изученіи курдскаго языка мы поставлены были въ лучшія обстоятельства: С. А. Егіазаровъ, уроженецъ курдской деревни и знакомый съ дѣтства съ курдскимъ языкомъ, доставилъ тексты, для транскрипціи которыхъ былъ употребленъ заранѣе строго-обдуманный алфавитъ, подходящій близко къ кастреновскому (которымъ столь удачно воспользовался и покойный Шифнеръ). Мы разсмотрѣли съ г. Егіазаровымъ внимательно тексты и въ грамматическомъ отношеніи; мы не пропустили мимо ни одной приставки; осталось весьма мало мѣстъ, требующихъ, по моему мнѣнію, разъясненій. Набросанный нами, при помощи С. А. Егіазарова, краткій грамматическій очеркъ уясняетъ немало явленій въ разсматриваемомъ языкѣ, оставшихся до сихъ поръ неразгаданными. Очеркъ составленъ для одного только нарѣчія. Этимъ, конечно, ограничиться нельзя: для уразумѣнія вполнѣ организма курдскаго языка, нужно изучить всѣ его нарѣчія, а также едва затронутое наукою нарѣчіе зазà. Надежду въ этомъ отношеніи нужно возложить на С. А. Егіазарова. Изученіе курдскаго языка не только важно въ научномъ отношеніи: народъ этотъ, населяющій окраинныя, смежныя между собою, части Закавказья, Азіатской Турціи и Персіи давнымъ-давно пріобрѣлъ печальную извѣстность своими нападеніями и грабежами, а между тѣмъ онъ имѣетъ богатые умственные задатки; введеніе среди его гражданственности сообщило бы другое направленіе его дѣятельности. Но наврядъ-ли Турція или Персія возьмутъ въ этомъ случаѣ на себя иниціативу. Россія должна начать это дѣло и позаботиться, между прочимъ, объ основаніи школъ для курдовъ, живущихъ въ предѣлахъ ея владѣній. Школы же тогда только могутъ принести пользу, когда первоначальное обученіе въ нихъ будетъ происходить на родномъ для курдовъ языкѣ.

Разсмотрѣнные уже иранскіе народы пришли въ край съ юга; они и живутъ въ Закавказьи; но есть еще одинъ небольшой иранскій народъ, пришедшій, по всей вѣроятности, съ сѣвера и, судя по указаніямъ исторіи, въ весьма отдаленное время. Этотъ народъ, называющій самъ себя „иронъ“ и извѣстный вообще подъ именемъ осетинъ, расположился у Дарьяльскаго ущелья, по обѣимъ его сторонамъ, и врѣзался такимъ образомъ клиномъ между тремя группами кавказскихъ народовъ: восточно-горскою, западно-горскою и картвельскою. Онъ населяетъ Тагаурію и Дигорію; къ в. отъ верхняго теченія Терека осетины живутъ въ перемежку съ ингушами (чеченскимъ племенемъ); они проникли съ давнихъ поръ на югъ, въ земли, населенныя грузинами: въ Карталинію и въ Рачу (часть Имеретіи). До 40-хъ годовъ ходили въ публикѣ и въ литературѣ самыя нелѣпыя мнѣнія о разсматриваемомъ народѣ: относили его то къ нѣмцамъ, то къ финамъ, то даже къ семитамъ. Всѣ эти нелѣпыя толки разсѣялись послѣ того, какъ изслѣдовалъ осетинскій языкъ академикъ Шёгренъ. Мы должны сдѣлать небольшое отступленіе и посвятить нѣсколько словъ этой замѣчательной личности. Академикъ Шёгренъ открываетъ собою на Кавказѣ рядъ солидныхъ и, къ сожалѣнію, весьма немногочисленныхъ изслѣдователей: изучаетъ онъ языкъ на мѣстѣ и изучаетъ его обстоятельно, вникая, при помощи туземцевъ, въ фонетическія его особенности. Понадобилось составить осетинскій алфавитъ, по образцу котораго составлялись потомъ алфавиты для кавказскихъ народовъ, не имѣющихъ своей письменности. Можно упрекнуть трудъ Шёгрена въ неполнотѣ (въ особенности его словарь), но не въ неточности. Точность въ изслѣдованіи обусловилась въ немалой степени и тѣмъ обстоятельствомъ, что трудъ Шёгрена долженъ былъ послужить руководствомъ для будущихъ учителей означеннаго народа. Дѣйствительно, явились потомъ въ Осетіи школы, въ которыхъ первоначальное обученіе происходило на родномъ языкѣ; въ церквахъ полудикій дотолѣ народъ услышалъ первое слово Божіе на своемъ языкѣ. Понадобились переводчики. Здѣшній экзархатъ, введшій было преподаваніе осетинскаго языка въ Тифлисской духовной семинаріи, поощрялъ людей, изучавшихъ осетинскій языкъ. Явилось нѣсколько отличныхъ знатоковъ осетин-

скаго языка, къ числу которыхъ принадлежитъ и преосвященный Іосифъ, епископъ Владикавказскій.

Возвратимся къ труду Шёгрена. Достаточно даже поверхностно ознакомиться съ трудомъ Шёгрена, чтобы вынести убѣжденіе, что осетинскій языкъ принадлежитъ къ иранской группѣ языковъ. Языкъ этотъ, по своимъ грамматическимъ формамъ, гораздо древнѣе новоперсидскаго и ближайшихъ къ нему языковъ: послѣдніе находятся въ аналитическомъ періодѣ; въ осетинскомъ же языкѣ, хотя вспомогательные глаголы играютъ важную роль, сохранились самостоятельныя формы, въ числѣ ихъ и падежныя окончанія. Дѣлались изрѣдка сближенія осетинскаго языка съ другими иранскими языками; желательно было бы продолженіе трудовъ въ этомъ направленіи: оно повело бы, по всей вѣроятности, къ весьма интереснымъ выводамъ. Шёгренъ изучилъ два осетинскія нарѣчія: тагаурское и дигорское; въ трудѣ Шёгрена приведено произношеніе данныхъ словъ по тагаурски и по дигорски. Весьма интересно было бы сдѣлать, на основаніи этихъ данныхъ, сближенія между этими нарѣчіями; быть можетъ, удалось бы указать на то, которое изъ означенныхъ нарѣчій сохранило въ себѣ болѣе древній характеръ.

Кавказъ въ этнологическомъ отношеніи представляетъ, не считая русскаго населенія, три главныя этнографическія населенія. Разсматривая размѣщеніе живущихъ въ немъ теперь народовъ, надо положить, что изъ нихъ прежде всѣхъ прибыли съ юга народы картвельскаго поколѣнія, а съ сѣвера—лезгины, чеченцы и, по всей вѣроятности, абхазцы и черкесскія племена. Къ древнимъ обитателямъ нужно отнести также осетинъ, армянъ и талышинцевъ. Затѣмъ, второе населеніе образовали таты и курды. За ними слѣдуютъ тюркскіе народы, двинувшіеся на Кавказъ съ с.—в. и ю.—в. Мѣстомъ встрѣчи ихъ была мѣстность, находящаяся вблизи Дербента. За обладаніе прохода вблизи Дербента происходили кровопролитныя войны, кончившіяся тѣмъ, что южныя (адербейджанскіе) татары удержали въ своихъ рукахъ означенный проходъ. Кто такіе южные татары? Они, какъ это показываетъ и самое ихъ названіе, пришли на Кавказъ съ персидской провинціи Адербейджана. Нарѣчіе ихъ, подвергшееся вліянію персидскаго языка, отличается необыкновенною простотою и весьма доступно для изученія. Утвердившись въ юго-восточной части Закавказья, покоривъ и омусульманивъ агванцевъ (албанцевъ), они успѣли сдѣлать свой языкъ господствующимъ въ означенной части края. Татскій языкъ былъ оттѣсненъ къ самому прибрежью и получилъ въ Дагестанѣ бранное прозвище еврейскаго языка, на томъ основаніи, что на немъ говорятъ и тамошніе евреи, пришедшіе въ эту страну, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ татами. Въ восточной части Закавказья находятся и другіе пришельцы тюркскаго происхожденія, какъ, напр., муганлы, рѣзко отличающіеся своимъ типомъ отъ адербейджанскихъ татаръ, напоминающихъ собою народовъ бѣлой расы, но и они говорятъ адербейджанскимъ нарѣчіемъ. Въ Закавказьи есть переселенцы изъ Дагестана; между ними немало аварцевъ (въ Закатальскомъ округѣ),—и этотъ гордый народъ, игравшій когда-то первенствующую роль въ нагорномъ Дагестанѣ, идетъ за общимъ движеніемъ и говоритъ въ Закавказьи по-татарски, нерѣдко забывая даже свой родной языкъ. Адербейджанское нарѣчіе пустило глубокіе корни въ юго-восточномъ Дагестанѣ: въ Дербентъ приходятъ горцы изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей, несутъ даже часто даровой трудъ, лишь бы только выучиться по-татарски. Будемъ ли послѣ этого удивляться, что адербейджанское нарѣчіе сдѣлалось международнымъ языкомъ и для юго-восточнаго Дагестана, что горскіе языки этой страны подверглись сильному вліянію означеннаго нарѣчія, и что, напр., языкъ табасаранцевъ, живущихъ вблизи Дербента, начинаетъ вымирать. А вѣдь табасаранцы составляютъ осѣдлое, сплошное, почти 20-титысячное населеніе! Мало того, мы лично убѣдились въ томъ, что адербейджанское нарѣчіе начинаетъ проникать въ трудно-доступныя мѣстности нагорнаго Дагестана: андійцы, напр., или другіе горцы этой части Дагестана, побывавшіе, по торговымъ дѣламъ, въ такъ называемыхъ закавказскихъ мусульманскихъ провинціяхъ, объясняются довольно свободно по-татарски.

Несмотря на такое распространеніе адербейджанскаго нарѣчія, оно не изслѣдовано надлежащимъ образомъ: попадаются въ разныхъ статьяхъ, сочиненіяхъ бѣглыя замѣтки объ этомъ нарѣчіи; но подобныя замѣтки, конечно, не могутъ дать цѣльнаго представленія объ языкѣ. А. П. Берже составилъ сборникъ адербейджанско-татарскихъ пѣсенъ; ему и сподручно было бы, какъ знатоку адербейджанскаго нарѣчія и персидскаго языка, познакомить ученый міръ съ организмомъ нарѣчія, столь сильно распространеннаго въ Закавказьи.

Въ юго-западной части Закавказья, а именно въ земляхъ, присоединенныхъ отъ Турціи (въ Батумской и Карской областяхъ, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ) распространенъ турецкій языкъ: на немъ говоритъ значительная масса омусульманеннаго грузинскаго населенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ попадаются, въ видѣ островковъ, таракаманцы. Въ 1872 г., во время поѣздки моей въ Ахалцихскій уѣздъ, я записалъ небольшое количество словъ и нѣкоторыя грамматическія формы. Это, конечно, слишкомъ мало для того, чтобы судить объ языкѣ, но мнѣ кажется, что таракаманское нарѣчіе представляетъ интересныя особенности, на которыя не мѣшало бы обратить вниманіе.

Переходимъ къ татарскимъ народамъ, обитающимъ на сѣверномъ Кавказѣ. Къ С. отъ Дербента, вдоль прибрежья Каспійскаго моря и затѣмъ на С.—З. до Качкалыковскаго хребта, живетъ культурный татарскій народъ —кумыки. Они имѣли вліяніе на своихъ сосѣдей, но не столь значительное, какъ адербейджанскіе татары въ юго-восточной части Закавказья. Кумыки, какъ извѣстно, принадлежатъ, по языку, къ вѣтви ногайской. Къ С. отъ кумыковъ и живетъ степной народъ ногайцы. Кочевья ногайцевъ попадаются дальше къ З., переходятъ даже за Кубань. У истоковъ Кубани живетъ карачаевское общество, а по близости его, у предгорій Кавказскаго хребта, въ верховьяхъ рѣкъ, орошающихъ Большую Кабарду, живутъ въ небольшомъ числѣ мелкія горскія тюркскія общества (Урусбій, Чегемъ, Балкаръ), находившіяся прежде въ зависимости отъ кабардинцевъ. Мы не можемъ ничего сказать объ ихъ языкѣ. У нижняго теченія Калауса и Кумы кочуютъ такъ называемые трухмены, сродные, вѣроятно, по языку съ закаспійскими туркменами, принадлежащими къ уйгурской вѣтви тюркской группы. На С.—В. Ставропольской губерніи, къ Ю. отъ озера Маныча, находится Больше-Дербетовскій калмыцкій улусъ. Калмыцкій языкъ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ монгольской группѣ урало-алтайскихъ языковъ. Калмыки оттѣснены были на правый берегъ нижняго теченія Волги своими сосѣдями-киргизами. Впослѣдствіи часть этого народа перекочевала въ степи Ставропольской губерніи.

На Кавказѣ находятся другія пришлыя, незначительныя по числу, народности. Изъ нихъ, въ этнологическомъ отношеніи, особенное вниманіе обращаютъ на себя кавказскіе евреи. Вопросъ о времени пришествія евреевъ на Кавказъ давно уже занималъ ученыхъ. Теперь проф. Гаркави предложилъ для рѣшенія на будущемъ тифлисскомъ археологическомъ съѣздѣ вопросъ: возможно ли доказать пребываніе евреевъ на Кавказѣ за нѣсколько столѣтій до Р. Х.? Еще въ 1869 году покойный Усларъ помѣстилъ во II-мъ вып. „Сборника свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ“ прекрасную статью: „Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ“, въ которой сдѣланы весьма вѣскія указанія на то, что евреи были на Кавказѣ за нѣсколько столѣтій до Р. Х. Но на основаніи этихъ же указаній нужно предположить, что древніе кавказскіе евреи слились уже съ туземнымъ населеніемъ.

Въ настоящее время болѣе значительное число евре-

евъ находится, съ одной стороны, въ восточной части Дагестана и Кубинскомъ уѣздѣ, входящемъ теперь въ составъ Бакинской губерніи, но составляющемъ, въ географическомъ отношеніи, часть Дагестана, а съ другой стороны—въ западной части страны, населенной грузинскимъ племенемъ, а именно: въ Имеретіи и Ахалцихскомъ уѣздѣ. Что касается дагестанскихъ евреевъ, то они говорятъ татскимъ нарѣчіемъ. На этомъ основаніи нужно предположить, что дагестанскіе евреи вышли изъ Персіи, по всей вѣроятности, вмѣстѣ съ татами. Іуда Черный, путешествовавшій по Кавказу нѣсколько лѣтъ тому назадъ, съ цѣлью изслѣдованія быта евреевъ этого края, въ своей статьѣ „Горскіе евреи", помѣщенной въ III вып. „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ", сообщилъ небольшой образчикъ жаргона еврейско-татскаго. При этомъ онъ замѣчаетъ, что предки означенныхъ евреевъ „цѣлый мѣсяцъ бесѣдовали во Мцхетѣ съ просвѣтительницею Грузіи св. Ниною, которая весьма обрадовалась тому, что встрѣтила своихъ соотечественниковъ; но потомъ",—заключаетъ Іуда Черный,—„во время персидскаго владычества въ Закавказьѣ, евреи усвоили себѣ татскій языкъ". Странное дѣло, что этотъ языкъ усвоили себѣ только дагестанскіе евреи. Почему же другіе кавказскіе евреи не усвоили себѣ татскаго языка? И въ Дагестанѣ татскій элементъ никогда не былъ сильнымъ; говоритъ тамъ потатски незначительное по числу населеніе, и мудрено предположить, чтобы дагестанскіе евреи, съ пришествіемъ туда татовъ, такъ легко оставили свой прежній языкъ и приняли татское нарѣчіе. Заслуживаетъ вниманія то только показаніе Іуды Чернаго,—если только оно вѣрно,—что въ разговорномъ языкѣ дагестанскихъ евреевъ попадается, кромѣ древне-еврейскихъ словъ, много халдейскихъ. Какъ бы то ни было, но надо предположить, что евреи изъ Южнаго Дагестана проникли, вдоль прибрежья Каспійскаго моря, въ Сѣверный Дагестанъ и оттуда въ Терскую область, къ кумыкамъ и кабардинцамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ образованный еврей доставилъ мнѣ списокъ общеупотребительныхъ словъ, числительныхъ именъ и личныхъ мѣстоименій, составленный имъ во Владикавказѣ со словъ еврея изъ Нальчика. Записанныя слова обнаруживаютъ татское происхожденіе. Замѣтимъ также, что евреевъ въ сѣверномъ Дагестанѣ и въ Терской области немного.

Что же касается имеретинскихъ и вообще грузинскихъ евреевъ, то они употребляютъ въ разговорѣ грузинскій языкъ. Они упорно сохраняютъ въ домашнемъ употребленіи этотъ языкъ. Мало того, ахалцихскіе старожилы-евреи въ этомъ отношеніи обнаружили болѣе стойкости, нежели коренное омусульманенное грузинское населеніе Ахалцихскаго уѣзда, которое все болѣе и болѣе забываетъ свой родной языкъ, замѣняя его турецкимъ. Время водворенія евреевъ среди грузинскаго населенія неизвѣстно. Весьма желательно было бы, чтобы кто-нибудь изслѣдовалъ грузино-еврейскій жаргонъ; быть можетъ, въ немъ окажутся остатки другихъ языковъ, что послужило бы указаніемъ на то, среди какихъ народовъ жили предки теперешнихъ грузинскихъ евреевъ.

Изъ этого краткаго обзора изслѣдованій кавказскихъ языковъ видно, что, несмотря на имѣющіеся уже серьезные труды, остается еще много сдѣлать для того, чтобы вполнѣ уяснить тотъ дивный лингвистическій микрокосмъ, какой представляетъ собою Кавказъ. Обстоятельное изслѣдованіе кавказскихъ языковъ поведетъ не только къ цѣннымъ для лингвистики выводамъ, но броситъ яркій свѣтъ какъ на этнологическое происхожденіе кавказскихъ народовъ, такъ и на ихъ отдаленное прошлое. Теперь-то съ умиротвореніемъ Кавказа, и настало время для подобнаго изслѣдованія.

Сказаніе о злой волшебницѣ Люторѣ.

(Изъ преданій гор. Эривани).

I.

Много лѣтъ тому назадъ къ персидскомъ городѣ Эривани жилъ богатырь и очень богатый человѣкъ по имени Арусъ. Онъ имѣлъ двухъ сыновей, тоже богатырей; старшаго звали Зорабомъ, а младшаго Фарамасомъ, и была еще у него единственная дочь красавица Лютера, которую онъ такъ любилъ, что готовъ былъ все сдѣлать въ угоду своей любимицѣ. Арусъ и его молодые сыновья—обладали огромной физической силой и ихъ любимымъ занятіемъ были войны. Они никогда не снимали кольчугъ и латъ, а на мечахъ ихъ не успѣвала высыхать вражеская кровь. Управленіе своимъ дворцомъ и всѣмъ имуществомъ Арусъ поручилъ восемнадцатилѣтней Люторѣ и своему другу-совѣтчику и законовѣду Гамидъ-Эфенди-Иззату. Богатыри Арусъ, Зорабъ и Фарамасъ были извѣстны во всемъ великомъ персидскомъ государствѣ за сильныхъ и храбрыхъ людей и шахъ персидскій осыпалъ ихъ своими ласками и царскими благодѣяніями, а народъ чтилъ ихъ, какъ героевъ своей родины. Во время большихъ войнъ—шахъ призывалъ Аруса съ сыновьями и ставилъ ихъ во главѣ государственнаго войска. Въ остальное же время, когда только приходилось ограждать свои владѣнія отъ нападенія непріятеля—Арусъ воевалъ собственнымъ войскомъ. Постоянное участіе въ войнахъ настолько закалило характеръ богатырей, что они совершенно равнодушно относились къ опасностямъ и отличались бѣшеной храбростью. Богатыри также хладнокровно относились и къ разнымъ благамъ жизни, какъ напримѣръ къ богатству, почестямъ. Вотъ только Арусъ любилъ свою дочь Лютеру даже больше военныхъ подвиговъ. Лютера была ему дорога по воспоминаніямъ о женѣ его Фатимѣ. Это была самая любимая жена Аруса изъ всѣхъ его многочисленныхъ женъ. Подаривъ Арусу дочь, Фатима на третій день послѣ родовъ умерла. Глубокое горе сразило Аруса, онъ сильно затосковалъ и привязался къ своей дочери Люторѣ. Со смертью Фатимы—Арусъ распустилъ свой гаремъ и до конца своей жизни избѣгалъ женскихъ ласкъ и любовныхъ лобзаній. —„Ласка женщины изнѣживаетъ мужчину и онъ дѣлается дряблымъ силой воли, а это гибель для воина"—говаривалъ Арусъ. Онъ до того времени мало воевалъ, но по смерти любимой жены весь погрузился въ войну, и какъ-бы старался потопить свое горе въ кровавыхъ схваткахъ съ врагами. А тутъ подросли сыновья—Зорабъ и Фарамасъ, которые вышли тоже богатырями и не уступали отцу въ военныхъ подвигахъ, и вотъ три богатыря, какъ орлы летаютъ по своему отечеству и уже одни ихъ имена наводятъ паническій ужасъ на враговъ. Въ то время, какъ Арусъ съ сыновьями дрались какъ львы и головы непріятеля сыпались какъ горохъ, его вѣрный другъ Гамидъ-Эфенди-Иззатъ вѣдалъ его всѣми громадными богатствами и управлялъ дворцомъ, недавно только построеннымъ, а Лютера жила себѣ царицей и только повелѣвала. Когда Лютера была ребенкомъ, то Арусъ въ свои короткіе досуги любилъ играть съ любимицей. Соскочивъ съ измученнаго коня, самъ измученный, въ тяжелыхъ латахъ забрызганныхъ кровью, Арусъ наскоро отряхнувши съ себя пыль и скинувши боевые доспѣхи—накидывалъ шелковый халатъ и шелъ въ свой любимый зеркальный залъ. Здѣсь онъ любилъ отдыхать отъ военной жизни; любимымъ его мѣстомъ была мраморная площадка. Отсюда открывался самый лучшій видъ на Араратъ, и здѣсь богатырь Арусъ сладко дремалъ подъ ласковое журчаніе фонтана и веселый звонкій смѣхъ маленькой Лютеры. Лютера забиралась къ отцу на колѣни, теребила его длиные, предлиные усы и бѣгала по всему обширному и роскошному дворцу, а отецъ —богатырь съ грустью смотрѣлъ на своего божка и въ

его рѣшительныхъ, повелительныхъ очахъ блестѣли слезинки. Черные, глубокіе глазки Лютеры напоминали ему Фатиму. Но такихъ досуговъ у Аруса было очень немного, и онъ рѣдко позволялъ себѣ такую роскошь, какъ шелковый халатъ, кальянъ, мягкій диванъ, а еслибы не Лютера то онъ и не заглянулъ бы во дворецъ. Лютера росла окруженная всей восточной роскошью и нѣгой; она всегда была окружена огромнымъ штатомъ слугъ и пятекъ. Лютера была идолъ, предъ которымъ все преклонялось и приказанія этого идола исполнялись немедленно и точно. Но нельзя сказать, что бы Лютеру любили. Она была прекрасна видомъ, но сердцемъ жестока, и имѣла кровожадные, звѣрскіе инстинкты. Такъ напримѣръ, будучи девятилѣтнимъ ребенкомъ—у нея явилась дикая фантазія выколоть глаза одному слугѣ, она топнула ножкой и приказъ маленькой владычицы былъ исполненъ—несчастнаго раба ослѣпили. Желаніе, пустой капризъ Лютеры были закономъ для всѣхъ, не исключая отца и братьевъ.

Любимой нянькой Лютеры была старуха Хадилжа. Никто не могъ такъ разсмѣшить и доставить столько удовольствій Лютерѣ, какъ Хадилжа и Лютера поэтому любила ее. Старуха Хадилжа была на видъ страшная. Согбенная, маленькая старуха, съ морщинистымъ лицомъ, недобрыми глазами и крючковатымъ длинымъ носомъ—она походила на колдунью. Въ отдаленномъ и темномъ углу дворца у Хадилжи была отдѣльная комната. Какъто однажды рѣзвая Лютера зашла въ комнату Хадилжи. Десятилѣтняя дѣвочка была удивлена странной обстановкой комнаты. На веревочкѣ—по всей комнатѣ висѣли сушеныя травы, въ углу были брошены въ кучу какіе-то круги и странные рисунки, а на большомъ столѣ лежали громадныя толстыя книги въ желтыхъ сафьяновыхъ переплетахъ. Лютера испуганно и удивленно оглядывалась вокругъ. Отъ комнаты вѣяло тайной. Хадилжа поспѣшно вбѣжала въ комнату и хотѣла вывести Лютеру, но любопытная дѣвочка заупрямилась и оставшись въ комнатѣ засыпала няню вопросами. Зачѣмъ эти круги? А, что это за зелье, развѣ ты лѣчишь людей? А про что говорятъ эти большія книги? Нѣтъ-ли въ нихъ моихъ любимыхъ сказокъ? Спрашивала Лютера, а Хадилжа выдумывала и едва успѣвала отвѣчать дѣвочкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ старалась отвлечь ее вниманіе отъ обстановки комнаты. И вотъ съ этого дня Лютера стала часто являться въ „комнату съ большими книгами“. Хадилжа объясняла Лютерѣ, что круги и странные рисунки сложенные кучей въ углу, и сушеныя травы, что развѣшаны на веревочкахъ по всей комнатѣ, служатъ ей для лѣченія людей, а по большимъ толстымъ книгамъ въ желтыхъ сафьяновыхъ переплетахъ—она молится. Лютера задумчиво слушала няньку, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ старухѣ Хадилжѣ. Скучно было Лютерѣ. Отецъ и братья всегда были на войнахъ; старикъ Гамидъ-Эфенди-Иззатъ постоянно хлопоталъ и ему было дѣла по горло; съ Лютерой онъ видѣлся рѣдко. Толпы слугъ неинтересны были Лютерѣ, и вотъ она скучая и чувствуя себя одинокой—полюбила старуху Хадилжу. Лютера была подвижнымъ и очень рѣзвымъ ребенкомъ, она весь день носилась по дворцу; бѣгала по саду, играла съ золотыми рыбками въ бассейнѣ. Но потомъ подростая и превращаясь постепенно изъ ребенка въ дѣвушку—Лютера стала задумываться и ей было скучно во дворцѣ; ей было тѣсно и душно въ обширномъ и богатомъ дворцѣ. Лютерѣ хотѣлось воли, воли безграничной. Даже большой садъ, что раскинулся на противоположномъ отъ дворца берегу, казался Лютерѣ микроскопическимъ, ничтожнымъ и жалкимъ. Лютера любила сидѣть на мраморной площадкѣ и мечтать. Вотъ гдѣ свобода—думала Лютера глядя на обширную даль, что открывалась передъ нею съ окна мраморной площадки—вотъ туда хочу я. Тамъ гдѣ-то вдали мчатся на коняхъ, какъ вѣтеръ, отецъ и братья. Какъ они счастливы! Но я тоже хочу туда, туда на просторъ, гдѣ вѣтеръ свободно летаетъ, гдѣ только увидишь высоко парящихъ въ воздухѣ орловъ. Здѣсь во дворцѣ мнѣ все надоѣло. Этихъ глупыхъ рабовъ, что ходятъ толпой за мною, я считаю за стадо барановъ; по моему слову имъ всѣмъ отсѣкутъ пустыя, холопскія головы. Гдѣ-же такіе люди, что похожи на орловъ? Гдѣ такіе люди, что похожи на отца, Зораба и Фарамаса? Ихъ нѣтъ здѣсь! Гамидъ ходитъ всегда нахмуренный и все, что-то пишетъ. Хадилжа скрываетъ отъ меня, чѣмъ она занимается. Она говоритъ, что лѣчитъ людей, но я не вижу этого. И по большимъ и толстымъ книгамъ она не молится, это я знаю навѣрно. Да у насъ и молитвъ такъ много нѣтъ, а коранъ гораздо тоньше и меньше Хадилжиныхъ книгъ въ желтыхъ сафьяновыхъ переплетахъ. Скучно мнѣ, скучно! Но, что же меня держитъ? Кто смѣетъ не пускать меня туда, на волю? На вопросы Лютеры никто не отвѣчалъ, только по прежнему шумѣла бурливая Занга, да фонтанъ однообразно журчалъ...

Упрямая и капризная Лютера пришла однажды въ таинственную комнату Хадилжи и сказала ей:

— Хадилжа! Ты говоришь мнѣ неправду. Я не вѣрю тебѣ, что-бы ты лѣчила людей, невѣрю потому, что не вижу чтобы ты лѣчила ихъ. Не вѣрю я тебѣ, что-бы молилась по большимъ и толстымъ книгамъ въ желтыхъ сафьяновыхъ переплетахъ; наша священная книга коранъ въ двадцать разъ тоньше твоихъ книгъ. Такъ скажи-же мнѣ, зачѣмъ тебѣ эти круги, странныя картинки, сушеныя травы и большія толстыя книги? Ты навѣрное занимаешься волшебствомъ, такъ научи меня волшебнымъ чарамъ, а если ты заупрямишься, то я всѣ твои круги, картинки, сушеныя травы и книги сейчасъ-же сожгу. Лютера топнула сердито ножкой. Хадилжа увидя, какъ блещутъ недобрымъ огонькомъ черные глаза Лютеры, и какъ повелительно и раздраженно звучитъ ея голосъ, не сомнѣвалась уже больше въ томъ, что Лютера не замедлитъ исполнить свое обѣщаніе и сожгетъ и круги, и рисунки, и травы и книги и Хадилжа призналась Лютерѣ въ томъ, что она занимается чернокнижіемъ и обѣщала научить и ее этому искусству. Цѣлые дни проводила Лютера въ комнатѣ Хадилжи. Хадилжа подробно знакомила Лютеру съ тайнами чернокнижія и объясняла ей назначеніе круговъ и картинокъ; она варила зелье и преподавала Лютерѣ искусство составлять рецепты волшебныхъ наваровъ, но до книгъ не допускала Лютеру. Тебѣ еще рано читать о великихъ тайнахъ чернокнижья. Говорила колдунья. Лютера съ большимъ интересомъ и вниманіемъ училась у Хадилжы чернокнижію. Она теперь не скучала, а торопилась поскорѣе изучить волшебство.

Въ концѣ второго года изученія чернокнижія Хадилжа сказала Лютерѣ:

— Лютера! Основныя правила великихъ тайнъ чернокнижія ты уже изучила. Настало время примѣнить эти правила на дѣлѣ. Приготовься сегодня къ этому.

Вечеромъ Лютера немного взволнованная явилась въ комнату колдуньи. Хадилжа варила какое-то зелье.

— Говори въ какую птицу желаешь превратиться—спросила ее Хадилжа.

Лютра немного подумала и отвѣтила рѣшительнымъ голосомъ—въ орла.

Съ заклинаніями Хадилжа открыла одну изъ толстыхъ книгъ и заставила Лютеру прочитать четыре страницы. Вскорѣ вся комната наполнилась удушливымъ ароматнымъ дымомъ; у Лютеры закружилась голова, но потомъ ей сразу сдѣлалось легко, и ей показалось, что она плыветъ въ воздухѣ, она махнула руками, но вмѣсто рукъ у нея были крылья и Лютера полетѣла по комнатѣ. Хадилжа протянула свою костлявую руку и указала ею на отворенное окно. Лютера слабо взмахнула крыльями и вдругъ очутилась за окномъ. Она летѣла высоко надъ землею. Освѣщенный дворецъ остался далеко позади, а внизу подъ нею неслась Занга, блестая на лунныхъ лучахъ. Луна казалось была отъ Лютеры близко, близко...

Полное знаніе волшебства считалось послѣ прочте-

нія всѣхъ большихъ и толстыхъ книгъ въ желтыхъ сафьяновыхъ переплетахъ. Лютера могла превращаться въ орла, но кругъ ея полета не простирался дальше сосѣдняго виллайета. Никакого зла людямъ своимъ волшебствомъ Лютера не могла причинить. Для полнаго знанія волшебства нужно было непремѣнно прочитать всѣ книги чернокнижія. Такъ говорила старуха—колдунья Хадилжа, а Лютера съ терпѣніемъ читала книги о чернокнижіи...

II.

На Зангѣ есть одно очень живописное мѣсто. Каменистая гора, на которой теперь расположено армянское кладбище, полого спускается къ Зангѣ. Если стать на одномъ изъ уступовъ этой горы, то невдалекѣ видна Эривань тонущая въ зелени садовъ, а вдали рельефно рисуется Араратъ. Скаты его кажутся черными огромными пятнами, а возвышенности золотятся солнцемъ. Колосальная верхушка гордо одѣта вѣчнымъ снѣжнымъ покровомъ, а недалеко отъ большого Арарата высится пирамидообразная верхушка малаго Арарата. Внизу съ ревомъ катитъ свои пѣнистыя волны Занга и берега ея сплошь одѣты веселой зеленью садовъ. Противоположный берегъ переходитъ въ высокую скалу. Верхушка ея кое-гдѣ зеленѣетъ травкой, а остальное одинъ лишь сѣрый камень.

По ночамъ на эту скалу прилеталъ большой орелъ и долго, долго сидѣлъ, а между тѣмъ здѣсь не было орлинаго гнѣзда, да и орлы не летали.

Лунная ночь. Все серебрится таинственнымъ и красивымъ бѣлымъ свѣтомъ луны. Волны Занги кажется, что несутъ куски серебра. Сады стоятъ задумчиво и лишь изрѣдка шепчутся отъ набѣгающаго прохладнаго Алагезскаго вѣтерка. Половина скалы освѣщена луной, другая половина тонетъ во тьмѣ. На самой вершинѣ скалы огромный камень, онъ какъ-бы гордо и насмѣшливо смотритъ на Зангу несущую въ своихъ шумныхъ и пѣнистыхъ волнахъ серебро. Кромѣ шума рѣки, да отдаленнаго реваословъ—ничего не слышно. Но вотъ, что-то сѣрое, большое мелькнуло быстро и слилось воедино съ огромнымъ камнемъ на вершинѣ скалы и послышалось клектанье. Это прилетѣлъ орелъ, обычный гость скалы.

Орелъ взмахнулъ гигантскими крыльями и заклекталъ. Его зоркіе глаза скользнули по блестящей поверхности рѣки и остановились на воздушно-серебряномъ Араратѣ.

Орелъ думалъ.

Онъ думалъ о людяхъ. Какъ они жалки и ничтожны! Вся ихъ жизнь ничѣмъ не отличается вонъ отъ тѣхъ ешаковъ, которые нагруженные чѣмъ-то лѣниво плетутся по тропинкѣ—змѣей уходящей вдаль. И быть всегда окруженной такими людьми! Да и можно ли ихъ назвать людьми? По одному слову и всѣ они превратятся въ холодные, отвратительные трупы. О какъ ненавистны люди! Часто, очень часто, нѣсколько разъ въ день отъ полета орла—люди заболѣвали и умирали, какъ мухи. Ихъ поражало какая-то непонятная сила. О, какъ много ихъ уже издохла!

Орелъ захлопалъ крыльями и злобно заклекталъ.

Но ему недостаточно своей зловѣщей, страшной силы; ему хочется имѣть неограниченную власть надъ жалкими рабами. Его вліяніе ограничено, но ему хочется имѣть въ своей власти и сосѣдніе виллайеты, всѣ государства, весь міръ! Ему хочется видѣть потоки крови и горы мертвецовъ. Его тянетъ туда на просторъ, туда гдѣ сражаются Арусъ, Зорабъ и Фарамасъ. А главное напоить бы эту неутомимую жажду зла къ людямъ. А красавецъ уздень Рахимъ? Зоркіе глаза орла загорѣлись страстнымъ огнемъ, онъ взмахнулъ гигантскими крыльями и потонулъ въ волнахъ серебристаго свѣта.

Все во дворцѣ притаилось и боится хотя бы единымъ звукомъ нарушить тяжелую тишину. Лютера уже нѣсколько дней ходитъ по дворцу мрачная, жестокая, страшная. Двѣ глубокихъ складки легло на ея прекрасномъ лбу. Черные, жгучіе глаза выражаютъ одну упорную мысль.

Полный курсъ чернокнижія оконченъ. Громадныя толстыя книги въ желтыхъ сафьяновыхъ переплетахъ всѣ прочтены. Хадилжа съ страшными заклинаніями передала Лютерѣ амулетъ. Амулетъ этотъ имѣетъ страшную силу; онъ охраняетъ отъ смерти, только противъ одного знака онъ безсиленъ. Теперь Лютера свободна, какъ тѣ степные орлы, что носятся вмѣстѣ съ ея отцомъ и братьями. И вотъ она свободна, одно только желаніе и она будетъ около Аруса, Зораба и Фарамаса. Но ей трудно разстаться съ красавцемъ узденемъ Рахимомъ.

Два мѣсяца тому назадъ на праздникѣ Большого Байрама она увидѣла его. Какой онъ красавецъ! Какъ онъ лихо джигитовалъ. Сердце Лютеры разгорѣлось непреодолимымъ страстнымъ желаніемъ; ей хотѣлось что бы Рахимъ былъ рабомъ ея, ползалъ бы у ногъ ея, цѣловалъ бы ихъ, а она отдалась бы ему. Она любила его такъ, какъ ни одна женщина на востокѣ. Черезъ нѣсколько дней Рахимъ былъ уже во дворцѣ и вскорѣ Лютера дарила его тѣми ласками и поцѣлуями какими не могла подарить ни одна женщина на востокѣ, но красавецъ уздень не былъ рабомъ Лютеры; онъ не ползалъ у ея ногъ и не цѣловалъ ихъ; Рахимъ любилъ Лютеру гордо, благородно, какъ настоящій уздень. Такая любовь мучила сердце Лютеры.

Черныя, тонкія брови Лютеры сдвинулись, въ глазахъ загорѣлся рѣшительный огонекъ.

Вечеромъ того же дня изъ окна дворца вылетѣлъ орелъ и направилъ свой полетъ къ сѣверу.

Въ осажденномъ русскими войсками городѣ царила тревога. Положеніе осаждаемыхъ становилось опаснымъ, но на совѣтѣ рѣшено было не сдаваться. Около крѣпостного вала на зеленой лужайкѣ были расположены силы татарскія. Въ войлочномъ шатрѣ готовились къ битвѣ три славныхъ богатыря Арусъ, Зорабъ и Фарамасъ. Вдругъ въ вечернихъ сумеркахъ надъ ихнимъ шатромъ плавными кругами слетѣлъ орелъ и какъ только коснулся земли, то превратился въ статнаго красавца облеченнаго въ боевыя доспѣхи. Изумленные богатыри увидѣли предъ собою красавицу Лютеру.

Въ ту же ночь былъ штурмъ крѣпости. Произошла ужаснѣйшая битва. Лютера была всегда впереди и дралась, какъ львица. Русскіе были разбиты на голову.

Потоки крови, груды мертвыхъ тѣлъ, стоны и скрежетъ зубовъ, нечеловѣческія страданія—все это было счастьемъ для Лютеры. Она всюду бывала въ битвахъ съ отцомъ и братьями и отъ ея руки, какъ колосья хлѣба отъ руки косца, валились люди. Но вотъ ей захотѣлось имѣть свое собственное войско и драться самостоятельно.

Надъ полемъ, обагреннымъ человѣческою кровью и покрытаго мертвецами, стремительно летѣлъ орелъ; безъ отдыха, въ одинъ перелетъ, онъ перелетѣлъ степь и синія воды Севанги и усталый влетѣлъ въ окно дворца.

Дворецъ ожилъ. Всюду шумъ, говоръ, звяканіе оружія. Отъ дворца въ разныя стороны помчались гонцы. Лютера велѣла набрать себѣ войско изъ дѣвушекъ татарокъ.

На зарѣ ранняго утра, на площадкѣ предъ дворцомъ въ стройномъ порядкѣ выстроилась конница изъ дѣвушекъ воиновъ. На бѣломъ карабахскомъ конѣ проѣзжала предъ строемъ Лютера. Она была прекрасна въ боевыхъ доспѣхахъ. Изъ подъ высокой металлической шапки, съ бѣлыми перьями, спускались черные волосы. Носъ тонкій, прямой и надъ нимъ двѣ морщинки—придавали всему лицу видъ рѣшительный и твердый. На груди была кольчуга; руки и ноги стягивали латы. Кромѣ меча, никакого оружія у Лютеры не было. Кое гдѣ на доспѣхахъ переливались причудливыми огнями драгоцѣнныя камни. Свое войско Лютера не воодушевляла никакими

рѣчами. Она разъ, другой проѣхала предъ войскомъ, внимательно осмотрѣла его и ея властный взглядъ поочередно останавливался на каждой изъ дѣвушекъ-воиновъ. Потомъ не говоря ни слова она привстала на стременахъ и стремительно помчалась впередъ—за нею все войско.

Войско дѣвушекъ предводительствуемое непобѣдимой Лютерой вскорѣ нагнало на всѣхъ паническій ужасъ. Гдѣ бы это войско не появилось—всегда отъ него вѣяло ужасной смертью и позорнымъ пораженіемъ. Ни пуля, ни огонь, ни вода—ничто не наносило вреда войску Лютеры. Находясь въ самомъ жаркомъ огнѣ сраженія это неуязвимое войско выходило цѣлымъ и невредимымъ, между тѣмъ, какъ кругомъ этого войска были груды тѣлъ непріятеля. Это маленькое войско, растянувшись въ одну линію, неслось на непріятеля, врѣзываясь въ него наносило всегда гибельное пораженіе.

И чѣмъ больше Лютера видѣла крови, тѣмъ больше ей хотѣлось еще видѣть ея. Каждый день она сражалась и только въ эти минуты была счастлива. Не видя вокругъ себя смерти и страданій, она тоскливо смотрѣла по сторонамъ и приказывала собираться въ походъ. Она мчалась во весь опоръ на своемъ карабахскомъ конѣ—за нею летѣло войско; онѣ проѣзжали цѣлыя ханства, пока не встрѣчали браннаго поля, тогда ихняя бѣшенная скачка прекращалась. Глаза Лютеры загорались огнемъ вдохновенія, щеки пылали отъ радости и вынувши мечъ она съ своимъ войскомъ устремлялась на непріятельское войско. Пощады никогда не было. Бѣгущихъ убивали; въ плѣнъ никого не брали.

Такъ исполнилась завѣтная мечта Лютеры. Она теперь была счастлива, и это счастье продолжится еще долго, долго—до тѣхъ поръ пока великій Аллахъ не призоветъ ее къ себѣ. Смерти отъ человѣка она не боится, потому что у нея на шеѣ есть чудесный амулетъ, цовѣшенный Хадилжой. Да много Лютера имѣетъ власти надъ людьми и страшна эта власть!

III.

Время летитъ быстро и неумолимо. Безстрастно, какъ сфинксъ, не смотря ни на людскія страданія, мольбы, ни на что, съ силой титана уничтожаетъ оно на землѣ все то, что людямъ кажется великимъ, необъятнымъ.

Отъ всемогущаго времени славный богатырь Арусъ постарѣлъ и посеребрилась голова его. Рука его уже не такъ увѣренно отражаетъ удары врага.

Сыновья его Зорабъ и Фарамасъ изъ юношей превратились въ зрѣлыхъ мужей и сдѣлались еще болѣе опытными въ бранномъ дѣлѣ.

Всемогущее время наложило свою печать и на Лютеру. Время и боевая жизнь создали изъ нея искуснаго вождя и полководца: она по прежнему побѣдоносно наносила пораженія врагамъ. Прежде Лютера не брала въ плѣнъ никого, теперь же войско ея наполонило сотни, тысячи людей и Лютера злобно хохотала, когда передъ нею въ мучительныхъ пыткахъ умирали люди.

Свое войско Лютера держала въ желѣзныхъ рукахъ. Набравъ его десятки лѣтъ назадъ молодыми дѣвушками, она закляла ихъ остаться навѣки дѣвственницами и на всегда позабыть про то, что въ тиши ночной говоритъ неугомонное сердце. Это были суровыя воины-женщины, приближающіяся уже къ старости, не извѣдавъ сладострастія, любви.

Лютера тоже старилась. Еле замѣтныя морщинки легли на щеки, лобъ, но глаза оставались по прежнему полными огня. Сама она была окружена толпой поклонниковъ, которые не участвовали въ ея военныхъ схваткахъ; въ свои короткіе досуги она отдавалась своимъ любовникамъ поочередно. Красавецъ уздень Рахимъ былъ убитъ гдѣ-то въ кровавой схваткѣ, и сердце Лютеры до сихъ поръ не можетъ забыть его. Отъ Рахима у Лютеры былъ единственный ребенокъ—дочь, которую она ненавидѣла. Ненавидѣла за то, что она упорно отказывалась учиться волшебству. Дѣвочка жила во дворцѣ безъ всякаго присмотра и какого-либо участія.

Давно уже всѣ знали хорошо, что Лютера волшебница, а войско ея тоже волшебное, и каждый кто не встрѣчался съ нею бѣжалъ—гонимый ужасомъ. Въ представленіи людей образъ Лютеры считали за смерть. Лютера обладала страшной силой, такой силой, о какой не имѣютъ понятія жалкіе смертные.

Въ рѣдкія минуты свободы, когда надоѣдали сладострастныя оргіи, а враговъ не было видно—Лютера превращалась въ орла и летала долго, долго...

Сердце этого орла сдѣлалось твердо, какъ сталь. Любовь, состраданіе, доброта—были непонятны этому сердцу.

— Что такое любовь?—думалъ орелъ.—Я дарю свои любовныя ласки каждому кто хочетъ уснуть на моей груди. А Рахимъ? Рахиму я отдавалась одному потому, что онъ былъ красивѣе всѣхъ. Я дѣлаю такъ, какъ дѣлаютъ дикіе звѣри. А развѣ люди не тѣ же дикіе звѣри?

И орелъ, взмахнувъ своими гигантскими крыльями, злобно заклёкталъ.

— Что такое состраданіе, доброта?—думалъ орелъ. Это мнѣ совсѣмъ непонятно! Глупые люди выдумали эти названія и воображаютъ себя какими-то богами! Я слыхала эти названія, но не видѣла, чтобы люди примѣняли въ жизни эти странныя названія. Но вѣдь у звѣрей развѣ есть эти названія? А развѣ люди не тѣ же звѣри?

И орелъ взмахнулъ своими гигантскими крыльями и злобно заклекталъ.

И этотъ злобный клекотъ прокатился по горамъ и ужаснымъ эхомъ замеръ вдали.

А нѣсколько часовъ спустя Лютера съ своимъ войскомъ крошила человѣческія тѣла, съ дикой радостью пила изъ трепещущихъ тѣлъ теплую кровь и сотнями замучивала людей неслыханными пытками.

А то когда ея измученное войско молило у нея отдыха отъ рѣзни, Лютера презрительно посмотрѣвши на нихъ и назвавъ ихъ „слабыми бабами"—превращалась въ орла и летая надъ людьми посылала имъ непонятныя мученія и смерть.

И такъ продолжалось тридцать лѣтъ.

Неприступное Закавказье побѣдоносно занимали русскія войска. Со всѣхъ сторонъ русскій колоссъ тѣснилъ мусульманина.

Лютера захлебывалась кровью. Она едва успѣвала сражаться. По-прежнему ея войско было крѣпко, какъ желѣзо и наносило пораженіе смѣльчаку дерзнувшему выступить съ нимъ въ бой.

Лютера съ своимъ войскомъ стояла на границѣ отдѣляющей персидское царство отъ русскихъ владѣній.

Русское войско съ презрѣніемъ смотрѣло на „бабье войско" и готовилось къ сраженію съ многочисленнымъ скопищемъ горскихъ племенъ.

Прошло такъ пять дней. Лютера не нападала на русскихъ.

Между тѣмъ въ русскомъ лагерѣ появились какія-то болѣзни и люди стали мучительно умирать. Не было сомнѣнія въ томъ, что эти болѣзни шли отъ „колдуньи Лютеры", и это подтверждалось тѣмъ, что надъ лагеремъ не уставая кружился большой орелъ. Русскіе рѣшили, что это Лютера летаетъ въ образѣ орла. Многіе, искусные стрѣлки стрѣляли въ орла,—пули попадали въ орла, и не нанося ни малѣйшаго вреда отлетали отъ страшной птицы съ визгомъ.

А болѣзнь увеличивалась въ русскомъ лагерѣ; людей все больше и больше умирало. Большой орелъ неутомимо кружился надъ русскимъ лагеремъ.

На страшный поединокъ рѣшилъ выйти одинъ изъ русскихъ солдатъ знавшій волшебство.

За всѣ эти пять дней стоянки предъ русскими, Лютеру не покидало какое-то тяжелое, роковое предчувствіе,

и она сама не могла объяснить, что это было за предчувствіе. Тоска и страхъ не покидали ея сердца.

Лютера полулежала на тахтѣ въ своемъ богатомъ шатрѣ и въ задумчивости смотрѣла на бѣлѣющійся вдали русскій лагерь. Вдругъ ея зоркіе глаза различили въ миражѣ жаркаго дня, что отъ русскаго лагеря отдѣлилось три всадника, которые во весь опоръ мчатся на лагерь Лютеры. Но вотъ, недоѣзжая немного до лагеря, всадники остановились и одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, передалъ ее товарищамъ, перешелъ границу, набралъ въ въ шапку двѣ горсти земли—своей и чужой, и пошелъ прямо къ шатру Лютеры. Лютеру поразила такая дерзость, а сердце дрогнуло отъ тайнаго тяжелаго предчувствія. Глаза ея сверкнули и блѣдныя губы что-то прошептали.

Въ шатеръ вошли женщины-воины.

— Повелительница,—сказали они,—прикажи поймать этого несчастнаго раба и привести предъ твои справедливыя очи. Этотъ червякъ достоенъ самой хорошей пытки.

Лютера нетерпѣливо махнула рукой, и воины вышли изъ шатра.

Солдатъ подошелъ уже къ самому шатру.

Изумленное войско окружило шатеръ Лютеры и вперило свои взоры въ смѣльчака.

Лютера стремительно вскочила съ тахты, выхватила изъ ноженъ свой смертоносный мечъ и бросилась на солдата.

Настала страшная, рѣшительная минута.

Отразивъ саблей ударъ Лютеры, солдатъ взмахнулъ саблей и голова Лютеры съ частью груди—обагренная черной дымящейся кровью упала на землю. Солдатъ взмахнулъ еще разъ саблей и пересѣкъ тѣло волшебницы еще на двѣ части и въ то же мгновеніе самъ загорѣлся неизвѣстно откуда взявшимся огнемъ и сгорѣлъ, такъ быстро, что въ это время ласточка едва успѣетъ сдѣлать взмахъ крыльями.

Войско, видя гибель своей владычицы—окаменѣло отъ ужаса. Нѣсколько минутъ царило гробовое молчаніе. Эти женщины-воины не вѣрили своимъ глазамъ. Какъ, ихъ неуязвимая, наводившая на все смертельный ужасъ грозная Лютера убита, и кѣмъ же? Простымъ, жалкимъ рабомъ, презрѣннымъ урусомъ?!

Страшно сдѣлалось войску. Безъ Лютеры оно не могло жить.

И войско застонало. Это былъ стонъ раненаго звѣря.

Блеснули мечи и точно по командѣ всѣ воины женщины, суровыя соратницы погибшей Лютеры, пали окровавленныя около изрубленной своей повелительницы. [1])

Такъ войско Лютеры покончило съ собой.

А богатыри Арусъ, Зорабъ и Фарамасъ дрались въ это время и нескоро узнали о смерти Лютеры.

Три части тѣла Лютеры были кѣмъ то унесены. Одна часть находится подъ мечетью въ Эривани, другая подъ мечетью въ Батумѣ, а третья неизвѣстно гдѣ.

Старые люди говорятъ, что кто выпьетъ крови изъ какого-либо куска тѣла Лютеры (а куски тѣ нетлѣнны)—тотъ будетъ сильнымъ страшнымъ волшебникомъ.

Но никто до сихъ поръ не напился крови злой волшебницы Лютеры, и люди живутъ спокойно. Никто не болѣетъ непонятной болѣзнью, и большіе орлы не летаютъ надъ жилищами людей.

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ погибла Лютера. Отъ времени и забвенія людей дворецъ въ Эривани, гдѣ жила въ дѣтствѣ Лютера, разрушился. Его развалины печально смотрятъ въ быстрыя воды Занги, а Занга шумливая течетъ вдаль, но о томъ, что было—упорно молчитъ.

На развалинахъ крѣпости и дворца высятся казармы русскихъ солдатъ. Когда бываютъ темныя, бурныя ночи, духъ Лютеры летаетъ надъ старой крѣпостью и сбиваетъ съ толку часовыхъ и разводящихъ, отдавая имъ приказанія, и солдатамъ кажется, что они слышатъ приказъ своего начальника.

И кромѣ шутокъ съ часовыми—ужъ ничѣмъ не страшна людямъ Лютера.

Въ полуразрушенной залѣ дворца Сардарскаго виситъ портретъ Лютеры. Грозно смотритъ она съ картины; молодая красавица одѣта въ босвые доспѣхи, обыкновенный свой нарядъ во всѣ дни своей ратной жизни.

Память о волшебницѣ Лютерѣ живетъ и понынѣ среди людей, и разсказы о ней передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Это сказаніе о злой волшебницѣ Лютерѣ я слыхалъ отъ старыхъ людей, живущихъ въ городѣ Эривани.

Ихъ старческіе голоса съ живостью разсказываютъ о жизни Лютеры, и ихъ потухающіе глаза засвѣчиваются огнемъ, когда рѣчь заходитъ о страшной волшебницѣ. Вотъ только не знаютъ они какой такой чудесной силой русскій солдатъ изрубилъ Лютеру.

Александръ Кольчицкій.

Эривань, 1902 г.

---

[1]) Этотъ моментъ изображенъ на картинѣ, неизвѣстно кѣмъ написанной. Эта картина прежде была въ Сардарскомъ дворцѣ (Эривань), а теперь находится, кажется, у военнаго инженера Александропольской дистанціи, въ вѣдѣніи коего находится Сардарскій дворецъ.

ГРУЗИНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРАЗДНИКИ[1]).

(По собственнымъ наблюденіямъ и народнымъ сказаніямъ).

Грузинскій народъ очень привязанъ къ своимъ храмовымъ праздникамъ. Начиная съ Ѳоминой недѣли до ноября мѣсяца, народъ совершаетъ время отъ времени правильные періодическіе переѣзды отъ одной освященной вѣками, мѣстности до другой. Посторонній наблюдатель, глядя на такія передвиженія массъ, можетъ подумать, что народъ собирается на ярмарку. Простонародья отправляются цѣлыми семействами, въ крытыхъ коврами арбахъ. Дворянскія фамиліи устраиваютъ кавалькады и экскорты. Бываетъ и такъ, что цѣлая вереница пѣшихъ, не разбирая сословій—князья, дворяне, женщины и мужчины, пробираются босоногими, а за ними тянется прислуга, нагруженная всякаго рода провизіею на три, на четыре дня; гонятъ лошадей, навьюченныхъ корзинами съ домашней птицей; гонятъ барановъ, коровъ, либо откормленныхъ бычковъ, предназначенныхъ для жертвоприношеній. Большинство благочестивыхъ поклонниковъ и поклонницъ избраннаго святого имѣетъ желѣзныя кольца на шеѣ, такъ-называемыя шарна (мѣтки).

Люди съ такими мѣтками считаются добровольными слугами избраннаго святого, связавшими себя въ теченіе извѣстнаго періода времени какимъ-нибудь обѣтомъ, и въ знакъ добровольнаго обреченія носятъ на шеѣ эту желѣзную цѣпь или кольцо. По прошествіи года или болѣе, они отправляются на храмовой праздникъ, чтобъ отмолиться и освободиться отъ плѣненія. Послѣ совершенія пожертвованія въ образѣ овцы или быка, снимаются и эти мѣтки.

Самый храмъ святого переполненъ добровольными приношеніями, состоящими изъ золотыхъ или серебряныхъ мелкихъ вещицъ, оружія всякаго сорта, вышесказанныхъ цѣпей, колецъ, большого количества веретенъ съ нитками, иногда даже весь храмъ обвитъ кругомъ такого рода нитками. Въ Сванетіи, Осетіи и Тушетіи храмы на-

[1]) Газета „Кавказъ“, 1878 г., № 229.

полнены пожертвованными стрѣлами, луками и турьими или оленьими рогами. Смотря на множество всякаго рода пожертвованій, хранящихся въ этихъ храмахъ, можно думать, что если каѳедральныя церкви въ Грузіи X, XI, XII вѣковъ служили картинными галлереями для грузинскихъ царей, то церкви съ храмовыми въ нихъ праздниками представляли настоящіе національные музеи. Я видѣлъ недавно въ Мцхетскомъ соборѣ плащеничное покрывало шитое золотомъ и вокругъ него въ высшей степени искусно сдѣланную церковную надпись XV вѣка, рукою жены царя Александра, обновителя Мцхетскаго собора. Тамъ же находится сосудъ для святыхъ даровъ изъ литого золота, пожертвованный царемъ Ираклiемъ II и оцѣниваемый болѣе чѣмъ въ 4,000 руб. съ великолѣпно вырѣзанною церковною надписью, а также покрывало для святыхъ даровъ, золотое шитое, пожертвованное царицею Тутою, матерью Вахтанга VI—законодателя.

Изслѣдованія въ историческомъ отношеніи учрежденія мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ привело бы насъ къ болѣе подробному изученію древнихъ грузинскихъ миѳовъ, которые дали бы намъ очень много драгоцѣнныхъ данныхъ для рѣшенія важнаго историческаго вопроса объ области распространенія грузинскаго племени и о предполагающемся родствѣ его съ индо-германскою расою [1]). Въ этомъ отношеніи весьма поучительны слѣды поклоненія священному дубу.

Такъ, напримѣръ, Мцхетскій храмовой праздникъ по-грузински носитъ названіе светицховлебе (животворящій столпъ). Грузинское легендарное повѣствованіе утверждаетъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь, прежде былъ гигантскій дубъ, который осѣнялся въ каждую ночь огненнымъ столпомъ. Народъ поклонился этому священному дубу. Послѣ крещенія царя Миріана срубили священный дубъ и на его мѣстѣ сперва построили деревянную церковь, а потомъ и каменную. Это—разсказъ одного восьмидесятилѣтняго старика въ Мцхетѣ, который я слышалъ 6 лѣтъ тому назадъ. Христіанское же народное повѣствованіе, помимо грузинскихъ лѣтописей [2]), прослушенное мною у одной мцхетской монахини тогда же, превращаетъ этотъ дубъ въ сосну или ливенскій кедръ. Въ этихъ разсказахъ ясно видно, какъ языческое воззрѣніе превращалось постепенно въ легенду христіанскаго происхожденія.

Названная монахиня разсказывала эту легенду слѣдующимъ образомъ: „одинъ богатый царедворецъ, по имени Еліозъ, родомъ еврей изъ Мцхетской колоніи, велъ кожевенную торговлю съ Іерусалимомъ. Случилось ему быть тамъ въ моментъ распятія Христа Спасителя. Самъ Еліозъ былъ очевидцемъ этого событія. Послѣ распятія Христа, изъ одеждъ Спасителя, рубаха—хитонъ Господень—досталась по жребію Еліозу. Прибывъ обратно въ Мцхетъ, Еліозъ разсказалъ въ самыхъ поэтическихъ и возбуждающихъ глубокую вѣру краскахъ о страданіи и смерти Спасителя. Сестра Еліоза, при раскладкѣ вещей, привезенныхъ Еліозомъ изъ Іерусалима, беретъ рубаху Спасителя и прижимаетъ ее къ груди съ такимъ чувствомъ, что тутъ же испускаетъ духъ. Не имѣя возможности высвободить рубаху Спасителя изъ рукъ умершей сестры, родныя погребли ее вмѣстѣ съ хитономъ подъ гигантскою сосною. Затѣмъ, въ IV вѣкѣ, послѣ обращенія грузинскаго народа въ христіанство, св. Нина указываетъ послѣ шестидневной молитвы на мѣсто, гдѣ былъ погребенъ хитонъ Спасителя, именно подъ гигантскою сосною. Срубаютъ ее и обрѣтаютъ хитонъ Господень. На этомъ мѣстѣ строятъ затѣмъ церковь и центральною колонною этой церкви дѣлается святой столбъ, высѣченный изъ гигантской сосны.

Нынѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ началѣ четвертаго вѣка была построена деревянная церковь съ животворящимъ столбомъ, красуется великолѣпный Мцхетскій соборъ, лучшій памятникъ картвело-византійскаго стиля, съ центральною колонною съ куполомъ. Въ день храмового праздника, передъ этою колонною совершаются молитвы и жертвоприношенія.

По увѣренію монахини, эта центральная колонна возведена на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ животворящій столпъ, дающій по преданію св. муро.

Въ вышеприведенныхъ разсказахъ старожиловъ о Светицховели (животворящемъ столпѣ) ясно проглядываетъ намекъ на до-христіанское поклоненіе священному дереву.

Сказанія о поклоненіи священному дубу имѣютъ болѣе широкое распространеніе. Въ Мингреліи епископъ, имѣвшій резиденцію въ Мартвильскомъ монастырѣ, до сихъ поръ извѣстенъ подъ именемъ Чхондидели [1]).

Чхони—дубъ, дили—большой, Чхондидели—первосвященникъ великаго дуба. Въ Сванетіи есть на вершинѣ противъ Кальскаго общества церковь св. Квирике, построенная на мѣстѣ святаго дуба, какъ увѣрялъ меня одинъ сванетъ, въ бытность мою въ Сванетіи; этому дубу прежде приносили въ жертву дѣтей.

Храмовой праздникъ Бѣлаго Георгія въ деревнѣ Апкури въ Кахетіи и св. Креста въ Алавердахъ, по преданію, совершаются въ центрѣ когда-то существовавшихъ священныхъ лѣсовъ, именно тамъ, гдѣ теперь стоятъ церкви св. Георгія и животворящаго Креста. По народному сказанію, на мѣстѣ церкви Бѣлаго Георгія прежде помѣщалось изваяніе святого Георгія на бѣлой мраморной доскѣ, стоявшей среди лѣса. Храмы Квирика, Корке, Гергаса и св. Георгія, находящіеся въ разныхъ мѣстахъ Кахетіи, между ингилойцами Закатальскаго округа, въ Карталиніи и Имеретіи, не указываютъ ли распространенное въ этихъ мѣстахъ поклоненіе Геркулесу, въ періодъ язычества? Въ этомъ отношеніи замѣна поклоненій священнымъ дубамъ поклоненіями національному святому Георгію и св. Кресту представляетъ довольно замѣчательное явленіе, и изслѣдованіе по этому вопросу привело бы изученіе древне-грузинскихъ миѳовъ къ весьма интереснымъ открытіямъ. Замѣчательно, что занимающійся этимъ вопросомъ въ состояніи даже прослѣдить область распространенія поклоненія св. Георгію и св. деревянному животворящему кресту. Если провести линію по теченію рѣкъ Ріона и Куры, то къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ, включая сюда также Гурію и приморскій Лазистанъ, преобладаютъ храмовыя праздники въ честь св. Георгія и животворящаго деревяннаго креста; между тѣмъ какъ къ югу отъ упомянутой черты, въ древней Каппадокіи, южной части Понта и по южному склону Малаго Кавказа, распространено поклоненія Мену или Маіи—богинѣ производительности земли или жертвъ. Это почитаніе Маіи перешло впослѣдствіи, кажется, въ христіанское поклоненіе св. Маріи. Тотъ, кто путешествовалъ по мѣстамъ древняго Понта, имѣлъ не разъ случай находить развалины древнихъ языческихъ храмовъ въ честь божества Ма, празднованіе котораго продолжалось, по мнѣнію Тексія, въ разныхъ мѣстахъ Каппадокіи и средняго Понта въ періодъ между 15 мая и 15 августа. Христіанское міровоззрѣніе, какъ видно, перенесло впослѣдствіи это празднованіе на 15 августа—день Успѣнія Пресвятой Богородицы. Въ Верхней Имеретіи, въ Сачхерскомъ отдѣлѣ, Кутаисской губерніи, считаются храмовыми праздниками лишь празднованіе двухъ національныхъ святыхъ по-преимуществу: праздники Георгоба и Маіоба или Маріоба (въ честь св. Георгія и св. Маріи или Маіи). Недалеко отъ Ризо (Ирисе), въ турецкомъ Лазистанѣ, на берегу Чернаго моря, есть деревня Аѳине. Сюда спасаются турецкія шкипера во время непогоды. Тамъ, на возвышенности, есть развалины древняго копища. Знаменитый географъ Риттеръ (Erdkunde IX) утверждаетъ, что это назва-

[1]) См. „Изслѣдованія Бопца и Розена".

[2]) Грузинскія лѣтописи иначе говорятъ объ этомъ, см. „Картлисъ-Цховреба" 1 часть.

[1]) „Священныя рощи и деревья у кавказскихъ народовъ", Е. Вейденбаумъ. „Извѣстія кавк. геогр. общ." т. V.

ніе не есть греческое и не происходитъ отъ греческаго слова, а отъ названія одной женщины по имени Аѳина, въ честь которой существовалъ здѣсь храмъ. Въ Грузіи есть женская имя Thina.—Thina означаетъ по-грузински разсвѣтъ, откуда и произошло грузинское слово Dina или Dila—утро. До сихъ поръ въ грузинскомъ населеніи поется пѣсни Athina—thina, передѣланная въ простонародьи въ Adila—dila—пѣсня въ честь утра. Въ этой пѣснѣ дѣйствительно воспѣвается утро—появленіе свѣта въ образѣ милой женщины Thina. Празднованіе въ честь этой Thin'ы до сихъ поръ существуетъ въ Лазистанѣ; грузинская народная пѣсня A-di-la—dila—пѣсня въ честь утра не есть ли поэтому позднѣйшая компиляція древняго гимна въ честь утра или появленія свѣта?..

Въ сел. Бандзе, въ Мингреліи, въ праздникъ Свѣтлаго Воскресенія есть обычай вырывать дубъ съ корнемъ, а за ненахожденіемъ дуба, вырываютъ какое-нибудь дерево. Въ сел. Илори, въ Самурзакани, есть церковь св. Георгія, который въ день храмового праздника самъ обязывался приводить къ себѣ свою жертву—неукротимаго быка. По преданіямъ, прежде дѣйствительно святой приводилъ быка каждый годъ аккуратно къ утру храмового праздника; но это чудо, говорятъ, перестало являться послѣ присоединенія Самурзаканіи къ бывшему кутаисскому генералъ-губернаторству.

Чудо совершалось слѣдующимъ образомъ: ограда церкви запиралась на замокъ, ключи отъ котораго бралъ къ себѣ игуменъ. Къ утру, какъ разъ передъ заутреней когда игуменъ отправлялся отпирать ворота церковной ограды, внутри ея онъ заставалъ быка, предназначавшагося въ жертву св. Георгію. Народная молва говоритъ, что разъ одинъ именитый моллэ, желая во что-бъ то ни стало уничтожить вѣру въ это чудо св. Георгія, съ цѣлью привлечь народъ самурзаканскій къ своей религіи, сталъ утверждать, что св. Георгій, никакъ не въ состояніи привести его (моллэ) неукротимаго быка и что онъ, для опроверженія всенародной вѣры въ св. Георгія, самъ рѣшился остаться на ночь въ оградѣ церкви до утра, не смыкая глазъ. Каково было удивленіе массы самурзаканскаго населенія, когда на другой день къ утру увидѣли моллу, пронзеннаго по волѣ св. Георгія его же собственнымъ ятаганомъ, за то, что онъ усумнился въ силѣ святого, а его неукротимаго быка все-таки нашли гуляющимъ въ оградѣ церкви. Обыкновенно закалывали быка, приведеннаго Илорскимъ св. Георгіемъ, послѣ утрени и раздавали его мясо по кусочкамъ, какъ святыя мощи. За кусочкомъ мяса быка Илорскаго св. Георгія слали въ Абхазію гонцовъ цари имеретинскіе, владѣтельныя князья Мингреліи, Гуріи и Сванетіи. Пишущій эти строки самъ имѣлъ случай видѣть высушенный кусочекъ мяса жертвы Илорскаго св. Георгія у одного изъ князей Мингрели.

* * *

Перейдемъ теперь къ рельефному описанію празднованія дня Бѣлаго Георгія, котораго церковь стоитъ на хребтѣ, господствующемъ надъ дер. Ацкури, въ Кахетіи. Это празднованіе можно назвать типичнымъ въ средѣ грузинскихъ племенъ Закавказскаго края, такъ какъ вездѣ въ немъ празднованіе храмовыхъ праздниковъ совершается подобнымъ же образомъ, съ нѣкоторыми лишь малыми измѣненіями въ подробностяхъ.

Деревня Ацкури лежитъ въ Телавскомъ уѣздѣ, гдѣ ежегодно устраивается празднованіе въ честь Тетри Гіорги (Бѣлаго Георгія), именно къ 14 августа. Въ Алавердахъ идетъ другое празднованіе, къ 14 сентября, въ честь воздвиженія честнаго креста, подъ названіемъ Алавердоба[1]). Народъ начинаетъ стекаться туда со всѣхъ концовъ Карталиніи, Кахетіи, Тушетіи и Кизикіи, за нѣсколько дней впередъ до наступленія праздника.

За каждою грузинскою арбою, которую везетъ цѣлое грузинское семейство, ведутъ непремѣнно на веревочкѣ или откормленную овцу, или молодого быка, смотря по состоянію семейства, отправляющагося на поклоненіе Бѣлому Георгію. Прибывающій народъ старается занять мѣсто въ церковной оградѣ; но, увы, она вся уже заранѣе занята торговцами, еще за недѣлю устроившимъ здѣсь свои будки (импровизованныя лавки). Большинство прибывшихъ, за неимѣніемъ мѣстъ внѣ ограды и такимъ образомъ въ два—три дня около церкви образуется цѣлый импровизованный городъ. Внутри ограды устраивается настоящая ярмарка. Сюда приходятъ жители горъ: лезгины изъ Дагестана, кистинцы, осетины, чеченцы, татары и проч. Они обмѣниваютъ войлоки, бурки, шали и другія произведенія свои на дешевыя ситцевыя матеріи и стеклянныя вещи, привозимыя на храмовой праздникъ еврейскими и армянскими торговцами.

Наканунѣ праздника, какъ только раздается вечерній звонъ, народъ спѣшитъ въ церковь массами; въ это время какая-нибудь особа, преимущественно женскаго пола, вся въ бѣломъ, обрекшая себя на служеніе св. Георгію, распростирается у порога церкви и народъ свободно переходитъ черезъ ея тѣло и спѣшитъ въ церковь. Она силится не издавать крика, когда на нея наступаютъ ногою; лишь изрѣдка отъ чрезмѣрной боли въ поясницѣ она вскрикиваетъ порывисто, и тогда молящіеся сторонятся съ испугомъ, перескакивая черезъ нее поспѣшно, такъ чтобъ не задѣть ея ногою. Въ церкви происходитъ ужасная давка отъ чрезмѣрнаго стеченія народа. „Помогите, задыхаюсь, слышится то тамъ, то сямъ. Часто выводятъ изъ церкви полумертвыхъ женщинъ, или мужчинъ; а народъ все болѣе валитъ въ церковь, всякій хочетъ послушать вечерню.

Съ боку церкви, съ внѣшней стороны, на просторѣ столпилась масса жертвователей. Здѣсь раздается блеяніе овецъ, приводимыхъ къ священнику, бывающему въ полномъ облаченіи, со свѣчею и кадильницей; его окружаетъ причтъ съ зажженными свѣчами. Священнику подаютъ деньги, онъ бросаетъ ихъ въ кружку; подводятъ къ нему овцу—онъ поджигаетъ ей на лбу шерсть и произноситъ:

„Пріими въ жертву отъ раба твоего Андрея, или Петра и проч."

Тутъ же стоитъ и діаконъ; къ нему подходятъ люди съ тоненькими желѣзными обручами на шеѣ или другими знаками, называемыми „шарне"; онъ у нихъ отрѣзываетъ ножницами пучокъ волосъ, снимаетъ съ нихъ эти знаки и отпускаетъ на волю. Послѣ этого давшіе знакъ уже свободны отъ всякихъ обѣтовъ Бѣлому Георгію. Является крестьянинъ, видно бѣдный, потому что представляетъ лишь курицу и нѣсколько хлѣбныхъ лепешекъ; отъ него тоже отбирается пожертвованная, съ обычнымъ приговариваніемъ священника; при этомъ онъ отлепываетъ кусочекъ лепешки. Въ числѣ жертвователей не рѣдкость встрѣтить лезгина—магометанина, или же татарина. Тамъ, около церкви, группа женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлое, составила родъ процессіи каждая носитъ на шеѣ желѣзную цѣпь, принадлежащую церкви, вѣсомъ не менѣе пуда. Женщины на колѣняхъ подвигаются впередъ медленно и время отъ времени прикрѣпляютъ къ стѣнѣ церкви зажженныя свѣчки; онѣ обходятъ церковь, какъ обходили джуиды священный дубъ; одна изъ нихъ при этомъ обматываетъ вокругъ церкви бѣлую бумажную нить, раскручивая веретено въ рукахъ; за ними слѣдуетъ масса богомольцевъ. Въ это время раздается крикъ „дорогу, дорогу"!

Ведутъ къ священнику откормленнаго быка съ двумя зажженными свѣчами на рогахъ.

Священникъ принялъ жертву, по обычаю обжогъ свѣчою на лбу шерсть и отпустилъ. При этомъ устроилось также настоящее шествіе къ мѣсту заключенія быка, освѣщеннаго свѣчами.

Жертвователь набросилъ на быка веревочную петлю, въ одну минуту петля стянула жертвѣ горло и она упала на землю.

Народъ при этомъ возглашаетъ:

[1]) См. газ. „Дроэба", №№ 193 и 194.

— Слава твоей чудотворной силѣ, святой Бѣлый Георгій, какъ быкъ то скоро почувствовалъ силу святаго! онъ тотчасъ же легъ на землю.

Воткнули ему кинжалъ въ горло. Быкъ отъ ярости приподнялся; но три четыре человѣка, налегши на него, опять уложили жертву на мѣстѣ. Теперь въ народѣ ропотъ; слышны возгласы:

— Жертва была принесена не отъ чистаго сердца, иначе она-бы не тронулась съ мѣста.

Уже за полночь. На необъятномъ пространствѣ вокругъ церкви, въ лѣсахъ, на прогалинахъ, равнинѣ зажглись безчисленныя костры; по временамъ раздаются выстрѣлы.

Во дворѣ церкви, по другой сторонѣ, народъ столпился и образовалъ большой кругъ. Всѣ съ обнаженными головами и богобоязненно, стоя, смотрятъ на одну женщину, опять одѣтую въ бѣлое. Она съ особеннымъ усердіемъ танцуетъ лезгинку; ея движенія изящны, но она по временамъ нарушаетъ скомбинированныя подъ тактъ тѣлодвиженія консульсіями и стонами. Всѣ поражены; многіе, смотря на нескончаемыя танцы, благословляютъ Бѣлаго Георгія. Танцующая молодая, красивая дѣвица есть избранница Бѣлаго Георгія, который и заставляетъ ее совершать свадебныя пляски.

Теперь перейдемъ собственно къ ярмаркѣ. Вдоль всей церковной ограды, прислонившись къ каменной стѣнѣ, тянутся нескончаемыя ряды бутиковъ, наполненныхъ ситцами яркихъ цвѣтовъ, платочками, кругленькими складными зеркальцами, ножиками и всякаго рода стеклянными вещицами, привлекающими вниманіе массы, особенно наряженныхъ поселянокъ.

— Да благословитъ Бѣлый Георгій моихъ покупателей!—зазываетъ какой-нибудь торгашъ публику, выкрикивая во все горло.—Честно, дешево продается. Малость осталось. Эй, вы, милыя мои грузины, не вдавайтесь тамъ въ обманъ, переходите ко мнѣ, что за товаръ! Па-па-па!

Въ это время появляется какая-нибудь красивая кистинка, съ ногъ до головы увѣшанная золотыми и серебряными бубенчиками. Въ рукѣ она держитъ до 15 штукъ войлочныхъ шапокъ. Торговцы-юноши окружаютъ ее; смотря на ихъ разкраснѣвшіяся лица и пламенныя глаза, можно догадаться, что не столько ихъ привлекаетъ товаръ, сколько сама продавщица. Они хотятъ вырвать у нея изъ рукъ войлочныя шапки и вмѣстѣ съ тѣмъ смыкаютъ собою цѣпь вокругъ нея все тѣснѣе и тѣснѣе. Она замѣчаетъ коварство покупателей и высматриваетъ щель, чтобъ проскользнуть и освободится отъ назойливыхъ покупателей; но, увы, нельзя проскочить! лицо ея покрывается краскою, она въ замѣшательствѣ; вдругъ является къ ней на выручку еврей, прорываетъ толпу, освобождаетъ дѣвицу и заводитъ ее въ свой бутикъ. Тамъ онъ даетъ ей два 25-копеечныхъ платочка за 45 шапокъ, изъ коихъ каждая стоитъ 45 коп. Ей цѣна кажется слишкомъ малою, она колеблется. Еврей даетъ ей еще платочекъ и два леденца. Она вполнѣ удовлетворена и исчезаетъ быстро въ волнующейся массѣ.

На одной сторонѣ ограды стоитъ рядъ домовъ, принадлежащихъ церкви; въ дни праздника дома набиты биткомъ посѣтителями изъ мѣстной аристократіи; передъ домами широкая площадка, окаймленная зеленью и цвѣтами. Тамъ и сямъ привѣшены разноцвѣтные фонари. Но вотъ заигралъ мѣстный оркестръ: дудуки, тари, дайра, димплипито (музыкальныя инструменты). Изъ домовъ выступаютъ медленно, чинно, наряженныя княжны; народъ и сюда начинаетъ стекаться. Вотъ заиграли лезгинку и начались танцы.

Отовсюду слышны звуки пѣнія собравшейся на храмовой праздникъ массы людей, разбитыхъ то въ кружки, то въ хороводы и поющихъ хороводныя пѣсни. Среди этого всеобщаго шума и гама громче всего раздаются пронзительныя звуки зурны...

Кавказскія легенды, преданія, суевѣрія, миѳы и обряды и проч.

Змѣиная гора у Аракса[1]).

У Аракса, на югъ отъ Нахичевани находится гора называемая татарами Илондагъ или Гон-дагъ, а армянами Оцезаръ, что значитъ „Змѣиная гора". Въ опредѣленныя времена года тамъ собирается такое огромное количество змѣй, что ни люди, ни животныя не смѣютъ подходить къ горѣ. Кромѣ обыкновенныхъ змѣй, есть тамъ и достигшія 25-ти лѣтняго возраста, когда они могутъ сами превращаться въ драконовъ и, обманывая людей и животныхъ, ловить и убивать ихъ.

Если же тамошняя змѣя достигаетъ до 60-ти лѣтъ, прежде чѣмъ ее увидятъ люди, она называется по-персидски Юки (расширеніе), 70-ти лѣтняя получаетъ силу по своему произволу превращаться въ животное и даже въ человѣка.

Однажды молодой пастухъ отсталъ отъ кочующаго племени, съ которымъ шелъ. Вдругъ онъ замѣтилъ въ кустахъ прекрасную дѣвушку, которая горько плакала и жаловалась, что отстала отъ своихъ родныхъ и теперь не можетъ ихъ найти. Онъ посадилъ ее къ себѣ на лошадь и поѣхалъ по указанной ею дорогѣ. Въ пути они другъ друга полюбили, и тогда она ему созналась въ томъ, что у нея нѣтъ ни родныхъ, ни родины; что она это выдумала, чтобы сблизиться съ нимъ, потому что съ перваго взгляда воспламенилась къ нему сильною любовью. Онъ взялъ ее съ собою на родину и женился на ней. Однажды пришелъ къ нему индійскій факиръ, имѣвшій при себѣ перстень съ ониксомъ, по которому онъ тотчасъ узналъ, что жена пастуха не что иное какъ превращенная змѣя. Онъ сообщилъ это мужу и, чтобъ убѣдить его, сказалъ: „Прикажи женѣ сварить кушанье, особенно ею любимое, и тайкомъ прибавь въ него поболѣе соли, потомъ накрѣпко запри домъ, вылей всю воду въ домѣ и притворись спящимъ, но не спи". Мужъ послушался и сдѣлалъ такъ, какъ сказалъ факиръ. Вдругъ ночью онъ видитъ, что жена встаетъ, ищетъ вездѣ воды, растягивая при этомъ шею до того, что голова ея вышла изъ трубы. Вскорѣ онъ увидѣлъ, что головою она достала до сосѣдней рѣки и услыхалъ, какъ она стала пить воду. Тогда онъ сказалъ факиру, что не желаетъ имѣть женою змѣю и просилъ у него совѣта, какъ бы отъ нея отдѣлаться. Факиръ посовѣтовалъ ему заставить жену печь хлѣбъ, и когда она нагнется, чтобы сунуть тѣсто въ печь, столкнуть ее туда, завалить отверстіе камнемъ и ни въ какомъ случаѣ оттуда не выпускать, несмотря на ея моленія и жалобы, въ противномъ случаѣ она непремѣнно убьетъ его. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Она просила его, чтобъ онъ сжалился надъ вѣрною женою. Когда онъ остался неумолимымъ, то она сказала: „Факиръ выдалъ тебѣ мою тайну, онъ жаждетъ моего тѣла; ты конечно бы погибъ, если-бъ я узнала, что тебѣ извѣстна моя тайна". По смерти ея, мужъ пришелъ въ отчаяніе, потому что страстно любилъ жену; онъ пошелъ шататься по свѣту Божьему, и никто съ того времени его не видѣлъ. А факиръ тщательно собралъ золу, сохранившую силу превращенія, и посредствомъ ея превращалъ всѣ металы въ золото.

Е. К.

[1]) Газ. „Кавказъ".

Гнѣвъ Аллаха.

Это было давно, когда люди не умѣли еще строить саклей, а жили какъ звѣри и питались чѣмъ попало. Жилъ на землѣ сильный и умный джигитъ. Все ему удавалось. Стада у него были, а ни у кого ихъ не было. Сталъ онъ первый людей учить, какъ звѣрей ручными дѣлать, какъ сакли строить, вмѣстѣ жить и никого не бояться. Трудно было ему одному: никто сначала не вѣрилъ ему, но онъ былъ сильный и умный человѣкъ и успѣлъ наконецъ. Послушалось его нѣсколько семействъ и выстроили маленькій аулъ, приручили козъ и барановъ, завели стада и собакъ. Тогда еще не знали люди, какъ огонь добывать, а если и видѣли, что гроза дерево зажжетъ, такъ бѣжали прочь и прятались, чтобъ и ихъ громомъ не убило. Одинъ только джигитъ ничего не боялся и часто ходилъ смотрѣть, какъ лѣсъ горитъ отъ молніи.

Разъ ходили стада на горахъ, надъ пропастью. Поднялась гроза, молнія ударила въ самое стадо и оглушила одного пастуха. Прочіе бѣжали въ свой аулъ; стадо испугалось и, бросившись со скалы, все погибло. Одинъ только сильный человѣкъ не испугался, отнесъ пастуха въ пещеру, пробылъ съ нимъ цѣлый день, а на другой день привелъ его въ аулъ совсѣмъ здороваго. Испугался аулъ и сталъ вѣрить сильному человѣку во всемъ и почиталъ его какъ Аллаха. И показалъ сильный человѣкъ людямъ, какъ огонь изъ кремня добывать, какъ желѣзо ковать; многому хорошему выучилъ онъ свой аулъ, забылъ только научить Богу молиться.

Однажды проснулись въ аулѣ люди, видятъ—нѣтъ сакли сильнаго человѣка, а только зола на томъ мѣстѣ видна. Начали искать—не нашли ни гдѣ. Долго ходили, вернулись наконецъ и стали думать, что онъ оставилъ не осторожно огонь на ночь, да и сгорѣлъ. Только тотъ пастухъ не повѣрилъ, чтобы такой умный человѣкъ могъ пропасть по глупости своей; простился съ товарищами и пошелъ искать его по цѣлому свѣту. Много лѣтъ ходилъ онъ: взбирался на высокія горы, спускался въ глубокія ущелья, переплывалъ моря и рѣки, а друга своего не находилъ. Изъ молодого человѣка сдѣлался аксакаломъ [1]), а все искалъ, не хотѣлъ умереть, не отыскавъ его. Наконецъ пришелъ въ Тубу [2]). Обошелъ онъ всѣ горки, горы и овраги, утомился наконецъ и приблизился къ одной саклѣ, чтобы заснуть подъ ней, какъ слышетъ—кто-то зоветъ его по имени. Онъ поднялъ голову и видитъ, что надъ нимъ виситъ тотъ кого онъ искалъ, прикованный цѣпью къ самой верхушкѣ скалы, а около него два орла летаютъ, по-очереди на него садятся и грудь ему клюютъ. Испугался аксакалъ и упалъ лицомъ на землю.

— Ты ли это, сильный человѣкъ?—крикнулъ онъ несчастному?...—За что и кто тебя такъ мучитъ?

— Я,—отвѣчалъ тотъ.—И за со меня Аллахъ на казнь такую осудилъ, что я его забылъ и самъ сталъ думать, что равенъ ему; послѣ того какъ тебя громомъ оглушило, и я возвратилъ тебя къ жизни, я пересталъ ему молиться; теперь ты видишь какъ я мучусь! То, что днемъ выклюютъ эти скверныя птицы, ночью наростаетъ, чтобъ я умереть скоро не могъ и вытерпѣлъ до конца свое наказаніе.

— Что же нужно сдѣлать, несчастный, чтобъ умилостивить Аллаха, и чтобъ онъ тебя простилъ?

— Нужно молиться и столько выплакать слезъ, чтобъ отъ нихъ цѣпи мои проржавѣли насквозь. Тогда, значитъ, Аллахъ меня проститъ, потому что я упаду и убьюсь до смерти.

И сталъ аксакалъ на молитву подъ скалою. Долго и усердно молился и плакалъ онъ, и каждый разъ, когда падала слеза его на землю, звенѣли цѣпи прикованнаго, и птицы пугливо отлетали, а осужденный вздыхалъ свободнѣе. И молился аксакалъ Аллаху, чтобъ онъ не далъ ему смерти, пока не вымолитъ прощенія осужденному. Прошло много сотъ лѣтъ, и все онъ стоялъ на молитвѣ, не ѣлъ и не пилъ ничего, и не спалъ даже, а все плакалъ. Разъ, когда онъ особенно усердно молился, почувствовалъ онъ, что спать хочется. Заснулъ онъ и снится ему, что кто-то ему во снѣ говоритъ: „Молитвы твои услышаны, скоро умретъ преступникъ, а ты иди въ свой аулъ и научи людей, чтобы меня не забывали, да приведи сюда кого-нибудь изъ нихъ, чтобы видѣли, какъ я наказываю тѣхъ, кто меня забываетъ и не слушаетъ".

Проснулся аксакалъ и догадался кто съ нимъ говорилъ. Посмотрѣлъ на друга своего, видитъ—цѣпи совсѣмъ проржавѣли, едва держатся, и птицъ нѣтъ, и самъ онъ чуть-чуть дышетъ. Опрометью побѣжалъ старикъ въ свой аулъ. Приходитъ—вмѣсто одного аула цѣлый народъ живетъ; смотрятъ на него и удивляются. Сталъ онъ имъ разсказывать какъ и зачѣмъ пришелъ—не вѣрятъ. Долго упрашивалъ онъ итти за нимъ нѣсколько человѣкъ. Приходятъ, увидали, да такъ испугались, что упали на земь и поклонились Аллаху. Только что они это сдѣлали, ударилъ громъ, затряслась земля, и прикованный упалъ, разсыпавшись прахомъ, а друга его аксакала Аллахъ обратилъ въ ручей.

Е. К.

О Лангъ Тамерѣ (Тамерланѣ).

Тамеръ былъ пастухомъ. Отецъ поручилъ ему пасти овецъ. Однажды между овцами очутился заяцъ. Мальчикъ счелъ его за ягненка, и когда заяцъ хотѣлъ убѣжать, Тамеръ всякій разъ его загонялъ и вечеромъ вмѣстѣ со стадомъ пригонялъ его въ овчарню, жалуясь при томъ отцу на неугомоннаго ягненка. Отецъ, узнавъ зайца и удивительную быстроту мальчика, пристально посмотрѣвъ на сына, сказалъ: „Ты когда-нибудь сдѣлаешься завоевателемъ міра и разрушителемъ монашескихъ орденовъ, но чтобы ты не разрушилъ всего и не завоевалъ весь міръ, я сокращу быстроту твою". Онъ перѣзалъ ему сухую жилу одной ноги, и съ того времени мальчика звали Лангъ-Тамеромъ, или хромымъ Тамеромъ (Тамерланомъ). Мальчикъ выросъ, сдѣлался смѣлымъ, сильнымъ, мужественнымъ и главою своего племени. Тогда овладѣла имъ непреодолимая страсть къ завоеваніямъ, и онъ уговорилъ народъ свой къ походу противъ Китая; 12000 человѣкъ послѣдовали за нимъ. Китайскій императоръ жилъ тогда въ замкѣ, посреди моря. Каждый день ему приносили кушанье на золотыхъ блюдахъ, а блюдо, съ котораго онъ ѣлъ, потомъ бросали въ море. Узнавъ о походѣ Тамерлана, онъ велѣлъ сыскать во всемъ государствѣ 12000 хромыхъ и послалъ ихъ на такихъ же лошадяхъ навстрѣчу Тамерлану, чтобы показать ему неограниченное свое могущество, а вмѣстѣ съ ними послалъ закрытое золотое блюдо. При вскрытіи оно оказалось наполненнымъ драгоцѣнными камнями. Тогда сказалъ Тамерланъ: „Донесите императору, что я голоденъ, а онъ мнѣ прислалъ камни и золото!" Императоръ ему отвѣчалъ: „Зачѣмъ ты пришелъ? У тебя дома довольно пищи; нужно тебѣ золото и камни, деньги—возьми! Но возвратись домой!" Тамерланъ повернулъ назадъ и черезъ Персію отправился въ Арменію. Онъ былъ величайшій врагъ христіанства и съ ожесточеніемъ разрушалъ церкви и монастыри. Однажды онъ отправился на разрушеніе монастыря Кіегантавангъ. Подъѣзжая къ рѣкѣ, протекавшей черезъ долину, онъ увидѣлъ на другой сторонѣ большое войско, состоявшее изъ красныхъ и голубыхъ всадниковъ. Но онъ увидѣлъ это войско только одинъ. Тогда онъ понялъ, что это чудо, и закричалъ: „Yeur-gitsch" (посмотри и ступай дальше). Съ того времени монастырь получилъ татарское прозваніе Іёргичъ. Тамерланъ пощадилъ его. Вскорѣ онъ отпра-

---

[1]) Буквально: бѣлая борода, т. е. старикъ.

[2]) На Сѣв. Кавказѣ.

вился къ озеру Якчай (Севанъ), на берегу котораго стоялъ небольшой монастырь. Онъ здѣсь увидѣлъ монаха, бросившаго свою мантію на воду и на ней поплывшаго по озеру. Пораженный такимъ чудомъ, Тамерланъ призвалъ монаха и сказалъ ему: „Благослови войско мое, а прежде выпроси себѣ милость, въ которой тебѣ не будетъ отказано". Монахъ попросилъ его объ освобожденіи стольких плѣнныхъ, сколько ихъ войдетъ въ маленькую монастырскую церковь. Плѣнныхъ же было безчисленное множество; всѣ они умѣстились въ маленькомъ храмѣ, и такимъ образомъ были освобождены изъ плѣна. Но монахъ, вмѣсто благословенія, далъ Тамерлану письменное проклятіе, чтобы никогда болѣе десяти человѣкъ войска не повиновались одному и тому же начальнику. Съ той минуты все войско Тамерлана разсѣялось и уже болѣе не соединялось.

Е. К.

Глупость ауховцевъ.

Пошли три ауховца къ кумыкамъ учиться ихъ языку; пробыли три года и выучились всѣ трое говорить три фразы, т. е. каждый по одной. Первый зналъ одно слово *бизъ*, т. е. *мы*, второй—*хальва учунъ*, т. е. *за халву*, а третій зналъ слова *жанъ чыксынъ аузна*, т. е. *пусть душа вылѣзетъ чрезъ ротъ*. Возвращаясь домой, они безпрестанно повторяли эти слова, чтобы не забыть ихъ. Вдругъ по дорогѣ они увидѣли зарѣзаннаго человѣка. Вскорѣ къ трупу подошли и родственники послѣдняго и стали спрашивать ауховцевъ, не знаютъ ли они убійцъ. Тогда первый ауховецъ преспокойно отвѣтилъ: *бизъ*, т. е. мы. Кумыки были очень удивлены, что убійцы такъ скоро сознались, и спросили, за что они его убили. Тогда второй сказалъ: *хальва учунъ*, т. е. за халву. Родственники еще болѣе удивились и стали упрекать за то, что они убили мусульманина за халву. Чтобы не отстать отъ товарищей въ знаніи кумыкскаго языка, третій сказалъ: *жанъ чыксынъ аузна*, т. е. пусть вылѣзетъ его душа черезъ ротъ. Тутъ ужъ терпѣніе родственниковъ переполнилось, и они, раздраженные отвѣтами, убили всѣхъ трехъ ауховцевъ.

Сидѣли ауховцы кружкомъ, вытянувъ въ центръ ноги; на всѣхъ были желтые сапоги, только что купленные на базарѣ. Къ нимъ подъѣхали всадники и спросили, что они дѣлаютъ, отчего не идутъ домой, такъ какъ уже вечеретъ. Ауховцы отвѣчали, что они не могутъ разобрать своихъ ногъ, такъ какъ они всѣ желтыя, и просили всадниковъ помочь имъ. Тогда всадники начали ихъ бить нагайками: отъ боли всѣ они моментально вскочили на ноги и стали благодарить за оказанную услугу.

Шли ауховцы по полю и увидѣли нору. Полагая, что въ ней сидитъ лисица, одинъ изъ нихъ влѣзъ въ нору. Къ несчастью, въ норѣ была не лисица, а медвѣдь, и лишь только ауховецъ всунулъ туда голову, медвѣдь свернулъ ее съ шеи. Трепетавшаго ауховца вытащили изъ норы и, не видя на немъ головы, спрашивали другъ друга, была ли она на немъ. Никто не могъ дать утвердительный отвѣтъ. Призвали изъ аула его жену и спросили ее, была ли на немъ голова. „Была ли на немъ голова, признатьея, и я не знаю", сказала она, „но знаю, что шила ему ежегодно папаху".

Шли ауховцы по крутому и обрывистому берегу рѣки и увидѣли въ пропасти мѣшокъ. „Какъ бы его достать?"—разсуждали они. Взявъ другъ друга за руки, они составили изъ себя цѣпь; изъ нихъ первое звено ухватилось рукою за дубъ, а цѣпь спустилась въ пропасть за мѣшкомъ. Къ несчастію, у перваго звена почесалось въ головѣ; онъ просилъ второе освободить на минуту руку, чтобы почесаться. „Ну скорѣе же!" сказало второе звено и освободило руку; всѣ остальные погибли.

Шелъ шатоевецъ по Чечнѣ и нашелъ арбузъ. „Что за зеленая у чеченцевъ тыква!"—подумалъ онъ и понесъ его домой. Жена сварила арбузъ и подала мужу; найдя его безвкуснымъ, шатоевецъ сказалъ: „Дуракъ же я, что недогадался, что онъ не спѣлый; стоило же труда нести его изъ Чечни въ горы!"

Пошли чеченцы къ назарянцамъ, обращать ихъ изъ язычества въ мусульманство. Одинъ галгаевецъ, принимая новую вѣру, получилъ наставленіе, чтобы до смерти своей ежедневно молился Богу пять разъ и постилъ бы одинъ мѣсяцъ въ году. Возвращаясь домой отъ миссіонеровъ, онъ повстрѣчался съ своимъ товарищемъ, шедшимъ тоже къ миссіонерамъ. Новообращенный сдѣлалъ ему такое наставленіе: „Смотри, не оплошай, я промахнулся; обязывайся постить одинъ мѣсяцъ въ году, но не обязывайся молиться, потому что этотъ обрядъ долженъ будешь исполнять до смерти. Не легче ли тебѣ пропостить мѣсяцъ, чѣмъ до конца жизни бить головою въ землю, подобно вонючему жуку".

Ровъ Тамерлана.

Въ различныхъ мѣстахъ Чечни, за Аргуномъ, около укрѣпленія Воздвиженскаго, въ Малой Чечнѣ и надъ Терекомъ, можно и теперь еще увидѣть ровъ, уже отъ времени почти сравнявшійся съ землею. Чеченцы приписываютъ его Тамерлану и называютъ его Аксакъ-Темиръ-оръ, т. е ровъ хромого Темира. Насчетъ этого рва преданіе говоритъ, что у Тамерлана пропалъ его сынъ, чтобъ отыскать его, онъ собралъ многочисленное войско и рѣшилъ или покорить міръ, или отыскать сына. Чтобы вѣрнѣе возвратиться обратно, онъ капалъ по пройденной дорогѣ ровъ; войско его было столь многочисленно, что на долю каждаго воина, во время копанія рва, досталось только по одной торбѣ земли. Ровъ этотъ простирался отъ Каспійскаго до Чернаго моря и шелъ на Русь. Тамерланъ предложилъ своимъ воинамъ набрать побольше земли съ собою, сказавъ, что какъ взявшіе съ собою земли, такъ и не взявшіе воины будутъ расканваться. Воины не поняли словъ Тамерлана, а потому нѣкоторые взяли съ собою земли, другіе же нѣтъ. Набранная земля превратилась въ золото, и вѣщія слова Темира исполнились. Набравшіе земли воины сожалѣли, что взяли ея мало; не набравшіе же сожалѣли, что не взяли ея. Потомъ говорится, что сынъ его находился табунщикомъ у тогдашняго татарскаго хана Тохтамыша. Въ этомъ табунѣ былъ конь Турпалъ (въ родѣ русскаго Полкана). Сынъ Тамерлана сѣлъ на него; конь чуткимъ ухомъ услышалъ шумъ идущаго войска Тамерлана и присоединилъ къ нему его сына. Побивъ татаръ, онъ вернулся обратно.

Ногайскій Мирза.

Жилъ за Терекомъ знаменитый богатырь—Ногайскій Мирза. У него была прекрасная жена, которую онъ силою похитилъ у родителей. Мирза совершалъ свои нѣзды на буланомъ конѣ, съ черной полосой вдоль спины; отъ частой ѣзды конь исхудалъ и былъ оставленъ въ табунѣ для поправленія. Сѣвши на другого коня Мирза, остался имъ недоволенъ, а потому черезъ два мѣсяца, полагая что любимый конь его уже поправился, пошелъ его освидѣтельствовать и нашелъ его еще болѣе

худымъ, да къ тому еще съ больной спиной. Подозрѣніе запало въ проницательную душу ногайца. „Или жена моя разъѣзжаетъ на конѣ къ любовнику, или же любовникъ, посѣщая мою жену, ѣздитъ на немъ". Чтобы добраться до истины, онъ употребилъ хитрость. Съ этого времени, каждый разъ, уѣзжая изъ дому, онъ ударялъ ногайкою свою жену, приговаривая: „Знаешь ли ты на свѣтѣ богатыря, храбрѣе меня, и жену, красивѣе тебя?" Наскучивъ этой выходкой, слишкомъ часто повторявшеюся, жена однажды сказала: „Затеречный Науръ храбрѣе тебя, его жена Сатай-ханъ красивѣе меня". Ногаецъ тотчасъ понялъ значеніе этихъ словъ и поѣхалъ къ Науру. Съ высоты горы Науръ примѣтилъ за рѣкою ѣхавшаго всадника; въ первый разъ въ жизни робость овладѣла его душой, и онъ приготовился про всякій случай. О всадникѣ онъ размышлялъ такимъ образомъ: если онъ робкой души, то будетъ искать броду, если же храбръ и отваженъ, то зря кинется въ воду. Съ высокого берега ногаецъ рынулся въ воду, переплылъ рѣку и предсталъ передъ Науромъ. „Воинъ",—сказалъ ему Науръ,—„ко мнѣ ли лежалъ твой путь, или ты ѣдешь далѣе?" Ногаецъ отвѣтилъ: „Теперь я у тебя, захочу—уѣду, захочу—останусь у тебя". Науръ принялъ гостя, убилъ кобылу, сварилъ и подалъ мясо ногайцу. Насытившись, ногаецъ сказалъ: „Послушай, Науръ, правымъ берегомъ Терека владѣешь ты, лѣвымъ—я; кони наши пьютъ общую воду Терека, слѣдовательно и мы сродни между собою. Эхо теречныхъ горъ вторитъ твое имя, вѣтеръ ногайскихъ степей далеко несетъ звукъ моего имени; чего бы, кажется, недоставало для насъ, и почему бы намъ не жить дружно? Не будемъ толковать, какъ бабы или дѣти, поговоримъ по богатырски. Ты обезчестилъ мою жену и долженъ позволить мнѣ то же самое съ своею". Науръ отвѣчалъ, что онъ въ безчестіи его жены и виноватъ и невиновенъ (виноватъ тѣмъ, что обезчестилъ, а невиновенъ тѣмъ, что жена ногайца любила Наура больше мужа), но что никому не позволитъ обезчестить свою жену. Они вступили въ бой: одинъ изъ нихъ—ногаецъ, молодой и хитрый, другой—старѣющійся Науръ, начинающійся сомнѣваться въ своей физической силѣ. Они вступили въ рукопашный бой; уже вечерѣло; ногаецъ сталъ утомляться и употребилъ хитрость, свойственную его народу. „Посмотри, Науръ, на небо, что за птицы летятъ по немъ? Да утри потъ съ твоего чела". Науръ взглянулъ на небо; ногаецъ же сшибъ его съ ногъ и, сѣвъ на него, сказалъ: „И теперь я нехочу твоей смерти; богатырь не измѣняетъ данному слову; но жизнь твоя въ моихъ рукахъ,—позволь лишь ночь провести мнѣ съ твоей женой". Науръ отказалъ и былъ убитъ; положивъ его голову въ торока, ногаецъ поѣхалъ къ Сатай-ханъ, провелъ съ нею ночь и, снявъ съ ея пальца кольцо, вернулся къ женѣ. Онъ сказалъ ей, бросивъ голову Наура: „Теперь я увѣренъ, что ты не знаешь богатыря храбрѣе меня",—а потомъ, подавъ ей кольцо, сказалъ:—„И нѣтъ жены красивѣе тебя". Жена узнала голову своего возлюбленнаго Наура, взяла ее въ руки, цѣловала и жала къ своей груди и, обратясь къ своему мужу, сказала: „Ты могъ его убить или обманомъ, или же измѣной; онъ всегда былъ храбрѣе тебя". Уличенный въ обманѣ, ногаецъ устыдился, отвезъ жену съ почетомъ къ родителямъ, а самъ уѣхалъ въ Казань. Узнавъ о смерти Наура, жена его лишила себя жизни. Сатай-ханъ съ кручи кургана бросилась въ Терекъ и погибла въ его волнахъ. Въ воспоминаніе этого происшествія мѣсто это и теперь называется ея именемъ—Сатай-те, т. е. возвышенность Сатай. Белашай же съ высокаго кургана кинулась въ пропасть и погибла. Курганъ этотъ и теперь называется ея именемъ, Белашай баръз, т. е. курганъ Белашай. Потомство брата Ногайскаго Мирзы еще существуетъ и разсказываетъ о Наурѣ.

Культъ мертвыхъ на Кавказѣ [1]).

Суевѣрія и предразсудки—это такія сокровища, которыя обыкновенно причиняютъ убытки и ущербъ тому, кто ими обладаетъ. Но наивные люди какъ разъ считаютъ ихъ источникомъ всяческихъ выгодъ и благъ и потому никакъ не хотятъ съ ними разстаться. Къ числу такихъ убыточныхъ обычаевъ принадлежитъ приношеніе жертвъ умершимъ. Потомъ, кровью, мозолями создаетъ человѣкъ кое-что для своего пропитанія и въ одинъ злополучный день выбрасываетъ все это добро, обрекая себя, можетъ быть, на голодъ, лишь бы только накормить умершихъ родственниковъ. Въ этой убыточной формѣ проявляется инстинктъ общественности, взаимопомощи. Заботливость о мертвецахъ непосредственно вытекаетъ изъ первобытнаго представленія о смерти и загробной участи человѣка. Косматый философъ, бродившій въ нетронутыхъ лѣсахъ съ каменнымъ топоромъ въ рукахъ, имѣлъ на этотъ счетъ самые опредѣленные взгляды.

Вотъ лежитъ неподвижный, холодный, какъ земля, на которой онъ растянулся, его товарищъ. Еще вчера онъ бѣшено бросался на враговъ, неутомимо бѣгалъ за дикимъ козломъ, и вмѣстѣ съ товарищами дѣлилъ вытащенную изъ воды падаль; а теперь лежитъ застывшій, молчаливый, и уже начинаетъ издавать зловоніе какъ падаль. Что съ нимъ? Разумѣется, онъ спитъ... долго будетъ спать. Ну, и пусть спитъ. Однако, ему надо ѣсть, пить, иногда и обогрѣться. Да, пусть даже онъ странствуетъ теперь въ обширныхъ пространствахъ замогильнаго царства, и тамъ вѣдь его мучаетъ голодъ, стужа знобитъ кости, и дрожитъ бѣдняга; къ тому же ему страстно хочется покурить и выпить глотокъ-другой славнаго вина. Это, конечно, такъ; и не можетъ быть иначе, и товарищи не должны оставлять бѣднягу въ нуждѣ и холодѣ. И вотъ несутъ они мясо, набиваютъ ему ротъ до краевъ, льютъ ему напитки, напяливаютъ платье... Такъ первобытный философъ, еле влачащій собственные голодные дни, взвалилъ на себя бремя заботъ о мертвецахъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ этомъ невыгодномъ обычаѣ родился нѣкоторый благодѣтельный факторъ, совершенно незамѣчаемый съ перваго взгляда: необходимость удѣлять изъ своей добычи кое-что мертвецамъ, побуждала добывать больше, чѣмъ нужно одному живому, побуждала къ усиленному труду, къ повышенію культуры. Извѣстно, что голодъ это бичъ, погоняющій впряженное въ ярмо труда человѣчество, а забота о мертвыхъ въ такомъ случаѣ одна изъ веревокъ, вплетенныхъ въ этотъ жестокій бичъ. Но такое благотворное вліяніе культъ мертвыхъ оказываетъ лишь на самой ранней ступени хозяйственной культуры, когда человѣкъ добывалъ или производилъ ровно столько благъ, чтобъ не умереть съ голоду, дальше наступаетъ чисто убыточное дѣйствіе обычая. Мертвецы начинаютъ разорять живыхъ.

Они ставятъ передъ покойникомъ чашку пшеницы для засѣванія его загробныхъ нивъ, чашку воды для поливки ихъ, кладутъ на могилѣ одежду, зажигаютъ свѣчи, чтобъ освѣтить мрачный путь въ царство смерти, въ руку покойника кладутъ монету для сторожа у дверей рая, чтобъ онъ впустилъ покойника; на могилѣ садятъ фруктовое дерево, чтобы умершій имѣлъ собственные фрукты. Такъ же понимаютъ дѣло и чеченцы. Возвращаясь съ покоса мимо могилы, они оставляютъ на ней пучекъ травы на кормъ лошади въ загробномъ мірѣ, а проходя послѣ уборки хлѣба, насыпаютъ немного зерна для усопшаго—онъ можетъ посѣять его у себя, можетъ приготовить лепешки.

И попробуйте сказать этому наивному чудаку-ингилойцу или осетину, сванету или пшаву, что его мертвые голодаютъ,—онъ придетъ въ бѣшенство. Развѣ онъ допуститъ когда-нибудь своихъ мертвецовъ до такого несчастія? Скорѣй онъ самъ умретъ съ голоду, но мертвыхъ накормитъ.

[1]) Газ. „Кавказъ".

Однако, какъ часто и какъ долго слѣдуетъ кормить мертвыхъ? Вопросъ этотъ на разныхъ ступеняхъ хозяйственной культуры рѣшается различно. Обыкновенно съ прогрессомъ экономической культуры возрастаютъ заботы о живыхъ въ ущербъ попеченіямъ о мертвыхъ, пока не является основаніе провозгласить ученіе „предоставьте мертвымъ заботиться о мертвыхъ“. На первыхъ ступеняхъ культурной лѣстницы мертвыхъ угощаютъ пищею ежедневно и въ теченіе долгаго, долгаго времени, пока не изгладится память о нихъ. Впослѣдствіи стремленіе улучшать условія собственнаго существованія постепенно ослабляетъ невыгодную привязанность къ усопшимъ.

Ежедневныя угощенія мертвеца ограничиваютъ годичнымъ срокомъ. Осетинская вдова круглый годъ ежедневно стелетъ покойному мужу постель, каждое утро подаетъ ему, повидимому, умываться и весь годъ не ѣстъ скоромнаго, предоставляя это удовольствіе покойнику. Сванеты цѣлый годъ, изо-дня въ день, ставятъ въ темный уголокъ для души умершаго обѣдъ, ужинъ, трубку съ табакомъ и араку. Правда, все это потомъ съѣдается дѣтьми, но, тѣмъ не менѣе, идетъ мертвецу на потребу [1]). Такъ же поступаютъ и абхазцы, подавая лишь вмѣсто араки вино [2]).

Годовой срокъ ежедневныхъ попеченій въ свою очередь урѣзывается. Кормятъ мертвеца до тѣхъ поръ, пока онъ является во снѣ. Не безпокоитъ больше—значитъ онъ въ загробномъ мірѣ отыскалъ себѣ и пропитаніе, и одежду. Имеретины въ прежнія времена постились во славу усопшаго ровно годъ, потомъ 40 дней, еще послѣ—только 7 дней. Ингилойцы теперь ставятъ порціи ѣды мертвымъ въ продолженіе сорока дней. Подъ давленіемъ того же чисто экономическаго побужденія ежедневныя жертвы смѣняются еженедѣльными, потомъ ежемѣсячными, и, наконецъ, начинаютъ совершаться лишь разъ въ годъ, въ день, спеціально посвященный этому дѣлу—„день всѣхъ усопшихъ“. Рядомъ съ этимъ претерпѣваютъ измѣненія и взгляды на загробную жизнь. Какъ можетъ существовать покойникъ, котораго прикармливаютъ разъ въ мѣсяцъ или въ годъ? Очень просто: души въ царствѣ мертвыхъ находятъ себѣ пропитаніе. Ингилойцы, кромѣ 40 дней ежедневныхъ угощеній, два раза въ годъ устраиваютъ общее пиршество мертвыхъ—на страстную пятницу и на Успеніе. Сванеты каждую субботу въ теченіе года носятъ ѣду и араку на кладбище... Забираетъ и поѣдаетъ священникъ, но это все равно идетъ покойнику. Одинъ разъ въ годъ, на Крещеніе, они устраиваютъ общественный пиръ мертвыхъ „лїшаналъ“ (ставить накрытый столъ усопшимъ). У осетинъ каждую пятницу женщины носятъ съѣстное на могилу, а разъ въ годъ устраиваютъ великое поминовеніе „стурхістъ“.

Мертвый нуждается во всемъ, что потребно живому. Нужны и водка, и табакъ. Хевсуры, присутствующіе на похоронахъ, всѣ выкуриваютъ по трубкѣ махорки за упокой усопшаго [3]).

Чтобы мертвецъ могъ погрѣться, на могилѣ разводится костеръ. Извѣстно, что ирокезы въ Америкѣ въ дождливую и холодную погоду зажигали на могилахъ костры, чтобы души мертвыхъ могли погрѣться и высушить промокшее платье. Совершенно такіе же костры нѣкогда разводили на могилахъ и осетины; теперь они безвозвратно позабыли этотъ нѣжный обычай и только пѣсня, вѣрная хранительница старины, напоминаетъ намъ о немъ. Бездомный поэтъ, жалуясь на круглое одиночество, тоскливо спрашиваетъ: „когда умру, кто будетъ приносить дрова на мою могилу?“

Съ теченіемъ времени могильные костры сокращались въ размѣрахъ, пока не обратились въ свѣчку или лампадку. Уже въ египетскихъ и римскихъ гробницахъ горѣли неугасаемыя лампады. Нынѣшніе болгары еще ставятъ иногда на могилѣ лампу на годъ, на три года. Лезгины въ праздники зажигаютъ свѣтильники на могилахъ воиновъ, убитыхъ непріятелями. Осетинъ на разсвѣтѣ Новаго года раскладываетъ на дворѣ пучки соломы по числу умершихъ членовъ рода и зажигаетъ ихъ со словами: „будьте свѣтлы наши мертвые, доля вашего огня да не потухнетъ“. Сванеты наканунѣ Крещенія всю ночь не тушатъ огня, „чтобы не было холодно гостямъ съ того свѣта“. Пшавы въ ежегодный праздникъ мертвыхъ зажигаютъ свѣчи и говорятъ, обращаясь къ покойникамъ: „да достанутся вамъ опрѣсноки и да освѣщаетъ и радуетъ вашу душу зажженая свѣча!“ Время, сокращая размѣры огня, навязываетъ и новыя толкованія смыслу обычая. Ингилойцы теперь думаютъ, что свѣча озаряетъ темную дорогу въ замогильное царство.

Долгій опытъ мало-по-малу разрушилъ вѣру въ то, что мертвецъ собственными зубами можетъ пожирать пищу, самъ можетъ облачаться въ приносимую одежду и т. д. И тутъ присоединяются къ дѣду побужденія матеріальнаго свойства: человѣкъ приходитъ къ мысли, что приносимое умершему можетъ быть съѣдено живымъ и такимъ путемъ поступитъ въ распоряженіе умершаго невещественная сущность пищи, или душа вещей. Живой ѣстъ, чтобы накормить мертваго. Садясь за такую ѣду, живые призываютъ умершихъ насыщать сязапахомъ блюдъ кушаній. Такъ совершаются поминки.

Въ своихъ „Осетинскихъ этюдахъ“ Вс. Миллеръ дѣлаетъ такого рода замѣчаніе: „на поминки смотрятъ, какъ на кормленіе мертвыхъ; говорятъ, что птица, которую ѣдятъ на поминкахъ, не идетъ въ пользу съѣвшаго, но ея *сила* переходитъ къ мертвому, такъ что плотно поѣвшій на поминальной пирушкѣ, придя домой, имѣетъ право спросить себѣ обычный обѣдъ“ [1]). Изъ не кавказскихъ народовъ укажу на лопарей, о которыхъ у Н. Харузина [2]) находимъ слѣдующее: „часть оленя охотники съѣдали на мѣстѣ жертвоприношенія; тѣмъ не менѣе, они возвращались съ голодными желудками, такъ какъ все, что они съѣдали, шло въ прокъ не имъ, а сейду“ (священному камню). Любопытная обязанность ѣсть, чтобы были сыты другіе. Эту пріятную обязанность берутъ на себя родственники покойнаго, или духовенство, нищіе и дѣти. Недаромъ даже индусы серьезно вѣруютъ, что кто дастъ въ этомъ мірѣ брамину корову, тотъ получитъ ее въ будущемъ; и что дашь здѣсь нищему, тѣмъ будешь обладать на томъ свѣтѣ. Такова уже роль духовенства и нищихъ служить посредниками между землею и небомъ. Для того, чтобы мертвый не нуждался въ загробной жизни, необходимо, чтобы оставшіеся въ живыхъ отъ поры до поры устраивали поминки. Достаточно въ крайнемъ случаѣ, чтобы поминки были справлены хоть одинъ разъ послѣ смерти. Но что, если родственники забудутъ сдѣлать это?.. Горе тогда мертвому... Нехорошо и живымъ... Мертвые мстительны!.. Эта ужасная мысль такъ тяготитъ робкихъ сванетъ, что у нихъ нерѣдко устраиваютъ поминки еще живому старику, чтобы потомъ какъ-нибудь не забыть. Бездѣтные сванеты тоже сами устраиваютъ себѣ при жизни поминки, ибо кто же о нихъ позаботиться, когда они умрутъ. Въ древности бездѣтные евреи, греки и римляне приходили въ отчаяніе при мысли, что некому будетъ о нихъ заботиться послѣ смерти. Сванетъ освободился отъ этихъ страховъ: онъ самъ принесетъ себѣ жертвы.

Обыкновенно говорится, что мертвые властвуютъ надъ живыми силою традицій, предразсудковъ, рутины, которая передается отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ наслѣдственная болѣзнь; но этого мало, мертвецы обираютъ живыхъ и въ матеріальномъ отношеніи. Вотъ образчики производимаго ими опустошенія. Въ Мингреліи хорошіе поминки обходятся въ общей сложности до 400 рублей и часто совершенно разоряютъ семью. У осетинъ поминки въ теченіе года пожираютъ рублей до 600.

[1]) „Сборн. мат. для оп. мѣст. и пл. Кавк.“, вып. X, I отд. 60 стр.
[2]) Сб. мат. etc. вып. IV, отд. II; 73.
[3]) П. Надеждинъ. „Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ“. 203 стр.

[1]) В. Ѳ. Миллеръ, „Осет. этюды“, II, 287 стр.
[2]) Н. Харузинъ, „Русскіе лопари“, 189 стр.

Одинъ похоронный обѣдъ обходится въ 100—150 руб. По вычисленію Вс. Миллера, у осетинъ „обыкновенный расходъ на покойника опредѣляется для семьи въ 2,000 руб. Немудрено поэтому, что семьи, въ которыхъ бываютъ частые случаи смерти, разоряются въ конецъ“ [1]). У ингушовъ „поминки обходятся семьѣ ежегодно отъ 5 до 50 руб., смотря по состоянію, и являются для ингушовъ такимъ же частымъ источникомъ разоренія, какъ для осетинъ или сванетовъ“ [2]). Культъ мертвыхъ и въ настоящее время является однимъ изъ серьезныхъ источниковъ разоренія туземнаго населенія, поэтому вопросъ этотъ вполнѣ заслуживаетъ, чтобы на него было обращено должное вниманіе. Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ противодѣйствія убыточной привязанности къ мертвымъ можетъ считаться подъемъ промышленной жизни страны и ростъ народнаго образованія. Развитіе сознанія вытѣснитъ ребяческія представленія о загробной жизни, которымъ не можетъ быть мѣста въ болѣе развитомъ обществѣ, и тѣмъ самымъ ослабитъ разорительный культъ мертвыхъ.

Г. Ч—инъ.

Легенда о происхожденіи кавказск. горъ.

Въ старину Кавказъ привольный
Не имѣлъ угрюмыхъ скалъ,
Каждый, жизнью недовольный,
Въ немъ пріютъ себѣ искалъ.
Плодоносныя долины
И цвѣтущія луга
Окружали горъ вершины
И не вѣдали врага...
Гдѣ виднѣлся край далекій,
На возвышенной горѣ,
Жилъ отшельникъ одинокій
Въ земляной своей норѣ.
Онъ примѣрнымъ поведеньемъ
Славу громкую пріялъ
И за это Провидѣньемъ
Отличенъ на весь Дарьялъ.
Но, томимый чувствомъ злобы,
Сатана враждой пылалъ
И соблазновъ разныхъ пробы
Надъ отшельникомъ искалъ.
Вотъ, однажды, возмутившись,
Бога старецъ упросилъ,
Чтобы дьяволъ, повинившись,
Дальше ноги уносилъ.
Получивши разрѣшеніе
Злого дьявола унять,
Старецъ нашъ принялъ рѣшеніе:
Сталъ щипцы онъ раскалять.
Вотъ въ урочный часъ полночи
Сатана явился вновь,
Мня съ своей бѣсовской мочи
Взволновать у старца кровь.
Тутъ святѣйшій надъ отцами
Имя Божіе призвалъ
И съ горячими щипцами
У дверей на стражѣ сталъ.
И лишь врагъ души спасенной
Въ двери голову занесъ,
Старецъ жестью раскаленной
Хвать бездѣльника за носъ.
Тутъ отъ боли сатанюга
Началъ прыгать и плясать
И отъ сѣвера до юга
Сталъ хвостомъ онъ ударять.
И, препятствій не встрѣчая,
Ударялъ на всемъ скаку
Отъ Кубани до Гокчая,
Отъ Анапы до Баку.
Хоть такіе променады
Утомили сатану,
Но съ тѣхъ поръ и горъ громады
Всю изрѣзали страну.

Е. Соколовская.

[1]) В. Ѳ. Миллеръ. „Осет. эт.“ II, 287—8 стр.
[2]) М. Ковалевскій „Законъ и обычай на Кавказѣ т. II, 77 стр.“.

Легенды объ Александрѣ Македонскомъ у армянъ.

(La legende d'Alexandre le Grand chez les arméniens Par Minas Tchéraz. Paris. 1901).

Авторъ работы, посвященной легендѣ объ Александрѣ Македонскомъ у армянъ, читалъ ее на международномъ конгрессѣ по исторіи религій въ сентябрѣ 1900 г. Легенда эта записана имъ изъ устъ 80-лѣтняго неграмотнаго армянина въ Константинополѣ, слышавшаго ее отъ своего дѣда, уроженца М. Азіи. Въ легендѣ передается тотъ моментъ изъ жизни Александра, извѣстнаго на Востокѣ подъ именемъ Искандера, когда онъ покорилъ всю сушу и наложилъ дань на море. Податью послѣдняго служили буйволы, которыхъ оно выбрасывало изъ нѣдръ своихъ на берегъ. Этимъ-то,—прибавляетъ легенда,—объясняется, что буйволы до сихъ поръ плаваютъ такъ хорошо и любятъ такъ продолжительно купаться. Давая сраженіе, Искандеръ каждый разъ пилъ воды безсмертія, выжимаемыя изъ сѣмени чеснока. Разъ онъ приказалъ своей дочери принести флаконъ съ этой жидкостью. Она полюбопытствовала отвѣдать и выпила весь флаконъ. Искандеръ въ гнѣвѣ обнажилъ мечъ, но дѣвочка стремительно бросилась изъ окна въ море, растилавшееся предъ дворцомъ царя, и здѣсь она превратилась на половину въ рыбу. Отъ брака дочери Искандера съ рыбами произошли существа—полу-люди и полу-рыбы. Однако, она предпочитаетъ общество людей и ищетъ способовъ ихъ привлечь. Чудное дитя возсѣдаетъ ночью на скалѣ и расчесываетъ въ молчаніи свои золотистые волосы. Она носитъ по преимуществу голубое платье. Она преслѣдуетъ корабли и мореплавателей, и когда опускаютъ въ море ведро, чтобы зачерпнуть воды, она цѣпляется за него и тащитъ его къ себѣ, чтобы захватить того, кто держитъ веревку, но она быстро убѣгаетъ, вся дрожа, если ее окликнуть: вонъ идетъ царь Искандеръ.

Г. Лалаянъ публиковалъ въ журналѣ „Azgagracan Handers“ двѣ легенды объ Александрѣ Великомъ, которыя докладчикъ присоединяетъ къ сказанію, имъ записанному въ Константинополѣ. Первая изъ этихъ легендъ представляетъ варіантъ сказанія о царѣ Мидасѣ. Александръ Великій имѣлъ рогъ на головѣ. Чтобы скрыть этотъ физическій недостатокъ, онъ приказывалъ убивать всѣхъ парикмахеровъ тотчасъ послѣ того, какъ они стригли ему волосы. Одинъ парикмахеръ избѣгъ смерти подъ клятвеннымъ условіемъ не оглашать этого секрета. Но вскорѣ стало понятно, что ему невозможно молчать. Онъ начинаетъ страдать болью въ животѣ и, не имѣя силы

сопротивляться, бѣжитъ на открытую поляну и, свѣсившись надъ однимъ колодцемъ, произноситъ слова: „У Искандера рогъ на головѣ". Рѣзь тотчасъ прекращается. Однако, тотчасъ выходитъ изъ глубины колодца тростникъ и его срѣзываетъ пастухъ на свирѣль, которая во время игры на ней ясно произносила: „У Искандера рогъ на головѣ". Случилось Искандеру проходить во время охоты мимо пастуха и слышать эти слова. Александръ велѣлъ допросить парикмахера, и, несмотря на то, что послѣдній клялся, какъ онъ вынужденъ былъ открыть секретъ колодцу, царь велѣлъ его обезглавить.

А. Хах—овъ.

Пережитки культа у закавказскихъ туземцевъ.

На низшихъ ступеняхъ религіи культъ не преслѣдуетъ никакихъ нравственныхъ цѣлей. Нравственность съ точки зрѣнія культа имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который мы ей придаемъ. Культъ не только не возставалъ противъ безнравственнаго съ нашей точки зрѣнія, а, наоборотъ, во многихъ случаяхъ удерживалъ ее съ неумолимой строгостью, когда общественное развитіе успѣло уже уйти впередъ; такимъ образомъ, можно сказать, что только въ борьбѣ съ культомъ человѣчество могло постепенно подыматься съ одной ступени развитія на другую. [1]).

Зато представленія культа выдвинули силу, которая для защиты уже *пріобрѣтенныхъ* нравственныхъ понятій была выше всякой власти на землѣ. Надо поэтому признаться, что, вообще, среди фактовъ, имѣющихъ воспитательное вліяніе на человѣчество, вышедшее уже изъ первобытнаго состоянія, культъ является важнѣйшимъ и наиболѣе значительнымъ...

Небезынтересно въ виду этого прослѣдить отрицательныя явленія въ области культа, какъ тяжелое наслѣдіе далекой старины, оставившія глубокій слѣдъ въ современной жизни низшихъ слоевъ закавказскаго туземнаго населенія.

Исходя изъ современнаго понятія о религіи, можно притти къ убѣжденію, что на земномъ шарѣ существуютъ народы, у которыхъ нѣтъ и слѣда религіи. Но понимая религію шире, мы найдемъ, что нѣтъ народа, находящагося на такой низкой ступени развитія, чтобы въ мышленіи его совершенно отсутствовали всякіе религіозные элементы, хотя бы въ самой грубой формѣ. Даже у тѣхъ „дикихъ" народовъ, у которыхъ, казалось бы, нѣтъ ни малѣйшаго понятія о религіи, можно найти различныя *суевѣрія*.

Вѣра и суевѣріе, соединеніе этихъ двухъ рѣзко другъ другу противоположныхъ понятій, и соединеніе не только внѣшнее—вотъ одно изъ характерныхъ явленій въ области культа закавказскаго туземца—„мужика".

Онъ вѣритъ въ Бога, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ устъ его не сходитъ имя Христа.

Въ то же время ему не даетъ покоя мысль, что жизнь его во власти какихъ то „злыхъ духовъ", для которыхъ человѣкъ лишь жертва ихъ минутной прихоти и случайныхъ капризовъ. Хорошо, кому удастся умилостивить этихъ „злыхъ духовъ",—жизнь сулитъ ему счастье и покой. И не дай Богъ разгнѣвать ихъ,—это значитъ обречь себя на тяжелые дни, полные физическихъ мукъ и нравственныхъ терзаній...

Извѣстно, что культъ въ простѣйшемъ его видѣ можно опредѣлить, какъ заботу о душѣ умершаго. Ниже мы увидимъ, какъ сильно развита эта забота у закавказскихъ туземцевъ, при чемъ выражается она не въ какихъ-либо церковныхъ и религіозныхъ обрядахъ, а въ оригинальныхъ попеченіяхъ, создавшихся на почвѣ глубокихъ суевѣрій.

Душа человѣка почитается какъ жизненное начало и представляетъ ее себѣ нашъ туземецъ разно. Чаще придаетъ ей онъ форму змѣи и даже вѣритъ, подобно первобытнымъ людямъ, что змѣя—жилище души, ея видимая форма. На это намекаетъ сохранившійся предразсудокъ, по которому считается предзнаменованіемъ большого несчастія когда змѣя заползетъ къ кому-нибудь во дворъ или въ домъ, такъ какъ „змѣя—злой духъ, приносящій человѣку зло". Единственнымъ средствомъ оградить себя отъ такой бѣды является ношеніе при себѣ такъ называемой „рубашки" змѣи, которая зашивается въ красный кусокъ шелка и носится на груди... *рядомъ съ крестомъ*.

Въ генезисѣ подобныхъ представленій о душѣ, по мнѣнію Lippert'a, немалую роль должны играть совпаденія, которыя для закавказскаго туземца еще въ настоящее время имѣютъ большое значеніе и являются лишнимъ подтвержденіемъ его вѣры въ духовъ. То толкованіе, которое первобытный человѣкъ давалъ этому и теперь еще не совсѣмъ разъясненному явленію, сохранилось у закавказскаго туземца во всей своей первоначальной чистотѣ: сновидѣнія открываютъ ему тайны, предсказываютъ ближайшее будущее. Видѣть, напримѣръ, во снѣ змѣю значитъ получить на другой день непріятную вѣсть.

Заботу о душѣ умершаго нашъ туземецъ несетъ усердно. Въ комнатѣ умершаго вы всегда увидите въ продолженіе семи дней со дня смерти хлѣбъ и воду. Это для души покойника, которая еще одну недѣлю витаетъ тамъ, гдѣ она освободилась отъ тѣла.

Поминая покойниковъ во время пиршествъ, многіе изъ закавказскихъ туземцевъ берутъ кусочекъ хлѣба и поливаютъ его виномъ. Это порція души помянутаго.

Не останавливаясь на другихъ примѣрахъ, укажемъ, что забота о душѣ умершаго вызвана необходимостью, страхомъ передъ ней. Всячески стараются ее удовлетворить во всемъ и не дать повода вернуться за чѣмъ-либо. А если она вернется—будетъ бѣда.

Какъ и у римлянъ, у закавказскихъ туземцевъ послѣ чьей-либо смерти тщательно выметаютъ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ, чтобы душа его не могла тамъ остаться. Припомнимъ, что изъ тѣхъ же цѣлей—сплавить душу умершаго возможно дальше и не дать ей вернуться—у многихъ племенъ Южной Африки, прежде чѣмъ выносить трупъ со двора, три раза обносили его вокругъ дома; такъ-де душа теряетъ способность оріентироваться и не найдетъ дверей въ комнату. Для той же цѣли пробивали иногда въ стѣнѣ брешь, выносили черезъ нее трупъ, а стѣну потомъ задѣлывали.

Въ Закавказьѣ люди практичнѣе,—стѣнъ не ломаютъ, а выносятъ трупъ черезъ окно. Или, раньше чѣмъ вынести гробъ изъ комнаты, ударяютъ имъ три раза въ двери, якобы ихъ заколачивая. Хорошо, говорятъ, также пронести трупъ по мосту, черезъ воду.

Такъ же надо понимать и обратное явленіе. Когда у насъ кто уѣзжаетъ въ далекіе края, двери его дома цѣлый день не запираются и комнатъ въ этотъ день не метутъ.

Забота о душѣ умершихъ, мы сказали, вызвана необходимостью. Все, что дѣлается ради этой необходимости, носитъ характеръ *жертвы*. Отсюда и исходитъ убѣжденіе, что жертвы поддерживаютъ существованіе міра.

Жертвоприношеніе сильно развито у закавказскихъ туземцевъ, но и оно приняло своеобразный характеръ. И тутъ нашлось мѣсто всевозможнымъ суевѣріямъ и предразсудкамъ.

Напримѣръ, кровь барана, принесеннаго въ жертву, считается цѣлебнымъ средствомъ отъ какихъ угодно болѣзней. Какъ и у грековъ, и у нашихъ туземцевъ выработана цѣлая система правилъ, позволяющихъ *гадать* по

[1]) Lippert „Kulturgeschichte".

внутренностямъ жертвеннаго животнаго. Кромѣ того, у нихъ гадаютъ по косточкамъ домашней птицы.

Заговоривъ о гаданіи, надо сказать нѣсколько словъ о небезызвѣстныхъ даже интеллигентному обществу *гадальщикахъ*. У туземнаго населенія они пользуются большимъ довѣріемъ, они его лучшіе друзья. Въ нихъ видятъ посланцовъ какой-то сверхъестественной силы. Гадальщики—это тѣ же жрецы, съ измѣнившейся немного отъ времени физіономіей. Какъ и къ жрецамъ, къ гадальщикамъ обращаются не только съ вопросами о предстоящемъ, но и за совѣтами, разъясненіями, за помощью въ несчастныхъ случаяхъ, особенно часто во время болѣзни.

Всякая болѣзнь, внѣшняя причина которой не совсѣмъ ясна, причисляется въ Закавказьѣ къ тѣмъ явленіямъ, которыя могутъ быть производимы только „злыми духами". На болѣзнь (особенно эпидемическаго характера) смотрятъ не какъ на признакъ органическаго разстройства, но какъ на живое существо злого духа, который невидимо поселился въ человѣкѣ.

И вотъ „гадальщику" предстоитъ не легкая задача избавить человѣка отъ этого „духа". Въ этой борьбѣ гадальщикъ доходитъ до курьезныхъ изощреній. Заставляетъ сжигать исписанныя какими-то каракулями бумажки, заговариваетъ, заклинаетъ, бросаетъ въ огонь кусочки желѣза и пр.

Большинство этихъ гадальщиковъ люди безусловно больные. Пишущему эти строки приходилось встрѣчать среди нихъ людей очевидно психически ненормальныхъ...

Къ сожалѣнію, вотъ и все, чему нашлось мѣсто въ бѣглой газетной замѣткѣ.

Нужно ли говорить, какъ досадно быть свидѣтелемъ такихъ явленій, которыя ясно говорятъ, какъ далеко отстали нѣкоторые на пути цивилизаціи своего нравственнаго и духовнаго благосостоянія.

Дж. Баръ.

Почитаніе огня на Кавказѣ.

„О, Агни! Ты жизнь, ты покровитель человѣка... За наши хваленія дай отцу семьи, поклоняющемуся тебѣ, славу и довольство... Агни! ты мудрый защитникъ и отецъ, тебѣ мы обязаны жизнью"...

Ригъ-Веда.

Трудно себѣ представить, какъ жалко было существованіе первобытнаго человѣка, пока онъ не познакомился съ благодѣтельными свойствами огня и не научился добывать его и пользоваться имъ для своихъ нуждъ.

Слоняясь темной ночью по степи или ощупью пробираясь среди лѣсныхъ зарослей, онъ подвергался множеству бѣдствій и опасностей. Это злые духи, пользуясь темнотой, потѣшаются надъ его безпомощностью. То лѣшій, смѣясь, заведетъ въ непролазную чащу, то злой джинъ сброситъ въ оврагъ или приведетъ въ лапы медвѣдя или барса. Обладаніе огнемъ разомъ разсѣяло эти ужасы. Озарилась тьма, и хищные звѣри, завидя пылающій костеръ, разбѣжались въ паническомъ страхѣ. Ошеломленные лѣшіе и джины обратились въ бѣгство и теперь боязливо выглядываютъ изъ глубины тьмы, не смѣя приблизиться къ человѣку. А онъ, этотъ царь природы, прыгалъ, какъ безумный, передъ яркимъ, пылающимъ костромъ, жарилъ на немъ свою пищу, обогрѣвалъ продрогшее тѣло и, пораженный восторгомъ и изумленіемъ, воздавалъ своему благодѣтелю божеское поклоненіе.

Вполнѣ естественно, что онъ приписалъ этому дивному источнику тепла и свѣта неземное происхожденіе. Такъ произошли извѣстные миѳы о томъ, будто нѣкогда боги принесли людямъ огонь или отважный герой Прометей похитилъ его у боговъ, которые сами не хотѣли дать этотъ даръ людямъ. Небезынтересно отмѣтить, что имя Прометей есть измѣненное санскритское pramantha—„вертящаяся палка, которая служитъ для добыванія огня" (О. Шрадеръ[1]). И самый огонь съ его удивительными свойствами скоро сталъ для человѣка божествомъ. У индусовъ онъ назывался „безголовый Агни, уста боговъ", у римлянъ Веста. Въ наиболѣе чистомъ видѣ культъ божественнаго огня встрѣчаемъ мы въ ученіи Зороастра у парсовъ индійскаго Гуджерата и Мультана. Вѣчные огни Апшеронскаго полуострова служили, быть можетъ, наиболѣе яркимъ проявленіемъ свѣтлаго, пламеннаго бога, сына Ормазда, поэтому нѣсколько ревностныхъ огнепоклонниковъ съ давнихъ поръ жили въ Баку, наслаждаясь созерцаніемъ своего божества. Благоговѣйное отношеніе парсовъ къ огню доходитъ до крайностей: пожаръ нельзя тушить иначе, какъ засыпая его землею; нельзя задувать свѣчу, потому что всякое дуновеніе оскверняетъ чистоту огня; оттого жрецы при священно-дѣйствіяхъ и простые парсы во время молитвы закрываютъ ротъ.

Въ виду того, что кавказскіе народы приходили въ частое соприкосновеніе съ обитателями Ирана, изслѣдователи Кавказа, какъ М. М. Ковалевскій, признаютъ, что ученіе Зороастра оказывало вліяніе на религіозныя воззрѣнія и обычаи народовъ Кавказа. Но и помимо нѣкоторыхъ обычаевъ, относительно которыхъ можно думать, что они занесены изъ Персіи, мы повсюду на Кавказѣ встрѣчаемъ множество слѣдовъ древняго почитанія огня, явившагося результатомъ изумленія человѣка передъ его чудесными свойствами.

Огонь разсѣялъ опасности, окружавшія человѣка въ темныя ночи въ лѣсахъ, слѣдовательно огонь разрушилъ безграничную власть лѣсныхъ духовъ. Поэтому, по понятіямъ мингрельцевъ, напр., лѣсные люди—очокочи и каджи—ничего не боятся такъ, какъ огня. „Джвиба бросилъ въ очокочи пылающей головней и заставилъ ихъ удалится"—повѣствуетъ мингрельскій разсказъ („Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавк.", в. XVIII, отд. III, 359 стр.).

Другой видъ нечистой силы—кудіанеби, какъ увѣряютъ мингрельцы, большіе любители винограда и производятъ въ нихъ опустошенія. Чтобъ избавиться отъ посѣщенія этихъ непрошенныхъ гостей, имеретины и мингрельцы въ Страстную недѣлю и въ ночь подъ Успенье разводятъ въ виноградникахъ костры. Почуявъ бѣду неминучую, кудіанеби, поджавъ хвосты, удираютъ изъ виноградниковъ и уже не осмѣливаются заглянуть въ нихъ. Огню приписываютъ силу изгонять всякаго рода бѣсовъ. Чтобы прогнать чертей, имеретины и гурійцы въ Страстную среду зажигаютъ костры во дворахъ и прыгаютъ черезъ нихъ, чтобы самимъ очиститься. Обычай этотъ существуетъ также у закавказскихъ татаръ и армянъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ по всей Европѣ „огнямъ Ивановой ночи".

Чудодѣйственная магическая сила огня не сосредоточивается только въ пламени, но сообщается и обгорѣвшимъ пнямъ, углю, золѣ. Зангезурскіе армяне твердо вѣрятъ, что съ наступленіемъ ночи выходятъ на свой темный промыселъ духи зла; въ особенности они склонны творить всякія пакости дѣтямъ, поэтому предусмотрительные зангезурцы считаютъ за правило: „когда выводишь ребенка ночью на дворъ, дай ему въ руку уголь, потому что чортъ боится угля". Вотъ какъ запуганы черти! Даже вѣдьмы, несмотря на свою человѣкообразную наружность, безсильны противъ магической власти огня.

Когда со двора мингрельца выходитъ завѣдомая вѣдьма, благочестивый хозяинъ спѣшитъ бросить ей въ догонку пылающую головешку. Послѣ такихъ проводовъ

[1]) Сравни Зевсъ Промаѳей у турійцевъ.

она уже не можетъ причинить какой-либо вредъ этому дому.

Болѣзни людей и животныхъ производятся злыми духами; чтобъ избавиться отъ болѣзни, нужно или умилостивить злыхъ духовъ, или заставить ихъ удалиться силою. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ огонь представляетъ одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ. Такъ и дѣлаютъ. Чтобы спастись отъ нападенія *ужмури*,—духа, производящаго лихорадку, мингрельцы не знаютъ лучшаго средства, какъ вечеромъ, когда ужмури выходитъ на свою работу, перешагнуть три раза черезъ огонь и обжечь себѣ волосы по бокамъ головы.

Айсоры сел. Койласара въ случаѣ трудныхъ родовъ заставляютъ роженицу прыгать черезъ зажженный костеръ. Несчастная корчится въ мукахъ, стонетъ отъ ужасной боли, но ее тащутъ къ костру, и, повинуясь освященному древностью обычаю, она, напрягая послѣднія усилія, прыгаетъ черезъ огонь, чтобъ изгнать мучающихъ ее злыхъ джиновъ. У русскихъ на Кавказѣ, какъ и въ Россіи, если заболѣлъ кто-нибудь,—первое средство „вспрыснуть съ уголька", растереть на заслонкѣ, покатать въ золѣ и т. п. Дитя родится хилое,—мать спѣшитъ въ лѣсъ, разыскиваетъ обожженное молніей дупло и сажаетъ туда ребенка въ полной надеждѣ на его спасеніе. Если на лицѣ появляется болѣзнь, извѣстная подъ именемъ „огника", то ее лѣчитъ такъ: какъ только завидишь въ окно гдѣ-нибудь огонь, сейчасъ же бѣги къ окну и три раза проводи рукой по стеклу и потомъ по лицу: огонь дѣйствуетъ и черезъ разстояніе. Въ данномъ случаѣ безразлично, какимъ способомъ разведенъ огонь, но въ большинствѣ другихъ случаевъ цѣлебными свойствами обладаетъ только огонь, добытый какимъ-либо первобытнымъ способомъ, священный огонь предковъ. Тотъ же самый „огникъ" закавказскіе армяне лѣчатъ, высѣкая три раза передъ лицомъ больного огонь изъ кремня. Варташенскіе удины этимъ путемъ лѣчатъ желтуху. Русскіе и нѣмцы въ глухихъ уголкахъ во время скотскихъ падежей разводятъ костры, добывая огонь треніемъ кусковъ дерева. Нѣмцы называютъ такой огонь Nothfeuer—спасительный огонь, русскіе называютъ „живымъ огнемъ". Чрезъ костры прогоняютъ скотъ, чтобъ уберечь его отъ гибели. Не всякое топливо годится для того, чтобы развести цѣлебный, живой или священный огонь. Огонь каменнаго угля или керосина, конечно, ни въ какомъ случаѣ не годенъ для этой цѣли. Дерево, и то только нѣкоторыя породы его, рождаютъ чистый огонь.

Гурійцы наканунѣ новаго года зажигаютъ по дворамъ костры, чтобы прогнать злыхъ духовъ; для этихъ костровъ употребляется только грабъ. Греки, римляне, индусы—всѣ держались подобнаго же правила относительно священнаго огня.

Такъ какъ богатство и бѣдность, также какъ здоровье и болѣзнь, являются дѣломъ невидимыхъ духовъ, то, надо полагать, и здѣсь огонь можетъ сослужить добрую службу. Такъ именно и думаютъ зангезурскіе армяне. Если приходится имъ ночью выметать домъ, то они считаютъ нужнымъ сначала подержать вѣникъ надъ свѣчкой, *„чтобы прогнать бѣдность, которая боится огня"*. („Сборн. матер." etc. вып. XVII II отд. 196). Извѣстно, что греки иногда называли огонь очага богомъ богатства—Зевесъ хтисіосъ. (Фюстель-де-Куланжъ).

Огонь отгоняетъ бѣдствія, вѣчно стерегущія человѣка, и чтобы бороться съ ними, нужно всегда имѣть наготовѣ горящую головню, кусокъ угля и т. п. магическія орудія. Вотъ на крышу дома сѣла сова, значитъ, быть бѣдѣ. Скорѣй хватай горящую головешку или уголь и бросай въ сову; успѣлъ бросить—бѣда миновала. Пролетѣлъ съ зловѣщимъ крикомъ филинъ,—опять хватайся за уголь и т. д. Такъ отгоняютъ отъ себя возможныя напасти имеретины, грузины, закавказскіе татары и другія племена Кавказа. Ишавы оберегаютъ свои стада отъ волковъ заговоромъ, извѣстнымъ подъ именемъ „связыванія зубовъ волка". Произносятся слова заклинанія и въ то же время въ каменную ступку кладутъ зажженный уголь.

Волкъ скорѣй издохнетъ съ голода, чѣмъ отважится напасть на стадо, охраняемое такимъ вѣрнымъ способомъ.

Удины, чтобъ избавить шелковичныхъ червей отъ муравьевъ, зажигаютъ свѣчу.

Почитаніе огня переносится на очагъ, печку или таганъ; эти предметы становятся священными. „Таганецъ вверхъ ножками поставишь, дьяволъ проклянетъ";—говорятъ варташенскіе удины; у русскихъ Боже упаси плевать въ печь или на огонь,—непремѣнно наживешь сухотку по однимъ повѣрьямъ, по другимъ—заболѣешь огникомъ.

Очагъ является въ то же время мѣстомъ пребыванія домашняго божества, духовнаго главы семьи. Всякое вновь пріобрѣтенное имущество ввѣрялось его заботамъ и попеченіямъ; ради этого къ очагу приносили новорожденнаго ребенка, приводили новобрачную жену и всякаго новаго раба. Невѣсту и теперь еще приводятъ къ печкѣ или обводятъ вокругъ очага у осетинъ, пшавовъ, хевсуръ, тушинъ, чеченцевъ, грузинъ, армянъ и у другихъ кавказцевъ. Русскіе, нанявъ прислугу, подводятъ ее къ печкѣ, чтобъ она долго и благополучно жила въ домѣ; сама прислуга, нерѣдко, явившись наниматься, подходитъ къ печкѣ и прикладывается къ ней руками, или держитъ ихъ у огня, чтобъ этимъ волшебнымъ дѣйствіемъ обезпечить себѣ поступленіе на мѣсто.

Кахетинскіе грузины, чтобы приручить къ своему дому чужого котенка, обмываютъ ему лапки передъ печкой или торне, ибо иначе онъ непремѣнно убѣжитъ. Вообще кахетинцы опредѣленно выражаютъ свою вѣру въ божественную власть очага. Если ребенокъ долго не начинаетъ ходить, его съ ложкою въ рукахъ обводятъ вокругъ торне, испрашивая у печки благословеніе дитяти. Если новорожденный до Страстной среды остался некрещеннымъ, онъ подпадаетъ подъ вліяніе злыхъ духовъ, и чтобъ ихъ прогнать, нужно пронести ребенка подъ желѣзнымъ таганомъ. Если приходится ночью вносить въ домъ сосудъ съ водой изъ родника, нужно сначала отлить немного воды въ печь, чтобъ слить нечистую силу: въ печкѣ нечистая сила погибнетъ.

Въ перечисленныхъ нами обычаяхъ и во многихъ другихъ, однородныхъ съ нами, кавказскіе народы выражаютъ свое суевѣрное преклоненіе передъ благодѣтельнымъ и грознымъ огнемъ, дивнымъ источникомъ тепла и свѣта. Пораженное человѣчество поставило своего избавителя и защитника въ разрядъ боговъ и надѣлила его безграничными могуществомъ и волшебными свойствами. Множество суевѣрій, связанныхъ съ огнемъ, печкой, таганомъ, углемъ и т. п.,—вотъ въ чемъ выражается теперь культъ огня на Кавказѣ.

Свадебные обычаи и обряды на Кавказѣ[1]).

У первобытныхъ и малокультурныхъ народовъ всякая сдѣлка сопровождается тѣми или другими церемоніями, въ увѣренности, что этимъ сообщается сдѣлкѣ упрочивающая ее религіозная санкція. Естественно, что вступленіе въ бракъ, какъ одинъ изъ важныхъ моментовъ въ жизни человѣка, окружается множествомъ различныхъ обрядностей, происхожденіе и истинный смыслъ которыхъ совершенно неизвѣстны самимъ исполнителямъ обряда. Нѣкоторые изъ этихъ обычаевъ и церемоній представляютъ собою жалкіе обломки, уцѣлѣвшіе отъ существовавшихъ нѣкогда формъ брака, и такимъ образомъ носятъ въ себѣ наиболѣе достовѣрныя указанія историческаго пути, пройденнаго даннымъ народомъ. Въ настоящей статьѣ я желалъ бы остановить вниманіе читателей на нѣкото-

[1]) Газ. „Кавказъ", стат. Гр. Чурсина.

рыхъ наиболѣе важныхъ обычаяхъ и обрядахъ, сопровождающихъ заключеніе брака у кавказскихъ народовъ. При этомъ, отмѣчая какой-либо обычай у народовъ Кавказа, я считаю необходимымъ указывать и на тѣ изъ не кавказскихъ племенъ, у которыхъ также существуетъ разсматриваемый обычай. Всегда гдѣ-нибудь, хотя бы даже на другомъ концѣ земного шара, найдутся племена, придерживающіяся, къ величайшему недоумѣнію профановъ, совершенно такихъ же обычаевъ, какъ какіе-нибудь хевсуры или пшавы; это происходитъ по той простой причинѣ, что одинаковыя условія общественной жизни порождаютъ однородныя идеи и учрежденія.

Извѣстно, что одну изъ древнѣйшихъ формъ заключенія брака представляетъ похищеніе или умыканіе женщины. Во многихъ уголкахъ Кавказа этотъ первобытный способъ практикуется и теперь, въ другихъ онъ постепенно исчезъ изъ житейскаго обихода; въ такихъ случаяхъ воспоминаніемъ о существовавшей нѣкогда формѣ брака служатъ нѣкоторые свадебные обычаи.

Въ Дагестанѣ, у лаковъ, молодой человѣкъ, желая добыть себѣ жену, нападаетъ на дѣвушку и отнимаетъ у нея платокъ, или просто схватываетъ за руку, или за грудь, и удаляется. Это называется „поймать дѣвушку„ и имѣетъ равносильное значеніе съ похищеніемъ. Съ этого момента дѣвушка должна принадлежать тому, кто ее поймалъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что сходные съ этимъ обычаи встрѣчаются у многихъ племенъ, стоящихъ приблизительно на той же ступени общественной жизни, что и лаки. У племенъ, обитающихъ на Малаккскомъ полуостровѣ, женихъ ловитъ невѣсту, бѣгая за нею по намѣченному на землѣ кругу. Если не сумѣетъ поймать, тогда теряетъ на нее право. У нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ къ жениху относятся снисходительнѣе: если онъ не изловитъ невѣсты, то и въ этомъ случаѣ можетъ взять ее въ жены, но тогда долженъ уплатить родителямъ невѣсты опредѣленную сумму за быстроту ея ногъ. У калмыковъ, совершавшихъ конныя похищенія, женихъ ловитъ теперь невѣсту верхомъ на лошади и т. п. У карачаевцевъ, и теперь еще похищающихъ себѣ женъ, обрядъ брака совершается надъ совершенно посторонними лицами, а женихъ и невѣста въ это время скрываются—женихъ гдѣ-нибудь на задворкахъ, а невѣста въ пустой, темной комнатѣ, какъ пойманный звѣрь.

Распространенный на Кавказѣ обычай устраивать во время свадьбы джигитовки и стрѣльбу тоже представляетъ не что иное, какъ отголосокъ того времени, когда пріобрѣтеніе жены являлось чѣмъ-то въ родѣ разбойничьяго набѣга или военнаго предпріятія. Обычай этотъ можно наблюдать у осетинъ, черкесовъ, кабардинцевъ, ингушей, ингилойцевъ, горскихъ евреевъ и др.

Кромѣ этихъ обычаевъ, весьма пріятнымъ и изящнымъ воспоминаніемъ объ эпохѣ похищенія невѣстъ является,—кто бы могъ подумать!—обручальное кольцо. Это мнѣніе, насколько мнѣ извѣстно, впервые выражено М. И. Кулишеромъ въ одной изъ этнографическихъ статей: „я разсматриваю кольцо,—говоритъ онъ,—какъ остатокъ цѣпи, которая употреблялась въ первобытныя времена при похищеніи женщинъ [1]), когда выраженіе „цѣпи Гименея“ употреблялось въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Кольцо это одно звено той цѣпи, на которую привязывалась захваченная въ супружескую неволю женщина. Поэтому обручальное кольцо первоначально носили только женщины, и только въ сравнительно недавнее время его стали надѣвать и мужчины.

У закавказскихъ армянъ и теперь во время обрученія кольцо надѣваютъ только на палецъ *невѣсты*, и дѣлаютъ это родные жениха, какъ разъ тѣ именно лица, которыя въ прошлую эпоху привязывали похищенную невѣсту. Кромѣ того, въ обычаѣ у армянъ обручать грудныхъ дѣтей; интересно что въ подобномъ случаѣ обрядъ обрученія состоитъ въ томъ, что на перекладинѣ *люльки дѣвочки* родные жениха дѣлаютъ надрѣзъ или перевязываютъ въ три оборота хлопчато-бумажными нитками.

Церемонія эта называется ороороци ншанадрутюнъ—люлечное обрученіе. Точно также у англичанъ и евреевъ обручальное кольцо, кажется, и теперь носятъ только женщины.

Связь кольца съ похищеніемъ проглядываетъ, хотя и не вполнѣ осязательно, въ армянскомъ способѣ обрученія, извѣстномъ подъ именемъ „багряхъ“. Это дѣлается въ Карабахѣ и въ Зангезурскомъ уѣздѣ. На утренѣ Вербнаго воскресенія какая-нибудь родственница юноши даетъ выбранной дѣвушкѣ зажженную свѣчу, къ которой привязано кольцо; въ то же время она набрасываетъ на ея голову красный платокъ—„урпаганъ“. Послѣ этого дѣвушка считается обрученною. Въ параллель къ этому обычаю упомяну, что на одной англосаксонской картинѣ VIII вѣка изображено, какъ женихъ передаетъ невѣстѣ кольцо на концѣ меча (или палки). Въ стихотвореніи, принадлежащемъ X вѣку, также упоминается о сосѣдствѣ кольца съ мечемъ. У древнихъ германцевъ женихъ обхватывалъ палецъ невѣсты кольцомъ, сплетеннымъ изъ вѣтвей, сорванныхъ на его земельномъ участкѣ; такимъ образомъ, онъ какъ бы хотѣлъ показать, что привязываетъ невѣсту къ своей землѣ.

Надо полагать, что только въ рѣдкихъ случаяхъ похищенную женщину приковывали къ желѣзной цѣпи; гораздо чаще ее привязывали кушакомъ, веревкой, ремнемъ. Этимъ, вѣроятно, и слѣдуетъ объяснить, почему почти у всѣхъ народовъ во время брачной церемоніи невѣсту такъ или иначе прикрѣпляютъ къ жениху, или онъ по меньшей мѣрѣ держитъ ее за руку.

У сванетовъ полы платья жениха и невѣсты сшиваютъ, у хевсуръ или сшиваются, или связываются деканозомъ; у армянъ во время вѣнчанія священникъ надѣваетъ на шею жениха и невѣсты наротъ—нитки изъ зеленаго и краснаго шелка. У грузинъ въ старину женихъ и невѣста во время вѣнчанія держались за концы платка; при послѣднихъ словахъ обряда священникъ связывалъ руки новобрачныхъ бумажнымъ шнуркомъ—наротомъ [1]). Такого же рода связываніе употребляется и у не кавкавказскихъ народовъ. Полы платья связывались у древнихъ мексиканцевъ и индусовъ.. У ассирянъ руки жениха и невѣсты связывались шерстинкой [2]). У типпераговъ (Индія) женихъ и невѣста сцѣплялись мизинцами, у чукмасовъ (Индія) жениха и невѣсту связываютъ кисейнымъ шарфомъ и т. п. и т. п.

Похищенную или добытую инымъ путемъ молодую жену необходимо поручить заботамъ и попеченію домашнихъ духовъ, или ларовъ: поэтому, когда невѣста вступаетъ въ домъ жениха, ее прежде всего обводятъ вокругъ очага или заставляютъ коснуться дверного косяка. Такъ, у осетинъ еще очень недавно шаферъ три раза обводилъ невѣсту вокругъ очага въ домѣ жениха, а потомъ она прикасалась рукой къ надочажной цѣпи. Въ настоящее время уцѣлѣла только послѣдняя церемонія. То же самое дѣлали въ старину и грузины (Н. Дубровинъ). Первоначально вокругъ очага, вездѣ, гдѣ только это дѣлалось, обводили одну невѣсту, такъ какъ она является новымъ членомъ семьи, котораго нужно посвятить или вручить домашнему божеству, и только впослѣдствіи начинаютъ обводить вокругъ очага обоихъ новобрачныхъ, какъ это дѣлается, напр., у хевсуръ, пшавовъ и тушинъ. У карабахскихъ армянъ и отчасти въ Зангезурскомъ уѣздѣ, какъ сообщаетъ Е. Лалаянъ [3]), обрядъ вѣнчанія совершается иногда въ домѣ надъ очагомъ или надъ тундиромъ (туземная печь въ видѣ ямы). Жениха

[1]) М. И. Кулишеръ. „Очерки сравнительной этнографіи и культуры“. Стр. 154 и слѣд. 1887 г.

[1]) Приведено у П. Надеждина „Природа и люди на Кавказѣ и за Кавказомъ“, стр. 178.

[2]) Маспоро. „Египетъ и Ассирія“, 187 стр.

[3]) См. Зелинскій. „Народно-юридическіе обычаи у армянъ Закавказскаго края“.

и невѣсту три раза обводятъ вокругъ тундира, послѣ чего они цѣлуютъ его края. Въ Карабахѣ немало супруговъ, обвѣнчанныхъ надъ тундиромъ, и они глубоко убѣждены, что „тундиръ выше церкви, такъ какъ онъ кормитъ, согрѣваетъ и очищаетъ ихъ". Какъ извѣстно, невѣсту приводили къ очагу для посвященія ларамъ древніе греки и римляне.

Для того, чтобъ окончательнымъ образомъ закрѣпить брачный союзъ, новобрачные ѣдятъ изъ одного блюда или пьютъ изъ одного стакана.

Въ заключеніе остается упомянуть о нѣкоторыхъ обычаяхъ, связанныхъ съ куплей-продажей невѣсты. Этотъ способъ заключенія браковъ, вытѣснивъ мало-по-малу варварскій обычай умыканія невѣстъ, въ настоящее время является вполнѣ жизненымъ и общепринятымъ явленіемъ у кавказскихъ народовъ, поэтому онъ и не можетъ служить содержаніемъ обрядностей и церемоній, которыя являются лишь тогда, когда само явленіе общественной жизни вытѣсняется изъ жизненной практики. Поэтому я позволяю себѣ только отмѣтить нѣкоторыя любопытныя особенности въ примѣненіи обычая выкупа невѣсты. У ингилойцевъ женихъ платитъ невѣстѣ (а не ея роднымъ) такъ называемое „мелче",—если она дѣвушка, то 30 руб., если вдова 50 руб.; вдова цѣнится „дороже, потому что она опытнѣе въ хозяйствѣ". У армянъ тоже женихъ даетъ плату лично невѣстѣ, и эта плата въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называется „арнегинъ" (цѣна крови), что въ переносномъ смыслѣ означаетъ плату за лишеніе дѣвственности. У евресевъ въ сел. Варташенъ, Елисаветпольской губ., женихъ передъ свадьбой посылаетъ родителямъ невѣсты „дорожныя" деньги и „деньги цѣломудрія". Дорожныхъ денегъ дается отъ 20 до 60 руб., а за цѣломудріе —48 руб. Если невѣста окажется нецѣломудренной, эти деньги возвращаются жениху, и онъ имѣетъ право выгнать жену изъ дома[1]).

Кромѣ перечисленныхъ обычаевъ и обрядовъ заключеніе брака у разныхъ племенъ Кавказа сопровождается множествомъ другихъ, которые не имѣютъ, однако, существеннаго значенія въ брачномъ ритуалѣ, и народъ безъ особаго сожалѣнія разстается съ ними, навсегда утрачивая всякое воспоминаніе о ихъ существованіи.

Обсыпаніе невѣсты хлѣбомъ, мукою, орѣхами, коконами, чтобъ у нея хорошо велось хозяйство; кормленіе ея сахаромъ или медомъ, чтобы сладко жилось; прохожденіе молодыхъ подъ обнаженными шашками, чтобы отогнать злыхъ демоновъ, замышляющихъ козни; бросаніе подъ ноги невѣсты куски желѣза, чтобы невѣста была тяжела, какъ желѣзо, и не убѣжала отъ мужа, и рядъ подобныхъ этимъ обычаевъ являются второстепенными и не обязательными спутниками брачнаго обряда. Гораздо труднѣе народу разстаться съ тѣми обычаями, которые, по его мнѣнію, сообщаютъ браку верховную санкцію. Таковы именно тѣ обычаи, которые съ большей или меньшей подробностью разсмотрѣны нами въ настоящей статьѣ.

[1]) Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. XVIII, отд. III., стр. 123.

ОДНА ИЗЪ МНОГИХЪ.

(Грузинская легенда, слышанная въ Кахетіи).

Читатель знаете-ли вы что такое „Кокота"? Конечно нѣтъ—отвѣчу я за васъ. Да и какъ вамъ знать, когда многіе изъ коренныхъ жителей Кахетіи, гдѣ находится эта историческая мѣстность, не имѣютъ понятія о томъ, что означаетъ это названіе. Странный мы народъ! Намъ до мельчайшей подробности извѣстны всѣ мѣста гдѣ завтракали, обѣдали, ночевали заграничные герои, гдѣ въ какой деревушкѣ, на какой пяди земли сказали они такое-то слово, а гдѣ умирали геройской смертью наши собственные подвижники—мы не знаемъ, да и знать, вѣроятно, не хотимъ.—Отчего это? Оттого-ли, что героевъ у насъ слишкомъ много, что въ странѣ общаго поголовнаго героизма трудно отдать предпочтеніе одному передъ другимъ, трудно рѣшить, чей подвигъ выше и болѣе достоинъ поклоненія, или оттого, что мы вообще индефферентно относимся къ преданіямъ нашей славной старины —не знаю, но только все былое, какъ бы оно не было прекрасно и поучительно, такъ быльемъ и поростаетъ. Еслибы нѣкоторыя легенды и эпизоды, съ которыми я намѣрена познакомить читателей, существовали гдѣ нибудь въ Европѣ—о нихъ узналъ бы весь міръ, на мѣстѣ, гдѣ происходило событіе, послужившее ихъ основаніемъ, были бы воздвигнуты памятники, ихъ бы съ гордостью показывали туристамъ, между тѣмъ, какъ я, желая собрать подробныя свѣдѣнія не могла иначе добиться о Кокотской исторіи даже отъ ближайшихъ потомковъ дѣйствовавшихъ лицъ, и только случайно, стороной, узнала то, что передамъ сейчасъ читателямъ въ томъ видѣ, въ какомъ слышала изъ устъ разсказчиковъ.

Давно это было, очень давно, въ тѣ смутныя, тяжелыя для Грузіи времена, когда она, изнемогая подъ непосильнымъ бременемъ непрерывныхъ, разорительныхъ войнъ, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами, одна среди громадной территоріи Азіи, населенной фанатичными мусульманскими племенами,—твердо держала въ своихъ слабѣющихъ рукахъ священное знамя Христа и, потоками проливая за него свою кровь, безъ различія пола и возраста—претерпѣвала, за свободу вѣры и родины, тѣ невѣроятные ужасы, при чтеніи которыхъ и теперь волосы поднимаются на головѣ и сердце замираетъ въ груди. Да, страшное то было время, и сравнить его можно развѣ съ тѣмъ, что испытывала Россія въ годины монгольскаго ига.

Въ дикомъ, неприступномъ въ древности, Чалоубанскомъ ущельи, [1]) на небольшой возвышенности, господствующей надъ всей окрестностью, высилась башня, сохранившаяся и до нынѣ, принадлежавшая нѣкогда владѣльцу сосѣдней деревушки князю Котэ Вачнадзе, по прозванію Кокота [2]). Подобныя башни строились тогда по всей странѣ и служили мѣстомъ убѣжища для семействъ грузинскихъ воиновъ во время набѣговъ лезгинъ. За что получилъ кн. Котэ прозвище Кокота за свою-ли отчаянную храбрость или за свое физическое сложеніе—неизвѣстно, но только подъ этимъ именемъ онъ слылъ во всей Кахетіи, а нынѣ такъ называется то мѣстность, гдѣ находится описываемая башня. Надо, однако полагать, что назвали князя „Кокотой" именно за его воинственныя, рыцарскія наклонности, такъ какъ такимъ онъ фигурируетъ въ мѣстныхъ сказаніяхъ.

Темная бурная ночь спустилась надъ Чалоубанскимъ ущельемъ, окутавъ его густымъ, непроницаемымъ мракомъ. На небѣ ни одной звѣздочки... Тяжелыя черныя тучи совсѣмъ нависли надъ грязной, мокрой землей и, казалось, готовы были потопить ее непрерывно падающимъ ливнемъ. Шумъ дождевыхъ потоковъ, стремительно падающихъ внизъ, въ котловину, да ревъ осенняго вѣтра, трескъ и стонъ гигантскихъ деревьевъ, сгибающихся, какъ тростникъ, подъ его могучимъ напоромъ, сливаясь въ одинъ адскій гулъ, заглушали всѣ остальные звуки. Жутко бываетъ въ такія ночи и въ большихъ

[1]) Теперь вырубленное Чалоубанское ущелье представляетъ совершенно мирный уголокъ, но въ древности, когда по склонамъ и дну его росла могучая дѣвственная растительность, оно было дико и неприступно, только не для лезгинъ, для которыхъ не было неприступныхъ мѣстностей

[2]) Кокота—отъ собственнаго имени Котэ—Константинъ—означаетъ и непреодолимую храбрость, отвагу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ и другое значеніе: круглаго, шарообразнаго тѣла.

городахъ, въ полной безопасности, а каково-же въ пустынныхъ, заброшенныхъ уголкахъ, среди дикой природы подъ страхомъ нападенія жестокаго, неумолимаго врага, не знающаго состраданія и пощады, которому, подъ покровомъ такого ненастья, удобнѣе всего выполнять свои звѣрскіе замыслы... Но и къ опасности, какъ бы она не была велика и ужасна, можно привыкнуть. Привыкли къ ней и грузины...

Все спитъ кругомъ мирнымъ, безмятежнымъ сномъ. Спятъ послѣ тяжелаго трудового дня и обитатели деревушки, спитъ вся княжеская челядь въ башнѣ. Заснула, кряхтя и охая, старая бабушка, окруженная маленькими спящими внучатами. Даже сторожа не слышно: не бьетъ онъ въ доску, прикурнулъ гдѣ нибудь подъ навѣсомъ, спасаясь отъ дождя и задремалъ... Одна молодая княгиня не спитъ: ей не до сна... Давно уже, съ того самаго дня, какъ проводила она мужа въ послѣдній разъ на войну съ персами, томитъ ее мрачное предчувствіе чего-то ужаснаго. Тогда-же, прощаясь съ нимъ и благословляя его въ далекій опасный путь, она чувствовала, что больше съ нимъ не увидится, какъ будто какой-то тайный внутренній голосъ говорилъ ей о томъ. И вотъ теперь, подъ звуки разъяренныхъ стихій, предчувствіе это разрастается все сильнѣй и сильнѣй; тоска до боли сжимаетъ сердце и картины, одна ужаснѣй другой, рисуются въ ея разстроенномъ воображеніи. То чудится ей, что онъ —ея милый Котэ, отецъ ея четырехъ дѣтей убитъ въ сраженіи, что онъ лежитъ мертвый тамъ на чужбинѣ, и хищные звѣри терзаютъ его тѣло, а вороны клюютъ его неподвижные глаза. Не предадутъ его родной землѣ, не сотворятъ надъ дорогимъ прахомъ обычныхъ молитвъ, не пропоютъ священныхъ погребальныхъ пѣсенъ, не поставятъ надъ могилой святого креста, не будутъ совершать на ней установленныхъ тризнъ, не оросятъ ее горячими слезами... А она—его жена, его подруга—здѣсь далеко и не можетъ вырвать его бездыханнаго тѣла изъ рукъ невѣрныхъ, чтобы похоронить по обряду святой православной церкви... То кажется ей, что гроза разразится надъ ней самой или надъ ея дѣтьми, и только не знаетъ она откуда, съ какой стороны надвигается эта гроза, откуда ждать удара.

Крупныя слезы текутъ, одна за другой, изъ воспаленныхъ безсонницей, чудныхъ глазъ красавицы, не облегчая измученной души. Плачь, бѣдная, обреченная судьбою жертва, но не о немъ, не о твоемъ храбромъ, неуязвимомъ Котэ! Онъ живъ и въ пылу битвы забываетъ и тебя, и дѣтей. Онъ помнитъ одну только страдающую родину, ея поруганную вѣру. За нихъ онъ пожертвуетъ и тобой, и дѣтьми, и собственною жизнью. Для него долгъ и честь выше всего. И ты знаешь это и гордишься имъ. Ты и сама проникнута этими святыми чувствами и проявишь ихъ на дѣлѣ. Плачь о дѣтяхъ своихъ, плачь о себѣ! Вамъ предстоитъ тяжелое испытаніе, васъ ждетъ мученическій вѣнецъ...

Но долгія, частыя слезы не въ характерѣ древней грузинской женщины. Она не привыкла плакать, а привыкла глядѣть прямо въ глаза опасности и бороться съ нею. Ее томитъ только неизвѣстность, да положеніе подобное птицѣ, запертой въ завѣшенной клѣткѣ. Она хочетъ знать, что ей угрожаетъ, хочетъ на просторъ, на вольный свѣтъ... Хоть бы скорѣе проходила эта страшная ночь! Но увы! только часы радости и веселья летятъ быстро и незамѣтно, а время горя и безпокойства тянется безконечно долго... И мечется бѣдная княгиня по обширному покою башни, не находя себѣ успокоенія... Вотъ она склонилась надъ колыбелью младшаго грудного ребенка и, широко раскрытыми, полными ужаса, глазами какъ бы старается проникнуть въ даль, напряженнымъ слухомъ силится разслышать, сквозь ревъ бури, что творится тамъ, за стѣнами крѣпости. Но ничего, кромѣ однообразнаго свиста вѣтра, да стука дождевыхъ потоковъ, недостигаетъ до дома. Развѣ изрѣдка раздастся протяжный вой сторожевой собаки или зловѣщій крикъ совы, пріютившейся на крышѣ, или на ближайшемъ орѣшникѣ. И отъ этихъ случайныхъ звуковъ становится еще тоскливѣй и страшнѣй. Не къ добру они, какъ говорятъ старые люди; а старики не лгутъ, они все знаютъ.

Слабый, колеблющійся свѣтъ ночника едва озаряетъ, спящія на широкой тахтѣ, фигуры дѣтей, рядомъ съ старухой—бабушкой,—теткой молодой княгини, замѣнившей ей мать, убитую во время нашествія персовъ. Вотъ они дорогіе, слабые и беззащитныя существа, еще болѣе беззащитныя, чѣмъ она—молодая княгиня. Они спятъ и не чуятъ бѣды... А она—сердце ея—чуетъ... Кто же спасетъ, кто защититъ ихъ въ минуту опасности? Кто же, какъ не Она, защитница всѣхъ скорбящихъ и угнетенныхъ, Мать всѣхъ матерей, покровительница всѣхъ дѣтей!

И скорбный взоръ молодой княгини съ мольбой останавливается на кроткомъ ликѣ Богоматери, висящемъ въ углу, и руки, въ молитвенномъ экстазѣ, поднимаются къ верху. А сердце мучительно поетъ и болитъ. Скорѣй, скорѣй бы наступилъ свѣтлый день! Но, прочь мрачная мысль! Она не хочетъ ихъ знать. Она будетъ развлекать себя картинами будущаго счастья. Пройдетъ же все теперешнее ненастье, какъ пройдетъ и эта бурная ночь. Настанетъ чудное время мира и покоя. Сбудется то, что желаетъ вся Грузія. Ее приметъ подъ свое покровительство могущественное, единовѣрное государство. Подъ его сильной охраной милая родина разцвѣтетъ, вѣра святая окрѣпнетъ еще болѣе. Небудетъ никакой помѣхи, никакихъ стѣсненій. Можетъ быть она и ея мужъ не доживутъ до этой счастливой минуты, но дѣти... Надо только воспитать изъ нихъ вѣрныхъ, стойкихъ, честныхъ сыновъ родины, чтобы они не посрамили, незапятняли славы своихъ предковъ. И она сумѣетъ это сдѣлать. Да и какъ не сумѣть, когда она дышетъ, живетъ этимъ желаніемъ. Это ея назначеніе, ея призваніе. Развѣ дѣти слышатъ отъ нея что—нибудь другое, кромѣ любви къ Богу, родинѣ и чести! Развѣ они видятъ дурные примѣры!...

Но, чу! что это? Кто то стучитъ въ входную дверь... Кто можетъ быть въ такой поздній часъ?

Сердце замерло, перестало биться... Что то кричатъ... Будто голосъ молочнаго брата... Ахъ, если бы это былъ онъ! Но откуда? Его не было вчера дома: онъ пасъ скотину тамъ, на выгонѣ...

Въ головѣ хаосъ, мысли путаются, перескакиваютъ безпорядочно съ одного предмета на другой... А голосъ, между тѣмъ, кричитъ задыхаясь.

— Спасайтесь! лезгины... Скорѣй! близко...

Теперь она слышитъ явственно и понимаетъ. Спасаться... Боже мой! Но куда? гдѣ спасенье?... Что дѣлать? Что предпринять? Куда дѣваться? Она бросается къ дверямъ, торопливо отпираетъ ихъ и въ ужасѣ отскакиваетъ назадъ. Ея молочный братъ, юноша лѣтъ 15, пронзенный сзади кинжаломъ, падаетъ окровавленный на порогъ. За нимъ цѣлая толпа звѣрскихъ, кровожадныхъ, изступленныхъ лицъ, наступая на еще трепещущее тѣло, врывается въ башню... А вотъ она опасность!

И слаба женщина мгновенно превращается въ разъяренную львицу, на стражѣ своего логовища. Инстинктивно, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, она выхватываетъ соннаго младенца изъ колыбели, беретъ его на руки и становится въ оборонительную позу. Остальные дѣти, разбуженные шумомъ, съ плачемъ выскакиваютъ съ своего ложа и прижимаются къ ней. Она прикрываетъ ихъ своимъ тѣломъ. Сбѣгаются люди,—защитники крѣпости. Но, что это за защитники!—Слабые, старые, больные, женщины, подростки... Все молодое, сильное, здоровое, способное носить оружіе—тамъ, на границѣ, гдѣ и князь Котэ, въ борьбѣ съ персами за независимость отечества.

Въ растворенныя настежь двери башни, вмѣстѣ съ вѣтромъ и дождемъ, доносятся крики сражающихся, стоны раненыхъ и умирающихъ на деревнѣ... И тамъ адъ и смерть... И здѣсь свалка, кровь, трупы, проклятія и молитвы, дымъ и смрадъ отъ горящей ветоши, запахъ и

паръ отъ теплой, свѣжей крови... Обширный покой переполненъ осажденными и осаждающими. Всѣ толкутся, напирая другъ на друга. Одни падаютъ, ихъ, еще живыхъ, давятъ и топчатъ другіе. Некому заботиться о раненыхъ: каждый занятъ личной охраной. Да въ такой рѣзнѣ и давкѣ не бываетъ раненыхъ: на мѣстѣ остаются одни изуродованные, истоптанные трупы...

— „Долой ребятишекъ! Коли ихъ! Бери женщину! раздается команда и враги надвигаются на молодую княгиню.

Но женщина уже перестала быть слабой женщиной. Ее не такъ легко взять. Придерживая одной рукой младенца на груди, она другой, свободной рукой старается защитить дѣтей. Ей помогаетъ старуха тетка, кидаясь съ ножемъ въ самую толпу. Но тщетно... У матери вырываютъ ребенка и, однимъ сильнымъ ударомъ о каменную стѣну, разбиваютъ его черепъ на мелкіе куски. Остальныя дѣти падаютъ, пронзенныя кинжалами... Вотъ и старая тетка плаваетъ въ крови... Бросаясь изъ стороны въ сторону на защиту дорогихъ существъ, пуская въ ходъ и руки, и ноги, и зубы, и все, что попадалось на глаза и могло служить орудіемъ для обороны—молодая княгиня теперь, когда все кончено, когда отъ всего близкаго, милаго сердцу осталась какая-то безформенная масса крови и мяса—стоитъ въ нѣмомъ оцѣпенѣніи, не сознавая того, что вокругъ дѣлается, не сознавая, что ее щадили умышленно, отталкивали, но не били, не нанесли ни одной раны. Она не видитъ, какъ злодѣи шарятъ по всѣмъ угламъ разбиваютъ сундуки, выворачиваютъ ящики, опустошаютъ шкапы, какъ сваливаютъ въ одну кучу старинное серебро, драгоцѣнныя вещи, какъ топчутъ, рвутъ дорогіе наряды, не слышитъ, какъ они ссорятся и ругаются изъ-за добычи. Она видитъ только эти ужасные изуродованные трупы, видитъ кровь родную, скользитъ въ ней и не можетъ ясно понять того, что произошло. Кровь, кровь и трупы—застилаютъ все остальное... Въ мозгу копошится какое-то смутное сознаніе того, что все кончено, что ничего не осталось, ничего нѣтъ, но это сознаніе какое-то тупое, неопредѣленное.

Но вотъ чьи-то грубыя, окровавленныя руки охватываютъ ея станъ, чей-то хриплый чужой голосъ говоритъ:—„Пойдемъ красавица! Ты будешь моей женой, пока князь твой не выкупитъ тебя“... Эти слова, это прикосновеніе приводятъ княгиню въ себя. Нѣтъ, еще не все кончено... Еще остается честь и ее надо отстоять цѣною жизни.

Лезгинъ старается увлечь ее за собой, но она, съ несвойственной ея полу силой, отчаянно борется и, лѣвой рукой наотмашь, ударяетъ злодѣя по лицу.

— „А, такъ ты вотъ какъ!... Такъ на же, вотъ тебѣ! Теперь не будешь драться!“—съ бѣшенствомъ кричитъ лезгинъ и кинжаломъ отсѣкаетъ ей лѣвую руку.

Отрубленная рука падаетъ къ ея ногамъ, кровь заливаетъ одежду... Но она не чувствуетъ боли. Ее уже озарила свѣтлая мысль, въ головѣ созрѣлъ планъ. Она знаетъ, что ей дѣлать, какъ остаться вѣрной долгу, спастись отъ безчестья. И съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ, спокойно, она говоритъ своему похитителю.

— Постой! я согласна итти за тобой. Дай мнѣ только проститься съ роднымъ пепелищемъ.

Лезгинъ соглашается. Отчего же нѣтъ: вѣдь она не уйдетъ изъ его рукъ.

Тогда молодая, полная жизни красавица-героиня, шагая черезъ трупы родныхъ дѣтей, подходитъ къ одной изъ стѣнъ башни и, обмакнувъ пальцы правой руки въ крови лѣвой, пишетъ послѣднее прости, послѣдній завѣтъ любимому мужу:

— Не измѣняй вѣрѣ, родинѣ и чести! Умри за нихъ, какъ умираю я...

И прежде чѣмъ кто могъ догадаться о ея намѣреніи, она выхватываетъ кинжалъ изъ-за пояса близъ стоящаго лезгина и вонзаетъ его себѣ въ сердце.

Много добычи увезли съ собой въ тотъ разъ лезгины, но драгоцѣнная жемчужина—жена отчаяннаго храбреца князя Кокота—досталась имъ только мертвая... И эта дивная надпись видна и донынѣ на стѣнахъ полуразрушенной крѣпости. Передъ ней въ нѣмомъ благоговѣніи останавливается тотъ, кто чтитъ высокое чувство любви къ вѣрѣ и родинѣ, въ комъ бы оно не было, кто съ уваженіемъ относится къ глубокому сознанію долга и чести даже въ врагѣ. Разсказываютъ о ней подробности простые пастухи, пасущіе стада у подножія этой кахетинской святыни, слышавшіе легенду отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ... Невольно впадаешь въ умиленіе, глядя на эти кровавые знаки и слушая простой безыскусственный разсказъ сельчанъ объ ихъ происхожденіи. Лучезарный образъ грузинки эпохи тревогъ и вражьихъ набѣговъ во всемъ необъятномъ величіи истой христіанки—жены, матери и гражданки возстаетъ въ памяти потомства, въ назиданіе поколѣніямъ.

Шидловская.

Арай прекрасный—вождь армянскій.

(Историческая легенда).

I.

На роскошномъ ложѣ изъ пурпура и виссона, посреди обширнаго мраморнаго покоя, раскинулась всемогущая царица Семирамида. Нѣсколько почниковъ, въ видѣ изящныхъ причудливыхъ фигуръ, прикрѣпленныхъ къ высокимъ точенымъ колоннамъ, испускаютъ слабый свѣтъ и тонкое благоуханіе. Толпа молодыхъ прислужницъ съ нѣмымъ раболѣпіемъ окружаетъ ложе своей властительницы и большими опахалами изъ павлиныхъ перьевъ навѣваетъ на нее сонъ и прохладу. Но напрасны ихъ усилія: сонъ бѣжитъ отъ глазъ царицы, она не находитъ желаннаго спокойствія. Глаза ея широко раскрыты, и въ нихъ свѣтится недобрый огонекъ, охватывающій ужасомъ бѣдныхъ рабынь. Чѣмъ-то онъ разразится? Что означаетъ эта глубокая складка гнѣва на челѣ ихъ госпожи? И бѣдняжки, какъ испуганныя овечки, испуганно переглядываются между собой, готовясь къ бурѣ.

Проходитъ часъ, другой въ томительномъ ожиданіи. Въ комнатѣ полнѣйшая тишина, только изъ сада доносятся порой обычные ночные звуки: то пискнетъ какая-нибудь птичка въ когтяхъ у хищника, то филинъ зловѣще прокричитъ, то зашуршитъ листва отъ дуновенія вѣтерка, то вѣтка съ трескомъ надломится подъ тяжестью звѣрька—и снова все стихаетъ, и снова слышенъ только плескъ фонтана, да неумолчный трескъ кузнечиковъ.

Но вотъ царица поднялась и сѣла на постели. Рабыни замерли...

— Ступайте всѣ отсюда! вы мнѣ не нужны—говоритъ она, дѣлая повелительный жестъ рукой.

Толпа моментально безшумно исчезаетъ.

Оставшись одна, царица быстро встаетъ и выходитъ на открытую террассу, примыкающую къ ея спальнѣ. Ей душно... Она не можетъ оставаться въ спокойствіи; ей нуженъ воздухъ, движеніе. Она нарочно отослала прислужницъ: постороннія лица ей противны, раздражаютъ ее. Быть теперь съ нимъ, съ тѣмъ, къ кому стремится ея сердце, или совсѣмъ одной, съ своими мыслями, планами и проектами.

О, ненавистный чужестранецъ, какъ онъ оскорбилъ ее! Отказаться отъ нея, отъ могущественнѣйшей изъ всѣхъ владыкъ міра, отказаться отъ ея руки и ассирійскаго престола—боги, какая дерзость! Найдется ли еще другой такой безумецъ среди смертныхъ!

— О Бельтисъ всемогущая, мать всѣхъ живущихъ, покровительница любящихъ сердецъ! зачѣмъ ты допустила меня до такого униженія, до такихъ мученій? Развѣ я

мало молилась тебѣ, мало приносила жертвъ! Или ты покровительствуешь только рабамъ!...

И царица въ безсильномъ гнѣвѣ готова исцарапать свою собственную грудь. А голосъ разсудка подсказываетъ ей:

— „Опомнись, царица! что тебѣ до этого армянина? Оставь его въ покоѣ! Вѣдь ты его даже не видѣла; только слышала объ его красотѣ. Мало ли прекрасныхъ юношей, готовыхъ, по мановенію твоей руки, пасть къ твоимъ ногамъ и лобзать слѣдъ твоей стопы? Довольствуйся ими. Ты гордая властительница великаго царства, сокрушаешься отъ холодности какого-то чужестранца, почти твоего вассала. Ты, передъ умомъ и красотой которой преклоняются цари, равные тебѣ, хочешь добиться любви вождя чуждаго народа и, встрѣтивъ въ нихъ отпоръ, гнѣвишь боговъ, упрекая ихъ въ несправедливости. Взгляни вокругъ себя,—все это твое, все въ твоей власти,—чего тебѣ еще не достаетъ"?...

И покорная этому льстивому голосу, Семирамида смотритъ на спящій городъ, амфитеатромъ раскинувшійся у подножія царскаго дворца.

Полная луна фантастическимъ свѣтомъ освѣщаетъ величественныя зданія храмовъ и дворцовъ, съ ихъ блестящими куполами и рѣзными портиками, рельефно видѣляя ихъ на чистомъ безоблачномъ небѣ. Лунные лучи, скользя по изящной колоннадѣ порталовъ, придаютъ имъ чудный сказочный видъ. Изъ воздушныхъ висячихъ садовъ доносится опьяняющій ароматъ цвѣтовъ, а въ многочисленныхъ каналахъ, тихо журча, струится вода, охлаждая и освѣжая ночной воздухъ.

Да все это мое, думаетъ царица, невольно любуясь картиной, лежащей передъ ея глазами.—Все устроено мной. У меня есть все, что можетъ пожелать самый прихотливый изъ смертныхъ и, тѣмъ не менѣе, душа моя не покойна, сердце сжимается тоской. О, зачѣмъ я, покоряющая всѣхъ и все, не могу покорить въ себѣ женщину! Я хочу этого Арая, этого гордаго армянина. Я не люблю его—нѣтъ, не любовь, а ненависть къ нему говоритъ во мнѣ. И онъ будетъ моимъ, но не какъ равный, а какъ рабъ униженный и въ цѣпяхъ. Если я не могу насладиться любовью, то наслажусь местью.

И въ пылкой головѣ восточной царицы быстро сложился планъ кровавой мести Араю и его народу. Она пошлетъ свое многочисленное, хорошо вооруженное войско, подъ начальствомъ своихъ лучшихъ полководцевъ, противъ горсти этихъ отчаянныхъ смѣльчаковъ, дерзающихъ противиться ея державной волѣ. Они будутъ смяты, уничтожены, а Арай—въ рабскихъ цѣпяхъ, у ногъ ея, молящій о пощадѣ. Но она не пощадитъ его; нѣтъ, месть такъ же сладка, какъ и любовь. Она капля по каплѣ, выпуститъ изъ него кровь и будетъ наслаждаться его мученіями... Скорѣй же, скорѣй привести этотъ планъ въ исполненіе...

Черезъ нѣсколько минутъ во дворцѣ, не смотря на поздній ночной часъ, уже свѣтъ, шумъ и движеніе. Царедворцы, разбуженные по приказанію царицы, спѣшатъ на ея зовъ, собираются группами въ обширныхъ пріемахъ и проходахъ дворца, толкуя о неожиданномъ событіи, дѣлая различныя предположенія о причинахъ, вызвавшихъ его. Но вотъ выходитъ царица и причина становится извѣстной:—спѣшный походъ противъ армянъ. Надо наказать дерзкихъ ослушниковъ воли богоподобной властительницы, поэтому война будетъ безпощадная: уничтожать всѣхъ и все, пока не покорятся, а вождей доставить живыми и въ оковахъ—плѣнными. Таково было распоряженіе царицы.

Въ древности, особенно на востокѣ, не разсуждали. Какъ бы безумно ни было желаніе владыкъ—его исполняли безпрекословно. Изъ дворца военноначальники разошлись готовиться къ немедленному выступленію. Оскорбленному женскому тщеславію и любострастію должны были быть принесены въ жертву тысячи человѣческихъ жизней.

II.

Солнце только что озолотило верхушку величественнаго Масиса, а въ лагерѣ армянскаго войска уже началось усиленное движеніе. Отвѣтивъ гордымъ отказомъ на лестное предложеніе ассирійской царицы сдѣлаться ея мужемъ и царемъ Ассиріи, Арай—вождь армянскій—зналъ, что поступокъ его не пройдетъ безнаказанно. Онъ ожидалъ мести гнѣвной царицы и готовился къ ней. Вотъ почему воины его, вмѣсто того, чтобы предаться мирнымъ занятіямъ у очаговъ своихъ, раскинули воинственный станъ свой на широкой равнинѣ, у подножія библейской горы и, несмотря на ранній часъ утра, всѣ были уже на ногахъ и за дѣломъ. Одни поили коней, другіе возились съ боевыми колесницами; копьеносцы точили копья, пращники налаживали пращи, стрѣлки собирали луки и стрѣлы,—кто молился, простирая руки къ восходящему свѣтилу—богу Вахангу, кто передъ изображеніемъ походныхъ идоловъ.

Въ небольшомъ шалашѣ, сплетенномъ изъ древесныхъ вѣтвей и покрытомъ верблюжей шкурой, находящемся почти въ центрѣ лагеря—на простомъ обрубкѣ дерева сидѣлъ самъ виновникъ всего этого переполоха—Арай, по прозванію Прекрасный. Если бы древніе армяне обоготворяли красоту, они должны были бы признать Арая своимъ божествомъ. Ничего болѣе совершеннаго не создавала еще природа. Высокій, статный, атлетическаго тѣлосложенія, съ необыкновенно правильными чертами лица, этотъ красавецъ олицетворялъ собою Аполлона. Не удивительно что Семирамида, слыша о такой божественной красотѣ воспылала къ нему необузданной страстью. Простая туника изъ грубой темной матеріи, короткій плащъ, накинутый на одно плечо, и кожаныя сандали—составляли весь его костюмъ, не скрывая ни стройныхъ линій его гибкаго торса, ни крѣпкихъ, мускулистыхъ ногъ; сбоку на поясѣ висѣлъ тяжелый боевой мечъ.

Опершись локтями на колѣна и опустивъ голову на руки, Арай погруженъ былъ въ глубокую задумчивость. Его благородныя черты носили явные признаки безсонныхъ ночей и сильнаго нравственнаго волненія. Не легко было на душѣ у народнаго вождя. Вся нравственная отвѣтственность за вооруженное столкновеніе между ассирійцами и армянами подало на него. Имѣлъ ли онъ право вовлекать народъ свой въ эту войну? Долженъ-ли былъ поступить такъ, какъ поступилъ, или иначе? Не обязанъ-ли былъ принять предложеніе царицы и отклонить предстоящую бѣду? Не долженъ-ли былъ пожертвовать собой для блага и спокойствія отечества, и гдѣ въ чемъ настоящее благо и гдѣ, съ какой стороны бѣда?—Вотъ вопросъ и сомнѣнія, которые мучили его впечатлительную совѣсть.

У шалаша послышался шорохъ и старческій голосъ спросилъ.

— Арай, ты не спишь?

— Нѣтъ, не сплю—былъ отвѣтъ, и Арай всталъ на встрѣчу пришедшему.

Это былъ старецъ почтеннаго вида, въ простой одеждѣ и съ посохомъ въ рукахъ.

— Что привело тебя ко мнѣ въ такую рань, мой отецъ?—спросилъ Арай, привѣтствуя гостя и уступая ему свое мѣсто.

Старикъ не сразу отвѣтилъ. Онъ какъ бы соображалъ, какимъ образомъ приступить къ предстоящей бесѣдѣ. Арай почтительно ждалъ, стоя передъ нимъ.

— Арай!—началъ было старикъ: прекрасный Арай...

— Не называй меня такъ!—сурово перебилъ Арай, моя красота стала для меня позоромъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалась предметомъ постыднаго торга.

Старикъ укоризненно покачалъ головой.

— Арай!—началъ онъ снова, стараясь придать какъ можно больше нѣжности и убѣдительности своему голосу.—Ты знаешь, я всегда любилъ тебя, какъ родного

сына. Я уже старъ и боги скоро призовутъ меня въ царство тѣней, но ты молодъ и судьба твоя заботитъ меня. Опомнись, пока еще есть время, согласись на предложеніе царицы! Въ немъ нѣтъ ничего для тебя оскорбительнаго. Подумай, какая блестящая жизнь тебя ожидаетъ—въ нѣгѣ царской роскоши и почетѣ. Ты будешь равенъ царямъ, будешь правителемъ могущественнаго государства. А здѣсь, что можетъ дать тебѣ твой народъ? Ты васалъ той царицы, которой можешь сдѣлаться властелиномъ. Взгляни вокругъ себя, какъ ты живешь, что имѣешь, чѣмъ отличаешься отъ простого воина? Не губи себя и народа своего отказомъ!..

Пока старикъ говорилъ, Арай стоялъ, скрестивъ руки на груди и, глядя въ сторону, казался совершенно безучастенъ къ слышанному, только нижняя губа его нервно вздрагивала, но при послѣднихъ словахъ своего собесѣдника онъ быстро дотронулся до его плеча и сдавленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Замолчи старикъ! иначе я забуду, что ты нѣкогда воспитывалъ меня и что я обязанъ тебѣ почтеніемъ. Ты не понимаешь, что говоришь. Могу ли я измѣнить своему народу и предать его цѣною своего собственнаго возвышенія! Я понимаю Семирамиду: она настолько же честолюбива, насколько и любострастна. Удовлетворивъ прихоть своего сердца, она захочетъ выполнить свои честолюбивые замыслы. Она пошлетъ свое войско противъ нашихъ, чтобы поработить ихъ окончательно, и меня не будетъ съ ними. *Подумай*, каково мое положеніе!..

— Хорошо, *положимъ такъ*,—возразилъ старикъ:—но и теперь *война неизбѣжна*. Стало быть, такъ или иначе, согласишься ли ты *исполнить* желаніе царицы или нѣтъ—твой народъ *одинаково* можетъ попасть въ рабство, но, покрайней мѣрѣ, сдѣлавшись мужемъ Семирамиды, ты спасешь самого себя. Своей жертвой ты, все равно, не поможешь своимъ братьямъ, а себя погубишь.

— Можетъ быть и такъ, можетъ ты и правъ, старикъ, но за то *совѣсть моя* будетъ чиста. Лучше умереть, чѣмъ запятнать свое имя измѣной. Нѣтъ, не продамъ своихъ ни за какія сокровища! Съ ними буду сражаться, съ ними и паду, если боги такъ рѣшатъ. Впрочемъ, пойдемъ и спросимъ самихъ воиновъ, что они скажутъ: согласны ли будутъ отпустить меня, чтобы избавиться отъ ужасовъ войны. Если да, я поступлю по ихъ желанію...

И гордо поднявъ свою прекрасную голову, Арай вышелъ изъ шалаша. Старикъ молча послѣдовалъ за нимъ. Въ его сердце закралась надежда, что, можетъ быть, дѣло повернется въ желанную для него сторону, что сами воины принудятъ Арая измѣнить своему рѣшенію. Онъ сознавалъ, что Арай правъ, поступая такъ, онъ гордился имъ, какъ своимъ воспитанникомъ, но ему жаль было это молодое существо, обрекающее себя на вѣрную гибель.

III.

Когда Арай и его спутникъ вошли въ кругъ воиновъ, тѣ намѣревались приступить къ утренней трапезѣ, но, при видѣ общаго любимца, ѣда была забыта.

— Привѣтъ тебѣ, сынъ солнца, прекрасный, храбрый Арай! Да сохранятъ тебя боги на многія, многія годы и да ниспошлютъ тебѣ побѣду за побѣдой!

Широкой волной разнеслось это привѣтствіе многотысячной толпы по обширной равнинѣ и эхо горъ вторило ему.

Свѣтлый, радостный лучъ скользнулъ по прекрасному лицу Арая.

— Привѣтъ и вамъ, возлюбленные братья!—отвѣтилъ онъ громкимъ, звучнымъ голосомъ. Слушайте: пусть выйдутъ начальники тысячные и сотенные, я имѣю сказать вамъ кое что. Я посовѣтуюсь съ ними, и, какъ они рѣшатъ отъ вашего имени, такъ и поступлю...

Толпа заволновалась. Изъ среды ея отдѣлилось нѣсколько десятковъ человѣкъ и вышло къ Араю, остальные придвинулись сплошной стѣною, чтобы услышать хоть что-нибудь изъ того, что будетъ говорить любимый вождь.

— Братья!—началъ Арай, когда волненіе стихло и все замерло на своихъ мѣстахъ. Вы знаете, что ассирійская царица грозитъ намъ войной. Она предлагаетъ вамъ на выборъ: или уступить ей меня въ мужья и цари Ассиріи, или сражаться съ ея воинами. Я отказалъ посламъ Семирамиды и теперь раскаиваюсь. Я не хочу изъ за личнаго своего желанія подвергать васъ опасностямъ войны. Еще есть время исправить мою ошибку. Не скрою отъ васъ, что ассирійское войско отборное и значительно превышаетъ наше и въ количествѣ. Мы можемъ надѣяться только на наше мужество, да на помощь боговъ. Положимъ, царица такъ честолюбива, что рано или поздно, а все же захочетъ овладѣть вами, хотя бы я и былъ ея мужемъ. Но это предположеніе гадательно, тогда какъ теперь война неизбѣжна, если мы не исполнимъ требованія царицы. И такъ, подумайте и рѣшите, какъ быть. Я все сказалъ...

Не болѣе двухъ-трехъ минутъ длилось молчаніе послѣ этой рѣчи и затѣмъ всѣ начальники разомъ крикнули въ одинъ голосъ:

— Что тутъ думать! Какъ мы можемъ остаться безъ тебя! Оставайся съ нами и пусть будетъ, что будетъ, что боги рѣшатъ!

— Да, да оставайся съ нами! Мы тебя не отпустимъ—подхватили и тѣ волны, которые слышали слова вождя и возгласы военачальниковъ.

Арай грустно улыбнулся и сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой.

— Нѣтъ, братья, такъ нельзя!—сказалъ онъ.—Вопросъ слишкомъ важенъ, его надо хорошенько обсудить, обдумать. Отпустивъ меня, вы, можетъ быть, избѣгнете войны и будете жить въ мирѣ и спокойствіи. Изъ-за меня погибнутъ сотни, тысячи. Жертва черезчуръ велика. Побѣда надъ ассирійцами сомнительна. Я только простой смертный и не могу совершить чуда. Теперь я самъ прошу васъ отпустить меня. Не царскія почести и не красота царицы прельщаютъ меня, а лишь желаніе отвратить отъ васъ бѣду. Подумайте о вашихъ женахъ и дѣтяхъ—что ожидаетъ ихъ. Я не хочу, чтобы отвѣтственность за пролитую кровь невинныхъ пала на мою голову. Я съ радостью принесу себя въ жертву за васъ. Это мой долгъ, моя обязанность. Еще разъ прошу: отпустите меня!..

Арай замолкъ и, опершись на мечъ свой, глядѣлъ на толпу въ ожиданіи.

Ни единаго звука въ отвѣтъ. Начальники, а за ними и воины, какъ бы загипнотизированные, не шевелились. Напоминаніе о женахъ и дѣтяхъ подѣйствовало сильно. Разстаться съ Араемъ казалось невозможно, но и перспектива подвергать явной опасности семьи свои устрашала ихъ не мало. Арай, видя, что начальники стоятъ въ нерѣшимости и не приступаютъ къ совѣщанію, подумалъ, что они стѣсняются его присутствіемъ.

— Я удаляюсь, братья,—сказалъ онъ,—чтобы не мѣшать вамъ посовѣтоваться между собой. Но еще разъ повторяю, что, каково бы не было ваше рѣшеніе—я съ готовностью исполню его.

И онъ направился къ своему шалашу въ сопровожденіи старика.

По уходѣ вождя, начальники переглянулись между собой, какъ бы вызывая перваго желающаго высказать свою мысль. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Никто не отваживался выступить съ своимъ мнѣніемъ. Наконецъ одинъ тысячникъ, рыжебородый Смбатъ, можетъ быть единственный изъ всего армянскаго войска ненавидѣвшій Арая, набрался храбрости и бойко заговорилъ.

— Ну, что же, братья, привязаны у насъ языки, что ли? Долго мы будемъ молчать? Хотите я выскажу, что думаю?

— Говори!—обрадовались всѣ прерванному молчанію.

— Я думаю вотъ что—началъ Смбатъ, пытливо глядя на окружающихъ.—Арай правъ: скорѣй можно пожертвовать однимъ человѣкомъ, чѣмъ тысячами. Да, наконецъ, какая же тутъ жертва! Пусть Арай ѣдетъ въ Ассирію, пусть сдѣлается тамъ царемъ—ни намъ, ни ему отъ этого хуже не будетъ. Подумайте: справедливо ли мы поступаемъ, требуя отъ Арая, чтобы онъ остался! Подумайте, какая жизнь ожидаетъ его при ассирійскомъ дворѣ! Сравните съ тѣмъ, что можемъ мы дать ему взамѣнъ того, что онъ лишается, отказываясь отъ предложенія царицы! Если мы дѣйствительно любимъ Арая, то сами должны просить его оставить насъ, должны настаивать на томъ. Мы должны это сдѣлать, какъ для его блага, такъ и для нашего собственнаго. Когда Арай будетъ царемъ Ассиріи, онъ не забудетъ своего народа, и сами даже боги не допустятъ, чтобы мы окончательно подпали подъ власть Ассиріи. Намъ не будетъ дурно при немъ; онъ не позволитъ, чтобы насъ угнетали. И теперь, въ данное время, отпустивъ Арая, мы только выигриваемъ, такъ какъ избавляемся отъ войны и можемъ мирно заниматься своими дѣлами. И такъ, съ какой стороны не взглянемъ на этотъ вопросъ—отвѣтъ одинъ и тотъ же: мы должны отпустить Арая, желая добра и ему, и себѣ... Я все сказалъ...

Горячая рѣчь Смбата возымѣла сильное дѣйствіе на слушателей. Все, что онъ говорилъ, было такъ вѣрно, что не согласиться съ нимъ было невозможно. Глубокое молчаніе царствовало среди начальниковъ. Они, видимо, переживали тяжелыя минуты нравственной борьбы между чувствомъ долга и благодарности къ Араю, нежеланіемъ разстаться съ нимъ, страхомъ за свою собственную участь и участь своихъ близкихъ. Наконецъ, послѣднее превозмогло и они готовы уже были высказать свое рѣшеніе объ отъѣздѣ Арая, какъ вдругъ старѣйшій изъ тысячниковъ, человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ, убѣленный сѣдинами и умудренный житейскимъ опытомъ, все время какъ-то странно поглядывавшій на Смбата,—заговорилъ съ иронической улыбкой на губахъ.

— Такъ, такъ,—сказалъ онъ:—давно ли филинъ сталъ пѣть соловьемъ! Давно ли смертные стали такъ слѣпы и глухи, чтобы принимать хищника за ночного пѣвца! Хорошо ты пѣлъ, Смбатъ, надо правду сказать, только напрасно... Морочь другихъ, а меня—старика не проведешь. Я насквозь вижу твою черную душу. На языкѣ у тебя медъ, а въ сердце ядъ. Ты хочешь сплавить Арая, чтобы самому занять его мѣсто. Ты давно уже лелѣешь эту мечту и, если бы не страхъ передъ народной местью, ты бы иначе отдѣлался отъ Арая. Ты уже пробовалъ разъ да не удалось.

При послѣднихъ словахъ тысячника Смбатъ такъ поблѣднѣлъ и растерялся, что обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Начальники съ удовольствіемъ поглядывали то на него, то на стараго тысячника.

— Смотрите, смотрите!—продолжалъ, между тѣмъ, старецъ, указывая товарищамъ на Смбата:—какъ лицо этой хитрой лисицы выдаетъ его! Помните, братья, внезапную болѣзнь Арая на пиру у Смбата? Тогда у насъ ходила черная смерть[1])—помните? Думали, что Арай заболѣлъ этой страшной болѣзнью, а это было отъ отравы, которую поднесъ въ кубкѣ вина вотъ этотъ рыжій извергъ нашему вождю. Боги спасли его потому, что онъ выпилъ немного, а выпей онъ весь кубокъ—не было бы его теперь среди насъ. Случай былъ хорошій, никто бы не догадался, да боги не допустили. Теперь скажите, братья, чего заслуживаетъ тотъ, кто покушался на жизнь любимаго вождя?

Не успѣлъ тысячникъ задать этого вопроса, какъ толпа, наэлектризированная неожиданнымъ сообщеніемъ объ опасности, угрожавшейся любимцу,—вскричала въ одинъ голосъ:

— Смерть ему! смерть измѣннику! смерть отравителю!—и нѣсколько человѣкъ ринулись на Смбата. Пока тысячникъ говорилъ, Смбатъ блѣдный, дрожащій, какъ затравленный звѣрь, оглядывался по сторонамъ, ища спасенія. Онъ зналъ, какъ коротка народная расправа въ такихъ случаяхъ, зналъ, что его ожидаетъ. Нѣсколько разъ пытался онъ заговорить въ свое оправданіе, но голосъ измѣнялъ ему, а зубы такъ стучали, что ни одинъ членораздѣльный звукъ не могъ выйти изъ его конвульсивно сжатаго горла. Когда начальники бросились на него съ угрожающимъ крикомъ, онъ инстинктивно хотѣлъ бѣжать, но стрѣла, пущенная, почти въ упоръ, однимъ изъ воиновъ, уложила его на мѣстѣ. Безъ крика, безъ стона, какъ подрубленный столбъ, тяжело рухнулъ онъ на землю и остался недвижимъ. Смерть Смбата не произвела никакого впечатлѣнія на окружающихъ.

— Уберите эту падаль, чтобы Арай не видѣлъ!—распорядился одинъ изъ начальниковъ, дотрогиваясь ногой до бездыханнаго тѣла.

Воины мигомъ исполнили это приказаніе, и трупъ былъ сброшенъ въ ровъ. Затѣмъ всѣ начальники, совершенно спокойно, какъ будто ничего особеннаго не случилось, и точно заранѣе сговорились—направились къ тому мѣсту, гдѣ находился Арай съ своимъ воспитателемъ. Мѣсто это было такъ удалено отъ того, гдѣ только что произошла кровавая сцена, что ни Арай, ни его собесѣдникъ—ничего не знали о ней. Они слышали какіе-то крики, но думали, что такимъ способомъ воины выражаютъ свое рѣшеніе по вопросу, о которомъ они совѣщались. Увидя подходившихъ народныхъ представителей, Арай обернулся къ нимъ и съ достоинствомъ ожидалъ, что они скажутъ.

— Храбрый вождь нашъ!—началъ старѣйшій изъ начальниковъ, тотъ самый, который обвинялъ Смбата.—Ты предоставилъ намъ рѣшить участь твою и всего нашего войска и обѣщалъ намъ безпрекословно повиноваться нашему рѣшенію. Мы призвали боговъ на помощь, чтобы они насъ просвѣтили и дали добрый совѣтъ, такъ какъ нашъ смертный разумъ слабъ въ такомъ важномъ дѣлѣ. Слушай, вотъ что боги намъ внушили. Разстаться намъ съ тобою невозможно. Ты нашъ и останешься съ нами. Будь, что будетъ, что угодно богамъ... Веди насъ на ассирійцевъ! Съ тобой мы не боимся смерти... Рѣшеніе наше неизмѣнно... Я все сказалъ. Да будетъ такъ!...

Опустивъ голову на грудь, глядя сосредоточенно въ одну точку, слушалъ Арай тысячника. Лицо его было блѣдно и торжественно серьезно. Если бы кто могъ заглянуть въ ту минуту въ душу героя, отдавшаго всю жизнь свою на служеніе народу, тотъ удивился бы наплыву разнородныхъ чувствъ, боровшихся между собой въ этой свѣтлой, возвышенной душѣ. Несомнѣнное доказательство горячей любви и преданности войска льстило его самолюбію и вполнѣ удовлетворяло его, какъ заслуженная дань за всѣ заслуги. Но ясное пониманіе ужаснаго положенія, въ которомъ находятся армяне, благодаря безумной страсти къ нему ассирійской царицы, эта неминуемая война между двумя народами, исходъ которой не можетъ быть благопріятенъ для армянъ; наконецъ, сознаніе, что всему этому бѣдствію виной, хотя и помимо воли его, онъ одинъ—все это невыносимымъ гнетомъ ложилось на чуткую совѣсть честнаго вождя и давило своею тяжестью. Однако, онъ понималъ, что постановленіе народа, переданное въ такой торжественной формѣ, не можетъ быть отмѣнено или даже измѣнено, что всякій протестъ теперь безполезенъ, а потому остается одно—покориться. По этому, поборовъ свое душевное волненіе, онъ, послѣ минутнаго раздумья, довольно твердо и спокойно отвѣтилъ начальникамъ:

— Да будетъ такъ! Благодарю васъ, братья, за вашу любовь и довѣріе ко мнѣ и горжусь ими. Призываю боговъ въ свидѣтели, что отдамъ за народъ нашъ всю свою кровь до послѣдней капли и что ассирійцамъ достанусь только мертвымъ. Готовтесь же, храбрые воины! Можетъ быть сегодня же намъ придется сразиться съ

[1]) Чума моровая.

врагомъ... И Арай началъ дѣлать распоряженія на случай предстоящей битвы.

IV.

Бой кончился... Армяне побѣждены... Не смотря на ихъ стойкое мужество, они были подавлены численнымъ превосходствомъ непріятеля. Арай храбро сражался наравнѣ съ своими воинами, ободряя и увлекая ихъ своимъ примѣромъ. На основаніи приказа царицы доставить вождя живымъ, его видимо умышленно щадили. Объ этомъ онъ догадывался самъ и, видя, какъ рѣдѣютъ ряды армянъ, и, сознавая, что побѣда немыслима—бросался въ самый пылъ сраженія, ища смерти и моля боговъ даровать ее ему. Наконецъ, боги сжалились надъ нимъ. Неподалеку отъ него кипѣла отчаянная схватка. Отборное ассирійское войско, въ числѣ которыхъ находились, прекрасно вооруженные тѣлохранители Семирамиды—искусные бойцы—косило армянъ, какъ жнецы спѣлыя колосья. Арай врѣзался въ эту толпу, раздавая смертоносные удары направо и налѣво. Одинъ изъ юношей, приближенный царицы, нечаянно, можетъ и умышленно, ударилъ его мечомъ. Кровь хлынула ручьемъ, въ глазахъ потемнѣло, Арай зашатался и готовъ былъ упасть безъ чувствъ. Враги, замѣтивъ его слабость, бросились къ нему, чтобы овладѣть дорогой добычей. Мысль о постыдномъ плѣнѣ, о словѣ, данномъ народу, послѣдней искрой промелькнула въ помутившемся мозгу героя. Онъ сдѣлалъ надъ собой нечеловѣческое усиліе, направилъ мечъ свой остріемъ вверхъ и палъ на него грудью. Подбѣжавшіе ассирійцы схватили уже еле трепетавшее тѣло...

Такъ окончилъ жизнь непобѣдимый Арай прекрасный; такъ сдержалъ свято свое слово: достался въ руки враговъ только мертвымъ. Узнавъ о смерти боготворимаго вождя и видя свою неизбѣжную гибель, армяне отступили. Побѣдителямъ достались ихъ лагерь и множество плѣнныхъ.

V.

Празднуя побѣду надъ армянами, столица Ассиріи разукрасилась, какъ въ дни великихъ праздниковъ. Толпы народа наводняли улицы и площади, густыми массами направлялись къ тѣмъ воротамъ, черезъ которыя должно было совершиться торжественное шествіе. Наконецъ около полудня послышались звуки трубъ и литавровъ, и побѣдоносное ассирійское войско вступило въ городъ. Впереди двигались боевыя колесницы, украшенныя вѣнками и яркими лентами; за ними легкая конница, вооруженная копьями и стрѣлами; потомъ шла тяжелая пѣхота щитоносцевъ и меченосцевъ. Шествіе замыкалось тріумфальной колесницей полководца, съ безконечной вереницей плѣнныхъ, связанныхъ попарно. Солнце ярко освѣщало эту пеструю движущуюся картину. Народъ встрѣчалъ побѣдителей оглушительными криками восторга, усыпая путь ихъ цвѣтами, лавровыми и пальмовыми вѣтками. Облаченная въ свои лучшіе наряды, во всеоружіи женской прелести и царскаго величія, сидѣла Семирамида на терассѣ дворца и нетерпѣливымъ взглядомъ слѣдила за дефилирующими передъ нею войсками. Ее не занимали въ данное время почти божескія почести, воздаваемыя ей. Чувство ненависти къ Араю за нанесенное ей оскорбленіе, какъ царицѣ и женщинѣ, клокотало въ ея груди; но, тѣмъ не менѣе, она не теряла еще надежды привлечь его къ себѣ, очаровать своимъ умомъ и красотой. Глаза ея искали въ толпѣ только его одного. Но гдѣ же онъ? Вотъ и колесница побѣдителя, а армянскаго вождя, привязаннаго, по обычаю, въ цѣпяхъ къ этой колесницѣ—нѣтъ. Что же это значитъ?

Горя отъ нетерпѣнія, царица не даетъ полководцу договорить свою привѣтственную рѣчь.

— Гдѣ вождь армянскій, гдѣ Арай?—спрашиваетъ она.

— Богоподобная, лучезоркая, всемогущая властительница!..—снова начинаетъ полководецъ, но Семирамида опять прерываетъ его:

— Говори скорѣй, гдѣ Арай? почему ты не привелъ его?

— Горе мнѣ, владычица! Арая нѣтъ въ живыхъ. Мы принесли тебѣ его тѣло—говоритъ полководецъ и падаетъ ницъ.

Брови царицы гнѣвно сдвинулись.

— Арай мертвъ! Кто смѣлъ убить его?—звенящимъ голосомъ воскликнула она, грозно поднимаясь съ мѣста и оглядывая присутствующихъ, какъ бы ища виновника.

— Государыня! Арай самъ убилъ себя. Онъ пронзилъ грудь свою собственнымъ мечемъ въ то время, когда воины твои хотѣли овладѣть имъ.

Мимолетная тѣнь скользнула по лицу царицы. Былали то скорбь, досада, злоба, или удивленье геройскому поступку—кто знаетъ! Однако, она скоро оправилась.

— Хорошо. Довольно!..—гордо и съ царскимъ достоинствомъ остановила она полководца, видя, что онъ намѣренъ говорить еще.—Пусть внесутъ тѣло вождя въ мои покои. Я хочу его видѣть.

Затѣмъ она выслушала донесеніе побѣдителя, возложила на него тяжелую золотую цѣпь съ драгоцѣнными камнями, украсила голову лавровымъ вѣнкомъ, наградила начальниковъ, приказала угостить воиновъ, и только тогда, окончивъ все то, что требовали отъ нея обязанности властительницы, она удалилась къ себѣ. Тамъ, въ одной изъ царскихъ комнатъ, на грубыхъ походныхъ носилкахъ, покоилось тѣло Арая Прекраснаго. Смерть не успѣла еще обезобразить чудныя черты красавца. Мертвенная блѣдность придала еще болѣе прелести этому мужественному лицу.

Удаливъ всѣхъ изъ комнаты, царица долго стояла надъ трупомъ, любуясь милымъ образомъ, который такъ часто преслѣдовалъ ее въ мечтахъ и сновидѣніяхъ. О, какъ онъ хорошъ! Что-же это была за красота при жизни, если теперь, на ложѣ смерти, она такъ обаятельна!

И царица склонилась надъ тѣломъ, покрывая его поцѣлуями и ласками. Вдругъ лицо ея озарилось какою-то свѣтлою, радостною мыслью.

Да, да скорѣй надо торопиться.

Прикрывъ дорогіе останки покрываломъ, она поспѣшно вышла изъ комнаты и приказала позвать къ себѣ немедленно верховнаго жреца. Верховный жрецъ главнѣйшаго изъ храмовъ не заставилъ ждать себя долго. Это былъ высокій худой старикъ, съ суровымъ, но умнымъ лицомъ.

— Отецъ мой! встрѣтила его Семирамида.—Здѣсь лежитъ тѣло вождя армянскаго народа, котораго я избрала было себѣ въ супруги. Поручаю его тебѣ, т. е. твоимъ молитвамъ. Моли боговъ, чтобы они оживили его. Онъ былъ храбрый воинъ, палъ на полѣ битвы. Боги должны это сдѣлать для него. Ты знаешь, что я умѣю быть благодарной. Вымоли мнѣ только эту милость у боговъ и требуй чего хочешь.

Чуть замѣтная саркастическая улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ старика.

— Хорошо, дочь моя, я исполню твою просьбу: буду молиться день и ночь, но за успѣхъ не ручаюсь, такъ какъ Арай, хотя и храбрый воинъ,—чужестранецъ. Наши боги покровительствуютъ только своимъ.

— Но, вѣдь, это мое желаніе. Я—царица—прошу у боговъ жизни Арая. Для меня они должны оживить его! высокомѣрно произнесла Семирамида.

— Конечно, боги сдѣлаютъ все, что способствуетъ твоему счастію и удалятъ съ твоего пути все, что можетъ быть тебѣ вредно—политично извернулся хитрый жрецъ.

— Впрочемъ, къ чему толковать объ этомъ заранѣе. Прикажи перенести тѣло вождя въ храмъ, а тамъ посмотримъ, что будетъ. Завтра утромъ я извѣщу тебя о послѣдствіяхъ.

Семирамида отдала приказаніе и четверо рабовъ по-

несли носилки съ тѣломъ вслѣдъ за жрецомъ. На другой день жрецъ сообщилъ царицѣ, что случилось именно такъ, какъ онъ предполагалъ. Боги не захотѣли трудиться для чужестранца и трупъ Арая уже подвергся разложенію.

— Что повелишь съ нимъ дѣлать?—спросилъ онъ въ заключеніе.

Этого извѣстія ужъ никакъ не ожидала царица. Она была увѣрена, что боги не откажутся исполнить ея желаніе.

— Арай разлагается, какъ самый послѣдній изъ смертныхъ, какъ всякое животное—какая несправедливость проговорила она задумчиво. Тѣмъ не менѣе чувство брезгливости овладѣло ею и она приказала бросить трупъ Арая въ ровъ.

Но жрецъ предложилъ ей извлечь пользу изъ умершаго вождя.

— Арай не исполнилъ твоего сердечнаго желанія при жизни, всемогущая царица—вкрадчиво сказалъ старикъ, онъ можетъ сослужить тебѣ службу послѣ смерти. Одинъ изъ твоихъ приближенныхъ юношей Нехао—очень похожъ на Арая лицомъ, а ростомъ и тѣлосложеніемъ они одинаковы. Прикажи отдѣть Нехао въ платье Арая и выставить его на верху высокой башни. У армянъ много боговъ, схожихъ съ нашими, только они носятъ другія имена. Вѣрятъ и армяне, что боги оживляютъ храбрыхъ воиновъ, убитыхъ въ сраженіи. Пошли сказать армянскому народу, что боги, по твоей молитвѣ, возвратили жизнь Араю. Покажи имъ Нехао съ башни,—и они признаютъ надъ собою твою царскую власть...

Идея эта понравилась царицѣ. Она поняла о чемъ хлопочетъ жрецъ.

— Ты только объ этомъ заботишься, о моей власти? —спросила она его улыбаясь.

Улыбнулся и жрецъ. Онъ видѣлъ, что съ Семирамидой хитрить не къ чему.

— Нѣтъ, государыня, не стану лгать передъ тобой —сказалъ онъ—у меня своя цѣль. Армяне, убѣдившись въ могуществѣ нашихъ боговъ, при видѣ оживленія своего любимца, станутъ поклоняться имъ, отвергнувъ своихъ, и такимъ образомъ сольются съ нами въ одно...

Семирамида молчала нѣсколько времени, какъ бы соображая слышанное.

— Ты правъ, мой отецъ! —весело сказала она, наконецъ, мысль твоя мнѣ нравится. И такъ, мы оба заинтересованы въ этомъ дѣлѣ. Мнѣ свѣтская, тебѣ духовная власть надъ армянами. Будемъ же дѣйствовать сообща...

И неожиданные союзники разстались, чтобы привести въ исполненіе свой хитроумный планъ.

Выдумка жреца удалась, какъ нельзя лучше. Сначала армяне не повѣрили словамъ посла Семирамиды, но когда увидѣли своими глазами живого человѣка, похожаго на Арая и въ его платьѣ—то дались въ обманъ. Они признали надъ собою власть ассирійской царицы, въ надеждѣ, что ихъ любимецъ будетъ царемъ Ассиріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Арменіи.

Сбылось предположеніе Арая относительно участи своего народа. Онъ, дѣйствительно, хорошо понялъ Семирамиду, когда говорилъ, что она настолько же честолюбива, насколько и любострастна.

Одного онъ не могъ предвидѣть, что тѣло его, въ которомъ онъ такъ гордо отказалъ царицѣ при жизни, послужитъ ловушкой для его собратій послѣ смерти.

Преданіе гласитъ, что древній Масисъ, у подножія котораго произошло сраженіе между армянами и ассирійцами, стоившее жизни Араю, получилъ съ того времени названіе Арарата, въ честь имени того героя—вождя армянскаго.

Татищева.

САЛОМЭ[1]).

Изъ кавказскихъ преданій.

Посвящается кн. М. П. Баратовой.

Три спутника, съ которыми я ѣхала отъ Боржома въ Абастуманъ, распрощались со мной въ Ахалцыхѣ, и ихъ замѣнилъ субъектъ въ поношенной коричневой черкескѣ съ серебрянными гозырями и въ курчавой папахѣ.

На одномъ изъ поворотовъ шоссе, когда коляска, громыхая и неуклюже покачиваясь, обогнула небольшой выступъ, я случайно взглянула на поднимавшуюся впереди гору и замѣтила на нихъ одинокіе остатки старинной постройки, одной изъ тѣхъ многочисленныхъ развалинъ, которыя такъ часто встрѣчаются на Кавказѣ и носятъ одно и то же названіе „замковъ царицы Тамары".

— Госпожа,—сказалъ мой спутникъ совершенно чистымъ русскимъ языкомъ,—посмотрите на эти развалины.

— Вижу. Это, кажется, очень древняя постройка, замѣтила я.

— Очень древняя. Говорятъ, она стоитъ три вѣка. Одни утверждаютъ, что строилась еще при царѣ Давидѣ. Монастырь былъ. Если вы замѣтили, то раньше за нѣсколько станцій, есть еще такая же развалина,—помолчавъ, добавилъ онъ.

— Замѣтила.

— Строились въ одно время.

Мы замолчали. Солнце сѣло; пурпуровая полоска догорала на западѣ; туманъ густѣлъ и поднимался выше; сильная свѣжесть дохнула съ рѣки. Я поплотнѣе закуталась. Спутникъ мой только руки глубже запряталъ.

— Старая няня моя разсказывала преданіе про эти двѣ развалины,—сказалъ онъ,—я хорошо запомнилъ. Если желаете послушать, я разскажу.

Я изъявила готовность. Попросивъ у меня позволенія закурить, спутникъ мой вынулъ изъ кармана небольшую трубку, набилъ ее табакомъ изъ маленькаго мѣшочка, разжегъ, затянулся раза два, посмотрѣлъ на меня вбокъ полузакрытыми глазами, потомъ на развалины, какъ бы прося у нихъ вдохновенія, и началъ, изрѣдка попыхивая трубкой:

— Когда я былъ ребенкомъ, у меня была старая няня Бабале. Она была очень стара; думаю, что стукнуло ей въ годъ моего рожденія лѣтъ восемьдесятъ пять, если не болѣе, но она была бодрой и живой старухой, выпянчила мою мать, всѣхъ моихъ сестеръ и братьевъ. Всѣ мы ее любили. Имѣніе наше находилось въ этой мѣстности, и мы часто ѣздили туда изъ Ахалцыха, а потомъ и изъ Кутаиса. Старая Балабе обыкновенно возила меня по этой дорогѣ на лошади; правила она хорошо; позднѣе я сопровождалъ ее и часто слушалъ ея разсказы. Она была мастерица говорить, знала много преданій, сказокъ, грузинскихъ пѣсенъ. Вотъ что разсказала она мнѣ объ этихъ развалинахъ.

До нашествія Ага-Магомедъ-хана Грузія еще кое какъ держалась, хотя внутреннія распри въ царской семьѣ—борьба за престолонаслѣдіе—очень разоряли ее. Послѣ вторженія враговъ несчастные жители оплакивали пепелища своихъ домовъ, были отягощены разными поборами и отъ царствующаго дома, и отъ князей и дворянъ. Она была разоряема извнѣ и внутренняго порядка не имѣла. Жилъ въ то время молодой князь, фамилія котораго давно изгладилась изъ памяти народа, съ молодою женою Соломэ. Велики были чары этой женщины, а заключались онѣ только въ глазахъ ея. Ни чистая вода, сверкавшая при первыхъ лучахъ зари, какъ говорила мнѣ Бабале, ни блескъ горнаго брильянта, ни кроткое мерцаніе искристыхъ звѣздъ несравнимы были съ блескомъ ея очей. Часто упрашивалъ молодой князь жену свою держать ихъ опущенными, чтобы не смущать сердца другихъ князей и дворянъ, и скромно опускала Со-

[1]) Газ. „Кавказъ", 1901 г. № 86.

ломэ свои черныя шелковистыя рѣсницы, покорная волѣ и желаніямъ своего мужа. Но вотъ разразилась буря, налетѣли тучи персовъ подъ владычествомъ Ага-Магомедъ-хана, и пошелъ стонъ по всей Грузіи. Храбро бился молодой князь въ рядахъ своихъ воиновъ, получилъ небольшую рану и былъ взятъ въ плѣнъ. Какъ узнала Саломэ о томъ, что мужу ея грозитъ опасность или быть умерщвленнымъ, или уведеннымъ въ Персію, позвала она своихъ служанокъ, велѣла имъ одѣть себя въ темное платье, закрыла лицо и поѣхала во вражескій станъ, къ мужу. Какъ увидѣлъ ее князь, только ахнулъ.

— Если ты погибаешь, и я съ тобой погибну, господинъ мой,—отвѣчала Саломэ на его упреки.

Какъ разъ въ то время Ага-Магомедъ-ханъ находился въ станѣ и, узнавъ о самовольномъ появленіи новой плѣнной, потребовалъ къ себѣ молодую княгиню.

— Поди, скажи плѣнному князю,—приказалъ онъ своему слугѣ,—что хочу посмотрѣть, каковъ вкусъ его. Скажи, что если дурна лицомъ жена его, отпущу и ее и его, а хороша пусть не прогнѣвается!

Вздрогнулъ князь услышавъ это приказаніе, побѣлѣлъ весь.

— Слушай, Саломэ,—сказалъ онъ своей женѣ,—поди къ хану, но помни, не поднимай на него глазъ своихъ. Ни на мгновенье не забывай этого, не давай женскому любопытству овладѣть тобой. Святая Дѣва, можетъ быть, заступится за тебя на небесахъ, и ты ему не понравишься.

— Я сдѣлаю все, что приказываетъ мнѣ мой супругъ,—отвѣтила Саломэ,—но и я прошу его объ одномъ: пусть онъ жарко, горячо молится св. Георгію, покровителю своему, все это время. Онъ оградитъ насъ.

Поцѣловалъ князь свою княгиню, благословилъ и отпустилъ съ посланцами хана.

Вошла Саломэ въ раззолоченный шатеръ грознаго хана и стала у входа. Низко-низко опустила она голову, опустила длинныя рѣсницы и сложила на груди руки.

Толпа персовъ—министровъ и первыхъ приближенныхъ хана, окружавшихъ его, устремили на нее любопытные взоры.

— Мала очень!—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И худа!—добавилъ второй.

— Такими, какъ она, полна вся Грузія,—замѣтилъ третій. Ханъ молча смотрѣлъ на нее.

— И что нашелъ князь въ этой восковой куклѣ,—сказалъ старый министръ, поглаживая сѣдой усъ,—отпусти ихъ по добру, по здорову.

Молчала, не двигаясь, и Саломэ, съ трепетомъ ожидая приговора самого хана. Сердце, какъ птица, билось въ ея груди, дрожали и спущенныя рѣсницы.

„Что же молчитъ онъ?“—думала она, а любопытство тихонько нашептывало: старый онъ, или молодой?

— Блѣдна, худа и мала,—сказалъ опять министръ,—у насъ женщины лучше. На такую я и минуту не посмотрѣлъ бы.

„А онъ все молчитъ,—думала Саломэ.—Нѣтъ, и ему я не нравлюсь. Святая Дѣва за меня. Только уголкомъ глаза я посмотрю на него, никто и не замѣтитъ этого“. Чуть-чуть приподняла она рѣсницы, и загорѣлся взглядъ хана. Не удержалась Саломэ, проснулась въ ней истая женщина, и вскинула она на грознаго перса глаза испуганной серны. Точно солнечный лучъ брызнулъ изъ этихъ глазъ и заигралъ на лицахъ восхищенныхъ персовъ.

— Аллахъ!—воскликнулъ юный персъ, ближе всѣхъ стоящій къ ней,—о, счастлива страна, въ которой родятся такія женщины.

— Не бойся, красавица,—сказалъ ханъ,—подойди сюда!

Пришелъ князь въ отчаяніе, бросился въ ноги къ хану, умоляя его отпустить Саломэ. Всю гордость, самолюбіе подавилъ онъ въ себѣ, умоляя хитраго перса пощадить жену и избавить отъ безчестія. Саломэ же прижалась къ мужу и шептала ему:

— Не бойся, Георгій, я умру съ тобой!

Нахмурившись, смотрѣлъ на нихъ Ага-Магомедъ-ханъ и щипалъ свой усъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, ударивъ рукой по колѣну,—очи жены твоей, князь, лучше чистѣйшихъ брильянтовъ, они полюбились мнѣ. Но я дамъ все же возможность спастись. Сейчасъ я ѣду отсюда на шесть дней. Васъ обоихъ отвезутъ въ монастыри, гдѣ уже нѣтъ вашихъ монаховъ. Они недалеко одинъ отъ другого. Даю вамъ сроку эти шесть дней, если хоть одинъ изъ васъ уснетъ въ это время, не гнѣвайтесь, если же вы оба выдержите испытаніе—отпущу на волю. Ровно на шестое утро я возвращусь съ похода и проѣду въ одинъ изъ этихъ монастырей, конечно въ твой, княгиня,—умѣхнулся при этомъ ханъ.—Какъ при тебѣ, такъ и при князѣ твоемъ будетъ мною приставлено по два человѣка, которые скажутъ мнѣ правду! Идите!

Когда наступилъ вечеръ, отвели молодыхъ супруговъ въ монастыри.

— Помни, молись св. Георгію,—повторила Саломэ мужу,—крѣпись.

— Крѣпись и ты,—отвѣчалъ князь,—собери всю силу и не спи, но не такъ, какъ сопротивлялась ты любопытству.

Затѣмъ наступила первая, долгая-долгая ночь ихъ бодрствованія. Далеко, одиноко стояли монастыри даже плеска воды не доходило до нихъ изъ ущелья. Эти монастыри были тамъ, гдѣ теперь находятся и развалины, они далеко другъ отъ друга, но преданіе говоритъ, что голоса ихъ были слышны одинъ другому. У открытыхъ оконъ сидѣли они всю ночь напролетъ, и до княгини каждые четверть часа доносился монотонный, однообразный вопросъ ея мужа:

— Ты спишь?

И нѣжный голосъ ея отвѣчалъ ему изъ темноты:

— Не сплю.

Занялся разсвѣтъ, встало солнце. Днемъ, казалось имъ, легко было сопротивляться ему.

Наступила вторая ночь, и опять до Саломэ доносился издали тревожный, грустный полусонъ князя:

— Ты спишь?

И тихій, слабый звукъ ея голоса, какъ дыханіе вечерняго вѣтра, отвѣчалъ ему:

— Не сплю.

Такъ прошло пять дней и пять ночей.

На шестую ночь Саломэ была чуть жива. Глаза ея потускнѣли, померкли, точно дымкою заволоклись. Чуть насталъ вечеръ, сѣла она у окна и стала слушать. Опять донесъ до нея вѣтеръ скорбный вопросъ истомленнаго князя, и до трехъ часовъ ночи отвѣчала она ему свое едва слышное: „не сплю“. Но тутъ слабость сковала ей члены, шелковыя рѣсницы такъ и клонились, голова падала на грудь. Зорко слѣдила за нею старая персіанка и шепталась съ мужемъ. Но чуть голосъ князя доносился до нея, она вся вздрагивала и, стряхивая съ себя очарованіе сна, отвѣчала ему. И чѣмъ слабѣе были слышны ея отвѣты, тѣмъ встревоженнѣе и чаще повторялъ вопросъ ея мужъ. Внизу въ деревнѣ уже пѣли пѣтухи. Тихо склонилась истомленная безсонницею головка Саломэ, полузакрылись глаза, легкій вздохъ облегченія приподнялъ ея грудь, теплая ручка удобно улеглась подъ щеку, и сонъ коснулся ея глазъ сладкимъ поцѣлуемъ. Сладко уснула Саломэ.

Чутко вслушавшись въ послѣдній отвѣтъ своей подруги, едва коснувшійся до его слуха, тотчасъ повторилъ князь свой призывъ. Прошла минута, другая. Наконецъ, душистый вѣтеръ долетѣлъ до него и заигралъ вѣтвями цвѣтущаго куста у окна, но все было тихо. Вскрикнулъ князь и, схватившись за голову, зарыдалъ, какъ ребенокъ. А женѣ его снился сонъ. Видѣла она, что явился къ ней св. Георгій юноша въ бѣлоснѣжномъ плащѣ, съ кудрями разсыпанными по плечамъ, вокругъ дивнаго лица, коснулся до ея плечъ и сказалъ ей:

— Не бойся, Саломэ. Я буду защитникомъ и тебя,

и твоего мужа за вашу теплую вѣру и молитвы. Но ты все таки будешь наказана за свое любопытство.

Пѣтухи запѣли во второй разъ. Едва солнце поцѣловало верхушки сосенъ и лѣсъ заговорилъ тысячами птичьихъ голосовъ, подъѣхалъ къ монастырю, гдѣ была заключена Саломэ, Ага-Магомедъ-ханъ, со своей свитой и постучалъ въ ворота.

Старый персъ отворилъ ему, улыбаясь.

— Поди, свѣтлѣйшій, полюбуйся, какъ сладко спитъ твоя черноокая красавица: не выдержала, уснула въ эту ночь,—сказалъ онъ ему.

Разсмѣялся шахъ и толкнулъ дверь.

Сладко спала Саломэ, положивъ голову на руку, рдѣли яркимъ румянцемъ ея смуглыя щеки, трепетали длинныя, черныя рѣсницы, нѣжныя губки трогала слабая улыбка.

— Открой свои дивныя очи, красавица!—сказалъ ханъ, подойдя къ ней.

Вздрогнули рѣсницы, высоко поднялась грудь ея, и вдругъ совершилось на глазахъ хана неожиданное чудо: маленькая сѣрая сова, съ широко раскрытыми блестящими глазами, вспорхнула со скамьи, вмѣсто исчезнувшей Саломэ, сѣла на подоконникъ, посмотрѣла въ темнѣвшій лѣсъ, взмахнула крыльями и изчезла среди сосенъ... Полетѣла она прямо къ монастырю, гдѣ сидѣлъ убитый горемъ князь, спустилась къ нему на плечо, стала ласкать его мягкими крыльями и повторять свое однозвучное, нѣжное: „не сплю".

Внялъ св. Георгій молитвамъ князя, просившаго и надъ нимъ совершить такое же чудо, и на глазахъ испуганныхъ персовъ пара маленькихъ сѣрыхъ совушекъ вылетѣла изъ окна...

Въ ту же ночь запоздалый путникъ, спѣшившій въ свою деревню мимо брошенныхъ, молчаливыхъ монастырей, слышалъ тихій крикъ лѣсной совы, спрашивающей свою подругу:

— Ты спишь?

И она отвѣчала ему свое неизмѣнное:

— Не сплю.

И съ тѣхъ поръ, какъ говорила мнѣ старая Бабале, чуть слышенъ этотъ крикъ въ нашихъ лѣсахъ, жители деревень говорятъ другъ другу:

— Слышишь? Это князь Георгій зоветъ свою Саломэ.

Коляска моя въѣхала въ Абастуманъ. Черезъ четверть часа я была дома, среди своихъ, въ уютной дачѣ, утонувшей въ кудрявой зелени акаціи и рябины. Вечеромъ я вышла на балконъ. Чарующая лѣтная ночь вступила въ свои права, заткала темный бархатный покровъ искристыми звѣздами и плыла тихая, торжественная, душистая.

Рѣчистая Абастуманка что-то шептала, сонно покачивались вѣтки моихъ старыхъ, милыхъ акацій. И вдругъ въ этой тишинѣ по меня донесся грустный, монотонный крикъ маленькой лѣсной совы, и мнѣ ясно послышался въ этомъ крикѣ тревожный вопросъ:

— Ты спишь?

И съ другого берега Абастуманки изъ темнаго соннаго лѣса отвѣтилъ ему такой же тихій, короткій крикъ:

— Не сплю.

Т. П. Бекханова.

„Алла верды" [1].

(Легенда).

На зарѣ IV вѣка христіанской эры ученіе мира и любви стало проникать и въ страны Кавказа. Успѣшному его распространенію много препятствовала фанатическая ненависть къ христіанамъ туземцевъ-язычниковъ.

Въ началѣ VI столѣтія злой и мстительный князь Кахетіи воевалъ съ христіанской Грузіей и осаждалъ городъ Греми.

[1]) Газ. „Кавказъ".

Тяжко было положеніе осажденныхъ. Съѣстные припасы пришли къ концу, въ городѣ началъ развиваться голодный тифъ, а ждать помощи извнѣ было нельзя, и осажденные возлагали надежды лишь на милосердіе Божіе.

Въ это время прибыли въ качествѣ миссіонеровъ посланные изъ Константинополя, родомъ большею частью изъ Сиріи, 13 благочестивыхъ и святой жизни мужей для проповѣдыванія слова Божія между языческими племенами Кавказа.

Проводникомъ ихъ былъ св. Григорій.

Христіанамъ во время этой войны, было особенно плохо, если они попадали въ руки жестокаго князя Кахетіи, поэтому св. Григорій скрывался въ лѣсу Марткоби.

Князь, ради развлеченія, временами охотился.

Какъ-то разъ, на охотѣ, княжескій соколъ, преслѣдуя голубя, залетѣлъ въ лѣсъ и не вернулся. Люди, посланные на поиски, вернувшись доложили своему князю, что въ лѣсу видѣли человѣка, на колѣняхъ у котораго смирно пріютились соколъ и голубь. Съ недовѣріемъ выслушалъ князь разсказъ и лично пожелалъ увидѣть такое чудо.

Подъѣхавъ къ св. Григорію, онъ былъ пораженъ представившимся ему зрѣлищемъ и, понявъ, что передъ нимъ—праведникъ, обратился съ просьбою исцѣлить его хронически больного сына, обѣщая за это сдѣлаться христіаниномъ.

Св. Григорій согласился помолиться объ исцѣленіи молодого князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ снять осаду съ Греми, предсказывая, что князь все равно потерпитъ неудачу.

Тѣмъ не менѣе, упрямый князь Кахетіи отъ осады Греми не хотѣлъ отказаться, но въ это время къ осажденнымъ на помощь подоспѣло войско союзнаго племени, князь былъ совершенно разбитъ и съ остатками отряда бѣжалъ въ Кахетію.

Дома ждала его большая радость. Онъ нашелъ своего сына, съ дѣтства бывшаго калѣкой, совершенно здоровымъ и исцѣленнымъ отъ всѣхъ недуговъ.

Обрадованный князь сдержалъ свое слово и пригласилъ св. Григорія крестить княжеское семейство и весь народъ. Послѣ совершенія св. крещенія святитель подалъ князю рогъ съ виномъ, сказавъ ему: „Алла верды", т. е. Богъ подалъ. Присутствовавшій при этомъ народъ закричалъ: „Яхши іолъ", т. е. да будетъ добрый путь!

Съ тѣхъ давнихъ поръ и до нынѣшняго дня эти двѣ фразы привычно употребляются на Кавказѣ сотрапезниками при питьѣ вина.

Нель.

Кого изъ святыхъ больше почитаютъ осетины.

(Осетинская легенда, записанная со словъ жителя селенія Ольгинскаго, Терской области, Асланбека Мамсурова [1]).

Однажды въ осенній вечеръ ѣхали верхомъ Хуцаудзуаръ, Уастырджи, Тбау-уацыла, Аларды и Хоръ-уацыла. Захотѣлось имъ ѣсть и вдругъ они увидѣли въ сторонѣ отъ дороги пастуха съ громаднымъ стадомъ барановъ. Тогда они рѣшили попросить у него одного барашка, чтобы зарѣзать его, сварить и поужинать. Остановившись, они слѣзли съ лошадей, развели костеръ, а затѣмъ послали къ пастуху за барашкомъ Хуцау-дзуара. Приходитъ онъ къ пастуху и говоритъ:

[1]) Предлагаемая вниманію читателя легенда весьма распространена среди осетинъ; въ ней главную роль играетъ святой Георгій-побѣдоносецъ *(Уастирджи)*, занимающій въ миѳологіи осетинъ, среди множества другихъ чтимыхъ ими святыхъ, самое почетное мѣсто. Онъ является покровителемъ всѣхъ сирыхъ, убогихъ и убитыхъ горемъ. Онъ чаще другихъ сходитъ на землю, чтобъ узнать исполняютъ ли люди завѣтъ Христа: помогаютъ ли они другъ другу въ нуждѣ и горѣ. Появляясь среди людей, онъ принимаетъ видъ ни-

— Здравствуй, добрый человѣкъ. Да пріумножится твое стадо баранты.

— Благодарю за пожеланіе,—отвѣтилъ пастухъ.

— А нельзя-ли, добрый человѣкъ, попросить у васъ одного барашка? Я и мои товарищи—странники, проголодались въ пути, а съ собой мы не взяли, никакой провизіи.

— Отчего не дать, отвѣтилъ пастухъ, только видишь-ли въ чемъ дѣло: мой отецъ и братья давали каждому прохожему по барану; но не одинъ изъ нихъ „спасибо" имъ не сказалъ за это. Я не прочь дать тебѣ барана, только, ты долженъ сказать, кто ты?

Хуцау-дзуаръ назвалъ себя, а въ подтвержденіе того, что не обманываетъ пастуха, показался.

— Хорошо, отвѣтилъ пастухъ,—я вѣрю. И потому, что ты дѣйствительно Хуцау-дзуаръ, я тебѣ не дамъ барана. Попроси у меня простой смертный, я ему охотно дамъ, а тебѣ нѣтъ.

— Почему же?—удивился Хуцау-дзуаръ.

— А потому, что ты неправильно распредѣляешь между людьми блага жизни: богатому пріумножаешь богатство, а у бѣдняка отнимаешь послѣднее рубище; счастливаго и всѣмъ довольнаго человѣка ты еще болѣе услаждаешь жизнь, а несчастнаго ты своими преслѣдованіями доводишь до отчаянія, и ему становится все постыло на свѣтѣ, ты до самоубійства доводишь его. Несправедливо ты поступаешь съ людьми. Иди, и нѣтъ тебѣ ничего отъ меня...

Понурилъ голову Хуцау-дзуаръ и пошелъ обратно къ своимъ спутникамъ. А тѣ, будучи въ полной увѣренности, что онъ безъ барашка не вернется, подвѣсили къ костру котелъ съ водой, наточили ножи. Увидѣли они Хуцау-дзуара съ пустыми руками, и спрашиваютъ:—гдѣ же баранъ?

— Въ стадѣ, отвѣчалъ Хуцуа-дзуаръ.

— А ты отчего не принесъ его?

— Пастухъ не далъ.

— Это удивительно!—воскликнули святые. Какъ же это онъ могъ отказать тебѣ въ одномъ баранѣ? Это что-то не вѣроятно!

— Идите сами попросите,—отвѣтилъ Хуцау-дзуаръ и улегся около костра.

Вызвался итти къ пастуху Аларды.

— О,—проговорилъ онъ,—я живо приволоку не одного, а двухъ барановъ.

Приходитъ онъ къ пастуху, говоритъ ему привѣтствіе и проситъ одного барана.

— А ты кто такой?—спрашиваетъ пастухъ. Аларды объясняетъ ему, кто онъ такой и клянется въ томъ, что онъ его не обманываетъ.

— Ну, если тѣ Аларды, то нѣтъ тебѣ ничего отъ меня. Ступай обратно,—говоритъ пастухъ.

— Почему? спрашиваетъ Аларды.

— А потому,—отвѣтилъ пастухъ,—что не справедливо относишься къ людямъ: у бѣднаго человѣка ты допускаешь болѣзни загубить единственное дитя, а у богатаго—всѣ десять дѣтей ростутъ здоровыми, свѣжими. Иди отъ меня, не дамъ я тебѣ ничего.

Приходитъ Аларды къ своимъ спутникамъ и говоритъ: —Никакъ я не могъ отыскать пастуха—ушелъ онъ куда-то. Иди кто-нибудь другой.

Хуцау-дзуаръ усмѣхулся на слова Аларды, но ничего не сказалъ.

Пошелъ къ пастуху Тбау-уацыла и также пришелъ ни съ чѣмъ, потому что пастухъ не далъ ему барашка за то, что часто посылаетъ градъ на нивы бѣдняковъ и, такимъ образомъ, лишаетъ ихъ куска хлѣба, а у богатыхъ въ тоже время нива остается въ цѣлости.

Пришелъ онъ обратно, легъ у костра, не говоря ничего. Спутники его сами поняли, что не особенно то хорошо принятъ онъ былъ пастухомъ, разъ пришелъ съ пустыми руками.

Дошла очередь итти Хоръ-уацыла. Пришелъ онъ въ пастуху и принялся было расхваливать его стадо.

— Говори—кто ты?—сразу прервалъ его пастухъ,—я вѣдь знаю, зачѣмъ ты пришелъ.

Хоръ-уацыла объяснилъ кто онъ.

— Ну, ты иди поскорѣе отъ меня, не то я плохо поступлю съ тобой,—сказалъ пастухъ.

— За что? спросилъ хоръ-уацыла.—Я вѣдь ничего тебѣ дурного не сдѣлалъ.

— А вотъ за что—слушай: бѣдный человѣкъ трудится надъ пашней, поливаетъ ее потомъ и кровью своей, мучаетъ и скотъ. Посѣетъ онъ хлѣбъ и надѣется собрать хорошій урожай, а придетъ время уборки—у него на нивѣ одинъ бурьянъ растетъ. У богатаго же человѣка, который и безъ того ни въ чемъ не нуждается—всегда хорошій урожай. Это по твоему справедливо, а?... Говори!

Хоръ-уацыла постарался поскорѣе уйти отъ пастуха. Прибѣжалъ къ костру и говоритъ:—Это не пастухъ, а разбойникъ какой-то! Чуть было меня не прибилъ. Нѣтъ, ужъ видно, голодными мы ляжемъ спать, если онъ и Уастырджи откажетъ.

Тогда остальные святые, обратившись къ Уастырджи, сказали:—Иди, постарайся выпросить у этого скупого пастуха хотя бы самаго плохого барашка.

Уастырджи пришелъ къ пастуху, поздоровался съ нимъ.—Извини меня, добрый человѣкъ,—сказалъ онъ,—что я пришелъ къ тебѣ въ рваной, запачканной, грязной одеждѣ: у одного человѣка въ арбѣ колесо сломалось среди дороги, и я, помогая ему починять это колесо, запачкался въ грязи.

Пастухъ отвѣчалъ: — Я догадываюсь, господинъ, что ты Уастырджи, защитникъ всѣхъ несчастныхъ людей.

— Да, ты не ошибся: я—Уастырджи. Будь добръ, дай мнѣ одного барашка, я и мои спутники голодны.

— Не только одного, бери всѣхъ!—воскликнулъ пастухъ.—Я знаю, что только благодаря молитвамъ твоимъ передъ Господомъ и держится родъ людской на свѣтѣ. О, ты великій заступникъ за всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ людей.

Пастухъ палъ на землю и поклонился Уастырджи, а когда всталъ съ земли, то его уже не было около него: онъ съ барашкомъ на плечахъ стоялъ среди своихъ спутниковъ.

— Это удивительно! говорили они,—только тебѣ онъ не отказалъ въ просьбѣ, а всѣхъ насъ прогонялъ, точно мы ему причинили какое либо зло. Значитъ, изъ всѣхъ святыхъ народъ больше всѣхъ чтитъ тебя, Уастырджи.

Ев. Б—новъ.

щаго и проситъ милостыню. На тѣхъ людей, которые дѣлятся послѣднимъ кускомъ хлѣба съ нимъ, онъ испрашиваетъ благословеніе Божіе и ихъ матеріальное состояніе улучшается.

Далѣе слѣдуетъ святой—*Хуцау дзуаръ*, это—высшее существо, пекущееся о благѣ людей. Объясненія осетинъ относительно этого святого очень сбивчивы, противорѣчущи одно другому. *Тбау-уацыла* — св. Илья пророкъ; его представляетъ народъ громовержцемъ, грознымъ существомъ. Въ честь его воздвигается въ селеніяхъ горной Осетіи множество жертвенниковъ *(найфатовъ)*, на которыхъ для умилостивленія его, приносятся жертвы (молодые барашки). *Хоръ-уацыла*—святой покровитель плодородія полей. *Аларды*—по одной версіи святая великомученица Варвара, покровительница дѣтей, а по другой, болѣе распространенной,—святой покровитель больныхъ, недужныхъ людей; послѣдней версіи мы и придерживаемся въ изложеніи легенды.

Народные обычаи и ихъ значеніе.

I.

Значеніе народныхъ обычаевъ какъ драгоцѣнныхъ національныхъ сокровищницъ.—Живучесть ихъ и глубокая привязанность къ нимъ народа.—Взглядъ св. церкви на мѣстные обычаи.—Необходимость ихъ сбереженія.

Народные обычаи суть извѣстныя жизненныя нормы, живые не писанные законы, издревле выработанные народнымъ духомъ и вошедшіе въ плоть и кровь его, которымъ народъ слѣдуетъ вполнѣ добровольно, безъ принужденія и чѣмъ консервативнѣе народъ, тѣмъ больше сохранилось у него древнѣйшихъ обычаевъ. А такъ какъ наши горцы по своей замкнутости и изолированности отъ цивилизованнаго міра, больше живутъ жизнью своихъ предковъ, то въ средѣ его больше всего и сохранилось стародавнихъ обычаевъ, которые, какъ регуляторы ихъ жизнедѣятельности, имѣютъ основаніе въ протекшей жизни ихъ предковъ. „Ищите—говоритъ извѣстный ученый К. Д. Кавелинъ—въ основаніи обрядовъ, повѣрій, обычаевъ, былей, когда то живыхъ фактовъ ежедневныхъ, нормальныхъ, естественныхъ условій быта и вы откроете цѣлый историческій міръ, котораго тщетно будемъ искать въ лѣтописяхъ, даже въ самыхъ преданіяхъ, ибо народъ иногда и не помнитъ, какъ онъ жилъ въ отдаленной старинѣ, и не понимаетъ слѣдовъ этой жизни въ настоящемъ“ [1]). Правда, подъ новымъ воздѣйствіемъ постепенно измѣняется первоначальный смыслъ многихъ добрыхъ народныхъ обычаевъ сѣдой древности, но, тѣмъ не менѣе, народъ упорно ихъ придерживается, чтитъ ихъ, какъ завѣтъ мудрой старины глубокой и проявленіе національной самобытности.

Обыкновенно нація, помимо антропологическаго элемента, понимается какъ сумма обычаевъ, традицій, вѣрованій, общности исторической судьбы, законодательствъ, учрежденій, привычекъ, и самосознанія извѣстнаго народа съ роднымъ *языкомъ* во главѣ, какъ самымъ существеннымъ элементомъ личности [2]), почему, съ уничтоженіемъ ихъ, естественно теряются индивидуальныя особенности, которыми одна нація отличается отъ другой, уничтожается, такъ сказать, физіономія народа, его національный обликъ. Какъ устои націи, народные обычаи—это національная святыня, драгоцѣнная сокровищница завѣта предковъ, зиждительныя начала народнаго духа. Около религіозныхъ обычаевъ, какъ около своихъ завѣтныхъ и дорогихъ центровъ, вращается жизнь народа. Понятно, поэтому, что на народные обычаи слѣдуетъ всегда смотрѣть не иностранными космополитическими, а національными глазами и, при произнесеніи суда надъ мѣстными обычаями, нужно быть крайне осторожнымъ, такъ какъ поверхностное отношеніе къ нимъ приведетъ къ ошибочному мнѣнію. Между тѣмъ глубокое и всестороннее изслѣдованіе возбужденнаго вопроса покажетъ, что въ обычаяхъ этихъ скрывается первичная христіанская основа, освященная вѣками и они никогда не приводили нашихъ предковъ къ расколамъ и ересямъ. Не всѣ безусловно обычаи народа, которые заклеймены языческимъ прозвищемъ, имѣютъ оттѣнокъ языческій, также какъ не всѣ пышные обычаи цивилизованныхъ людей, напр. елка, святочныя гаданія, маскарады, чревовѣщанія, поздравленія съ ячменемъ [1]) и вообще разныя поздравленія, бой быковъ, бой пѣтуховъ и проч. имѣютъ въ своей основѣ строго христіанскія начала.

Возьмемъ для примѣра грузинскій народный обычай ღამის თევა (гамисъ тева)—*вигиліи* (vigiliae). По заведенному у грузинъ изстари обычаю, богомольцы наканунѣ великихъ и храмовыхъ праздниковъ проводятъ ночь въ бодрствованіи прямо подъ открытымъ небомъ, около почитаемой церкви, или въ близъ лежащей рощѣ и закалываютъ барановъ. Этотъ обычай почему то считаютъ языческимъ; не потому ли, что его нѣтъ у тѣхъ, которые гораздо позже грузинъ приняли христіанство и вслѣдствіе этого меньше сохранили древнѣйшихъ его традицій? Между тѣмъ обычай этотъ, подъ названіемъ всенощнаго бдѣнія, существовалъ у первыхъ христіанъ, существуетъ онъ и у католиковъ, и это народное празднество, или, вѣрованіе, приготовленіе къ празднику—преддверіе праздника—не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго, а тѣмъ болѣе преступнаго съ церковной точки зрѣнія. Не входя въ излишнія мудрствованія, мы должны смотрѣть на этотъ обычай, какъ на освященный уже христіанствомъ. Много обрядовъ христіанская церковь унаслѣдовала отъ европейской синагоги, хотя ветхозавѣтный культъ и былъ отмѣненъ, но теперь никто не станетъ считать ихъ нехристіанскими. Тоже самое слѣдуетъ сказать и касательно указаннаго нами обычая *гамисъ-тева* съ закланіями барановъ, начало которыхъ теряется въ глубокой древности, но онъ санкціонированъ церковью и съ этимъ слѣдуетъ считаться. Быть можетъ, многіе, даже изъ духовныхъ, и не подозрѣваютъ, что относительно грузинскихъ *вигилій* есть молитвословія, помѣщенныя въ грузинскомъ большомъ печатномъ требникѣ [2]). Очень жаль, что благочестивый обычай призывать Божіе благословеніе на богомольцевъ (ღამ ს თეველნი) выводится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Что же касается закланія барановъ, тельцовъ (კურ ტი), то этотъ обычай въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго духу христіанства. Это не есть жертва ветхозавѣтной синагоги, запрещенная армянамъ 99 правиломъ Трульскаго собора [3]), а есть народный обычай, вызванный необходимостью и освѣщенный вѣками. Отправляясь на сотни верстъ, для поклоненія почитаемой святыни, грузинъ, въ силу необходимости, долженъ взять съ собою живого барана, ибо мясо испортится въ дорогѣ. Барана приводятъ, для благословенія, къ духовному лицу и закалываютъ его не иначе, какъ давъ ему покушать благословенной соли. Что тутъ общаго съ кровавою ветхозавѣтной жертвою?

Есть у грузинъ въ высшей степени симпатичный въ религіозномъ отношеніи обычай: на храмовомъ праздникѣ составляется женскій импровизованный хоръ, который обходя вокругъ церкви, поетъ съ повтореніемъ (ორე რაღ) „დიდება და ღვთის დიდება“—„Слава и Богу и Слава“. Неужели этотъ обычай можно назвать не христіанскимъ только потому, что его нѣтъ у другихъ христіанскихъ народовъ и объ этомъ нѣтъ указаній въ церковно-богослужебныхъ книгахъ?! Пусть потрудятся вер-

---

[1]) Ан. Пыпинъ Исторія русской этнографіи, 1891 г. т. II, стр. 29.

[2]) „Я не понимаю перебѣжчиковъ—говоритъ Максъ Нордау въ своемъ сочиненіи, разсуждая о націи и значеніи національнаго языка,—отвергающихъ свою національность, принимающихъ чужой языкъ и всю жизнь коверкающихъ его, на посмѣяніе другимъ и къ стыду для самихъ себя. Люди, приносящіе эту жертву изъ трусости, слабости характера или глупости, все -таки заслуживаютъ еще состраданія. Но вполнѣ отвратительными являются лица, отрекшіяся отъ роднаго языка, т. е. отъ самихъ себя, и напяливщія на себя чужую шкуру ради личныхъ выгодъ. Они стоятъ ниже презрѣнныхъ скопцовъ, потому что тѣ кастрируютъ себя изъ религіознаго убѣжденія, между тѣмъ какъ ренегаты, ради денегъ и матеріальныхъ выгодъ, превращаютъ себя въ нравственныхъ евнуховъ. Нѣтъ такого слова, которое-бы совершенно точно могло выразить безграничную низость образа мыслей, дозволяющаго подобное ренегатство. Къ чести человѣчества да будетъ сказано, что эти гнусные ренегаты всюду образуютъ меньшинство; большинство же придерживается родного языка и сохраняетъ свою національность такъ же усердно, какъ жизнь“. Максъ Нордау. Въ поискахъ за истиной. Изд. третье, 1892 г. стр. 228—229.

[1]) Правила 51, 61 и 62 Трульскаго Собора изд. Казан. дух. Акад. т. VI.

[2]) ლოცვა ღამის თევად. დიდი კურთხევანი, გვ. 488—490, თავი 49.

[3]) „Въ армянской странѣ, какъ мы узнали, бываетъ и то, что нѣкоторые, варя части мяса, приносятъ участки къ святому жертвеннику и отдаютъ священникамъ, по обычаю“.

хогляды поглубже вникнуть въ этотъ обычай, сколько здѣсь истинно-христіанскаго и какое уваженіе выражается здѣсь къ слабому женскому полу, который безъ робости, какъ равноправный торжественно вступаетъ для прославленія имени Божія и мущины съ похвальнымъ сочувствіемъ относятся къ такому ихъ религіозному воодушевленію и энтузіазму! То же самое нужно сказать о мѣстныхъ обычаяхъ: „ქორწილი“, „ეკლესია“, „ღამისთევა“, „სულის ხსენება“, „ხატის ქვევრი“ и т. д. [1]).

Въ первенствующей церкви, когда ученіе Христа еще не успѣло распространиться повсемѣстно, въ нѣдрахъ церкви Христовой возникли такіе благочестивые обычаи, которые всѣми соблюдались, но въ оправданіе своей законности неимѣли письменнаго основанія. Сами Апостолы ссылаясь на обычаи (1 кор. XI, 16), требовали ихъ сохраненія. Апостолъ Павелъ пишетъ Тимоѳею: „о Тимоѳее! преданіе сохрани“ (1 Тим. гл. 6, ст. 20), и до самыхъ великихъ соборовъ при рѣшеніи церковно-практическихъ вопросовъ эти обычаи имѣли, такъ сказать, руководительное значеніе. И вселенскіе соборы, основывая на нихъ нѣкоторыя изъ своихъ постановленій, тѣмъ самымъ санкціонировали важность обычаевъ, требуя при этомъ ихъ соблюденія. Въ 39 правилѣ Трульскаго собора читаемъ слѣдующее: „богоносные отцы наши разсудили, чтобы въ каждой церкви сохранялись обычаи“.[2]).

Если такъ велико значеніе обычаевъ въ народной жизни вообще [3]) и если святые соборы и отцы церкви заповѣдуютъ хранить и соблюдать оные, то какъ послѣ этого относятся къ нимъ служители алтаря Господня? Смотрятъ-ли они на нихъ, какъ на нѣкоторое священное достояніе, священную неприкосновенность народа, или относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ? Въ отношеніи къ народнымъ обычаямъ грузинъ рѣзко бросается въ глаза два типа пастырей. Старики и по опытнѣе относятся къ нимъ снисходительно, разумно понимая ихъ значеніе, между тѣмъ какъ молодые смотрятъ на народные обычаи, какъ на маловажное, полагая что можно измѣнить и даже упразднить ихъ. И вотъ, поступивши въ приходъ и выказывая ревность не по разуму, они принимаютъ на себя роль реформаторовъ, руководствуясь якобы своими культурными воззрѣніями и начинаютъ безпощадно и безъ разбора коверкать и искоренять народные обычаи, не обращая вниманія на то, что этимъ они возбуждаютъ ропотъ въ народѣ и затрогиваютъ самыя дорогія для него чувства. А такъ какъ многіе обычаи являются выраженіемъ религіозности народа и на соблюденіе ихъ народъ смотритъ, какъ на исполненіе своихъ религіозныхъ обязанностей, полагая въ ихъ соблюденіи одно изъ средствъ къ благоугожденію Богу, то уничтоженіемъ ихъ, этихъ обычаевъ, подрывается нѣкоторымъ образомъ религіозность народа. Вообще пастыри Грузинской церкви должны твердо помнить, что народные обычаи представляютъ собою то нѣчто самобытное и оригинальное въ народной жизни, что каждому народу, вмѣстѣ съ прочими его особенностями, придаетъ особую характерную физіономію, такъ что искореняя обычаи, мы изглаживаемъ этимъ дорогія самобытныя черты народнаго духа [4]). Народные обычаи—это поэтическій лучъ отрады, просвѣчивающій черезъ вѣковыя непроницаемыя тучи. Для каждаго изъ насъ должны быть священны и дороги тѣ завѣты, которые отъ нашихъ предковъ донесли до насъ дни минувшіе и которые воплотились въ національныхъ обычаяхъ народа, освященныхъ церковной и сѣдой стариной. „Предъ нашею совѣстью—скажемъ словами досточтимаго заслуженнаго профессора Кіевской духовной Академіи В. Певницкаго [1])—изъ могилъ, хранящихъ остатки нашихъ отцовъ, отъ камней священныхъ зданій, сооруженныхъ ими для служенія Богу, въ которыхъ они желали увѣковѣчить для насъ святыя чувства, питавшія ихъ сердца, долженъ раздаваться трогательный умоляющій голосъ: Сынъ, моихъ заповѣдей не забывай (Притч. 3, 1.). Храни моя заповѣди, и поживеши, словеса-же моя яко зѣницы очію: обложи-же ими твоя персты, напиши-же я на скридкамъ сердца твоего“ (Притч. 7. 2—3).

II.

Религіозныя вѣрованія мохевцевъ.—*Деканозы*—избранники народа, отношеніе къ нимъ вѣнценосцевъ Грузіи и церковной іерархіи.—Заслуга института *деканозовъ* и условія, вызвавшія появленіе этой должности въ Грузинской церкви.—Враждебное отношеніе къ нимъ мѣстныхъ священниковъ.

Надо прежде всего замѣтить, что самая основа жизни и величайшій изъ уставовъ истинной культуры—религія, насажденная въ Мтіулетіи (ჯოჯოხეთი) еще каппадокійскими отцами, была въ самомъ печальномъ состояніи. Религіозное настроеніе между хевцами хотя еще мерцало, но христіанскій культъ, сильно поросшій плевелами, почти заглохъ. Причину такого печальнаго явленія слѣдуетъ искать въ прошлой исторіи народа. Во время тяжелыхъ бѣдствій, которыя переживала Грузія, Хевское ущелье, замыкавшее собою Грузинскія Ѳермопилы, служило оплотомъ Государства съ сѣвера и, вслѣдствіе непрерывныхъ вражескихъ нападеній, иногда лишались пастырей церкви, особенно послѣ упраздненія Цилканскаго епархіальнаго викаріанства (ბოლნისის-ციხის), имѣвшаго мѣстопребываніе въ Сіонѣ Кавказскомъ.

Но вѣнценосцы и іерархи Грузинской церкви не оставляли Хевцевъ (ჯოხეველნი) безъ пастырскаго своего надзора и попеченія. Въ 1736 году Арагвскій Эристовъ всю паству Цилканской епархіи отнялъ у нее, вслѣдствіе чего тамъ христіанство совсѣмъ ослабѣло. Царь Ираклій II, по просьбѣ Цилканскаго митрополита, все что было отнято Эриставомъ у его епархіи, возвратилъ ему[2]). Въ 1794 году архіепископъ Цилканскій, по приказанію царя Ираклія II, получивъ нужное пособіе, отправился въ Хевское ущелье „Прибылъ я сперва въ паству мою *Гудамакари* (გუდამაყრის)—пишетъ преосвященный Іоаннъ—куда вызвалъ именемъ царя 15 почетныхъ людей изъ Кацалъ-Хевцевъ и бесѣдовалъ съ ними апостольскимъ словомъ, но не нашелъ въ нихъ ничего противнаго моему ученію; они съ великою охотою просили у меня священниковъ изъ мтіулетинцевъ, которые и по нынѣ тамъ находятся и учатъ; они уже обратили все Кацальское ущелье, состоящее изъ 100 дымовъ. Оттуда я пошелъ въ верхніе предѣлы Гудамакари-Бакурхеви, населенные пшавцами. Уча ихъ словомъ апостольскимъ, я не встрѣтилъ между ними никакого противорѣчія. Я остался три дня и они обратились. Потомъ явился изъ другого селенія человѣкъ; мнѣ сказали: „это нашъ священникъ“. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ священниковъ, которые безъ книги заучили нѣсколько стиховъ изъ псалтыря и учатъ; произнесши ихъ, онъ ставитъ вино минуты двѣ, три,—и это называется обѣдней; мажетъ углемъ, съ произнесеніемъ тѣхъ же стиховъ,—и это называютъ крещеніемъ. По трехдневномъ моемъ назиданіи, онъ принялъ крещеніе и теперь всѣ они состоятъ подъ

---

[1]) Каждая мѣстность имѣетъ свои традиціи, свои обычаи. Такъ, въ Россіи есть обычай возлагать на больного воздухи (Церк. Вѣст. 1891, № 1), устраивать на погостѣ поминальныя трапезы для убогихъ „коляда“ „рушникъ“, „намитка“, „рубокъ“ и т. п. (Подольс. Епарх. изд. 1902 г. № 30, стр. 669—78).

[2]) Дѣянія Вселен. Соб. изд. при Казан. дух. Акад. т. VI, стр. 297.

[3]) Безпристрастное сужденіе о мѣстныхъ обычаяхъ Грузинской Церкви высказалъ извѣстный писатель генералъ Фадѣевъ „Русь“ за 1884 г. № 3.

[4]) Мудрое распоряженіе касательно мѣстныхъ народныхъ обычаевъ сдѣлалъ почившій волынскій архипастырь, Высокопреосвященнѣйшій Модестъ Под. Епар. Вѣд. 1892 г. № 19.

[1]) Церковныя Вѣдомости за 1891 г. стр. 439.

[2]) Д. Нурцеладзе. Грузин. Церк. Гуджары, стр. 24.

вѣдѣніемъ нашихъ священниковъ" [1]). Въ самомъ концѣ XVIII столѣтія, а именно въ 1798 году, въ виду упадка между мтіулетинцами христіанства, по предложенію Арагвскаго Эристава Заала, Цилканскій епископъ Романъ ѣздилъ въ Мтіулетію, окрестилъ всѣхъ жителей, причастилъ ихъ святыхъ тайнъ, поставилъ вездѣ духовенство и, подъ страхомъ наказанія, воспретилъ мірянамъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла и совершенія Таинствъ, причемъ мтіулетинцевъ обязалъ, чтобы каждое семейство на содержаніе духовенства давало священнику по одной коровѣ въ годъ. [2]).

Религіозное христіанское настроеніе поддерживалось между хевцами избранниками изъ народной среды, *деконозами* (დეკანოზი), являвшимися, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хранителями нѣкоторыхъ политическихъ обрядовъ, традиціи и вѣрованій, частью внушенныхъ самою природой, частью навѣянныхъ сосѣдствомъ съ другими горскими племенами. Они же были хранителями сказаній о національныхъ герояхъ, которыми не разъ воодушевлялся народъ въ критическія минуты своего существованія. Цари и Святители Грузіи, просвѣщенно понимая полезность института деканозовъ для заброшенныхъ въ кавказскихъ горахъ горцевъ, какъ свидѣтельствуетъ народная память, снисходительно относились къ этому продукту народно-религіознаго быта грузинъ-горцевъ, стараясь привязать ихъ къ православной церкви и, въ случаѣ ихъ подготовки, возлагать на нихъ обязанности старосты (ბჭოე) и вообще низшаго клира. Благодаря такому просвѣщенному воззрѣнію на дѣятельность деканозовъ царей и іерарховъ Грузіи, не находимъ въ грузинскихъ уложеніяхъ, ни гражданскихъ, ни церковныхъ, постановленія противъ инспектора деканозовъ.

Деканозы—это народные избранники, пользующіеся большою симпатіею народа и имѣющіе историческія заслуги. Избраніе деканоза происходитъ довольно торжественно предъ особенно чтимымъ мѣстнымъ святилищемъ и при громадномъ стеченіи горскаго населенія. Въ деканозы избирается наиболѣе свѣдущій и опытный въ общественныхъ дѣлахъ, обладающій даромъ слова изъ крестьянъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ быть заступникомъ и ходатаемъ по народнымъ дѣламъ. Избраніе и поставленіе его происходитъ по указанію свыше устами ქადაგი [3]) *кадаги*. Избранный долго отказывается отъ предлагаемой ему части, но единогласныя просьбы окружающихъ заставляютъ подчиниться гласу народа и общественному рѣшенію и онъ въ знакъ своего согласія приноситъ святому въ жертву быка.

Деконозъ долженъ вести строго умѣренный образъ жизни и соблюдать величайшую чистоту: онъ не долженъ ступать на слѣдъ менструирующихъ женщинъ; обязанъ воздержаться отъ половыхъ сношеній; не можетъ входить въ нижній этажъ дома, гдѣ живутъ женщины. Главная обязанность деканоза: закалывать приводимыхъ животныхъ, варить ლუდი—луди (пиво), мясо, зажигать свѣчи, принимать пожертвованія и т. п. Онъ же назначаетъ служителей церкви—молельни [4]); произноситъ при религіозныхъ церемоніяхъ благопожеланія, испрашиваетъ милости (დაწყალობება) приносящимъ жертвы и читаетъ своеобразныя молитвы на празднествахъ народныхъ („ჯვაროба", „ხატობა"). Ни одинъ образованный священникъ новаго поколѣнія не можетъ такъ приноровиться къ бытовымъ условіямъ жизни горцевъ, произнести такія удачныя, изъ глубины благожелательнаго сердца льющіяся, пожеланія счастія и изобилія плодовъ земныхъ,—какъ деканозы.. Они хранители народной мудрости и почетные совѣтники на собраніяхъ народныхъ (თემი, თემობა). Во многихъ заброшенныхъ и недоступныхъ мѣстахъ они сберегли самое имя христіанское, его настроеніе, соотвѣтствующія народныя преданія, церковную утварь и сокровища, для охраненія которыхъ нуженъ былъ заслуженный авторитетъ. Деканозство—это можно сказать, полуцерковнослужительская должность, которая настолько укоренилась въ теченіи послѣднихъ вѣковъ, что существуетъ полуоффиціально и до селѣ.

Должность деканозовъ въ прошлой церковной практикѣ Грузіи имѣетъ свое основаніе. Должность эта не самозванная, случайно появившаяся, а вызвана была, какъ это можно съ вѣроятностью предположить, необходимостью охраненія церковнаго достоянія и урегулированія ея хозяйства. Какъ видно изъ дошедшихъ до насъ грузинскихъ церковныхъ грамотъ, *деканозы* назначались завѣдывающими имѣніями и вообще всѣмъ церковнымъ и монастыркимъ хозяйствомъ. Такъ, изъ грамоты 1655 г. видно, что Андукапаръ, Гиви, Димитрій, Бардзимъ, Николай и Паата Амилахори съ сыновьями, видя разстройство дѣлъ монастыря Шіомгвимскаго, назначили *деканозовъ* для завѣдыванія дѣлами монастыря Наскидашвили. [1]). Такимъ образомъ, должность деканозовъ не есть явленіе неизвѣстное грузинской церкви, напротивъ, она въ древнее время хорошо была извѣстна и главная обязанность деканозовъ состояла въ правильномъ веденіи церковнаго хозяйства (მეკონე). Нѣчто подобное деканозамъ встрѣчается на Аѳонѣ. Тамъ правители скитскіе, въ глуши горъ и лѣсовъ, называются *дикеями*; они суть дѣльцы, т. е. непосвященные въ монашество. [2]).

Относительно церковнаго служенія деканозовъ должны сказать, что оно носитъ на себѣ слѣды глубокой древности. Несомнѣнно, появленіе этой должности обусловливалось обогащеніемъ церквей, расширеніемъ и осложненіемъ церковно-монастырскаго хозяйства, почему и сами деканозы въ старину причислялись къ клиру. Можно съ вѣроятностью предположить, что въ началѣ существовало особое рукоположеніе въ это служеніе, какъ это было установлено въ первенствующей церкви для *діаконисъ*. [3]). На это наводитъ насъ и самое названіе деканозы, почти до тождественности совпадающіе съ наименованіемъ діаконисъ, (пресвитерисъ), которыхъ Лаодикійскій соборъ воспретилъ ставить въ церкви [4]), хотя діаконисы продолжали существовать на Востокѣ до XIII вѣка.

Въ виду указанныхъ громадныхъ заслугъ деканозовъ въ протекшей церковно-государственной жизни Грузіи, мѣстное духовенство должно было въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ руководствоваться благоразумною умѣренностью. Но не то видимъ на самомъ дѣлѣ. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ мтіулетскихъ пастырей церкви, утверждая, что на горцевъ—мтіуловъ не дѣйствуетъ церковная проповѣдь въ отношеніи искорененія служенія „деканозовъ", приводятъ слѣдующій фактъ, разсказанный очевидцами. [5]). „Въ Млетскомъ приходѣ служилъ свя-

[1]) Донесеніе Цилканскаго архіепископа Іоанна Католикосу Антонію II, на Высочайшее имя Г. И. Павла I. Акты кавк. археогр. комт. I, стр. 532.

[2]) Д. Пурцеладзе. Грузин. Церк. Гуджары, стр. 25.

[3]) Наименованіе ქადაგი—Кадаги (прорицатель), не есть—ли составное слово: ქადა—слоеные грузинскіе пироги особаго приготовленія и вкуса, употребляемые грузинами и нынѣ и пекутся ими въ честь святаго Шіо Мгвимскаго въ четвергъ сырной недѣли, а также въ храмовые праздники мѣстночтимыхъ святыхъ; გი-божество древне-грузинскаго пантеона. Не приносилась-ли въ древности эта жертва ქადა божеству გი или გაი? Отсюда на грузинскомъ языкѣ проповѣдь—ქადაგება (кадагеба), проповѣдникъ—მქადაგებელი (мкадагебели), проповѣдывалъ—იქადაგა (икадага) и т. д.

[4]) Н. А. Худадовъ. Замѣтки о Хевсуретіи, извл. изъ 1-го вып. XIV кн. Записокъ Кавк. Отд. Импер. Русс. Геогр. Общ., стр. 34.

[1]) Д. Цурцеладзе. Ibit. стр. 98.

[2]) П. И. Іосселіани. Описаніе города Душета, стр. 22—23;

[3]) Молитва, читавшаяся при рукоположеніи діаконисъ, сохранилась въ постановленіяхъ апостольскихъ.

[4]) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ, изд. при Казан. дух. Акад. XI-ое правило Лаодикійскаго собора, стр. 50.

[5]) Этотъ фактъ былъ уже оглашенъ въ печати: საქართვ. ხახულიერო მაბარ. 1866 წ. № 4, ლომისის წმიდა გიორგის ეკლესია, გ. მაღლაკელი, გვ. 384—386.

щенникъ о. Іеронимъ Садзагеловъ, человѣкъ образованный, способный и не щадившій ни силъ, ни здоровья своего на просвѣщеніе горцевъ. Покойный о. Іеронимъ Садзагеловъ, какъ говорятъ лично знавшіе, своими безпрестанными пастырскими наставленіями желалъ достичь въ горахъ единственной цѣли—искорененія общественныхъ моленій, совершаемыхъ „деканозами". Но увы! этотъ труженникъ, чуть было мученически не пострадалъ и не сдѣлался жертвою горцевъ. Однажды онъ, въ день храмового праздника „Ломисоба", куда съѣзжаются на богомолье не только горцы Душетскаго уѣзда, но и другіе грузины со всѣхъ мѣстъ Тифлисской губерніи, послѣ назидательнаго слова къ народу о значеніи праздника, взялъ самъ мѣстночтимую святыню и хотѣлъ было совершить крестный ходъ; но народъ въ тотъ же моментъ взбунтовался и, когда онъ хотѣлъ идти съ крестнымъ ходомъ отъ извѣстнаго мѣста къ церкви, всѣ въ одинъ голосъ запротестовали и начали бросать въ него камнями. Видя неминуемую смерть, о. Іеронимъ Садзагеловъ въ облаченіи и съ крестомъ въ рукахъ бросился бѣжать прямо къ церкви, въ которую во время успѣлъ забѣжать и извнутри запереть двери. Разъяренная толпа горцевъ, говорятъ очевидцы, хотѣла выломать двери и убить его, но благодаря распорядительности командира неподалеку отъ того мѣста квартировавшаго батальона, солдаты во время успѣли спасти его отъ смерти. И вотъ, читатель—восклицаетъ одинъ изъ мтіулетскихъ іереевъ—извольте искоренить этотъ обычай безъ содѣйствія гражданской власти!" [1]). Почтенный пастыръ забываетъ, что и бывшій Млетскій благочинный священникъ Іеронимъ Садзагеловъ, покойный нашъ отецъ, руководствуясь въ своей пастырской практикѣ, сообщенными ему въ Тифлисской духовной семинаріи невѣрными свѣдѣніями о деканозахъ и вообще о мѣстныхъ обычаяхъ, взялся за дѣло не съ должною осмотрительностью и хладнокровіемъ. Прежде чѣмъ искоренить какой либо мѣстный обычай нужно постараться узнать его происхожденіе и смыслъ, ибо для уразумѣнія настоящаго, необходимо изученіе прошедшаго,—это аксіома, и въ своихъ дѣйствіяхъ ограничиваться духовными средствами, а не прибѣгать къ полицейскимъ. Вообще крутая ломка извѣстнаго жизненнаго строя очень опасна: вмѣсто ожидаемыхъ хорошихъ результатовъ она можетъ дать совершенно противоположное.

Е. К.

НАРОДНЫЯ ПРАЗДНИКИ

и праздничныя обычаи христіанскаго населенія за Кавказомъ и преимущественно въ Тифлисѣ. [2]).

I.

Въ отдѣльной личности, также какъ и въ цѣломъ народѣ, нѣтъ ни одного проявленія, которое не свидѣтельствовало бы о какой нибудь изъ ихъ важныхъ характеристическихъ особенностей. Эта истина до такой степени несомнѣнна, что въ отношеніи къ цѣлымъ нашимъ, иногда есть возможность опредѣлить ихъ общій отличительный характеръ на основаніи лишь изученія ихъ искусства, ихъ нравовъ и обычаевъ; а въ отношеніи къ отдѣльнымъ личностямъ,—въ концѣ XVIII вѣка образовались основныя положенія новой науки, которая признала возможнымъ опредѣлить свойства характера и даже темпераментъ лицъ по однимъ лишь очертаніямъ ихъ наружныхъ органовъ, по одной физіономіи: мы говоримъ о *физіономоникѣ*, получившей начало въ необычайной наблюдательности извѣстнаго Лафатера.

Преувеличеніе, любящее каждую новую мысль доводить до крайностей, пока время и анализъ не введутъ её наконецъ въ приличныя для нея границы,—постигло оба вышеуказанные способа опредѣленія—какъ народныхъ, такъ и личныхъ характеристикъ. Въ большей части курсовъ исторіи литературы любого народа, или въ изслѣдованіяхъ той или другой отрасли его искусства, или въ описаніяхъ его нравовъ и обычаевъ,—авторы этихъ ученыхъ изслѣдованій охотно присвояютъ своему предмету исключительную важность для опредѣленія характера народа, обратившаго на себя ихъ вниманіе. Такимъ образомъ, авторъ исторіи литературы извѣстной націи всегда готовъ утверждать, что ничто лучше народной письменности не характеризуетъ народнаго духа; авторъ курса архитектуры той же націи точно такую же важность приписываетъ своему предмету; путешественникъ, подмѣтившій нѣсколько народныхъ обычаевъ, обрядовъ или привычекъ,—утверждаетъ, что эти проявленія всего болѣе способствуютъ къ познанію духа описанной имъ націи... То же самое преувеличеніе довело до крайнихъ предѣловъ и науку Лафатера. На основаніи физіономіи человѣка стали не только опредѣлять его душевныя свойства, но и гадать о его будущности...

Не взирая, однако, на такія искаженныя истины, послѣдняя не утратила своего значенія въ отношеніи къ физіономикѣ: изученіе наружныхъ очертаній и взаимнаго соотношенія внѣшнихъ органовъ человѣка—неоспоримо доставляетъ опытному наблюдателю нѣкоторое, впрочемъ ограниченное, познаніе изучаемой личности... Точно также истина не утратила своего достоинства въ отношеніи къ дѣйствительно существующей возможности познавать духъ и характеръ народа чрезъ изученіе его исторіи, литературы, искусства, промышленности, домашнихъ и общественныхъ привычекъ, религіозныхъ обрядовъ, и *праздничныхъ обычаевъ*! Но, какъ въ физіономикѣ, такъ и въ наукахъ, занимающихся разными проявленіями духа народнаго—не должно допускать исключительности. Каждое проявленіе человѣка и народа почти въ одинаковой степени можетъ характеризовать ихъ; ни одно изъ отдѣльныхъ проявленій не имѣетъ въ этомъ отношеніи значительнаго преимущества передъ другими,—и только всѣ онѣ вмѣстѣ, въ совокупности изслѣдованныя, могутъ дать нашей любознательности полное и вѣрное понятіе о народѣ или объ отдѣльной личности.

Такимъ образомъ, и изученію *праздничныхъ обычаевъ христіанскаго населенія на Кавказѣ*, составляющихъ предметъ настоящихъ изысканій, несправедливо было бы присваивать исключительную важность, для рѣшительнаго опредѣленія духа и характера христіанскихъ народовъ, живущихъ подъ сѣнью горныхъ исполиновъ Кавказа. Но, тѣмъ не менѣе, предметъ нашъ:—*праздничные здѣшніе обычаи*—долженъ разъяснить намъ *многое* въ этомъ отношеніи. Чтобы опредѣлить сущность этого *многаго*,—бросимъ бѣглый взглядъ на всѣ главнѣйшія проявленія народной жизни и посмотримъ, чѣмъ именно характеризуется каждое изъ этихъ проявленій въ частности?

Достояніе всякаго народа, неутратившаго своей самобытности, состоитъ прежде всего въ нравственномъ богатствѣ его: въ религіи.—За нравственнымъ богатствомъ слѣдуетъ богатство матеріальное: промышленность, торговля. На основахъ нравственнаго и матеріальнаго богатства зиждется благосостояніе народное, обусловливающее собое развитіе общественности, языка, домашнихъ и общественныхъ нравовъ. Увеличеніе благосостоянія и общественности влечетъ за собою утонченность въ требованіяхъ жизни,—слѣдовательно, является развитіе вкуса: являются роскошь въ обычаяхъ, самобытныя или своеобразныя художества, оригинальная литература, и, наконецъ, при высшемъ развитіи всѣхъ условій

[1]) Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата за 1902 г. №№ 7—8. „Чирикскій приходъ", священ. Д. Мчедлидзе, стр. 26—27.

[2]) Газета „Кавказъ" 1855 г. № 1, 2, 4, 7 и 9.

благостоянія, является наука, философія и политика въ высшемъ ихъ значеніи.

Всѣ исчисленныя принадлежности народнаго достоянія оставляютъ по себѣ слѣды или памятники, въ которыхъ онѣ проявлялись. Изученіемъ этихъ памятниковъ, или еще живыхъ слѣдовъ народной жизни, и пріобрѣтается познаніе народа. Такимъ образомъ познаніе философіи, литературы и политической исторіи народа—всего полнѣе знакомитъ насъ съ жизнію народовъ цивилизованныхъ. Для изученія націй, стоящихъ на низшей степени просвѣщенія, остаются намъ ихъ искусства, словесность, ремесла, обычаи и обряды... Такъ, въ архитектурныхъ памятникахъ изучаются механическія свѣдѣнія народа и направленіе его вкуса; въ поэзіи—его міросозерцаніе, или степень развитія творческихъ способностей и воображенія; въ напѣвахъ—степень звукоподражательности или сочувствія къ гармоніи; въ танцахъ—большая или меньшая грація и *страстность* темперамента; въ промышленности и ремеслахъ—развитіе производительнаго духа, изобрѣтательности, и опять вкуса; наконецъ, въ увеселеніяхъ и праздничныхъ обычаяхъ и обрядахъ—*свойство и степень религіозно-нравственнаго развитія*.. Останавливаясь на послѣднемъ изъ этихъ положеній, нельзя не подкрѣпить его той неоспаримой истиной, что всѣ праздники и праздничные обычаи у всѣхъ народовъ имѣютъ основаніе въ религіи. Доказательство тому легко найти въ вакханаліяхъ, элевзинскихъ таинствахъ и олимпійскихъ играхъ грековъ, въ жертвоприношеніяхъ и кровавыхъ оргіяхъ язычниковъ Индіи и солнцепоклонниковъ древней Мехики, въ байрамѣ у мусульманъ, и даже въ чествованіяхъ священныхъ воспоминаній о Богочеловѣкѣ и о святыхъ Мужахъ и Женахъ христіанства—у христіанъ. Торжества, основанныя на воспоминаніяхъ побѣдъ и другихъ народныхъ или политическихъ событій, по сравнительной малочисленности своей, не составляютъ опроверженія этому положенію.

Съ другой стороны, на *праздничныхъ обрядахъ и обычаяхъ* лежитъ отпечатокъ нравственныхъ свойствъ народа и степени его цивилизаціи... Въ этомъ убѣждаетъ насъ опытность, указывающая, что чѣмъ чище и возвышеннѣе религія, служащая основаніемъ праздничныхъ обычаевъ,—тѣмъ болѣе очищены и облагорожены и самые обычаи, и тѣмъ чище народная нравственность... И, во вторыхъ,—чѣмъ болѣе удалился народъ на пути къ просвѣщенію отъ простодушныхъ или непосредственныхъ религіозныхъ вѣрованій,—тѣмъ менѣе символическихъ условій и обрядовъ въ его праздничныхъ обычаяхъ.

Изъ всего сказаннаго, кажется, достаточно обнаруживается та связь между нравственно-религіознымъ развитіемъ народа и его *праздничными обычаями*, которая привела насъ къ заключенію, что въ послѣднихъ, болѣе чѣмъ въ чемъ-либо, *наглядно* проявляется религіозно-нравственная сторона каждаго народа. Поэтому, не распространяясь болѣе о точкѣ зрѣнія, съ которой мы смотримъ на предметъ настоящей статьи, и съ которой желали бы показать нашимъ читателямъ,—мы прямо перейдемъ къ главной, *фактической*, и обширнѣйшей части нашихъ изысканій о праздничныхъ обычаяхъ христіанскаго населенія на Кавказѣ и преимущественно въ средоточіи Закавказскаго края: въ Тифлисѣ.—Но, прежде, позволимъ себѣ еще нѣсколько необходимыхъ поясни-тельныхъ замѣчаній.

Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ писателей [1]), говоря о матеріалахъ для изученія Кавказа, остроумно замѣтилъ, что не недостатокъ въ нихъ, а излишнее богатство и *разрозненность*—составляютъ до сихъ поръ существенное препятствіе къ составленію такого сочиненія о Кавказѣ, которое могло-бы служить полнымъ и послѣдовательнымъ сводомъ всѣхъ интересныхъ о немъ свѣдѣній. Дѣйствительно, изумляясь огромному количеству существующихъ письменныхъ свидѣтельствъ о Кавказѣ и Закавказскомъ краѣ, [1]) мы не находили не только ни одного полнаго и удовлетворительнаго описанія этихъ интереснѣйшихъ областей Россіи, но даже не знаемъ ни одной библіотеки, которая вмѣщала бы въ себѣ *всѣ* эти свидѣтельства, и, такимъ образомъ, облегчала бы трудолюбію и любознательности задачу составленія полной монографіи о здѣшнемъ краѣ. Такой трудъ еще въ будущемъ... Въ настоящее же время, всякому, желающему направить свои изысканія хотя на одну какую нибудь отрасель свѣдѣній о Кавказѣ,—предстоитъ немаловажный трудъ долговременнаго, и часто неудовлетворительнаго собиранія матеріаловъ, разрозненныхъ и разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ. Точно такъ и извѣстія *о праздничныхъ обычаяхъ здѣшняго христіанскаго населенія*—не могли быть собраны во-едино иначе, какъ послѣ долговременныхъ поисковъ между печатными свѣдѣніями объ этомъ предметѣ и послѣ провѣрки ихъ свѣдущими въ этомъ дѣлѣ туземцами.

По этой же самой причинѣ,—а отчасти и по обширности самаго предмета, происходящей отъ разнообразія христіанскихъ племенъ и мѣстныхъ видоизмѣненій ихъ быта на Кавказѣ,—*не всѣ* праздники, и *не всѣ* праздничные обычаи могутъ войти въ составъ настоящаго изысканія,—а только *наиболѣе извѣстные или прежде описанные*... Говоримъ это съ тою цѣлью, чтобы обѣщать не болѣе того, сколько можемъ выполнить...

II.

Въ хронологической *годичной* послѣдовательности праздниковъ,—на первомъ мѣстѣ конечно долженъ быть поставленъ Новый годъ. Слѣдовательно и начинаемъ съ перваго дня перваго годичнаго мѣсяца.

ЯНВАРЬ.

Новый годъ [2]). Передъ Новымъ годомъ въ домахъ богатыхъ туземцевъ,—точно такъ, какъ и у русскихъ живущихъ въ Тифлисѣ, съ вечера за полночь блестятъ изъ оконъ веселые огни,—и первое мгновеніе Новаго года встрѣчается напѣненными бокалами шампанскаго. Но въ среднемъ и низшемъ туземномъ населеніи—эта встрѣча отличается особыми обыкновеніями. Къ Новому году приготовляются за долго. Въ Тифлисѣ канунъ Новаго года принадлежитъ къ самымъ прибыльнымъ днямъ для торгующихъ сластями и фруктами. Каждая добрая хозяйка-грузинка заблаговременно запасается множествомъ фруктовъ, орѣховъ, изюму, меду, миндалю и леденца. Армянскій базаръ, это всеобщее тифлисское депо, оглашается неумолкаемыми криками *зазывателей*. Крикуны въ лавкахъ бакалейщиковъ и конфетчиковъ усердно исполняютъ свою обязанность, зазывая съ улицы покупателей. Тутъ то запасаются всѣмъ необходимымъ добрыя домохозяйки, и возвратясь домой, принимаются за стряпню. Онѣ пекутъ *хлѣбы счастія*, обсыпая ихъ изюмомъ. Хлѣбы эти должны непремѣнно высоко подняться въ печи,—если же который нибудь опадетъ,—это считается дурнымъ предзнаменованіемъ для того изъ членовъ семейства, кому онъ предназначается. Кромѣ хлѣбовъ счастья—пекутся такъ называемые *бакила* или *басила*—нѣчто въ родѣ пряниковъ, имѣющихъ различныя формы: напримѣръ форму книги, пялецъ, иголки, ножницъ, пера, смотря по-

[1]) Графъ В. А. Сологубъ въ своемъ предисловіи къ 1-й книжкѣ записокъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

[1]) См. списокъ сочиненій или источниковъ для изученія Кавказа, составл. Г. Токаревымъ, (Газ. „Кавказъ“ 1847 и 1848) и Библіограф. Замѣтки А. А. Харитонова во II-й кн. Запис. К. О. И. Р. Г. Об.

[2]) Новый годъ прежде праздновался въ Грузіи 1 сентября, какъ и у насъ въ Россіи до Петра Великаго.

тому, кто какимъ ремесломъ занимается. Особый хлѣбъ или пряникъ печется въ видѣ человѣческой фигуры: этотъ предназначенъ въ память св. Василія Великаго, чествуемаго православною церковью въ первый день года, и называемаго у грузинъ „Басила". Вечеромъ, наканунѣ Новаго года, варятъ *гозинаки*—то есть грецкіе орѣхи или миндаль въ меду, или густо вытопленный медъ. *Гозинаки* составляютъ одно изъ любимѣйшихъ лакомствъ туземцевъ. Разложивъ его на тарелки, грузины разсылаютъ его друзьямъ и знакомымъ вмѣстѣ съ привѣтствіемъ на Новый годъ. Получившіе такое привѣтствіе отдариваютъ за него яблоками, утыканными гвоздикой, или посылаютъ леденцы и другія лакомства, приговаривая: „желаю тебѣ состарѣться въ сладости". Съ разсвѣтомъ перваго дня Новаго года хозяинъ, прежде всѣхъ домашнихъ входитъ въ главную комнату своего жилища съ подносомъ, наполненнымъ хлѣбами счастья и сосудами съ медомъ. Подносъ, называемый по грузински *табла*, обставленъ четырьмя восковыми свѣчами, которыя нарочно отлиты самой хозяйкой. При входѣ въ комнату, хозяинъ произноситъ: „я вошелъ въ домъ да помилуетъ васъ Богъ! Нога—моя, но слѣдъ да будетъ Ангела". За тѣмъ обходитъ съ подносомъ всѣ комнаты (или комнату) выражая желаніе, чтобы весь наступающій годъ былъ столько-же обиленъ всѣми благами жизни, сколько обильна разными лакомствами его ноша. За хозяиномъ долженъ войти кто нибудь посторонній,—и каждое семейство имѣетъ на этотъ случай своего завѣтнаго гостя, который, по народному повѣрью, приноситъ счастіе дому.

Наканунѣ же, или въ первый день Новаго года, каждый имѣющій ружье, долженъ непремѣнно выстрѣлить изъ него хоть одинъ разъ: въ знакъ торжества надъ врагами. Въ прежнія времена князья и почетнѣйшіе сановники, являлись съ поздравленіемъ къ царю, бросали пулю на столъ, стоявшій передъ нимъ, и произносили: „въ сердце врага твоего". [1]).

Всѣ эти обычаи, сохраняясь теперь только между простолюдинами и людьми средняго сословія, мало по малу выводятся въ Грузіи; при томъ же, только этими обыкновеніями—у грузинъ и ограничивается встрѣча Новаго года, если не прибавить къ тому зурну, которая въ теченіи цѣлаго дня, особенно же вечеромъ, неумолкаемо гудитъ въ знакъ общаго веселья.

У Осетинъ праздникъ Новаго года извѣстенъ подъ именемъ *Ногъ Бонъ* что въ буквальномъ переводѣ значитъ *новый день*. Приготовленія къ празднику весьма сходны съ грузинскими обыкновеніями. Хозяйки задолго до праздника гонятъ *араку*—водку изъ проса или ячменя, приготовляютъ *бузу*—что-то въ родѣ браги, и варятъ вино; потомъ приготовляютъ изъ муки разныя фигуры, также называемыя Басила—Василій, что между прочимъ, доказываетъ сохраніе у осетинъ остатковъ христіанства, которымъ они были просвѣщены еще при царицѣ Тамарѣ. Наканунѣ Новаго года осетинскіе аулы оглашаются стрѣльбою изъ ружей и пистолетовъ, заряженныхъ пулями. Шумъ, суматоха и стрѣльба продолжаются во всю ночь. Обычай стрѣлять при встрѣчѣ Новаго года основанъ у осетинъ на повѣрьи, отличающемся отъ грузинскаго. Осетины стрѣляютъ вверхъ, въ воздухъ, прицѣлившись въ луну, вслѣдствіе убѣжденія, что разъ въ году, именно въ эту ночь, луна находится въ крайней опасности отъ какого-то дракона (*арви калмъ*) или небеснаго змѣя, угрожающаго ей совершенной гибелью [2]). Къ разсвѣту Новаго года всѣ мальчишки и парни надѣваютъ свои лохмотья на выворотъ, и обходятъ всѣ сакли аула съ привѣтствіями и пѣснями, въ которыхъ выражаютъ желанія счастія домохозяевамъ; мужчинамъ—на охотѣ и въ бою, а женщинамъ въ родахъ, при чемъ желаютъ, чтобы привѣтствуемая родила *сыновей*... За привѣтствіе поздравители получаютъ въ даръ разныя снѣди осетинской праздничной кухни, и набравъ всего вдоволь, начинаютъ гдѣ нибудь на открытомъ мѣстѣ пиршество, оканчивающееся обыкновенно пьянствомъ и дракой [1]).

Осетины празднуютъ Новый годъ въ одинъ день съ нами. *Ингуши, кистины, галгаи* тремя днями ранѣе насъ. Эти послѣднія племена, хотя менѣе осетинъ могутъ быть причислены къ христіанскому населенію Кавказа,—однако въ обычаяхъ своихъ также сохранили замѣтные остатки христіанства. Также какъ и осетины, они празднуютъ Новый годъ, Троицу и день св. пророка Иліи.

Для празднованія Новаго года ингуши, кисты и галгаи собираются въ горы, и тамъ приносятъ жертвы *Гальерду*, почитаемому ими за святого. Этотъ святой не имѣетъ собственно никакого олицетворенія; онъ считается духомъ, но въ честь его посвящены церкви и часовни, оставшіяся отъ временъ христіанства. Жертвоприношенія состоятъ изъ разныхъ произведеній горского хозяйства,—но преимущественно изъ вновь отлитыхъ пуль. Наканунѣ Новаго года происходятъ гаданья: избранные или *одаренные* ложатся животомъ на землю, остаются въ этомъ положеніи цѣлую ночь, а въ день Новаго года объявляютъ суевѣрнымъ о томъ, что они будто-бы слышали, лёжа и прислушиваясь къ землѣ. Многіе жители равнинъ нарочно ѣздятъ на этотъ день въ горы, чтобы услышать предсказанія одаренныхъ предвѣдніемъ.

Замѣчательны также обычаи при встрѣчѣ Новаго года у *армянъ*.

Въ то самое время, когда въ домахъ закавказскихъ армянъ, также какъ и у прочихъ христіанъ, зажигаются огни и собираются ближніе и родные для праздника,—въ каждой армянской кузницѣ раздаются три мѣрныхъ, звонкихъ удара. Удары эти многозначительны.

Наканунѣ Новаго года молотъ каждаго армянскаго кузнеца опускается не на раскаленное желѣзо, рождающее тысячи огненныхъ брызговъ,—нѣтъ, молотъ звонко ударяетъ три раза по наковальнѣ. Чтобы объяснить смыслъ и происхожденіе этого обычая, нужно разсказать старую историческую сказку, гдѣ героями будутъ: доблестный, славный царь и пылкій, страстный, порочный сынъ его. Царь назывался Арташесомъ, а сынъ его,—Артавадзомъ. Это было въ началѣ II вѣка по Р. Х. Неуживался сынъ съ отцомъ: онъ принадлежалъ къ тѣмъ страстнымъ натурамъ, которыя не любятъ надъ собою власти, которыя не хотятъ знать преградъ своимъ страстямъ. Наставленія отца ему наскучили, жизнь безъ своеволія ему опротивѣла. Когда Арташесъ оставилъ свѣтъ и тронъ,—не сожалѣніе и скорбь стали терзать Артавазда: онъ почувствовалъ зависть къ отцу за любовь къ нему народа.

Тогда раскрылись мертвыя уста и на голову строптиваго сына пало отцовское проклятіе. Усопшій предрекъ ему гибель на охотѣ и плѣненіе злыми духами. Предсказаніе вскорѣ сбылось. На ловлѣ звѣрей у подножія Арарата Артавазда увлекся жаромъ и горячею лошадью: и, по словамъ Моисея Хоренскаго, низрынулся въ пропасть. Въ народѣ разнеслась молва объ исполненіи пророческаго проклятія Арташеса, о заключеніи Артавазда злыми духами въ ущельяхъ Арарата. Жрецы при этомъ случаѣ внушили народу, что нужно еще опасаться появленія Артавазда, что двѣ собаки неусыпно грызутъ его цѣпи, и перегрызши, дадутъ ему волю опустошать землю армянскую. Предсказывая это событіе къ началу *Новсарда* (Новаго года), они совѣтывали новому царю приказать кузнецамъ бить въ это время молотомъ три раза по наковальнѣ, чтобы укрѣпить цѣпи, которыя къ тому дню, дѣятельностью собачихъ зубовъ, дѣлаются тоньше волоса. [2]).

Этой баснѣ отъ души вѣритъ каждый армянскій кузнецъ, и, потому, ежегодно исполняя вѣковой обычай, съ совершенной искренностью убѣжденія приговариваетъ

[1]) Указаніе І. Романова.

[2]) Замѣчательно, что подобный-же обычай есть у китайцевъ.

[1]) Указ. Н. Г. Берзенова.

[2]) Указ. Г. А. Эмфіаджіанца.

слѣдующія слова.. „А ты сиди Артаваздъ въ ущельи! цѣпи твои, тонкія какъ волосъ, не разорвутся, а снова укрѣпятся, и не будешь ты рыскать по бѣлу свѣту!“...

Замѣчательно, что этотъ армянскій обычай существуетъ и у грузинъ, но только въ другую эпоху года,—а именно въ утро страстного или великаго четверга, и основаніемъ своимъ имѣетъ значительно-измѣненное армянское повѣрье [1]). Вонъ оно: въ одной изъ пещеръ Ялбуза,—а Ялбузъ, т. е. Эльбрусъ, въ понятіяхъ грузинъ тоже, что Лысая гора у русскихъ или Броккенъ у германцевъ,—и такъ, въ одной изъ Ялбузскихъ пещеръ томится страшный узникъ, богатырь *Амиранъ*, заключенный туда по велѣнію Бога, съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, на которой этотъ Прометей грузинскихъ легендъ прикованъ къ скалѣ, такъ крѣпка, что никакія силы не могутъ разорвать её. Съ Амираномъ въ пещерѣ находится щенокъ—единственный другъ, раздѣляющій съ нимъ заточеніе; собака безъ устали лижетъ оковы своего господина, и давно успѣла-бы разорвать ихъ, если-бы ежегодно, *въ утро страстного четверга,* кузнецы *всей Грузіи* не ударяли три раза о наковальню; отъ этихъ ударовъ цѣпь Амирана пріобрѣтаетъ свою первоначальную толщину, и такимъ образомъ узникъ осужденъ на тяжкую неволю до дня свѣтопреставленія.

Преданіе объ узникѣ, заключенномъ въ горной пещерѣ, встрѣчается не только у многихъ христіанскихъ племенъ Кавказа, но даже и у черкесовъ, или племени Адыге, обыкновенно называемыхъ атыхейцами. У послѣднихъ *великанъ* прикованъ въ вершинѣ Эльбруса и будетъ томиться тамъ пока земля не перестанетъ производить камышъ и ягнятъ. Страданія его выражаются мощными движеніями, потрясаютъ землю, производятъ громы и молнію.

У тушинъ преданіе объ узникѣ почти тожественно съ преданіемъ грузинскимъ. У нихъ тоже *Амиранъ* закованъ въ цѣпи на горѣ Амиранской за дерзость противъ Творца. Вѣрныя собаки день и ночь грызутъ цѣпи Амирана, а онъ порывается схватить мечъ, лежащій подлѣ него, и ко дню Новаго года уже касается его концами пальцевъ. Но кузнецы, которымъ, вмѣстѣ съ прочими людьми, пришлось-бы плохо отъ руки освобожденнаго Амирана, ударяютъ трижды молотомъ по желѣзу, вслѣдствіе чего оковы узника укрѣпляются, и снова для него настаётъ годъ страданій и надеждъ на собачьи зубы [2]).

Намъ еще остаётся сказать о новогоднихъ обычаяхъ нѣкоторыхъ другихъ христіанскихъ племёнъ Кавказа.

6 Января, день Богоявленія или Крещенія въ хронологическомъ порядкѣ слѣдуетъ за Новымъ годомъ. Этотъ праздникъ не имѣетъ такого всеобщаго значенія на Кавказѣ, не сопровождается такимъ разнообразіемъ знаменательныхъ обычаевъ, какъ 1-й день Новаго года. По этому всего замѣчательнѣе его празднованіе въ Тифлисѣ, гдѣ благоустроенная іерархія предшествуетъ народу въ чествованіи священнаго христіанскаго воспоминанія. Впрочемъ и при этомъ праздникѣ не обходится безъ нѣкоторыхъ характеристическихъ особенностей. Обыкновенно въ Тифлисѣ, по окончаніи литургіи, происходитъ торжественный крестный ходъ на р. Куру къ *Іордану,* при церковномъ парадѣ войскъ, и многочисленномъ стеченіи народа, покрывающаго разнообразными конными и пѣшими группами берега и всѣ возвышенія около рѣки. Едва только совершится священное погруженіе Креста, какъ мгновенно двадцать, тридцать человѣкъ, изъ набожнаго побужденія окунуться въ освященныхъ волнахъ рѣки, бросаются въ полузамерзшую воду съ береговъ или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрительными восклицаніями народа, набожные пловцы или переплываютъ рѣку, или доплывъ до половины возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непремѣнно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при томъ такъ направлять своихъ коней, чтобы они грудью встрѣтили волны, только что освященныя крестнымъ погруженіемъ. Единовременно съ этимъ торжествомъ православной церкви происходитъ обыкновенно такое же торжество церкви армяно-григоріанской, совершаемое по другую сторону моста, ниже по теченію Куры. Колокольный звонъ всѣхъ церквей и пушечная пальба съ арсенальной горы заключаютъ празднество.

14 января.—Грузинская православная церковь торжествуетъ день равноапостольной св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Крестъ св. Нины, съ которымъ проповѣдывала она слово Божіе въ древней Иверіи (Грузіи),—хранится въ Тифлисѣ, въ Сіонскомъ соборѣ; 14 января, ежегодно, кивотъ, заключающій въ себѣ эту святыню, открываютъ и тысяча благочестивыхъ богомольцевъ стекаются лобызать вдвойнѣ-святой залогъ спасенія человѣчества. Здѣсь, можетъ быть, кстати изложить любопытную исторію этого креста,—и мы заимствуемъ ее изъ записки, составленной Д. С. С. Ковалевскимъ при отправленіи его въ 1802 году на должность правителя Грузіи: „При выѣздѣ въ Россію грузинскаго царя Вахтанга, пишетъ Ковалевскій, коего потомки извѣстны въ Россіи подъ именемъ князей Грузинскихъ, вывезенъ былъ оттуда такъ называемый крестъ св. Нины. Происхожденіе сего креста, по преданіямъ земли той, начало свое имѣетъ отъ времени житія святой Нины въ 4 вѣкѣ по Рожд. Христовѣ, которая исполняя велѣніе Божьей Матери, явившейся ей въ видѣніи, воспріяла на себя благовѣстіе слова Божія, съ знаменіемъ симъ, состоящимъ изъ двухъ вѣтвей виноградной лозы, связанныхъ крестообразно волосами поборницы вѣры. Нина святая скончала подвигъ свой просвѣщеніемъ всей Иверіи, коея ради вины и памяти ея въ ликъ равноапостольный сопричтена. Крестъ же оный, яко залогъ благодати Божіей ко племени иверійскому, съ особливѣйшимъ уваженіемъ хранился въ Грузіи до новѣйшихъ временъ, какъ сказано выше. Частые были подвиги на испрошеніе сея святыни обратно въ Грузію, поелику народъ тамошній начало бѣдствій своихъ относитъ ко времени вывоза креста онаго. Сею же причиной и благочестіемъ побуждаемый царь Георгій Ираклиевичъ, послѣдне-царствовавшій въ Грузіи, относился прошеніемъ таковымъ къ почившему въ Бозѣ Государю Императору Павлу I. Но какъ по изслѣдованію оказалось, что крестъ сей считается собственностью князя Егора Александровича Грузинскаго, отъ предковъ имъ наслѣдованною, то и предоставлено было ему, царю, снестись съ нимъ самому, что однакожъ осталось безъ дѣйствія. Нынѣ, поелику благоугодно было Его Императорскому Величеству, внявъ гласу моленія сихъ намъ единовѣрныхъ, воспріять на себя бремя управленія ими, положить конецъ ихъ бѣдствіямъ, основать прочно ихъ благоденствіе, весьма прилично и для пользы дѣлъ благоуспѣшно было бы, со введеніемъ въ землю сію исполненія толь священнѣйшихъ обѣтовъ, перенести туда и самый крестъ, какъ знаменіе возвратившейся къ нимъ благодати Божьей и залогъ твердаго и непоколебимаго о нихъ Монаршаго промышленія.“ [1]).

Вслѣдствіе этой записки, крестъ св. Нины, по волѣ Императора Александра Благословеннаго былъ возвращенъ Грузіи, и съ великолѣпною церемоніею положенъ въ серебряный кивотъ съ лѣвой стороны иконостаса Сіонскаго собора. Кромѣ 14 января, дня, въ который церковь чествуетъ память св. Нины,—крестъ ея вынимается изъ кивота и въ другіе дни, по просьбѣ благочестивыхъ, желающихъ приложиться къ древнѣйшей святынѣ Грузіи. Празднованіе же 14 января состоитъ въ торжественномъ молебствіи, совершаемомъ въ Сіонскомъ соборѣ, къ которому стекаются безчисленныя толпы богомольцевъ изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ. Въ храмѣ бываетъ тѣсно отъ множества народа. Богатый и бѣдный съ

[1]) Указ. Н. Г. Берзенова.

[2]) Указ. Г. Сливицкаго.

[1]) См. Газ. „Кавказъ“ 1846 г. № 3.

нетерпѣніемъ рвется къ вѣковой святынѣ, желая хоть прикоснуться къ ней, хоть только увидѣть её. Двери храма остаются отпертыми на цѣлый день.

ФЕВРАЛЬ - МАРТЪ. [1])

Въ субботу, за недѣлю до масляницы, въ Рачинскомъ уѣздѣ празднуется *Бослова*. или праздникъ *буйлятниковъ* (погоньщиковъ буйволовъ). Наканунѣ этого дня, съ самаго утра, членъ семейства, завѣдывающій скотомъ, постится до самаго вечера. Вечеромъ онъ собираетъ всѣхъ находящихся въ саклѣ дѣтей, отъ 4 лѣтняго до 9 лѣтняго возраста, и взваливши ихъ всѣхъ себѣ на руки, на шею, на спину,—несетъ къ мѣсту совершенія праздненства—*въ буйлятникъ*, т. е. въ хлѣвъ для буйволовъ.—Каждый изъ дѣтей держитъ кто пирогъ, кто куриное яйцо и хлѣбъ, кто кусокъ свинины и бурдючекъ вина. Въѣздъ дѣтей на плечахъ своихъ отцовъ, или родственниковъ сопровождается, при входѣ въ буйволятникъ поздравительными восклицаніями къ скоту: „Босилъ—босилъ—бу!!!“ Тогда старшій освобождается отъ своей живой ноши, и начинаетъ обходъ скота. Сначала подходитъ къ быкамъ и лошадямъ и показывая имъ куриное яйцо, которое передается при этомъ въ руки старшаго ребенка, произноситъ: „Да дастъ вамъ Господь Всесильный необыкновенную силу, и да сохранитъ васъ такими же цѣлыми и полными какъ это яйцо!“ Затѣмъ переходя къ коровамъ и кобылицамъ, тоже показываетъ имъ яйцо, и говоритъ: „Да будете и вы въ полномъ тѣлѣ, какъ крупно и полно это яйцо и да вознаградите хозяина рожденіемъ такихъ полныхъ, хорошихъ телятъ, какъ это яйцо“. Наконецъ переходитъ къ телятамъ, бычкамъ, и жеребятамъ, произнося: „растите, растите и будьте полными какъ это яйцо.“ По окончаніи обряда, возвращается къ быку, отличающемуся крупнымъ ростомъ, и начинаетъ молиться тихо, такъ чтобы посторонніе не могли слышать. Слова истинно-поэтической молитвы. слѣдующія: „О Боже, Творецъ всѣхъ животныхъ,—хранитель всѣхъ существъ и веществъ и установитель всѣхъ праздниковъ въ нашемъ краѣ, какъ и въ другихъ! Ты благословилъ насъ встрѣтить этотъ радостный праздникъ съ этими нашими труженниками, посредствомъ коихъ мы кормимъ себя, женъ и дѣтей; ниспошли благоденствіе на земледѣльцевъ дома сего, на рогатыхъ скотовъ, быковъ, лошадей, коровъ и телятъ, и благоволи, чтобы они имѣли у себя пищу, припасы, и были здоровы, и чтобы во славу Твою, Творецъ, исполнялась воля Твоя—размноженіемъ ихъ; да пошли благословеніе свое и на земледѣліе и растительность, и сохрани насъ отъ болѣзней, и научи какъ тебя любить!“

По окончаніи молитвы, крестьянинъ подходитъ къ присутствующимъ, и поздравляя ихъ съ предпраздествомъ, благословляетъ принесенные съ собою: хлѣбъ, пирогъ, свинину и вино, и всѣ салятся закусывать. Съ первымъ тостомъ благодарятъ Бога за милость въ продолженіе истекшаго года, и за наступающій праздникъ. Второй тостъ за здоровье дома, родителей, родственниковъ и добрыхъ людей; а потомъ за здоровье каждой скотины. Пирушка продолжается, пока не изсякнетъ все вино въ бурдюкѣ. Послѣ того глава обряда подходитъ къ какому нибудь темному мѣсту и оставляетъ тамъ яйцо, а самъ, взваливъ на себя, по прежнему, малютокъ, возвращается съ ними домой. Но старшая изъ женщинъ въ домѣ запираетъ дверь изнутри, и спрашиваетъ пришедшихъ: „Кто тамъ?—Хозяинъ отвѣчаетъ:—Я пришелъ съ радостнымъ извѣстіемъ отъ нашихъ дѣтей: коровъ, телятъ и лошадей.—Но правда ли это? Ты, можетъ быть, нечистый духъ и хочешь искусить насъ, послать зло нашему дому?—Я тебѣ говорю, что я добрый человѣкъ, глава дома, и принесъ хорошія вѣсти“.—За этими словами отворяются двери, дѣти слѣзаютъ съ шеи, спины и рукъ главы дома и послѣдній подходитъ къ образамъ и молится Богу; по окончаніи молитвы всѣ садятся пировать. Пиръ продолжается за полночь. [1])

14 февраля. Часто въ этотъ день тифлисскіе армяне, и въ особенности армянки празднуютъ *Сурбъ Саркисъ*, (св. Сергія). Каждый годъ этотъ замѣчательный праздникъ бываетъ оживленъ многочисленнымъ стеченіемъ богомольцевъ въ церкви св. Саркиса, находящейся на лѣвомъ берегу р. Куры, въ предмѣстьи Авлабара. Тутъ, въ особенности, много бываетъ старухъ, холостой молодёжи и молодыхъ дѣвушекъ. Первыя приходятъ просить предстательства святого угодника объ отпущеніи грѣховъ ихъ долголѣтней жизни, а послѣдніи моляться о дарованіи имъ женъ и мужей по-сердцу. Во всю недѣлю, предшествующую празднику, молодые армяне и армянки соблюдаютъ строжайшій постъ, и только въ ночь наканунѣ праздника принимаютъ *соленую лепёшку*, и засыпаютъ въ ожиданіи, что во снѣ увидятъ свою суженую или своего суженаго. Соленая пища непремѣнно возбуждаетъ жажду, которая въ сновидѣніи утоляется услужливой *служенкой* или *служенымъ* Наружность являвшагося во снѣ призрака, его одежду, питьё, имъ предложенное и самую посуду, въ которой заключалось питьё, внимательно замѣчаютъ, и проснувшись тотъ-часъ же разсказываютъ о видѣнномъ пожилымъ людямъ, которые общимъ мнѣніемъ рѣшаютъ, за кѣмъ кому быть или кому на комъ жениться, и какое взять состояніе. Золотая и серебрянная посуда въ которой во снѣ подавалось питьё, означаетъ состояніе богатое, мѣдная и глиняная—посредственное, а деревянная—бѣдное. [2])

Не всегда праздникъ Сурбъ-Саркисъ приходится 14 февраля. Онъ принадлежитъ къ *передвижнымъ* праздникамъ,—но неотъемлимо празднуется на нашей *всѣдной* недѣлѣ, которая также приходится не всегда въ одно и тоже время.

Масляница. Въ цѣлой Россіи масляница знаменуется обиліемъ жирныхъ блиновъ и катаньемъ въ широкихъ пошевняхъ, изукрашенныхъ разноцвѣтными коврами и бубенчиками, по снѣжнымъ городскимъ или сельскимъ улицамъ. Не таковы праздники масляничнаго веселья въ Грузіи. Грузины, какъ южное племя, преисполнены жизнію, дорожатъ весельемъ, и умѣютъ веселиться; какъ племя православное, они чествуютъ весельемъ проводы мясоѣда и приближеніе великаго поста. Но у грузинъ нѣтъ снѣга, стало быть нѣтъ и саннаго катанья; нѣтъ у нихъ и русскихъ блиновъ; масляничное веселье въ Грузіи проявляется въ своихъ особенныхъ формахъ, имѣющихъ свою оригинальность и поэзію, покрайней мѣрѣ въ тѣхъ слояхъ общества, въ которыхъ всегда болѣе жизни и чистосердечнаго веселья.

Предъ наступленіемъ масляницы каждое семейство старается запастись мукою и хорошимъ масломъ, чтобы въ понедѣльникъ испечь на цѣлую недѣлю сдобныхъ булокъ (*назуки*) и слоёныхъ (*када*). Многіе начинаютъ печь эти булки, замѣняющіе здѣсь русскіе блины, только въ четвергъ въ день св. Шіо, отчего и называютъ ихъ *Шіосъ-када*.

Любопытно, проходя улицею, заглянуть въ любой дворъ. Тутъ навѣрно можно увидѣть наскоро устроенные качели, гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ или подъ балкономъ,—и дѣвушекъ одѣтыхъ по праздничному. Онѣ, качаясь на качеляхъ, поютъ пѣсни, и припѣваютъ: *квеліе-ріа*!... [3]). По вечерамъ онѣ собираются у одного изъ сосѣдей, и на дворѣ, или на плоской крышѣ сакли, по-пе-

[1]) Праздники, заключающіеся въ этихъ и нѣкоторыхъ слѣдующихъ мѣсяцахъ принадлежатъ къ такъ называемымъ *передвижнымъ* праздникамъ, а потому ихъ и неудобно относить къ какому либо *одному* мѣсяцу исключительно.—*Е. В.*

[1]) Указ. г. Переваленко.

[2]) Указ. Н. Г. Берзенова.

[3]) т. е. сырная.

ремѣнно танцуютъ живую лезгинку подъ удары *дайры*, (бубна). Тутъ можно встрѣтить *мествире*, (менестреля) съ инструментомъ, похожимъ на волынку—*ствири*. Этотъ странствующій поэтъ-гудошникъ за нѣсколько грошей готовъ передъ каждымъ домомъ, передъ каждой лавкой, и даже передъ каждымъ проходящимъ пропѣть речитативомъ хвалебную пѣсню подъ звуки своего *ствири*. Кто понимаетъ его языкъ, тотъ съ удовольствіемъ прослушаетъ довольно складную и остроумную импровизацію мествире. Тутъ-же мальчишка, наряженный старикомъ, называемымъ *берика*, ходитъ по улицамъ, пляшетъ и дѣлаетъ разныя кривлянья предъ каждымъ проходящимъ и неотступно вымогаетъ у него подаяніе. Этотъ *берика* называется иногда *дато* (медвѣдь), когда принимается въ женскіе хороводы для смѣха и для представленія дѣйствій медвѣдя, упоминаемыхъ въ хороводныхъ пѣсняхъ.

Въ Тифлисѣ во время масляницы лавки хотя и не запираются, но сидѣльцы не забываютъ, что на дворѣ масляница. Въ виду своихъ лавокъ они играютъ въ мячъ, прикрикивая *квелиріа!* и бросая его иногда въ озабоченнаго прохожаго, вовсе не думающаго о веселостяхъ масляницы; иногда же они, накинувъ на себя запыленную рогожу или обрывокъ войлока, бросаются пугать сосѣдей и очень невѣжливо привѣтствуютъ ихъ съ масляницей. Кромѣ игры въ мячъ, на масляницѣ здѣшнее простонародье играетъ въ жгутъ, (*налучи*). Нѣсколько человѣкъ становятся въ чертѣ круга, и получаютъ удары жгутомъ отъ тѣхъ, которые находятся внѣ черты, до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ этихъ послѣднихъ будетъ затронутъ ногою одного изъ остающихся въ кругѣ. Тогда ихъ роли и мѣста перемѣняются, т. е. *наступательная* партія входитъ въ кругъ, и дѣлаясь *оборонительною*, испытываетъ въ свою очередь удовольствія жгута. [1]).

Передъ сумерками часто затѣваются кулачные бои, *тамаши* въ собственномъ смыслѣ слова, составляющіе также одну изъ принадлежностей масляницы. Кулачные бои бываютъ и въ другіе праздники, но на масляницѣ эта забава повторяется почти ежедневно [2]). Кулачный бой образуется на городскихъ улицахъ или на полѣ; бойцы составляютъ партіи въ виду многочисленной толпы зрителей. Драка усиливается постепенно; её начинаютъ мальчики, потомъ дерутся взрослые, но не очень опытные, и наконецъ самые отчаянные бойцы. Они оставляютъ на себѣ одни только шальвары да рубашки съ засученными рукавами. Отъ сильнаго желанія поскорѣе завязать бой, по всѣму ихъ тѣлу пробѣгаетъ дрожь; кулаки сжаты; лицо и губы—блѣдны; глаза горятъ. Искусный боецъ устремляетъ ударъ въ такое мѣсто, которое чувствительнѣе, для того чтобы разомъ свалить своего противника. Онъ не оставляетъ даже и лежачаго, пока товарищи не выручатъ его. Противниковъ, показавшихъ тылъ, побѣдители преслѣдуютъ на значительное пространство, и громкій, продолжительный крикъ зрителей служитъ имъ лучшею наградой. Драка возобновляется нѣсколько разъ и оканчивается позднимъ вечеромъ. Часто любители кулачнаго боя дарятъ деньги наиболѣе отличившимся.

У простого народа въ Грузіи замѣчателенъ еще одинъ масляничный обычай: изгнаніе мышей изъ домовъ. Въ четвергъ, въ день св. Шіо, хозяйка дома, взявъ въ одну руку сдобный хлѣбъ, а въ другую—прутикъ шиповника, ходитъ около полокъ, постукивая прутикомъ и приговаривая: „мышь, мышь, выходи“. Обойдя такимъ образомъ всѣ углы, отдаетъ хлѣбъ и прутикъ мальчику, который съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ихъ у дверей, и получивъ, бѣжитъ безъ оглядки за деревню (иначе мыши опять воротятся домой) и тамъ ѣстъ себѣ хлѣбъ, а корку, воткнувъ на конецъ прутика, бросаетъ; послѣ того съ торжествомъ возвращается домой, какъ бы съ побѣды, въ полной увѣренности, что всѣхъ мышей выпроводилъ со двора. [1]).

Чистый понедѣльникъ. Масляницею въ Грузіи не оканчиваются праздники. Въ понедѣльникъ первой недѣли великаго поста происходитъ во всѣхъ городахъ и деревняхъ этой страны одно изъ самыхъ оригинальныхъ и шумныхъ народныхъ празднествъ, нѣчто въ родѣ карнаваловъ западныхъ народовъ Европы. Праздникъ этотъ, называемый *Кеноба*, (ყენობა) тѣмъ еще отличается отъ другихъ праздниковъ, что значеніе его не религіозное, а чисто историческое. Народное преданіе объясняетъ установленіе *Кеноба* воспоминаніемъ какой то побѣды, одержанной грузинами надъ персіянами,—но какой именно побѣды,—неизвѣстно [2]). Въ прежнія времена этотъ праздникъ совершался съ большою церемоніей. Одинъ изъ участвовавшихъ представлялъ собою шаха персидскаго, другой царя грузинскаго. Между ихъ партіями начинался бой, въ которомъ шахъ всегда былъ побѣждаемъ; его бросали въ воду, будто бы съ намѣреніемъ утопить. Потомъ съ зрителей собирали деньги, на которыя, въ заключеніе спектакля, начинался всеобщій пиръ [3]). Въ наше время *Кеноба* нѣсколько утратила въ своемъ великолѣпіи какъ и многія туземныя празднества. Тѣмъ не менѣе она любопытна, какъ картина народныхъ нравовъ, и почтенна какъ живой остатокъ древности. Въ городахъ и въ селеніяхъ *Кеноба* совершается безъ большого различія, слѣдующимъ образомъ: на утро Чистаго Понедѣльника жители деревни или городское простонародье собираются къ мѣсту, назначенному для ежедневныхъ сборищъ и совѣщаній, и тамъ почетные старики предлагаютъ обществу выбрать *кеени;* вслѣдствіе чего и избирается парень, отличающійся особенной бойкостью и шутливостью. Его одѣваютъ въ шубу на изнанку; на голову ему надѣваютъ колпакъ устроенный изъ бурки; лицо маракотъ сажею; въ руки даютъ мечъ, оконечность котораго всегда украшается яблокомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ. Мечъ служитъ для *кеени*, символомъ власти и силы, потому что въ день Чистаго Понедѣльника *кеени* играетъ важную роль; ему предоставляются права царя или шаха; онъ можетъ неограниченно повелѣвать всѣмъ и всѣ, что бы ему ни вздумалось; всякій обязанъ преклонить предъ нимъ колѣна, снимать шапку, и оказывать *кеени* всевозможныя почести,—и горе тому, кто будетъ замѣченъ въ грубости или неучтивости противъ *кеени*: виновнаго бросаютъ въ грязь, обнажаютъ, колотятъ...

Вскорѣ по избраніи, *кеени* сажаютъ на эшака (осла), и, предшествуемый народомъ, всадникъ отправляется въ объѣздъ по городскимъ улицамъ, (или сельскимъ переулкамъ). Такая процессія обыкновенно сопровождается звуками зурны и *димплимито* (родъ барабана) визгомъ и шумомъ ребятъ, а предшествуется значкомъ или знаменемъ. Окончивъ шествіе, толпа располагается на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ *кеени* сажаютъ на скамью, служащую вмѣсто трона. Каждый, идущій мимо, кто бы онъ ни былъ, непремѣнно долженъ обратиться къ *кеени*, поклониться ему, и что нибудь подарить... Между тѣмъ люди, окружающіе *кеени*, раздѣляются на двѣ партіи; изъ обѣихъ партій выступаютъ лучшіе бойцы, и завязывается кулачный бой, который въ этотъ день бываетъ упорнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ когда либо. Каждая партія крикомъ и рукоплесканіями ободряетъ своихъ атлетовъ. Жители деревень думаютъ, что Богъ благословитъ обильнымъ урожаемъ земли той стороны, которая побѣдитъ на кулачномъ бою въ день *кеенобы* [4]).

---

[1]) Указ. О. І. Романова.

[2]) Указ. Г. Д. Вакрадзе.

[1]) Указ. О. І. Романова.

[2]) По мнѣнію нѣкоторыхъ въ воспоминаніе нашествія Ага-Магометъ-Шаха на Тифлисъ, но это подвержено сомнѣнію. *Е. В.*

[3]) Указ. О. І. Романова.

[4]) Указ. Н. Г. Бераенова. Кромѣ того, вотъ какимъ указаніемъ на счетъ *кеенобы* у осетинъ обязаны мы одному изъ высшихъ и просвѣщеннѣйшихъ лицъ нашей современной іерархіи: „Кееноби

Кромѣ *Кеноба*, очень недавно существовалъ въ Грузіи замѣчательный обычай, исполнявшійся также въ Чистый понедѣльникъ. Обыкновеніе это, вѣроятно, перешло въ Грузію изъ Азіи. Въ прощальный вечеръ, т. е. на Чистый понедѣльникъ, слуги приходили къ господамъ своимъ съ *палахою*. Такъ называлась палка съ веревкою, протянутою съ одного конца палки до другого; на востокѣ такой снарядъ обыкновенно надѣвается на ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ вечеръ передъ Чистымъ понедѣльникомъ господа въ Грузіи обязывались повиноваться своимъ слугамъ, и чтобы отдѣлаться отъ наказанія *палахою*, щедро отдаривались деньгами или подарками. [1]).

У гурійцевъ въ Чистый понедѣльникъ женщины дѣлаютъ изъ тѣста нѣсколько шариковъ величиною въ глазъ; кладутъ ихъ на тарелку, уставленную зажженными свѣчами, молятся Богу, и просятъ, чтобы оспа не повредила, если ужъ эта болѣзнь непремѣнно должна посѣтить которую нибудь изъ нихъ. Потомъ бросаютъ шарики въ воду. Тѣ, у кого еще не было оспы, въ этотъ день не чешутся, не читаютъ книгъ, не смотрятъ на ячмень и не шьютъ, воображая, что сколько зубьевъ въ гребнѣ, сколько увидятъ онѣ буквъ въ книгѣ или зернъ ячменя, и сколько сдѣлаютъ швовъ,—столько рябинъ и пятенъ оспа сдѣлаетъ на ихъ лицѣ и тѣлѣ. [2]).

У гурійцевъ же замѣчательно еще одно обыкновеніе совершаемое въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста. Оно называется *бедись-гамоцда*, т. е. *испытаніе счастія*. Съ утра субботы князь, которому пришла очередь справлять въ своемъ домѣ *бедись-гамоцда*, приглашаетъ къ себѣ окрестныхъ помѣщиковъ—князей, которые всегда охотно являются на такой зовъ. Князей обыкновенно сопровождаютъ близкіе къ нимъ дворяне и нѣсколько крестьянъ. Къ полудню хозяинъ вводитъ гостей въ залъ, гдѣ всѣ они чинно садятся, а крѣпостные ихъ люди становятся поодаль, отдѣльными группами.

Послѣ небольшого угощенія и тоста за здоровье хозяина, вносится огромная мѣдная чаша и ставится посреди комнаты. Въ чашу вливаютъ отъ 5 до 7 ведеръ вина. За тѣмъ приносятъ испеченныя изъ тѣста изображенія: людей, монетъ, лошадей, быковъ и т. п. Фигурки эти погружаютъ въ чашу, сначала крестьяне хозяина, а потомъ люди старшаго гостя и всѣхъ гостей, по старшинству, подходятъ одинъ за другимъ къ чашѣ и, заложивши назадъ руки, губами и зубами долженъ достать изъ чаши фигуру, по изображеніи которой судятъ о счастіи. Если, напримѣръ, вынуто будетъ изображеніе человѣка, то это означаетъ, что помѣщикъ будетъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нужными ему людьми; если попадется монета, то пріобрѣтетъ деньги; если лошадь,—разбогатѣетъ лошадьми, если быкъ,—стадами, и т. д. Если чей либо крѣпостной человѣкъ ничего не поймаетъ,—хозяинъ рѣшительно ни въ чемъ не будетъ имѣть успѣха въ теченіи года.

Обрядъ оканчивается тогда, когда всѣ хлѣбныя изображенія будутъ переловлены. Тогда начинается пиръ, въ которомъ никто не жалѣетъ тостовъ, въ особенности за здоровье того помѣщика, чьи крестьяне болѣе *наловили счастія* для своего господина. [3]).

праздуется такимъ же образомъ и у осетинъ, но тамъ даютъ сему обычаю другой смыслъ. Понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли поста, по ихъ вѣрованію, падаетъ на то время, когда Фараонъ погрязъ въ Черномъ морѣ. Можетъ быть съ этою же мыслію и грузины бросали Шаха въ воду. Политическія обстоятельства края и разоренія, претерпѣваемыя отъ Шаховъ Персидскихъ, могли внушить грузинамъ дать комическому обряду другое значеніе, выражающее ненависть ихъ къ властителямъ Персіи. У осетинъ же, до конхъ руки персіянъ доставать не могли, осталось старинное значеніе Кеноба". *Е. В.*

[1]) Указ. О. І. Романова.

[2]) Указ. Г. Накашидзе.

[3]) Указ. г. Переваленко.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ.

Среда на Страстной недѣли. Въ вечеръ Страстной или Великой среды во всѣхъ собственно-грузинскихъ частяхъ Тифлиса вспыхиваютъ многочисленные соломенные костры. Въ тоже время по городу раздаются частые ружейные выстрѣлы. Недоумѣвающему наблюдателю туземныхъ нравовъ представляется любопытное и живописное зрѣлище и въ умѣ зрителя, конечно, рождается вопросъ о причинахъ этого занимательнаго явленія, происходящаго единовременно во всѣхъ городахъ, селеніяхъ и деревенькахъ православной Грузіи. Объясненіе этого обыкновенія, едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ старыхъ обычаевъ сохранившихся въ Грузіи, должно искать въ грузинской народной демонологіи, а время его происхожденія слѣдуетъ отнести ко временамъ язычества... Простонародье въ Грузіи, какъ и вездѣ, вѣритъ въ существованіе невидимыхъ злыхъ и добрыхъ геніевъ, живущихъ между людьми, и управляющихъ ихъ земными дѣлами и дѣлишками. Такимъ образомъ у грузинъ есть свои лѣшіе, водяные и домовые; есть у нихъ и злые старухи—вѣдьмы, называемыя *кудіанеби*. Вотъ эти-то самыя *кудіанеби*, одинъ разъ въ году, и именно въ вечеръ наканунѣ великаго Четверга, собираются со всѣхъ концовъ Грузіи на гору Ялбузъ (Эльбрусъ), на шабашъ [1]). Тутъ онѣ вымышляютъ разныя козни противъ людей, и потому то необходимо людямъ съ своей стороны всѣ возможныя мѣры къ предотвращенію гибельнаго вліянія злыхъ старухъ-кудіанеби. Для этой цѣли во многихъ грузинскихъ, а особенно въ армянскихъ домахъ, зажигается посреди двора большой костеръ изъ соломы, и всѣ домочадцы должны перепрыгнуть черезъ него покрайней мѣрѣ три раза, при заклинаніяхъ, состоящихъ при повтореніи словъ: ари-урули-урули - урули - кудіанебса, и при ружейныхъ выстрѣлахъ. Кромѣ того въ деревняхъ домохозяева ограждаютъ себя отъ кудіанеби вѣтвями шиповника, которыми заслоняютъ окна, двери и отверстія въ трубахъ. Кудіанеби на Ялбузъ отправляются не иначе какъ верхомъ на кошкахъ, которыя въ Страстную среду похищаются ими изъ тѣхъ неосторожныхъ домовъ, гдѣ небыли зажжены спасительные костры, называемые *чіа-кокона* (ჭიაკოკონა) [2]).

Страстная Пятница—особенно замѣчательна въ грузинскихъ деревняхъ, (преимущественно въ Карталиніи). Въ этотъ день тамъ справляется *чона* (ჭონა). Охотники попить и поѣсть *даромъ* собираются вмѣстѣ и поздно вечеромъ обходятъ всѣ дома въ селеніи, поздравляя хозяевъ съ наступающимъ праздникомъ. Поздравленія выражаются въ пѣснѣ, оканчивающейся припѣвомъ: *чона, чона!* Въ пѣснѣ желаютъ дому, чтобы онъ всѣмъ изобиловалъ, какъ *марани Шіо*, чтобы въ нёмъ всё и всѣ были полны, сытны, счастливы. *Чонисты* начинаютъ съ того, что приходятъ на кровлю дома и чрезъ отверстіе ея спускаютъ на веревкѣ корзину. Домохозяева кладутъ въ корзину по одному яйцу и съ миромъ отпускаютъ навязчивыхъ доброжелателей. Во всё время своихъ похожденій *чонисты* нѣсколько пьяны и, потому, въ антрактахъ своихъ пѣсенъ они безъ церемоніи кричатъ: *оролобаа, оролобаа!* т. е. *двойное, двойное,* намекая тѣмъ, чтобы въ корзину клали по два яйца, а не по одному, какъ это принято. [3]).

Недѣли Св. Пасхи. Дни Святыя Пасхи встрѣчаются въ Грузіи точно такими же церковными торжествами, какъ и въ православной Россіи... Въ туземныхъ праздничныхъ обыкновеніяхъ также нѣтъ ничего особенно отличительнаго. Можно только замѣтить нѣкоторыя незначительныя измѣненія. Такъ, напримѣръ, здѣсь какъ-то рѣже встрѣчаются лобзанія христосующихся; размѣнъ красныхъ яицъ не въ такомъ всеобщемъ употребленіи, какъ въ Россіи,

[1]) О Ялбузѣ было говорено при объясненіи обыкновеній, сопровождающихъ встрѣчу новаго года. *Е. В.*

[2]) Указ. П. Г. Березинова.

[3]) Указ. П. Г. Берзенова.

да и катаніе яицъ здѣсь замѣняется *игрою въ мячъ*. Этой игрѣ въ особенности посвящаются дни слѣдующей за Пасхою, Ѳоминой недѣли, и въ особенности замѣчательна эта игра *въ Имеретіи. Мячикъ*, употребляемый тамъ для игры, величиною въ добрый арбузъ, обшитъ галуномъ, и составляетъ собою не только предметъ забавы, но и предметъ народнаго уваженія и суевѣрія. Изстари заведено въ Имеретіи *приготовлять* мячъ. На второй день Ѳомина воскресенья, послѣ обѣдни, народъ дѣлится на двѣ партіи. Мячъ бросаютъ въ средину и обѣ партіи устремляются на него и дерутся между собою, стараясь завладѣть имъ. Драка бываетъ жестокая, за то честь и слава той сторонѣ, которой достанется мячъ: имѣть ей круглый годъ изобиліе и удачу во-всемъ... Иногда, послѣ боя, мячъ разрѣзывается на нѣсколько, кусковъ, которые раздаются нѣкоторымъ домохозяевамъ, увѣреннымъ, что храненіе кусочка мяча доставитъ изобиліе ихъ домамъ, урожай и т. п. Ловля мяча, по свидѣтельству старожиловъ, есть одна изъ древнѣйшихъ народныхъ забавъ. Преданіе говоритъ, что имеретинскіе цари учредили это обыкновеніе для упражненія народа въ военныхъ движеніяхъ. [1]).

Красная горка. Конецъ святой недѣли знаменуется въ Тифлисѣ народнымъ праздникомъ, называемымъ по-грузински *квира цховлоба* (კვირა-ცხოვლობა). Онъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ Ѳомино воскресенье толпы народа съ утра собираются на возвышенія, лежащія по лѣвую сторону Куры, какъ разъ за Кукійскимъ предмѣстьемъ. Эти возвышенія называются *Красной Горкой*, почему и праздникъ иногда также называется Красной Горкой.

На одномъ изъ возвышеній, посреди остатковъ каменной церкви, ставится образъ Спасителя, являющагося св. апостолу Ѳомѣ. Съ утра передъ этимъ изображеніемъ преклоняются благочестивые, а къ пяти часамъ пополудни религіозное поклоненіе уступаетъ мѣсто народному празднеству. Тутъ не обходится ни безъ зурны, ни безъ сазандаровъ, ни безъ джигитовки, ни безъ пляски, ни безъ пріятельскихъ кружковъ, живописно-располагающихся на лужайкахъ передъ кувшинами вина и грудами сыра, *лавашей* (родъ хлѣбовъ) и ароматическихъ травъ, составляющихъ любимое лакомство туземцевъ. Веселье идетъ широкое, ничѣмъ не стѣсняемое, и охотникамъ до *мѣстнаго колорита* здѣсь свободное поприще и обильная жатва. Мѣсто этого народнаго сходбища выбрано здѣсь потому, что на одномъ изъ здѣшнихъ холмовъ была нѣкогда церковь во имя св. апостола Ѳомы, построенная въ незапамятныя времена, и разрушенная Шахъ-Абаасомъ около 1625 года. До сихъ поръ видны слѣды церковныхъ основъ и камень, служившій подножіемъ церковному престолу.

Во вторникъ послѣ Пасхи въ Тифлисѣ бываетъ праздникъ ящерицъ, *Джоджооба*. Этотъ праздникъ состоитъ въ томъ, что тифлисскія женщины, преимущественно-же молодыя, запасшись кусками сахару, отправляются на Авлабаръ (верхняя часть города). Тамъ, за Собачьею Слободкою (дзаглисъ-убани), подъ крутымъ навѣсомъ скалистаго берега Куры—мѣсто праздника. Здѣсь-то набожныя, но суевѣрныя грузинки, послѣ молитвы, разбрасываютъ кусочки сахару на пищу *джоджо*, ящерицамъ, жительницамъ этого мѣста. По какому поводу учрежденъ этотъ праздникъ ящерицамъ,—неизвѣстно; но есть преданіе, что въ этомъ мѣстѣ когда-то жилъ какой-то удивительный мужъ, имѣвшій даръ однимъ прикосновеніемъ рукъ уничтожать веснушки на лицѣ. Но кто онъ былъ, и что есть общаго между имъ, ящерицами, веснушками и сахаромъ,—это также покрыто мракомъ неизвѣстности [2]).

[1]) Указ. г. Евлахова.

[2]) Указ. Н. Г. Берзенова. По мнѣнію нѣкоторыхъ пещера была когда-то убѣжищемъ святомъ *Додо*, сподвижнику Давиду Гареджійскаго. Имя св. Додо и послужило происхожденіемъ празднику; а по случайному созвучію этого имени съ названіемъ *джоджо*—ящерица, мѣстность праздника и самый праздникъ называется въ народѣ безразлично: то *додооба*, то *джоджооба*.—*Е. В.*

АПРѢЛЬ—МАЙ.

Встрѣча весны. Весна въ Грузіи начинается въ февралѣ и прежде всего обнаруживается цвѣтеніемъ миндаля; но за февралемъ наступаетъ непостоянный, перемѣнчивый мартъ, пользующійся въ народѣ весьма дурною славой. На счетъ февраля и марта даже существуетъ у грузинъ такое изрѣченіе: „Февраль дуетъ, мартъ шубу шьетъ, и если бы одинъ день жизни оставался марту, то и тогда ему довѣриться нельзя". Поэтому настоящая, свѣтлая, *красная* весна считается только съ апрѣля мѣсяца. Грузины и встарь и нынѣ любили и любятъ *праздновать* встрѣчу весны,—а потому нельзя не сказать объ этомъ празднованіи, говоря о праздничныхъ обыкновеніяхъ вообще.

Чтобы праздновать встрѣчу весны, грузины выходятъ за городъ, въ поля, въ сады. Въ тѣни стараго орѣха, чинара, или на какомъ-нибудь холмѣ разстилаются ковры, усаживаются дружескіе кружки и родное вино въ старинной *азарпеши*, въ извилистомъ турьемъ рогѣ, въ заслуженной *кулѣ*, или въ глиняномъ кувшинѣ, переходя изъ рукъ въ руки, оживляетъ бесѣду пирующихъ. Зурна воетъ, пѣвецъ поётъ, сазандаръ импровизируетъ, а грузины, заложивъ папахи на бекрень, закинувъ назадъ рукава чухи и растегнувъ архалуки,—веселы и счастливы созерцаніемъ обновляющейся природы. У каждаго пирующаго воткнута въ папахъ вѣтка разцвѣтшаго миндаля; этими же цвѣтами усыпаны ковры, обвиты турьи рога, служащіе вмѣсто чашъ или стакановъ,—и легкій, пріятный запахъ миндальнаго цвѣта разливается вокругъ веселыхъ собесѣдниковъ. Вообще много поэзіи въ весенникъ пирахъ грузина; много въ нихъ сочувствія къ природѣ, весна играетъ важную роль во внутренней и внѣшней его жизни, и это можно было бы доказать разсказомъ о безчисленныхъ *весенникъ* повѣрьяхъ туземцевъ, если бы мы теперь писали о повѣрьяхъ, а не о праздничныхъ обыкновеніяхъ...

Вознесеніе Господне. День Вознесенія празднуется тифлисскими жителями внѣ Тифлиса. По утру праздникъ имѣетъ значеніе и физіономію религіозныя, а къ вечеру принимаетъ видъ народнаго увеселенія. Кромѣ того, по утру празднуется онъ въ селеніи Телетахъ, расположенномъ на скатѣ горы, въ 12 верстахъ отъ Тифлиса. Богомольцы въ огромномъ количествѣ стекаются къ небольшой, но красивой Телетской церкви, въ которой хранится чудотворный образъ св. Георгія съ частицею мощей Великомученика. Преданіе свидѣтельствуетъ, что и образъ и мощи перенесены въ Телетскую церковь изъ Сомхетіи. Вечеромъ же, на возвратномъ пути изъ Телетъ, богомольцы останавливаются въ Ортачалахъ, лежащихъ въ полуверстѣ отъ Тифлиса, и здѣсь смѣшиваются съ другими толпами, пріѣхавшими изъ Тифлиса *на скачку*. Здѣсь, передъ зданіемъ таможни (нынѣ бывшей), уже съ утра раскинулись палатки и балаганы съ фруктами, сластями и напитками. Группы женщинъ въ бѣлоснѣжныхъ чадрахъ покрываютъ тамъ и сямъ возвышенности, и картинно рисуются на плоскихъ кровляхъ; онѣ любуются молодецкимъ видомъ всадниковъ съ *джиритами* (длинныя тонкія палки съ острыми желѣзными наконечниками), готовыхъ пустить своихъ бѣшеныхъ коней на ристалище. Наконецъ, вотъ двое всадниковъ понеслись вихремъ другъ на друга и на лету пустили свои *джириты*... Мѣтко направленный ударъ вышибаетъ одного изъ сѣдла, и единодушные крики одобренія привѣтствуютъ побѣдителя... Но... таковы въ старину были Ортачальскія скачки. Теперь же эти народные турниры совсѣмъ не затѣйливы; да и вообще бѣшеныя, неистовыя увеселенія сдѣлались какъ-то несовмѣстны съ возрастающеюся жизнью настоящаго туземнаго поколѣнія...

Мтацминдскій праздникъ Св. Давида празднуется ежегод-

но въ четвергъ 7-й недѣли послѣ Пасхи [1]). По воспоминаніямъ, сопряженнымъ съ Мтацминдскимъ праздникомъ (*Мта цминда*—Святая гора), по уваженію къ нему народа, и наконецъ по необычайной живописности мѣста его празднованія—Мтацминдскій праздникъ заслуживаетъ подробнаго описанія.

Вниманіе каждаго, кто только былъ въ Тифлисѣ, прежде всего, конечно было привлечено монастыремъ Св. Давида, этой *поэтическою принадлежностью Тифлиса,* какъ выражался А. С. Грибоѣдовъ, нынѣ покоющійся у стѣнъ живописнаго монастыря. Во всю западную сторону города тянется высокая и отвѣсная гора, въ родѣ крѣпостной стѣны. Это-то и есть Мта-цминда или Святая гора. Она вся состоитъ изъ темныхъ слоевъ шифера, между которыми весною и осенью зеленѣютъ яркія полосы горныхъ травъ. На половинѣ высоты горы, будто приклеенная картинка, рисуется зданіе монастыря, высоко возносясь надъ городомъ и его окресностями, которыя отсюда безпредѣльны и очаровательны. На этомъ-то мѣстѣ нѣкогда началъ свою пустыническую жизнь Св. Давидъ, одинъ изъ 13 Сирійскихъ Отцевъ, прибывшихъ около половины V вѣка въ Грузію. Въ тогдашнее время вся окрестность была дика, пустынна, и совершенно соотвѣтствовала намѣреніямъ отшельника. Но когда вскорѣ, грузинскій царь Гургославъ основалъ близъ теплыхъ ключей нынѣшній Тифлисъ, и жители новаго города стали посѣщеніями своими нарушать благочестивое безмолвіе отшельника,—тогда онъ скрылся въ глубинѣ Караякой степи и основалъ тамъ знаменитую впослѣдствіи Давидъ-Гареджійскую пустынь. Но мѣсто, оставленное св. Угодникомъ на Мта-цмидской горѣ, до сихъ поръ служитъ убѣжищемъ благочестивымъ старицамъ, и съ благоговѣніемъ посѣщается тифлисскими богомольцами.

Независимо отъ Четверга,—дня, еженедѣльно посвящаемаго св. Давиду,—на храмовый его праздникъ (въ первый Четвергъ послѣ Вознесенія) стекается все православное народонаселеніе Тифлиса. Какъ и на всякомъ церковномъ праздникѣ, въ особенности много бываетъ здѣсь женщинъ. Длинными и живописными вереницами медленно поднимаются онѣ по высокой, извилистой и крутой дорогѣ къ монастырю. По обѣимъ окраинамъ дороги размѣщаются нищіе, которые своей маститой наружностью и типическими лицами разнятся отъ нищихъ европейскихъ. Прибывъ на мѣсто, пилигримки, въ особенности дѣвушки, обходятъ церковь три раза, со всѣхъ сторонъ обвивая ее нитками. Смыслъ этого обыкновенія такой: обходить кругомъ кого-нибудь или чего-нибудь у грузинъ значитъ выражать безусловное самоотверженіе, безграничную любовь къ обходимому предмету; такимъ образомъ когда, напримѣръ, грузинка ласкаетъ нѣжно любимое дитя, то, между прочимъ, говоритъ: *тавсъ шемогвлеби,* т. е. обойду кругомъ твою голову. Нѣкоторыя пилигримки въ день св. Давида совершаютъ еще другое обыкновеніе. Желая узнать, будетъ ли услышана ихъ молитва, исполнится ли ихъ задушевное желаніе,—онѣ прикладываютъ къ наружной церковной стѣнѣ небольшіе камешки и прислушиваются къ малѣйшему шуму. Если камешки прилипаютъ къ стѣнѣ, если во время ихъ молитвы раздается въ горѣ шорохъ падающихъ каменьевъ,—то это добрый знакъ, молитвы ихъ будутъ услышаны. Разумѣется, дѣвушки такимъ образомъ гадаютъ о женихахъ, а замужнія женщины о дѣтяхъ...

Послѣ обѣдни, обыкновенно въ этотъ день совершаемой архіереемъ, начинается гулянье, продолжающееся до поздняго вечера.

На Мтацминдскомъ гуляньи не бываетъ никакихъ особенныхъ затѣй. Гдѣ-нибудь въ сторонѣ звучитъ зурна и гремитъ бубенъ; гдѣ-нибудь поётъ слѣпой сазандаръ. Веселячаки пляшутъ лезгинку; силачи борятся. Но все это весьма обыкновенно въ туземныхъ пиршествахъ. Возліяніями даровъ Кахетіи и ночной темнотою оканчивается Мтацминдскій праздникъ.

[1]) Указ. П. Г. Верзенова.

Троица. Троицынъ день въ христіанскомъ Закавказьи празднуется церковью, и не сопровождается никакими особенными знаменательными обыкновеніями. Но у осетинъ, галгаевъ, ингушей и кистинъ, религія которыхъ состоитъ въ уродливомъ смѣшеніи исламизма и язычества съ чистымъ ученіемъ христіанскимъ,—Троицынъ день, по странному противорѣчію чествуется въ числѣ трехъ главныхъ ихъ праздниковъ. (Новаго года, дня пророка Иліи и Троицына дня). Праздникъ Троицы, по-осетински—*Кардагъ хасанъ* (сборъ травъ) съ особеннымъ великолѣпіемъ празднуется въ аулахъ осетинскаго ущелья *Санебанъ.* Гора, на которой приносятся жертвы, называется *Рекомъ.* Деканозъ (священнослужитель), выбирается по очереди изъ почетныхъ стариковъ аула. Жертвоприношенія оканчиваются пиромъ и куски дерева, посвященныхъ для жертвы отдѣляются въ сторону и кладутся на яство, приготовленное *Кардагъ-хасанъ,* т. е. Троицѣ [1]).

МАЙ.

Праздникъ Іоанна Зедадзнійскаго (или Зедазенскаго) и 12 учениковъ его ежегодно совершается 7-го мая, въ ущельи Сагурамо, недалеко отъ Мцхета, древней столицы Грузіи, на той самой горѣ Зедадзнійской, гдѣ подвизался св. Іоаннъ, старѣйшина тринадцати сирійскихъ отцовъ, прибывшихъ въ Грузію около половины V столѣтія по Р. Х. Исторія говоритъ, что, основавшись здѣсь, св. Отшельникъ истребилъ остатки языческихъ капищъ и началъ поучать вѣрѣ Христовой народъ, искавшій у него исцѣленія духовнаго и тѣлеснаго. По кончинѣ св. Іоанна, надъ чудотворною его могилой была воздвигнута церковь, посвященная его имени. До 1848 г. церковь эта оставалась въ развалинахъ, а въ этомъ году она возстановлена. 7-го мая здѣсь празднуется храмовой праздникъ, и къ этому дню стекаются сюда богомольцы изъ окрестныхъ селеній и изъ Тифлиса. Еще наканунѣ праздника тянутся отовсюду въ Сагурамо арбы, накрытыя коврами въ видѣ навѣса. Нѣсколько *босыхъ* женщинъ идутъ пѣшкомъ: это пилигримки, давшія обѣтъ сходить въ такомъ видѣ къ могилѣ св. Отечественнаго Угодника и поклониться ей. Не рѣдко даже дѣти принимаютъ участіе въ исполненіи такихъ обѣтовъ, которые обыкновенно даются по случаю избавленія ихъ отъ какой-либо тяжкой болѣзни; они во весь годъ носятъ бѣлое платье и не стригутъ волосъ, что продолжается до самаго праздника, когда обѣтъ уже приводится въ исполненіе [2]).

ІЮНЬ.

Іюнь мѣсяцъ не изобилуетъ ни церковными, ни народными праздниками въ Закавказскомъ краѣ. Армяно-католики, какъ и католики вообще, празднуютъ лишь день *Тѣла Христова* (*Սուրբ Քրմնոյ*, Corpus Domini, Fête, Dieu. Boze Ciało), назначаемый обыкновенно въ первый четвергъ послѣ дня Сошествія Св. Духа. Праздникъ Тѣла Христова не существовалъ въ началѣ христіанства и до XIII вѣка, и только въ этомъ вѣкѣ установленъ въ память Тайной Вечери, для которой у всѣхъ христіанъ существуетъ обрядъ въ четвергъ на Страстной недѣлѣ. Цѣль его установленія была та, чтобы всенародно чествовать торжество Христа во времена появленія различныхъ сектъ. Булла Папы Урбана IV объ этомъ установленіи состоялась въ 1264 г. и назначила для празднованія первый четвергъ послѣ дня Сошествія Св. Духа, такъ какъ на Страстной недѣлѣ всякое торжество неумѣстно. Въ послѣдствіи (1316 г.) Папа Іоаннъ XXII присоединилъ къ

[1]) Указ. А. М. въ газ. „Кавказъ" 1846 г.

[2]) Указ. Н. Г. Верзенова.

этому празднику *октаву* или осьмицу, вслѣдствіе чего праздникъ продолжается до слѣдующаго четверга.

Въ Тифлисѣ это католическое торжество празднуется такимъ образомъ: по совершеніи литургіи въ церкви, отправляется процессія на католическое кладбище, на Сололакскую гору. Шествіе происходитъ торжественно: настоятель церкви, осѣняемый балдахиномъ, несетъ Святыя Тайны (sacramentum) въ сопровожденіи хора музыки и многочисленной толпы закавказскихъ католиковъ изъ армянъ и другихъ націй. Передъ толпою идутъ въ два ряда дѣвочки и мальчики, одѣтые въ бѣлыя платья, съ корзинками цвѣтовъ, которые они бросаютъ по дорогѣ. На кладбищѣ устраивается четыре престола для прочтенія четырехъ евангелій. Каждое изъ евангелій читается на особомъ языкѣ: одно на латинскомъ, другое на армянскомъ, третье на грузинскомъ и четвертое на польскомъ. Процессія и чтеніе на 4-хъ языкахъ евангелія имѣютъ то символическое значеніе, что Христосъ странствовалъ по городамъ и селамъ, проповѣдуя свое божественное ученіе всѣмъ языкамъ. Разбрасываніе цвѣтовъ по дорогѣ знаменуетъ распространеніе благодати [1]).

Праздникъ Тѣла Христова, очевидно, надо отнести скорѣе къ церковнымъ, чѣмъ къ народнымъ праздникамъ, обыкновенно сопровождаемымъ самобытными и своеобразными обыкновеніями.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ замѣчательно еще празднество у горнаго населенія Тушино-Пшаво-Хевсурскаго округа давно уже просвѣщеннаго православіемъ, но не вполнѣ отставшаго отъ грубыхъ предразсудковъ язычества. Праздникъ этотъ называется *Лашарисъ-Джвари*, отъ имени главнаго капища, находящагося неподалеку отъ Тіонетъ, за селеніемъ Джавлеби, у подножія горы Ахади.

Въ Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ находится много капищъ, но Лашарисъ-Джвари главное изъ нихъ, и туземцы называютъ его *великимъ господиномъ* (დიდი ბატონი); самое названіе *Лашарисъ-Джвари* толкуется двояко: у царицы Тамары былъ сынъ Георгій *Лаша*; въ честь его, будто бы, учрежденъ праздникъ. *Джвари*—значитъ крестъ. По другимъ толкованіямъ, какой-то монахъ *Лашіани*, что значитъ губастый, на томъ мѣстѣ обращалъ язычниковъ въ христіанство, и праздникъ учрежденъ въ память его. Какъ бы то ни было, подробности самаго праздника заслуживаютъ обстоятельнаго описанія потому, что вполнѣ характеризуютъ степень нравственно-религіознаго развитія тушино-пшаво-хевсурскаго населенія.

Въ день праздника пшавцы съ семействами, горные хевсуры, тушины, кисты, телавскіе армяне съ балаганами, наполненными мелочнымъ товаромъ, располагаются пёстрой толпою у подошвы горы Ахади. Капище, или строеніе, сложенное изъ шифернаго камня и осѣненное огромными чинарами, окружается множествомъ молельщиковъ, даже изъ дальней и православной Кахетіи. Каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ барана въ ожиданіи очереди, пока *Хевисъ-бери* (старшина ущелья) *деканози* (жрецъ) подойдётъ съ ножемъ, произнесётъ нѣсколько словъ благословенія и зарѣжетъ жертву. Голова и ноги жервы относятся въ средину капища, въ пользу деканози, а остальное сейчасъ же попадаетъ въ котёлъ и потомъ съѣдается семействомъ молельщика. Иногда жрецъ поднимаетъ надъ собою зарѣзанную жертву и машетъ ею во всѣ стороны, окропляя кровью народъ и стѣны капища. Иногда набожные пришельцы подносятъ къ жрецу дѣтей, особенно больныхъ, и онъ пальцами лѣвой руки, обмаченными въ кровь, дѣлаетъ у нихъ на лбу знаменія креста. Между тѣмъ, пока происходитъ здѣсь богослуженіе, къ Лашарисъ-Джвари безпрепятственно являются деканози изъ другихъ, дальнихъ и ближнихъ капищъ; благоговѣйно неся предъ собою *дроша*, т. е. родъ хоругви, съ колокольчикомъ вверху и съ желѣзнымъ наконечникомъ; его носитъ особо назначенный для этого человѣкъ, называемый *медроше*. При появленіи *дроша* обнаруживаютъ глубочайшее благоговѣніе, наклоняются до земли, творятъ крестное знаменіе и даже снимаютъ свои, никогда не снимаемыя, шапки. Иные деканози, въ качествѣ помощниковъ *Хевисъ бери*, держатъ въ рукахъ серебрянные сосуды разныхъ формъ: *азарпеши*, чаши, кувшины, *кулы* и другую посуду въ родѣ вазъ, молочниковъ, или нашихъ садовыхъ леекъ съ длинной шейкой, и потчуютъ молельщиковъ виномъ. На всѣхъ сосудахъ есть грузинскія надписи, гласящія объ именахъ ихъ пожертвователей и о времени поступленія въ собственность капища.

По окончаніи праздника въ Лашарисъ-Джвари, упившись вдоволь виномъ, напившись, наплясавшись до-упаду, народъ направляется къ капищу царицы Тамары. Тутъ повторяется почти тоже самое, только въ меньшихъ размѣрахъ. Пиромъ оканчивается день и въ этомъ заключается не только праздникъ Лашарисъ-Джвари, но и всѣ обряды служенія Тушино-Пшаво-Хевсурскаго населенія [1]).

(1 Указ. г. Нагурнаго.

ІЮЛЬ.

26 іюля—день храмового праздника въ *Сурбъ-Карапетъ*, армянской церкви, находящейся вблизи Тифлиса, на Чугуретской возвышенности, между Авлабаромъ и Куками. Праздникъ этой церкви посѣщается съ особенной охотою ближайшими жителями изъ армянъ. Куки (тифлисское предмѣстье) въ этотъ день необыкновенно оживляются, на улицахъ гремятъ экипажи, на церковной паперти и на Авлабарскихъ высотахъ мелькаютъ лечаки (вуали), тасакрави (головныя женскія повязки грузинокъ) и цѣлый день слышится зурна. Вообще этотъ праздникъ слѣдуетъ отнести къ чисто церковнымъ; увеселенія же и обычаи этого дня не отличаются ничѣмъ особенно-знаменательнымъ.

АВГУСТЪ.

Успеніе. Въ Тифлисѣ армяно-григоріане празднуютъ день Успенія Пресвятыя Богородицы съ 13 числа, на Петхаинской горѣ въ *Петхаинскомъ* храмѣ. Этотъ праздникъ, принадлежа къ числу собственно *церковныхъ* праздниковъ, отличается большимъ оживленіемъ, многолюдствомъ и, какъ картина туземнаго быта, изобилуетъ характеристическими мѣстными красками.

Во время литургіи въ храмѣ выставляется икона Божіей Матери; богомольцы спѣшатъ приложиться къ ней, или поставить свѣчу, или положить у подножія ея свою усердную лепту. Выходя изъ храма, толпы богомольцевъ остаются гулять вблизи его. Нѣкоторые заходятъ въ келіи, устроенныя подъ папертью, гдѣ живутъ по нѣскольку дней, а иногда и по нѣсколько мѣсяцевъ, больные въ чаяніи выздоровленія подъ сѣнію храма, посвященнаго Матери Божіей...

У православныхъ жителей Закавказья праздникъ Успенія торжествуется *15 августа*, и въ особенности это торжество замѣчательно въ *Мартквопи*, и въ Свято-Троицкомъ *Алавскомъ* монастырѣ, лежащемъ на сѣверо-западъ отъ г. Душета, въ Ксанскомъ ущельи. Извѣстно, что въ Грузіи множество церквей и разрушенныхъ монастырей, къ которымъ любитъ ходить народъ, движимый то благочестіемъ, то желаніемъ повеселиться, побыть въ большомъ и разнообразномъ обществѣ.

Марткопскій монастырь, находящійся въ 20 верстахъ отъ Тифлиса, принадлежитъ къ любимѣйшимъ мѣстамъ народнаго пилигримства въ Грузіи. Рѣдкій изъ жителей

[1]) Указ. г. Зиссермана.

Тифлиса, не только изъ грузинъ, но даже и изъ армянъ, не считаетъ непремѣнною обязанностью побывать со всѣмъ своимъ семействомъ хоть разъ въ два года. Женщины, дѣти, мужчины, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто на арбѣ, а нѣкоторые въ нѣмецкихъ штульпагенахъ, нанятыхъ у тифлисскихъ колонистовъ, отправляются въ Марткопи наканунѣ праздника.

Мѣстоположеніе Марткопскаго монастыря прекрасно. Монастырь и церковь разрушены лезгинами въ 1752 г. Говорятъ, что при этомъ случаѣ убито ими до 300 монаховъ. Главный куполъ церкви обвалился въ 1823 году. Подробная исторія монастыря весьма любопытна [1]), но не занимаясь исторіей, укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя изъ его достопримѣчательностей. Какъ на Мтацминдской горѣ нѣкогда поселился св. Давидъ, а на Зедадзинской—св. Іоаннъ,—такъ на Марткопской горѣ поселился въ V вѣкѣ св. Антоній, третій изъ Сирійскихъ Отцовъ, пришедшихъ въ Грузію для утвержденія христіанства. Благочестивая жизнь, исцѣленіе больныхъ и чудеса привлекли къ св. Антонію многихъ учениковъ, для которыхъ онъ устроилъ обитель съ храмомъ во имя Спасителя. Невдалекѣ этого храма до нынѣ сохраняется на высокомъ утёсѣ, „столпъ" или башня, въ которой былъ устроенъ другой храмъ, нынѣ разрушенный. Здѣсь св. Антоній Марткопскій провелъ послѣднія пятнадцать лѣтъ своей жизни, отчего церковь наименовала его *столпникомъ*. До сихъ поръ сохранилась стѣна, окружавшая монастырь, и видны слѣды до 50 каменныхъ келлій. Стѣна простирается на 70 сажень. По лѣвую сторону въ храмѣ отъ царскихъ дверей находится могила св. Антонія. По обычаю, сохранившемуся въ Грузіи и во всѣмъ христіанскомъ Закавказьи, сюда приносятся богомольцами: ладонъ, мёдъ, живые пѣтухи, и шкуры заколотыхъ животныхъ. На востокъ отъ главнаго храма остаётся почти въ цѣлости квадратная колокольня, построенная въ 1629 году. Между тѣмъ лѣсъ, окружающій монастырскія стѣны, наполняется толпами пирующихъ. Подъ каждымъ деревомъ образуется живописная группа. Звуки зурны, бой въ бубны, гуденіе волынки *(ствири)* пѣсни пирующихъ, ржаніе коней, скрипъ арбъ,—все это составляетъ оригинальный праздничный хаосъ, новый и занимательный для европейца. Пиршество составляетъ вторую и послѣднюю часть праздника Марткопскаго, какъ и вообще всѣхъ подобныхъ праздниковъ въ Закавказскомъ краѣ. Въ тотъ же самый день, 15 августа, происходитъ храмовой праздникъ въ *Алевскомъ Свято-Троицкомъ* монастырѣ, находящемся на сѣверо-западъ отъ Душета, въ Ксанскомъ ущельи [2]). По близости этого мѣста отъ селеній тушино-пшаво-хевсурскихъ,—суровые жители ихъ въ великомъ множествѣ стекаются ко храму св. Троицы (Самеба). Тутъ же встрѣчаются и оборванные осетины и пришельцы изъ Тифлиса съ неизбѣжною зурной и барабанами. Утромъ совершается обѣдня во храмѣ,—къ вечеру начинается пированье вблизи храма. Угрюмые пшавцы и хевсуры, вооруженные карабинами и щитами, тутъ же *особо* молятся съ своими *деканозами*. Однообразіе праздничнаго пиршества—выкупается разнообразіемъ племенъ, нарѣчій, и картинныхъ группъ, располагающихся подъ сѣнью палатокъ и шатровъ изъ вѣтвей, разбросанныхъ по обширной площадкѣ Алевской горы. Алевскій монастырь замѣчателенъ свою древностью (онъ построенъ въ первой половинѣ XII вѣка) и преданіемъ, относящимся ко времени гибельнаго нашествія на Грузію Шаха-Аббаса. Положеніе монастыря пустынно и живописно. Всё здѣсь внушаетъ мысль объ уединеніи и отчужденіи себя отъ міра.

Въ августѣ же, передъ началомъ жатвы, замѣчателенъ праздникъ у *кистинскаго племени*. Въ деревнѣ Хули, около четырехъ-сотъ лѣтъ тому назадъ, нѣкто Эльда Дударовъ, предокъ нынѣ существующей значительной фамиліи въ Тагаурскомъ поколѣніи, основалъ церковь, называемую по кистински: *Зодцохъ-Ерды*, т. е. во имя св. Ерды. Въ этой то церкви ежегодно въ августѣ (и въ октябрѣ) совершается поклоненіе, неизмѣнившееся ни временемъ, ни политическими событіями, которымъ безпрестанно подвергалось кистинское племя. Въ дни праздника всѣ почитатели св. Ерды, безъ различія пола и возраста, приходятъ въ Хулинскую церковь и совершаютъ обрядъ, который начинается молитвой, произносимой каждымъ: „Дай Господи милость Свою, и ты св. Ерды, окажи оною вмѣстѣ съ Матіала, (св. Матвѣй, первый, по мнѣнію кистинъ, почитатель церкви и установитель обряда жертвоприношенія), чтобы въ хлѣбѣ было плодородіе, въ скотоводствѣ изобиліе и въ дѣтяхъ счастіе. Избави ихъ отъ вражды и всякаго несчастія; но ежели кто изъ нихъ и будетъ имѣть вражду, то чтобы могъ преодолѣть оную навсегда и во всякое время". Послѣ этой молитвы совершается въ оградѣ храма жертвоприношеніе различныхъ рогатыхъ животныхъ, дикихъ и домашнихъ. Закалываютъ ихъ, обращаясь на востокъ.

Праздникъ Хулинской церкви совершается кистинами въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, и состоитъ въ пѣсняхъ, пляскѣ, пьянствѣ и ѣдѣ. Всё это дѣлается послѣ жертвоприношенія и только мужчинами. Женщины же приходятъ во храмъ только ночью... [1]).

СЕНТЯБРЬ.

Праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста Господня (14-го сентября) многолюдно и шумно празднуется въ Алавердскомъ монастырѣ, въ Кахетіи. Туда къ этому дню собирается все пилигримствующее и даже непилигримствующее населеніе христіанскаго Закавказья. Тамъ можно встрѣтить представителей христіанскихъ, полу-христіанскихъ и вовсе не христіанскихъ племенъ: армяне, грузины (карталинцы, кахетинцы, тушины, пшавцы, хевсуры), татары, лезгины, осетины и кистинцы собираются къ празднику безчисленными толпами. Тутъ происходятъ различныя національныя игры,—*тамаша*, столь любимая здѣшними туземцами, джигитовка и въ заключеніе всего гастрономическая оргія. Вообще Алавердскій праздникъ можетъ дать полное понятіе о характерѣ народныхъ праздниковъ Закавказья, т. е. тѣхъ собственно-церковныхъ праздниковъ, которые не сопровождаются никакими *особенно знаменательными или символическими обрядами*, но гдѣ народный разгулъ является во всей самобытной красотѣ своей.

ОКТЯБРЬ.

Праздникъ Хитона Господня—празднуется въ Грузіи 1-го октября въ Мцхетѣ, отстоящемъ на 22 версты отъ Тифлиса по Гартискарской дорогѣ. Мцхетъ—древняя столица Иверіи—теперь деревушка, и только два уцѣлѣвшіе храма свидѣтельствуютъ о ея древнемъ величіи. Одинъ изъ этихъ храмовъ—Мцхетскій соборъ во имя 12 апостоловъ. Онъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ сокрытъ Хитонъ Господень. Святыню эту принесъ съ Голгофы мцхетскій еврей Элiозовъ, присутствовавшій при распятіи Спасителя. Сестра Элiозова, Сидонія, выбѣжавъ къ нему на встрѣчу, вырвала изъ рукъ его священную одежду и, прижавъ ее къ груди своей, пала мертвою. Никакія человѣческія усилія не могли вырвать изъ ея объятій святыню и потому вмѣстѣ съ нею была погребена Сидонія въ царскомъ саду. Вскорѣ надъ этимъ мѣстомъ выросъ огромный кедръ. Авіаваръ, правнукъ Элiозова, первый принялъ ученіе св. Нины и открылъ ей

[1]) См. Закавказск. Вѣстникъ, № 4. 1845 г. статью г. Іосселіани.

[2]) Указ. Н. Г. Берзенова.

[1]) Указ. г. Несвѣтскаго.

какая святыня хранится подъ кедромъ. Когда же царь Мріанъ принялъ крещеніе, то по указанію св. Нины, надъ Хитономъ воздвигнутъ храмъ (328 г.). Кедръ срубленъ, а надъ корнемъ поставленъ столбъ, опора всему храму. Непрестанныя исцѣленія, вмѣстѣ съ миромъ, начали истекать изъ столба на вѣрующихъ. Чрезъ 50 лѣтъ древняя церковь Мріана была замѣнена каменною царемъ Тиридатомъ, а въ V вѣкѣ Гургасланъ замѣнилъ ее великолѣпнымъ храмомъ, который былъ разрушенъ землетрясеніемъ въ 1818 году, и въ томъ же году возобновленъ царемъ Георгіемъ VI. Тамерланъ разрушилъ храмъ до основанія, и только царь Александръ воздвигъ его въ XV вѣкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ можно видѣть его до настоящаго времени.

Такимъ образомъ праздникъ 1 октября знаменуетъ собою народное уваженіе къ одной изъ величайшихъ святынь христіанства, и въ тоже время свидѣтельствуетъ о воспоминаніяхъ историческихъ, священныхъ для памяти каждаго: въ Мцхетскомъ соборѣ короновались грузинскіе цари и многіе изъ нихъ тамъ погребены. У самаго алтаря, по обѣ стороны амвона подъ мраморными плитами покоится прахъ послѣднихъ царей грузіи: Ираклія II и Георгія XIII.

Кромѣ того, народное поклоненіе обращается въ этомъ мѣстѣ къ другому еще предмету священныхъ преданій Иверіи: вблизи Мцхета сохранилась древняя *Самтаврская* церковь, на мѣстѣ первыхъ подвиговъ св. Нины. Церковь эта основана царемъ Мріаномъ въ началѣ IV вѣка. Съ восточной стороны ограды доселѣ видна небольшая церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была куща св. Нины, гдѣ она молилась передъ крестомъ изъ виноградныхъ лозъ, связанныхъ ея волосами и творила имъ великія знаменія. Таково вѣрованіе въ народѣ, основанное на преданіи. [1]).

Мцхетскій праздникъ, справедливо можетъ быть названъ *праздникомъ праздниковъ* грузинскимъ, какъ по многочисленности богомольцевъ, къ нему стекающихся, такъ особенно и по воспоминанію, съ ними сопряженному и восходящему къ той великой эпохѣ, когда, какъ мы сейчасъ сказали, Грузія только что была озарена свѣтомъ христіанства. Изъ далекой Арменіи, изъ глубины горъ Хевсуріи и Осетіи приходятъ на этотъ праздникъ усердные пилигримы, чтобы поклониться и облобызать то святое мѣсто, гдѣ былъ *животворящій столпъ* (ცხ ო ებ ელ ი), нѣкогда источавшій св. муро. Надъ этимъ мѣстомъ, находящемся во внутренности Мцхетскаго собора, у южныхъ вратъ, нынѣ возвышается четырехугольная каменная колоннада, огражденная желѣзною рѣшеткой; углубленіе подъ колонадой обозначаетъ мироточивое мѣсто. Въ день праздника, съ утра до вечера, толпятся здѣсь во множествѣ набожные посѣтители: кто ставитъ свѣчу, кто достаетъ изъ углубленія щепоть земли и прикладываетъ ее къ глазамъ или беретъ съ собою домой, въ увѣренности цѣлебной ея силы противъ разныхъ болѣзней. [2]).

Любопытную картину представляетъ во время праздника обширная ограда собора. Ночью, вокругъ церкви, близъ палатокъ, зажигается множество костровъ; все ликуетъ и веселится, но не тѣмъ буйнымъ и непристойнымъ весельемъ, какое человѣкъ иногда позволяетъ себѣ въ шумномъ волненіи житейскаго моря; здѣсь, вблизи этой святыни, все проникнуто благоговѣніемъ: и это ликованье, эти скромныя пляски и хороводы (*перхули*) имѣютъ особый характеръ чинности, встрѣчаемой только на Кавказѣ.—Днемъ, по отходѣ обѣдни, бываетъ борьба, на которой состязаются въ силѣ и ловкости атлеты окрестныхъ деревень; побѣдитель награждается новою чохою и шумными изъявленіями одобренія со стороны многочисленныхъ зрителей.

[1]) Указ. г. Константинова.

[2]) Указ. Н. Г. Берзенова.

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ.

10 ноября, въ день св. Георгія Святого, въ особенности чтимаго не только въ Грузіи, но даже и у другихъ Закавказскихъ племенъ, болѣе или менѣе отступившихъ отъ христіанства,—совершаются повсемѣстныя празднованія. Такъ, напримѣръ, замѣчательны чествованія св. Георгія у пшавовъ, у осетинъ и у абхазцевъ. Опишемъ сначала пшавскій *Бодчормскій* праздникъ,—хорошо характеризующій пшавовъ, съ суевѣрными повѣрьями котораго нѣсколько уже ознакомлены читатели настоящаго описанія.

Въ Пшавіи, недалеко отъ р. Іоры, на горѣ Бодчормѣ уцѣлѣлъ древній храмъ, основаніе котораго грузинскимъ царевичемъ Вахуштіемъ относится къ баснословному періоду Картлоса, а народнымъ преданіемъ—къ вѣку Тамары. На Бодчормѣ было нѣсколько храмовъ, но отъ нихъ остались только развалины. Въ совершенной же цѣлости сохраняется главный храмъ, на самой вершинѣ горы, подъемъ на которую такъ крутъ, что пилигримы, посѣщающіе эту ветхую святыню, покидаютъ арбы и лошадей у подножія горы, и взбираются пѣшкомъ на вершину. Общее грузинское повѣрье приписываетъ чудесную силу здѣшней церкви. Всякій, кто сдѣлалъ къ ней однажды благочестивое путешествіе, долженъ каждый годъ пріѣзжать съ приношеніемъ, иначе никакая благовидная причина не можетъ служить ему оправданіемъ, и *Бодчормскій образъ* накажетъ его корчами. Подверженный падучей болѣзни, по мнѣнію мтіулетинца, наказанъ отъ своего *наслѣдственнаго образа*. Всякая бездѣлица, оставленная въ оградѣ или въ церкви, считается собственностью Бодчормскаго образа, такъ что здѣсь можно увидѣть огромное количество погремушекъ и колокольчиковъ, оленьихъ роговъ и осколковъ стекляруса, деревянной посуды и пушечныхъ ядеръ. Все это лежитъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ и никто не осмѣливается коснуться до церковной собственности; никто не смѣетъ прикоснуться даже къ дереву, растущему въ церковной оградѣ, потому что это прогнѣвало бы *образъ*. Престольный праздникъ въ Бодчормскомъ храмѣ совершается, какъ уже сказано, 10 ноября. Къ этому дню богомольцы стекаются съ разныхъ сторонъ Кахетіи, Пшавіи и Душетскаго участка. Ни снѣгъ, ни дождь, ничто не можетъ помѣшать пилигримамъ совершать путешествіе на Бодчорму. Обязанность это считается наслѣдственною. Путешествіе до подножія горы совершается на арбахъ съ навѣсами, на коняхъ и пѣшкомъ. Мужчины одѣваются въ лучшія платья и путешествуютъ съ ружьями въ рукахъ. Къ вечеру праздничнаго кануна вся храмовая ограда наполняется народомъ. Здѣсь встрѣчаются грузины и грузинки долинъ, пшавы и пшавки, мтіулетинцы и мтіулетинки; всѣ они въ своихъ нарядахъ оригинальныхъ и живописныхъ костюмахъ. Блеящіе бараны, привязанные тамъ и сямъ, бурдюки съ краснымъ виномъ, которое для этого праздника сберегается въ малыхъ кувшинахъ, все это остается въ оградѣ и занимаетъ не мало мѣста. Кто раньше приходитъ на праздникъ, тотъ и завладѣваетъ лучшимъ мѣстомъ. Стоянки располагаются вокругъ церкви, въ башняхъ и въ стѣнныхъ жильяхъ или по крутымъ скатамъ горы, подъ деревьями. На ночь зажигается множество костровъ, которыхъ свѣтъ озаряетъ типичныя лица богомольцевъ. Ужинъ длится за полночь; дайра и пляска грузинокъ, разгульныя пѣсни грузинъ.

Въ продолженіи цѣлаго года только въ этотъ день совершается въ Бодчормскомъ храмѣ безкровная жертва истинному Богу. Послѣ обѣдни священникъ служитъ молебны и снимаетъ проволочныя кольца съ *обѣтчиковъ*. На возвратномъ пути съ праздника нѣкоторые грузины, и особенно грузинки, кумятся съ пшавами и отдариваютъ другъ друга—первые разными бездѣлицами, а вторые пшавскимъ масломъ и медомъ. [1]).

[1]) Указ. г. Бакрадзе.

Вашкирки. Съ 15 ноября до первыхъ чиселъ декабря осетины Кударскаго и Мамисонскаго ущелій совершаютъ съ особеннымъ торжествомъ праздникъ *Вашкирки*. Эти двѣ недѣли у осетинъ исключительно посвящаются обрученіямъ (*усракорта*) и свадьбамъ (*кинджахсанъ*), и должно замѣтить, что ни одна изъ свадебъ, совершенныхъ въ это время, не расторгается такъ скоро разводомъ, какъ это бываетъ съ брачными союзами, заключенными въ другія эпохи года. Причина тому заключается въ особомъ уваженіи осетинъ къ св. Георгію, чествуемому въ дни праздника *Вашкирки*.

Обрученіе и свадебные обряды не входятъ въ составъ настоящаго описанія, и потому мы не станемъ объяснять обычаи, сопровождающіе празднованіе *Вашкирокъ*. Но приведемъ въ переводѣ краткую молитву, или духовную пѣснь, которая поется осетинами на обѣдахъ, назначаемыхъ въ честь сватовъ и жениховъ поочередно у всѣхъ жителей селенія во время *Вашкирокъ*: „О святый Георгій! мы Тебя молимъ, даруй намъ милость Твою, да будутъ дни эти счастливы сватамъ, женихамъ и невѣстамъ! Пошли молодымъ счастливую брачную жизнь, невозмутимую, нерасторгаемую разводомъ!“...

Въ Абхазіи, которая, какъ извѣстно, состоитъ изъ христіанъ, магометанъ и даже язычниковъ, св. Георгій также чествуется всѣми, безъ различія вѣроисповѣданій! Чествованіе это заключается въ особомъ обрядѣ жертвоприношенія св. Георгію, которое совершается обыкновенно не въ ноябрѣ, какъ слѣдовало бы по указаніямъ календаря, а на первый день Пасхи, по утру, т. е. у крещенныхъ послѣ обѣдни, а у мухаммеданъ и язычниковъ —рано утромъ. Кто въ этотъ день не могъ почему либо исполнить обряда жертвоприношенія, тотъ исполняетъ его въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ теченіе лѣта, только не въ постъ. Самый обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ: назначенное на жертву животное (чаще всего корову, иногда новорожденнаго бычка, а иногда и барашка), приводятъ къ крыльцу дома, куда выходятъ всѣ члены семейства и становятся на колѣни лицомъ къ востоку, сложивъ руки на груди и благоговѣйно соблюдая глубокое молчаніе. Мужчины снимаютъ шапки. Старшій въ семействѣ, взявъ жертву за уши, (обыкновенно кончикъ уха животнаго, обрѣченнаго на жертву, бываетъ заблаговременно отрѣзанъ), произноситъ молитву: „Святый, великій Георгій Илорскій!“ (въ селеніи Илорѣ находится древняя церковь во имя св. Георгія) „приношу тебѣ опредѣленную моими предками жертву; не оставь меня и мое семейство своимъ покровительствомъ; дай намъ здоровья и долголѣтія, удали отъ насъ всякіе недуги въ настоящее и будущее время, сохрани насъ отъ злыхъ духовъ и отъ дурныхъ глазъ; не оставь также своимъ покровительствомъ отсутствующихъ нашихъ родныхъ и друзей и всѣхъ тѣхъ, которыхъ мы любимъ.“!

Всѣ члены семейства заключаютъ молитву словомъ: „Аминь“, встаютъ, и поворотившись на-право, кланяются къ востоку, не дѣлая однако же крестнаго знаменія, хотя бы они были и крещеные.

Вслѣдъ затѣмъ, зарѣзавъ жертву, варятъ мясо; кромѣ того пекутъ пирогъ изъ пшеничной муки, съ начинкою изъ сыра, и дѣлаютъ небольшую восковую свѣчу; потомъ читавшій молитву мужчина отправляется въ сарай (*марани*) и открываетъ *посвященный* кувшинъ вина; (изъ числа кувшиновъ, зарытыхъ въ марани абхазскаго хозяина, самый большой *посвящается* св. Георгію). Когда мясо жертвы сварилось и пирогъ испеченъ,—тогда несутъ ихъ въ марани, ставятъ около завѣтнаго кувшина, и приносятъ свѣчу, ладанъ и горячихъ угольевъ. Все семейство опять становится на колѣни, лицомъ къ востоку и притомъ такъ, чтобы кувшинъ находился передъ ними. Старшій въ домѣ зажигаетъ свѣчу, прилѣпляетъ ее къ горлу кувшина, кладетъ немного ладана на уголья, и когда онъ задымится, повторяетъ ту же молитву, которая была читана передъ закланіемъ жертвы. Члены семейства отвѣчаютъ „Аминь“.

По окончаніи молитвы распорядитель обряда отрѣзываетъ отъ сердца и печени жертвы, и отъ пирога—по кусочку, и обмочивъ въ винѣ, сожигаетъ ихъ на угольяхъ; потомъ отрѣзываетъ отъ тѣхъ же частей столько кусковъ, сколько членовъ семейства присутствуетъ при обрядѣ и даетъ каждому съѣсть и запить виномъ изъ кувшина. Послѣ этого всѣ встаютъ и опять кланяются на востокъ; потомъ выходятъ изъ марани, выносятъ мясо жертвы и пирогъ, садятся за столъ и пируютъ съ полнымъ упованіемъ на покровительство святого, приглашая на пиръ своихъ сосѣдей, если у тѣхъ въ этотъ день не было жертвоприношенія [1]).

ДЕКАБРЬ.

Рождество и Святки. Въ Россіи бываетъ много поэтическихъ приготовленій къ празднику Рождества Христова и много разнообразныхъ народныхъ увеселеній во время самаго праздника. Въ Грузіи же, въ дни рождественскіе и святочные, повсюду тихо и спокойно, какъ въ будни. Иногда только, когда декабрьское солнце празднично освѣтитъ Тифлисъ, а согрѣтый воздухъ напомнитъ собою о веснѣ,—грузинки въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ платьяхъ выйдутъ на плоскія крыши своихъ саклей, или, подъ вечеръ, протанцуютъ лезгинку, да гдѣ-нибудь, въ завѣтномъ пріютѣ, сойдется чета длинноусыхъ пріятелей-грузинъ, и, между пѣсенъ и разсказовъ, примется потягивать кахетинское. Но все это случается и въ обыкновенные дни; собственно же Рождество и Святки не отличаются въ Тифлисѣ, да и въ цѣломъ христіанскомъ Закавказьи, никакими особенными праздничными обыкновеніями.

III.

Исчисливъ *важнѣйшіе* или *извѣстнѣйшіе* праздники и праздничныя обыкновенія христіанскаго Закавказья, мы далеко не исчислили *всѣхъ* праздниковъ и обыкновеній этого края. По окончаніи нашего обзора мы даже замѣтили, что фактическая часть его вышла бѣднѣе, чѣмъ мы ожидали приступая къ приведенію въ порядокъ матеріаловъ, послужившихъ для ея составленія. По тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, мы извлекли изъ этихъ матеріаловъ все, что лишь было возможно,—а съ другой—намъ кажется, что и то небогатое собраніе фактовъ, какое удалось намъ привести въ настоящемъ разсказѣ—вполнѣ достаточно для его цѣли,—то есть для указанія степени религіозно-нравственнаго развитія въ каждомъ изъ народовъ, принадлежащихъ къ христіанскому Закавказью. Такимъ образомъ теперь совсѣмъ не трудно видѣть, что *ингуши*, *галгаи* и *кисты* или *кистинцы* стоятъ на низшей степени христіанскаго религіозно-нравственнаго развитія между всѣми исчисленными племенами; что *тушины*, *пшавы* и *хевсурцы* (грузины-горцы) нѣсколько болѣе первыхъ сохранили воспоминаніе о христіанствѣ; что за ними въ той же послѣдовательности должны быть поставлены *осетины* и *абхазцы*, такъ много примѣшавшіе ислаизма къ смутнымъ воспоминаніямъ христіанскихъ обрядовъ,—и что, наконецъ, наиболѣе чистое христіанское ученіе и чистѣйшіе христіанскіе обряды и обыкновенія составляютъ достояніе грузинъ—*гурійцевъ*, *мингрельцевъ*, *имеретинъ*, *кахетинцевъ*, (карталинцевъ), *и армянъ* [2]).

Дѣло исторіи—объяснить причины и эпохи укорененія и ослабленія христіанства у исчисленныхъ народовъ,—объясненіемъ-же праздничныхъ ихъ обыкновеній достаточно указуется то большее, или меньшее вліяніе чистыхъ началъ христіанства на развитіе ихъ религіозно-нравственныхъ идей, которое составляло предметъ наше-

[1]) Ука. г. Звамбая.

[2]) Къ числу народовъ сохранившихъ нѣкоторые остатки христіанскихъ обрядовъ можно бы отнести вольныхъ сванетовъ.

го изслѣдованія и рѣшительное господство котораго мы видимъ только у грузинъ и армянъ.

Возвращаясь къ положенію, выраженному въ первой части настоящаго труда, и столь противорѣчащему положеніямъ мыслителей—защитниковъ *первобытнаго* человѣчества,—намъ не трудно теперь доказать справедливость нашего положенія. Мы сказали, что чѣмъ болѣе удалился народъ, на пути къ просвѣщенію, отъ простодушныхъ или *непосредственныхъ* религіозныхъ вѣрованій, тѣмъ менѣе символическихъ условій и обрядовъ въ его праздничныхъ обычаяхъ, тѣмъ чище, *духовнѣе*, его религіозныя понятія, и тѣмъ безукоризненнѣе самые его нравы. Теперь взглянемъ на ингушей, кистинцевъ, галгаевъ, тушинъ, пшавовъ, хевсурцевъ, осетинъ и даже абхазцевъ. У всѣхъ у нихъ сохранились нѣкоторыя воспоминанія христіанства; но въ чемъ состоятъ они теперь? Въ наружныхъ, въ самыхъ грубыхъ обрядахъ, въ символическихъ формахъ внѣшняго поклоненія, въ гаданіяхъ, въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ, такъ напоминающихъ язычество, и наконецъ, у нѣкоторыхъ, въ отвратительныхъ оргіяхъ. При такомъ положеніи религіозныхъ понятій—и самые нравы этихъ племенъ не могутъ не отличаться жалкою глубостью: брачныя узы, отношеніе родителей къ дѣтямъ, понятіе о женщинѣ, о собственности,—все это дѣйствительно остается у нихъ въ самомъ *первобытномъ* состояніи грубости и несправедливости. Переходя къ народамъ, вполнѣ озареннымъ ученіемъ Христа, мы и тутъ еще видимъ, покрайней мѣрѣ въ простонародьи, изобиліе символическихъ обрядовъ, и притомъ часто вовсе не основанныхъ на преданіяхъ христіанскихъ; вспомнимъ, напримѣръ, *Бедисъ Гамоцда* у гурійцевъ (въ субботу на первой недѣлѣ великаго поста), или *Джоджооба* (посѣщеніе ящерицъ), у грузинъ и армянъ,—всѣ эти обыкновенія однимъ существованіемъ своимъ не свидѣтельствуютъ-ли еще, что у народовъ, исполняющихъ ихъ, просвѣщеніе не вполнѣ очистило религію отъ примѣси предразсудковъ, отъ вліянія сосѣднихъ съ ними, не христіанскихъ народовъ, и даже отъ воспоминаній язычества. Но, поспѣшимъ прибавить, у грузинъ, гурійцевъ, мингрельцевъ, имеретинъ, и армянъ, какъ у народовъ по преимуществу христіанскихъ, самые, такъ сказать, предразсудочные обряды и обычаи не столь грубы, какъ у прочихъ племенъ и, можно даже сказать, что они всегда облечены какою-нибудь истинно-поэтическою формой и основаны на мысли хотя иногда и не христіанской, но всегда чистой, нравственной и даже высокой. Такъ, напримѣръ, что можетъ быть поэтичнѣе и трогательнѣе, какъ обыкновеніе тифлисскихъ грузинъ бросаться въ холодныя волны Куры, немедленно вслѣдъ за погруженіемъ въ нихъ Креста, въ день Богоявленія Господня? Или обыкновеніе грузинскихъ пилигримокъ обвивать ниткою храмъ, къ которому онѣ приходятъ на поклоненіе,—въ знакъ полнѣйшей преданности своей къ обвиваемой такимъ образомъ святынѣ?

Да и вообще во всѣхъ религіозныхъ праздникахъ наиболѣе просвѣщеннаго, т. е. всего *по преимуществу христіанскаго* Закавказья,—преобладаетъ высокое сочувствіе къ чистѣйшимъ обрядамъ церкви христіанской и вѣрнѣйшее ихъ пониманіе. Здѣсь каждый церковный праздникъ бываетъ праздникомъ не одного прихода, но цѣлаго города или всѣхъ окрестныхъ деревень и получаетъ характеръ праздника народнаго. За нѣсколько дней ждутъ его наступленія, говорятъ о томъ и наканунѣ съ вечера собираются въ церковь, гдѣ проводятъ всю ночь, —(*гамисъ тевз*) всенощное бдѣніе. Многолюдство и шумъ этихъ собраній могутъ съ перваго раза показаться неуваженіемъ къ дому Божію; но едва зазвучитъ колоколъ, едва раздастся голосъ священника,—тишина и порядокъ тотчасъ замѣняютъ собою шумъ и движеніе, женщины усаживаются на ципочкахъ [1]), шепча молитвы и перебирая четки, мужчины кладутъ земные поклоны и общая благоговѣйная тишина лишь изрѣдка нарушается набожнымъ восклицаніемъ, вздохомъ моленія. Едва ли найдется другая страна, удержавшая такъ много чертъ истиннаго Богопочитанія, какъ собственно-христіанское Закавказье, гдѣ бы строже соблюдались постановленія церкви, гдѣ бы храмы посѣщались такъ часто и съ такою охотою. Едва раздается звонъ утренній или вечерній, какъ изъ всѣхъ дверей и калитокъ домовъ выступаютъ женщины и медленнымъ, плавнымъ шагомъ двигаются къ своимъ приходамъ. По появленію ихъ на улицѣ можно вѣрно узнать время дня, зная часъ, въ который начинается и оканчивается служба Божія. Въ субботу же вечеромъ движеніе женщинъ бываетъ еще замѣтнѣе; съ горы или съ крыши высокаго дома можно увидѣть по всѣмъ извилинамъ улицъ фигуры, покрытыя бѣлоснѣжными чадрами, направляющіеся къ церквамъ, гдѣ до поздней ночи горятъ свѣчи, зажженныя ими, или ихъ мужьями, не уступающими женамъ въ благочестіи. Истинные христіане—туземцы не проходятъ мимо храма, не снявъ шапки, не прочитавъ молитвы, не облобызавъ церковныхъ стѣнъ, и преимущественно дверныхъ косяковъ, или не купивъ восковыхъ свѣчей, которыя продаются мальчиками тутъ же, при храмахъ. Наканунѣ каждаго праздника запахъ ладана несется изъ каждаго бѣднаго или зажиточнаго дома.

Въ воскресенье и праздничные дни женщины, одѣтыя въ лучшія свои платья, съ нетерпѣніемъ ждутъ призыва къ обѣдни, и часто острый камень городской улицы язвитъ бѣлую ногу, разутую по обѣту трогательной набожности [2])... Въ такомъ народѣ трудно найти важные признаки дурной нравственности,—и не можетъ быть у такого народа ни кровавыхъ жертвоприношеній, ни изступленныхъ заклинаній, ни суевѣрныхъ прорицаній, ни отвратительныхъ вакханалій, какія встрѣчаются въ праздничныхъ обычаяхъ галгаевъ и прочихъ племенъ, не опередившихъ ихъ въ своемъ религіозно-нравственномъ развитіи. Границы и значеніе *календарной* статьи не позволяютъ намъ входить въ дальнѣйшіе примѣры и указанія для подтвержденія главнаго нашего положенія. Но, смѣемъ думать, что и безъ того уже достаточно, если не доказана, то указана связь, существующая между различными праздничными обыкновеніями и различными степенями религіозно-нравственнаго развитія въ христіанскомъ населеніи Закавказья,—а это то и было единственной цѣлью нашего, далеко не совершеннаго, труда.

Е. В.

[1]) Сидятъ, впрочемъ, только у армянъ.

[2]) Указ. г. Сливицкаго.

Музыка и музыкальные инструменты.

Музыка и музыкальные инструменты у грузинъ [1].

Кавказъ—страна музыкальная. Хотя развитіе искусства вообще, а музыкальнаго въ частности неразрывно связано съ развитіемъ культуры, и самое понятіе искусства возможно только въ культурной странѣ, однако Кавказъ, несмотря на то, что началъ жить культурной жизнью какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, по развитію въ немъ музыкальнаго искусства не уступаетъ многимъ издавна культурнымъ странамъ. Еще задолго до насажденія сѣмянъ культуры кавказскіе народы отличались отъ другихъ азіатскихъ народовъ своею музыкальностью. Въ то время, когда сосѣди наши—персіане, народы средней и малой Азіи, китайцы и друг. до сихъ поръ еще не имѣютъ яснаго представленія о музыкѣ и удовлетворяютъ врожденной въ каждомъ человѣкѣ потребности сопровождать тѣ или другіе моменты въ жизни музыкой самымъ дикимъ, первобытнымъ способомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ понятіемъ слова „музыка",—народы Кавказа съ древнихъ временъ пользуются музыкальными инструментами своего собственнаго изобрѣтенія, имѣющими много общаго съ европейскими инструментами.

Утверждать, что многіе, напр., грузинскіе музыкальные инструменты, похожіе на скрипку, появились послѣ того, какъ на Кавказъ стали приходить европейскіе музыканты,—нельзя, ибо грузинскіе музыкальные инструменты, какъ это видно изъ историческихъ справокъ, существовали въ томъ-же видѣ, въ какомъ теперь существуютъ, еще тогда, когда Кавказъ и его горные обитатели не видѣли ни одного европейца.

Слѣдовательно, въ самой природѣ кавказскихъ народовъ скрывается музыкальная жилка.

Правда музыкальные инструменты грузинъ (карталино-кахетинцевъ, имеретинъ, гурійцевъ и мингрельцевъ) настолько примитивнаго устройства, что на нихъ почти невожможно изобразить что-нибудь дѣйствительно музыкальное, но вѣдь въ древности, сравнительно съ настоящимъ, все было примитивно. Русская балалайка—инструментъ національный, изобрѣтеніе котораго относится къ древнѣйшимъ временамъ, и поэтому и онъ также примитивенъ.

Грузинскія „чонгури", „тари"—музыкальные инструменты, имѣющіе много общаго съ европейскими скрипкой, мандолиной, гитарой.

Самая музыка Кавказа оригинальная и глубоко-осмысленная. Народныя пѣсни грузинъ также выражаютъ духъ, характеръ націи, настроеніе народа въ различныя эпохи его политической и общественной жизни, какъ и у другихъ народовъ. Въ разработанномъ видѣ онѣ очень поэтичны, оригинальны, разнообразны по мелодическому содержанію, не похожи на шаблонныя пѣсни, напр., карачаевцевъ, у которыхъ мелодія не выходитъ изъ предѣловъ 4—5 звуковъ.

Какъ естественное проявленіе врожденной музыкальности, у кавказцевъ замѣчается творческій духъ, изобрѣтающій мелодіи, хотя эта сторона музыкальности относится уже къ новѣйшему времени,—времени вліянія на музыку итальянизма. Тифлисскій кинто очень изобрѣтателенъ въ созданіи различныхъ варіацій, а то и полныхъ мелодій на существующія „кинтовскія" пѣсни, которыя распространяются и популяризуются среди низшаго класса жителей Тифлиса и даже всего Закавказья удивительно быстро; замѣчательно при этомъ то, что почти ежегодно появляются новыя „кинтовскія" пѣсни, несмотря на пустоту и безнравственность текстового содержанія и шаблонность мелодіи.

Ни одинъ кутежъ „кинто" не обходится безъ шарманки, разыгрывающей „кинтовскія" пѣсни. Ни одна пирушка у грузинъ не бываетъ безъ пѣнія, игры „зурны" или „сазандари".

Удивительно только то, что кавказскіе народы слишкомъ односторонни и наивны въ своихъ взглядахъ на музыку, слишкомъ, если можно такъ выразиться, національны, такъ какъ предпочитаютъ свою первобытную, далеко не совершенную музыку современной гармонической, несмотря на явное преимущество послѣдней.

Все національное безусловно заслуживаетъ уваженія; все національное должно быть дорого сердцу каждаго члена націи; человѣкъ, не умѣющій уважать своей народности, не любящей національнаго,—къ чему прежде всего должны быть направлены его умъ и сердце,—не можетъ любить и чужого, не можетъ быть надежнымъ членомъ того общества, гдѣ проявляется его дѣятельность. Однако, національная индивидуализація не исключаетъ возможности и даже необходимости считаться съ тѣмъ, что дала намъ культура и что дѣйствительно хорошо, ибо культура, своимъ благотворнымъ вліяніемъ, объединила всѣхъ людей, связала ихъ общими интересами. Національнизмъ въ томъ или другомъ дѣлѣ нисколько не пострадаетъ, если его сдѣлать культурно-національнымъ, если его подвести подъ общій законъ интернаціональной культуры.

Есть много образованныхъ грузинъ, которые предпочитаютъ „зурну" и „сазандари", напр., духовому оркестру или фортепіанной игрѣ, явно противорѣча чувству своей окультурившейся натуры. Каждому мало-мальски интеллигентному человѣку, каждому сколько-нибудь музыкальному уху невыносима дикая музыка „зурны". Она не можетъ удовлетворить чувству музыкальному, какъ не можетъ быть названа музыкой. Слушать игру „зурны" на національныхъ торжествахъ можно и даже должно, но говорить, что „зурна" гораздо пріятнѣе для слуха, чѣмъ хоть плохой духовой оркестръ или піанино,—явное противорѣчіе понятію слова „музыка" или отсутствіе этого понятія, но вѣрнѣе всего ложное пониманіе національнизма, и тѣмъ болѣе ложное, что оно проявляется только по отношенію къ искусствамъ, а вліяніе культуры на бытъ, общественный строй, нравы, усвоеніе европейскихъ привычекъ, одежду, жилища, танцы и даже языкъ—допускаетъ.

Вотъ этотъ-то ложный принципъ національнизма мѣшаетъ многимъ кавказцамъ вообще, а грузинамъ въ частности, такъ сказать, обновить свою музыку, сдѣлать ее настолько совершенной, чтобы кавказскія мелодіи, кавказскія пѣсни распространились далеко за предѣлами Кавказа.

Что „зурна"—музыка дикая, способная привести въ восторгъ развѣ только китайцевъ,—съ этимъ долженъ согласиться всякій, кто только слышалъ хоть простую шарманку. Игра зурначей дѣйствуетъ на слухъ и нервы раздражающимъ образомъ. Какой сколько-нибудь культурный человѣкъ рѣшится назвать рѣзкое визжаніе двухъ дудокъ и громъ барабана музыкой? Конечно, для крестьянъ, не слыхавшихъ ничего лучшаго „зурны", она покажется музыкой, но вѣдь мы не о крестьянахъ говоримъ. Тоже или почти тоже нужно сказать и о другомъ грузинскомъ, самомъ популярномъ въ грузинской интеллигенціи, оркестрѣ—„сазандари". Это—нѣчто болѣе подходящее къ оркестру и во всякомъ случаѣ пріятнѣе „зурны". Оркестръ „сазандари" состоитъ изъ трехъ или четырехъ музыкантовъ, изъ которыхъ одни играютъ на деревянныхъ инструментахъ, въ родѣ мандолины, только гораздо длиннѣе, „тари", а другіе—на бубнѣ. Одинъ изъ

[1] Газ. „Кавказъ".

музыкантовъ сопровождаетъ музыку пѣніемъ высокимъ и рѣзкимъ теноромъ персидскихъ пѣсенъ.

Съ одной стороны удивительно, почему *грузинскій* національный пѣвецъ поетъ *персидскія* пѣсни, а съ другой—какъ можетъ этотъ безобразный крикъ пѣвца привести слушателей въ умиленіе!... Вѣроятно, пониманіе музыки различно у разныхъ народовъ, иначе не чѣмъ объяснить такое явленіе.

А между тѣмъ, это же самое „сазандари“ нисколько не утратило бы своей національности, если бы его приспособить къ дѣйствительной музыкѣ и если бы пѣть не персидскія пѣсни, а грузинскія народныя.

И всего болѣе удивительно то, что „зурна“ и „сазандари“ по преимуществу распространены въ городахъ, т. е. тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать такой отсталости во взглядахъ на музыку и дикости вкусовъ.

Въ селахъ же, напротивъ, вы почти не услышите зурны. Впрочемъ, быть можетъ, это потому, что „зурна“ и „сазандари“ своего рода роскошь, доступная только состоятельному классу людей, особенно послѣднее: за нѣсколько часовъ игры „сазандари“ берутъ по 30—50 руб.

Гораздо большаго вниманія заслуживаетъ грузинскій національный музыкальный инструментъ „ствири“—родъ кларнета, только значительно шире въ діаметрѣ, узкій у основанія и широкій въ концѣ. На „ствири“ играютъ грузинскіе народные импровизаторы, которые отличаются находчивостью пѣть на заданыя темы, быстротою соображенія, остроуміемъ и умѣньемъ создавать народный, живой, нерѣдко поэтичный, хотя грубый по формѣ, стихъ. Такого грузинскаго импровизатора очень пріятно слушать, какъ народнаго пѣвца; къ тому же звуки „ствири“ очень красивы и пріятны.

„Чонгури“—(по преимуществу распространенъ въ грузинскихъ деревняхъ) чисто народный музыкальный инструментъ, въ родѣ русской балалайки. Игра на немъ очень простая, незамысловатая, акомпанирующая.

Все это, однако, говоритъ за музыкальность грузинскаго народа, которому нужно отрѣшиться отъ своеобразнаго пониманія націонализма и плотно примкнуть къ общему вліянію міровой культуры, чтобы врожденная отъ природы музыкальность имѣла бы подъ собой твердую почву музыкальныхъ законовъ.

В. Л.

АРМЯНСКАЯ МУЗЫКА И МУЗЫКАНТЫ [1]).

Народная мудрость, народный геній всегда создаетъ что нибудь въ области поэзіи и музыки, при чемъ въ своемъ созданіи воплощаетъ присущія націи отличительныя свойства и особенность характера. Такимъ образомъ, зная характеръ той или другой націи, можно легко угадать, генію какого именно народа принадлежитъ данный продуктъ народнаго творчества.

Нѣтъ почти народа, у котораго не было бы своихъ національныхъ пѣсенъ.

Народныя пѣсни какъ извѣстно, своимъ текстовымъ и музыкальнымъ содержаніемъ всегда солидарны съ характеромъ народа, и это, конечно, естественно. Съ другой стороны, плодъ творчества народной мудрости всегда имѣетъ вліяніе и отражается на геніальныхъ созданіяхъ образованныхъ талантовъ. Величайшіе композиторы тѣмъ именно и велики, что въ своихъ твореніяхъ воплощаютъ духъ народа. Такимъ образомъ, народныя пѣсни и ученая музыка должна имѣть между собою тѣсную связь. И это тоже естественно.

Есть, однако, народъ, у котораго имѣется достаточный національный матеріалъ для созданія чего нибудь народнаго въ области музыки, но который или пренебрегаетъ этимъ матеріаломъ, или просто недошелъ въ своемъ умственномъ развитіи до пониманія, что истинная поэзія всегда скрывается подъ грубой формой народнаго творчества. Народъ этотъ—армяне. Въ настоящее время очень много армянъ-пѣвцовъ и пѣвицъ, армянъ-скрипачей, піанистовъ, но нѣтъ ни одного армянина композитора, который задался бы цѣлью дать широкій просторъ армянской народной музыкѣ. Каждый армянинъ-музыкантъ, сдѣлавшись артистомъ, совершенно утрачиваетъ любовь къ своему національному и дѣлается по большей части ничѣмъ, такъ какъ отъ своей народности отсталъ, и къ другой, какъ слѣдуетъ, не присталъ; но нѣкоторые армяне-артисты проникаются духомъ итальянизма, и даже до того, что утрачиваютъ языкъ и любовь къ своей націи. Ни одинъ изъ армянъ-музыкантовъ не учился для того, чтобы послужить въ области музыки своему народу. Мы знаемъ съ десятокъ армянъ-артистовъ, стремленіе которыхъ—какъ можно больше походить на итальянцевъ, и всѣ они изъ числа тѣхъ артистовъ-неудачниковъ, которые, не имѣя рѣшительно никакихъ данныхъ быть порядочными артистами, воображаютъ себя геніями и которые наводняютъ русскіе оперные театры вмѣстѣ со всякими итальянцами и русскими еврейскаго происхожденія. Отъ того, что армянинъ сдѣлается плохенькимъ опернымъ артистомъ пользы никакой, но если бы онъ посвятилъ свою дѣятельность на обработку и распространеніе народной музыки—польза была бы несомнѣнная.

Удивительно, что при такомъ множествѣ образованныхъ армянъ-музыкантовъ, нѣтъ ни одного пѣвца народныхъ пѣсенъ, нѣтъ ни одного организатора армянскаго національнаго хора! Существующій хоръ г. Кара-Мурзы столько же армянскій, сколько и китайскій. Въ пѣсняхъ, составляющихъ репертуаръ хора г. Кара-Мурзы, армянскія только слова; характеръ гармонизаціи ихъ, даже манера исполненія—чисто итальянскія. Если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть что-нибудь напоминающее армянъ, то это мелодія, да и та настолько исковеркана, что больше походитъ на какую то универсальную мелодію, которую можно отнести къ любой націи. Изъ организаціи подобныхъ хоровъ ничего не можетъ выйти путнаго для пользы народной музыки и пѣнія. Если я запою слова русской народной пѣсни на мотивъ, напр., извѣстной грузинской пѣсни „пацха“, то пѣсня моя будетъ уже не русскою, ибо русская пѣсня, какъ и всякая національная, должна имѣть не только слова, но и музыку русскую. Точно также дѣлаетъ и г. Кара-Мурза, наивно полагая, что армянскому народному національному хору достаточно говорить только армянскія слова.

Конечно всякая народная пѣсня, для ея облагороженія, для воспріятія культурнымъ ухомъ, нуждается въ гармонизаціи, соотвѣтствующей культурному росту современной музыкальности, однако, опытный и талантливый музыкантъ и въ самой гармонизаціи, не нарушая музыкальныхъ законовъ, сумѣетъ въ цѣлости сохранить національный народный духъ. „Жизнь за Царя“, „Русалка“, „Вражья сила“, „Князь Игорь“, „Царская Невѣста“ и др. оперы—творенія, заключающія въ себѣ совокупность строго-музыкальной почвы и истинно-національнаго духа.

Грузинъ-музыкантовъ гораздо меньше, чѣмъ армянъ, но и грузинская музыкальная литература уже имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ г. Баланчивадзе и другихъ гармонизаторовъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ.

Армянская народная музыка какъ бы застыла въ своемъ развитіи. Всѣ армяне-музыканты стремятся быть артистами, и никто не хочетъ сдѣлаться національнымъ художникомъ композиторомъ. Такимъ образомъ, вопреки общимъ законамъ, армянской народной музыкѣ не суждено быть предметомъ національнаго достоянія.

Уже теперь армяне-крестьяне поютъ грузинскія ме-

[1]) Газ. „Кавказъ“.

лодіи, а среди образованнаго армянскаго общества вы не услышите ни одной своей народной пѣсни.

Въ этомъ нужно видѣть матеріальную цѣль, ради которой молодые армяне-артисты пренебрегаютъ возвышенною идеей истиннаго служенія своему народу.

То же отсутствіе вниманія у армянъ-музыкантовъ видно и въ армянскомъ церковномъ пѣніи, такъ какъ церковное пѣніе армянское, хотя и національное, но чрезчуръ наивное, безсодержательное и даже дикое, и дикое подчасъ до того, что просто нѣтъ возможности его слушать. Неужели не нашлось ни одного армянина-музыканта, который взялся бы за гармонизацію своего церковнаго пѣнія, чтобы сдѣлать его сколько-нибудь пріятнымъ и благоговѣйнымъ? Впрочемъ, въ Ванкскомъ соборѣ иногда поютъ современно-гармонизованныя мелодіи, но въ гармонизаціи этой ничто не напоминаетъ армянскаго характера музыки.

Армянская народная музыка нѣсколько сходна, по характернымъ особенностямъ мелодіи, съ грузинской, но только гораздо однообразнѣе; въ армянскихъ народныхъ пѣсняхъ, насколько намъ приходилось слышать, трудно встрѣтить такую, которая захватывала бы слушателя своею оригинальностью и сердечностью. Съ другой стороны, и такихъ удалыхъ, живыхъ, плясовыхъ, какъ у грузинъ и малороссовъ, и размашистыхъ, полныхъ поэзіи, выражающихъ мощь и силу, а также задушевныхъ, сердечныхъ и разудалыхъ, плясовыхъ, какъ у русскихъ, трудно встрѣтить въ армянскихъ пѣсняхъ. Быть можетъ, болѣе подробное изслѣдованіе и ознакомленіе съ армянской народной музыкой во всѣхъ деревняхъ и городахъ, заселенныхъ армянами, дало бы возможность опровергнуть такое мнѣніе объ армянскихъ пѣсняхъ; однако, зная характеръ армянскихъ крестьянъ, ихъ сонливость, вялость, замкнутость, съ которою живутъ ихъ жены и дочери, трудно ошибиться.

Однако, это не должно отбивать охоты у композитора создать что-нибудь народное: все народное заслуживаетъ вниманія, а при талантливой обработкѣ и армянская народная музыка можетъ получить такой отпечатокъ, что внесетъ въ музыкальную сокровищницу много новаго и интереснаго.

Своихъ національныхъ музыкальныхъ инструментовъ у армянъ почти нѣтъ: употребляемые теперь въ армянскихъ селахъ музыкальные инструменты грузинскіе; тѣ же зурна, сазандари, бубенъ и т. п.

Въ селахъ армянскихъ, гдѣ намъ приходилось быть, почти исключительно употребляются бубенъ и гармоника, подъ звуки которой рѣдко пляшутъ армянки. Конечно, здѣсь мы имѣемъ въ виду ближайшія отъ Тифлиса армянскія деревни.

В. Д.

МЫСЛИ О ВОСТОЧНОЙ МУЗЫКѢ. [1]).

Восточная музыка въ послѣдее время все больше стала привлекать къ себѣ вниманіе музыкантовъ и публики. Въ Тифлисѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Константинополѣ и даже въ Парижѣ появились изданія, которыми занялась тамошняя печать. Выдающіеся представители европейской музыки и музыкальной критики стали интересоваться восточной музыкой.

Несмотря однако на интересъ къ послѣдней, о ней мало знаютъ, и то, что извѣстно, слишкомъ отрывочно; за отсутствіемъ же необходимыхъ свѣдѣній и самое отношеніе къ этой музыкѣ еще крайне неразборчиво и страдаетъ ошибочностью взглядовъ.

Вообще надо признать, что основы восточной музыки еще не установлены. Для разработки этихъ основъ необходимо прежде всего записать и классифицировать по возможности большее количество напѣвовъ; въ настоящее же время еще слишкомъ мало сдѣлано даже для первой половины такой работы, т. е. существуетъ очень мало записей. Тѣмъ не менѣе можно уже и теперь высказать нѣсколько совершенно опредѣленныхъ положеній по этому вопросу.

Музыку Закавказья и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ можно разсматривать или какъ такую, которая, слагаясь исторически, составляетъ непосредственное отраженіе быта даннаго племени, или же какъ плодъ индивидуальнаго творчества отдѣльнаго лица. Къ этой послѣдней категоріи нужно относить музыку, составляющую достояніе высшихъ классовъ туземнаго закавказскаго общества.

Въ то время, какъ музыкальныя произведенія первой группы отличаются крайнимъ разнообразіемъ въ зависимости отъ самихъ народностей [1]) и распѣваются и исполняются вообще только въ самомъ народѣ, ко второй группѣ относятся произведенія, исполняемыя въ обществѣ съ болѣе утонченнымъ музыкальнымъ вкусомъ, болѣе возвышеннымъ духовнымъ міромъ. Такое общество составляютъ сравнительно небольшіе кружки лицъ туземной аристократіи.

Избранными музыкальными произведеніями на Кавказѣ всегда являются персидскія. Персія, давшая цѣлую плеяду знаменитыхъ поэтовъ-философовъ во главѣ съ Фирдуси, однимъ изъ величайшихъ поэтовъ всего міра, —поэтомъ „проникнутымъ духомъ, вѣющимъ отъ Гомера, Наля и Нибелунговъ“ [2]), безспорно сохраняетъ до сихъ поръ за собою первенство и господство надъ всѣми сосѣдними восточными странами также и въ музыкальномъ творчествѣ. Произведенія ея музыки—различныя „дястгаи“ со своими мухгамами и гяфами (значеніе этихъ словъ объяснено ниже) съ давнихъ поръ пріобрѣли на Востокѣ значеніе классическихъ произведеній.

Приступивъ къ записыванію армянскихъ народныхъ пѣсенъ и танцевъ, я не могъ не заинтересоваться болѣе развитой, содержательной и серьезной персидской музыкой. Въ этомъ отношеніи я находился въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Съ ранняго дѣтства и до настоящаго времени я постоянно имѣлъ самое близкое общеніе съ однимъ изъ выдающихся представителей мѣстной интелигенціи и аристократіи, съ мѣстнымъ художникомъ по отношенію къ туземной музыкѣ—Агамаломъ Меликъ-Агамаловымъ.

Происходя изъ владѣтельныхъ меликовъ бывшаго эриванскаго ханства, получивъ весьма порядочное образованіе, будучи вполнѣ обезпеченнымъ матеріально, онъ представляетъ собою типъ восточнаго барина въ полномъ смыслѣ этого слова. Окружавшее его общество такихъ же баръ—эриванскіе ханы—персіане и представители мѣстной армянской знати, между которыми выдѣлялся извѣстный меценатъ Арсенъ Султанъ-Гегамовъ, всегда особенно цѣнили его изысканный богатый репертуаръ и художественное исполненіе. Саттаръ [3]), знаменитый пѣвецъ изъ Персіи, при своихъ частыхъ посѣщеніяхъ [4]) Тифлиса

[1]) „Нов. Вр.“, 1900 г.

[1]) Это разнообразіе зависитъ не только отъ народности, но и отъ извѣстной географически очерченной территоріи, населенной нерѣдкоразноплеменными жителями. Такъ напримѣръ въ Эрзерумскомъ вилайетѣ армяне создавали народныя сказки и пѣсни на турецкомъ языкѣ, имѣющія не столько національный, сколько мѣстный характеръ.

[2]) А. Мюллеръ, „Исторія ислама“. Перев. съ нѣмецк. подъ редакціей приватъ-доцента Н. А. Мѣдникова. 1896 г. Т. III, стр. 68—72.

[3]) Которому посвящены вдохновенныя строки Я. Полонскимъ.

[4]) Въ былые годы Закавказье часто посѣщали персидскіе и даже индійскіе знаменитые музыканты и пѣвцы, направлявшіеся въ Тифлисъ и Константинополь. Проѣзжая черезъ Эривань, они никогда не миновали дома Меликъ-Агамалова, чтобы послушать его, поиграть и спѣть ему.

(въ 50-хъ и 60-хъ годахъ), проѣзжая черезъ Эривань, всегда останавливался у Меликъ-Агамалова.

Каждый разъ, когда эти два художника встрѣчались, для эриванскаго общества наступали дни музыкальныхъ торжествъ. Агамалъ Меликъ-Агамаловъ не безызвѣстенъ и въ Тифлисѣ, куда онъ иногда пріѣзжалъ къ своему родственнику, покойному свѣтлѣйшему князю Ираклію Грузинскому (внуку послѣдняго грузинскаго царя). Тогда и грузинская высшая аристократія устраивала рядъ раутовъ, на которыхъ исскуство Меликъ-Агамалова было предметомъ общаго поклоненія. И по-нынѣ представители того поколѣнія (кн. Амилахори, кн. Челокаевъ и др.) съ особымъ удовольствіемъ поддерживаютъ сношенія съ Агамаломъ Меликъ-Агамаловымъ.

Такимъ образомъ, знакомство съ образцами персидской, т. е. утонченной музыки Востока, было мнѣ обезпечено. Что же касается народныхъ пѣсенъ и танцевъ Закавказья, долженъ сказать, что, живя почти постоянно въ Эриванской губерніи, я близко ознакомился съ этими музыкальными произведеніями въ ихъ естественномъ источникѣ (мѣстные професіоналы на приглашеніяхъ и торжествахъ, странствующіе пѣвцы и музыканты, самъ народъ въ его ежедневной жизни). Будучи непосредственнымъ, близкимъ участникомъ жизни мѣстнаго населенія, я не оставался чуждымъ его бытовымъ особенностямъ; нерѣдко исполнялъ и на фортепіано и на скрипкѣ для мѣстнаго туземнаго общества народныя пѣсни и танцы. Непосредственное общеніе съ народомъ въ отдаленныхъ уголкахъ Закавказья составляетъ обычное явленіе, объясняемое отсутствіемъ рѣзкаго сословнаго разслоенія, которое такъ сильно замѣтно въ большихъ европейскихъ центрахъ.

Ознакомившись хорошо съ персидскою и съ народною музыкою Закавказья, я долженъ сказать, что значительныя музыкальныя произведенія нашими туземцами исполняются обыкновенно оркестромъ, который состоитъ изъ:

1) двухъ зуриъ [1]) и одного давула [2]); первая зурна исполняетъ самый мотивъ, другая (втора) тянетъ органнымъ пунктомъ по очередно главныя ступени лада, на которыхъ построена данная мелодія;

2) саза [3]), кяманчи [4]), сантура [5]) и дайры [6]); музыканты, играющіе на этихъ инструментахъ, всегда поютъ и притомъ въ унисонъ (въ унисонъ же и играютъ);

3) тари [7]), чіануры [8]), дайры или дюмбякъ [9]), при-

---

[1]) Зурна—имѣетъ внѣшній видъ кларнета безъ клапановъ, съ тростниковымъ, узкимъ мундштукомъ, регистръ скрипичный. Звуки сильны, пронзительны и высоки. Инструментъ становится комнатнымъ (дудуки) при перемѣнѣ мундштука на болѣе широкій.

[2]) Давулъ—барабанъ; бьютъ палками въ обѣ стороны. При дудуки-же бьютъ пальцами по одной сторонѣ.

[3]) Сазъ—азіатская мандолина; по устройству напоминаетъ тари, но проще послѣдняго. Верхняя доска деревянная. Строй тари. Играется щипкомъ.

[4]) Кяманча—родъ скрипки; резонаторъ продолговатый, шейка короткая. Три струны. Строй тари. Держатъ ее вертикально, опирая на колѣно.

[5]) Сантуръ—цимбалы.

[6]) Дайра—имѣетъ видъ бубенъ большихъ размѣровъ. Иногда къ ободку прицѣпляютъ маленькіе бубенчики и другіе звенящіе предметы.

[7]) Тари (Thar)—азіатская гитара; корпусъ выдалбливается изъ цѣльнаго куска дерева и имѣетъ видъ двухъ сообщающихся другъ съ другомъ тонкостѣнныхъ чашекъ неравной величины. Края чашекъ, выравненные въ одну плоскость, обтягиваются животнымъ пузыремъ, играющимъ роль верхней деки. Отдушины замѣняютъ едва замѣтными булавочными уколами на пузырчатой декѣ. На длинной шейкѣ (особаго грифа не имѣется) намотаны лады. Пять металлическихъ струнъ звучатъ подъ ударами щипка. Изъ пяти струнъ первая (басъ) не имѣетъ постояннаго строя; вторая съ третьей и четвертая съ пятой звучатъ въ унисонъ и находятся въ разстояніи чистой кварты; басъ строится ниже второй струны на квинту, на кварту, на терцію или на секунду.

[8]) Чіануры—трехструнная азіатская скрипка, съ деревяннымъ резонаторомъ, имѣющимъ форму мавритапскаго купола. Корпусъ выдалбливается изъ цѣльнаго дерева, но иногда склеивается изъ отдѣльныхъ пластинокъ. Основаніе купола обтянуто животнымъ пузыремъ, представляющимъ изъ себя верхнюю деку. На шеѣ особаго грифа нѣтъ. Струны металлическія, кручеиыя. Играютъ смычкомъ примитивнаго образца. Къ корпусу снизу (у пуговки) придѣлывается желѣзный стержень (какъ у віолончели), концомъ котораго опираются на лѣвое колѣно: во время игры инструментъ держится въ вертикальномъ положеніи. Строй чіануры подобенъ строю тари.

[9]) Дюмбякъ—музыкальный инструментъ яйцевидной формы. Срѣзъ обтянутъ пузыремъ.

чемъ поетъ только пѣвецъ-солистъ, отбивающій дайру во время исполненія гяфа (ритурнеля); инструменты же эти сопровождаютъ пѣвца то въ унисонъ съ нимъ, то тянутъ втору, то наконецъ выступаютъ самостоятельно, послѣ того какъ пѣвецъ закончилъ какую-нибудь отдѣльную часть своей партіи.

По отношенію къ ритму и размѣру пьесы восточной музыки удобнѣе всего раздѣлить на двѣ группы: на танцы и марши—съ одной стороны и обыкновенныя пѣсни и мухамы съ другой. Мухамъ своего рода арія въ персидской музыкѣ. Мухамы со своими ритурнелями составляютъ самостоятельныя части пьесъ болѣе сложной музыкальной группы—„дястгя". Эти отдѣльныя части связаны между собою общимъ смысломъ, одною такъ сказать музыкальною идеею.

Исполнители „дястгя" начинаютъ первую часть спокойно въ нижнемъ регистрѣ; по мѣрѣ перехода въ слѣдующія части тонъ повышается, переходя постепенно въ высшіе регистры и какъ бы отражая возрастающее до пафоса волненіе музыканта. Послѣ каждаго мухама исполняется подходящій гяфъ промежуточный или финальный ритурнель. Въ ритурнели обыкновенно выступаютъ ударные инструменты, молчавшіе во время исполненія мухама. Иногда мухамы бываютъ настолько развиты и пространны, что они со своими ритрунелями могутъ быть исполнены и самостоятельно, какъ напримѣръ „шуръ", „баяти курдъ" [1]), „баяти ширазъ", „шахнавъ", „геджасъ".

Естественно, что, при отсутствіи у туземцевъ нотъ, одну и ту же пьесу разные исполнители, сообразно своему таланту, вкусу и темпераменту, исполняютъ разно, создавая такимъ образомъ множество различныхъ варіантовъ. Чтобы дать понятіе о характерѣ и пріемахъ моей работы по записыванію, считаю необходимымъ сказать, что, запомнивъ мелодію, услышанную отъ одного исполнителя, я прислушивался затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время къ другимъ. По сравненіи и оцѣнкѣ различныхъ варіантовъ, я избиралъ тѣ, которые мнѣ представлялись лучшими.

Такъ какъ точная передача восточныхъ нагѣвовъ посредствомъ фортепіано съ его темперированнымъ строемъ встрѣчала постоянно много чисто техническихъ трудностей, то мнѣ приходилось, въ видахъ болѣе полной передачи музыкальнаго содержанія, прибѣгать къ гармонизаціи и акомпанименту, которыя соотвѣтствовали бы своеобразному характеру мелодіи. При этомъ я долженъ былъ считаться съ тѣмъ фактомъ, что туземные музыканты и народъ совершенно чужды многоголосной музыкѣ. Преслѣдуя цѣль сохраненія особенностей, любимыхъ туземцами, я былъ вынужденъ держаться такой гармонизаціи, которая какъ нововведеніе для туземца не короби-

---

[1]) „Баяты курдъ", „геджасъ" и нѣкоторыя другія, какъ показываютъ ихъ названія, не персидскаго начала, но прошли черезъ персидскую школу и отчасти получили характеръ персидской музыки занявши мѣсто на ряду съ персидскими мухамами. Слово „Баятъ" арабское и означаетъ „стихи". Въ музыкѣ же „Баяти" представляетъ собой произведеніе вообще элегическаго характера.

ла бы его и не мѣшала бы ему получить привычное настроеніе отъ знакомой пьесы.

Къ характернѣйшимъ чертамъ восточной музыки слѣдуетъ отнести такой строй мелодіи, въ которомъ извѣстныя ступени лада какъ бы господствуютъ своимъ частымъ и рельефнымъ появленіемъ. Мелодія, „начинаясь“ съ извѣстной ступени, „обращается“ къ другой, на третьей какъ бы „успокаивается“ и „заканчивается“ на четвертой. Первая и четвертая ступени часто совпадаютъ. Такая конструкція мелодіи и вызвала своеобразную втору зурны, о чемъ говорено выше, тянущую поочередно эти главныя ступени лада.

Хроматизмъ появляется въ мелодіяхъ, построенныхъ на восточной мажорной гаммѣ съ пониженными на полтона второй и шестой ступенями.

Что касается ритма восточной музыки, то въ танцахъ ритмомъ передаются различныя состоянія танцующихъ, начиная отъ лихости и энергіи и кончая плавностью. Такъ, въ мужскихъ сольныхъ танцахъ, при быстромъ темпѣ характерными акцентами и синкопами вызывается лихость; въ женскихъ сольныхъ танцахъ преобладаетъ плавность движеній и грація. Въ граціозномъ круговомъ танцѣ „branle arménien“, имѣющемъ торжественный и сдержанный характеръ, ритмъ передаетъ съ одной стороны волнообразныя качанія и плавныя колыханія танцующихъ, а съ другой—притопываніе, которымъ заканчивается сложное па танца. Ритмъ этотъ выражается постояннымъ чередованіемъ тактовъ $^4/_8$, $^3/_8$ и $^2/_8$.

Другой круговой танецъ „веръ-веръ“ отличается, напротивъ, подвижностью темпа. Весело начинаясь въ Allegro vivace, танецъ этотъ въ Scherzando пріобрѣтаетъ большую живость и нѣкоторую игривость, и это какъ бы постепенно настраиваетъ къ переходу въ азартъ въ Presto animato.

Наконецъ нѣсколько самостоятельное мѣсто среди круговыхъ танцевъ занимаетъ „тарсъ-паръ“ („обратный танецъ“), называемый такъ потому, что общее движеніе въ немъ направляется не вправо, какъ обыкновенно въ круговыхъ танцахъ, а влѣво.

Что касается прочихъ музыкальныхъ произведеній—обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ и мухгамовъ, преимущественно протяжнаго характера, то туземные исполнители ихъ не всегда придерживаются строго опредѣленнаго такта. Здѣсь нерѣдко играетъ роль и самое настроеніе исполнителей, варіирующихъ тему и выбирающихъ то или другое украшеніе по своему вкусу и дарованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ значеніе и самый родъ передачи: одна и та же пьеса пѣвцомъ исполняется одной манерой; на тарѣ иначе чѣмъ на чіанурѣ и т. д. въ зависимости отъ характера инструмента. Однако при всемъ этомъ разнообразіи остаются безусловно постоянными—ладъ, канва мелодіи и общій характеръ ритма со своей акцентировкой.

Изъ множества подобныхъ варіантовъ одной и той же пьесы я и избралъ наиболѣе типичные, а гармонизацией и аранжировкой старался подражать наиболѣе характерному и лучшему исполненію и роду передачи изъ числа слышанныхъ мною.

Прежде чѣмъ закончить настоящую статью, нахожу необходимымъ сдѣлать еще одно замѣчаніе.

Музыкальное искусство Востока почему-то находитъ для себя не такіе пріемы изученія, какъ его литература и другія искусства. Въ то время, какъ для сужденія, напримѣръ, о Фирдуси начинаютъ осваиваніемъ съ азбукой, различными значеніями словъ и постепенно проникаются духомъ персидскаго языка, для изученія восточной музыки считаютъ достаточнымъ чуть ли не случайный наѣздъ какого-либо музыканта.

Въ настоящее время изслѣдованіе восточной музыки не дошло до той степени, чтобы всякій безъ затрудненій могъ отличить, хотя бы какой народности принадлежитъ тотъ или другой мотивъ. Но несомнѣнно, что лица, близко изучившія и любящія туземные мотивы, если не всегда могутъ объяснить, въ чемъ именно кроется это отличіе, то каждый разъ, почти навѣрняка, опредѣлятъ какъ бы чутьемъ, врожденнымъ чувствомъ, принадлежность мотива данной народности; кромѣ того они такъ же почти безошибочно могутъ указать, въ какой географической области данный мотивъ могъ появиться. Туземная музыка носитъ въ себѣ отпечатокъ не только даннаго народа или племени, но также и данной мѣстности, т. е. національности и территоріальности; иногда особенно выступаетъ первое отличіе, иногда второе, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ и то и другое вмѣстѣ.

Если бы у насъ занялись изученіемъ восточной музыки внимательно и усердно, то не было бы и голословныхъ толкованій.

Н. О. Тиграновъ.

Что мы еще плохо знаемъ и чего долго ждать Кавказу[1]).

Въ Тифлисѣ четвертый годъ выходитъ ежемѣсячный литературно-научный журналъ „Кавказскій Вѣстникъ“. Первые два года онъ издавался г. В. Коргановымъ, однимъ изъ директоровъ тифлисскаго отдѣленія Музыкальнаго общества, занимавшимся довольно долго музыкальною критикою въ тифлисскихъ газетахъ, авторомъ нѣсколькихъ музыкальныхъ брошюръ и очерковъ, преимущественно біографическаго характера. Онъ же издалъ большой популярный этюдъ о Моцартѣ, вышедшій въ Петербургѣ и выгодно выдѣляющійся во многихъ отношеніяхъ среди работъ подобнаго рода.

Естественно, что въ его журналѣ, посвященномъ исключительно разработкѣ различныхъ вопросовъ, касающихся Кавказа, отводилось мѣсто и музыкѣ послѣдняго. Она и существуетъ и не существуетъ, если хотите; во всякомъ случаѣ существуетъ настолько, что говорить о ней можно. Въ этомъ журналѣ помѣщена большая статья г. В. Д. К. по этому предмету. Выводы, дѣлаемые изъ статьи, заслуживаютъ вниманія. Оказывается, прежде всего, что о музыкѣ кавказскихъ туземныхъ народностей ничего никому толкомъ неизвѣстно, ни жителямъ Кавказа, ни тѣмъ менѣе лицамъ, живущимъ внѣ его. Собственно говоря, музыки на Кавказѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это разумѣемъ мы, т. е. художественныхъ произведеній, обязанныхъ своимъ появленіемъ творчеству отдѣльныхъ и музыкально-образованныхъ лицъ,—не имѣется. Но налицо есть обильный матеріалъ для созданія будущихъ художественныхъ произведеній: оригинальныя и интересныя народныя пѣсни, о которыхъ собственно и идетъ рѣчь въ статьѣ г. В. К. Это нужно держать въ памяти.

„Если сравнить то, что печаталось о кавказской музыкѣ почти сто лѣтъ назадъ—говоритъ г. В. Д. К.—съ тѣмъ, что встрѣчается въ современныхъ намъ трудахъ, то прежде всего выступаютъ передъ нами благія начинанія авторовъ, добрыя пожеланія, мечты объ изученіи туземной музыки, какъ будто за послѣднія 60—70 лѣтъ ничего не сдѣлано въ этомъ отношеніи. Если же ближе познакомиться съ этими трудами, то дѣйствительно окажется, что всѣ извѣстные намъ матеріалы представляютъ только слабыя попытки и мы едва ли ошибемся, что грузинская и армянская пѣсня все еще не изслѣдованы, все еще ждутъ спеціалистовъ (и преимущественно изъ *туземцевъ*), которые вывели бы ихъ изъ кавказскихъ дебрей и познакомили бы съ ними Европу“.

Это положеніе грустно, а г. В. Д. К. совершенно подтверждаетъ его выдержками, взятыми изъ разныхъ статей и очерковъ, касающихся даннаго предмета и не оставляющихъ сомнѣнія въ справедливости сдѣланнаго вывода. Народная пѣсня вездѣ, не на одномъ только Кав-

[1]) „Новое Время“.

казѣ, все еще плохо изучена въ своей музыкальной части. Во всей Европѣ найдется немного сборниковъ народныхъ пѣсенъ, которые были бы вполнѣ удовлетворительны съ научно-музыкальной стороны. Въ странахъ, съ очень даже старою культурою,—каковы Франція, Италія или Испанія, собиратели ограничились одною, двумя какими-нибудь провинціями, оставивши безъ вниманія остальныя. Это впрочемъ естественно. Собирателями пѣсенъ бываютъ или фанатики дѣла или лица, получающія порученіе отъ правительства. Первые, конечно, лучше могутъ выполнить то, чему посвящаютъ свои силы. Правительства же рѣдко даютъ или давали средства на то, что они считали дѣломъ маловажнымъ или совсѣмъ не нужнымъ. Бѣда однако въ томъ, что большинство собирателей пѣсенъ, начинающее свое дѣло безъ правительственной помощи, крайне стѣснено матеріальными средствами. Не всякій при этомъ обладаетъ характеромъ покойнаго П. В. Шейна, который всю жизнь отдалъ собиранію пѣсенъ, не обращая вниманія на тяжкія личныя условія, въ которыхъ онъ находился, на постоянную свою необезпеченность. Не всякій находится и въ тѣхъ условіяхъ, которыя позволили покойному Якушкину странствовать по Россіи и записывать пѣсни, какъ не всякій обладаетъ образованіемъ и развитымъ вкусомъ Якушкиныхъ или Безсоновыхъ, чтобы сознательно дѣлать свое дѣло. А между тѣмъ записывать слова пѣсни гораздо легче, чѣмъ записывать музыку. Ибо даже и фонографъ, на котораго возложили свои надежды собиратели послѣднихъ лѣтъ, не обладающіе ни хорошимъ слухомъ, ни достаточными знаніями, не можетъ тутъ принести ожидаемой пользы. Ошибка въ словахъ пѣсни всегда можетъ быть провѣрена и исправлена тотчасъ же, на мѣстѣ. Исправленія музыкальныя невозможны или не легки и при помощи фонографа. Исполнители изъ народа сплошь и рядомъ поютъ фальшиво, хорошіе исполнители между ними встрѣчаются рѣдко, особливо относительно ритма и такта. Если провѣрять ихъ посредствомъ фонографа при каждомъ отдѣльномъ исполненіи, то въ концѣ-концовъ получится такая путаница, въ которой положительно можно будетъ сломать ногу. Матеріалъ, добытый при помощи пѣсенныхъ экспедицій, посылаемыхъ разными учеными обществами, и поѣздокъ отдѣльныхъ лицъ для записыванія напѣвовъ, по необходимости будетъ имѣть характеръ случайности. Встрѣтятся благопріятныя условія, получатся и результаты болѣе или менѣе значительные. Чаще всего однако можно натолкнуться на условія невыгодныя и неудобныя для предположенной задачи. Нельзя ожидать напр., чтобы урядникъ ставилъ проѣзжимъ изслѣдователямъ, хотя бы и являющимся подъ эгидою официальнаго общества, хорошихъ и знающихъ свое дѣло пѣвцовъ. Нельзя думать, чтобы и частныя лица, дѣлающія иногда далекія поѣздки на свой страхъ и рискъ, могли въ теченіе короткаго срока встрѣтить—иначе какъ въ видѣ исключенія—что-нибудь заслуживающее дѣйствительно вниманіе.

Естественный путь собиранія мотивовъ пѣсенъ, по здравому смыслу, можетъ идти только при посредствѣ мѣстныхъ образованныхъ любителей,—дѣлаютъ ли они это лично для себя, какъ наприм. покойный Н. Е. Пальчиковъ или Мельгуновъ, или въ свое время Стахевичъ (его сборникъ имѣетъ цѣну, несмотря на ошибки собирателя), или же сообщаютъ хранящійся въ ихъ памяти матеріалъ музыкантамъ, которымъ они довѣряютъ и которые, въ свою очередь, имъ довѣряютъ. Невозможно однако представить себѣ, чтобы не только какой-либо околотокъ, но хотя бы отдѣльная губернія всегда имѣла въ запасѣ такого любителя. Для напѣвовъ великорусскихъ дѣло въ значительной степени упростилось тѣмъ, что основные типы этихъ напѣвовъ, собранные тѣмъ или инымъ путемъ, теперь уже всѣ извѣстны. Можно встрѣчать только варіанты отдѣльныхъ пѣсенъ, но трудно разсчитывать найти новые интересные, еще незнакомые напѣвы. Ихъ можно встрѣтить развѣ что въ Сибири, въ дальнихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ и въ далекихъ уѣздахъ восточныхъ губерній, но и только. Извѣстность великорусскихъ напѣвовъ объясняется тѣмъ, что собирателей ихъ за сто лѣтъ было все-таки не мало, и затѣмъ этнографическими условіями: вездѣ, гдѣ живетъ одно племя, поются и одинаковыя пѣсни. За то у насъ—оставаясь въ предѣлахъ русскаго народа—не извѣстны (или очень мало) напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ, Новороссійскаго края, казацкіе (донскіе, уральскіе, терскіе и т. д.); эти области ждутъ еще своихъ изслѣдователей.

Понятно, что для записыванія пѣсенъ народностей, живущихъ на Кавказѣ, пока ничего не находилось. Культурныя условія края не таковы, чтобы способствовать работамъ подобнаго рода. Развѣ что въ послѣднюю четверть вѣка нашлись тамъ кое-какія лица, отнесшіяся съ большимъ вниманіемъ къ своей народной музыкѣ и пѣснѣ. Но эти лица, не обладавшія значительными знаніями въ музыкальномъ искусствѣ вообще, или бравшіяся за дѣло собиранія пѣсни только случайно, подъ вліяніемъ минуты, не могли и сдѣлать ничего значительнаго въ этой области. Такое заключеніе можно вывести a priori. дѣйствительность же оправдываетъ его. Если вѣрить г. В. Д. К., незнакомство большинства интелигентнаго туземнаго населенія съ своею музыкою, съ своею пѣснею, доходитъ до поразительныхъ размѣровъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ: „Городское населеніе на Кавказѣ, а за нимъ и деревенское, теперь поетъ преимущественно новѣйшія пѣсни, слагаемыя какими-нибудь городскими сазандарами и часто представляющія собою пошлую пародію на туземные или русскіе народные напѣвы. За послѣднее десятилѣтіе появилось не мало такихъ пѣсенъ (преимущественно грузинскихъ), быстро распространившихся по всѣмъ закоулкамъ Кавказа. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія и представляютъ образецъ чисто восточнаго романса (напѣва? спрошу я) весьма немногія; большинство же какъ по тексту, такъ и по ритму и мелодіи представляетъ нѣчто безсмысленное, антихудожественное и не заключаетъ въ себѣ ничего народнаго, - напр. „Аманъ, аманэ“, „Сулико“, „Ахъ, мезурнэ“ и т. д. Послѣднія, тѣмъ не менѣе, пользуются самымъ широкимъ распространеніемъ и вытѣсняютъ повсюду подлинныя народныя пѣсни“.

Значитъ, популярностью пользуются не только „исправленныя“ народныя пѣсни, какъ было у насъ въ тридцатыхъ, сороковыхъ, пятидесятыхъ годахъ и позднѣе,—а просто разная дрянь, въ родѣ нашихъ цыганскихъ романсовъ, фабрикуемыхъ теперь неизвѣстными любителями и распѣваемыхъ цыганами вмѣсто старыхъ характерныхъ пѣсенъ. Любопытно, что эта восточная дрянь, если вѣрить разнымъ свидѣтельствамъ, приводимымъ въ брошюрѣ г. В. Д. К.,—выдается мѣстными „знатоками“ за истинную народную музыку пріѣзжимъ любителямъ изъ Европейской Россіи и съ Запада Европы. Вотъ стало-быть какая тьма царствуетъ среди тѣхъ, кто хотя бы по расѣ, и невольному долгому общенію съ народомъ, обязанъ былъ различать поддѣлку, чувствовать инстинктомъ свое и чужое, то наносное, что не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, за что выдаетъ себя.

Что такое пѣсни грузинскія, армянскія и другихъ народностей, живущихъ на Кавказѣ, какіе ихъ характерные и видовые признаки и отличія, на какой теоретической основѣ онѣ покоятся, этого никто на Кавказѣ толкомъ не опредѣлилъ; если же кто и занимался подобными вопросами, то врядъ ли не судилъ тутъ вкривь и вкось или прямо шиворотъ-на-выворотъ. Лицамъ, пытавшимся заняться этимъ дѣломъ, недоставало прежде всего матеріала. Напѣвы кавказскихъ народностей собраны въ недостаточномъ количествѣ, ибо нельзя десятокъ-другой имѣющихся напѣвовъ считать выраженіемъ всего музыкальнаго творчества и духа столькихъ разнообразныхъ племенъ, населяющихъ Кавказъ. Сверхъ того этимъ лицамъ кажется всегда недоставало знаній, необходимыхъ для того, чтобы справиться съ задачею. И такъ: напѣвовъ никто—или почти никто—не собираетъ; а если они

имѣются въ рукахъ, то не знаютъ, что съ ними дѣлать. Вслѣдствіе этого происходитъ хотя бы слѣдующее, напр., любопытное явленіе: на Кавказѣ распѣваются простонародьемъ мелодіи итальянскихъ оперъ или искаженныя малороссійскія и русскія, и всѣ подобные напѣвы выдаются наивными людьми и наивнымъ людямъ за восточные. Очевидно, что „знатоки" восточныхъ напѣвовъ на Кавказѣ находятся еще въ той стадіи, въ которой были наши собиратели пѣсенъ въ царствованіе Екатерины II; да и то тогда у насъ былъ Н. А. Львовъ, сумѣвшій записать столько истинно-народныхъ пѣсенъ, которыя вошли потомъ въ извѣстный сборникъ Прача.

Недавно въ Парижѣ вышелъ первый выпускъ (на французскомъ, армянскомъ и итальянскомъ языкахъ) „Сборника народныхъ армянскихъ пѣсенъ", обязанный своимъ появленіемъ на свѣтъ нѣкоему г. Леону Егіазаряну. Г-нъ В. Д. К. разсказываетъ объ этомъ сборникѣ достаточно интересныя вещи. „Г. Егіазарянъ отправляется изъ Тифлиса въ Парижъ изучать музыку. Пользуясь щедростью нашихъ нефтяныхъ королей, проявляющеюся не часто и довольно неразборчиво, безсмысленно, молодой человѣкъ заручается необходимою суммою денегъ у Аракелъ-апера Цатурова, за выгодную плату покупаетъ сотрудничество выдающихся парижскихъ композиторовъ, диктуетъ имъ такъ-называемыя армянскія пѣсни, въ простотѣ сердечной и по невѣдѣнію принимаемыя имъ и его сотрудниками за народныя мелодіи. Венсенъ д'Энди, Эрнестъ Рейеръ, Векерленъ и Бурго-Дюкурде, не знающіе ни музыки, ни нравовъ армянскихъ (авторъ статьи, вѣроятно, имѣетъ въ виду народный духъ армянскій — замѣчу я) и не имѣющіе понятія о музыкѣ армянской, снабжаютъ доставленныя имъ мелодіи самодѣльною гармоніей на европейскій ладъ и въ такомъ видѣ появляются онѣ роскошно и изящно изданныя съ текстомъ на трехъ языкахъ, на удивленіе всей Европѣ и на позоръ армянскому искусству".

Позора армянскому искусству тутъ по-моему нѣтъ, разъ въ этомъ сборникѣ нѣтъ или почти нѣтъ ничего армянскаго за исключеніемъ текста. Легкомыслія же тутъ, конечно, немало какъ со стороны Егіазаряна, такъ и французскихъ композиторовъ, храбро берущихся „обработывать" доставленный имъ матеріалъ въ томъ духѣ, который неизвѣстенъ не только имъ, но и на мѣстѣ. Композиторы, помогавшіе г. Егіазаряну выпускать его сборникъ пользуются извѣстностью, но, собственно говоря, только одинъ изъ нихъ могъ бы считаться болѣе своихъ товарищей компетентнымъ въ области разработки народныхъ напѣвовъ. Это Бурго-Дюкудре, лѣтъ двадцать пять назадъ издавшій сборникъ греческихъ пѣсенъ, съ научно обоснованными примѣчаніями и съ примѣненіемъ къ записаннымъ напѣвамъ обработки, основанной на твердо поставленныхъ научныхъ принципахъ и взглядахъ.

И тѣмъ не менѣе этотъ музыкальный ученый на этотъ разъ не поцеремонился съ восточными мелодіями, характеръ и строеніе которыхъ совсѣмъ ему неизвѣстны. Въ результатѣ получился сборникъ пѣсенъ, гдѣ, по словамъ лицъ освѣдомленныхъ въ области своей народной пѣсни, содержаніе совсѣмъ не отвѣчаетъ заглавію. „Развѣ это не печальное явленіе въ области музыкальной литературы?" спрашиваетъ авторъ.

Конечно, явленіе грустное, въ особенности когда попутно узнаешь, какое слабое знакомство съ предметомъ обнаружили вообще всѣ тѣ, кто болѣе или менѣе занимался восточною музыкою. Послѣдняя въ полномъ смыслѣ слова — terra incognita не только для насъ, живущихъ внѣ Востока и не имѣющихъ ни случая, ни возможности заняться ея изученіемъ. Она — столь же неизвѣстная область и для туземцевъ; это уже гораздо хуже. Въ сборникѣ „Братская помощь", изданномъ въ Москвѣ покойнымъ Джаншіевымъ послѣ послѣдней турецко-армянской рѣзни, есть статья объ армянской музыкѣ, составляющей, разумѣется, только небольшую часть народнаго музыкальнаго вдохновенія, проявленнаго на Кавказѣ. Указавши на то, что „всѣ сочиненія, написанныя русскими и иностранными композиторами подъ общимъ названіемъ orientale и danse orientale, собственно говоря, не имѣютъ никакой физіономіи", или искажены, авторъ статьи, замѣчаетъ, что немногія лица и изъ среды армянъ, занимавшіяся записываніемъ народныхъ напѣвовъ, тоже отнюдь не церемонились съ ними, передѣлывали ихъ, какъ имъ только приходило въ голову, дѣлали къ нимъ приставки или же подводили подъ одну этикетку самые разнообразные напѣвы.

Относительно музыкальнаго Востока, изображавшагося русскими и западными композиторами, авторъ конечно правъ. Востокъ этотъ всегда болѣе условенъ. Нельзя изображать какой-либо страны и края, не только не будучи съ ними знакомымъ, но даже иногда и не заглядывавши въ нихъ. Востокъ въ музыкѣ всегда свидѣтельствуютъ только о богатствѣ и живости воображенія композиторовъ, о разнообразіи средствъ ихъ музыкальной техники, но отнюдь не имѣетъ печати подлинности. Да откуда и взять эту подлинность, если въ области восточной музыки еще ничего не сдѣлано на мѣстѣ, ничего не разъяснено и только развѣ что въ будущемъ примутся дѣлать тутъ проѣзки и ставить вѣхи. Что сказано о народной пѣснѣ, то относится, конечно, и къ области духовной музыки восточныхъ народностей. А между тѣмъ посмотрите, что вышло уже и здѣсь. Въ статьѣ сборника „Братская помощь" разсказывается между прочимъ о свидѣтельствѣ на знаніе Востока, выданномъ изъ Петербурга нѣкоему г. Экмаліану, гармонировавшему и положившему для хора литургію, разные армянскіе церковные гимны и пѣснопѣнія. „Этотъ солидный трудъ,—по словамъ статьи,—былъ представленъ на разсмотрѣніе художественнаго совѣта с.-петербургской консерваторіи и въ пѣвческую капеллу; оба эти учрежденія одобрили его и нашли подходящимъ и къ стилю армянской духовной музыки и удобнымъ для исполненія въ церквахъ". Я полагаю, что оба названныя учрежденія могли разсматривать труды г. Экмаліана только съ точки зрѣнія правильности гармоніи, да и то еще вопросъ—какою можетъ и должна быть гармонія восточныхъ напѣвовъ, характеръ которыхъ совершенно еще не разслѣдованъ. Но рѣшать категорически въ качествѣ высшей инстанціи вопросъ о стилѣ армянской духовной музыки, когда Католикосомъ только-что начато упорядоченіе пѣснопѣній его церкви, значитъ дѣйствовать черезчуръ смѣло. Любопытно было бы взглянуть на этихъ петербургскихъ знатоковъ того, въ чемъ затрудняются сами лица, дѣйствительно заинтересованныя въ данной области!

Смѣлыя рѣшенія теоретическихъ вопросовъ хотя бы въ области народной пѣсни мы видѣли уже не разъ въ нашемъ музыкальномъ мірѣ. Лицъ, научно-разработывающихъ никому въ точности неизвѣстную область русской пѣсни, въ родѣ того, какъ дѣлали это покойный П. Сокальскій и отчасти А. Фаминцынъ, нѣтъ среди нашихъ теоретиковъ; всѣ предпочитаютъ тутъ довольствоваться ходячими положеніями. Но здѣсь намъ по крайней мѣрѣ помогла практика. Многимъ музыкантамъ можетъ быть никогда не приходилось жить въ деревняхъ или маленькихъ городкахъ, но у насъ за то существуетъ много всякихъ сборниковъ пѣсенъ, которыми уже давно и пользовались наши композиторы.

Опираясь на чутье и вкусъ этихъ талантливыхъ людей, можно не особенно далеко уклониться отъ истины, не слишкомъ сбиться въ опредѣленіи того, что можетъ считаться народностью въ искусствѣ. Совсѣмъ другое дѣло—Кавказъ, гдѣ ничего не сдѣлано ни въ области искусства, ни науки. Онъ ждетъ еще піонеровъ, но долго ли ему ждать ихъ—остается вопросомъ. Въ этомъ краѣ есть слишкомъ много неотложныхъ культурныхъ задачъ, а такъ какъ музыкальное искусство идетъ сзади другихъ проявленій культурной жизни, то предложенный вопросъ рѣшается скорѣе отрицательно. Собираніе народныхъ пѣсенъ, въ особенности же научная разработка ихъ, требуютъ силъ не одного лица, а трудовъ многихъ поколѣній.

Движеніе такихъ работъ находится въ зависимости или отъ энтузіазма отдѣльныхъ лицъ, или отъ доброй воли правительства. На первое—трудно разсчитывать и на второе—также. У правительства на такой окраинѣ, какъ Кавказъ, и такъ слишкомъ много дѣла и слишкомъ много издержекъ, чтобы оно могло тратить деньги на собираніе пѣсенъ туземныхъ народностей. Если мѣстные богачи не заинтересуются этимъ дѣломъ, не дадутъ на него средствъ, какъ это сдѣлалъ напримѣръ г. Цатуровъ для сборника г. Егіазаряна, то Кавказъ хотя бы и въ этнографически-музыкальномъ отношеніи еще долго рискуетъ остаться tabula rasa, какою онъ былъ до сихъ поръ, гдѣ всякій можетъ выводить узоры, какіе ему придутъ въ голову.

Объ этихъ узорахъ, порою прямо комичныхъ,—довольно обстоятельно сообщаетъ брошюра г. В. Д. К. Въ виду этого я мало понимаю заключительныя строки ея, усматривающія „всевозрастающее стремленіе къ изслѣдованію кавказской музыки, всевозрастающее количество трудовъ на ея изученіе". Гдѣ эти труды, если ихъ приходится считать безусловно негодными? О какомъ свѣтѣ съ Востока, ex oriente lux, можно говорить, когда Востокъ спитъ также сладко, какъ онъ спалъ и до сихъ поръ!

М. Ивановъ.

Краткій очеркъ по исторіи грузинской музыки [1]).

Болѣе роковымъ географическимъ положеніемъ, чѣмъ имѣла Грузія, едва ли обладала иная страна на земномъ шарѣ. Великій переселенческій путь изъ Азіи въ Европу, этапный пунктъ и операціонный базисъ при столкновеніяхъ народныхъ массъ запада и востока, вѣчный соблазнъ и предметъ алчныхъ исканій ассиріянъ, вавилонянъ, египтянъ, персовъ, грековъ, арабовъ, монголовъ и др.—вотъ положеніе, которое занимала Грузія во все время своего существованія. Мало того, пятнадцать слишкомъ вѣковъ христіанства, вплоть до присоединенія послѣдней къ Россіи, есть безконечная борьба за вѣру и родину.

Родоначальники грузинъ—великіе урарты, какъ доказываютъ многіе ученые, болѣе XXV вѣковъ боролись съ народами Азіи, выдерживали удары почти всѣхъ завоевателей міра, испытывали всѣ ужасы варварскихъ временъ, истекали кровью и все-таки устояли на своей исконной территоріи. Не потерять въ этой борьбѣ, а иногда и въ порабощеніяхъ, національной самостоятельности, не имѣть племеннаго родства и религіознаго единства ни съ однимъ изъ сильныхъ народовъ, не видѣть на горизонтѣ свѣтлаго луча, предвѣщавшаго имъ освобожденіе изъ подъ ига поработителей, терпѣть всевозможныя насилія со стороны фанатическихъ завоевателей и при такихъ условіяхъ не исчезнуть, а остаться еще прикрѣпленнымъ къ своей землѣ, сохранить вѣру, языкъ, крѣпкія основы семейной жизни, патріархальные нравы,—явленіе по истинѣ весьма рѣдкое въ исторіи человѣчества. При этихъ условіяхъ трудно было бы сказать что-нибудь и тѣмъ дать точное понятіе о томъ, чѣмъ было и что представляло собою народное художественное творчество древнихъ грузинъ. Безпрерывныя войны, которыя вела Грузія съ своими внѣшними врагами, тѣснившими ее со всѣхъ сторонъ, частыя переселенія, обильный рядъ всевозможныхъ столкновеній и вмѣстѣ съ этимъ и рядъ подчиненій однихъ племенныхъ явленій другими—все это до такой степени стерло и спутало художественную жизнь народа, что сказать что-либо опредѣленное о музыкѣ тѣхъ вѣковъ едва ли возможно.

Тѣ многочисленныя свѣдѣнія о музыкѣ языческаго періода грузинъ, которыя разбросаны въ грузинскихъ историческихъ документахъ, составили бы особый трудъ для изслѣдователя. Свѣдѣнія эти почерпнуты изъ тѣхъ многихъ памятниковъ, которые живо говорятъ о великомъ прошломъ народа урартовъ, отсюда и ихъ потомковъ грузинъ. Такъ, напр., кромѣ священныхъ мѣстъ, куда стекались на поклоненіе богамъ, существовали въ жизни грузинскаго народа и другія явленія, имѣвшія вліяніе на міровоззрѣніе народа: дерево необыкновенной величины поражало его, какъ человѣка на первой стадіи развитія, отчего оно и становилось предметомъ его поклоненія и т. д. Кромѣ своихъ природныхъ боговъ, грузинами почитались и греческіе боги: Апполонъ, Артемій, Афродита, Кронос и др. почитались ими на равнѣ съ Армазомъ; солнце, звѣзды, заря, лѣшій, домовой, рѣчной и др. также считались ихъ богами; что для всѣхъ ихъ у грузинъ существовали хвалебные гимны, въ этомъ нельзя усумниться, если принять во вниманіе остатки идолопоклонства въ настоящее время у горныхъ грузинъ (тушиновъ, пшавовъ и хевсуръ), сванов и абхазцевъ; кромѣ того содержанія нѣкоторыхъ пѣсенъ, а также припѣвы и окончанія ихъ. Такъ, напр., пѣсня: *Мзе шина да мзе гарета, мзев шин шемодіо. Важис мама шин ар-арис, мзев шин шемодіо.* и т. д. по миѳологіи должна относиться къ языческому періоду.

Легенда объ аргонавтахъ въ XII столѣтіи до Р. Х. приводитъ насъ къ колхидскому царю Оэтесу, котораго называютъ сыномъ Эліоса, т. е. на языкѣ грузинъ *Мзе*. Та же легенда воспѣваетъ солнечную страну Колхиду и ея вѣчно солнечный городъ Эйо. Вышеупомянутый царь во время его прогулокъ, должно быть, воспѣвался приведенной пѣсней сопровождавшимъ его хоромъ. Пѣсня эта—*Мзе шина*—распѣвалась также предъ богомъ солнца, представителемъ котораго былъ Армазъ. Армазъ, какъ главный изъ боговъ, почитался всѣмъ народомъ, почему со всѣхъ концовъ Грузіи стекались къ нему для ночныхъ бдѣній. Очевидно, отсюда беретъ начало сохранившійся у грузинъ до нынѣ обычай отправляться на богомолье цѣлыми сутками.

Припѣвъ, часто употребляемый въ окончаніяхъ грузинскихъ пѣсенъ *арале* или множественное ея *арни-арнане*, а также *лав- нана вардо нана*, полагаемъ, долженъ быть остатокъ гимницъ, которыя распѣвались въ честь грузинскихъ боговъ и богинь: Арея, Айнина, Дайнина [1]); припѣвъ—*Оделіи*, у сванов *дали*, у чеченцевъ *дели*, означаетъ—богъ; *оделіа*, быть можетъ, есть отзвукъ гимницы въ честь богини *Дели* идолъ которой былъ воздвигнутъ близъ города Кутаиса [2]).

Грузинская народная музыка, приближаясь къ намъ, не переставала совершенствоваться въ своемъ развитіи. Конечно, богъ солнца и само солнце не переставали, по міровоззрѣнію грузинскаго народа, играть главную роль. Въ позднѣйшихъ рукописяхъ грузинской литературы *Мзе* (солнце) представляетъ высшее совершенство, оно и есть главное мѣрило для всякаго совершенства. Такъ, напр., выраженіе *эна мзеова* означаетъ высшее совершенство краснорѣчія. *Мзе кала*—солнце женщина, *Мзиса* или *Мзеха*,—собственное имя, встрѣчаемое и въ наши дни; *Мзе чабуки*—солнце мужъ мужественный. *Мзевинари. Мзе шинари* суть имена. Древне-грузинское выраженіе *Хвара мзе* значитъ „я есмь солнце"; высшая клятва, употребляемая часто и въ наши дни—*чемма мзем, шенма мзем*, что будетъ означать—клянусь моимъ солнцемъ, твоимъ солнцемъ; проклятіе, часто встрѣчаемое въ народѣ,—*мзе гагикрес*-да потухнетъ твое солнце—все это наводитъ на мысль, что пѣсня *Мзе шина* должна относиться къ языческому періоду. Однородная съ ней мелодія *лав- нана*, которая поется въ честь посѣщенія семи братьевъ—ангеловъ, должна быть также продуктомъ языческаго періода. Во время

[1]) Изд. Кавсадзе и Каргаретели, Тифлисъ 1901 г.

[1]) См. сер. фельетоновъ газ. „Иверія" за 99 г. М. Джавашвили, 160 и др.

[2]) ibid., № 160. М. Джавашвили.

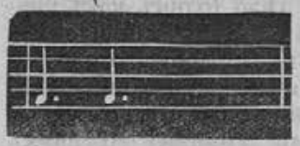
заболѣванія кого-нибудь оспою, корью и другими инфекціонными болѣзнями, по вѣрованію народа называемыми ангелами и „батонеби“ группа женщинъ собирается у больного и поетъ:

Ак батонеби мобрзанднен
Іав—нанинао
Мобрзанднен да мэшиннен
Іав—нанинао
Батонебис мамидаса
Іав нанинао
Квеш гаушли халичаса
Іав—нанинао и т. д.

Мелодія этихъ двухъ однородныхъ пѣсенъ однообразна и вращается въ предѣлахъ нѣсколькихъ тоновъ.
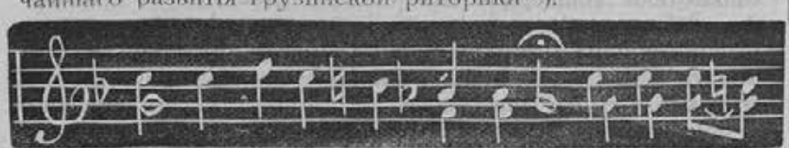

І - ав на - на вар - до на-на і-ав на-ни
Мзе ши-на да мзе га - ре-та мзевшиншемо

-на - о
-ді - о

Многіе изъ обычаевъ языческаго періода дошли до нашихъ дней; нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ нихъ, какъ всякое вѣрованіе народа, сопровождался пѣсней, но вслѣдствіе наслоенія вліяній разныхъ періодовъ, мелодіи эти исчезли. Къ періоду до-христіанскихъ вѣковъ можно отнести еще видъ пѣнія, называемый въ наши дни *зари*. Нынѣ этотъ видъ пѣнія сохранился среди грузинъ, населяющихъ гористую часть Кавказа и въ западной части Грузіи; этотъ родъ пѣнія исполняется при оплакиваніи усопшаго. Онъ состоитъ изъ перваго голоса, который ведетъ мелодію и перваго баса; мелодія мотива однообразна и по мѣстамъ ходъ мелодій оживляется причитаніями, посвященными подвигамъ умершаго. Объ этомъ видѣ пѣнія упоминается въ грузинскихъ рукописяхъ съ позднѣйшихъ временъ.

Такъ, напр., царь Вахтангъ VI (1737 г.) въ своей рукописи объ оплакиваніи дяди своего Георгія и отца своего Левана упоминаетъ народное оплакиваніе *зари* царя Парсмана, который измѣнически былъ убитъ Персіанами въ первомъ вѣкѣ: тогда начался народный плачъ—*зари*, собрались *мгосани* [1]), всѣ пѣвцы и стихотворцы, которые въ слагаемыхъ пѣсняхъ воспѣвали его доблести. Вообще это оплакиваніе представляетъ образецъ высочайшаго развитія грузинской риторики [2]).

Ва - и - ме шен - са дам-кар-гавс те-мис дам-

- мшвс-но чре-ла - о

[1]) „Мгосани“—объясненіе см. дальше.

[2]) См. фел. „Иверіа“ 160—99 г. описаніе сигеля церковн. музея подъ № 84.

По мѣрѣ того, какъ начали проникать среди грузинскаго населенія лучи христіанскаго ученія, пѣсни языческаго періода отодвигались на задній планъ и новыя мелодіи создавались на новыхъ христіанскихъ догматахъ.

Одно лишь переселеніе тридцати тысячъ евреевъ въ Грузію, вскорѣ послѣ распятія Христа, могло внести новый элементъ и для грузинской народной мелодіи. Съ распространеніемъ христіанства, среди населенія открывались и новые фазисы завоеваній духовной жизни народа; такъ, напр., въ пѣснопѣніяхъ Давида, переведенныхъ еще въ VIII вѣкѣ, попадаются названія слѣдующихъ инструментовъ: *нестви*—труба, *эбани*—гусли, *бобгани*—тимпанъ, *зноба*—органо или органъ, *цинцили*—кимвалъ. Подъ аккомпаниментъ эбани—гусель, какъ у египтянъ, грековъ, евреевъ, и у грузинъ произносились стихи.

Уже съ половины X столѣтія начинается у грузинъ новая эра въ музыкальномъ искусствѣ: изобрѣтаются нотные музыкальные знаки, сочиняются гимны въ честь святыхъ и торжественныхъ праздниковъ, нотируются мелодіи эти и составляются громаднѣйшіе сборники священныхъ пѣснопѣній съ нотными знаками. Такой способъ нотированія или, какъ ее называютъ—невматическая нотная система, по словамъ нашихъ историковъ, существовала раньше. Судя по нотнымъ рукописямъ, изобрѣтеніе ихъ относятъ ранѣе десятаго столѣтія; такъ, напр., пергаментную рукопись священныхъ пѣснопѣній Алаверд[illegible]скаго монастыря, нынѣ находящуюся въ музеѣ при Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ въ Тифлисѣ (объ этомъ ниже), полагаютъ произведеніемъ VIII столѣтія.

Если бы лучшіе представители исторіи музыки посѣтили библіотеку „Общества распространенія грамотности среди грузинскаго населенія въ Тифлисѣ“ и музей при Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ, то они съ особеннымъ интересомъ остановились бы на рукописныхъ книгахъ десятаго вѣка,—на „гимницахъ“ съ образцами грузинскихъ нотныхъ знаковъ. „Гимница“, находящаяся въ библіотекѣ „Общества грамотности“, состоящая изъ 514 пергаментныхъ листовъ, почти въ аршинъ, писана грузинскими церковными буквами и каждая пѣсня, за исключеніемъ кое-какихъ авторскихъ приписокъ и нѣсколькихъ главъ, нотирована невматическими нотными знаками, на Западѣ называемыми nota romana.

Этотъ сборникъ пѣснопѣній—достояніе „Общества“ и значится въ каталогѣ подъ № 425.

Краткій очеркъ объ этой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной рукописи впервые отпечатанъ въ 1896 году грузинскимъ изслѣдователемъ Мосе Джанашвили [1]).

Передъ вами иллюстрація художественнаго развитія грузинской народной музыки. Но когда же написана эта „гимница?“—вотъ вопросъ, который невольно напрашивается на умъ. Для разъясненія этого вопроса почтенный авторъ названной книги приводитъ тѣ приписки и свѣдѣнія, которымъ отведено мѣсто въ сборникѣ пѣснопѣній. Такъ, напр., на страницѣ 357 „гимницы“ мы встрѣчаемъ приписку ея автора слѣдующаго содержанія: „Христосъ, возвеличь непобѣдимыхъ царей Сумбата и Гургена“.

По датамъ грузинской исторіи первый изъ царей, Сумбатъ, царствовалъ отъ 923 до 958 г., второй—отъ 958 до 980 г. Въ этой же „гимницѣ“ на нѣсколькихъ страницахъ упоминается царь Куропалатъ Давидъ, царствовавшій, по грузинской лѣтописи, въ послѣдней половинѣ X столѣтія.

По словамъ армянскихъ [2]), византійскихъ [3]) и грузинскихъ [4]) историковъ, Давидъ былъ извѣстенъ не только въ нашей лѣтописи, но и во всемірной. Въ періодъ его царствованія Грузія прославляется своими блестящими побѣдами и считается однимъ изъ могущественныхъ государствъ Востока. Такъ византійскій императоръ Ва-

[1]) См. кн. „Сокровище X вѣка“ М. Джанашвили.

[2]) Асохикъ, стр. 135 и 179.

[3]) См. у Гана стр. 38, у Бакрадзе—прим. на стр. 136—140.

[4]) Вахушти, прим. Бакрадзе, стр. 139. Аѳонская пергам. рукопись

силій, вступивъ на престолъ, проситъ помощи у могущественнаго царя Давида, для отраженія Склероса. Куропалатъ Давидъ посылаетъ свое войско подъ предводительствомъ своего славнаго бойца—полководца Торникэ, который и побѣждаетъ Склероса, послѣ чего этотъ послѣдній спасается бѣгствомъ въ Багдадъ. Вышеприведенный историческій фактъ упоминается также въ книгѣ *Самотхе*—Рай, переписанной въ 977 году; объ этомъ же событіи упоминается въ рукописи „Явленіе Іоанна Богослова", переписанной въ 978 году. Куропалатъ Давидъ, не имѣя послѣ себя наслѣдника престола, передаетъ правленіе и тронъ своего могущественнаго государства возлюбленному своему наслѣднику Баграту III, который царствовалъ отъ 980 до 1014 г. и оправдалъ надежды своего вотчима. Для лучшей характеристики личности Давида, вотчима Баграта III, не лишнимъ считаемъ привести отзывъ армянскаго историка Асохикъ, который говоритъ слѣдующее: „Великій Куропалатъ Давидъ кротостью и миролюбіемъ превосходилъ всѣхъ царей, живших въ наше время; онъ былъ виновникомъ мира и благоденствія всѣхъ восточныхъ государствъ, въ особенности же Арменіи и Иверіи; онъ прекратилъ войны, безпрестанно возникавшія со всѣхъ сторонъ, такъ что всѣ государства подчинялись ему" [1]). При этихъ же царяхъ окончательно было положено основаніе могущества Грузіи, и съ этого времени грузины идутъ твердой поступью впередъ вплоть до вступленія царицы Тамары, и царство Картловъ изо дня въ день растетъ какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ.

Ко всему этому надо добавить, что въ припискѣ къ „гимницѣ" попадаются имена и др. грузинскихъ дѣятелей, живших въ X столѣтіи; такъ наприм.: Микела Давидъ, Давидъ 2-й, Степанъ Чкондидели, Іоаннъ Мтебевари, Евфимій, Іоаннъ Конколидзе, Моисей и т. д. [2]).

Итакъ изъ приведенныхъ историческихъ данныхъ можно вывести, что „гимница" священныхъ пѣснопѣній написана и нотирована въ періодъ X столѣтія. Не довольствуясь изложенными данными, отмѣтимъ также, что Мосе Джанашвили въ своемъ изслѣдованіи объ этой рукописи говоритъ слѣдующее: хотя „гимница" и переписана при правленіи вышеупомянутыхъ царей, но оригиналы, съ котораго списаны эти пѣснопѣнія, должны были существовать и раньше.

Въ доказательство своего мнѣнія, почтенный историкъ приводитъ „гимницы" на 8-ой страницы. Вотъ она: „Слава Тебѣ, Христе Боже, причина всѣхъ благъ, съ великою помощью Твоею окончились пѣснопѣнія Святого Воскресенія Твоего, яко благословенъ есть и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Съ помощью Великаго Бога, я грѣшный, суетой мірской поглощенный, опечаленный тяжестью сознаваемаго ничтожества, Микелъ Модрекили, трудился и сверхъ безсилія моего собралъ пѣснопѣнія сіи—Святого Воскресенія Христа, которыя обрѣлъ на языкѣ грузинъ: мехурскія, греческія и грузинскія, согласныя съ догматами христіанской церкви, яко возглашать Господа, паче восхвалять его силой, чистотой и правдой вѣрнѣйшихъ сихъ мотивовъ съ безошибочными знаками".

Изъ этой приписки прямо усматривается, что авторъ сборника нашелъ на языкѣ грузинъ пѣснопѣнія, собралъ ихъ и безъ малѣйшихъ измѣненій переложилъ ихъ на нотные знаки. Надо полагать, что до этого еще были изобрѣтены нотные знаки—невматическихъ нотописаній; существовали не только грузинскія пѣснопѣнія на языкѣ грузинъ, но и мехурскія, и греческія. Въ доказательство этого приводимъ приписку автора „гимницы" на страницѣ 44-й, гласящую: „... собралъ пѣснопѣнія, существовавшія на языкѣ грузинъ: мехурскія, греческія и грузинскія и внесъ въ святую книгу сію, со всѣми подробностями и истинами, обработавъ лично, призывая на помощь свое знаніе", и т. д. Тождественность смысла этой приписки съ содержаніемъ приведенной выше приписки со страницы 8-й ясна.

Онъ же, Микелъ Модрекили, собралъ разбросанныя пѣснопѣнія, существовавшія и исполнявшіяся въ грузинскихъ церквахъ на языкѣ грузинъ и разработанныя имъ же самимъ, внесъ въ эту святую книгу. Грузинскіе историки этого Микела Модрекили считаютъ писателемъ конца X вѣка.

Сочиненіемъ пѣснопѣній занимались самыя выдающіяся лица того времени. Такъ, напр., на страницѣ 78-й „гимницы" приведены Рождественскія пѣснопѣнія, сказанныя епископомъ Іоанномъ Мтбевари. Этотъ епископъ часто упоминается на всемъ протяженіи „гимницы", а на страницѣ 119-й встрѣчаются изображенія маслян. красками Іоанна Мтбеварійскаго и Василія Кесарійскаго. Что этотъ Іоаннъ Мтбевари былъ просвѣщенный человѣкъ своего вѣка, это не подлежитъ сомнѣнію. Нѣсколько главъ этой „гимницы" сочинены имъ и на каждой сочиненной имъ главѣ есть приписка: „сказанныя Богомъ выбраннымъ Іоанномъ", или же „сказанныя Богомъ выбраннымъ Іоанномъ, мудростью души святой свидѣтели и лѣтописи". Состоявъ главой Тбетскаго монастыря, гдѣ было сосредоточено книжное и литературное дѣло, Іоаннъ, какъ увидимъ дальше, первый подавалъ примѣръ собравшимся сподвижникамъ. Кромѣ этой „гимницы", имя этого великаго человѣка упоминается въ сванетской рукописи, писанной самимъ же Іоанномъ. Рукопись эта относится къ X столѣтію. Есть еще приписка въ „гимницѣ" о двухъ братьяхъ Чкондидели: Евфиміи и Степанѣ. Евфимій былъ образованный человѣкъ для своего вѣка. Въ „Памятникахъ грузинской старины" проф. Цагарели, на страницѣ 174—175, приведена во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная приписка, которая приводитъ свѣдѣнія о состояніи литературы того времени. Въ числѣ многихъ сочиненій упомянутаго Евфимія, подъ отдѣльнымъ номеромъ указаны и сочиненія святыхъ пѣснопѣній православной церкви. Отецъ Евфимія былъ Іоаннъ, воспитавшій сына своего въ совершенномъ знаніи греческаго языка. Профессоръ Цагарели приводитъ названія 21 сочиненія Евфимія и, надо полагать, что въ числѣ написанныхъ на грузинскомъ языкѣ сочиненій были и пѣснопѣнія православной церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что произведенія столь популярнѣйшаго тогда человѣка, какимъ былъ Евфимій, могли войти въ священную „гимницу". Наше предположеніе подтверждается и тѣмъ еще, что въ двухъ мѣстахъ „гимницы" встрѣчается приписка къ пѣснопѣніямъ: „грѣшный Евфимій" [1]).

Въ виду полноты представленія уровня музыкальной литературы тѣхъ вѣковъ нельзя обойти молчаніемъ еще нѣсколько рукописей того времени, имѣющихъ большое значеніе для исторіи грузинской музыки. Такъ, напр., въ музеѣ при Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ хранится пергаментная рукопись церковныхъ пѣснопѣній съ невматическими нотными знаками. Книга эта перенесена изъ библіотеки Алавердійскаго собора и называется *Алавердѝс дзилисъ пири*—„Алавердскіе прмосы". Авторомъ этихъ пѣснопѣній называютъ нѣкоего монаха Іордане, имя котораго упоминается въ припискѣ къ рукописи, но замѣтимъ, что это послѣднее достовѣрно не установлено, а пока только остается предположеніемъ.

И въ послѣдующихъ вѣкахъ музыка не переставала быть дѣломъ общественнымъ. Въ этомъ случаѣ не менѣе интересныя свѣдѣнія даетъ по музыкальной исторіи сочиненіе архимандрита Геронтія въ концѣ XVIII-го столѣтія.

Достаточно было бы, по нашему разумѣнію, вышеупомянутыхъ документовъ, чтобы охарактеризовать дѣятельность вышепоименованныхъ лицъ, оцѣнить заслуги каждаго въ дѣлѣ развитія музыки и тѣмъ самымъ опредѣлить уровень музыкальнаго искусства у грузинъ. Что

[1]) См. ист. Асохикъ, стр. 200.

[2]) См. подробный разборъ „гимницы"—„Сокровище X вѣка", М. Джанашвили.

[1]) См. „Сокровище X вѣка", М. Джанашвили.

музыка была дѣломъ общественнымъ, вышедшимъ на широкій путь развитія, тому свидѣтели какъ вышеприведенныя лица, такъ и тѣ рукописи, которыя дошли до нашихъ дней и которыя такъ живо говорятъ о великой силѣ и важности предмета, на которыя потрачены многіе лучшіе годы просвѣщенныхъ общественныхъ дѣятелей того времени.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ печальнымъ кладбищемъ смотрѣла бы на насъ вся эта бездна прошедшаго, покрытая лишь могильными надписями мертвыхъ документовъ, если бы не было этихъ созданій художественнаго творчества грузинскаго народа. Они изъ тѣхъ памятниковъ народа, которые соединяютъ все пространство временъ отъ созданія старѣйшихъ изъ нихъ, до нашихъ дней и, такимъ образомъ, сближаютъ прошлое съ настоящимъ. Онѣ изъ тѣхъ памятниковъ художественнаго творчества грузинъ, которые понятны для всѣхъ вѣковъ и народовъ, и значеніе ихъ не можетъ быть не признано какимъ бы то ни было поколѣніемъ и на нихъ не посягнетъ никогда ни время, ни сила. Въ нихъ отражались и отражаются всякія общеисторическія явленія, всевозможныя направленія политической, художественной и общественной жизни; на нихъ вліяли безъ исключенія всѣ причины историческихъ событій, какъ могли вліять онѣ на языкъ, религію и обычаи народа.

Истинность всего этого легко можетъ быть провѣрена всѣми на дѣлѣ.

Обозрѣвая область музыкальнаго искусства древневѣковаго времени, быть можетъ, мы многое не сказали, боясь, чтобы очеркъ нашъ, предполагавшійся въ скромныхъ размѣрахъ, не разросся слишкомъ.

Такіе люди, какъ Микелъ Модрекили, Іоаннъ Мтбевари, Евфимій, Іордане и Геронтій умѣли охранять и находить вѣрнѣйшій путь къ усовершенствованію. Послѣдующія эпохи болѣе могущественныхъ царей могли создать для искусства вообще болѣе плодоносную почву. Извѣстно, что музыка и поэзія получали и получаютъ болѣе благопріятную почву для своего развитія тамъ, гдѣ человѣку нѣсколько свободнѣе дышется. Однимъ изъ такихъ періодовъ для грузинскаго народа, отсюда и для искусства, было царствованіе Тамары. Эту великую женщину Муравьевъ въ своихъ трудахъ характеризуетъ такъ: „Не думаю, чтобы въ какой либо исторіи существовало царственное лицо, до такой степени сосредоточившее въ себѣ всѣ преданія предшествовавшихъ и послѣдующихъ вѣковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь свѣтлое и чистое отъ всякой укоризны, какъ сія Тамара". Вотъ этато великая женщина, прозванная матерью народа, значительно подняла уровень его духовной жизни. Подтвержденіе этого мы видимъ въ появленіи знаменитѣйшаго поэта-философа XII столѣтія Шота Руставели, автора поэмы *Въ Барсовой кожѣ*, которая, достигая высочайшихъ предѣловъ поэзіи, заходитъ какъ бы въ область музыки, напоминая собою какъ бы кристаллическія волны зыбкой поверхности воды въ своемъ лирическомъ изліяніи. Смѣло можно сказать, что весь народъ грузинскій, начиная отъ береговъ Чернаго до Каспійскаго морей, пропѣлъ одну нескончаемую мелодію, въ формѣ поэмы Руставели. Впрочемъ, съ поэзіей и музыкой Руставели хорошо знакомъ весь образованный міръ по переводу Лейста на нѣмецкій языкъ.

Этотъ грузинскій поэтъ-философъ XII столѣтія въ своей безсмертной поэмѣ упоминаетъ о двухъ уже тогда установившихся названіяхъ профессіональныхъ пѣвцовъ: *мутриби* и *мгосани*. Названіе „мутриби" опредѣляетъ музыканта, играющаго на струнномъ инструментѣ. Названіе „мгосани" опредѣляетъ пѣвца, играющаго на инструментѣ изъ семьи флейтъ и слагающаго стихи подъ акомпаниментъ инструмента. Въ этой же поэмѣ упоминаются названія слѣдующихъ инструментовъ сообразно обстановкѣ торжества. Такъ напр.: *набо, наса, начаги, барбити, эбани, дабдаби, пондури, чагани, хоси, саквири, цинцили* и т. д. Многіе изъ этихъ инструментовъ существуютъ и въ наши дни и сохранили свой первобытный видъ.

Нынѣ существующій инструментъ у грузинъ *доли* имѣетъ почти одинаковую форму съ индійскимъ инструментомъ „долэ". Инструментъ этотъ имѣетъ форму продолговатую, съ обѣихъ сторонъ обтягивается кожей и принадлежитъ къ семьѣ ударныхъ.

Зурна, у арабовъ называлась „земръ" или „зурна" и первый и второй схожи съ внѣшнимъ видомъ кларнета и имѣютъ одинаковый строй. Разница настоящаго—усовершенствованіе мундштука; нынѣ мундштуки зурны дѣлаются изъ камыша, звуки ея менѣе рѣзки, а потому пріятнѣе для слуха; у арабовъ мундштуки зурны дѣлались металлическіе, почему звуки ея отличались страшною рѣзкостью и употреблялись только въ военное время.

Пандури—нынѣ существующій струнный инструментъ, пользующійся большою популярностью среди населенія,—носитъ ассирійское названіе; у арабовъ инструментъ съ такимъ строемъ называется „дамбуръ". Впослѣдствіи инструментъ этотъ перешелъ въ Грецію, гдѣ онъ удержалъ свой первоначальный видъ и назывался „игитали" или „севури" [1]).

Дудуки—изъ числа любимѣйшихъ духовыхъ инструментовъ у грузинъ. Дудуки дѣлается изъ тутоваго дерева съ камышевымъ мундштукомъ, съ семью прорѣзами въ корпусѣ и носитъ названіе второй ступени арабской гаммы „ду". Дудуки играется всегда въ парѣ, во всемъ ходѣ мелодіи образуя между собою интервалы. Второй играющій по отношенію къ первому, ведущему главную мелодію, называется „дамкаши".

Чонгури или *чанги* самый любимый и распространенный инструментъ среди грузинскаго населенія. Въ западной части Грузіи инструментъ этотъ имѣется въ каждомъ домѣ и подъ аккомпаниментъ его женщинами поются стихи. Само названіе инструмента „чонгури" указываетъ на арабское происхожденіе. Онъ имѣетъ видъ мандолины; на шейкѣ его намотаны лады; играютъ на немъ щипкомъ. Кажется, ни одинъ инструментъ не былъ такъ чтимъ и сладко воспѣваемъ выдающимися грузинскими поэтами, какъ чонгури. Выдающійся грузинскій поэтъ Николай Бараташвили въ одномъ изъ своихъ превосходныхъ стихотвореній приписываетъ чонгури демоническую силу, печальные звуки котораго, напоминая ему о свѣтломъ прошломъ, томятъ душу и сердце и подъ его звуки вздохомъ грустнымъ и прощальнымъ проходитъ рой свѣтлыхъ воспоминаній. Другой не менѣе извѣстный поэтъ Акакій Церетели желалъ бы, чтобы звуки чонгури для правды звучали и о правдѣ лишь помышляли. Инструментъ этотъ имѣетъ строй тари; натягиваются пять металлическихъ струнъ; первая пара звучитъ въ унисонъ и опредѣленнаго строя не имѣетъ; вторая пара по отношенію къ первой звучитъ на разстояніи чистой кварты въ унисонъ; пятая отъ первой—на разстояніи чистой квинты. Быть можетъ, инструментъ этотъ получилъ свое названіе отъ четвертой ступени арабской гаммы—„ченгъ".

Тари (thari)—азіатская гитара; корпусъ ея выдалбливается изъ цѣльнаго дерева и имѣетъ видъ двухъ сообщающихся другъ съ другомъ тонкостѣнныхъ чашекъ неравной величины. Края чашекъ, выравненные въ одну плоскость, обтягиваются рыбьимъ или другимъ пузыремъ, играющимъ роль верхней деки. Отдушины замѣняются едва замѣтными булавочными уколами на пузырчатой декѣ; особаго грифа не имѣется, лады намотаны; пять главныхъ металлическихъ струнъ звучатъ подъ ударами щипка; изъ пяти струнъ первая пара не имѣетъ постояннаго строя; вторая пара звучитъ въ унисонъ и отстоитъ отъ первой на разстояніи чистой кварты; басъ строится на квинту чистую съ первой. Инструментъ тари, быть можетъ, имѣетъ нѣчто общее съ грузинскими припѣвами: таррале, варале, вархарале, тархарале,—а это послѣднее съ греческимъ „таргилія". Греческое „tharreo" значитъ—опираться,

[1]) См. истор. муз. Размадзе, I часть.—См. оп. инструментовъ.

полагать свое довѣріе на комъ нибудь; Tharaleos—безстрашный, вѣрящій въ благопріятный исходъ, неустрашимый; возноситься, увлекаться. Быть можетъ нашъ thari и греческій инструментъ ki thar первоначально представляли изъ себя одинъ и тотъ-же инструментъ.

Чіанури—трехструнная азіатская скрипка съ деревяннымъ резонаторомъ, имѣющимъ форму мавританскаго купола. Корпусъ выдалбливается изъ цѣльнаго дерева, или склеивается изъ отдѣльныхъ частей тутоваго дерева; основаніе купола обтянуто животнымъ пузыремъ, представляющимъ изъ себя верхнюю деку; особаго грифа на шейкѣ не имѣется, струны—металлическія; къ корпусу снизу у пуговки придѣлывается желѣзный стержень, какъ у віолончели, конецъ котораго опирается на лѣвое колѣно. Строй „чіанури" подобенъ строю „тари"; на чіанури играютъ смычкомъ.

Дайра—одинъ изъ распространенныхъ ударныхъ инструментовъ—имѣетъ видъ бубенъ, но значительно большихъ размѣровъ; къ ободу прицѣпляются маленькіе бубенчики и другіе звенящіе предметы; на ободахъ перетягиваютъ рыбій пузырь, какъ лучшій по легкости и чистотѣ даваемаго звука.

Димплипито—азіатскія литавры - имѣютъ форму усѣченнаго конуса, на широкое основаніе котораго натягивается пузырь: димплипито выжигается изъ глины и играютъ на немъ палочками.

Саазъ—азіатская мандолина, по устройству напоминаетъ тари, но проще послѣдняго; верхняя дека—деревянная, строй—тари и играется щипкомъ на пяти металлическихъ струнахъ.

Каманча—изъ семьи струнныхъ инструментовъ, очень похожа на віолончель; резонаторъ продолговатый шейка короткая, четыре струны изъ кишекъ, строй тари; во время игры инструментъ держатъ вертикально, опирая на колѣно; играютъ смычкомъ.

Сантури—изъ семьи струнныхъ инструментовъ, съ виду похожъ на цитру, а еще больше на деку рояля; на сантури натягиваются металлическія струны въ нѣсколько діатоническихъ гаммъ, смотря по величинѣ инструмента и каждыя три струны даютъ одинъ и тотъ-же звукъ. Играющій ударами деревянныхъ молоточковъ сверху выбиваетъ звуки. Инструментъ этотъ самаго древняго происхожденія; въ настоящее время попадаются игроки на сантури рѣдко и то лица преклонныхъ лѣтъ.

Саквири или *горотото*—духовой инструментъ, изготовлялся изъ мѣди, похожъ на тромбонъ, звукъ его безъ тембра; встрѣчался крайне рѣдко и употреблялся въ военное время; быть можетъ, по качеству своего звука инструментъ этотъ и получилъ свое названіе; „саквири" значитъ—„для крика"; горотото—громовой: горо—громъ...

Саламури—прототипъ современной флейты съ язычкомъ и безъ язычка. На корпусѣ семь прорѣзовъ, восьмой имѣется снизу и закрывается большимъ пальцемъ во время игры. Хотя во внѣшнемъ видѣ и есть сходство между саламури и флейтой, но по качеству звука эти два инструмента имѣютъ большую разницу. Тогда какъ звукъ флейты холоденъ, въ верхнемъ регистрѣ подчасъ рѣзокъ, звукъ саламури мягокъ и нѣженъ. Быть можетъ, инструментъ этотъ по качеству своего звука и получилъ свое названіе; „саламури" означаетъ—привѣтъ, привѣтственный. Саламури нерѣдко воспѣвается и лучшими представителями грузинской поэзіи. Такъ, поэтъ восклицаетъ: *Садахар, чемо саламуро, хма тквило да саамуро*—„О, гдѣ ты, мой саламури, сладкозвучный и пріятный!" и т. д.

Тутъ же надо замѣтить, что многіе изъ вышеупомянутыхъ инструментовъ не могутъ считаться строго грузинскими, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ въ одинаковой степени распространены между всѣми народностями, населяющими Кавказъ.

Много другихъ инструментовъ, какъ карахса и пр., пользуются большою популярностью среди населенія. Самое же почетное мѣсто въ народной поэзіи удѣляется инструменту *Ствири*. Ствири напоминаетъ индійскій инструментъ тумери, неигравшій у нихъ особенной роли. Онъ состоялъ изъ двухъ трубокъ бамбуковаго тростника, высовывающихся изъ пустой тыквы, служащей какъ-бы воздуховымъ резервуаромъ. Инструментъ этотъ издавалъ рѣзкій, безъ тембра, звукъ. Отличіе ствири состоитъ въ слѣдующемъ: на концѣ соединенныхъ двухъ трубокъ надѣвается рогъ, конецъ котораго изогнутъ вверхъ; воздуховымъ резервуаромъ служитъ уже не тыква, гдѣ надо было поддерживать безпрерывную струю воздуха, а козій мѣхъ, который помѣщается подъ мышкой у играющаго. Отъ играющаго зависитъ сила издаваемаго звука, смотря по тому, какую силу давленія онъ производитъ на мѣхъ. Поэтому нельзя удивляться тому, что играющій на этомъ инструментѣ доводитъ звукъ до pianissimo. Если даже въ устройствѣ этихъ двухъ инструментовъ—ствири и тумери можно видѣть сходство, то по качеству звука они представляютъ двѣ противоположности. Звукъ грузинскаго инструмента мягокъ, гибокъ; его forte и piano даютъ ему еще больше превосходства передъ индійскимъ тумери. По тембру звука, ствири очень подходитъ къ звуку церковнаго органа и рѣзко отличается отъ звука китайскаго инструмента, называвшагося ченгъ, котораго ставятъ прототипомъ церковнаго органа. Если ко всему этому добавить, что на ствири можно играть цѣлые часы, то понятнымъ станетъ его распространенность среди населенія. Предѣлъ регистра ствири равняется $1^1/_2$ октавамъ; на двухъ дудкахъ образуются интервалы или съ поющимъ голосомъ или между собою терція, кварта, квинта, секста. Подъ аккомпаниментъ ствири передаются большею частью былины о герояхъ и преданія старины. Само веденіе мотива и стиль пѣнія напоминаютъ псалмодію и вслѣдствіе ограниченности тоновъ, въ предѣлахъ которыхъ оно вращается, должно относится къ глубокой древности. Носителями и распространителями былинъ и сказаній являются нынѣ существующіе среди населенія бродячіе музыканты—мествире, по образу жизни напоминающіе германскихъ миннезингеровъ. Мествире, или какъ его часто называютъ—сазандари, не надо смѣшивать съ группой нынѣ существующихъ музыкантовъ-сазандари или „даста". Быть можетъ, образъ жизни тѣхъ и другихъ и позволяетъ сравнивать эти два сословія, но цѣли, ими преслѣдуемыя, далеко не одинаковы. Для наглядной характеристики и ознакомленія съ поэзіей мествире, нелишнимъ считаю привести приблизительный переводъ сказаній миннезингера Имедашвили, слышанный нами въ сел. Чкопіат-Кари, Горійскаго уѣзда. Этотъ Имедашвили, по его разсказамъ, съ малыхъ лѣтъ бросивъ родныя поля и долины, пустился странствовать по Грузіи и подъ аккомпаниментъ ствири сталъ слагать стихи и проповѣдывать о любви къ ближнему. Вотъ одно изъ этихъ стихотвореній. „Наше время менѣе всего отличается скромностью—не то было при предкахъ; намъ кажется, что мы во всѣхъ отношеніяхъ превзошли прошлое, что мы во всѣхъ сферахъ мысли совершили завоеваніе. Завоеванія эти хотя и велики, но не въ нихъ наши подвиги; знанія могутъ ложиться безконечными слоями на мысль современнаго человѣка. Онъ можетъ чувствовать себя свободнымъ отъ всякихъ предразсудковъ и все таки онъ останется мертвымъ звеномъ въ мірѣ: о немъ забудутъ такъ-же быстро и безъ всякаго сожалѣнія, какъ забываютъ о высохшемъ деревѣ, о внезапно промелькнувшемъ метеорѣ. Если жизнь человѣка не будетъ согрѣта и одухотворена душевноискренней, благородной отзывчивостью на людскія страданія и ошибки, если онъ замкнется въ мірѣ своихъ личныхъ эгоистическихъ идей и чрезмѣрно себя-любивыхъ стремленій,—онъ безполезный, лишній сынъ своего вѣка и народа. Ни обширныя знанія, ни чувство красоты не смогутъ его выдѣлить въ глазахъ потомства изъ будничнаго сѣраго человѣческаго стада. Послѣдній поденщикъ и онъ со всѣмъ блескомъ своего ума пройдутъ безслѣдно и вызовутъ лишь одни нареканія у потомства на даромъ занятое ими мѣсто на землѣ и безполезно потраченный вѣкъ".

II

Закончивъ краткое описаніе музыкальныхъ инструментовъ, мы бы желали хотя вскользь поговорить о развитіи народной пѣсни, которая даетъ столь обильный матеріалъ для исторіи.

Въ XII столѣтіи, въ славную эпоху царствованія Тамары, грузинская народная пѣсня достигла наивысшаго своего совершества, какъ по формѣ, ритмичности слога, такъ и по своему содержанію.

Масса пѣсень, оставшихся отъ XII столѣтія о величіи тамаровской эпохи, вызвали появленіе цѣлаго ряда новыхъ инструментовъ—струнныхъ и духовыхъ. Уже въ одномъ Арчиліани попадаются названія новыхъ инструментовъ; такъ, напр.: *ангзали, хутзали* и т. д. значитъ: десятиструнный, пятиструнный...

ჯათ სა-ძლეთ, სმა ძლეთ.
ორღანო უბნან ებან-ებნათა.

Звуки десятиструннаго инструмента напоминаютъ звуки органа.

Уже съ этихъ вѣковъ тянется нескончаемая нить именъ знаменитыхъ пѣвцовъ и стихотворцевъ, передававшихъ устно изъ рода въ родъ мелодіи вплоть до нашихъ дней [1]). Въ настоящее время традиціонное родовое пѣніе сохранилось въ семьѣ кн. Циціановыхъ, гдѣ самъ глава семейства, старикъ за 80 лѣтъ, съ четырьмя сыновьями, изъ которыхъ старшему 50 л.,—всѣ прекрасные пѣвцы и игроки на музыкальныхъ инструментахъ. Не менѣе извѣстенъ знаменитый знатокъ старинныхъ церковныхъ напѣвовъ преклонныхъ лѣтъ священникъ Думбадзе, кн. Козманишвили, Каралашвили и др.

Развитіе грузинской народной музыки, между прочимъ, обязано просвѣщенному содѣйствію многихъ государственныхъ дѣятелей. Такова дѣятельность царя Ираклія, матеріально содѣйствовавшаго успѣху развитія музыкальнаго искусства; дѣятельность Антона Католикоса, выписавшаго изъ Имеретіи знаменитыхъ пѣвцовъ братьевъ Антадзе для распространенія и насажденія церковнаго пѣнія въ Карталиніи [2]). Вообще средніе вѣка и эпохи царствованій славнѣйшихъ государей Востока—Давида-Куропалата, царицы Тамары и др.—унаслѣдовали грузинской народной музыкѣ такіе элементы, на которыхъ и развивалась она до нашихъ дней. „Закатилось солнце Грузіи, опочила мать народа—Тамара, какъ восклицаетъ лѣтописецъ,—палъ столпъ вѣры и отечества", но умиротворительница народовъ и страны донынѣ воспѣвается во всѣхъ уголкахъ Грузіи въ составленной для нея народомъ эпитафіи. Вотъ она:

„Я, Тамара, была царицей,
Царицей, прославленной всюду.
Межевые знаки поставила въ морѣ,
Сушу присоединила къ своему царству;
Окрестности Эрзерума отдала въ аренду,
А на Испагань наложила дань.
Свершивъ столько дѣяній,
Въ десять аршинъ холста, спеленавшись,
погреблась".

Бурно неслась жизнь народа при вышеупомянутыхъ царяхъ, по крутому руслу катя то мутныя, то прозрачныя волны политической и общественной жизни и на берегъ по временамъ вынося такіе слитки и перлы драгоцѣннаго металла, которые не допустятъ и мысли о возможности оскудѣнія когда-либо ея золотоноснаго русла.

Группа такихъ старѣйшихъ напѣвовъ какъ чонгуро, гвибрзане, замтаро и т. д., все это остатки славнаго царствованія царицы Тамары. Въ непроницаемой тьмѣ вѣковъ мы наталкиваемся на знаменательные дни въ христіанскомъ мірѣ: рождается и умираетъ Христосъ за родъ человѣческій и своимъ страданіемъ и воскресеніемъ тьму побѣждаетъ и тѣмъ даруетъ новую жизнь міру. Оттого дни эти становятся днями торжества дня народа, носящаго вѣру во Христѣ и воспѣваются гимнами пасхальнымъ *Чона* и рождественскимъ—*Алило*.

Существующія въ наши дни виды пѣнія *Оровела, Гигини* отзвукъ позднѣйшихъ вѣковъ. Оровела видъ сольнаго пѣнія, полагаемъ—отзвукъ древнѣйшихъ вѣковъ, когда искусство переживало первую ступень развитія, когда народъ не имѣлъ понятія о гармоническомъ сочетаніи въ природѣ и существовало унисонное пѣніе; таковаже „пѣсня аробщика"—*урмули* и пѣсня „молотьбы". Особую рубрику можно отвести напѣвамъ, такъ называемымъ, *Хеури*—родъ воинственныхъ пѣсень. Въ настоящее время не установлена мелодія грузинскаго марша—марсельезы и „Боже, царя храни"—гимна. Этимъ именемъ называютъ мелодію пѣсни *мгзаврули*, схожую съ мелодіей *макрули*, которая поется во время шествія жениха и невѣсты подъ вѣнцомъ. Мелодія и строй самаго стиля пѣсень „Магзаврули" и „Макрули" торжественны, но въ нихъ мало воинственнаго.

Названія: *Джавахури, Тушури, Самаіа-Перхиси, Мушури, Надури, и Супрули* устанавливаютъ категорію пѣсень: сушури—рабочія, мгзаврули и надури—пѣсни въ пути, макрули—свадебныя, супрули—застольныя и т. д. Всѣ вышеназванные виды пѣсень поются на три голоса: перваго, второго тенора и баса.

Въ Мингреліи осталось четырехъ-голосное пѣніе. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, какъ свидѣтельствуетъ авторъ преинтересной статьи, помѣщенной въ журналѣ „Цискари" въ № 64-мъ за 1864 г. [1]), грузинское пѣніе слагалось изъ шести голосовъ. 1-ый голосъ назывался *ткма;* 2-ой магали бани—*модзахили;* 3-ій—*бани;* 4-ый—*дврини;* 5-ый—*зили* и 6-ой—*крини;* порядокъ ихъ сочетанія былъ таковъ: первый голосъ—„ткма" начиналъ, второй голосъ—„модзахили"—присоединялся къ первому, образуя гармонію; третій голосъ—„бани"—соединялъ „ткма" и „модзахили"; четвертый „дврини"—гудѣлъ и обнималъ всѣ голоса, какъ современная октава, пятый—зили—шелъ между ткма и модзахили; то съ „ткма", то съ „модзахили"; шестой „крини"—самый высокій дискантъ—выдѣлывалъ разныя фіоритуры въ предѣлахъ тональности данной мелодіи.

Изъ множества писемъ и статей о грузинской музыкѣ, которыя разбросаны въ періодической печати, остановлю вниманіе читателей на трудахъ лучшихъ представителей современнаго русскаго искусства, имена которыхъ могутъ говорить сами за себя. Къ числу ихъ относятся такіе знатоки дѣла, какъ Чайковскій, Рубинштейнъ, Ипполитовъ-Ивановъ и Корещенко.

Г-нъ Ипполитовъ-Ивановъ—нынѣ одинъ изъ профессоровъ Московской Императорской Консерваторіи,—долгое время занималъ въ Тифлисѣ должность Директора Музыкальнаго Училища Тифлисскаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, гдѣ ему и удалось, для своихъ изслѣдованій въ сферѣ грузинской музыки, ознакомиться съ исторіей народа. На ряду съ этимъ и частыя экскурсіи въ Кахетію, въ этотъ уголокъ звуковъ, и Карталинію для ознакомленія съ народными мотивами, дали почтенному профессору массу матеріала для преинтересной статьи [2]).

Тѣ европейскіе церковные лады, которые почтенный профессоръ примѣняетъ къ грузинскимъ народнымъ мо-

[1]) См. поминальный списокъ именъ и фамилій выдающихся пѣвцовъ въ кн. П. Карбелова „о груз. народн. свѣтск. и духовн. мотивахъ."

[2]) См. Акты Археографич. Ком., т. II письма Антона Католикоса къ Циціанову.

[1]) Въ библіот. „Общ. Распр. Грам".

[2]) Журн. „*Артистъ*".

тивамъ, мы оставляемъ нетронутыми. Я дальше предложу читателямъ кое какія свѣдѣнія о чисто грузинскихъ ладахъ или, по крайней мѣрѣ, о существующихъ названіяхъ мотивовъ, абсолютно неизвѣстныхъ ни одному изъ историковъ европейской музыки. Быть можетъ, названія этихъ ладовъ или напѣвовъ откроютъ новую область въ сферѣ грузинской музыки съ ея безконечными квинтами и бросятъ кое-какой свѣтъ на многое еще неизвѣстное въ исторіи музыки вообще.

Мнѣніе почтеннаго профессора о томъ, что многое въ грузинской народной музыкѣ можетъ оказаться продуктомъ историческаго наслоенія; что старогреческіе лады можно прослѣдить съ полной ясностью какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ мелодіяхъ, а отсюда строгая тождественность стиля древне-грузинскихъ пѣсенъ со стилемъ грузинскаго церковнаго напѣва,—все это внѣ сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, сила простоты и искренности, которую не добудешь никакою хитросплетенной комбинаціей, реальность въ движеніяхъ, заставляющихъ чувствовать себя разнообразнымъ ритмомъ, оригинальность и благородное изящество простой мелодіи—вотъ отличительныя черты грузинскихъ національныхъ напѣвовъ.

Поэзія и музыка получали и получаютъ болѣе благопріятную почву для развитія формъ тамъ, гдѣ человѣку нѣсколько свободнѣе дышется. Вкратцѣ прослѣдивъ исторію Грузіи, г. Ипполитовъ-Ивановъ подходитъ къ разцвѣту Грузинскаго царства—къ царствованію царицы Тамары, значительно поднявшей духовную жизнь народа. Съ ея царствованія и начинается разцвѣтъ народной поэзіи.

Прилагаемыя пѣсни къ этой статьѣ профессора безъ неподдающихся художественной обработкѣ фіоритуръ и мелизмъ, представлены съ тѣми типичными особенностями, которыя составляютъ неотъемлемую принадлежность грузинскихъ пѣсенъ—мотивовъ.

Къ сожалѣнію, при всей своей разработкѣ, пѣсни эти даютъ понятіе только объ одной сторонѣ народныхъ мотивовъ, а именно о сольномъ пѣніи. Такимъ образомъ, интересующимся лицамъ недоступно знакомство съ грузинскимъ хоровымъ пѣніемъ, а первенствующее мѣсто въ груз. народной музыкѣ принадлежитъ хору. Слѣдовало бы для большаго интереса, съ точки зрѣнія музыкальной теоріи, обратить вниманіе на такіе перлы народнаго творчества, какъ застольныя пѣсни *Мравалъ жамiэръ*—многая лѣта; *Супрули*—застольная пѣсня кн. Цицановыхъ, *Шевсватъ цител-цители; Заматаро*—зима, *Гвибрдзане*—вели, *Мушури*—карталинская рабочая пѣсня и т. д.

Мнѣніе профессора, будто у грузинъ нѣтъ національныхъ застольныхъ пѣсенъ—какъ напр., „Мравалъ жамiэръ",—ни на чемъ не основано. Дѣйствительно, въ наплывѣ европейскихъ мотивовъ почти забыта народная застольная пѣсня, но въ деревнѣ, гдѣ крестьянскій людъ туго поддается вновь испеченному интеллигентомъ—грузиномъ въ городѣ—мотиву, она поется всѣми и притомъ существуетъ не одинъ видъ мотива, а нѣсколько; ихъ называютъ *Кахури мравалъ жамiэръ*—кахетинское многая лѣта и *Картлури мравалъ жамiэръ*—карталинское многая лѣта; затѣмъ слѣдуютъ имеретинскій, гурійскій и мингрельскій напѣвы. [1]) Кромѣ того, мотивы застольныхъ пѣсенъ существуютъ иныхъ варіацій, одного стиля съ обыкновенными мотивами, но спеціально предназначенныя для пѣнія исключительно за трапезой.

Какъ всякій первый опытъ, трудъ почтеннаго профессора отчасти носитъ отпечатокъ нерѣшительности и, надо думать, въ будущемъ наблюдательность дастъ ему возможность смѣлѣе подойти къ тѣмъ гипотезамъ, которыя казались ему, быть можетъ, рискованными, и, заинтересовавшись художественной жизнью грузинскаго народа, онъ не замедлитъ еще разъ взглянуть вглубь народной души, чтобы представить ее предъ міромъ въ полномъ блескѣ ея силъ.

[1]) См. Сборникъ груз. пѣсенъ И. Г. Картаретели Тифл. 1899 г.

Кромѣ названнаго труда по изученію грузинскихъ пѣсенъ, у г. Иванова есть и попытки ихъ музыкальной переработки напр.,—„сюита" на темы грузинскихъ пѣсенъ, переложенія грузинскихъ сольныхъ напѣвовъ для пѣнія съ фортепіано, какъ напр., *Ортав твалис синатле, Таво чемо беди ар гицеріа* и др. Но самый капитальный трудъ его—это переложеніе грузинскихъ церковныхъ напѣвовъ, по почину высокаго покровителя грузинской церковной музыки и возстановителя древнихъ грузинскихъ святынь—епископа Александра. Чтобы схватить и переложить на ноты напѣвы всей литургіи съ тѣми особенностями, которыя составляютъ неотъемлемую черту грузинскихъ церковныхъ напѣвовъ, онъ трудился долгое время и этотъ трудъ, по-истинѣ солидный, увѣнчался успѣхомъ.

Своими трудами о грузинской музыкѣ не менѣе интересные взгляды устанавливаетъ извѣстный русскій композиторъ и критикъ г. Корещенко. Съ цѣлью ознакомленія съ грузинскими народными пѣснями, г. Корещенко лѣто 1897 г., провелъ въ западной части Грузіи—въ Мингреліи, Гуріи и Имеретіи—посѣщая заброшенныя деревни, расположенныя въ горахъ и долинахъ, куда еще не успѣла проникнуть затхлая фабричная атмосфера и не исковеркала первобытную художественную струю народной мелодіи и поэзіи. Матеріалъ, имъ собранный, не замедлилъ явиться въ видѣ ряда очерковъ о грузинской народной музыкѣ на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей", останавливая вниманіе читателя на многихъ особенностяхъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ [1]).

Говоря объ изобиліи народныхъ пѣсенъ у грузинъ, г. Корещенко проводитъ параллель между историческимъ складомъ жизни Малороссіи и Грузіи и, находя много общаго въ этихъ условіяхъ, усматриваетъ и общую музыкальную фактуру въ пѣсняхъ грузинъ и малороссовъ. По толкованію г. Корещенко грузинская пѣсня съ ея содержаніемъ мощно раскинулась и неисчерпаема; полету ея поэтическаго вдохновенія, стремящагося къ святому идеалу, нѣтъ конца-предѣла. Чѣмъ больше слушаешь эти отъ земли оторвавшіеся, далеко отъ нея витающіеся, въ высь несущіеся звуки, ихъ божественныя сплетенія, дивный хоръ вѣщихъ голосовъ, громко поющій о томъ лучшемъ, что когда либо волновало сердце народа,—тѣмъ больше убѣждаешься въ томъ, что въ длинномъ рядѣ этихъ наизусть, казалось-бы, выученныхъ тактовъ живетъ еще масса неизвѣданнаго, всякій разъ новаго и безъ конца прекраснаго. Красота и прелесть грузинской народной пѣсни, несмотря на то, что прошла сквозь теченія вѣковъ, возраста не знаетъ. Она, какъ понятіе объ идеальномъ добрѣ, какъ представленіе о чистѣйшемъ чувствѣ любви—вѣчно молода и вѣчно будетъ сіять неувядаемой, нетлѣнной красотой. Грузинскій народъ, носившій въ душѣ вѣру во Христа, окруженный азіатскими народами, создаетъ трехголосное пѣніе тогда, когда мелодія сосѣднихъ народовъ переживаетъ первую ступень развитія. Чѣмъ же обусловливается расцвѣтъ грузинской народной пѣсни? —Энергіей народной жизни. Только тогда являлась у народа богатая пѣсня, когда масса народа была волнуема сильными и благородными чувствами, когда силой народа совершались великія событія. Таковы времена царствованія царей: Баграта III, Давида-Куропалата, Вахтанга Горгаслана и Тамары. Имена этихъ царей окружены ореоломъ славы, какъ героевъ, давшихъ миръ и благоденствіе народу; они не умерли и не умруть въ памяти народа и какъ теперь, въ наши дни, такъ и въ будущемъ ихъ память будетъ возстанавливаться народной пѣсней. Поэтому грузинская народная пѣсня, кромѣ своего спеціальнаго музыкальнаго значенія, есть характеристика тѣхъ особенностей, которыми эта нація отличается отъ остальныхъ народовъ.

Уважаемый авторъ вмѣстѣ съ г. Ивановымъ приходитъ къ тому заключенію, что „выдохшійся Западъ"

[1]) См. рядъ фельет. „Моск. Вѣд." за 97 г. „О грузин. народн. пѣсняхъ".

долгое время будетъ черпать свѣжія струи мелодій изъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ для своихъ произведеній.

Дѣятельность г. Корещенко не менѣе интересна и на поприщѣ пропаганды грузинской музыки. Мы хотимъ упомянуть объ устраиваемыхъ имъ грузинскихъ концертахъ въ Москвѣ, гдѣ подъ его личнымъ управленіемъ исполнялись грузинскія народныя пѣсни, аранжированныя для хора и оркестра имъ же. Глубокое знаніе оркестроваго дѣла и умѣнье съ неподражаемымъ мастерствомъ вѣрно передавать характеръ пѣсни, заставляли собиравшихся тысячами слушателей всѣхъ слоевъ общества преклоняться предъ величіемъ грузинской народной пѣсни. Златоглавая Москва съ своими лучшими представителями науки и искусства письменно выражала свое удовольствіе и восторгъ устроителямъ традиционныхъ грузинскихъ вечеровъ. Органы печати всѣхъ направленій восхваляли богатство и красоту грузинской мелодіи съ ея меланхолическими оттѣнками; богатство грузинскаго хорового пѣнія, большая содержательность и свѣжесть гармоніи—все это было отмѣчено, и, такимъ образомъ, все исполненное представляло не только новость для русскаго общества, но новость и съ научной точки зрѣнія.

Изъ музыкальныхъ сочиненій г-на Корещенко на темы грузинскихъ пѣсенъ можно указать на „Грузинскую рапсодію", изданіе Юргенсона.

Побѣдоносно-тріумфальное шествіе грузинской пѣсни началось съ 1893 года, когда московскимъ этнографическимъ обществомъ былъ устроенъ концертъ, программа котораго разнообразилась пѣснями всѣхъ народностей, входящихъ въ составъ Россійской Имперіи. Прекрасный знатокъ народной музыки, г. Кленовскій (нынѣ помощникъ Управл. Придворной Пѣвч. Каппелою), подъ управленіемъ котораго и состоялся концертъ,—не замедлилъ выпустить пѣсни эти, въ видѣ отдѣльнаго сборника, гдѣ, наряду съ великорусскими народными пѣснями, первенствующее мѣсто отведено грузинскимъ [9]).

И теперь живо помнится, какъ переложенная г. Кленовскимъ для хора и оркестра грузинская пѣсня *Рено*, по требованію публики, повторялась чуть ли не десятки разъ. Г. Кленовскій, получивъ назначеніе на должность директора Тифлисскаго отдѣленія Русскаго музыкальнаго Общества, по примѣру своего предшественника г. Ипполитова-Иванова, принялся за обработку трехъ-голоснаго пѣнія грузинской церкви и, быть можетъ, когда пишемъ мы эти строки, новый его трудъ уже вышелъ изъ печати. Кромѣ того, у г. Кленовскаго имѣются сочиненія на темы грузинскихъ пѣсенъ и много романсовъ, аранжированныхъ для хора и оркестра, не разъ исполнявшихся на концертахъ подъ его личнымъ управленіемъ. Романсы эти слѣдующіе: *Ортав твалис синатле, Нетамц эхла сада харъ* и др.. Изъ пѣсенъ, приноровленныхъ для соло-пѣнія, можно указать на *Оделіа*.

Не мало и лучшіе представители русскаго музыкальнаго искусства пользовались и вдохновлялись въ своихъ произведеніяхъ грузинскими народными пѣснями.

Выдающійся композиторъ и геніальный піанистъ А. Г. Рубинштейнъ часто прибѣгалъ къ грузинскимъ пѣснямъ.

Укажите мѣсто или пѣсню изъ женскаго хорового репертуара во всей европейской музыкальной литературѣ, которая могла бы сравниться съ прелестью, оригинальностью мелодій и музыкальной фактурой женскаго хора изъ оп. „Демонъ"—„День и ночь шумитъ Арагва"! А эта пѣсня отъ нотки до нотки взята изъ народа, ее можно слышать въ каждомъ домѣ и отъ всякаго грузина [10]).

Выдающійся тонкій музыкантъ отлично понималъ всю силу чарующей, безыскусственной народной пѣсни, а потому—поглядите въ партитуру и просмотрите ея аранжировку, какъ она проста и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ величава своей простотой. А чарующій хоровой номеръ второй картины въ сценѣ князя Синодала—„Ноченька" и вторая часть ея—„Какое солнышко"! Смѣло можно сказать, что вся музыкальная мощная сила даровитѣйшаго Рубинштейна не могла бы лучше выразить музыкально данное настроеніе. Этотъ хоровой номеръ цѣликомъ состоитъ изъ двухъ грузинскихъ народныхъ пѣсень; „Ноченка" — *кокобо вардо*, а вторая часть ея „Какое солнышко" — *эріо-эріо* пѣсня во время уборки хлѣба.

Не менѣе удачно воспользовался грузинской народной пѣсней другой выдающійся русскій композиторъ П. И. Чайковскій для своего балета „Щелкунчикъ". Подъ отдѣльнымъ номеромъ значится въ этомъ балетѣ „Арабскій танецъ". Главный мотивъ этого музыкальнаго номера ничто иное, какъ грузинская народная колыбельная пѣсня, подъ звуки которой грузинка-мать, убаюкивая своего малютку, вмѣстѣ съ тѣмъ внѣдряетъ въ душѣ ребенка зачатки добра и отзывчивости на людскія страданія. Эта первая изъ первыхъ пѣсенъ, которую приходится слышать каждому малюткѣ-грузину съ первыхъ его дней, и которая сопровождаетъ его до самой могильной плиты.

Среди грузинскаго общества сравнительно недавно началось движеніе въ пользу музыки, хотя и раньше нерѣдко поднимались о ней вопросы въ литературѣ. Еще въ семидесятыхъ годахъ была попытка издать сборникъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ. Авторомъ этого сборника является нѣкій Мачаваріани, современникъ покойнаго Саванели—основателя на Кавказѣ первой музыкальной школы въ Тифлисѣ, нынѣ передѣланной въ Музыкальное училище Тифлисскаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества. Саванели—родомъ грузинъ, много содѣйствовалъ развитію музыкальной стороны своего народа, а въ частности—пропогандѣ русскаго музыкальнаго искусства на Кавказѣ.

Съ 1885 года организуется грузинскій національный хоръ, благодаря энергіи В. Д. Агніашвили, который ревниво охранялъ старину. Достаточно сказать, что человѣкъ этотъ, матеріально не обезпеченный, выписывалъ изъ разныхъ концовъ Грузіи наилучшихъ пѣвцовъ, чтобы подъ ихъ личнымъ наблюденіемъ разучивалъ бы хоръ переданныя ими пѣсни. Не лишнимъ считаю упомянуть такъ-же о Высочайшей благодарности, которой удостоился лично Агніашвили отъ Ихъ Величествъ Императора Александра III и Императрицы Маріи Ѳеодоровны во время встрѣчи ихъ тифлисскимъ дворянствомъ въ мѣстечкѣ Сабадури, въ которой и вышеупомянутый хоръ, въ національныхъ костюмахъ XII столѣтія, принималъ дѣятельное участіе. Въ настоящее время молодые люди грузины-музыканты, хотя дѣятельность ихъ проявляется не ярко, продолжаютъ это симпатичное дѣло, разъѣзжая по всѣмъ городамъ Закавказья. Благодаря такому толчку, нынѣ существуютъ четыре грузинскихъ хора: Ратиля, артиста русской оперы, много потрудившагося надъ организаціей хора и собираніемъ музыкальныхъ матеріаловъ; хоры Кавсадзе, Монадиришвили и хоръ грузинской дворянской школы. Прогрессируется также и нотная литература. Артистомъ русской оперы г. Коридзе переложено и издано въ двухъ частяхъ грузинскимъ духовенствомъ трехголосное церковное пѣніе западной части Грузіи. Священникомъ о. В. Карбеловымъ переложены и изданы въ двухъ частяхъ церковные напѣвы карталино-кахетинскаго распѣва. За послѣднее время большое покровительство оказываетъ дѣлу развитія церковной музыки грузинское духовенство во главѣ епископовъ Александра и Леонида. Ими организованъ въ 1899 г. спеціально „духовный хоръ грузинскаго духовенства", на содержаніе котораго отчисляется членскій взносъ и часть дохода съ церквей.

Изъ изданій народныхъ пѣсенъ извѣстны переложенія Чхиквадзе, „Сборникъ грузинскихъ народныхъ пѣсенъ" г. И. Г. Каргаретели, изданный „Обществомъ грамотности" и пр. Изъ романсовъ извѣстны „Романсы" М. Баланчивадзе и др. Нынѣ изданы „Обществомъ грамотно-

[9]) См. Сборн. пѣсенъ, исполн. на 1 мъ всероссійскомъ этнографическомъ концертѣ Н. С. Кленовскаго.

[10]) См. сборн. пѣсенъ, исполн. на 1-мъ всерос. этнограф-концертѣ Н. С. Кленовскаго.

сти" „Романсы" г. Коридзе. Вообще, развитіе музыкальнаго искусства у грузинъ дѣлаетъ значительные успѣхи. Природа не отказала жителю „Грузіи прелестной" въ обаятельной силѣ художественнаго творчества. Въ эпоху историческихъ кризисовъ теряется и способность создавать новыя формы, является рабское подражаніе прежнимъ или чужимъ образцамъ, повтореніе задовъ, искусство лишается оригинальности и вырождается. Какъ мы видимъ изъ исторіи, Грузія никогда не утрачивала своей оригинальности. Она много разъ бывала опустошаема дотла, но на развалинахъ ея выростала новая жизнь съ новой силой и энергіей; это—тайна ея обаятельной силы и, быть можетъ, современемъ музыкальное искусство на этой силѣ и возведется.

Заканчивая свой очеркъ, я живо чувствую отрывочность своей работы, но, думается, что строго научная критика, основанная на историческихъ данныхъ, дополнитъ существующіе пробѣлы въ этомъ очеркѣ.

Представить подробный музыкальный анализъ каждаго вѣка и не входило въ нашу программу, но, не сдѣлавъ многаго, позволяемъ хоть это малое представить на судъ читателей.

И. Каргаретели.

МУСУЛЬМАНСКІЯ СЕКТЫ ВЪ ЗАКАВКАЗСКОМЪ КРАѢ[1]).

Первопачальная причина образованія сектъ въ исламѣ. Обожествленіе имама Али.—Шіитскія религіозныя секты.—Вліяніе идей христіанства на образованіе сектъ въ Персіи.—Отношеніе персіянъ къ вновь возникающимъ религіознымъ ученіямъ и способъ перенесенія этихъ ученій въ Закавказскій край.—Исна-ашариды и распредѣленіе ихъ на секты: жули и шейхи (шейхиды).—Основные религіозные догматы исна-ашаридовъ.—Шейхиды-послѣдователи Гаджи-Керимъ-хана.—Гаджи-Керимъ-ханы—послѣдователи Гаджи-Мамедъ-хана.—Али-Аллахи.—Мюриды или шейхи сунны.

Между 605—610 годами Мухаммедъ потерялъ всѣхъ своихъ дѣтей мужского пола; взамѣнъ ихъ онъ принялъ въ свою семью двоюроднаго брата своего, Али-ибнъ-Абуталибъ. Послѣдній, сдѣлавшись ревностнымъ послѣдователемъ ученія Мухаммеда, былъ и его вѣрнымъ другомъ; онъ былъ также однимъ изъ двѣнадцати секретарей его, а впослѣдствіи мужемъ Фатьмы—любимой дочери его отъ Хадиджи. Лишенный собственныхъ наслѣдниковъ, Мухаммедъ неоднократно указывалъ на Али, какъ на будущаго своего преемника и вождя въ исламѣ. А желая утвердить среди арабовъ, которымъ принципъ престолонаслѣдствія не былъ извѣстенъ, право Али на власть и доказать божественное происхожденіе этого права, Мухаммедъ ссылался на волю Бога, переданную ему ангеломъ Гавріиломъ, его постояннымъ вдохновителемъ.

Въ доказательство божественности права Али на власть въ исламѣ, шіиты, на основаніи толкованія къ корану (тафсиръ) и устныхъ преданій (хадисъ), говорятъ, что Богъ поручилъ черезъ ангела Гавріила пейгамберу (пророку) Мухаммеду-ибнъ-Абдуллахъ передать народу слѣдующее:

„Почитайте меня, почитайте пророка и почитайте Али".

„Любимцами своими онъ (народъ) долженъ считать: меня, пророка и того человѣка, къ которому, когда онъ молился, подошелъ нищій за милостынью и онъ, не прерывая молитвы и продолжая оставаться колѣнопреклоненнымъ, протянулъ мизинецъ правой руки, чтобы нищій снялъ съ него перстень, стоившій 70,000 ашрафовъ. Этотъ человѣкъ—Али".

[1]) „Кавказъ", 1893 г., №№ 186, 191, 198 и 205.

„Каждому пророку я назначалъ преемника; но преемникъ твой Али будетъ имѣть преимущество передъ преемниками предшествовавшихъ тебѣ пророковъ за то, что самъ ты стоишь выше ихъ".

„По уваженію къ тебѣ, я назначилъ тебѣ двухъ внуковъ: Хасана и Хусейна. Хасанъ будетъ имамомъ послѣ отца своего Али, за Хасаномъ послѣдуетъ Хусейнъ. Послѣдній будетъ имѣть преимущество передъ имамами, которые будутъ послѣ него, за то, что согласится вести войну за вѣру, во время которой самъ будетъ убитъ, а семейство его взято въ плѣнъ"[1]).

Тѣ же хадисы говорятъ дальше, что Богъ опредѣлилъ Фатьмѣ, дочери Мухаммеда, быть матерью всѣхъ имамовъ, съ каковою цѣлью онъ черезъ Мухаммеда передалъ ей таблицу, на которой значились начертанными имена и происхожденіе всѣхъ двѣнадцати имамовъ, начиная съ Али, ея мужа.

На основаніи всего вышеприведеннаго, Мухаммедъ, однакоже, по возвращеніи изъ Мекки въ Медину, на мѣстности Кадыръ-хунъ (при прудѣ Хомъ), взявъ Али за руку, провозгласилъ его своимъ преемникомъ. Окружавшіе Мухаммеда приближенные его и народъ выразили по этому поводу свое удовольствіе и первый, поздравившій Али съ званіемъ имама былъ Омаръ-ибнъ-Хаттабъ. Вслѣдъ за тѣмъ Богъ далъ знать пророку, что съ избраніемъ Али имамомъ добыта истина въ вѣрѣ. Несмотря, однакоже, на это, вопросъ о наслѣдіи власти послѣ смерти пророка сдѣлался яблокомъ раздора въ исламѣ.

Послѣ смерти Мухаммеда, арабы избрали халифомъ[2]) Абу-Бекра (632), одного изъ родственниковъ Мухаммеда и отца жены его Айши. Предпочтеніе, оказанное послѣднему передъ Али-ибнъ-Абуталибъ основывалось, по словамъ сунитовъ, на слѣдующихъ доводахъ: во-1-хъ, когда Мухаммедъ, преслѣдуемый корейшитами, бѣжалъ (622) изъ Мекки въ Ятрибъ (Медина), его сопровождалъ одинъ только Абу-Бекръ. Укрывшись отъ погони въ пещерѣ Тура, находившейся въ трехъ миляхъ на югъ отъ Мекки, Мухаммедъ, обратившись къ Абу-Бекру, выразившему опасеніе быть настигнутыми, сказалъ: „не бойся, товарищъ, съ нами Богъ, защищающій насъ отъ враговъ". Назвавъ Абу-Бекра товарищемъ, Мухаммедъ какъ бы этимъ отличилъ его отъ остальныхъ своихъ приверженцевъ, сдѣлавъ его, такимъ образомъ, соучастникомъ своимъ въ дѣлѣ приведенія народа къ исламу; во-2-хъ, въ коранѣ (кор., сура XLVIII 18) сказано: „Богъ доволенъ тѣми вѣрующими, которые дали тебѣ (Мухаммеду) руку въ знакъ вѣрности подъ деревомъ". А такъ какъ первымъ, протянувшимъ свою руку Мухаммеду былъ Абу-Бекръ, то сдѣлавшись вслѣдствіе этого первымъ мусульманиномъ послѣ Мухаммеда, онъ этимъ самымъ получилъ преимущество быть и первымъ вождемъ въ исламѣ послѣ пророка; въ-3-хъ, Абу-Бекръ, считаясь послѣ пророка первымъ мусульманиномъ и будучи богатымъ человѣкомъ, отдалъ все свое имущество для войны съ меккцами (кор., сура LVII, 10) до принятія ими ислама, чѣмъ также заслужилъ преимущество передъ другими при рѣшеніи вопроса объ избраніи преемника Мухаммеду и, въ-4-хъ, Абу-Бекръ былъ

[1]) Въ коранѣ, по словамъ шіитскихъ богослововъ, есть указаніе на тѣ злодѣянія, которыя должны были совершиться омейядами надъ алидами. Указаніе это они находятъ въ толкованіи буквъ арабскаго алфавита, которыми начинается XIX сура корана: К., Г., І., А. и С., что означаетъ Кафъ, Га, Іа, Аймъ и Садъ. По тафсиръ—саафи (одно изъ шіитскихъ толкованій корана) значеніе этихъ буквъ объясняется такъ: Кафъ—Кербеле, Га—будутъ убиты, Іа—Іезидъ, Аймъ—жажда, Садъ или Себръ—терпѣніе (мѣсто гдѣ имамы будутъ страдать и убиты Іезидомъ, сыномъ Моавія). Суниты, не признающіе имамовъ, комментируютъ значеніе этихъ буквъ такъ: Кафъ—удовлетворяющій, Га или Гади—приглашающій къ вѣрѣ истины, т. е. къ исламу, Іа или Вали—покровительствующій, Айнъ или Алимъ—понимающій и Садъ или Садыкъ—праведный.

[2]) Халифъ, лицо, избранное *народомъ* для распространенія ислама.

не только служителемъ въ Каабѣ, съ званіемъ котораго связывался наивысшій почетъ, но былъ самымъ уважаемымъ между арабами-корейшитами лицомъ какъ за свои познанія, такъ и за то, что отличался необыкновеннымъ благочестіемъ и благородствомъ характера. Наконецъ, на избраніе Абу-Бекра первымъ халифомъ говорятъ сунниты, выразилъ согласіе и самъ Али, который только впослѣдствіи, по наущеніямъ другихъ, сталъ претендовать на первенство въ исламѣ. Послѣ Абу-Бекра халифами были послѣдовательно: Омаръ-ибнъ-Хаттабъ, также родственникъ Мухаммеда, послѣ десятилѣтняго правленія убитый въ мечети (644) однимъ персомъ Ферузомъ въ отмщеніе за бѣдствіе, причиненное имъ его соотечественникамъ, и Османъ-ибнъ-Уффанъ, убитый въ 656 году приверженцами Али. Такимъ образомъ, послѣ смерти третьяго халифа, Османа, котораго шіиты между прочимъ обвиняютъ въ укрывательствѣ трехъ джузвъ (частей) корана, Али вступилъ въ предназначенную ему Богомъ власть [1]) въ качествѣ имама[2]).

Персія, разстроенная династическими раздорами сассанидовъ и ослабленная завоеваніями византійскаго императора Гераклія, была покорена халифомъ Омаромъ (632—636), при чемъ былъ свергнутъ съ престола и убитъ Іездигердъ III, послѣдній изъ династіи сассанидовъ. Арабы, вѣрные корану, вынудили персовъ отречься отъ религіи Зороастра, которую они до того времени исповѣдывали, и принять исламъ. Когда впослѣдствіи, послѣ убійства Османа, между Али и Моавіемъ-ибнъ-Аау-Софіанъ—бывшій однимъ изъ двѣнадцати секретарей Мухаммеда, а впослѣдствіи намѣстникомъ Сиріи,—явившимся мстителемъ за Османа, возгорѣлась борьба за халифатство, персы, лишенные собственной династіи и ненавидѣвшіе своихъ побѣдителей—арабовъ, примкнули къ Али, который, по ихъ мнѣнію, былъ, какъ ближайшій родственникъ пророка, единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ правъ его на власть въ исламѣ, тѣмъ болѣе, что на Али, какъ на такового, указывалъ, по повелѣнію Бога, самъ пророкъ. Становясь на сторону Али, персы, считая какъ первыхъ трехъ халифовъ: Абу-Бекра, Омара и Османа, такъ и Моавія, узурпаторами, боролись такимъ образомъ, не за религіозныя убѣжденія, неуспѣвшія еще вкорениться въ ихъ сознаніе, а за политическій принципъ наслѣдственности власти, съ которымъ они сжились въ теченіе всей своей исторической жизни. Споръ о наслѣдственности власти не прекратился со вступленіемъ Али на престолъ халифовъ; онъ еще больше обострился при его непосредственныхъ преемникахъ и послужилъ коренною причиною раздѣленія ислама на двѣ враждебныя партіи: на сунитовъ или приверженцевъ первыхъ трехъ халифовъ, къ которымъ будто бы незаконно перешла власть Мухаммеда и шіитовъ—сторонниковъ Али и его потомковъ. Каждая изъ этихъ партій превратилась въ особую секту съ различными для каждой изъ нихъ религіозными ученіями. Сдѣлавшись господствующими религіями—одна въ Персіи, послѣ покоренія ея арабами, во время борьбы алидовъ съ омейядами, а другая въ Аравіи и бывшей Византійской имперіи, послѣ покоренія ея сельджуками, каждая изъ этихъ сектъ, съ теченіемъ времени, въ свою очередь, въ силу общаго закона движенія религіозной мысли, подраздѣлилась на множество другихъ второстепенныхъ сектъ и толковъ.

Ученіе Мухаммеда имѣетъ, безъ сомнѣнія, много прекрасныхъ принциповъ морали; но приспособленное къ несложнымъ требованіямъ жизни арабовъ-кочевниковъ, гражданственность которыхъ, во время Мухаммеда, находилась въ зачаточномъ состояніи, оно заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію мусульманскихъ богослововъ, много такого, что всегда даетъ поводъ къ сомнѣніямъ и спорамъ, а шіиты утверждаютъ даже, что каждый стихъ корана имѣетъ семь таинственныхъ значеній: слова корана, говорятъ они, суть слова божескія и потому недоступны пониманію обыкновенныхъ смертныхъ. Отсюда различное толкованіе его текстовъ различными духовными лицами по собственному ихъ разумѣнію; отсюда же вѣчное религіозное броженіе въ Персіи, издавна считающейся очагомъ религіозныхъ направленій и, наконецъ, отсюда постоянное возникновеніе новыхъ сектъ. Здѣсь будемъ говорить исключительно о сектахъ, возникшихъ на почвѣ шіизма и лишь въ концѣ статьи коснемся сунитской секты, возникшей и выросшей на нашей почвѣ, въ Закавказскомъ краѣ.

Сторонники претендента на власть обыкновенно склонны преувеличивать личныя достоинства и общественное или политическое значеніе своего патрона; на востокѣ же, въ силу особенныхъ историческихъ условій умственнаго направленія людей, такое преувеличеніе должно было повести къ обоготворенію. Такъ и случилось по отношенію къ первому имаму, Али-ибнъ-Абуталибъ, изъ почитанія памяти котораго шіиты создали строго опредѣленный культъ. Унаслѣдовавъ отъ своихъ предковъ принципъ обожествленія своихъ царей, персы, сдѣлавшись поборниками Али, перенесли этотъ принципъ и на послѣдняго. Они, какъ и всѣ вообще шіиты, говорятъ, что въ Али была частица божества, что еще до своего рожденія онъ зналъ коранъ и что онъ не умеръ, а живымъ взятъ на небо. О божественномъ происхожденіи Али шіиты создали цѣлую легенду. Душа его—утверждаютъ они—существовала за 70,000 лѣтъ до дачи Богомъ корана. Однажды душа Али затѣяла въ небесахъ борьбу съ чудовищемъ (Деви). Во время борьбы побѣда долго клонилась то на одну, то на другую сторону. Наконецъ, душа Али умудрилась связать ниткой больше пальцы обѣихъ рукъ чудовища. Лишенное возможности свободно двигать руками, чудовище было побѣждено. Когда ангелы, свидѣтели борьбы, спросили чудовище, почему оно дало себя побороть душѣ, которая рано или поздно сдѣлается человѣкомъ, чудовище отвѣтило, что то была душа Али, въ которой находится божеская сила. Эту то божескую силу Али принесъ съ собою и въ этотъ міръ. Родившись на свѣтъ, Али тотчасъ началъ читать коранъ, который зналъ до своего рожденія. Въ боготвореніи Али и его потомковъ какъ бы погрузились всѣ помыслы шіитовъ; все остальное въ шіизмѣ имѣетъ лишь второстепенное значеніе, всѣ грѣхи, какъ бы тяжки они ни были сами по себѣ, могутъ быть шіиту прощены, если только въ немъ сильна вѣра въ Али и его потомковъ. Словомъ, Али и его потомки—вотъ начало и конецъ шіитской теологіи. Въ этомъ отношеніи шіиты оставили далеко позади себя коранъ, въ которомъ самъ Мухаммедъ, требовавшій признанія за собою званія послѣдняго изъ посланниковъ Бога и творившій чудеса, въ то же время считалъ себя ничѣмъ инымъ, какъ простымъ смертнымъ, первымъ служителемъ Бога, на котораго лишь возложена святая миссія приведенія другихъ къ подчиненію волѣ Бога, то есть къ исламу. „Я такой же слуга Божій, какъ и вы, ѣмъ и пью какъ вы, и сажусь какъ всякій другой человѣкъ.“—говорилъ Мухаммедъ своимъ приближеннымъ. Въ виду такого положенія Али и его потомковъ въ шіитской богословіи, становится понятнымъ, почему дѣйствительными вѣроотступниками въ шіизмѣ являются, главнымъ образомъ, спорящіе о значеніи того или другого изъ имамовъ—потомковъ Али, или непризнающіе всѣхъ

---

[1]) **У суннитовъ** существуетъ слѣдующая легенда о происхожденіи халифовъ. Когда Богъ сотворилъ душу Мухаммеда, онъ посмотрѣлъ на нее милостивымъ окомъ и она вспотѣла отъ стыда, отчего съ нея упало шесть капель пота. Изъ первой капли Богъ сотворилъ все продовольствіе своимъ тварямъ; изъ второй—красную розу; изъ третьей—Абу-Бекра; изъ четвертой—Омара; изъ пятой—Османа и изъ шестой—Али. Вотъ почему въ этомъ порядкѣ они занимали халифатство и въ этомъ же порядкѣ займутъ они свои мѣста въ день воскресенія.

[2]) Имамъ (вождь)—лицо, избранное *Богомъ* для распространенія ислама. Во время богослуженія въ мечети имамомъ именуется мулла, совершающій обрядъ богомоленія.

двѣнадцати имамовъ въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, въ какомъ они значились на Богомъ данной таблицѣ, хранившейся у Фатьмы. Впрочемъ, въ божественномъ происхожденіи самаго Али ни одна изъ шіитскихъ сектъ не сомнѣвается; весь споръ между сектантами вращается около признанія или не признанія тѣхъ или другихъ изъ остальныхъ имамовъ, или ихъ значенія въ исламѣ.

Господствующей и, такъ сказать, объединяющей всѣхъ персіянъ единой религіи въ Персіи никогда не существовало, не существуетъ и теперь. Господствующимъ можетъ считаться развѣ только принципъ шіизма, распадающійся на секты и толки. Сектъ, возникшихъ на почвѣ шіизма и его комментарій, много. Изъ нихъ одни уже угасли навсегда, оставивъ едва замѣтные слѣды въ исторіи развитія религіозной мысли на востокѣ; другіе имѣютъ еще и теперь многочисленныхъ послѣдователей; третьи, наконецъ, возникли сравнительно недавно. Наибольшее число сектъ носятъ характеръ чисто религіозный и изъ сферы религіозныхъ споровъ не выходятъ; другія отличаются направленіемъ философски-раціоналистическимъ, третьи къ вопросамъ религіознымъ примѣшиваютъ соціально-политическія тенденціи. Здѣсь перечислимъ всѣ какъ бывшія, такъ и теперь существующія шіитскія секты, значащіяся въ мусульманскихъ источникахъ, съ краткимъ указаніемъ главныхъ основъ ихъ вѣроученій, причемъ болѣе подробно остановимся на сектахъ, возникшихъ въ текущемъ столѣтіи и имѣющихъ представителей въ предѣлахъ восточной части Кавказскаго края.

Себаи—секта, признающая Али вѣчно живущимъ въ облакахъ. Основателемъ ея былъ нѣкто Абдулла-ибнъ-Саба, еврей, принявшій мусульманство. Сначала Абдулла училъ, что Мухаммедъ занимаетъ по отношенію къ Богу, а Али по отношенію къ Мухаммеду точно такое же положеніе, какое занималъ по отношенію къ Богу Моисей и Іисусъ-Навинъ—къ Моисею; затѣмъ онъ училъ, что Али не убитъ, а живымъ поднялся на небо, гдѣ Богъ поручилъ ему управленіе облаками, причемъ молнія означаетъ плеть, которою Али ударяетъ по облакамъ, чтобы они изливались на землю дождемъ. Въ концѣ-концовъ Абдулла увлекся до того, что провозгласилъ Али Богомъ.

Кямиллигя—секта, признающая одного только имама Али, хотя она и не отвергаетъ существованіе Мухаммеда и другихъ имамовъ, которымъ отводитъ второстепенное мѣсто въ исламѣ. Основнымъ догматомъ вѣроученія этой секты считается ученіе о переселеніи душъ. Основателемъ ея былъ нѣкто Абу-Кямиллъ, по имени котораго она и названа.

Ульягя. Эта секта распадается на два толка. Послѣдователи одного толка считаютъ Али Богомъ, Мухаммеда его пророкомъ. Али послалъ Мухаммеда проповѣдывать людямъ данный имъ коранъ; но послѣдній, вмѣсто корана Али, проповѣдывалъ ученіе, придуманное имъ самимъ. По ученію послѣдователей второго толка, Богъ-Али считается помощникомъ болѣе высшаго, чѣмъ самъ онъ, Бога. Основателемъ секты былъ нѣкто Улья-ибнъ-Зря.

Мухсиргя. Эта секта отличается отъ общаго шіитскаго ученія тѣмъ, что во всѣхъ установленныхъ для нея молитвахъ произносятся проклятія Абу-Бекру и Омару за отнятое ими, противъ воли Бога, халифатство отъ Али. Основателемъ секты былъ Мухсиря-ибнъ-Саадъ.

Мансургя—по имени основателя секты Абу-Мансура Аджами, учившаго, что онъ лично поднялся на небо, гдѣ бесѣдовалъ съ Богомъ. Богъ, погладивъ его своими руками по головѣ, велѣлъ ему возвратиться на землю, проповѣдывать ученіе о единобожіи. Отъ Бога же Абу-Мансуръ узналъ, что коранъ вовсе не былъ данъ Мухаммеду, а придуманъ послѣднимъ.

Хитабія—по имени основателя Абулъ-Хитаба-ибнъ-Зейнаба—секта, признающая имама Джафаръ-Садыка, его отца и дѣдовъ дѣтьми самого Бога. Послѣдователи этой секты отвергаютъ существованіе загробной жизни, при чемъ раемъ считаютъ личное удовольствіе, а адомъ—страданія во время земной жизни.

Уштамигя. Ученіе этой секты отличается крайнимъ антропоморфизмомъ. Послѣдователи ея, подобно христіанской сектѣ въ IV вѣкѣ, учатъ, что Богъ облеченъ плотью и во всемъ похожъ на человѣка. Сидя на тронѣ, находящемся на седьмомъ небѣ, Богъ отдаетъ свои приказанія; ему извѣстно все, что творится во вселенной въ данное время, но онъ безсиленъ въ знаніи будущаго. Приказанія свои Богъ отдаетъ черезъ имамовъ, считающихся поэтому стоящими выше Мухаммеда. Основателемъ секты былъ Уштамъ-ибнъ-Векемъ, именемъ котораго она и названа.

Джанагія—ученіе нѣкоего Абдуллы-ибнъ-Моавія. По этому ученію, Богъ воплотился сначала въ Адамѣ, потомъ въ Ноѣ, Авраамѣ и послѣдовательно во всѣхъ пророкахъ и имамахъ, къ числу которыхъ причисляютъ и основателя секты, который будто бы, не умеръ, а скрылся на вершинѣ одной изъ горъ въ Испагани.

Нусейргя. По ученію этой секты, Али не есть Богъ, но Богъ, любя Али и его двухъ сыновей, Хасана и Хусейна, временно воплотился въ нихъ, каковое воплощеніе кончилось со смертью ихъ.

Муфалія. По ученію этой секты, Богъ сотворилъ міръ, управленіе которымъ поручилъ имаму Али-ибнъ-Абуталибъ. Послѣдній управляетъ и будетъ управлять міромъ.

Гурабигя (гурабъ—ворона). По ученію этой секты, Мухаммедъ и Али занимаютъ въ исламѣ равносильное положеніе. Въ этомъ отношеніи они, подобно двумъ воронамъ, похожи другъ на друга. Основатель секты неизвѣстенъ.

Гунисигя—секта, признающая только Мухаммеда и Али. По ученію ея, Богъ живетъ выше всѣхъ небесъ и носится по безконечному пространству вселенной на крыльяхъ ангеловъ. Подобно тому, какъ тонкія ноги аиста носятъ большое и сильное тѣло, такъ слабосильные ангелы носятъ на своихъ крыльяхъ всесильнаго и могущественнаго Бога.

Сулеймангя. По ученію этой секты, халифы Абу-Бекръ и Омаръ также были законными имамами какъ Али и его потомки, но халифа Османа не признаютъ. Вдову пророка Айшу, Моавію и всѣхъ воевавшихъ съ Али за укрывательство убійцъ Османа, называютъ кяфурами (гяграми) и проклинаютъ. Основателемъ секты былъ Сулейманъ-ибнъ-Джарилъ, именемъ котораго она и названа.

Салигя—секта, признающая ученіе Сулеймана-ибъ-Джарила, со включеніемъ въ число имамовъ и халифа Османа. Основателемъ секты считается нѣкто Хасанъ-Али-оглы.

Рзамигя—секта, по ученію которой званіе имама перешло отъ Али къ сыну его, Мухаммеду Ханафію (сыну Ханафитянки) отъ послѣдняго къ сыну его Абу-Гашиму и его потомкамъ до Абу-Муслима, хоросанскаго жителя, при чемъ послѣдній не умеръ, а взятъ живымъ на небо. Основателемъ секты былъ нѣкто Рза-ибнъ-Шако, прозванный Алмоканна (закрытый). (Скрывая безобразіе своего лица, онъ ходилъ въ маскѣ).

Бинанигя—секта, признающая то же ученіе, что и Рзамигя, съ прибавленіемъ, что званіе имама отъ Абу-Муслима перешло къ Бинану-ибнъ-Самъ-ана.

Кисаани. Основателемъ секты былъ Мухтаръ-ибнъ-Абу-убейда, рабъ имама Али, прозванный кисааномъ (мудрымъ). Послѣдователи этой секты признаютъ четырехъ имамовъ: Али, его сыновей Хасана и Хусейна и Мухаммеда Ханафія. Послѣдній происходитъ отъ второй жены Али—Хулэ, изъ Ханафа, на которой онъ женился послѣ смерти Фатьмы.

Зейдигя—ученіе признающее пять имамовъ: Али, Хусейна, сына послѣдняго—Али, извѣстнаго подъ именемъ Зейналъ-Абдина, и Зейда-ибнъ-Али, именемъ котораго и названа секта.

Новусиги—ученіе, признающее шесть имамовъ: Али, Хасана, Хусейна, Зейналъ-Абдина, Мамедъ-Багира и Джафаръ-Садыка. Секта названа по имени одного человѣка изъ селенія „Новусъ", въ Аравіи, котораго считаютъ основателемъ ея.

Исмаилиги. Послѣдователи этой секты признаютъ семь пророковъ: Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Іисуса Христа, Мумаммеда-ибнъ-Абдуллахъ и Мухаммеда-Мехти. Послѣ каждаго изъ семи пророковъ слѣдовало по семи имамовъ, при чемъ послѣ Мухаммеда-ибнъ-Абдуллахъ имамами были: Али, Хасанъ, Хусейнъ, Зейналъ-Абдинъ, Мамедъ-Багиръ, Джафаръ-Садыкъ и Исмаилъ-ибнъ-Джафаръ-Садыкъ. Секта названа именемъ послѣдняго.

Фатигя—секта, признающая семь имамовъ: всѣхъ предыдущихъ, за исключеніемъ Исмаила, вмѣсто котораго послѣдователи секты признаютъ Абдуллаха-Афтага—брата Исмаила-ибнъ-Джафаръ-Садыка (Афтага тоже, что Фатигя, что означаетъ курносый).

Вакифигя—секта, признающая восемь имамовъ: Али, Хасана, Хусейна, Зейналъ-Абдина, Мамедъ-Багира, Джафаръ-Садыка, Абдуллаха-Фатигя и Муса-Кязума. Названіе секты происходитъ отъ арабскаго слова „вакфъ", что означаетъ послѣдняя ступень.

Исна-ашаря (отъ арабскаго слова исна-ашаръ, что означаетъ двѣнадцать)—поклонники всѣхъ двѣнадцати имамовъ: Али, Хасана, Хусейна, Зейналъ-Абдина, Мамедъ-Багира, Джафаръ-Садыка, Муса-Кязума, Али-Рзы, Мухаммеда-Таги, Алiянъ-Наги, Гасана-Аскери и Мухаммеда-Мехти (имамъ-магди, то же, что имамъ-мессія).

Секта исна-ашаря или исна-ашаридовъ наиболѣе многочисленная и самая сильная изъ всѣхъ шіитскихъ сектъ; она дѣлится на двѣ отдѣльныя секты: на усулидовъ (усули—коренное) и шейхидовъ (шейхи). Послѣдняя въ свою очередь дѣлится на нѣсколько второстепенныхъ сектъ, каждая изъ которыхъ служитъ дальнѣйшимъ развитіемъ идей секты шейхидовъ. Къ усулидамъ принадлежатъ: шахъ, его дворъ и большинство правительственныхъ въ Персіи лицъ. У насъ, въ Закавказскомъ краѣ, громадное большинство мусульманъ-шіитовъ также принадлежитъ къ усулидамъ. Это самая консервативная изъ всѣхъ мусульманскихъ шіитскихъ сектъ. Наиболѣе важнымъ догматомъ ея считается безусловное подчиненіе всѣмъ имамамъ изъ семейства Али.

Основные религіозные догматы исна-ашаридовъ, къ какой-бы сектѣ они ни принадлежали, суть: вѣрованіе въ безусловное единство и всемогущество Бога—создателя и правителя вселенной, вѣрованіе, что религія Божія есть исламъ (кор. сура III, 17) почитаніе 124,000 пророковъ, пяти посланниковъ (ресулъ) Бога: Ноя, Аврама, Моисея, Іисуса Христа, и Мухаммеда (каждый изъ нихъ считается выше своего предшественника), съ двѣнадцатью имами послѣ каждаго изъ нихъ, безусловное вѣрованіе въ божественное посланничество Мухамеда и почитаніе слѣдовавшихъ за нимъ двѣнадцати имамовъ, во главѣ коихъ стоитъ обоготворяемый Али, совершеніе омовенія лица и рукъ до локтя, вытиранія головы и ногъ до пятокъ (кор., сура V, 8), совершеніе пяти намазовъ въ сутки [1]), соблюденіе: постовъ, паломничества (кор., сура XXII, 28) и установленныхъ обходовъ вокругъ храма „Кааба" (кор., сура XXII, 30) [2]), вѣрованіе въ пришествіе послѣдняго изъ имамовъ—Мухамммеда-Мехти, считающагося не умершимъ, а живымъ, но скрывающимся отъ взоровъ людей [1]). Мухаммедъ-мехти придетъ въ сопровожденіи Іисуса Христа, пейгамбера Мухамеда, Али и Фатьмы. Послѣдніе три, говорятъ исна-ашариды, принесутъ первому жалобу на омейядовъ и ихъ приверженцевъ за совершенныя ими въ Кербеле злодѣянія. Омейяды и ихъ приверженцы будутъ воскрешены и отомщены. Тѣмъ временемъ Іисусъ Христосъ задушитъ Держалу (тоже, что апокалипсическій антихристъ) и обратитъ всѣхъ немусульманъ въ мусульманство. Послѣ этого Мухаммедъ-мехти совершитъ торжественное и послѣднее на землѣ богослуженіе и будетъ убитъ одною бородатою женщиною. Іисусъ Христосъ, Мухаммедъ, Али и Фатьма умрутъ. Вслѣдъ за ихъ смертью, придутъ, одинъ за другимъ, всѣ имамы, начиная съ Хасанаибъ-Али и кончая Мухаммедомъ-Мехти, которые на этотъ разъ умрутъ естественною смертью [2]). Послѣ смерти послѣдняго, ангелъ Исрафилъ зазвучитъ въ трубу и всѣ люди на землѣ падутъ мертвыми. Пройдетъ нѣкоторое время, въ теченіе котораго земля привратится въ чистое и ровное поле, на которое спустятся небеса. Затѣмъ ангелъ Исрафилъ вновь зазвучитъ въ трубу и люди возстанутъ изъ мертвыхъ. Тогда-то наступитъ страшный судъ и Богъ станетъ судить людей по ихъ заслугамъ: достойные будутъ взяты въ рай, а недостойные—ввергнуты въ адъ.

Въ прежнія времена всѣ секты мусульманскія проистекали изъ споровъ, возникавшихъ какъ изъ толкованій различныхъ историческихъ событій въ исламѣ, такъ и изъ различныхъ противорѣчивыхъ толкованій корана и другихъ священныхъ книгъ, исключительно мусульманскихъ. Никто изъ мусульманъ, какого бы то ни было умственнаго направленія, не исключая даже относившихся къ религіознымъ вопросамъ съ философскимъ критицизмомъ, не допускали возможности знакомства съ религіозными ученіями другихъ народовъ. Имъ не была чужда философія Платона и Аристотеля, ученія перипатетиковъ и неоплатониковъ; они охотно углублялись въ изученіе миѳологій и вѣрованій древнихъ парсовъ, индусовъ и другихъ восточныхъ народовъ; но съ гордымъ презрѣніемъ отворачивались отъ изученія христіанскихъ священныхъ книгъ и преданій. Даже такіе философы какъ Аверроэсъ, Авиценна, Абубекръ-ибнъ-Тофаилъ, Абумашаръ и др. чуждались христіанскихъ богословскихъ трактатовъ. Но начавшіяся съ начала текущаго столѣтія частыя общенія мусульманъ съ европейцами и болѣе или менѣе близкое знакомство съ ихъ нравами, обычаями и образомъ жизни неизбѣжно подвинули впередъ на пути умственнаго развитія и признанныхъ охранителей мусульманскаго правовѣрія, переставшихъ смотрѣть на ознакомленіе съ священными книгами христіанъ какъ на непростительный грѣхъ, равный вѣроотступничеству. Ничто такъ не содѣйствуетъ усвоенію идей и даже цѣлыхъ ученій, какъ взаимное сближеніе между народами. Изъ дальнѣйшаго, хотя и краткаго, изложенія вновь возникшихъ на почвѣ шіизма сектъ, видно, какъ сильно и неотразимо было вліяніе идей христіанства на ихъ возникновеніе. Знакомство въ ветхимъ и новымъ завѣтами показало мусульманамъ, что многое изъ того, что излагается въ коранѣ, находится и въ нихъ, но въ болѣе стройномъ порядкѣ и въ которыхъ религіозно-нравственныя истины очевидны безъ толкованій вкривь и вкось. Обстоятельство это нетолько еще больше увеличило число сектъ въ шіизмѣ, но послужило одною изъ причинъ возникновенія критическихъ отношеній къ самому корану. Критика, какъ это всегда бываетъ, повела къ сомнѣніямъ и усиленной работѣ религіозно-философской мысли.

[1]) Пяти намазамъ (2 рано утромъ—доразсвѣтная и утренняя, 1 въ полдень и 2 вечеромъ—вечерняя и ночная) придается громадное значеніе, такъ какъ число молитвъ и обязанность молиться установлено самимъ Богомъ: „Я Богъ, нѣтъ другого Бога, кромѣ меня. Такъ почитайте Меня и въ воспоминаніе о Мнѣ твори молитву" (кор., сура XX, 14).

[2]) Для прибывающихъ въ Мекку изъ дальнихъ странъ обязателенъ двукратный обходъ, а для живущихъ вблизи Мекки и въ самой Меккѣ—сколько каждый пожелаетъ, во всякомъ случаѣ больше трехъ разъ. Первоначальное построеніе храма „Кааба" приписывается Аврааму на мѣстѣ, указанномъ ему Богомъ (кор., сура XXII, 27, 28 и 29).

[1]) Шіиты убѣждены, что Мухаммедъ-Мехти скрылся въ долинѣ Тигра, въ мѣстности, называемой „Сура-менъ-раа" (радуйся тотъ, кто увидитъ это мѣсто) во время халифа Мутавеккиля (847—861).

[2]) Извѣстно, что всѣ имамы умерли насильственною смертью, такою же смертью долженъ умереть и Мухаммедъ-Мехти.

Какъ и слѣдовало ожидать, критиками-раціоналистами явились ученые муштехиды; они не только стали находить въ коранѣ противорѣчія, не только стали отвергать возможность указанныхъ въ немъ чудесъ, какъ несоотвѣтствующихъ здравому смыслу, какъ напр., разсѣченіе луны пророкомъ на двое, ночное его путешествіе (кор., сура XVII, 1), нисхожденіе съ неба, вслѣдствіе брошенной имъ горсти песку, трехъ тысячъ ангеловъ и сражавшихся при Бедрѣ вмѣстѣ съ мусульманами противъ корейшитовъ (кор., суры: III, 89 и 120 I. III. 11) или актъ видѣнія Бога на разстояніи двухъ луковъ (кор., сура I. III, и 9 и 11); но отвергаютъ даже божественность происхожденія корана, считая создателемъ его самаго Мухаммеда. Съ другой стороны, муштехиды—противники новыхъ ученій, сдѣлались еще ортодоксальнѣе: фанатики рутины, они ставятъ исповѣдуемые ими догматы, часто даже не основанные на коранѣ, выше пониманія разума, обѣщая своимъ послѣдователямъ всѣ прелести чувственнаго рая за слѣпую вѣру, или грозя всѣми муками ада за вѣроотступничество, каковымъ они считаютъ всякое проявленіе свободной мысли. Это тѣ именно муштехиды, которые, стоя во главѣ оппозиціи новому движенію, смотрятъ на всякое поведеніе или попытку улучшенія въ гражданскихъ условіяхъ жизни персіянъ, какъ на отступленіе отъ корана, это тѣ муштехиды, благодаря нетерпимости и фанатизму которыхъ Персія рано или поздно сдѣлается ареною кровавыхъ дѣйствій и междоусобныхъ столкновеній.

Какъ-же относится народъ къ религіознымъ спорамъ муштехидовъ и другихъ шіитскихъ духовныхъ главъ?

Вообще говоря, первоначальныя отступленія отъ общаго смысла корана не настолько значительны, чтобы образовать расколъ; но страстность, съ которою муштехиды ведутъ споръ за правильное пониманіе тѣхъ или другихъ текстовъ корана или другихъ священныхъ книгъ, задѣтое самолюбіе, глухая борьба за первенство и желаніе быть признаннымъ авторитетомъ въ вопросахъ вѣры и права, дѣлитъ народъ на столько партій, сколько спорящихъ муштехидовъ, вокругъ которыхъ онъ группируется. Въ началѣ споръ самъ по себѣ незначительный, постепенно обостряется и взаимныя пререканія между муштехидами, а равно обвиненіе другъ друга въ вѣроотступничествѣ и измѣнѣ корану, расширяетъ область сомнѣній и захватываетъ все большее и большее число подвергающихся критикѣ текстовъ его, что въ свою очередь вызываетъ новыя толкованія и новыя отступленія, въ концѣ концовъ превращающія назначительныя партіи послѣдователей того или другаго муштехида въ обособленную секту. Чтобы придать больше силы и достовѣрности своему ученію, каждый муштехидъ и окружающіе его ближайшіе послѣдователи и мюриды (ученики) обыкновенно указываютъ на пагубное вліяніе на мусульманскую религію толкованія и ученія своихъ противниковъ. Персіяне ничего непонимаютъ въ вопросахъ вѣры и религіи, но крайняя нищета, необезпеченность жизни и имущества, проистекающая отъ недостатка гражданственности въ ученіи, ставшемъ руководящимъ началомъ во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности людей, въ ученіи, въ которомъ вопросы вѣры суть въ то-же время и вопросы права, отсутствіе законности и порядка въ странѣ, своеволіе хановъ и произволъ чиновниковъ—все это порождаетъ въ однихъ инстиктивное, а въ другихъ и сознательное недовольство всѣмъ окружающимъ, что вынуждаетъ ихъ смотрѣть на всякое вновь нарождающееся ученіе, какъ на таковое, которое можетъ въ чемъ либо измѣнить къ лучшему условія ихъ жизни, хотя бы въ отдаленномъ будущемъ. Такъ смотрятъ больные на всякое вновь прописываемое врачемъ лекарство, мечтая получить отъ него исцѣленіе; всякое вновь возникшее ученіе, стремящееся внести въ жизнь миръ и согласіе, быстро находитъ среди персіянъ массу послѣдователей. Требуется только, что, впрочемъ, весьма естественно на востокѣ, чтобы ученіе это мотивировалось желаніемъ лучше угодить Богу, чтобы оно, хотя бы путемъ произвольныхъ толкованій, было санкціонировано текстами изъ корана или другихъ священныхъ книгъ. Обѣщанія прелестей чувственнаго рая не всегда дѣйствуютъ успѣшно въ смыслѣ необходимости примиренія съ страданіями земной жизни. Человѣческая личность и въ персіянинѣ возмущается противъ гнета окружающихъ его примитивныхъ условій жизни и его фанатическаго духовенства. И переходъ персіянина отъ одного религіознаго ученія къ другому, лишь бы оно не противорѣчило его основнымъ воззрѣніямъ на религію, служитъ безмолвнымъ протестомъ противъ этого гнета и этого духовенства.

Вотъ почему въ Персіи люди чаще всего становятся послѣдователями того изъ спорящихъ муштехидовъ, кто своимъ ученіемъ стремится внести какое либо измѣненіе въ условіяхъ соціальной и политической жизни и при этомъ наиболѣе страстно отстаиваетъ свои убѣжденія. Окружающіе муштехида муллы и другіе поклонники его, неуступающіе по страстности своему духовному главѣ, довершаютъ остальное: становясь ревностными и убѣжденными прозелитами, они часто съ самоотверженіемъ распространяютъ воспринятое ими ученіе своего духовнаго главы. Новыя ученія, или старыя въ нѣсколько измѣненной формѣ, не остаются только въ тѣсныхъ границахъ своей родины и даже не въ предѣлахъ одной Персіи, а переносятся въ сосѣднія государства, въ которыхъ проживаютъ мусульмане-шіиты. Распространителями этихъ ученій внѣ предѣловъ Персіи бываютъ обыкновенно лица, отправляющіяся въ Персію за полученіемъ духовнаго образованія и возвращающіяся оттуда муллами, такъ же купцы, посѣщающіе Персію по дѣламъ торговымъ, и благочестивые отправляющіеся въ Мешади [1]) или Кербеле [2]) на поклоненіе святымъ мѣстамъ. Такъ явились въ Закавказскомъ краѣ секты: шейхи, гаджи-керимъ-ханы и али-аллахи. Относительно появленія въ Закавказскомъ краѣ бабидовъ дѣйствовало совершенно особое, исключительное условіе: желаніе найти безопасное отъ преслѣдованія ихъ персидскимъ правительствомъ убѣжище.

Шейхиди. Секта шейхи или шейхидовъ также не малочисленна въ Персіи. Ученіе ея въ основныхъ догматахъ совершенно тождественно съ ученіемъ усулидовъ. Сходясь въ главныхъ положеніяхъ, оно расходится въ вопросахъ второстепенныхъ, которымъ усулиди придаютъ, однако же громадное значеніе. Начало секты было положено въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія нѣкіимъ мудеррисомъ шейхъ-Ахмедомъ, изъ сел. Ляхси, магала Бахрейнъ, въ Аравіи. Усулиди считаютъ его отцомъ всѣхъ сектъ, возникшихъ въ шіизмѣ въ текущемъ столѣтіи. Онъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ тариката въ лучшемъ значеніи слова и принадлежалъ къ школѣ суфіевъ—одной изъ мусульманскихъ религіозно-философскихъ школъ, ученіе которой проникнуто мистическимъ пантеизмомъ. Не внося никакихъ существенныхъ измѣненій въ культъ исна-ашаридовъ, шейхъ-Ахмедъ положилъ въ основаніе своего ученія самоусовершенствованіе посредствомъ самоуглубленія и созерцанія божества въ его твореніяхъ. Названіе свое секта получало отъ слова шейхъ.

Главные пункты разногласія въ ученіяхъ усулидовъ и шейхидовъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Усулиды говорятъ, что ученіе корана могли вполнѣ вѣрно понимать и правильно передавать народу только имамы, какъ боговдохновенные вожди ислама. Съ исчезновеніемъ-же послѣдняго изъ имамовъ, Мухамеда-Мехти, некому стало правильно истолковывать коранъ, что муштехиды, не одаренные тою божественною силою пониманія, какою обладали имамы, хотя и объясняютъ коранъ, все же таки остается сомнѣніе относительно правильности толкованія ими многихъ мѣстъ, вообще непонятныхъ обык-

[1]) Мѣсто, гдѣ находится гробница восьмого имама Рзы-ибнъ-Мусы-Кязума.

[2]) Мѣсто, гдѣ убитъ имамъ Хусейнъ

новеннымъ смертнымъ, хотя бы то были ученые муштехиды или муршиды. Вслѣдствіе этого каждый духовный глава объясняетъ коранъ сообразно собственному своему пониманію его, при чемъ каждый усулидъ воленъ выбирать для себя то именно толкованіе, которое наиболѣе соотвѣтствуетъ его личнымъ вкусамъ и прихотямъ. На это шейхиди возражаютъ, что такъ какъ духовныхъ главъ-муштехидовъ и муршидовъ—было и есть много, то одни и тѣ же тексты корана имѣютъ различныя, часто совершенно произвольныя толкованія, отчего многіе, путаясь въ цѣломъ рядѣ противорѣчивыхъ толкованій, вовсе не считаютъ для себя обязательнымъ руководствоваться ими при выполненіи правилъ шаріата. Такое отношеніе къ корану, говоритъ шейхъ-Ахмедъ, отнимаетъ отъ него ту святость и незыблимость, какія онъ долженъ имѣть для истинно вѣрующихъ мусульманъ. Богъ, говоритъ онъ, запретилъ сомнѣваться въ заключающихся въ коранѣ истинахъ, какъ это выражено въ сурахъ X, LIII и XLIX, что поэтому толкованіе должно быть одно, а слѣдовательно долженъ быть для всѣхъ одинъ муштехидъ. На этомъ основаніи, шейхиди подчиняются только тѣмъ толкованіямъ, которыя преподаетъ имъ послѣдній, живой муштехидъ. Этотъ послѣдній въ данное время муштехидъ долженъ, однако же, обладать такими умственными способностями и такою эрудиціею въ предметахъ богословскихъ, чтобы вполнѣ правильно понимать и толковать коранъ. Само собою разумѣется, что вновь избранный муштехидъ можетъ своимъ авторитетомъ подтвердить и толкованія своего предшественника, если онъ находитъ ихъ правильными.

Этотъ пунктъ спора, по мнѣнію усулидовъ, не выдерживаетъ критики; онъ не только страдаетъ отсутствіемъ основательныхъ аргументацій, но заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе. Если каждый послѣдующій муштехидъ, какъ бы ученъ ни былъ онъ, можетъ также толковать коранъ по собственному своему разумѣнію, то въ концѣ концовъ также окажется столько толкованій, сколько было муштехидовъ, хотя бы они существовали не одновременно, а слѣдовали одинъ за другимъ. Правда, обязательными считаются только толкованія послѣдняго, живого муштехида, однако же, и толкованія его предшественниковъ не перестанутъ существовать, хотя бы онѣ и считались отвергнутыми: всегда найдутся такіе, которые либо сочтутъ для себя удобнѣе придерживаться толкованіямъ предшествовавшихъ муштехидовъ, либо не будутъ согласны съ послѣдними толкованіями. Тутъ, кромѣ того, по мнѣнію усулидовъ, есть и практическая несообразность, повлекшая за собою непредусмотрѣнныя шейхъ-Ахмедомъ послѣдствія: всякій вновь избранный шейхидами муштехидъ, допустивъ иное толкованіе корана и не встрѣтивъ сопротивленія со стороны другихъ муштехидовъ, уходилъ дальше своего предшественника и сдѣлался главою новой секты. Въ этомъ ученіи шейхъ-Ахмеда, говорятъ усулиды, кроется основная причина образованія какъ самой секты шейхидовъ, такъ и возникновенія изъ нея сектъ бабидовъ и гаджи-керимъ-ханы съ развѣтвленіями на различные толки.

2) Шейхиди утверждаютъ, что Мухаммедъ и имамы, какъ вожди ислама, самимъ Богомъ назначенные, обладали способностью предвидѣнія или прорицанія и что безъ этой способности Мухаммедъ не могъ бы быть пророкомъ, а имамы не могли бы быть имамами: въ этомъ ихъ главное и существенное отличіе отъ всѣхъ остальныхъ людей; они, напр., заранѣе могли безошибочно опредѣлить родится ли въ данномъ случаѣ беременности женщины мальчикъ или дѣвочка, такъ же какъ они могли заранѣе предсказать время наступленія изобилія хлѣба или голода. Нѣтъ, говорятъ усулиды, такою способностью не обладали ни Мухаммедъ, ни имамы: имъ было только доступно молить Аллаха, съ увѣренностью, что мольбы ихъ будутъ услышаны и просимое исполнено. Способность же предвидѣнія есть одинъ изъ аттрибутовъ высшаго Разума, Бога, а приписывать пророку и имамамъ такой же аттрибутъ, значитъ приписывать имъ одинъ изъ аттрибутовъ самаго Бога, что противорѣчитъ основной идеѣ корана.

3) Шейхиди признаютъ, на основаніи корана, что душа человѣка создана Богомъ и витала въ небесныхъ сферахъ задолго до появленія ея на землѣ, что во время акта рожденія, душа нисходитъ въ этомъ мірѣ, чтобы облечься въ созданную для нея Богомъ матеріальную оболочку. Нѣтъ, говорятъ усулиды, на основаніи же корана, Богъ, правда, предопредѣлилъ жизнь человѣка, но ему не для чего прибѣгать къ двойному акту созиданія. Силою своего всемогущества, онъ даетъ жизнь праху, когда послѣдній находится еще въ зародышѣ, во чревѣ матери, т. е. душа и тѣло, или весь, такъ сказать, духовно-физическій человѣкъ создается Богомъ одновременно, что душа безъ тѣла—ничто, такъ же какъ тѣло безъ души только ничтожный прахъ. Отсюда, по ученію усулидовъ, вытекаетъ вѣрованіе,

4) что души мусульманъ будутъ наслаждаться обѣщаннымъ пророкомъ раемъ въ тѣхъ же тѣлахъ, въ которыхъ они пребываютъ на землѣ. Такое міровоззрѣніе на загробную жизнь совершенно соотвѣтствуетъ представленію мусульманъ о свойствахъ рая: чувственно наслаждаться можно только будучи тѣлеснымъ. Другихъ, болѣе возвышенныхъ, чисто духовныхъ наслажденій, мусульмане не признаютъ, ни въ этой, ни въ загробной жизни. Соотвѣтственно своему міровоззрѣнію на душу человѣческую, шейхиды отвергаютъ такое вѣрованіе усулидовъ, они говорятъ, что душа можетъ жить самостоятельною жизнью, что она въ раю будетъ, правда, имѣть вмѣстилищемъ тѣло, но тѣло очищенное, подобно тому, какъ очищаютъ камень, когда его хотятъ сдѣлать прозрачнымъ какъ стекло. Сохраняя всѣ физическія свойства, необходимыя, чтобы наслаждаться чувственно, организмъ будетъ лишенъ всѣхъ другихъ физіологическихъ отправленій, какія ему присущи во время земной жизни.

Это послѣднее воззрѣніе также матеріалистично, но оно по крайней мѣрѣ приписываетъ душѣ, такъ сказать, полунезависимое отъ тѣла существованіе. Неясный дуализмъ шейхъ-Ахмеда послужилъ, какъ увидимъ ниже, для муштехида Гаджи-Мамедъ-хана, ступенью къ чисто спиритуалистическому ученію о загробной жизни: послѣдній признаетъ безсмертіе только за душею.

Споръ между шейхидами и усулидами вращается, главнымъ образомъ, около приведенныхъ пунктовъ, имѣющихъ по своему значенію чисто схоластическій характеръ и напоминаетъ собою безплодный споръ средневѣковыхъ метафизиковъ о номинализмѣ и реализмѣ. Другіе пункты разногласія, имѣющіе предметомъ исполненіе на практикѣ правилъ шаріата, не столь важны, какъ напримѣръ ученіе о томъ, какъ долженъ мусульманинъ-исна-ашридъ совершать намазъ въ мечети, дома и въ пути, какое онъ долженъ принимать положеніе во время намаза, какъ долженъ держать себя мулла въ мечети во время богослуженія и внѣ мечети—въ своей частной жизни и т. п. По ученію, преподанному шейхъ-Ахмедомъ своимъ послѣдователямъ и подтвержденному послѣдующими духовными главами секты, мулла долженъ непремѣнно обладать образовательнымъ цензомъ [1]), его обязанность не только исполнять духовныя требы, но и учить народъ, онъ долженъ быть безупречнаго поведенія и своею нравственною жизнью служить примѣромъ для своей паствы.

У шейхъ Ахмеда Бахрейни, положившаго начало сектѣ шейхидовъ, было 4 ученика: Гаджи-Мирза-Шафи изъ Тавриза, Молла-Багиръ также изъ Тавриза, Гаджи-сеидъ-Кязумъ изъ Решта и Гаджи-Керимъ-ханъ изъ Керманы. Муршидомъ вмѣсто умершаго шейхъ-Ахмеда из-

[1]) Между прочимъ замѣчу, что среди большей части городскихъ и сельскихъ муллъ, все познаніе которыхъ заключается въ исполненіи нѣкоторыхъ духовныхъ требъ, муллы—шейхиди, никѣмъ не признанные, безъ права сдѣлаться штатными муллами, производятъ впечатлѣніе людей умственно развитыхъ, познанія которыхъ не ограничаются однимъ кораномъ.

бранъ былъ Гаджи-сеидъ-Кязумъ. Послѣдній поселившись въ Кербеле, также сдѣлался по примѣру своего учителя ревностнымъ проповѣдникомъ тариката: онъ ничего не прибавилъ къ ученію шейхъ-Ахмеда и избѣгалъ дальнѣйшихъ споровъ съ противниками этого ученія; онъ старался, насколько это было возможно безъ нарушенія религіозныхъ интересовъ обѣихъ спорящихъ сектъ, примирять разногласія въ ученіяхъ на почвѣ чистаго разума. Эклектическій характеръ его религіозныхъ бесѣдъ создалъ ему популярность не только среди шейхидовъ, но и среди усулидовъ, успѣвшихъ уже примириться съ существованіемъ новаго ученія; его кроткій благородный нравъ, вѣжливость въ обращеніи съ принадлежащими къ числу шейхидовъ и скромный образъ жизни подкупили и многихъ изъ персидской знати, также сдѣлавшихся тайными приверженцами ученія шейхъ-Ахмеда. Въ сороковыхъ годахъ умеръ и Гаджи-сеидъ-Кязумъ, вмѣсто котораго муршидомъ былъ избранъ ученикъ его Мирза-Али-Мухаммедъ, прозванный впослѣдствіи Бабомъ [1]). Уклонившись отъ ученія учителей своихъ, шейхъ-Ахмеда и сеидъ-Кязума, Мирза-Али Мухаммедъ сталъ главою основанной имъ секты бабидовъ. Съ этого времени число шейхидовъ въ Персіи начинаетъ понемногу уменьшаться: одни приняли ученіе Баба, другіе, оставшись безъ главы, вернулись въ лоно чистаго шеизма—къ усули, третьи, наконецъ, и самое большее число, обратились къ ученію Гаджи-Керимъ-хана, ученію, служащему дополненіемъ къ ученію шейхъ-Ахмеда и дальнѣйшимъ развитіемъ его идей.

Усулиди говорятъ, если бы не было ученія шейхъ-Ахмеда, не могло бы быть и ученія Баба, изъ чего слѣдуетъ заключить, что идеи перваго дали начало ученію послѣдняго. Къ сожалѣнію, географическій районъ распространенія мусульманскихъ сектъ у насъ, въ Закавказскомъ краѣ, подлежавшей моему изслѣдованію, былъ ограниченъ предѣлами одной губерніи и я поэтому ничего не могъ узнать о сущности ученія бабидовъ, живущихъ въ Бакинской губерніи и Закаспійской области. Все, что мнѣ извѣстно объ этомъ ученіи изъ разсказовъ мусульманъ другихъ ученій, это—то, что соціалъ-демократическія идеи въ немъ доведены чуть ли не до отрицанія частной собственности, хотя и заключаетъ въ себѣ много возвышенныхъ идей, заимствованныхъ какъ изъ книгъ Бытія и Евангелія, такъ и изъ современныхъ намъ теорій политико-экономической, соціологической и др. Въ настоящее время ученіе бабидовъ, составляющее секретъ сектантовъ, распалось на два толка.

Перехожу къ ученію Гаджи-Керимъ-хана.

Шейхиди—послѣдователи Гаджи-Керимъ хана Подтвердивъ въ общемъ основныя начала ученія шейхъ-Ахмеда, Гаджи-Керимъ-ханъ въ то же время нѣсколько уклонился отъ нихъ прибавленіемъ нѣкоторыхъ правилъ, носящихъ, впрочемъ, мѣстами скорѣе практическій характеръ, чѣмъ строго религіозный. Прибавленія эти, какъ скоро увидимъ, были вызваны чрезвычайными обстоятельствами времени. Ученіе свое—собственно ученіе шейхъ-Ахмеда съ своими прибавленіями—онъ изложилъ въ особой книгѣ, озаглавленной „Иршадиль-авамъ [2]). Сдѣлавшись фактическимъ главой оставшихся въ Персіи и внѣ оной шейхидовъ, Гаджи-Керимъ-ханъ превзошелъ мистицизмъ своего учителя. По ученію его, аттрибуты божества могутъ олицетворяться не только въ святыхъ, но и въ муршидахъ или муштехидахъ, что дало впослѣдствіи сыну его, Гаджи-Мамедъ-хану, поводъ установить, какъ увидимъ ниже, четыре степени проявленій божественной силы. Разумъ, напр., по ученію Гаджи-Керимъ-хана, какъ одинъ изъ аттрибутовъ божества, проявлялся не только въ Мухаммедѣ и имаммахъ, но проявляется и въ ученыхъ вождяхъ чистаго ислама, каковыми онъ считаетъ муршидовъ или шейховъ секты „шейхи". Какъ мистикъ и тарикатистъ онъ также проповѣдуетъ самоусовершенствованіе путемъ самоуглубленія и самопознанія, что можно достигнуть, главнымъ образомъ, веденіемъ созерцательной жизни, покаяніемъ и умерщвленіемъ плоти. Жизнь каждаго творенія, по ученію Гаджи-Керимъ-хана, состоитъ въ соединеніи духа съ матеріей. Духъ бываетъ двоякаго рода: духъ животный или животная жизнь, присущая всѣмъ вообще твореніямъ и духъ познающій. На этомъ основаніи онъ признаетъ существованіе двухъ самостоятельныхъ душъ: низшую, общую человѣку и животнымъ, и высшую, присущую только человѣку. Подъ низшею душою онъ разумѣетъ всѣ тѣ психо-физіологическія свойства и функціи, которыя присущи въ различныхъ степеняхъ совершенства животному міру вообще; но благороднѣйшая, безсмертная часть человѣческаго существа это духъ познающій. „Вы имѣете, говоритъ Гаджи-Керимъ-ханъ шейхидамъ, одинаковые съ животными члены тѣла, приспособленные къ поддержанію жизни и одинаковыя съ ними способности къ перенесенію такихъ душевныхъ волненій какъ гнѣвъ и радость; но въ такихъ способностяхъ, по природѣ присущихъ и животнымъ и людямъ, нѣтъ того, что дѣлаетъ человѣка достойнымъ этого званія. Чтобы стать человѣкомъ въ истинномъ значеніи этого слова, надо получать познанія, имѣть терпѣніе, надо размышлять, соображать, созерцать и упоминать имя Господа (зикръ). Въ кругъ обязанностей человѣка входитъ, кромѣ того, и многое другое, исполнить чего, по краткости человѣческой жизни, не возможно. Старайтесь добиться души человѣческой, посредствомъ которой вы только и можете быть счастливыми. Вся сила въ стремленіи. Кто стремится къ обладанію душею человѣческою—тотъ и есть человѣкъ; въ противномъ случаѣ онъ уподобляется животному". „Люди, говоритъ онъ дальше, дѣлятся на муштехидовъ и мугалитовъ (на учителей и послѣдователей ихъ). Послѣдніе должны подчиняться указаніямъ первыхъ и во всемъ подражать имъ". Вопреки вѣрованію мусульманъ въ предопредѣленіе, въ силу коего Богъ, направляя волю человѣка, дѣлаетъ его неотвѣтственнымъ за свои поступки, Гаджи-Керимъ-ханъ, подобно основателю въ первые времена магометанства секты мутазилитовъ (мутазиля), Васылю-ибнъ-Ата, проповѣдуетъ принципъ—свободу воли. Отъ человѣка, говоритъ онъ, зависитъ посредствомъ самосозерцанія и самоизученія приблизиться къ божеству, отъ него же самаго зависитъ поступать хорошо или дурно, заслужить милость или гнѣвъ и въ воздаяніе за свои поступки получить награду или порицаніе.

Время, въ которое Гаджи-Керимъ-ханъ проповѣдывалъ, и быстрое возрастаніе числа послѣдователей его, совпали съ усиленнымъ движеніемъ въ Персіи секты бабидовъ, у которыхъ религія со скользкой почвы схоластики и теологическихъ преній перешла на почву политики и соціальныхъ вопросовъ. Примѣшавъ къ своему религіозному ученію крайнія теоріи соціалъ-демократическихъ идей и, стремясь къ введенію въ Персіи религіозно-соціальной реформы, бабиды, естественно, возстановили противъ себя правительство и фанатическое духовенство, сильно ихъ преслѣдовавшія. Боясь, чтобы правительство, подстрекаемое духовенствомъ исна-ашаридовъ-усулидовъ, не перенесло преслѣдованія бабидовъ также и на шейхидовъ и, желая удержать послѣднихъ въ границахъ преподаннаго имъ шейхъ-Ахмедомъ ученія, Гаджи-Керимъ-ханъ прибавилъ, какъ сказано выше, нѣкоторыя правила, которыя могутъ быть вкратцѣ изложены такъ:

[1]) Бабъ по арабски дверь, что означаетъ на мистическомъ языкѣ суфіевъ—дверь къ истинѣ.

[2]) Иршадиль-авамъ (путеводитель для непосвященныхъ) говорятъ, довольно объемистая книга in folio и состоитъ изъ четырехъ частей, вышедшихъ разновременно въ теченіи 7—8 лѣтъ. Первая часть была выпущена въ 1263 г. гиджры (1846 г. по христіанскому лѣтосчисленію). Я этой книги не видѣлъ, но у меня въ рукахъ брошюра, написанная Гаджи-Керимъ-ханомъ; въ ней изложено вкратцѣ ученіе шейхидовъ съ его прибавленіями. Содержаніе этой брошюры подтверждаетъ все, что я узналъ объ ученіи шейхидовъ изъ бесѣдъ съ сектантами и ихъ противниками.

1) Каждый шейхидъ, желающій, чтобы молитва его была дѣйствительна передъ Богомъ, долженъ подчинитьсяволѣ Бога, волѣ пророка и имамовъ; онъ долженъ остерегаться дурныхъ дѣлъ, перечисленныхъ въ коранѣ и хадисѣ, а равно обязанъ избѣгать суннитовъ[1]), онъ долженъ повиноваться не только всѣмъ правиламъ, исходящимъ изъ корана, не только вѣрить въ масумовъ[2]), но подчиниться ученію своего шейха и всѣмъ его наставленіямъ.

2) Пророкъ и одиннадцать имамовъ умерли; двѣнадцатый же имамъ скрылся отъ взоровъ людей. Хотя послѣ этого никому не удалось видѣть его[3]), однако, ученіе его —буквальное ученіе корана— онъ въ свое время оставилъ тѣмъ, которые были при немъ, и шейхиды, вѣрные этому ученію, обязаны послушаніемъ тѣмъ шейхамъ, которые, согласно тому, какъ это было преподано имамомъ Мухаммедомъ-Мехти передъ его исчезновеніемъ, придерживаются ученія корана, буквально и правильно передаютъ содержаніе его народу[4]), а не муштехидамъ, объясняющимъ священныя книги (китабъ) сообразно собственному ихъ разумѣнію.

Требуя отъ своихъ послѣдователей строгаго подчиненія своему ученію и, грозя даже проклятіемъ за отступленіе отъ этого ученія, Гаджи-Керимъ-ханъ въ то же время относится къ усулидамъ чрезвычайно гуманно и къ ученію ихъ съ большимъ достоинствомъ.

3) Въ случаѣ, если принадлежащіе къ усулидамъ шіиты отнесутся, говоритъ онъ, оскорбительно къ шейхидамъ или непочтительно къ личности ихъ шейха, то не отвѣчать оскорбленіемъ, а напротивъ быть съ ними добрыми и отвѣчать въ выраженіяхъ ласковыхъ; что же касается самихъ шейхидовъ, то они должны смотрѣть на своего шейха, только какъ на муштехида, т. е. какъ на авторитетъ въ вопросахъ вѣры и права и ничего больше не приписывать ему. „Кто вздумаетъ—говоритъ Гаджи-Керимъ-ханъ—считать меня не муштехидомъ только, а не чѣмъ-нибудь инымъ (т. е. облеченнымъ другою властью или существомъ болѣе высшимъ), того буду проклинать, того проклянетъ самъ Богъ и Мухаммедъ, пророкъ его. Усулиди и шейхиди во всѣхъ отношеніяхъ равны между собою, различіе въ ученіяхъ незначительное, хотя и существуетъ съ давнихъ временъ".

4) „Знайте люди,—говоритъ дальше Гаджи-Керимъ-ханъ,—что Богъ назначилъ вамъ государей (sealatins—множ. число отъ sultan), которые, для управленія вами и для защиты васъ отъ смерти и другихъ бѣдъ, поставили надъ вами своихъ уполномоченныхъ. Поэтому вы обязываетесь повиноваться вашимъ государямъ и властямъ отъ нихъ исходящимъ, точно такъ, какъ вы обязаны совершать установленные намазы и исполнять роза (постъ), хумсъ [5]) и закятъ [6]), какъ вы обязаны бывать въ Меккѣ. Каждый, повинующійся велѣніямъ Бога, долженъ повиноваться своему государю, назначенному Богомъ же. Кто будетъ уклоняться отъ исполненія воли Бога, т. е. отъ исполненія предписаній шаріата и отъ исполненія воли государя своего, отъ тѣхъ устранятся самъ Богъ и Мухаммедъ, пророкъ его. Въ бѣдствіяхъ, которыя васъ постигнутъ, сами будете виновны, какъ вышедшіе изъ повиновенія Бога".

5) „Знайте,—говоритъ дальше Гаджи-Керимъ-ханъ, обращаясь къ своимъ послѣдователямъ шейхидамъ,—что человѣкъ не можетъ жить одинокимъ, что одинъ нуждается въ услугахъ другого. Поэтому вы должны обходиться между собою хорошо. Къ лицамъ именитымъ или стоящимъ выше васъ по общественному положенію вы должны относиться съ подобающимъ имъ уваженіемъ; съ тѣми же, которые стоятъ ниже васъ, будьте ласковы и милостивы. Соблюдайте справедливость въ дѣлахъ вашихъ; не будьте завистливыми и не питайте ненависти и вражды; старайтесь устранить отъ себя зависть и ненависть другихъ. Если кто-нибудь ударитъ васъ по одной сторонѣ головы, подставьте ему другую сторону и скажите, что грѣшная голова достойна, чтобы ее били; не жалуйтесь на обидчика властямъ, такъ какъ мѣра наказанія можетъ превзойти мѣру нанесенной вамъ обиды и вы будете причиной совершенной несправедливости. Если замѣтите, что кто-нибудь причиняетъ обиду вашему единомышленнику, удалите его отъ обидчика, дабы онъ не подвергался еще большимъ обидамъ. Имѣйте во всемъ терпѣніе и не составляйте сходокъ для обсужденія дѣлъ вашихъ. Кто будетъ поступать не сообразно сдѣланному нами здѣсь указанію и не будетъ слѣдовать нашему ученію, тотъ не принадлежитъ къ числу шіитовъ-шейхидовъ". Ученіе Гаджи-Керимъ-хана нашло откликъ въ сердцахъ его послѣдователей: они достойно оцѣнили его, присвоивъ ему названіе „рынки-рабе" (четвертый столбъ въ исламѣ).

Въ виду тѣхъ прибавленій, какія Гаджи-Керимъ-ханъ сдѣлалъ къ ученію шейхъ-Ахмеда, усулиди прозвали послѣдователей его, также и „Гаджи-Керимъ-ханы", хотя въ ученіяхъ шейхидовъ—послѣдователей Гаджи-Керимъ-хана и настоящихъ „гаджи-керимъ-ханы"—послѣдователей Гаджи-Мамедъ-хана большая разница. Названіе это въ устахъ усулидовъ сдѣлалось презрительнымъ и служитъ синонимомъ вѣроотступничества.

Первымъ распространителемъ ученія шейхъ-Ахмеда въ Закавказскомъ краѣ былъ шушинскій житель Мирза-Абдурагимъ-Молла-Багиръ-оглы. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Аравіи и Персіи и, изучивъ тамъ, подъ руководствомъ самаго шейхъ-Ахмеда, богословію, Мирза-Абдурагимъ въ тридцатыхъ годахъ вернулся на родину, въ Шушу, гдѣ сталъ проповѣдывать ученіе своего учителя. Новое ученіе должно быть понравилось шушинцамъ, такъ какъ пропаганда въ короткое время сдѣлала большіе успѣхи: почти всѣ шушинскіе мусульмане примкнули къ ученію, принесенному Мирза-Абдурагимомъ. Не ограничиваясь тѣсными предѣлами города, новое ученіе перебралось въ селенія, захватывая все большую и большую область. Въ пятидесятыхъ годахъ возвратился изъ Кербеле другой шушинецъ, Мирза-Абдулъ-Касымъ-Мирза-Али-оглы и вскорости былъ назначенъ уѣзднымъ казіемъ. Новый казій, изъ фанатизма ли, или потому, что въ качествѣ официальнаго духовнаго лица считалъ себя обязаннымъ противодѣйствовать вновь распространяющемуся ученію, сталъ изобличать шейхъ-Ахмеда и его послѣдователей въ Шушѣ въ ереси, призывая на головы вѣроотступниковъ всѣ ужасы ада. Началось обратное движеніе и многіе изъ шейхидовъ опять вернулись къ вѣроученію усулидовъ. Быть можетъ, этимъ дѣло вѣроотступничества и кончилось бы, и всѣ послѣдователи шейхъ-Ахмеда въ Шушѣ постепенно вернулись бы къ прежнему вѣроученію; вернулись бы къ прежнему вѣроученію и сельскіе жители, привыкшіе подражать во всемъ шушинцамъ. Но случилось нѣчто такое, что одинаково возбудило негодованіе какъ шейхидовъ, такъ и усулидовъ. Дѣло въ томъ, что казій счелъ своею обязанностью донести на Мирзу-Абдурагима начальству, намѣрено выставляя новое ученіе въ

[1]) Суннеты—правила о поступкахъ, такъ сказать, безразличныхъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Это такіе поступки, которые хотя кораномъ и не запрещены, но принято за лучшее ихъ не совершать.

[2]) Масумы—праведники. Масумами называютъ Мухаммеда, Фатьму и всѣхъ имамовъ.

[3]) По ученію усулидовъ, Мухаммедъ-Мехти, хотя и не показываясь, изрѣдка, однако, разговариваетъ съ наиболѣе достойными людьми; шейхиди же отвергаютъ какъ это, такъ и то, будто Али взятъ живымъ на небо.

[4]) Шейхиди считаютъ, что полученное ими отъ шейхъ-Ахмеда ученіе есть толкованіе корана самимъ Мухаммедомъ-Мехти, переданное преемственно цѣлымъ рядомъ шейховъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. Списокъ этихъ шейховъ очень длиненъ, а потому и не приводимъ его.

[5]) 1/5 часть вырабатываемыхъ средствъ, которая дѣлится на двѣ части: одна для муштехиди, а другая для сеидовъ—потомковъ пророка.

[6]) 1/10 часть земныхъ произведеній для муллъ и бѣдныхъ.

искаженномъ видѣ и обвиняя распространителя его въ Шушѣ чуть ли не въ государственномъ преступленіи. Слѣдствіемъ этого была высылка Мирзы-Абдурагима изъ Шуши административнымъ порядкомъ (впослѣдствіи онъ былъ возвращенъ обратно). Такой поступокъ со стороны Мирзы-Абдулъ-Касыма возбудилъ негодованіе почти всѣхъ шушинскихъ мусульманъ, такъ какъ, какое бы значеніе не имѣло новое ученіе для ислама,—ученіе, безразличное въ христіанскомъ государствѣ, коль скоро оно ограничивается сферою чисто религіозною,—самъ Мирза-Абдурагимъ былъ человѣкъ умный, развитой, безукоризненно честнаго поведенія и считался ученымъ богословомъ, что, глазнымъ образомъ, и расположило въ его пользу всѣхъ шушинскихъ мусульманъ. Обратное движеніе пріостановилось и шушинскіе мусульмане раздѣлились на два враждебныхъ лагеря. Началась борьба, нерѣдко сопровождавшаяся взаимными оскорбленіями. Каждое новое оскорбленіе, съ одной стороны, вызывало оппозицію и усиленное движеніе религіознаго чувства съ другой, и враждебныя отношенія, все болѣе и болѣе обостряясь, готовы были одно время вспыхнуть открытымъ столкновеніемъ, во-время предупрежденнымъ вмѣшательствомъ полиціи.

Число шейхидовъ въ Закавказскомъ краѣ теперь незначительно; оно доходитъ до 793 дворовъ, или до 3800 душъ обоего пола и всѣ почти живутъ въ Шушѣ, лишь немногіе изъ нихъ живутъ въ Шушинскомъ и Зангезурскомъ уѣздахъ. Говорятъ также, что небольшое число шейхидовъ проживаетъ въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи.

Гаджи-Керимъ-ханы—послѣдователи Гаджи-Мамедъ-хана [1]). Гаджи-Керимъ-ханъ умеръ, оставивъ шейхидамъ ученіе, проникнутое любовью къ ближнимъ, ученіе, подобнаго которому въ мусульманскомъ мірѣ еще не появлялось. На мѣсто Гаджи-Керимъ-хана былъ избранъ муршидомъ сынъ его Гаджи-Мамедъ-ханъ, считающійся теперь, правда, только номинальнымъ духовнымъ главой секты шейхидовъ. Унаслѣдовавъ отъ отца своего расположеніе къ созерцательной жизни и любознательности, онъ развилъ свой умъ до способности къ абстрактному мышленію; онъ не только, какъ говорятъ, основательно знакомъ съ древнею философіею, но изучилъ и христіанское богословіе, преимущественно протестантизмъ. Выступивъ изъ заколдованнаго круга, въ которомъ находились до него основатели мусульманскихъ сектъ, остававшіеся вѣрными основнымъ принципамъ ислама, каково бы ни было ихъ свободомысліе по отношенію къ отдѣльнымъ религіознымъ вопросамъ, Гаджи-Мамедъ-ханъ вовсе уклонился отъ принциповъ ислама. Ученіе его такъ рѣзко и радикально расходится съ ученіемъ предшествовавшихъ ему муршидовъ, что внесло расколъ въ самую секту шейхидовъ. Это уже не отпрыскъ какой-нибудь религіозной секты, не сходящейся въ толкованіи тѣхъ или другихъ мѣстъ корана, или въ детальномъ примѣненіи религіозныхъ принциповъ, а настоящая секта съ совершенно особыми принципами и вѣрованіями, настолько отличными, что ничего общаго съ принципами и вѣрованіями вообще мусульманъ не имѣютъ.

Всѣ шіитскія секты одинаково признаютъ трехъ степеней проявленія единой божественной силы: проявленіе божественной силы въ самой себѣ, т. е., въ ея аттрибутахъ и модусахъ, это высочайшій божественный разумъ, эта сила самаго Бога, проявленіе божественной силы, или духа святого, въ Мухаммедѣ, т. е., силы, данной Богомъ Мухаммеду, какъ своему пророку и, наконецъ, проявленіе этой же силы въ меньшей степени, т. е. въ смыслѣ наитія божества, въ имамахъ. Гаджи-Мамедъ-ханъ въ своемъ ученіи прибавилъ четвертую степень проявленія божественной силы, т. е. силы, проявляющейся въ разумѣ, превосходящемъ средній человѣческій разумъ. Послѣднія три степени проявленія божественной силы, суть, по ученію Гаджи-Мамедъ-хана, только различныя степени проявленія умственныхъ и мыслительныхъ способностей, дѣятельность которыхъ имѣетъ мѣсто лишь при жизни и оканчивается со смертію. Исходя изъ этого начала, Гаджи-Мамедъ-ханъ учитъ, что значеніе Мухаммеда и имамовъ, какъ вождей ислама, окончилось съ ихъ смертію, что не только каждая эпоха, но и каждый народъ имѣлъ своего религіознаго вождя и истолкователя воли Бога, что какъ за Мухаммедомъ и имамами, такъ и за слѣдовавшими за ними вождями муштехидами, муршидами или шейхами должно признавать божественную силу лишь настолько, насколько это было нужно каждому для своего времени, что послѣдній имамъ, Мухаммедъ-Мехти, не скрылся, чтобы современемъ снова явиться въ міръ, а умеръ, какъ умираютъ всѣ люди,—естественнымъ или неестественнымъ способомъ, что его вполнѣ замѣняютъ муршиды и шейхи, обладающіе четвертою степенью божественной силы, что безсмертія въ томъ смыслѣ, какъ это понимается правовѣрными мусульманами, нѣтъ, что безсмертна только душа, а не тѣло, что двери рая открыты для всѣхъ, творящихъ добро, къ какому бы религіозному ученію они не принадлежали, что не одна лишь молитва, а молитва, подкрѣпленная добрыми дѣлами, ведетъ къ спасенію души, что Богъ одинъ для всѣхъ, что различіе въ обрядахъ и способахъ вѣроисповѣданія доказываетъ только различіе въ образѣ мыслей людей, а не превосходство одного вѣроисповѣданія передъ другимъ, что всѣ религіи хороши, если основаніемъ ихъ служитъ любовь къ ближнему и совершенство человѣческихъ отношеній. Одинъ изъ наиболѣе важныхъ принциповъ ученія Гаджи-Мамедъ-хана заключается въ слѣдующемъ: Богъ—создатель вселенной; величіе его въ его твореніяхъ; чтобы познать Бога, надо изучать его творенія.

Такимъ образомъ, религіозно-философское ученіе Гаджи-Мамедъ-хана подрываетъ въ корнѣ не только ученіе исна-ашаридовъ и самый принципъ шіизма, но и основныя начала ислама. Понятно, что ученіе секты, устанавливающей принципъ равенства всѣхъ передъ Богомъ и такъ рѣзко отличающееся отъ ученія ислама, не можетъ еще имѣть значительнаго числа приверженцевъ, встрѣчая сильное сопротивленіе въ консерватизмѣ шіитовъ различныхъ сектъ и толковъ, которыми изобилуетъ Персія; понятно также, почему шейхъ-Ахмедъ, явившись предвозвѣстникомъ новыхъ ученій, наиболѣе возбудилъ противъ себя ненависть усулидовъ; на него они возлагаютъ отвѣтственность за идеи, логическимъ послѣдствіемъ будто бы которыхъ являются ученія Баба, Гаджи-Керимъ-хана и Гаджи-Мамедъ-хана, ученія, ближе стоящія къ христіанскому идеалу, чѣмъ къ мусульманскому. Нѣтъ сомнѣнія, говорятъ усулиди, что возникновеніе этихъ сектъ обязано въ значительной степени христіанскимъ миссіонерамъ и, главнымъ образомъ, лондонскому библейскому обществу, распространившему по востоку громадное число экземпляровъ ветхаго и новаго завѣтовъ и другихъ книгъ священнаго писанія. Это, повидимому, сознало и персидское правительство, нѣсколько лѣтъ тому назадъ строго воспретившее появленіе книгоношъ этого общества на всемъ пространствѣ Ирана. Что между возникшими въ Персіи новѣйшими ученіями и распространеніемъ христіанскихъ священныхъ книгъ существуетъ связь, хотя, быть можетъ, и не въ такой степени, какъ кажется мусульманамъ, вино изъ того, что среди сектантовъ—послѣдователей Гаджи-Мамедъ-хана распространено, какъ увѣряютъ, евангеліе и другія христіанскія священныя книги на арабскомъ, персидскомъ и татарскомъ нарѣчіяхъ.

Сколько въ Закавказскомъ краѣ послѣдователей Гаджи-Мамедъ-хана, неправильно называемыхъ „гаджи-керимъ-ханы", трудно узнать съ достовѣрностью; но въ городѣ Шушѣ и въ нѣкоторыхъ близь лежащихъ къ это-

[1]) Ученіе этой секты, недавно возникшей, еще мало распространено, по крайней мѣрѣ среди мусульманъ Закавказскаго края. Поэтому печатные или писанные источники объ этомъ ученіи, если и проникли уже изъ Персіи, то тщательно скрываются, такъ что изложенное въ этой главѣ есть только выводъ изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя я собралъ, бесѣдуя съ сектантами и ихъ противниками.

му городу селеніяхъ не болѣе 150 человѣкъ. Сами сектанты тщательно скрываютъ свои религіозныя убѣжденія и даже увѣряютъ, что принадлежатъ къ шейхидамъ, хотя они одинаково презираемы какъ усулидами, такъ и шейхидами.

Али-аллахи Какъ мы видѣли выше, обожаніе личности Али перешло въ обоготвореніе ея. Отсюда до ученія о воплощеніи божества въ личности Али остался всего одинъ шагъ. Это воплощеніе началось еще при жизни его. Первый, провозгласившій о воплощеніи Бога въ личности Али, былъ основатель секты „Сабаи", нѣкто Абдулла-ибнъ-Саба, или Абдулла-ибнъ-Сальма—еврей, принявшій мусульманство, тотъ самый, который, какъ говорятъ мусульмане, нашелъ въ библіи предсказаніе объ имѣющемъ явиться Мухаммедѣ. О первоначальномъ возникновеніи секты али-аллахи существуетъ два варіанта. По одному—дѣло было такъ. Однажды Али взялъ съ собою на войну нѣкоего Нусейра. Война происходила въ пустынной и безводной мѣстности. Нусейръ, мучимый жаждой, обратился къ Али съ упреками. Послѣдній указалъ Нусейру на источникъ, котораго прежде, не было видно. Въ то время когда Нусейръ пилъ воду нагнувшись къ источнику, онъ увидѣлъ въ водѣ изображеніе Али. Напившись, онъ возвратился къ Али и разсказалъ ему о видѣнномъ имъ. Тогда Али выслалъ Нусейра изъ палатки на дворъ, гдѣ онъ снова увидѣлъ изображеніе Али въ воздухѣ. Немедленно онъ вернулся въ палатку и, разсказавъ, что видѣлъ, крикнулъ: „Али, ты Богъ!" За такое богохульство Али приказалъ отрубить Нусейру голову. Упавши съ плечъ голова, катясь по землѣ, кричала: „Али, ты Богъ". Затѣмъ Али оживилъ Нусейра и снова велѣлъ рубить ему голову, которая катясь по землѣ, по прежнему продолжала кричать: „Али, ты Богъ". Такое умерщвленіе и оживленіе продолжалось до семи разъ. Оживленный въ седьмой и послѣдній разъ, Нусейръ началъ проповѣдывать теорію воплощенія божества въ личности Али. Ставъ, такимъ образомъ, во главѣ крайнихъ алидовъ, Нусейръ образовалъ особую секту подъ названіемъ „али-аллахи". По другому варіанту, дѣло происходило иначе. Къ Али, собиравшемуся на войну противъ еврейской крѣпости Хайбаръ, подошла женщина съ просьбой взять съ собою на войну единственнаго ея сына Нусейра. Просьба ея была такъ настойчива, что Али, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился. Крѣпость, къ которой подошли мусульмане, оказалась окруженною глубокимъ рвомъ, наполненнымъ водою и безъ моста. Тогда Али взялъ доску, длинною въ ширину рва и пошелъ по водѣ, не погружавшись въ нее и, держа доску на своихъ рукахъ, велѣлъ мусульманамъ переправиться по ней, что и было сдѣлано, и мусульмане взяли крѣпость. Нусейръ былъ такъ пораженъ этимъ чудомъ, что вскрикнулъ: „Али, ты Богъ!" Затѣмъ слѣдовало, какъ сказано выше, семикратное умерщвленіе и оживленіе Нусейра. Есть ли легендарный Нусейръ и основатель секты „Нусейрина" такъ же, какъ мы видѣли выше, учившій о воплощеніи Бога въ личности Али, одно и то-же лицо—оказалось трудно выяснить. Въ „тафсиръ-саафи" и „джанатиль-хулудъ" [1]) о Нусейрѣ упоминается только какъ объ основателѣ секты „нусейригя". Во всякомъ случаѣ какая нибудь историческая связь между обѣими сектами должна быть. Вѣрнѣе всего и, какъ увѣряютъ мусульмане, секта али-аллахи возникла на развалинахъ уже исчезнувшей секты „нусейригя". Сами али-аллахинцы, ничего не знающіе о первоначальномъ происхожденіи своего ученія, считаютъ со словъ дервишей, основателемъ секты нѣкоего Гасанъ-ханъ-бека. Они говорятъ, что ученіе ихъ не имѣетъ писанныхъ источниковъ, что все, что имъ извѣстно, они знаютъ по устнымъ преданіямъ, передаваемымъ имъ ихъ духовными лицами, по просту странствующими дервишами.

[1]) Толкованіе къ корану и ученіе о мусульманскихъ сектахъ, которыми я также пользовался при составленіи настоящаго очерка.

Особенное вѣроученіе али-аллахинцевъ: Богъ пребывалъ, пребываетъ и будетъ пребывать въ вѣчности; онъ вездѣсущъ и всевѣдущъ; создатель вселенной, онъ самъ не созданъ, его бытіе обусловливается временемъ и пространствомъ; онъ—первоначальная причина творенія и происходящихъ въ мірозданіи измѣненій. Этотъ Богъ—Али—не Али-ибнъ-Абуталибъ [1]). Для наставленія людей на путь истинный, Богъ-Али иногда воплощается въ личности какого-нибудь избраннаго имъ человѣка; онъ воплотился въ личности Али-ибнъ-Абуталибъ, какъ раньше воплощался въ личностяхъ Ноя, Авраама, Моисея, Давида и Іисуса Христа. Пока будетъ существовать родъ человѣческій, онъ по временамъ будетъ воплощаться и въ другихъ избранныхъ имъ личностяхъ для отвращенія людей отъ беззаконія, въ которое они впадаютъ. Послѣднее воплощеніе будетъ передъ разрушеніемъ видимаго міра. Избранный, въ котораго Богу-Али угодно будетъ воплотиться въ послѣдній разъ, будетъ носить званіе „шахъ-Джаганъ", что означаетъ царь вселенной; онъ будетъ судить людей по ихъ поступкамъ, при чемъ али-аллахинцы вознесутся въ небеса для наслажденія раемъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ застанетъ послѣдній моментъ существованія міра. Коранъ, говорятъ они, былъ сотворенъ, но не писанъ. Богъ-Али воплотился въ личности Али-ибнъ-Абуталибъ для распространенія своего корана, но это не коранъ, будто бы, данный народу черезъ Мухаммеда-ибнъ-Абуталибъ, а другой, особенный, содержаніе котораго извѣстно только немногимъ избраннымъ—муршидамъ и дервишамъ, обязанность которыхъ наставлять людей въ вѣрѣ до новаго воплощенія божества. Муршиди и дервиши получаютъ свои познанія въ коранѣ по вдохновенію, для чего по временамъ на нихъ нисходитъ святой духъ. Мухаммеда сектанты считаютъ пророкомъ Бога, уже воплотившагося въ личности Али, какъ бы его предтечей, а имамовъ вовсе не признаютъ. Воплощеніе божества бываетъ двоякое: для наставленія на путь истинный какой-нибудь части человѣчества, или даже части населенія и можетъ имѣть мѣсто въ личности какого-нибудь благочестиваго человѣка (муршидъ, дервишъ) и для направленія на путь истинный всего рода человѣческаго. Воплощеніе Бога-Али въ личности Али-ибнъ-Абуталибъ считается самымъ совершеннѣйшимъ, цѣль его была—дать законъ всему человѣческому роду: въ Али-ибнъ-Абуталибъ воплотился, такъ сказать, весь Богъ безъ остатка. Богъ-Али разновременно являлся своимъ поклонникамъ подъ слѣдующими именами: шахъ-Хошунъ (значен. неизв.), султанъ-Сahангъ (знач. неизв.), hакъ-Кремзы (красный богъ), hакъ-Маhаммедъ-бекъ (зназ. неизв.), ханъ-Аthаши (богъ огня), hакъ-дюръ-бзи (самъ, т. е. Али). Эти мистическія названія Бога воплотившагося, значеніе и смыслъ которыхъ извѣстны однимъ только дервишамъ, употребляются али-аллахинцами и какъ молитва, когда они собираются вмѣстѣ въ торжественныхъ случаяхъ. Культа внѣшняго богопочитанія у нихъ нѣтъ, нѣтъ у нихъ поэтому и особаго молитвеннаго дома: молитва замѣняется мистическимъ обожаніемъ Бога и экзальтаціей. Приведеніе себя въ экзальтированное состояніе обязательно только разъ въ году, въ присутствіи дервиша, или замѣняющаго его другого духовнаго лица. Собираясь въ какомъ-нибудь домѣ, всѣ садятся на полъ, образуя кругъ. Дервишъ начинаетъ устно проповѣдывать что-нибудь объ Али и покачиваться. Сначала приводится въ движеніе голова, затѣмъ, поджавшись, онъ начинаетъ качаться изъ стороны въ сторону всѣмъ тѣломъ. Молящіеся дѣлаютъ тоже самое, подражая движеніямъ дервиша. Сначала медленное, движеніе по мѣрѣ воодушевленія толпы, переходитъ въ быстрое верченіе и пляску. Во все это время, длящееся довольно долго, дервишъ многократно повторяетъ слѣдующія слова, подъ которыми также подразумѣваются личности, въ которыхъ

[1]) Сектанты въ отличіе Бога-Али отъ имама Али, въ котораго Богъ воплотился, прибавляютъ къ послѣднему имени „ибнъ-Абуталибъ" или „Абуталибъ-оглы".

Богъ разновременно воплощался: Ишаре-шахъ (указаніе Бога), Шартѣ-бинъ-Яминъ (условіе сына Ямина), Рыдае-Довудъ (или Абá-Довудъ—плащъ Давида), Кhелемъ-пhіръ-Муси (перо старика Моисея), Хумаth-пакъ-Ризбаръ (служба чистаго Ризбара), Кhереми (милость), Мöвлья (господинъ или великій), hу или Я—hу! (о ты, который есть!).

Постъ и всякіе другіе обряды али-аллахинцы вовсе отвергаютъ, хотя, во избѣжаніе столкновенія съ шіитами, они стараясь по возможности скрывать свое вѣрованіе, исполняютъ, когда это неизбѣжно, намазъ и другіе шіитскіе обряды, не исключая и обряда, извѣстнаго подъ названіемъ „шахсей-вахсей“ (шахъ-Хусейнъ, вахъ-Хусейнъ). Въ присутствіи шіитовъ они даже принимаютъ оскорбленный видъ, если ихъ называютъ али-аллахинцами. Они пьютъ водку и вино, которыя сами же выдѣлываютъ, при чемъ видно имѣетъ условное названіе—кечи—ath (козлиное мясо). Женщины не такъ обособлены отъ мужчинъ, какъ у мусульманъ вообще и вмѣстѣ участвуютъ въ собраніяхъ; онѣ избѣгаютъ чужихъ мужчинъ, и закрываютъ лица, главнымъ образомъ, чтобы не обнаружить передъ шіитами своей принадлежности къ сектѣ. Въ домъ, гдѣ находится новорожденный, собираются родственники и знакомые. Дервишъ, или замѣняющее его другое лицо, по прочтеніи вышеприведенныхъ таинственныхъ названій Бога, замѣняющихъ молитву, раздаетъ всѣмъ присутствующимъ по маленькому кусочку мускатнаго орѣха для съѣденія, что означаетъ пріобщеніе ребенка къ числу вѣрующихъ и порученіе его покровительству Али. Обрѣзаніе и кебинъ происходитъ тѣмъ же порядкомъ, какъ у шіитовъ. У али-аллахинцевъ одинъ только обязательный праздникъ въ году, наступающій 29-го декабря и длящійся три дня. День весенняго равноденствія (Новрузъ-байрамъ), тотъ день, когда Али вступилъ на престолъ халифовъ обязательный и величайшій для шіитовъ религіозный праздникъ у али-аллахинцевъ носитъ свѣтскій характеръ и не считается обязательнымъ. Во время праздника, наступающаго 29-го декабря, мужчины и женщины собираются въ одинъ домъ и каждый изъ сектантовъ приноситъ съ собою котелокъ съ сладкимъ пловомъ и жареною курицей для общей трапезы и общаго веселья. Прежде чѣмъ приступить къ пиршеству, мирятъ поссорившихся и устраиваютъ религіозную пляску. Веселье поддерживается женщинами, принимающими участіе въ хоровомъ пѣніи. Самымъ лакомымъ блюдомъ является, послѣ плова, кишмишъ, истребляемый ими въ громадномъ количествѣ. Обычай мусульманъ подстригать усы преслѣдуется али-аллахинцами какъ величайшій грѣхъ. Многоженство, хотя и не запрещено, но никогда къ нему не прибѣгаютъ, даже въ томъ случаѣ, если жена оказывается безплодною,—обстоятельство, иногда побуждающее не только мусульманъ, но даже и сосѣдей ихъ, армянъ, прибѣгать (въ захолустьяхъ) ко второй женитьбѣ, при существованіи первой жены, хотя и безъ церковнаго благословенія [1]). Шіитовъ али-аллахинцы не любятъ, но боятся ихъ. Послѣдніе платятъ имъ тѣмъ же. Таинственность, съ которою али-аллахинцы собираются на общую трапезу, объясняющаяся боязнью скандала со стороны шіитовъ, подали поводъ приписывать имъ всевозможныя преступленія, въ родѣ того, напр., что они подаются свальному грѣху и кровосмѣшенію. Для этого обвиненія они придумали даже особый терминъ „шуманъ-текянъ“ (сбрасываніе штановъ); но это, безъ сомнѣнія, плодъ ненависти.

Всѣхъ али-аллахинцевъ считается въ Закавказскомъ краѣ до 552 дворовъ, въ числѣ 2.700 душъ обоего пола, живутъ они въ девяти селеніяхъ Джебраильскаго (Горовлу, Дашкестанъ, Куйджагъ, Кярхуны, Джафаръ-абадъ, Нузгеръ, Чапандъ, Шафибеглы и Карадара) и 2 селеніяхъ Зангезурскаго уѣзда (Шамовлу и Алтынчи). Занесено къ нашимъ мусульманамъ ученіе али-аллахи изъ Персіи. Тамъ послѣдователи этого ученія живутъ, главнымъ образомъ, въ Мазандаранѣ и Тавризскомъ вилайетѣ, гдѣ населяютъ цѣлый рядъ селеній. На персидскомъ берегу Аракса, на границѣ съ Джебраильскимъ и Зангезурскимъ уѣздами также находятся три деревни, населенныя этими сектантами, именно: Шамлу, Шихляръ и Каракоюнлы; изъ этихъ то трехъ персидскихъ деревень и являются къ нашимъ али-аллахинцамъ дервиши для проповѣдей и вымогательствъ.

Остается прибавить, что секта али-аллахи, какъ и всѣ вообще шіитскія секты, дѣлится на нѣсколько толковъ. Ученіе нашихъ али-аллахинцевъ, а также тѣхъ, которые живутъ на персидскомъ берегу Аракса, нѣсколько отличается отъ ученія али-аллахинцевъ, живущихъ въ Мазандаранѣ и другихъ частяхъ Персіи. Послѣдніе также, считая Мухаммеда предтечей Али, признаютъ и имамовъ, въ число которыхъ включаютъ еще какого-то шахъ-ага-Мирзу. Наши али-аллахинцы считаютъ послѣдняго только однимъ изъ своихъ муршидовъ, сочинившимъ вышеприведенныя таинственныя названія Бога воплотившагося.

Мюриды или шейхи-сунны. Коранъ, отвергая въ принципѣ монашество, допускаетъ, однако, для исключительныхъ лицъ, особое религіозное наитіе. Отказываясь отъ суетныхъ удовольствій міра сего, такія лица подвергаютъ себя разнымъ лишеніямъ и, путемъ умерщвленія плоти и безпрерывнаго самоуглубленія, стремятся, такъ сказать, къ сліянію съ Богомъ. Такое мистически-религіозное настроеніе отдѣльныхъ лицъ, нерѣдко случавшееся и въ первыя времена распространенія магометанства и даже при жизни основателя его, Мухаммеда, носитъ названіе „тарикатъ“ [1]), что означаетъ шествіе по пути самоусовершенствованія въ смыслѣ достиженія возможности истиннаго познанія сущности божества и непосредственнаго съ нимъ сліянія, а самое состояніе человѣка подъ вліяніемъ тариката—временемъ перехода изъ міра земного въ міръ небесный. Тарикатъ основанъ на слѣдующемъ положеніи: главное назначеніе человѣка состоитъ въ созерцаніи Бога. Въ этомъ созерцаніи—его блаженство; существо, способное созерцать Бога, само божественно и поэтому должно стремиться къ сліянію съ своимъ высшимъ духовнымъ началомъ—съ самимъ Богомъ. Превышая требованіе корана, такое религіозное настроеніе, влекущее за собою, такъ сказать, побѣду духа надъ грѣшною плотью, принято мусульманами считать за величайшій подвигъ и потому глубоко чтимо [2]). Съ теченіемъ времени, однако, подъ вліяніемъ религіозно-философской мысли на востокѣ, ученіе о тарикатѣ уклонилось отъ своихъ первоначальныхъ правилъ и приняло различныя формы. Въ однихъ случаяхъ истинный смыслъ его исказился и послужилъ причиною образованія цѣлаго ряда монашествующихъ кон-

[1]) Дѣти отъ такихъ незаконныхъ супружествъ записываются рожденными отъ первой законной, но безплодной жены.

[1]) По ученію мусульманъ суннитовъ есть много путей ислама (тарикаты); но главныхъ или великихъ считается четыре. Первый путь начинается отъ старшаго халифа Абу-Бекра; самъ же онъ принялъ его отъ посла Божія, Мухаммеда, а послѣдній отъ Всевышняго Бога. Путь этотъ называется накшубандійскимъ, потому что онъ принадлежитъ шейху Магомету Накшубандійскому. Второй путь идетъ отъ второго халифа, Омара, который принялъ его отъ пророка, а сей послѣдній отъ Бога. Путь этотъ называется кадырскимъ, потому что онъ принадлежитъ центру святыхъ и образцу несомнѣнной чистоты, Абдулъ-Кадыру Гиланскому. Третій путь происходитъ отъ третьяго халифа, Османа, обладателя превосходства вѣры и зятя пророка. Путь сей называется джанштурійскимъ. Четвертый путь идетъ отъ четвертаго халифа, льва Божьяго и побѣдителя—Али, мужа дочери пророка, а послѣдній отъ самаго Бога.

[2]) По принципамъ мусульманской философіи, природа человѣка слагается изъ трехъ элементовъ: физическаго, религіозно-нравственнаго и умственнаго. Каждый изъ этихъ элементовъ подчиняется своимъ особеннымъ законамъ, изложеннымъ въ трехъ главныхъ отдѣлахъ ученія ислама: шаріатѣ, тарикатѣ и моарифатѣ. Людей, духовная сторона которыхъ могла бы выработаться до такой степени совершенства, чтобы подойти подъ законы моарифата нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ; точно также весьма мало и такихъ людей, которые бы по своему духовному развитію подходили подъ законы тариката.

грегацій, исказившихъ самое ученіе корана; въ другихъ—оно послужило причиною образованія антимусульманскихъ сектъ или привело къ совершенному отрицанію божественнаго откровенія и даже къ атеизму; оно же положило начало возникновенію мистически-пантеистической школы суфіевъ, по ученію которой Богъ не есть нѣчто отдѣльно отъ міра существующее, а составляетъ внутреннюю причину и субстратъ всякой вещи и всего существующаго (то же, что спинозизмъ). Міръ, по этому ученію, есть эманація божества, такъ сказать, вещественное проявленіе творящей силы божества. Это самое ученіе о тарикатѣ породило и суннитскую секту мюридовъ, или какъ ее еще называютъ „шейхисунны", возникшую сравнительно недавно въ восточной части Закавказскаго края. Тарикатъ—ученіе само по себѣ безвредное—у послѣдователей этой секты, смѣшавшись съ измышленіями ихъ шейховъ и обрядами зикристовъ различныхъ направленій, приняло уродливыя формы, если и не совсѣмъ вредныя въ политическомъ, то безусловно вредныя для самихъ сектантовъ въ нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. По увѣренію мусульманскихъ богослововъ, зикръ есть необходимое условіе тариката; но бываютъ различныя формы употребленія зикра. Нѣкоторыя изъ этихъ формъ создали особыя секты, послѣдовали которыхъ называются зикристами. Фанатизмъ и ненависть зикристовъ къ гяурамъ не имѣютъ предѣловъ. Поэтому, между зикристскими сектами, раскинувшими свои сѣти въ христіанскомъ государствѣ, могутъ быть и весьма вредныя въ политическомъ отношеніи. Такія секты существовали въ шестидесятыхъ годахъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ Дагестанѣ [1]). Неувлекающіеся мусульмане-сунниты считаютъ ученія зикристовъ противными основнымъ догматамъ мусульманской религіи, а самихъ зикристовъ искажателями Омарова ученія. Основная обязанность всякаго зикриста, къ какой бы сектѣ онъ не принадлежалъ, заключается въ произнесеніи не менѣе 100 разъ въ день формулы: „ля-ил'ляхи-ил'аллахъ" (нѣтъ Бога, кромѣ Бога); обыкновенно же зикристы произносятъ эту отрицательно-положительную формулу 1,000, 3,000, 5,000 и болѣе разъ въ сутки. Нѣкоторыя зикристскія секты допускаютъ заглушеніе бодрственной дѣятельности ума, воли и чувства и возбужденіе ихъ внѣшними, насильственными средствами, напр., круженіемъ, наркотическими веществами и ослабленіемъ чувственныхъ органовъ. Вступленіе въ секту зикристовъ сопровождается особымъ посвященіемъ (талкинъ).

Теперь посмотримъ какъ возникла у насъ секта мюридовъ или шейхи-сунны.

Въ сороковыхъ годахъ жилъ въ сел. Кюлюлы, Шемахинскаго уѣзда, мусульманинъ-суннитъ, по имени Эюбъ. Набожный, постоянно сосредоточенный, вѣчно съ кораномъ въ рукахъ, по природѣ склонный къ мистицизму и самоуглубленію, онъ велъ отшельническую, созерцательную жизнь, предаваясь молитвамъ и умерщвленію плоти, и слылъ въ народѣ за шейха (святой). Его односельчане, въ затруднительныхъ случаяхъ, обращались къ нему за совѣтами. Его мистически двусмысленные отвѣты, въ особенности въ вопросахъ религіозныхъ, они принимали за откровеніе свыше. Во время паломничества въ Мекку, шейхъ-Эюбъ гдѣ-то познакомился съ монашествующимъ орденомъ дервишей, посвятившихъ его въ ученіе о тарикатѣ и тѣхъ особыхъ церемоніяхъ, коими они сопровождаютъ употребленіе зикра. Вмѣсто молитвъ, дервиши, подъ аккомпаниментъ бубна, флейты и другихъ восточныхъ музыкальныхъ инструментовъ, распѣвали восхваляющіе Бога стихи нѣкоего поэта Асгари (румынскаго жителя). Шейхъ-Эюбъ, возвратившись на родину, сталъ проповѣдывать своимъ односельчанамъ, давно привыкшимъ считать его слова за истинныя откровенія Бога, усвоенное имъ отъ дервишей ученіе о тарикатѣ и безъ труда пріобрѣлъ много послѣдователей, сначала среди своихъ односельчанъ, а затѣмъ и среди жителей другихъ селеній Шемахинскаго и смежнаго съ нимъ Геокчайскаго уѣздовъ Бакинской губерніи. По мѣрѣ того, какъ слава его, какъ пророка, росла, увеличивалось къ нему вниманіе однихъ и ненависть другихъ. Въ качествѣ вѣроотступника и ересіарха, онъ навлекъ на себя гоненіе суннитскаго въ краѣ духовенства: обвиненный въ какихъ то преступленіяхъ, Шейхъ-Эюбъ былъ высланъ изъ края. Успѣшно начатая пропаганда новаго религіознаго ученія попала на благодарную почву. Изъ числа всѣхъ мюридовъ (учениковъ, послѣдователей) шейхъ-Эюба самымъ ревностнымъ и уважаемымъ былъ житель селенія Караджалы, Геокчайскаго уѣзда, нѣкто Абди, ставшій въ 1861 году главою мюридовъ. Одаренный пылкимъ воображеніемъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, Абди, принявъ званіе шейха, не только успѣлъ объединить разрозненныхъ до него мюридовъ въ одну секту, но и увеличить число ихъ, распространивъ ученіе о тарикатѣ также и среди жителей нѣкоторыхъ селеній Арешскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи; ему приписываютъ и корыстныя побужденія—воспользоваться мутною водою, чтобы половить въ ней для себя рыбы. По распоряженію начальства, шейхъ-Абди былъ потребованъ въ Тифлисъ, откуда, послѣ внушенія, даннаго ему закавказскимъ муфтіемъ, былъ отправленъ на три года въ Шемаху. Эта кратковременная ссылка не только не ослабила вліянія его на мюридовъ, а, напротивъ, увеличила его значеніе, какъ святого, пострадавшаго за вѣру. По истеченіи трехъ лѣтъ шейхъ-Абди вернулся на родину, гдѣ онъ былъ встрѣченъ мюридами, ожидавшими его возвращенія съ нетерпѣніемъ искренно вѣрующихъ, весьма торжественно; но ему уже не суждено было пользоваться положеніемъ главы секты: скоро по возвращеніи изъ Шемахи онъ палъ жертвой собственной неосторожности въ обращеніи съ ружьемъ. Послѣ смерти шейхъ-Абди, главою секты былъ признанъ сынъ его, Али-Баба, главнымъ образомъ, изъ почитанія памяти отца его. Дѣятельность Али-Бабы, какъ главы секты, ознаменовалась нѣкоторымъ, хотя и незначительнымъ, увеличеніемъ числа мюридовъ въ Геокчайскомъ и Арешскомъ уѣздахъ. Самъ Али-Баба не обладаетъ качествами, свойственными представителямъ религіозныхъ сектъ и не унаслѣдовалъ отъ отца своего ни одного изъ выдвинувшихъ послѣдняго достоинствъ, онъ даже совершенно безграмотенъ; но у него есть весьма энергичный сподвижникъ, житель селенія Бичахчи, Арешскаго уѣзда, Молла-Гюли-Молла-Юсуфъ-оглы, который главнымъ образомъ, и орудуетъ въ настоящее время отъ имени своего патрона.

Мало отличаясь отъ коренныхъ суннитовъ въ основныхъ воззрѣніяхъ на суннизмъ вообще, мюриды допускаютъ, однако же, существенныя отступленія отъ корана. Исходя изъ того начала, что молитва должна быть свободнымъ проявленіемъ дѣйствительнаго внутренняго состоянія человѣка, въ его отношеніяхъ къ Богу, мюриды не считаютъ для себя обязательнымъ совершеніе ежедневно предписанныхъ кораномъ пяти намазовъ: каждый молится когда чувствуетъ потребность въ молитвѣ, причемъ обращается лицомъ не къ югу, гдѣ находится священный городъ Мекка, а по направленію къ сел. Караджала, гдѣ живетъ шейхъ, послѣдній изъ святыхъ послѣ пророка; но если молитва и не обязательна, за то обязательно дѣлать зикръ, то есть постоянное произнесеніе „Ля-ил'ляхи ил'аллахъ". Мюриды не соблюдаютъ тридцатидневнаго поста рамазанъ [1]); они не соблюдаютъ также хумсъ и закятъ. То и другое передается шейху для употребленія по его личному усмотрѣнію. Мюриды вполнѣ убѣждены, что глава секты, шейхъ, одаренъ способностью прозрѣнія и даже имѣетъ непосредственныя сношенія съ

[1]) Извѣстный мюридизмъ Шамиля также есть ничто иное, какъ одна изъ зикристскихъ сектъ.

[1]) Мусульмане-сунниты и шіиты въ теченіе цѣлаго мѣсяца рамазанъ держатъ постъ. Съ утра до ночи не ѣдятъ, не пьютъ и не курятъ; дни посвящаютъ снѣ, а ночи, съ того момента, какъ начинаютъ выступать звѣзды на небѣ, вплоть до утра, проводятъ въ ѣдѣ, питьѣ и куреніи табаку.

Богомъ. Почитаніе его личности доходитъ почти до обожанія; оно такъ велико, что все свое имущество они считаютъ какъ бы его собственностью, находящеюся лишь во временномъ ихъ пользованіи, причемъ настоящій мюридъ, добывъ хорошую вещь, будь то коверъ, паласъ, лошадь, быкъ, корова и т. п., обязанъ поднести ее шейху и такимъ образомъ, чтобы самъ шейхъ не зналъ, кто именно ему поднесъ эту вещь. Съ этою цѣлью мюриды ночью, пробираясь тайкомъ, впускаютъ къ шейху на дворъ, ворота котораго всегда открыты, самыхъ отборныхъ лошадей и другихъ головъ скота, или кладутъ тамъ лучшіе ковры, вытканные ихъ женами и дочерьми. Шейхъ, выходя утромъ на балконъ своего дома, часто бываетъ пріятно изумленъ преданностью своихъ мюридовъ, не поскупившихся на приличныя приношенія. Потому ли что религіозное рвеніе умалилось уже, или потому, можетъ быть, что мюриды уже достаточно обобраны шейхомъ Абди, отцомъ теперешняго шейха, но приношенія въ настоящее время уже не такъ часты и не такъ цѣнны, какъ бывало прежде.

Кромѣ частныхъ молитвъ, совершаемыхъ мюридами, когда они чувствуютъ потребность въ молитвѣ, они по пятницамъ собираются для общей молитвы въ особой молельнѣ, называемой „кярхана" (дѣловое мѣсто)—вмѣстѣ мужчины и женщины—что строго воспрещается кораномъ; но самое торжественное богослуженіе совершается въ присутствіи шейха, для чего разъ въ году онъ объѣзжаетъ всѣ селенія, въ которыхъ живутъ мюриды. Богослуженіе начинается краткою проповѣдью объ удовольствіяхъ, пріуготовленныхъ въ раю для вѣрныхъ мюридовъ и объ ужасахъ ада для невѣрныхъ. Затѣмъ слѣдуетъ публичное покаяніе въ грѣхахъ и противныхъ вѣрѣ дѣйствіяхъ. Каждый мюридъ, у котораго на совѣсти лежитъ грѣхъ, обязанъ каяться. Тѣхъ, которые на столько искренно религіозны, чтобы повѣдать другимъ, и при томъ публично, свои грѣхи, шейхъ обыкновенно вынуждаетъ къ этому, дѣйствуя устрашающе на воображеніе ихъ слѣдующими внушительными словами: „знаю кто изъ васъ не искренній мюридъ, вижу какъ въ аду мучаютъ его отца... вотъ, вотъ его бьютъ, вотъ въ него вонзаютъ раскаленные въ огнѣ кинжалы... и до тѣхъ поръ будутъ его мучить, пока сынъ (или дочь) его не раскается въ содѣянныхъ имъ грѣхахъ"... И мюриды спѣшатъ каяться, чтобы прекратить мученія отцовъ своихъ. Когда покаяніе окончено, приступаютъ къ пѣнію избранныхъ стихотвореній поэта Асгари—образчики которыхъ приводимъ ниже—подъ аккомпаниментъ музыкальныхъ инструментовъ. По мѣрѣ воодушевленія молящихся и по знаку шейха, всѣ—мужчины и женщины—образуютъ кругъ и приступаютъ къ религіозной пляскѣ: сначала мѣрное, въ тактъ музыки, покачиваніе тѣла, съ все болѣе и болѣе возрастающимъ темпомъ переходитъ въ прыганье, бѣшенную пляску и быстрое верченіе до полнаго физическаго изнеможенія. Во время пляски души молящихся мюридовъ сливаются съ душею шейха, а отъ него переходятъ къ сліянію съ самимъ Богомъ. По ритуалу богослуженія, шейхъ не принимаетъ участія въ пляскѣ, а стоитъ сосредоточенный, со сложенными на груди руками и глазами, опущенными долу: онъ занятъ поглощеніемъ въ себя душъ молящихся. Богослуженіе оканчивается глубокимъ поклономъ въ сторону шейха. Такое торжественное богослуженіе называется тарикатъ или дженнетъ (рай). Сунниты находятъ, что форма богослуженія, дѣйствуя на нервы и возбуждая чувственность, ведетъ къ разврату и разрушенію семейныхъ началъ, что она, кромѣ того, служитъ однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ къ увеличенію числа мюридовъ.

Такимъ образомъ, мало расходясь съ суннитами въ основныхъ положеніяхъ Омарова ученія, мюриды въ то же время существенно отступили отъ ученія корана; форма же богослуженія прямо противорѣчитъ смыслу тарикатa, чѣмъ и объясняется протестъ суннитскаго духовенства, считающаго, что мюриды не только вѣроотступники, но и развратители мусульманской женщины.

По корану женщины не должны выходить изъ дома съ открытыми лицами; онѣ не могутъ показываться мужчинамъ или находиться въ обществѣ ихъ, кромѣ какъ въ обществѣ отца, братьевъ и другихъ близкихъ родственниковъ (кор. сура XXIV, 31), онѣ лишены даже права посѣщать мечеть и молиться въ ней Богу [1]); онѣ и въ этомъ и въ томъ мірѣ обречены аду, такъ какъ весь рай Мухаммедъ отдалъ однимъ мужчинамъ. Несмотря, однако же, на такую обособленность, угнетенность и презрѣніе, нравы мусульманскихъ женщинъ далеко не отличаются чистотою, что подтверждается громаднымъ числомъ уголовныхъ дѣлъ съ романическою подкладкою. Тамъ же, гдѣ женщинамъ, вопреки запрещенію корана, предоставлена возможность не обособляться отъ мужчинъ, не зарываться въ безчисленныхъ складкахъ покрывала и принимать одинаковое съ мужчинами участіе въ богослуженіи, какъ у мюридовъ, тамъ о нравственной чистотѣ женщинъ не можетъ быть и рѣчи. Долго сдерживаемый потокъ, прорвавшись, течетъ съ неудержимою силою: строгая вѣковая обособленность женщинъ перешла у мюридовъ въ противоположную крайность. Если увѣренія суннитскаго духовенства о свальномъ грѣхѣ, которымъ будто бы оканчивается у мюридовъ дженнетъ, есть плодъ вымысла, за то фактъ, что у нихъ почти нѣтъ женщины, которая бы безраздѣльно принадлежала своему мужу, не подлежитъ сомнѣнію, что, впрочемъ, и не считается грѣхомъ. Контингентъ развращенныхъ баядерокъ—этихъ излюбленныхъ на востокѣ балеринъ, въ короткихъ юбкахъ съ подстриженными въ скобку волосами, рекрутируется большею частью изъ числа молодыхъ мюридокъ съ вѣдома отцовъ, братьевъ и мужей. Но не все мрачно въ нравахъ мюридовъ: на фонѣ ихъ бытовой жизни выдѣляется одна, весьма отрадная черта, рѣдкая въ мусульманскомъ мірѣ: нарушеніе личныхъ и имущественныхъ правъ въ какой бы то ни было формѣ имъ строго воспрещается. И мюриды глубоко чтятъ это запрещеніе, наложенное первымъ шейхомъ ихъ—Эюбомъ.

Считая суннитовъ—послѣдователей Омарова ученія—не только великими грѣшниками, но и нечистыми, мюриды избѣгаютъ, по возможности, сношеній съ ними и отказываются отъ слушанія религіозныхъ проповѣдей суннитскаго духовенства. Мюриды не ѣдятъ хлѣба, испеченнаго суннитами или мяса зарѣзанныхъ ими животныхъ.

Общее число мюридовъ въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ простирается до 8,000 душъ обоего пола, при чемъ на долю послѣдней губерніи приходится 1,313 душъ (710 м. и 603 ж.) и всѣ въ Арешскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ: Бичахчи, Сендларъ, Кахай, Кёръ-Архъ, Джува и Кархунъ и въ кочевьѣ Гапутлы. Всѣ за исключеніемъ гапутлинцевъ, ведутъ осѣдлый образъ жизни и занимаются хлѣбопашествомъ. Мѣстные жители называютъ ихъ тарякама, что означаетъ простые, полудикіе, каковы они въ дѣйствительности.

Приводимъ четыре молитвенныя пѣсни мюридовъ: двѣ—изъ сборника стихотвореній поэта Асгари, остальныя неизвѣстно кѣмъ сочиненныя [2]).

1.

О творецъ всѣхъ созданій,
Направь меня къ своему царству.
О кормящій всѣхъ живущихъ,

---

[1]) У шіитовъ женщины могутъ посѣщать мечеть, но должны находиться въ особыхъ отдѣленіяхъ, скрытыхъ отъ взоровъ мужчинъ.

[2]) Пѣсни эти на персидскомъ языкѣ были вручены мнѣ въ Нухѣ ученымъ богословомъ Кази-Мамедъ-Эфенди-Джамиль-Эфенди-Заде (предсѣдатель губернскаго меджлиса Омарова ученія) и съ помощью его же переведены на русскій языкъ.

Направь меня къ своему царству.
О создатель міра свѣтлаго,
Сдѣлавшій Ахмеда[1]) пророкомъ,
Превратившій огонь въ цвѣтникъ,
Направь меня къ своему царству.
Прошла осень, пришла весна,
Соловей къ розѣ обращается съ мольбой,
О любви говоритъ онъ ей.
Направь меня къ своему царству.
Опять настало время весны,
Вся земля покрылась дикимъ макомъ и цвѣтами.
Соловей все поетъ и поетъ.
Направь меня къ своему царству.
Протяни руку помощи Асгари,
Поведи его по пути къ себѣ
Для уборки розъ красоты твоей.
Направь меня къ своему царству.

2.

Открылось собраніе подобное Алести[2])
Въ немъ раздаются полныя чаши.
Пьющіе изъ нихъ отрезвиться не могутъ,
Какъ не могъ отрезвиться герой романа „Маджнунъ“[3]).
Кто чашу выпьетъ, тотъ навѣрно
Въ водѣ любви утонетъ,
Съ горя въ пустынѣ онъ забродитъ,
Какъ бродятъ бабочки ночныя.
И тѣ изъ влюбленныхъ сойдутся,
—Хотя послѣ долгихъ страданій—
Которые на конѣ своего разума
Проскачутъ поле любви молодецки...
Соловей сидитъ на вазѣ съ розой,
Онъ пѣніемъ весь міръ занимаетъ.
Роза сочувствуя ему,
Свое благоуханье посылаетъ.
Въ указаніяхъ не нуждается Асгари
На пути любви, его любви,
Стрѣлами рѣсницъ глазъ своихъ
Любовь его сердце пронзило.

3.

Въ рукахъ есть бѣлая тыква,
Въ средѣ[4]) сломалась чаша,
Свари-ка намъ яичницу
Да разъ кувырнись ради шейха.
Вѣрно—нѣтъ Бога кромѣ Бога
Шейхъ—нѣтъ Бога кромѣ Бога.

4.

Если Богъ не прольетъ на насъ благодати своей,
Если шейхъ не проявитъ своихъ святыхъ способностей,
Если поклонники шейха—мюриды не обнаружатъ своей
къ нему преданности,
То отъ насъ, негодныхъ, что можно ожидать?

[1]) Мухаммедъ, котораго на небѣ зовутъ Ахмедомъ.
[2]) По преданію, собраніе душъ, къ которымъ Богъ обратился со словами: „не я-ли создалъ васъ?“
[3]) Маджнунъ и Лейла—пер. поэта Низамеддина.
[4]) Въ собраніе мюридовъ.

5.

Поздравленіе шейха Абди съ новорожденнымъ сыномъ его Абдулъ-Гафуромъ.

Да сохранитъ тебя Богъ,
Отецъ Абдулъ-Гафура,
Да превратитъ тебя Богъ въ Ахмеда;
Отецъ Абдулъ-Гафура,
Будь ты всегда плодотворнымъ
Отцемъ Абдулъ-Гафура,
Пусть Богъ увеличитъ число мюридовъ
Отца Абдулъ-Гафура.

Очеркъ этнографіи Кавказскаго края [1]).

Кавказъ издревле славился разноплеменностью своего населенія. По извѣстному разсказу греческаго географа Страбона, въ гор. Діоскурію, въ нынѣшней Абхазіи, собирались для торга купцы семидесяти, по нѣкоторымъ же свѣдѣніямъ, трехсотъ различныхъ народовъ, изъ которыхъ ни одинъ не говорилъ на языкѣ своихъ сосѣдей, потому что каждый изъ нихъ, по гордости или дикости, воздерживался отъ сношеній съ чужеземцами. Плиній прибавляетъ къ этому извѣстію, что въ Діоскуріи торговыя сношенія велись чрезъ посредство 130 переводчиковъ. Въ одной Албаніи, занимавшей восточную часть Закавказья, Страбонъ насчитываетъ 26 отдѣльныхъ языковъ. Въ позднѣйшее время многоязычіе Кавказа обратило на себя вниманіе арабовъ. Географъ Аль-Азизи далъ ему названіе „горы языковъ“ *(джебаль альсуни)*, потому что населеніе этой страны говорило, будто бы, на 300 языкахъ.

Мнѣніе о необычайной разноплеменности кавказскаго населенія поддерживалось до конца прошедшаго столѣтія, когда Кавказъ былъ впервые посѣщенъ учеными академическими экспедиціями. Языки грузинскій и армянскій уже съ давнихъ временъ подвергались изслѣдованію и изученію католическими миссіонерами, водворявшимися съ цѣлью пропаганды въ различныхъ мѣстностяхъ Кавказскаго края. Но языки и нарѣчія горцевъ и особенно Дагестана были совершенно неизвѣстны въ то время, когда наша Академія наукъ впервые отправила на Кавказъ своихъ ученыхъ сочленовъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. Хотя главною задачею этихъ экспедицій было изученіе естественныхъ произведеній страны, но онѣ не остались безплодными и для познанія народностей Кавказа и ихъ языковъ и нарѣчій. Академики Гюльденштедтъ, Гмелинъ и Палласъ составили сборники словъ на кавказскихъ горскихъ языкахъ, указали, насколько было возможно, на сходство и несходство ихъ между собою и, такимъ образомъ, положили начало какъ лингвистическому изслѣдованію Кавказа, такъ и лингвистической классификаціи кавказскихъ народовъ. Въ настоящее время эти сборники словъ, записанныхъ по слуху и нѣмецкими буквами, не имѣютъ никакого научнаго значенія, какъ не удовлетворяющіе требованіямъ лингвистики. Но въ то время эта наука еще и не существовала. Тѣмъ не менѣе, несмотря на несовершенство способовъ изслѣдованія, несмотря на то, что звуки горскихъ языковъ, очень трудно уловимые для европейскаго уха, подвергались искаженіямъ при записываніи,—нѣкоторые изъ выводовъ и наблюденій, сдѣланныхъ учеными путешественниками, подтверждены новѣйшими изслѣдователями, имѣвшими въ своемъ распоряженіи всѣ тѣ могущественныя средства изслѣдованія, которыми располагаетъ нынѣ наука о языкѣ. Особенною проницательностью или, если можно такъ

[1]) Е. Вейденбаумъ. „Путеводитель по Кавказу“.

выразиться, какимъ-то лингвистическимъ чутьемъ обладалъ академикъ Антонъ Гюльденштедтъ (род. 1745 г., умеръ 1781 г.), сдѣлавшій первую попытку классификаціи горскихъ языковъ. Всѣ многочисленные языки Дагестана соединилъ въ 8 группъ, изъ которыхъ нѣкоторыя удержались и въ современной лингвистической классификаціи Кавказа, послѣ тщательныхъ и вполнѣ научныхъ изслѣдованій барона П. К. Услара. Такимъ образомъ, Гюльденштедтъ первый способствовалъ разсѣянію того тумана, который такъ долго застилалъ „гору языковъ“. Въ началѣ настоящаго столѣтія кавказскими языками занимался извѣстный оріенталистъ Юлій Клапротъ, доказавшій вѣрность предположенія акад. Палласа о принадлежности осетинскаго языка къ арійскому или, какъ тогда называли, индо-европейскому семейству языковъ. Менѣе счастливъ былъ Клапротъ въ опредѣленіи мѣста, принадлежащаго въ лингвистической классификаціи языкамъ дагестанскимъ (лезгинскимъ) и чеченскому. Онъ считалъ возможнымъ сблизить ихъ съ языками Сѣверной Азіи, особенно съ самоѣдскимъ и вогульскимъ, но современныя точныя изслѣдованія не подтвердили этихъ сближеній.

Исторія вполнѣ научнаго лингвистическаго изученія Кавказа начинается только съ сороковыхъ годовъ, т. е. со времени посѣщенія края акад. Шегреномъ, занимавшимся изслѣдованіемъ осетинскаго языка. Начало изслѣдованію языковъ Дагестана положилъ акад. Шифнеръ, давшій своими опытами о языкахъ тушинъ, аварцевъ и удиновъ ключъ къ уразумѣнію строенія восточно-горскихъ языковъ. Но истиннымъ Колумбомъ въ области кавказской лингвистики былъ баронъ Петръ Карловичъ Усларъ (род. 1816 г., ум. 1875 г.). Онъ открылъ для науки невѣдомый дотолѣ міръ языковъ, не имѣющихъ себѣ родичей нигдѣ на земномъ шарѣ и сохранившихся въ ущельяхъ Кавказа какъ послѣдніе представители иной, давно минувшей эпохи. Дѣятельность Услара на поприщѣ лингвистики началась въ 1861 г. и продолжалась безпрерывно до 1875 г. Въ этотъ 14-лѣтній періодъ времени онъ далъ образцовыя изслѣдованія языковъ абхазскаго, чеченскаго, аварскаго, лакскаго, хюркилинскаго, кюринскаго и табасаранскаго. Этими трудами, изумительными по точности изслѣдованія и совершенству метода, Усларъ разрушилъ окончательно вѣковую иллюзію о „горѣ языковъ“ и доказалъ, что Кавказъ далеко не такъ многоязыченъ, какъ полагали прежде.

По физическому типу народы Кавказа принадлежатъ къ двумъ расамъ: **средиземной** (по старой классификаціи Блуменбаха—кавказской) и **монгольской**.

Представители первой населяютъ сплошь оба склона Кавказскаго хребта и западную половину Закавказья. Народы монгольской расы окаймляютъ подошву Б. Кавказа, занимая преимущественно равнины и возвышенныя плоскости. Въ ущелья Главнаго хребта углубляются они только въ верховьяхъ Кубани и нѣкоторыхъ лѣвыхъ притоковъ Терека. Главная же масса ихъ сосредоточена на прибрежьѣ Каспійскаго моря, въ восточной половинѣ Закавказья и на Армянской плоской возвышенности, гдѣ они живутъ смѣшано съ племенами средиземной расы. Такое распредѣленіе обѣихъ расъ указываетъ на ихъ культурныя отношенія: монгольскія племена явились на Кавказскомъ перешейкѣ какъ кочевники и, потѣснивъ въ ущелья коренныхъ земледѣльческихъ обитателей края, расположились на мѣстахъ, удобныхъ для скотоводства.

Антропологическія изслѣдованія только что начаты на Кавказѣ и потому нѣтъ еще достаточнаго количества данныхъ для подраздѣленія кавказскихъ представителей средиземной расы на нѣсколько типовъ, хотя всякому привычному глазу невольно бросается въ глаза разница, иногда довольно значительная, въ физическихъ признакахъ нѣкоторыхъ племенъ. Заслуживаетъ вниманія и дальнѣйшаго изслѣдованія указаніе на то, что всѣ черепа, найденные до сихъ поръ въ древнѣйшихъ могильникахъ на Кавказѣ (въ Кобанѣ, Мцхетѣ и Делижанѣ), рѣзкимъ образомъ отличаются формою отъ череповъ современныхъ обитателей Кавказскаго края. Первые принадлежатъ къ такъ-называемымъ длиннымъ черепамъ, проявляя въ большей или меньшей степени типическіе признаки этой формы. Напротивъ, всѣ нынѣшніе туземные народы Кавказа и прилежащихъ къ нему странъ относятся, по формѣ черепа, насколько теперь можно судить по немногочисленнымъ измѣреніямъ, къ типу короткоголовыхъ (брахикефаловъ); такъ что ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться прямымъ потомкомъ того доисторическаго населенія, которое оставило слѣды своего существованія въ названныхъ выше могильникахъ. Если дальнѣйшія, болѣе многочисленныя, изслѣдованія и измѣренія подтвердятъ окончательно это различіе въ формѣ череповъ, то необходимо будетъ заключить, что древніе могильники существовали до появленія на Кавказѣ племенъ, нынѣ его населяющихъ.

Въ лингвистическомъ отношеніи обитатели Кавказскаго края распадаются на нѣсколько группъ. Языки народовъ монгольской расы (ногайцевъ, кумыковъ, туркменъ, татаръ, турокъ и калмыковъ) принадлежатъ къ такъ-называемому урало-алтайскому семейству языковъ. Арійское семейство имѣетъ на Кавказѣ своихъ представителей въ языкахъ осетинскомъ, армянскомъ, курдскомъ и различныхъ персидскихъ нарѣчіяхъ (татскомъ и талышинскомъ). Языки грузинскій, лазскій, мингрельскій и сванетскій, составляющіе такъ-называемую *картвельскую* или *иверскую группу*, а также и языки кавказскихъ горцевъ не имѣютъ нигдѣ родичей внѣ Кавказа и стоятъ особнякомъ въ лингвистической классификаціи подъ названіемъ *собственно кавказскихъ языковъ*. Соединеніе въ одну группу языковъ грузинскаго, лазскаго, мингрельскаго и сванетскаго указываетъ на существующее между ними родство, но степень этой генетической связи еще не установлена. Что касается до горскихъ языковъ, то ихъ соединяютъ въ двѣ группы: *западно-горскую* (языки абхазскій, убыхскій и черкесскій) и *восточно-горскую*, обнимающую собою языки народовъ Дагестана, извѣстныхъ у насъ подъ общимъ именемъ лезгинъ, языки тушинскій и чеченскій. Родство абхазскаго и черкесскаго языковъ между собою еще не доказано съ достаточной ясностью и потому нѣкоторые лингвисты (Л. П. Загурскій) считаютъ преждевременнымъ установленіе общей западно-горской группы, сдѣланное Усларомъ и принятое Фридрихомъ Мюллеромъ. Равнымъ образомъ не имѣется до сихъ поръ достаточныхъ основаній для сближенія или генетической связи между названными выше тремя группами собственно кавказскихъ языковъ.

Этнографическая номенклатура Кавказа представляетъ до сихъ поръ величайшую путаницу и способствуетъ поддержанію стараго предразсудка о необычайномъ числѣ кавказскихъ народовъ. Въ дѣйствительности же на Кавказѣ только множество народныхъ названій, которыя вводятъ въ заблужденіе лицъ, незнакомыхъ близко съ составомъ населенія этой страны. Вообще народы рѣдко извѣстны своимъ сосѣдямъ подъ тѣмъ именемъ, которое они сами себѣ даютъ. На Кавказѣ это можно считать общимъ правиломъ. При разноплеменности здѣшняго населенія и разобщенности его, каждый народъ носитъ, сверхъ собственнаго, по меньшей мѣрѣ еще столько же названій, сколько имѣетъ разноязычныхъ сосѣдей. Происхожденіе всѣхъ этихъ названій весьма различно и не всегда поддается объясненію. Очень распространены названія бранныя, шуточныя, презрительныя, данныя съ цѣлью унизить или поддразнить своихъ сосѣдей. Аварцы Дагестана получили это имя отъ кумыковъ, на языкѣ которыхъ *аваръ* или *ауаръ* значитъ сварливый, бродяга, безпокойный. Жители Дидойской котловины въ Дагестанѣ именуются у кахетинскихъ грузинъ *цунта*, т. е. оборванцы. Множество названій заимствовано отъ характера мѣстности, въ которой живетъ народъ. Горцы сѣвернаго Дагестана извѣстны были у насъ подъ кумыкскимъ названіемъ *таули* (тавлинцевъ), означающемъ въ переводѣ: горцы (*тау*= гора). Грузины, живущіе въ верховьяхъ Арагвы, называ-

ются у своихъ сосѣдей грузинъ, обитателей долины *мтіулами*, т. е. горцами, отъ грузинскаго *мта*=гора. Названіе *хевсуровъ*, храбраго грузинскаго общества въ центральной части Б. Кавказа, происходитъ отъ грузинскаго слова *хеви*=ущелье, откуда *хевсури*=житель ущелья. Такое же значеніе имѣетъ въ грузинскомъ языкѣ названіе *мохеви*, которое дается грузинамъ, обитающимъ по верхнему теченію Терека. Различіе религій даетъ также поводъ къ возникновенію названій. Солдаты наши соединяютъ подъ именемъ татаръ всѣхъ кавказскихъ мусульманъ, несмотря на различіе расъ и языковъ. Неправильное названіе это господствовало долгое время и въ официальной перепискѣ. Въ предѣлахъ Закатальскаго округа живутъ грузины-мусульмане, называемые у мѣстныхъ татаръ *енгилой*. Многіе не подозрѣваютъ ихъ грузинскаго происхожденія и считаютъ особымъ народомъ, а между тѣмъ названіе ихъ значитъ, въ переводѣ съ татарскаго, *новообращенные* и дано имъ послѣ того, какъ они приняли исламъ.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы показать, какимъ путемъ, при отсутствіи ближайшаго знакомства съ населеніемъ и его языками, могло возникнуть преувеличенное представленіе о необычайной этнографической пестротѣ Кавказа. Множество названій, означающихъ одинъ и тотъ же народъ на разныхъ языкахъ, или части этого народа или, наконецъ, родовыя его подраздѣленія, принимались и принимаются за имена отдѣльныхъ народовъ и племенъ. Въ старинныхъ русскихъ дипломатическихъ актахъ, относящихся къ 16—17 столѣтіямъ, упоминается въ горахъ по Тереку народъ *мичкизы*. Впослѣдствіи, когда русскія войска побывали за Терекомъ, появились названія *чеченцевъ* и *кистовъ*, наконецъ, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ горцами восточной половины сѣвернаго склона Кавказскаго хребта, мы узнали о существованіи *галгаевъ*, *глигвовъ*, *ингушей*, *карабулаковъ*, *назрановцевъ*, *ичкеринцевъ*, *ауховцевъ* и многаго множества другихъ народовъ. Послѣ лингвистическихъ изслѣдованій оказалось, что всѣ они составляютъ одно племя или народъ, который самъ себя называетъ *нахчій*, у насъ же извѣстенъ теперь подъ именемъ чеченцевъ. Всѣ же приведенныя выше названія означаютъ или родовыя подраздѣленія этого народа, или заимствованы нами отъ названій селеній (напр. назрановцы и чеченцы) и мѣстностей (ауховцы, ичкеринцы), или же, наконецъ, взяты у сосѣднихъ народовъ. Такъ, *мичкызъ* нашихъ актовъ есть искаженное названіе *мичикючь*, подъ которымъ чеченцы извѣстны у кумыковъ; *кисты* или *кистины* грузинское названіе того же народа; *карабулаки* татарское названіе части плоскостныхъ чеченцевъ; *глигвы*—грузинское имя для горныхъ чеченцевъ и т. д.

Въ виду такого накопленія названій, подающаго поводъ къ недоумѣніямъ и представляющаго въ ложномъ свѣтѣ этнографическую картину Кавказа, было бы правильнѣе придерживаться только тѣхъ именъ, которыя даетъ самъ себѣ каждый народъ. Но долговременное употребленіе такъ укоренило нѣкоторыя названія, что рѣдко кто знаетъ народы *нахчій*, *адиге*, *картвелы* и т. д., тогда какъ они извѣстны всѣмъ подъ неправильными именами чеченцевъ, черкесовъ, грузинъ и т. д. Вслѣдствіе этого, въ изложенномъ ниже обзорѣ этническаго состава населенія Кавказскаго края, сохранены общеупотребительныя названія, но вмѣстѣ съ тѣмъ указаны и тѣ, которыя каждый народъ даетъ самъ себѣ.

Русскіе занимаютъ сплошь болѣе или менѣе значительныя пространства только на Сѣверномъ Кавказѣ и именно въ губерніи Ставропольской, областяхъ Терской и Кубанской и въ Черноморскомъ округѣ. Въ закавказскихъ провинціяхъ немногочисленныя русскія села разбросаны среди инородческаго населенія. Основаніе перваго русскаго поселенія относятъ обыкновенно къ 1568 г., когда, по приказанію царя Ивана Грознаго, воеводы его князь Андрей Бабичевъ и Петръ Протасьевъ поставили при устьѣ р. Тюмени, одного изъ рукавовъ Терека, городъ или крѣпость Терки для защиты черкесскаго князя Темрюка отъ притѣсненій шамхала тарковскаго. Это первое, исторически извѣстное, русское поселеніе у подошвы Кавказа, которое не исключаетъ возможности и вѣроятности болѣе ранняго водворенія вольныхъ русскихъ людей въ этихъ отдаленныхъ и неизвѣстныхъ въ то время странахъ. Съ тѣхъ поръ русское пришлое населеніе занимало постепенно привольныя мѣста, лежащія при сѣверной подошвѣ Кавказа. Заселеніе происходило отчасти добровольно или самовольно, отчасти по распоряженіямъ правительства и частныхъ лицъ, переводившихъ своихъ крѣпостныхъ людей на пожалованныя свободныя земли.

Ходъ русской колонизаціи Кавказа изложенъ въ особой главѣ, здѣсь же необходимо сказать нѣсколько словъ о тѣхъ элементахъ, которые вошли въ составъ кавказскаго русскаго населенія. За исключеніемъ сибирскихъ и, можетъ быть, самыхъ сѣверныхъ и западныхъ губерній Европейской Россіи, всѣ остальныя содѣйствовали болѣе или менѣе колонизаціи Предкавказья. Наибольшее число поселенцевъ дали губерніи средней и южной полосы, но точныхъ свѣдѣній о количествѣ людей, данныхъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, къ сожалѣнію, не имѣется. Во всякомъ случаѣ русское населеніе Предкавказья представляетъ, въ этнографическомъ смыслѣ, значительную пестроту, которая не успѣла еще всюду изгладиться. Наибольшимъ единствомъ отличается казачье населеніе бывшей Черноморіи, входящей нынѣ въ составъ земель кубанскаго войска. Черноморцы, какъ извѣстно, происходятъ отъ запорожцевъ, среди которыхъ малороссійскій элементъ игралъ преобладающую роль. Языкъ, нравы и обычаи своего племени сохранили они и до сихъ поръ. Въ бывшемъ линейномъ казачьемъ войскѣ успѣлъ сложиться, мѣстами, своеобразный этнографическій типъ. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе населеніе станицъ Кизляро-Гребенскаго полка, самаго древняго по времени населенія на Кавказѣ. Здѣсь, вслѣдствіе смѣшенія съ горцами и подъ вліяніемъ условій жизни и быта, выработался изъ русскаго населенія особый физическій типъ, своеобразные нравы и обычаи. Типъ этотъ не поддается описанію, вслѣдствіе отсутствія антропологическихъ измѣреній, но особенности его рѣзко бросаются въ глаза каждому наблюдателю при сравненіи, напр., казаковъ червленскихъ съ казаками сосѣднихъ, но болѣе молодыхъ, станицъ. Червленскія женщины, славящіяся красотою и бойкостью, имѣютъ въ своемъ складѣ несомнѣнныя горскія черты.

Русское сельское населеніе Закавказья состоитъ почти исключительно изъ сектантовъ (молоканъ, духоборовъ и др.), или высланныхъ изъ внутреннихъ губерній по распоряженію правительства, или переселившихся добровольно въ половинѣ сороковыхъ годовъ. Они водворены въ губерніяхъ Тифлисской, Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской. Несмотря на неблагопріятныя въ почвенномъ и климатическомъ отношеніяхъ мѣста, отведенныя для поселенія нѣкоторымъ изъ этихъ сектантовъ, всѣ они достигли значительнаго матеріальнаго благосостоянія и дали большой приростъ. Главное занятіе ихъ извозный промыселъ. Съ присоединеніемъ къ Россіи Карсской области, часть закавказскихъ сектантовъ перешла въ нее и образовала нѣсколько селеній. Тамъ-же водворились и продолжаютъ водворяться русскіе выходцы изъ внутреннихъ губерній. Незначительные русскіе поселки находятся также въ Черноморскомъ и Сухумскомъ округахъ. Сверхъ того, русскіе составляютъ болѣе или менѣе значительную часть населенія во всѣхъ почти городахъ Кавказскаго края, а также въ слободкахъ и штабъ-квартирахъ, при которыхъ водворялись отставные солдаты.

Осетины живутъ на Владикавказской плоскости и по обѣимъ склонамъ Главнаго хребта: въ ущельяхъ Терека и его притоковъ Ардона, Фіагдона, Гизельдона и Уруха на сѣверномъ склонѣ, и Ліахвы, Ксана и Арагвы на южномъ склонѣ. Владикавказская плоскость занята

ими только въ недавнее время, уже послѣ водворенія русской власти на Сѣверномъ Кавказѣ. Все осетинское населеніе дѣлится на нѣсколько обществъ: ущелья Уруха и его притоковъ заняты *дигорцами*, ущелье Ардона—*алагирцами*, по ущельямъ Саудона и Фіагдона живутъ *куртатинцы*, по Гизельдону, его притокамъ и по лѣвой сторонѣ ущелья Терека—*тагаурцы*. Южные или закавказскіе осетины извѣстны у сѣверныхъ подъ именемъ *туальта*. Осетинскій языкъ принадлежитъ къ иранской вѣтви арійскаго семейства языковъ. Ближайшіе родственники его—языки персидскій, курдскій и авганскій. Онъ распадается на три нарѣчія: *ирское* или *тагаурское*, на которомъ говорятъ общества тагаурское, алагирское и куртатинское; *дигорское*—у обитателей ущелья р. Уруха (Ирафа) и *туальтское*—на южномъ склонѣ Главнаго хребта, представляющее собою въ сущности только говоръ или поднарѣчіе иронскаго. Соотвѣтственно этому осетины называютъ себя: одни *дигорцами*, другіе *иронами* или *ирь*, третьи—*туальтцами*. Общаго имени они не имѣютъ. У грузинъ осетины называются *осси*, страна ихъ *Осети*, откуда наши *Осетія* и *осетины*. Въ русскихъ лѣтописяхъ они часто упоминаются подъ именемъ *ясовъ*, а у средневѣковыхъ путешественниковъ западной Европы—*лановъ* или *асовъ*.

Названія урочищъ и нѣкоторыя историческія указанія удостовѣряютъ, что еще въ средніе вѣка осетины занимали предкавказскія степи до р. Дона, названіе котораго означаетъ въ осетинскомъ языкѣ рѣку или воду, но были отодвинуты съ плоскости въ горы болѣе сильными кабардинцами. Эти послѣдніе считали осетинъ своими подвластными и передали имъ многія особенности своего общественнаго устройства. Время перехода части осетинъ на южную сторону Главнаго хребта неизвѣстно. Здѣсь они находились въ зависимости отъ грузинскихъ князей, которая въ послѣдствіи превратилась въ крѣпостное состояніе. Оффиціально осетины считаются христіанами и мусульманами, но въ дѣйствительности въ вѣрованіяхъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ, значительнѣйшую часть составляютъ чисто языческія представленія. Христіанство распространено преимущественно на плоскости и у туальцевъ; дигорцы и тагаурцы придерживаются ученія Магомета.

Изъ всѣхъ народовъ принадлежащихъ по языку къ иранской вѣтви, осетины проникли всего далѣе на сѣверо-западъ отъ главнаго мѣстожительства иранскихъ народовъ, но, къ сожалѣнію, древняя исторія ихъ до настоящаго времени неизвѣстна и только отъ будущихъ изслѣдователей можно ожидать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ: когда и какимъ путемъ народъ этотъ, отдѣлившись отъ своихъ родичей, пришелъ на Кавказъ и поселился среди племенъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго по языку. Въ послѣдніе годы осетины обратили на себя особенное вниманіе лингвистовъ и этнографовъ. Языкъ ихъ достаточно изслѣдованъ акад. Шегреномъ и проф. В. Ф. Миллеромъ. Собрано значительное число замѣчательныхъ, такъ называемыхъ *нартовскихъ* сказаній, изображающихъ дѣянія осетинскихъ *нартовъ* (богатырей). Общественный строй и обычное право осетинъ изслѣдованы проф. М. М. Ковалевскимъ въ связи съ правомъ другихъ арійскихъ народовъ.

Талышинцы и **Таты** обитаютъ въ восточной части Закавказья и по прибрежью Каспійскаго моря. Первые занимаютъ Ленкоранскій уѣздъ, такъ называемый Талышъ, вторые составляютъ почти сплошное населеніе въ Бакинскомъ, сѣверной части Шемахинскаго и южной части Кубинскаго уѣздовъ. Отдѣльныя поселенія ихъ доходятъ до Дербента. Языкъ татовъ есть нарѣчіе новоперсидскаго. Талышинскій также близокъ къ этому послѣднему и, быть можетъ, составляетъ только его нарѣчіе. Татскимъ же языкомъ говорятъ и евреи Дагестана и Бакинской губерніи. Талышинцы и таты исповѣдуютъ мусульманство шіитскаго толка. Названіе *татъ*, какъ кажется, не есть этническое, т. е. не означаетъ извѣстнаго народа, а опредѣляетъ только образъ жизни и соціальное положеніе. На джагатайскомъ нарѣчіи тюркскаго языка это слово имѣетъ значеніе подданнаго, живущаго или служащаго у вельможи. Тюркскія племена, гордившіяся своимъ кочевымъ бытомъ, давали названіе татовъ всѣмъ порабощеннымъ ими народамъ, ведшимъ осѣдлый образъ жизни. Извѣстно, что такъ называемые береговые крымскіе татары рѣзко отличаются по физическому типу и образу жизни отъ степныхъ татаръ сѣверной части Крыма. Они принадлежатъ несомнѣнно къ средиземной расѣ и, по всей вѣроятности, представляютъ собою остатки бывшаго осѣдлаго населенія южнаго берега (грековъ, готовъ, итальянцевъ и т. д.), принявшаго мусульманство и тюркскій языкъ подъ давленіемъ завоевателей. Хотя у насъ они, какъ мусульмане, называются татарами, но сами татары даютъ имъ презрительное названіе татовъ. Таково же, надо полагать, происхожденіе имени татъ, даннаго тюркскими племенами осѣдлому иранскому населенію восточнаго Закавказья.

Курды называются иногда, особенно въ оффиціальной перепискѣ, *куртинами*. Главная масса кавказскихъ курдовъ живетъ въ пограничныхъ съ Персіей и Турціей уѣздахъ Елисаветпольской и Эриванской губ. и Карсской области. Отдѣльныя кочевья встрѣчаются около озера Гокча, гор. Ардагана и въ Батумскомъ округѣ при устьѣ Чороха. Курды извѣстны съ древнѣйшихъ временъ, какъ обитатели Мидіи, нынѣшняго Курдистана. Оттуда распространились они по древней Великой Арменіи, вытѣснивъ изъ нѣкоторыхъ частей ея армянское населеніе. Занимаются преимущественно скотоводствомъ и только незначительная часть перешла къ земледѣлію. Отличаются мужествомъ и храбростью, но склонны къ разбоямъ и грабежамъ и потому представляютъ собою очень безпокойное пограничное населеніе. Раздѣляются на множество отдѣльныхъ родовъ, ведущихъ постоянно междуусобныя распри. Курдскій языкъ, принадлежащій къ иранскимъ, распадается на нарѣчія *курманджи* и *заза*. Большинство закавказскихъ курдовъ принадлежитъ къ мусульманамъ-суннитамъ, а незначительная часть, называемая *езидами*, причисляетъ себя къ особой сектѣ. Правовѣрные мусульмане относятся къ этимъ сектантамъ съ большимъ отвращеніемъ и даютъ имъ презрительныя названія *чертопоклонниковъ чирахъ-сондеранъ*, т. е. гасителей свѣтильниковъ. Сущность религіозныхъ вѣрованій езидовъ до сихъ поръ не изслѣдована съ достаточной ясностью. Извѣстно, что всѣ езиды, какъ русскіе, такъ и турецкіе, имѣютъ свѣтскаго и духовнаго начальниковъ и наслѣдственныхъ жрецовъ, раздѣляющихся на четыре степени. Признаютъ бытіе высшаго существа и не произносятъ хулы противъ шейтана (сатаны), считая его падшимъ ангеломъ, который рано или поздно пріобрѣтетъ прежнюю милость и вновь займетъ первое мѣсто у высшаго существа. Вслѣдствіе этого езиды избѣгаютъ произносить имя шейтана и замѣняютъ его словами *инсанъ* (человѣкъ) и *рахманъ* (всемилостивый). Величавшимъ пророкомъ езиды признаютъ нѣкоего шейха Ади, могила котораго находится при сел. Баадри или Байзра близъ Моссула въ Месопотаміи. Здѣсь совершаются главныя религіозныя церемоніи, въ которыхъ первую роль играетъ такъ называемый *мелекъ-таузъ*, т. е. князь-павлинъ,—мѣдное изображеніе павлина или птицы на мѣдной же подставкѣ, имѣющей видъ подсвѣчника. По объясненію езидовъ, мелекъ-таузъ не есть изображеніе божества, а символъ или знакъ свѣтскаго главы секты, по словамъ же мусульманъ это есть изображеніе шейтана. Всѣ религіозныя церемоніи совершаются предъ мелекъ-таузомъ. Езиды неохотно посвящаютъ иноземцевъ въ свои вѣрованія и обряды. Мусульмане, въ своемъ презрѣніи къ нимъ, утверждаютъ, что во время религіозныхъ церемоній езиды тушатъ огни и предаются чудовищнымъ оргіямъ. Отсюда и прозвище чирахъ-сондеранъ. Насколько нынѣ извѣстно, въ вѣрованіяхъ езидовъ можно усмотрѣть слѣды сабеизма, христіанства, гностицизма, манихеизма и магометанства. Езиды, обитающіе въ предѣлахъ Закавказья, ведутъ по-

луосѣдлый образъ жизни, занимаются земледѣліемъ и не такъ склонны къ разбоямъ, какъ кочевые курды-мусульмане.

Армяне называютъ себя *гайями* или *гайканами*, по имени своего миѳическаго родоначльника Гайка. Грузины именуютъ ихъ *сомехи*. Русское названіе заимствовано съ запада; оно употреблялось греческими писателями еще со временъ Гекатея и Геродота. Иногда армянскіе писатели называютъ свой народъ *таргомосіанами*, въ предположеніи, что миѳическій Гайкъ былъ потомкомъ библейскаго Торгомы или Ѳогармы, внука Іафета.

Въ предѣлахъ Кавказскаго края главная масса армянъ находится въ Эриванской губ., гдѣ они составляютъ немного болѣе половины (52%) всего населенія. Армяне земледѣльцы живутъ и въ другихъ губерніяхъ восточнаго Закавказья и въ Карсской области, а ремесленники и преимущественно торговцы разсѣяны по всѣмъ городамъ и многимъ селеніямъ Кавказскаго края. Не всѣ кавказскіе армяне принадлежатъ къ кореннымъ жителямъ края. Со времени водворенія русской власти на Кавказскомъ перешейкѣ, подъ защиту ея нѣсколько разъ переселялись армяне персидскіе и турецкіе. Въ 1828 г., послѣ окончанія войны съ Персіей, перешло въ наши предѣлы изъ Адербейджана и водворилось въ тогдашней Армянской области (нынѣ Эриванская губ.) около 40,000 армянъ.

Сосредоточивая въ своихъ рукахъ капиталы, городскіе армяне монополизируютъ въ свою пользу всю торговлю и промышленность края и держатъ въ экономической зависимости земледѣльческое населеніе. Но сила и значеніе, которыми они пользуются повсюду въ передней Азіи, основываются не на одной только торговлѣ, а еще и на склонности ихъ къ образованію. Между городскими армянами рѣдко можно встрѣтить неграмотныхъ. Армяне имѣютъ свою національную церковь, глава которой патріархъ или католикосъ пребываетъ въ Эчміадзинѣ. Религіозное единство замѣнило для нихъ ту связь, которую они утратили съ потерею политической самостоятельности и разсѣяніемъ народа. Вслѣдствіе этого, армянинъ, отказавшись отъ своей церкви, отказывается вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ своей національности.

Армянскій языкъ принадлежитъ къ арійскимъ, но мѣсто его въ этомъ семействѣ еще не опредѣлено окончательно. Лингвисты относили его прежде къ иранской вѣтви, но новѣйшія изслѣдованія опровергаютъ это мнѣніе и даютъ основаніе считать его единственнымъ въ настоящее время представителемъ самостоятельной, нынѣ уже исчезнувшей, вѣтви арійскихъ языковъ, занимавшей среднее мѣсто между группами иранской и славо-литовской. Армянскій языкъ распадается на нѣсколько (до 12) діалектовъ. Одинъ изъ нихъ, такъ называемый *араратскій*, сдѣлался съ четвертаго вѣка литературнымъ языкомъ Арменіи.

Вопросъ объ отдаленномъ прошломъ армянскаго народа возникъ въ научной формѣ только въ послѣдніе годы, съ первыми попытками чтенія клинообразныхъ надписей такъ называемой *ванской системы*, найденныхъ въ предѣлахъ древней Арменіи. Названіе это дано имъ вслѣдствіе того, что первыя надписи подобнаго рода были скопированы въ гор. Ванѣ проф. Шульцомъ въ 1827 г. Впослѣдствіи онѣ открыты въ Эриванской губерніи. Судя по сдѣланнымъ до сихъ поръ попыткамъ чтенія этихъ надписей можно ожидать, что окончательная дешифровка ихъ прольетъ совершенно новый свѣтъ на исторію и этнографію южнаго Закавказья и передней Азіи.

Грузины. Народы, принадлежащіе, къ *иверской* или *картвельской группѣ*, занимаютъ въ предѣлахъ Кавказскаго края почти сплошь довольно обширную территорію, въ составъ которой входятъ бассейны Чороха, Ріона и Ингура, верхняго теченія Куры до впаденія въ нее Алгетки, бассейны Іоры и Алазани до ихъ сліянія.

Въ картвельской группѣ различаютъ четыре языка: сванетскій, лазскій, мингрельскій и грузинскій. Большинство лингвистовъ признаетъ ихъ родственными между собою, но степень этого родства еще не опредѣлена. Вся группа стоитъ особнякомъ въ лингвистической системѣ и попытки отыскать ей родичей оказались безуспѣшными.

Сваны. *Сванетскимъ языкомъ* говоритъ небольшое горное племя, обитающее въ верхнихъ продольныхъ долинахъ рр. Ингура и Цхенисъ-цкали. Оно извѣстно было еще классическимъ писателямъ подъ именемъ *свановъ* или *суановъ*. Названіе сванеты заимствовано нами отъ грузинскаго *Сванэти*, т. е. страна свановъ. Жители верхней долины Цхенисъ-цкали подчинялись владѣтелямъ Мингреліи, почему и назывались дадіановскими сванетами. Долина верхняго теченія Ингура дѣлилась на двѣ части: западная признавала надъ собою власть князей Дадишкиліани и называлась княжескою Сванетіей, восточная—состояла изъ самостоятельныхъ обществъ и потому именовалась вольной Сванетіей. Судя по значительному числу христіанскихъ памятниковъ въ Сванетіи, надо думать, что населеніе ея исповѣдывало прежде христіанство. Въ настоящее время о немъ остались только одни воспоминанія въ нѣкоторыхъ обрядахъ, получившихъ вполнѣ языческую окраску. Языкъ сванетскій очень мало изслѣдованъ. Онъ не имѣетъ своего алфавита.

Лазы. Представители *лазскаго языка* живутъ въ предѣлахъ Закавказья только въ незначительномъ числѣ по лѣвому берегу нижняго теченія Чороха и къ западу отъ его устья. Главная масса лазовъ обитаетъ въ Турціи, въ такъ называемомъ Лазистанѣ.

Мингрельцы. Территорія *мингрельскаго языка* не имѣетъ рѣзко очерченныхъ границъ. Въ общихъ чертахъ она можетъ быть обозначена на востокѣ теченіемъ Цхенисъ-цкали, на югѣ Ріономъ, на западѣ Чернымъ моремъ и на сѣверѣ незначительною рѣчкою Охурей или Охури, впадающею въ море сѣвернѣе Ингура. Мѣстные жители признаютъ, впрочемъ, границею съ этой стороны р. Гализгу, до которой простиралось владѣніе Самурзакань. По восточной и южной окраинамъ своей территоріи мингрельскій языкъ соприкасается съ грузинскимъ, а по сѣверной съ абхазскимъ языкомъ. Въ политическомъ отношеніи мингрельцы подчинялись туземнымъ владѣтелямъ, носившимъ титулъ дадіановъ. Часть мингрельской территоріи между Ингуромъ и Гализгою составляла постоянный предметъ раздоровъ между дадіанами и владѣтелями Абхазіи. Она называется Самурзакань, т. е. владѣніе Мурзакана, который, по народному преданію, былъ членомъ абхазскаго дома Шервашидзе и отвоевалъ эту страну у дадіановъ. Мингрельцы находились издавна подъ культурнымъ вліяніемъ Грузіи. Географическія названія показываютъ, что грузинскій языкъ вытѣснилъ во многихъ мѣстахъ мингрельскій. Такъ какъ этотъ послѣдній не имѣетъ письменности, то богослуженіе отправляется въ Мингреліи на грузинскомъ языкѣ. Онъ не служитъ и для письменныхъ сношеній мингрельцевъ, хотя иногда употребляется только одинъ грузинскій алфавитъ, переписка же ведется по мингрельски.

Вся остальная и притомъ значительнѣйшая часть территоріи, занятой картвельскими народами, принадлежитъ *грузинскому языку*, который на прибрежьѣ Чернаго моря, въ Гуріи, врѣзывается клиномъ между языками лазскимъ и мингрельскимъ. Область распространенія его не имѣетъ явственныхъ очертаній, но во всякомъ случаѣ она теперь значительно меньше, чѣмъ была прежде, до водворенія въ краѣ тюркскихъ племенъ, вытѣснившихъ или поглотившихъ во многихъ мѣстностяхъ грузинское населеніе. Не болѣе двухъ столѣтій тому назадъ грузинскій языкъ господствовалъ во всемъ бассейнѣ Чороха и по верхнему теченію Куры, т. е. въ округѣ Ардаганскомъ, уѣздахъ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ. Принявъ мусульманство, коренное населеніе этихъ мѣстностей забыло постепенно родной языкъ и замѣнило его турецкимъ. Только въ округѣ Батумскомъ сохранился еще грузинскій языкъ у жителей Аджаріи, хотя и тамъ мужчины умѣютъ говорить по турецки. Остатки грузинской рѣчи сохранились также отчасти въ Закатальскомъ округѣ у такъ-называемыхъ енгилойцевъ.

Грузины называютъ себя *картвелами* или *картли*, страну свою *Сакартвело*. У классическихъ писателей Грузія именуется *Иберіей* или *Иверіей*. Въ западной Европѣ общеупотребительно нынѣ названіе *Георгія*, происхожденіе котораго до сихъ поръ не выяснено. Наши названія *Грузія*, *грузины* происходятъ, вѣроятно, отъ тюркскаго *гюрджи*, значеніе котораго неизвѣстно. Грузинъ раздѣляютъ часто на множество отраслей или племенъ: собственно грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ, аджарцевъ, хевсуръ, пшавовъ, тушинъ и т. д. Во избѣжаніе недоумѣній, столь частыхъ при запутанности этнографической номенклатуры Кавказа, необходимо постоянно имѣть въ виду, что всѣ эти подраздѣленія составляютъ одинъ грузинскій народъ, говорящій однимъ грузинскимъ языкомъ. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ выше названій имѣютъ значеніе территоріальное или политическое: такъ, имеретины суть жители бывшаго имеретинскаго царства, гурійцы—княжества Гуріи, аджарцы—ущелья р. Аджарисъ-цкали и т. д. Тушины, пшавы и хевсуры суть грузины-горцы, сохранившіе въ трудно доступныхъ ущельяхъ центральной части Б. Кавказа свою независимость отъ феодальныхъ владѣтелей старой Грузіи. Пшавы и хевсуры упоминаются часто въ грузинскихъ лѣтописяхъ подъ общимъ именемъ *пховеловъ*. Мусульманскіе писатели называютъ ихъ *кара-калканами*=черные щиты, вслѣдствіе чего Ананурская крѣпость на военно-грузинской дорогѣ носила иногда названіе Кара-Калканъ-кала. Всѣ эти горцы, особенно хевсуры, представляющіе во многихъ отношеніяхъ высокій этнографическій интересъ, признаютъ себя христіанами и вели всегда ожесточенную борьбу съ своими мусульманскими сосѣдями въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Но въ дѣйствительности христіанство выражается у нихъ только въ соблюденіи нѣкоторыхъ обрядовъ, всѣ же религіозныя воззрѣнія и понятія этихъ одичавшихъ горцевъ чисто языческія.

Въ грузинскомъ языкѣ, единственномъ изъ всѣхъ языковъ картвельской группы, имѣющемъ письменность, замѣчаются по мѣстностямъ нѣкоторыя отличія. Но они не настолько значительны, чтобы можно было признать ихъ нарѣчіями; это говоры, которые до сихъ поръ остаются неизслѣдованными. Поэтому, съ точки зрѣнія лингвистической классификаціи, грузины должны быть признаны единымъ и нераздѣльнымъ народомъ или племенемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что подъ вліяніемъ отчасти смѣшенія съ другими народами, отчасти образа жизни, нѣкоторыя части грузинскаго народа пріобрѣли особыя, только имъ однимъ свойственныя типическія черты въ наружности, нравахъ и характерѣ. Особенности эти легко замѣтны для привычнаго глаза, но научно еще не опредѣлены.

Отдаленное прошлое картвельскихъ народовъ остается неизвѣстнымъ. Историческія указанія о грузинахъ (иберахъ) начинаются только около эпохи Р. Х. Судя по распространенію грузинъ въ историческое время, можно думать, что они пришли въ Закавказье съ юго-запада, отъ верховьевъ Куры и Чороха. Вопросъ объ этомъ еще не подвергался научному изслѣдованію.

Западно-горскую группу, какъ уже было сказано, составляютъ абхазцы, убыхи и черкесы. Народы эти занимали приморскій (юго-западный) склонъ Главнаго хребта отъ рѣчки Охури на югѣ до Таманскаго полуострова на сѣверѣ, а также обширную полосу земли, расположенную между Кубанью и Главнымъ хребтомъ и далѣе по рр. Кумѣ, Подкумку, Малкѣ, Баксану и Тереку приблизительно до гор. Моздока. Въ настоящее время область распространенія народовъ западно-горской группы не имѣетъ уже означенныхъ выше границъ, вслѣдствіе выселенія въ Турцію значительнѣйшей части черкесовъ.

Абхазцы называютъ себя *апсуа*, страну свою *Апсне*. У классическихъ, византійскихъ и средне-вѣковыхъ писателей они извѣстны подъ именемъ *абазговъ* или *авазговъ* и *авогазовъ;* въ нашихъ лѣтописяхъ называются *абезами*. У нѣкоторыхъ современныхъ авторовъ они именуются *азега;* вѣроятно, это есть искаженное черкесское *адзеха* или *азеха*. Современное русское названіе заимствовано отъ грузинскаго *анхази*.

Абхазцы занимаютъ нынѣ низменную полосу между предгорьями Главнаго хребта и Чернымъ моремъ на пространствѣ приблизительно отъ р. Охури до Гагринской тѣснины. Въ недавнее время они распространялись и за Гагры до р. Хосты, но въ 1864 г. населеніе этой приморской мѣстности, извѣстной подъ грузинскимъ именемъ Джигетіи, почти поголовно ушло въ Турцію. Нагорное пространство, орошаемое верховьями рр. Бзыби и Кодора, было также занято абхазскими обществами *медозюй* (у насъ назывались *медовеевцами*), *замбалъ* (цебельдинцы) и др., переселившимися въ Турцію въ 1864—66 гг. Въ неизвѣстную съ достовѣрностью эпоху, которую акад. Гюльденштедтъ относитъ къ 17 столѣтію, часть абхазцевъ, перейдя на сѣверный склонъ Главнаго хребта, водворилась въ верховьяхъ Б. и М. Лабы, Зеленчуковъ, Урупа и др. рѣкъ, впадающихъ въ Кубань. Они дѣлились на нѣсколько обществъ или родовъ, у насъ же были извѣстны подъ именемъ *абазинцевъ* или *абаза*. Послѣ покоренія Западнаго Кавказа значительная часть ихъ ушла въ Турцію, оставшіеся же въ краѣ поселены главнымъ образомъ въ Баталпашинскомъ уѣздѣ. По свѣдѣніямъ 1883 г. всѣхъ абазинцевъ считалось въ Кубанской области 9747 д. об. п.

Абхазскій языкъ, распадающійся на нѣсколько нарѣчій, замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ, подобно языкамъ басковъ и американскихъ индѣйцевъ, принадлежитъ къ такъ называемымъ приставочнымъ (аглютинативнымъ) языкамъ. Изъ нарѣчій изслѣдовано только одно бзыбское бар. Усларомъ. Со времени переселенія въ Турцію джигетовъ, нарѣчіе ихъ не имѣетъ болѣе представителей на Кавказѣ.

Многочисленныя развалины церквей, отличающихся нерѣдко обширными размѣрами и прекрасною архитектурою, свидѣтельствуютъ, наравнѣ съ исторіей, о процвѣтавшемъ нѣкогда христіанствѣ въ Абхазіи. Мусульманство начало распространяться въ краѣ только со времени утвержденія турецкой власти на восточномъ берегу Чернаго моря, т. е. во второй половинѣ XVI столѣтія когда турки построили крѣпость въ Сухумѣ и поставили въ ней свой гарнизонъ. Но ученіе Магомета не было въ силахъ вытѣснить окончательно христіанскіе обряды и преданія, точно также какъ эти послѣдніе никогда не могли вполнѣ замѣнить для абхазцевъ языческія вѣрованія. Въ настоящее время часть абхазцевъ вновь обратилась къ ученію Христа. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что это обращеніе болѣе внѣшнее, такъ какъ вѣрованія ихъ представляютъ и до сихъ поръ странную смѣсь христіанства и язычества. Политическій строй Абхазіи сложился, вѣроятно, подъ вліяніемъ феодальныхъ порядковъ грузинскаго царства, владѣвшаго нѣкоторое время юго-восточнымъ прибрежьемъ Чернаго моря. Въ неизвѣстную эпоху Абхазія получила самостоятельныхъ владѣтелей въ лицѣ князей Шервашидзе, называвшихся у абхазцевъ Чачьба. Полагаютъ, что они происходятъ отъ намѣстниковъ (эриставовъ) грузинскихъ царей и утвердили свою независимость во время распаденія Грузіи. Народныя преданія о владѣтеляхъ Абхазіи не восходятъ далѣе начала 18 столѣтія. Въ 1810 г. Сеферъ-бей, принявъ христіанство, вступилъ въ русское подданство. За владѣтелемъ было сохранено право внутренняго управленія страною, такъ что въ сущности его подданическія отношенія къ Россіи выражались только въ томъ, что русская власть поддерживала владѣтеля, въ случаѣ надобности, противъ враждовавшихъ съ нимъ фамилій. Такія отношенія продолжались до конца 1864 г., когда владѣтель князь Михаилъ, за тайныя сношенія съ турецкимъ правительствомъ, былъ удаленъ изъ края, а въ Абхазіи, наименованной сухумскимъ военнымъ отдѣломъ, введено русское управленіе.

Убыхи занимали часть прибрежья Чернаго моря къ сѣверо-западу отъ джигетовъ, приблизительно между рѣками Хоста и Шахе. Сами себя называли *нехъ;* русское

названіе заимствовано у черкесовъ. Языкъ убыховъ, по мнѣнію Услара, долженъ считаться самостоятельнымъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ представляетъ сходство съ абхазскимъ и черкесскимъ. Окончательнаго разрѣшенія важнаго для этнологіи Западнаго Кавказа вопроса объ языкѣ убыховъ едва ли можно теперь ожидать, такъ какъ немногочисленный народъ этотъ переселился послѣ событій 1864 г. въ Турцію и разсѣялся по Малой Азіи. На Кавказѣ осталась только горсть убыховъ (по свѣдѣніямъ 1883 г. всего 80 душъ об. п.), водворенныхъ въ черкесскихъ аулахъ Кубанской области и, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ забывшихъ свой родной языкъ.

До покоренія Западнаго Кавказа, когда прибрежье Чернаго моря было извѣстно намъ почти исключительно по слухамъ, относительно убыховъ и ихъ происхожденія ходили самые странные разсказы. Иные полагали, что это потомки крестоносцевъ, выброшенныхъ бурею на кавказскій берегъ; по мнѣнію другихъ, убыхскій народъ составился изъ разныхъ выходцевъ, въ томъ числѣ изъ казаковъ-некрасовцевъ, вслѣдствіе чего въ языкѣ убыховъ встрѣчается много русскихъ словъ. Едва ли нужно говорить, что всѣ подобные разсказы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались праздными вымыслами. Убыхи слыли самыми гордыми и храбрыми изъ всѣхъ горцевъ Западнаго Кавказа. Въ 1864 г., когда сопротивленіе закубанскихъ черкесовъ было сломлено, отряды наши, наступавшіе чрезъ Главный хребетъ для занятія приморскаго края, ожидали встрѣтить сильный отпоръ со стороны убыховъ. Но ожиданія не оправдались и убыхская земля была занята почти безъ выстрѣла.

Черкесы—многочисленное и воинственное племя, занимавшее прибрежье Чернаго моря отъ границы убыхскихъ владѣній до Тамани, весь Закубанскій край и земли, извѣстныя подъ названіемъ Б. и М. Кабарды. До появленія русскихъ на Сѣверномъ Кавказѣ черкесы пользовались также всѣмъ степнымъ пространствомъ отъ Кубани до Манычской низменности и простирали свою политическую власть до самыхъ устьевъ Терека.

Черкесы называютъ себя *адиге*, въ нашихъ лѣтописяхъ они упоминаются подъ именемъ *касоговъ*, заимствованнымъ нами, вѣроятно, у осетинъ, которые и нынѣ еще называютъ кабардинцевъ *касагами*, а кабардинскую плоскость *касажскимъ полемъ*. Для объясненія общепринятаго нынѣ названія *черкесъ* было сдѣлано множество попытокъ, но ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана удовлетворительною. Вѣроятнѣе всего, что это слово имѣетъ связь съ названіемъ *керкетъ*, которое древніе географы (Скилаксъ, Страбонъ, Плиній) давали обитателямъ кавказскаго берега Чернаго моря. Есть основаніе полагать, что генуэзскіе купцы, основавшись на Кавказѣ, возобновили классическое названіе *керкетъ* въ итальянской формѣ circassi, откуда и возникло турецкое *черкесъ*, распространившееся по всей Европѣ и М. Азіи. Со временъ Страбона, за обитателями восточнаго побережья Чернаго моря утвердилось у классическихъ писателей еще названіе *зиховъ*, имѣющее много варіантовъ и заимствованное, вѣроятно, у абхазцевъ. Оно встрѣчается у итальянскихъ писателей до 16 столѣтія въ формѣ zychi.

Черкесы распадаются на нѣсколько группъ, которыя называются обыкновенно племенами, хотя только немногія изъ нихъ (кабардинцы, бесленеевцы, абадзехи) служатъ представителями отдѣльныхъ нарѣчій и говоровъ адигскаго языка. Поэтому было бы, можетъ быть, правильнѣе признавать среди черкесовъ только 3—4 племени или народа, а остальныя подраздѣленія называть обществами или союзами. Но терминъ „черкесскія племена“ сдѣлался такимъ обычнымъ, что теперь трудно избѣжать его употребленія.

Образъ жизни, нравы и политическое устройство черкесовъ стали извѣстны намъ только съ тѣхъ поръ, какъ ходъ событій на Сѣверномъ Кавказѣ привелъ насъ къ столкновенію съ этими племенами. Нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ сохранились также у путешественниковъ, посѣщавшихъ Черкессію въ 16 и 17 столѣтіяхъ. О временахъ болѣе отдаленныхъ существуютъ только отрывочныя свѣдѣнія. Извѣстно, что подъ вліяніемъ Византіи черкесы приняли христіанство и отказались отъ него въ пользу ученія Магомета только въ началѣ прошедшаго или въ концѣ 17 столѣтія, когда турки изъ политическихъ видовъ начали усиленную проповѣдь мусульманства среди горцевъ Западнаго Кавказа. О бывшемъ въ Черкессіи христіанствѣ свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ остатки храмовъ и другихъ христіанскихъ памятниковъ въ ущельяхъ Закубанскаго края. Судя по составленнымъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія описаніямъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ черкесовъ, надо думать, что нѣкоторыя племена сохранили воспоминаніе объ ученіи Христа до послѣдняго дня своего пребыванія на Кавказѣ. Прибрежные черкесы, менѣе другихъ подвергавшіеся турецкому вліянію, поклонялись крестамъ, воздвигнутымъ среди священныхъ рощъ, и совершали предъ ними жертвоприношенія въ честь языческихъ божествъ. Война черкесовъ противъ насъ никогда не имѣла въ ихъ глазахъ того религіознаго характера, который былъ приданъ ей горцами Чечни и Дагестана подъ вліяніемъ фанатическихъ ученій. Шамиль нѣсколько разъ посылалъ своихъ наибовъ для распространенія мюридизма на Западномъ Кавказѣ, но проповѣдь равенства всѣхъ мусульманъ и обязательности для нихъ безпрекословнаго подчиненія волѣ имама и его наибовъ не могла имѣть прочнаго успѣха среди черкесскихъ племенъ, такъ какъ требовала коренного измѣненія ихъ соціальнаго строя и порядка веденія и рѣшенія общественныхъ дѣлъ. Извѣстный Магометъ-Аминъ, проведшій въ Черкессіи десять лѣтъ (1648—59 гг.) въ качествѣ шамилевскаго уполномоченнаго, употребилъ величайшія усилія для соединенія адигскихъ племенъ подъ знаменемъ мюридизма, но успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ его энергіи и замѣчательному организаторскому таланту. Черкесы очень неохотно и только уступая насилію отказывались отъ суда по обычаю (адату) и своихъ сословныхъ правъ. Въ 1859 г. послѣ паденія Шамиля, Магометъ-Аминъ призналъ наконецъ дальнѣйшую борьбу съ нами безнадежною и принесъ присягу на подданство вмѣстѣ съ абадзехами, среди которыхъ дѣятельность его пользовалась небольшимъ сочувствіемъ и успѣхомъ.

Изложеніе общественнаго и политическаго строя черкесовъ можетъ представлять теперь только научный интересъ. Адиге имѣли свободныя и зависимыя сословія. У кабардинцевъ, о которыхъ будетъ еще рѣчь, успѣлъ выработаться изъ этихъ общественныхъ элементовъ настоящій аристократическій строй, у племенъ же закубанскихъ (абадзеховъ, шапсуговъ, натухайцевъ) еще въ половинѣ прошедшаго столѣтія произошла соціальная революція, лишившая первенствующія сословія *пши* и *воркъ* всѣхъ ихъ преимуществъ и уравнявшая ихъ въ правахъ съ многочисленнымъ среднимъ сословіемъ свободныхъ людей *тльфекуатль*, называвшемся у насъ неправильно *тхвохотль*.

Изъ черкесскихъ племенъ, игравшихъ болѣе или менѣе выдающуюся роль въ исторіи Кавказской войны, заслуживаютъ вниманія:

Кабардинцы или **Кабертай** обитающіе въ Б. и М. Кабардахъ. Прежде простирали свою политическую власть до устьевъ Терека и потому были первыми адигами, съ которыми вступили въ сношенія русскіе при водвореніи своей власти на Кавказѣ. Въ тѣ времена кабардинцы еще признавали себя христіанами и охотно искали покровительства московскихъ царей противъ турокъ и крымцевъ. Иванъ Васильевичъ Грозный, принявъ въ подданство кабардинцевъ, ласкалъ ихъ, строилъ для нихъ церкви и женился на черкесской княжнѣ Маріѣ Темрюковнѣ. Но и крымскіе ханы употребляли всѣ усилія для привлеченія на свою сторону новыхъ московскихъ подданныхъ посредствомъ обращенія ихъ въ мусульманство. Отдаленная Москва не могла, конечно, имѣть такого близкаго и дѣйствительнаго вліянія на дѣла Сѣвернаго Кавказа, какъ

сосѣдніе и могущественные крымцы и потому ученіе Магомета распространилось постепенно между первенствующими сословіями. Подъ его вліяніемъ возникла легенда объ арабскомъ происхожденіи Инала, предполагаемаго родоначальника всѣхъ кабардинскихъ князей. Борьба съ Крымомъ за политическое вліяніе на Кабарду составляетъ главное содержаніе исторіи нашихъ дѣлъ на Сѣверномъ Кавказѣ. Занимая земли по Тереку и имѣя въ зависимости отъ себя всѣ сосѣднія горскія племена: ингушей, осетинъ, абазинцевъ и горскихъ татаръ по верховьямъ Чегема, Баксана и Кубани, кабардинцы владѣли всѣми дорогами, ведущими съ плоскости къ наиболѣе удобному перевалу чрезъ Главный Кавказскій хребетъ. Вслѣдствіе этого, сохраненіе дружественныхъ къ нимъ отношеній получило для насъ особенно важное значеніе со времени принятія Грузіей русскаго покровительства. Въ изъявленіе особаго своего благоволенія къ кабардинскому народу, императрица Екатерина Великая неоднократно жаловала ему Высочайшія грамоты. Такой чести никогда не удостоивались остальныя горскія племена Кавказа.

Выше было сказано, что общественный строй кабардинцевъ основывался на аристократическомъ принципѣ. Б. Кабарда принадлежала четыремъ княжескимъ фамиліямъ: Кайтукина, Бекъ-Мурзина, Мисостова и Атажукина. М. Кабардой владѣли фамиліи Мударова и Таусултанова. Всѣ сословія, какъ благородныя *(воркъ)*, такъ и неблагородныя (*пшитль*), подчинялись безпрекословно своему князю или предводителю (*пши*). Съ раздробленіемъ княжескихъ родовъ и подъ вліяніемъ мусульманства, власть князей начала раздѣляться: первоначально въ дѣлахъ управленія принялъ участіе народъ посредствомъ выборныхъ представителей, а затѣмъ и духовенство. Въ послѣдніе годы независимаго существованія кабардинцевъ, общественныя дѣла вѣдались валіемъ и мехкеме. Званіе валія принадлежало старшему по лѣтамъ князю, который съ помощью наиболѣе именитаго лица изъ благороднаго сословія *тлакотлешъ* управлялъ внѣшними и внутренними дѣлами Кабарды. Мехкеме (т. е. собраніе), составленное изъ духовенства и почетныхъ ворковъ, съ участіемъ валія и его ассистента, чинило судъ и расправу, а также согласіемъ своимъ узаконяло постановленіе валія касательно введенія новыхъ и отмѣны старыхъ обычаевъ (адатовъ).

Высокое значеніе кабардинскихъ князей въ народномъ мнѣніи создало сложную систему этикета въ отношеніяхъ между различными сословіями Кабарды. Страна эта была и теперь еще остается для горцевъ школою хорошаго тона и манеръ. Въ прежнее время, когда существовалъ обычай *аталычества*, т. е. отдачи дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства, черкесы и абхазцы охотно отправляли своихъ сыновей къ кабардинцамъ. Всѣ горцы Сѣвернаго Кавказа, а за ними и казаки заимствовали изъ Кабарды форму одежды, вооруженія, посадку на конѣ и т. д. и внимательно слѣдятъ за всѣми измѣненіями капризной кабардинской моды.

Въ 1897 г. былъ нанесенъ послѣдній ударъ аристократическому строю кабардинцевъ, значительно поколебленному уже со времени подчиненія ихъ русскому управленію. Въ упомянутомъ году послѣдовало освобожденіе всѣхъ зависимыхъ сословій, положившее начало новому порядку вещей въ Кабардѣ.

Абадзехи, составлявшіе многочисленное и вліятельное племя, занимали бассейнъ р. Бѣлой (Схагуаше). Названіе ихъ означаетъ *подъ-абхазцы*, т. е. живущіе ниже абхазцевъ. Выше было уже сказано, что дѣятельность шамилевскаго наиба Магометъ-Амина имѣла наибольшій успѣхъ среди этого племени. Въ періодъ окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа абадзехи были главными организаторами и руководителями сопротивленія.

Бжедухи или **Бзедугъ** владѣли землями по лѣвому берегу Кубани отъ р. Пшиш до р. Супсы. *Шапсуги* жили по обоимъ склонамъ Главнаго хребта, занимая на сѣверной его сторонѣ пространство между рр. Адагумомъ и Супсой, а на южной между рѣками Пшадой и Шахе. *Натухайцы*, правильнѣе *Ноткуаджъ* или *Натхокоаджъ*, обитали на берегу моря отъ р. Пшады до Кубани и по лѣвую сторону этой рѣки до границы шапсуговъ.

Въ періодъ времени съ 1858 до 1865 г. большая часть закубанскихъ и приморскихъ черкесовъ переселилась въ Турцію. Общее число переселенцевъ опредѣляютъ въ 470 тыс. душъ. Оставшіеся въ краѣ обломки племенъ выведены изъ горъ и водворены аулами въ Екадеринодарскомъ, Майкопскомъ и Баталпашинскомъ уѣздахъ. Въ 1883 г. всѣхъ черкесовъ Кубанской области считалось 56,423 д. об. п. Судя по примѣру прошлыхъ лѣтъ можно ожидать, что число это будетъ постоянно уменьшаться вслѣдствіе выселенія въ Турцію.

Восточно-горскую группу составляютъ многочисленныя племена, обитающія въ Дагестанѣ, на прилегающемъ къ нему южномъ склонѣ Главнаго хребта и по сѣверному скату Андійскаго водораздѣла. Языки ихъ обнаруживаютъ несомнѣнные признаки общности происхожденія. Къ этой группѣ принадлежатъ чеченцы, горцы Дагестана и удины.

Чеченцы занимаютъ сѣверный склонъ Андійскаго водораздѣла и лежащую при подошвѣ его равнину, орошаемую Сунжею и ея притоками. Точное обозначеніе этого племени представляетъ нѣкоторыя затрудненія. Сѣверная граница опредѣляется нынѣ теченіемъ Сунжи, но до 1840 г. чеченскіе аулы доходили до праваго берега Терека. На сѣверо-востокѣ чеченцы сталкиваются съ кумыками и уже къ сѣверу отъ Качкалыковскаго хребта встрѣчается смѣшанное кумыкское и чеченское населеніе. Восточною границею племени можетъ быть признана, какъ кажется, р. Акташъ, отдѣляющая своими верховьями Аухъ отъ Салатавіи, гдѣ говорятъ по аварски. Съ юга область чеченскаго языка ограничивается Андійскимъ водораздѣломъ, хотя въ Дагестанѣ и существуютъ два чеченскихъ аула.

Въ верхнихъ долинахъ Аргуни и Ассы чеченцы сталкиваются съ хевсурами. На западѣ они распространяются до военно-грузинской дороги. Небольшое число, около 500 душъ, горныхъ чеченцевъ (кистинъ) перешло на южную сторону Главнаго хребта и водворилось въ долинѣ Кахетинской Алазани, въ ущельѣ Панкисъ. Въ недавнее время нѣкоторые изъ этихъ поселенцевъ приняли христіанство.

Территорія, занятая чеченскими обществами, не имѣетъ одного общаго названія. Подъ именемъ Чечни подразумѣвается обыкновенно только плоскостное пространство, заключенное между Черными горами и Сунжею. Дремучіе лѣса, покрывавшіе прежде чеченскую землю, сохранились нынѣ только въ горахъ. На плоскости они отчасти вырублены во время горской войны для открытія доступа въ непріятельскія земли, отчасти уничтожены самими туземцами для увеличенія площади пахатныхъ земель.

Всѣ чеченцы именуютъ себя *нахчуой* или *нахчій* отъ чеченскаго же слова *нахъ*=народъ, люди. Общеупотребительное нынѣ у насъ названіе *чеченцы* появилось только въ 17 столѣтіи и дано всему народу по имени большого, нынѣ не существующаго, аула Чачанъ или Чеченъ, находившагося на р. Аргуни.

Чеченцевъ раздѣляютъ обыкновенно на горныхъ и плоскостныхъ. Кажется, что они говорятъ различными нарѣчіями. Тѣ изъ нихъ, которые занимаютъ верховья Ассы и Аргуни, называются обыкновенно заимствованнымъ у грузинъ именемъ *кистовъ* или *кистиновъ*. Обитатели ущелій Камбилейки, Сунжи и Ассы обозначаются также именемъ *ингушей*, *галгаевцевъ* или *галашевцевъ*. Часть ихъ, переселившаяся на плоскость, называется *назрановцами*. Всѣ эти подраздѣленія или, какъ ихъ иногда называютъ, народы говорятъ однимъ и тѣмъ же чеченскимъ языкомъ, который былъ спеціально изслѣдованъ Усларомъ.

Отдаленное прошлое чеченцевъ остается неизвѣст-

нымъ. Вліяніе мусульманства въ значительной мѣрѣ вытѣснило изъ памяти народной древнія преданія, или же придало имъ ложную окраску. Подобно кабардинцамъ, чеченцы-мусульмане сочинили легенду о происхожденіи изъ Аравіи миѳическаго родоначальника своего Турпала. Лингвистика могла бы пролить нѣкоторый свѣтъ на первобытную исторію чеченскаго племени, но къ сожалѣнію ничего еще не сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Нѣкогда чеченцы, по крайней мѣрѣ живущіе по сосѣдству съ грузинами, были не чужды ученію Христа. Въ горахъ между Терекомъ и Аргунью существуютъ до сихъ поръ остатки церквей и другихъ памятниковъ христіанства. Одна изъ подобныхъ церквей въ ущельѣ Ассы сохранила на себѣ слѣды грузинской надписи. Горные чеченцы (ингуши) и теперь еще не могутъ быть названы вполнѣ мусульманами. Многія вѣрованія ихъ сохраняютъ языческій характеръ, а обряды, совершаемые ими въ извѣстные дни при развалинахъ церквей и часовень, показываютъ, что въ старину они были знакомы, если не съ сущностью, то съ внѣшнею, обрядовою стороною христіанскаго ученія. Исламъ началъ усиленно распространяться въ Чечнѣ только въ началѣ прошедшаго столѣтія и съ тѣхъ поръ плоскостные чеченцы сдѣлались самыми ревностными мусульманами. Изъ ихъ среды вышелъ извѣстный пророкъ Шейхъ-Мансуръ [1]), поднявшій противъ насъ въ концѣ прошедшаго столѣтія всѣхъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа. Впослѣдствіи, когда въ Дагестанѣ распространился мюридизмъ и началась проповѣдь газавата, чеченцы были главнымъ оплотомъ и поддержкою имамовъ и особенно Шамиля, находившаго у нихъ вѣрный пріютъ въ трудныя минуты своей политической дѣятельности. Паденіе власти Шамиля началось съ того времени, когда съ нашей стороны явилось сознаніе, что путь къ покоренію Дагестана ведетъ черезъ Чечню. Для открытія этого пути всѣ усилія нашихъ войскъ, въ послѣдніе годы борьбы съ мюридизмомъ, были направлены къ проложенію широкихъ просѣкъ чрезъ неприступные чеченскіе лѣса. Въ 1863 г. среди чеченцевъ возникло и быстро распространилось фанатическое ученіе *зикра* [2]), грозившее одно время нарушить спокойствіе всего края. Наконецъ, въ 1877 г., въ послѣднюю турецкую войну, легковѣрный, воспріимчивый и воинственный чеченскій народъ первый поднялъ знамя возстанія противъ русской власти во имя ислама и своимъ примѣромъ увлекъ населеніе Дагестана.

Общественный строй чеченцевъ рѣзко отличается отъ строя горцевъ Западнаго Кавказа въ томъ отношеніи, что у нихъ нѣтъ и насколько извѣстно, никогда не было раздѣленія на сословія. Они всѣ *уздени*, т. е. свободные люди. Единственный зависимый классъ составляли рабы, но это были плѣнники, захваченные во время набѣговъ. Въ былое время чеченцы вели большую торговлю рабами, сбывая ихъ въ Эндери (Андреево) и въ Анапу для вывоза въ Турцію. Весь чеченскій народъ дробится на множество отдѣльныхъ обществъ или союзовъ. Сохранивъ родовой бытъ, чеченцы сохранили, несмотря на сильное вліяніе мусульманства, всѣ свойственныя этому быту учрежденія: отвѣтственность рода за каждаго изъ своихъ сочленовъ, третейскій судъ по обычаю (адату) въ случаѣ столкновеній и т. д.

Тушины. Въ ближайшемъ родствѣ съ чеченскимъ находится такъ называемый *тушинскій* или *тушскій языкъ*. Названіе это, употребленное впервые акад. Гюльденштедтомъ и принятое послѣдующими лингвистами, совершенно неправильно и уже не разъ подавало поводъ къ недоумѣніямъ. Дѣло въ томъ, что тушинами называются, какъ было указано въ своемъ мѣстѣ, горные грузины, живущіе по верховьямъ Андійскаго Койсу (Тушинской Алазани) и отчасти на южномъ склонѣ Главнаго хребта въ верхней долинѣ Кахетинской Алазани. Въ неизвѣстную, но вѣроятно очень отдаленную эпоху, въ верховьяхъ Андійскаго же Койсу поселилось небольшое чеченское общество, называющее себя *бацби* (въ единственномъ числѣ *бацавъ*). Гюльденштедтъ хотя угадалъ родство ихъ языка съ чеченскимъ, но назвалъ ихъ тушинами, съ которыми они живутъ совмѣстно, но отличаются и по языку и по происхожденію. Бацби составляли прежде одно Цовское сельское общество, а нынѣ раздѣляются на два: Индуртское и Сагиртское, заключающія въ себѣ 1500 д. об. п. Большая часть этихъ горцевъ перешла въ недавнее время на Алазанскую равнину и поселилась близъ сел. Ахметъ. Языкъ бацби изслѣдованъ акад. Шифнеромъ. Онъ происходитъ отъ чеченскаго, но въ теченіе времени и подъ вліяніемъ грузинскаго настолько разошелся съ нимъ грамматически, что можетъ считаться теперь не чеченскимъ нарѣчіемъ, а отдѣльнымъ языкомъ.

Лезгины Подъ именемъ *лезгинъ* и *лезговъ* извѣстны нынѣ у насъ многочисленныя горскія племена, населяющія Дагестантскую область и, отчасти, южный склонъ Главнаго хребта. Названіе въ высшей степени неправильно, такъ какъ можетъ дать поводъ къ предположенію, что дагестанскіе горцы, подобно черкесамъ и чеченцамъ, составляютъ одинъ народъ, говорящій различными нарѣчіями одного и того же языка. Между тѣмъ, въ Дагестанѣ существуетъ не менѣе шести самостоятельныхъ, хотя и родственныхъ между собою языковъ, раздробляющихся сверхъ того на множество нарѣчій. Названіе лезгинъ заимствовано нами, какъ кажется, у грузинъ, которые обозначаютъ сосѣднихъ съ Кахетіею дагестантскихъ горцевъ общимъ именемъ *лековъ*, а страну ихъ *Лекети*. Лекъ, въ свою очередь, представляетъ, вѣроятно, грузинскую форму названія *лакъ*, которое даютъ себѣ кази-кумухцы, часто тревожившіе въ прежнее время Грузію своими набѣгами. Названіе лезгинъ прилегалось прежде и у насъ преимущественно къ южнымъ дагестанцамъ, а сѣверные, пограничные съ линіей, были болѣе извѣстны подъ именемъ тавлинцевъ.

Въ общемъ обзорѣ было уже сказано о великихъ заслугахъ барона П. К. Услара въ изслѣдованіи горскихъ языковъ. Замѣчательные труды его даютъ нынѣ возможность набросать вѣрную этнографическую картину Дагестана. Необходимо только постоянно имѣть въ виду, что въ этой странѣ единство языка очень часто не совпадаетъ съ политическимъ единствомъ. Населеніе, въ силу разныхъ условій, дробилось здѣсь на множество обществъ или союзовъ, слагавшихся нерѣдко изъ представителей различныхъ языковъ и потому изображавшихъ собою народы въ смыслѣ политическомъ, но не этнологическомъ. Вслѣдствіе этого, въ очеркѣ этнографіи Дагестана, удобнѣе говорить о распредѣленіи по странѣ языковъ и затѣмъ уже показывать какіе народы или общества входятъ въ составъ каждой изъ лингвистическихъ областей.

Аварскій языкъ. Область его простирается въ меридіанномъ направленіи чрезъ весь Дагестанъ отъ Чиръ-Юрта на Сулакѣ до Закаталъ, занимая нижнее теченіе Андійскаго Койсу, бассейны Аварскаго и Кара-Койсу и южный склонъ Главнаго хребта почти на всемъ протяженіи Закатальскаго округа. Съ сѣвера на югъ область имѣетъ до 160 в. въ длину, а наибольшая ширина не превышаетъ 70. Кромѣ того, небольшіе участки аварскаго языка встрѣчаются въ верхнемъ бассейнѣ Андійскаго

[1]) Ушурма, принявшій имя Шейха-Мансура, былъ уроженцемъ сел. Алды въ Б. Чечнѣ. Онъ началъ свою дѣятельность въ 1785 г., принималъ участіе въ защитѣ Анапы противъ Гудовича. Послѣ взятія крѣпости штурмомъ (въ 1791 г.) попалъ въ плѣнъ и умеръ въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ.

[2]) Проповѣдникомъ *зикры* (собственно *зикрулахъ*—молитвословіе, призываніе, воспоминаніе Бога) явился чеченецъ Купта-Хажи. Самое ученіе не заключало въ себѣ ничего особеннаго и было, вѣроятно, заимствованно у какой либо изъ многочисленныхъ мусульманскихъ сектъ. Послѣдователи его сопровождали пѣніе молитвъ изступленною пляскою и криками. Опасность зикры для насъ заключалась въ томъ, что она, подобно шамилевскому мюридизму, стремилась создать въ Чечнѣ свою особую администрацію изъ наибовъ, векилей и мюридовъ для достиженія политическихъ цѣлей. Волненіе возбужденное среди чеченцевъ зикристами, пришлось подавить силою оружія.

Койсу (въ Технуцалѣ и Ункратлѣ). Раздѣляя восточные языки Дагестана отъ западныхъ и соприкасаясь съ ними на границахъ своей территоріи, аварскій языкъ пріобрѣлъ въ странѣ значеніе международнаго и употребляется при взаимныхъ сношеніяхъ почти всѣми разноязычными лезгинскими племенами и обществами. Племена, говорящія аварскимъ языкомъ, не имѣютъ одного названія: каждое называетъ себя по имени общества, къ которому принадлежитъ, или по главному селенію. Наименованіе *маарулалъ*, которымъ они отличаютъ себя отъ жителей низменныхъ мѣстъ, значитъ въ переводѣ: горцы, отъ *мааръ*=гора, откуда *маарульмацъ*=горскій (т. е. аварскій) языкъ. Подъ именемъ аварцевъ были у насъ первоначально извѣстны только жители бывшаго аварскаго ханства, но теперь названіе это прилагается безразлично ко всей совокупности обществъ, говорящихъ на аварскомъ языкѣ. Въ такомъ обширномъ значеніи употребляется оно и въ настоящемъ очеркѣ.

Исторія Дагестана извѣстна только со времени распространенія въ немъ ислама, принесеннаго на Кавказъ арабами въ восьмомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Событія, предшествовавшія этой эпохѣ, едва ли будутъ когда нибудь открыты, такъ какъ мусульманство почти изгладило изъ памяти народной воспоминанія о языческихъ временахъ. Отдѣлъ лингвистики, называемый палеонтологіей языка, обладаетъ средствами для проникновенія въ доисторическое прошлое народовъ, но языки Дагестана еще не изслѣдованы въ этомъ отношеніи. Нѣкоторыя слова и выраженія аварскаго языка, въ связи съ отрывочными преданіями, даютъ основаніе думать, что нѣкогда аварцы вели кочевой образъ жизни на прикавказскихъ равнинахъ. Какія-то событія, вѣроятно нашествіе болѣе сильныхъ племенъ, заставили ихъ податься къ югу, въ тѣсныя ущелья нагорнаго Дагестана. Здѣсь пріобрѣли они первенствующее значеніе и, подвигаясь впередъ, разселились широкою полосою отъ Чиръ-Юрта до главнаго хребта. Въ 17 столѣтіи часть аварцевъ, воспользовавшись слабостью кахетинскаго царства, перешла на южный склонъ Главнаго хребта, въ предѣлы нынѣшняго Закавказскаго округа, и подчинила себѣ мѣстное грузинское и тюркское населеніе. Аварцы эти извѣстны подъ именемъ *Джарскихъ лезгинъ*.

Многіе писатели пытались отожествить кавказскихъ аварцевъ съ тѣми аварами или, по нашимъ лѣтописямъ, обрами, которые водворились на берегахъ Дуная въ половинѣ шестого столѣтія. Но для такого отожествленія не имѣется до сихъ поръ никакихъ данныхъ, кромѣ сходства въ названіяхъ обоихъ народовъ. Аварцы Дагестана, какъ было уже указано, получили это имя отъ своихъ сосѣдей кумыковъ.

Изъ всѣхъ аварскихъ обществъ наиболѣе важное значеніе имѣло всегда общество *Хунзъ* или *Хундериль-бо* (т. е. хунзахское войско), занимающее въ самомъ центрѣ Дагестана плоскую возвышенность вокругъ Хунзаха, между Андійскимъ и Аварскимъ Койсу. Значеніе это обусловливалось какъ храбростью хунзахцевъ, такъ и географическимъ положеніемъ ихъ страны: удобные доступы открываются съ Аварской плоской возвышенности во всѣ главныя дагестанскія ущелья. Хунзахцы состояли издревле подъ властью начальниковъ, носившихъ титулъ нуцаловъ, которымъ многія окрестныя общества платили подать и давали вооруженную помощь. Арабы, завоевавъ Дагестанъ, подчинили себѣ, послѣ упорной борьбы, также и общество Хунзъ, но были вынуждены оставить его подъ властью нуцаловъ, тогда какъ въ другихъ частяхъ страны мѣстные правители были замѣнены арабскими предводителями изъ числа потомковъ Магомета. Вслѣдствіе этого, во мнѣніи правовѣрныхъ мусульманъ, нуцалы Аваріи, несмотря на ихъ политическое могущество, всегда стояли ниже другихъ дагестанскихъ владѣтелей, ведущихъ свое происхожденіе отъ дядей пророка. Дальнѣйшая исторія Аваріи почти совершенно неизвѣстна до начала 18 вѣка. Въ это время аварскіе правители, замѣнившіе титулъ нуцала званіемъ хана, играли первенствующую роль въ нагорномъ Дагестанѣ и своими набѣгами наводили страхъ на все Закавказье. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія ханы ширванскій, шекинскій, бакинскій и дербентскій, паша ахалцихскій и грузинскій царь Ираклій II должны были покупать спокойствіе своихъ владѣній цѣною значительной дани, наложенной на нихъ Омаръ-ханомъ Аварскимъ. Появленіе русскихъ войскъ за Кавказомъ и въ Прикаспійскомъ краѣ положило предѣлъ разбойническимъ подвигамъ властителя Аваріи: 7 ноября 1800 г. Омаръ-ханъ, вторгнувшійся въ Кахетію, былъ разбитъ на голову генералъ-маіоромъ Лазаревымъ на берегу рѣки Іоры. Послѣ смерти грознаго хана, послѣдовавшей въ 1801 г. преемникъ его Султанъ-Ахмедъ-ханъ принялъ присягу на подданство Россіи. Актъ этотъ, конечно, не помѣшалъ ему возмущать противъ насъ Дагестанъ и потому, послѣ смерти его, было признано необходимымъ не допускать избраніе хановъ, неблагопріятствующихъ русскимъ интересамъ. Дальнѣйшія событія, касающіяся аварскаго ханства, изложены въ обзорѣ Кавказской войны.

Аварцы, не подчинявшіеся хунзахскимъ ханамъ, составляли нѣсколько независимыхъ или вольныхъ обществъ подъ управленіемъ выборныхъ старшинъ. Изъ числа этихъ обществъ необходимо упомянуть объ *Андаляль* по нижнему теченію Кара-Койсу и о *Джурмутъ* въ верховьяхъ Аварскаго Койсу. Джурмутъ, вмѣстѣ съ сосѣдними шестью обществами, составлялъ особый *Анкратльскій союзъ*.

У грузинъ всѣ горцы, живущіе на сѣверномъ склонѣ Главнаго хребта, въ томъ числѣ и аварцы вольныхъ обществъ, были извѣстны подъ общимъ именемъ *глуходаръ*=человѣкъ съ голою или открытою грудью. Названіе это показывало бѣдность горцевъ, искавшихъ заработковъ въ благодатной Кахетіи.

Лакскій или **кази-кумухскій языкъ**. Область распространенія его можетъ быть обозначена границами нынѣшняго Кази-Кумухскаго округа, т. е. бассейномъ Койсу того же имени. Внутри этихъ границъ большая часть жителей говоритъ лакскимъ языкомъ, хотя имѣются также аулы, населенные представителями иныхъ языковъ: аварскаго, тюрко-адербейджанскаго и др. Жители незначительнаго сел. Арчи говорятъ своимъ особымъ языкомъ, распространеніе котораго ограничивается однимъ этимъ ауломъ [1]). Съ другой стороны, лакскій языкъ употребляется и внѣ указанной выше области, а именно въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Даргинскаго округа.

Племя, говорящее лакскимъ языкомъ, называетъ себя *лакъ*, а страну свою *лакралкану*, т. е. мѣсто лаковъ. Подобно жителямъ Аваріи, лаки всегда играли важную роль въ Дагестанѣ и опустошали своими набѣгами богатыя долины Закавказья. Исторія этого народа извѣстна болѣе или менѣе только съ 777 г. нашего лѣтосчисленія, т. е. со времени принятія имъ ученія ислама. Преданіе разсказываетъ, что жители главнаго лакскаго селенія Кумуха или Гумуха нетолько сами охотно приняли мусульманскую вѣру, но и распространяли ее между сосѣдними племенами силою оружія, за что получили отъ арабовъ почетное прозваніе *кази* или *гази*, т. е. воюющій за вѣру. Съ тѣхъ поръ лаки приняли имя кази-хумуховъ, подъ которымъ извѣстны нынѣ во всемъ Дагестанѣ. Овладѣвъ страною лаковъ, арабскій полководецъ Абумуслимъ поставилъ въ ней правителемъ шахъ Баала, происходившаго изъ потомковъ пророка, и дали ему титулы *шамхала* [2]) и *вали Дагестана*. Это послѣднее званіе (араб. *вали*=намѣстникъ, правитель) показываетъ, что кумухскимъ владѣтелямъ

---

[1]) По замѣчанію Услара арчинскій языкъ приближается къ аварскому.

[2]) Нѣкоторые считаютъ этотъ титулъ искаженіемъ имени перваго арабскаго правителя, другіе объясняютъ происхожденіе его тѣмъ, что дѣдъ Шахъ-Баала назывался *Халъ* и былъ родомъ изъ провинціи *Шамъ* (Сиріи); по толкованію третьихъ, слово халъ означаетъ княжескій титулъ, слѣдовательно шамхалъ=сирійскій князь. Всѣ три толкованія очень неудовлетворительны.

подчинялись, сверхъ страны лаковъ, еще и многія другія дагестанскія общества.

Исторія шамхаловъ и ихъ правленія остается почти совершенно неизвѣстною до половины 17 столѣтія, когда они вступили въ подданство московскихъ государей. Еще ранѣе этого, а именно въ концѣ 16 вѣка они перенесли свою резиденцію въ Тарку, на берегъ Каспійскаго моря, а въ Кумухъ переходили только на лѣтніе мѣсяцы. Надо предполагать, что въ это время власть шамхаловъ въ нагорномъ Дагестанѣ начала клониться къ упадку. Послѣ смерти шамхала Сурхай-Мирза-хана (въ 1640 г.) преемники его совсѣмъ покинули Кумухъ и владѣтельныя права ихъ надъ лаками выражались только титуломъ дагестанскаго вали и незначительными поборами. Вскорѣ кази-кумухцы совсѣмъ отложились отъ шамхаловъ и выбрали себѣ изъ потомковъ Шахъ-Баала особаго правителя съ титуломъ *хахлавчи* [1]). Главная обязанность его заключалась въ сборѣ ополченія и начальствованія надъ нимъ. Въ ближайшее управленіе народомъ онъ не вмѣшивался: каждое селеніе управлялось собственными выборными старшинами, а дѣла духовныя вѣдались главнымъ кумухскимъ кадіемъ. Избраніе хахлавчи совершалось представителями отъ всѣхъ лакскихъ селеній. Преимущество въ выборѣ имѣлъ всегда старшій въ родѣ шамхальской фамиліи, оставшейся въ Кумухѣ. Впослѣдствіи хахлавчи, принявшіе въ началѣ 18 столѣтія званіе кази-кумухскихъ хановъ, успѣли расширить свою власть надъ народомъ и укрѣпить до нѣкоторой степени преемство этого званія въ своемъ нисходящемъ потомствѣ.

Изъ длиннаго ряда владѣтелей лакской страны, въ народѣ сохранилось воспоминаніе о ханѣ Сурхаѣ, прозванномъ *Чолакъ* (безрукій), правившемъ отъ начала до середины 18 столѣтія. Въ исторіи онъ извѣстенъ разграбленіемъ въ 1712 г. Шемахи, причемъ погибли почти всѣ русскіе купцы, ведшіе въ столицѣ Ширвани обширную торговлю. Происшествіе это было, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ поводовъ къ персидскому походу Петра Великаго. Въ памяти дагестанскихъ горцевъ Чолакъ-Сурхай-ханъ знаменитъ какъ противникъ могущественнаго властителя Персіи Надиръ-шаха, предпринимавшаго съ 1734 г. нѣсколько походовъ въ Дагестанъ для наказанія непослушнаго хана. Горцы и теперь еще съ гордостью вспоминаютъ о пораженіяхъ, нанесенныхъ ими грозному завоевателю Индіи. Магомедъ-ханъ, сынъ Сурхая, наслѣдовалъ энергію и воинственность отца своего. Онъ отнялъ у Фетъ-Али-хана Кубинскаго Кюру и Кубу, но долженъ былъ отказаться отъ нихъ, когда для поддержанія дружественнаго намъ кубинскаго владѣтеля прибылъ съ Кавказской линіи въ Дагестанъ русскій отрядъ подъ начальствомъ генерала де-Медема. Магомедъ-хану наслѣдовалъ въ 1789 г. сынъ его Сурхай II, получившій подъ старость прозвище *кунъ-буттай* (по лакски буквально „большой отецъ“, т. е. дѣдушка), которое у насъ нерѣдко принималось за титулъ и писалось *хамбутай*, *хомутай*, *ханъ-бутай* и т. п. Долгая жизнь Сурхая исполнена самыхъ разнообразныхъ приключеній. Продолжая политику своего отца, онъ постоянно стремился присоединить къ бѣдному и безплодному казикумухскому ханству богатыя кубинскія провинціи. Съ этою цѣлью онъ овладѣлъ кюринскими селеніями и верхними обществами Самура, которыя долго отстаивали свою независимость противъ его покушеній. Въ персидскій походъ графа Зубова (въ 1796 г.) Сурхай пытался оказать сопротивленіе нашей арміи, но былъ разбитъ подъ Кубою генераломъ Булгаковымъ и вынужденъ принести присягу на подданство. Несмотря на то, онъ продолжалъ принимать прямое или косвенное участіе во всѣхъ послѣдующихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ нашихъ войскъ. Вслѣдствіе этого было признано необходимымъ обезпечить болѣе прочнымъ образомъ южную часть Прикаспійскаго края отъ покушеній на него со стороны честолюбиваго и безпокойнаго кази-кумухскаго хана. Въ 1811 г. генералъ Хатунцовъ, разбивъ скопище Сурхая, занялъ подвластныя ему селенія Кюры, а въ слѣдующемъ году образовано изъ нихъ особое *Кюринское владѣніе* и отдано въ управленіе, на ханскихъ правахъ, но подъ верховною властью русскаго государя, Асланъ-беку, племяннику и непримиримому врагу Сурхая. Для обезпеченія новаго ханства со стороны Кази-Кумуха поставленъ въ сел. Курахъ русскій гарнизонъ, а впослѣдствіи (въ 1815 г.) занято незначительнымъ отрядомъ еще и сел. Чирахъ. Стѣсненный Сурхай поспѣшилъ изъявить покорность, но въ 1813 г. бѣжалъ въ Тавризъ искать заступничества Персіи. Возвратясь черезъ годъ назадъ, онъ вновь утвердился въ Кумухѣ, принялъ присягу на вѣрность и опять измѣнилъ ей. Во второй половинѣ 1819 г. генералъ князь Мадатовъ, по приказанію генерала Ермолова, двинулся въ Кумухъ для обузданія безпокойнаго хана. Сурхай предупредилъ кн. Мадатова, бывшаго съ отрядомъ въ кюринскомъ ханствѣ, и 19 декабря обложилъ Чирахъ, занятый баталіономъ апшеронскаго полка подъ командою штабсъ-капитана Овечкина. Но попытка взять укрѣпленіе не удалась, и Сурхай, угрожаемый съ тыла ген. Ермоловымъ, долженъ былъ отступить. Трехдневная славная оборона Чираха прославила имена Овечкина и прапорщика Щербины, убитаго при отраженіи штурма. Въ іюнѣ 1820 г. князь Мадатовъ двинулся въ Кумухъ. Скопище Сурхая было разбито на перевалѣ между Чирахомъ и Хозрекомъ, и отрядъ нашъ вступилъ безъ боя въ столицу ханства. По приказанію Ермолова князь Мадатовъ объявилъ Сурхая низложеннымъ и поставилъ въ Кумухѣ ханомъ Асланъ-хана, оставшагося вмѣстѣ съ тѣмъ и правителемъ кюринскимъ. Престарѣлый Сурхай бѣжалъ въ Персію и тщетно ходатайствовалъ у шаха о пособіи войсками и деньгами. Въ 1826 г., воспользовавшись вторженіемъ персіянъ въ Карабахъ, онъ пробрался черезъ Шемаху въ Дагестанъ, въ надеждѣ привлечь на свою сторону кази-кумухцевъ и получить помощь отъ Турціи. Но попытка не имѣла успѣха и въ слѣдующемъ году 88-лѣтній Кунъ-буттай окончилъ свою бурную жизнь въ аулѣ Согратлѣ, гдѣ и находится его могила.

Асланъ-ханъ кази-кумухскій и кюринскій считается главнымъ виновникомъ распространенія мюридизма въ Дагестанѣ. Наружно преданный русскому правительству, онъ покровительствовалъ ярагскому муллѣ Магомету, проповѣднику новаго ученія. На него же падаетъ обвиненіе въ тайномъ подстрекательствѣ Гамзадъ-бека къ истребленію аварскихъ хановъ. Поводомъ къ этому служили какъ личная ненависть Асланъ-хана къ ханшѣ Паху-бике, такъ и желаніе получить Аварію въ свое управленіе. Честолюбивые замыслы его осуществились: послѣ гибели Паху-бике и ея дѣтей, правительство наше назначило Асланъ-хана правителемъ Аваріи. Такимъ образомъ подъ его властью соединилась значительная часть нагорнаго Дагестана. Резиденціей своей онъ избралъ Кумухъ, а въ Кюрѣ и Аваріи правили его наибы или намѣстники.

Дальнѣйшія свѣдѣнія объ исторіи кази-кумухскаго ханства изложены въ борьбѣ Кавказской войны. Послѣ паденія Шамиля, изъ ханства образованъ округъ того же имени. Кюринское ханство просуществовало до 1864 г.

Страна лаковъ совершенно безлѣсна и мало производительна. Удобныя для хлѣбопашества земли расположены узкими полосами на днѣ ущелій и разбросаны небольшими клочками по уступамъ горъ. Садоводство незначительно по суровости климата. Обширные горные луга могли-бы питать лѣтомъ значительныя стада барановъ, но недостатокъ зимнихъ пастбищъ стѣсняетъ развитіе скотоводства. Не находя на родинѣ достаточно средствъ для удовлетворенія своихъ скудныхъ потребностей, лаки по необходимости всегда искали и ищутъ на сторонѣ способовъ къ прокормленію. Въ старыя времена они грабили богатыя провинціи Закавказья или принимали участіе въ усобицахъ въ качествѣ наемныхъ воиновъ. Съ умиротвореніемъ края эти источники дохода закрылись и лаки обратились къ

[1]) Названіе это производятъ отъ арабскаго *халкъ*=народъ и лакскаго *лавай*=высшій, превосходный.

болѣе мирнымъ занятіямъ. Ежегодно около 10,000 казикумухцевъ покидаютъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ свою родину и расходятся, въ качествѣ лудильщиковъ, оружейниковъ, чернорабочихъ и т. д., по всему Кавказскому краю, въ землю Донского войска, Астрахань, Оренбургъ, Персію и Турцію. Въ маѣ они возвращаются домой для обработки своихъ полей.

Кюринскій языкъ. Область распространенія его опредѣляется среднимъ и нижнимъ теченіемъ Самура, называемымъ по кюрински *срединною рѣкою*, и текущимъ параллельно ему на сѣверѣ Гюльгары-чаемъ или Курахъчаемъ. Кюринское населеніе начинается на Самурѣ въ 20 в. ниже аула Рутулъ и занимаетъ оба берега рѣки до самаго устья, прерываясь въ низовьяхъ немногими тюркскими селеніями. Верхняя долина Самура принадлежитъ неизслѣдованнымъ еще языкамъ *рутульскому* или *михетъ* и *цахурскому*. По словамъ туземцевъ, оба они сродны съ кюринскимъ. Область цахурскаго языка распространяется и на Елисуйское ущелье Закатальскаго округа. Точно также и кюринскій языкъ переходитъ отчасти изъ долины Самура на южный склонъ Главнаго хребта, въ Нухинскій уѣздъ. На сѣверной границѣ своего распространенія кюринскій языкъ соприкасается съ языкомъ табасаранскимъ, на западѣ, въ верховьяхъ Курахъ-чая, съ языкомъ *агульскимъ*, имѣющимъ съ нимъ нѣкоторыя черты сходства. Кюринскій языкъ, по числу говорящихъ на немъ, занимаетъ въ Дагестанѣ третье мѣсто послѣ языковъ аварскаго и даргинско-кайтахскаго.

Населеніе, говорящее по кюрински, не имѣетъ ни для себя, ни для своего языка одного общаго имени. Названіе *кюринцы* предложено Усларомъ только условно, ради удобства описанія, такъ какъ въ дѣйствительности оно принадлежитъ однимъ обитателямъ Кюри, составляющей часть области кюринскаго языка. Иногда кюринцы прилагаютъ къ себѣ названіе лезгинъ, заимствованное ими у окрестнаго тюркскаго населенія. Въ этнографическомъ описаніи это названіе не можетъ быть принято во избѣжаніе недоразумѣній, такъ какъ у насъ оно дается безразлично всѣмъ дагестанскимъ горцамъ.

Страна, занятая кюринцами, распадается въ географическомъ отношеніи на три отдѣла, соотвѣтствующіе нынѣшнему административному и бывшему политическому дѣленію края: долину средняго Самура правую и лѣвую стороны его нижняго теченія. Обитатели перваго отдѣла, входящаго нынѣ въ составъ Самурскаго округа, дѣлились прежде, до подчиненія Россіи, на три независимыя общества, управлявшіяся выборными старшинами. Нѣкоторыя изъ кюринскихъ селеній этого отдѣла причислялись къ рутульскому магалу, слѣдовательно находились въ союзѣ съ народомъ иноязычнымъ. По имени главнаго селенія Ахты, всѣ кюринцы средняго Самура называются *ахтинцами*. На правой сторонѣ нижняго Самура кюринскій языкъ занимаетъ полосу земли шириною почти до гор. Кубы. Но кюринцы не составляютъ здѣсь сплошнаго населенія, а перемѣшиваются съ адербейджанскими тюрками. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ природный языкъ одной части обитателей есть кюринскій, а другой—адербейджанское нарѣчіе. Отдѣлъ этотъ подчинялся прежде кубинскимъ ханамъ, а нынѣ входитъ въ составъ Кубинскаго уѣзда, образованнаго изъ бывшаго ханства. Сѣверные аулы кюринской территоріи, расположенной на лѣвой сторонѣ нижняго теченія Самура, подчинялись нѣкогда маасуму табасаранскому. Все остальное пространство этой территоріи, между бывшимъ владѣніемъ табасаранскимъ и Самуромъ, называется *Кюра* или *Кюре*, а обитатели его собственно *кюринцами*. Страна Кюра, легко доступная для сосѣдей, долго составляла предметъ раздоровъ и борьбы между владѣтелями Дербента, Кубы и Кази-Хумуха. Въ 1812 г. образовано изъ нея особое *Кюринское ханство*, исторія котораго разсказана выше. Въ настоящее время бывшее ханство и южная часть Табасарани составляютъ Кюринскій округъ.

Обширная нагорная страна, отдѣляющая бассейнъ Сулака отъ Прикаспійскаго края, занята племенами или обществами, извѣстными у насъ подъ именемъ *даргинцевъ* и *кайтаховъ*. Съ запада къ нимъ примыкаютъ лаки и аварцы, съ сѣвера и востока тюркскія племена, съ юга табасаранцы и агулы. По нынѣшнему административному дѣленію, большая часть этой страны образуетъ Даргинскій округъ и только небольшіе отрѣзки ея входятъ также въ составъ Темиръ-ханъ-шуринскаго, Кайтахо-Табасаранскаго и Кази-Кумухскаго округовъ.

Населеніе страны, о которой идетъ рѣчь, говоритъ многочисленными нарѣчіями одного языка, не имѣющаго общаго названія. Для удобства изложенія, можно бы назвать его *даргинско-кайтахскимъ*. По имѣющимся до нынѣ скуднымъ свѣдѣніямъ, всѣ нарѣчія этого анонимнаго языка могутъ быть соединены въ три группы: *акушинскую*, наиболѣе распространенную, *хайдакскую* и *буркунскую*. Изъ всѣхъ этихъ нарѣчій, Усларъ успѣлъ изслѣдовать только одно, принадлежащее къ кайдакской группѣ и названное имъ *хюркилинскимъ языкомъ*, по имени сел. Хюрукъ (на нашихъ картахъ Оракли или Урахли). Акад. Шифнеръ измѣнилъ это названіе въ *хюркинскій языкъ*.

Населеніе, говорящее нарѣчіями даргинско-кайтахскаго языка, никогда не составляло одного политическаго тѣла и не имѣетъ общаго наименованія. Народъ дѣлитъ себя на нѣсколько отдѣловъ, называемыхъ *даргуа* или *даргва*. Настоящее значеніе этого термина остается до сихъ поръ неразгаданнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ не основывается на лингвистическихъ отличіяхъ. Существуетъ пять такихъ отдѣловъ или даргва. *Акуша-даргва* или просто *даргва*, подраздѣляемая въ свою очередь на пять обществъ или табуновъ, въ составъ которыхъ входитъ также нѣсколько аварскихъ и лакскихъ селеній. Эти пять обществъ составляли издревле политическій Акушинскій союзъ, игравшій по своей многочисленности важную роль въ Дагестанѣ. Къ его помощи или посредничеству обращались въ случаѣ нужды сосѣдніе народы и владѣтели. Каждое общество управлялись своимъ наслѣдственнымъ кадіемъ, а во главѣ всего союза стоялъ акушинскій кадій, жившій въ главномъ селеніи Акушѣ. Онъ пользовался большимъ значеніемъ въ Дагестанѣ. При торжествѣ избранія шамхала тарковскаго и объявленія объ этомъ народу, акушинскому кадію принадлежало почетное право возложенія папахи на голову вновь избраннаго правителя. *Каба-даргва* до начала нынѣшняго столѣтія входила въ составъ владѣній уцмія кайтахскаго, а затѣмъ, послѣ войны, продолжавшейся семь лѣтъ, присоединена къ акушинскому союзу. *Уцуми-даргва*—совокупность всѣхъ земель, состоявшихъ подъ властью уцмія кайтахскаго. У насъ извѣстна подъ общимъ именемъ *Кайтахъ* (правильнѣе Хайдакъ), который дѣлится на верхній и нижній или *Кара-Кайтахъ*. Въ составъ послѣдняго входитъ также нѣсколько кумыкскихъ и тюрко-адербейджанскихъ селеній, лежащихъ на прикаспійской плоскости. Хайдакскія нарѣчія насколько отличаются отъ акушинскихъ, что обитатели Акуша-даргва и Уцуми-даргва не могутъ свободно понимать другъ друга. *Гвамуръ-даргва* составляла также часть владѣній уцмія, но получила особое названіе вслѣдствіе того, что управлялась всегда кѣмъ либо изъ членовъ семейства владѣтеля. Большая часть жителей кумыки. *Буркунъ даргва* составляла нѣкогда самостоятельное вольное общество, а въ прошломъ столѣтіи завоевана Сурхай-ханомъ кази-кумухскимъ. Въ составѣ этого отдѣла есть два агульскія селенія.

Кромѣ того, существуетъ еще нѣсколько обществъ и селеній, говорящихъ даргинско-кайтахскими нарѣчіями, но не принадлежащихъ къ перечисленнымъ отдѣламъ. Въ настоящее время Акуша-даргва, Каба-даргва и отдѣльное общество Сюргя образуютъ Даргинскій округъ; Уцуми-даргва и Гвамуръ-даргва входятъ въ составъ Кайтахо-Табасаранскаго, а Буркунъ-даргва причислена къ Кази-Кумухскому округу.

Жители Кайтаха гордятся тѣмъ, что они первые изъ горцевъ Дагестана приняли мусульманскую вѣру отъ

арабскихъ завоевателей. Правителемъ Кайтаха арабскій полководецъ назначилъ Эмиръ-Гамзу изъ рода корейшитовъ (потомковъ пророка) и даровалъ ему титулъ *исми* (т. е. именитый), который впослѣдствіи былъ искаженъ въ *уцми* или *уцмій*. Исторія потомковъ перваго правителя Кайтаха остается совершенно неизвѣстною до прошедшаго столѣтія, когда они вступили въ непосредственныя сношенія съ русскими во время персидскаго похода Петра Великаго. Въ народной памяти сохранилось имя уцмія Рустемъ-хана, жившаго въ 12 столѣтіи и составившаго сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ (адатовъ), которымъ и до сихъ поръ руководствуются въ Кайтахѣ при рѣшеніи нѣкоторыхъ судебныхъ дѣлъ. Первые уцміи жили въ горномъ селеніи Кала-Коройшѣ (=крѣпость корейшировъ), потомъ перешли въ Уркарахъ и, наконецъ перенесли свою резиденцію на прикаспійскую плоскость въ селенія Маджалисъ и Янги-кентъ (=новое селеніе), образованныя изъ военноплѣнныхъ. Это постепенное передвиженіе съ горъ на плоскость можетъ быть вѣроятнѣе всего объяснено ослабленіемъ значенія уцміевъ среди горныхъ племенъ, всегда дорожившихъ своею самостоятельностью и неохотно подчинявшихся какой либо внѣшней власти. Послѣ занятія въ 1806 г. генераломъ Глазенапомъ Дербенда, кайтахскій Адиль-уцмій поспѣшилъ присягнуть на подданство Россіи, но въ 1819 г. измѣнилъ и бѣжалъ въ Аварію. Послѣ пораженій, нанесенныхъ кайтахцамъ кн. Мадатовымъ и разгрома союзниковъ ихъ акушинцевъ генераломъ Ермоловымъ при сел. Леваши 19 декабря 1819 г. достоинство уцмія было уничтожено прокламаціею Ермолова отъ 12 января 1820 г. Для завѣдыванія нижнимъ Кайтахомъ былъ назначенъ особый приставъ, а въ верхнемъ или горномъ управленіе оставлено въ рукахъ выборныхъ старшинъ подъ наблюденіемъ русской власти.

Кубачи. Въ верхнемъ Кайтахѣ находится замѣчательный аулъ *Кубачи*, о жителяхъ котораго распространено много странныхъ разсказовъ. Полковникъ артиллеріи Герберъ, участвовавшій въ персидскомъ походѣ Петра Великаго, въ сочиненіи своемъ о народахъ Дагестана сообщилъ извѣстіе, что предки кубачинцевъ были *франками*, т. е. европейцами, поселившимися въ дагестанскихъ горахъ въ седьмомъ столѣтіи. Разсказъ этотъ, подхваченный молвою, принялъ у послѣдующихъ путешественниковъ болѣе опредѣленныя формы. Одни утверждали, что кубачинцы родомъ изъ Генуи, другіе считали ихъ выходцами изъ Богеміи или Моравіи. Послѣднее обстоятельство такъ заинтересовало моравскихъ братьевъ или гернгутеровъ, поселенныхъ въ Сарептской колоніи на Волгѣ, что въ 1781 г. они послали въ Кубачи двухъ депутатовъ для того, чтобы завязать сношенія съ своими кавказскими земляками и единовѣрцами. Лѣтомъ 1782 г. посланцы возвратились въ Сарепту и, конечно, привезли извѣстіе, что кубачинцы исповѣдуютъ исламъ и не имѣютъ ничего общаго съ моравскими братьями. Академики Гюленштедтъ и Палласъ, во время путешествій своихъ по Кавказу, собрали образцы кубачинскаго языка и нашли, что онъ имѣетъ родство съ нарѣчіями акушинскими. Но ни изслѣдованія ученыхъ академиковъ, ни отрицательные результаты поѣздки сарептскихъ колонистовъ не могли поколебать вѣру въ европейское происхожденіе кубачинцевъ. Молва не говорила болѣе о выходцахъ изъ Моравіи или Богеміи, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ большею увѣренностью утверждала, что въ Дагестанѣ существуетъ колонія генуэзцевъ, сохранившихъ даже свой итальянскій языкъ. Палласъ сообщаетъ, что въ его время въ войскахъ Кавказской линіи ходила молва, что одинъ кубачинецъ, отправившійся на богомолье въ Мекку, встрѣтился случайно въ Константинополѣ съ венеціанскимъ матросомъ и могъ свободно говорить съ нимъ на своемъ итальяно-кубачинскомъ языкѣ. Легенда о франкскомъ происхожденіи кубачинцевъ сохранилась и до настоящаго времени съ легкими измѣненіями. Еще въ 1866 г. одинъ путешественникъ, лично посѣтившій сел. Кубачи, сообщилъ въ печати, что хотя кубачинцы и говорятъ горскимъ языкомъ, но сохранили французскія личныя мѣстоимѣнія.

Кубачинскій языкъ, къ сожалѣнію, не былъ подробно изслѣдованъ Усларомъ. Во всякомъ случаѣ теперь положительно извѣстно, что онъ принадлежитъ къ восточногорской группѣ и, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ европейскими языками. Усларъ полагалъ, что этотъ мнимо-франкскій языкъ есть не болѣе, какъ одно изъ акушинохайдакскихъ нарѣчій. Что касается до легенды о франкскомъ происхожденіи кубачинцевъ, то теперь трудно разыскать время и причину ея возникновенія. Нѣкоторые изслѣдователи, заслуживающіе довѣрія, утверждаютъ, что сами кубачинцы производятъ себя отъ франковъ и что таковыми считаютъ ихъ и сосѣдніе народы. Если они, какъ это нерѣдко случается, не заимствовали отъ насъ же легенду о своихъ франкскихъ предкахъ, то источникъ этого преданія кроется, быть можетъ, въ двойственномъ значеніи самаго слова *франкъ*. Извѣстно, что на востокѣ, въ томъ числѣ и всюду на Кавказѣ, франками называютея не европейцы вообще, а только одни католики. Вѣроисповѣдное значеніе этого имени до такой степени укоренилось въ передней Азіи, что и туземцы, напр. армяне, принадлежащіе къ римско-католической церкви, отказываются отъ національности и называютъ себя франками. Поэтому, легенда о франкскихъ предкахъ кубачинцевъ можетъ быть истолкована въ томъ смыслѣ, что они нѣкогда исповѣдывали католическую вѣру. Прямыхъ доказательствъ этого мы не имѣемъ, но существованіе въ 15 столѣтіи католиковъ среди населенія западнаго берега Каспія подтверждается назначеніемъ изъ Рима епископовъ въ Прикаспійскій край и неоднократнымъ упоминаніемъ въ папскихъ буллахъ о пропагандѣ христіанства среди хайдаковъ. Іосафатъ Барбаро, бывшій съ 1471 до 1479 г. венеціанскимъ посломъ при персидскомъ властителѣ Узунъ-Гассанѣ, разсказываетъ въ описаніи своего путешествія въ Персію, что среди кайтаховъ встрѣчается много христіанъ греческаго, армянскаго и католическаго исповѣданій. Въ виду этихъ свѣдѣній, высказанное выше предположеніе о значеніи названія франки, прилагаемаго къ предкамъ нынѣшнихъ кубачинцевъ, заслуживаетъ нѣкотораго вѣроятія.

Кубачинцы не занимаются хлѣбопашествомъ, а промышляютъ торговлею и ремеслами, особенно же славятся на всемъ Кавказѣ обдѣлкою оружія и всѣхъ его принадлежностей. Названіе ихъ кубачи или гувечи происходитъ отъ тюркскаго слова *кубе*=кольчуга, панцырь, и показываетъ, что они издревле занимаются почетнымъ въ Азіи ремесломъ оружейниковъ. Персіяне называютъ ихъ *зиреҳъ-геранъ*=дѣлающіе кольчуги. Такое же значеніе имѣютъ и всѣ названія, которыя они сами себѣ даютъ *(ухбуканъ, аугуганъ)* или получаютъ отъ своихъ сосѣдей. Кубачинцы управлялись всегда самостоятельно и не подчинялись уцмію, владѣнія котораго окружали ихъ аулъ, крѣпкій положеніемъ и многолюдствомъ.

Табасаранцы Область распространенія *табасаранскаго языка* опредѣляется бассейномъ р. Рубаса, впадающей въ Каспійское море. На сѣверѣ языкъ этотъ соприкасается съ хайдакскими нарѣчіями, на югѣ съ коринскими, съ запада къ нему примыкаетъ агульскій языкъ, а на востокѣ область его отдѣляется отъ Каспійскаго моря прибрежною полосою, занятою тюркскими племенами. Табасаранскій языкъ не имѣетъ нарѣчій; замѣчается только небольшое различіе въ говорѣ жителей сѣверной и южной Табасарани. Вслѣдствіе близкаго сосѣдства и постоянныхъ сношеній съ тюркскими племенами прикаспійской плоскости, табасаранцы усвоили себѣ ихъ адербейджанское нарѣчіе и забываютъ понемногу свой родной языкъ. По замѣчанію Услара, „едва ли въ цѣломъ свѣтѣ найдется народъ, который бы менѣе зналъ свой родной языкъ, чѣмъ табасаранцы. На немъ говорятъ они, какъ бы на языкѣ чужомъ и плохо выученномъ". Изслѣдованіе этого вымирающаго языка было послѣднимъ трудомъ покойнаго кавказскаго лингвиста. Значеніе названія Табасарань неизвѣстно; жители плоскости выговариваютъ его иногда Табасаранъ.

Арабы, завоевавъ Прикаспійскій край, поставили надъ табасаранцами особаго правителя съ титуломъ *мейсума*

или *маасума*. Въ составъ владѣній его входили также и пограничныя съ Табасаранью кюринскія селенія. Въ теченіе времени сѣверная часть края вышла изъ подъ власти маасумовъ и начала управляться самостоятельно выборными кадіями, извѣстными подъ именемъ табасаранскихъ. Право на избраніе имѣли только потомки перваго кадія, назначеннаго арабами для рѣшенія духовныхъ дѣлъ.

У насъ Табасарань дѣлилась на *южную*, т. е. владѣніе маасума, и *сѣверную* или *вольную*, находившуюся подъ управленіемъ кадія. Достоинство маасума уничтожено въ 1828 году.

Предшествующія страницы посвящены описанію областей распространенія пяти главнѣйшихъ дагестанскихъ языковъ, изслѣдованныхъ Усларомъ, и изложенію краткихъ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній о народахъ, говорящихъ этими языками. При этомъ было упомянуто мимоходомъ о предполагаемомъ родствѣ нѣкоторыхъ мелкихъ языковъ, еще не подвергавшихся спеціальному изслѣдованію: арчинскомъ, агульскомъ, рутульскомъ, цахурскомъ, кубачинскомъ и др. Затѣмъ совершенно неизвѣданною лингвистическою областью остается ущелье верхняго и средняго теченія Андійскаго Койсу. Населеніе его, если вѣрить показаніямъ туземцевъ, говоритъ пятью различными языками. Весьма вѣроятно, что ближайшій анализъ низведетъ ихъ на степень нарѣчій одного и того же языка. Въ настоящее время начато изслѣдованіе такъ называемаго *Андійскаго языка* (Л. П. Загурскимъ), но результаты этой работы еще не обнародованы.

Населеніе ущелья Андійскаго Койсу дѣлится на нѣсколько обществъ: *Анди*, *Карата*, *Ахвахъ*, *Багулалъ*, *Цеза* или *Дидо* и проч. Они занимаются преимущественно скотоводствомъ и принадлежатъ, по своимъ обычаямъ и образу жизни, къ числу самыхъ грубыхъ племенъ Дагестана.

Удины. Въ своемъ мѣстѣ было уже замѣчено, что нѣкоторые изъ дагестанскихъ народовъ (аварцы, кюринцы, цахурцы) перешли отчасти и на южный склонъ Главнаго хребта. Переселеніе ихъ совершилось въ сравнительно недавнее время и они представляютъ собою только небольшія колоніи, отдѣлившіяся по тѣмъ или другимъ причинамъ отъ главной массы своихъ дагестанскихъ соплеменниковъ. Но кромѣ этихъ колоній, на южной сторонѣ Главнаго хребта живетъ небольшой народъ, который не имѣетъ соотечественниковъ въ Дагестанѣ, а между тѣмъ говоритъ языкомъ, принадлежащимъ несомнѣнно къ восточно-горской группѣ. Народъ этотъ—*удины* или *уды*, обитающіе только въ селеніяхъ Вирташенѣ и Нижѣ Нухинскаго уѣзда. По всей вѣроятности они представляютъ собою послѣдніе остатки обширнаго племени, утратившаго постепенно свой языкъ и бытовыя особенности подъ вліяніемъ пришлыхъ народовъ. Нѣкоторыя данныя позволяютъ искать предковъ удиновъ въ исчезнувшемъ народѣ агвановъ или албановъ, который, по словамъ армянскихъ лѣтописцевъ, населялъ провинцію Агванію (Албанію классическихъ писателей) въ восточной части Закавказья и принялъ христіанство отъ армянъ.

Еще въ недавнее время удины занимали въ Нухинскомъ уѣздѣ нѣсколько селеній, которыя нынѣ считаются татарскими. Въ самомъ Варташенѣ значительная часть удинскаго населенія забыла родной языкъ и замѣнила его татарскимъ или армянскимъ. Въ недалекомъ будущемъ можно ожидать совершеннаго исчезновенія этого вымирающаго народа.

Языкъ удинскій былъ изслѣдованъ акад. Шифнеромъ. Онъ подходитъ всего ближе къ кюринскому, но подвергся сильному вліянію татарскаго, а также усвоилъ себѣ много армянскихъ словъ. Варташенскіе и нижскіе удины принадлежатъ къ православной и армяно-григоріанской церкви.

Историческія судьбы горцевъ восточнаго Кавказа извѣстны болѣе или менѣе обстоятельно только со времени принятія ими ученія Магомета. Описанію этого важнаго событія, превратившаго Дагестанъ изъ *жилища вражды* [1]) въ страну ислама, посвящено мусульманскими писателями нѣсколько сочиненій, знакомящихъ насъ съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ прикаспійскихъ странахъ. О до-исламитскомъ періодѣ исторіи Дагестана не имѣется никакихъ письменныхъ источниковъ, кромѣ скудныхъ указаній армянскихъ лѣтописцевъ. Устныя преданія горцевъ не восходятъ до этихъ отдаленныхъ эпохъ. Магометанство старательно вытѣснило изъ народной памяти все то, что напоминало о языческихъ временахъ. Такимъ образомъ, для познанія отдаленнаго прошлаго восточно-кавказскихъ горцевъ остается пока единственный источникъ: ихъ языки. Онъ хранитъ въ себѣ богатый запасъ указаній на культурное состояніе жителей Дагестана въ доисторическія времена и можетъ дать ключъ къ рѣшенію загадочнаго вопроса о ихъ первоначальной родинѣ. Къ сожалѣнію, богатый матеріалъ, представляемый для подобнаго рода изслѣдованій лингвистическими трудами Услара, еще ждетъ разработки. Нѣкоторыя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, дали уже возможность навсегда опровергнуть долго господствовавшее мнѣніе о роли Кавказскаго перешейка какъ моста, по которому народы Азіи перешли когда-то въ Европу. При описаніи области распространенія аварскаго языка было упомянуто, что народъ, называемый аварцами, по всей вѣроятности обиталъ прежде на степяхъ Сѣвернаго Кавказа и велъ пастушескій образъ жизни. Названія нѣкоторыхъ дагестанскихъ урочищъ показываютъ, что и даргинскія племена занимали прежде сѣверную часть Прикаспійскаго края, населенную нынѣ кумыками. По замѣчанію Л. П. Загурскаго, восточно-горскіе языки, имѣющіе общія названія для нѣкоторыхъ растеній и животныхъ умѣренной полосы, не имѣютъ таковыхъ для растеній и животныхъ теплаго климата и, по большей части, обозначаютъ ихъ или словами заимствованными, или же метафорическими и описательными выраженіями. Если связать эти выводы съ тѣмъ обстоятельствомъ, что горскіе языки Кавказа не имѣютъ родичей внѣ этой страны и образуютъ самостоятельныя лингвистическія группы, то становится вѣроятнымъ предположеніе, что кавказскіе горцы суть только ничтожные остатки первобытныхъ племенъ, которыя занимали прежде обширныя степныя пространства къ сѣверу отъ Кавказа и были оттѣснены въ горныя ущелья напоромъ какихъ-то другихъ, болѣе сильныхъ племенъ. Поэтому, выражаясь словами Услара, „Кавказъ былъ не путемъ переселенія народовъ, а *убѣжищемъ* народовъ, гонимыхъ и истребляемыхъ на равнинѣ".

Трудно доступныя ущелья Дагестана способствовали сохраненію разнообразія мѣстныхъ языковъ и развитію ихъ особенностей. Подъ вліяніемъ суровой и бѣдной природы страны выработался типъ умѣреннаго въ своихъ привычкахъ, свободолюбиваго, воинственнаго и суроваго горца, бывшаго долгое время грозою для жителей Закавказья. Дагестанцы, какъ и чеченцы, не имѣли сословій и не знали личной зависимости: они были всѣ *уздени* т. е. свободные люди. Поставленные арабами въ нѣкоторыхъ частяхъ края правители не могли никогда установить твердаго преемства власти въ своемъ нисходящемъ потомствѣ. Народъ упорно удерживалъ за собою право избранія достойнѣйшаго изъ числа всѣхъ наличныхъ членовъ владѣтельскаго рода. Требовалось только, чтобы избираемый не былъ *чанка*, т. е. происходящимъ отъ неравнаго брака. Но и это правило не всегда соблюдалось: извѣстны случаи, когда личныя достоинства избираемаго заставляли забывать о нечистотѣ его крови. Основаніемъ общественнаго быта дагестанскихъ горцевъ служитъ

[1]) *Даруль-харбъ* по арабски городъ или селеніе вражды, т. е. страна, жители которой не подчиняются мусульманской власти, не находятся съ нею въ союзѣ и не уплачиваютъ опредѣленнаго налога. Въ такой странѣ каждый мусульманинъ можетъ лишить невѣрнаго жизни и имущества, не подвергаясь за это отвѣтственности предъ шаріатомъ.

родъ (такъ называемый *тохумъ*), со всѣми свойственными этой формѣ быта учрежденіями: судомъ по обычаю, кровомщеніемъ и т. д. Вольныя общества представляли собою союзы родовъ, иногда различнаго племени происхожденія. Для изслѣдователей первобытныхъ формъ общественнаго строя, изученіе быта и учрежденій дагестанскихъ горцевъ представляетъ величайшій научный интересъ.

Народы монгольской расы. Народы эти, населяющіе Кавказскій перешеекъ, принадлежатъ къ двумъ отраслямъ урало-алтайскаго семейства языковъ: монгольской и тюрко-татарской. Къ первой причисляются калмыки, ко второй всѣ остальные представители монгольской расы на Кавказѣ.

Тюрко-татарскія племена представляютъ собою остатки безчисленныхъ азіятскихъ полчищъ, наводнившихъ нѣкогда всю переднюю Азію и восточную половину материка Европы. Проникнувъ на Кавказскій перешеекъ съ сѣверо-востока изъ за Волги и съ юго-востока изъ Персіи, они завладѣли здѣсь всѣми мѣстами, которыя представляли необходимыя для степныхъ кочевниковъ удобства. Этимъ обстоятельствомъ объясняется современное распредѣленіе тюркскихъ племенъ на перешейкѣ: они занимаютъ степи Сѣвернаго Кавказа, западное прибрежье Каспійскаго моря и всѣ закавказскія равнины и плоскогорья. Посреди этого тюркскаго моря возвышается, какъ островъ, массивъ Большого Кавказа, на которомъ спаслись отъ полнаго порабощенія картвельскія и горскія племена.

Тюркское населеніе степей Сѣвернаго Кавказа сохранило еще почти неприкосновенными типическія черты своей расы и своего быта. Но на каспійскомъ прибрежьѣ и особенно въ закавкаскихъ провинціяхъ пришельцы въ значительной мѣрѣ утратили свой монгольскій типъ вслѣдствіе смѣшенія съ туземными племенами. Весьма вѣроятно, что многіе изъ такъ называемыхъ закавказскихъ татаръ представляютъ собою въ дѣйствительности коренныхъ обитателей страны, заимствовавшихъ отъ пришельцевъ только языкъ и религію. Этотъ процессъ отатаренія совершается и теперь на нашихъ глазахъ во многихъ мѣстностяхъ Кавказскаго края. Въ своемъ мѣстѣ было уже сказано о грузинахъ, превратившихся въ турокъ, о табасаранцахъ и удинахъ, почти забывшихъ свои родные языки и замѣнившихъ ихъ тюрко-адербейджанскимъ нарѣчіемъ.

Современное тюрко-татарское населеніе Кавказа состоитъ изъ перечисленныхъ ниже племенъ.

Турки (*османлисы*) обитаютъ въ юго-западной части Закавказья, именно въ Карсской области, Артвинскомъ и Батумскомъ округахъ, Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ. Можно полагать, что собственно турецкое населеніе составляетъ въ этихъ провинціяхъ только незначительный процентъ, большинство же принадлежитъ къ отуреченнымъ грузинамъ. Послѣ присоединенія къ Россіи Карсской области (въ 1878 г.) значительнѣйшая часть мусульманскаго населенія ея выселилась въ предѣлы Турціи. Оставленныя ими земли заняты отчасти греками, вышедшими изъ разныхъ мѣстъ М. Азіи, отчасти русскими. Большинство послѣднихъ происходитъ изъ русскихъ (молаканскихъ и духоборческихъ) селеній Закавказья.

Среди мусульманъ Карсской области встрѣчаются *туркмены* или, какъ ихъ иногда называютъ, *тараканцы*, нарѣчіе которыхъ представляетъ отличія отъ языка османлисовъ.

Адербейджанскіе турки, называемые обыкновенно *закавказскими татарами*, составляютъ главную массу населенія восточной половины Закавказья. Тюркское нарѣчіе ихъ, подвергшееся сильному вліянію персидскаго языка, называется обыкновенно *адербейджанскимъ*, по имени персидской провинціи, пограничной съ Закавказьемъ. Нарѣчіе это до сихъ поръ не изслѣдовано научнымъ путемъ, равно не опредѣлена точнымъ образомъ область его распространенія. На западѣ оно соприкасается съ нарѣчіемъ османли (турецкимъ языкомъ) населенія Карсской области. Вверхъ по Курѣ оно доходитъ до Тифлиса, стоящаго на рубежѣ грузинскаго и тюркскаго населенія. Въ Прикаспійскомъ краѣ адербейджанское нарѣчіе встрѣчается близъ Дербента съ нарѣчіемъ кумыковъ. Простота и доступность для изученія сдѣлали адербейджанское нарѣчіе международнымъ языкомъ для всего восточнаго Закавказья. Каждый годъ оно дѣлаетъ новые захваты среди горцевъ Дагестана, вліяя на туземные языки и вытѣсняя ихъ мало по малу.

Выше было уже сказано, что въ составъ закавказскихъ татаръ вошли различные этническіе элементы, связанные нынѣ общностью языка и религіи. Только точныя лингвистическія и антропологическія изысканія могутъ опредѣлить происхожденіе каждаго изъ этихъ элементовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ само населеніе отличаетъ себя особымъ именемъ. Такъ, татары Закатальскаго округа называютъ себя *мугалами*, но говорятъ адербейджанскимъ нарѣчіемъ.

Татары. Закавказскіе татары, переселившіе въ Карскую область изъ пограничныхъ губерній Закавказья, извѣстны подъ именемъ *карапапаховъ*.

Въ отношеніи образа жизни закавказскіе татары представляютъ большія отличія, зависящія отъ мѣстныхъ условій и, быть можетъ, отъ племеннаго происхожденія. Нѣкоторые живутъ совершенно осѣдло и занимаются земледѣліемъ и садоводствомъ, другіе сохранили въ большей или меньшей степени кочевыя привычки. По религіи они принадлежатъ къ двумъ главнымъ исповѣданіямъ ислама: суннитскому и шіитскому.

Въ политическомъ отношеніи татары восточнаго Закавказья составляли множество отдѣльныхъ ханствъ, образовавшихся изъ обломковъ персидской монархіи. Съ водвореніемъ русской власти за Кавказомъ ханства эти были одно за другимъ уничтожены.

Кумыки занимаютъ сѣверную часть дагестанскаго прибрежья Каспійскаго моря приблизительно отъ устья Терека до Дербента. На Западѣ они соприкасаются съ чеченцами, аварцами и даргинцами. Южною границею распространенія ихъ считается Башлы-чай, впадающій въ Каспій къ сѣверу отъ Дербента. Здѣсь они сходятся съ другими тюркскими племенами. Кумыкское нарѣчіе принадлежитъ къ ногайской отрасли тюркскаго языка. Научному изслѣдованію оно еще не подвергалось.

Кумыки пришли въ Прикаспійскій край съ сѣвера, но неизвѣстно когда именно. Полагаютъ, что событіе это совершилось не ранѣе конца 12 столѣтія. До прихода кумыковъ западное прибрежье Каспія принадлежало хазарамъ, ведшимъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ упорную борьбу съ персидскими сассанидами, а затѣмъ съ арабами изъ-за обладанія Дербентомъ. Нашествіе племенъ монгольской расы разрушило могущественное хазарское царство и съ тѣхъ поръ хазары исчезли со страницъ исторіи, оставивъ наукѣ загадку своей національности, религіи и языка. Въ настоящее время большинство этнологовъ, историковъ и лингвистовъ относитъ этотъ исчезнувшій народъ къ числу тюркскихъ. Въ виду этого, изслѣдованіе языка, быта и физическаго типа кумыковъ, непосредственныхъ наслѣдниковъ хазарской территоріи, представляетъ величайшій научный интересъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ составъ кумыкскаго народа вошли различные этническіе элементы; въ томъ числѣ и дагестанскіе горцы. По наружному виду кумыковъ можно причислить къ средиземной расѣ.

Кумыки подчинялись съ давнихъ временъ особымъ владѣтелямъ, носившимъ титулъ шамхаловъ. Въ описаніи лакскаго народа было уже сказано о происхожденіи этихъ владѣтелей и о перенесеніи ими своей резиденціи изъ горъ на прибрежную плоскость. Здѣсь вступили они въ сношенія съ русскими, водворившимися на устьяхъ Терека, и упоминаются часто въ старинныхъ дипломатическихъ актахъ подъ искаженнымъ именемъ шевкаловъ. Въ 1718 году, когда власть наша на Сѣверномъ Кавказѣ была уже прочно установлена, шамхалъ Адиль-Гирей призналъ выгоднымъ для себя вступить въ подданство Россіи. Въ пер-

сидскій походъ Петра Великаго онъ оказалъ русскому корпусу важныя услуги доставкою продовольствія и перевозочныхъ средствъ, но вскорѣ измѣнилъ и предпринялъ осаду нашей крѣпости св. Креста на Сулакѣ. По повелѣнію императора Петра онъ былъ схваченъ и сосланъ въ Архангельскую губернію, а достоинство шамхала упразднена и владѣнія его присоединены къ Россіи. Въ 1732 т. шамхальскія земли, вмѣстѣ со всѣми завоеваніями Петра въ Прикаспійскомъ краѣ, были возвращены Персіи. Въ 1734 г. Надиръ-шахъ возстановилъ шамхальское достоинство и вручилъ его Хаспулату, сыну Адиль-Гирея. Въ 1776 г. шамхалъ Муртузали вновь вступилъ въ русское подданство и съ этого времени начинается непрерывная и неизмѣнная вѣрность русской державѣ тарковскихъ владѣтелей, утверждавшихся въ этомъ званіи Высочайшими грамотами. Въ тридцатыхъ годахъ шамхальская власть была ограничена извѣстными правилами, за исполненіемъ которыхъ наблюдали русскіе офицеры, состоявшіе при шамхалахъ въ званіи помощниковъ. Въ 1867 г. Шамсудинъ-ханъ отказался добровольно отъ своихъ шамхальскихъ правъ по управленію народомъ и владѣніе тарковское вошло въ составъ Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа.

Въ первые вѣка существованія шамхальства, оно заключало въ себѣ все кумыкское населеніе. Впослѣдствіи нѣкоторыя части его отпали отъ зависимости тарковскихъ владѣтелей и образовали самостоятельныя политическія единицы. Въ 16 столѣтіи Кумыкская плоскость между Терекомъ и Сулакомъ и часть земель по правому берегу этого послѣдняго поступили въ надѣлъ Султанъ-Мута, сына Амдія-шамхала. Отъ него произошли нынѣшніе кумыкскіе князья, которые въ старину назывались у насъ кумыкскими владѣльцами (костековскимъ, аксаевскимъ, андреевскимъ и пр.) и причиняли большія хлопоты кизлярскимъ комендантамъ своимъ своевольствомъ и раздорами.

Около двухъ столѣтій тому назадъ нѣсколько селеній кумыкскихъ и аварскихъ, состоявшихъ въ зависимости отъ шамхала, добровольно отдались подъ управленіе нѣкоего Мехти или Кара-мехти (=Чернаго Мехти), принадлежавшаго къ членамъ кази-кумухскаго ханскаго дома. Такимъ образомъ возникло *ханство Мехтулинское* или *Мехтулла* (въ переводѣ: мехтіевское). Оно состояло изъ 13 селеній, расположенныхъ въ бассейнѣ р. Манасъ. Главное изъ нихъ Дженгутай было резиденціей хановъ. Впослѣдствіи мехтулинскій ханскій домъ породнился съ аварскимъ, вслѣдствіе чего члены его правили нѣсколько разъ Аваріей. Въ 1867 г. Решидъ-ханъ мехтулинскій отказался отъ своихъ ханскихъ правъ и Мехтула включена въ составъ Темиръ-хань-шуринскаго округа.

Подобно дагестанскимъ горцамъ, кумыки не имѣли лично зависимыхъ сословій, за исключеніемъ незначительнаго числа рабовъ изъ военно-плѣнныхъ и такъ называемыхъ чегаровъ, зависимость которыхъ происходила отъ пребыванія на земляхъ бековъ, потомковъ владѣтельныхъ фамилій. Все остальное населеніе было лично свободно и отбывало только нѣкоторыя, обычаемъ опредѣленныя, повинности въ пользу своихъ владѣтелей и членовъ ихъ семействъ.

Карачаевцы занимаютъ верхнюю долину Кубани отъ истоковъ ея до бывшаго Хумаринскаго укрѣпленія. Тюркское нарѣчіе ихъ до сихъ поръ не изслѣдовано; вѣроятно оно принадлежитъ къ ногайской вѣтви. Точно также остается неизвѣстнымъ когда и какія причины заставили этотъ малочисленный народъ покинуть степи и искать убѣжища въ горныхъ ущельяхъ среди чуждыхъ ему по происхожденію племенъ. По однимъ преданіямъ, карачаевцы кочевали около Крыма, по другимъ они происходятъ отъ тѣхъ татарскихъ ордъ, которыя кочевали нѣкогда на берегахъ Кумы и владѣли городомъ Маджары, лежащимъ нынѣ въ развалинахъ. Сосѣдство и сношенія съ абхазцами и кабардинцами обнаруживаются какъ въ физическомъ типѣ карачаевцевъ, такъ и въ ихъ нравахъ, обычаяхъ и одеждѣ. По условіямъ мѣстности и, быть можетъ, по унаслѣдованнымъ привычкамъ, они до сихъ поръ занимаются коневодствомъ и скотоводствомъ, чему способствуютъ прекрасныя нагорныя пастбища Главнаго хребта. Подчиненіе Карачая русской власти подчинилось въ 1828 г. послѣ похода генерала Емануеля. До этого они находились въ нѣкотораго рода зависимости отъ князей Б. Кабарды, которые владѣли выходами изъ карачаевской котловины на плоскость и потому заставляли карачаевцевъ платить себѣ дань за свободный пропускъ на зимнія пастбища.

Къ западу отъ карачаевцевъ, въ верховьяхъ Баксана, Чегема и Черека, живутъ небольшія тюркскія общества, извѣстныя подъ общимъ именемъ ворскихъ татаръ. Въ частности, обитающіе по Баксану называются *урусбіевцами*, по Чегему—*чегемцами*, по Урвану, лѣвому истоку Черека,—*безингіевцами*, по Черку—*балкарцами*. Подобно карачаевцамъ, они занимаются преимущественно скотоводствомъ и состояли въ зависимости отъ кабардинцевъ. Нарѣчіе и происхожденіе этихъ мелкихъ мусульманскихъ народцевъ до сихъ поръ не изслѣдованы.

Ногайцы обитаютъ въ степи между рр. Кумою и Терекомъ и при устьѣ Сулака. Кромѣ того небольшія поселенія ихъ находятся близъ Пятигорска и при слияніи Зеленчука съ Кубанью.

Нынѣшніе ногайцы Сѣвернаго Кавказа представляютъ собою только незначительные остатки многочисленныхъ кочевыхъ ордъ, владѣвшихъ приказказскими степями во время могущества кипчакскаго царства. Послѣ присоединенія Астрахани къ Россіи нойгайцы поступили подъ верховную власть московскихъ царей. Но и крымскіе ханы считали ихъ своими подданными. Изъ этихъ двойственныхъ отношеній къ Москвѣ и Крыму возникли среди ногайцевъ усобицы, послѣдствіемъ которыхъ были постоянные переходы кочевниковъ съ Волги и Терека на Кубань и обратно.

Когда крымское ханство пало и владѣнія его на Кавказѣ подчинились Россіи, ногайцы, кочевавшіе къ сѣверу отъ Кубани, были переселены частью въ восточную половину Предкавказья, частью въ Мелитопольскій уѣздъ. Мѣра эта вызывалась необходимостью удалить кочевниковъ отъ вліянія турокъ, пользовавшихся всѣми случаями для возбужденія противъ насъ населенія Кавказа. Во время передвиженія часть ногайцевъ успѣла бѣжать за Кубань къ враждебнымъ намъ горцамъ. На оставленныхъ кочевниками земляхъ были водворены черноморскіе казаки.

Въ настоящее время ногайцы, считавшіе во времена могущества Золотой орды подвластными своими всѣ горскія племена Сѣвернаго Кавказа, составляютъ мирное населеніе степей между Кумою и Терекомъ. Они распадаются на нѣсколько отдѣленій, извѣстныхъ подъ именами *джембулуковцевъ*, *едисанцевъ*, *едишкульцевъ* и *кара-ногайцевъ*, а въ административномъ отношеніи образуютъ особое Ачикулакъ-Джембулуковское приставство.

Ногайцы, живущіе на Кубани и около Пятигорска, извѣстны подъ именемъ *кубанскихъ татаръ*. Они ведутъ осѣдлый образъ жизни. Въ ихъ физическомъ типѣ, нравахъ и бытѣ проявляется значительное вліяніе кабардинцевъ и другихъ черкесскихъ племенъ.

Къ западу отъ ногайцевъ, по Калаусу и Восточному Манычу, находятся кочевья *туркменъ*, называемыхъ у насъ неправильно *трухменами* и *трухменцами*. Они кочевали прежде на полуостровѣ Мангишлакѣ, но въ 1630 г. покорены калмыками и приведены ими на прикавказскія степи. Скотоводство составляетъ и теперь главное ихъ занятіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается наклонность къ принятію осѣдлаго образа жизни. Религія магометанская суннитскаго толка.

Среди ставропольскихъ туркменъ находится незначительное число *киргизовъ*, вполнѣ усвоившихъ себѣ туркменскіе нравы и обычаи.

Калмыки занимаютъ степь между Б. Егорлыкомъ и

озеромъ Манычемъ. Въ первой половинѣ 17 столѣтія они, подъ предводительствомъ Хо-Урлюка прикочевали изъ Средней Азіи къ Уралу и приняли русское подданство. Затѣмъ перешли на правую сторону Волги и заняли кавказскія степи, подчинивъ себѣ ногайскія племена. Калмыцкіе ханы оказали нашему правительству много услугъ въ дѣлѣ установленія русской власти на Сѣверномъ Кавказѣ. Аюка-ханъ принималъ участіе въ персидскомъ походѣ Петра Великаго, а Убаши-ханъ въ военныхъ дѣйствіяхъ прошедшаго столѣтія противъ закубанскихъ горцевъ и ногайцевъ, подчинившихся крымскимъ ханамъ.

Поселенные нынѣ въ Ставропольской губ. калмыки принадлежатъ къ Большому Дербетовскому улусу. Они ведутъ кочевой образъ жизни и исповѣдуютъ буддійскую религію. Языкъ принадлежитъ къ монгольской вѣтви уралo-алтайскаго семейства.

Въ настоящемъ обзорѣ перечислены только главнѣйшіе народы, населяющіе Кавказскій перешеекъ. Кромѣ нихъ, въ различныхъ мѣстностяхъ края обитаютъ незначительные по числу представители различныхъ пришлыхъ племенъ. Одни изъ нихъ вселились въ недавнее время, послѣ подчиненія Кавказа Россіи, другіе въ болѣе или менѣе отдаленныя эпохи. Къ первымъ принадлежатъ нѣмцы, чехи, болгары, греки, эсты и пр., занявшіе по вызову правительства свободныя земли въ краѣ.

Нѣмцы поселены колоніями въ Ставропольской губ., Кубанской и Терской областяхъ, Тифлисской и Елисаветпольской губерніяхъ, Сухумскомъ и Черноморскомъ округахъ. Старѣйшая изъ колоній, такъ-называемая Шотландская или Каррасъ близъ Пятигорска, основана въ 1803 г. шотландскими миссіонерами. Они вытѣснены постепенно изъ этой колоніи нѣмцами, пришедшими изъ саратовскихъ нѣмецкихъ поселеній. Закавказскія колоніи (Тифлисской и Елисаветпольской губ.) основаны въ 1818 году выходцами изъ Виртемберга. Всѣ остальныя учреждены значительно позже.

Греки. Поселенія *грековъ*, вышедшихъ изъ Малой Азіи, находятся на Сѣверномъ Кавказѣ въ Кубанской области и Ставропольской губерніи, а за Кавказомъ въ Черноморскомъ и Сухумскомъ округахъ, въ Тифлисской губерніи и Карсской области. Въ Тифлисской губерніи они занимаютъ мѣстность Цалку въ верховьяхъ р. Храма.

Евреи. Къ мелкимъ племенамъ, издревле обитающимъ на Кавказскомъ перешейкѣ, относятся *евреи*, представляющіе большой интересъ въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. Они сосредоточены главнымъ образомъ въ Прикаспійскомъ краѣ и живутъ особыми слободками въ Кубѣ и Дербентѣ. Полагаютъ, что поселеніе ихъ на Кавказѣ относится къ очень отдаленнымъ временамъ, быть можетъ, къ дохристіанской эпохѣ. Они говорятъ татскимъ языкомъ. Сверхъ того, евреи живутъ въ западной части Закавказья (въ Тифлисской и Кутаисской губ.), гдѣ усвоили себѣ грузинскій языкъ. На Кубани существуетъ небольшое поселеніе евреевъ, вышедшихъ изъ горъ послѣ выселенія черкесовъ. Евреи Терской области происходятъ изъ Прикаспійскаго края. Всѣ эти евреи называются обыкновенно *кавказскими* въ отличіе отъ тѣхъ, которые водворились въ краѣ при русскомъ правительствѣ.

Цыгане. Среди татарскаго и армянскаго населенія Закавказья встрѣчаются также осѣдлые и бродячіе *цыгане*, извѣстные въ краѣ подъ именемъ *боша* и *карачи*.

Сказки, анекдоты, пословицы, поговорки и загадки.

О кладѣ подъ церковью Магаловыхъ.

(Грузинское преданіе).

Въ Горійскомъ уѣздѣ, недалеко отъ сел. Кавтисъ-Хеви, вправо отъ дороги, ведущей въ монастырь Квабтахеви, находится одна старинная церковь, подъ названіемъ „церковь Магаловыхъ“. Эта церковь построена на землѣ одного грузинскаго дворянина Магалова и, вѣроятно, поэтому носитъ такое названіе. Церковь эта имѣетъ довольно обширную ограду. Въ этой оградѣ укрывались грузины, когда ихъ преслѣдовали непріятели. Изъ Тріалетскихъ горъ, которыя находятся отсюда не очень далеко, по разсказамъ старика, была проведена труба въ эту ограду. Пастухи, которые пасли свои стада на Тріалетскихъ горахъ, по этой трубѣ доставляли молоко осажденнымъ грузинамъ. Говорятъ, что подъ этою церковью находится кладъ въ подземельяхъ; крестьяне неоднократно старались проникнуть туда, но такъ какъ ходъ, ведущій въ это подземелье, очень длиненъ, и свѣча въ немъ отъ недостатка воздуха скоро гаснетъ, то потому никто не могъ добраться до того мѣста, гдѣ находится кладъ. Какъ только свѣча гасла, всѣ съ крикомъ выбѣгали, говоря, что нечистый духъ потушилъ свѣчу. Однако же, нашелся такой храбрецъ, который въ темнотѣ спустился въ подземелье и принесъ оттуда много серебряныхъ и золотыхъ вещей и рѣдкихъ монетъ.

Вотъ что разсказывалъ своему сыну, теперь уже старику, этотъ храбрецъ: „Въ моей молодости, мнѣ не разъ приходилось слышать, что подъ церковью Магаловыхъ находится кладъ, но, опасаясь нечистаго духа, никто не осмѣливался спуститься туда. Я былъ смѣлъ. Взявъ св. икону Іоанна Предтечи, я отправился туда, сказавъ: „Либо панъ, либо пропалъ“. Слава Богу я достигъ своей цѣли. Я досталъ кувшинъ, въ которомъ было много серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ. Купилъ я на эти деньги пять-шесть паръ воловъ, завелъ себѣ плугъ, нанялъ работниковъ и, такимъ образомъ, разбогатѣлъ. Но счастье мое было непродолжительно. Моя жена послѣ этого не могла заснуть спокойно. Бывало, какъ только задремлетъ, начинаетъ кричать: „Помогите! вѣдьма хочетъ меня задушить!“ Сначала я на это не обращалъ никакого вниманія, думая, что скоро все пройдетъ. Но вслѣдъ за этимъ и со мною случилось подобное несчастье: мнѣ каждую ночь представлялось, что какой-то старикъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ, чтобъ я отнесъ взятыя деньги назадъ, а не то старуха придетъ и задушитъ меня. Я ходилъ ко многимъ ворожеямъ и муллямъ, но никто не могъ помочь моей бѣдѣ; тогда взялъ я и на оставшіяся деньги построилъ церковь во имя Іоанна Предтечи“.

Земля свое возьметъ.

(Грузинская сказка).

Жила одна вдова; у нея былъ сынъ. Мальчикъ росъ и видѣлъ, что у всѣхъ, кромѣ него, были отцы. Сынъ приставалъ къ матери: „Мама, почему у всѣхъ есть отцы, а у меня нѣтъ отца?“—„Умеръ, сынъ мой!“—отвѣтила мать.—„Значитъ не придетъ больше?—продолжалъ сынъ,

что такое смерть?"—„Онъ-то не придетъ къ намъ, а мы пойдемъ къ нему, дорогой!"—отвѣтила мать:—„Смерти никто не избѣжитъ, мы всѣ умремъ и въ землю сойдемъ!"—„Я не просилъ у Бога жизни, а если онъ далъ ее мнѣ, то зачѣмъ же отнимать?—сказалъ огорченный мальчикъ:—я пойду въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ смерти!" Мать останавливала сына, но онъ не послушался. Мальчикъ обошелъ весь свѣтъ, но куда ни приходилъ онъ и гдѣ ни спрашивалъ, есть ли смерть или нѣтъ,—всюду слышалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „есть, есть!" Въ то время юношѣ минулъ уже двадцатый годъ, а онъ все не находилъ мѣста безсмертія. Разъ юноша шелъ по широкому полю; вдругъ онъ впереди увидѣлъ оленя; его вѣтвистые рога уходили въ облака. Юноша подошелъ къ оленю; ему очень понравились рога оленя, и онъ спросилъ его: „Заклинаю тебя твоимъ Создателемъ, скажи мнѣ: есть ли гдѣ-нибудь мѣсто, гдѣ бы смерти не было?" Олень отвѣтилъ: „Я посланникъ Божій и исполняю его волю; пока мои рога не достигнутъ неба, я буду жить; достигнутъ—умру; хочешь останься и будешь жить, пока я живъ, не нуждаясь ни въ чемъ".—„Нѣтъ!—отвѣчалъ юноша:—если жить, такъ вѣчно; если бы я хотѣлъ умереть, то и тамъ бы умеръ, зачѣмъ же было итти по міру искать полужизни!" Оставилъ юноша оленя и продолжалъ путь свой. Прошелъ юноша поля, прошелъ степи, лѣса и, наконецъ, достигъ одной пропасти; бездна ея зіяла адской глубиной. По краямъ пропасти возвышались скалы; на одной скалѣ неподвижно сидѣлъ черный воронъ. Юноша подошелъ близко къ ворону и спросилъ его: „Воронъ, не знаешь ли страны, гдѣ бы не было смерти?"—„Я вѣстникъ Божіей воли и буду жить до тѣхъ поръ, пока не наполню эту бездну пометомъ; желаешь—останься: будешь жить со мною, не нуждаясь ни въ чемъ, пока я живъ!"—Но и ворона не послушался юноша и пустился далѣе. Миновалъ юноша границы суши и пришелъ къ океану. Юноша нѣсколько дней ходилъ по берегу океана, но никого не встрѣтилъ. Разъ юноша увидѣлъ вдали блестящую точку; онъ тотчасъ направился туда и увидѣлъ, что это былъ домъ изъ стекла. Юноша искалъ дверей, но не находилъ; наконецъ, онъ замѣтилъ одну линію на стеклѣ; юноша придавилъ стекло на томъ мѣстѣ, и дверь отворилась. Въ комнатѣ лежала такая красавица, что ея красотѣ позавидовало бы и красное солнышко; когда она выходила изъ дома, то солнцу свѣтъ прибавлялся. Юношѣ понравилась дѣвица; онъ подошелъ къ ней и спросилъ: „Прекрасная, я бѣжалъ изъ міра смерти; не знаешь ли такой страны, гдѣ бы не было смерти?"—„Такой страны нѣтъ!—отвѣчала красавица:—чего же ты ищешь? Останься со мною!"—„Я не къ тебѣ шелъ, а искалъ мѣста безсмертія",—отвѣчалъ юноша. „Нѣтъ,—сказала красавица,—земля свое возьметъ: ты безсмертія не достоинъ; скажи сколько мнѣ лѣтъ, если можешь?" Юноша посмотрѣлъ на красавицу: ея молодая грудь, цвѣтъ ея ланитъ такъ очаровали его, что онъ сразу забылъ и смерть и жизнь. Юноша едва отвѣтилъ: „Тебѣ не болѣе 15-ти лѣтъ!"—„Нѣтъ,—продолжала красавица,—я въ первый день творенья создана и до сихъ поръ такой и остаюсь. Меня Красотою зовутъ; я вѣчно буду такою и никогда не умру! Ты могъ бы остаться у меня, но ты не достоинъ безсмертія; тебѣ жизнь вѣчная надоѣстъ!" Юноша далъ обѣтъ, что никогда не пойдетъ противъ ея воли и вѣчно съ нею будетъ жить. Года летѣли за годами, какъ секунды, земля перемѣнялась, но юноша ничего не чувствовалъ; красавица не увядала. Такъ прошла тысяча лѣтъ. Юношѣ захотѣлось посмотрѣть на родину; возгорѣлось въ немъ желаніе видѣть мать и знакомыхъ, и онъ сказалъ дѣвицѣ: „Теперь я долженъ пойти и посмотрѣть на мать и родныхъ!"—„И костей ихъ теперь не существуетъ,—отвѣтила Красота,—куда пойдешь?"—„Что ты говоришь?—прервалъ ее юноша,—я только-что пришелъ, какъ они успѣли бы умереть". „Я же говорила тебѣ, что ты безсмертія не достоинъ,—укоряла его Красота:—ступай, но возьми эти три яблока, и когда придешь туда, то съѣшь!" Пошелъ юноша, и вотъ показались знакомыя мѣста. Вотъ бездонная пропасть; воронъ только что умеръ и высохшій сидѣлъ на скалѣ, наполнивъ пропасть пометомъ. У юноши сердце надорвалось; ему припомнились слова Красоты, ему захотѣлось вернуться, но было поздно: что-то тянуло его впередъ. Юноша миновалъ скалы и лѣса и вышелъ на знакомую равнину; прошелъ онъ половину степей, и вотъ показался олень: на его рога опиралось небо, а самъ онъ былъ мертвъ. Теперь только повѣрилъ юноша, что прошло много времени, но все-таки онъ спѣшилъ на родину. Пришелъ юноша въ свое селеніе, но знакомыхъ уже никого не было. Онъ разспрашивалъ о матери, но о ней никто и не слыхалъ; но, наконецъ, онъ увидѣлъ стариковъ, которые сказали, что, дѣйствительно, по преданію, женщина, о которой онъ спрашиваетъ, жила за тысячу лѣтъ, но невозможно, чтобъ ея сынъ жилъ теперь. Народъ не вѣрилъ, что онъ сынъ той женщины, думая, будто онъ посланъ Богомъ. Разнеслась молва объ этомъ въ селѣ, и народъ шелъ за нимъ подобно рою саранчи. Наконецъ, юноша пришелъ на то мѣсто, гдѣ былъ ихъ домъ: на мѣстѣ ихъ дома все еще виднѣлись желтыя стѣны, покрытыя мхомъ и крапивою. Юношѣ припомнилось все: и мать, и дѣтство,—и стало ему горько. Наконецъ, онъ вспомнилъ объ яблокахъ. Съѣлъ одно изъ нихъ—и тотчасъ же сѣдая борода покрыла его грудь; съѣлъ второе—колѣни ослабѣли, силы пропали, и сдѣлался онъ разслабленнымъ. Стыдясь самаго себя, онъ попросилъ проходившаго мимо мальчика подойти къ нему, достать изъ кармана яблоко и подать ему. Мальчикъ подалъ ему яблоко; разслабленный скушалъ его и испустилъ духъ. Вынесли его сельчане и Христа ради похоронили.

Находчивый отвѣтъ.

(Грузинскій анекдотъ).

Царь разсердился на своего вельможу, посадилъ его въ тюрьму и не желая дать ему свободу, согласился однако съ ходатаями выпустить арестованнаго съ условіемъ, что онъ доставитъ ко двору, какъ рѣдкость, жеребца масти не сѣрой, не вороной, не караковой, не гнѣдой, не бѣлой, не чалой, не буланой, не рыжей, не пѣгой, не саврасой и т. д.

При этомъ царь перечислилъ всѣ, какія только есть на свѣтѣ масти.

Арестованный вельможа согласился доставить лошадь, если его ходатаи возьмутъ царское слово освободить его немедленно. Получивъ свободу, вельможа, въ свою очередь, просилъ прислать конюха для принятія лошади не имѣющей никакой масти, съ условіемъ, чтобы конюхъ былъ присланъ за лошадью не въ понедѣльникъ, не во вторникъ, не въ среду, не въ четвергъ, не въ пятницу, не въ субботу и не въ воскресенье, а въ остальные дни, когда царю будетъ угодно.

Пустынникъ-философъ.

(Грузинскій анекдотъ).

Нѣкій восточный мудрецъ любилъ уединеніе, гдѣ вдали отъ людей разсуждалъ о многихъ явленіяхъ этого суетнаго міра. Мудрецъ старался проводить все свое время на открытомъ воздухѣ, и это было для него тѣмъ возможнѣе, что родина его находилась на благодатномъ югѣ, гдѣ нѣтъ зимы и ненастье считается явленіемъ весьма рѣдкимъ.

Гуляя разъ по роскошному съ тропической растительностью саду, мудрецъ остановился передъ вѣковымъ орѣховымъ деревомъ, сплошь усѣяннымъ вызрѣвающими плодами и началъ разсуждать въ слухъ:—отчего такъ странно и неравномѣрно бываетъ въ природѣ? Вотъ, на-

примѣръ, предо мною вѣковой орѣхъ, едва-едва не упирающійся своею вершиною въ облака, а какіе маленькіе плоды производитъ этотъ гигантъ, и вотъ, онъ растетъ изъ года въ годъ, а плоды его не увеличиваются въ объемѣ. Между тѣмъ, на грядахъ, лежащихъ у подножья орѣха-гиганта, зрѣютъ огромныя тыквы, дыни и арбузы, едва прикрѣпленныя къ землѣ сравнительно тонкими стеблями. По настоящему, слѣдовало бы тыквамъ, какъ большимъ плодамъ, расти на деревьяхъ орѣха, а орѣхамъ—на стеблинкахъ тыквъ. Отчего такъ странно и неравномѣрно бываетъ въ природѣ?

Мудрецъ глубоко задумался и долго ходилъ по саду, пока, наконецъ, ему не захотѣлось спать. Не желая возвращаться домой, онъ пришелъ подъ вѣтвистое дерево и, устроивъ себѣ кое-какъ ложе, заснулъ сномъ праведника. Спустя нѣсколько времени, спящій почувствовалъ легкій ударъ по лицу, потомъ—другой и третій; мудрецъ открылъ глаза и въ это время свалился ему прямо на носъ совершенно вызрѣвшій орѣхъ.

Мудрецъ быстро вскочилъ на ноги и проговорилъ:

— А... а! Теперь понятно, теперь я понимаю тайну природы. Боже, я прогнѣвилъ тебя!

Если бы на этомъ деревѣ росли, вмѣсто орѣховъ, дыни, тыквы или арбузы, то мнѣ этимъ ударомъ размозжило бы голову. Осуждать твое твореніе никто не долженъ...

—

Грузинскія пословицы.

1. Рыба молвила: многое имѣю сказать, да ротъ у меня полонъ воды.
2. Съ поднимающимся поднимись, съ спускающимся спустись.
3. У иного и вата трещитъ, а у другого и орѣхи не шумятъ.
4. Христосъ Богъ былъ узнанъ по уму.
5. Волка волкомъ называли, а чекалка разорила весь свѣтъ.
6. Хватай съ того берега, чтобы получить на этомъ (берегу).
7. Искусство лучше силы, если человѣкъ спохватится (вспомнитъ).
8. Уворовавшій иголку—то же, что укравшій верблюда.
9. Сдѣлай, чтобы не шашлыкъ, ни вертелъ не обгорѣлъ.
10. Злой сынъ заставляетъ ругать своихъ родителей.
11. Кошка не могла достать до колбасы и сказала: сегодня вѣдь среда, либо пятница (постные дни).
12. Что кликнешь въ (пустой) винный кувшинъ, тѣмъ онъ тебѣ и отзовется.
13. Старухѣ захотѣлось въ январѣ земляники.
14. Оселъ выдернулъ колъ (къ которому былъ привязанъ) и тѣмъ нанесъ себѣ одинъ ударъ, а другимъ тысячу.
15. Нищій гордецъ противенъ.
16. Лисицѣ что думалось на яву, то грезилось и во снѣ.
17. Мышь рыла, рыла и дорылась до кошки.
18. Когда дома плачетъ дитя, къ чему по сосѣдямъ раздавать кушанье?
19. Рыбу нельзя цѣнить въ рѣкѣ (пока не поймана).
20. На что жаловался слѣпой?—На неимѣніе обоихъ глазъ.
21. Что нужно вору?—Темная ночь.
22. Много денегъ, мало ума.
23. Не слѣдуй за правдой, она истощитъ у тебя зрѣніе.
24. Принесенное вѣтромъ вѣтеръ и унесетъ.
25. Всякая муха жужжитъ, но противъ пчелы всѣ онѣ лгутъ.

—

Сванетскія пословицы.

1. Куница пошла пріобрѣсти что-нибудь, но и шкуру тамъ оставила.
2. Отъ похвалы священникъ живыхъ хоронить началъ.
3. Послѣ того какъ сломали домъ, кто-то крѣпко заперъ двери.
4. Строителю храма отрѣзали руки.
5. Гора съ горою не встрѣтится человѣкъ съ человѣкомъ встрѣтится.

—

Сванетскія загадки.

1. Въ какой мѣрѣ ударишь, въ такой и работаешь. (Долото).
2. Четыре брата, всѣ четверо работаютъ, а благодарность только одному. (Кузнецъ, наковальня, молотъ и клещи).
3. 16 паръ братьевъ, иногда имъ хорошо иногда плохо, всегда ссорятся. (Зубы).
4. Самъ мертвецъ, имѣетъ двухъ живыхъ и кормитъ міръ. (Плугъ и пара быковъ).

—

Армянскія пословицы.

1. Я знаю много пѣсенъ, но пѣть не могу.
2. Когда видишь, что вода не слѣдуетъ за тобою, то послѣдуй за нею.
3. Когда падаетъ дерево, является много дровосѣковъ.
4. Кто падаетъ въ воду, тому нечего бояться дождя.
5. Кто хорошо плаваетъ, тому конецъ въ водѣ.
6. Крѣпкій уксусъ разрываетъ сосудъ.
7. Хотя собаки между собою и дерутся, но противъ волка держатъ согласіе.
8. Тотъ лишь человѣкъ, кто читать умѣетъ.
9. Цыпленокъ обнаруживается въ яйцѣ, ребенокъ въ колыбели.
10. Что въ дѣтствѣ пріобрѣтешь, на то въ старости опрешься.
11. Одинъ умъ хорошъ, два—лучше.
12. Съ малаго начинай, достигнешь большого.
13. Чортъ опытный лучше ангела не опытнаго.
14. Что говоритъ большой, слышитъ малый.
15. Кто украдетъ яйцо, уворуетъ и лошадь.
16. Верти такъ, чтобы не сгорѣли ни вертелъ, ни жаркое.
17. Одинъ испортитъ славу тысячъ.
18. Свинья сказала: съ тѣхъ поръ какъ увеличилось число дѣтей моихъ, я нигдѣ не напьюсь чистой воды.
19. Какъ скажешь, такъ и услышишь.
20. Дѣдъ поѣлъ зеленаго винограда, а у внука оскомина набилась.
21. Одинъ дурной поступокъ порождаетъ другой.
22. Домой ступай, когда накрывается столъ, а въ церковь, когда отходитъ обѣдня.
23. Дома чортъ, внѣ дома попъ.
24. Мужа и жену сотворилъ Богъ, а кто монаха?
25. Бѣденъ и гордъ.
26. Во снѣ голодный видитъ хлѣбъ, жаждущій воду.
27. Прежде чѣмъ толстому похудѣть, тощему умереть.
28. Змѣя въ пищѣ богатаго—лѣкарство, неимущаго—утоленіе голода.
29. Сосѣду своему пожелай одну корову, Богъ тебѣ дастъ двѣ.
30. Что для кошки игра, то для мышки смерть.

—

Кюринскія пословицы.

1. Скотинѣ, подаренной ханомъ, въ зубы не смотрятъ.
2. Не смѣйся надъ своимъ сосѣдомъ, на твою голову падетъ.
3. Въ яму тобою вырытую самъ и упадешь.
4. Каждый кажется себѣ великаномъ.
5. Чужой сосѣдъ лучше безполезнаго брата.
6. Оцѣни (узнай) то, что я тебѣ сдѣлалъ, если не поймешь, то пусть оно станетъ тебѣ во вредъ.
7. Каждый посѣянное имъ и собираетъ.
8. Богъ смотритъ не на твое имущество, а на твое сердце.
9. Надѣнь на вола сѣдло—лошадью не сдѣлается.
10. Чѣмъ хватать человѣка за подолъ, лучше просить Бога (если столько же просить у Бога, сколько у тебя, то Богъ давно далъ бы просимое).
11. Сидящіе со свиньей—грязны, а сидящіе съ джейраномъ—всѣ въ цвѣтахъ.
12. Посѣянное здѣсь—тамъ пожнешь (за земные поступки отвѣтишь на томъ свѣтѣ).
13. Любимый хоть на берегу моря, останется любимымъ, а нелюбимый, хоть на краю глаза все-таки нелюбимымъ останется.
14. За добро платить добромъ можетъ каждый человѣкъ, но за зло платить добромъ нужно быть героемъ.
15. Больного не слѣдуетъ спрашивать: хочешь ли?
16. Если бы я столько просилъ еврея, онъ подарилъ бы мнѣ осла.
17. Мельникъ мелетъ свою муку, а что-то другое сердце его мелетъ.
18. Брось въ море рыбу! Если она не оцѣнитъ благодѣянія, Богъ это увидитъ.
19. Онъ не знаетъ: рога ли у быка, уши ли у осла.
20. Если въ могилѣ есть змѣи, то можно ли выйти оттуда? (Не бѣжать мнѣ изъ общества, если въ немъ есть враги мои).
21. Оселъ издохнетъ—осленокъ его мѣсто займетъ.
22. Впередъ пойдешь—головой ударишься, назадъ пойдешь—ногой ударишься.

Татарскія пословицы.

1. Отрубленная голова молчалива.
2. Собака собакѣ на ногу не наступитъ.
3. Кто передъ собою видитъ городъ, тому не нужно проводника.
4. Если не имѣющему бороды всякій дастъ по волоску, то у него составится борода.
5. Въ своемъ глазѣ не видишь бревна, а въ чужомъ замѣчаешь волосъ.
6. Кто вдали отъ глаза, тотъ далекъ и отъ сердца.
7. Ротъ народа также широкъ, какъ ротъ (отверстіе) мѣшка.
8. Глухой слышитъ то, о чемъ самъ мыслитъ.
9. Кто боится воробья, не долженъ сѣять просо.
10. Кто владѣетъ языкомъ спасаетъ голову.
11. Рука руку моетъ, а руки лицо.
12. Кто самъ упалъ—не плачетъ.
13. Кто ищетъ друга безпорочнаго, останется безъ друзей.
14. Желудокъ ближе брата.
15. Что вошло въ желудокъ, то есть прибыль.
16. Два плясуна на одномъ канатѣ не пляшутъ.
17. Отъ произнесенія слова „медъ“ во рту не станетъ сладко.
18. Лѣта лошади спрашиваютъ на ярмаркѣ.
19. Спѣшащая нога скоро спотыкнется.
20. Въ дерево, не имѣющее плодовъ, камня не бросаютъ.
21. Съ одной овцы двухъ шкуръ не бываетъ.
22. Правдивое слово горько.
23. Съ другомъ ѣшь и пей, а въ торговыя сдѣлки не пускайся.
24. Чтобы чесаться, нужны ногти.
25. Два арбуза подъ одной мышкой не помѣстятся.
26. Если козла не тронетъ волкъ, онъ дойдетъ до Мекки.
27. Кто боится волка не собиретъ стадо.
28. Волкъ явится тамъ, гдѣ о немъ говорятъ.
29. Чтобъ избавиться дыма не бросайся въ огонь.
30. Волкъ любитъ темноту.

IV. СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Коренная нужда сельскохозяйственной и другой промышленности въ краѣ.

I.

Замѣчательно, что біографіи выдающихся людей всѣхъ народовъ, указывая на нравственное вліяніе на нихъ, главнымъ образомъ, матерей, рѣдко отцовъ, тетокъ—въ періодахъ дѣтства,—а, затѣмъ, юношества, какъ бы наталкиваютъ на основное положеніе, что у хорошей матери, образованной, умной, съ добрымъ, мягкимъ и чистымъ сердцемъ, сынъ или дочь должны, непремѣнно, въ жизни выйти порядочными людьми, или же, чѣмъ либо, выдѣлиться, въ концѣ концовъ, изъ ряда обыкновеннаго. У родителей, или воспитателей, неотличающихся особенно строгой нравственностью и воспитанники, въ большинствѣ случаевъ, являются полууродами, или, даже, полными нравственными уродами, очень рѣдко порядочными людьми, но, въ такихъ исключительныхъ случаяхъ, надо искать чье либо постороннее вліяніе. Нравственное воздѣйствіе матери сначала на ребенка, а потомъ и на юношу, несомнѣнно, интенсивнѣе потому, что ей ближе и тѣснѣе приходится въ жизни съ нимъ соприкасаться и, по свойству ея болѣе нѣжной и мягкой натуры, имѣть большее вліяніе на дѣтище.

Больное мѣсто нашего туземца, или нашей туземной семьи, особенно, отдаленныхъ окраинъ мѣстъ Кавказа, —это положительное отсутствіе какого бы то ни было нравственнаго и умственнаго его воспитанія. Соприкасаясь близко къ природѣ и, въ большинствѣ случаевъ, не находя для инстинктовъ своихъ преградъ, онъ, часто, уподобляется вольнымъ обывателямъ лѣсовъ и горъ: для него нѣтъ препятствій, нѣтъ закона. Удалью и особеннымъ достоинствомъ считается въ полудикой осетинской, татарской или лезгинской семьѣ, напримѣръ, ловко стащить у сосѣда лошадь, или барана, или убить съ цѣлью завладѣнія собственности. Мать первая преподаетъ сыну своему подобные уроки, поощряя его каждый разъ за ловкость, съ какою совершенъ имъ тотъ либо иной проступокъ. Условія мѣстности, некультурность, отчасти и климатическія условія, безусловно, оправдываютъ туземца; поэтому строго судить его и употреблять репрессивныя мѣры наказанія, понятно, не слѣдуетъ. Но какъ же пресѣчь все-же не рѣдко повторяющіеся и теперь еще случаи преступленій? Для полнаго искорененія зла существуетъ мѣра весьма симпатичная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радикальная, но для этого нужны, понятно, время, энергія, настойчивость, искреннее желаніе, а средства найдутся.

II.

Прежде чѣмъ говорить объ этой мѣрѣ, обрисуемъ обстановку жизни туземца. Необъятыя горы, рѣзкіе контрасты на разныхъ высотахъ въ климатѣ; большое разнообразіе въ достоинствѣ и качествѣ почвы по части плодородія ея въ самыхъ ничтожныхъ по площади районахъ, отдаленность, или, даже, полнѣйшее отсутствіе культурныхъ сосѣдей и постоянный страхъ раззоренія отъ неожиданныхъ хищеній—не давалъ и теперь еще нерѣдко не даетъ возможности кавказцу—особенно нагорныхъ мѣстъ—заняться чѣмъ либо однимъ, опредѣленнымъ, и характернымъ той, либо другой мѣстности, и пріобрѣсти себѣ, такимъ образомъ, постоянную осѣдлость, имущество, или, что называется, зажиточность. Костюмъ туземца, сакля, гдѣ онъ живетъ, обстановка его жизни и самое селеніе, гдѣ онъ живетъ, несутъ характеръ временнаго его пребыванія и существованія здѣсь: все это сдѣлано быстро, на живую нитку, непрочно, неосновательно и не имѣетъ никакой цѣнности, и на свѣжаго человѣка производитъ удручающее впечатлѣніе. Хотя времена легендарныхъ взаимныхъ набѣговъ уже прошли, но обстановка и характеръ старины глубоко пустили корни и въ молодые отпрыски, которые, въ большинствѣ случаевъ, недаютъ себѣ отчета въ возможности улучшенія быта, довольствуясь полуживотной обстановкой. Неумѣнье пользоваться той благодатью, которую природа посылаетъ туземцу въ формѣ чудныхъ пастбищъ, разнообразнаго плодородія земли, обилія ископаемаго, животнаго и растительнаго царства, даровыхъ силъ природы и проч. проч., поражаютъ каждаго культурнаго человѣка, ставя ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ укоръ, какъ это онъ до сего времени могъ допустить своего собрата, стоящаго, въ силу историческихъ обстоятельствъ, на низшей степени умственнаго и нравственнаго развитія, или, иначе, какъ до сего времени онъ не натолкнулъ его и не указалъ ему пути, какъ выбраться изъ безсознательнаго состоянія и не помогъ ему въ этомъ..... Грустно и больно становится ежедневно наталкиваться на подобныя картины, и видѣть, какъ попирается дарованная благодать и какъ ею туземецъ не могъ воспользоваться сотни лѣтъ еще тому назадъ и до сего времени, подвергая себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалкому, и, въ большинствѣ случаевъ, нищенскому существованію.

III.

Въ силу упомянутой исторической обстановки и выработался типъ туземца, мало привычнаго къ труду и даже лѣниваго, неумѣющаго примѣняться къ обстоятельствамъ жизни и не разбирающаго средствъ для удовлетворенія своихъ необходимыхъ житейскихъ потребностей: земля не родитъ, онъ у сосѣда стащитъ хлѣба, на большой дорогѣ ограбитъ и убьетъ проѣзжаго и проч., —это для него ни почемъ: борьба за существованіе, нужда, необходимость дать пропитаніе своей женѣ, дѣтямъ... Характерно, что случаи грабежей и убійствъ на Кавказѣ, по мимо мести, совпадаютъ съ временами неурожаевъ, безработицы въ тѣхъ либо другихъ мѣстностяхъ. Даже и не въ столь отдаленныя времена это сходило имъ всегда безнаказанно и они смотрѣли на это такъ, какъ будто все это въ порядкѣ вещей и не старались даже скрываться, а съ возвреніемъ среди нихъ культуры, они въ началѣ были въ недоумѣніи даже, за что ихъ наказываютъ, за что, собственно, преслѣдуетъ ихъ законъ? Можно ли было къ

подобнымъ лицамъ, характернымъ преступникамъ края, относиться съ полною критикой и со всей строгостью примѣнять къ нимъ карательныя мѣры закона? Понятно, нѣтъ! Это тѣ же дѣти, которыя, не отдавая себѣ отчета, совершаютъ тотъ, либо другой проступокъ и повторяютъ его весьма часто, не смотря на внушенія старшихъ и до тѣхъ поръ, пока дѣтскій умъ ихъ дойдетъ, наконецъ, до пониманія того, что подобныхъ вещей дѣлать нельзя. Вотъ подобнаго рода понятіе и надо внушить туземцу въ очень юные его годы, первымъ его воспитателемъ—матерью. Но для того, чтобы внушить туземцу нравственные принципы въ дѣтскіе годы, надо помочь ему, дать ему указанія и средства выйти изъ непроглядной, въ большинствѣ случаевъ, бѣдности, которая часто и наталкиваетъ его на преступленія.

IV.

Прежде всего, какъ государственную мѣру должно провести энергично и возможно скорѣе и законодательнымъ порядкомъ, не откладывая въ долгій ящикъ, идею воспитанія, въ селѣ, деревнѣ и городѣ, и прежде всего туземокъ—матерей. Этимъ отвѣтственнымъ лицамъ передъ Богомъ и людьми по созданію полезныхъ гражданъ, честныхъ душой и свѣтлыхъ разумомъ, должно дать съ раннихъ лѣтъ воспитаніе нравственное, которое смягчило бы ихъ вѣками очерствѣлыя души. Параллельно съ нимъ, также воспитаніе практическо-научное, которое съ пользой могло бы, впослѣдствіи, быть примѣнимо для добыванія средствъ къ жизни въ помощь мужу; воспитаніе это должно имѣть характеръ профессіональнаго воспитанія параллельно съ грамотой, чтеніемъ нравственныхъ сочиненій и проч. Необходимо преподать дѣвочкѣ, будущей хозяйкѣ и воспитательницѣ своихъ дѣтей, профессіональныя знанія по домоводству, рукодѣлію, сельскому хозяйству и проч., жизненно необходимыя и такія, которыя могли бы быть примѣнимы къ небольшому ея хозяйству, т. е. надо ей открыть глаза, чтобы смотрѣть болѣе просвѣщенно и практично на ту благодать (землю, растенія и проч.) которую дала ей природа, но съ которой, благодаря своему невѣжеству, она не можетъ справиться, не зная ей цѣны. Говоря о воспитаніи женщины, прежде всего, мы разумѣемъ, что таковое должно вестись параллельно и для мужчинъ: въ селеніи и деревнѣ—сельскохозяйственное,—какъ наиболѣе примѣнимое и полезное для снисканія разнообразныхъ источниковъ дохода отъ столь богатой отрасли изъ многочисленнаго ряда профессіональныхъ знаній. Говоря же о сельскохозяйственномъ образованіи жителей селенія, мы разумѣемъ таковое въ широкомъ смыслѣ слова: помимо обработки земли, хлѣбопашества, необходимо крестьянина научить культурѣ другихъ цѣнныхъ растеній, которыя могли бы замѣнить хлѣбъ въ то время, когда земля, по характернымъ признакамъ, въ извѣстное время, хлѣба дать не можетъ, (выраженіе это за-границей крестьянамъ невѣдомо: истощенная земля настолько умѣло и тщательно удобряется и обработывается, что объ отсутствіи урожая и рѣчи не бываетъ; рѣчь можетъ быть лишь о томъ, что въ данное время урожай былъ нѣсколько больше или меньше предыдущаго года); необходимо научить его молочному хозяйству, животноводству, домоводству и проч. и проч. Эта группа знаній весьма существенна и необходима въ томъ отношеніи, что, на случай хлѣбнаго, скажемъ, неурожая, послѣдній, для уравновѣшиванія обычнаго бюджета, могъ бы быть замѣненъ доходностью отъ сыроваренія, напримѣръ, воспитанія цѣнныхъ животныхъ и проч. Домоводство и домашнее хозяйство необходимо также и сельской женщинѣ, какъ и городской: ей необходимо умѣть также изъ малаго и ничтожнаго, въ большинствѣ случаевъ, скроить такъ, что бы оно было прилично, хорошо и цѣлесообразно по средствамъ и состоянію.

Каждый изъ насъ, несомнѣнно, знаетъ, что хорошая хозяйка изъ немногаго создастъ всегда вкусный и сытный обѣдъ, изъ тряпокъ, повидимому, неимѣющихъ никакой цѣны, сошьетъ очень приличное и красивое платьице дочери или сыну. Подобныхъ хозяекъ создаетъ случайная обстановка, въ которой выросла женщина. Созданіе искуственной обстановки путемъ правильнаго и систематическаго профессіональнаго ея воспитанія выработаетъ намъ не рѣдкіе индивидуумы, а группу полезныхъ женщинъ, хорошихъ и нравственныхъ матерей, отъ коихъ новое поколѣніе не будетъ имѣть ничего общаго со скуднымъ и безсодержательнымъ типомъ стараго поколѣнія, или, правильнѣе, еще современнаго.

V.

Насколько туземное населеніе, особенно женскій полъ, способно воспринять профессіональныя знанія, доказываетъ широкое развитіе разнообразныхъ кустарныхъ промысловъ по всему Кавказу, и съ весьма отдаленнаго времени. Началу развитія шелководства, напримѣръ, насчитываютъ болѣе тысячелѣтія. Это явленіе указываетъ на проявленіе производительныхъ силъ населенія, крайне способнаго и воспріимчиваго. Нѣкоторые отдѣлы кустарнаго промысла на Кавказѣ, сохранивъ до сего времени характеръ отдаленныхъ временъ, почти безъ измѣненія, какъ, напримѣръ, ковровое производство, ткачество изъ шелка, издѣлія изъ серебра и проч., положительно поражаютъ качествомъ работы, и недороговизной, и прямо наводятъ на мысль, что для талантливаго туземца профессіональная школа принесла бы громадную пользу, такъ какъ онъ быстро воспринялъ бы преподаваемое въ ней и эти свѣдѣнія съ пользой для благосостоянія своего примѣнилъ бы къ практической жизни. Подтвердить намъ это положеніе можетъ развитіе и улучшеніе до нѣкоторой степени шелководства, благодаря школѣ и учителямъ. Простая сельская, приходская, народная школа не можетъ удовлетворить крестьянина или бѣднаго городского обывателя, который обязанъ снискивать себѣ пропитаніе тяжелымъ физическимъ трудомъ; одна лишь грамота, которая въ большинствѣ случаевъ, имъ забывается весьма скоро по выходѣ изъ школы, какъ неимѣющая примѣненія для практической жизни, для улучшенія его экономическаго быта, не можетъ его удовлетворить: ему надо дать другія знанія, благодаря которымъ онъ могъ бы извлечь пользу для себя и быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезнымъ гражданиномъ государства, неся послѣднему, необременительно для себя, всѣ повинности какъ матеріальныя, такъ и натуральныя. Эти занятія должны быть профессіональными. Общее низшее и даже среднее образованіе для необезпеченнаго человѣка, человѣка труда, это тоже, что начало безъ конца. Мы ежедневно наталкиваемся на тѣ явленія, что простой слесарь, червоводъ, пахарь и проч. гораздо обезпеченнѣе и удовлетвореннѣе лица со среднимъ общимъ образованіемъ, не имѣющаго возможности продолжать его далѣе для полученія той или другой профессіи. Исходя изъ этого, мы должны провести ту мысль, что несравненно было бы полезнѣе, и безъ особенно ужъ лишней затраты, всѣ существующія школы какъ сельскія, такъ и городскія—начальныя, приходскія и уѣздныя—преобразовать въ профессіональныя разнообразныхъ типовъ. Этимъ преобразованіемъ не нарушается вовсе переходная ступень общаго образованія отъ низшаго къ высшему; мы только образованіе это сдѣлали бы полнѣе и жизненнѣе. То лицо, которое пожелаетъ ограничиться однимъ общимъ образованіемъ, безпрепятственно, можетъ имъ и ограничиться. Но едва ли найдется хоть одно лицо, которое ограничилось бы этимъ образованіемъ. Указанное преобразованіе существующихъ школъ, для почина, будучи несравненно проще заведенія новыхъ профессіональныхъ, и обошлось бы правительству, обществу, частному лицу, несравненно дешевле.

Что касается выбора типа школъ, то на это наталкиваютъ насъ нужды повседневной жизни и указываютъ намъ, непосредственно на то, что нѣтъ у насъ достаточно опытныхъ скотницъ, молочницъ, цвѣточницъ, прядиль-

щицъ, ткачихъ, жестяниковъ, кровельщиковъ, плотниковъ, каменотесовъ, кондитеровъ, перецлетчиковъ, литографовъ, корзинщиковъ, кузнецовъ, обойщиковъ, ювелировъ, рѣзчиковъ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ, мастеровъ разнообразной фабрично-заводской промышленности и проч. профессіоналистовъ, которые принесли бы практической жизни и себѣ гораздо больше пользы, чѣмъ лица безъ профессіи, но умѣющія лишь полуграмотно, читать и знающія четыре правила ариѳметики и еще кое что, но неимѣющее ничего общаго съ практическою жизнью. Странно, мужичку въ деревнѣ, у котораго соха или борона,—его единственная надежда,—вотъ-вотъ развалится, толковать объ олимпійскихъ играхъ, о Цицеронѣ и проч.: ему гораздо полезнѣе внушить, или научить его, разрушающуюся отъ старости соху обновить и такъ, чтобы она ему еще нѣкоторое время поработала и дала бы ему возможность прокормиться и заплатить налоги. Тому-же мужичку, или крестьянкѣ гораздо полезнѣе было бы умѣть воспользоваться благодатью природы, дающей иной разъ обиліе ягодъ, грибовъ и массу живности, молока..... и со всего этого нынѣ положительно пропадающаго безъ пользы и незнанія что съ нимъ дѣлать, извлечь матеріальную выгоду отъ умѣлой обработки въ продукты, которыми нынѣ еще прудятъ наши рынки западные сосѣди. Эти свѣдѣнія, мы говоримъ, гораздо были бы полезнѣе тѣхъ знаній, напримѣръ, что въ Турціи образъ правленія монархическій, что во Франціи республика и главенствуетъ въ ней президентъ такой-то и пр., онъ многаго не пойметъ теперь, а, если выучитъ, то забудетъ весьма быстро, но никогда въ жизни не забудетъ того, напримѣръ, что для полученія лучшихъ сортовъ сыра, ему надо сдѣлать то-то, и то-то, или преподанныхъ ему уроковъ наиболѣе цѣлесообразнаго посѣва зерна и проч. —все это истины, которыя оспариваться не могутъ по своей очевидности, но, которыхъ, однако, мы въ жизнь, по непонятной причинѣ, не только непроводимъ, но, напротивъ, даже, въ большинствѣ случаевъ, тормозимъ развитіе ихъ.

VI.

Мы ужъ сказали, что только женщина въ семьѣ способна пересоздать коренымъ образомъ весь старый строй и понятія, смягчить и облагородить новыя поколѣнія и никакія другія репрессивныя правительственныя мѣры такъ вѣрно, энергично и чисто провести эту идею не въ состояніи. Подобный путь, помимо того, что ведетъ прямой и вѣрной дорогой къ цѣли, онъ значительно выгоднѣе въ матеріальномъ отношеніи какого бы то ни было другого пути, не говоря уже о томъ, что онъ крайне симпатиченъ и можетъ найти искреннее сочувствіе и поддержку всѣхъ слоевъ общества, разъ починъ будетъ сдѣланъ лицами, искренно сочувствующими дѣлу, вліятельными и энергичными. Для достиженія описанной цѣли даже введеніе искусственныхъ налоговъ не можетъ вызвать ропота не только въ слояхъ обществъ состоятельныхъ, но и лицъ со скудными средствами, которыя также внесутъ свою трудовую копейку, зная, что она предназначена для добраго дѣла, могущаго впослѣдствіи улучшить жизненную обстановку его. Весьма насущенъ вопросъ о томъ, какъ совмѣстить два главныхъ принципа полученія отъ образованія, необходимаго для женщины, духовно-нравственнаго ея воспитанія съ профессіональнымъ, которыя должны идти рука объ руку, неразлучно другъ отъ друга, при чемъ, первое—должно преслѣдовать цѣль смягчить и облагородить ея душу и разумъ, а второе—дать знанія для снисканія себѣ и семьѣ своей пропитанія и улучшенія обстановки. Помимо этого главнаго—кореннаго требованія отъ школы, не менѣе еще—то, что-бы оборудованіе подобной школы не требовало громадныхъ затратъ и чтобы подобныя школы разнообразныхъ типовъ не были бы единичными, но были-бы насаждаемы въ массѣ широко и щедро и непредставляли бы собой роскоши, доступной только для избранныхъ. Опытовъ намъ ненужно, такъ какъ жизненная необходимость въ подобныхъ школахъ сознается давно всѣми слоями общества.

VII.

Выше мы упомянули о томъ, что для широкаго и скорѣйшаго проведенія идеи безъ, сравнительно, большихъ затратъ, въ началѣ, слѣдовало бы воспользоваться преобразованіемъ, или, иначе, расширеніемъ сферъ дѣятельности всѣхъ существующихъ сельскихъ, приходскихъ, народныхъ, городскихъ, уѣздныхъ и друг. школъ, давъ имъ характеръ профессіональныхъ школъ съ разнообразной спеціальностью, а затѣмъ ужъ открывать и новыя школы, сообразно потребности, которая незамедлитъ проявиться. Такимъ преобразованіемъ упомянутыхъ школъ, не затрачивая большихъ средствъ, мы, сразу, дали бы широкій починъ профессіональному образованію и могли бы скоро видѣть плоды его.

Отъ такого преобразованія школа нѣсколько усложнилась бы только, состоя, скажемъ, изъ общеобразовательнаго отдѣленія для болѣе юнаго возраста и спеціально-профессіональнаго для прошедшаго обще-образовательное отдѣленіе школы. Въ первомъ отдѣлении преподавалась бы грамота, ариѳметика, элементарныя свѣдѣнія по отечественной исторіи и географіи, Законъ Божій, нравственныя чтенія, рукодѣлія (для женской школы), а во второмъ отдѣленіи—исключительно профессіональныя знанія въ теоріи и главнымъ образомъ, практически. На нравственныя чтенія и Законъ Божій должно было бы обратить самое серьезное вниманіе и посвятить ему наибольшее число часовъ преподаванія. Обильныя чтенія жизнеописаній выдающихся женщинъ и мужщинъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей, ихъ дѣянія, пользу, которую они принесли обществу и проч., о выдающихся по своей нравственности событіяхъ и происшествіяхъ въ популярномъ и удобопонятномъ изложеніи для слушателей, повторенія прочитаннаго и разговоры о прочитанномъ. Преподаваніе нравственныхъ началъ Закона Божія и проч. можетъ принести много пользы въ юныя лѣта учащемуся, такъ—какъ оно рѣзче и глубже западаетъ въ тайники его юнаго сердца. Заброшенное сѣмя въ благодатную почву современемъ само разростется и дастъ плоды. Преподаваніе профессіональныхъ знаній должно быть крайне разнообразно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, таковые должны быть преподаваемы однимъ и тѣмъ же лицамъ не въ массѣ разнородныхъ спеціальностей, дабы такое преподаваніе, въ концѣ концовъ, не имѣло бы результатомъ отсутствіе какой бы то ни было практической пользы. Свѣдѣнія профессіональныя могутъ быть преподаваемы, какъ теоретически, такъ и практически и въ группѣ разнородныхъ спеціальностей, но настолько, чтобы онѣ могли принести практическую пользу изучающему. Преподаванія профессіональныхъ занятій должны быть производимы, по возможности, одинаково какъ для женщинъ такъ и для мужчинъ. Это практикуется съ большимъ успѣхомъ у нѣмцевъ, и мы видѣли, какъ, часто, нѣмецкая женщина неуступаетъ мужчинѣ въ производствѣ того либо другого физическаго труда. Примѣнимъ и мы на практикѣ изрѣченія одного мудраго англійскаго философа, который говоритъ: „чтобы научить ребенка, прежде всего надо научить мать“, и серьезно займемся образованіемъ матери разнообразнаго общественнаго положенія, и тогда только мы оправдаемъ не менѣе мудрую и старинную французскую пословицу: „каковъ человѣкъ, такова и земля“, изобилующая, прибавимъ, такой массы благодати, дарованной ей Господомъ, каковъ нашъ благословенный Кавказъ, нынѣ, благодаря невѣжеству большинства его обывателей, прозябающій въ невѣдѣніи, но, въ тоже время, неимѣющій недостатка въ настойчивыхъ и энергичныхъ лицахъ, а, также, администраторахъ для проведенія полезной и разумной идеи, могущей дать несомнѣнно большую жатву для блага отечества нашего. Профессіональное образованіе не создастъ намъ фанта-

зеровъ, недоучекъ, въ большинствѣ случаевъ, ложно толкующихъ, благодаря полуграмотности своей, основы соціальныхъ знаній, основы политико-экономической жизни человѣка, продуктомъ чего и являются вредныя общества съ такимъ же направленіемъ,—профессіональное знаніе создастъ намъ людей труда, умъ коихъ будетъ направленъ къ умѣлому и разумному извлеченію той благодати, которой изобилуетъ наша богатая природа, создастъ намъ полезныхъ тружениковъ, и, если не искоренитъ, то на много уменьшитъ намъ вредную и, часто, искусственную нищету. Земля наша уподобится тогда, дѣйствительно, тому оазису, о которомъ, съ гордостью, каждый гражданинъ скажетъ: „каковъ человѣкъ, такова и земля".

Говоря о профессіональномъ образованіи, какъ объ основѣ человѣческаго матеріальнаго благосостоянія, мы неотрицаемъ необходимости общаго образованія, мы, лишь, указываемъ, что, особенно для простой массы народа, общее образованіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно у насъ ведется, не имѣетъ, положительно, никакого смысла, безъ совмѣстительства съ нимъ профессіональнаго (въ деревнѣ простая грамота часто глохнетъ и забывается такъ, какъ бы она и не проходилась вовсе). Общаго образованія, повторяемъ, мы не отрицаемъ, но настаиваемъ на томъ необходимомъ положеніи, что оно должно быть законченнымъ, что оно должно быть для индивидума цѣльнымъ, осмысленнымъ и такимъ, что бы для него въ жизни оно могло бы сдѣлаться профессіональнымъ, на тотъ случай, если въ этомъ представится необходимость, или нужда; мы желали лишь сказать, что образованіе юноши, вышедшаго изъ уѣзднаго, городского училища, сельской и друг. школы, представляетъ собою жалкое начало образованія, которое не можетъ быть приспособлено ни къ чему самостоятельному въ жизни. Лицо съ такимъ образованіемъ представляетъ собою недоучку, малограмотнаго, малосвѣдующаго, но съ претензіей и извѣстными требованіями къ жизни; отсюда является вредно дѣйствующая на молодого человѣка неудовлетворенность и часто, озлобленность со скверными послѣдствіями, чего, несомнѣнно, не было бы, если бы этому юношѣ дать хорошія и практическія свѣдѣнія, которыя онъ, тотчасъ же, по выходѣ изъ школы, примѣнилъ-бы на практикѣ, не предъявляя къ жизни другихъ, несбыточныхъ претензій.

VIII.

Намъ приходилось не разъ говорить о томъ, что открыть школу еще недостаточно: ею надо руководить въ жизни такъ, что бы она отвѣчала своему назначенію и дѣйствительно, давала бы плоды. Вопросъ этотъ долженъ стоять на первомъ планѣ при оборудованіи той либо другой школы профессіональнаго знанія. Государственная цѣль, помимо того, что-бы дать возможность гражданамъ познать себя и силы свои, улучшить тѣмъ жизненную и матеріальную обстановку ихъ, еще, также, дать возможность тѣмъ же гражданамъ нести разныя повинности и на случай надобности сдѣлать ихъ способными нести таковыя безъ особаго бремени и въ большомъ размѣрѣ. Исходя изъ этого положенія, Европейскія Государства, особенно, Германія, обратили очень серьезное вниманіе на сей первой важности государственный вопросъ. Постановка профессіональнаго образованія доведена тамъ до образцоваго состоянія, но и налоги государственные, общественные и другіе доведены тамъ также до громадныхъ размѣровъ, далеко превышающихъ наши, и не смотря на это, можно ли сравнить нашего обывателя съ баварцемъ, напримѣръ? Подъ такимъ, казалось бы, бременемъ налоговъ и не жить бы ему вовсе, но мы лично убѣдились въ томъ, что онъ не только не кряхтитъ подъ тяжестью этихъ налоговъ, но и самъ живетъ съ семьей въ достаткѣ, прилично одѣтъ, обутъ, грамотенъ и имѣетъ сбереженія. Повторяемъ, что постановка профессіональнаго образованія имѣетъ глубоко государственное значеніе и поэтому насажденіе его должно вести по строго намѣченной цѣли и только учрежденіемъ, всѣ интересы котораго направлены на улучшеніе промышленно-экономической жизни отечества.

Лишь сему учрежденію вѣдомы всѣ промышленныя нужды страны, размѣръ ихъ и проч., и поэтому болѣе правильно и цѣлесообразно симъ учрежденіемъ и можетъ быть насаждаемо оно безъ излишнихъ фантазій для промышленной жизни, не только не нужныхъ, но и вредныхъ.

IX.

Вернемся теперь къ одному изъ старыхъ предложеній нашихъ, выраженныхъ въ одной изъ статей, помѣщенныхъ нами въ 1895 году въ журналѣ Московскаго Политехническаго общества, въ которой проводится мысль о необходимости введенія для широкаго развитія профессіональнаго образованія въ народѣ государственнаго школьнаго налога. Въ ней проводится такого рода мысль, чтобы всѣ безъ исключенія граждане государства несли эти налоги, и были бы освобождены отъ него, начиная, скажемъ, съ десятилѣтняго возраста ребенка, и, вообще, отъ дальнѣйшаго матеріальнаго попеченія о немъ до окончанія образованія. Подтверждая теперь эту мысль, мы выражаемъ, глубокое убѣжденіе, что подобный налогъ не вызоветъ неудовольствія, ни въ коемъ случаѣ, напротивъ, каждый бѣднякъ—родитель, свою трудовую копейку поторопится внести въ казну. Мы подсчитывали, что если бы установить означенный налогъ, начиная со дня рожденія ребенка для семьи съ небольшими средствами, по полтиннику въ мѣсяцъ за каждаго ребенка, для семьи со средствами,—отъ двухъ до пяти рублей, то, послѣдній, являясь ничтожнымъ бременемъ для народа, незамѣтнымъ образомъ, могъ бы быть доведенъ до пятидесяти милліоновъ рублей ежегодно, каковая сумма за десять лѣтъ превратилась бы въ 500 милліоновъ, т. е. цифру, вполнѣ достаточную для осуществленія столь важнаго государственнаго предпріятія.

Мы глубоко убѣждены, что эта мѣра, въ концѣ концовъ, будетъ осуществлена государствомъ, такъ какъ безъ лепты народной, при столь громадныхъ затратахъ, не обойтись; весьма важно было бы, чтобы это благое мѣропріятіе не откладывалось въ долгій ящикъ и начало его было бы положено теперь-же, такъ какъ поработать надъ этимъ сложнымъ вопросомъ пришлось бы не мало. Было бы весьма естественно, если бы въ этомъ дѣлѣ иниціаторомъ явился Кавказъ, который, особенно, нуждается въ лицахъ съ профессіональнымъ образованіемъ, благодаря своимъ неизсякаемымъ богатствамъ, до сего времени глубоко зарытымъ въ нѣдра земли, съ которыми мы не знали, что дѣлать, какъ ихъ извлечь и добыть.

Доброе дѣло никогда не забывается, а иниціатору его, которому удастся провести въ жизнь эту идею,—незабвенная память и благодарность массы, жизнь коей отъ проведенія ея можетъ лишь улучшиться, а государство пріобрѣсти несмѣтныя богатства и процвѣтать.

Слѣдующія цифровыя данныя наглядно показываютъ намъ скудность школьнаго образованія на Кавказѣ (съ $9^1/_2$ милліоновъ народоселенія)—вообще, а, въ частности, профессіональнаго. Въ настоящее время числится: 1) разныхъ среднихъ учебныхъ заведеній (кромѣ профессіональныхъ) —52 съ числомъ учащихся мужского пола 11786 и женскаго пола—6.627 человѣкъ; 2) профессіональныхъ школъ 17 съ 1.310 учениками; 3) низшихъ учебныхъ заведеній 55—съ 12.608 учениками мужского пола и 1.235—женскаго пола; 4) частныхъ учебныхъ заведеній 167 съ 5.254 —мужского пола и 3.011—женскаго пола; 5) начальныхъ учебныхъ заведеній (сельскихъ, городскихъ, земскихъ, церковноприходскихъ и друг.) 1.621 школа съ 83.445 учениками мужского пола и 29.370—женскаго пола, изъ коихъ на Кубанскую область приходится 444 школы, Ставропольскую губернію 242 школы и Терскую область 159 школъ, т. е. на сѣверный Кавказъ приходится 845 начальныхъ школъ съ 65.976 учениками мужского и жен-

скаго пола. Всѣхъ школъ по всему краю 1.912 съ 125.403 учениками мужского пола и 43.243 женскаго пола, т. е. всего съ 168.646 учениками.

Изъ этихъ данныхъ ясно видно: 1) что на Закавказье приходится немного болѣе половины школъ и, что, въ отношеніи образованія, сѣверный Кавказъ стоитъ несравненно выше Закавказья; 2) что на Кавказѣ на 10.000 душъ населенія приходится по 2 училища, т. е. въ 5 разъ меньше того, что должно было бы быть при обязательномъ требованіи имѣть одну школу на 1000 душъ населенія.

Въ отношеніи же однихъ лишь начальныхъ школъ, во всемъ краѣ на 5.800 душъ приходится одна школа, при чемъ отдѣльно на сѣверный Кавказъ одна школа—на 4.400 человѣкъ; въ Закавказьи одна школа на 7.300 человѣкъ: для русскаго населенія одна школа на 3.800 человѣкъ, для грузинъ одна на 5.500 человѣкъ, для армянъ одна на 6.500 человѣкъ, для татарскаго населенія одна на 17.000 человѣкъ, для горскаго населенія одна на 11.800 человѣкъ, для прочихъ національностей одна на 5.500 человѣкъ, тогда, какъ за норму признается на 1000 человѣкъ имѣть по одной школѣ. Разсматривая эти цифры, мы видимъ поразительную скудость современнаго состоянія образованія среди туземнаго населенія Кавказа, въ то время, когда на него-то именно и слѣдовало бы обратить интенсивное вниманіе; профессіональное образованіе, на основаніи вышеуказанныхъ цифръ, находится въ состояніи зародыша въ то время, когда для столь богатаго края оно-то именно и должно было-бы быть выдвинуто на первый планъ.

Отсюда видно, что насажденіе образованія, понятно, въ силу историческихъ причинъ, велось здѣсь безъ всякой системы и такъ, какъ Богъ на душу положилъ.

Исходя изъ всего изложеннаго выше, въ началѣ же должно обратить вниманіе лишь на начальныя школы, преобразовавъ ихъ въ низшія профессіональныя разныхъ типовъ, расширивъ ихъ программу прибавленіемъ предметовъ преподаванія профессіональнаго характера и разнаго, для разныхъ мѣстностей, сообразуясь съ нуждами послѣднихъ, а потомъ уже вести преобразованіе дальше и другихъ школъ, и училищъ. Параллельно съ симъ открывать новыя школы тамъ, гдѣ такъ скудно нынѣ поставлено образованіе.

Говорить о другихъ нуждахъ развитія сельско-хозяйственной промышленности въ краѣ, конечно, можно, но практически осуществлять разныя предложенія и умозаключенія съ успѣхомъ мы будемъ въ состояніи лишь тогда, когда проведемъ въ жизнь коренную нужду развитія его въ краѣ,—это насажденіе густой сѣти разнообразныхъ типовъ профессіональныхъ школъ во главѣ съ высшей школой—Политехникумомъ. Широкой спеціальности, доступъ въ который былъ бы предоставленъ также и лицамъ женскаго пола.

Инженеръ Григорій Хелимскій.

Гор. Тифлисъ.

Сельское хозяйство и промышленность Кавказскаго края[1].

Главная земледѣльческая отрасль жителей Сѣвернаго Кавказа *хлѣбопашество*. Въ степныхъ и подгорныхъ пространствахъ его до сихъ поръ преобладаетъ залежная, а мѣстами, въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ и лѣсопольная система: трехполье мало распространено. Удобреніе полей рѣдко практикуется. Изъ числа общеизвѣстныхъ культурныхъ растеній здѣсь воздѣлываются: пшеница усатка, безусая или *гирка*, яровая пшеница—*кубанкая* по мѣстному названію, или *арнаутка*, рожь, овесъ, ячмень, греча, просо, ленъ-кудряшъ, дающій массу сѣмянъ, частью кукуруза (Куб. и Тер. обл.) и рисъ (Тер. обл.).

На *бахчахъ* успѣшно растутъ: фасоль, арбузы, дыни, тыквы, огурцы, стручковый перецъ, бадарджаны и т. п. Въ Предкавказьѣ огородничество находится на низкой степени развитія и только мѣстами пріобрѣтаетъ нѣкоторое значеніе. Такъ, въ Майкопскомъ отдѣлѣ, на поливныхъ огородахъ болгары промышляютъ овощами (капуста, лукъ, морковь, свекла, огурцы, томаты, стручковый перецъ и пр.); въ Терской обл. Моздокская степь издавна славится своими арбузами, сбываемыми во Владикавказъ: моздокскіе армяне и грузины разводятъ лукъ и чеснокъ, чеченцы—тыквы. Кубанская обл. имѣетъ 135 паровыхъ мукомольныхъ мельницъ, вырабатывающихъ ежегодно до 2227 т. п. муки и 126 т. пуд. отрубей.

Основное земледѣльческое орудіе—плугъ первобытной конструкціи, тотъ же, что и въ Малороссіи. Въ плуги впрягали не менѣе 5-ти паръ хорошихъ воловъ: теперь же съ увеличеніемъ количества запашекъ и съ уменьшеніемъ скотоводства, землю обрабатываютъ больше на лошадяхъ. Начали все болѣе и болѣе входить въ употребленіе усовершенствованныя земледѣльческія орудія. Помимо физическихъ свойствъ края, развитію здѣшняго земледѣлія много содѣйствуютъ Ростово-Владикавказская ж. д., и морскіе порты: Ейскъ, Темрюкъ, Новороссійскъ, облегчающіе сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ, земельный просторъ, относительное богатство жителей, позволяющее имъ пользоваться вольнонаемнымъ трудомъ и обзаводиться множествомъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій (94176 экземп.). Въ послѣднее время иногородные русскіе земледѣльцы, промышленники, торговцы много помогли своимъ настойчивымъ трудомъ теперешнему благосостоянію Кубанской и Терской областей. Безъ иногородныхъ Кубань едва-ли сдѣлалась бы тою обильною *хлѣбною житницею*, которою она теперь сдѣлалась. Многіе изъ казаковъ—этихъ потомковъ запорожскихъ рыцарей—еще не привыкли и не хотятъ работать. Земли у нихъ сравнительно много и они давно уже стали раздавать ее въ наймы русскимъ крестьянамъ, грекамъ и другимъ пришельцамъ. Иногородные, во всякомъ случаѣ, ввели новыя культуры въ полеводство, развили торговлю въ станицахъ, стали платить казакамъ хорошія деньги за ихъ земли. Въ урожайные годы въ Кубанской об. собирается до 11,500,000 четв. всего хлѣба. За удовлетвореніемъ потребностей населенія, избытокъ хлѣба можетъ оказаться въ ней до 7 мил. четвертей. Вотъ почему одна Кубанская область можетъ содержать 8-мь винокуренныхъ заводовъ, на которыхъ выкуривается спирта всего 47.361,968 градусовъ съ уплатою въ казну акциза 4.250,061 руб.

Отличительной чертой восточнаго Закавказья являются обширныя пастбищныя пространства, небольшая площадь лѣсовъ и, въ особенности, потребность въ искусственномъ орошеніи, при культурѣ сельско-хозяйственныхъ растеній. Въ восточной части Закавказья главный источникъ благосостоянія жителей *земледѣліе*. Способъ обработки земли, за немногими исключеніями, весьма неудовлетворителенъ. Пашутъ землю на 4—5 вершк. глубины крайне тяжелымъ плугомъ; въ него впрягается отъ 7 до 10 паръ быковъ и буйволовъ при соотвѣтствующемъ числѣ погонщиковъ. Распашка земли производится, обыкновенно, товариществами. Распашка легкой почвы, особенно на склонахъ горъ, производится, сохою. Для боронованія почвы употребляется большею частью волокуша, состоящая изъ тяжелыхъ брусьевъ, между которыми заплетается хворостъ. Молотьба хлѣбовъ производится особыми досками, съ нижней стороны которыхъ вбиты рядами твердые и острые камни. Въ молотильныя доски впрягаются быки или лошади. Перетертая ими солома (саманъ) считается цѣннымъ кормомъ для скота. Усовершенствованныя земледѣльческія орудія—плуги, молотилки и вѣялки, благодаря заботамъ Кавказа. Общ. Сел. Хозяйства, начали успѣшно распространяться въ восточномъ Закавказьѣ.

[1]) „Кавказскій край", П. П. Надеждинъ.

Изъ зерновыхъ хлѣбовъ воздѣлываются въ восточномъ Закавказьѣ: озимая и яровая пшеница, просо, ячмень [1]), рисъ [2]). Александропольскій уѣздъ считается житницею Закавказья.

На бостанахъ разводятся массами: дыни, арбузы, тыквы, огурцы, баклажаны, помидоры, фасоль, бобы, лукъ, чеснокъ и пр.

Огородныя растенія (картофель, капуста, свекла, морковь и т. п.). Мѣстами практикуются для скота посѣвы кормовыхъ травъ—люцерны, эспарцета, райграсса и т. п. и преимущественно разводятся русскими поселянами.

Въ восточномъ Закавказьѣ общее хозяйство слагается изъ помѣщичьяго и крестьянскаго. Первое въ свою очередь можно раздѣлить на два разряда: на хозяйство подъ личнымъ наблюденіемъ помѣщика и на хозяйство арендаторское, когда земля отдается крестьянамъ за извѣстную часть урожая или за плату. Крестьянское хозяйство двухъ родовъ: хозяйство временно-обязанныхъ (въ Тифлисск. губерніи) и хозяйство казенныхъ крестьянъ. По степени урожайности первое мѣсто въ Тифлисской, Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губ. занимаютъ земли, находящіяся подъ личнымъ наблюденіемъ помѣщиковъ (5,59), второе—земли арендныя (5,16). Больше половины помѣщичьихъ земель засѣвается крестьянами, берущими земли изъ части урожая. Въ крестьянскомъ хозяйствѣ наибольшая урожайность хлѣба у временно-обязанныхъ крестьянъ (5,26) и наименьшая у казенныхъ (4,70).

Поставленное въ неблагопріятныя почвенныя и климатическія условія, земледѣліе Дагестанской области не обезпечиваетъ существованія земледѣльца. Мѣстнаго урожая хлѣба, даже въ лучшіе годы, недостаточно для продовольствія дагестанскаго населенія на шесть мѣсяцевъ въ году.

Въ западномъ Закавказьѣ довольно своеобразныя условія земледѣльческой культуры. Орошеніе здѣсь совсѣмъ не въ употребленіи, безъ котораго въ восточномъ Закавказьѣ нельзя обойтись. Для обработки почвы большею частью употребляется небольшая соха—*кацви*, производящая, по мѣстнымъ условіямъ, только поверхностное, а не сплошное разрыхленіе почвы безъ ея опрокидыванія. Поле боронится волокушей, къ которой прикрѣпляютъ древесныя вѣтви. На очень крутыхъ склонахъ, а также на мѣстахъ, расчищенныхъ изъ-подъ лѣса, почва обрабатывается только мотыкой. Обработка нови считается здѣсь самою трудною работою. Нерѣдко приходится брать съ бою для пашни небольшой кусокъ земли у покрывающаго ее лѣса. Кромѣ лѣса, который, обыкновенно, сжигается, нужно еще справиться съ Христовымъ терновникомъ (Paliurius aculeatus) и зарослями гигантскаго папортника или орляка (Pteris aquilina maxima), пускающими такъ глубоко свои корни въ землю, что истребленіе ихъ не поддается ни огню, ни сохѣ.

На поляхъ западнаго Закавказья кукуруза (преимущественно американская—конскій зубъ) является главнымъ, а мѣстами исключительнымъ предметомъ производства; на ея урожаѣ основано почти все благосостояніе туземца. Средняя урожайность кукурузы въ Кутаисской губерніи въ лучшіе годы даетъ съ десятины обыкновенной земли 120 пудовъ. Главная производительность кукурузы сосредоточена у низовьевъ рр. Ріона, Ингура и Кодора. Кодорскому участку, въ которомъ получается 1/6 часть всей кукурузы, собираемой въ губерніи, принадлежитъ первое мѣсто, второе—Сенакскому и третье—Зугдидскому. Жители нагорныхъ мѣстностей Рачинскаго уѣзда и Артвинскаго округа посѣвами кукурузы почти не занимаются. Въ Рачинскомъ уѣздѣ сѣютъ озимую и яровую пшеницу, а въ Артвинскомъ округѣ—ячмень и частью яровую пшеницу. Въ уѣздахъ Кутаисскомъ, Озургетскомъ и Сенакскомъ зажиточные крестьяне сѣютъ *гоми* и получаютъ въ этихъ уѣздахъ до 20 т. пудовъ.

Замѣчательно, что въ южномъ черноморскомъ побережьѣ посѣвы пшеницы, ржи, овса, ячменя еще въ своей листовой трубкѣ начинаютъ прѣть и даютъ урожай ничтожный; далѣе отъ берега, въ верстахъ 10, въ болѣе холодныхъ мѣстахъ, урожаи этихъ хлѣбовъ хороши.

Изъ огородныхъ растеній западнаго Закавказья съ успѣхомъ разводятся: лоби, бадаржаны, бобы, горохъ, лохана (родъ брюквы), красный перецъ, цицматъ, кинза, тургунъ, бураки, картофель, черемша, огурцы, рѣпа, морковь; арбузы же, дыни и капуста не удаются [1]). На открытомъ воздухѣ, какъ въ теплицѣ, могутъ рано готовиться: цвѣтная капуста, артишокъ и спаржа.

[1]) Ячмень, какъ хлѣбное растеніе, занимаетъ обширную культурную полосу на Кавказѣ, поднимаясь съ высоты, одинаковой съ уровнемъ моря (въ прикасп. песчаныхъ степяхъ), до 8000 ф. въ Дагестанѣ.

[2]) По количеству производимаго риса, Бакинская губ. занимаетъ первое мѣсто, за ней Елисаветпольская губ., Закат. окр. и Эриван. губ. Наибольшее число сортовъ риса имѣется въ Ленкоранскомъ у., гдѣ лучшимъ сортомъ считается *акулы*, превосходящій по вкусу всѣ другіе сорта въ краѣ. Ленкоранскій у. собираетъ ежегодно до 5½ мил. пуд. чалтыка. Обработка риса производится ручнымъ способомъ и паромъ. Большой паровой заводъ для обработки мѣстнаго и привознаго изъ Персіи чалтыка устроенъ въ г. Баку англ. Юмомъ и Листеромъ. Ихъ заводъ разсчитанъ на обработку 1800 пуд. чалтыка въ сутки. Другая такая же мельница имѣется въ Тифлисѣ при макаронной фабрикѣ.

Садоводство, виноградарство и винодѣліе Сѣвернаго Кавказа [2]).

Лучшіе фруктовые сады Ставропольской губерніи находятся въ ст. Рождественской, въ г. Ставрополѣ и его уѣздѣ: сел. Донскомъ, Московскомъ, но особенно разведеніе ихъ составляетъ промыселъ жителей ст. Михайловской и сел. Палагіада.

Въ губерніи считается подъ виноградниками около 3069 дес.; они почти всѣ сосредоточены въ уѣздахъ—Александровскомъ и Новогригорьевскомъ съ производствомъ 500 т. ведеръ вина, извѣстнаго въ торговлѣ подъ именемъ „прасковеевскаго". Селенія, расположенныя по р. Кумѣ, отличаются своими виноградниками: Масловъ-Кутъ, Бургонь-Маджары или городъ Св. Креста, Прасковея, Владиміровка. Населеніе ихъ въ большинствѣ армянское, которое и начало впервые культивировать здѣсь лозу. Виноградники въ этой мѣстности составляютъ особенно важную и исключительную отрасль сельскаго хозяйства. Условія климата и почвы почти тѣ же, что и въ Кизлярѣ. Въ общемъ здѣшнее виноградѣліе не представляетъ ни одного національнаго хозяйства.

Въ Кубанской области старыя Черноморскія станицы—Пашковская, Полтавская, Петровская, Переяславская, Кисляковская и др. буквально покрыты садами. Въ образцовой фермѣ Терашкевича, близъ Тифлисской станицы, въ городахъ Екатеринодарѣ, Ейскѣ и Темрюкѣ, въ нѣмецкихъ колоніяхъ имѣются болѣе или менѣе обширные сады съ разными культурными деревьями, свойственными южной Россіи. Въ Закубаньѣ сохранились еще остатки нѣкогда богатыхъ садовъ, принадлежавшихъ горскимъ народамъ.

Подъ виноградниками въ области находится 650 дес. съ производствомъ 35,000 ведеръ вина, но виноградъ, за рѣдкими исключеніями, не отличается хорошими качествами.

Въ Терской области садоводство преимущественно развито въ Алагирѣ, гдѣ занято садами 80 десятинъ, и въ

[1]) Владѣльцы дачъ, расположенныхъ около Сухума, дознали опытомъ, что капуста можетъ съ успѣхомъ расти по побережью, только нужно сѣять росаду въ началѣ октября и высаживать ее въ концѣ этого мѣсяца. Въ апрѣлѣ капуста даетъ вилки отъ 8 до 20 фунтовъ.

[2]) „Кавказскій край", П. П. Надеждинъ.

окрестностяхъ Владикавказа—576 десятинъ. Близъ Владикавказа въ значительномъ количествѣ разводится вишня, сбываемая на наливки и варенья; въ Чечнѣ слива и дикій абрикосъ употребляются населеніемъ на выгонку спирта. Въ Предкавказьѣ встрѣчаются лучшіе заграничные сорта яблокъ: зимній золотой парменъ, разные ранеты, зимній красный кальвиль и пр.; изъ грушъ: сенжерменъ, диль, дюшессъ ангулемская, зимняя деканка и пр.

Виноградниковъ въ области считается до 4200 десятинъ. По развитію виноградарства и винодѣлія къ болѣе выдающимся мѣстностямъ слѣдуетъ отнести Пятигорскій и Сунженскій отдѣлы (наибольшіе успѣхи по винодѣлію наблюдаются въ нѣмецкихъ колоніяхъ, вино которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличается и лучшими качествами) и Хасавъ-Юртовскій округъ. Но центромъ виноградарства считается Кизлярскій отдѣлъ. Здѣшніе виноградники почти не удобряются. Наносный грунтъ, образовавшійся отъ размельченія и вывѣтриванія горныхъ породъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ дерновымъ грунтомъ, представляетъ въ высшей степени удобную и неистощимую для питанія лозы почву. Вслѣдствіе сѣверовосточныхъ вѣтровъ кизлярскіе виноградники осенью покрываются землею. Не закрытыя лозы могутъ погибнуть зимою, что и случилось здѣсь въ 1862 г. съ огромнымъ казеннымъ виноградникомъ садомъ (въ 1866 году проданнымъ съ публичнаго торга за 20,000 руб.).

Вино Терской области извѣстно подъ названіемъ *чихиря*. Красный чихирь содержитъ не больше 8-10% спирта, а бѣлый 6-8%. Кизлярское вино считается лучшимъ. Оно имѣетъ сладковато-вяжущій вкусъ, довольно густо, но скоро окисляется на воздухѣ. 4/5 количества всего продающагося кизлярскаго вина на Нижегородской ярмаркѣ идетъ на фабрикацію и фальсификацію винъ [1]). Наибольшая часть урожая сбывается въ видѣ сусла на винокуреные заводы.

Къ непригодности сортовъ терскаго винограда, для полученія изъ нихъ цѣннаго вина, лѣтъ 10-ть тому назадъ, присоединились виноградныя болѣзни—антракноза и мильдіу. Для образованія особаго капитала, назначеннаго на воспособленіе винодѣлію въ 11 низовыхъ станицахъ Терской области, съ Высочайшаго разрѣшенія отчислено изъ суммъ государственнаго казначейства (въ теченіе 3-хъ лѣтъ, начиная съ 1889 года) 111 тыс. рублей. Для осуществленія мѣропріятій по развитію и улучшенію казачьяго винодѣлія 11-ти низовыхъ притеречныхъ станицъ, въ началѣ весны 1890 года была сформирована, подъ руководствомъ областного агронома, партія изъ пяти винодѣловъ, которая, арендовавъ въ станицахъ Червленой, Щедринской, Шелководской, Старогладковской и Дубовской опытные виноградники, приступила къ организаціи въ нихъ хозяйства на раціональныхъ началахъ.

Кромѣ того, въ видахъ развитія виноградныхъ плантацій, фруктовыхъ садовъ и облѣсенія, М-во Земледѣлія и Государ. имуществъ рѣшило въ 1894 г. передать меноннитамъ колоніи Орбеліановки Терской области и Теяпельгофъ Ставропольской губ. 4615 десятинъ казенной земли въ указанныхъ мѣстностяхъ въ постоянное пользованіе за особый сборъ и съ тѣмъ, чтобы подворно было насажено по 2 десятины виноградниковъ, по 1 десятинѣ фруктоваго сада и всѣмъ обществомъ было облѣсено 150 дес. Всѣ культурныя работы должны быть окончены въ теченіе 10 лѣтъ.

[1]) Вино подкрѣпляется спиртомъ, насыщается черникой, настаивается виноградное сусло на большомъ количествѣ выжимокъ для большей цвѣтности. Алый цвѣтъ вина обезцвѣчивается въ Кизлярѣ посредствомъ животнаго угля и сѣрной кислоты. (Труды Кавк. Общ. С. Х. XIII г. Май).

Садоводство, виноградарство и винодѣліе Восточнаго и Западнаго Кавказа [1]).

На В. и З. Кавказѣ весьма распространены фруктовые и виноградные сады. Во внутреннемъ Закавказьѣ садоводство распространено, главнымъ образомъ, въ горныхъ мѣстностяхъ до высоты 4,500 ф. надъ у. м.; яблоки и груши лучше всего удаются на предгоріяхъ, на высотѣ отъ 2,500 до 4,000 ф. надъ у. м. Къ таковымъ мѣстностямъ относятся: Катызманскій и Ольтинскій округа, Карской обл., Ахалцихскій уѣздъ, предгорья Горійскаго, Тифлисскаго и Сигнахскаго уѣздовъ, Закатальскій округъ, Нухинскій и Кубинскій уѣзды и Ордубадскій участокъ Эриванской губ. Въ Закавказьѣ вообще подъ виноградниками считается до 80,000 десятинъ, доставляющихъ ежегодно отъ 8 до 9 милл. ведеръ вина, и 5.758,000 пуд. винограда обращается на выкурку и потребленіе его въ сыромъ видѣ. Виноградъ встрѣчается дико растущимъ во многихъ мѣстахъ Закавказья. Культура здѣшнихъ правильно устроенныхъ садовъ заключается въ томъ, что лозы подрѣзываютъ высоко, оставляя не болѣе двухъ „глазокъ", изъ которыхъ развиваются годичные плодовые побѣги. Знатоки предпочитаютъ разведеніе лозъ бесѣдками въ видѣ шпалерниковъ. Этотъ способъ, предохраняя зрѣющіе грозды отъ солнечнаго зноя, даетъ возможность имъ полнѣе наливаться сокомъ. Для успѣшнаго произрастанія лозъ, въ здѣшнихъ виноградникахъ разводятъ сплошную приземистую растительность, которая, прикрывая собою почву, способствуетъ на продолжительное время удерживанію влаги. Такъ, въ Грузіи сѣютъ тыкву и фасоль, въ Мингреліи—гоми.

Въ послѣдніе 25 лѣтъ виноградники Тифлисской и Кутаисской губерній сильно пострадали отъ разныхъ виноградныхъ болѣзней (мильдіу, оидіумъ, антракноза, филоксера и др.). Для леченія виноградниковъ въ 1890 году Тифлисскій Дворянскій Земельный Банкъ ассигновалъ нѣсколько тысячъ рублей для пріобрѣтенія матеріаловъ и аппаратовъ, которые были доставлены въ г. Телавъ и продавались весьма дешево. Но мѣстные сельскіе хозяева почти совсѣмъ этимъ не воспользовались, частью по неимѣнію средствъ на покупку помянутыхъ матеріаловъ, частью по невѣжеству. Лечили сады очень немногіе садовладѣльцы Телавскаго и Сигнахскаго уѣздовъ.

Не смотря на то, что опыты по леченію мильдіу и оидіума въ Кутаисской губерніи дали очень хорошіе результаты, новый врагъ виноградниковъ, филоксера, уже успѣлъ причинить мѣстнымъ виноградникамъ вредъ, превышающій все, что сдѣлали грибковыя болѣзни. Въ виду этого, дѣятельность членовъ Филоксернаго Комитета была направлена въ 1890 году главнымъ образомъ не на леченіе виноградниковъ, а на изслѣдованіе района распространенія филоксеры и только отчасти на опыты по леченію заразы. Такіе опыты леченія производились въ главныхъ винодѣльческихъ центрахъ губерніи, именно: въ сел. Свири (Кут. у.) и Алисубани (Шоропан. у.). При опытахъ старались опредѣлить предѣльныя лозы сѣроуглерода (120 граммовъ на квадр. метръ). По распоряженію Филоксернаго Комитета, близъ м. Квирилы (Шороп. у.) устроены складъ сѣроуглерода, питомники болѣе чѣмъ на 100 десят. для разведенія американскихъ лозъ изъ сѣмянъ и опытные виноградники—въ Кут. губ.—20, въ Тиф.—5 и нѣсколько подобныхъ виноградниковъ въ Черноморск. губ. Кромѣ того, учреждена въ г. Кутаисѣ опытная станція по изслѣдованію болѣзней виноградниковъ. Сухумскіе виноградники подчинены попеченію особой Сухумско-Кубанской филоксерной партіи.

Въ Дагестанской области *садоводствомъ* преимущественно занимаются въ приморской плоскости; въ западной части сады разведены только въ нѣкоторыхъ ущельяхъ

[1]) „Кавказскій край", П. П. Надеждинъ.

и балкахъ, закрытыхъ отъ холодныхъ вѣтровъ. Въ лучшихъ условіяхъ находятся низменныя части территоріи Т.-Х.-Шуринскаго, Кайтаго-Табасаранскаго и Кюринскаго округовъ, и глубокія ущелья въ нагорныхъ округахъ: Аварскомъ, Гунибскомъ, Андійскомъ и отчасти Даргинскомъ. Въ *Т.-Х. Шуринскомъ* округѣ подъ фруктовыми садами считается до 248 десятинъ, подъ виноградниками — до 660 дес. Въ этомъ округѣ славятся виноградные сады въ сел. Тарки и Кумтеркале. Въ *Даргинскомъ* округѣ, въ сел. Куппа и Ходжалъ-Махи, по ущелью р. Казикумухское-Койсу, разведены фруктовые сады съ лучшими сортами кураги, яблокъ, грушъ. Жители этихъ селеній исключительно занимаются садоводствомъ. Лучшими садоводами въ *Аварскомъ* округѣ считаются жители селеній: Гимры, Могохъ, Игали, Унцукуль и Ашильта. Гимринскій виноградъ и могохскіе персики пріобрѣли извѣстность своими прекрасными качествами.

Въ Дагестанской обл. подъ виноградниками считается 2630 дес.

Виноддѣліемъ изъ мѣстнаго винограда занимаются торговцы слоб. Хунзахъ и г. Т.-Х.-Шуры. Изъ остающагося отъ продажи винограда жители приготовляютъ довольно хмѣльный напитокъ—*джаба* и виноградную патоку—*душабъ*. Обширные *дербентскіе* фруктовые и виноградные сады въ славѣ на каспійскомъ побережьѣ. Вина этого побережья походятъ на крымскія и часто въ Москвѣ продаются подъ именемъ дербентскихъ или, вѣрнѣе, дагестанскихъ. Въ Дагестанской области добывается всего вина въ годъ около 146470 ведеръ съ 350 десятинъ (1899 г.).

Закатальскій округъ славится своими фруктовыми садами, а особенно богатъ фундуками (Corylus tuberosa). Въ послѣднее время жители округа стали заводить европейскіе сорта плодовыхъ деревьевъ, въ чемъ имъ много помогаетъ ферма при Закатальскомъ ремесленномъ училищѣ. Подъ виноградниками считается не болѣе 786 дес. съ производствомъ 15 т. вед. вина, наибольшая же часть урожая перерабатывается въ спиртъ.

Садоводство Бакинской губ. наиболѣе развито въ Шемахинскомъ, Геокчайскомъ, Ленкоранскомъ и особенно въ Кубинскомъ уѣздахъ. Въ послѣднемъ подъ садами находится 18830 дес. Груша занимаетъ первое мѣсто; она составляетъ 50—60% садовыхъ насажденій. Мѣстныхъ сортовъ ея извѣстно болѣе 40 подъ названіями: шакиръ-армудъ и пр. Яблоня вообще составляетъ отъ 30 до 40% всѣхъ плодовыхъ насажденій. Извѣстные мелкіе сорта: айвалма, тумъ-алма, агъ-алма, кизилъ-ахметъ и пр. Сливъ два сорта: алыча (Prunus insitiua) и гявалы (Prunus domestica). Изъ абрикосовъ распространены слѣд. сорта: кайсси и мушъ-мушъ; персики, гранаты, инжиръ разводятся въ маломъ количествѣ.

Подъ виноградниками въ Бакинской губ. считается 10404 дес. (1899 г.), производящихъ около 319655 ведеръ вина. На долю Шемахинскаго и Геокчайскаго уѣздовъ приходится 7500 дес. виноградниковъ. Между здѣшними винами пользуются весьма обширною извѣстностью красное *матрасинское* вино, такъ названное по армянскому селенію Матрасы—центру винодѣлія Шемахинскаго у., и *кюрдамирское*, названное по с. Кюрдамиръ Геокчайскаго уѣзда. Отличительныя свойства перваго—густота, почти черный цвѣтъ и ароматичность; второе отличается значительною сладостью, нерѣдко употребляется на Кавказѣ для исправленія закисшихъ винъ, а внутри Россіи продается, какъ церковное вино. Названныя вина заключаютъ въ себѣ отъ 12 до 15% спирта.

Въ Елисаветпольской губерніи, въ низменной полосѣ ея *садоводство*—одно изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства. Продажа фруктовъ въ свѣжемъ и сушеномъ видѣ составляетъ въ хозяйствѣ немаловажную статью дохода. Вандамскія груши, елисаветпольскіе гранаты и черешни, еленендорфскій черносливъ, куткашинскіе грецкіе и малые орѣхи, каштаны служатъ предметомъ обширной торговли; они вывозятся въ Тифлисъ, Баку, Кутаисъ, Батумъ и во внутреннія губерніи Россіи.

Виноградарство развито въ большей или меньшей степени во всѣхъ низменныхъ частяхъ губерніи. Здѣшняя лоза хороша. Виноградныя кисти громадныхъ размѣровъ и славятся какъ своимъ разнообразіемъ, такъ и вкусомъ, а потому большая часть елисаветпольскаго десертнаго винограда подъ названіемъ „Тавризъ“ продается въ ягодахъ. Площадь земли, занятой въ губерніи виноградниками, простирается до 11768 десятинъ, производящихъ 847995 ведеръ вина и 1410312 пудовъ (1899 г.). столоваго винограда, кромѣ того, что идетъ на спиртъ.

Елисаветпольскія вина средней крѣпости, 11—12% спирта, душисты, вкусны и годны для дальнѣйшаго экспорта. Они нисколько не уступаютъ кахетинскимъ, идутъ даже за чисто кахетинское вино въ Москву и Петербургъ. Нухинскія вина только недавно стали появляться на рынкахъ Закавказья и вмѣстѣ съ винами г. Шемахи извѣстны подъ названіемъ *матрасинскихъ*.

Какъ ни сурова зима въ Эриванской губерніи, большая часть фруктовыхъ деревьевъ растетъ здѣсь съ величайшимъ успѣхомъ. Садоводы не пытаются разводить лучшіе сорта плодовъ и не вводятъ усовершенствованныхъ пріемовъ по садоводству, за всѣмъ тѣмъ большая часть здѣшнихъ фруктовъ превосходнѣе фруктовъ другихъ мѣстностей Закавказья. Садоводство наиболѣе развито въ Ордубадѣ, Эривани и Нахичевани. Ордубадъ, безспорно, занимаетъ первое мѣсто не въ Эриванской только губерніи, но даже, вѣроятно, въ цѣломъ Закавказьѣ. Весь городъ составляетъ, можно сказать, одинъ садъ, перегороженный заборами, въ которомъ дома совершенно закрыты развѣсистыми деревьями. Ордубадскіе персики, сливы, инжиръ, гранаты, айва, тута, виноградъ, славятся въ сѣверной Персіи. Вся Эривань занята садами. Вообще подъ фруктовыми садами въ губерніи считается до 7,226 десятинъ, съ которыхъ собирается разнаго рода фруктовъ до 330000 пудовъ въ годъ. Татары заготовляютъ довольно значительное количество сушеныхъ плодовъ.

Подъ виноградниками Эриванской губерніи находится 7700 дес., съ производствомъ 274000 вед. вина въ годъ. Наибольшая часть урожая идетъ на винокуреніе. Виноградъ Эриванской губерніи занесенъ сюда изъ знаменитыхъ ширасскихъ садовъ Персіи. Насчитываютъ болѣе 50 разновидностей его. Эриванскій виноградъ отличается поразительною величиною и вкусомъ. Лучшими сортами считаются *аскяри* (безъ зеренъ), обладающіе необыкновенною нѣжностью и вкусомъ. По словамъ знатоковъ, для десерта не существуетъ на свѣтѣ лучшаго сорта. Насколько хороша здѣсь культура лозы (на зиму лозы зарываются въ землю), настолько же дурны приготовленіе и способъ храненія вина, отъ чего эриванскія вина скоро окисляются. Эриванскія вина довольно крѣпки (12-13% спирта), вкусомъ похожи на мадеру, хересъ и портвейнъ. Лучшими виноградниками, съ которыхъ получается и лучшее вино, считаются *далминскіе*, лежащіе около Эривани, затѣмъ въ сел. Вагаршападѣ и Арштаракѣ, представляющіе три самыхъ большихъ виноградныхъ округа въ губерніи. Въ этихъ пунктахъ нѣкоторые уже стали выдѣлывать довольно хорошія столовыя и десертныя, по преимуществу, вина, не уступающія среднимъ сортамъ хереса какъ по цвѣту, такъ по вкусу и аромату.

Кагызманскій и Ольтинскій округа Карсской области богаты фруктовыми и виноградными садами. Вокругъ города Кагызмана и по направленію къ Араксу раскинуты на пространствѣ болѣе 5 верстъ сады (до 900 десят.). Кромѣ того, въ Кагызманскомъ округѣ славятся своими садами селенія: Керсъ, Харъ, Пакранъ, Гуссейнъ-кентъ и др. Изъ фруктовъ женщины варятъ много патоки и приготовляютъ консервы [1]). Садоводство въ округѣ для мѣстныхъ жителей почти единственный источникъ ихъ существованія. Въ Посховскомъ участкѣ Ардаганскаго округа подъ садами и виноградниками—265 дес. Они одинаковаго достоинства съ Кагызманскими. Въ Ольтинскомъ

[1]) Бекмесъ, пастиль, тархана, кята, басманжигъ.

округѣ сады расположены по р. Ольты-чаю и его притокамъ. Особенно богато садами нижнее теченіе рѣки, гдѣ узкое ущелье на цѣлыя версты занято садами и виноградниками. Подъ садами въ Ольтинскомъ округѣ около 200 десятинъ. Здѣсь растутъ хурма, инжиръ, унабы [1]), гранаты, превосходныя груши, сливы, персики и виноградъ.

По одинаковости характера и общности культуры, районы садоводства Тифлисской губер. можно раздѣлить: 1) на *Ахалцихо-Ахалкалакскій*, расположенный въ низовьяхъ рѣчекъ: Посховъ-чая, Кобліанъ-чая, съ притокомъ Оцхе, Уравель-чая, Ахалкалакъ-чая и пр. Садоводство составляетъ одну изъ выдающихся отраслей сельскаго хозяйства въ Ахалцихскомъ уѣздѣ. Изъ 187 селеній этого уѣзда, сады находятся въ 115 и занимаютъ площадь въ 460 десятинъ. Болѣе другихъ славятся своими фруктовыми садами селенія: Уде, Аралъ, Адигенъ, Варханъ, Толошъ, Ацхуръ, Суфлисъ и г. Ахалцихъ. Главное вниманіе обращается на разведеніе грушъ и яблокъ. Фрукты вывозятся въ разные города Закавказья и во внутреннія русскія губерніи на сумму 20,500 рублей. 2) *Карталинскій*, составляющій *Горійскій и Душетскій* уѣзды [2]); 3) *Тифлисско-Борчалинскій* [3]), расположенный какъ по берегамъ р. Куры, такъ и въ бассейнѣ рр. Іоры, Алгета и Храма и 4) *Кахетинскій*, къ которому относятся уѣзды Телавскій, Сигнахскій и восточная часть Тіонетскаго.

Въ Горійскомъ уѣздѣ за послѣднее десятилѣтіе виноградарство и винодѣліе сильно подвинулось впередъ. Но не смотря на стремленіе населенія къ расширенію виноградарства, способъ воздѣлыванія винограда и выдѣлки вина остается вполнѣ примитивнымъ, за очень немногими исключеніями, *Хедистаѳское* и *Атенское* вина Горійскаго уѣзда пользуются извѣстностью. Виноградарство и винодѣліе Душетскаго уѣзда улучшаются съ каждымъ годомъ, благодаря примѣру помѣщика кн. И. К. Багратіонъ—Мухранскаго. Вина его по своей выдержанности и по освѣтленности соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ европейской торговли. Въ Тифлисскомъ уѣздѣ уходъ за виноградными садами, особенно у нѣмцевъ—колонистовъ, довольно раціональный. Вино не высокихъ сортовъ и сбывается въ Тифлисъ. Изъ винъ, добываемыхъ въ Борчалинскомъ уѣздѣ, отличаются хорошимъ качествомъ *Шулаверское и Екатерининфельдское*. Въ Тіонетскомъ уѣздѣ винодѣліемъ занимаются жители трехъ селеній—Ахмети, Матани и Бахтріани. Въ первомъ получается вино высокаго качества, не уступающее по достоинству лучшимъ кахетинскимъ винамъ.

Кахетія (Телав. и Сигнах. у.) для Кавказа тоже, что Ширасъ для Персіи. Здѣсь на 16000 дес. вырабатывается около двухъ милліоновъ ведеръ вина. Способъ воздѣлыванія винограда, послѣдовавшій жителями Кахетіи отъ предковъ, за исключеніемъ немногихъ винодѣловъ, придерживающихся европейской системы, нимало не совершенствуется. Уборка винограда начинается въ октябрѣ и обыкновенно продолжается двѣ—три недѣли. Пока идетъ уборка, вся почти деревня проводитъ дни въ саду. *Венахи* (виноградники) въ это время достойны кисти художника. Листья на лозахъ уже пожелтѣли и, падая, устилаютъ почву; разные сорта винограда довольно живописно пестрятъ плантацію. Всѣ отъ мала до велика заняты своимъ дѣломъ въ саду, съ утра до вечера раздаются разговоры, шутки, смѣхъ и разнохарактерныя пѣсни рабочихъ. Ночью начинается работа въ марани. Рабочіе давятъ виноградъ ногами. Виноградный сокъ съ журчаньемъ стекаетъ въ кувшинъ. Оставшіеся отъ винограда выжимки бросаются въ кувшины [1]). По словамъ европейцевъ, знатоковъ дѣла, лучшіе сорта кахетинскихъ винъ не уступаютъ бургонскому, портвейну, мадерѣ. Эти вина бываютъ разныхъ сортовъ, изъ которыхъ лучшими считаются *саперави*, дающій вино темнокраснаго цвѣта, *ркацители* и *мцване*, дающіе бѣлое вино (10-13% спирта). Большая часть грузинскихъ поселянъ не даетъ, какъ слѣдуетъ, созрѣвать винограду, и потому изъ его сусла выходитъ довольно кисловатый напитокъ. Кахетинцы продаютъ свое вино на мѣстѣ и гуртомъ. Проданное вино переливаютъ изъ кувшиновъ въ бурдюки.

Порядки, введенные по виноградарству и винодѣлію въ кахетинскомъ удѣльномъ имѣніи заслуживаютъ особеннаго вниманія. Обширные виноградники удѣльнаго имѣнія находятся въ трехъ мѣстахъ: въ с. Мукузань, Сигнахскаго уѣзда, и въ сел. Цинондалы, Уріатубани, Напареули—Телавскаго уѣзда. Для посадки почва обработана глубоко. Посадка вездѣ рядовая. Давка винограда, посредствомъ дробилки и машины, происходитъ въ особо устроенныхъ винодѣльняхъ, которыя вполнѣ отвѣчаютъ своему назначенію. Вина въ подвалѣ содержатся не менѣе трехъ лѣтъ, и только послѣ этого срока они поступаютъ въ продажу.

Фруктовое *садоводство* въ уѣздахъ Кутаисской губерніи пользуется незначительнымъ вниманіемъ. Не смотря на обиліе фруктовъ, имъ сбыта здѣсь почти нѣтъ; они кислы, отъ влаги плохо вызрѣваютъ и быстро подвергаются порчѣ. Одни лишь ранніе сорта персиковъ, черешень, фигъ и сливъ довольно удовлетворительны и сбываются за предѣлы губерніи. Въ послѣднее время селенія Кутаисскаго уѣзда Сормоны, Ріони, Годочани и Курсеби стали извѣстны своими персиками, а Окриба-черешнями и зимними сортами яблокъ и грушъ. Изъ ягодныхъ кустовъ распространены болѣе земляника и клубника.

Садоводствомъ болѣе всего занимаются въ округахъ Батумскомъ, Артвинскомъ и отчасти Сухумскомъ. Такъ, напримѣръ, Ардануческій участокъ отправляетъ на мѣстные рынки болѣе 20 т. пудовъ различныхъ фруктовъ и свыше 7 т. пудовъ маслины; изъ Артвинскаго участка поступаетъ въ продажу небольшое количество миндальныхъ орѣховъ, изъ Батумскаго округа—болѣе 40 т. пуд. яблокъ.

Виноградники Кутаисской губерніи двухъ родовъ: одни изъ нихъ *даблари*—правильно устроенные, другіе—*маглари*, въ которыхъ лозы посажены близъ деревьевъ и вьются по стволамъ и вѣтвямъ ихъ. Площадь виноградниковъ доходитъ до 71770 дес.

Виноградные сады губерніи приходятъ въ упадокъ. Лѣтъ 30 тому назадъ, оидіумъ уничтожилъ почти всѣ виноградники въ Мингреліи, въ остальныхъ мѣстностяхъ губерніи (разум. уѣзды) за послѣдніе 10 лѣтъ производство вина сократилось вдвое. Въ 1899 году урожай далъ 1375655 плохого вина и 2139534 пуд. винограда съ 25224 дес.

Главнымъ винодѣльческимъ центромъ въ губерніи считаются *Свирское* и сосѣднія съ нимъ сельскія общества Кутаисскаго и Шоропанскаго уѣздовъ. Лучшимъ по качеству признается *„кипіановское“* вино, приготовляемое въ Рачѣ помѣщикомъ кн. Кипіани. Это вино приравниваютъ къ бургонскому или, обыкновенно, къ кахетинскимъ винамъ. Въ продажѣ его мало. Въ Гуріи славятся вина сел. Саджевахо и другихъ ближавшихъ деревень, отличающіяся необыкновенно душистымъ букетомъ и мягкостью вкуса. Въ Сухумскомъ, Батумскомъ и Артвинскомъ округахъ насчитывается 2750 дес. виноградниковъ, дающихъ въ годъ 215400 ведеръ вина и 10000 пудовъ винограда, сбываемаго въ ягодахъ. Абхазская виноградная лоза отличается чрезвычайной плодовитостью (до 30 пуд. винограда), приноситъ крупныя ягоды, круглой формы, весь-

[1]) Унаби (Ramnus Pallasii)—красивое деревцо, дающее плоды, похожіе съ виду на финики.

[2]) Горійскій уѣздъ доставляетъ на рынки зимніе сорта грушъ, яблокъ и крупный орѣхъ на сумму 30,500 руб.

[3]) Тифлисскій уѣздъ и окрестности Тифлиса доставляютъ на рынки плоды болѣе разнообразные: яблоки, груши, персики, абрикосы, алыча, сливы и другіе ароматичные плоды. Въ городѣ Тифлисѣ 314 садовъ; они занимаютъ 538 десятинъ.

[1]) Величина кувшиновъ различна: самые большіе вмѣщаютъ 100—200 ведеръ. Ихъ зарываютъ въ землю и бока ихъ обмазываютъ известью въ четыре вершка толщины.

ма сладкаго и пріятнаго вкуса, преимущественно темнаго цвѣта, а также бѣлаго, подходящаго къ янтарному. Абхазское вино не уступаетъ крымскимъ винамъ.

На южномъ черноморскомъ побережьѣ (въ Абхазіи и Батумскомъ окр.) переселенцы—русскіе, греки, эсты, нѣмцы, армяне и другіе занимаются садоводствомъ и винодѣліемъ по мѣрѣ средствъ и возможности. Если разсматривать здѣшнее садоводство со стороны доходности, то безубыточными деревьями являются груши, фиги, маслина, хурма, финдукъ. Къ условно-доходнымъ слѣдуетъ отнести такія деревья, какъ яблони, абрикосы, персики, сливы, вишни, черешни, японскую башмалу (Mespilus) и миндаль. Урожаи съ этихъ деревъ большею частію бываютъ черезъ три года. Вѣтры, морскіе туманы, холода убиваютъ цвѣтъ дерева, и оно не даетъ плодовъ. Яблони поражаетъ тля; абрикосы, персики, сливы, иногда миндаль, поѣдаются особымъ маленькимъ летающимъ жукомъ. Культурныя нѣжныя фруктовыя деревья по всему южному черноморскому побережью подвержены заболѣваніямъ. Яблоки и груши достигаютъ здѣсь до 2½ фунтовъ, сливы до 1 ф., но слишкомъ водянисты, невкусны. Американскій виноградъ *изабелла*—одинъ изъ наивыгоднѣйшихъ сортовъ по всему побережью. Другіе сорта съ трудомъ приживаются.

Благоустройство крупныхъ здѣшнихъ хозяйствъ привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе путешественниковъ. Изъ нихъ укажемъ на Ново-Аѳонскій монастырь (въ 25 верстахъ отъ Сухума) и имѣніе извѣстнаго табачнаго фабриканта Рейнгарда (въ 30 верстахъ отъ Сухума). Ихъ опыты, примѣры весьма цѣнны въ культурномъ отношеніи для всего южнаго черноморскаго побережья. Недалеко отъ Сухума заведены чудесныя опытныя плантаціи московскаго садовода Ноева. На разстояніи полуторы версты отъ Сухума расположено имѣніе Великаго Князя Александра Михаиловича, извѣстное подъ названіемъ „Синопъ„. Въ короткое время своего существованія дача сдѣлалась образцовою и извѣстною не только въ Россіи, но и за границею. Здѣсь обращено большое вниманіе на декоративныя растенія, чѣмъ на фруктовыя, хотя есть самые разнообразные сорта лимонныхъ, апельсинныхъ, померанцевыхъ и мандариновыхъ деревьевъ, яблонь, грушъ, вишенъ, черешень и пр. Близъ г. Батума есть нѣсколько благоустроенныхъ дачъ — гг. Кристофовича, Соловцова, Стоянова и Д. Альфонса. Послѣдній развилъ батумскій городской садъ, полный всевозможныхъ тропическихъ растеній, завелъ въ окрестностяхъ города большіе питомники фруктовыхъ и парниковыхъ деревьевъ и украсилъ садами множество здѣшнихъ дачъ и частныхъ домовъ. Садоводство Черноморской губ. могло бы имѣть важное значеніе въ хозяйствѣ, но ему населеніе *предпочитаетъ виноградарство, какъ болѣе выгодное* по доходности. Только въ послѣднее время садоводство восточной части губерніи, благодаря спросу на плоды, начинаетъ развиваться, хотя не особенно успѣшно. Сады западной ея части приносятъ урожаи лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, тогда какъ бывшіе сады горцевъ даютъ плоды почти каждый годъ, хотя, со времени ухода ихъ въ Турцію, никто не заботится объ этихъ садахъ.

По отзыву спеціалистовъ сѣверо-восточное побережье Чернаго моря, самая большая часть котораго входитъ въ составъ Черноморской губ., представляетъ собою одну изъ лучшихъ въ мірѣ мѣстностей для разведенія виноградниковъ. Эта мѣстность предназначена природою производить вино высокихъ качествъ. Бывшій попечитель прибрежныхъ поселеній Новороссійскаго округа М. Ѳ. Пенчулъ первый насадилъ виноградный садъ въ 1869 г. въ урочищѣ Мысхако, а въ 1874 г. было насаждено около двухъ десятинъ виноградника Удѣльнымъ Вѣдомствомъ въ имѣніи Абрау. Въ настоящее время въ губерніи подъ виноградниками значится 560 десятинъ. Виноградарство наиболѣе успѣшно развивается у поселянъ самыхъ западныхъ деревень (Вельяминовская, Молдаванка, Пиленкова и др.), благодаря вліянію частныхъ хозяйствъ и въ особенности барона Штейнгеля. Виноградарство частныхъ хозяйствъ стало быстро подниматься въ началѣ 80-хъ годовъ XIX столѣтія. Развитію виноградарства и винодѣлія много содѣйствовали примѣръ Удѣльнаго Вѣдомства, успѣшный сбытъ вина, высокія его качества, проведеніе къ г. Новороссійску желѣзной дороги, развитіе отпускной торговли, приливъ новыхъ людей и средствъ, дробленіе земельныхъ участковъ и переходъ ихъ въ болѣе дѣятельныя руки.

Главнѣйшія винодѣльческія урочища губерніи, начиная съ запада, котловина-Абрау, долина р. Озерейки, урочище Широкое ущелье, Цемесская долина, скаты Маркотхскаго хребта отъ верховьевъ Цемесской долины до селенія Геленджикъ, мѣстность въ устьѣ р. Адербы, долина р. Туапсе, урочище Туишхо и мѣста между рр. Шепси, Аше и Псезуапе.

Плодоводочное производство на Кавказѣ [1]).

Куреніе водки и отчасти спирта изъ различныхъ плодовъ въ Закавказьѣ давно извѣстно, но особенное вниманіе обращено на него правительствомъ и сельскими хозяевами только въ послѣднія 20 лѣтъ. По интенсивности производства первое мѣсто принадлежитъ Елисаветпольской губерніи, второе Тифлисской, третье Эриванской и четвертое Бакинской. Плодоводочное производство въ Елисаветпольской, Эриванской и Бакинской губерніяхъ, Закатальскомъ округѣ, Дербентѣ и частію въ Кахетіи находится въ рукахъ армянъ, въ Тифлисской и Кутаисской—въ рукахъ грузинъ, имеретинъ и гурійцевъ, а въ нѣмецкихъ колоніяхъ курятъ водку исключительно сами нѣмцы.

Продукты для куренія плодовыхъ водокъ въ Закавказьѣ доставляются лѣсами, садоводствомъ, виноградарствомъ и винодѣліемъ. Лѣса Закавказскаго края изобилуютъ дикими фруктовыми деревьями и ягодами, какъ-то: яблоками, грушами, сливами, черешнями, айвой, персиками, абрикосами, хурмой, рябиной, кизиломъ, куманикой или ежевикой, малиной и т. д. Однако, это богатство даровой продукта пропадаетъ безъ всякой пользы и не употребляется для куренія водки. Плодоводочное производство изъ огромнаго количества фруктовъ разнаго рода, которыми такъ богаты лѣтомъ и подъ осень всѣ сады Закавказья, развито сравнительно очень слабо. Изъ фруктовыхъ водокъ лучшими качествами отличается персиковая водка, которая курится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Елисаветпольской губерніи, но исключительно для собственнаго употребленія. Производство водки изъ шелковицы (туты) составляетъ до нѣкоторой степени спеціальность Закавказскаго края и значительно развито въ Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской губ., Кагызманѣ и Ольтахъ (Карсской обл.). Сборъ ягодъ (въ концѣ мая и началѣ іюня) весьма непродолжителенъ и легокъ. Съ одной десятины, дающей отъ 240 до 500 вед. ягодъ, можно собрать ягоды въ 20—40 часовъ. Собранныя ягоды кладутся въ чаны, гдѣ онѣ отъ собственнаго давленія пускаютъ сокъ, который быстро приходитъ въ броженіе и черезъ 2 -3 дня готовъ для куренія.

Въ Закавказскомъ краѣ считается до 80000 десятинъ виноградниковъ, доставляющихъ въ лучшіе годы отъ 20 до 30 мил. пудовъ винограда, изъ коихъ ⅖ въ видѣ винограда, гущи, выжимокъ идетъ на куреніе водки. Изъ этихъ двухъ производствъ наиболѣе имѣетъ значеніе для сельскаго хозяйства производство водки изъ выжимокъ и шелковицы. Изъ выжимокъ въ Кахетіи начали добывать винный камень; зола выжимокъ идетъ на удобреніе виноградниковъ, перегнанныя выжимки -на кормъ скота и преимущественно свиней, которыя охотно ѣдятъ ихъ въ

[1]) „Кавказскій край", П. П. Надеждинъ.

тепломъ видѣ. Въ Эриванской губерніи и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Бакинской перегнанныя, выщелоченныя и прессованныя выжимки прессуются въ формѣ кирпичей, высушиваются и употребляются на топливо. Въ Дагестанской области изъ выжимокъ съ гущею, послѣ слива вина, приготовляется доброкачественный виноградный уксусъ (отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за ведро).

Закавказское плодоводочное производство въ общемъ постоянно развивается и совершенствуется. Такъ, въ 1876 году число дѣйствовавшихъ заводовъ=1131, въ 1886 г.=2389, а въ 1899 году было виноградо-фруктово-водочныхъ заводовъ 2564, водочныхъ и ректификаціонныхъ заводовъ 16, выкурившихъ 29480259 градусовъ спирта изъ винограда, туты и другихъ продуктовъ; кромѣ того безакцизно дѣйствовало 82 завода садовладѣльцевъ, которые выкурили 46000 град. спирта. Дальнѣйшее развитіе плодоваго спирта находится главнымъ образомъ въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыя поставлены будутъ винодѣліе и садоводство края.

Плодовой спиртъ преимущественно употребляется населеніемъ въ видѣ водки и отчасти вывозится во внутреннія губерніи Россіи. Виноградный спиртъ, полученный на усовершенствованныхъ заводахъ, употребляется для цѣлей раціональнаго винодѣлія въ сравнительно небольшомъ количествѣ.

На Сѣверномъ Кавказѣ виноградо-водочныхъ заводовъ въ 1892 году числилось 96, именно: въ Терской области 90 заводовъ (30 усовершенствованныхъ) съ производствомъ на 543,000 р., въ Ставропольской губ.—4 съ производствомъ на 206,108 р. Въ Кубанской об. изъ виноградныхъ выжимокъ получено 14,928 градусовъ спирта, на сумму акциза 786 р.

Культура чайнаго куста (Thea chinensis). На южномъ черноморскомъ побережьѣ Кавказа чайный кустъ растетъ, цвѣтетъ и приноситъ плоды. Проф. Воейковъ находитъ здѣшній климатъ очень сходнымъ съ климатомъ о. Нипона, въ Японіи. Проф. А. Н. Красновъ, французскіе и нѣмецкіе натуралисты единогласно признаютъ кавказское побережье Чернаго моря между Сухумомъ и Батумомъ самымъ благопріятнымъ на Кавказѣ мѣстомъ для разведенія чая. Эта мѣстность обладаетъ теплымъ, легкимъ, ровнымъ, всегда влажнымъ климатомъ, что и необходимо для культуры нѣжнаго, капризнаго растенія, какъ чайное дерево.

Опытомъ дознано, что сѣмена чайнаго дерева оказываются такими нѣжными, что, при перевозкѣ изъ Китая, утрачиваютъ свою живучесть. Поэтому признаютъ необходимымъ вывозить изъ Китая сѣянцы и затѣмъ выращивать на мѣстѣ до полученія сѣмянъ. Теперь Кавказъ обладаетъ своими сѣянцами. Г. Соловцовъ около 12-ти лѣтъ съ полнѣйшимъ успѣхомъ культивируетъ чайные кусты близъ ст. Чаква Закавк. жел. д. На его плантаціяхъ въ 1894 г. полученъ первый *чайный урожай*. По отзыву спеціалистовъ, собранныя съ чайныхъ кустовъ свѣжія почки дали по виду чай гораздо лучшій, чѣмъ привозимый изъ Китая, но за то по аромату онъ оказался значительно уступающимъ китайскому чаю. Въ настоящее время у Соловцова до 300,000 чайныхъ кустовъ, съ которыхъ продано въ 1899 г. до 300 пуд. чая, въ 1900 г.—до 600 пуд. За Соловцовымъ послѣдовали другіе: А. Е. Вучино, у котораго въ настоящее время 30,000 кустовъ чайныхъ, разсаженныхъ на 7 десятинахъ; Веру—10,000 кустовъ; А. И. Стояновъ—3,000. Весьма успѣшно идетъ дѣло у торговаго дома „Бр. К. и С. Поповыхъ“; чайныя плантаціи его расположены въ Чакиѣ, Салибуарѣ и Капришунѣ и состоятъ въ настоящее время изъ 300,000 кустовъ, съ которыхъ въ 1900 г. собрано 600 пуд. чая, продаваемаго въ Батумѣ и Москвѣ. Въ 1895 г. появляются самыя обширныя и образцово-устроенныя плантаціи удѣльнаго вѣдомства въ его чаквинскомъ имѣніи, заключающемъ въ себѣ 18 тыс. десятинъ. Болѣе двухъ третей этого количества земли оказались вполнѣ пригодными для чайной культуры и въ настоящее время на всемъ этомъ пространствѣ разводятся плантаціи, давшія въ 1900 г. 150 пуд. чая, запроднаго бр. Расторгуевымъ. Администрація удѣльнаго имѣнія старается развить чайную культуру и среди мѣстныхъ крестьянъ, раздавая имъ сѣмена и саженцы съ обѣщаніемъ принимать отъ нихъ сборъ листьевъ. Съ 1899 г. у удѣльнаго вѣдомства дѣйствуетъ собственная фабрика, переработывающая по образцу цейлонскихъ фабрикъ какъ свой чайный листъ, такъ и доставляемый ей для переработки. Для опредѣленія качества „русскаго чая“ въ 1900 г. командирована особенная комиссія изъ чиновъ главнаго управленія удѣловъ и свѣдущихъ въ чайномъ дѣлѣ частныхъ лицъ. По заключенію этой комиссіи, чай перваго и второго сборовъ принадлежитъ къ разряду хорошихъ чаевъ, и продажная цѣна ему опредѣлена въ 2 рубля (первый сортъ), 1 р. 60 коп. (второй сортъ) и 1 руб. (третій сортъ) за фунтъ.

Всего въ настоящее время въ Батумскомъ округѣ культивировано до милліона чайныхъ кустовъ, дающихъ приблизительно въ годъ до 20,000 пудовъ чая.

Что касается *оливковаго дерева*, то вокругъ г. Артвина разведены цѣлыя рощи его. Отсюда ежегодно вывозится маслинъ болѣе четырехъ тысячъ пудовъ. Въ Абхазіи Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь имѣетъ значительныя плантаціи маслинъ.

Производство *маслянничныхъ растеній*—конопли, горчицы, подсолнечника, сурѣпицы—преимущественно распространено на С. Кавказѣ. Посѣвовъ льна, въ прежніе годы дававшихъ на С. Кавказѣ самый значительный доходъ, превышавшій доходы отъ всякихъ другихъ посѣвовъ, въ настоящее время сравнительно менѣе. Общая выработка подсолнечнаго масла въ Кубанской обл. 14,930 пуд. на 66 т. руб. въ годъ.

Въ Закавказьѣ съ успѣхомъ воздѣлываются *кунжутъ* (Sesamum) и *клещевина* (рицинъ) въ низменной полосѣ Эриванской губерніи и Карсской области. Въ Тифлисской губерніи имѣется два завода, на которыхъ вырабатывается 15,280 пуд. кунжутнаго масла, и въ Эриванской губ.—8 заводовъ съ производствомъ 1,590 пуд. Въ Кубинскомъ уѣздѣ сѣмя кунжута идетъ въ довольно значительномъ количествѣ на приготовленіе лакомства—кунжутъ-халвасы. Въ Абхазіи по побережью прекрасно растетъ клещевина, но сбывать ее пока некуда. Для сбыта послѣдней представляетъ большое препятствіе сложившееся у фабрикантовъ отношеніе къ итальянскимъ производителямъ, хотя нашъ, съ побережья Кавказа, рицинъ на 14% маслянистѣе итальянскаго.

Къ особенностямъ земледѣлія исключительно въ Бакинскомъ уѣздѣ нужно отнести воздѣлываніе *шафрана* и въ Кубанскомъ уѣздѣ—*марены*. Мареноводство, нѣкогда процвѣтавшее въ окрестностяхъ Кубы и Дербента, пришло въ окончательный упадокъ, благодаря анилиновымъ краскамъ. Даже высокая пошлина, наложенная на привозныя анилиновыя краски въ пользу мареноводства, не спасла его отъ упадка. Дербентскія гарансеновыя мельницы превращены въ мукомольныя.

Культура *хлопчатника* производится по долинѣ средняго теченія рр. Куры и Аракса. Эриванская губернія (по преимуществу Шаруро-Даралагезскій и Эчміадзинскій уѣзды) до настоящаго времени была главной поставщицей хлопка. Въ губерніи хлопковыя плантаціи занимаютъ площадь въ 28,600 десятинъ, съ которыхъ собирается ежегодно до 600,000 пудовъ. Собираемый хлопокъ очищается „Джинами“, которыхъ въ 1891 году въ различныхъ селеніяхъ нѣкоторыми торговыми домами, скупающими хлопокъ, было поставлено 318, съ производительностью въ 94,418 р. Очищенный хлопокъ направляется на фабрики въ Россію.

Въ послѣднія 10 лѣтъ хлопководство Елисаветпольской губерніи сильно подвинулось впередъ. Въ губерніи считается болѣе 2 т. десятинъ земли, занятой хлопковыми плантаціями. Главнымъ центромъ производства хлопка въ губерніи является Арешскій уѣздъ, гдѣ въ настоящее время занимаются этимъ 51 селеніе (выдающіяся меж-

ду ними селенія Казыкумларъ и Ляки). Сильно подвинула впередъ хлопководство въ Арешскомъ уѣздѣ лодзинская мануфактура фирмы Познанскаго и К°, которая въ 1887 году впервые стала раздавать безплатно сѣмена ташкентскаго и американскаго хлопчатника. Тоже дѣлаетъ и московская мануфактура фирмы купца Корзинкина и К°. Хлопокъ продается жителями преимущественно представителямъ мануфактурныхъ фабрикъ купцовъ Познанскаго и Корзинкина и чаще всего въ неочищенномъ видѣ.

Въ Кутаисскомъ и Шоропанскомъ уѣздахъ разводится хлопокъ египетскаго сорта, введенный въ 1845 г. княземъ Воронцовымъ, и изъ американскихъ сѣмянъ, розданныхъ въ 1884 году мѣстному населенію агентами фирмы Морозова. Послѣдній довольно хорошаго качества, но въ рукахъ скупщиковъ—евреевъ онъ настолько портится различными примѣсями, что у фабрикантовъ теряетъ всякую цѣну. Производствомъ хлопка (отъ 6 до 7 тысячъ пудовъ въ годъ) занимаются главнымъ образомъ крестьяне на своихъ небольшихъ участкахъ. Бумажныя грубыя ткани мѣстнаго ручного производства вытѣсняются теперь фабричными издѣліями внутренней Россіи и иностраннаго производства, отличающимися красотою и дешевизною.

Табаководство приняло обширные размѣры на Кавказѣ, особенно послѣ возвышенія таможенныхъ пошлинъ на табакъ, привозимый изъ Турціи. Оно прочно установилось въ Кубанской области (въ Екатеринодарскомъ, Темрюкскомъ и Майкопскомъ отдѣлахъ). Главные представители табачной культуры въ Кубанской области турецкіе подданные и вообще иностранцы: греки, армяне, молдаване. Изъ русскихъ купцовъ и коренныхъ жителей, особенно казаковъ, табаководовъ немного. Съ большимъ успѣхомъ воздѣлываютъ табакъ жители ауловъ и колоній Екатеринодарскаго отдѣла.

Въ Черноморской губ. табаководство считается лучшимъ по качеству на Кавказѣ. Начало воздѣлыванію турецкаго табака положено въ концѣ 60-хъ годовъ XIX стол. прибывшими въ губернію изъ Малой Азіи греками и армянами. Около 1875 г. табаководство было господствующею отраслью хозяйства и нѣкоторыя селенія, благодаря табаку, достигли высокой степени благосостоянія. Въ настоящее время табаководство, сдѣлавшись совершенно невыгоднымъ, стало уступать мѣсто виноградарству. Культурою табака теперь исключительно занимаются греки и армяне въ размѣрахъ значительно меньшихъ, чѣмъ раньше. Такъ, въ 1888 г. засѣяно было табакомъ въ губерніи всего 603 десятины, въ 1897 г. только 364 десятины и собрано всего 16251 пуд. табаку.

Производство лучшихъ турецкихъ сортовъ табаку развито въ Сигнахскомъ уѣздѣ по лѣвую сторону р. Алазани, а на правой ея сторонѣ въ селѣ Веджини, въ Карагачѣ, въ Лагодехи, Закаталахъ. Здѣсь множество предпринимателей и мастеровъ изъ турецкихъ грековъ, армянъ, имеретинъ, которые арендуютъ у землевладѣльцевъ и крестьянъ землю подъ культуру табака. Въ восточной части Гуріи, въ сѣверной части Мингреліи и въ западной Чорохскаго бассейна производятся посѣвы лучшаго турецкаго табака. Озургетскій уѣздъ производитъ ежегодно до 8 тысячъ пудовъ его, сравнительно болѣе, чѣмъ какой-нибудь изъ уѣздовъ Кутаисской губерніи. Но больше по количеству табака и лучшаго по качеству производитъ Артвинскій округъ, откуда Ардануческіе сорта (Самсунъ) отправляются за границу.

Министерство Земледѣлія въ 1899 г. проектировало устройство сѣти опытныхъ табачныхъ плантацій въ главнѣйшихъ табаководныхъ районахъ. Въ первую очередь намѣчено устройство плантацій въ Кутаисской губ., на что ассигновано 7200 руб.

Овцеводство. На Кавказѣ два типа овецъ: съ *курчавою*, даже *пушистою* и *гладкою* шерстью. Къ первому типу относятся овцы: татарскія, тушинскія, грузинскія и осетинскія, ко второму—лезгинскія. Во всѣхъ существующихъ стадахъ эти два типа овцеводства перемѣшаны между собою, вслѣдствіе чего и шерсть оказывается неопредѣленнаго характера. Правильная разсортировка и отдѣленіе породъ съ курчавою и гладкою шерстью, по мнѣнію спеціалистовъ, могутъ поднять туземную шерсть въ цѣнѣ и найти на иностранныхъ рынкахъ лучшій сбытъ. Овцеводство имѣетъ важное значеніе для края. Овца, кромѣ шерсти, даетъ мясо, сыръ, масло. По способности давать вкусное мясо и скороспѣлыхъ ягнятъ считаются *тушинская, грузинская* и *карачаевская* породы. Наилучшею же изъ нихъ нужно признать *тушинскую*, которая къ тому же даетъ тонкую и блестящую шерсть.

На Сѣв. Кавказѣ тонко-рунное овцеводство развито почти въ равной степени съ овцеводствомъ грубошерстнымъ. Въ 1899 г. въ Кубанской области было простыхъ овецъ 1596767, тонкорунныхъ 1423817, въ Терской обл. простыхъ—1521412, тонкорунныхъ 311679. Наиболѣе крупныя стада тонкорунныхъ овецъ содержатся, главнымъ образомъ, въ Кавказскомъ, Лабинскомъ, Ейскомъ и Баталпашинскомъ отдѣлахъ Кубанской области, въ западной части Ставропольской губерніи и въ Терской обл. Спеціальные овцеводы, переселившіеся сюда изъ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерній, для пастьбы своихъ тонкорунныхъ овецъ, частью арендуютъ множество войсковыхъ запасныхъ и станичныхъ общественныхъ земель, частью для той же цѣли скупили огромное количество частныхъ владѣльческихъ земель.

Повышеніе цѣнъ на землю, съ одной стороны, и значительное пониженіе цѣнъ шерсти и сала—съ другой, повели за послѣднія 5—6 лѣтъ къ сокращенію овцеводства даже въ крупныхъ хозяйствахъ С. Кавказа, и все производство мериносовой шерсти, за тотъ же промежутокъ времени, уменьшилось здѣсь почти на 300 тысячъ пудовъ (съ 1.200,000 пуд. въ 1891 г. до 900,000 пуд. въ 1895 г.).

Въ Закавказьѣ, только въ Елисаветпольской губерніи разводятся тонкорунныя овцы (21 тыс. головъ) и въ Черноморской губерніи въ имѣніи Удѣльнаго Вѣдомства „Абрау-Дюрсо“ (въ 19 верстахъ къ сѣверу отъ п. Сочи) разведено 1,775 головъ.

Въ Карсской обл. вмѣсто тонкорунныхъ овецъ греки—жители сел. Али-Софи Карсскаго округа разводятъ небольшое число тонкорунныхъ ангорскихъ козъ.

Изъ шерсти кавказцы выдѣлываютъ: войлоки, сукна, бурки, ковры и пр. Производство кустарное. Всѣ работы производятся въ семьѣ женщинами. Бурки изготовляются въ Дагестанѣ, Кабардѣ, Чечнѣ и Карачаяхъ. Чеченскіе бурки и войлоки считаются лучшими. Бѣлыя бурки изготовляются въ Кабардѣ по заказу для болѣе зажиточныхъ людей. Въ Кабардинскомъ уѣздѣ выдѣлываются въ значительномъ количествѣ простыя доброкачественныя сукна, называемыя *будугскими* (по с. Будугъ) и суконныя ткани *джиджимъ*. Жители общества *Кель* Гунибскаго округа славятся приготовленіемъ лучшихъ въ Дагестанѣ лезгинскихъ суконъ (шалей). Для приготовленія такихъ шалей, они никогда не спускаютъ своихъ барановъ съ горъ на плоскость и не стригутъ ихъ до тѣхъ поръ, пока шерсть не станетъ спадать сама собою. *Ковровое* производство развито у курдовъ; въ Кубинскомъ у. особенно имъ славятся сел. Имамъ-Кули-Кентъ, Нижній Легеръ и др. По качеству матеріала и рисунка ковры близки къ персидскимъ. По количеству и качеству изготовленія (преимущественно татарками) ковровъ и паласовъ принадлежитъ первое мѣсто на всемъ Кавказѣ Шушѣ. Ковры дѣлаютъ и въ окрестныхъ селеніяхъ Шуши, а также и въ уѣздахъ Джебраильскомъ и Зангезурскомъ, но эти издѣлія по изяществу далеко уступаютъ шушинскимъ, оттого послѣдніе и цѣннѣе. Ковровое производство въ одномъ Закавказьѣ оцѣнивается въ милліонъ рублей. Тифлисская и Кутаисская губ. производятъ преимущественно сукна.

Коневодство, нѣкогда столь славное въ Черноморьѣ, исчезло, исчезаютъ и прекрасныя породы верховыхъ лошадей черкесскихъ заводовъ. Въ настоящее время небольшіе сравнительно табуны лошадей верхового сорта, пригодныхъ для казачьей службы, имѣются только у горцевъ Баталпашинскаго и Майкопскаго отдѣловъ. Несомнѣнное

паденіе кубанскаго коневодства находится въ зависимости отъ размноженія тонкорунныхъ овецъ, требующихъ богатыхъ и обширныхъ выпасовъ. Съ цѣлью поддержанія и улучшенія мѣстной породы лошадей наказный атаманъ сдѣлалъ въ 1894 г. по области распоряженіе о пріобрѣтеніи станичными обществами болѣе породистыхъ общественныхъ производителей.

Въ Терской области, по обилію пастьбищъ, преобладаетъ табунное коневодство. Послѣднее особенно развито на берегахъ Малки и Терека. Породы лошадей—кабардинская, казачья и сильная, незамѣнимая по мѣстнымъ условіямъ горская. Одиночныя лошади лучше другихъ выдерживаются у чеченцевъ. За послѣдніе годы замѣчается значительный упадокъ ногайскаго и мѣстнаго казачьяго коневодства. Причиной этого, съ одной стороны, служитъ тонкорунное овцеводство, принадлежащее къ такъ-называемымъ „тавричанамъ“, съ другой, отчасти—количественный, но главнымъ образомъ качественный недостатокъ племенныхъ производителей. Съ преобразованіемъ въ 1886 г. Майкопскаго и Елисаветпольскаго депо въ заводскія конюшни—Терскую и Тифлисскую, составъ производителей значительно улучшился. Теперь и въ отдѣльныхъ заводахъ имѣется достаточное количество улучшеннаго приплода. Кавказскому коневодству много содѣйствуютъ выставки однолѣтковыхъ жеребятъ и устраиваемыя въ разныхъ пунктахъ (даже столичныхъ) скаковыя испытанія.

Въ Бакинской губ. кубинскіе иноходцы отличаются прекраснымъ ходомъ и большою выносливостью. Хорошія упряжныя лошади встрѣчаются по преимуществу у русскихъ переселенцевъ.

Мѣстная порода лошадей Елисаветпольской губерніи подъ именемъ „карабахскихъ“ славится на всемъ Кавказѣ. Красотой своей она превосходитъ кабардинскихъ лошадей, но уступаетъ имъ въ выносливости. Коневодство въ Карабахѣ все болѣе и болѣе сокращается.

Въ Эриванской губ. куртинскія лошади хотя крѣпки и легки на ходу, но некрасивы.

Продукты, получаемые отъ коневодства и скотоводства, производятся въ краѣ отчасти при помощи небольшихъ заводовъ, отчасти при помощи чисто народной кустарной промышленности. Первое мѣсто занимаютъ заводы кожевенные (въ Тифлисѣ 9 благоустроенныхъ заводовъ съ производствомъ на 909 т. р., въ Кубанской обл.—100 заводовъ на 171,175 р., въ Ставропольской губ.—403 на 103,670 р. и Бакинской—на 66 т. р.) и овчинные. У горцевъ Кубанской и Дагестанской обл. выдѣлка изъ кожи обуви, поясныхъ ремней, уздъ, сѣделъ и пр., занимаетъ видное мѣсто. Заводы салотопенные, сальносвѣчные и мыло-варенные незначительны.

Рыболовство въ Кавказскомъ краѣ производится какъ въ трехъ моряхъ, его омывающихъ, такъ и въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ эти моря (Терека, Сулака и Куры, Ріона и Кубани). Передвиженіе рыбъ края весною или въ началѣ лѣта бываетъ самое оживленное. Извѣстныя рыбы большими массами направляются въ одну рѣку и, напротивъ того, избѣгаютъ другой рѣки столь же для нихъ доступной. Шемая, напр., стремится большими стадами въ Куру и Терекъ, избѣгая Волги и Урала. Передвиженіе нѣкоторыхъ видовъ вызывается еще потребностью отысканія безопасныхъ и глубокихъ ямъ для зимней спячки. Особенною извѣстностью пользуются зимнія логовища сомовъ въ Курѣ, гдѣ, ниже Сальянъ, есть яма, изъ которой еще въ недавнее время зимой добывали въ одинъ день отъ 10—15 тысячъ большихъ сомовъ. Ежегодная рыбная промышленность Бакинской губерніи оцѣнивается болѣе чѣмъ въ 2 мил. р. Изъ казенныхъ рѣчныхъ и озерныхъ промысловъ, раздѣленныхъ на 29 участковъ, 27 отданы армянамъ въ арендное содержаніе съ торговъ на три года (съ 1 іюня 1897 г. по 1 іюня 1900 г.) за плату 1.305,529 р. Исключеніе составляетъ лишь участокъ № 27—Ольховскій, который въ 1897 г. сданъ безъ торговъ въ 12-лѣтнюю аренду Ново-Аѳонскому монастырю (въ Абхазіи). Морскіе промыслы расположены на западномъ берегу Каспійскаго моря, отъ устьевъ р. Самура до Персидской границы Добыча морскихъ промысловъ лишь на 1/3 менѣе рѣчныхъ. Морскимъ промысломъ можетъ заниматься всякій выбравшій установленный на рыболовство билетъ. Взявшій билетъ можетъ производить ловъ рыбы повсемѣстно, гдѣ найдетъ для себя болѣе выгоднымъ, кромѣ запрещенныхъ пространствъ противъ устьевъ тѣхъ рѣкъ, которыя сдаются въ аренду. Въ мѣстахъ значительнаго скопленія ловцовъ производится жеребьевка на то мѣсто, которое можетъ занять каждый изъ нихъ своими орудіями лова.

По количеству и качеству добываемой рыбы, считаются лучшими въ краѣ Сальянскія ватаги на Курѣ. Здѣсь ловится *красная* рыба: бѣлуга, осетръ, севрюга, шипъ и стерлядь; первыя четыре породы очень крупны, изъ нихъ получаются продукты: икра, вязига, и клей; *частиковая:* лосось, сомъ, шемая, сельди; кромѣ того *бѣлая* рыба: судакъ, сазанъ, лещъ, окунь, тарань и пр.[1]).

На рѣкѣ Курѣ рыбное обиліе заставило устроить нѣсколько особенныхъ заводовъ, называемыхъ ватагами и промыслами. Изъ этихъ промысловъ на Курѣ самый замѣчательный *Божій промыселъ*. Съ раннею весною, когда необыкновенно пріятная на вкусъ куринская вода помутится отъ аракскинской и сдѣлается красною, какъ кровь, отъ избытка глины въ наносной водѣ, на Сальянскихъ ватагахъ наступаетъ то горячее время, которое называется тамъ *бѣлякомъ*. На укрѣпленныя поперегъ рѣки, съ одного берега на другой, снасти съ кручьями, въ невода и другія ловушки попадаетъ большая масса вкусной рыбы на Божьемъ Промыслѣ и выше даже до Аракса, Елисаветполя и далѣе. Бѣлякъ есть самое золотоносное время для арендаторовъ, потому что идетъ рыба икряная, самая вкусная. Когда лѣтнею порою рыба возвращается назадъ въ море, начинается новый ловъ ея (жарковскій промыселъ), но она уже не имѣетъ прежней доброкачественности и самому лову не придаетъ особеннаго значенія. Нѣсколько выгоднѣе жарковскаго промысла, но далеко до бѣляка третьему лову—осеннему, той рыбы, которая ложится на зиму въ теплыхъ рѣчныхъ ямахъ. Тогда-то, по крайней мѣрѣ, на Божьемъ промыслѣ производится ловля сомовъ; громятъ ихъ при помощи особыхъ сѣтей, называемыхъ *поъздухами*

На плоту (обширномъ строеніи, вродѣ громаднаго навѣса), стоящемъ на берегу рѣки, пластаютъ рыбу съ ловкостью артистовъ. Одни наливаютъ мѣшокъ съ икрой въ ведро; вытягиваютъ изъ спины становой хребетъ, вязигу; легко и быстро вырѣзываютъ изъ-подъ икрянаго мѣшка другой, блѣдно-матовой пузырь, который по просушкѣ окажется знаменитымъ рыбнымъ клеемъ. Икру протираютъ другіе сквозь веревочный грохотъ прямо въ чанъ. Третьи—солятъ рыбу въ бунтахъ пластами (икру солятъ въ тузлукѣ – соляномъ растворѣ), когда уже каждой части давно назначеніе. Отрѣзанная отдѣльно осетровая и севрюжья спинка, подъ именемъ балыка, поступитъ на вѣшала, гдѣ провѣтрится и завянетъ на солнышкѣ. Спинка же, отрѣзанная вмѣстѣ съ боками, предварительно просоленная и потомъ на солнцѣ провяленная, уходитъ въ продажу подъ именемъ тешки.

Районъ кубанскихъ войсковыхъ рыболовныхъ водъ простирается по берегамъ Азовскаго и Чернаго морей, отъ устья р. Ей до лѣваго рукава Кубани, Джиги, впадающей въ Черное море. Первенствующее значеніе въ рыболовномъ отношеніи имѣетъ правый рукавъ р. Кубани, извѣстной подъ именемъ Протоки, гдѣ находятся такъ называемые Ачуевскіе рыбные заводы и Курчанскій лиманъ съ морскимъ гирломъ того же имени. На всемъ пространствѣ помянутыхъ водъ рыбная ловля составляетъ привилегію казаковъ. Только имъ предоставлено право производить ловъ рыбы дозволенными закономъ снастя-

[1]) Послѣднее время замѣчается уменьшеніе улова красной рыбы, но оно возмѣщается сильнымъ повышеніемъ цѣны на икру и рыбу и крупнымъ увеличеніемъ лова частиковой рыбы.

ми. Иногороднымъ лицамъ ловъ рыбы безусловно воспрещается; они могутъ въ районѣ войсковыхъ рыболовныхъ водъ устраивать, съ разрѣшенія войскового начальства, лишь рыбоспѣтныя заведенія, для приготовленія въ прокъ рыбныхъ продуктовъ изъ вылавливаемой войсковыми рыболовами. Районъ войсковыхъ рыболовныхъ водъ, при семиверстной ширинѣ въ глубь морей, раздѣленъ на 6 рыболовныхъ участковъ, находящихся въ особомъ вѣдѣніи войсковыхъ смотрителей.

Породы рыбы, ловимой въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ, разнообразны, но важнѣйшая, по цѣнности, есть красная. Ловъ рыбы въ теченіе года раздѣляется обыкновенно на четыре эпохи или *добычи*, на которыя заключаются условія хозяевами заводовъ для найма рабочихъ. Самый обильный ловъ производится весной, тотчасъ по сталяніи снѣга и разноса льда. Въ это время вся рыба изъ глубины приближается къ берегамъ, идетъ на прѣсную воду, входитъ въ гирла и устья рѣкъ, противъ теченія, для метанія икры. Весенній ловъ въ Черноморьѣ продолжается до 10 мая. Въ лѣтній (*меженный*) и осенній (*просолъ*) лова рыбные заводы дѣйствуютъ не въ полномъ составѣ, но вся дѣятельность рыболовства снова закипаетъ въ *зимнюю добычь*, когда ловъ производится *подледно*. Заводы бываютъ *неводные* и *крючные*. На неводномъ заводѣ работаютъ 25—30 рыбаковъ (забродчиковъ), нанимающихся на время добычи и составляющихъ *ватагу* или артель, избирающую себѣ при ловѣ *атамана*. Чистая прибыль съ улова раздѣляется пополамъ между забродчиками и хозяевами. Заводъ и снасти хозяйскіе. Крючные заводы имѣютъ до 30 тыс. и болѣе крючьевъ. Отъ рыболовства въ 1893 году получено всего 576,132 руб., въ войсковой доходъ поступило 120.097 руб. Войсковымъ интересамъ много вредятъ, во время лова рыбы, хищники г. Темрюка и не мало пріѣзжающихъ въ городъ состоятельныхъ лицъ. Болѣе тысячи лодокъ выѣзжаютъ изъ города въ камыши, гдѣ и скрываются до наступленія ночи. Въ ночное время Курчанскій лиманъ и морское гирло покрываются рыболовными снастями хищниковъ. На разсвѣтѣ рыболовныя снасти снимаются. Пойманная рыба продается частью въ городѣ, а главнымъ образомъ сдается на суда, стоящія въ большомъ количествѣ въ Курчанскомъ гирлѣ, суда, приходящія сюда съ спеціальною цѣлью лова и засола купленной у хищниковъ рыбы и вывоза ея безъ оплаты пошлиною. Разъѣзды воинскихъ командъ, имѣющихся въ распоряженіи участковыхъ смотрителей рыболовныхъ водъ, оказываются недостаточными въ борьбѣ съ хищниками.

Въ Терской области рыболовство, какъ промыселъ, (давшій въ 1893 г. всего дохода 248,865 р.), существуетъ на берегу Каспійскаго моря и въ устьяхъ рѣкъ—Терека и Сулака. Терское казачье войско владѣетъ большими рыбными промыслами у станицъ и кромѣ того получаетъ съ общественныхъ участковъ арендную плату.

Въ Дагестанской области рыболовство производится на прибрежьѣ моря, при устьяхъ Сулака и Самура. Просоленная рыба отправляется въ Астрахань.

Всѣ рѣки и озера Эриванской губ. изобилуютъ рыбой, но самый обильный и прибыльный ловъ ея производится въ Гокчинскомъ озерѣ. Гокчинская рыба славится во всемъ Закавказскомъ краѣ. Лучшая рыба *ишханъ*, родъ форели темносизаго цвѣта, съ черными пятнами, краснымъ мясомъ и отличнаго вкуса. Ловля рыбы въ озерѣ и рѣкахъ отдается казною на откупъ.

На Кавказѣ заготовка рыбы въ прокъ производится сушкой, посоломъ, вяленіемъ, копченіемъ, маринованіемъ и замораживаніемъ. Морозники устроены въ г. Петровскѣ г. Воробьевымъ, на Курѣ, на Банковскомъ промыслѣ—фирмою „Питоевъ и К°“ и на Араксѣ—г. Тюнибековымъ. Послѣ предварительнаго легкаго засола подвергается копченію шемая—на Терекѣ и Курѣ. Маринованіемъ рыбъ занимаются въ г. Кизлярѣ. Выдѣланная кожа изъ сома на Курѣ идетъ для бубенъ, кэты.

Шелководство. На С. Кавказѣ съ давнихъ поръ утвердилось шелководство въ Терской области. Наше правительство со временъ Петра I старалось поощрить тамошнихъ частныхъ лицъ къ занятію шелководствомъ. Впослѣдствіи устроены были школы шелководства въ Ставрополѣ и Кизлярѣ. Помѣщикъ Ставропольской губ. Ребровъ, занимавшійся въ своемъ имѣніи Владиміровкѣ выкормкою шелкопряда въ значительныхъ размѣрахъ, своимъ примѣромъ способствовалъ распространенію шелководства во многихъ селеніяхъ этой губерніи. Въ 1863 году оно такъ сильно пострадало на всемъ Кавказѣ, что до сихъ поръ не можетъ оправиться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ставропольской губерніи въ настоящее время шелководствомъ занимаются крестьяне въ самыхъ небольшихъ размѣрахъ. По степени развитія шелководства въ Терской области болѣе важные пункты слѣд.: Кизляръ и станицы—Прохладная, Шелководская, Приближная, Червленая, Ахметы-Юртовская и Солдатская. Мѣстныя условія этого района очень благопріятны для шелкопряды, но шелководы—простолюдины воспитываютъ его самымъ рутиннымъ способомъ. При томъ же у нихъ грена мѣстной породы, дающая плохой шелкъ. Грена французской породы, которую Кавказское общество Сел. Хоз. посылало (1864—5 гг.) съ цѣлью распространенія ея въ Кизлярскомъ отдѣлѣ, не могла развиться въ массѣ простого народа, хотя таже грена у свѣдущихъ людей даетъ тамъ блестящіе результаты.

Въ Закавказьѣ шелководство существуетъ болѣе 1000 лѣтъ. Оно перешло сюда изъ Персіи. Это сказывается и на терминахъ его, и на хоросанской породѣ червя. Главная обширная полоса шелководства тянется у южныхъ предгорій Кавказскаго хребта въ юговосточномъ направленіи, полоса заключающая въ себѣ большую часть Кахетіи, Закатальскій округъ, Нухинскій уѣздъ и т. д. Благодаря географическимъ условіямъ, эта полоса защищена отъ вліянія сѣверныхъ и восточныхъ вѣтровъ Кавказскимъ хребтомъ, обильно орошена водами и богата растительностью.

Въ краѣ сырыхъ коконовъ добывается приблизительно отъ 400000 до 450000 пудовъ, на сумму отъ 5 до 6 мил. рублей. Большая часть шелка отправляется въ Москву, а 10% коконовъ и нитокъ въ Италію и Францію.

Производство шелка въ Закавказьѣ весьма неравномѣрно: на долю Елисаветпольской губ. приходится 91%, Кутаисской—3%, Закатальскаго округа —2,7%, Бакинской губ.—2,8%, Эриванской—0,7%, Тифлисской—0,3%. Въ частности по развитію шелководственнаго дѣла *Нухинскій и Шушинскій* уѣзды занимаютъ самое видное мѣсто во всемъ краѣ. Не безынтересны въ нихъ и сопредѣльныхъ съ ними уѣздахъ нѣкоторые изъ пріемовъ шелководства, т. е. воздѣлываніе тутоваго дерева на кормъ червямъ, уходъ за ними и размотка коконовъ. Тутовыя деревья, для прокормленія червей, разсаживаются здѣсь особеннымъ образомъ, нигдѣ болѣе не употребляемымъ [1]). Молодой тутовникъ разсаживается по шнурку, линія отъ линіи въ 1 или $1^1/_2$ аршина разстоянія, другъ отъ друга на шесть вершковъ не менѣе. Тутовникъ тщательно унавоживается и орошается. Всѣ боковыя побѣги уничтожаются. Когда дерево немного выше $1^1/_2$ аршина, излишекъ срѣзываютъ; со временемъ на маковкѣ образуется нѣчто похожее на маленькій качанъ; изъ этого качана выходитъ множество побѣговъ (4 аршин. и болѣе дл.); эти то прутья, срѣзанные цѣликомъ, идутъ на кормъ червямъ. Въ Нухинскомъ, Арешскомъ, Джебраильскомъ и Шушинскомъ уѣздахъ почти всѣ, за немногими исключеніями, ежегодно съ открытіемъ весны занимаются кормленіемъ червей. Сакля, особенно въ деревняхъ, непремѣнно занимаетъ средину тутовой плантаціи. Въ нижнемъ этажѣ ея живетъ семья, верхній этажъ, изъ плетня со сквозными дверями и съ боковыми оконницами, нарочно строится для помѣщенія червей. Въ верхнемъ сараѣ

[1]) Тутовыя плантаціи на мѣстномъ языкѣ имѣютъ особенное названіе—*тохмачарь*.

устроены подмостки въ два, три и болѣе ряда, со свободными ходами вокругъ; на этихъ подмосткахъ разстилаются плетенки, а на плетенкахъ черви. Кормленіе и уходъ за червями лежитъ преимущественно на женскомъ полѣ. Назначенные въ размотку, коконы выставляются въ корзинкахъ на солнце. Въ 4—5 дней куколки замариваются на солнцѣ какъ нельзя лучше. Размоткою шелка занимается особый классъ людей. Нечего и говорить, что качество шелка азіатской размотки ниже шелка, размотаннаго по европейски. Но многовѣковая привычка сильна. Хозяева, обязанные волею-неволею щедро продовольствовать шелкомотальщиковъ, въ виду близкой выручки отъ продажи шелка, сами рады случаю попировать и ничего не жалѣютъ. Запасы изъ всякой всячины сдѣланы заблаговременно, все народонаселеніе въ сборѣ, пріѣзжаютъ родственники и близкіе знакомые изъ сосѣднихъ деревень. Говоръ, смѣхъ, музыка, пѣсни, пляски до утренней зари не умолкаютъ. Шелкомотальщики въ настоящее время вытѣсняются шелкомотальными заводами (до 35). Болѣе правильная размотка шелка находится въ Нухѣ и Карабахѣ. Тростильни—*павели* состоятъ, обыкновенно, при шелкомотальныхъ заводахъ, составляя лишь особое ихъ отдѣленіе. Въ Нухѣ 8 тростилень, связанныхъ съ шелкомотальными заводами, въ Шушѣ 18 заводовъ въ Джебраилѣ—3. Всѣхъ шелкомотальныхъ заведеній въ одной Елисаветпольской губерніи 382. Изъ шелкомотальныхъ заводовъ только Алексѣевскій [1]) въ Нухѣ отличается своимъ видомъ и устройствомъ отъ остальныхъ закавказскихъ заводовъ. Такъ какъ прежнія шелкомотальни вытѣсняются, то и ткани почти не изготовляются [2]). Лучшими издѣліями изъ „кеджи“ (попорченыхъ коконовъ) и шелка-сырца считаются ткани сел. Зардобъ. Этому способствуетъ червоводня въ м. Геокчаѣ при тутовой плантаціи г. Вартанесова, который изъ года въ годъ и плантацію и червоводню отдаетъ жителямъ с. Зардобъ за половину урожая; при этомъ европейскою греною снабжаетъ ихъ самъ.

Послѣ Нухинскаго и Шушинскаго уѣздовъ Закатальскій округъ является самымъ важнымъ шелководнымъ райономъ Закавказья. Незнакомство населенія съ раціональнымъ уходомъ за шелкопрядомъ, а главнымъ образомъ повальная болѣзнь послѣдняго въ 1863 г., произвели упадокъ шелководства въ округѣ. Со стороны правительства принимались мѣры поднять падающее шелководство раздачей населенію здоровой японской грены. Кромѣ того въ 1884 г. устроена въ гор. Закаталахъ образцовая червоводня при закавказской казенной фермѣ. Съ устройствомъ этой червоводни закатальское шелководство значительно стало улучшаться.

Въ Гуріи, особенно въ Озургетахъ и сел. Бахвы, шелководство издревле составляло одно изъ прибыльныхъ занятій гуріекъ. Шелковица при благодатномъ климатѣ не требуетъ никакого особеннаго ухода. Выкормкою червей, размоткою шелка занимаются исключительно женщины. Неумѣнье разматывать шелкъ является однимъ изъ препятствій къ выгодному сбыту его въ Россію и за границу. Въ Кутаисскомъ у., Багдатское, Свирское и въ особенности Ванское и Кухское сельскія общества съ успѣхомъ занимаются шелководствомъ. Въ Ванскомъ, напр., обществѣ шелковыхъ нитокъ приготовляется среднимъ числомъ отъ 100 до 150 пудовъ на сумму отъ 6 до 10 т. руб. Вышиваніемъ занимается 1/3 женщинъ высшаго и средняго классовъ; вышиваютъ узоры шелкомъ и золотомъ на архалукахъ, туземныхъ жилетахъ, башлыкахъ, головныхъ повязкахъ *тавсакрави* и т. п. Въ Кухскомъ обществѣ ткутъ изъ шелка дарайю, пояса, перчатки, платки, галстуки, башлыки, *гарози*—вязанное женское платье. Кухское товарищество шелководовъ по улучшенію мѣстнаго шелковаго ткачества несомнѣнно оживитъ это дѣло. Въ Мингреліи Зугдиды, Джвари и Цаленджиха разбогатѣли черезъ шелкъ-сырецъ. Мѣстный шелкъ отправляется въ Москву и за границу въ коконахъ и ниткахъ. Главный рынокъ м. *Хони* (Кутаисск. у.) и отчасти сел. Ланчхуты (Озург. у.). Дома главнымъ образомъ шелкъ идетъ на выдѣлку грубой матеріи *дарайи и катаны*

Благодаря заботамъ Импер. Кавк. общ. сельск. хоз., все болѣе и болѣе шелководство распространяется въ Телавскомъ у., въ сел. Кварели. Изъ шелка-сырца приготовляютъ особую матерію, родъ „чесунчи“ (отъ 1 до 1 1/2 арш. шир.).

Въ Эриванской губ. шелководство преимущественно развито въ *Гохтонѣ*—этой исторической мѣстности, гдѣ расположены г. Ордубадъ, сел. Акулисы, Цпа (Чинанабъ) и др. Здѣсь на 22 заводахъ идетъ довольно правильная размотка шелка. Производительность всѣхъ заводовъ доходитъ до 72,000 руб.

Техническіе пріемы закавказскихъ шелководовъ въ большинствѣ случаевъ первобытные. Нововведенія и улучшенія съ трудомъ проникаютъ въ среду ихъ. Средства здѣшнихъ шелководовъ для борьбы съ разными напастями червя,—это одни только заговоры, молитвы и заклинанія противъ *зглазу*, нападенія муравьевъ, мышей и противъ грозы. Лучшими проводниками здравыхъ воззрѣній на шелкопрядъ и правильныхъ пріемовъ шелководства на Кавказѣ являются въ настоящее время шелководственныя станціи, выставки К. О. И. Р. общества садоводства, ежегодно устраиваемыя въ 12 пунктахъ края, и учителя народныхъ училищъ.

Въ 1887 г. открыта „Кавказская шелководственная станція“, первымъ дѣломъ которой, конечно, было ознакомленіе съ положеніемъ и условіями мѣстнаго шелководства. При ней устроены червоводня, лабораторія, музей съ библіотекой. Дѣятельность станціи заключается въ выкормкѣ шелкопряда, гренажѣ [1]), преподаваніи шелководства и распространеніи о немъ правильныхъ свѣдѣній въ изслѣдованіяхъ и опытахъ, въ содѣйствіи лицамъ и учрежденіямъ по шелководству. У станціи три отдѣленія. Варташенское (Нухинскаго у.) обнимаетъ уѣзды: Нухинскій и Арешскій Елисаветпольской губерніи и уѣзды Шемахинскій и Геокчайскій—Бакинской, т. е. сѣверную часть главнаго шелководнаго района. Лямберанское (Шуш. у.) распространено на южный районъ—на Шушинскій, Джеванширскій, Елисаветпольскій и Джебраильскій уѣзды (Елисаветпольск. губ.) и прикуринскую часть Джеватскаго уѣзда (Бакинск. губ.). Третье временное отдѣленіе въ Закатальскомъ округѣ.

Занятія шелководствомъ при учебныхъ заведеніяхъ кавказскаго учебнаго округа, какъ отраслью профессіональныхъ знаній, были введены по распоряженію попечителя округа съ 1885 г., начиная съ Кутаисской губерніи. Съ этою цѣлью съ 1885 г. при озургетскомъ городскомъ училищѣ была построена червоводня, въ которой произведена была выкормка червей, при участіи учениковъ этихъ училищъ. Кромѣ того, имъ сообщены были необходимыя свѣдѣнія о шелкопрядѣ и шелководствѣ вообще. Въ томъ же году было введено преподаваніе раціональнаго шелководства при *хонскомъ* училищѣ. Въ апрѣлѣ 1888 г., по распоряженію министра государственныхъ имуществъ, былъ устроенъ курсъ шелководства при кавказ-

---

[1]) Устроенъ онъ въ 1863 г. москвичами Алексѣевымъ и Воропиновымъ, нынѣ собственность Мирзоевыхъ, сдавшихъ его въ аренду.

[2]) Шелкоткацкія издѣлія производятся главнымъ образомъ въ Шушѣ, Шемахѣ и ихъ уѣздахъ. Производство шелковыхъ издѣлій въ г. Шемахѣ упало въ послѣднее время, по причинѣ болѣзни червей, до 1/5 своихъ прежнихъ размѣровъ. Къ тому же грубая шелковая матерія Кавказскаго производства въ средѣ зажиточнаго народонаселенія не выдерживаетъ конкуренціи съ изящными шелковыми издѣліями фабрикъ.

[1]) Грена разныхъ породъ распространяется въ краѣ: французская, итальянская и другія европейскія, китайскія, багдадская. Закавказскими шелководами ежегодно оживляется около 320—350 пуд. грены, большая часть которой привозится изъ Турціи и Франціи и лишь сравнительно небольшая часть приготовляется мѣстными гренерами (ихъ до 80).

ской шелководственной станціи, въ которомъ приняли участіе нѣкоторые инспектора народныхъ училищъ, преподаватели естественныхъ наукъ при учительскихъ семинаріяхъ, учителя и смотрителя училищъ. Въ послѣдніе 10 лѣтъ командированы были инспектора и учителя учебныхъ заведеній на временные курсы шелководства при кавказской шелководственной станціи. При нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ устраивались чтенія для окрестныхъ учителей; нѣсколько учебныхъ заведеній снабжены микроскопами и принадлежностями для гренажа, при нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ велось преподаваніе шелководства. Въ настоящее время шелководство введено въ 350 училищахъ округа.

Промыселъ кульпинской **каменной соли**. Главная *Кульпинская* гора, въ которой нынѣ добывается соль, лежитъ въ 3½ верстахъ отъ р. Аракса, на правомъ ея берегу, и отстоитъ отъ гор. Эривани на 60 верстъ. Каменная соль содержится въ этой горѣ пластами, гнѣздами, небольшими массами и правильными кубическими кристалами. Она встрѣчается и растворенною въ водѣ, образующей небольшіе ключи, въ сѣверо-восточной части горы. Обыкновенный цвѣтъ кульпинской соли сѣроватый, но часто встрѣчаются гнѣзда ея совершенно прозрачныя, бѣлыя, какъ чистѣйшій горный кристаллъ. Соль выдѣлывается плитами. Для работы употребляются инструменты, имѣющіе тонкія и гибкія ручки, сходныя съ нашими кайлами[1]). Средній вѣсъ плитъ полагается въ 1 пудъ 32 фунта. Добываніе соли теперь производится правильно по всѣмъ даннымъ условіямъ науки. Проложена правильная мина. По окончаніи одной, откроютъ другую и т. д. Галлереи поддерживаются высѣченными столбами. Промыселъ кульпинской соли сравнительно съ прежними годами не развивается. Въ 1899 году добыто 914,790 пудовъ соли.

[1]) Кайла вѣсомъ отъ 4½ до 6 и болѣе фунт.

V. ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

Рыбный промыселъ на Закавказскомъ побережьи Чернаго моря.

(Причины малоизслѣдованности промысловъ, породы рыбъ, ловъ сельди, ловъ кефали, скумбріи и хамсы, ловъ красной и бѣлой рыбы у устьевъ рѣкъ и мѣры къ упорядоченію этихъ промысловъ).

I.

Черноморскіе Закавказскіе рыбные промыслы не пользовались до сихъ поръ вниманіемъ къ себѣ ни со стороны правительства, ни со стороны общества. Между тѣмъ, эти промыслы могли бы служить значительнымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ быту прибрежныхъ жителей черноморья, такъ какъ даже при настоящихъ неблагопріятныхъ условіяхъ они занимаютъ около 3—3½ тыс. рабочихъ, принося ежегодно около милліона рублей валового дохода. При надлежащей же постановкѣ дѣла указанные размѣры доходности могутъ быть увеличены, судя по богатству моря породами промысловыхъ рыбъ, въ нѣсколько кратъ. Причину такого невниманія, по нашему мнѣнію, должно искать въ малоизслѣдованности промысловъ, въ совершенномъ незнакомствѣ съ условіями лова рыбы въ Черноморьѣ широкой публики, популярныхъ описаній черноморскаго рыболовства, дать которыхъ никто не позаботился, а такія спеціальныя изданія, какъ: изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи, т. VIII; описаніе рыболовства на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Сост. Н. Я. Данилевскимъ, (изд. министерства гос. имущ. 1871 г.); еженедѣльныя извѣстія м-ва зем. и гос. им., журналъ комиссіи по урегулированію дельфиннаго промысла и т. п.,—ей не доступны.

Поэтому съ ознакомленія нашихъ читателей съ результатами наблюденій спеціалистовъ надъ черноморскими промыслами, описанными въ перечисленныхъ изданіяхъ, мы и начнемъ нашу статью, отсылая интересующихся подробно вопросомъ о причинахъ малоизслѣдованности (и вообще неупорядоченности) нашихъ промысловъ къ трудамъ извѣстнаго спеціалиста по рыболовству при департаментѣ земледѣлія Н. А. Бородину. „Ознакомленіе, пишетъ г. Бородинъ въ № 34 извѣстій м-ва за 1901 г., съ дѣлами по рыболовству и рыбоводству въ имперіи, привело меня къ заключенію, что многія весьма важныя дѣла по рыболовству остаются безъ разрѣшенія главнымъ образомъ потому, что одновременно съ ихъ разсмотрѣніемъ и проэктированіемъ правилъ рыбной ловли вводили вопросы о *правѣ* на рыболовство и это обстоятельство сильно тормозило какъ составленіе, такъ и происхожденіе законопроектовъ". Какъ ниже убѣдится читатель—замѣчаніе г. Бородина особенно близко относится до Кутаисской губерніи. Съ другой стороны, пишетъ г. Бородинъ: „стремленіе создать въ законопроектахъ что нибудь капитальное, разобрать все до корня вещей, составить законъ, который удовлетворилъ бы всѣхъ и вся и былъ бы незыблемымъ на многія лѣта, наконецъ, желаніе въ законѣ предусмотрѣть все напередъ, не предоставляя извѣстной доли участія въ хозяйственномъ устройствѣ и выработкѣ фактическаго порядка рыболовства *мѣстнымъ* казеннымъ и представительнымъ учрежденіямъ,—являлось главной причиной „топтанія на одномъ и томъ же мѣстѣ" въ области рыболовнаго законодательства, вотъ уже тридцать слишкомъ лѣтъ. Что бы выйти изъ этого затруднительнаго положенія необходимо отрѣшиться отъ стремленія всѣ подробности рѣшать въ центральныхъ учрежденіяхъ, гдѣ желаютъ предусмотрѣть и регулировать всѣ техническія тонкости производства лова, и перенести эти функціи, выполнимыя лишь при ближайшемъ знаніи мѣстныхъ особенностей и измѣняющихся условій рыбнаго промысла, на *мѣстныя* учрежденія.

Итакъ, бюрократическая централизація съ неизбѣжнымъ спутникомъ—канцелярской волокитой и ограниченіе дѣятельности мѣстныхъ учрежденій и свѣдущихъ людей—вотъ гдѣ кроется причина малоизслѣдованности (и полной неупорядоченности) Черноморскихъ рыбныхъ промысловъ. Это убѣжденіе людей, дѣйствительно творящихъ культурно-созидательную работу, ясно сознавшихъ, что ихъ великое общественное дѣло не можетъ развиваться прогрессивно безъ должнаго довѣрія къ мѣстнымъ, назовемъ ихъ хоть земскими, силамъ, безъ поощренія самодѣятельности мѣстнаго населенія...

II.

„Если сравнить Черное море относительно рыбнаго богатства съ прочими нашими морями, говоритъ г. Данилевскій (т. VIII—изслѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи, стр. 270), то оно займетъ безъ сомнѣнія послѣднее мѣсто въ ряду ихъ".

Такъ какъ всемірно-промышленное значеніе имѣютъ, собственно говоря, только двѣ рыбы: сельдь и треска, съ которыми могутъ соперничать въ промышленной важности, только нѣкоторые виды прѣсноводныхъ рыбъ, живущихъ въ слабосоленныхъ внутреннихъ моряхъ Россіи и въ рѣкахъ въ нихъ впадающихъ, какъ то: судакъ, лещъ, тарань и Каспійская сельдь, съ присоединеніемъ къ нимъ породы осетровыхъ рыбъ, и такъ какъ Черное море слишкомъ солено для того, чтобы въ немъ могли жить только что упомянутыя прѣсноводныя рыбы, а трески и настоящихъ сельдей въ немъ нѣтъ, то это уже одно показываетъ, что черноморское рыболовство не можетъ имѣть первостепенной важности. Со всѣмъ тѣмъ, однако же, изъ всѣхъ внутреннихъ морей Россіи, Черное море представляетъ самое разнообразное населеніе; въ немъ насчитывается все еще отъ 50 до 60 породъ, составляющихъ предметъ болѣе или менѣе значительнаго лова. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

1) Султанка или барабулька—самая вкусная изъ черноморскихъ рыбъ.

2) Смарида или морской окунь, довольно обыкновенная, вкусная и красивая рыба.

3) Скумбрія (баламутъ или макрель). Рыба эта составляетъ одинъ изъ главныхъ объектовъ черноморскаго лова.

4) Лобанъ—большая, очень вкусная рыба, достигающая 12 ф. вѣса, не часто однако же попадающаяся. Гораздо обыкновеннѣе прочіе виды рода Mugil (сингиль, ларичъ, кефаль), которые такъ схожи между собой, что нерѣдко смѣшиваются рыбаками подъ общимъ именемъ кефали.

Эти три породы въ совокупности составляютъ не менѣе важный предметъ лова, чѣмъ скумбрія.

5) Керченская сельдь. Она принадлежитъ болѣе къ Азовскому, чѣмъ къ Черному морю, ибо въ первомъ производится главнѣйшій ловъ ея и тамъ же мечетъ она икру.

6) Хамса или анчоусъ. Безъ сомнѣнія самая изобильная въ Черномъ морѣ рыба, какъ это замѣчено уже Палласомъ.

7) Большая камбала. Эта превосходная рыба, столь же вкусная и жирная, какъ и извѣстная гастрономамъ подъ французскимъ названіемъ turbot. Въ консервахъ сохраняется, но просто соленая теряетъ всѣ свои превосходныя качества.

8) Бѣлуга, осетръ, шипъ, севрюга. Эти рыбы живутъ въ Черномъ морѣ только по близости устьевъ значительныхъ рѣкъ: между прочимъ, Кубани, Ріона, Чороха, Ешиль и Кизилъ-Ирмака и др., въ прочія части моря заходятъ лишь изрѣдка гоняясь за хамсою и другими рыбами.

9) Бычки, которые въ изобиліи ловятся вдоль всѣхъ береговъ Чернаго моря. Маринованные, жареные и въ ухѣ они очень вкусны.

Къ этому нужно прибавить еще морскихъ животныхъ:

10) Двѣ породы дельфиновъ (морскихъ свинокъ).

11) Устрицы.

У береговъ Закавказья промышленно-торговый характеръ носитъ главнымъ образомъ ловъ: 1) керченской сельди, 2) скумбріи (баламута или макрели), кефали, хамсы, 3) нѣсколькихъ породъ осетровыхъ, 4) устрицъ и 5) бой дельфиновъ, на описаніи передвиженія, образа жизни, появленіи у закавказскихъ береговъ, сезонахъ и способахъ лова которыхъ мы и остановимся.

III.

По наблюденіямъ экспедиціи г. Данилевскаго, керченская сельдь появляется у береговъ Закавказья изъ Азовскаго моря, откуда она уходитъ осенью, при началѣ замерзанія этого моря. Большая часть сельдей идетъ вдоль кавказскихъ береговъ, заходя къ Анапѣ, въ бухты Новороссійскую, Пицундскую, болѣе же всего въ Сухумскую. Въ довольно значительномъ количествѣ заходитъ она еще далѣе на югъ до Батума, посѣщая тамошнюю бухту; но вдоль малоазіатскаго берега сельдь идетъ уже мало и лишь въ небольшомъ количествѣ проходитъ она иногда до Трапезунда, за которымъ по анатолійскому берегу уже неизвѣстна. Въ Сухумской бухтѣ начинаютъ появлятся сельди съ половины декабря, но не въ большемъ еще количествѣ, главный же ловъ происходитъ въ январѣ и февралѣ. Сельди появляются внезапно, большими стаями, между появленіемъ которыхъ бываетъ обыкновенно промежутокъ отъ одной до двухъ недѣль. Въ мартѣ сельди уже совершенно и разомъ исчезаютъ изъ Сухума. Тоже самое должно замѣтить и о прочихъ бухтахъ кавказскаго берега и о Батумѣ, съ тою лишь разницею, что чѣмъ сѣвернѣе мѣстность, тѣмъ раньше появляются въ ней сельди. Въ мартѣ начинаетъ сельдь возвращаться въ Азовское море. Въ это время бываетъ она чрезвычайно худа. Худобу эту приписываютъ недостатку корма въ Черномъ морѣ, что отчасти только справедливо. Главной причиной этой исхудалости служитъ то обстоятельство, что подобно всѣмъ рыбамъ, сельдь передъ приближеніемъ времени метанія икры меньше начинаетъ ѣсть.

Что же заставляетъ сельдь покидать осенью Азовское море, входить въ Черное, доходить до юго-восточнаго угла его и опять возвращаться къ началу весны въ Керченскій проливъ?

Керченскіе рыбаки полагаютъ, что сельдь боится льда и, избѣгая его, уходитъ на болѣе соленую, немерзнущую воду Чернаго моря. Эту боязнь сельдей встрѣтиться со льдомъ подтверждаютъ они общеизвѣстнымъ примѣромъ, что когда однажды шорохъ появился внезапно у Камышъ-Буруна, гдѣ тогда было много сельдей, то вся стая ихъ бросилась къ берегу, такъ что до 2.000,000 штукъ осталось на сушѣ. Рыбаки опасались брать ихъ и солить, думая, что на рыбу напала какая-нибудь повальная болѣзнь. Г. Данилевскій такое объясненіе рыбаковъ находитъ не вполнѣ основательнымъ. Именно, такъ какъ проходъ сельдей черезъ Керченскій проливъ начинается еще до половины сентября, то причина, побуждающая ихъ покинуть Азовское море должна быть приписана вообще охлажденію воды, которое для Азовскаго моря должно наступать гораздо ранѣе, чѣмъ для Чернаго, не только благодаря болѣе сѣверному положенію, но и его малой глубинѣ. Это же раннее охлажденіе Азовскаго моря должно оказывать свое дѣйствіе и на другія породы морскихъ рыбъ, заходящихъ въ Азовское изъ Чернаго моря, а въ числѣ и такъ-называемыхъ снѣтокъ, за которыми сельдь гоняется. Поэтому охлажденіе Азовскаго моря не только заставляетъ сельдь искать воды съ болѣе высокою температурою, но дѣйствуетъ на нихъ еще посредственно, лишая ихъ пищи и принуждая гнаться за нею въ Черное море. Обратное передвиженіе сельди въ Азовское море подходитъ уже подъ общее правило, по которому большая часть рыбъ, мечущихъ икру въ рѣкахъ, идутъ, при наступленіи этого времени года, на прѣсную воду. Но спрашивается, почему же сельдь, для этой цѣли, совершенно избѣгаетъ южныхъ пунктовъ Чернаго моря, Чороха, Ріона, Ингура, Кубани и др., хотя рѣки эти лежатъ на пути ея изъ южныхъ частей моря въ сѣверные его притоки.

Г. Данилевскій указываетъ нѣсколько причинъ:

Это, во-1-хъ, быстрота теченія у самаго впаденія въ море южныхъ притоковъ его, тогда какъ извѣстно, что сельдь даже въ медленно текущихъ Камѣ и Донѣ избираетъ рукава съ наименьшимъ стремленіемъ воды, во-2-хъ, мутность воды, вѣроятно, также препятствуетъ входу сельдей въ южные притоки и, въ 3-хъ, наконецъ быстрая перемѣна въ свойствахъ воды,—рѣзкій переходъ соленой воды въ прѣсную у устьевъ этихъ притоковъ,—не можетъ не отпугивать отъ нихъ сельдь. Къ этимъ тремъ причинамъ мы прибавимъ еще низкую температуру воды Ріона, Чороха, Ингура и др. рѣкъ, образующейся отъ таянія снѣговъ на горахъ Закавказья, и относительную ихъ скудность необходимыми питательными веществами.

Такъ какъ способы лова сельдей въ Закавказьѣ и по сіе время также первобытны, какъ и 30—40 лѣтъ назадъ, то мы и заимствуемъ ихъ описаніе изъ трудовъ экспедиціи г. Данилевскаго. Какъ и теперь, сельдяной ловъ, исключительно прибрежный, въ половинѣ 60 годовъ былъ очень слабо развитъ. Зимній ловъ по нѣкоторымъ бухтамъ Кавказскаго берега, особенно же у Сухума, могъ бы получить довольно значительное развитіе, если бы тамъ было достаточно привыкшее къ рыбному промыслу населеніе. Въ настоящее же время сухумскій ловъ производится исключительно турками, пріѣзжающими сюда на кочермахъ съ береговъ Анатоліи еще ранѣе появленія сельдей, именно съ октября мѣсяца и остающимися до мая, потому что турки занимаются не только сельдянымъ ловомъ, но также и ловомъ кефали, камбалы, хамсы и др. морскихъ рыбъ, имѣющихъ меньшее промышленное значеніе. Сельдь ловятъ они небольшими распорными неводами, посредствомъ двухъ лодокъ, которыя, выметавъ неводъ, съѣзжаются, окруживъ имъ извѣстное пространство моря, и, ставъ на якорь, вытягиваютъ сѣть въ кочерму. Турки употребляютъ также наметную сѣть, но наметомъ ловятъ болѣе хамсу и кефаль, а не сельдей. Въ началѣ сельдянаго лова сельдь скупается нашими, какъ живущими въ Сухумѣ промышленниками, такъ и пріѣзжающими изъ Поти, гдѣ сельдь не подходитъ къ берегамъ. Они со-

лятъ ихъ и для мѣстнаго употребленія и для отправки въ Одессу.

Когда турки удовлетворятъ мѣстныхъ сольщиковъ, они и сами солятъ свои заловы прямо въ кочермахъ, нерѣдко наполняя весь трюмъ, имѣющій въ большихъ кочермахъ до сажени глубины, боченками съ сельдями. Эти сельди, равно какъ и батумскіе, расходятся по Малой Азіи. Для мѣстнаго употребленія приготовляютъ въ Сухумѣ и копченыя сельди въ мелкихъ коптильняхъ и просто въ трубахъ духановъ. За ловъ, которымъ пользуются турецкіе подданные у нашихъ береговъ, они ничего не платятъ, что признается г. Данилевскимъ несправедливымъ. Но, съ другой стороны, по его убѣжденію, нѣтъ пока основаній и воспрещать турецкимъ подданнымъ рыболовства, по причинѣ недостатка своихъ промышленниковъ вдоль кавказскаго прибрежья. По даннымъ г. Бородина, посѣтившаго черноморскіе рыбные промыслы лѣтомъ 1901 года, всего добывается въ годъ сельди въ бухтахъ Кутаисской и Черноморской губ. (отъ Новороссійска до Батума) до 20 т. пудовъ, что по переводѣ на деньги, при цѣнѣ за пудъ сельди—2 руб., равняется 40 т. руб. (см. рыболовство въ Россіи въ 1900 г. стр. XIV).

IV.

Изъ всѣхъ 60-ти видовъ рыбъ, составляющихъ предметъ собственно черноморскаго рыболовства, только три породы встрѣчаются въ такомъ количествѣ, что придаютъ ему промышленный характеръ, это: скумбрія (баламутъ или макрель), кефаль и хамса (анчоусъ, изъ породы сельдей, какъ и килька); на второмъ мѣстѣ стоятъ султанка и большая камбала, которыя имѣютъ довольно значительное мѣстное употребленіе.

Передвиженіе (миграція) и появленіе этихъ рыбъ у береговъ Закавказья не отличаются такою правильностью, какъ это замѣчено относительно сельди.

Неправильность, замѣчаемая въ ихъ появленіи то тамъ, то здѣсь г. Данилевскимъ объясняется тѣмъ, что въ извѣстное время года рыбы эти оставляютъ глубину, приближаются къ берегамъ, слѣдуютъ въ теченіе нѣкотораго времени вдоль ихъ, но вовсе не отплываютъ всю длину ихъ, и снова удаляются на глубину и такимъ образомъ теряются изъ вида рыбаковъ, которые по всему Черному морю занимаются, безъ исключенія, однимъ прибрежнымъ ловомъ. Во многихъ случаяхъ это приближеніе и отдаленіе зависитъ отъ измѣненій въ температурѣ воды. Въ самое холодное время и кефаль и скумбрія оставляютъ болѣе холодный сѣверо-западный уголъ моря, точно также какъ сельдь покидаетъ Азовское море. При этомъ кефаль зимуетъ какъ у Босфора, такъ и у береговъ Крыма и Закавказья, гдѣ турки ловятъ ее вмѣстѣ съ другою рыбою, съ октября по май, скумбрія же уходитъ въ глубь.

Въ теплое время года, именно около августа, кефаль подходитъ къ берегамъ, чтобы метать икру, что, по замѣчаніямъ балаклавскихъ рыбаковъ, дѣлаетъ на небольшой глубинѣ, избирая дно, покрытое мелкими камешками. Съ этого времени и начинается настоящій ея ловъ. Скумбрія же съ марта идетъ съ запада на востокъ, и около мая мечетъ икру, послѣ чего въ іюнѣ и іюлѣ начинаетъ возвращаться, сообразно чему и ловъ ея производится съ мая до ноября. Она движется открытымъ моремъ, придерживаясь, однако, береговъ, но не заходя въ загибы и углубленія береговъ. Что касается хамсы, то она вообще рѣдко встрѣчается у сѣверной части моря. Появляется же она въ одно и то же время, именно зимою у береговъ Босфора, Крыма и Малой Азіи и Закавказья. Лѣтомъ же пропадаетъ у всѣхъ береговъ, вѣроятно скрываясь въ глубинахъ моря. Нравы хамсы вообще очень странны. Мечетъ икру она въ маѣ, бываетъ тогда худа и потому не ловится. Въ зимнее же время появляется она огромными массами у Крымскихъ, Кавказскихъ и Анатолійскихъ береговъ, однакоже не каждый годъ. Появляется она обыкновенно, напр. у юго-западнаго берега Крыма, и стоитъ на мѣстѣ, то удаляясь, то приближаясь къ берегу. Замѣчаютъ, что ежели она появляется позже, въ февралѣ, то стоитъ дольше, при раннемъ же появленіи скорѣе расходится, и чѣмъ долѣе она стоитъ, тѣмъ болѣе стѣсняется и скучивается. Кромѣ приближенія и удаленія отъ береговъ, она еще нѣсколько разъ въ сутки то поднимается на поверхность, то опускается въ глубь. Когда она появляется на поверхности моря, то балаклавскіе греки говорятъ, что хамса кормитъ собою птицу, которая стаями надъ ней летаетъ. Постоявъ нѣсколько времени передъ входомъ въ Балаклавскую бухту, куда съѣзжаются ловцы съ разныхъ мѣстъ, хамса подвигается далѣе вдоль южнаго берега Крыма въ столь же огромныхъ массахъ. Тоже замѣчается въ Сухумской бухтѣ, у Батума и особенно у Керасунда, куда изъ разныхъ мѣстъ съѣзжается до 60-ти лодокъ на ея ловъ. Кромѣ птицъ гоняются за стадами хамсы большія рыбы, всего же болѣе дельфины. Не разъ случалось и мнѣ видѣть, (въ Ялтѣ), какъ тысячи этихъ животныхъ, напавъ на стаю хамсы, плывутъ въ одномъ направленіи, безпрестанно кувыркаясь, пока не доплывутъ до выдающагося мыса, образующагося границу какой либо бухты, послѣ чего возвращаются назадъ, повторяя въ теченіи нѣсколькихъ часовъ этотъ маневръ. Если въ морѣ много хамсы, то дельфины не приближаются къ берегу, въ противномъ же случаѣ тѣснятъ стаи ея къ берегу и заставляютъ бросаться въ бухты и въ углубленія берега. Бывали случаи, что балаклавская бухта переполнялась совершенно этой рыбой, при чемъ отъ сильнаго скученія задыхалось и гибло милліоны пудовъ ея. То же самое свидѣтельствуютъ и относительно гагринской бухты, гдѣ ежегодно нѣсколько десятковъ пудовъ 5 вершковой кефали выбрасывается на берегъ бурей подъ вліяніемъ напора со стороны моря морскихъ птицъ—баклановъ, которые избрали мѣстомъ своего постояннаго жительства эту и пицундскую бухты.

Къ сожалѣнію, ловъ кефали, скумбріи и хамсы еще слабѣе развитъ, чѣмъ сельдяной промыселъ. Кефаль ловятъ или особаго устройства заводами или чаще рогожами, распорными неводами и наметками. Заводы обыкновенно устраиваются въ бухтахъ слѣдующимъ образомъ: сѣтяное квадратное или прямоугольное полотно, саженъ въ 20 въ сторонѣ, разстилается по дну или прикрѣпляется къ сваямъ такъ, чтобы три стороны поднимались надъ водою, а четвертая, съ которой ожидаютъ рыбу, была опущена подъ воду. У двухъ угловъ, ближайшихъ къ берегу, устраиваютъ изъ вбитыхъ въ дно, перекрещивающихся между собою, трехъ или четырехъ свай—козлы, на которыхъ настилаютъ помостъ. На этомъ помостѣ укрѣпляютъ по вороту и будочкѣ, изъ которыхъ сторожатъ за ходомъ рыбы.

Когда стая кефали заплываетъ на сѣть, то воротомъ поднимаютъ четвертую, опущенную подъ воду, сторону сѣти, черезъ которую зашла рыба, а потомъ приподнимаютъ и всю сѣть и вычерпываютъ попавшуюся въ нее рыбу. Тамъ, гдѣ нѣтъ заводовъ, ловятъ кефаль наметами, преимущественно рогожными неводами. Изъ хорошихъ шиновокъ сшиваютъ полосу въ 1 или $1^1/_4$ арш. шириною, оба края которой загибаются къ верху на вершокъ въ вышину, и снаружи образовавшагося ребра протягивается веревка, чтобы загибъ держался. Черезъ это рогоженная полоса, саженъ въ 50 длиною, принимаетъ видъ узкой, длинной и весьма мелкой коробки. Въ темныя безлунныя ночи выкидываютъ, или правильнѣе разстилаютъ, этотъ „неводъ“ на поверхности воды, или отъ берега въ глубь моря, или съ двухъ лодокъ въ разныхъ направленіяхъ. Неводъ выкидываютъ только тогда, когда по всплескамъ замѣтятъ приближеніе стаи кефали, которая, видя темную полосу въ водѣ, старается черезъ нее перепрыгнуть, но попадаетъ въ плоскую рогожную, упомянутую, коробку, откуда уже не можетъ выскочить. По словамъ одного наблюдателя, въ ноябрѣ прошлаго года въ Гагринской

бухтѣ, при ловлѣ рогожами, въ теченіе двухъ часовъ были наполнены кефалью четыре фелюги. Рогожными неводами ловятъ кефаль и около Сухума. Турки, пріѣзжающіе сюда, какъ сказано выше для сельдянаго лова съ октября по май, коптятъ здѣсь и кефаль—въ особо для сего устроенныхъ маленькихъ коптильняхъ, мѣстные же жители просто въ духанахъ, для домашняго употребленія мѣстной продажи.

Скумбрія не рѣдко по нѣсколько десятковъ тысячъ и даже болѣе ста тысячъ штукъ попадается въ описанные кефальные заводы. Но обыкновенно ловъ ея производится морскими неводами, закидываемые на лодкѣ, начиная съ берега, куда неводъ и вытягивается. При этомъ наблюдается только, чтобы неводъ хваталъ до самой поверхности воды, ибо стаи скумбріи плаваютъ на верху. Неводъ бываетъ не выше 3 или 4 маховыхъ саженъ, поэтому ловить имъ на глубинѣ нельзя. Обыкновенно закидываютъ его не далѣе полуверсты отъ берега. Длина невода около 200, рѣдко до 300 саж., но по причинѣ мелкоячейности онъ стоитъ не дешево. Ячеи эти однако же не столь часты, чтобы могла попадаться въ нихъ хамса, за которою скумбрія гоняется. Лѣтній ловъ скумбріи не такъ обиленъ, какъ осенній, когда скумбрія бываетъ особенно жирна и лучше просоливается.

Ловъ хамсы всего болѣе практикуется въ Сухумъ-Кале и у береговъ Малой Азіи. гдѣ ее ловятъ какъ накидными сѣтями, такъ еще болѣе распорными неводами съ двухъ лодокъ. Уловъ въ 3000 пудовъ въ ночь—не рѣдкость. Хамсу турки солятъ самымъ простымъ способомъ, не отрывая головокъ, какъ и въ Крыму, для собственнаго потребленія и для продажи вдоль малоазійскаго берега. Но иногда вывозятъ ее и за предѣлы Чернаго моря.

Изъ сравненія лова трехъ многочисленныхъ рыбъ Чернаго моря—кефали, скумбріи и хамсы—г. Данилевскій выводитъ заключеніе, что ловля хамсы имѣетъ наименьшее значеніе. Между тѣмъ изобиліе ея, легкость лова, превосходныя качества самой рыбы, необыкновенно вкусной даже при самомъ несовершенномъ приготовленіи, должны бы сдѣлать изъ этой рыбы главный предметъ черноморскаго рыболовства. Тоже самое, впрочемъ, можно сказать и о скумбріи и кефали, особенно если имѣть въ виду ихъ относительно высокую рыночную цѣнность. Такъ, по даннымъ Департамента Земледѣлія (рыболовство въ Россіи въ 1900 г. стр. 26—31) цѣны на бессарабскую кефаль въ 1900 г. доходили до 20 р. за тысячу, скумбрію—6 р. 50 к., на Херсонскую кефаль—отъ 3 р. 50 к. до 5 р. 50 к. за пудъ, скумбрію—отъ 4 до 6 р. пудъ (11 и 12 р. тысяча), и таврическую кефаль—1 р. 75 к. пудъ, скумбрію 10—12 р. т. и хамсу—20—30 к. за пудъ.

И по свидѣтельству Комиссіи по урегилированію дельфиннаго промысла, образованной въ 1896 г. по распоряженію ген.-адъют. Шереметева, описанное печальное положеніе рыбнаго дѣла у Кавказскихъ береговъ Чернаго моря нужно считать временнымъ, ибо количество рыбы, напр. сельдей и анчоусовъ, такъ обильно, что вполнѣ можетъ составить хорошее и выгодное дѣло для крупныхъ предпринимателей.

V.

Краснорыбье и бѣлорыбье составляютъ самую лакомую приманку черноморскихъ промышленниковъ. Несмотря на то, что особеннымъ обиліемъ этими породами рыбъ Черное море не отличается, бѣло-и-красноловье даютъ почти половину того дохода, какой извлекается въ настоящее время изъ всѣхъ въ совокупности черноморскихъ рыбныхъ промысловъ. Не обинуясь можно сказать, что даже на полудикомъ Закавказскомъ побережьи только это богатство Чернаго моря въ достаточной степени исчерпывается промышленниками и т. о. этотъ даръ природы не пропадаетъ втунѣ. По имѣющимся у насъ даннымъ, въ Закавказьи, изъ впадающихъ въ Черное море—нѣтъ ни одной, сколько нибудь значительной рѣчки, въ устьяхъ которой не производился бы ловъ красной и бѣлой рыбы. Такъ какъ на всемъ пространствѣ, отъ турецкаго Самсуна до Новороссійска, этотъ ловъ не вездѣ производится при одинаковыхъ условіяхъ, то въ виду сего, а также и въ видахъ удобствъ описанія, мы разобьемъ все это пространство на нѣсколько участковъ,—именно семь. Начнемъ съ юга.

1) На малоазіатскомъ берегу, по даннымъ экспедиціи, г. Данилевскаго, сколько нибудь значительный ловъ красной и бѣлой рѣчной рыбы производится лишь въ окрестностяхъ Самсуна, по обѣ стороны котораго впадаютъ въ море двѣ рѣчки: Кизилъ-Ирмакъ и Ешиль-Ирмакъ, образующія передъ устьями своими значительные лиманы. Красную рыбу, именно осетра и шипа, которые достигаютъ здѣсь до 5 и даже до 9 пудовъ вѣса, ловятъ въ морѣ круглый годъ. Въ концѣ мая и началѣ іюня шипъ и осетръ мечетъ икру, которую здѣсь хотя и приготовляютъ, но весьма дурного качества.

Въ лиманахъ ловится болѣе всего коропъ (сазанъ) и судакъ, сома же и леща вовсе нѣтъ. Ловъ производятъ трехстѣнною сѣтью, съ весьма крупными ячеями въ обѣихъ наружныхъ сѣтяхъ, а во внутренней съ мелкими, чтобы рыба могла въ нихъ застрѣвать.

Лиманнымъ ловомъ занимаются почти исключительно русскіе—некрасовцы и жители устьевъ Дуная, извѣстные здѣсь подъ именемъ казаковъ; они нерѣдко пріѣзжаютъ сюда на простыхъ рыбачьихъ лодкахъ.

2) Въ прибрежной полосѣ отъ турецкой границы до моста Св. Николая, рельефъ морского дна, пишетъ батумскій лѣсничій г. Маркевичъ, у береговъ представляетъ собою въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ напр. противъ сел. Смѣкаловки и мѣстечка Чурукъ-су, полого спускающуюся покатость съ перевалами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, имѣющими направленіе параллельное берегу. Такіе перевалы начинаются на разстояніи 3—4 или 5 верстъ отъ берега, вслѣдствіе чего глубина моря въ такихъ мѣстахъ незначительна, и только на разстояніи отъ 7 до 10 вер. отъ берега паденіе дна болѣе значительно и плотъ, бросаемый рыбаками, погружается отъ 100 до 150 саж. и глубже. Характеръ же дна противъ Батума, Макріаль, Сарпъ и Лимана представляетъ болѣе крупную покатость и уже на значительно меньшемъ разстояніи отъ берега встрѣчается глубина 180 саж.; исключеніе составляетъ устье Чороха, гдѣ образовалась отмель, при глубинѣ отъ 7 до 23 саж. глубиной. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ районѣ на днѣ моря встрѣчаются мѣстами значительныя углубленія, заплывшія иломъ и заваленныя корчами и осколками скалъ. По наблюденіямъ, рыба мелкая: хамса, скумбрія, игла, султанка, сельдь и ракушки, и крупная: бѣлуга, осетръ, шипъ, камбала и др., а также морскія животныя: дельфинъ, морской котъ, собака и проч., питающіяся неречисленными породами мелкой рыбы и ракушками, держатся въ описанной прибрежной полосѣ на глубинѣ 150 саж., на разстояніи отъ 3 до 8 и 11 верстъ отъ берега и въ этой же полосѣ и производится ловъ рыбы, главнымъ образомъ, красной и животныхъ.

Правильность наблюденій—надъ способами передвиженія и образомъ жизни морскихъ промысловыхъ рыбъ—экспедиціи г. Данилевскаго, подтверждается г. Маркевичемъ. „Различнаго рода пертурбаціи въ области состоянія погоды, какъ то—повышенія и пониженія температуры, въ зависимости отъ временъ года, направленія вѣтровъ и т. п., отзываются на рыбномъ промыслѣ въ хорошую или худую стороны. Такъ, во время замерзанія Азовскаго моря и даже до замерзанія его, когда температура воды начинаетъ замѣтно понижаться, вся рыба, сначала мелкая, а за нею и крупная направляется на югъ, держась близъ береговъ моря и не выходя, между прочимъ, изъ предѣловъ указанной выше глубины,—доходитъ до Трапезунда, и, эмигрировавъ такимъ образомъ, подобно перелетнымъ птицамъ, въ страну съ теплымъ климатомъ, остается здѣсь до февраля и марта мѣсяцевъ, мѣняя свое мѣстопребываніе въ зависимости отъ штормовъ

и сильныхъ морскихъ теченій. Такимъ образомъ полчища рыбы появляются періодически то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ близъ морскихъ береговъ, заходя иногда и въ устья впадающихъ въ море рѣкъ, что, впрочемъ, бываетъ весьма рѣдко, преимущественно въ періоды метанія икры мѣстной, такъ называемой, осѣдлой рыбы. Осѣдлой же рыбы (изъ породы осетровыхъ) знатоки рыбопромышленники называютъ такую, которая не поддается различнымъ вліяніямъ климата и другимъ, и все время остается на югѣ, не перекочевывая въ Азовское море.

Въ описанную прибрежную полосу между Чолокомъ и Лиманомъ рыбаки попали сравнительно недавно, и, какъ говорятъ, начало промыслу положилъ одинъ турокъ, работавшій въ качествѣ наемнаго рыбака въ устьяхъ Дона, гдѣ онъ ознакомился детально, какъ со всѣми, издавна практикующимися способами лова красной рыбы, такъ и съ тѣмъ, какія породы рыбъ употребляются человѣкомъ въ пищу и имѣютъ обезпеченный сбытъ на рынкѣ.

До этого, мѣстные жители не зная о томъ, что такая рыба, какъ бѣлуга, осетръ, шипъ и др. могутъ имѣть сбытъ, занимались ловомъ, или просто, какъ это практикуется и въ настоящее время, стрѣляли дельфиновъ, морскихъ котовъ и собакъ, вытапливая изъ нихъ жиръ для сбыта въ Батумъ. Нынѣ послѣдній промыселъ почти оставленъ, благодаря знакомству съ такими цѣнными въ коммерческомъ отношеніи обитателями моря, какъ бѣлуга и осетеръ. Въ данное время насчитывается уже въ вышеуказанныхъ предѣлахъ около 160 фелюгъ, занимающихся рыбнымъ промысломъ, при чемъ изъ этого количества на Кобулетскій районъ, съ постомъ св. Николая, приходится 96 лодокъ. Остальное количество распредѣляется на Лиманъ, Макріаль, Сарпъ, Гонія и Чорохскій постъ.

Русскихъ рыбаковъ здѣсь очень мало, да и тѣ не обладаютъ такими средствами, которые бы дали имъ возможность имѣть хорошую и полную снасть, не говоря уже о томъ, чтобы они могли озаботиться постановкой промысла на болѣе раціональныхъ и правильныхъ началахъ. Коренное населеніе также не занимается промысломъ, если не считать нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ снасти и фелюги и выѣзжающихъ на ловлю лично. Большинство рыбаковъ составляетъ элементъ пришлый, преимущественно изъ Турціи. Заручившись паспортомъ, выправленнымъ на имя русско-подданнаго, мѣстнаго жителя, турки производятъ ловъ у русскихъ береговъ, сбывая какъ рыбу пойманную у этихъ береговъ, такъ и ту, которую они перегружаютъ въ морѣ отъ рыбаковъ заграничныхъ. Такая перегрузка рыбы турецкими рыбаками съ русскими паспортами производится воизбѣжаніе уплаты лишнихъ пошлинъ за паспортъ, а также и ради тѣхъ выгодъ, какія даетъ сбытъ красной рыбы въ Батумѣ. Заграницей платятъ за бѣлугу—1 р. 20 к., а за осетръ по 3 р. за пудъ, между тѣмъ какъ въ Батумѣ скупщики платятъ за пудъ бѣлуги 3—4 р., а осетра отъ 8 до 9 р.

Вся скупленная рыба вывозится на пароходахъ прямого рейса русскаго общества П. и Т. въ Керчь, гдѣ лучшія части рыбныхъ тушъ перерабатываются на балыкъ, а остальное отправляется въ Москву. Въ лѣтнее же время почти весь осетеръ, выпотрошенный на мѣстѣ и обложенный снѣгомъ, упаковывается въ рогожи или бочки и направляется преимущественно въ Крымъ, гдѣ и потребляется.

Въ 1901 году, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ рыбаками, изъ Батума въ Керчь было вывезено бѣлуги 40,000 пуд., а осетра до 3,500 пуд., и на мѣстѣ потреблено бѣлуги до 6000 пуд., а осетра 3000 пуд. Всего же изъ Батумскаго порта вывезено только моремъ свѣжей рыбы, по даннымъ Таможни, въ 1899 г.—172,396 пуд., въ 1900 г. 154,870 пуд. и въ 1901 г.—121,026 пуд.

Наиболѣе распространеннымъ способомъ лова въ батумскомъ районѣ—является ловъ крючьями—наживными и острыми. Послѣдніе крючья—значительно большіе по величинѣ наживныхъ, устанавливаются по дну безъ наживки, будучи подвѣшены къ общей магистральной веревкѣ на различныхъ глубинахъ, гдѣ предполагается, при наличныхъ условіяхъ состоянія погоды, моря и времени года, наибольшее скопленіе рыбъ. Каждая рыбачья лодка, имѣющая три, такъ-называемыхъ, ставки (200 крюковъ), выѣзжаетъ въ море и разсыпаетъ ихъ въ болѣе удобныхъ для даннаго момента мѣстахъ, отмѣчая каждую ставку буйками (поплавками), соединенными посредствомъ веревокъ съ разсыпанной по дну наживной снастью или же съ острой, размѣщенной на той или другой глубинѣ моря. Крупная красная рыба, отыскивая пищу, набрасывается на наживку, проглатываетъ ее вмѣстѣ съ крючкомъ, или же, гоняясь за мелкой рыбой, попадаетъ и на острую снасть.

Кромѣ наживной и острой (самовольной) снасти здѣсь для лова рыбы употребляются и сѣти, различныя по величинѣ очковъ и устройству.

Наиболѣе употребительныя—камбальныя, дельфинныя и сельдяныя сѣти. Хорошо оснащенная рыбачья лодка должна имѣть всѣ роды рыболовной снасти, такъ какъ вслѣдствіе постояннаго передвиженія рыбы вдоль береговъ на различной глубинѣ—весьма трудно опредѣлить заранѣе какую изъ снастей придется примѣнять съ выгодой для лова.

Съ іюля до сентября бѣлуга и осетръ держатся близъ поверхности воды и поэтому снасть высыпаютъ на соотвѣтствующей глубинѣ и преимущественно острую, а также ловятъ сѣтями. Осенью и зимой красная рыба спускается все глубже и глубже, при чемъ предѣльной глубиной для осетра является 60 саж., для бѣлуги и шипа—до 150 саж. Осетръ въ это время кормится преимущественно ракушкой, которая держится у дна, высасывая наживку на разсыпанной по дну наживной снасти и такимъ образомъ ловится на наживленные крючья,—бѣлуга же, опускаясь ниже въ погонѣ за мелкой рыбой, попадаетъ на наживленную и острую снасть, разсыпанную на большихъ глубинахъ. Кромѣ красной рыбы на крючковыя снасти попадаетъ камбала, дельфинъ, морская кошка и собака, на которыхъ мѣстные рыбаки теперь обращаютъ мало вниманія. Если на снасть попадетъ дельфинъ или другое морское животное, то изъ нихъ вытапливаютъ при помощи самыхъ примитивныхъ приспособленій жиръ и сбываютъ его въ Батумѣ по цѣнѣ отъ 2 до 4 руб. пудъ. Икры здѣсь добывается очень мало, вслѣдствіе того, что, какъ утверждаютъ рыбаки, метаніе икры рыбой происходитъ въ апрѣлѣ, маѣ и началѣ іюня въ Азовскомъ морѣ, —доказательствомъ чего служитъ отсутствіе здѣсь красной икряной рыбы. Г. Маркевичъ признаетъ вѣрнымъ это утвержденіе рыбаковъ относительно только пришлой рыбы, что же касается мѣстной осѣдлой, то онъ имѣлъ случай убѣдиться въ противномъ. Такъ, недавно при переправѣ на арбѣ черезъ Чорохъ—во время икрометанія—недалеко отъ устьевъ однимъ мѣстнымъ жителемъ было убито два значительной величины осетра,—забравшихся на мелководье, изъ коихъ одинъ оказался икрянымъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что осѣдлая красная рыба мечетъ икру, заходя для этого въ устья впадающихъ въ море рѣкъ. Нужно замѣтить, при этомъ, что ни осетръ, ни бѣлуга въ другое время въ Чорохѣ и въ другихъ рѣкахъ не попадаются.

Къ числу условій, неблагопріятствующихъ успѣшному лову, слѣдуетъ отнести вѣтры и господствующія морскія теченія. (Бурливость Чернаго моря въ зимнее время, —когда именно рыбными промыслами занято наибольшее число лицъ, составляетъ,—наряду съ большой соленостью и голодностью—главный естественный недостатокъ этого моря, трудно устранимый усиліями человѣка... В. Р.). На описываемой части побережья наблюдается нѣсколько направленій вѣтра. Такъ, съ полночи, до 8—9 час. утра дуетъ рѣзкій, осенью и зимой холодный, вѣтеръ съ материка, мѣшающій выбирать разсыпанную снасть. Съ 9 до 12 час. и вечеромъ наступаетъ затишье, которымъ рыбаки пользуются для выборки снасти съ пойманной рыбой, наживленія снасти и ея размѣщенія на новыхъ мѣстахъ,

а какъ только начнется макріальскій, а затѣмъ болѣе сильный трапезондскій вѣтеръ—рыбаки стараются закончить свою работу и уйти къ берегамъ. Во время сильныхъ штормовъ работа совершенно прекращается, такъ какъ рыба все уходитъ въ болѣе тихія мѣста, отстоящія иногда на значительномъ разстояніи отъ берега. По прекращеніи шторма, которое не всегда скоро наступаетъ, рыба вновь появляется у береговъ и ловъ возобновляется. Мѣстный штормъ—продолжительнѣе сторонникъ и болѣе вреденъ для рыбаковъ. Затѣмъ, морскія теченія, напримѣръ, трапезундское, сильно затрудняетъ отыскиваніе разсыланной ставки, такъ какъ буйки погружаются силой теченія въ воду—настолько, что ихъ не видно на поверхности воды. При потійскомъ, болѣе рѣдкомъ здѣсь, теченіи, неудобствъ такихъ не бываетъ.

Наконецъ, много непріятностей рыбакамъ доставляютъ ракушки, поѣдающія приваду на крючкахъ...

Характеризуя общее состояніе мѣстнаго промысла, г. Маркевичъ замѣчаетъ, что онъ находится, такъ сказать, „въ колыбели своего развитія“,—какъ и въ другихъ мѣстахъ Черноморскаго побережья—добавимъ мы.

3) Въ предѣлахъ Озургетскаго уѣзда (Гурія) у устьевъ рѣкъ Нотанеби (мысъ св. Николая) Супсы и Молтаквы—ловъ красной рыбы производится въ разстояніи отъ 3 до 10 верстъ отъ берега. Мѣстное населеніе участія въ рыбныхъ промыслахъ не принимаетъ, а занимаются ими турки и пріѣзжающіе изъ Анапы русскіе (29 фелюгъ въ 1899 году, съ двумя-четырьмя рабочими на каждой). Каждая фелюга ловитъ рыбу самостоятельно. Орудіемъ лова служатъ крючья, при чемъ наживка или покупается въ Батумѣ или ловится (изрѣдка) на мѣстѣ. Размѣры добычи колеблются: такъ, напр., въ сезонъ 1900—901 гг., съ сентября по апрѣль, уловъ не превышалъ 4 т. пудовъ, а въ предыдущій сезонъ онъ поднимался до 12 т. пуд., главнымъ образомъ бѣлуги; при этомъ средній уловъ въ день достигалъ 100 пудовъ для бѣлуги и 10 пуд. для осетра, на сумму 500—600 руб. въ сутки. По даннымъ таможни изъ м. Чурукъ-су вывезено было моремъ: въ 1898 г.—5,572 п. свѣжей рыбы, въ 1899 г.—580 п. и въ 1900 г.—5,919 пуд. Уловъ продается тутъ же на мѣстѣ особымъ скупщикамъ, которые въ свою очередь перепродаютъ рыбу въ Батумѣ крупнымъ посредникамъ, отправляющимъ ее въ Москву. Большое стѣсненіе здѣшніе рыбопромышленники терпятъ отъ владѣльцевъ прибрежныхъ участковъ земли, за причалъ къ которымъ ихъ владѣльцы взываютъ съ рыболововъ иногда весьма тяжелые поборы—натурой и деньгами, добровольно и насиліемъ...

4) Въ Сенакскомъ уѣздѣ значительно развитые рыбные промыслы существуютъ на взморьѣ у устьевъ рр. Ріона (у Поти), Хони (Редутъ-кале) и въ озерѣ Палеостомѣ. Въ отчетѣ экспедиціи г. Данилевскаго имѣются слѣдующія данныя объ этихъ промыслахъ.

Немного выше Поти Ріонъ раздѣляется на два рукава, которыми впадаетъ теперь въ Черное море. Но въ небольшомъ разстояніи отъ главнаго лѣваго или южнаго рукава его, на которомъ стоитъ городъ, находится довольно обширное прѣсноводное озеро, извѣстное подъ названіемъ Палеостома и составляющее настоящій лиманъ Ріона. Этотъ лиманъ, какъ показываетъ самое названіе, былъ въ древности, если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ главнымъ устьемъ рѣки. Это озеро соединено въ настоящее время съ Ріономъ двумя протоками или ериками, изъ коихъ одинъ отдѣляется отъ рѣки въ нѣсколькихъ верстахъ выше города, а другой въ самомъ городѣ. Кромѣ того, Палеостомъ соединяется вытекающею изъ него рѣчкою, которая вѣроятно и составляла древнее устье, непосредственно съ моремъ. Рѣчка предъ впаденіемъ своимъ образовала косу, которая все болѣе и болѣе удлиняясь влѣво, произвела странное явленіе—рѣчку, текущую на большомъ протяженіи между озеромъ и моремъ, отдѣляясь отъ того и другого весьма узкою полосою земли. Теченіе въ этой рѣчкѣ весьма медленное и при морскихъ вѣтрахъ, какъ въ ней, такъ и въ Палеостомѣ, вода дѣлается солонцеватою. Въ іюнѣ вода въ озерѣ зацвѣтаетъ, т. е. покрывается лемнами и загниваетъ. Рыба въ это время вся удаляется изъ озера въ море и возвращается не ранѣе осени, октября или ноября.—Ріонъ и небольшое пространство взморья передъ его впаденіемъ, прѣсноватая и мутная вода котораго отдѣляется рѣзкою чертою отъ чистой прозрачной и соленой морской воды, составляютъ поприще довольно значительнаго красноловья, а въ озерѣ Палеостомѣ производится обильный ловъ карповъ (сазановъ), сомовъ, судаковъ и лещей.

Ловъ красной рыбы мѣстными жителями въ Ріонѣ отъ устья до 3-й версты выше города, а также и морской ловъ обложены особаго рода пошлиною, почему свѣжая рыба въ Поти довольно дорога. Въ настоящее время, какъ и 30 лѣтъ назадъ, этотъ своего рода косвенный налогъ служитъ причиной общаго неудовольствія потійской бѣдноты, лишающейся, благодаря ему, дешевой пищи. Наряду съ налогомъ на рыболовство—высокія цѣны на рыбу въ Поти обязаны и стараніямъ откупщиковъ Палеостома, арендующимъ это озеро у свѣтлѣйшаго князя Мингрельскаго.

Въ февралѣ начинаетъ идти въ рѣку бѣлуга, но въ весьма небольшомъ еще количествѣ, даже въ мартѣ еще мало лова, съ апрѣля идетъ шипъ и севрюга, а около половины мая появляется осетръ. Икру выметываетъ осетръ еще позднѣе, не ранѣе іюня. Здѣшнимъ ловцамъ очень хорошо извѣстно, что метаніе икры красною рыбой бываетъ по каменистымъ мѣстамъ, которыхъ нѣтъ въ низовьяхъ Ріона, но уже начинаютъ встрѣчаться въ 3-хъ верстахъ ниже Орпири, выше же этого города все пойдетъ на каменистое дно. Тутъ-то случается ловить осетровъ въ то время, когда у нихъ свободно вытекаетъ икра, такъ что нерѣдко икряные осетры, которыхъ держатъ въ водѣ на привязи, дня черезъ два оказываются холостыми. Въ Ріонѣ случалось также ловить мелкоячейными бреднями самыхъ крошечныхъ осетриковъ. Позднее метаніе икры красною рыбою въ Ріонѣ объясняется притокомъ холодной воды отъ тающихъ въ горахъ снѣговъ. Ловъ въ Ріонѣ производится крючьями. Единицею кручковой снасти считается здѣсь перетяга въ 70 крючьевъ, расположенныхъ на разстояніи 12 вершковъ одинъ отъ другого. Крючья ставятъ поперекъ рѣки, но на 25 саженъ отъ каждаго берега на веревкѣ нѣтъ крючьевъ. По мѣстному обычаю начинаютъ здѣсь выставлять крючья съ 9 марта. Но скопцы ставятъ свои снасти когда замутится вода, такъ какъ на мутную воду преимущественно стремится красная рыба.

Количество улова красной рыбы г. Данилевскій опредѣляетъ въ 3—4 т. пудовъ, по числу 40 т. (приблизительно) крючьевъ, именно: 20 т. у устьевъ Ріона, 15 т. выше по Ріону и до 5 т. на взморьѣ. На 5 т. крючьевъ считаютъ около 30 пуд. икры—всего 250 пудовъ, а на каждый пудъ икры—15 пуд. рыбы. Икру и рыбу, кромѣ Поти, везутъ продавать въ Кутаисъ, Зугдиди, Озургеты и Сухумъ.

Въ Палеостомѣ ловъ находится въ настоящее время на откупу у Кежарадзе, заключившаго договоръ въ 1898 году, съ княземъ Мингрельскимъ, срокомъ на шесть лѣтъ, съ платою за право монопольнаго лова рыбы въ озерѣ по 5 т. р. въ годъ. Ловъ, по договору, производится всякой рыбы, по усмотрѣнію арендатора „закономъ дозволенными способами, безъ вмѣшательства князя“. Въ предыдущее шестилѣтіе озеро сдавалось за 4,500 р., раньше еще—за 3,000 руб., а въ половинѣ 60-хъ годовъ за 1,000 р. Благодаря хищническимъ способамъ лова—въ настоящее время добыча сазана сильно упала. Мѣръ къ развитію или урегулированію промысла никакихъ не принимается. По наблюденію экспедиціи г. Данилевскаго, въ ноябрѣ мѣсяцѣ идутъ изъ моря въ Палеостомъ: коропъ, сомъ, судакъ, лещъ, и изрѣдка, случайно севрюга, крупная кефаль (лобанъ). Ловлю производятъ особыми неводами, которые употребляютъ какъ распорные, вытягивая на лодки, потому что берега тонкіе и болотистые. Заки-

нувъ неводъ и окруживъ имъ извѣстное пространство, сводятъ концы и здѣсь вбиваютъ по тонкой сваѣ, или просто по колу, въ руку толщиной, къ которымъ привязываютъ каюки. Неводъ тянутъ на перекрестъ, при чемъ нижнюю подбору огнетаютъ грузиломъ особаго устройства, состоящимъ изъ шестасъ придѣланною къ нему обоими концами желѣзною дорогою.—Зимою рыба лежитъ неподвижно и ее берутъ острогой. Весною, когда рыба подходитъ къ берегамъ метать икру, ее можно тянуть простымъ неводомъ на берегъ, расчистивъ и укрѣпивъ его.

Свѣдѣній о размѣрахъ добычи рыбы въ устьяхъ Ріона, на взморьѣ и въ Палеостомѣ—отдѣльно у насъ не имѣется.

По даннымъ Потійской таможни всего вывезено рыбы изъ Потійскаго порта, моремъ: въ 1891 г.—8 т. пуд., въ 1892 г.—26 т. пуд., въ 1893 г.—18 т. пуд., въ 1894 г.—11 т. Но какая доля изъ этого количества приходится на озеро и устья, а также сколько было потреблено еще сверхъ того рыбы на мѣстѣ и сколько въ томъ числѣ зарегистровано перевезенной рыбы черезъ портъ изъ Баку по желѣзней дорогѣ, опредѣлить нельзя [1]),

5) Въ предѣлахъ Зугдидскаго уѣзда красноловье существуетъ въ устьяхъ рр. Ингура (у Анаклiи), Окума (у Гудавы), Охури (у Очемчири), Моквы и Кодора. Мѣстное населеніе промысломъ не занимается. Въ 1900 году уловъ бѣлуги и осетра въ 2000 пуд. считался очень хорошимъ. Между прочимъ, по даннымъ таможни, въ 1893—95 гг. изъ Анаклiи каботажемъ было вывезено всякой рыбы, въ среднемъ, по 1000 пуд. въ годъ. Въ прокъ рыбные продукты здѣсь не заготовляются, но иногда въ продажу поступаетъ мѣстная икра, очень плохого качества.

6) Въ южной части Сухумскаго округа между рр. Келасуромъ и Бѣлой, ловъ красной рыбы сосредоточивается въ Сухумской бухтѣ. Ловъ производится турками круглый годъ, за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Рыба идетъ не только на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей, но и во внутренніе города имперіи. По даннымъ таможни съ 1891 по 1895 гг., изъ Сухума вывозилось въ среднемъ ежегодно по 3000 пуд. всякой рыбы (максимумъ—4000, минимумъ—1000).

7) Въ сѣверной части Сухумскаго округа, отъ р. Бѣлой (у Гудаутъ) до р. Гангрипшъ, излюбленныя мѣста для лова рыбы—Гангринская и Пицундская бухты. По словамъ мѣстныхъ наблюдателей, устья здѣшнихъ рѣкъ также изобилуютъ всякихъ породъ рыбой. Напр. въ рр. Черной и Бзыби форель и лосось—благородный встрѣчается очень часто, такъ какъ даже на удочку попадаются экземпляры до 20 фунтовъ вѣсу. Но мѣстные промыслы совершенно не развиты. Рыбаки изъ м. Гудауты и г. Сочи появляются здѣсь только въ особенно холодные дни и тогда уловъ рыбы бываетъ болѣе чѣмъ удовлетворителенъ.

По даннымъ таможни изъ м. Гудаутъ вывозилось ежегодно съ 1891 по 1895 г.г., по 4½ т. пуд. рыбы (максимумъ 7 т., минимумъ 2 т.).

Подводя итоги всему сказанному о рыбныхъ промыслахъ, мы должны признать совершенно вѣрной характеристику ихъ, данную г. Маркевичемъ: по всему побережью промыслы находятся въ колыбели своего развитія. При этомъ, если довѣрять даннымъ таможни, въ Батумскомъ районѣ—промыслы замѣтно растутъ, въ Потійскомъ же наоборотъ, нельзя не замѣтить попятнаго хода, упадка рыбопромышленности. Именно:

Въ Батумскомъ районѣ за пятилѣтіе, съ 1891 по 1895 г.г., добывалось въ среднемъ ежегодно по 79 т. пуд., а за пятилѣтіе съ 1896 по 1901 г.г., по 136 т. пуд., а въ Потійской—за четырехлѣтіе съ 1891—1894 г. по 16 т. п. ежегодно, а съ 1895—1898 г.г. по 7 т. п. [2]) Тоже самое удостовѣряютъ и мѣстные наблюдатели.

Болѣе или менѣе близкіе къ дѣйствительности размѣры добычи рыбы на побережьи приводитъ г. Бородинъ въ сообщеніи своемъ, сдѣланномъ въ собраніи И. Р. О. Р. и Р-ства. По его словамъ, на всемъ пространствѣ, отъ Батума до Новороссійска, добывается въ годъ: отъ 60 до 80 т. п. красной рыбы, отъ 10 до 20 т. п. сельдей, отъ 4 до 5 мил. шт. устрицъ и до 2—3 пуд. дельфиннаго жира. Количество добываемыхъ на побережьи „собственно черноморскихъ промысловыхъ рыбъ—хамсы, кефали и скумбріи, къ сожалѣнію, г. Бородинъ не приводитъ. Также и размѣры добычи дельфиннаго жира, указываемаго имъ, разъ въ пять и даже въ 10 ниже дѣйствительныхъ (см. ниже).

Гораздо большую цѣну для насъ имѣютъ указанія г. Бородина о числѣ рабочихъ, занятыхъ на нашихъ промыслахъ. Такъ въ Кутаисской губерніи въ промыслѣ участвуютъ 870 фелюгъ (изъ нихъ 87 русскихъ) въ общемъ съ экипажемъ, считая по четыре человѣка на судно, въ 3480 человѣкъ (русскихъ около 10%). Большинство рыбаковъ самостоятельныя мелкія хозяйства, соединяющіяся въ артели, изъ 4—5 человѣкъ, по числу необходимыхъ для каждой фелюги рабочихъ. Наемный трудъ примѣняется мало и оплачивается большею частью натурой. Уловъ обыкновенно на мѣстѣ сбывается скупщикамъ, пожинающимъ здѣсь не мало продуктовъ чужого труда.

Какихъ бы то ни было предпріятій для обработки рыбныхъ продуктовъ на всемъ побережьи не имѣется. Только въ самое послѣднее время газеты сообщили, что Московскимъ капиталистомъ г. Игуменовымъ устраивается у устьевъ рѣки Дзиби близъ Гагръ, заводъ для приготовленія рыбныхъ консервовъ.

Такъ что и съ технической и общественно-экономической сторонъ—черноморскіе промыслы совершенно не развиты. По мнѣнію г. Бородина, развитію ихъ мѣшаютъ: негостепріимность береговъ Чернаго моря, отсутствіе бухтъ, удобныхъ для стоянки судовъ, отсутствіе опредѣленныхъ законоположеній объ отводѣ по берегу участковъ подъ промысловыя заведенія, предоставленіе туркамъ одинаковыхъ съ русскими правъ на рыболовство, неудобство путей сообщенія по Закавказскому побережью, отсутствіе рабочихъ рукъ, недостаточная обслѣдованность путей и порядка передвиженія рыбы вдоль побережья и проч. Если спросятъ, что же сдѣлано было для устраненія всѣхъ этихъ безчисленныхъ препятствій, грозящихъ въ концѣ погубить милліонное дѣло, прокармливающее теперь, по крайней мѣрѣ, до 4 тысячъ семей рыбковъ? —За тридцать лѣтъ—пока побережье находилось подъ властью русскихъ и до сего времени,—завѣдываніе и надзоръ за мѣстными рыбными промыслами еще не были поручены кому-либо отдѣльному, спеціальному учрежденію и поэтому въ дѣлѣ управленія этими промыслами по нынѣ царитъ полный хаосъ и неопредѣленность.

V.

Но... ничто не вѣчно подъ луною. И первобытному состоянію черноморскихъ рыбныхъ промысловъ наступаетъ конецъ.

15 сентября прошлаго года министръ земледѣлія г. Ермоловъ созвалъ совѣщаніе въ Сочи, на которомъ большая часть вопросовъ, поставленныхъ экспедиціей г. Данилевскаго, комиссіей по урегулированію дельфинныхъ промысловъ, г. Бородинымъ и другими лицами и учрежденіями, были, наконецъ, рѣшены.

Самый важный изъ этихъ вопросовъ—невыясненность правъ рыбопромышленниковъ на пользованіе прибереж-

---

[1]) Тоже нужно сказать и о Батумѣ.

[2]) Необходимо, впрочемъ, оговориться, что данныя таможни, какъ всѣ вообще данныя нашей оффиціальной статистики, далеки отъ дѣйствительности. Рыба идущая на мѣстные рынки, не регистрируется. Съ другой стороны, никто не поручится, что напр. въ рубрику „свѣжей потійской рыбы“ не попалъ привезенный изъ Баку по жел. дорогѣ каспійскій балыкъ...

ной полосой земли для нуждъ рыболовства—былъ поставленъ первымъ. Нужно сказать (конечно), что этотъ вопросъ, какъ и всѣ другіе у насъ, имѣетъ длинную исторію. Такъ, еще въ 1872 году было издано особое узаконеніе, въ силу котораго при продажѣ въ частную собственность въ Черноморскомъ округѣ участковъ казенной земли, примыкающихъ непосредственно къ берегу моря, исключается изъ продаваемой земли, по берегу моря, считая отъ урѣза воды 25-тисаженная линія для пользованія рыбопромышленниковъ, а также изъемлются отъ продажи, по усмотрѣнію начальника округа, пространства необходимыя для проложенія проѣзжихъ дорогъ изъ нагорной полосы къ берегу моря". Приведенное узаконеніе вызвало на практикѣ многія недоразумѣнія и неудобства въ частности и для рыбной промышленности, потребностями которой, между тѣмъ, и обусловливалось его принятіе.

Именно: при развитіи морскихъ промысловъ является необходимымъ возведеніе различныхъ построекъ на продолжительное время, напр. жилищъ для рабочихъ, рыбныхъ заводовъ и т. п., что, при существующихъ законоположеніяхъ, недопустимо. Поэтому совѣщаніе, по всестороннемъ обсужденіи дѣла, пришло къ заключенію, что самымъ цѣлесообразнымъ было бы измѣнить приведенное выше узаконеніе 1872 года распространеніемъ на Кавказское побережье Чернаго моря, правилъ о бечевникѣ, по закону, остающемся во владѣніи побережнаго владѣльца, но предоставляемомъ въ пользованіе для надобностей судоходства, а также для пристанища рыбныхъ ловцовъ и для обсушки снастей. Размѣръ бечевника могъ быть опредѣленъ 10 саженями отъ верхняго заплеска воды, при чемъ пространство, заплескиваемое водою, не должно считаться чьею-либо собственностью, такъ какъ оно является во время прибоя продолженіемъ моря.

Затѣмъ, совѣщаніе признало необходимымъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, которые подлежали бы ближайшему опредѣленію, а именно въ устьяхъ рѣкъ, при выходѣ къ морю долинъ, ущельевъ и пр.,—береговую полосу сохранять, въ видѣ исключенія, за казною, въ интересахъ рыбопромышленности и судоходства.

Такіе пункты или участки надлежало бы сдавать, какъ оброчныя статьи, съ торговъ и лишь въ видѣ исключенія предоставлять безъ торговъ, за извѣстную, опредѣленную заранѣе, плату. При этомъ, по мнѣнію совѣщанія, вмѣстѣ съ участками береговой полосы должно быть сдаваемо въ исключительное пользованіе и извѣстное пространство моря, чтобы тѣмъ дать нѣкоторое преимущество предпринимателямъ въ возмѣщеніе ихъ расходовъ по очисткѣ морского дна, взрыву камней и пр. и такимъ образомъ предотвратить недоразумѣнія и споры, возникающіе при ловѣ многими рыбопромышленниками въ одномъ мѣстѣ, при чемъ нерѣдко одни рыболовы снимаютъ рыбу съ крючьевъ, поставленныхъ другими. Такимъ косвеннымъ, но законнымъ путемъ будутъ также, по нашему мнѣнію, устранены отъ промысловъ хищники (и турки и русскіе), а также и облегченъ надзоръ за промыслами.

Служитъ послѣдней цѣли и вообще для урегулированія рыбнаго лова совѣщаніе признало желательнымъ установленіе особыхъ билетовъ на право его производства, съ взиманіемъ небольшого сбора, въ размѣрѣ напр. 3 руб. въ годъ, съ каждой фелюги, отправляющейся для рыбнаго лова. Недостатокъ въ спеціальныхъ рабочихъ предполагается возмѣстить привлеченіемъ рыбацкаго населенія, путемъ или приселенія рыбаковъ, напр. осташковцевъ, къ нѣкоторымъ прибережнымъ поселкамъ, или созданіемъ самостоятельныхъ рыбацкихъ поселеній; при этомъ въ предѣлахъ тѣхъ прибрежныхъ мѣстъ, которыя будутъ предназначены для рыбацкихъ поселеній, какъ и въ другихъ удобныхъ для того пунктахъ, признано желательнымъ отводить особые участки съ извѣстными пространствами моря для отдѣльныхъ предпринимателей, оставивъ ловъ, за предѣлами этихъ пространствъ, свободнымъ для всѣхъ. А въ видахъ того, чтобы существованіе рыбнаго промысла не наносило вреда жителямъ сосѣднихъ поселеній въ смыслѣ загрязненія, порчи воздуха и пр., при отводѣ участковъ рыбопромышленникамъ въ контракты будетъ включаемо обязательство соблюдать тѣ или иныя санитарныя требованія и пр.

Не мало вниманія совѣщаніе удѣлило и выясненію вреда, проистекающаго отъ бездорожья и недостатка бухтъ, удобныхъ для стоянки судовъ по побережью.

По мнѣнію совѣщанія, при настоящихъ путяхъ сообщенія всѣ мѣры правительства къ оживленію побережья могутъ остаться напрасными; поэтому устройство Туапсинскаго порта, подъѣздныхъ шоссейныхъ дорогъ, проведеніе берегового желѣзнодорожнаго пути и т. п. представляется крайнею необходимостью.

Да не подумаетъ читатель, что изложенныя пожеланія совѣщанія тотчасъ же и будутъ осуществлены. Нѣтъ. Очень можетъ быть, что до тѣхъ поръ, пока онѣ станутъ закономъ, для всѣхъ обязательнымъ, пройдетъ еще не одинъ пятокъ лѣтъ... Конечно, и то хорошо, что главные назрѣвшіе вопросы, относящіеся до упорядоченія черноморскихъ промысловъ,—хотя въ принципѣ только, но все же рѣшены. Остается пожалѣть, почему совѣщаніемъ не былъ затронутъ вопросъ объ управленіи и организаціи надзора за рыбными промыслами. Намъ думается, что къ тому достаточнымъ основаніемъ послужило предполагаемое скорое введеніе въ силу новаго общаго устава рыболовства, проектъ котораго разосланъ теперь на заключеніе мѣстнымъ правительственнымъ учрежденіямъ и съ введеніемъ котораго, всѣ детальные вопросы мѣстнаго рыболовнаго дѣла и, прежде всего, организаціи управленія и надзора—разрѣшатся сами собою.

Позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ параграфахъ этого проекта.

По § 1, „дѣйствіе устава распространяется на всѣ воды имперіи, за исключеніемъ тѣхъ, для которыхъ изданы особыя правила рыболовства, при чемъ распространеніе положеній устава, въ полномъ его объемѣ или въ частяхъ на губерніи и области Азіатской Россіи производится постепенно, по мѣрѣ дѣйствительной потребности".

Кажется, все выше нами изложенное показываетъ ясно крайнюю необходимость безотлагательнаго распространенія на Черноморское Закавказское побережье—новаго устава рыболовства. Хищничество грозитъ здѣсь быстрымъ истребленіемъ рыбныхъ богатствъ моря и всякое дальнѣйшее промедленіе съ мѣрами борьбы противъ него можетъ повлечь за собой невознаградимыя потери.

Примѣромъ можетъ служить паденіе изъ года въ годъ добычи рыбы у Поти, истребленіе сухумскихъ устричныхъ банковъ и т. д. По нашему мнѣнію, чтобы не оправдалась и здѣсь поговорка о „русскомъ заднемъ умѣ", борьба и борьба энергичная должна начаться немедленно...

Запутанность вопроса о русскихъ территоріальныхъ водахъ—помѣшать, какъ говорятъ, введенію на побережьи новаго устава, никакъ не можетъ. По справедливому замѣчанію уполномоченнаго министра земледѣлія на Кавказѣ г. Медвѣдева, право на свободное для всѣхъ пользованіе морскими водами (ст. 560 у. с. х.) можетъ распространяться, по общему духу законовъ, только на лицъ, живущихъ въ предѣлахъ имперіи, а ни какъ не на иностранныхъ подданныхъ, спеціально для этой цѣли пріѣзжающихъ къ берегамъ Россіи, и вовсе не исключаетъ возможности регулированія морского лова въ интересахъ его поддержанія и въ санитарныхъ цѣляхъ.

Въ § 19, въ составѣ мѣстныхъ промысловыхъ присутствій на первомъ мѣстѣ указываются представители земства для учрежденій, замѣняющихъ его, гдѣ земство не введено. О представителяхъ же городского самоуправленія ни слова не сказано. Между тѣмъ городскія думы, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо болѣе земцевъ освѣдомлены, и, какъ представители города, заинтересованы, если не въ вопросахъ рыболовли, то въ вопросахъ рыботорговли, особенно въ такихъ городахъ какъ Батумъ, Поти, Сухумъ и под., гдѣ проживаетъ много рыболововъ и рыботорговцевъ, избирающихъ гласныхъ въ думу, гдѣ

имѣются обширные рыбные рынки и пр. Поэтому лишеніе думъ представительства въ рыболовныхъ присутствіяхъ прямо таки несправедливо и вредно для городовъ, даже съ санитарной точки зрѣнія. Затѣмъ, по нашему мнѣнію, въ промысловомъ присутствіи обязательно долженъ быть хоть одинъ спеціалистъ по рыболовству—для веденія текущей статистики, наблюденій научнопромысловыхъ, подачи совѣтовъ рыбакамъ и проч.

§ 24 призываетъ на помощь присутствію къ надзору семь, если не больше, полицій, а о положительныхъ мѣрахъ, въ родѣ, напр., распространенія въ населеніи, путемъ лекцій, популярныхъ брошюръ и т. п., идей разумнаго отношенія и пользованія дарами природы, способовъ искусственнаго разведенія рыбы и пр. пр., ничего не говоритъ. И это, по нашему, большой пробѣлъ, хотя и легко устранимый.

Наконецъ, не меньшимъ пробѣломъ въ уставѣ является также отсутствіе прямыхъ указаній на то, кто же будетъ блюсти интересы большинства занятыхъ въ рыбопромышленности лицъ, именно рыбаковъ рабочихъ.

Зная, какія чудовищныя злоупотребленія допускались и допускаются напр. каспійскими рыбопромышленниками по отношенію къ своимъ рабочимъ, мы обращаемъ особенное вниманіе на указанное упущеніе въ уставѣ, слѣдствіемъ чего Черноморскіе рыбаки неизбѣжно окажутся отданными на полный произволъ своихъ хозяевъ. Едва ли, при подобныхъ условіяхъ, хорошій русскій рабочій польстится на и безъ того, хотя и связанный съ постояннымъ рискомъ для жизни и здоровья, но очень не высокій заработокъ Чернаго моря. Спрашивается, почему бы не подчинить эти промыслы надзору фабричной инспекціи...

За вычетомъ указанныхъ пробѣловъ, проектируемый уставъ рыболовства вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли и несомнѣнно, введеніе его въ силу, вмѣстѣ съ осуществленіемъ предположеній сочинскаго совѣщанія,—откроетъ широкую дорогу успѣшному развитію Черноморскихъ промысловъ. Пожелаемъ только еще разъ, чтобы та и другія мѣры не откладывались въ долгій ящикъ. Вѣдь жизнь, въ лицѣ рыбопромышленниковъ, уже 30 лѣтъ (съ 1872 г.) стучится въ двери канцелярій, -пора же наконецъ ихъ открыть...

Хорошее начало, говорится, есть половина дѣла. Такимъ началомъ въ дѣлѣ правильной постановки черноморскихъ промысловъ на раціональныхъ основахъ, было бы командированіе теперь же на побережье свѣдущихъ спеціалистовъ для тщательныхъ научнопромысловыхъ изслѣдованій, съ опубликованіемъ коихъ, мы надѣемся, все прочее приложится. Покажите только предпріимчивому капиталу въ истинномъ свѣтѣ всѣ рыбные богатства Чернаго моря—и онъ на нашихъ глазахъ сдѣлаетъ чудеса.

Не остановятъ его ни голодность, ни соленость, ни тѣмъ болѣе, бурливость Чернаго моря, предъ которыми пасуетъ мелкій флюжникъ со своими самоловными снастями и рогожами, матеріальнымъ и духовнымъ убожествомъ, и вѣчной экономической зависимостью отъ скупщиковъ. Цивилизованныя государства Европы и Америки въ этомъ намъ—порука и примѣръ. (См. между прочимъ, интересную книгу г. Бородина: „Рыболовство и рыбный промыселъ въ Западной Европѣ и Сѣверной Америкѣ, изд. 1898 г.).

Владимиръ Родзевичъ-Бѣлевичъ.

Кутаисъ, 1902.

Приказъ общественнаго призрѣнія въ Закавказьи.

Учрежденіе Приказа Общественнаго Призрѣнія, цѣль котораго, по иниціативѣ князя Воронцова, была помочь дворянамъ, путемъ домового кредита, улучшить свое экономическое положеніе, избавить отъ рукъ алчныхъ грабителей ростовщиковъ,—послужило, благодаря безпечности, свойственной характеру грузинъ, новымъ источникомъ добыванія средствъ для роскошной жизни. Въ результатѣ получалась еще большая запутанность, неоплатные долги и гибель самаго симпатичнаго учрежденія. Исторія существованія и гибели его настолько характерна и поучительна, что заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія. Вотъ какъ рисуетъ эту печальную картину одинъ изъ выдающихся дѣятелей Приказа, которому вся процедура приказныхъ операцій была извѣстна до мельчайшихъ подробностей.

Приказъ Закавказскаго Призрѣнія, дѣйствуя по дополненному лишь въ 1848 г. положенію, выдавая ссуды изъ небольшихъ вначалѣ процентовъ, подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, а также ручныхъ залоговъ—оказывалъ, непосредственно или по предписанію высшаго начальства въ краѣ,—чрезвычайно много льготъ въ производствѣ срочныхъ платежей и, такимъ образомъ, хотя и успѣлъ за время своего существованія придать Тифлису видъ европейскаго города, а многимъ изъ его обывателей предоставить скопить себѣ милліонное состояніе самъ закончилъ свою дѣятельность значительнымъ дефицитомъ. Выдавалъ онъ ссуды по оцѣночнымъ описямъ, производимымъ оцѣнщиками, хотя и присяжными, но ничѣмъ не рискующими за высокую оцѣнку, позволялъ заемщикамъ представлять оцѣночныя описи съ такой оцѣнкой, какая имъ заблагоразсудится. Закладывались не городскія строенія, какъ того требовалъ уставъ, а пустопорожнія земли, фигурирующія на планахъ подъ видомъ садовъ или огородовъ. Правильность такихъ описей удостовѣрялась членами городской управы и правленія Приказа, очень мало компетентными въ дѣлѣ оцѣнки. Заемщики, пользуясь вышеуказанными льготами, смотрѣли на Приказъ, какъ на благотворительное учрежденіе; на получаемыя ссуды строили и перестраивали дома и мало заботясь о срочныхъ платежахъ, доходы съ заложеннаго имущества пускали въ оборотъ, наживая зачастую рубль на рубль и даже больше, особенно въ военное время. Продавать заложенныя имѣнія, съ выгодой для себя, Приказу удавалось очень рѣдко. Заемщики, вначалѣ дорожа своимъ имуществомъ, для извѣстныхъ цѣлей, внося часть срочныхъ платежей, удерживали ихъ за собой, а въ послѣднее десятилѣтіе существованія Приказа, когда, вслѣдствіи уничтоженія на Кавказѣ намѣстничества и транзита, уменьшенія бывшаго громаднаго количества войскъ, устройства желѣзной дороги и т. п. причинъ, неблагопріятныхъ для ихъ коммерческихъ оборотовъ,—они лишились грандіозныхъ барышей отъ различныхъ поставокъ и подрядовъ, и, когда вслѣдствіи такого измѣненія тифлисской жизни, цѣны на дома понизились на 30—40%, а Приказъ сталъ выдавать ссуды не болѣе пяти тысячъ въ одни руки, и то не всегда—заемщики-домовладѣльцы, уплатившіе большую часть своего долга и находя невыгоднымъ производить срочные платежи, усиленные высокой оцѣнкой—или оставляли имѣнія свои на произволъ судьбы, считая ихъ съ барышемъ проданными Приказу, или объявляли себя на краю гибели и вопили о помощи.

Помощь явилась со стороны правительства. По Высочайшему повелѣнію въ 1887 г. размѣръ взымаемыхъ процентовъ понизился съ 8-ми до 5-ти, для городскихъ дана разсрочка на 30 лѣтъ, съ раздѣленіемъ долга пополамъ, при чемъ одна половина выплачивалась первые 15 лѣтъ, а вторая оставалась безъ процентовъ до окончательнаго погашенія первой половины. Сельскимъ же имѣніямъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 16 марта 1884 г.—половина долга была прощена, а другая разсрочена на 30 лѣтъ.

Но эти льготы не послужили на пользу ни заемщикамъ, ни Приказу. Вслѣдствіи ли сильно разстроеннаго состоянія имѣній, не умѣнья ли воспользоваться цѣлью льготъ, или невыполненія необходимыхъ условій—но только въ результатѣ получилась еще большая запутанность должниковъ, масса обезцѣненныхъ имуществъ и тотъ кризисъ для Приказа, вслѣдствіе котораго онъ долженъ былъ ликвидировать свои дѣла. На его развалинахъ возникло

городское кредитное общество; недвижимыя имущества перешли въ вѣдѣніе отдѣленія государственнаго банка, съ долгомъ около 40 милліоновъ рублей, а ручные залоги въ городскую ссудную кассу. Приказъ принесъ только одну несомнѣнную пользу тѣмъ, что, удерживая въ своихъ рукахъ имѣнія до полнаго выкупа владѣльцами, назначая надъ ними опеку—онъ сохранилъ такимъ образомъ, родовую собственность для потомства.

—бергъ.

РЫБОЛОВСТВО ВЪ РѢКАХЪ КУТАИССКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ изданіи департамента земледѣлія „Рыболовство въ Россіи въ 1900 г." приводятся нѣкоторыя цифровыя данныя объ этомъ предметѣ. Данныя эти основаны на донесеніяхъ 23 корреспондентовъ, изъ уѣздовъ: Кутаисскаго—2, Сенакскаго—9, Зугдидскаго—5, Озургетскаго—3, Лечхумскаго—3 и Шорапанскаго—1. Рыбу ловятъ въ Кутаисской губерніи въ большинствѣ случаевъ для собственнаго потребленія (19 корр.) (это какъ мы уже знаемъ, нельзя безъ ограниченія сказать про Палеостомъ и низовье Ріона).

Населеніе принимаетъ участіе въ промыслѣ, главнымъ образомъ, въ качествѣ самостоятельныхъ рыбаковъ, (20 корр.) и рѣдко изъ части улова (2 корр.) или рабочихъ за плату (1 корр.).

Ловъ рыбы производится обыкновенно все лѣто, со вскрытія и до замерзанія (!) рѣкъ (8 корр.) или же круглый годъ (6 корр.).

Число участниковъ лова около 300 чел. (6 корр.). Суда при ловѣ употребляются рѣдко, всего около 100 лодокъ, по типу каюки и фелюги. Обыкновенно рыбу ловятъ сѣтью прямо съ берега.

Число неводовъ 18, сѣтей 144 и крючьевъ 80 тыс. Свѣдѣнія объ уловѣ, по сортамъ рыбы, распредѣляются такъ:

	Плохой.	Средній.	Хорошій.	Количество улова въ п.
Окунь	—	—	2	8
Судакъ	—	—	1	—
Лещъ	—	1	—	—
Сазанъ	—	—	2	—
Форель (водится только въ горныхъ рѣчкахъ).	—	2	1	—
Усачъ	—	2	—	—
Осетръ	—	1	—	200
Бѣлуга	—	1	—	40
Сомъ	—	1	—	—

Рыба сбывается въ сыромъ видѣ въ г.г. Поти, Батумъ, Озургеты и Кутаисъ.

Свѣдѣнія о цѣнѣ на рыбу доставили только 4 корр.

Въ среднемъ на мѣстѣ улова цѣны были показаны, за пудъ:

Окунь отъ 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к.
Судакъ „ 1 „ 80 „ „ 2 „ 10 „
Лещъ „ 1 „ 20 „ „ 1 „ 40 „
Форель 8 руб.
Осетръ отъ 5 до 7 р.
Бѣлуга 2 р. [1]).

Такимъ образомъ рыболовства, какъ промысла, въ рѣкахъ Кутаисской губерніи, за исключеніемъ низовьевъ Ріона и озера Палеостома, не существуетъ, вслѣдствіе бѣдности здѣшнихъ рѣкъ рыбою [2]). Нѣкоторыя причины этой бѣдности мы указали уже. Это быстрота ихъ теченія, мутность и низкая температура воды, недостатокъ въ необходимости пищевыхъ матеріалахъ и осеннее мелководье, благодаря чему такія важныя въ промысловомъ отношеніи рыбы, какъ сельдь и осетровые—избѣгаютъ заходить въ наши рѣки. Къ этимъ физическимъ свойствамъ рѣкъ нужно прибавить и пагубное вліяніе истребительныхъ хищническихъ способовъ лова рыбы мѣстными рыбаками. Уже у устьевъ рѣки Ріона, Супсы и др. рыба, при проходѣ вверхъ, натыкается на самоловныя снасти—перетяги и много ея остается здѣсь на крючьяхъ. Затѣмъ выше рыбу глушатъ динамитомъ, травятъ кукольваномъ, жженымъ грѣцкимъ орѣхомъ, толчеными листьями лавровишни, у верховьевъ же—попросту отравляютъ воду негашенной известью, отъ чего рыба слѣпнетъ поголовно, или отводятъ воду въ другое русло...

Не мудрено, если, какъ пишетъ одинъ наблюдатель, осетра въ настоящее время уже не попадается въ Ріонѣ, а живетъ онъ и ловится, да и то въ ограниченномъ количествѣ, только въ устьяхъ у Поти. Тогда какъ старожилы еще не забыли того времени, что осетры ловились не только у Самтреди, но даже и у Кутаиса...

Особенно много известью и отводомъ воды въ другое русло—въ горныхъ рѣчкахъ губятъ форели. Тяжелое впечатлѣніе произвелъ на меня разсказъ одного очевидца о подобномъ способѣ ловли форели въ извѣстномъ озерѣ на Накералѣ-Харисъ-твали. Въ нѣсколько часовъ здѣсь было взято до 10 пудовъ слѣпой рыбы... Привожу дословно разсказъ другого очевидца. „Будучи по дѣламъ службы въ Озургетскомъ уѣздѣ, въ сел. Суреби, расположенномъ по обѣимъ сторонамъ р. Супсы, изобилующей форелью, я былъ пораженъ варварскимъ истребленіемъ этой рыбы посредствомъ отравленія воды недозрѣвшими плодами грѣцкаго орѣха. На протяженіи 25 верстъ вся рѣка отравляется черезъ каждые 5 лѣтъ,—едва только рыба успѣваетъ достаточно размножиться. Въ семействѣ, гдѣ я остановился—тремя взрослыми и двумя дѣтьми—было выловлено одурманенной рыбы, за нѣсколько часовъ, болѣе 8 пудовъ, большая часть которой была просолена и завялена на зиму".

Несомнѣнно новый уставъ рыболовства, если онъ будетъ примѣненъ въ Кутаисской губерніи и надзоръ рыболовнаго присутствія значительно ослабятъ вредъ отъ хищническихъ способовъ ловли рыбы. Но не будемъ себя обманывать. Признаюсь, при чтеніи сообщеній, подобныхъ вышеприведенному, у меня невольно теряется вѣра въ спасительную силу всякихъ уставовъ и проектовъ, которые благія слѣдствія своего примѣненія ожидаютъ отъ бдительности полицейскаго надзора. Нигдѣ и никогда подобный надзоръ не былъ зиждительной силой. Никакой уставъ, никакой надзоръ, можно быть твердо увѣреннымъ, не поможетъ тамъ, гдѣ въ населеніи еще сохранились пережитки дикаго варварства, гдѣ степень правосознанія массы напоминаетъ времена охотничьяго быта. Вѣдь не уставомъ же, на самомъ дѣлѣ, или надзоромъ съ подобными явленіями нужно бороться. Только подъемъ культурнаго уровня населенія и развитіе правосознанія и гражданственности научитъ населеніе не только умѣло воспользоваться, но и пріумножить, а не истреблять дары природы...

Путь же къ этому подъему тотъ, что указалъ на всероссійскомъ съѣздѣ кустарей министръ земледѣлія г. Ермоловъ: это „мѣстная самодѣятельность, самодѣятельность мѣстныхъ силъ—земскихъ и общественныхъ учрежденій, а также тѣхъ частныхъ лицъ, душу кладущихъ въ свою работу на благо народа"...

Владиміръ Родзевичъ-Бѣлевичъ.

г. Кутаисъ, 1902 г.

[1]) Въ Кутаисѣ рыночныя цѣны почти вдвое выше приведенныхъ.

[2]) По мѣстному изслѣдованію Шорапанскаго уѣзда (изд. закавк. филоксернаго к-та 1901 г.), въ Шорапанскомъ уѣздѣ не оказалось ни одного профессіональнаго рыбака.

ОПИСАНІЕ УСТРИЧНАГО ПРОМЫСЛА НА ЗАКАВКАЗСКОМЪ ПОБЕРЕЖЬИ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Центромъ устричнаго промысла на Закавказскомъ побережьѣ Чернаго моря является въ настоящее время мѣст. Гудауты, гдѣ онъ возникъ въ 1887 году. (Далѣе, по свидѣтельству г. Бородина, слѣдуютъ Пицунда, Сухумъ, Туапсе и Хоста). Мѣстомъ лова устрицъ здѣсь служитъ небольшая песчанная площадка морского дна, съ выступами каменныхъ грядъ, имѣющая удлиненую форму, шириною въ 50 саж. и длиною до 4-хъ верстъ, и расположенная въ двухъ верстахъ отъ берега, на глубинѣ отъ 7 до 12 саж. Мѣсто это было открыто устрицепромышленникомъ Иваномъ Коноплей. Ловъ устрицъ производится съ сентября по апрѣль мѣсяцы включительно, и въ теченіи этихъ 8 мѣсяцевъ, ежегодно выбирается отъ 5 до 6 милліоновъ устрицъ, лучшихъ по качеству на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря. На мѣстѣ, Гудаутскія устрицы продаются отъ 1 р. 60 к., до 2-хъ руб. за 1000, а черезъ комиссіонеровъ въ Одессѣ по 4 руб. за 1000, при чемъ, до 1/4 улова погибаетъ при перевозкѣ.

До послѣдняго времени устричный промыселъ существовалъ еще у гор. Сухума, но вслѣдствіе хищническихъ способовъ выбиранія устрицъ и несвоевременной ловли ихъ, въ періодъ размноженія—(въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ мѣсяцахъ), сухумскія мѣсторожденія устрицъ почти всѣ истреблены; весьма возможно, что мѣсторожденія устрицъ, по изслѣдованіи, окажутся и въ другихъ частяхъ Черноморскаго побережья, въ предѣлахъ Сухумскаго округа, и, несомнѣнно, что, вмѣстѣ съ рыбнымъ и дельфиннымъ, устричный промыселъ, при правильной постановкѣ, могъ бы служить однимъ изъ источниковъ средствъ существованія для жителей Закавказскаго побережья.

Но въ настоящее время этому промыслу грозитъ такая же печальная участь, какъ и сухумскому. Причины этому лежатъ, главнымъ образомъ, въ безконтрольности дѣйствій устрицепромышленниковъ, хищническими пріемами истребляющихъ богатства края.

Большинство изъ гудаутскихъ устрицепромышленниковъ—турки, пріѣзжающіе сюда въ концѣ августа и въ началѣ сентября и уѣзжающіе обратно въ маѣ и въ первой половинѣ іюня. Турки начали заниматься промысломъ съ 1889 г. и теперь въ теченіе зимняго времени около Гудаутъ работаетъ 12—15 фелюгъ (лодокъ особаго турецкаго типа). Производимый ими хищническій ловъ можетъ повлечь за собою въ самомъ непродолжительномъ времени полное истребленіе устрицъ, тѣмъ болѣе, что и въ настоящее время уже замѣчается значительное уменьшеніе ихъ по количеству улова. Такъ, 5—6 лѣтъ тому назадъ одна фелюга ловила въ день до 12 тысячъ устрицъ, а теперь добываетъ не болѣе 3-хъ тысячъ. Такое явленіе обусловливается, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что, во 1-хъ, ловля устрицъ турками начинается еще съ сентября и октября мѣсяцевъ въ періодъ ихъ размноженія, во 2-хъ, ловится очень много мелочи для сбыта на мѣстномъ рынкѣ, въ 3-хъ, сортировка устрицъ производится не въ морѣ, на мѣстахъ ихъ лова, а на берегу, гдѣ самыя мелкія устрицы, не имѣющія сбыта даже среди мѣстныхъ жителей, массами выбрасываются и непроизводительно сгниваютъ. Помимо того турки не имѣютъ никакихъ приспособленій для предохраненія улова отъ порчи и тѣмъ увеличиваютъ и безъ того значительную утрату цѣннаго продукта.

На ряду съ турками устричнымъ промысломъ занимаются у Гудаутъ и мѣстные жители—Иванъ Конопля, Квитко и Нехайленко. Болѣе крупную устрицу они поставляютъ черезъ севастопольское товарищество устрицеводства на внутренніе рынки Россіи. Самая сортировка названными промышленниками производится на мѣстѣ лова устрицъ, безъ расточительнаго выбрасыванія на берегъ болѣе мелкой. Кромѣ того, для сохраненія приготовленной на продажу устрицы они устроили на берегу моря цементные бассейны.

Что касается вопроса о наиболѣе раціональной постановкѣ устричнаго промысла на Кавказскомъ побережьѣ Чернаго моря, то здѣсь прежде всего необходимо принять во вниманіе, что однѣхъ полицейскихъ мѣръ для этого, какъ показалъ опытъ, недостаточно. Такъ, въ 1896 году кутаисскій военный губернаторъ воспретилъ турецкимъ подданнымъ заниматься этими промыслами вдоль Закавказскаго берега Чернаго моря; однако распоряженіе это не дало ожидаемыхъ результатовъ, частью отъ недостаточнаго наблюденія со стороны чиновъ мѣстной администраціи за исполненіемъ его, а частью вслѣдствіе того, что сами турки, въ обходъ распоряженія, начали брать разрѣшительныя свидѣтельства на право заниматься рыбнымъ ловомъ и другими промыслами на имя русскоподданныхъ изъ мѣстныхъ торговцевъ, ничего общаго съ данными промыслами не имѣющихъ и никогда ими не занимавшихся; такъ что всѣ водные промыслы въ нашихъ водахъ Чернаго моря остаются попрежнему въ рукахъ турокъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается.

Обыкновенно, при появленіи въ морѣ русской фелюги, турки располагаются вокругъ нея въ недалекомъ разстояніи, съ такимъ расчетомъ, чтобы она не могла занять значительнаго пространства для ловли устрицъ. Вступать по этому поводу въ какія-либо пререканія въ открытомъ морѣ съ турками русскимъ крайне рисковано, по ихъ малочисленности.

По мнѣнію управленія государственныхъ имуществъ Кутаисской губерніи, для предохраненія какъ гудаутскаго, такъ и другихъ мѣсторожденій устрицъ (устричныхъ банковъ) отъ истребленія, а также и для защиты русскихъ устрицепромышленниковъ отъ произвола турокъ, необходимо принять слѣдующія мѣры:

1) Воспретить ловлю устрицъ въ періодъ ихъ размноженія, т. е. съ 1-го апрѣля по 1-е ноября.

2) Установить минимальные размѣры, ниже которыхъ устрицы не должны пускаться въ продажу и покупаться, а также сроки, въ которые пріемъ устрицъ для перевозки на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ воспрещается подъ страхомъ серьезнаго взысканія и конфискаціи груза.

3) Обязать устрицепромышленниковъ производить сортировку устрицъ лишь на мѣстахъ лова въ морѣ, чтобы мелкія устрицы съ борта судна попадали непосредственно на мѣста, гдѣ онѣ водятся, а не на берегъ.

4) Воспретить выбрасыванія мелкой устрицы на берегъ.

5) Для сохраненія и предохраненія отъ порчи отсортированныхъ устрицъ обязать промышленниковъ имѣть на берегу моря особые бассейны.

6) Надзоръ за соблюденіемъ правилъ объ устричномъ промыслѣ поручить береговой и морской полиціи (т. е. общей полиціи и таможенному вѣдомству), а также агентамъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и особо уполномоченнымъ отъ губернатора лицамъ.

Быть можетъ было бы удобно образовать изъ гудаутскаго мѣсторожденія устрицъ казенную оброчную статью. Въ случаѣ осуществленія этого предложенія возможно было бы не только сохранить устрицъ отъ истребленія, но и позаботиться объ улучшеніи ихъ породы путемъ акклиматизаціи у насъ этого моллюска лучшихъ сортовъ адріатическихъ и средиземноморскихъ (но не атлантическихъ[1]).

Предположенія управленія государственныхъ имуществъ получили Высочайшую санкцію. Съ 1 ноября 4 Гудаутскія устричныя гряды сдаются Ивану Коноплѣ на

[1]) Образованіе оброчной статьи съ формальной стороны не должно бы встрѣтить препятствій, такъ какъ гудаутское мѣсторожденіе устрицъ занимаетъ опредѣленное положеніе и пространство, и разстояніе этого мѣсторожденія отъ берега моря не превышаетъ 6 вер. (ст. 691, т. XII, ч. 2). *В. Р.*

3 года за плату въ годъ по 300 руб. Ежегодно арендаторъ можетъ эксплоатировать только одну гряду; всю устрицу, менѣе 1 3/4 д. въ длину выбрасываетъ обратно на гряды. Порченыя устрицы отвозить въ другое мѣсто. Установка донныхъ сѣтей и крючьевъ на устричныхъ банкахъ и грядахъ не разрѣшается.

На ряду съ этимъ г. Конопля обязывается подчиняться всѣмъ требованіямъ Высочайше утвержденныхъ 10 іюня сего года правилъ для производства устричнаго промысла на Черномъ морѣ (см. СПБ. Вѣд. № 167). Законъ этотъ легъ въ основаніе контракта, заключаемаго съ г. Коноплей. Надзоръ, по закону, возлагается на чиновъ м-ства зем. и гос. им. Виновные подвергаются уголовной отвѣтственности. По поводу изложеннаго „Недѣля“ (№ 24, 1901 г.) замѣчаетъ: однако у насъ уже есть учрежденія, гдѣ къ устрицамъ относятся съ должнымъ вниманіемъ, и даже даютъ имъ надлежащее воспитаніе.

Крупнѣйшій устричный заводъ находится въ сѣверной бухтѣ Севастополя. Здѣсь, привозимыя изъ разныхъ пунктовъ Чернаго моря устрицы укладываются въ особые садки, представляющіе изъ себя нѣчто въ родѣ клѣтокъ изъ тонкой проволоки. Укладываются онѣ въ нѣсколько ярусовъ на горизонтальныхъ мѣстахъ и опускаются въ воду. Предварительно устрицы сортируются и въ зависимости отъ возраста находится время храненія ихъ въ садкѣ. Собственно ловлей устрицъ занимаются рыбаки-кустари, перепродавая свой уловъ затѣмъ заводу и получая отъ 10 до 20 руб. за 1000. Заводъ же устрицъ средняго качества продаетъ по 80 руб. за 1000. Лучшій сортъ поступаетъ для Высочайшаго двора, низшій продается на мѣстѣ около 15 руб. за 1000. Севастопольскія устрицы настолько хороши, что сходятъ въ столицахъ за остендскія (попытка акклиматизировать остендскую устрицу въ Черномъ морѣ пока не удалась).

Владимиръ Родзевичъ-Бжезинскій.

Кутаисъ, 1902 г.

Бой дельфиновъ въ предѣлахъ Сухумскаго округа.

Изъ журнала особой комиссіи для урегулированія дельфиннаго промысла, образованной въ 1896 г. по распоряженію ген.-адъют. Шереметева усматривается, что вопросъ объ урегулированіи лова рыбы въ устьяхъ рѣкъ и боя дельфиновъ по морскому побережью, первый разъ въ Сухумскомъ округѣ возбуждался еще въ 1874 г., когда начальнику кавказскаго горнаго управленія было подано прошеніе Караевымъ и Аваловымъ о предоставленіи имъ на 6 лѣтъ права лова рыбы и боя дельфиновъ, на пространствѣ отъ Гагры до рѣки Кодора, за плату въ годъ по 1,000 р., при чемъ они обязывались устранить отъ участія въ этихъ промыслахъ турецко-подданныхъ, которые вредно вліяютъ на коренное абхазское населеніе, способствуя развитію контрабанды и дурно ведутъ самый промыселъ тѣмъ, что загрязняютъ берега и проч., —и привлечь къ промысламъ, путемъ опытныхъ мастеровъ,—туземное населеніе; завести свои собственныя снасти, необходимыя для указанныхъ промысловъ, лодки и устроить вблизи Пицундской бухты салотопленный заводъ; затѣмъ, въ 1879 г. командиръ парохода „Бабушка“, Никифоровъ, просилъ о предоставленіи ему исключительнаго права на дельфинный промыселъ по абхазскому берегу Чернаго моря, срокомъ на 12 лѣтъ, съ платою по 1,000 р. въ годъ; въ 1892 году тифлисскій купецъ Мирзоевъ и наконецъ въ 1899—1901 гг. о сдачѣ въ исключительное пользованіе рыболовныхъ мѣстъ отъ устьевъ Кодора до турецкой границы просили гг. Воробьевъ, Мавропуло, Комахидзе, Беридзе, Кутателадзе, предлагая такія же условія какъ Никифоровъ и др., но всѣ эти ходатайства администраціей были отклоняемы въ виду 560 ст. св. зак. XII т., ч. II, что воды морскія частному владѣнію подлежать не могутъ, а должны оставаться въ общемъ и свободномъ для всѣхъ пользованіи.

Такимъ образомъ, ловъ рыбы и бой дельфиновъ, какъ въ предѣлахъ Сухумскаго округа, такъ и у береговъ Зугдидскаго, Сенакскаго и Озургетскаго уѣздовъ и Батумскаго округа былъ свободный и этими промыслами почти исключительно были заняты жители Трапезундскаго вилайета, турецко-подданные. Какихъ-либо доходовъ отъ этихъ промысловъ ни города, ни казна не получали, изслѣдованія этихъ промысловъ никѣмъ не производилось и завѣдываніе ими никому особому учрежденію поручено не было. Поэтому свѣдѣнія о нихъ очень скудны. По собраннымъ же комиссіей на мѣстѣ свѣдѣніямъ, путемъ опроса старожиловъ, положеніе дельфиннаго промысла въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Дельфиннаго промысла, какъ самостоятельнаго занятія, собственно говоря, не существуетъ. Тѣ же анатолійскіе турки, хорошо знакомые съ условіями восточнаго берега Чернаго моря, которые ежегодно прибываютъ въ эти мѣста на своихъ фелюгахъ и кочермахъ, для рыболовства и для занятія мелкимъ каботажнымъ, они же между прочимъ, въ извѣстное только время года занимаются и боемъ дельфиновъ и вытапливаніемъ изъ нихъ жира. Прибывая къ нашимъ берегамъ, обыкновенно осенью, они сначала занимаются рыболовствомъ, примѣрно до марта мѣсяца. Съ этого времени часть рыболововъ группируется въ особыя товарищества, для боя дельфиновъ. Основаніемъ для числа лицъ товарищества служитъ неводъ, точнѣе сѣть, очень большихъ размѣровъ, которая доходитъ до 40 саж. ширины и 350 саж. длины, требуетъ не менѣе пяти лодокъ (фелюгъ), при чемъ на каждой лодкѣ должно быть не менѣе пяти человѣкъ. Такимъ образомъ, минимальное число лицъ въ товариществѣ должно состоять изъ 25 человѣкъ на каждый неводъ. Неводъ стоитъ обыкновенно около 1,500 руб. принадлежитъ онъ не одному лицу, а многимъ, иногда 20—30, при чемъ одни имѣютъ лишь 2—3 саж., другіе же по 10 и болѣе саженъ. Иногда товарищества составляются изъ нѣсколькихъ неводовъ, съ увеличеніемъ конечно, соотвѣтствующаго количества фелюгъ. Участіе каждаго члена въ прибыляхъ находится въ прямой зависимости отъ количества снастей для лова, имѣющихся у каждаго члена.

Сезонъ лова опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что съ февраля мѣсяца мелкая рыба „хамса“ (анчоусъ) и другія, служащія пищей для дельфиновъ, появляются въ изобиліи у береговъ, а вслѣдъ за мелкой рыбой появляются у береговъ и держатся почти на поверхности дельфины, что обусловливаетъ легкость отыскиванія дельфинныхъ стадъ. И время съ марта по май мѣсяцы самое удобное и обильное для улова дельфиновъ, которые, къ тому же, въ это время бываютъ наиболѣе жирны. Къ осени мелкая рыба держится ближе дна, почему и дельфины плаваютъ на значительной глубинѣ.

Самый ловъ дельфиновъ производится слѣдующимъ образомъ: въ береговой полосѣ, не болѣе 10-ти верстъ отъ берега, выслѣдивъ стадо, фелюги стараются окружить его неводомъ и, сокращая кругъ до минимума, сгоняютъ стадо въ болѣе плотную кучку, и прямо съ лодокъ убиваютъ животныхъ выстрѣлами изъ ружей, вынимаютъ трупы баграми въ фелюги и здѣсь же снимаютъ весь жиръ, а остальную часть выбрасываютъ прямо въ море; зачастую, во время прибоя, эти остатки выбрасываются на берегъ и здѣсь подвергаясь разложенію,—заражаютъ воздухъ.

Беременныхъ самокъ и дѣтенышей турки-рыболовы стараются не бить. Время рожденія у дельфиновъ наступаетъ около половины апрѣля и продолжается до половины іюня. Осенью дельфиновъ не ловятъ, потому что они худы, жиру получается мало и онъ быстро портится и, кромѣ того, въ это время бываетъ болѣе выгодный и обильный уловъ рыбы.

Обработка жира самая примитивная: вытапливается

онъ въ простыхъ котлахъ, часто даже въ прогнутыхъ, на манеръ сковородъ, желѣзныхъ листахъ, вслѣдствіе этого жиръ—низкаго качества, сильно пригораетъ. По изготовленіи онъ переливается въ бочки и тутъ же на мѣстѣ, продается особымъ скупщикамъ или отправляется въ Одессу. Отсутствіе надлежащихъ качествъ въ примитивно обработанномъ жирѣ, служитъ причиною низкихъ цѣнъ на него. Пудъ жира стоилъ въ послѣднее время въ Сухумѣ около 1 руб. 80 коп., въ Одессѣ же продавался пудъ отъ 2 р. 40 к. до 3 руб.

Средняя добыча дельфиннаго жира въ годъ, въ одной Сухумской бухтѣ, составляетъ около 3500 пудовъ. (Максимумъ—9962 п., минимумъ—1640 п.).

Затѣмъ вывезено каботажемъ изъ:

Анаклiи: въ 1898 г.—290 п.

Чурукъ-су въ 1897 г.—33 п.

Гудаутъ—за пятилѣтіе, 1897—1901 гг., въ среднемъ по 2025 п. въ годъ.

Батума—за трехлѣтіе, 1899—1991 гг., въ среднемъ по 1400 п. въ годъ.

Сколько было потреблено жира на мѣстѣ неизвѣстно.

По даннымъ же военно-народнаго управленія въ Сухумскомъ округѣ добывается дельфиннаго жира отъ 20 до 30 т. пудовъ ежегодно.

Вообще дельфинный промыселъ на побережьи сосредоточенъ въ мѣстахъ, гдѣ имѣются наиболѣе удобныя бухты для стоянки судовъ, а именно: въ Пицундской бухтѣ, у гор. Сухума, вблизи маяка и у Кодорскаго мыса; здѣсь же устроены досчатые навѣсы, гдѣ производится вытапливаніе дельфиннаго жира и хранятся рыболовныя снасти.

Кромѣ выдачи участковымъ начальникомъ удостовѣреній на право лова рыбы и боя дельфиновъ у нашихъ береговъ до 1893 г. никакого надзора за веденіемъ этихъ промысловъ, какъ сказано выше, не было и только въ томъ же 1893 году, по случаю холерной эпидеміи, для предупрежденія возможной порчи воздуха отъ разлагающихся на берегу дельфинныхъ тушъ, былъ установленъ въ предѣлахъ Сухумскаго округа санитарный надзоръ за дельфиннымъ промысломъ, по 15 коп. съ каждаго пуда вытопленнаго жира и таковой суммы набиралось въ годъ по Сухумскому округу до 600 р. (Въ Сухумскомъ округѣ выдача особыхъ свидѣтельствъ на производство дельфиннаго промысла существовала лишь до введенія въ Сухумѣ городского самоуправленія).

На основаніи этихъ свѣдѣній, комиссія полагала необходимымъ принять слѣдующія мѣры къ упорядоченію дельфиннаго промысла:

Морскую побережную полосу, на 10 верстномъ разстояніи отъ берега въ глубь моря, на протяженіи отъ р. Ингура до границы Черноморской губерніи, раздѣлить на три раіона и образовать изъ нихъ 3 оброчныя статьи, въ слѣдующихъ границахъ:

а) отъ р. Ингура до р. Кодора (Кодорскаго мыса);

б) отъ Кодорскаго мыса до Бомборскаго мыса (Гудауты);

и в) отъ Бомборскаго мыса до границы Черноморской губерніи.

Примѣчаніе. Интересно бы знать юридическія основанія, по коимъ комиссія нашла возможнымъ проэктировать сдачу въ оброкъ боя дельфиновъ. Ст. 691, т. XIII, ч. 2, здѣсь не можетъ служить такимъ основаніемъ, такъ какъ дельфинный промыселъ, въ противность устричному, разсѣянъ въ пространствѣ.

Арендовать эти участки могутъ исключительно русско-подданные, съ обязательствомъ въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ, замѣнить служащихъ на промыслѣ русскоподданными (!), въ противномъ случаѣ договоръ считается нарушеннымъ.

Ловъ дельфиновъ допускается только сѣтями; сниманіе жира должно производится на берегу, на мѣстахъ стоянокъ, при чемъ остовы и остатки отъ вытопки жира должны быть зарываемы въ землю и засыпаемы негашенной известью и другими дезинфекцирующими средствами. Бой дельфиновъ изъ ружья или ловля какимъ либо другимъ способомъ,—строго воспрещается.

Если въ побережныхъ мѣстахъ, необходимыхъ для устройства на нихъ салотопленнаго завода, окажется казенная земля, то таковая отводится арендатору на время дѣйствія контракта въ количествѣ, необходимомъ для постройки завода и помѣщенія рабочихъ, за подесятинную плату.

Первоначальныя цѣны, съ коихъ должны начаться торги, устанавливаются слѣдующія, на участки:

1) Ингуро-Кодорскій . . . . . 200 руб.
2) Кодоро-Бомборскій . . . . . 500 „
и 3) Бомборо-Гагринскій. . . . . 700 „ въ годъ.

Такъ какъ Сухумскимъ окружнымъ комитетомъ общественнаго здравія изданы обязательныя постановленія, утвержденныя Кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ, въ которыхъ предположено спеціально организовать на счетъ дельфинопромышленниковъ санитарный надзоръ, состоящій изъ одного наблюдающаго за производствомъ промысла по всему побережью округа, и конныхъ объѣздчиковъ, назначенныхъ для надзора за каждой статьей отдѣльно, на что примѣрно взыскивается въ этомъ случаѣ, съ дельфинопромышленниковъ 600—700 руб. въ годъ, то на первое время надобности въ назначеніи другихъ лицъ, для наблюденія за этимъ промысломъ не встрѣчается,—и окружное управленіе, черезъ посредство тѣхъ же лицъ санитарнаго надзора можетъ слѣдить за выполненіемъ арендаторами условій договора.

Хотя со времени описанныхъ работъ комиссіи прошло уже около шести лѣтъ, но какъ рекомендованныя ею мѣры, такъ и упомянутыя выше обязятельныя постановленія комитета общественнаго здравія, повидимому, еще очень далеки отъ осуществленія.

Приводимъ для сравненія нѣкоторые параграфы этихъ постановленій, изданныхъ въ 1895 году и картинку боя дельфиновъ весною прошлаго года въ Пицундской бухтѣ:

§ 3. Уловъ дельфиновъ можетъ производиться только лѣтомъ, отнюдь не допуская убоя ихъ изъ ружей.

§ 8. Промышленникамъ, допустившимъ убой дельфиновъ изъ ружей, а равно и свѣжеваніе ихъ на морѣ, воспрещается дальнѣйшій промыселъ.

„Ловъ дельфиновъ, въ 1901 году пишетъ между тѣмъ очевидецъ, производился въ Пицундской бухтѣ съ 1 февраля по 1 мая, во время хода хамсы. Ловомъ занимаются исключительно турки, 25 фелюгъ, съ 4 матросами и шкиперомъ на каждой. За право поднятія флага фелюга уплачиваетъ 25 руб. Въ Пицундской бухтѣ дельфиновъ собственно не ловятъ, а стрѣляютъ картечью изъ ружей. На слѣдующій день послѣ убоя съ дельфиновъ на берегу снимаютъ сало, топятъ его здѣсь въ металлическихъ чанахъ-казанахъ. Всѣ 25 фелюгъ убиваютъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ около 1500 шт. дельфиновъ, которые даютъ отъ 3 до 4 т. пуд. жира“...

„Исключительно турки“, „дельфиновъ собственно не ловятъ, а стрѣляютъ картечью“, и т. д. какъ все это далеко отъ предположеній комиссій и комитетовъ!... Да и на самомъ дѣлѣ: осуществима ли такая курьезная мѣра, какъ замѣна въ теченіи трехъ лѣтъ всѣхъ рабочихъ турокъ—русскими (о справедливости и законности ея мы уже не говоримъ) и цѣлесообразно ли слишкомъ бережно охранять, какъ это хочетъ комиссія, морскихъ хищниковъ, каковы дельфины, размножающіеся на счетъ промысловыхъ рыбъ (хамсы и др.)?

Владимиръ Родзевичъ-Бѣлевичъ.

Кутаисъ, 1902 г.

ТОРГОВЛЯ.

Извѣстно, успѣхи торговли въ каждой странѣ очень много зависятъ отъ предпріимчивости, честности и образованности торговыхъ лицъ, но еще больше отъ внѣшней ея обстановки. Для торговыхъ оборотовъ, кромѣ безопасности перемѣщенія товаровъ, необходимы слѣдующія внѣшнія условія: 1) хорошее устройство путей сообщенія и средствъ перевозки и 2) своевременная передача рыночныхъ свѣдѣній.

1) Грунтовые пути, шоссе и желѣзныя дороги.

Грунтовыя дороги на Сѣверномъ Кавказѣ въ нѣкоторыхъ топкихъ мѣстахъ шоссированы. Всѣ группы Кавказскихъ минеральныхъ водъ соединены между собою шоссейною дорогой, начиная отъ ст. „Минерал. воды“ Владик. ж. д. Для колеснаго сообщенія разработаны слѣдующія перевалы черезъ Кавказскій хребетъ: *Новороссійскій, Гойтхскій* (въ верховьяхъ р. Пшиша), идущій отъ г. Майкопа къ посаду Туапсе на Черномъ морѣ; *Клухорскій*, еще не оконченный для правильнаго сообщенія Сухума съ г. Баталпашинскомъ; *Мамиссонскій* или Военно-Осетинская дорога, соединяющая Владикавказъ съ Кутаисомъ; *Крестовый* на Военно-Грузинской дорогѣ; *Алты-Агачъ*—караванная дорога между Кубою и Шемахою.

Въ *Тифлисской губерніи:*

а) Важнѣйшія грунтовыя дороги:

Бывшее *Военно-Имеретинское* шоссе (110 вер.), *Бѣлоключинская* дорога (40 вер.) и *Марткобская* (23 вер.).

б) *Шоссейныя дороги* (443 вер.):

а) *Кахетинскій* почтовый трактъ (143 в.) и б) *Сигнахо-Телавскій* (62 вер.). Кромѣ этого пути, отъ г. Телава до с. Ахметы, на протяженіи 20 верстъ, и отъ Ахметы до Тіонетъ—лагерной стоянки войскъ устроена дорога и шоссирована гравіемъ; в) *Тифлисо Тіонетская* дорога (65 в.); г) *Тифлисо-Манглисское* шоссе (60 в.); д) *Боржомо-Ахалкалакское* шоссе (58 в.); е) *бывшее Эриванское* шоссе (49 в.), простирающееся отъ Тифлиса до Краснаго моста—границы Елисаветпольской губ.; ж) *Ахалцихо-Ахалкалакское* и *Тифлисо-Александропольское*.

Въ *Елисаветпольской* и *Эриванской* губерніяхъ проходитъ шоссейная дорога отъ Краснаго моста по живописнѣйшему Делижанскому ущелью, вдоль р. Акстафы съ одной стороны, мимо оз. Гокча въ Эривань, съ другой чрезъ сел. Делижанъ и Караклисъ въ Александрополь и Карсъ.

Въ *Карсской* области, кромѣ 8-ми грунтовыхъ дорогъ, имѣются въ настоящее время пять шоссейныхъ (334 вер.). Карсъ составляетъ узелъ нѣсколькихъ дорогъ: съ нимъ соединены шоссейною дорогою Александрополь, Кагызманъ и Эривань.

Въ *Кутаисской* губерніи 10 шоссейныхъ дорогъ (329 вер.):

Хонская (25 вер.), *Военно-Имеретинская* (82 вер.), *Гелатская* (9 вер.), *Сенакская* (30 вер.), *Зугдидская* (41 в.), *Анаклійская* (29 в.), *Нотанебская* (18 в.), *Озургетская* (52 в.), *Ланджанурская* (18 в.), *Багдато-Зикарская* (25 в.).

Въ *Черноморской губ.* открыто въ 1893 году сообщеніе вдоль восточнаго берега Чернаго моря (500 вер.) по вновь устроенному шоссе изъ Новороссійска въ Сухумъ. Генералу Анненкову эта дорога обошлась въ 4.200,000 руб. безъ мостовъ и нѣкоторыхъ другихъ недодѣлокъ. Нѣтъ сомнѣнія, эта дорога оживитъ всѣ плодородные уголки этого роскошнаго побережья.

Въ *Дагестанской области* изъ 6-ти почтовыхъ трактовъ только одинъ, отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Петровска, шоссированъ, остальные имѣютъ грунтовыя колесныя дороги и, частью, вьючныя.

Движеніе почтовыхъ экипажей на Кавказѣ.

а) по Военно-Грузинской дорогѣ;
б) отъ Озургетъ до ст. Нотанеби;
в) „ Ново-Сенаки до Зугдиды;
г) „ Манглиса до Тифлиса;
д) „ Акстафы до Эривани и Карса;
е) „ Т.-Х.-Шуры до Петровска;
ж) „ Евлаха до Шуши;
з) „ „ „ Нухи;
и) „ Ляки до Агдаша.

Желѣзныя дороги:

1) *Ростово-Владикавказская* съ вѣтвями: а) *Новороссійской* отъ ст. „Тихорѣцкой“ къ Новороссійску (254 в.); б) отъ ст. „Минеральныя воды“ чрезъ Пятигорскъ, Ессентуки къ Кисловодску (59 вер.); в) *Ставропольской* (144 вер.) и г) *Петровской* (250 вер.) отъ ст. Бесланъ къ г. Петровску.

8) *Закавказская* (980 вер.) отъ Батума до Баку съ вѣтвями къ Поти, Кутаису, Тквибульскимъ копямъ, м. Чіатури и Боржому. На пути къ Сурамскому перевалу достойно вниманія живописнѣйшее ущелье р. Квирилы и ея притока Дзирулы. Въ ущельѣ вы видите передъ собою гигантскія отвѣсныя скалы всѣхъ цвѣтовъ мрамора. Съ ихъ карнизовъ торчатъ камни надъ узкою тропою, по которой проходитъ чрезъ перевалъ желѣзная дорога тоннелемъ въ 1874 саж. Все сооруженіе тоннеля по нѣкоторымъ техническимъ трудностямъ должно быть отнесено къ замѣчательнымъ въ Европѣ работамъ этого рода; оно обошлось въ 4 мил. руб. У входа въ Сурамскій тоннель поставленъ для украшенія гранитный обелискъ—бронзовая золоченая группа. Онъ сооруженъ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ память посѣщенія работъ, по прорытію тоннеля, Ихъ Императорскихъ Величествъ съ Августѣйшими дѣтьми 12 октября 1888 г.

Внутренніе и внѣшніе водные пути.

Изъ рѣкъ Сѣвернаго Кавказа *Кубань* судоходна на протяженіи 200 верстъ отъ Темрюка до Екатеринодара, а иногда даже до станицы Усть-Лабинской, 70 вер. выше Екатеринодара. Карчи мѣшаютъ свободному судоходству.

Терекъ судоходенъ до станицы Щедринской. Въ 1889 году пароходъ „Адмиралъ“, на которомъ ѣхалъ главноначальствующій на Кавказѣ кн. Дондуковъ-Корсаковъ, и пароходъ Канненберга безпрепятственно прошли по Тереку до ст. Щедринской.

Въ Закавказьѣ по рр. *Ингуру* (на 50 вер.) и *Чороху* возможно плаваніе только на плоскодонныхъ лодкахъ. По *Ріону*, до проведенія поти-тифлисской жел. дороги, небольшіе пароходы доходили до сел. Орпири. Въ настоящее время все судоходство по Ріону ограничивается плаваніемъ на каюкахъ. Для постояннаго правильнаго судоходства на этой рѣкѣ, кромѣ мелководья на перекатахъ фарватера, служатъ препятствіемъ карчи.

Отъ Боржома до самаго моря, на протяженіи 945 в., *Кура* дѣлается вполнѣ сплавною (сплавъ лѣса), а отъ Мингачаурской переправы (696 в.) до устья вполнѣ судоходною рѣкою. Опыты показали, что плаваніе судовъ съ осадкою $3^1/_2$ ф. до сел. Зардоба (342 в. отъ устья) удобно, до с. Пиразы (467 в. отъ устья) безопасно и до Мингачаурской переправы (697 в. отъ устья) возможно.

Морскіе пути на Черномъ морѣ отъ Батума до Одессы ($1{,}269^1/_4$ верстъ), на Каспійскомъ—отъ Ленкорани до Астрахани ($1{,}038^1/_2$ в.).

Торговое значеніе Черно-Азовскаго и Каспійскаго морей. На восточномъ берегу Чернаго моря наиболѣе замѣчательныя мѣстности слѣд.: *Новороссійская* бухта одна изъ прекраснѣйшихъ бухтъ по своей незамерзаемости и обширности (въ 42 квадр. вер.). Ширина входа въ бухту между мысомъ Дообъ и Суджукской косою 8 вер.; длина бухты отъ м. Дообъ до р. Цемеса—14 вер.; глубина бухты отъ 12 до 15 саж. Для защиты бухты отъ набѣгающихъ съ моря волнъ, здѣсь заканчивается постройка мола, состоящаго изъ двухъ частей. Восточный и западный молы (по 500 саж. каждый) защищаютъ огражденную ими часть бухты въ 3½ вер. отъ морскихъ вѣтровъ. Къ бухтѣ подходитъ Новороссійская вѣтвь ростово-владик. жел. дороги. Для выгрузки и нагрузки судовъ, общество этой дороги устроило пять пристаней, подвозочные рельсовые пути, для храненія хлѣба 14 каменныхъ амбаровъ (силосовъ) и 13 деревянныхъ вмѣстимостью въ обоихъ 9.640,000 пуд., 8 элеваторныхъ башень и большой силосный амбаръ-элеваторъ на 3 милл. пуд. Вообще весь элеваторъ—это рядъ зданій, длинныхъ корридоровъ, башень, съ высокимъ, главнымъ девяти-этажнымъ зданіемъ, съ множествомъ рельсовыхъ путей, съ дорогой, покрытой вагонетками. Работа элеватора состоитъ въ слѣдующемъ: въ амбары ссыпается зерно экспортеровъ; затѣмъ, посредствомъ особыхъ передаточныхъ лентъ и трубъ зерно подается въ девятый этажъ, съ послѣдняго зерно попадаетъ внизъ въ восьмой этажъ, на вѣсы; отсюда взвѣшенное зерно попадаетъ или въ амбаръ для храненія, или на пароходъ для экспорта. Элеваторъ обыкновенно подаетъ съ парохода въ амбаръ, или изъ амбара на пароходъ, отъ 5,000 до 7,000 пуд. зерна въ часъ. Для приведенія въ движеніе механическихъ приспособленій, элеваторныхъ башень и транспортеровъ, устроена центральная станція, съ 4 паровыми машинами, по 250 силъ каждая. Тоже общество организовало выдачу ссудъ подъ зерновой хлѣбъ при посредствѣ открытаго въ концѣ 1889 г. коммерческаго агентства. За десятилѣтіе 1888—1897 гг. это агентство выдало 8.115,540 р. 82 к. ссудъ подъ хлѣбные грузы (до 80% биржевой стоимости зерна). Почти вся коммерческая дѣятельность Черноморской губ. сосредоточивается въ Новороссійскѣ какъ въ экспортномъ, такъ и импортномъ пунктѣ. Въ 1900 г. пришло сюда 389 суд. вмѣстимостью въ 579,173 тонны, отошло 383 суд. вмѣстимостью въ 560,725 тоннъ. Количество вывозныхъ грузовъ, главнымъ образомъ, зернового хлѣба, постепенно здѣсь увеличивалось до 1900 г. Такъ, въ 1888 г. вывезено 2.245,662 пуда, въ 1897 г.—17.477,299 пуд., а въ 1900 г.—28.229,482 пуд., имѣется въ складахъ 5.862,020 пуд. Въ частности вывезено въ 1900 г. пшеницы—6,235 тыс. пуд., ржи—2,615 т. пуд., ячменя—5,610 т. пуд., овса—1,786 т. пуд., кукурузы—2,646 т. пуд. Кромѣ того вывезено въ томъ же году: льняного сѣмени 4,848 т. пуд., рапсоваго и сурѣпнаго сѣмени—227 т. пуд., нефтяныхъ продуктовъ—12,675 т. пуд.

Въ 1863 г. приступлено было къ устройству *Потійскаго порта.* При глубинѣ бухты отъ 16 до 22 ф. сѣверный молъ имѣетъ 441 саж. дл., южный—282½ саж., средній—120 саж. дл. и 23 саж. шир. Входъ въ портъ при волненіи почти невозможенъ; онъ построенъ воротами къ западу, т. е. въ сторону господствующихъ вѣтровъ. Для того, чтобы злосчастный Пот. портъ служилъ для морск. судовъ, во время бури, тихимъ убѣжищемъ, а не кладбищемъ ихъ, считаютъ необходимымъ закрыть западныя ворота его и открыть ворота съ сѣвера. Съ 1897 года портъ перешелъ отъ министерства путей сообщенія въ вѣдѣніе городского общественнаго управленія, которому разрѣшено вырыть на свой счетъ новый внутренній бассейнъ для стоянки судовъ. Улучшеніе моловъ Пот. порта имѣетъ важное значеніе для края какъ по мѣстнымъ условіямъ, такъ и для государственныхъ интересовъ. Черезъ портъ направляется главнымъ образомъ вывозъ: цѣнность его въ среднемъ за 1884—1894 гг. достигла 5 милл. руб., въ 1895 г.—5.218,353 р. Главными предметами вывоза были: кукуруза—4.038,418 пуд., солодковый корень—55,540 пуд., орѣховое дерево—9,263 пуд., пальмовое—2,864 пуд., марганцевая руда на 2.838,770 руб. Цѣнность ввоза (кирпичъ, черепица и др.), крайне незначительна. Въ 1900 г. пришло въ Пот. портъ 215 суд. вмѣстимостью въ 191,966 тоннъ, отошло 224 суд. съ 205,959 тоннъ вмѣстимостью.

Сухумскій рейдъ считается единственнымъ на всемъ восточномъ берегу Чернаго моря какъ по безопасности во всякое время года, такъ по глубинѣ и обширности (почти 23 вер. въ окружности). Замѣчательная глубина этой бухты и быстрое паденіе дна составляютъ единственный ея недостатокъ. Дно опускается круто въ видѣ котла, а потому якорная стоянка возможна только близъ береговъ. Сухумскій портъ имѣетъ значеніе лишь по вывозу зернового хлѣба и отчасти цѣннаго подѣлочнаго лѣса, фруктовъ и табаку. Въ 1900 г. пришло сюда 180 судовъ вмѣстимостью въ 3,383 рег. тоннъ, отошло 107 судовъ вмѣстимостью въ 3,342 тоннъ.

Между мысомъ Буруномъ и устьемъ рѣчки Скуркубай Черное море вдается въ южномъ направленіи на версту въ материкъ и образуетъ прекрасную *Батумскую* бухту. Она имѣетъ два берега—западный и юговосточный. Западная часть бухты вообще глубока, восточная же мелководна. Въ настоящее же время въ Батумскомъ портѣ сооружены сѣверный нефтянной молъ, набережная и углублена гавань до 26 футовъ. Сооружается на мысѣ Бурунъ-Табіэ молъ на 250 саж., который содѣйствовалъ бы защитѣ гавани отъ господствующихъ здѣсь вѣтровъ. Батумскій портъ представляетъ значительно большія преимущества передъ Потійскимъ. По присоединеніи Батума къ Россіи, онъ быстро привлекъ къ себѣ многихъ иностранныхъ и потійскихъ купцовъ, заинтересованныхъ прекрасною его гаванью, портофранковою торговлею, проведеніемъ Батумской вѣтви желѣзной дороги и постройкой порта. Но съ расширеніемъ торговой дѣятельности въ г. Батумѣ, портъ его вскорѣ оказался малымъ и часть торговли отошла снова въ г. Поти. Въ настоящее время на Батумъ направляются главнымъ образомъ нефтяные продукты—56490 т. пд. (1899 г.), 49712 т. пд. (1900 г.), кукуруза (1292 т. пд. 1901 г.), шерсть немытая (98 т. пд. 1900 г.), марганецъ, кожи. Въ послѣднее время ежегодный грузооборотъ г. Батума превышаетъ 90 мил. руб. Въ 1900 г. сюда пришло 281 суд. съ 837767 тон. вмѣст., отошло 812 суд. съ 826819 тон. вмѣст.

На юго-восточной сторонѣ Азовскаго моря два значительныхъ порта: *Ейскій* и *Темрюкскій.* Первый имѣетъ видъ искусственнаго мола, раздвоенная оконечность котораго образуетъ удобную для стоянки гавань. *Ейскъ* и *Темрюкъ* вывозятъ глав. обр. пшеницу, ячмень, первый на 3,4 мил. руб., а второй на 2 милліона рублей. Въ 1900 г. вывезено изъ Ейска пшеницы 3894 т. пд. и 1776 т. пд. ячменя, изъ Темрюка 112 т. пд. пшен. (1899 г.) и 1937 т. пд. ячменя (1900 г.) Кромѣ сего изъ Ейска вывезено рапсоваго и сурѣпнаго сѣмени 306 т. пд. (1900 г.). Въ 1900 г. въ Ейскъ пришло 21 судно съ 19782 т. вмѣст. и столько же отошло съ тою же вмѣст. т., въ Темрюкъ пришло и отошло 18 судовъ вмѣст. въ 21704 т.

На западномъ берегу Каспійскаго моря можно указать только на два рейда, доступныхъ для морскихъ судовъ: *Петровскій* и *Бакинскій.* Рейдъ *Петровска* имѣетъ хорошую якорную стоянку. Изгибъ берега, укрѣпленный моломъ, защищаетъ суда отъ вѣтровъ. Важнѣйшій изъ портовъ на всемъ морѣ *Бакинскій* никогда не замерзаетъ; съ юга онъ прикрытъ тремя малыми и невысокими островками: Песчанымъ, Вульфомъ и Наргиномъ, съ запада—мысомъ Баиловымъ, съ востока—мысомъ Султанъ; глубина его отъ 4 до 5½ саж. Не смотря на то, что Каспійское море разобщено съ другими морями, окружено странами съ рѣдкимъ и не развитымъ въ экономическомъ отношеніи населеніемъ, въ послѣдніе 20 лѣтъ торговля и мореходство быстро стали развиваться на немъ. Первый и главный толчекъ къ оживленію ихъ на морѣ данъ былъ быстрымъ развитіемъ нефтяного промысла на Апшеронскомъ полуостровѣ. Далѣе, покореніе туркме-

новъ сдѣлало безопасными кратчайшіе пути для торговли съ Хорасаномъ, Хивой и Бухарой, идущіе отъ восточнаго берега Каспійскаго моря. Затѣмъ, закрытіе закавказскаго транзита не замедлило отразиться на увеличеніи нашихъ торговыхъ оборотовъ съ Персіей и средне-азіятскими ханствами. Съ проведеніемъ Закаспійской желѣзной дороги, открытой въ настоящее время до Ташкента и Кокана, большая часть грузовъ пойдетъ болѣе дешевымъ и скорымъ рельсовымъ путемъ къ Каспійскому морю, для отправленія ихъ въ Баку или Астрахань.

Движеніе торговыхъ судовъ въ 1898 г.: по Азовскому, Черному и Каспійскому морямъ.

На Кавказѣ большая часть русскихъ судовъ занимается каботажемъ, т. е. прибрежнымъ плаваніемъ только между русскими портами; въ заграничномъ же плаваніи наши суда принимаютъ мало участія; поэтому большая часть какъ ввозныхъ, такъ и отпускныхъ товаровъ перевозится на иностранныхъ судахъ. Движеніе каботажныхъ судовъ на Азовскомъ и Черномъ моряхъ объясняется, во-первыхъ, мелководностью перваго, во-вторыхъ, большимъ протяженіемъ береговой линіи и множествомъ портовъ этихъ двухъ морей и, наконецъ, въ-третьихъ, оживленными торговыми сношеніями между Одессой и Закавказьемъ. Каботажъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ плаваютъ одни русскія суда, въ послѣдніе годы развивается сильнѣе черноморскаго и азовскаго. Такъ, напримѣръ, въ 1884 г. онъ составлялъ только 12,4% по числу судовъ и 17,3% по ихъ вмѣстимости въ общемъ движеніи русскаго каботажа, въ 1890 г.—29,2% и 33,5%, въ 1898 г.—39,20%, съ среднею вмѣстимостью въ 444,4 тонны на каждое судно. На Каспійскомъ и Черномъ моряхъ парусный флотъ хотя и превосходитъ паровой по численности, но уступаетъ ему, въ особенности на Каспійскомъ морѣ, по вмѣстимости: на Черномъ морѣ всего только 22,5%, а на Каспійскомъ—47,9%. Что касается прибыли судовъ за трехлѣтіе (1896—1898) по отдѣльнымъ морямъ, то наибольшее количество паровыхъ судовъ, и при томъ, въ сравненіи съ другими морями, очень значительное приходится на Черное море, въ которомъ составъ флота увеличился 59 пароходами съ чистою вмѣстимостью въ 44265 тоннъ и на Каспійское море 67 парох. со вмѣстимостью въ 41070 тоннъ. Относительно паруснаго флота наибольшій приростъ приходится на Каспійское море: 121 судно вмѣстимостью въ 28412 тоннъ. Очень незначительна прибыль паруснаго флота на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. На первомъ парусный флотъ вытѣсняется паровыми судами.

Своевременная передача рыночныхъ свѣдѣній. Скорость и постоянство сношеній между разными рынками обезпечиваются устройствомъ почтъ и телеграфовъ. Въ Кавказскомъ краѣ 220 почтово-телеграфныхъ станцій.

Внутренняя торговля на Кавказѣ.

Общая сумма оборотовъ внутренней торговли на Кавказѣ не приведена въ извѣстность. Во всякомъ случаѣ обороты мѣстной внутренней торговли больше оборотовъ внѣшней. При громадности разстояній, рѣдкости населенія и недостаткѣ желѣзныхъ дорогъ въ краѣ, производители не могутъ обходиться безъ разныхъ посредниковъ, что значительно должно возвышать цѣну на мѣстахъ потребленія. По причинѣ рѣдкости кавказскаго сельскаго населенія, внутренняя торговля почти исключительно сосредоточивается въ городахъ. Въ большей части селъ и деревень совсѣмъ нѣтъ торговыхъ заведеній. Недостатокъ послѣднихъ, при отдаленности деревень отъ городовъ, вызываетъ необходимость въ развозномъ и разносномъ торгѣ.

Ярмарочная торговля. При рѣдкости сельскаго населенія и плохомъ состояніи дорогъ, ярмарки преимущественно на Сѣв. Кавказѣ становятся необходимыми для края. Въ Кубанской области общій оборотъ 66-ти ярмарокъ въ 1892 г. простирался только до 1.554,488 р. Обороты 45-ти сельскихъ ярмарокъ Ставропольской губ. въ томъ же году приблизительно равнялись 738,643 руб. Значительное уменьшеніе денежныхъ оборотовъ, въ большинствѣ случаевъ, произошло въ послѣдніе годы по причинѣ запрещенія пригона скота на ярмарки и пріѣзда на воловьихъ подводахъ во избѣжаніе чумной болѣзни. По той же причинѣ ярмарочная торговля и въ Терской обл. находится въ упадкѣ. Общій оборотъ самыхъ важныхъ ярмарокъ этой области—въ Георгіевскѣ (три ярмар.), Моздокѣ, Грозномъ (двѣ ярмар.) и Пятигорскѣ—доходилъ (1891 г.) до 2.500,000 руб., тогда какъ въ прежніе годы одинъ Георгіевскъ торговалъ на эту сумму.

Привозные предметы на ярмарки Сѣв. Кавказа: мануфактурные, галантерейные и москательные товары, желѣзныя, чугунныя, мѣдныя и другія издѣлія.

Въ Закавказьѣ ярмарочная торговля находится исключительно въ селеніяхъ, удаленныхъ отъ большихъ городскихъ центровъ и, по числу оборотовъ, наиболѣе значительна въ Мингреліи и Гуріи. На ярмаркахъ Благовѣщенской, Ѳоминой и Успенской (въ Сенакскомъ уѣздѣ) сбываютъ преимущественно зерновой хлѣбъ, рогатый скотъ, шелкъ, шерстяныя, деревянныя и гончарныя издѣлія, а пріобрѣтаютъ мануфактурные товары и соль. Въ Озургетскомъ уѣздѣ обороты ярмарокъ Петропавловской, Нагомарской и Джуматской превышаютъ 100 т. р. Здѣсь торгуютъ преимущественно привозными мануфактурными и азіятскими товарами; шелку продаютъ до 300 пудовъ, сбываютъ шерсть и щетину, а на Нагомарской ярмаркѣ и женскій волосъ по цѣнѣ отъ 2 до 10 руб. за фунтъ. Мѣстныя металлическія, деревянныя издѣлія, а равно и ткани (хами, бязь) съ каждымъ годомъ вытѣсняются таковыми же предметами, вывозимыми изъ русскихъ внутреннихъ губерній и съ Сѣвернаго Кавказа. Изъ мѣстныхъ издѣлій наибольшій сбытъ имѣютъ шерстяныя и шелковыя ткани.

Въ видахъ улучшенія мѣстнаго коннозаводства и коневодства, въ 1893 г. послѣдовало утвержденіе конскихъ ярмарокъ въ Закавказьѣ: Елисаветполѣ, Тифлисѣ, Кутаисѣ, Кюрдамирѣ (Бак. губ.) и с. Барда (Елисав. губ.).

Кредитныя учрежденія. Изъ кредитныхъ учрежденій въ краѣ имѣются нижеслѣдующія: сельскія ссудо-сберегательныя кассы, сберегательныя кассы при казначействахъ, два земельныхъ банка, основанныхъ на началѣ взаимности—Дворянскій Тифлисскій и Кутаисскій, три Общества Взаимнаго Кредита—Тифлисское, Кутаисское и Потійское, Тифлисскій Коммерческій Банкъ съ отдѣленіями его въ г. Батумѣ и Баку, Закавк. отдѣленіе Государствен. Дворянскаго Земельнаго Банка и девять отдѣленій Государственнаго Банка: въ Тифлисѣ, Баку, Эриванѣ, Батумѣ, Владикавказѣ, Екатеринодарѣ, Новороссійскѣ, Ставрополѣ и Пятигорскѣ (во время лѣчебнаго курса).

VI. СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Къ вопросу нераздѣльныхъ общихъ имѣній въ Грузіи.

Къ числу старыхъ исторій, остающихся вѣчно новыми, по выраженію Гейне, нужно отнести и исторію нераздѣльныхъ имѣній въ Грузіи. Начало ея теряется въ отдаленныхъ временахъ грузинскаго царства, а гдѣ предѣлъ—Богъ вѣдаетъ. Въ газетныхъ корреспонденціяхъ часто сообщаются извѣстія о ссорахъ, перешедшихъ въ драку, а иногда и въ кровопролитіе между грузинскими помѣщиками и, если, не ограничиваясь, такъ сказать, видимыми причинами этихъ столкновеній, вглядѣться въ нихъ поглубже, покопаться,—то всѣ они имѣютъ, большею частью, одинъ и тотъ же источникъ, одно и то же слѣдствіе—поземельные раздоры.

Получая отъ грузинскихъ царей въ даръ за свои заслуги надѣлы землей, предки нынѣшнихъ княжескихъ фамилій въ Грузіи и сами хорошенько не знали, гдѣ начинаются и гдѣ кончаются ихъ владѣнія, такъ какъ точныхъ указаній границъ имъ не давалось, а совершалось просто: „отселева—доселева, отъ такой-то горы или такого-то лѣса до такой-то рѣки или такого-то холма". Въ такомъ видѣ наслѣдство переходило изъ поколѣнія въ поколѣніе. Потомки же, размножаясь до невѣроятности, вступая въ браки между собой—окончательно запутались и потеряли руководящую нить, не только при опредѣленіи своей личной собственности, но и самой родословной. Отъ этого происходитъ то, что громадныя пространства земли, со всевозможными угодьями, имѣютъ массу претендентовъ, съ совершенно одинаковыми правами. Понятно, что, при такомъ обиліи хозяйствъ, не можетъ быть и рѣчи о правильномъ, раціональномъ хозяйствѣ. Правительство, особенно за послѣднее время, обратило должное вниманіе на такую запутанность и дурныя послѣдствія, проистекающія изъ нея, и приняло мѣры къ скорѣйшему разрѣшенію этого важнаго вопроса. Но въ виду необыкновенной трудности придти къ какому-либо соглашенію между соучастниками, а главное при разборѣ документовъ,—дѣло по размежеванію земель подвигается чрезвычайно медленно. Вотъ, напр., для наглядности, такого рода картина.

Пріѣзжаетъ въ село землемѣръ. Помѣщики, цѣлой гурьбой, въ сопровожденіи „стариковъ" изъ мѣстныхъ крестьянъ, которые служатъ для указанія казенныхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ и живыми свидѣтелями старины, слѣдуютъ за нимъ при обходѣ мѣстности. Останавливаются у границъ перваго спорнаго участка.

— Чей участокъ?—спрашиваетъ землемѣръ.

— Мой!—выступаетъ одинъ изъ претендентовъ.

Землемѣръ записываетъ и хочетъ двинуться дальше.

— Нѣтъ, участокъ мой!—заявляетъ другой помѣщикъ.

За вторымъ является третій, четвертый, набирается нѣсколько человѣкъ владѣтелей злополучнаго участка, и у всѣхъ имѣются необходимыя формальныя доказательства. Поднимаются крики, споры. Наконецъ, за разрѣшеніемъ недоразумѣнія, обращаются къ свидѣтельству „стариковъ".

— Чья это земля?—спрашиваютъ ихъ.

Тѣ молчатъ, переминаются на мѣстѣ и съ недоумѣніемъ поглядываютъ на всѣхъ окружающихъ.

— Развѣ мои предки не пользовались этой землей?—догадывается поставить опредѣленный вопросъ одинъ изъ спорящихъ.

Старики оживляются.

— Какъ же, какъ же! пользовались... И косили, и пахали, и рубили... Это точно...—отвѣчаютъ они всѣ разомъ.

— А мои развѣ не косили, не пахали, не рубили?—наскакиваетъ на свидѣтелей другой.

— И твои тоже... Вѣрно... И твои пользовались...—подтверждаютъ крестьяне.

При дальнѣйшемъ допросѣ въ томъ же родѣ, оказывается, что всѣ пользовались, всѣ рубили, косили, пахали, и ссорились, и дрались изъ-за этой земли такъ же, какъ и теперь. Такимъ образомъ, свидѣтельскія показанія, ничего не уясняя, запутываютъ еще больше вопросъ и возбуждаютъ новые споры.

Землемѣръ, наскучивъ слушать ни къ чему не ведущіе толки, направляется дальше, а за нимъ устремляется вся ватага, чтобы возобновить, при новомъ спорномъ надѣлѣ, ту же исторію. Тѣмъ и заканчивается межеваніе, что землемѣръ, записавъ всѣ претензіи, уѣзжаетъ въ Тифлисъ, а тамъ уже въ судѣ предстоитъ египетская работа разбираться въ массѣ документовъ, одинакового достоинства, и опредѣлять какіе изъ нихъ заслуживаютъ большаго довѣрія. А тѣмъ временемъ, какъ члены суда потѣютъ надъ цѣлымъ ворохомъ письменныхъ доказательствъ по нераздѣльнымъ имѣніямъ, помѣщики,—представители „темнаго царства" не зѣваютъ. Каждый наровитъ урвать на свою долю, какъ можно больше, отъ общаго пирога. При этомъ, конечно, никто не думаетъ о будущемъ, а

пользуется только настоящимъ. Да и стоитъ ли заботиться, когда эта не личная собственность, а общая! „Не я, такъ другой завладѣетъ"—на этомъ и основано все хозяйство общихъ земель.

И вотъ богатые лѣса безжалостно вырубаются, жгутся, продаются за безцѣнокъ. Есть мѣстности, которыя, благодаря близости городовъ, а слѣдовательно имѣющія удобный сбытъ лѣсного матеріала,—совершенно обнажены отъ всякой растительности. На томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно была непроходимая чаща, торчатъ обугленные пни, да валяется куча хвороста. Обильные, въ былые времена, источники ключевой воды, вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ, мало-по-малу изсякаютъ. А между тѣмъ количество влаги въ Кахетіи напр.—этой житницы Закавказья въ старину (за исключеніемъ такъ называемыхъ заалазанскихъ имѣній, т. е. тѣхъ, которыя находятся по ту сторону рѣки Алазани)—такъ незначительна, что въ жаркія лѣта, во время засухи, жители нѣкоторыхъ селъ буквально бѣдствуютъ отъ безводья: воды не хватаетъ даже для питья. Изъ-за воды происходятъ ссоры, драки. У каждаго родника всегда можно видѣть цѣлую толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей—оспаривающихъ другъ у друга первенство въ пользованіи водой. Казалось бы, при такихъ условіяхъ, слѣдовало бы принимать всевозможныя мѣры къ увеличенію водныхъ источниковъ, а, между тѣмъ, выходитъ наоборотъ потому, что каждый за себя, и никто для всѣхъ. Самый обыкновенный способъ эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ въ общихъ нераздѣльныхъ имѣніяхъ состоитъ въ слѣдующемъ: помѣщики-соучастники выдаютъ крестьянамъ и лезгинамъ билеты на пользованіе лѣсомъ, за плату или по договору половинной доли. Заполучивъ билеты, и крестьяне, и лезгины принимаются хозяйничать въ лѣсу самымъ безцеремоннымъ образомъ. Рубятъ деревья сотнями: и на постройки, и на дрова, и на таркальники для виноградныхъ садовъ, жгутъ на угли, вырубаютъ на выдѣлку домашней утвари. Иногда, въ самый разгаръ работы, налетаютъ другіе соучастники, отбираютъ у обладателей билетовъ быковъ и буйволовъ, не даютъ вывозить заготовленнаго матеріала и гонятъ вонъ. Тѣ ссылаются на полученное дозволеніе и на заплаченныя деньги, отстаиваютъ свои права. Противники ничего знать не хотятъ, они требуютъ своей доли въ совершенной сдѣлкѣ. Затѣвается ссора. Извѣщенные во время о случившемся, на мѣсто происшествія являются вооруженной силой, выдаватели билетовъ, и тутъ уже происходитъ всеобщая свалка. Если побѣдителями остаются тѣ, съ которыми порубщики не имѣли дѣла, то имъ приходится вторично платить за право воспользоваться плодами своихъ трудовъ или, въ противномъ случаѣ, убираться во-свояси ни съ чѣмъ. Срубленные же лѣсные гиганты гніютъ безъ всякой пользы. Очень часто такія стычки въ лѣсу оканчиваются кровавыми инцидентами и, во всякомъ случаѣ, обостряются, и безъ того далеко не мирныя, отношенія между помѣщиками, а эти отношенія, въ свою очередь, вліяютъ дурно на всѣ общественныя дѣла. Вся почти Грузія раздѣлена на партіи, представителями которыхъ состоятъ, разумѣется, люди со средствами. Во всѣхъ общественныхъ вопросахъ, касаются ли они выборовъ, общеполезнаго предпріятія, какого-либо мѣстнаго улучшенія—на сцену выступаетъ эта партійность и тормозитъ дѣло.

Надо, впрочемъ, оговориться, что мѣстная интеллигенція (конечно въ настоящемъ смыслѣ этого слова) держитъ себя, большею частью, иначе: никакихъ коноводовъ не выбираетъ, никакихъ кружковъ не устраиваютъ. Корпораціи придерживается только „темное царство", но оно такъ велико въ деревняхъ, что сладить съ нимъ небольшой, сравнительно, горсточки развитыхъ дѣльныхъ людей, сторонниковъ порядка—положительно невозможно. Пробовали они противопоставить силу убѣжденія и здраваго разсудка—разнузданной силѣ произвола, старались доказать, что ссорясь между собой, истребляя естественныя богатства общихъ имѣній, такимъ непроизводительнымъ образомъ, они портятъ, подрываютъ всякое разумное начинаніе и разоряютъ въ будущемъ своихъ же собственныхъ наслѣдниковъ, что, при раціональномъ веденіи хозяйства, можно извлечь больше пользы и т. д., но всѣ эти попытки не привели ни къ чему. Любители ловли рыбки въ мутной водѣ никакими доводами не убѣждаются и стоятъ на своемъ. Придумали было болѣе благоразумные люди прекратить хищенія лѣса, закрывъ его, т. е., посредствомъ лѣсной стражи, ограничить пользованіе лѣснымъ матеріаломъ однимъ только соучастникамъ для своихъ потребностей, а не для продажи. Составили приговоръ за подписью всѣхъ владѣтелей нераздѣленныхъ имѣній, наняли сторожей, лѣсничихъ, все, какъ слѣдуетъ,—оформили по закону, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ вся эта благая затѣя рушилась безвозвратно. Нѣкоторые, т. е. большинство изъ подписавшихся, убѣдясь, что такимъ способомъ они лишаются легкой наживы, заявили протестъ и на отрѣзъ отказались исполнять тѣ статьи договора, которыя шли явно противъ ихъ алчныхъ вожделѣній. Послѣ долгихъ споровъ и пререканій пришлось уступить всесокрушающей силѣ, а иниціаторамъ благого дѣла, горькимъ опытомъ убѣдившимся, что своимъ благоразуміемъ и деликатностью, они приносятъ только ущербъ собственному карману и предоставляютъ пользоваться своей долей другимъ, не столь щепетильнымъ, не принося, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакой пользы защищаемому дѣлу—остается примкнуть къ общему теченію и, въ свою очередь, урывать, гдѣ и сколько возможно.

Пахатныя и луговыя земли захватываются также тѣми, на чьей сторонѣ сила и отдаются мѣстнымъ крестьянамъ или молоканамъ во временное пользованіе, для посѣва или покоса, конечно, за плату, при чемъ, разумѣется, ни временный владѣлецъ, ни арендаторъ не заботятся о поддержаніи производительности земли, и почва истощается до послѣдней крайности. Словомъ, куда не оглянешься—вездѣ одно и то же, во всѣхъ нераздѣльныхъ имѣніяхъ, или все уничтожается безъ всякой системы или, за невозможностью расхищать, остается безъ пользы для владѣльцевъ и края.

Въ послѣднихъ условіяхъ находятся кахетинскія цѣлебныя грязи, такъ-называемая Ахтала, въ селеніи Гурджаани, Сигнахскаго уѣзда. Будь эта мѣстность въ рукахъ иностранцевъ или одного предпріимчиваго помѣщика, ее можно было бы превратить въ прекрасный курортъ. Дознано, что грязи эти особенно полезны при ревматизмѣ, накожныхъ болѣзняхъ, золотухи и даже при параличномъ состояніи. По крайней мѣрѣ, многіе изъ такихъ больныхъ чувствовали значительное облегченіе, а если не выздоравливались совсѣмъ, то только потому, что, вслѣдствіе отсут-

ствія самыхъ необходимыхъ удобствъ, принуждены были бросать лѣченіе, не окончивъ и половины курса, предоставивъ природныя ванны буйволамъ и мѣстнымъ невзыскательнымъ обывателямъ. Сколько разъ возбуждался вопросъ о необходимости хотя бы самыхъ элементарныхъ приспособленій для пріѣзжихъ больныхъ. Но опять-таки, и здѣсь тоже общая точка преткновенія: грязи принадлежатъ многимъ соучастникамъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна иностранная компанія хотѣла взять ихъ въ аренду, всѣ владѣльцы собрались для обсужденія этого вопроса, поспорили, покричали поссорились между собой и разъѣхались ни съ чѣмъ. На томъ все и покончилось.

Итакъ вездѣ, во всемъ темное царство зорко стоитъ на стражѣ своихъ хищническихъ интересовъ и съ недовѣріемъ относится ко всякой иниціативѣ интеллигенціи. Вообще, эти два враждующихъ лагеря сходятся только въ одномъ страстномъ желаніи—имѣть у себя желѣзную дорогу, но и тутъ мотивы этого желанія совершенно различны. Одни серьезно мечтаютъ о поднятіи экономическаго благосостоянія края; другіе уже заранѣе, въ мечтахъ, рубятъ, жгутъ, хватаютъ все, что попадетъ въ руки, и свозятъ въ Тифлисъ до тѣхъ поръ, пока ничего не останется больше ни хватать, ни возить.

Нѣтъ сомнѣнія, что желѣзная дорога необходима для Кахетіи, но нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что, съ проведеніемъ рельсоваго пути, т. е. при удобномъ сбытѣ мѣстныхъ богатствъ, непормальный порядокъ, существующій въ нераздѣльныхъ имѣніяхъ, выступитъ еще рельефнѣе и что, если не найдутся какія-либо мѣры къ скорѣйшему размежеванію земель—хищеніе дойдетъ до грандіозныхъ размѣровъ и уничтожитъ въ самое короткое время все, что только можетъ быть уничтожено.

—*бергъ.*

Причины экономическаго упадка въ Грузіи.

Жизнь полная тревогъ и опасностей, подъ вѣчнымъ страхомъ неожиданной насильственной смерти и такого разоренія, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе совсѣмъ отучила грузинское дворянство отъ правильнаго систематическаго хозяйства. Въ тѣ смутныя времена непрерывныхъ войнъ, когда никто не могъ быть увѣренъ, что можно, ложась на ночь въ постель, встанетъ утромъ здравъ и невредимъ, когда, глядя на предстоящую жатву, никто не могъ поручиться, что удастся собрать ее, что налетѣвшій, нежданно, негаданно, врагъ не потопчетъ, не сожжетъ, не уничтожитъ ее до тла, когда всѣ полевыя работы велись съ оружіемъ въ рукахъ и приходилось, чуть не ежедневно, отрываться отъ нихъ, чтобы защищать свои семьи и имущество отъ набѣговъ сосѣдей-хищниковъ—весьма естественно не могло быть и рѣчи о правильно организованномъ трудѣ, о томъ порядкѣ въ распредѣленіи его, какой возможенъ только въ мирной странѣ, гдѣ все заранѣе взвѣшено, обдуманно, распредѣлено, а гдѣ порядокъ этотъ можетъ быть нарушенъ лишь вслѣдствіи однихъ естественныхъ стихійныхъ преградъ. Тогда все велось кое-какъ, на-спѣхъ, на-скорую руку, лишь бы хоть чѣмъ-нибудь воспользоваться да не умереть съ голода. Эта система, практикуемая не одно столѣтіе, вошла въ плоть и кровь мѣстныхъ помѣщиковъ, наложила отпечатокъ торопливости, небрежности, безпечности на весь ихъ хозяйственный строй. Какъ-нибудь, да что-нибудь—такъ и осталось девизомъ нынѣшнихъ мирныхъ потомковъ воинственныхъ предковъ.

Съ окончаніемъ войны и съ наступленіемъ полнаго затишья въ краѣ, дворяне, измученные и обезсиленные непрерывной борьбой, почувствовавъ, что тяжелое бремя свалилось, наконецъ, съ ихъ плечъ,—вдались въ другую крайность и, точно желая вознаградить себя за прежнія страданія и лишенія, отдались всецѣло той веселой, безъ заботной жизни, которая открылась имъ во время намѣстничества князя Воронцова. Жажда свободы и наслажденій отодвинула на задній планъ все остальное, даже самыя неотложныя нужды.

Имѣя въ виду сплотить въ одну семью, чуждыя, до того національности—русскую и туземныя—князь Воронцовъ радушно открылъ двери своего дома для мѣстнаго привиллегированнаго сословія. Его примѣру послѣдовало высшее чиновничество въ Тифлисѣ и веселье полилось широкой струей. Рауты, балы, маскарады, спектакли—смѣнялись непрерывной чередой. Помѣщики, покинувъ свои насиженныя деревенскія гнѣзда, переселились въ Тифлисъ или стали часто наѣзжать въ него и, не желая отстать отъ своихъ просвѣтителей, зажили на широкую ногу. Какъ не рѣдко случается, благая цѣль повела къ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Грузинское дворянство, очутившись въ водоворотѣ соблазнительной европейской жизни, съ ея разорительной роскошью и комфортомъ совсѣмъ закружилось, потеряло голову. Дѣла по имѣнію перешли въ руки доморощенныхъ или наемныхъ управителей, безъ всякаго контроля надъ ними.

Требовалось одно: какъ можно больше денегъ, при чемъ, конечно, не принималось въ расчетъ какими путями, какими жертвами они пріобрѣтались. Экономическій упадокъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе политическихъ неурядицъ края, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій не улучшался, а приходилъ все въ худшій и худшій видъ. Роскошныя помѣстья, потерпѣвшія во время непріятельскаго разгрома, не приводились въ порядокъ, а разорялись окончательно самими владѣльцами для удовлетворенія дорого стоющихъ прихотей, и превращались въ совершенно бездоходныя. Войдя во вкусъ безразсчетливой траты денегъ, дворяне уже не могли остановиться во время и катились по наклонной плоскости разоренія. Доходовъ съ имѣній не хватало, приходилось прибѣгнуть къ займамъ. Сначала закладывались фамильныя драгоцѣнности, припрятанныя въ укромныхъ мѣстахъ дѣдами и прадѣдами, а потому и уцѣлѣвшими отъ захвата врагомъ, а тамъ пошло въ ходъ и недвижимое имущество. Настало царство ростовщиковъ. Нигдѣ ростовщичество не развилось такъ обширно, не приняло такихъ грандіозныхъ размѣровъ, какъ въ Закавказьи, особенно въ Грузіи и Имеретіи. Здѣсь эта профессія обратилась въ своего рода культъ, многочисленные адепты котораго не останавливались ни передъ какими средствами для быстрѣйшаго увеличенія своихъ капиталовъ. И не мудрено: почва вполнѣ пригодная для развитія этой общественной язвы. Грузинъ, когда нуждается въ деньгахъ, не задумывается ни передъ какой жертвой, а нуждается онъ всегда. Спекулятивному же духу мелкихъ торгашей и разныхъ гешефтмахеровъ, какъ нельзя болѣе, пришелся по сердцу такой вѣрный и скорый способъ обогащенія. Говорю вѣрный потому что здѣшніе ростовщики даютъ деньги только подъ хорошо гарантированные залоги, т. е. безъ всякаго риска. Если прибавить еще къ этому цѣлую сѣть нарощенія процентовъ на проценты, недоимокъ, просрочекъ и т. п. „коммерческихъ сдѣлокъ"—приличный терминъ, придуманный здѣшними шейлоками,—которыми они хитро и тонко опутываютъ свои жертвы, то можно себѣ представить какіе громадные барыши достаются на ихъ доли и какъ скоро они оканчиваютъ съ клиентами. Мертвая петля затягивается очень быстро; имѣнье остается за кредиторами, а бывшій владѣлецъ пускается по міру. Конечно, ничего общаго съ землей и сельскимъ хозяйствомъ у

этихъ кулаковъ нѣтъ да и быть не можетъ. Для нихъ важно, какъ можно скорѣй обратить все недвижимое имущество въ оборотный капиталъ; поэтому отъ нѣкоторыхъ имѣній, славившихся въ былыя времена, не осталось и слѣда въ настоящемъ, за то сколько богатыхъ милліонеровъ возникло изъ ихъ пепла.

Впрочемъ, различныя способы наживы этой почтенной корпораціи составятъ отдѣльную статью, а теперь будемъ продолжать печальное повѣствованіе о послѣдовательномъ обѣдненіи грузинскаго дворянства.

Подоспѣвшая крестьянская реформа застала грузинскихъ помѣщиковъ совсѣмъ врасплохъ и выбила окончательно изъ привычной колеи. Крѣпостной трудъ избавлялъ отъ необходимости вникать самимъ во все, присматривать за работами, припасать деньги. Можно было спокойно благодушествовать въ Тифлисѣ и не заглядывать въ деревню. Крестьяне и вспашутъ, и засѣютъ, и сожнутъ, и скосятъ сами во время и безъ всякихъ затратъ. Съ уничтоженіемъ же дарового подневольнаго труда, когда на все понадобились наличныя деньги—тутъ то и оказалась полная несостоятельность хозяевъ. Ни сноровки, ни умѣнья, ни даже понятія о томъ, какъ взяться за дѣло. Многіе и до сихъ поръ не могутъ отрѣшиться отъ традицій прошлаго дореформеннаго времени. Соблюдать строгую экономію, соразмѣрять расходъ съ приходомъ, входить во всѣ мелочи сложнаго деревенскаго хозяйства, стараться улучшить его, увеличить доходность—эта наука дается не многимъ. Новые порядки плохо прививаются къ современному населенію Грузіи, т. е. къ той части его, которая принадлежитъ къ отживающему поколѣнію, воспитанному еще въ духѣ крѣпостничества. Старина, во всей ея простотѣ и патріархальности, продолжаетъ быть мила сердцу грузина, не смотря на то, что, при настоящихъ условіяхъ, она вовсе не примѣнима. Возьмемъ, для примѣра, хотя слѣдующій фактъ:

Вслѣдствіе дороговизны рабочихъ рукъ въ Кахетіи, этой богатѣйшей и плодороднѣйшей мѣстности въ Грузіи былыхъ временъ—обработка поля обходится очень дорого (отъ рубля до двухъ рублей въ день на человѣка, не считая вина и пищи), а между тѣмъ порядокъ полевыхъ работъ все тотъ же, что и во время крѣпостничества. Помѣщикъ, нанимая рабочихъ, предоставляетъ имъ распоряжаться на его поляхъ, какъ заблагоразсудитъ я, и не заглядываетъ къ нимъ за все время косьбы или сжатвы. А между тѣмъ заработная плата опредѣляется все тѣмъ же первобытнымъ способомъ одно-дневнымъ паханіемъ, напр., (дхеули). Крѣпостному рабу, конечно, было выгодно не тянуть барщины, а покончить, какъ можно, скорѣй съ господской работой, чтобы имѣть время заняться уборкой своего поля, но наемному рабочему нѣтъ никакой надобности торопиться; его прямой расчетъ продлить рабочіе дни елико возможно, и онъ растягиваетъ ихъ, какъ только совѣсть позволяетъ. Можно же себѣ представить во что обходится страдная пора такимъ хозяевамъ! А въ Кахетіи ихъ не мало. У нѣмцевъ—колонистовъ, у молоканъ, живущихъ о бокъ съ грузинами,—есть и усовершенствованные плуги, и сѣнокосилки и другія хозяйственныя орудія, новѣйшихъ системъ; у грузинъ же на цѣлый уѣздъ, два, самое большое три и то негодные, въ испорченномъ видѣ. И пашутъ, и косятъ, и жнутъ—допотопнымъ способомъ, какъ это дѣлалось при дѣдахъ и прадѣдахъ.

У нѣкоторыхъ помѣщиковъ до ста коровъ въ стадѣ, а молочные скопы не только не утилизируются для продажи, но и въ домѣ не найдется ни молока, ни масла. Стада, по большей части, въ рукахъ татаръ-кочевниковъ; они же завѣдуютъ и княжескими табунами и эксплоатируютъ и то, и другое въ свою пользу. Контроля надъ ними нѣтъ да и быть не можетъ никакого. На лѣто, когда больше всего приращенія и лучшій сборъ молока, они угоняютъ стада и табуны въ горы, а глубокой осенью, т. е. въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по возвращеніи оттуда, доставляютъ своимъ довѣрителямъ что и въ какомъ количествѣ имъ вздумается, такъ, напр., по 5 фунт. масла въ годъ съ одной коровы. Приплодъ, по условію, долженъ дѣлиться пополамъ: одна половина помѣщику-собственнику, другая—татаришу; но выходитъ всегда какъ-то такъ, что у у татарина скотъ и табунъ увеличивается, а у помѣщика —уменьшается. То падежъ, то волки виноваты, и всѣ эти невзгоды обрушиваются только на помѣщичью долю.

Виноградные сады—эта прибыльнѣйшая и важнѣйшая отрасль кахетинскаго хозяйства—обрабатываются, въ большинствѣ, также на половинныхъ условіяхъ или мѣстными крестьянами, или, пришлыми имеретинами, очень искусными по части садоводства. Способъ обработки практиковался, вѣроятно, еще при Ноѣ.

Половинныя условія могутъ быть очень выгодны, если половинщикъ (какъ его здѣсь называютъ) человѣкъ честный и работящій, или, если онъ знаетъ, что надъ нимъ строгій надзоръ. Но при тѣхъ халатныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ у девяти десятыхъ грузинскихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ и къ своему добру, при ихъ дѣтской довѣрчивости и безпечности—обработка садовъ ведется крайне небрежно и недобросовѣстно, а вслѣдствіе этого и доходность значительно уменьшается.

Кромѣ этихъ, такъ сказать второстепенныхъ, причинъ экономическаго застоя въ Грузіи, существуютъ еще главнѣйшія, къ числу которыхъ безспорно слѣдуетъ отнести, во-первыхъ, неопредѣленность правъ собственности недвижимыхъ имуществъ; во-вторыхъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, а стало быть и выгоднаго сбыта естественныхъ произведеній, и въ третьихъ, наконецъ, задолженность населенія вообще, а дворянскаго сословія въ особенности. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о томъ, какое пагубное вліяніе на благосостояніе края имѣютъ всѣ эти три фактора необходимо разсмотрѣть каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

-берг.

КЪ ВОПРОСУ О РОСТОВЩИЧЕСТВѢ ВЪ ГРУЗІИ.

Кто не знакомъ близко съ дѣломъ ростовщичества, практикуемаго вообще въ Грузіи, а въ деревняхъ въ особенности, тотъ не можетъ составить себѣ даже приблизительное понятіе о томъ безвыходномъ положеніи, въ которомъ находятся земледѣльцы и землевладѣльцы, благодаря этимъ жаднымъ эксплоататорамъ чужого добра. Они опутываютъ своихъ должниковъ такой неразрывной сѣтью нарощенія процентовъ на проценты, что выкарабкаться изъ заколдованнаго круга, какимъ-то невѣдомымъ путемъ неимовѣрно возрастающихъ цифръ даже—нѣтъ никакой возможности. Энергія, знаніе, страстное желаніе улучшить свое положеніе все безсильно противъ этого систематическаго затягиванія петли. Какъ не бейся жертва въ рукахъ опытнаго „мастера своего дѣла"—ей не удастся выпутаться изъ тенетъ, напротивъ, всякое движеніе въ пользу своего освобожденія—запутываетъ ее все больше и больше. Землевладѣлецъ на своей землѣ не хозяинъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а батракъ, работающій на кредитора. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько живыхъ примѣровъ изъ жизни кахетинскихъ обывателей.

Молодой, энергичный, образованный князь принужденъ былъ обратиться за ссудой въ три тысячи къ одному изъ „благодѣтелей" Имѣя свое небольшое имѣньице и получивъ еще въ приданое за женой прекрасный виноградный садъ, князь этотъ, живя до нельзя скромно, отказывая себѣ и семьѣ въ самомъ необходимомъ, работая и слѣдя за всѣмъ лично никакъ не можетъ ни выплатить долга, ни улучшить имѣніе на столько, чтобы оно приносило больше дохода. Кажется, всѣ данныя къ тому на лицо: и умѣнье, и желаніе, и трудъ, а не дается дѣло. Отчего-бы! Да отъ того, что однихъ процентовъ прихо-

дится платить около *полуторы тысячи* въ годъ! Каковъ-же долженъ быть доходъ, чтобы уплачивая $1^1/_2$ тысячи процентовъ, хозяинъ могъ прожить съ семьей, погасить часть долга, отложить частицу на улучшеніе хозяйства. Такихъ имѣній, т. е. съ такими доходами въ Кахетіи мало, а примѣровъ, въ видѣ приведеннаго, сколько угодно. Новый законъ о ростовщичествѣ заставилъ призадуматься нашихъ Шейлоковъ, но не надолго. Лазейка была скоро найдена и притомъ такая удобная, что обезпечиваетъ вѣрный оборотъ капитала лучше прежняго. Официальныхъ процентовъ теперь не существуетъ. „Благодѣтели“ ссужаютъ деньгами такъ по безграничному великодушію, единственно изъ желанія помочь ближнему. Такое, по крайней мѣрѣ, мнѣніе можно составить, глядя на „чистенькій“ вексель безъ всякаго намека на проценты, неустойки и т. п. ловушки временъ стараго закона. А между тѣмъ ларчикъ открывается очень просто и вотъ какъ дѣла эти дѣлаются.

Вамъ нужны деньги. До продажи вина далеко. Вы отправляетесь къ одному изъ настоящихъ или будущихъ крезовъ—incognito. Такъ и такъ, молъ, надо денегъ до зарѣза.

— „Эхъ, кацо!“ [1]) добродушно—наставительно говоритъ крезъ: „зачѣмъ занимать? обойдись, какъ нибудь!“ А самъ отлично знаетъ, что обойтись вамъ ни какъ нельзя, что только одна безотлагательная крайность можетъ заставить обратиться къ нему пыпѣшняго помѣщика, а крестьянина тѣмъ болѣе. Говоритъ же онъ такъ для того, чтобы лучше изслѣдовать степень вашей нужды и дѣйствовать сообразно случаю.

— Какъ обойтись, когда сына нужно отправить въ Тифлисъ, заплатить въ гимназію? (или что нибудь въ этомъ родѣ) говорите вы, а сами съ ужасомъ думаете: а ну, какъ не дастъ?!

— Ну ужъ, если такъ крѣпко нужно—можно дать отчего не помочь хорошему человѣку—тянетъ крезъ такимъ тономъ будто оказываетъ величайшее одолженіе. Только вотъ что, „дзмобило“, [2]) теперь, ты знаешь, процентовъ брать нельзя. Очень нашего брата на этотъ счетъ притѣсняютъ. Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ: тебѣ нужно сорокъ рублей, а ты пиши вексель въ сто двадцать“.

— Что ты, что ты! Побойтесь Бога! Зачѣмъ я буду писать сто двадцать, когда возьму только сорокъ, да и отдамъ то ихъ черезъ два—три мѣсяца?

— Хе-хе-хе!—смѣется благодѣтель рода человѣческаго такимъ смѣхомъ, какимъ должны бы смѣяться (а можетъ и смѣется) кошка, играя съ мышью.—Какой ты чудакъ, что ты мнѣ отецъ или сынъ, чтобы я тебѣ деньги даромъ давалъ. Отдашь или нѣтъ, это Богъ знаетъ. А я человѣкъ коммерческій, долженъ себя обезпечить. Не хочешь воля твоя. А я своимъ капиталомъ рисковать не намѣренъ. У меня семья.

— Хорошо, да какіе же это ты проценты высчитываешь?—начинаете вы понемногу сдаваться, сознавая безвыходность положенія.

— Зачѣмъ проценты! Процентовъ только сорокъ рублей. Рубль на рубль—не Богъ вѣсть какой оборотъ. Да 40 руб. неустойки. Вотъ и выходитъ сто двадцать.

Вы, конечно протестуете и противъ годовыхъ процентовъ за два—три мѣсяца, и противъ неустойки за предполагаемый только неплатежъ въ срокъ; но вашъ протестъ ровно ни къ чему не ведетъ. Сигнахскій Шейлокъ крѣпко стоитъ на своемъ, а нужда назойливо предъявляетъ свои права и вы сдаетесь, лаская себя надеждой, что неустойка такъ себѣ, на всякій случай, какъ говоритъ вамъ вашъ кредиторъ, и что если вы уплатите въ срокъ, то ни неустойки, ни годовыхъ процентовъ съ васъ не взыщутъ. Но приходитъ время уплатить, и, на законномъ основаніи, съ васъ взыскиваютъ столько, сколько значится по векселю, а если пропустите срокъ, то и проценты за просрочку.

А вотъ еще характерный примѣръ геніальной прижимки сельскихъ кулаковъ, придуманный также по случаю новаго стѣснительнаго закона.

У крестьянки умеръ мужъ. По обычаю—есть ли средства или нѣтъ—надо устроить поминальный обѣдъ, зарѣзать барана. Баба бѣдная, своихъ овецъ не имѣетъ. Идетъ она къ духанщику. Тотъ, видя крайность, назначаетъ цѣну за барана 5 руб. Баба охаетъ, плачетъ, что у нея во всемъ домѣ нѣтъ столько денегъ.

— Ничего—утѣшаетъ ее сердобольный духанщикъ: —отдашь, когда будутъ. Я подожду. Только для памяти, знаешь, дай мнѣ росписку, что должна 5 руб.

Обрадованная женщина соглашается, даетъ расписку и, съ своей дорогой покупкой, возвращается спокойно домой. Проходитъ три, четыре, пять мѣсяцевъ. Понемногу, кое-какъ, по копѣйкамъ, лишая себя самаго необходимаго, набираетъ она наконецъ должную сумму и торжественно несетъ благодѣтелю, прихвативъ еще и курицу, въ благодарность за одолженіе.

— А, принесла? Это хорошо. Давай сюда!—говоритъ благодѣтель, принимая пешкешъ и пряча въ свой объемистый карманъ принесенныя деньги.—А остальные пять когда принесешь?

— Какіе остальные? Какіе еще пять?—лепечетъ испуганная баба, въ недоумѣніи хлопая глазами.

— Какъ какіе? Что же я даромъ ждалъ столько времени? Эти пять я беру за проценты, а на твой долгъ у меня росписка есть. Въ судъ представлю, если не заплатишь.

Взвыла баба, а дѣлать нечего. Пришлось плясать подъ дудку кредитора, изъ боязни суда, пока онъ смиловался и отдалъ ей ея росписку. И обошелся бѣднягѣ баранъ въ *тридцать* рублей!..

Сказки!—скажутъ читатели. Нѣтъ, господа, не сказки, а печальный фактъ, далеко не единичный, повторяющійся чуть ли не ежедневно среди темнаго, невѣжественнаго крестьянскаго люда, напуганнаго судебными проволочками на столько, что каждый крестьянинъ готовъ на какую угодно, самую невыгодную для себя сдѣлку, только бы избавиться отъ суда. И онъ правъ отчасти потому, что не говоря уже о потери драгоцѣннаго времени, бѣдный крестьянинъ останется всегда виновнымъ передъ лицомъ сельскихъ нелицепріятныхъ судей. При разбирательствѣ крестьянскихъ тяжебныхъ дѣлъ случаются иногда такіе казусы, что надо удивляться, какъ они могутъ происходить безнаказанно при нашемъ новомъ судопроизводствѣ. По своимъ диковиннымъ выводамъ, они напоминаютъ времена приказнаго подъячества. Вотъ для примѣра, такого рода картинка.

У трехъ братьевъ крестьянъ былъ виноградный садъ, раздѣленный на три равныя части. Два брата, владѣвшіе крайними участками, въ одну изъ тяжелыхъ годинъ принуждены были заложить ихъ одному изъ мѣстныхъ ростовщиковъ. Третій же братъ, владѣлецъ средней части, не нуждаясь въ деньгахъ, избѣгъ участи братьевъ и спокойно съ особенной тщательностью обрабатывалъ свой садъ, не чуя грозы, собирающейся надъ его головою и не предполагая, что трудится для другихъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; заемщики успѣли уже пройти всѣ стадіи, ведущія къ окончательной гибели, т. е. успѣли настолько запутаться въ искусно сплетенныхъ сѣтяхъ своего кредитора, что, по мнѣнію этого послѣдняго, съ ними пора было покончить. Онъ потребовалъ уплаты долга, а такъ какъ уплатить было нечѣмъ и новой отсрочки не послѣдовало, въ виду полнѣйшаго оскудѣнія, а, стало быть, и полнѣйшей непригодности должниковъ, то дѣлу данъ былъ законный ходъ. Вотъ тутъ-то и произошелъ курьезный фортель, созрѣвшій въ изобрѣтательной головѣ опытнаго по этой части дѣльца-кредитора. Онъ нашелъ, что ему невыгодно пріобрѣтать крайніе участки сада, оставляя во владѣніи крестьянина средній черезпо-

[1]) Человѣкъ—обыкновенное слово обращенія у грузинъ.

[2]) Братецъ.

лосный. На основаніи этой комбинаціи, при описи садовыхъ участковъ должниковъ, таковыми оказались именно тѣ, которые было желательно заполучить истцу, хотя, какъ извѣстно читателямъ, фактически средняя часть принадлежала тому брату, который никакого дѣла съ ростовщикомъ не имѣлъ. Какъ ни бился, какъ ни метался несчастный крестьянинъ, а кончилъ тѣмъ, что продалъ свое послѣднее достояніе—пару буйволовъ—собралъ 94 руб. и отправилъ, куда слѣдовало, на путевыя издержки судебныхъ чиновъ, для производства мѣстнаго осмотра.

Пріѣхалъ судъ, сдѣлалъ осмотръ, допросилъ свидѣтелей, которые всѣ въ одинъ голосъ показали, что средняя часть дѣйствительно принадлежитъ такому-то брату и что за нимъ никакихъ долговъ не водится.

Казалось бы тутъ и конецъ всѣмъ мытарствамъ и передрягамъ бѣдной жертвы, вся вина которой состояла лишь въ томъ, что ея часть понравилась ростовщику больше другой. Но вышло что-то ужъ совсѣмъ несообразное: средній владѣлецъ лишился своей части сада, рабочей скотины и денегъ!.. Да еще ростовщикъ, въ отместку за причиненныя безпокойства, посулилъ взыскать съ него судебныя издержки. И взыщетъ, благо вся сила на его сторонѣ, та сила, что позволяетъ творить всякія безобразія личностямъ, находящимся подъ ея всемогущимъ покровительствомъ и стирающая съ лица земли все то, что приходится ей не по праву. Такіе плутни, такой обходъ и попирательство законовъ божескихъ и человѣческихъ встрѣчаются на каждомъ шагу. Кахетія, не имѣя удобныхъ путей сообщенія для сбыта своихъ естественныхъ произведеній, поневолѣ должна отдаться всецѣло въ руки мѣстныхъ ростовщиковъ и кулаковъ-скупщиковъ. Единственный выходъ изъ этой кабальной зависимости для дворянъ—это закладывать имѣнія въ земельные банки, государственный и дворянскій, но препятствіемъ къ совершенію этого спасительнаго оборота является, во-первыхъ, та же неопредѣленность собственности, о которой говорилось выше (нераздѣльныя имѣнія) и, во-вторыхъ—трудность, за неимѣніемъ средствъ, оформить закладъ выдѣленныхъ участковъ. Мелкаго кредита нѣтъ нигдѣ, кромѣ какъ у тѣхъ же пауковъ-капиталистовъ. И они это знаютъ и пользуются своимъ преимуществомъ. Ни въ какія сдѣлки, сколько-нибудь выгодныя для заемщика, кредиторъ не входитъ, хотя самъ отъ этого ничего не теряетъ. Иногда землевладѣлецъ, доведенный до крайности, предлагаетъ ему въ аренду свой садъ на столько лѣтъ, чтобы отдѣлаться отъ долга, принимая въ соображеніе и капиталъ, и проценты, какіе тотъ назначитъ, и средній урожай вина, и даже полный неурожай—словомъ, все, что можетъ быть выгодно для заимодавца и не выгодно для заемщика. И не бывало случая, чтобы профессіональные ростовщики соглашались на такія условія, именно потому, что здѣсь, хоть когда нибудь, хоть черезъ десятки лѣтъ, предвидится конецъ ихъ владычеству, конецъ вѣчному сбору недоимокъ, а при томъ способѣ, котораго они придерживаются, конецъ наступитъ только тогда, когда жертва окончательно погибнетъ, а имѣніе перейдетъ въ ихъ руки. Случается и такъ, что помѣщикъ заложитъ свое имѣніе въ банкѣ, питая надежду расплатиться со всѣми долгами и сохранить хоть небольшую сумму на хозяйственныя надобности, но всей полученной ссуды, сверхъ чаянія, не хватаетъ на погашеніе и половины долга, благодаря тому обстоятельству, что у заемщика одинъ разсчетъ, а у кредитора другой, и по этому послѣднему сумма займа успѣла увеличиться до совершенно непонятныхъ громадныхъ размѣровъ.

—берг.

Христикарная система и ея вліяніе на церковно-поземельныя отношенія въ древней Грузіи.

I.

Воздѣйствія древнѣйшихъ міровыхъ цивилизацій на грузинское племя въ средоточіи его жительства—Урарту и Иверія. Плодотворныя сѣмена христіанской религіи и взаимоотношенія Иверіи и Византіи. Новыя церковно-правовыя отношенія въ христіанской Грузіи подъ вліяніемъ византійскаго законодательства. Христикарная система. Иверія (Урарту, Картли, Колхида, Грузія), будучи всемірнымъ торжищемъ народовъ, была свидѣтельницей и участницей всѣхъ величайшихъ событій міровой исторіи. Здѣсь встрѣчались цивилизованные народы древняго міра какъ завоеватели, колонизаторы и предпріимчивые коммерсанты, сіяли своимъ могуществомъ и славой и, подобно метеору, одни за другимъ померкали и исчезали, доказавъ своимъ мимолетнымъ существованіемъ суетность и непрочность земного могущества, не освященнаго спасительнымъ ученіемъ Христа.

Наши предки, живя въ глубокой древности въ провинціи *Урарту*, составили сильную федерацію и вели, какъ свидѣтельствуетъ каменная лѣтопись, сохранившаяся въ предѣлахъ Вана, ожесточенную и упорную борьбу во имя человѣческихъ правъ съ Ассиріею, олицетвореніемъ грубаго деспотизма, оспаривая у царей ея роль міровой державы. Вѣсы счастья долго колебались и легко могло случиться, что племя Урартское (картвельское) вмѣсто семитскаго племени могло сдѣлаться обладателемъ вселенной и дать другое направленіе ходу всемірной исторіи. Но улучшеніе системы управленія и неожиданный подъемъ силъ спасъ Ассирію. И грузины-урартійцы, начертавъ на народныхъ своихъ скалахъ клинообразными письменами повѣствованія о своихъ геройскихъ подвигахъ, за VIII—IX столѣтій до Рождества Христова двинулись изъ Урарту нѣсколькими колоніями на сѣверъ и на новыхъ мѣстахъ своего жительства остались вѣрными традиціямъ прежней своей родины Урарту, выдержавъ и здѣсь вѣками ту же отчаянную борьбу съ могущественнѣйшими государствами во имя гуманныхъ идей.

Находясь какъ бы въ водоворотѣ тогдашней цивилизаціи, а слѣдовательно въ сферѣ сильнаго культурно-историческаго вліянія Ассиріи, Египта, Персіи, суровой всемірной Римской Имперіи, а по паденіи ея—Византіи, Иверія вырабатывала административныя свои учрежденія и вообще развивала экономическія условія своего царства въ томъ почти направленіи, какое имъ дано было вслѣдствіе соприкосновенія съ ассирійско-персидскими, египетскими и греко-римскими обычаями и воззрѣніями. Вступивъ съ указанными монархіями въ сношенія по мотивамъ религіозно-политическимъ еще за долго до Рождества Христова, Грузія особенно сблизилась съ Византіей въ самомъ началѣ IV вѣка нашей эры и приняла отъ послѣдней какъ религію христіанскую, такъ равно и нѣкоторыя церковно-административныя учрежденія. Такимъ образомъ благодаря этому новому фактору въ религіозной жизни грузинскаго народа создалось прочное и неразрывное духовное единеніе между единовѣрными грузинами и греками, и оно благодаря христіанской религіи играло далеко не второстепенную роль при послѣдующихъ непрерывныхъ сношеніяхъ грузинскаго народа съ византійской имперіей какъ по вопросамъ чисто церковнымъ, такъ равно и гражданскимъ. И это братство по вѣрѣ всегда цѣнили и поддерживали грузины, сознавая всю его важность, ибо оно сообщало имъ нравственную энергію въ борьбѣ съ иновѣрцами.

Послѣ произведеннаго христіанствомъ религіознаго переворота въ духовной жизни картвельскаго народа, гражданскій религіозный строй бывшей языческой Грузіи долженъ былъ постепенно измѣниться подъ благотворнымъ вліяніемъ новыхъ началъ, занесенныхъ въ Грузію извнѣ. При насажденіи въ царствѣ грузинскомъ новыхъ

высокихъ идей и проведеніи ихъ въ жизнь и сознаніе народа, неизбѣжна была коренная реформа существовавшихъ тогда старыхъ основъ и устоевъ религіозно-общественной жизни, появившихся при совершенно другихъ жизненныхъ отношеніяхъ и потому имѣвшихъ радикально другой характеръ и отжившихъ уже свое время. Необходимо было, слѣдовательно, выработать новыя взаимоотношенія, новыя учрежденія, невѣдомыя дохристіанской Грузіи. Весь религіозно-бытовой строй грузинскаго царства, вступившаго въ семью христіанскихъ народовъ, подъ сильнымъ вліяніемъ небеснаго ученія долженъ былъ, если можно такъ выразиться, *охристіаниться*, проникнуться духомъ христіанскаго гуманизма. Должны были, между прочимъ, выработаться новыя личныя, имущественныя и поземельныя правоотношенія, вполнѣ отвѣчающія возвышеннымъ идеямъ христіанства, для достиженія каковой цѣли необходимо было разумно урегулировать взаимотношенія новыхъ членовъ церкви христовой путемъ установленія извѣстныхъ ограничительныхъ правилъ, какъ продукта общественнаго договора. Такая дѣятельная работа была неизбѣжна какъ въ средѣ церковнаго управленія, такъ и гражданскаго.

Само собой понятно, что на первыхъ порахъ по принятіи христіанства самыя необходимыя церковныя учрежденія наши предки должны были позаимствовать и дѣйствительно позаимствовали изъ сосѣдней дружественной и единовѣрной Византіи, въ которой эти учрежденія успѣли уже сформироваться, окрѣпнуть и пріобрѣсти авторитетъ и силу обязательнаго установленія въ порядкѣ законодательномъ. Въ этомъ случаѣ грузины поступили точно также какъ греки и римляне, которые въ свою очередь много установленій и соціально-религіозныхъ идей приняли съ Востока, эллинизировали и латинизировали ихъ.

Къ числу формъ поземельнаго владѣнія, появившагося на почвѣ христіанской Византіи и имѣвшаго потому громадное практическое значеніе въ дѣлѣ выработки мѣстныхъ поземельно-правовыхъ отношеній въ древней Грузіи [1]) относится система харистикарная, которая и составляетъ предметъ нашего настоящаго реферата.

II.

Новыя церковно-поземельныя отношенія въ христіанской Грузіи, выработанныя подъ вліяніемъ византійскаго законодательства. Харистикарная или бенефиціальная система, ея сущность и развитіе на почвѣ грузинской.

По византійскому законодательству еще въ V вѣкѣ, какъ намъ извѣстно, дозволялось церкви отдавать свои земли по просьбѣ (pro petitione) кого нибудь на пользованіе, этотъ послѣдній въ вознагражденіе за оказанное благодѣяніе (beneficі gratia) долженъ былъ подарить церкви и другую землю такой же стоимости, послѣ этого онъ получалъ и ту и другую землю на опредѣленное число лѣтъ или на всю жизнь, а потомъ церковь на законномъ основаніи отбирала назадъ и ту и другую землю [2]).

Существовала-ли въ Грузіи эта первичная церковно-аграрная форма нельзя съ точностью сказать за неимѣніемъ пока несомнѣнныхъ документальныхъ данныхъ, но едва-ли мы вправѣ сомнѣваться, что этотъ самый способъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ, практиковался въ грузинской церкви, ибо и въ самой Византіи въ началѣ другія аграрныя формы еще не были выработаны, слѣдовательно и не существовали. На существованіе у насъ этой формы отчасти наводятъ насъ частые случаи принесенія въ даръ церкви всего своего недвижимаго имѣнія, хотя эти имѣнія, какъ можно догадываться, продолжали оставаться во владѣніи самихъ жертвователей. Такъ изъ грузинскихъ церковныхъ гуджаръ (грамотъ) усматривается, что многіе дворяне и крестьяне жертвовали себя съ своимъ собственнымъ имѣніемъ (ვაგულ-) церкви или монастырю [3]) Здѣсь мы слышимъ эхо, существовавшаго у насъ въ самомъ началѣ церковно-поземельнаго права. Нельзя, конечно, отрицать что-бы при этой комбинаціи кромѣ чисто религіозныхъ побужденій, не было по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ виду и личныхъ выгодъ, какъ это было и въ Византіи. По сему вѣроятію вслѣдъ за принесеніемъ въ даръ своего имѣнія, жертвователь, заручившись надежнымъ защитникомъ въ лицѣ авторитетной духовной власти, получалъ отъ церкви въ свое пользованіе столько же церковной земли или такой-же стоимости, какой онъ самъ пожертвовалъ ей. Что же касается формы пожалованія, то давалась-ли ему земля *по просьбѣ* (pro petitione) или добровольно, отъ этого сущность значенія дара, конечно неизмѣнялась. Здѣсь важно было, главнымъ образомъ то, что послѣ полученія церковной земли жертвователь управлялъ обоими имѣніями пожизненно или потомственно на извѣстныхъ условіяхъ.

Дарственная система, выступившая съ особенною ясностью въ X вѣкѣ на практикѣ Византіи получила наименованіе *харистикарной* или *бенефиціальной* [4]), сущность которой опредѣляется самимъ названіемъ (beneficium отъ латинскаго bene—благо, добро, facere—дѣлать), но начало ея скрывается въ прекарно-бенефиціальномъ способѣ пользованія землей, который [5]) былъ чуждъ древне-римскому гражданскому праву ((ius civile) но принадлежалъ къ области, такъ называемаго, прирожденнаго права (ius gentium) и имѣлъ примѣненіе лишь въ частной жизни.

Сущность этой аграрной формы, судя по греческимъ источникамъ, состояла въ томъ, что одинъ обращался къ другому съ просьбой (precarium) дать ему землю, посессоръ снисходилъ и дѣлалъ просителю благодѣяніе (beneficium) давалъ землю въ пользованіе. Въ данномъ случаѣ не было никакого юридическаго основанія, а была лишь добрая воля посессора. Земля не уступалась навсегда, какъ это было въ донаціахъ, переходившихъ въ полную собственность, напротивъ посессоръ во всякое время могъ взять назадъ прекарію или бенефицію и передать кому угодно. Дарственная грамота имѣла слѣдующую форму: „царство мое, мѣрность моя (смотря по тому, кто давалъ) даритъ тебѣ такому-то монастырь съ его имѣніями, движимыми и недвижимыми, на время твоей жизни или же на два лица и т. д.“ Особенность императорскихъ пожалованій состояло въ томъ, что казна въ случаѣ нужды и оскуденія, могла взять назадъ свои пожалованія, какъ свою собственность, находившуюся лишь въ пользованіи частныхъ лицъ по милости казны.

Харистикарный [6]) способъ раздачи византійскимъ государственнымъ сановникамъ помѣстій съ монастырями слѣдуетъ поставить въ связь съ секуляризаціей монастырскихъ земель, предпринятой въ VIII вѣкѣ императорами—

---

[1]) О вліяніи византійскаго законодательства вообще см. сочиненіе г. Азаревича—„Исторія византійскаго права“, введеніе VII.

[2]) Н. Скабалановичъ. „Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ“, стр. 255, прим. 3.

[3]) Н. П. Пурцеладзе. „Грузинскіе церковные гуджары“, стр. 69 (1690 г.), 84 (1776 г.) и т. д. ო. ჯანაშვილი, ქართ. სამ. ნაწ. II, §§ 132—148.

[4]) Н. Скабалановичъ. „Визант. госуд. и церк.“, стр. 258—262.

[5]) Ibid. стр. 255, cп. cod. 1, 2, 14 и 17.

[6]) Считаемъ умѣстнымъ замѣтить здѣсь, что грузинскій *Бачковскій* монастырь (Петричъ) въ Болгаріи, въ 300 верстахъ отъ гор. Филиппополя, откуда вышелъ знаменитый нашъ философъ ორბე პეტრიწელი,—Іоаннъ *Петрицкій, Петрицонели* (профес. Ал. Цагарели—„Свѣд. о памят. груз. письм.“, т. I, вып. 3, стр. XII—XIII) несомнѣнно былъ пожалованъ греческимъ императоромъ грузинскому князю или на основаніи харистикарія—бенефиціи или же по обмѣнному договору, практиковавшемуся въ Византійской имперіи въ X—XI вѣкахъ, которое состояло въ обмѣнѣ иноземныхъ пограничныхъ провинцій на внутренно-имперскія. Въ противномъ случаѣ трудно объяснить появленіе грузинскаго монастыря почти въ центрѣ Болгаріи. Н. Скабалановичъ. „Визант. госуд. и цер.“, стр. 191—193, 201—203 и т. д.

иконокластами (иконоборцами). Эта форма поземельнаго владѣнія, немного видоизмѣнившись по духу времени и обстоятельствъ, сдѣлалась одною изъ главныхъ основъ позднѣйшаго феодализма. Такимъ образомъ бенефиціальная система сдѣдалась предвѣріемъ феодальной.

Харистикарная система пожалованія недвижимыхъ имѣній, перешедшая къ намъ изъ Византіи, не удержала на новомъ мѣстѣ техническаго своего названія. На новой почвѣ и при другихъ бытовыхъ условіяхъ и согласно требованію времени она подверглась значительнымъ измѣненіямъ, пока не вылилась здѣсь въ новыя формы, сохранивъ существенныя черты и мотивы пожалованія (харистикіи). Царь Грузіи жаловалъ вельможамъ своимъ помѣстья за особыя заслуги ихъ отечеству. Желавшій получить проніо обращался къ царю съ *просьбой* (ვედრება, ვედრებაჲ), царь во вниманіе важныхъ заслугъ для трона его предковъ [1]) или же за *многоотличные* и *самоотверженные* труды его и въ знакъ особенной благосклонности какъ *усердному и заслуженному* подданному своему [2]) жаловалъ (გიწყალობეთ, გიბოძეთ, ვიგულის-მოდგინეთ) ему недвижимое имѣніе населенное или пустопорожнее съ находящимися въ немъ церковными монументами потомственно [3]), пожизненно [4]), или же подъ условіемъ вѣрной службы коронѣ [5]). Вслѣдствіе такой системы раздачи имѣній, съ находящимися въ нихъ строеніями, въ Грузіи съ древнѣйшихъ временъ каждый именитый родъ имѣлъ, смотря по знатности, вмѣстѣ съ замкомъ или башнею монастырь или церковь для погребенія умершихъ членовъ своихъ [6]).

Царь Грузіи, жалуя имѣніе, выдавалъ также дарственный гуджаръ (сигель), который иногда снабжался подписями цѣлаго ряда представителей высшаго духовенства [7]). Дарственный гуджаръ имѣлъ такую же силу и значеніе, какъ Хрисовуллы византійскихъ императоровъ. Для образца приведемъ одинъ подобнаго рода гуджаръ 1613 года, въ которомъ соблюдены всѣ формы и мотивы пожалованія. „Богомъ вѣнчанный царь царей Луарсабъ (1605—1616 г.) пожаловалъ сію милостивую бумагу тебѣ, усердному и вѣрно намъ служившему Аслану Амираджиби и сыновьямъ твоимъ о томъ, что ты явился ко двору нашему и *просилъ* пожаловать тебѣ имѣніе; мы разсмотрѣли твою просьбу и, принявъ во вниманіе усердную твою службу, *пожаловали* тебѣ *потомственно* всѣ имѣнія въ Салтубо, Адзвиси, Цагвли и имѣніе Ромаданисъшвили. Повелѣваемъ всѣмъ подчиненнымъ намъ чиновникамъ сію грамоту утвердить“ [8]).

Если кому помѣстье жаловалось за заслуги и вѣрную службу, то само собою понятно, что при отсутствіи въ наличности этихъ факторовъ, онъ терялъ его. Въ этомъ случаѣ царь отнималъ у него имѣніе и жертвовалъ церкви, или же жаловалъ его другому болѣе его достойному и заслуженному. Такъ въ 1639 году царь Теймуразъ I (1605—1663 г.) пишетъ, что Арагвскій Эристовъ и братья его пригласили его изъ Имеретіи, гдѣ онъ находился, и дали ему клятвенное обѣщаніе помочь ему въ изгнаніи изъ Карталиніи персидскихъ войскъ. „Я не очень повѣрилъ имъ, говоритъ въ гуджарѣ царь, такъ какъ привыкъ видѣть въ нихъ постоянно нарушеніе своего слова. И дѣйствительно, когда я открылъ войну противъ персовъ, Эристовъ не явился ко мнѣ на помощь. Но я съ помощью Божіей Матери превозмогъ персовъ, изгналъ ихъ изъ Карталиніи и взошелъ на престолъ Карталинскій. Въ ознаменованіе сего я, за нарушеніе Эристовомъ своего слова и за разные его проступки, отнялъ у него селеніе Тіонеты и пожертвовалъ придворной нашей церкви“ [1]).

Хотя грузинскіе цари и жаловали своимъ дворянамъ имѣнія „наслѣдственно“, „на вѣчныя времена“, но послѣдніе не могли безъ царскаго разрѣшенія продать его кому бы то ни было или завѣщать. „Казеннаго отъ царя жалованнаго имѣнія, сказано въ уложеніи грузинскихъ законовъ, никто не можетъ завѣщать другому безъ соизволенія царя, который властенъ отдать оное кому соблагоизволитъ“ [2]). Царь Ираклій II въ 1797 году, жалуя князю Георгію Церетели крестьянъ и имѣніе, говоритъ въ грамотѣ: „имѣнія, принадлежащаго нашему (казенному) дворянину никто безъ нашего позволенія и повелѣнія не можетъ купить. Тѣ же, которые успѣли уже купить дворянскія имѣнія безъ нашего разрѣшенія, обязаны возвратить ихъ прежнимъ владѣльцамъ, требуя у нихъ уплаченныя ими за купленныя имѣнія деньги“ [3]). Вообще нужно замѣтить, что земли, даруемыя царемъ въ потомственное пользованіе, не могли переходить въ другія руки безъ особаго на то каждый разъ высочайшаго разрѣшенія. Дарственныя имѣнія обратно возвращались въ казну, если не оставалось прямыхъ наслѣдниковъ отъ того лица, которому онѣ отданы были на кормленіе.

Если казенные крестьяне переселялись на другую землю, то потеряли право на прежнее имѣніе [4]). Постоянное обновленіе и утвержденіе чуджаръ дарственныхъ послѣдующими царями и святителями ясно говоритъ о харистикарномъ характерѣ проній въ грузинскомъ царствѣ [5]). Черта эта особенно явственно выступаетъ въ грамотѣ царя Соломона I 1772 года, которая, хотя наполнена напыщенными выраженіями, но очень характерна. Да прославится сущій, такъ начинается текстъ этой интересной грамоты, истинный, единный Богъ Отецъ, отъ котораго все. Да благословится Богъ первоначальное Слово, Премудрость, Имъ же вся быша. Да воспѣвается Божественный Духъ, въ Немъ же всяческая. Единица въ Троицѣ, и Троица въ Единицѣ. Нынѣ и мы уповая на св. Троицу и прилежно припадая къ Эммануилу, вочеловѣчившемуся Сыну Божію, Единородному, призывая ходатайство всѣхъ святыхъ,—вознамѣрились и подобно солнцу, обильно разливающему свѣтъ, *возжелали миловать вѣрно намъ преданныхъ* и, подобно рѣкѣ Нилу, разливать и распространять милости; непокорныхъ же и невѣрныхъ наказать по закону. Мы, произшедшіе изъ рода Боговъ возсіявшаго великаго Израиля, потомокъ царя Давида Возобновителя, второго Ноя, избавителя Грузіи отъ новаго потопа, по естеству же сынъ Александра Великаго, царя всей Абхазіи и Имеретіи, обладатель царь Соломонъ, супруга наша отъ высокаго рода произшедшая, дочь Дадіани Марія,

---

[1]) Д. Пурцеладзе. „Груз. двор. грам.“, Восточ. Грузіи: 1656, 1776, 1798; Запад. Грузіи: 1660, 1680 и др.

[2]) Его же. „Груз. двор. грам.“, стр. 3 (1602 г.), 6 (1608), 7 (1662), 8 (1667—1668) и проф. А. С. Хаханова—„Груз. двор. акты“, стр. 3–4, 6, 16—20, 22, 36—37, 39—41.

[3]) Д. Пурцеладзе. „Груз. крест. грам.“, стр. 1 (1505), 7 (1700); ო. ჯორდანია. ქრონიკები, ნაწ. II, გვ. 190—191.

[4]) Д. Пурцеладзе. „Груз. дворянск. грам.“, стр. 68 (1597 г.), 151 (1773).

[5]) Его же. „Груз. церк. гудж.“, стр. 68, 100; двор. грам. Запад. Грузіи: 1769 г., 1779, 1782, 1804 и др.

[6]) ვახუშტი. „ღეოგრ. აღწ. საქართ.“, გვ. 28; Бакрадзе—„Археолог. путешествіе по Гуріи и Аджаріи“, стр. 57, 85; „ქართლის-ცხოვრება“, ნაწ. I, გვ. 395; II, გვ. 26, 155.

[7]) А. С. Хахановъ. „Груз. двор. акты“, стр. 6—8; თ. ჯორდანია—ქრონიკები, ნაწ. I, გვ. 266; Е. Такайшвили. „Сигель ц. Багната IV“, стр. стр. 62—63; Ѳ. Д. Жорданія—къ „Мот. по ист. Грузіи“, стр. 5—6.

[8]) Д. П. Пурцеладзе. „Груз. двор. грам.“, стр. 4.

[1]) Его же. „Груз. церк. гудж.“, стр. 36; „Груз. крест. грам.“, стр. 3, (1623 г.).

[2]) „Сборникъ законовъ грузинскаго царя Вахтанга IV“, стр. 70, § 233.

[3]) Д. Пурцеладзе. „Груз. двор. грам.“, стр. 30—31.

[4]) Его же. „Груз. крест. грам.“, стр. 104—105 (1793 г.).

[5]) „Акты кавк. археогр. ком.“, т. I, стр. 1—3. А. С. Хаханова—„Груз. двор. акты“, стр. 37—38; ე. ს. ხახანაშვილი—გუჯრები, გვ. 30—31; Д. Пурцеладзе—„Груз. цер. гудж.“, стр. 1—6 (1722 г.), 10 (1702), 12 (1725), 25—26 (1712), 28 (1651), 29 (1698), 32—33 (1778), 47 (1339), 48—50 (1673), 53—54 (1550), 56—57 (1649); 69 (1692, 1695), 89 (1514), 94—96 (1125—1150), 97 (1383), 104 (1447), 105—106 (1511), 122 (1770), 124 (1776), 125 (1777), 149 (1715). Его же—„Груз. дворян. грам.“, Восточ. Грузіи: 1641 г., 1707, 1764; Запад. Грузіи: 1451 г., 1478, 1693 и 1787.

первородный, вожделѣнный и воздюбленный сынъ нашъ, первенецъ изъ рода Давида—Александръ,—вамъ, съ самыхъ отдаленныхъ временъ *усердно и прилежно вѣрнымъ нашимъ* и въ тайныхъ совѣтахъ надежнымъ, заслужившимъ наше довѣріе, при царскомъ дворѣ воспитаннымъ, въ многоразличныхъ случаяхъ и войнахъ съ турками всегда и безотлучно съ нами пребывавшимъ, и постоянно труды и нужды съ нами переносившимъ, подданнымъ нашимъ, сіятельнымъ князьямъ Паатѣ Цулукидзе и братьямъ твоимъ Бери и Георгію, сыновьямъ вашимъ и всѣмъ дѣтямъ и потомкамъ дома вашего,—сію жалованную грамоту *милостиво пожаловали*. Но предварительно чѣмъ ее дать, мы сдѣлали много розысканій, и оказалось, что предки и отцы дома вашего отъ преславныхъ предшественниковъ нашихъ царей получили много знаковъ милости за вѣрную службу; и родственники ваши были намъ преданы. Но одинъ изъ братьевъ вашихъ, въ царствованіе наше, именно въ то время, когда турки притѣсняли Абхазію и Имеретію, подражая имъ, присвоилъ себѣ всѣ имѣнія фамиліи Цулукидзе: селенія, крѣпости и укрѣпленія, такъ что не оставилъ своимъ братьямъ даже ни одного земельнаго участка. Кромѣ этого онъ отложился отъ нашего царства и соединился съ врагомъ нашимъ, діаволомъ рачинскимъ Эриставомъ Ростомомъ. Не долго, однако, было между ними согласіе. Скоро возникли между ними зависть и ссора. Ростомъ съ сыномъ своимъ Георгіемъ изгнали Цулукидзе изъ наслѣдственнаго его имѣнія и сами заняли все имѣніе фамиліи Цулукидзе: селенія, крѣпости и укрѣпленія, какъ свою собственность, при чемъ они уничтожили даже названіе Сацулукидзо, и наименовали его имѣніемъ рачинскаго Эристава.

Тогда мы призвали на помощь Бога и съ христолюбивымъ воинствомъ и со знаменемъ Давида Возобновителя выступили противъ рачинскаго эристава, напали на него, прогнали его и всѣхъ приверженцевъ магометанства и заняли все, что принадлежало фамиліи Цулукидзе—селенія, крѣпости и укрѣпленія. Въ то время вы три брата просили насъ о возвращеніи вамъ родового вашего имѣнія, и такъ какъ вы никогда не жалѣли себя для насъ, пожаловали вамъ все имѣніе фамиліи Цулукидзе, во всемъ его пространствѣ, съ правильными границами, отдѣленное отъ сосѣднихъ и смежныхъ владѣній, заключающее въ себѣ горы, равнины, крѣпости и укрѣпленія, сады, рощи, поля лѣса, по сю и по ту сторону заселенное и не заселенное, рѣки, рыболовныя мѣста, *церкви* и кладбища, и вообще все то, чѣмъ владѣли ваши предки до нынѣ, подъ названіемъ имѣнія Цулукидзе [1]).

III.

Церковныя харистикіи въ Грузіи и условія, благопріятствовавшія ихъ развитію. Церковныя и гражданскія уложенія въ защиту неприкосновенности церковныхъ имѣній въ Грузинскомъ царствѣ. Права и обязанности пользовавшихся церковными угодьями.

По примѣру вѣнценосцевъ Грузіи и пастырначальники нашей отечественной церкви-католикосы, которые по своему положенію были закономъ приравнены къ царю [2]), также жаловали духовнымъ лицамъ [3]), своимъ дворянамъ и крестьянамъ за ихъ вѣрную службу [1]) проніи—имѣнія съ находившимися въ нихъ упраздненными церковными строеніями подъ усыпальницы (склепы). Въ данномъ случаѣ дѣло было поставлено гораздо проще, чѣмъ при царскихъ пожалованіяхъ [2]). Особенно послѣ разоренія страны церковь практиковала въ широкихъ размѣрахъ раздачу своихъ земель, накопившихся вѣками благодаря всегдашнему усердію грузинъ къ дому Божію и благопопечительности іерарховъ [3]). Каждое почти нашествіе непріятеля оставляло въ грузинскомъ царствѣ груды руинъ и массу обездоленныхъ, разоренныхъ и безпріютныхъ лицъ какъ изъ привилегированнаго класса, такъ равно и крестьянскаго сословія, о которыхъ ближайшее отцовское попеченіе всегда принимала на себя церковь. Въ видахъ поддержки и облегченія участи этихъ бѣдствующихъ и надѣляли ихъ землею для пользованія. Отданныя такимъ образомъ имѣнія не отчуждались отъ церкви, ибо, по уложеніямъ царя Вахтанга VI законодателя, церковная земля всегда составляла неотъемлемую и постоянную собственность ея [4]), котораго духовная власть управляла безъ вмѣшательства чиновниковъ гражданскаго вѣдомства [5]).

Цари и святители Грузіи, когда только появлялась надобность, всегда возвышали голосъ свой съ высоты трона и каѳедры въ пользу церкви и рѣшительно высказывались о неприкосновенности церковныхъ имѣній. Кто изъ епископовъ не будетъ заботиться о сохраненіи въ цѣлости церковныхъ имѣній, тотъ, сказано въ католикосскихъ законахъ, да будетъ проклятъ отъ святыхъ соборовъ, да состоитъ подъ опредѣленнымъ святыми апостолами наказаніемъ и да будетъ удаленъ отъ своей церкви [6]). „Кто изъ знатныхъ или незнатныхъ неправильно лишитъ церковь или монастырь собственности, какъ то: имѣнія, деревни, людей, земли и тому подобнаго, тотъ да будетъ проклятъ“ [7]).

Царь Грузіи Багратъ IV (1027—1072 г.), жертвуя разоренной непріятелями Шіо-Мгвимской лаврѣ имѣнія, говоритъ: отнынѣ всѣ вы, которые прочтете приказъ и грамоту нашу изъ будущихъ царей потомства нашего, эриставъ—эриставы, азнауры, коменданты крѣпостей, начальники ущелій, знатные и всѣ чиновники мои приводите въ исполненіе сію грамоту; никто да неосмѣлится нарушить нами повелѣнное и устроенное; никто да не оставитъ безъ сомнѣнія важные или маловажные пункты; но пусть всякій оказываетъ помощь и содѣйствіе. А если кто либо *окажется отвергающимъ Бога и преступникомъ предъ тою святою лаврою* и въ какое бы то ни было время по какой бы то не было причинѣ отниметъ это мѣсто у святой лавры или нарушитъ это наше опредѣленіе, то такой пусть будетъ наказанъ вмѣстѣ съ богохульниками (отрицающими Бога), сей святой отецъ (Шіо) и благодать этой лавры да будутъ судьями ихъ, и да взыщетъ Богъ съ нихъ всѣ грѣхи и вины мои. Вы, Георгій, во Христѣ католикосъ Картлійскій и святые архипастыри,

---

[1]) Ibid., стр. 47—49.

[2]) „Всякое вообще преступленіе противъ царя и католикоса, говорится въ законахъ царя Вахтанга, пріемлется за одно, ибо одинъ изъ нихъ имѣетъ власть надъ тѣломъ, а другой надъ душою. Благословеніе отъ Бога и почтеніе отъ людей также пріемлютъ они равное. Хотя царю и оказывается болѣе почтенія, но единственно изъ страха. По сему-то мы не даемъ здѣсь никакого одного изъ нихъ предъ другимъ преимущества“. „Сборн. закон. царя Вахтанга IV“, съ прим. Д. З. Бакрадзе, изд. Френкеля, стр. 12, § 25.

[3]) Церковныя земли жаловались и духовнымъ лицамъ. Д. Пурцеладзе, „Груз. церк. гудж.“, стр. 9 (1691 г.); его же, „Груз. дворян. грам.“, стр. 21—22 (1764 г.), 33—34 (1799).

[1]) Д. Пурцеладзе. „Груз. церков. гудж.“, стр. 112 (1702 г.); его же, „Груз. крест. грам.“, стр. 2 (1610 г.); его же, „Груз. двор. грам.“ Восточ. Грузія: 1640; Запад. Грузія: 1715 г., 1726, 1783 и др.

[2]) Попадаются, хотя рѣдко, пожалованія, составленныя по формѣ царскихъ дарственныхъ гуджаръ. ი. ტაბაღუა. ქრონიკები, ნაწ. II, გვ. 180—181.

[3]) Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи святѣйшій католикосъ Мелхиседекъ, который благодаря своему неутомимому трудолюбію и подвигамъ пріобрѣлъ громадныя помѣстья для мцхетскаго храма Свэти-Цховели, возобновилъ, обогатилъ и украсилъ его. „ქართლის-ცხოვრება“, ნაწ. I, გვ. 212—213, 221. ი. ტაბაღუა, ქრონიკები, ნაწ. I, გვ. 181—188; ნაწ. II, გვ. 31—36.

[4]) „Сборн. зак. ц. Вахтанга VI“, съ прим. Бакрадзе, изд. Френкеля, стр. 48, прим. ***.

[5]) „Акты кавк. археогр. ком.“, т. I, стр. 28.

[6]) „Сборн. закон. ц. Вахтанга“, стр. 131, § 8 „Католикосовы законы“.

[7]) Ibid. стр. 132, § 21 „Законы католикосовы“.

утвердите сіе мною написанное, и согласно существующему обычаю, напишите проклятіе и отлученіе на тѣхъ, которые нарушатъ или перемѣнятъ мое повелѣніе", 1058 г.[1]). Въ завѣщаніи 1123 г., данномъ Шіо-Мгвимской лаврѣ, св. Давидъ Возобновитель говоритъ о захватѣ церковныхъ имѣній. „Одинъ изъ таковыхъ Дзегамъ, повѣствуется въ завѣщаніи, прогнѣвлявшій Бога и оскорблявшій его слугъ, дерзнулъ употребить насиліе даже противъ Бога. Безчинствуя вмѣстѣ съ сыномъ своимъ лже-архіереемъ (წინა-უხმო მღვდელი—მოძღვარისა), онъ обратилъ благодѣяніе своихъ патроновъ въ острыя стрѣлы противъ нихъ, а сынъ его, Модистосъ, благодѣянія Божіи обратилъ противъ Бога, похитилъ у него церкви (т. е. имѣнія, принадлежащія церквамъ и епископскимъ каѳедрамъ) для удовлетворенія своего тщеславія. Но неизслѣдуемый судъ Божій не допустилъ этого и жезлу грѣшника не позволилъ коснуться достоянія праведника" [2]). Имѣнія церковныя были отобраны отъ похитителей и возвращены церквамъ же. Около 1355 года состоялось соборное опредѣленіе (ძ.ბ.ლ.) въ г. Тифлисѣ, которое было вызвано расхищеніемъ церковныхъ имѣній во время усиленія монголовъ въ Грузіи. Этотъ соборъ грузинскихъ святителей извѣстилъ царя Давида VII (1346—1360 г.), что пока просьба его о церковныхъ имѣніяхъ не будетъ исполнена, не смотря ни на какія притѣсненія, соборъ не прекратитъ своихъ засѣданій, закроетъ церкви и воспретитъ совершеніе священнодѣйствій. „Церковное достояніе, сказано между прочимъ въ соборномъ опредѣленіи, должно быть больше оберегаемо, чѣмъ царское имущество" [3]).

Царь Адександръ (1414—1442 г.) въ гуджарѣ 1442 года не только осуждаетъ, но и проклинаетъ тѣхъ, которые завладѣваютъ церковнымъ имѣніемъ и вещами, считая это величайшимъ преступленіемъ, такъ какъ имѣнія и вещи въ лицѣ церкви пожертвованы самому Христу-нашему Спасителю [4]). Въ 1630 году 9 сентября царь Теймуразъ I (1605—1663 г.) повелѣлъ крестьянамъ Манглисской церкви неуклонно исполнять всѣ церковныя повинности [5]). Въ Гуджарѣ Троицкой (კაწრეთი) епархіи 1710 года царь Давидъ Имамкулиханъ (1703—1722 г.), приведя въ извѣстность расхищенныя во время непріятельскихъ нашествій и отсутствія епископа Самебели имѣнія Троицкой каѳедры и возвративъ обратно по принадлежности, говоритъ: пожертвованныя царями церковныя имѣнія не могутъ быть упразднены (არ მოიშლებს), проданы и отчуждены (გამოწირვით სხვას არ მიეცემის) отъ церкви ни епископомъ, ни кѣмъ бы то ни было другимъ [6]). Антоній I, католикосъ Грузинскій, въ 1749 году предписалъ всѣмъ крестьянамъ Болнисской церкви неуклонно отбывать церковныя подати Болнисскому архіепископу Тимоѳею [7]). Въ 1775 году монахъ Григорій жаловался царю, что крестьяне Портаидскаго (პორტაიტისა, იყვრიისა) монастыря не повинуются ему. По поводу этого царь Ираклій II (1744—1798 г.) далъ Кизикскому моураву Ревазу слѣдующее строгое приказаніе: принять на себя лично обязанность *ecav.a* въ отношеніи ослушниковъ и, по указанію монаха, высѣчь тѣхъ изъ нихъ, кого онъ пожелаетъ, арестовать, надѣть кандалы и раззорить. Очень строго поступай съ ослушниками и приведи ихъ въ полное послушаніе и покорность [8]). Въ 1795 г. послѣдовалъ приказъ царя Ираклія II (1744—1798 г.) на имя настоятеля Удабно Давида-Гареджійскаго Ѳомы о томъ, что церковное имѣніе не можетъ быть продано. Если кто нибудь рѣшиться купить церковное имѣніе, то оно будетъ отобрано и покупщикъ будетъ обращенъ въ хизана (ხიზანი—временно-проживающій) [1]). Въ 1796 году послѣдовалъ приказъ царевича Георгія Иракліевича, коимъ повелѣлъ Саквареліидзе отобрать у всѣхъ земли и крестьянъ Хобскаго (въ Карталиніи) монастыря и возвратить ихъ монастырю. Также поступить и съ Бежаномъ, который взамѣнъ отбираемаго у него имѣнія „можетъ получить отъ насъ другое имѣніе, крестьянъ или деньги. Я съ церковью бороться не могу, и отобрать у нее разъ пожалованное ей имѣніе и крестьянъ, мы не имѣемъ права; немедленно отобрать у него всѣ церковныя имѣнія" [2]). Въ 1798 году царь Ираклій II объявилъ жителямъ Уджармы, что онъ не только отнять, но даже прикасаться къ церковнымъ землямъ не можетъ и что въ отношеніи пользованія монастырскими землями они должны обратиться къ настоятелю монастыря [3]).

Хотя по грузинскимъ церковнымъ гуджарамъ, какъ мы видѣли, проніи отдавались иногда даже наслѣдственно, но прекаристъ не имѣлъ неограниченнаго права распоряжаться помѣстьемъ, какъ своею полною собственностью: отчуждать, продавать, завѣщать и т. д. Тотъ существенный признакъ неотчуждаемости, которымъ отличался харистикарный способъ, удержанъ былъ и у насъ. Церковь не только не теряла своихъ земель раздачею ихъ по указанному способу, напротивъ, когда церковный крестьянинъ покупалъ землю на сторонѣ, то пріобрѣтенное имѣніе также облагали податью въ пользу церкви, какъ это видно изъ распоряженій архіепископа манглисскаго Арсенія въ 1545 году и приказа царя Ираклія II въ 1796 году [4]). Въ 1792 году Антоній II католикосъ относительно продажи земли церковными крестьянами сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „Церковные крестьяне, въ случаѣ нужды, говорится въ гуджарѣ, могутъ съ разрѣшенія Католикоса или своего патрона (преосвященнаго той церкви), продавать *свои* имѣнія, но только церковнымъ же крестьянамъ [5]). Ограниченіе въ данномъ случаѣ права продажи *своего* имѣнія другимъ лицамъ свидѣтельствуетъ, что церковь предъявляла свои права и на собственныя земли поссесоровъ, стараясь и эти земли имѣть въ своемъ вѣдѣніи.

Нѣкоторые малосвѣдущіе писатели, недостаточно ознакомленные съ древними грузинскими церковными установленіями, съ ихъ истиннымъ духомъ и вѣками выработанными у насъ бытовыми явленіями, неправильно понимаютъ и изъясняютъ смыслъ тѣхъ земельно-правовыхъ отношеній, на основаніи которыхъ іерархи грузинской церкви раздавали имѣнія для обработки и пользованія. Прискорбно, что люди берутся разсуждать и писать о томъ, чего они совсѣмъ не знаютъ. Они сильно заблуждаются, считая указанный выше способъ раздачи церковныхъ имѣній за злоупотребленіе властью и расхищеніе церковнаго достоянія [6]). Если бы не бережливая рука на-

---

[1]) Ѳ. Д. Жорданія. „Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв.", стр. 5; Е. Такайшвили, „Сигель грузинскаго царя Баграта IV", стр. 62.

[2]) Ѳ. Д. Жорданія. „Завѣщаніе ц. Давида Возобновителя", стр. 17.

[3]) ი. ჯარჯანია. ქრონიკები. ნაწ. II, გვ. 162—166, 184—185.

[4]) Д. Пурцеладзе. „Груз. цер. гудж.", стр. 88—89.

[5]) Ibid. стр. 7.

[6]) გუჯარი მღვდლის პოლიევქტოს კარბელაშვილის მიერ დაბეჭდილი. ცნობის კრებული 1889 წ. № IX, გვ. 115—121.

[7]) Ibid. стр. 35.

[8]) Его же. „Груз. крест. грам.", стр. 27.

[1]) Его же. „Груз. цер. гудж.", стр. 76.

[2]) Ibid. стр. 35—36.

[3]) Ibid. стр. 85. Такого же рода распространенія смот. стр. 28 (1801 г.), 36 (1712), 45 (1794), 47 (1642), 99 (1799), 146 (1661), 150 (1763); его же, „Груз. крест. грам.", стр. 64 (1797 г.), 70—73 (1799) и др.

[4]) Его же. „Груз. церк. гудж.", стр. 6, 52.

[5]) Ibid. стр. 55—56.

[6]) Н. Покровскій. Нѣсколько страницъ изъ исторіи грузинской, „Духов. Вѣст." груз. экз. 1893 г. №№ 3—8, 10—17, 1894 г. № 19. Здѣсь авторъ не поскупился красками, онъ представилъ состояніе грузинскаго духовенства въ такомъ печальномъ видѣ, въ какомъ положеніи были славяне до призванія Рюрика. По словамъ автора „въ самомъ управленіи духовенствомъ грузинскимъ, а также и въ его жизни, царилъ полный безпорядокъ... Церковная жизнь въ Грузіи была въ высшей степени неприглядна... Церковные доходы расхищались епархіальными архіереями и духовенствомъ... Не было ни духовныхъ училищъ, *въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь* (т. е. съ русскими программами св. синода?!), ни семинаріи..." и т. д. 1893 г. № 3, стр. 15—17: № 4, стр. 8. И сколько разъ открывали эти сомнитель-

шихъ духовныхъ іерарховъ, то грузинская церковь развѣ сохранила бы такое громадное количество недвижимыхъ имѣній къ началу XIX вѣка, не смотря на частыя разоренія страны мусульманами. По свидѣтельству отечественныхъ писателей, католикосъ грузинскій Антоній I (1744—1787 г.) собралъ всѣ грамоты грузинскихъ царей, дарованныя въ разное время монастырямъ и церквамъ, соединилъ ихъ въ одну обширную книгу и представилъ царю Ираклію II на утвержденіе. Но царь, увидѣвъ такую массу грамотъ, пришелъ въ недоумѣніе и не зналъ какъ поступить съ ними. Мцхетскій храмъ Свято-Цховели вслѣдствіе громадности своихъ имѣній имѣлъ особаго Салтхуцеса (министра двора) для управленія его имѣніями въ Кахетіи, Джимитіи, Ахшени, Везисъ-хеви, Эрцо, Бицминда и Сагурамо [1]). Слѣдовательно духовенство наше не только не теряло своихъ имѣній отдачею ихъ для пользованія, напротивъ оно пріобрѣтало опытныя и усердныя руки для воздѣлыванія церковной земли, которая благодаря этому обстоятельству, лучше обрабатывалась, чѣмъ помѣщичья.

IV.

Отношеніе церкви къ своимъ дворянамъ и крестьянамъ. Распоряженіе о прекращеніи вымороченности церковныхъ земель. Огражденіе имущественныхъ правъ церкви и полная ея свобода въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимой собственности.—Извращеніе смысла харистикарій.

Грузинскіе церковные гуджары и вообще письменные документы объ отношеніи церкви къ своимъ дворянамъ и крестьянамъ, о правахъ и власти первой надъ послѣдними, къ сожалѣнію пока не всѣ обнародованы и поэтому намъ приходиться довольствоваться при обозрѣніи столь важной въ экономическомъ отношеніи церковной функціи существующими въ печати гуджарами. Изъ печатныхъ грузинскихъ церковно-юридическихъ памятниковъ наиболѣе подробно опредѣляетъ взаимоотношенія церкви и ея дворянъ и крестьянъ, вдовъ ихъ и сиротъ гуджаръ 1749 года, который настолько интересенъ, что приводимъ его здѣсь въ переводѣ.

„Преосвященный Николай Алавердскій, сказано въ указанномъ гуджарѣ, извѣщаетъ васъ, служащихъ при дворѣ и внѣ его, чтобы придерживались нижеписанной заповѣди, какъ вы, такъ и дѣти и внуки ваши, такъ какъ обѣщанія предъ Богомъ служатъ источникомъ нашей жизни и благополучія. Обѣщанія эти будутъ состоять въ слѣдующемъ; во всѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ живутъ крестьяне и дворяне, принадлежащія церкви св. Георгія (Алавердскаго), мы прекращаемъ *вымороченость* [2]) земель, т. е. чтобы онѣ не оставались незанятыми и предписываемъ руководствоваться слѣдующими правилами относительно вдовъ и сиротъ, обитателей на нашей (церковной) землѣ: если оставитъ кто нибудь изъ нашихъ крѣпостныхъ по смерти вдову, безъ наслѣдника, и если она пожелаетъ оставаться на своей же землѣ, то пусть будетъ проклятъ тотъ, кто отниметъ у нея садъ, пахать и домашній скотъ. Если вдова эта не пожелаетъ выйти замужъ, то вся земля, принадлежавшая ея мужу, должна оставаться неприкосновенно въ ея пользованіи, съ условіемъ платить положенный оброкъ церкви. Это относится какъ къ крѣпостнымъ, такъ и арендаторамъ (მოყოლნე). Если же вдова пожелаетъ выйти замужъ, то землю она можетъ оставить за собою въ томъ только случаѣ, если мужъ ея будетъ безземельный [3]). Лишь бы она платила оброкъ за пользованіе землею, а ею можетъ владѣть. Въ случаѣ она пожелаетъ выйти замужъ за посторонняго человѣка, т. е. живущаго въ другихъ владѣніяхъ, она можетъ расходовать на свадьбу изъ движимаго имущества, оставшагося отъ мужа, приданое, капиталъ и вообще движимое имущество она можетъ брать съ собою, *но земля должна доставаться намъ*. Кто не будетъ поступать съ вдовою согласно этому, да будетъ проклятъ. Если по смерти родителей останутся однѣ только дочери, то онѣ должны воспитываться, жить, содержаться и выйти замужъ на счетъ своего имѣнія—движимаго и недвижимаго, оставшагося послѣ смерти родителей.

Оброкъ съ нихъ нужно брать обыкновенный, по состоянію вдовъ и сиротъ. Если дочь, по достиженіи зрѣлаго возраста, пожелаетъ выйти замужъ, то можетъ по своему доброму желанію имѣть мужа на своей же землѣ [1]), съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы мужъ этотъ неимѣлъ земли въ другомъ мѣстѣ, или же выйти замужъ за человѣка, имѣющаго свое хозяйство. Въ послѣднемъ случаѣ расходы на свадьбу, равно и приданое должны быть произведены изъ расходовъ (доходовъ?) всего имѣнія; *земля же должна остаться церкви*. По этимъ правиламъ должны жить вдовы и сироты, будутъ ли онѣ крестьянки или дворянки. Кто ихъ нарушитъ, да будетъ проклятъ. Правила эти касаются также вдовъ и сиротъ дочерей дворянскаго происхожденія. Если вдова или сирота—дочь дворянскаго происхожденія пожелаетъ быть въ замужествѣ, то приданое и расходы на свадьбу должны быть произведены на счетъ имущества движимаго и не движимаго, но *земля должна быть оставлена церкви*. Если же онѣ пожелаютъ остаться жить на своемъ участкѣ, то онѣ могутъ обязать своихъ крестьянъ служить себѣ, пока живы, а когда умрутъ, расходы на похороны должны производиться на счетъ земли. Если же онѣ попадутъ въ плѣнъ, то выкупиться могутъ на счетъ той же земли. Такія мы установили правила и кто ихъ нарушитъ, да будетъ проклятъ. И вы, преемники наши Алавердскіе, утверждайте эти наши распоряженія во имя Бога! И вы, наши дворяне (აზნაურნი), заведите подобные же порядки у себя, въ средѣ своихъ крестьянъ. Такъ какъ мы завели ихъ, то заведите и вы такіе порядки. Мы пожелали завести въ нашихъ владѣніяхъ въ царствованіе благовѣрнаго государя Теймураза и сына его кахетинскаго правителя Ираклія“ [2]).

Этотъ гуджаръ о прекращеніи вымороченности церковныхъ земель важенъ во многихъ отношеніяхъ. Въ немъ довольно подробно регламентированы зависимости церковныхъ дворянъ и крестьянъ и ихъ вдовъ и сиротъ отъ церкви и ихъ взаимныя права и обязанности. Черезъ весь этотъ гуджаръ красною нитью проходитъ съ начала до конца мысль о неотчуждаемости церковной земли вообще, о неприкосновенности ея имѣній и о святости правъ церкви на свои недвижимыя имѣнія, для которыхъ существовали свои описи при церквахъ и монастыряхъ и періодически производилась ихъ провѣрка. На одномъ камнѣ Цромскаго храма есть весьма древняя надпись VII—VIII в., разбираемая съ трудомъ, которая перечисляетъ имѣнія Цромскаго монастыря и указываетъ ихъ границы [3]). До насъ дошла опись имѣній Мцхетскаго патріаршаго храма, составленная около 1392 года [4]). Въ 1546 году по повелѣнію царя Луарсаба приведено было въ извѣстность все состояніе *Свети-Цховели* и составлена новая опись всѣмъ его имѣніямъ и крестьянамъ [5]). Сохранилась до

ныя Америки!! Излагать содержанія этой тенденціозной статьи не станемъ, Боже избави: это было бы посягательствомъ на читательское терпѣніе.

[1]) Д. Пурцеладзе. „Груз. двор. грам.“, 1702 г.

[2]) Вымороченое—მეთაღმალი.

[3]) მოკანო—не имѣющій владѣнія.

[1]) ზედ-ხიძე—когда женихъ, не имѣвшій своего недвижимаго имѣнія, поселялся на землѣ своей невѣсты. Цѣль этого акта заключается въ продолженіи рода, не имѣющаго мужского представителя. Эта система продолженія рода извѣстна у грековъ и римлянъ. А. С. Хахановъ. „Груз. двор. акты“, ст . 10.

[2]) Д. Пурцеладзе. „Груз. церк. гудж.“, стр. 16—18.

[3]) „Исторія и древности Цромскаго храма“. Г. Сода.-Ивер., стр. 4.

[4]) ი ჯორჯაძეი. ქრონიკები, ნაწ. II, გვ. 195—198. „Акты кавк. археогр. ком.“, т. I, стр. 1—2; т. IV, стр. 769.

[5]) Д. Пурцеладзе. „Груз. церк. гудж.“, стр. 107; смот. объ описяхъ другихъ церквей, ibid. стр. 113—120 (1797 г.), 180 (1806) и т. д.

нашего времени одна въ высшей степени важная датированная опись Багратова храма въ Кутаисѣ подъ заглавіемъ: „დავითი ქუთათისის საყდრის გამოსავალი ბეგრისა“ 1578 года, которая нами передана въ церковный музей духовенства Грузинской епархіи. Какъ видно изъ приписки на оборотѣ 51 листа церковь имѣла спеціальнаго должностного лица *хорепископа* (ხარებისკოპოსი, ქორებისკოპოსი) [1]), наблюдавшаго за церковными имѣніями [2]). Здѣсь же замѣтимъ, что хорепископомъ былъ священникъ Симонъ Бухулеишвили [3]). Въ 1813 году настоятель Икортскаго монастыря архимандритъ Гамалиилъ составилъ подробное описаніе имѣній и крестьянъ Икортскаго монастыря [4]). Изъ приведеннаго нами выше гуджара видно, что право пользованія церковной землей съ вѣдома и разрѣшенія духовной власти могло переходить наслѣдственно по прямой и по женской даже линіи [5]), но сама земля ни въ какомъ случаѣ не отчуждалась отъ церкви и всегда составляла неотъемлемую ея собственность, о чемъ свидѣтельствуютъ церковныя описи. Жительство на церковной землѣ нѣсколькихъ поколѣній не могло дать насельникамъ основанія закрѣпить за своимъ потомствомъ церковную землю какъ личную и безспорную собственность. „На церковной землѣ, сказано въ уложеніи законовъ царя Вахтанга VI, даже съ согласія владѣльцевъ нельзя разводить деревъ, ибо въ такомъ случаѣ собственность церкви на долгое время будетъ занята. Если же кто, не смотря на сіе, разведетъ на оной деревья, то онѣ всѣ принадлежатъ будутъ исключительно церкви [6]).

Малѣйшее обнаруженіе стремленія со стороны лицъ, живущихъ на церковной землѣ, выйти изъ подъ повиновенія церкви въ дѣлѣ исправнаго платежа оброковъ, строго каралось властью. Кромѣ выше приведенныхъ гуджаръ укажемъ еще, что по жалобѣ урбнисскаго епископа Юстина, царь Ираклій II въ 1776 году предписалъ привести жителей Урбниси въ повиновеніе церкви и обязать ихъ платить ей установленный оброкъ. „Въ Грузіи никто никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь уклонился отъ уплаты церковныхъ податей“ [7]). Царевна Софія, дочь царя Георгія XII, обращаясь къ тѣмъ, которые присвоили себѣ имѣніе Квабтахевскаго Успенскаго монастыря, говоритъ: „Что вы за люди, такъ дерзко огорчающіе настоятеля квабтахевской обители? Какъ не боитесь вы Бога? Клянусь прахомъ покойнаго царя Георгія, что я не оставлю безъ вниманія и наказанія вашего поступка. Какъ вы осмѣлились объявить войну св. церкви? Если вы правы, то почему не представляете свидѣтелей и документовъ? И если вы не въ состояніи представить свидѣтелей и документы, то отчего не соглашаетесь съ судейскимъ рѣшеніемъ? *Церковнымъ достояніемъ вамъ никогда никто не позволитъ, да и не можетъ позволить обладать*“ [8]).

Такимъ образомъ имущественная правоспособность церкви всегда ограждалась въ Грузіи законами. Представитель церкви признавался у насъ юридическимъ лицомъ, имѣвшимъ широкое право пріобрѣтать и укрѣплять за церковью имѣнія и вести споры. *Амортизаціонные* (ограничительные) законы не имѣли мѣста въ кодексѣ грузинскихъ уложеній законовъ, имѣніе, законно перешедшее въ собственность церкви, навсегда должно было остаться церковнымъ.

Но съ теченіемъ времени харистикаріи какъ въ Византіи, такъ и у насъ стали злоупотреблять своимъ временнымъ правомъ на пожалованную землю, извративъ истинный смыслъ харистикіи и обнаруживъ явное стремленіе къ обращенію харистикіи въ полную собственность [1]). Но дѣлая различія между обыкновенною собственностью и пожалованной по указанной системѣ землей, не отчуждаемой отъ церкви, харистикаріи не только сами эксплоатировали землю, но отдавали ее въ даръ или продавали другимъ лицамъ. Этому прискорбному явленію особенно способствовали смутныя обстоятельства грузинскаго царства въ послѣдніе годы его политическаго существованія, общая неупорядоченность дѣлъ особенно на первыхъ порахъ при установленіи въ Грузіи русскаго правленія и незнакомство первыхъ правителей страны съ характеромъ мѣстныхъ церковно-административныхъ установленій и взаимоотношеніемъ искони утвердившимся между церковными дворянами и крестьянами съ одной стороны и съ церковью съ другой въ вопросѣ о правѣ на церковную землю, данную для временнаго пользованія.

Захвату церковныхъ имѣній много также способствовало сокращеніе епархій, монастырей и штатныхъ церквей, начатое правительствомъ въ началѣ же XIX вѣка [2]). Благодаря указаннымъ нами исключительнымъ обстоятельствамъ въ самомъ началѣ XIX вѣка на церковно-аграрной почвѣ появляется у насъ совершенно новая и оригинальная отрасль поземельнаго владѣнія, извѣстная официально подъ названіемъ: „Право попечительности князей и дворянъ надъ имѣніями и крестьянами помѣщичьихъ церквей въ Грузіи“. Появленіе этого новаго вида отношенія между церковью и занимавшими ея землю вызвано было стремленіемъ помѣщиковъ завладѣть церковными имѣніями и современныя обстоятельства способствовали этому. Къ разсмотрѣнію этой новой народившейся формы поземельно-правового отношенія, неизвѣстной въ Грузіи, мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ настоящаго реферата.

V.

Новая форма церковно-поземельнаго владѣнія.—Право попечительности князей и дворянъ надъ имѣніями и крестьянами помѣщичьихъ церквей въ Грузіи.—Условія благопріятствовавшія появленію этой отрасли аграрной формы.

При приведеніи въ извѣстность грузинскихъ церковныхъ имѣній выяснилось, что вслѣдъ за уничтоженіемъ въ 1808 году крѣпостной зависимости лицъ духовнаго званія [3]) и отобранія отъ церквей и монастырей дворянъ съ ихъ крестьянами, нѣкоторые князья и дворяне (აზნაური) не хотѣли оставить права попечительности о тѣхъ церковныхъ имѣніяхъ, которыя, по ихъ заявленію, они сами или предки ихъ жертвовали на тѣ помѣщичьи церкви. Вслѣдствіе возбужденнаго грузинскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства кн. Багратіономъ-Мухранскимъ предъ начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества ходатайства о томъ, чтобы по точной силѣ Высочайшихъ манифестовъ 18 января и 12 сентября 1801 г., подтверждены были права собственности грузинскаго дворянства, съ воспрещеніемъ входить въ разбирательство

[1]) „ქართლის-ცხოვრება“, ნაწ. I, გვ. 189, 195, 196, 241.

[2]) Въ 57 правилѣ Лаодикійскаго собора сказано, что „въ селахъ или деревняхъ должно поставлять не епископовъ, но періодевтовъ“ („Дѣян. 9 помѣст. соб.“, изд. при Казан. духов. акад., стр. 59). Какъ показываетъ самое названіе „періодевтъ“—обходящій, обязанность эта состояла, главнымъ образомъ, въ надзорѣ за сельскими приходами и благочиніемъ причтовъ и почти соотвѣтствовала настоящей должности благочинныхъ. Періодевты состояли въ санѣ пресвитера.

[3]) Д. Пурцеладзе. „Груз. церк. гудж.“, стр. 98.

[4]) Д. Пурцеладзе. „Груз. крест. грам.“, стр. 120.

[5]) „Сборн. закон. ц. Вахтанга“, стр. 65, § 217. см. о церковныхъ налогахъ и повинностяхъ (კულტი, დალი და სხ.); Д. Пурцеладзе, „Церковн. гудж.“, стр. 1—5, 20—21, 47—51, 115—120, 144; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ существовала особая должность *діакона монастыря* (завѣдывающаго хозяйственною частью его), который опредѣлялъ повинности личныя и натурою и обращалъ ихъ въ пользу монастыря. Ibid. стр. 100—101; „Рукоп. церк. музея духов. груз. епарх.“, № 754.

[6]) „Груз. церк. гудж.“ Д. Пурцеладзе, стр. 27.

[7]) Ibid стр. 91—92.

[1]) თ. ჟორდანია. ქრონიკები, ნაწ. II, გვ. 182×186.

[2]) Докладъ генер. Тормасова отъ 18 февр. 1811 года, за № 28.

[3]) „Акты кавк. археогр. ком.“, т. III, стр. 77—78; „Полн. собр. закон. Рос. импер.“, за 1808 г. № 23,146; „Дѣло груз.-имерет. синод. конт.“, за 1827 г., № 1718, стр. 32—34.

такихъ дѣлъ, кои относятся ко временамъ бывшаго царскаго правленія, дабы всякій со времени изданія сихъ манифестовъ оставался при своей собственности неприкосновенно, въ особенности въ виду 2-го пункта того ходатайства „объ оставленіи, по прежнему, права попечительности о церквахъ помѣщичьихъ тѣмъ изъ дворянства грузинскаго, кои сами, или предки ихъ жертвовали на тѣ церкви единовременнымъ вкладомъ, или ежегоднымъ опредѣленіемъ части своихъ доходовъ, и о возвращеніи таковыхъ условныхъ приношеній, по ихъ коренному началу, въ наслѣдственное пока тѣхъ помѣщиковъ распоряженіе подъ вѣдомствомъ главнаго груз. дух. начальства, дабы основанныя и обозначенныя въ поддержаніи благочестіемъ помѣщиковъ церкви не оставались, какъ нѣкоторыя нынѣ въ крайнемъ запустѣніи"; — святѣйшій правительствующій синодъ, согласно предложенію синодальнаго оберъ-прокурора, тайнаго совѣтника, князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, указомъ, отъ 29 ноября и 13 декабря 1826 г. за №№ 10,419 и 11,923, предписалъ высокопреосвященному Іонѣ, экзарху Грузіи, архіепископу карталинскому и кахетинскому, доставить ему, синоду, согласно Высочайшей волѣ въ непродолжительное время, свѣдѣнія о томъ: „сколько по Грузіи такихъ церквей, гдѣ и какія именно, на кои тамошніе дворяне сами или предки ихъ жертвовали единовременнымъ вкладомъ, или же ежегоднымъ опредѣленіемъ части своихъ доходовъ. На какомъ основаніи жертвованы были ими сіи приношенія, съ тѣмъ ли, чтобы распоряжаться оными имъ самимъ наслѣдственно, или же въ полное завѣдываніе духовнаго начальства; въ какой зависимости таковыя приношенія находятся нынѣ къ духовному начальству и къ самымъ жертвователямъ, или ихъ потомкамъ. Какой вообще составляютъ ежегодный доходъ и слѣдуетъ ли и кому изъ жертвователей или ихъ потомкамъ возвратить таковыя приношенія въ наслѣдственное ихъ распоряженіе подъ вѣдомствомъ духовнаго начальства, по условіямъ законно въ свое время утвержденнымъ" [1]).

Вслѣдствіе такого требованія, высокопреосвященнѣйшій Іона, Экзархъ Грузіи, принявъ въ соображеніе, что всѣ документы и гуджары на принадлежность церквамъ въ Грузіи крестьянъ и имѣній хранились въ учрежденномъ при Грузино-Имеретинской Синодальной Конторѣ Комитетѣ о гуджарахъ, препроводилъ копіи съ указанныхъ Синодальныхъ указовъ, при предложеніи, отъ 4-го января 1827 года за № 8, для немедленнаго исполненія въ Синодальную Контору, которая журнальнымъ своимъ постановленіемъ, состоявшимся 5-го января того же года, поручило члену оной конторы протоіерею Іосифу Микадзе-Палавандову и священникамъ — члену комитета о церковныхъ гуджарахъ Ивану Сулханову и Георгіевской церкви Игнатію Іосселіани съ переводчикомъ Картвеловымъ, чтобы они по аккуратнѣйшемъ разсмотрѣніи и соображеніи имѣющихся въ Комитетѣ о гуджарахъ церковныхъ на грузинскомъ языкѣ документовъ и камеральныхъ описаній, учиненныхъ церковному въ Грузіи достоянію въ 1816 и 1818 г.г., доставили въ Синодальную Контору по настоящему дѣлу необходимыя свѣдѣнія [2]). Лица эти рапортомъ, отъ 28-го января 1827 года за № 2 донесли Конторѣ, что „по разсмотрѣніи ими церковныхъ гуджаровъ, разныхъ документовъ и камеральныхъ описаній за 1816 и 1818 г.г. оказалось всѣхъ вообще по Грузіи монастырей, соборовъ и церквей 55 съ имѣніями и крестьянами, изъ коихъ имѣнія 20-ти по камеральнымъ описаніямъ значатся въ спорѣ съ помѣщиками и изъ числа сихъ 20-ти спорныхъ имѣній по 11 имѣются въ Комитетѣ о церковныхъ гуджарахъ документы, а именно, монастырей Тирскаго Божіей Матери, Икортскаго св. Архангеловъ, Улумбійскаго Успенія Пресвятыя Богородицы, Хонскаго Іоанно-Крестительскаго, Нитрійскаго Успенскаго; Соборовъ: Цилканскаго Божіей Матери и Самтавійскаго Вознесенскаго; Церквей: Атоцкой св. Георгія, Гориеджварской св. Георгія, Ертацминдской св. мученика Евстафія и Саквиретской Пресвятыя Богородицы. Изъ оныхъ 11 имѣній, нѣкоторыя состоятъ во владѣніи церкви, а нѣкоторыя у помѣщиковъ. На прочія же 9-ть, монастырей: Ожорскаго Пресвятыя Богородицы, Фарсійдскаго св. Георгія, Ларгвійскаго св. Ѳеодора Тирона; церквей: Саркисской св. Николая, св. Саввы Освященнаго (Сабацминдской), Атенской Крестительской, Алевской св. Троицы, Чандрисубанской св. Георгія и Карданахской св. Саввы пожертвовательныхъ бумагъ въ Комитетѣ не имѣется, но въ двухъ камеральныхъ церковныхъ описаніяхъ значатся записанными, владѣютъ же оными помѣщики. Изъ документовъ вышеписанныхъ одинадцати церквей составили мы вѣдомость съ означеніемъ: въ которомъ уѣздѣ, селеніи и мѣстѣ состоитъ церковь, во имя какого святого, штатная или заштатная, какія имѣетъ пожертвованія и въ чемъ оныя заключаются, кѣмъ пожертвованы или отъ кого даны церкви на пожертвованія бумаги, въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ, на какомъ основаніи или съ какимъ условіемъ, т. е. пожертвователи-ли должны завѣдывать пожертвованіями или церковь, непосредственно, и единовременно-ли жертвовали какую часть изъ доходовъ своихъ, или же вѣчно.... Доносимъ: 1) въ Грузіи, какъ изъ самыхъ подлинныхъ документовъ видно, не было никогда обыкновенія, чтобы цари, князья и дворяне единовременнымъ вкладомъ или ежегоднымъ опредѣленіемъ части своихъ доходовъ жертвовали въ пользу церкви, а напротивъ сего издревле понынѣ всегда дѣлались отъ нихъ пожертвованія церкви какъ цѣлыми селеніями жителей, такъ и отдѣльно семействами и прочими угодіями въ вѣчное владѣніе подъ ужаснымъ во многихъ документахъ заклинаніями и проклятіями нарушителей пожертвовательныхъ ихъ грамотъ и документовъ, и хотя изъ нѣкоторыхъ бумагъ видно, что цари и помѣщики при пожертвованіи церкви крестьянъ и имѣній оставляли для своей пользы нѣкоторую часть подати, какъ то: презентъ для поднесенія имъ во время пріѣзда на Свѣтлое Воскресеніе Христово въ церковь, работу по одному или по два дня въ годъ, но и все сіе впослѣдствіи времени потомками ихъ пожертвовано церкви съ пресѣченіемъ всякаго вліянія на пожертвованныхъ крестьянъ и имѣнія 2). Изъ документовъ не видно, чтобы какія церкви сооружены были помѣщиками, отъ коихъ хотя нѣкоторыя и имѣютъ пожертвованія, но скудныя, большею же частью заключаются оныя въ древнихъ царскихъ приношеніяхъ. 3) Равнымъ образомъ не видно, чтобы какая церковь съ имѣніемъ пожалована была царемъ кому либо изъ помѣщиковъ во владѣніе или пользованіе [1]); въ нѣкоторыхъ же царскихъ документахъ значится, что церковь отдаваема была царемъ помѣщикамъ только для кладбища, и хотя нѣкоторые изъ нихъ покушались къ притязанію себѣ и достоянія таковыхъ церквей, но цари воспрещали имъ сіе подъ строгими угрозами и вдвое взыскивали съ нихъ отнятое ими у церковныхъ крестьянъ. 4) Многіе документы состоятъ изъ жалобъ церковныхъ крестьянъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ имъ помѣщиками, принесенныхъ царямъ, которые огражденіе ихъ отъ сего поручали придворнымъ своимъ чиновникамъ. Симъ доказывается, что помѣщики намѣреніе о притязаніи церквей съ достояніемъ имѣли и прежде, но цари по благочестію своему во всѣхъ случаяхъ защищали церковное достояніе и присваиваніе онаго посторонними лицами почитали за личное себѣ оскорбленіе. 5) Цари, князья и дворяне никогда ничего не жертвовали церкви съ тѣмъ, что бы они сами распоряжались оными, но всегда, какъ изъ подлинныхъ документовъ видно, вручали управителямъ церквей, какъ то: преосвященнымъ архіереямъ, настоятелямъ и священнослу-

[1]) „Арх. дѣло грузин.-имерет. синод. конт.", за 1827 г., № 1589 „По предложенію высокопреосвященнѣйшаго Іоны, архіепископа, экзарха Грузіи, объ оставленіи права попечительности о церквахъ помѣщичьихъ въ Грузіи тѣмъ изъ дворянства тамошняго, кои сами или предки ихъ жертвовали на тѣ церкви", л. 3—6.

[2]) Ibid. л. 12—13.

[1]) Объ этомъ вопросѣ см. выше гл. III.

жителямъ въ полное завѣдываніе и распоряженіе, а жертвователямъ оставалось только то, что духовенство по полученіи въ свое вѣдѣніе пожертвованій должно молиться о здравіи и спасеніи ихъ, совершать ежегодно божественную литургію и чинить по древнему обыкновенію поминовенія по усопшихъ ихъ родственникахъ. И 6) сверхъ описанныхъ въ представляемой вѣдомости [1]) крестьянъ и имѣній церковь имѣетъ и другія имѣнія и крестьянъ, на которыхъ хотя документы отъ времени и частыхъ нашествій и опустошеній Грузіи непріятелями истреблены, но церковь владѣла издревле оными, каковая давность времени не отвергается и законами [2]).

Разсмотрѣвъ вышеизложенный рапортъ протоіерея Палавандова и священниковъ Сулханова и Іосселіани, со справкою, Синодальная Контора рапортомъ, отъ 17 февраля 1827 года донесла Св. Синоду слѣдующее: „Хотя грузинскій губернскій предводитель дворянства генералъ-маіоръ князь Багратіонъ-Мухранскій и утруждалъ высшее начальство объ оставленіи по прежнему права попечительности о церквахъ помѣщичьихъ тѣмъ изъ дворянства грузинскаго, кои сами или предки ихъ пожертвовали на тѣ церкви единовременнымъ вкладомъ, или ежегоднымъ опредѣленіемъ части своихъ доходовъ и о возвращеніи таковыхъ условныхъ приношеній по ихъ коренному началу въ наслѣдственное пока тѣхъ помѣщиковъ распоряженіе подъ вѣдомствомъ главнаго грузинскаго духовнаго начальства, дабы основанныя и обезпеченныя въ поддержаніи ими церкви не оставались, какъ нѣкоторыя нынѣ, въ крайнемъ запустѣніи, но въ Грузіи, какъ видно изъ приведенной справки, за исключеніемъ изъ числа имѣній двадцати церквей спорныхъ съ помѣщиками, четырехъ, о коихъ производившіяся въ синодальной конторѣ дѣла уже кончены и двухъ бывшихъ соборовъ Цилканскаго и Самтависскаго, имѣніе коихъ состоитъ во владѣніи церкви, прочихъ затѣмъ четырнадцати церквей имѣніями и крестьянами, отыскиваемыми церковью, владѣютъ помѣщики, почитая ихъ своею собственностью. На какомъ же основаніи пожертвованы эти спорныя имѣнія этимъ церквамъ, того синодальная контора до собранія по производящимся объ оныхъ дѣлахъ надлежащихъ свѣдѣній утверждать не можетъ, впрочемъ изъ церковныхъ документовъ какъ на имѣніе одинадцати церквей изъ числа владѣемыхъ грузинскими помѣщиками, такъ и на прочіе таковые, владѣемые безспорно церковью, въ великомъ множествѣ въ комитетѣ о гуджарахъ, при ней учрежденномъ, хранящихся усматривается, что въ Грузіи не было обыкновенія, чтобы цари и дворяне единовременнымъ вкладомъ, или ежегоднымъ опредѣленіемъ части своихъ доходовъ жертвовали въ пользу церкви, а напротивъ того издревле дѣлались отъ нихъ пожертвованія церквамъ какъ цѣлыми селеніями жителей, такъ отдѣльно семействами и разными угодьями въ вѣчное владѣніе подъ заклинаніями и проклятіями въ многихъ документахъ нарушителей пожертвовательныхъ ихъ грамотъ и документовъ и таковыя пожертвованія всегда были вручаемы управителямъ церквей въ полное завѣдываніе и распоряженіе. Касательно же изъясненія г. грузинскаго предводителя дворянства князя Мухранскаго о запустѣніи церквей въ помѣщичьихъ селеніяхъ состоящихъ, святѣйшему правительствующему синоду извѣстно изъ донесенія преосвященнаго Іоны, архіепископа, Экзарха Грузіи, отъ 17 августа прошлаго 1826 года, въ какомъ вообще положеніи находятся церкви въ Грузіи. А потому синодальная контора полагаетъ: грузинскимъ помѣщикамъ, отъ которыхъ церковь отыскиваетъ крестьянъ и имѣнія, возвращать нечего, такъ какъ они сами оными владѣютъ; принадлежность же тѣхъ спорныхъ имѣній разрѣшится законами, по рѣшеніи производящихся объ нихъ дѣлъ [3]).

[1]) „Арх. дѣло грузино-имер. синод. конт.", за 1827 г., № 1589, л. 60—65.

[2]) Ibid. л. 15—18.

[3]) Ibid. л. 91—93.

Получивъ такое донесеніе и согласившись съ выставленными въ немъ доводами, святѣйшій синодъ опредѣлилъ: изложенныя въ дѣлѣ обстоятельства относительно оставленія права попечительности о церквахъ помѣщичьихъ въ Грузіи тѣмъ изъ дворянства тамошняго, кои сами или предки ихъ жертвовали на тѣ церкви, сообщить г. управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и такъ какъ грузинскимъ помѣщикамъ, отъ которыхъ церковь отыскиваетъ крестьянъ и имѣнія, возвращать нечего, ибо они сами оными владѣютъ. Принадлежность же тѣхъ спорныхъ имѣній разрѣшится законами при рѣшеніи производящихся объ нихъ дѣлъ, просить, дабы онъ благоволилъ учинить распоряженіе о скорѣйшемъ рѣшеніи оныхъ"... О чемъ синодъ и далъ знать указомъ отъ 12 октября 1827 года за № 8875, синодольной конторѣ, предложивъ ей въ то же время, дабы и она съ своей стороны употребила возможное гдѣ слѣдуетъ настояніе о томъ же [1]). Тогда же, вслѣдствіе отношенія святѣйшаго правительствующаго синода, министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ министра юстиціи, чтобы онъ съ своей стороны приказалъ кому слѣдуетъ возможно скорѣе разрѣшить спорныя дѣла касательно крестьянъ и имѣній, принадлежащихъ по документамъ церкви, но въ дѣйствительности находящихся въ завѣдываніи князей и дворянъ [2]).

Такимъ образомъ, хотя правительство приняло съ своей стороны мѣры къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ о церковныхъ крестьянахъ и имѣніяхъ, оспариваемыхъ грузинскими помѣщиками, но дѣло затягивалось, благодаря новымъ судебно-административнымъ порядкамъ, предоставлявшимъ отвѣтчикамъ возможность вести процессы по инстанціямъ десятки лѣтъ, и этимъ воспользовались помѣщики къ закрѣпленію спорныхъ участковъ въ свою пользу. Относительно же условій, благопріятствовавшихъ нарожденію вопроса о правѣ попечительности князей и дворянъ надъ имѣніями и крестьянами помѣщичьихъ церквей въ Грузіи должны сказать, что этому явленію способствовали какъ общая запутанность и невыясненность вообще дѣлъ при утвержденіи въ краѣ русскаго правленія, такъ и сокращеніе епархій и штатныхъ церквей, произведенное въ началѣ XIX вѣка, безъ должнаго выясненія его послѣдствій для религіозно-нравственной жизни населенія. Вслѣдствіе упраздненія одинадцати епархій, четырехъ архимандрій и множество церквей ихъ имѣнія большею частью захватывались помѣщиками. Такъ имѣнія и крестьяне Хабскаго Іоанно-Крестительскаго монастыря въ Карталиніи, отобранные по приказу царевича Георгія Иракліевича въ 1796 году и возвращенные монастырю [3]), по присоединеніи Грузіи къ Россіи снова были присвоены Ксанскими Эристовыми [4]). Имѣнія и крестьяне Икортскаго монастыря въ Карталиніи, приведенные въ началѣ XIX вѣка въ точную извѣстность настоятелемъ его ученымъ архимандритомъ Гамаліиломъ (Гамрекели), были захвачены также Ксанскими Эристовыми [5]). Справедливость требуетъ сказать, что въ дѣлѣ расхищенія церковныхъ имѣній и крестьянъ въ Карталиніи главная вина должна падать на перваго экзарха Грузіи, высокопреосвященнѣйшаго Варлаама, митрополита мцхетскаго, который самъ происходя изъ фамиліи князей Ксанскихъ Эриставовъ позволилъ, какъ видно, своимъ сородичамъ безнаказанно расхищать церковное достояніе.

Въ заключеніе нашего реферата должны мы сказать, что грузинская церковь въ началѣ XIX вѣка, кромѣ потери грузинскихъ монастырей на Востокѣ съ ихъ обширными имѣніями, она въ предѣлахъ экзархата до экспропріаціи церковно-монастырскихъ земель лишилась почти лучшей половины церковныхъ имѣній и крестьянъ, со-

[1]) Ibid. л. 95.

[2]) Ibid. л. 99—100.

[3]) Д. Пурцеладзе. „Груз. церк. гудж.", стр. 35—36.

[4]) „Дѣло груз.-имер. синод. конт.", за 1827 г., № 1589, 62 обор.

[5]) Д. Пурцеладзе. „Груз. церк. гудж., стр. 93; „Дѣло груз.-имер. синод. конт.", за 1927 г., № 1589, л, 61—62.

ставлявшихъ до конца XVIII столѣтія ея неотъемлемую собственность.

Е. К.

Г. Каменецъ-Подольскъ.
19 ноября 1902 г.

Рѣчь о значеніи грузинскаго дворянства [1]).

3-го февраля 1861 года въ одномъ изъ собраній дворянства Тифлисской губерніи, по открытіи выборовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ П. И. Іосселіани сказалъ слѣдующую рѣчь о значеніи грузинскаго дворянства:

„Грузинское дворянство есть самое древнее изъ всѣхъ дворянскихъ сословій, какія только извѣстны на всемъ земномъ шарѣ. Его начало связано съ самыми первыми воспоминаніями о народѣ грузинскомъ, не только въ исторіи, но и въ миѳологіи, во мракѣ которой начинается исторія.

„Народъ грузинскій въ началѣ и въ начальномъ періодѣ образованія народовъ, во дни распространенія рода человѣческаго по лицу земли, во дни перваго толчка движенію народовъ, занялъ твердыни Кавказа и лучшія его долины въ виду завѣтнаго мѣста, гдѣ сталъ ковчегъ, сохранившій отъ истребленія допотопный зародышъ человѣка. Какъ бы ни были темны эти времена для исторіи, какъ бы эти переселенія и смѣшенія племенъ, образовавшихъ изъ себя и собою народы, были запутаны множествомъ именъ, указываемымъ библейскими сказаніями, но то вѣрно, что народъ грузинскій является свѣту исторіи еще до Р. Х. Отъ временъ зари исторической до нашихъ дней этотъ народъ, властелинъ Кавказа, владыка его горъ и долинъ, въ продолженіе ряда историческихъ вѣковъ стоялъ твердо на прародительскихъ своихъ мѣстахъ. Онъ вѣчно—вѣрный стражъ священнаго наслѣдія предковъ. Онъ есть молчаливый, спокойный свидѣтель перехода народовъ въ Европу черезъ тѣ ворота, которыя въ устахъ и подъ перомъ древнихъ получили названіе Pylae Caucasiae et pylae Albaniae. Онъ уперся корнями своими о твердую скалу горной натуры. Никакія бури политическія не сдвигали его съ точки его крѣпкаго, неподвижнаго, непоколебимаго стоянія. Это царственное стояніе ввело его въ вольное и невольное столкновеніе съ героемъ Македонскимъ, съ Римомъ—всесвѣтнымъ владыкою міра. При Помпеѣ оно познакомилось и съ звукомъ оружія римскихъ легіоновъ. Въ преемствѣ вѣковъ оно притупляло острія мечей Хосроевъ, Кобедіевъ и всѣхъ царей персидскихъ, желавшихъ, но неуспѣвшихъ отнять у народа крестъ Христовъ,—залогъ, символъ и знамя его гражданственности. Громы бѣдъ, наносимыя всемірными опустошителями падали на его крѣпкую голову. Эта голова склонялась и наклонялась подъ тяжестью ужасовъ, но не сокрушалась. Народъ стѣснялся внѣшними обстоятельствами, но не вытѣснялся изъ завѣтныхъ жилищъ. Кому въ эти трудныя, скорбныя, разрушительныя, какъ смерть, времена народъ обязанъ своею силою и славою? Дворянству, скажемъ мы. Дворянству, отвѣчаетъ намъ Страбонъ, еще въ I вѣкѣ, описывавшій Грузію и указавшій намъ, что дворянство занимало первое мѣсто въ раздѣленіи еще въ его время народа грузинскаго на классы (nobiles). Достаточно такой исторической точности для того, чтобъ сказать намъ: существовало оно, конечно, и до Страбона. Исторія начинается Геродотомъ: онъ отецъ исторіи; время Страбона близко къ временамъ Геродота. Порядокъ, существовавшій въ это время, былъ порядокъ, если не довременный, то во всякомъ случаѣ современный исторіи. Не будемъ сомнѣваться въ этомъ. Не будемъ искать солнца со свѣчею.

„Дворянство это составляло душу народа. Оно было выраженіемъ воли и желанія народа. Оно было рычагомъ Архимеда, для рыцарскихъ дѣлъ чести и славы народной. Подъ руководствомъ этого народнаго двигателя, совершались громкія дѣла, достойныя страницъ исторіи міра.

„Дворянство пріобрѣталось дорогою цѣною. Необыкновенныя только заслуги, чрезвычайныя случаи могли выводить единицу изъ массы, ставить ея на народную свѣщанину, окружать ликъ этой свѣтлой точки гимнами побѣдъ и лучами славы исторической. Вотъ причина малочисленности родовъ дворянскихъ, отъ историческаго времени ихъ начала до послѣдняго списка, утвержденнаго Императрицею Екатериною II-ю. Нѣтъ рода въ этомъ спискѣ, представляющемъ 62 рода княжескихъ и около 300 дворянскихъ, въ жилахъ котораго не протекала бы мученическая кровь предковъ. Каждый изъ этихъ родовъ можетъ сказать: „въ родѣ моемъ, въ обширномъ семействѣ моего рода, красуется церковь Христова“,—потому что, по точному выраженію церкви, церковь можетъ только созидаться и освящаться на костяхъ мучениковъ. Изъ этого высокаго класса дворянства исходило самое духовенство, не отдалявшееся отъ народа, всегда всюду его сопровождавшее, раздѣлявшее его радости и огорченія, наравнѣ съ нимъ подымавшее крестъ Христовъ, а въ нуждѣ народной—мечъ воина и предводителя военныхъ силъ. Происходя преимущественно изъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ, оно жило и дѣйствовало подъ вліяніемъ высокихъ примѣровъ и подъ печатью блеска прародительскихъ дѣлъ. Однѣ только пустыни укрывали отъ взора земного иноковъ, давшихъ Богу обѣтъ уединенія и смерти міру. Монастыри же были житницами для народа, богадѣльнями, убѣжищами для наукъ и красовались всѣми гражданскими и царственными добродѣтелями. Въ этомъ видѣ духовенство это являлось въ народѣ аристократическимъ, со всѣми правами на уваженіе его царей и народа.

„Въ этой школѣ изучалось то дворянство, котораго начало скрывается во мракѣ временъ и вѣковъ, и которое успѣло, послѣ вѣковой борьбы со всѣми врагами вѣры и народности, стать съ тѣми же достоинствами геркулеса, но геркулеса отдыхающаго на завѣтной булавѣ, подъ мощною великодушною защитой единовѣрнаго народа. Оно вручило ему, какъ законному наслѣднику востока, судьбу свою и ключи отъ исходяще народовъ. На зарѣ XIX вѣка Россія прикрыла его щитомъ своимъ, покрыла его мантіею своею, соединила съ собою въ духѣ любви и единенія. Православный крестъ въ продолженіе христіанскаго существованія народа служившій знаменемъ не одной религіозной жизни, но и жизни гражданской, есть то крѣпкое звено, которое соединяетъ насъ съ Россіею въ порывахъ общей и одинаковой молитвы, хотя на различныхъ языкахъ, но понятныхъ для царя царствующихъ.

„Дворянство, проникнутое благодарностью за сохраненіе его древняго достоинства, не разъ доказало Россіи свою преданность, не разъ участвовало въ общемъ героическомъ стремленіи къ славѣ и интересамъ одного государства и одного общаго отечества.

„По закону древнихъ персовъ, неблагодарность наказывалась смертью. Страшась мести закона высокаго, нравственно-мірового, основаннаго на природѣ вещей, на естественныхъ началахъ жизни общественной, мы считаемъ себя обязанными вполнѣ и крѣпче соединиться съ Россіею душею и сердцемъ.

„Дворянство грузинское не можетъ позабыть того высокаго дѣла, которое совершилось предъ глазами его. Усмиреніе, успокоеніе, покореніе Дагестана,—вѣчнаго врага гражданственности Грузіи, есть событіе, которое по неожиданности своей представляется какъ сонъ для историческаго сонма царей, народовъ и полководцевъ. Событіе это потрясло скрижали исторіи Кавказа. Шумъ паденія Кавказа разбудилъ Хосроевъ и Сапаровъ, Кира и Надира, Лукулла и Помпея и царей грузинскихъ, безуспѣшно, долго, вѣками боровшихся съ нимъ. Отъ временъ Го-

1) Газ. „Кавказъ“, 1861 г., № 13.

дунова начавшаяся съ нимъ борьба Россіи кончилась. Гидра сражена; она у ногъ Язона. Золотое руно свободно отъ губительнаго стража. Чего не могли видѣть вѣка, мы видимъ его, видимъ усмиренный и униженный Кавказъ и посреди васъ усмирителя и умирителя Кавказа. Велика наша доля въ исторіи громкаго Кавказа; отъ надоблачныхъ высотъ до глубокихъ долинъ его звучно разносится имя князя А. И. Барятинскаго. Съ шумомъ снова несется это имя по теченію его горныхъ потоковъ. Оно будетъ вѣчнымъ въ исторіи міровой, въ лѣтописяхъ войны, въ географіи невѣдомыхъ странъ (terra incoguita).

„Въ лицѣ вашемъ, потомки звучныхъ въ мірѣ по древности и достоинствамъ предковъ и прародителей, дворянство явилось достойнымъ своего значенія, достойнымъ великаго государства, мудрыхъ попечителей его монарховъ и любви высокаго представителя Государя Императора на Кавказѣ. Въ лицѣ вашемъ народъ грузинскій, скромный и вѣжливый, изучившій науку жизни и морали въ урокахъ защищеннаго кровью его предковъ Евангелія и преданій жизни практической, не поспѣшной, не столь живой какъ юность, но старческою опытностью напитанной и воодушевленной, утѣшается, радуется и раздѣляетъ чувства того вашего довольства, съ которымъ онъ издревле знакомо въ патріархальномъ съ вами общеніи.

„Замѣчательно, что грузинъ,—братъ вашъ—рожденіе поэтической натуры, неохотно разстается съ волшебными мѣстами своего винограднаго царства. Онъ прикованъ къ землѣ родной, какъ Прометей къ скалѣ Кавказа. Онъ боится иной почвы, чуждой его природѣ. Онъ то нѣжное растеніе, которое вянетъ не подъ своимъ небомъ. Ему душно внѣ своего горизонта. Таково настроеніе натуры грузина, не богатаго удобствами жизни другихъ странъ, но пребогатаго сокровищами историческихъ воспоминаній славнаго его прошедшаго и живетъ разсказами цѣлыхъ эпопей дѣлъ прародительскихъ.

„Избранные вами представители достойны своего наименованія. Задуманныя вами вопросы общей потребности для пользы края, на основаніи указаній правилъ Высочайше утвержденныхъ, соотвѣтствуютъ той великой истинѣ, которую такъ велико, такъ премудро, такъ небесно внушаетъ намъ пророкъ: Сѣмя свято стояніе его (ис. VI, 18). Скажемъ яснѣе и другими словами: Дворянство дотолѣ стоитъ и процвѣтаетъ, доколѣ питается и возрастаетъ въ немъ доброе, благородное, чистое, святое начало жизни, на твердыхъ основаніяхъ св. вѣры и мудрыхъ, отъ тѣхъ же твердыхъ основаній проистекающихъ распоряженій правительства".

„На этомъ твердомъ и прочномъ началѣ основано дворянское наше существованіе. Да на этомъ же началѣ открывается далѣйшее славное его продолженіе".

VII. ГОРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Минеральные источники Кутаисской губерніи.

Благодатный климатъ въ нагорныхъ частяхъ Кутаисской губерніи счастливо соединился съ обиліемъ здѣсь минеральныхъ цѣлебныхъ источниковъ, наибольшій интересъ изъ коихъ въ бальнеологическомъ отношеніи представляютъ: *Ущерскіе*—углекислые, *Зекарскіе*—горячіе сѣрнощелочные, *Цхалтубскіе*—теплые щелочные, *Сѣрноводскіе*—сѣрные холодные и *Ткварчельскіе*—сѣрнощелочные. На характеристикѣ цѣлебныхъ свойствъ этихъ источниковъ и тѣхъ условій, при какихъ въ настоящее время приходится пользоваться послѣдними—мы и остановимся.

1) Объ *Ущерскихъ* водахъ у насъ имѣются слѣдующіе результаты химическаго изслѣдованія, произведеннаго магистромъ химіи Штакманомъ, воды источника „Мжаве-цхали", находящагося у сел. Уцеры, Рачинскаго уѣзда.

1892 года, октября 27 дня Штакману были доставлены г. Гамкрелидзе, владѣльцемъ источника, для анализа шесть винныхъ бутылокъ съ минеральною водою, взятою изъ источника „Мжаве-цхали" (кислая вода), который находится въ 12 верст. выше м. Они и выше сел. Уцеры, на лѣвомъ берегу рѣки Ріона на высотѣ 3420 футовъ [1]). Источникъ этотъ состоитъ изъ трехъ, отстоящихъ другъ отъ друга на полтора вершка, грифоновъ, которые выходятъ изъ палеозойскихъ сланцевъ на поверхность земли на площадкѣ, извѣстной подъ названіемъ Гверита. Грифоны кантированы при выходѣ изъ скалы краснымъ гранитомъ и устроенъ резервуаръ діаметромъ полъ аршина и вышиною одинъ аршинъ, который имѣетъ цементную крышу и внизу водоотводную трубу [2]). Дебитъ воды по измѣренію владѣльца=1 винной бутылкѣ=800 куб. ц. въ одну минуту, что составляетъ въ сутки 1152 литра=93 ведра. Вода источника совершенно безцвѣтна и сохраняется безъ измѣненія своихъ составныхъ частей продолжительное время въ хорошо закупоренныхъ бутылкахъ. По раскупоркѣ бутылки выдѣляется довольно обильное количество углекислоты и вода чрезъ нѣкоторое время начинаетъ опалесцировать, осаждая постепенно незначительный бѣлый осадокъ. Черезъ нѣсколько дней вода опять дѣлается совершенно безцвѣтной. Вкусъ воды вначалѣ кисловатый, затѣмъ щелочной. Удѣльный вѣсъ 1,0066. Согласно этимъ физическимъ свойствамъ, химическій анализъ показалъ, что въ этой водѣ находится большое количество углекислоты, какъ въ связанномъ и полусвязанномъ, такъ и въ свободномъ видѣ.

Это послѣднее обстоятельство совершенно соотвѣтствуетъ словесному сообщенію владѣльца источника, по которому вода, налитая въ недостаточно крѣпкую бутылку, послѣднюю всегда разрываетъ. Но между тѣмъ, по Бертенсону и Воронихину[3]), въ этой водѣ отсутствуетъ свободная углекислота, хотя они въ другомъ мѣстѣ (р. 303) подтверждаютъ, что близъ источника изъ отверстія скалы выдѣляется большое количество этого газа. Щелочи, въ особенности натръ, присутствіе которыхъ уже обнаруживаетъ вкусъ, найдены въ большомъ количествѣ. Въ анализѣ, приведенномъ Бертенсономъ [1]), элементы эти совершенно отсутствуютъ, вслѣдствіе чего общее количество солей (1,696), совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (6,0944). Углекислаго желѣза найдено теперь значительно меньше (0,0252), чѣмъ прежде (0,099), но, кажется, былъ бы лишній трудъ для этого явленія отыскивать причину, въ виду того, что положительно всѣ данныя, при настоящемъ анализѣ, совершенно другія, чѣмъ прежде. Изъ тѣхъ соединеній, присутствіе которыхъ въ источникѣ прежде положительно отрицалось[2]), слѣдуетъ еще замѣтить сѣрную кислоту, которая найдена теперь 0,0244.

Изъ болѣе рѣдкихъ элементовъ найдены при настоящемъ анализѣ и опредѣлены іодъ, бромъ, боръ, марганецъ и мнѣ кажется, что присутствіе ихъ, а также свободной углекислоты и большого количества углекислаго натра дастъ водѣ этого источника въ будущемъ большее значеніе, чѣмъ она до сихъ поръ пользовалась.

На основаніи произведеннаго химическаго анализа изслѣдованную воду слѣдуетъ причислить къ категоріи щелочно-углекислыхъ водъ.

Составныя части въ одномъ литрѣ воды

Натра Na	0,1376
Окиси натра Na_2O	2,3905
„ калія K_2O	0,0012
„ кальція CaO	0,4280
„ магнія MgO	0,3942
Закиси желѣза FeO	0,0157
„ марганца MnO	слѣды
Хлора Cl	0,2122
Іода j	0,0004
Брома Br	0,0008
Углекислоты связ. CO_2	2,4630
Сѣрной кислоты SO_3	0,0244
Борной „ BoO_3	слѣды
Глинозема Al_2O_3	0,0052
Кремнезема SiO_2	0,0172
Органическихъ веществъ	0,0040
Итого	6,0944
Углекислоты полусв. H_2CO_3	1,0979
„ свободн. CO_2	1,2423
	(628,3 с. с.)
Удѣльный вѣсъ	1,0066
Реакція	щелочн.
Температура	12,4°

[1]) Меллеръ полезныя ископаемыя и т. д. Тифлисъ, 1889 г. р. 313.

[2]) Словесное сообщеніе владѣльца источника.

[3]) Минеральныя воды и т. д. 1882 г. р. 26.

[1]) L. c. p. 64.

[2]) Меллеръ полезн. ископ. р. 313.

Составныя части въ видѣ соединеній въ одномъ литрѣ воды.

Углекислаго натра	4,0561
„ желѣза	0,0252
„ марганца	слѣды
„ кальція	0,7642
„ магнія	0,8278
Сѣрнокислаго натра	0,0415
„ калія	0,0022
Борнокислаго магнія	слѣды
Хлористаго натра	0,3496
Іодистаго натра	0,0005
Бромистаго натра	0,0009
Глинозема	0,0052
Кремнезема	0,0172
Органическихъ веществъ	0,0040
Итого	6,0944
Углекислоты полусвоб.	1,0979
„ свободной	1,2423
Удѣльный вѣсъ	1,0066
Реакція	щелоч.
Температура	13,15° Ц.

Углекислыя соединенія въ видѣ двууглекислыхъ.

Углекислаго натра	4,0561
Двууглекислаго желѣза	0,0385
„ марганца	слѣды
„ кальція	1,2379
„ магнія	1,4387
Сѣрнокислаго натра	0,0415
„ калія	0,0022
Борнокислаго магнія	слѣды
Хлористаго натра	0,3496
Іодистаго натра	0,0005
Бромистаго натра	0,0009
Глинозема	0,0052
Кремнезема	0,0172
Органическихъ веществъ	0,0040
Итого	7,1923
Углекислоты свободной	1,2423
Удѣльный вѣсъ	1,0066
Реакція	щелоч.
Температура	13,15° Ц.

Впрочемъ, помимо страдающихъ желудочными заболѣваніями и ожирѣніемъ въ Уцеры стекаются, и не безъ пользы для себя, со всѣхъ концовъ Кутаисской губерніи и всякаго рода другіе больные.

Для малокровныхъ, нервныхъ больныхъ, страдающихъ женскими болѣзнями и др. въ Уцерахъ имѣются двѣ бани съ желѣзистыми ваннами. Хотя бани эти содержатся крайне неопрятно и за пріемъ одной ванны взимается что-то около 40 к., но въ нихъ всегда много посѣтителей, конечно изъ простонародья.

Ежегодный наплывъ больныхъ въ Уцеры доходитъ до 1,500—2,000 человѣкъ. Сезонъ начинается въ маѣ и кончается въ сентябрѣ. За пользованіе въ теченіе дня водою „Мжаве-цхали“ съ каждаго больного взимается 6 к. Квартиры (туземнаго типа) и провизія—весьма неудовлетворительны, имѣются, не всегда впрочемъ, въ достаточномъ количествѣ въ сел. Уцерахъ. Въ разгаръ сезона цѣны на все подымаются не рѣдко вдвое выше цѣнъ, существующихъ напримѣръ въ Тифлисѣ или Кутаисѣ. Въ среднемъ же, содержаніе одного человѣка въ теченіе мѣсяца обходится не болѣе 25—40 р. Кромѣ плохихъ квартиръ и дороговизны есть много и другихъ недостатковъ. Непріятно дѣйствуетъ на посѣтителя уцерскихъ водъ отсутствіе домовитости и нечистоплотность содержателей гостинницъ. Тоже можно сказать и объ администраціи источника. Напр. стаканы, въ которыхъ разносятъ воду паціентамъ, всегда страшно грязны, почему зараженіе черезъ нихъ легко возможно. Нѣтъ, затѣмъ, никакихъ указаній на способъ пользованія водою, отъ чего многіе больные опиваются ею, нанося тѣмъ своему организму часто непоправимый вредъ. Развлеченій—никакихъ.

Но все это можно сказать, искупается роскошнымъ, не менѣе цѣлебнымъ, чѣмъ самый источникъ, климатомъ, и дивными неописуемыми красотами природы окружающей мѣстности. Эти покрытыя дѣвственнымъ лѣсомъ темнозеленныя, гармонично сливающіяся съ лазурнымъ небомъ, высокія стѣны Ріонскаго ущелья; эти могучіе сфинксы-великаны, скалистые отроги главнаго Кавказскаго хребта—то хмурые, задумчивые, грозные неприступные, то мягкіе, нѣжные, точно рѣющія въ воздухѣ привидѣнія, смотря по состоянію погоды,—наконецъ,—эти сверкающіе на солнцѣ милліонами красокъ бѣлоснѣжные ледники, стекающіе изъ-за облачныхъ высотъ въ долину и вѣчно дышащіе на васъ ласковымъ дуновеніемъ вѣтерка—все это дѣйствуетъ на душу больного, измученнаго человѣка какъ всеисцѣляющій какой-то бальзамъ. Экскурсіи же въ глубь горъ (Мамисонскій перевалъ отъ Уцеръ въ 20 верстахъ, истоки Ріона въ 35, ледники не далѣе 20—30 вер.)—могутъ замѣнить любое развлеченіе.

2) *Зекарскія* горячія сѣрнощелочныя минеральныя воды, называемыя иначе „Абано“ или Киршаветскія, находятся вблизи Кутаисо-Ахалцихскаго шоссе, въ узкомъ горномъ ущельи р. Абаносъ-геле, на склонахъ Аджаро-Имеретинскаго хребта, Кутаисскаго уѣзда, въ разстояніи отъ м. Багдады въ 20 верстахъ и въ 45 в. отъ Кутаиса и Абастумана. Дорога къ источникамъ изъ Абастумана пролегаетъ черезъ знаменитый по своимъ красотамъ, Зекарскій перевалъ, а изъ Кутаиса черезъ дѣвственные Багдадскіе лѣса.

Источникъ вытекаетъ изъ горы тремя ступенями, изъ коихъ двѣ незначительныя. Соединенныя трубами—струи быстро наполняютъ пять ваннъ изъ камня на цементѣ, покрытыхъ деревяннымъ срубомъ подъ жестяною крышею. Устройство ваннъ и помѣщеніе ихъ не отвѣчаютъ бальнеологическимъ требованіямъ, точно также и возведенныя въ ущельи, подверженномъ восточнымъ вѣтрамъ барачной системы восемь помѣщеній для больныхъ не соотвѣтствуютъ цѣли и санитарнымъ условіямъ. Ни въ ваннахъ, ни въ гостинницахъ, номерахъ, больные ничѣмъ не гарантированы отъ зараженія, напр. сифилисомъ, отъ простуды и т. п.

По своимъ составнымъ частямъ и цѣлебнымъ свойствамъ Зекарскія воды подходятъ къ Тифлисскимъ. При температурѣ 28,5° Р источники, по анализу магистра химіи Струве, содержатъ на 10,000 частей:

Кремневой кислоты	0,480.
Извести	0,070.
Натра	0,385.
Сѣрной кислоты	0,137.
Хлора	слѣды.
Или по солямъ:	
Сѣрнокислой извести	0,170.
Натра	0,065.
Углекислаго натра	0,610.
Кремневой кислоты	0,480.
Всего	1,325.

Наибольшую пользу на водахъ получаютъ больные золотухой, ревматизмомъ, геммороемъ, мигренью, ожирѣніемъ сердца и др.

Основной элементъ посѣтителей водъ состоитъ изъ крестьянъ окрестныхъ селеній. Среднее число посѣтителей въ день равняется 20, но въ разгаръ сезона, въ лѣтніе мѣсяцы, не рѣдко поднимается до 2,00. Плата за пріі-

емъ ванны 20, 25 и 30 к., а за общую—10 и 15 к., номеръ же въ гостинницѣ—отъ 10 к. до 1 р. въ сутки и отъ 15 до 20 руб. въ мѣсяцъ. Сезонъ открытъ съ 1 мая по 1 октября.

Провизію обыкновенно больные привозятъ съ собой, но въ случаѣ *крайней* необходимости—хлѣбъ, яйца, куръ, молоко и т. п., можно достать въ имѣющемся здѣсь духанѣ и у хозяина ванныхъ помѣщеній Кусакина. На ряду съ ваннами—больные пользуются и чуднымъ здѣшнимъ климатомъ. Общій видъ ванныхъ зданій, окрестностей ихъ и хозяина ваннъ читатель можетъ видѣть на фотографическомъ снимкѣ въ интересной книгѣ г. Джаншіева „Перлъ Кавказа".

Къ числу обстоятельствъ вредно отражающихся на благоустройствѣ Зекарскихъ минеральныхъ водъ, надо отнести плохіе пути сообщенія—особенно отъ м. Багдады до водъ (Отъ Кутаиса до Багдады мѣсто въ дилижансѣ стоитъ 50 коп., отъ Багдадъ до Абано въ линейкѣ 75 коп.) и недостатокъ прѣсной воды у источниковъ. Не малую роль впрочемъ здѣсь играетъ и существующій порядокъ завѣдыванія водами казеннымъ управленіемъ. До 1897 г. Зекарскія воды сдавались въ аренду управленіемъ безъ всякихъ условій Ѳ. Кусакину за плату отъ 200 р. (1886) до 700 р. (1896) въ годъ.

Въ рукахъ Кусакина воды изъ года въ годъ приводились въ болѣе благопріятный видъ: число посѣтителей росло, доходы казны увеличились (съ 250 до 700 руб. въ годъ) и т. д.

Но въ 1897 году казеннымъ управленіемъ были выработаны новыя условія аренды, одинъ § коихъ гласитъ: „Если правительство издастъ въ отношеніи содержанія водъ въ теченіи арендnаго срока (20 лѣтъ) какія либо правила или постановленія, то арендаторъ обязанъ безпрекословно подчиниться таковымъ", а другой § дополняетъ: „Всѣ постройки и другія сооруженія, равно сады, цвѣтники и огороды, устроенные арендаторомъ минеральныхъ водъ, по истеченіи срока контракта переходятъ безъ всякого за то вознагражденія въ собственность казны"...

Не смотря на то, что Кусакинъ ко времени выработки новыхъ кондицій произвелъ уже значительныя затраты на постройку ваннъ, гостинницъ и другихъ зданій на водахъ,—онъ счелъ разумнымъ отказаться отъ торговъ на такихъ легко выполнимыхъ *только на бумагѣ* условіяхъ. И не ошибся. Воды на торгахъ остались за нѣкіимъ Чхеидзе за 850 руб. Когда Чхеидзе внесъ залогъ, казенное управленіе потребовало отъ него снести постройки Кусакина и возвести на водахъ: пять домовъ для помѣщенія больныхъ, стоимостью $15^1/_2$ т., руб., съ лишнимъ, ванное зданіе въ $3^1/_2$ т. руб., помѣщеніе для доктора въ 4 т. руб., сарай и запасной резервуаръ въ $1^1/_2$ т. руб. и кромѣ того содержать врача и фельдшера на водахъ и *развести паркъ* (это въ лѣсу то!) и т. п. Чхеидзе сбѣжалъ, оставивъ на водахъ полуразрушенныя постройки Кусакина. Воды запустѣли—и черезъ годъ опять были сданы Кусакину же за 250 р., безъ всякихъ условій.

Мнѣ кажется, что изобрѣтатели проектовъ парка въ лѣсу съ бо́льшей пользой и для себя и для другихъ затратили бы свое время и силы, если бы озаботились составленіемъ обязательныхъ санитарныхъ и другихъ правилъ, не соблюденіе коихъ, по незнанію, темнымъ народомъ нерѣдко приводитъ теперь къ залечиванію неопытныхъ пациентовъ до смерти.

3) *Цхалтубскіе* теплые щелочные источники пользуются наибольшей популярностью у кутаиссцевъ, конечно не столько благодаря качествамъ своей воды (въ этомъ отношеніи они далеко уступаютъ Уцерскимъ или Зекарскимъ) сколько благодаря близости отъ г. Кутаиса, откуда до сел. Цхалтубы всего 14 верстъ (50 коп. мѣсто въ линейкѣ съ персоны по отвратительнѣйшей дорогѣ). Анализа цхалтубской воды у насъ нѣтъ, но по составнымъ своимъ частямъ она близко подходитъ къ абастуманской. Температура воды 22° по К. Пользуются здѣсь, главнымъ образомъ, страдающіе отъ гемороя, общаго безсилія и отъ женскихъ болѣзней. Вода бьетъ изъ земли въ нѣсколькихъ мѣстахъ огромными ключами, такъ что цементные бассейны въ пять или шесть кубическихъ саженъ объемомъ, наполняются въ какіе-нибудь полчаса. За посѣщеніе общей ванны взимается 10—15 коп. въ сутки. Для пріѣзжающихъ имѣются гостинницы (туземнаго типа) съ 100—150 номерами, цѣною въ 50 коп. и 1 руб. въ сутки. Кое-какая провизія продается тутъ же въ духанѣ, конечно страшно дорого. Сезонъ открывается въ апрѣлѣ, а оканчивается въ сентябрѣ. Въ первую половину лѣта наплывъ публики уменьшается, такъ какъ въ это время въ Цхалтубо (по-русски—стоячая вода) свирѣпствуютъ лихорадки.

Есть много и другихъ недостатковъ—наприм. сквозняки въ ванныхъ помѣщеніяхъ—по просту досчатыхъ сараяхъ, поэтому боящимся простуды лучше не купаться. Правилъ для пользованія водами никакихъ еще не выработано, и случаи закупыванія до смерти не рѣдки. Вообще для взыскательныхъ людей въ Цхалтубо, какъ впрочемъ, и во всѣхъ другихъ *„курортахъ"* Кутаисской губерніи, исключая б. м. Уцкерскихъ, мѣста нѣтъ.

4) *Ткварчельскіе* минеральные источники (единственные въ юго-западной части Сухумскаго округа и въ Мингреліи), находятся въ Ткварчельской лѣсной дачѣ, въ ущельи Хелшиваръ, въ недоступной для экипажной ѣзды мѣстности, въ 10 вер. отъ сел. Ткварчели и въ 40 вер. отъ м. Очемчири, на берегу р. Гализга. По отзыву мѣстныхъ казенныхъ врачей вода этихъ источниковъ, при 29° по Р., представляетъ слабый сѣрнощелочный растворъ, при чемъ количество выходящей изъ главнаго источника воды на столько незначительно, что для наполненія одной ванны, размѣрами въ 1 кубическій аршинъ, требуется не менѣе 1 часа. Пользуются этими водами исключительно мѣстные жители-больные ревматизмомъ, сифилисомъ и др. Приспособленія на водахъ самыя простыя—туземныя избы. Ванна *одна*—общая и пріемъ ея стоитъ 10 коп. Пока источники еще находились въ завѣдываніи казеннаго управленія—послѣднее заботилось объ ихъ благоустройствѣ, но теперь, вслѣдствіе отказа казны отъ эксплоатаціи источниковъ, они предоставлены на произволъ судьбы.

5) Нѣчто подобное представляютъ изъ себя и *„Сѣрныя воды"*, находящіяся въ 1 верстѣ отъ ст. того же имени Тквибульской вѣтви закавказской желѣзной дороги, только вода здѣсь выходитъ изъ нѣдръ земли холодная и подогрѣвается въ котлахъ. Источники извѣстны очень давно, но эксплоатируются лѣтъ 30, когда сооружены были и существующія сейчасъ у водъ постройки: помѣщеніе—въ которомъ находятся 3 ванны, гостинница для пріѣзжихъ—ветхій домикъ съ 13 клѣтушками или „номерами", туземная кухня (бухаръ), гдѣ согрѣвается и котелъ, и домикъ хозяина водъ. Плата за номеръ въ гостинницѣ въ сутки 60 коп., за ванну 1 часъ 40 коп. Въ ваннѣ можетъ одновременно купаться (съ трудомъ впрочемъ благодаря тѣснотѣ)—3 человѣка. Сезонъ продолжается съ апрѣля по сентябрь. Удобствъ для больныхъ никакихъ. Провизію съ трудомъ можно добывать въ сосѣднемъ селеніи, гдѣ цѣны на продукты довольно высокія. Главные посѣтители—мѣстные крестьяне и кутаисскіе обыватели, для которыхъ поѣздка на *Сѣрныя воды* составляетъ, кажется, очень большое развлеченіе. Такъ какъ, вслѣдствіе бѣдности источника водою паціентамъ приходится по долгу ожидать здѣсь своей очереди, то для того, чтобы убить время на лужайкѣ у водъ устраиваются попойки, пляски съ пѣснями и т. п.

Кромѣ перечисленныхъ пяти источниковъ въ Кутаисской губ. намъ извѣстны еще: 6) въ Шорапанскомъ уѣздѣ—вблизи ст. Марелисы—источникъ, водою котораго, какъ говорятъ, быстро излѣчиваются отъ накожныхъ сыпей и 7) у верховья р. Квирилы, въ урочищѣ *Маписадъ* (?); 8) въ Батумскомъ округѣ, въ м. Махинджаури, Кинтришскаго участка и въ Рачинскомъ уѣздѣ; 9) при сел. Бугеули—сѣрныя бани; 10) въ лѣсной Сорской дачѣ—желѣ-

зисто-углекислые источники, 11 и 12) при сел. Урави и Меедани—тоже; 13) при сел. Гоми—углекислые, по качествамъ, какъ говорятъ, не уступающіе Уцерскимъ; 14) у Ріонскаго моста, между сел. Уцеры и Глолы—углекислые источники и 15) между сел. Глолы и Гуршеви—тоже.

Большинство изъ этихъ источниковъ не эксплоатируется, но въ будущемъ, при общемъ подъемѣ матеріальной и духовной культуры, безъ сомнѣнія, человѣкъ воспользуется даровыми цѣлебными силами этихъ источниковъ. Особенно это нужно сказать о Верхней Рачѣ, занимающей первое мѣсто въ губерніи по богатству цѣлебными водами. Одинъ благодатный климатъ этого края сулитъ въ будущемъ возникновеніе и широкое развитіе здѣсь всевозможныхъ курортовъ и санаторій. И въ добрый часъ!

В. Р—ъ.

Г. Кутаисъ,
8-го января 1903 г.

Геологическое строеніе и рудныя мѣсторожденія земель селенія Ногкау въ средней части Сѣвернаго Кавказа.

Мѣстонахожденіе.

Селеніе Ногкау находится на лѣвомъ берегу рѣки Ардона, ниже впаденія въ эту рѣку рѣчки Садонъ-донъ, въ Терской области, Владикавказскомъ округѣ, 3 участкѣ, Мизурскомъ приходѣ. Земли, состоящія въ пользованіи этого селенія, занимаютъ пространство веменѣе 1000 десятинъ (гектаровъ); съ сѣверо-запада къ нимъ примыкаетъ Садонскій рудникъ. На другой сторонѣ рѣки Ардона противъ нихъ находятся земли селеній Пусъ и Дейкау. Съ юго-восточной стороны къ этимъ землямъ примыкаетъ военно-осетинская шоссейная дорога, по которой отъ Ногкауской границы до станціи Даргъ-Кохъ, Владикавказской желѣзной дороги, считается 54 версты. Мѣстность эта находится подъ 42° 51′ с. ш. и 61° 48′ в. д. Отъ г. Владикавказа она находится на разстояніи около 106 верстъ по хорошей колесной дорогѣ. Земли селеній Ногкау расположены по долинѣ рѣчки Ногкау-коми-донъ, по рѣчкѣ Фаскау-донъ и по склонамъ прилегающихъ горъ.

Геологическое строеніе мѣстностей.

Описываемый районъ находится въ области распространенія черныхъ глинистыхъ сланцевъ, песчаниковъ, отчасти гранита и протогина и известковыхъ мергелей. Отъ равнины эта мѣстность отдѣлена высокимъ известковымъ контрфорсомъ юрской системы и предгоріями, состоящими изъ мѣловыхъ и третичныхъ отложеній. Подъ юрскими известняками, имѣющими въ этихъ мѣстахъ крутое паденіе на сѣверъ, лежатъ известковые мергаля приблизительно Келловейскаго возраста. Мергеля эти выходятъ на поверхность южнѣе известняковъ, и на нихъ расположена часть Ногкауской земли. Еще нѣсколько къ югу отъ этихъ мергелей выступаютъ залегающіе подъ ними черные глинистые сланцы, которые и занимаютъ здѣсь обширную площадь. Эти сланцы сильно метаморфизированы и дислоцированы, хотя въ общемъ сохраняютъ паденіе около 30—45° на сѣверъ. Геологическій возрастъ этихъ сланцевъ большинствомъ изслѣдователей принимался за палеозойный, но въ виду отсутствія окаменѣлостей никто не могъ высказать опредѣленнаго рѣшенія. Немногіе изслѣдователи относили эти сланцы къ юрѣ (лейасъ). Въ послѣднее время въ спорныхъ сланцахъ было найдено разными лицами нѣсколько окаменѣлостей, преимущественно юрскаго характера; такъ, напримѣръ, проф. Лоестъ (Lohest) изъ Брюсселя, изслѣдуя рудныя мѣсторожденія около сел. Дунта, нашелъ въ черныхъ сланцахъ ископаемое, которое онъ принимаетъ за юрское; явъ тѣхъ же мѣста хъ нашелъ окамѣнелости такого же характера: проф. А. Н. Павловъ и М. В. Павлова, лѣтомъ 1897 г. откр ыли въ черныхъ сланцахъ недалеко отъ Ногкау белемниты и Pentacrinus. Гор. инженеръ Л. П. Семянниковъ находилъ въ этихъ же сланцахъ около сел. Н. Уналъ аммониты; штейгеръ І. И. Земба на разрабатываемомъ мною гранитномъ рудникѣ нашелъ въ черныхъ сланцахъ около сел. Джимара отпечатки реберъ громаднаго аммонта (нѣкоторыя лица, какъ, напр., В. Д. Соколовъ, видѣвшія этотъ экземпляръ, считаютъ это опредѣленіе спорнымъ и полагаютъ, что ребра возможно принимать также за явленія плойчатности) и двѣ окаменѣлости юрскаго характера; я находилъ въ черныхъ сланцахъ противъ сел. Ногкау, на другой сторонѣ рѣки Ардона, около сел. Цусъ, на 2-мъ Цусскомъ рудникѣ Кристи и князя Трубецкого, во время производства мной развѣдокъ на рѣчкѣ Цуссонъ-донъ, белемниты.

Всѣ эти находки не имѣютъ, однако, пока рѣшающаго характера, такъ какъ опредѣленія ихъ не установлены. Есть такъ же много противоположныхъ мнѣній. Такъ, напримѣръ, профессоръ Иностранцевъ, резюмируя результаты изслѣдованій Кавказскаго хребта по Архотскому перевалу, говоритъ, что если и будутъ найдены юрскіе черные сланцы, то нижняя часть сланцевъ все же должна быть отнесена къ палеозою.

Профессоръ Штейнманъ (Steinmann), проѣхавшій лѣтомъ 1897 года по Ардонскому ущелью, нашелъ въ черныхъ сланцахъ окаменѣлость, которую онъ опредѣляетъ какъ палеозойную, но профессоръ А. П. Павловъ полагаетъ, что это опредѣленіе еще не установлено.

Производя непрерывныя изслѣдованія на Кавказѣ въ теченіе 1½ лѣтъ, я составилъ себѣ мнѣніе, что не только верхняя часть глинистыхъ сланцевъ, лежащихъ подъ известнякомъ, но вся ихъ толщина имѣетъ лейасовый возрастъ. Нѣсколько различный петрографическій характеръ ихъ объясняется различною степенью метаморфизаціи.

Въ нижнихъ горизонтахъ описываемые черные сланцы переходятъ въ песчанники, имѣющіе также большую мощность.

Песчанники эти состоятъ изъ зернъ кварца, перемѣшанныхъ съ другими веществами. Они содержатъ окись желѣза и частью зерна хлориста и слюды. Цвѣтъ песчаниковъ бываетъ желтый, сѣрый, темно-сѣрый и зеленоватый. Верхніе слои этихъ песчанниковъ отчасти переслаиваются съ нижними слоями сланцевъ.

Паденіе слоевъ этихъ песчанниковъ на сѣверъ нѣсколько болѣе крутое, нежели паденіе сланцевъ. Геологическій возрастъ песчаниковъ слѣдуетъ принимать также за лейасовый.

Подъ этой толщей песчанниковъ и сланцевъ лежатъ граниты и протогины, но они обнажаются внѣ предѣловъ Ногкауской земли къ югу отъ нея.

Въ орографическомъ отношеніи земли сел. Ногкау занимаютъ относительную впадину между главнымъ хребтомъ и высокимъ известняковымъ хребтомъ. Высота сел. Ногкау 636 саж. (1357 метровъ). Высота известняковаго контрфорса противъ сел. Ногкау 3069 мет. (1438 саж., гора Косекъ). Высота самаго низкаго пункта земли сел. Ногкау—400 саженъ (853 метра).

Рудныя мѣсторожденія.

Ногкаускія рудныя мѣсторожденія имѣютъ характеръ кварцевыхъ жилъ, содержащихъ руду и проходящихъ въ черныхъ сланцахъ или въ песчанникахъ. Такихъ жилъ, заслуживающихъ вниманія, я могу назвать четыре.

Жила № 1.

Въ урочищѣ Дальвиндзъ на правомъ берегу р. Ногкау-коми-донъ, ниже впаденія въ нее р. Фаскау-донъ, въ ущельи Ногкау-комъ, на разстояніи 1 километра отъ р.

Ардона и отъ военно-осетинской дороги по тропѣ по ущелью, въ песчаникахъ, переслаивающихся со сланцами, проходитъ кварцевая жила, имѣющая толщину болѣе 1 метра, простираніе приблизительно съ востока на западъ и паденіе очень крутое, болѣе 80° на сѣверъ.

Выходъ ея ясно замѣтенъ на поверхности, и ее можно прослѣдить отъ самой рѣчки далеко вверхъ по крутому склону горы. Самый нижній выходъ ея находится на высотѣ 2134 метра (500 саж.) надъ уровнемъ моря. Въ этой жилѣ проходятъ параллельно ея бокамъ два, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ три прожилка чистаго свинцоваго блеска; толщина этихъ прожилковъ измѣняется; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она достигаетъ 15 сантиметровъ (для одного прожилка), въ другихъ мѣстахъ прожилки имѣютъ толщину по 10 и 5 сантиметровъ.

Къ свинцовому блеску кое-гдѣ бываютъ примѣшаны цинковая обманка и сѣрный колчеданъ. Кромѣ прожилковъ, эти минералы встрѣчаются также въ формѣ линзообразныхъ включеній и вкрапленностей въ кварцѣ. Кварцъ этой жилы имѣетъ ноздреватый и разъѣденный видъ, происшедшій отъ вымыванія и удаленія изъ поверхностныхъ частей жилы свинцоваго блеска, сѣрнаго колчедана и цинковой обманки. Онъ окрашенъ въ желтый и красный цвѣтъ окисью желѣза, образовавшеюся отъ разрушенія пирита.

Жила № 2.

На 30—40 метровъ выше предыдущей жилы по рѣчкѣ въ урочище Дальвиндзъ-адагъ, при впаденіи р. Фаскау-данъ въ р. Ногкау-коми-донъ, на правомъ берегу рѣчки, почти параллельно жилѣ № 1, проходитъ въ тѣхъ же породахъ кварцовая жила, имѣющая мощность около 2 метровъ, простираніе приблизительно съ О на W и паденіе около 80° на сѣверъ. Она также заключаетъ въ себѣ много свинцоваго блеска и цинковой обманки въ формѣ прожилковъ, включеній и вкрапленностей. Прожилки, состоящіе изъ чистыхъ минераловъ, имѣютъ толщину отъ 5 до 20 сантиметровъ.

Рудныя скопленія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ величины человѣческой головы. Эта жила отличается отъ предыдущей, во-первыхъ, тѣмъ, что цинковой обманки въ ней больше, чѣмъ въ жилѣ № 1, а во-вторыхъ, тѣмъ, что въ боковыхъ частяхъ жилы въ кварцѣ попадаются слои окружающей породы; эта жила имѣетъ видъ сложной жилы; она представляетъ собой систему трещинъ, то почти параллельныхъ, то соединяющихся одна съ другой, при чемъ вся эта система заполнена кварцемъ и минерализована. Кромѣ того, минерализованы прилегающія части окружающей породы, такъ что рядомъ съ жилой иногда на разстояніи до 10 метровъ можно встрѣтить довольно большія скопленія рудъ, величиной, напримѣръ, съ человѣческую голову; скопленія эти состоятъ преимущественно изъ цинковой обманки, но содержатъ также свинцовый блескъ и сѣрный колчеданъ; въ окружающей породѣ попадается много прожилковъ и включеній кварца. Нѣкоторыя части жилы имѣютъ очень темный, почти черный цвѣтъ, происходящій отъ присутствія марганцевыхъ соединеній. Продолженіе этой жилы видно также на противоположномъ берегу рѣчки.

Жила № 3.

На разстояніи около 1 километра отъ выхода жилы № 2, выше по рѣчкѣ Фаскау-донъ, въ урочищѣ Фаскау-адагъ, къ западу отъ селенія Ногкау, на высотѣ около 1,355 мет. (635 саж.) надъ уровнемъ моря находится выходъ 3-й жилы, мощность которой не была опредѣлена, такъ какъ лежачій бокъ ея закрытъ наносами и развѣдокъ тутъ произведено не было; во всякомъ случаѣ толщина этой жилы не менѣе 50 сантиметровъ. Эта жила проходитъ въ песчанникахъ и имѣетъ паденіе около 60°. Она мало обнажена и была недостаточно изслѣдована, но было ясно видно, что въ ней проходитъ прожилокъ вполнѣ чистой цинковой обманки толщиной не менѣе 20 сантиметровъ, при чемъ толщина эта сохраняется, не уменьшаясь. Кромѣ этого прожилка, въ жилѣ были замѣтны болѣе тонкіе прожилки чистой цинковой обманки и отдѣльныя включенія ея. Цинковая обманка, кромѣ того, попадается по сосѣдству съ жилой въ окружающей породѣ. Выходъ жилы этой находится подъ 61° 42′ 20″ в. д. и 42° 52′ с. ш.

Жила № 4.

Если отъ жилы № 3 подняться прямо въ гору, то на разстояніи отъ нея около ¼ километра, къ западу отъ селенія Ногкау, можно встрѣтить еще жилу. Мѣстность, гдѣ находится эта жила, называется Сэръ-хохъ.

Жила проходитъ въ сѣрыхъ, желтовато-сѣрыхъ и зеленовато-сѣрыхъ песчанникахъ и имѣетъ простираніе съ О на W; толщина ея не велика — всего около 20 сантиметровъ, но она содержитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ много цинковой обманки, къ которой примѣшанъ свинцовый блескъ.

Прочія рудныя мѣсторожденія.

Кромѣ кварцевыхъ жилъ, цинковая обманка встрѣчается на Ногкауской землѣ въ формѣ совершенно особенныхъ мѣсторожденій, а именно: она залегаетъ въ видѣ включенія, линзъ и пропластковъ въ массѣ породы, не будучи связана съ жильнымъ кварцемъ. Такое мѣсторожденіе, имѣющее солидные размѣры, находится къ SWW отъ селенія Ногкау на западномъ склонѣ горы Сау-сэръ, немного выше послѣдней ровной поляны. Западный склонъ этой горы (или хребта) состоитъ изъ слоевъ желтаго и сѣраго песчанника. Въ промежуткахъ между этими слоями и по трещинамъ находятся пропластки и линзы чистой цинковой обманки.

Скопленія эти иногда имѣютъ толщину болѣе 20 сантиметровъ и часто одинъ пропластокъ или линза тянется, постепенно дѣлаясь тоньше, на нѣсколько метровъ. Эти скопленія на обнаженномъ склонѣ горы Сау-сэръ очень часты; они наполняютъ сѣть многочисленныхъ трещинъ и промежутковъ между слоями этой горы. Иногда цинковая обманка, слѣдуя какой-нибудь болѣе постоянной трещинѣ, сама образуетъ жилку (не кварцевую) и такая жилка тянется на значительное пространство.

Въ виду густоты этой сѣти рудныхъ скопленій мнѣ кажется вполнѣ возможнымъ добыть здѣсь цинковую обманку разносомъ, тогда какъ всѣ другія Ногкаускія мѣсторожденія придется разрабатывать штольнями.

Къ цинковой обманкѣ въ этомъ мѣсторожденіи примѣшивается въ очень небольшомъ количествѣ свинцовый блескъ.

Такое же мѣсторожденіе цинковой руды нѣсколько меньшихъ размѣровъ находится на западномъ берегу сосѣдней горы, расположенной немного къ сѣверу, входящей въ составъ того же хребта и отдѣленной отъ описаннаго мѣсторожденія неглубокимъ оврагомъ.

Несмотря на мои поиски, я не могъ найти около этихъ скопленій настоящей кварцовой жилы. Но все-таки слѣдуетъ полагать, что невдалекѣ проходитъ мощная рудоносная жила, около которой и могли образоваться такіе прожилки рудъ въ породѣ.

Кромѣ того извѣстны небольшіе выходы жилъ съ цинковой и серебро-свинцовой рудой въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: на лѣвомъ берегу рѣки Ногкау-коми-донъ, выше впаденія въ нее р. Фаскау-донъ, посреди мыса между этими рѣчками, въ глубинѣ ущелья Ногкау-комъ недалеко отъ военно-осетинской дороги и т. д.

Большая часть поверхности Ногкаускихъ горъ скрыта подъ растительнымъ покровомъ, а поэтому, вѣроятно, большая часть рудныхъ жилъ еще неизвѣстна. Свинцовая руда описаннаго района (отборная) содержитъ отъ 60 до

80% Pb. и отъ 0,1 до 0,18% Ag., а цинковая руда—отъ 40 до 58% Zn и около 0,018% Ag.

П. Стрижовъ.

Владикавказъ,
10-го ноября 1897 г.

Минеральныя воды Кубанской области.

Минеральныя воды Кубанской области еще мало изслѣдованы, но то что зарегистровано изслѣдователями, указываетъ на богатство и разнообразіе источниковъ.

Въ *Екатеринодарскомъ отдѣлѣ*, помимо извѣстныхъ псекупсскихъ водъ (въ м. Горячемъ-Ключѣ), о чемъ во „Всемъ Кавказѣ“ помѣщена особая статья, мы должны отмѣтить сильный соленый источникъ по р. Убину, близъ пос. Азовскаго. Источникъ эксплоатировался горцами; имѣетъ легкій запахъ сѣроводорода.

Въ *Темрюкскомъ отдѣлѣ:* теплые Бугазскіе сѣрнистые источники; сильные сѣрнистощелочные близъ стан. Натухайской; солено-бромо-іодистый источникъ въ окрестностяхъ ст. Раевской. Таманскіе, числомъ 4, всѣ сѣрнистые, три холодныхъ и одинъ теплый.

Въ *Майкопскомъ отдѣлѣ.* Ширванское, въ 44 в. на ю.-з. отъ Майкопа и въ 6 верстахъ отъ ст. Ширванской, на берегу р. Кокодзъ, два холодн. источн.: одинъ—сѣрнисто-щелочной, темп. 13°,1 Ц., при 23° воздуха, даетъ въ минуту отъ 12—15 вед.; другой—углекисложелѣзистый, темп. 16°,6 С., даетъ въ минуту 10 стакановъ воды, Царскій, въ 4 в. на з. отъ ст. Царской, неизв. состава. Умпырскій—горькосоленый въ верховьяхъ М. Лабы, на вовораздѣлѣ между М. Лабой и Уруштеномъ.

Въ *Баталпашинскомъ отдѣлѣ.* Учкуланскій, въ верховьяхъ р. Учкулана, углекислый. Уллухурзукскіе, близъ подошвы Эльбруса, углекисложелѣзистые, числомъ 5, въ ущельи Битюкъ-тюбе-су.

Индышскій, на лѣвомъ берегу р. Индышъ, въ 1½ верст. выше впаденія ея въ Кубань, углекислощелочной, съ примѣсью соли. Джемаатскій, на лѣвомъ берегу рѣки Джемаата, лѣваго притока р. Теберды, въ 4 верст. отъ устья, углекислый, сильно желѣзистый, дебитъ около 60 ведеръ въ часъ. Температура 5,6° С. Карачаевцы передаютъ, что вблизи есть еще два источника. Марскій, близъ аула Карачаевскаго Мара, углекислощелочный. Джалалкольскій—въ 6 верст. отъ Джалалкольскаго моста на р. Кубани близъ ст. Верхне-Николаевской, сильный желѣзисто-углекислый въ саженяхъ 5—6 отъ дороги. Температура 12° С. Вокругъ источника и на днѣ его черная грязь (сѣрнистое желѣзо); пузырки углекислоты поднимаются довольно часто. Колодецъ наполняется быстро. Тамъ же, по словамъ старожиловъ, есть еще два подобнаго состава источника. Тибердинскій соленый источникъ, на берегу р. Теберды, между долиною Джингерикъ и Сенты, недалеко отъ сторожки.

По разсказамъ карачаевцевъ, у перевала Джелкъ-аумъ (подъ ледникомъ) въ верховьяхъ Джемаата есть „кислая вода“. Близъ аула Доутъ (3 версты), въ 50 саженяхъ отъ берега р. Доутъ—два желѣзисто-углекислыхъ источника. Въ мѣстности Джазлы, по словамъ карачаевцевъ, былъ кислый источникъ, нынѣ заваленный землею.

А. Д-Т.

НЕБОЛЬШІЯ РАЗВѢДКИ ЗОЛОТА ВЪ СРЕДНЕЙ ЧАСТИ СѢВЕРНАГО КАВКАЗА.

И. Стрижова.

Въ этомъ краткомъ очеркѣ я хочу разсказать исторію одной попытки найти золото на сѣверномъ Кавказѣ.

Весной 1896 г. я, находясь на Уралѣ, былъ приглашенъ на 2 мѣсяца одной московской компаніей произвести небольшія развѣдки золота на Кавказѣ, гдѣ эта компанія взяла для изысканій и эксплоатаціи довольно значительную площадь.

Я никогда не былъ на Кавказѣ, не имѣлъ достаточныхъ геологическихъ свѣдѣній о той мѣстности, куда мнѣ приходилось ѣхать; не зналъ, можетъ или нѣтъ тамъ быть золото, и вслѣдствіе этого, имѣя надежду найти его, поѣхалъ.

Площадь, гдѣ нужно было искать золото, составляла имѣніе одной туземной (дигорской) фамиліи, размѣрами до 13000 десятинъ и была расположена отчасти въ предгоріяхъ сѣвернаго Кавказа, отчасти на слабо покатой къ сѣверу равнинѣ, прилегающей къ этимъ предгорьямъ. Имѣніе это находилось въ 25 верстахъ къ югу отъ станціи Даргкохъ, владикавказской ж. д. вокругъ селенія Туганово, между селеніями Карагачъ, Н. Христіанское и В. Магометанское, въ 3 участкѣ Владикавказскаго округа Терской области, по рѣчкѣ Дурдуръ (и его притокамъ), впадающей съ лѣвой стороны въ р. Терекъ.

Первый-же день, какъ только я пріѣхалъ, мнѣ принесъ сильное разочарованіе. Орографія, тектоника и первыя поверхностныя данныя геологіи этой мѣстности говорили противъ того, чтобы здѣсь было золото.

Я пріѣхалъ не начинать работы, а только продолжать, такъ какъ онѣ были начаты за 3 мѣсяца передъ тѣмъ г. Е. (работавшимъ ранѣе по золоту въ Сибири); но г. Е. ко времени моего пріѣзда уже не было; онъ уѣхалъ, а развѣдки производилъ только штейгеръ Г. Е. Трофимовъ (также работавшій ранѣе въ Сибири).

Развѣдки состояли въ шурфованіи и промывкѣ породы на маленькомъ переносномъ вашгердѣ сибирскаго типа. Шурфами развѣдывались долины рѣчки Дурдуръ и его притоковъ Дархъ-тагъ, Хасфаракъ и др. Шурфовъ было выбито уже довольно много, но глубина ихъ была небольшая.

На другой день по пріѣздѣ, осмотрѣвши развѣдки, я остановилъ работы и предпринялъ детальный осмотръ имѣнія и его окрестностей, геологическое изученіе мѣстности, ознакомленіе съ исторіею вопроса о золотѣ этой мѣстности и изслѣдованіе прочихъ обстоятельствъ дѣла. Для геологическаго изслѣдованія я сдѣлалъ много экскурсій верхомъ и пѣшкомъ по средней части сѣвернаго Кавказа и былъ много разъ далеко за предѣлами развѣдываемаго имѣнія.

Эти занятія выяснили слѣдующее:

Основаніемъ для поисковъ золота въ этой мѣстности послужили старыя преданія и праздные разсказы туземцевъ о томъ, что будто-бы тутъ прежде находили золото, и присутствіе на горѣ Стурхъ нѣсколькихъ ямъ, принимаемыхъ туземцами за древніе рудники. Кромѣ того около 1894 г. въ этой мѣстности появился мѣщанинъ Б., побывавшій гдѣ-то на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ, который и увѣрилъ владѣльцевъ изслѣдуемаго имѣнія, что у нихъ есть золото. Владѣльцы поручили ему развѣдки, и онъ, проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ, выбивъ довольно основательную шахту глубиной въ 12 сажень и не добившись никакого результата, ушелъ. Но онъ показывалъ владѣльцамъ золото, будто-бы добытое изъ этой шахты, и они, рѣшивъ поручить поиски серьезнымъ лицамъ, передали это дѣло московской компаніи.

Равнина, прилегающая въ изслѣдуемомъ районѣ къ предгоріямъ, состояла изъ валуновъ ледниковаго происхожденія, перемѣшанныхъ съ пескомъ и глиной и не подвергнутыхъ въ массѣ сортировкѣ. Сортировка слабо коснулась лишь нѣкоторыхъ мѣстъ этой породы. Валуны были размѣрами отъ величины яйца до нѣсколькихъ кубическихъ саженъ, большею-же частью величиной въ половину человѣческой головы. Эти моренные валунно-песчано-глинистые пласты созданы были древними ледниками. На значительной части изслѣдуемой мѣстности они были превращены въ флювіо-гляціальныя отложенія почти такого-же характера.

Эти ледниковыя отложенія имѣютъ очень большую мощность въ нѣсколько десятковъ саженъ. Они покрываютъ большую часть изслѣдуемой площади. Всѣ развѣдки велись въ этой породѣ. Она и служила матеріаломъ для промывки. Настоящихъ рѣчныхъ отложеній—древнихъ или новыхъ, здѣсь почти нѣтъ. Лишь кое-гдѣ пріютится маленькій островокъ песку или глины (безъ золота). Рѣки и рѣчки текутъ очень быстро и все смываютъ. Постелью для нихъ служитъ непосредственно указанная валунная порода, по которой онѣ широко разливаются, часто мѣняя русло.

Далѣе къ сѣверу на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ предгорій эти валунные ледниковые пласты начинаютъ покрываться тонкимъ слоемъ четвертичнаго отложенія—именно, Каспійскаго яруса, который золота конечно, не содержитъ.

Подъ валунными ледниковыми пластами находятся мощныя третичныя отложенія, состоящія большею частью изъ рыхлыхъ породъ. Но эти третичныя отложенія на равнинѣ нигдѣ не обнажены. Они обнажаются только въ предгорьяхъ, по долинамъ рѣкъ, гдѣ можно постепенно видѣть послѣдовательность слоевъ, даже и болѣе глубокихъ нежели третичные, такъ какъ по направленію къ югу въ область горъ слои, лежавшіе на равнинѣ горизонтально, постепенно выводятся изъ своего положенія и ставятся все болѣе и болѣе на ребро; при этомъ они и образуютъ горы. Но если мы отодвинемся на нѣсколько верстъ отъ предгорій къ сѣверу, то подъ указанными рыхлыми валунными отложеніями найдемъ сильно сцементированные, довольно плотные песчано-глинистые-валунные слои, приближающіеся по плотности къ конгломератамъ. Валуны этихъ слоевъ—гораздо болѣе мелкіе, въ среднемъ величиной въ яйцо, и болѣе окатанные. Эта порода имѣетъ тоже ледниковое происхожденіе. Я приравниваю ее къ древнему нижнему шоттеру. Она лежитъ уже въ предѣлахъ равнины, обнажается только по берегамъ болѣе значительныхъ рѣкъ и золота не содержитъ.

Третичные пласты состоятъ изъ песчанистыхъ мергелей, зеленоватыхъ и черныхъ сланцеватыхъ глинъ, тонкихъ пропластковъ песка и песчаника и тонкихъ прослойковъ кремнистаго и желѣзистаго известняка.

Все это золота не содержитъ.

Подъ третичными слоями лежатъ слои мѣловой системы, обнажающіеся еще болѣе къ югу и состоящіе изъ рыхлыхъ породъ и твердыхъ известняковъ. Послѣдніе налегаютъ на юрскіе известняки, которые немного южнѣе образуютъ очень высокій горный хребетъ. Юрскіе известняки имѣютъ здѣсь очень большую толщину. Хребетъ ихъ представляетъ собой мощный контрфорсъ, рѣзко отдѣляющій вышеуказанныя породы отъ всего, что лежитъ южнѣе, т. е. отъ горной области съ древними породами, гдѣ можетъ быть было-бы возможно встрѣтить золото. Но этотъ хребетъ не пустилъ-бы сюда золота. Онъ служитъ въ этомъ районѣ водораздѣломъ. Системы р. Дурдура и Бѣлой рѣчки (Урстони-донъ) не проникаютъ за этотъ хребетъ. Онѣ берутъ начало на сѣверномъ склонѣ. Этотъ хребетъ прорѣзывается по одну сторону нашего района рѣкою Урухъ, а по другую сторону рѣкою Ардономъ. Но эти рѣки протекаютъ въ сторонѣ отъ нашего района, не затрогивая его. Урухъ проходитъ на нѣсколько верстъ западнѣе изслѣдуемой площади, а Ардонъ на 16 верстъ восточнѣе; при этомъ наша площадь въ гипсометрическомъ отношеніи возвышается надъ этими рѣками, а особенно надъ Урухомъ. Обѣ рѣки—и Ардонъ и Урухъ, выходятъ изъ чисто горной области съ древними породами; въ этой области онѣ имѣютъ очень сложныя рѣчныя системы захватывающія обширныя пространства. Урухъ омываетъ районъ, лежащій противъ нашей площади по другую сторону известняковаго контрфорса. Районъ этотъ представляетъ собою небольшую страну „Горную Дигорію", выходя изъ которой Урухъ известняковымъ хребтомъ отклоняется сильно къ западу. Урухъ и Ардонъ впадаютъ въ Терекъ.

Подъ известняками, слагающими высокій хребетъ, лежатъ черные глинистые, сильно метаморфизованные, сланцы, которые слѣдуетъ отнести также къ юрѣ; они имѣютъ большую мощность (болѣе 100 саж.) и паденіе отъ 25° до 80° на сѣверъ. Это есть первая, начиная съ сѣвера или сверху (или-же самая молодая) порода, заключающая въ себѣ въ средней части сѣвернаго Кавказа кварцевыя жилы съ какими либо металлическими рудами. Она содержитъ кое-гдѣ жилы, въ которыхъ попадаются свинцовый блескъ, цинковая обманка и сѣрный колчеданъ. Но хорошихъ жилъ въ этой породѣ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, и оруденѣлость вообще очень небольшая.

Подъ сланцами лежатъ твердые песчаники, относимые также къ юрѣ и имѣющіе приблизительно одинаковое со сланцами паденіе, но гораздо меньшую мощность. Оруденѣлость песчаниковъ болѣе значительная, нежели оруденѣлость сланцевъ.

Подъ песчаниками лежатъ уже граниты, обнажающіеся версты на 4 или 5 южнѣе известняковаго хребта. Граниты эти очень древніе. Я считаю, что между гранитами и юрскими песчаниками здѣсь палеозойскихъ слоевъ нѣтъ. Граниты въ средней части сѣвернаго Кавказа содержатъ много кварцевыхъ рудоносныхъ жилъ. Жилы эти кромѣ кварца заключаютъ кальцитъ и хлоритъ, а изъ металлическихъ рудъ: свинцовый блескъ, цинковую обманку, сѣрный колчеданъ, пирротинъ и мѣдный колчеданъ. Въ chapeau de fer эти жилы кромѣ того содержатъ лимонитъ, сидеритъ, мѣдную синь, мѣдную зелень, церусситъ и галмей. Мы нашли въ нѣкоторыхъ изъ этихъ жилъ также мышьяковый колчеданъ и ковеллинъ. Ближе къ центральному Кавказскому хребту мы нашли жилы особой категоріи, содержащія мало кварца и состоящія преимущественно изъ мышьяковаго колчедана съ примѣсью мѣднаго колчедана, шеелита, молибденита, сѣрнаго колчедана, магнитнаго колчедана и очень небольшихъ количествъ цинковой обманки. Жилы эти имѣютъ очень небольшую толщину и скоро выклиниваются. Есть также жилы ленточнаго кварца съ мѣднымъ колчеданомъ и продуктами его разрушенія; такихъ жилъ очень мало, и онѣ находятся также ближе къ центральному хребту.

Гранитная область непосредственно подходитъ къ центральному Кавказскому хребту и включаетъ его въ себя.

Нѣкоторыя изъ горъ этой области представляютъ собой потухшіе вулканы, и въ гранитной полосѣ встрѣчаются застывшіе потоки вулканическихъ породъ, преимущественно трахитовъ. Оруденѣлости въ нихъ нѣтъ.

Имѣніе, гдѣ мы искали золото, расположено преимущественно на рыхломъ валунномъ отложеніи. Часть его лежитъ на третичныхъ отложеніяхъ, и очень небольшая часть на слояхъ мѣловой системы. Вліяніе области съ древними породами и рудными жилами здѣсь устранено; сюда не попадаетъ ни одна капля воды, бывшей въ той области. На это имѣніе не имѣетъ прямого вліянія даже юрскій известнякъ, отдѣляющій его глухою стѣной отъ области древнихъ породъ, ибо воды, сбѣгающія съ этого известняка, попадаютъ въ Бѣлую рѣчку, отводящую ихъ на востокъ и несущую въ сторонѣ отъ имѣнія.

Принявъ во вниманіе приведенное геологическое описаніе, поставимъ теперь вопросъ:

Въ какихъ изъ вышеуказанныхъ породъ, находящихся въ предѣлахъ имѣнія, возможно золото?

Очевидно—ни въ какихъ.

Здѣсь нѣтъ ни золотоносныхъ жилъ, ни розсыпей. Что золотоносныхъ жилъ нѣтъ, это ясно, и доказывать сего не нужно.

Розсыпей же нѣтъ не только потому, что мы ихъ не нашли, но и потому, что онѣ здѣсь не могли образоваться. Ни одно условіе образованія розсыпей здѣсь не соблюдено.

Единственнымъ возможнымъ источникомъ образованія розсыпей въ средней части сѣвернаго Кавказа нужно было бы признать граниты, если бы только эти розсыпи

были; при самой большой натяжкѣ можно было бы присоединить въ этомъ случаѣ къ гранитамъ еще вулканическія породы и юрскіе песчаники и сланцы. Но эти породы не имѣютъ вліянія на изслѣдуемое имѣніе. Продукты ихъ разрушенія уносятся мимо имѣнія. Имѣніе, не содержа само породъ, могущихъ заключить кварцевыя жилы или золото, также не имѣетъ ни одной рѣчки, которая выходила бы изъ такой породы, и не имѣло ея въ прошедшемъ.

Кромѣ геологическихъ, здѣсь не выполнены орографическія и прочія условія образованія розсыпей.

Однако остался еще одинъ исходъ для золотоискателя: валуны, слагающіе обширныя валунныя отложенія этой площади, состоятъ сами не только изъ известняка, но и изъ гранита, трахита, сланцевъ, песчаника и даже кварца. Кварцевыхъ валуновъ, конечно, значительно меньше, чѣмъ прочихъ, но все-таки они попадаются довольно часто. Вотъ эти валуны и могли бы содержать золото и даже могли бы при своемъ разрушеніи образовать розсыпи. Разсмотримъ этотъ вопросъ.

Какъ попали сюда такіе валуны?

Въ началѣ четвертичной эпохи ледники Дигоріи простирались гораздо дальше. По Урухскому ущелью даже въ области известняковъ проходилъ ледникъ и при выходѣ изъ узкаго известняковаго ущелья располагался по мѣловымъ и третичнымъ породамъ и простиралъ свое вліяніе еще шире, захватывая имъ всю интересующую насъ площадь. Теперь вода Уруха бѣжитъ очень низко, въ глубокой рѣчной долинѣ, и породы могутъ передвигаться только по этому руслу или же смываться въ него съ прочихъ даже и высокихъ мѣстъ. А тогда передвиженіе породъ было гипсометрически гораздо выше, и онѣ могли заноситься даже и на самыя возвышенныя части изслѣдуемаго имѣнія. Передвиженіе породъ сначала содержалось самимъ ледникомъ въ видѣ моренъ, которыя были подняты гораздо выше нынѣшняго уровня Уруха. Впослѣдствіи при таяніи и отступаніи ледниковъ въ перенесеніи валуновъ приняла большое участіе вода, которая также могла заносить ихъ гораздо дальше, чѣмъ теперь. Словомъ, приводимый въ движеніе ледникомъ потокъ валуновъ изъ области древнихъ породъ по выходѣ изъ Урухскаго ущелья широко распространился, при участіи впослѣдствіи воды, въ области предгорій и по равнинѣ; онъ захватилъ и все развѣдываемое имѣніе.

Теоретически золото въ этихъ ледниковыхъ отложеніяхъ возможно. Дѣйствительно, тщательно промывая песчано-глинисто-валунную породу, мы находили изрѣдка золото, но, во-первыхъ, очень мелкое и, во-вторыхъ, въ очень небольшихъ количествахъ. Большею частью оно совсѣмъ не попадалось, но иногда содержаніе его доходило до 2 доль на 100 пудовъ. При промывкѣ получался шлихъ, состоящій изъ свинцоваго блеска, иногда съ примѣсью небольшого количества мельчайшихъ рубиновъ.

Все это весьма объяснимо. Кварцевые валуны происходили, по всей вѣроятности, изъ жилъ, проходящихъ гдѣ нибудь въ гранитахъ и могущихъ содержать колчеданы, свинцовый блескъ, рубины и золото. При разрушеніи валуновъ крупинки золота, рубина и кусочки свинцоваго блеска, попадали въ глину и песокъ, примѣшанные къ валунамъ. Но при этомъ нигдѣ не происходило естественнаго обогащенія золотосодержащаго мѣсторожденія или концентраціи золота, такъ какъ небыло для сего подходящихъ условій. Въ странѣ нѣтъ никакихъ рѣчныхъ отложеній, похожихъ на розсыпи. Въ валунныхъ же слояхъ золота слишкомъ мало и разрабатывать его нѣтъ рѣшительно никакой выгоды. Расшурфовавъ обширную площадь, мы нигдѣ не натолкнулись на содержаніе болѣе 2 доль.

Эту мѣстность въ смыслѣ образованія розсыпей слѣдуетъ считать отрѣзанной отъ кварцевыхъ жилъ. Кварцъ попадалъ сюда косвеннымъ путемъ и въ очень малыхъ количествахъ. Продукты разрушенія жилы были разбавлены массой иныхъ породъ; они терялись въ этихъ породахъ. Здѣсь было не больше шансовъ для образованія розсыпи, чѣмъ, напримѣръ, подъ Москвой, гдѣ есть много ледниковъ валуновъ, состоящихъ между прочимъ изъ кристаллическихъ породъ и изъ кварца, и гдѣ также можно найти въ ничтожныхъ количествахъ золото.

Отказавшись отъ розсыпей, я поставилъ вопросъ: не найдется ли достаточно золота въ кварцевыхъ валунахъ, разсѣянныхъ по обширнымъ русламъ мѣстныхъ рѣчекъ?

Разбивъ много валуновъ, мы нашли въ одномъ изъ нихъ включеніе мышьяковаго и сѣрнаго колчедана. Сдѣлали анализъ его и нашли золото съ содержаніемъ 1 зол. 25 доль на 100 пудовъ.

Тогда я поставилъ вопросъ: нельзя ли собирать по русламъ рѣчекъ и по другимъ обнаженіямъ кварцевые валуны, толочь ихъ, промывать (съ амальгамаціей или иными способами) и извлекать золото?

Мы обошли много рѣчекъ и нашли количество кварцевыхъ валуновъ недостаточнымъ. Кромѣ того мы сдѣлали много анализовъ такихъ валуновъ, но золота ни въ одномъ не нашли.

Къ свѣдѣнію долженъ замѣтить, что колесныхъ дорогъ въ этой мѣстности мало, и онѣ очень плохи.

Для окончательнаго рѣшенія задачи о золотѣ я разсмотрѣлъ еще одинъ вопросъ:

Существуютъ ли коренныя золотосодержащія мѣсторожденія въ области древнихъ (кристаллическихъ и иныхъ) породъ, что мы предполагали при разсмотрѣніи вопроса о розсыпяхъ?

Мнѣ пришлось довольно близко ознакомиться съ этой древней областью, гдѣ наблюдаются кварцевыя и рудоносныя жилы; я изучалъ эту область и эти жилы почти три года (впослѣдствіи уже не съ цѣлью найти золото, а имѣя въ виду иныя руды). Было произведено много анализовъ разныхъ составныхъ частей весьма многихъ жилъ. Мы анализировали на золото кварцъ, хлоритъ, известковый шпатъ, лимонитъ, сидеритъ, сѣрный колчеданъ, пирротинъ, мѣдный колчеданъ, цинковую обманку, свинцовый блескъ, мѣдную зелень, мышьяковый колчеданъ и шеелитъ.

Большинство анализовъ золота не обнаружило. Общіе выводы я могъ сдѣлать слѣдующіе: кварцевыя жилы, не заключающія колчедановъ, золота не содержатъ. Въ кварцевыхъ жилахъ, содержащихъ только сѣрный колчеданъ, мы золота тоже никогда не находили. Свинцовый блескъ содержитъ золото, но въ очень малыхъ количествахъ, большею частью только слѣды; разрабатывать жилы съ свинцовымъ блескомъ на золото нѣтъ никакой выгоды; если же выплавлять изъ свинцоваго блеска свинецъ и извлекать также серебро, которое содержится въ свинцовомъ блескѣ въ количествахъ отъ $1^1/_2$ до 9 золотниковъ на пудъ, то серебро будетъ заключать немного золота, которое и можно оттуда извлечь.

Въ жилахъ, состоящихъ изъ арсенопирита и небольшихъ количествъ кварца и заключающихъ кромѣ того иногда мѣдный колчеданъ, пирротинъ и шеелитъ, мы находили болѣе значительныя количества золота, которое содержится въ арсенопиритѣ, но содержаніе его также очень мало, самыя мѣсторожденія незначительны и разрабатывать ихъ на золото выгоды нѣтъ. Въ пирротинѣ нѣкоторыхъ жилъ также было обнаружено золото, но съ меньшимъ содержаніемъ. Въ прочихъ минералахъ мы золота не находили.

Образцы для анализовъ мы брали не только съ поверхности, но и изъ глубины, такъ какъ жилы въ теченіи двухъ лѣтъ развѣдывались на свинецъ и цинкъ. Кругъ нашего изслѣдованія обнималъ болѣе сотни жилъ. Другихъ рудныхъ мѣсторожденій, помимо жильныхъ, въ горной области за известняками мы не нашли (если не считать очень бѣдныхъ сферосидеритовъ).

Такимъ образомъ я пришелъ къ результату, что самостоятельныхъ золотосодержащихъ коренныхъ мѣсторожденій въ средней части сѣвернаго склона Кавказа

нѣтъ. Золото примѣшано въ малыхъ количествахъ къ нѣкоторымъ сѣрнистымъ металламъ, но содержаніе его очень мало, прочія условія неблагопріятны, и такія мѣсторожденія не могутъ послужить источникомъ для образованія розсыпей. Жилы горной области съ древними породами не могли дать розсыпей по сѣверную сторону известняковаго хребта, напримѣръ, въ предѣлахъ интересовавшаго насъ имѣнія. Эти жилы не могли дать розсыпей даже и въ самой области древнихъ породъ по южную сторону известняковъ. Въ этой области рѣчныя отложенія очень незначительны: рѣки и рѣчки текутъ очень быстро и все смываютъ, оставляя или голыя скалы или большіе валуны; гравій, песокъ и глина встрѣчаются, но въ очень ограниченныхъ количествахъ, и золота въ нихъ я совсѣмъ не находилъ; кромѣ этихъ отложеній на юрскихъ и древнихъ породахъ этой области встрѣчаются только современныя осыпи и ледниковыя отложенія, но и они золотоносныхъ мѣсторожденій собой не представляютъ. Розсыпи здѣсь не могли образоваться также и потому, что коренныя мѣсторожденія слишкомъ не значительны.

Произведя часть вышеизложенныхъ изслѣдованій, сколько я успѣлъ сдѣлать въ теченіе мѣсяца, я поставилъ снова въ изслѣдуемомъ имѣніи небольшія развѣдочныя работы съ цѣлью выяснить содержаніе золота въ ледниковыхъ песчано-глинисто-валунныхъ отложеніяхъ. Оно опредѣлилось отъ 0 до $1^1/_2$ золотниковъ на 100 пудовъ породы. Затѣмъ работы были окончательно прекращены и московская компанія отказалась отъ этой площади. Такъ какъ я имѣлъ порученія искать и пріобрѣтать для эксплоатаціи также и другія рудныя мѣсторожденія по сосѣдству, то я обратилъ свое вниманіе на горную область съ древними породами, которую и изслѣдовалъ (впослѣдствіи при участіи нѣкоторыхъ другихъ лицъ, напримѣръ, минералога В. Г. Орловскаго) въ предѣлахъ почти всей средней части сѣвернаго Кавказа, по бассейнамъ рѣкъ Терека, Гизель-дона, Фіагъ-дона, Ардона, Уруха и другихъ. Область эта оказалась довольно богатой свинцовымъ блескомъ и цинковой обманкой; найдено было много рудоносныхъ жилъ, мѣсторожденія были подвергнуты развѣдкамъ, и на жилахъ Ардонскаго и Урухскаго ущелій основалось, организованное г-ми Г. И. Кристи, кн. С. Н. Трубецкимъ и Л. В. Готье, терское горнопромышленное акціонерное общество.

Занимаясь уже серебросвинцовыми и цинковыми мѣсторожденіями, я производилъ наблюденія и по золоту, которыя дали мнѣ вышеизложенные выводы и подтвердили мнѣніе, къ которому я пришелъ по вопросу о золотѣ, оканчивая еще въ 1896 г. развѣдки вышеуказаннаго имѣнія.

Это отрицательное въ отношеніи золота мнѣніе должно быть приложено ко всей средней части сѣвернаго Кавказа, хотя бы гдѣ-нибудь въ рѣчныхъ или ледниковыхъ отложеніяхъ содержаніе золота и превзошло 2 доли на 100 пудовъ.

КАВКАЗСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ[1].

Четыре группы Кавказскихъ минеральныхъ водъ, обладающія болѣе чѣмъ 50 различными цѣлебными для наружнаго и внутренняго употребленія источниками и цѣлебными грязями, могли бы исцѣлить сотни тысячъ людей, еслибы свѣдѣнія о водахъ и бальнеологическихъ учрежденіяхъ были достаточно распространены въ публикѣ.

Соединеніе на столь небольшомъ пространствѣ разнообразныхъ источниковъ даетъ огромное преимущество передъ заграничными курортами, позволяя пользоваться комбинированнымъ лѣченіемъ. Можно пользоваться, напримѣръ, сѣрными ваннами въ Пятигорскѣ и пить свѣжія воды другихъ группъ или, находя болѣе цѣлесообразнымъ пить воду непосредственно одного изъ Ессентукскихъ источниковъ, ѣздить брать ванны Нарзана въ Кисловодскъ, куда нѣсколько минутъ ѣзды при ежедневныхъ 30 поѣздахъ. Желая пользоваться горнымъ воздухомъ Кисловодска, можно въ то же время имѣть свѣжія воды источниковъ остальныхъ группъ. Кромѣ того, кумысъ, приготовляющійся на всѣхъ группахъ, грязелѣченіе, имѣющееся на трехъ группахъ—все это даетъ возможность болѣе, чѣмъ гдѣ либо за-границей, выбрать группу наиболѣе благопріятную для особенностей каждаго больного.

Среди лицъ, слышавшихъ о нашихъ водахъ, составилось представленіе о неудобствахъ и дороговизнѣ жизни на Кавказскихъ курортахъ, но едва-ли такое представленіе правильно. Дѣло въ томъ, что у насъ такъ же, какъ и на заграничныхъ курортахъ, квартиры поднимаются въ цѣнѣ въ разгаръ сезона и людямъ экономнымъ надо ѣхать или въ началѣ, или въ концѣ сезона и тогда можно устроиться и достаточно удобно и не дорого, но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ наша публика на это соображеніе обращаетъ мало вниманія и всѣ скопляются въ одно время—на іюнь-іюль, тогда какъ сезонъ открывается на Пятигорской группѣ 1 мая, а закрывается на Кисловодской группѣ 1 октября. Несомнѣнно, что погода въ началѣ и концѣ сезона не столь жаркая, какъ въ серединѣ, но за то въ серединѣ сезона приходится многимъ довольствоваться ваннами въ 5, 6 и 7 часовъ утра, когда температура воздуха сравнительно низкая, въ остальное же время сезона всегда можно имѣть ванны въ часы ближе къ полуденнымъ.

Пріѣзжающіе больные часто становились въ затруднительное положеніе тѣмъ, что прямо съ вокзала желѣзной дороги съ вещами отправлялись искать квартиры и, руководимые извощиками, останавливались въ дорогихъ и неудобныхъ помѣщеніяхъ. Для устраненія этого неудобства на трехъ группахъ: въ Кисловодскѣ, Ессентукахъ и Желѣзноводскѣ, въ сезонъ 1902 г. было отведено по 18 номеровъ въ казенныхъ баракахъ спеціально для сдачи пріѣзжающимъ на время пріисканія квартиръ. Въ этихъ номерахъ можно будетъ жить не болѣе 3 сутокъ, чтобы дать возможность большинству пріѣзжающихъ пріискать себѣ квартиру болѣе осмотрительно. Кромѣ того, на всѣхъ группахъ имѣются справочныя квартирныя конторы.

[1] „Кавк. минер. воды", 1902 г.

Современное состояніе Кавказскихъ минеральныхъ водъ.

Пятигорскъ и смежные съ нимъ Желѣзноводскъ, Ессентуки и Кисловодскъ поражаютъ обиліемъ и разнообразіемъ своихъ минеральныхъ водъ. Въ этомъ отношеніи съ Пятигорскомъ не можетъ сравниться никакая другая мѣстность въ Европѣ. Здѣсь сгруппированы: углекислые, соляно-щелочные, сѣрно-щелочные, сѣрнистые, горько-соленые, желѣзисто-щелочные и квасцовые источники вмѣстѣ съ цѣлебными грязями и термами. Подъ именемъ собственно **Кавказскихъ минеральныхъ водъ** съ давнихъ поръ въ общежитіи и подразумѣваютъ именно минеральныя воды Пятигорья.

Первыя оффиціальныя свѣдѣнія о Кавказскихъ водахъ относятся къ 1717 года, когда Петръ Великій поручилъ своему лейбъ-медику Шоберу изслѣдовать ихъ, но только съ 1803 г., по указу императора Александра I, признано за кавказскими водами государственное значеніе: лѣчащіеся больные берутся подъ охрану мѣстныхъ войскъ, предписывается приступить къ постройкѣ необходимыхъ медицинскихъ приспособленій, назначается постоянный врачъ при водахъ. Съ 1804 г. мы уже имѣемъ оффиціальный отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ о состояніи Кавказск. минер. водъ. Такимъ образомъ, первымъ годомъ существованія Кавк. минер. водъ нужно признать 1803 годъ. Прочное начало благоустройству нашихъ курортовъ положено было въ первой четверти текущаго столѣтія, въ періодъ съ 1819 до 1830 года. Въ „Путешествіи въ Эрзерумъ“ А. С. Пушкинъ такъ описываетъ свои впечатлѣнія по поводу перемѣнъ, происшедшихъ на водахъ въ промежутокъ времени между 1820 и 1829 годами:

„Въ Ставрополѣ увидѣлъ я [1]) на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры ровно за девять лѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ же мѣстѣ. Это—снѣжныя вершины Кавказской цѣпи.

„Изъ Георгіевска я заѣхалъ на Горячія воды. Здѣсь нашелъ большую перемѣну. Въ мое время ванны находились въ лачужкахъ, наскоро построенныхъ. Источники, большею частью въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ коры или дномъ разбитой бутылки. Нынѣче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склону Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленыя лавочки, правильные цвѣтники, мостики, павильоны. Ключи обдѣланы и выложены камнемъ; на стѣнахъ ваннъ прибиты предписанія отъ полиціи; вездѣ порядокъ, чистота, красивость“...

Съ тѣхъ прошло 70 лѣтъ, въ теченіе которыхъ благоустройство Кавказскихъ водъ сдѣлало большіе успѣхи. Наряду съ научнымъ изученіемъ источниковъ принимались энергичныя мѣры для ихъ сохраненія и для предоставленія публикѣ возможно большихъ удобствъ въ лѣчебномъ отношеніи. Самымъ оживленнымъ періодомъ въ развитіи благоустройства Кавказскихъ минеральныхъ водъ слѣдуетъ считать время съ 1883 года, когда воды были переданы изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ въ министерство государственныхъ имуществъ и послѣ продолжительной аренды поступили въ казенное управленіе. Укажемъ въ краткихъ чертахъ главнѣйшія мѣропріятія, вызванныя заботами объ улучшеніи курортовъ.

Въ 1883 году Кавказскія минеральныя воды находились въ незавидномъ положеніи: за весьма малыми исключеніями, источники были не разработаны и не обдѣланы, штольни ихъ находились въ плохомъ состояніи и даже разрушались; большая часть бальнеологическихъ заведеній не удовлетворяла своему назначенію, съ одной стороны, вслѣдствіе давней постройки, а съ другой потому, что отстала отъ требованій современной науки; число ваннъ далеко недостаточно было для удовлетворенія потребности въ нихъ.

[1]) Это было въ 1829 году.

Къ устраненію перечисленныхъ недостатковъ приступлено было уже съ 1885 года и за 16 лѣтъ воды стали неузнаваемы.

Въ Пятигорскѣ капитально отремонтированы зданія Николаевскихъ и Ермоловскихъ ваннъ (съ замѣною цинковыхъ ваннъ кафельными), при чемъ въ послѣднемъ изъ нихъ устроены ванны для лѣченія грязью Тамбуканскаго озера, а Николаевскія ванны увеличены пристройкою новыхъ 13 кабинъ. Улучшено зданіе Теплосѣрныхъ ваннъ, въ которомъ цинковыя ванны тоже замѣнены кафельными. Разработанъ и каптированъ источникъ Баталинскій, называвшійся ранѣе источникомъ Маріи-Терезіи, у колоніи Каррасъ, вода котораго по составу принадлежитъ къ горько слабительнымъ водамъ и можетъ съ полнымъ успѣхомъ замѣнять распространенную въ Россіи венгерскую воду Гуніади и другія иностранныя горькія воды; для удобства посѣтителей у источника поставленъ павильонъ. Въ 1894 году при Николаевскомъ и Ермоловскомъ ванныхъ зданіяхъ устроены новые холодильники, взамѣнъ прежнихъ открытыхъ бассейновъ; въ новыхъ холодильникахъ охлажденіе воды происходитъ въ герметически замкнутыхъ желѣзныхъ трубахъ, при чемъ охлаждающею средою является прѣсная водопроводная вода. Благодаря новымъ холодильникамъ, содержаніе сѣроводорода въ водѣ изъ холоднаго крана въ Николаевскихъ ваннахъ нынѣ почти равняется содержанію этого газа въ водѣ изъ горячаго крана. Къ сезону 1897 года открытъ бюветъ сѣрной воды въ Николаевскомъ цвѣтникѣ. Въ сезонъ 1900 года открыло свои дѣйствія гидропатическое заведеніе для лѣченія разнаго рода душами, тепломъ и массажемъ. Наконецъ, въ сезонъ 1901 года открытъ малый корпусъ Ново-Сабанѣевскихъ ваннъ, а къ сезону 1902 года предполагается открыть и большой корпусъ.

Въ Желѣзноводскѣ переустроено ванное зданіе № 1 и 2, при чемъ увеличено тамъ (до 8) число грязевыхъ ваннъ. Увеличено число ваннъ въ Калмыцкомъ и Муравьевскомъ ванныхъ зданіяхъ. Въ 1893 году окончено такъ-назыв. Островское ванное зданіе, постройку котораго производилъ горный инженеръ Конради. Постройка сдѣлана въ мавританскомъ стилѣ, по проекту графа Сюзора, снабжена 28 кабинами; изъ нихъ 22 ванны обыкновенныя, 4 грязевыя. Кромѣ того, здѣсь два душевыхъ отдѣленія (мужское и женское) со всѣми современными гидропатическими приспособленіями, душемъ Шарко и проч. При каждомъ отдѣленіи имѣется рядъ раздѣваленъ. Ванное зданіе по красотѣ, отдѣлкѣ, бальнеологическимъ приспособленіямъ, не уступаетъ таковымъ на лучшихъ курортахъ Западной Европы. Зданіе это снабжено минеральною водою источника № 1 и 2. Въ немъ же установлена электрическая ванна. Устроены новые бюветы у источниковъ Смирновскаго, Ивановскаго, Старо-Барятинскаго, Ново-Барятинскаго и въ 1900-мъ году у источника „Штольня № 1-й и 2-й“. Этотъ послѣдній устроенъ съ тою цѣлью, чтобы возможно было пользоваться желѣзистой водой для внутренняго употребленія въ различныхъ частяхъ парка. Переустроенъ каптажъ Маріинскаго источника для предохраненія послѣдняго отъ боковыхъ потерь и отъ притока почвенныхъ и поверхностныхъ водъ. Къ сезону 1902 года заново устроена народная купальня.

Въ Ессентукахъ устроенъ сухой барражъ соляно-щелочныхъ источниковъ, снабжающихъ ванны (№ 20), при чемъ дебитъ увеличился съ 3,000 до 20,000 вед. въ сутки; построено новое зданіе для 6 соляно-щелочныхъ ваннъ и установлена электрическая ванна. Особенно заслуживаютъ вниманія работы, относящіяся къ самому важному Ессентукскому источнику—№ 17. Съ 1887 г. штольня источника № 17 стала, начиная отъ устья, понемногу высыхать, дебитъ воды постоянно уменьшался, а самая вода, вслѣдствіе недостатковъ въ устройствѣ штольни, иногда значительно разжижалась отъ притока почвенныхъ водъ. Въ 1887 г. рѣшено было приступить къ осторожной, дальнѣйшей разработкѣ штольни источника № 17. Работы быстро увѣнчались успѣхомъ: уже при небольшомъ про-

долженіи штольни (всего 5 сажень) воды стало выдѣляться гораздо больше и суточное количество ея, вмѣсто прежнихъ 25—40 ведеръ, возросло до 140—150 ведеръ. Такъ какъ работа шла двумя буровыми: западной и восточной, то совмѣстно съ западной, давшей совершенно тождественный со старымъ (по анализамъ Шмидта 1865 и 1868 гг.) № 17-мъ составъ, восточная буровая дала минеральную воду хотя и отличающуюся отъ западной нѣкоторыми составными частями, но послѣднія настолько цѣнны при лѣченіи иныхъ болѣзней, что Ессентукская группа въ восточной буровой пріобрѣла новое бальнеологическое средство. Къ сезону 1891 года было перестроено зданіе сѣрно-щелочныхъ ваннъ, при чемъ къ старому помѣщенію сдѣлана пристройка и въ ней поставлено вновь 3 сѣрно-щелочныхъ ванны и 3 грязевыхъ; такимъ образомъ, общее число ваннъ увеличено до 16, изъ которыхъ 6 грязевыхъ. Въ этомъ же зданіи передѣланы приборы для нагрѣванія воды. Въ 1895 году начато и къ 1899 году закончено новое зданіе для сѣрно-щелочныхъ и грязевыхъ ваннъ (такъ-назыв. ванное зданіе Императора Николая II). Это прекрасное зданіе, могущее конкурировать съ лучшими заграничными, обошлось около 800 тысячъ руб. и имѣетъ 19 кабинъ сѣрно-щелочныхъ ваннъ, каждая съ двумя раздѣвальнями, и 12 кабинъ грязевыхъ ваннъ.

Въ Кисловодскѣ отремонтирована галлерея Нарзана; старыя каменныя и цинковыя ванны замѣнены кафельными съ перемѣною проводящихъ воду трубъ; увеличено число ваннъ. Введено газированіе минеральной воды и молока газомъ, выдѣляющимся изъ источника Нарзанъ. Вслѣдствіе осѣданія почвы вокругъ этого источника осенью 1893 года приступлено было къ новому каптажу его, который законченъ въ маѣ 1894 года; благодаря этой работѣ, Нарзанъ изолированъ отъ загрязненія почвенными водами, циркулирующими въ наносныхъ слояхъ, и предохраненъ отъ боковыхъ потерь въ окружающую почву; дебитъ его увеличенъ съ 67,000—79,000 ведеръ до 212,000 ведеръ въ сутки. Затѣмъ здѣсь воздвигнуто новое ванное зданіе Скальковскаго и устроена новая разливная Нарзана для экспорта. Въ 1901 году начато постройкой новое ванное зданіе Нарзана, а къ сезону 1902 г. пристроено будетъ 10 новыхъ кабинъ къ Скальковскимъ ваннамъ.

Параллельно съ мѣропріятіями, направленными къ улучшенію и развитію лѣчебныхъ средствъ, шла энергичная и разнообразная дѣятельность, имѣвшая цѣлью **улучшеніе общей жизненной обстановки лѣчащихся**, доставленіе имъ возможно большихъ удобствъ. На первомъ планѣ слѣдуетъ здѣсь поставить заботы объ удешевленіи и улучшеніи квартиръ. Съ этою цѣлью управленіе водъ всякими средствами поощряетъ возведеніе новыхъ построекъ, предоставляя большія льготы при отдачѣ въ аренду казенныхъ земель, а для увеличенія земельнаго фонда произведено отчужденіе казачьихъ земель въ Ессентукахъ. Кромѣ того, въ Ессентукахъ пріобрѣтена въ казну Компанейская гостиница и здѣсь же, а также въ Желѣзноводскѣ и Кисловодскѣ поставлены казенные бараки, которые не только служатъ регуляторомъ, умѣряющимъ цѣны частныхъ квартиръ, но, представляя дешевое, удобное и обставленное необходимыми принадлежностями помѣщеніе разбираемое публикою предпочтительно передъ частными квартирами, невольно вынуждаютъ хозяевъ послѣднихъ заниматься улучшеніемъ сдаваемыхъ больнымъ помѣщеній. Въ настоящее время на всѣхъ группахъ имѣется достаточное количество помѣщеній, при чемъ многія изъ нихъ доступны по цѣнѣ и для небогатыхъ слоевъ населенія. Впрочемъ, въ разгаръ сезона, т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ, ощущается нѣкоторый недостатокъ въ квартирахъ, вслѣдствіе чего онѣ къ этому времени подымаются въ цѣнѣ. Поэтому желающимъ устроиться подешевле рекомендуется пріѣзжать въ началѣ и концѣ сезона, когда понижаются не только цѣны на квартиры, но и таксы на лѣчебныя средства. Въ Пятигорскѣ строятся частными предпринимателями на казенной землѣ двѣ большія гостиницы со всѣми удобствами. На всѣхъ группахъ существуютъ справочныя квартирныя конторы. Затѣмъ упомянемъ, что въ казенныхъ ресторанахъ установлена пониженная такса на кушанья и напитки. На всѣхъ группахъ устроенъ казенный водопроводъ прѣсной воды, пріобрѣтены ассенизаціонные обозы и передвижная дезинфекціонная камера, устроены электрическое освѣщеніе, площадки для дѣтскихъ игръ, кумысныя лабораторіи.

Наконецъ, имѣя въ виду благодѣтельное вліяніе, оказываемое на больныхъ прогулками и экскурсіями, администрація водъ въ послѣднее время приступила къ улучшенію дорогъ, ведущихъ къ мѣстамъ для прогулокъ, принимаетъ мѣры къ устройству тамъ павильоновъ и ресторановъ, устраиваетъ новые и приводитъ въ порядокъ старые парки и сады и пр. Такъ, въ Пятигорскѣ проложена удобная дорога къ Машуку, поставлены рестораны у Провала, на вершинѣ Машука и въ казенномъ саду, устроенъ павильонъ у Перкальскаго родника, приведенъ въ порядокъ и открытъ для публики казенный садъ, выстроена изящная желѣзная галлерея съ эстрадой для музыки, сценой и пр., устроена лѣстница на Горячую гору съ расширеніемъ дорожекъ на ней, разбитъ бульваръ по дорогѣ къ Провалу. Въ Желѣзноводскѣ построена изящная желѣзная галлерея и устроена горизонтальная дорожка кругомъ Желѣзной горы. Въ Ессентукахъ насажденъ на горѣ, у церкви, новый паркъ и устроенъ рядъ бесѣдокъ въ старомъ. Въ Кисловодскѣ устроенъ рядъ мостовъ черезъ р. Ольховку, сдѣланы улучшенія въ паркѣ и пріобрѣтенъ участокъ земли, называемый „Красные и сѣрые камни“, въ 45 десятинъ для расширенія парка. Не оставлены безъ вниманія и духовныя потребности посѣтителей водъ: въ Пятигорскѣ расширено помѣщеніе читальни, въ которой имѣется до 6000 томовъ и выписывается до 70 періодическихъ изданій, устроены читальни-библіотеки и на другихъ группахъ, куда также выписываются періодическія изданія.

Кромѣ выполненныхъ уже мѣропріятій, направленныхъ къ благоустройству курортовъ, упомянемъ здѣсь еще нѣкоторыя начатыя и намѣченныя. Въ Кисловодскѣ приступлено къ постройкѣ гидропатическаго заведенія съ огромнымъ бассейномъ Нарзана и прѣсной воды и новаго ваннаго зданія на 40 кабинъ; предполагаются постройка ресторановъ у Лермонтовскаго источника и „Сѣрыхъ камней“, устройство парка у этихъ послѣднихъ и расширеніе существующаго на группѣ электрическаго освѣщенія. Въ Пятигорскѣ предполагаются кабины для сѣрной воды въ Ермоловскихъ ваннахъ приспособить для грязелѣченія, а въ ваннахъ Николаевскихъ, Ермоловскихъ и Товіевскихъ устроить гидравлическую вентиляцію для устраненія запаха сѣроводорода. Въ Ессентукахъ предположено устройство новой водопроводной сѣти, расширеніе электрическаго освѣщенія, разбивка новаго парка и открытіе его для публики, устройство новой водопроводной сѣти, расширеніе электрическаго освѣщенія, разбивка новаго парка и открытіе его для публики, устройство въ немъ бесѣдокъ, постройка новаго зданія на 25 соляно-щелочныхъ ваннъ съ душевыми отдѣленіями и галлереи площадью пола въ 240 кв. саженъ. Въ Желѣзноводскѣ заканчивается новый водопроводъ.

Лѣчебное значеніе кавказскихъ минеральныхъ водъ, какъ извѣстно, не ограничивается одними купаніями,— значительное количество воды принимается и во внутрь. Употребленіе водъ въ этомъ видѣ тоже изъ года въ годъ растетъ. Въ періодъ 1896—1901 гг. экспортировано и отпущено изъ водопродажныхъ:

Годъ.	Нарзанъ полубут.[1]).	Другія воды полубут.[1]).	Всего.
1896 . . .	47906	306033	353939
1897 . . .	160352	307249	467601
1898 . . .	209463	336953	546416
1899 . . .	478267	452089	930356

[1]) Бутылки переведены въ полубутылки.

1900. . . .	1135561	496412	1631973
1901. . . .	3251492	698654	3950146

Въ общемъ за разсматриваемый періодъ отпускъ водъ возросъ въ 11 разъ, но особенно быстрый ростъ обнаруживаетъ отпускъ нарзана, увеличившійся за 6 лѣтъ въ 68 разъ.

Предыдущіе факты не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что кавказскіе минеральные воды начинаютъ привлекать къ себѣ широкіе круги населенія, недовѣріе которыхъ къ отечественнымъ курортамъ хотя съ трудомъ, но мало-помалу разсѣивается. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Если мы попробуемъ провести параллель между нашими водами и заграничными въ отношеніи благоустройства и лѣчебныхъ средствъ, то увидимъ, что не всегда и не во всемъ преимущество находится на сторонѣ иностранцевъ.

Такъ, жизнь на заграничныхъ водахъ, въ виду обилія и дешевизны помѣщеній въ гостиницахъ и меблированныхъ домахъ, обходится, правда, дешево, но, съ другой стороны, самое лѣченіе, а также пользованіе нѣкоторыми необходимыми для больныхъ удобствами стоитъ не дешевле, а иногда даже дороже, нежели у насъ. Всѣ вообще курортныя таксы выше, чѣмъ у насъ на кавказскихъ водахъ, и часто приходится платить деньги за то, что въ Россіи предоставляется публикѣ безплатно. Пріѣзжій на кавказскія минеральныя воды уплачиваетъ за сезонный билетъ, годный для всѣхъ четырехъ группъ, нѣсколько рублей. За эти деньги онъ можетъ посѣщать парки всѣхъ группъ, слушать всюду музыку, пить воду у всѣхъ бюветовъ и пользоваться читальнями. За-границею ничего не дается даромъ: на все имѣется особый тарифъ и особая такса. Въ Aix les-Bains,—курортѣ, состоящемъ въ непосредственномъ завѣдываніи французскаго правительства,—за переходъ черезъ паркъ при ванномъ зданіи нужно платить 30 сантимовъ, абонементъ въ казино, которыхъ тамъ два, стоитъ отъ 40 до 100 франковъ каждый, за дѣтей плата особая, абонементъ у бювета оплачивается 3 франками (у насъ даромъ). Посѣщеніе провала и штольни въ Эксѣ обложено франкомъ, у насъ всѣ штольны и эффектный большой провалъ близъ Пятигорска открыты для публики безплатно.

Ванныя зданія и вообще бальнеологическія устройства въ нѣкоторыхъ только случаяхъ превосходятъ наши въ смыслѣ изящества и роскоши убранства; въ смыслѣ же удобствъ и лѣчебныхъ приспособленій ничемъ особенно отъ нашихъ не отличаются, а иногда даже хуже ихъ. Такъ, у насъ нѣтъ, да и не можетъ быть ничего подобнаго тому, что производится въ Даксѣ, этомъ модномъ курортѣ, куда съѣзжается до 10 т. больныхъ и въ томъ числѣ не мало нашихъ соотечественниковъ, и гдѣ ванны наполняются свѣжей грязью одинъ разъ въ недѣлю, затѣмъ въ теченіе 7—8 дней цѣлая вереница страждущихъ, одинъ за другимъ, помѣщается въ эту отвратительную массу.

Затѣмъ стоимость самыхъ ваннъ на заграничныхъ курортахъ въ большинствѣ случаевъ выше, нежели у насъ. Въ Виши цѣна одной ванны I класса съ душемъ доходитъ до 8 франковъ, и даже душъ I класса стоитъ 5 франковъ. Второклассная ванна съ душемъ обходится 2 фр. 25 сант. Третій классъ очень дешевъ, но и очень плохъ. Дѣленіе ваннъ на разряды принято почти во всѣхъ заграничныхъ курортахъ, при чемъ второй разрядъ обыкновенно очень плохъ, а третій ниже всякой критики.

ПЯТИГОРСКАЯ ГРУППА.

Сезонъ съ 1 мая по 15 сентября.

Группа расположена въ г. Пятигорскѣ на лѣвомъ берегу р. Подкумка, подъ 44°2′27″ с. ш. и 60°44′52″ в. д., на нижнемъ склонѣ южной стороны Машука, возвышающагося на 3258 фут. надъ уровнемъ моря.

Расположенный на уклонѣ, г. Пятигорскъ имѣетъ различныя высоты надъ уровнемъ моря: такъ, р. Подкумокъ протекаетъ по мѣстности, высота которой равна приблизительно 1559 ф., у Николаевскаго цвѣтника эта высота равна 1685, у Елизаветинской галлереи 1912 ф. Террасообразное положеніе Пятигорска даетъ возможность зрителю любоваться съ различныхъ точекъ большимъ разнообразіемъ красивыхъ видовъ на окрестности; лучшіе виды на городъ и окрестности открываются изъ бесѣдки, называемой „Эоловой арфой“, изъ бесѣдки „Грибъ“, съ вершины Машука, съ Горячей горы и съ площади у Казеннаго сада. Зелень Машука, громада Бештау, чудная панорама снѣгового хребта съ его серебристымъ великаномъ Эльбрусомъ,—все это придаетъ Пятигорску въ высшей степени живописный видъ. Отъ юго-восточной стороны Машука отходитъ въ видѣ отрога „Горячая гора“, дающая начало всѣмъ сѣрнымъ источникамъ Пятигорска.

Черезъ главную „Царскую“ улицу Пятигорска въ направленіи отъ востока къ западу тянется бульваръ отъ Елизаветинской галлереи почти до желѣзнодорожной станціи; по относительной высотѣ расположенія бульваръ дѣлится на 3 части, которыя называются въ отдѣльности верхнимъ, среднимъ и нижнимъ бульварами. Средній и примыкающій къ нему Николаевскій цвѣтникъ представляютъ центръ, въ которомъ сосредоточивается вся курортная жизнь, такъ какъ тутъ же находятся ванныя зданія, казенный ресторанъ, контора группы, библіотека, водопродажная и недалеко рядъ лавочекъ, удовлетворяющихъ различныя потребности пріѣзжихъ на воды больныхъ. На площади близъ Собора расположенъ городской Лермонтовскій скверъ; казенный садъ находится у Александровской площади, дорога къ нему идетъ по главному бульвару. Садъ довольно великъ, тѣнистъ и можетъ служить прекраснымъ прохладнымъ мѣстомъ для гулянья. Въ немъ помѣщаются кафе-ресторанъ и кегельбанъ. Тутъ же производится продажа кумыса и минеральныхъ водъ. Выше Елизаветинской и Михайловской галлереи, находится Эммануэлевскій паркъ, представляющій по своей растительности также одно изъ лучшихъ мѣстъ города для гуляній. Нѣсколько вновь насаженныхъ бульваровъ идутъ поперекъ города; вообще, г. Пятигорскъ довольно богатъ растительностью.

Климатъ. Находясь въ среднемъ на высотѣ 1600—1700 фут. надъ уровнемъ моря, Пятигорскъ обладаетъ болѣе умѣреннымъ климатомъ, чѣмъ другіе города, расположенные въ той же широтѣ. Тѣмъ не менѣе, отличаясь наибольшею сухостью воздуха въ лѣтніе мѣсяцы (въ августѣ 51, 2%) и довольно высокой температурой (на августъ средняя + 27,2°Ц. maximum на солнцѣ до 42°). Пятигорскъ со своими сѣрными водами представляетъ прекрасный курортъ для лѣченія тѣхъ болѣзней, съ которыми направляются сюда больные. Климатъ его можетъ быть названъ горнымъ. Барометрическое давленіе колеблется между 714,9 и 719,6 милим. Господствуютъ вѣтры восточные и западные, изъ которыхъ западный лѣтомъ чаще сопровождается дождемъ. При восточномъ вѣтрѣ изрѣдка наблюдается такъ называемый сухой туманъ (мгла). Бури очень рѣдки; весна ранняя, иногда въ февралѣ мѣсяцѣ цвѣтутъ уже фіалки.

Бальнеологическія приспособленія и лѣчебныя средства Пятигорской группы.

Минеральные источники, эксплоатируемые на Пятигорской группѣ принадлежатъ къ *сѣрнистымъ водамъ* и характеризуются содержаніемъ сѣроводорода солей натра и извести въ соединеніи съ хлоромъ, сѣрной кислотой и угольной кислотой, и значительнымъ содержаніемъ свободной угольной кислоты. По минерализаціи они подходятъ къ Ахенскимъ источникамъ, но послѣдніе, равно какъ

и Пиренейскіе не содержатъ свободнаго сѣроводорода, а только сѣрнистый натрій. Пиренейскіе по минерализаціи значительно слабѣе Пятигорскихъ. Источники служатъ для наружнаго и внутренняго употребленія.

Для внутренняго употребленія служатъ: 1) **Елисаветинскій источникъ** находящійся въ концѣ верхняго бульвара, въ красивой галлереѣ того-же имени. Эксплоатируются *два источника—внутренній*, помѣщающійся внутри галлереи, и *наружній*, примыкающій къ восточной стѣнѣ галлереи.

2) **Михайловскій источникъ**: а) *внутренній бюветъ* — внутри того же имени, б) *наружный бюветъ* — снаружи галлереи.

3) **Воронцовскій источникъ** въ Николаевскомъ цвѣтникѣ.

Продажа минеральныхъ водъ *въ бутылкахъ и полубутылкахъ* производится въ залѣ Николаевскаго вокзала, ежедневно, въ часы, установленные управленіемъ водъ. Въ водопродажной имѣются: *Нарзанъ*, воды *Смирновская, Боталинская* и *Ессентукскія №№ 17, 18, 4, 6* и *19* Вода Нарзанъ отпускается въ полубутылкахъ, *газированная свободнымъ газомъ Нарзана, отчего и сохраняетъ вполнѣ всѣ свойства воды самаго источника, даже при долгомъ храненіи и транспортировкѣ.* Въ Николаевскомъ же цвѣтникѣ, въ отдѣльномъ павильонѣ, производится продажа Нарзана стаканами. Въ водопродажной можно получать также *молоко* для употребленія его въ смѣси съ минеральной водой; имѣются и *приспособленія для нагрѣванія молока и минеральной воды* до желаемой температуры.

Кумысъ Противъ Николаевскаго вокзала, на склонѣ Горячей горы, построено *кумысное заведеніе, гдѣ производится продажа кумыса, кефира и козьяго молока* въ теченіе всего сезона. *Кумысъ* имѣется 3-хъ сортовъ: *слабый, средній* и *крѣпкій* Онъ приготовляется подъ наблюденіемъ врачей управленія водъ. Цѣна за ½ бутылки кумыса *15 коп.*

Сравнительная таблица нѣкоторыхъ составныхъ частей Пятигорскихъ источниковъ и за-граничныхъ.

	ИСТОЧНИКИ	Температура по Реомюру.	Хлористаго калія.	Хлористаго натрія.	Сѣрнокислаго натра.	Сѣрнокислой магнезіи.	Сѣрнокислой извести.	Углекислой извести.	Углекислой магнезіи.	Углекислаго натра.	Кремнезема.	Глиновема.	Углекислоты связанной.	Свободной.	Сѣроводорода.	Сумма твердыхъ состав. веществъ.
	Александро-Ермоловскій	37,5	0,116	1,663	0,979	0,180	0,079	1,120	0,074	0,108	0,053	0,010	0,577	0,587	0,013	4,882
	Николаевскій	33,5	0,113	1,643	1,117	0,096	0,0429	1,907	0,143	0,120	0,064	слѣд.	0,524	0,788	0,009	4,260
	Товіевскій	37,25	0,111	1,753	1,001	0,170	0,043	1,097	0,093	0,049	0,063	0,005	0,552	0,786	0,012	4,386
	Александро-Николаевско-Сабанѣевскій	37,75	0,118	1,660	0,977	0,279	слѣд.	1,198	0,074	0,003	0,067	0,005	0,578	1,051	0,013	4,383
Для питья.	Михайловскій	31,5	0,114	1,666	1,043	0,116	0,042	1,057	0,099	0,145	0,068	слѣд.	0,568	0,925	0,013	4,349
Для питья.	Елизаветинскій	24	0,053	1,650	0,882	0,254	0,081	1,044	0,026	0,145	0,068	слѣд.	0,532	0,919	0,003	4,203
Для питья.	Воронцовскій	35	0,128	1,689	0,878	0,180	0,155	1,065	0,081	0,008	0,053	0,008	0,515	1,069	0,012	4,248
	Аахенскіе	44	—	2,611	0,283	—	—	0,140	0,044	0,533	0,066	—	—	0,251	—	3,573
	Люшонъ (Bayen)	51,6	—	0,091	0,006	—	—	0,002	0,009	0,023	0,093	—	—	0,014	—	0,197

Какъ здѣсь, такъ и при описаніи другихъ группъ анализы заграничныхъ источниковъ взяты изъ книги Льва Бертенсона: „Лѣчебныя воды въ Россіи“, 4-е изданіе 1901 г.

Источники, служащіе для наружнаго употребленія, снабжаютъ нижеслѣдующія ванныя зданія:

1) **Зданіе Теплосѣрныхъ ваннъ** (Теплосѣрная улица). 11 *ванныхъ комнатъ* безъ отдѣльныхъ раздѣваленъ; всѣ имѣютъ кафельныя ванны; мебель состоитъ изъ дивана, столика и зеркала. Ванное зданіе питается 3-мя источниками, носящими названіе *теплосѣрныхъ*: № 1 съ температурой 19,5° Р., № 2 съ темп. 19,5° Р. и № 3 съ темпер. 21,5° Р.; *всѣ они не содержатъ сѣроводорода и по своему составу относятся къ химически индифферентнымъ теплымъ водамъ* Для ваннъ часть воды нагрѣвается въ особыхъ нагрѣвателяхъ, а часть охлаждается въ сборныхъ бассейнахъ, такъ что ванны могутъ быть принимаемы любой температуры.

2) **Николаевское ванное зданіе** *раздѣлено на двѣ равныя половины—мужскую и женскую. Всѣхъ ваннъ 25;* изъ нихъ 14 расположены въ срединѣ зданія, по длинѣ его, и *снабжены 2-мя раздѣвальными комнатами;* 11 ваннъ расположены по боковымъ корридорамъ. Къ сезону 1895 года при Николаевскомъ ванномъ зданіи сдѣлана каменная пристройка на 13 бенюаровъ съ цѣльными фаянсовыми ваннами, такъ что всѣхъ ваннъ въ Николаевскомъ зданіи получилось 38. *Ванное зданіе питается водою* **Александро-Ермоловскаго источника**. Суточный притокъ воды составляетъ 48,000 ведеръ. Охлажденіе минеральной воды съ 1894 г. производится въ герметически закрытыхъ трубахъ, охлаждаемыхъ при помощи прѣсной воды водопровода. Свѣдѣнія о предѣльной температурѣ ваннъ, по мѣрѣ надобности, публикуются въ „Листкѣ“.

3) **Ермоловское ванное зданіе** расположено такимъ образомъ, что всѣ ванныя комнаты имѣютъ большія наружныя окна. Это зданіе съ 1902 г. предназначается исключительно для грязевыхъ ваннъ. Грязь отпускается ведрами по цѣнамъ отъ 10 до 16 коп. за ведро, въ зависимости отъ количества грязи, требуемаго за одинъ разъ, т. е. съ увеличеніемъ числа ведеръ цѣна на каждое ведро уменьшается (составъ грязи см. ниже).

4) **Товіевское ванное зданіе** помѣщается въ боковой пристройкѣ къ Елизаветинской галлереѣ. Оно заключаетъ въ себѣ 7 *бенюаровъ безъ отдѣльныхъ раздѣваленъ.* Ванны фаянсовыя. *Зданіе питается водою Товіевскаго источника, которая содержитъ мало сѣроводорода:* въ горячемъ кранѣ при 33,5° R.—2,8 миллиграмма на литръ, а въ холодномъ кранѣ при 14° R.—0,4 на литръ; поэтому ванны эти назначаются не какъ сѣрныя, а какъ переходныя отъ сѣрныхъ къ индифферентнымъ теплымъ водамъ.

5) **Старо-Сабанѣевское ванное зданіе**. Въ деревянномъ зданіи Сабанѣевскихъ ваннъ имѣется нынѣ 14 кабинъ (въ 1894 г. было всего лишь 6). *Питаются эти ванны* наиболѣе сильнымъ сѣрнымъ источникомъ Пятигорска— **Александро-Николаевско-Сабанѣевскимъ** (горизонтальная буровая скважина). Притокъ воды въ штольнѣ составляетъ 40,000 ведеръ въ сутки. Охлажденіе воды производится въ деревянныхъ чанахъ и во вновь устроенномъ

каменномъ хододильникѣ. *Сабанѣевскія ванны* расположены на открытомъ высокомъ мѣстѣ, внѣ города, не далеко отъ Елизаветинской галлереи.

6) **Солдатскія ванны** состоятъ изъ 2-хъ отдѣленій, мужского и женскаго; въ мужскомъ отдѣленіи въ общей комнатѣ съ нарами для раздѣванія находится 5 цементныхъ ваннъ, а въ женскомъ отдѣленіи 2 ванны.

7) **Ново-Сабанѣевскія ванныя зданія у верхняго бульвара**. Малый корпусъ уже функціонировалъ въ теченіе сезона 1901 года, а большой будетъ открытъ въ сезонъ 1902 г. Оба зданія получаютъ сѣрную воду изъ Сабанѣевскаго источника; въ маломъ корпусѣ, предназначенномъ для дамъ, 14 ваннъ, изъ нихъ 10 фаянсовыхъ, двѣ изразцовыхъ малаго размѣра и двѣ большого. Въ большомъ корпусѣ 32 ванны, изъ которыхъ 26 фаянсовыхъ и 6 изразцовыхъ. Почти всѣ кабинеты имѣютъ по двѣ раздѣвальни. Въ обоихъ зданіяхъ имѣются: вестибюль, залъ для ожиданія, уборныя, комната для врача, смотрительницъ, прислуги и для бѣлья. Большой корпусъ предназначенъ для эксплоатаціи только лѣтомъ, поэтому въ немъ устроено подогрѣваніе воздуха лишь въ холодные дни и въ утренніе часы; малый же можетъ работать и зимой, такъ какъ въ немъ окна съ двойными переплетами и устроено паровое отопленіе, разсчитанное на наружную температуру въ 15° Ц. Жаровые каналы расположены въ стѣнѣ на уровнѣ верха ваннъ; вытяжныя отверстія находятся на потолкѣ. Вентилируются зданія искусственно посредствомъ вентиляторовъ, приводимыхъ въ дѣйствіе электричествомъ. Зданія кирпичныя, полы же изъ метлахскихъ плитокъ. Кромѣ сѣрной воды, къ ваннамъ проведена холодная и горячая прѣсная вода; у каждой ванны имѣется душъ изъ прѣсной воды. Оба зданія при полной работѣ могутъ отпускать болѣе 1,000 ваннъ въ день.

Кромѣ грязевыхъ цѣльныхъ и разводныхъ ваннъ, въ Пятигорскѣ, а также и на другихъ группахъ практикуются еще **разсольныя ванны,** т. е. съ прибавленіемъ разсола изъ воды Тамбуканскаго озера. (Составъ см. ниже).

Гидропатическое заведеніе, находящееся рядомъ съ Теплосѣрными ваннами, открыто въ сезонъ 1900 года. Построено оно изъ кирпича въ два этажа съ подвальнымъ. Въ нижнемъ этажѣ расположены мужское и женское **душевыя отдѣленія** съ большимъ заломъ для ожиданія, въ верхнемъ этажѣ отдѣленія тепловое и массажное. Зданіе отапливается, почему можетъ функціонировать и зимой. Какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ душевыхъ отдѣленіяхъ имѣются слѣдующіе аппараты для душей: 1) круговой душъ; 2) сидячая ванна съ восходящими спинными и боковыми душами; 3) шарнирный нисходящій душъ съ разными насадками; 5) восходящій душъ; 6) спинной душъ съ разными насадками; 7) струевой душъ, состоящій изъ резервуара, подвѣшаннаго на 5 аршинной высотѣ, съ которой падаетъ толстая струя воды; 8) деревянная каѳедра съ горизонтальной водопроводной трубой, устроенная по системѣ Шарко со смѣсителемъ, манометромъ и термометромъ. На горизонтальной трубѣ у каѳедры имѣются два отростка съ кранами, на которые навинчиваются спиральные резиновые рукава съ насадками; къ одному изъ отростковъ, кромѣ того, проведенъ сбоку паръ, который, смѣшиваясь съ водою, можетъ нагрѣвать ее до любой температуры. При помощи двухъ названныхъ рукавовъ отпускается такъ-назыв. шотландскій душъ, заключающійся въ томъ, что на больного попеременно направляются струи воды разной температуры; помощью общаго смѣсительнаго крана душеръ имѣетъ возможность установить температуру холодной струи, нагрѣваніе же воды до болѣе высокой температуры во второмъ рукавѣ достигается при помощи пара, проведеннаго въ соотвѣтствующій отростокъ трубы; по желанію, этотъ же рукавъ можетъ служить и для отпуска паровыхъ душей. Въ каждой изъ душевыхъ комнатъ установленъ переносный поручень, за который больные могутъ держаться при отпускѣ душей высокаго давленія. Въ нѣсколькихъ раздѣвальняхъ при каждомъ изъ душевыхъ отдѣленій установлены кровати съ тюфякомъ, покрытыя клеенкой. Эти кабины должны служить для такъ называемыхъ присницевскихъ обертываній; въ случаѣ надобности число ихъ можетъ быть увеличено. Душевыя отдѣленія при совмѣстной работѣ могутъ отпустить свыше 400 душей въ день. При нихъ устроены прѣсныя ванны: 3 кабины для мужчинъ и 2 для женщинъ, что даетъ возможность отпускать до 150 прѣсныхъ ваннъ въ день.

Верхній этажъ предназначенъ для лѣченія теплomъ и массажемъ. Здѣсь имѣются двѣ общія **паровыя комнаты:** въ одной изъ нихъ постоянно поддерживается температура около 40°Р. и устроена такъ называемая каменка, какъ въ обыкновенныхъ русскихъ баняхъ; во второй комнатѣ, нѣсколько большихъ размѣровъ, температура не превышаетъ 30°Р., хотя въ случаѣ надобности, можетъ быть повышена и до 35°Р.; въ этой комнатѣ установленъ особый увлажнитель въ видѣ небольшого фонтанчика съ двумя чашками; по особой трубкѣ въ аппаратъ поступаетъ вода, которая постепенно переливается изъ одной чашки въ другую; при этомъ она нагрѣвается паромъ, пропускаемымъ по мѣдному змѣевику, который уложенъ въ нижней чашкѣ фонтана, и сама испаряется, благодаря чему помѣщеніе наполняется теплымъ, но не горячимъ паромъ. Въ обѣихъ паровыхъ комнатахъ установлены деревянные полки, а полы въ нихъ нагрѣваются паромъ, который проходитъ по особымъ змѣевикамъ, уложеннымъ подъ метлахскими плитками.

Въ помѣщеніи, находящемся рядомъ съ первой паровой комнатой (горячій паръ), устроены два небольшихъ бетонныхъ, облицованныхъ кафлями бассейна съ проточною водою; въ одномъ изъ нихъ постоянно поддерживается температура около 26°Р., а въ другомъ около 20°Р.; эти бассейны служатъ охладителями, послѣ пребыванія больныхъ въ паровыхъ комнатахъ.

Въ двухъ комнатахъ верхняго этажа установлены двѣ общихъ паровыхъ ванны, а въ особомъ помѣщеніи имѣется еще по двѣ ручныхъ и ножныхъ такихъ же ванны. Какъ въ общія, такъ и въ мѣстныя ванны можно по желанію или пропускать паръ непосредственно, или же нагрѣвать въ нихъ воздухъ до температуры не свыше 60°—65°Р. при помощи мѣдныхъ змѣевиковъ, по которымъ проходитъ паръ.

Въ томъ же верхнемъ этажѣ установлены двѣ мѣстныхъ суховоздушныхъ ванны для лѣченія высокими температурами, каковое лѣченіе бываетъ умѣстно тамъ, гдѣ желательно вызвать черезъ кожу удаленіе болѣзненныхъ продуктовъ или вредныхъ веществъ, ускорить всасываніе эксудатовъ и патологическихъ скопленій. Температура въ горячевоздушныхъ ваннахъ можетъ быть поднята съ 90 100°Р. Одна ванна ручная, другая ножная.

Вообще гидропатическое заведеніе при полной 14 часовой работѣ и при полномъ отпускѣ всѣхъ манипуляцій можетъ удовлетворить до 1260 человѣкъ больныхъ въ день.

Въ верхнемъ этажѣ гидропатическаго заведенія находится также **отдѣленіе для массажа.** Среди вспомогательныхъ способовъ лѣченія, практикуемыхъ въ Пятигорскѣ, массажъ занимаетъ весьма видное мѣсто. Если принять во вниманіе огромное число болѣзней, которыя по современному состоянію науки лѣчатся массажемъ, то окажется, что чуть ли не $^{1}/_{3}$ пріѣзжающихъ въ Пятигорскъ пацієнтовъ нуждается въ такомъ лѣченіи. Къ сожалѣнію, изо всей массы пятигорскихъ больныхъ только ничтожное меньшинство имѣло до сихъ поръ возможность пользоваться массажемъ у врачей-спеціалистовъ, огромное же большинство прибѣгало къ помощи массажистовъ и массажистокъ, не имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ никакой медицинской подготовки и клинической опытности, а потому и нисколько не подходящихъ для самостоятельнаго лѣченія больныхъ. Въ цѣляхъ упорядоченія лѣченія массажемъ въ Пятигорскѣ Управленіе Кавказскихъ минеральныхъ водъ открыло казенное массажное заведеніе, поручивъ завѣдываніе имъ врачу-спеціалисту, кото-

рый руководитъ штатомъ помощниковъ и помощницъ. Во всѣ часы функціонированія заведенія врачъ обязанъ тамъ присутствовать и помощники могутъ массировать исключительно въ присутствіи завѣдующаго врача. Такимъ образомъ, всѣ массажные случаи проводятся подъ руководствомъ и непосредственнымъ наблюденіемъ завѣдующаго врача. Въ серьезныхъ случаяхъ врачъ проводитъ лѣченіе лично.

Такъ какъ примѣненіе тепла передъ сеансомъ массажа значительно облегчаетъ какъ задачу, такъ и выполнимость массажнаго сеанса, и многіе больные пользуются комбинированнымъ лѣченіемъ теплomъ и массажемъ, то Управленіе Кавказскихъ минеральныхъ водъ нашло наиболѣе цѣлесообразнымъ устроить массажное заведеніе въ качествѣ отдѣленія при гидропатическомъ заведеніи, гдѣ практикуется нѣсколько формъ лѣченія теплomъ. Массажное отдѣленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ помѣщеній: 1) помѣщеніе съ обыкновенной комнатной температурой, 2) подогрѣтое помѣщеніе для массированія лицъ, подвергавшихся передъ массажемъ вліянію высокой температуры (въ паровыхъ комнатахъ или ящикахъ) и 3) помѣщеніе для массажа подъ душемъ (т. н. водяного массажа) или для массажа непосредственно послѣ душа. Комнаты снабжены массажными кушетками, спеціально приспособленными къ тому, чтобы паціентамъ можно было придавать всѣ соотвѣтственныя позы и чтобы онѣ годились и для врачебно-гимнастическихъ цѣлей. Скромная такса за лѣченіе массажемъ дѣлаетъ это отдѣленіе доступнымъ и для мало состоятельныхъ больныхъ.

Народная купальня у Кабардинскаго источника. Въ купальнѣ два каменныхъ бассейна, изъ которыхъ въ каждомъ одновременно можетъ купаться отъ 3 до 4 человѣкъ; вода источника проведена въ бассейны по деревяннымъ желобамъ, отработанная же вода отводится изъ нихъ по каменному крытому каналу. Надъ бассейномъ устроенъ легкой конструкціи деревянный павильонъ, раздѣленный перегородкой на двѣ половины—мужскую и женскую, каждая съ отдѣльнымъ ходомъ. Купальня построена для безплатнаго пользованія въ 1894 году, а въ 1901 г. какъ каменные бассейны для купанья, такъ и комнаты при нихъ значительно увеличены. Температура Кабардинскаго источника 27,5° К., сѣроводорода по сульфгидрометру 0,2; дебитъ въ сутки 13,642 ведра (1896 г.).

Близъ Карраса въ 7 верстахъ отъ Пятигорска находится **источникъ Баталинской горькой воды**; по составу онъ принадлежитъ къ горькослабительнымъ водамъ и можетъ съ полнымъ успѣхомъ замѣнить распространенную въ Россіи венгерскую воду Гуніади, Фридрихсгальскую и другія аналогичныя иностранныя горькія воды. Имѣя меньшее насыщеніе, по сравненію, напримѣръ, съ Гуніади, Кавказская вода должна быть принимаема нѣсколько въ большихъ дозахъ, но за то дѣйствуетъ значительно нѣжнѣе, не вызываетъ болей и по химическому составу стоитъ совершенно наравнѣ съ извѣстнымъ Фридрихсгальскимъ источникомъ.

Тамбуканское озеро. Горько-соленое озеро Тамбуканъ находится въ 9 верстахъ къ юго-востоку отъ Пятигорска, не доѣзжая горы, называемой Золотымъ Курганомъ (2,900 фут.). Длина озера, имѣющаго видъ овала, около 2 верстъ, ширина отъ 300 саж. до 1 версты. Сѣверный берегъ озера крутой (190 фут. надъ уровнемъ), а сѣверо-западный, западный и юго-западный вполнѣ отлоги и низменны.

Озеро Тамбуканъ даетъ для лѣчебныхъ цѣлей два продукта: разсолъ и грязь. Разсолъ привозятъ въ Пятигорскъ, здѣсь выпариваютъ до нужной консистенціи, фильтруютъ и разсылаютъ по группамъ. Грязь привозится въ особыхъ ящикахъ и бочкахъ на лошадяхъ. Грязь добывается недалеко отъ сѣвернаго берега; она имѣетъ видъ блестящей, маслянистой, черной, очень тяжелой массы.

Сравнительная таблица составныхъ частей воды Баталинскаго источника съ Фридрихсгальской

	Баталинская.	Фридрихсгальская.
Сѣрнокислаго кали	0,0518	0,171
„ **натра**	**8 2587**	—
Сѣрнокислой извести	1,1439	6,316
„ **магнезіи**	**8,4678**	**11 362**
Углекислаго натра	0,0622	—
Углекислой извести	0,6911	0,472
Хлористаго натрія	**2,5416**	**12 552**
Бромистаго	слѣды	0,008
Іодистаго	слѣды	—
Глинозема	0,0100	
Кремнезема	0,0121	0,011
Угольной кислоты полусвободной	0,3264	—
„ „ свободной	0,0070	0,234
Сумма твердыхъ составн. частей	21,2392	25,644

Составныя части грязи Тамбуканскаго озера (на 100 частей грязи).

Растворимыя:

Сѣрнокислаго натра	2,560
„ кали	0,008
Сѣрнокислой извести	1,294
„ магнезіи	2,053
Хлористаго натрія	0,001
„ магнія	0,298
Углекислаго аміака и амміачныхъ основаній	0,490
Кремневой кислоты	0,001
Глинозема	слѣды
Гуминовыхъ веществъ и кислотъ	0,010
Фосфорной кислоты	слѣды
Органическихъ веществъ	0,047
Жирныхъ кислотъ	слѣды

Нерастворимыя:

Извести	10,333
Магнезіи	4,481
Глинозема	10,072
Кремнезема	13,658
Окиси желѣза	5,736
Фосфорной кислоты	0,011
Угольной кислоты	13,628
Органич. веществъ	0,512
Сѣры	0,222

Тамбуканскій разсолъ имѣетъ концентрацію 16° В.

На 1 метръ его приходится:

Сумма растворен. кристал. солей	199.3 грам.
Сух. остатокъ прокаленный	141.5

На 1/3 ведра разсола, отпускаемаго для ваннъ, приходится около 2 фунтовъ кристаллическихъ солей (1,42 фунт. прокаленныхъ).

Болѣзни, отъ которыхъ лѣчатся въ Пятигорскѣ.

Составъ больныхъ, посѣщающихъ Пятигорскъ, весьма разнообразенъ. Многіе пріѣзжаютъ сюда не исключительно ради бальнеологическаго лѣченія, а въ надеждѣ найти во время лѣчебнаго сезона спеціальную врачебную помощь. Оперативное лѣченіе напримѣръ, давно практикуется на водахъ, и когда закрытъ былъ операціонный залъ управленія водъ, то появились частныя хирургическія лѣчебницы въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ, а въ послѣднее время и въ Ессентукахъ (гинекологическая лѣчебница). Другіе больные остаются въ Пятигорскѣ, гдѣ жизнь дешевле, по экономическимъ соображеніямъ и пред-

почитаютъ, напримѣръ, пить ессентукскую воду изъ бутылокъ или лѣчиться здѣсь гидропатіей, а не въ Желѣзноводскѣ, гдѣ пребываніе было бы для нихъ полезнѣе. При изложеніи показаній, поэтому мы не будемъ руководствоваться настоящимъ составомъ больныхъ, а приведемъ тѣ показанія, которыя соотвѣтствуютъ климатическимъ условіямъ и имѣющимся бальнеологическимъ средствамъ (ванны сѣрныя и прѣсныя, грязелѣченіе, тепловыя процедуры, души).

Лѣченіе въ Пятигорскѣ показано при слѣдующихъ болѣзняхъ:

1) Хроническій ревматизмъ суставовъ и мышцъ и гонорройный артритъ. Невриты и невралгіи.

2) Сифилисъ въ кондиломатозномъ и гумозномъ періодахъ. Вообще лѣченіе въ Пятигорскѣ показано въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ желательно повысить общій или мѣстный обмѣнъ. Болѣе частныя показанія слѣдующія: а) пораженіе суставовъ, костей и мышцъ; язвенные процессы кожи и слизистыхъ оболочекъ; трудно поддающіеся ртутному лѣченію сифилиды; б) хроническія воспаленія спинного мозга; в) частые возвраты проявленій; г) назначеніе ртутнаго лѣченія съ предохранительною цѣлью при отсутствіи проявленій; д) утраченная воспріимчивость къ ртути послѣ повторнаго введенія ея (вообще полезно между курсами методическаго специфическаго лѣченія вставлять курсы лѣченія ваннами); е) осложненія сифилиса: болѣзни обмѣна (въ особенности такъ-назыв. артритизмъ и общее ожирѣніе), пораженія почекъ, меркуріализмъ. Наконецъ, мотивомъ для присылки на воды сифилитика часто служитъ необходимость поставить больного въ болѣе благопріятныя бытовыя, климатическія и гигіеническія условія.

3) Хроническія отравленія металлическими ядами, въ томъ числѣ и ртутью.

4) Хроническія воспалительныя заболѣванія матки и ея придатковъ (грязелѣченіе).

5) Бугорковыя пораженія суставовъ и костей.

6) Хроническіе травматическіе инфильтраты и рубцевыя утолщенія.

7) Нѣкоторыя болѣзни, требующія продолжительной мацераціи: почесуха (prurigo), чешуйчатый лишай (psoriasis) и сухія хроническія экземы безъ наклонности къ обостренію.

8) Параличи периферическаго происхожденія.

Противопоказанія

Органическія заболѣванія сердца и большихъ сосудовъ. Значительная сердечная слабость. Артеріосклерозъ въ рѣзкой формѣ. Бугорчатка легкихъ и хроническія воспаленія легкихъ несифилитическаго происхожденія. Наклонность къ бронхіальнымъ кровотеченіямъ. Врожденная кровоточивость. Спинная сухотка въ атактическомъ періодѣ. Прогрессивный параличъ и душевныя болѣзни вообще. Параличи головного происхожденія.

Достопримѣчательности города.

1) **Домъ гдѣ жилъ Лермонтовъ**. Домъ этотъ находится на Лермонтовской (Нагорной) улицѣ и принадлежитъ теперь нѣкоему Георгіевскому. Это маленькій домикъ въ три окна на дворъ; другія окна выходятъ въ густой садъ, гдѣ находится дерево, посаженное, говорятъ, при Лермонтовѣ. Надъ домикомъ прибита доска съ надписью: „Здѣсь жилъ М. Ю. Лермонтовъ 1837—1841". Домъ передѣланъ до неузнаваемости.

2) **Гротъ Лермонтова,** возлѣ Елизаветинской галлереи. Это маленькая пещера, въ глубинѣ которой стоитъ металлическая доска съ стихотвореніемъ, посвященнымъ М. Ю. Лермонтову. Гротъ служилъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія поэта.

3) **Памятникъ М. Ю. Лермонтову** на Соборной площади въ т. н. Лермонтовскомъ скверѣ. Памятникъ сооруженъ по проекту Опекушина. Поэтъ изображенъ на скалѣ въ военномъ мундирѣ и шинели, живописно спустившійся съ плеча, съ обнаженной головой; у ногъ его лежитъ книга. На памятникѣ надпись: „М. Ю. Лермонтову, 16 августа 1889 года".

4) **Временный памятникъ М. Ю. Лермонтову на мѣстѣ дуэли** Памятникъ сооруженъ Управленіемъ водъ въ 1901 году; находится недалеко отъ Перкальскаго родника, на томъ мѣстѣ, гдѣ какъ предполагаютъ, происходила дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ. Сооруженіе имѣетъ полукруглую форму, въ срединѣ которой расположенъ высокій постаментъ съ бюстомъ поэта, а въ центрѣ установленъ пирамидальный камень, служившій раньше указателемъ мѣста поединка. На памятникѣ надпись: „Здѣсь погибъ на поединкѣ М. Ю. Лермонтовъ 15 іюля 1841 г.". Внизу „1901 г.".

5) **Гротъ Діаны,** устроенный Бернардацци, находится въ Николаевскомъ цвѣтникѣ: здѣсь стоятъ двѣ чугунныя плиты съ описаніемъ перваго восхожденія на Эльбрусъ въ 1829 году четырехъ академиковъ и одного кабардинца.

6) **Бесѣдка „Золова арфа"**, съ которой открывается прекрасный видъ на снѣговой хребетъ, заканчивающійся справа отъ зрителя Эльбрусомъ, слѣва Казбекомъ; устроена на одномъ изъ отроговъ Машука, выше Елизаветинской галлереи.

7) **Трещина Горячей горы.** Трещина эта, которая еще въ началѣ прошлаго столѣтія была водоносною, тянется по всей Горячей горѣ вплоть до небольшой площади надъ Николаевскими ваннами; мѣстами она имѣетъ въ ширину до $1^1/_2$ аршина, мѣстами съуживается до одного вершка. Горячая гора освѣщается керосино-калильными фонарями системы Вашингтона.

ЕССЕНТУКСКАЯ ГРУППА.

Сезонъ съ 15 мая по 1 сентября.

Ессентуки расположены въ 5 верстахъ по желѣзной дорогѣ къ западу отъ Пятигорска и выше его на 400 ф., находясь на высотѣ 1979 ф. надъ уровнемъ моря. Дорога изъ Пятигорска до Ессентуковъ тянется степью и однообразіе путевой картины значительно оживляется въ ясную погоду видомъ на Бештау—справа и на Эльбрусъ—слѣва. Щелочная гора, изъ южнаго склона которой выходятъ всѣ источники, представляетъ собою довольно пологій отрогъ такъ-называемой Бургустанской возвышенности и окружена почти сплошными парками, среди которыхъ разбросаны всѣ лѣчебныя приспособленія группы: галлерея для гулянья въ дурную погоду, 4 зданія ваннъ, различныя бесѣдки и кіоски.

Относительно **климата** курорта въ общемъ можно сказать, что онъ благопріятнѣе многихъ заграничныхъ курортовъ, а огромное пространство высоко лежащихъ незаселенныхъ степей даетъ Ессентукскому курорту чистоту воздуха горностепныхъ мѣстъ.

По влажности воздуха сезонъ можно раздѣлить на двѣ рѣзко отличающіяся половины: май и іюнь—съ довольно частыми дождями и іюль и августъ—болѣе сухое и жаркое время, но высота мѣста и горностепной воздухъ дѣлаютъ эти жары легко переносимыми. Колебанія температуры можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ, относящихся къ сезону 1901 года:

Мѣсяцы.	Наибольшая температура. Въ градусахъ Цельсія.	Наименьшая температура. Въ градусахъ Цельсія.
Май	30,8	5,4
Іюнь	33,0	14,8
Іюль	32,7	11,2
Августъ	31,2	9,8

Бальнеологическія средства Ессентукской группы.

Источниковъ Ессентукскихъ нельзя отнести къ одному типу. По основному же ихъ свойству они принадлежатъ къ щелочно-соляной группѣ, представителемъ которой здѣсь является извѣстный вездѣ въ Россіи источникъ № 17. Но кромѣ этого источника все большее значеніе пріобрѣтаютъ №№ 18, 4 и 6.

№ 18, имѣя почти всѣ составныя части № 17, заключаетъ въ себѣ относительно большее количество желѣза и углекислоты, что заставляетъ отнести его къ источникамъ углекисло-желѣзисто-щелочно-соляным. №№ 4 и 6 близки по своему составу къ № 18, отличаясь отъ него меньшимъ содержаніемъ углекислаго натра, хлористаго натрія и желѣза. Эти три источника по происхожденію нужно принять за основной типъ Ессентукскихъ источниковъ. Выдѣляются они изъ основной горной породы (сѣрый мергель), какъ грифоны. № 17 же, по мнѣнію большинства геологовъ, имѣетъ общее происхожденіе съ № 18, но по выходѣ изъ основной горной породы по трещинамъ встрѣчаетъ пласты конгломерата и здѣсь въ контактѣ смѣшивается съ водами менѣе глубокаго происхожденія, содержащими сѣрно-кислыя соли извести и магнезіи, затѣмъ теряетъ почти все желѣзо и часть углекислоты. Такое, повидимому, случайное происхожденіе знаменитаго источника, благодаря неизмѣнности сказанныхъ условій, сохраняется, однако, постоянно, а теперь, послѣ работъ Жюля Франсуа и нашихъ лучшихъ геологовъ и горныхъ инженеровъ по каптажу источника, можно считать составъ № 17 упроченнымъ.

Кромѣ перечисленныхъ источниковъ, употребляемыхъ внутрь, въ Ессентукахъ имѣются еще источники для ваннъ, а именно: соляно-щелочные (очень слабо минерализованы) и сѣрно-щелочные (Гааза-Пономарева). Всѣ они холодные, и потому примѣняются только въ подогрѣтомъ видѣ. Всѣхъ ванныхъ зданій четыре: 2 для ваннъ соляно-щелочныхъ съ 14 кабинами и 2 для сѣрно-щелочныхъ; изъ нихъ зданіе имени Императора Николая II снабжено также и прѣсной водой для прѣсныхъ ваннъ.

Грязелѣченіе въ Ессентукахъ, какъ въ Пятигорскѣ и Желѣзноводскѣ, примѣняется съ большимъ успѣхомъ. Грязь привозится изъ общаго для всѣхъ группъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ Тамбуканскаго озера.

Большимъ подспорьемъ къ бальнеологическимъ средствамъ Ессентуковъ служитъ частная *водолѣчебница д-ра Десницкаго,* функціонирующая уже нѣсколько лѣтъ и находящая для себя большое число клієнтовъ изъ числа ессентукскихъ больныхъ. Водолѣчебница въ данное время при одномъ отдѣленіи свободно принимаетъ до 150 больныхъ въ день, а при двухъ отдѣленіяхъ, каковыя она и имѣетъ, она можетъ принять до 400 больныхъ въ день. Для водолѣченія въ ней примѣняются: обливанія, обливанія съ обтираніями, Пристницевскія завертыванія, сидячія ванны съ душами: спиннымъ, восходящимъ и мѣстными на область печени и селезенки. Преобладаютъ назначенія душей высокаго давленія, такъ-назыв. души Шарко. Часто также назначаются души шотландскій, дождевой и циркулярный.

Дѣйствіе Ессентукскихъ источниковъ.

Все, что намъ извѣстно по этому вопросу, можно формулировать слѣдующимъ образомъ: главными составными частями нашихъ щелочныхъ водъ—двууглекислымъ натромъ и повареною солью несомнѣнно слѣдуетъ объяснить тѣ характеристическія измѣненія въ экономіи организма, какія наблюдаются при употребленіи водъ. Впрочемъ, при обсужденіи дѣйствія этихъ водъ было бы ошибочно не придавать никакого значенія и другимъ, менѣе существеннымъ составнымъ частямъ—соединеніямъ извести, литія, марганца, стронціана, брома и іода. Что комбинація различныхъ солей, входящихъ въ составъ минеральной воды, играетъ при этомъ несомнѣнную роль, это доказываютъ давнишнія клиническія наблюденія, указывающія на излѣченіе многихъ хроническихъ болѣзней только минеральными водами, а не соотвѣтствующими ихъ главнымъ составнымъ частямъ фармацевтическими препаратами. Уже въ самомъ началѣ лѣченія Ессентукскою водою исчезаетъ у больныхъ, страдающихъ катарромъ пищеварительныхъ органовъ, чувство тошноты, вздутіе подъ ложечкой, изжога, отрыжка. Они въ состояніи переваривать пищу, которая прежде вызывала явленія разстройства пищеваренія, такъ что въ упорныхъ случаяхъ желудочно-кишечнаго катарра возстановляется нормальное отправленіе. Вода въ умѣренномъ количествѣ дѣйствуетъ отчасти какъ раздражающее и въ то же время какъ растворяющее средство на слизь, способствуя всасыванію со стороны слизистыхъ оболочекъ. Чрезмѣрное употребленіе воды въ состояніи вызывать острое катарральное заболѣваніе желудка и кишекъ. Словомъ, Ессентукскіе источники, назначаемые въ небольшихъ дозахъ, способствуютъ улучшенію пищеваренія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и усвоенію питательнаго матеріала; больные при этомъ полнѣютъ. Будучи назначаемы въ большихъ пріемахъ, воды эти несомнѣнно усиливаютъ органическій метаморфозъ, переводя продукты распаденія въ мочу, при чемъ является похуданіе.

Анализы Ессентукскихъ источниковъ.

Составныя части на 1 литръ воды.	№ 18-й.	Вост. Струя.	Запад. Струя.	№ 6-й.	№ 4-й.
Температура	90,°	8,5°	9°	16,3°	8,75
Углекислаго натра	4,7816	4,3873	3,4705	3,5954	3,2067
„ кали	0,0291	—	—	—	—
Углекислой извести	0,3768	0,3079	0,3113	0,3647	0,4182
„ магнезіи	0,1911	0,2285	0,2386	0,1200	0,1189
„ **закиси желѣза**	0,0175	0,0039	0,0051	0,0070	0,0100
Сѣрно-кислаго натра	—	0,1100	1,6111	слѣды	—
„ барита	—	0,0022	0,0017	—	—
„ стронціана	—	0,0033	0,0023	—	—
Сѣрно-кислой извести	—	—	0,0943	—	—
„ магнезіи	—	—	0,1903	—	—
Хлористаго натрія	3,6227	3,7175	2,0732	2,4481	2,5743
„ литія	0,0160	0,0130	0,0052	—	0,0107
„ магнія	0,0906	—	0,0423	0,1579	0,1213
„ калія	—	0,0275	0,0265	0,0473	0,0340
Бромистаго натрія	0,0062	0,0059	слѣды	0,0101	0,0064
Іодистаго натрія	0,0006	0,0005	слѣды	0,0006	0,0006
Кремнезема	0,0140	0,0185	0,0178	0,0212	0,0221
Глинозема	0,0033	0,0032	0,0038	слѣды	слѣды
Сумма плотн. составн. частей	9,3542	8,8193	8,1041	6,7631	6,5232
Углекислоты свободной по объему въ куб. саж.	912,98	413,33	409,14	332,94	560,22

Сравнительная таблица Ессентукскихъ источниковъ и нѣкоторыхъ за-граничныхъ.

НА 1000 ГРАММЪ.	ИСТОЧНИКИ.	Сумма плотныхъ частей.	Углекислаго натра.	Хлористаго натрія.	Углекислой магнезіи.	Углекислой извести.	Сѣрно-кислаго натра.	Сѣрно-кислой магнезіи.	Углекислоты свободной по объему.	Температура по R.
	№ 18-й	9,354	4,782	3,823	0,191	0,377	—	—	912,98	9,0°
	№ 17 западнаго струи	8,819	4,387	3,717	0,228	0,308	0,110	—	413,33	8,5°
Ессентуки	№ 17 восточн. »	8,104	3,470	2,073	0,239	0,311	1,611	0,190	409,14	9,0°
	№ 6-й	0,763	3,585	2,448	0,120	0,365	слѣды	—	332,94	16,3
	№ 4-й	6,523	3,207	2,574	0,119	0,418	—	—	560,22	8,75
Ems	Kränchen	2,644	1,285	0,977	0,119	0,133	—	—	525,93	28,7
Vichy	Gr. Grille	4,879	3,344	0,534	0,174	0,267	0,014	—	430	34,9
	Célestins	4,985	3,467	0,534	0,188	0,291	0,041	—	830	11,0
Боржомъ	Екатерининск. источникъ	4,401	3,371	0,585	0,082	0,264	—	—	333	23,36
Маріенбадъ	Kreuzbrunnen	?	1,004	1,642	0,202	0,461	—	—	661	5,8
Карлсбадъ	Mühlbrunnen	5,305	0,184	1,010	0,141	0,291	2,391	—	261,4	40,8
	Sprudel	4,465	0,174	1,022	0,146	0,286	2,405	—	95,98	58
Зальцбруненъ	Oberbrunnen	2,677	1,404	0,163	0,272	0,270	0,456	—	985	6,8

Согласно этимъ противоположнымъ практическимъ результатамъ, ессентукскую воду назначаютъ въ разнообразныхъ болѣзненныхъ состояніяхъ:

1) **Неправильное пищевареніе (диспепсія)**, нерѣдко зависящее отъ избыточнаго количества желудочныхъ кислотъ, при которомъ дѣйствіе воды обнаруживается быстро. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ диспепсія у малокровныхъ излѣчивается всего скорѣе источникомъ № 18. Недостаточное отдѣленіе желудочнаго сока, какъ причина ослабленнаго пищеваренія, исчезаетъ у такого рода больныхъ и они быстро поправляются.

2) **Катарръ желудка и кишекъ**. Разжижая, растворяя катарральную слизь и выводя ее изъ желудка, № 17 дѣйствуетъ благотворно на слизистыя оболочки, успокаиваетъ боли желудка, нейтрализуя породы ненормальнаго окисленія, молочную и масляную кислоту. Въ тѣхъ полуострыхъ формахъ катарра желудка, гдѣ выдающимися припадками бываютъ боли подъ ложечкой, вода источника № 17, какъ холодная, подогрѣвается. Въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ одновременное промываніе желудка ессентукской водой значительно сокращаетъ срокъ лѣченія.

Хроническій кишечный катарръ. Въ кишечникѣ № 17 продолжаетъ то же дѣйствіе, какъ и въ желудкѣ, и кромѣ того усиливаетъ отдѣленіе желчи, улучшаетъ нарушенное кишечное пищевареніе. Въ большинствѣ случаевъ ессентукская вода въ началѣ лѣченія усиливаетъ запоръ.

3) **Увеличеніе печени** Особенно счастливыя результаты получаются при лѣченіи той формы увеличенія печени, которая развивается у людей, привыкшихъ къ сытному столу и спиртнымъ напиткамъ. Сюда же принадлежитъ увеличеніе печени послѣ продолжительной перемежающейся лихорадки, сопровождающейся одновременно припуханіемъ селезенки. Дѣйствіе водъ въ данномъ случаѣ основывается на возбужденіи обмѣна веществъ въ организмѣ, съ которымъ связано усиленное окисленіе вообще и удаленіе продуктовъ регрессивнаго метаморфоза.

4) **Жирная печень**. Это измѣненіе печени образуется въ случаяхъ усиленнаго питанія жиромъ и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе пищеваренія, развитіе газовъ, наклонность къ поносу и пр.

5) **Печеночные камни, печеночныя колики.** Ессентукскія воды, дѣйствуя благотворно на катарральные процессы, въ этомъ случаѣ дѣйствуютъ на катарръ желчныхъ путей и желчнаго пузыря; разжижая слизь, способствуютъ ея свободному выдѣленію изъ протоковъ и тѣмъ дѣлаютъ свободнымъ прохожденіе разъединенныхъ подъ вліяніемъ ея же дѣйствія желчныхъ конкрементовъ. Само собою разумѣется, что катаральная желтуха поддается лѣченію ессентукскими водами вполнѣ.

6) **Плевритическіе выпоты** по всѣмъ до сихъ поръ сдѣланнымъ наблюденіямъ весьма быстро всасываются. Увеличенное отдѣленіе мочи, усиленіе общаго обмѣна, какъ результатъ дѣйствія водъ, не могутъ оставаться безъ вліянія на всасываніе плевритическаго выпота. Одновременное назначеніе теплыхъ ваннъ какъ нельзя болѣе способствуетъ той же цѣли.

7) Для лѣченія **женскихъ болѣзней** Ессентуки представляютъ очень благопріятныя условія. Одно изъ главныхъ преимуществъ Ессентуковъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что прекрасный обширный паркъ, гдѣ сосредоточена бальнеологическая жизнь курорта, расположенъ на ровной открытой мѣстности, не имѣющей крутыхъ подъемовъ и такимъ образомъ чрезвычайно удобной для ходьбы. Въ этомъ паркѣ, въ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ, находятся главнѣйшіе лѣчебные факторы: ванны и источники. Новое „Николаевское“ ванное зданіе вполнѣ приспособлено, согласно новѣйшимъ требованіямъ, для общаго и мѣстнаго примѣненія грязевыхъ ваннъ, имѣющихъ также громадное значеніе для терапіи многихъ женскихъ болѣзней, особенно выпотнаго воспалительнаго характера (тазовые эксудаты, параметриты и пр.) Ванны сѣро-щелочныя и соляно-щелочныя, содѣйствуя улучшенію обмѣна веществъ и благопріятно вліяя на нервную систему, съ своей стороны являются хорошимъ подспорьемъ въ дѣлѣ лѣченія женскихъ болѣзней. Что касается источниковъ, то всѣ три главныхъ источника Ессентуковъ №№ 4, 17 и 18 съ громадной пользой могутъ быть примѣнены при лѣченіи женскихъ болѣзней. Желѣзистый источникъ № 18 находитъ себѣ счастливое примѣненіе въ громадномъ числѣ случаевъ анеміи, развившейся вслѣдствіе затяжныхъ воспалительныхъ гинекологическихъ страданій или послѣ обильныхъ кровопотерь. Соляно-щелочные источники №№ 4 и 17 находятъ себѣ

показаніе при различнаго рода разстройствахъ желудочно-кишечнаго канала и мочевыхъ путей у женщинъ, страдающихъ той или иной разновидностью женской болѣзни. Развиваются ли эти разстройства пищеварительнаго канала прямо вслѣдствіе длительнаго внутренняго употребленія фармацевтическихъ средствъ, вслѣдствіе анеміи или косвенно въ силу рефлекса съ половыхъ путей—назначеніе соляно-щелочныхъ водъ скажется во всѣхъ случаяхъ вполнѣ благопріятно. Регулированіе процессовъ обмѣна у анемичныхъ, неврастеничныхъ или ожирѣлыхъ женщинъ, страдающихъ женскою болѣзнью, въ большинствѣ случаевъ легко достигается комбинаціей употребленія ваннъ, питья воды изъ источниковъ и того строгаго режима жизни, который устанавливается для лицъ, пользующихся этими источниками. Наконецъ, для тѣхъ случаевъ заболѣванія различныхъ частей женскаго полового аппарата, гдѣ показано немедленное оперативное вмѣшательство, въ Ессентукахъ уже имѣется спеціальная лѣчебница, а вскорѣ предполагается возникновеніе и еще двухъ новыхъ спеціально приспособленныхъ заведеній для оперативнаго лѣченія женскихъ болѣзней.

8) **Хроническій катаръ мочевого пузыря почечные камни, катарръ почечныхъ лоханокъ съ выдѣленіемъ песка.** При назначеніи ессентукскихъ водъ въ названныхъ болѣзняхъ реакція мочи обыкновенно служитъ руководящимъ моментомъ. При употребленіи ессентукской воды имѣется въ виду измѣнить реакцію мочи, а также дѣйствовать противо-катарральнымъ образомъ на слизистую оболочку мочевого пузыря. Наблюденія показали, что развивающееся при катаррѣ пузыря и лоханокъ щелочное броженіе мочи исчезаетъ по мѣрѣ уменьшенія катарральныхъ явленій и моча изъ щелочной дѣлается кислой. Почечный песокъ и конкременты подъ вліяніемъ ессентукской воды чрезвычайно быстро выдѣляются и часто безболѣзненно, благодаря уменьшенію катарральныхъ продуктовъ въ почечныхъ лоханкахъ. При фосфатуріи и при конкрементахъ изъ фосфаритовъ и траппельфосфатовъ благотворно дѣйствуетъ питье воды источника № 4 и Нарзана, благодаря обильному содержанію въ послѣднемъ свободной углекислоты. Для усиленія дѣйствія ессентукской воды при мочекислыхъ конкрементахъ имѣется готовая газированная вода № 4 съ прибавленіемъ углекислой соли литія.

9) Изъ общихъ болѣзней слѣдуетъ указать на **хлорозъ.** При этой формѣ заболѣванія преимущественно назначается источникъ № 18, какъ содержащій наибольшее количество желѣза. Здѣсь кстати замѣтить, что при употребленіи этого источника слѣдуетъ соблюдать необходимую постепенность въ пріемахъ, имѣя въ виду сильнораздражающее дѣйствіе воды на слизистую оболочку желудка, благодаря содержанію въ немъ поваренной соли.

10) **Подагра.** Въ основаніи этой болѣзни лежитъ, какъ извѣстно, нарушеніе правильнаго отношенія между принятіемъ пищи, ея уподобленіемъ и выведеніемъ продуктовъ метаморфоза, при чемъ въ крови скопляется въ избыткѣ мочевая кислота, какъ послѣдствіе ослабленнаго обмѣна веществъ. При этомъ ессентукская вода обнаруживаетъ несомнѣнно дѣйствіе прежде всего своимъ вліяніемъ на окислительные процессы, усиливая послѣдніе. Окончательнымъ результатомъ дѣйствія ессентукской воды будетъ переходъ мочевой кислоты въ мочевину и углекислоту и выдѣленіе этихъ продуктовъ окисленія мочевыми и дыхательными органами.

11) Въ томъ же смыслѣ, какъ при подагрѣ, Ессентукская вода оказываетъ несомнѣнно энергичное вліяніе и при лѣченіи **общаго ожирѣнія.** Тучные субъекты въ то же время страдаютъ припадками разстройства пищеваренія, которое уступаетъ дѣйствію щелочной воды. У такого рода больныхъ замѣчается сравнительно большая переносимость воды, если въ такое время не держать ихъ на слишкомъ ограниченной діэтѣ и не лишать одновременнаго употребленія мучной и крахмальной пищи.

12) **Сахарное мочеизнуреніе** (Diabetes-melitus). Въ этой болѣзни Ессентукскіе источники оказываютъ такое же благотворное дѣйствіе, какъ другія щелочныя воды. Дѣйствіе ихъ сводится къ вліянію на печень, исправленію ея функцій и кровообращенія; но, кромѣ того, опытъ показалъ, что № 18 имѣетъ особенно благотворное вліяніе и тамъ, гдѣ болѣзнь зависитъ не отъ одной гликозуріи, а имѣется уже разстройство питанія вообще и нервной системы въ особенности. Ежегодно десятки діабетиковъ съ тратой 6 и болѣе % сахара находятъ въ Ессентукахъ полное излѣченіе.

Можно было бы привести еще много болѣзненныхъ формъ, въ которыхъ Ессентуки оказываютъ благодѣтельное вліяніе, но здѣсь имѣется въ виду не реклама, а ознакомленіе врачей и публики съ вліяніемъ нашихъ отечественныхъ минеральныхъ водъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что если многіе изъ заграничныхъ курортовъ, обладая какимъ-нибудь однимъ типомъ источниковъ, какъ напр. Виши, Карлсбадъ, Висбаденъ, Эмсъ и другіе, предлагаютъ ихъ въ такихъ разнообразныхъ страданіяхъ организма, то Ессентуки могутъ это сдѣлать съ большимъ правомъ, какъ по разнообразію состава, такъ и по силѣ дѣйствія.

Бюветы.

1) *Бюветъ № 18* устроенъ такъ: вода грифона захвачена въ небольшомъ каменномъ бассейнѣ, герметически закрытомъ металлической крышкой, и изъ него по оловянной трубкѣ вытекаетъ изъ штольни наружу постоянною струею. По содержанію желѣза № 18 одинъ изъ наиболѣе богатыхъ источниковъ въ ряду Кавказскихъ минеральныхъ водъ. Суточный притокъ источника колеблется отъ 130 до 160 ведеръ въ сутки.

2) *Бюветъ № 17* подвергся коренной передѣлкѣ: вмѣсто Тоберовскаго насоса, посредствомъ котораго вода прежде поднималась изъ сборнаго бассейна, нынѣ, вслѣдствіе пониженія бесѣдки и пола въ ней на 2 аршина, вода изъ штольни идетъ къ бювету самотекомъ. Благодаря этой передѣлкѣ, вода № 17, сохраняя больше угольной кислоты, выиграла во вкусѣ.

3) *Бюветъ № 19.* Этотъ бюветъ устроенъ въ 1898 году. Вода № 19 была извѣстна уже съ 1881 года и считалась по анализу вполнѣ сходною съ водою № 4, эксплоатировавшеюся уже давно. Бюветъ обдѣланъ каменной бесѣдкой и устроенъ по тому же типу, какъ бюветы №№ 17 и 18. Суточный притокъ воды № 19 равенъ 40 ведрамъ.

4) *Бюветъ № 6.* Источникъ № 6 въ 1893 году каптированъ и стѣною защищенъ отъ подтока дождевыхъ и почвенныхъ водъ. Бюветъ его вынесенъ ближе къ дорожкѣ парка. Дебитъ источника около 16 ведеръ въ сутки.

5) *Бюветъ № 4.* Въ настоящее время употребляется только вода „восходящей" струи. Источникъ въ самое короткое время пріобрѣлъ широкое распространеніе на всѣхъ группахъ. При бюветѣ № 4 въ 1893 году построена трельяжная галлерея.

Кромѣ питья воды у бюветовъ, во вновь построенномъ павильонѣ производится **продажа минеральныхъ водъ** бутылками, Нарзана стаканами. Тамъ же продаются газированное молоко, Ессентукскія соль и лепешки.

Ванныя зданія и источники, питающіе ихъ:

1) *Соляно-щелочныя ванны* (2 зданія съ 14 ваннами) питаются источникомъ № 20. Источникъ № 20, по устройствѣ сухого барража, даетъ 17,000 ведеръ въ сутки; съ 1891 года въ соляно-щелочномъ ванномъ зданіи поставлена электрическая ванна.

Вода № 20 по своей слабой минерализаціи должна быть отнесена къ индифферентнымъ водамъ. Температура ея 8,5°. № 20 питаетъ 8 ваннъ, помѣщающихся въ старомъ зданіи, и 6 ваннъ во временно построенномъ баракѣ (женское отдѣленіе). Вода для ваннъ нагрѣвается въ особыхъ нагрѣвателяхъ.

2) *Сѣрно-щелочныя ванны.* Всѣхъ ваннъ 16, изъ нихъ 6 грязевыхъ. Всѣ ванны цинковыя.

3) *Ванное зданіе Императора Николая II.* По изяществу отдѣлки, по комфорту, какимъ здѣсь пользуются больные, ванное зданіе Императора Николая II можетъ быть смѣло поставлено на ряду съ этого рода сооруженіями лучшихъ европейскихъ курортовъ. Зданіе представляетъ въ планѣ почти правильный квадратъ, стороны котораго имѣютъ въ длину по переднему и заднему фасадамъ—29,75 саж., а по боковымъ фасадамъ—29,45 саж. По четыремъ сторонамъ квадрата расположены 19 номеровъ ваннъ для сѣрной минеральной воды; ванные номера, за исключеніемъ одного углового по переднему фасаду, состоятъ каждый изъ трехъ помѣщеній: двухъ раздѣваленъ и ванной комнаты. Всѣ ванныя кабины и раздѣвальни имѣютъ почти одинаковые размѣры; высота всѣхъ помѣщеній—1,9 саж. Правая половина зданія предназначена для дамъ, лѣвая для мужчинъ. Въ центрѣ этого фасада помѣщается просторный залъ для ожиданія; въ каждомъ изъ боковыхъ фасадовъ имѣется, кромѣ того, по одному просторному помѣщенію для отдыха больныхъ послѣ пріема грязевыхъ ваннъ; каждое изъ этихъ помѣщеній состоитъ изъ залы и полукруглаго остекленнаго балкона.

Внутри двора, образуемаго четырьмя сторонами главнаго зданія, построенъ особый павильонъ, имѣющій форму кругового кольца. Въ этомъ павильонѣ расположены 12 кабинъ для грязевыхъ ваннъ, состоящихъ каждая изъ двухъ помѣщеній: ванной комнаты и раздѣвальни. Стѣны ванныхъ кабинъ и раздѣваленъ при нихъ облицованы кругомъ до высоты подоконниковъ бѣлыми печными кафлями.

Въ кабинахъ для обыкновенныхъ сѣрно-щелочныхъ ваннъ установлены ванны изъ каррарскаго свѣтло-сѣраго мрамора; каждая ванна сдѣлана изъ одного куска мрамора вмѣстѣ съ двумя при ней ступенями. Въ грязевомъ отдѣленіи установлены въ каждой кабинѣ по двѣ ванны: грязевая деревянная на трехъ каткахъ и рядомъ съ нею шамотная, внутри глазурованная, для обмывки. Въ шести кабинахъ для сѣрно-щелочныхъ ваннъ установлены нисходящіе прѣсные души съ кранами для смѣшенія холодной и горячей воды и съ подвижными наконечниками на резиновыхъ рукавахъ для боковыхъ душей. Въ каждой ванной кабинѣ имѣется грѣлка для бѣлья въ видѣ небольшого шкапчика; нагрѣваніе воздуха и бѣлья въ шкапчикахъ производится помощью желѣзныхъ змѣевиковъ, чрезъ которые пропускается паръ. Въ ванныхъ кабинахъ и раздѣвальняхъ имѣются электрическіе звонки.

Ванное зданіе питается водою сѣрно-щелочнаго *источника Гааза-Пономарева*, который расположенъ въ нижнемъ паркѣ группы, въ разстояніи около 100 саж. отъ средины зданія.

Во всѣ ванны проведена прѣсная вода, какъ горячая, такъ и холодная. Приготовленіе грязевыхъ ваннъ производится во внутреннемъ асфальтированномъ дворѣ зданія. Деревянныя ванны выкатываются на этотъ дворъ изъ кабинъ чрезъ особыя двери и тутъ производится размѣшиваніе въ нихъ воды съ грязью, при одновременномъ нагрѣваніи послѣдней съ помощью пара; при этомъ въ ванны чрезъ резиновые рукава съ наконечниками пропускается паръ, которымъ разведенная грязь доводится до температуры, назначенной больному. Готовыя ванны выкатываются рабочими въ кабину. Послѣ купанья ванна выкатывается на средній дворъ, ставится надъ однимъ изъ имѣющихся здѣсь двухъ люковъ и грязь чрезъ отверстіе въ днѣ ванны выпускается.

Все ванное зданіе искусственно вентилируется. Чистый воздухъ поступаетъ черезъ двѣ кирпичныя башни, устроенныя противъ боковыхъ фасадовъ зданія въ разстояніи около 5 саж. отъ него; здѣсь онъ проходитъ чрезъ фильтры и направляется въ кирпичный каналъ, на концѣ котораго подъ залами для отдыха установлено по одному электрическому нагнетательному вентилятору; каждый вентиляторъ можетъ подавать по 10 куб. саж. въ минуту. Во всѣхъ помѣщеніяхъ имѣются, кромѣ того, въ потолкахъ вытяжные душники, чрезъ которые уходитъ испорченный воздухъ; послѣдній поступаетъ затѣмъ въ уложенные по чердаку зданія бетонные сборные вытяжные каналы, которые заканчиваются въ двухъ башняхъ, выведенныхъ надъ крышей зданія, гдѣ установлены вытяжные вентиляторы. Вентиляторы приводятся въ движеніе небольшой паро-динамо-машиной Дерозье. Паръ для нагрѣванія минеральной и прѣсной воды, а равно и грязи для калориферовъ, грѣлокъ для бѣлья, для паро-динамо-машины и пр. доставляется двумя корнваллійскими паровыми котлами.

Постройка ваннаго заведенія со всѣмъ внутреннимъ его оборудованіемъ стоила больше 300 тыс. руб.

Внутренняя отдѣлка и меблировка, соединяя изящную простоту съ удобствами, удовлетворяютъ требованіямъ самой взыскательной публики.

Ессентукская соль употребляется для искусственнаго приготовленія ессентукской воды № 17: берутъ ½ чайной ложечки (36 гранъ) соли и растворяютъ въ стаканѣ (1½ ф.) прокипяченной воды, температура которой должна быть 11° Р.

Соль имѣетъ слѣдующій процентный составъ:

Двууглекислаго натра	78,94
Сѣрнокислаго натра	3,81
Хлористаго натрія	16,80
Гигроскопической воды	0,45

Ессентукскія лепешки назначаются отъ тѣхъ же болѣзней, при коихъ назначается вода № 17. Лепешки продаются въ коробкахъ, по 30 штукъ въ каждой. Съ 1898 года введены въ продажу ароматизированныя лепешки.

Составъ лепешекъ въ процентахъ слѣдующій:

Сахару	90,82
Двууглекислаго натра	7,62
Крахмала	0,47
Трагакантовой камеди	0,47
Воды	0,52
Хлористаго натрія	0,10

ЖЕЛѢЗНОВОДСКАЯ ГРУППА.

Сезонъ съ 20 мая по 1 сентября.

Желѣзноводскъ расположенъ на южномъ склонѣ горы Желѣзной въ сѣдловинѣ, образуемой горами Бештау и Желѣзной и долинами рѣчки Джемухи и ручьемъ Медовымъ. Рельсовый путь соединяетъ его со станціей „Минеральныя воды" Владикавказской желѣзной дороги и съ другими группами Кавказскихъ минеральныхъ водъ, причемъ отъ станціи Бештау (Минераловодской вѣтви) къ нему идетъ отдѣльная вѣтка. Эта послѣдняя замѣчательна своей красотой и тѣмъ, что на ней закругленія и подъемы приняты наибольшіе, какіе только допускаются при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Разстояніе по желѣзной дорогѣ отъ станціи „Минеральныя воды"—19½ верстъ, отъ „Пятигорска" 16, и отъ станціи „Бештау" 5 верстъ. Отъ этихъ же пунктовъ вдоль линіи желѣзной дороги къ Желѣзноводску идетъ старое шоссе. Высота Желѣзноводской группы 1890—2100 фут. надъ уровнемъ Чернаго моря (Муравьевскія ванны и конторская площадка). Расположена она между 44°8′21″ сѣв. широты и 60°41′ вост. долготы.

Климатъ. Благодаря тому, что Желѣзноводскъ расположенъ какъ бы въ ущельѣ, образуемомъ горами Медовой, Кабанъ, Бештау съ одной стороны, Желѣзной и Развалкой съ другой, благодаря обилію лѣса по склонамъ этихъ горъ, а также высотѣ его надъ уровнемъ моря, климатъ въ Желѣзноводскѣ ровный, благопріятный для лѣченія, лѣто не знойное и не холодное, воздухъ чистый;

никакихъ эпидемическихъ болѣзней здѣсь никогда не наблюдалось. Во время эпидеміи холеры 1892 года въ Желѣзноводскѣ не было ни одного случая заболѣванія, несмотря на то, что въ окрестныхъ станицахъ Терской области много умирало отъ этой болѣзни.

Среднія показанія метеорологическихъ наблюденій за 1898, 1899, 1900 и 1901 гг.

Мѣсяцы.	Давленіе барометра.	Температура воздуха.	Относительная влажность.
Май.	705,9	13,9	75
Іюнь	705,9	17,7	72
Іюль.	705,2	21,1	65
Августъ.	705,3	19,2	68

Бальнеологическія приспособленія.

Источники, служащіе для внутренняго употребленія:
1) *Источники № 1 и № 2.*
При выходѣ ихъ ниже верхняго барака устроена очень красивая, обдѣланная тесанымъ камнемъ съ желѣзною дверью штольня, называемая „штольней № 1 и 2". Вода этихъ источниковъ проведена въ особый бюветъ изъ сѣраго мрамора, устроенный на „конторской" площадкѣ. Дебитъ въ сутки 51,840 ведеръ.

2) *Маріинскій источникъ.* Расположенъ среди парка, недалеко и ниже ваннъ № 5 и 6. Въ 1896 году каптированъ и надъ нимъ устроена бесѣдка, съ боковъ обдѣланная тесанымъ камнемъ. Дебитъ въ сутки 375 ведеръ.

3) *Смирновскій источникъ*, прежде называвшійся „Грязнушка". Дебитъ въ сутки 4,937 вед. Для удобства публики вода Смирновскаго источника проведена на гимнастическую площадку, гдѣ устроенъ особый бюветъ, называющійся „Нижній бюветъ Смирновскаго источника". Бюветъ сдѣланъ гротомъ и высѣченъ въ самородной скалѣ.

4) *Ивановскій источникъ.* Расположенъ ниже Смирновской площадки. Надъ нимъ устроена небольшая легкая деревянная бесѣдка. Дебитъ 720 ведръ въ сутки.

5) *Источникъ Великаго Князя Михаила* Находится между Ивановскимъ источникомъ и Михайловской галлереей. Обдѣланъ красивымъ гротомъ изъ тесаннаго камня. По температурѣ самый холодный изъ источниковъ, служащихъ для питья. Дебитъ 1661 ведро въ сутки.

6) *Барятинскій источникъ*, рядомъ съ Ново-Барятинскими ваннами. Близъ выхода его устроенъ гротомъ бюветъ на подобіе верхняго Смирновскаго бювета. Дебитъ въ сутки 2057 ведеръ.

Сравнительная таблица нѣкоторыхъ составныхъ частей Желѣзноводскихъ источниковъ съ заграничными.

На 1000 граммъ воды.	Источникъ № 1.	Смирновскій.	Барятинскій.	Маріинскій.	Вел. Кн. Михаила.	Завадовскій.	Contrexéville.	Франценсбадъ (Franzensquelle).
Температура по R.	35,5	35,0	18,5	25,5	16.	18,5	9,2	8,4
Сѣрно-кислаго натра.	1,080	1,094	1,156	0,180	0,897	1,093	0,236	3,190
„ кали	0,043	0,045	0,048	0,048	0,052	0,048	0,007	—
Сѣрно-кислой извести	0,030	0,023	0,037	0,048	0,035	0,024	1,523	—
„ магнезіи.	—	—	—	—	—	—	0,060	—
Углекислаго натра.	0,313	0,294	0,413	0,301	0,445	0,230	—	0,557
Углекислой извести	0,597	0,613	0,725	0,682	0,715	0,725	0,275	0,210
„ магнезіи.	0,006	0,041	0,047	0,022	0,026	0,119	—	0,076
Углекисл. закиси желѣза	**0,008**	**0,100**	**0,011**	**0,009**	**0,011**	**0,008**	**0,0045**	**0,026**
Хлористаго натрія.	0,361	0,371	0,296	0,232	0,163	0,371	0,904	1,194
„ литія	0,001	0,002	слѣд.	0,001	0,001	слѣд.	0,003	—
„ магнія	0,163	0,128	0,140	0,174	0,164	0,087	—	—
Угольной кислоты:								
„ полусвободной	0,399	0,407	0,519	0,440	0,517	0,480	—	—
„ свободной	0,842	0,947	1,242	1,276	1,310	0,935	0,080	2,893
Сумма твердыхъ состави. частей . .	2,136	2,651	2,904	2,725	2,547	2,690	—	—

	Эммануэл. источникъ	Кегамовскій источникъ.
Сухой остатокъ	2,440	2,708
Угольной кислоты связанной . . .	0,570	0,644
Сѣрной кислоты ангидр.	0,586	0,622
Хлора	0,213	0,260
Извести	0,385	0,370
Магнезіи	0,066	0,056
Закиси желѣза.	0,001	0,005
Угольной кислоты всей.	1,610	2,119
„ „ свободной . . .	0,469	0,830
Углещелочей.	0,342	0,881
Углещелочныхъ земель.	0,964	0,632

Ванныя зданія.

1) *Ванны Островскаго.* Названы по имени статсъ-секретаря М. Н. Островскаго, бывшаго министра государственныхъ имуществъ. Окончены постройкой въ 1893 г. Очень красивое зданіе, построенное въ мавританскомъ стилѣ по проекту графа Сюзора. По красотѣ, отдѣлкѣ и бальнеологическимъ приспособленіямъ оно не уступаетъ ваннымъ зданіямъ лучшихъ курортовъ Западной Европы. Зданіе снабжено минеральною водою источниковъ № 1 и № 2. Въ немъ имѣются: а) 23 бенюара для простыхъ желѣзныхъ ваннъ; при двухъ изъ нихъ, сравнительно болѣе роскошно обставленныхъ, имѣются отдѣльныя комнаты для раздѣванія, а въ одномъ изъ бенюаровъ установлена электрическая ванна; б) 4 номера для грязевыхъ ваннъ, каждый въ двѣ комнаты, изъ коихъ одна служитъ для раздѣванія, а въ другой установлены двѣ ванны; в) большая комната для ожиданія, роскошно меблированная; г) комната для подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ и д) два душевыхъ отдѣленія; въ каждомъ изъ нихъ установлены слѣдующія приспособленія: 1) полный душевой аппаратъ Шарко, 2) аппаратъ для нисходящаго душа, 3) спиннаго душа, 4) восходящаго душа, 5) кругового душа съ восходящимъ и нисходящимъ душемъ, 6) сидячая ванна съ восходящимъ, боковымъ, переднимъ и заднимъ душами, 7) деревянная каѳедра, у которой на особой доскѣ размѣщены всѣ краны и другія приспособленія для управленія душами. Ванны всѣ кафельныя; при каждой изъ нихъ имѣется по два крана для горячей и холодной минеральной воды. Нагрѣваніе грязи для грязевыхъ ваннъ производится помощью пара. Для подачи грязи изъ подвальнаго помѣщенія въ кабины устроены въ полу послѣднихъ трапы, подъ которыми установлены особые подъемные механизмы. Во всѣхъ номерахъ имѣются электрическіе звонки. Для нагрѣванія простынь въ мужскомъ и женскомъ отдѣленіи ваннъ устроено по большому шкафу съ клѣтками.

2) *Калмыцкія ванны.* Оригинальная красивая постройка, на подобіе калмыцкой кибитки, расположенная въ западномъ углу конторской площадки. Имѣетъ 5 кабинъ, при чемъ въ 2-хъ ванны мозаичныя, а въ остальныхъ трехъ —чугунныя, покрытыя внутри бѣлой эмалью. Въ номерахъ электрическіе звонки. Ванны питаются водой источниковъ № 1 и № 2.

3) *Ванное зданіе № 1 и 2* расположено рядомъ съ конторою группы. Деревянное зданіе коридорной системы. Въ двухъ номерахъ ванны шамотовыя (глиняныя), покрытыя внутри бѣлой эмалью, въ двухъ мозаичныя, а въ остальныхъ—цинковыя. Минеральная грязь получается для этихъ грязевыхъ ваннъ такъ же, какъ и для Островскихъ, изъ Тамбуканскаго озера. Горячая вода получается изъ источниковъ № 1 и № 2.

4) *Ванное зданіе № 5 и 6* съ 4 кабинами расположено въ центрѣ парка близъ дѣтской площадки. Питаются ванны источниками №№ 4, 5 и 6. Источникъ № 4 имѣетъ температуру 41,4°R. Дебитъ въ сутки 6646 вед.

5) *Муравьевскія ванны.* Довольно красивое зданіе въ восточной части парка съ 6 кабинами, въ которыхъ 2 ванны мозаичныя, а остальныя цинковыя. Ванны питаются горячимъ источникомъ № 19 и холоднымъ Муравьевскимъ. Источникъ № 19 имѣетъ температуру 32,3°R.; дебитъ 2468 ведеръ въ сутки. Муравьевскій имѣетъ температуру 15,0°R.; дебетъ 909 вед. въ сутки.

6) *Зданіе Старо-Барятинскихъ ваннъ* 4 кабины съ цинковыми ваннами. Зданіе каменное. Ванны питаются водою Завадовскаго источника.

7) *Зданіе Ново-Барятинскихъ ваннъ* расположено вблизи Старо-Барятинскихъ ваннъ и имѣетъ 8 кабинъ, въ двухъ—ванны мозаичныя, а въ остальныхъ цинковыя. Питаются эти ванны горячею водой Смирновскаго и холодною источниковъ Барятинскаго и Михайловскаго.

8) *Народная купальня* заново устроена къ сезону 1902 года по новому шоссе, невдалекѣ отъ Островскихъ ваннъ. Фахверковое зданіе, внутри оцементированное. Въ немъ имѣются двѣ каменныя писцины, мужская и женская, каждая длиною 6 арш. и шириною 4 арш., и двѣ раздѣвальни, каждая съ отдѣльнымъ ходомъ. Купальня приспособлена для зимы, и для этого въ ней поставлена печь, обогрѣвающая объ половины. Вода проведена по трубамъ изъ источниковъ № 1 и № 2 и падаетъ въ бассейны каскадами.

Продажа минеральныхъ водъ.

Ессентукскихъ, Баталинской (горькой) и Нарзана производится въ отдѣльномъ павильонѣ, около главнаго входа въ паркъ, и въ Михайловской галлереѣ, близъ Завадовскаго источника, на восточной подгруппѣ. Здѣсь можно получать молоко для употребленія съ минеральною водою. Кумысъ, кефиръ и газированное молоко продаются въ павильонѣ и въ кумысной лабораторіи за желѣзной галлереей.

Болѣзни, отъ которыхъ лѣчатся въ Желѣзноводскѣ.

Всѣ источники Желѣзноводской группы принадлежатъ къ желѣзисто-щелочнымъ и по своему составу съ полнымъ правомъ могутъ быть названы русскимъ Контрексевиллемъ. Необходимо прибавить, что, благодаря ничтожному количеству гипса (сѣрнокислой извести) и разнообразію температуры, источники Желѣзноводска должны быть поставлены гораздо выше, такъ какъ въ Контрексевиллѣ имѣется только одинъ источникъ съ температурой въ 11,5°R, а въ Желѣзноводскѣ ихъ нѣсколько съ температурой отъ 16°—35°R.

При внутреннемъ употребленіи воды Желѣзноводскихъ источниковъ эффектъ дѣйствія главнымъ образомъ относится къ содержащемуся въ нихъ желѣзу, а такъ какъ это послѣднее составляетъ существенную и необходимѣйшую часть крови, то, выходя только лишь изъ этой потребности организма, мы встрѣтимъ цѣлый перечень болѣзней, въ которыхъ такъ или иначе измѣнился составъ крови по отношенію къ желѣзу и способность ея поглащать кислородъ сдѣлалась недостаточною. Но и другіе элементы, входящіе въ составъ Желѣзноводскихъ источниковъ, не остаются индифферентными при пользованіи водой: сѣрнокислый и углекислый натръ, углекислая

известь и магнезія, углекислота, наконецъ, самая температура источниковъ, каждый изъ этихъ факторовъ производитъ присущее ему на организмъ дѣйствіе. Такъ, сѣрнокислый натръ, принятый въ малыхъ дозахъ, не имѣя рѣзко выраженнаго слабительнаго дѣйствія, вліяетъ на отдѣленіе желчи печенью, увеличивая его, а желчь въ свою очередь не остается безъ вліянія на процессы броженія въ кишечникѣ и способствуетъ также усвоенію жировъ пищи. При продолжительномъ употребленіи водъ, содержащихъ углекислый натръ въ незначительныхъ количествахъ, получается улучшеніе пищеваренія; углекислая известь и магнезія, выдѣляясь почками, оказываетъ на нихъ благотворное вліяніе въ нѣкоторыхъ почечныхъ заболѣваніяхъ; углекислота дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ; наконецъ, высокая и разнообразная температура воды Желѣзноводскихъ источниковъ даетъ возможность употреблять воду внутрь безъ подогрѣванія, сохраняя вполнѣ ея естественныя свойства. Въ этомъ заключается, между прочимъ, крупное преимущество нашихъ водъ передъ иностранными: послѣднія приходится искусственно нагрѣвать до требуемой температуры, вслѣдствіе чего въ водѣ происходятъ химическія измѣненія, отъ которыхъ она теряетъ свои естественныя свойства.

Суммируя всѣ сказанные эффекты, мы должны расширить уже кругъ показаній къ лѣченію на Желѣзноводской группѣ даже для одного какою-либо источника, но, принявъ во вниманіе ихъ разнообразіе по составу, различныя отношенія составныхъ частей между собою въ каждомъ,—отношенія, на столько удачныя и счастливыя, что Желѣзноводскіе источники превосходятъ всѣ таковые же заграничные; прибавивъ къ этому лѣченіе ваннами, душами, электричествомъ, кумысомъ, массажемъ, Тамбуканской грязью въ связи съ климатомъ, горнымъ воздухомъ, окружающей растительностью, мы должны будемъ сознаться, что трудно перечислить всѣ болѣзни, которыя съ успѣхомъ лѣчатся и подлежатъ лѣченію въ Желѣзноводскѣ.

Разнообразіе источниковъ по ихъ дѣйствію даетъ возможность врачу имѣть въ своихъ рукахъ цѣлый рядъ различнымъ образомъ дѣйствующей желѣзной воды. Дѣйствтельно, при сравненіи источниковъ между собою по ихъ дѣйствію, мы видимъ, что Смирновскій, содержа менѣе желѣза, чѣмъ, напр., Михайловскій, не вызываетъ запоровъ, какъ этотъ послѣдній, что зависитъ также отъ большаго содержанія въ немъ извести и магнезіи; Маріинскій и Барятинскій имѣютъ также свои отличительныя свойства: въ первомъ извести и магнезіи приблизительно столько же, сколько въ Михайловскомъ, но желѣза меньше; наконецъ, Барятинскій источникъ, при большемъ содержаніи желѣза, не вызываетъ запоровъ потому, что содержитъ въ нѣсколько большемъ количествѣ сѣрнокислый натръ, дѣйствующій послабляющимъ образомъ, и углекислоту, усиливающую перистальтическія движенія кишекъ. Желѣзноводскими водами, на основаніи вышесказаннаго, съ успѣхомъ пользуются слѣдующія болѣзни:

1) Малокровіе. Принимая изо дня въ день незначительныя количества желѣза, содержащаго въ минеральной водѣ, организмъ повышетъ свою окислительную способность, а съ этимъ послѣднимъ устраняются всѣ симптомы, вызываемые малокровіемъ.

2) Кровотеченія маточныя, геморроидальныя и др. съ послѣдовательнымъ развитіемъ малокровія.

3) Различныя формы женскихъ болѣзней: катарры матки, бѣли, разстройства менструаціи и проч. съ ихъ послѣдствіями. Съ наибольшимъ успѣхомъ излѣчиваются эти болѣзни въ томъ періодѣ, когда исчезнутъ признаки ихъ остраго состоянія, а потому эти послѣдніе въ связи съ повышенной чувствительностью заболѣвшаго органа должны быть строго принимаемы въ разсчетъ при назначеніи Желѣзноводскихъ источниковъ. При разстройствахъ менструаціи особенно успѣшно пользуются въ Желѣзноводскѣ тѣ случаи, когда разстройство стоитъ въ связи съ приливами крови къ яичникамъ. Съ устройствомъ въ Желѣзноводскомъ паркѣ площадокъ и горизонтальной дороги, протяженіемъ въ 3½ версты, даже и слабыя гинекологическія больныя имѣютъ возможность совершать интересныя и не утомительныя для нихъ прогулки.

Желѣзноводская группа не даромъ носитъ названіе *дамскаго* курорта, ибо на ней помимо минеральнаго лѣченія, какъ отъ болѣзней спеціально женскихъ, такъ и отъ болѣзней болѣе свойственныхъ этому полу, чѣмъ мужскому, существуютъ средства для оперативной помощи въ видѣ двухъ благоустроенныхъ гинекологическихъ лѣчебницъ, въ которыхъ больные могутъ быть оперированы рукою профессоровъ-гинекологовъ и затѣмъ остаться для послѣдовательнаго лѣченія на томъ же курортѣ.

4) Хроническій катарръ желудка и кишекъ, на почвѣ малокровія, а также тѣ случаи, когда наблюдаются частые послабленія на низъ. Назначеніе внутрь одного изъ источниковъ, ограничивающихъ эти послабленія, питательная діэта въ случаяхъ истощенія и другіе комбинированные методы лѣченія вполнѣ умѣстны на Желѣзноводской группѣ для этихъ болѣзней.

5) Болѣзни легкихъ, оставшіеся плевритическіе выпоты, бронхіальные катарры, тоже успѣшно пользуются на Желѣзноводской группѣ: желѣзистая вода внутрь, кумысъ, тепловатыя ванны въ связи съ горнымъ воздухомъ, составляющимъ, благодаря его разряженію, гимнастику легкихъ, даютъ иногда прекрасные результаты.

6) При увеличеніи селезенки, вызванномъ болотной лихорадкой и другими изнурительными болѣзнями, и при развившемся малокровіи, какъ послѣдствіи болотной лихорадки, пользованіе Желѣзноводскими источниками, питательной діэтой, кумысомъ, тепловатыми ваннами, электризаціей селезенки также можетъ давать благопріятные результаты.

7) При нѣкоторыхъ болѣзняхъ сердца и всякихъ видахъ ожирѣнія въ Желѣзноводскѣ съ успѣхомъ можетъ быть примѣняемо лѣченіе горной ходьбой, такъ какъ по своему климату, мѣстоположенію, температурѣ и влажности курортъ этотъ совершенно удовлетворяетъ требованіямъ этого метода.

8) Заболѣванія печени, почекъ, почечныхъ лоханокъ и мочевого пузыря.

9) Пораженіе суставовъ, костей на почвѣ ревматизма, англійской болѣзни, туберкулеза и неправильнаго обмѣна веществъ лѣчится здѣсь уже издавна съ большимъ успѣхомъ.

10) Спинная сухотка и другія болѣзни спинного мозга. Здѣсь показуются тепловатыя (но ни чуть не горячія), близкія къ индифферентнымъ ванны, такъ какъ они, дѣйствуя успокаивающимъ образомъ, благодаря слегка повышенной температурѣ, производятъ повышеніе напряженія въ кровеносныхъ сосудахъ, поднимаютъ дѣятельность сердца, результатомъ чего является увеличенный притокъ крови къ больному органу, всасываніе инфильтратовъ и эксудатовъ; одновременно съ этимъ употребленіе внутрь желѣзистыхъ водъ содѣйствуетъ успѣху лѣченія.

11) Цѣлый рядъ нервныхъ болѣзней, особенно, если онѣ соединены съ малокровіемъ, при комбинированной методѣ лѣченія желѣзистыми водами, ваннами, гидропатіей, при помощи климата и горнаго воздуха излѣчивается совершенно.

12) Общее состояніе слабости послѣ тяжелыхъ острыхъ болѣзней, продолжительнаго кормленія грудью, продолжительнаго сильнаго тѣлеснаго и душевнаго напряженія.

Обиліе методовъ лѣченія даетъ такое разнообразное сочетаніе ихъ, что, повторяемъ, въ высшей степени трудно перечислить всѣ болѣзни, отъ которыхъ можно лѣчиться въ Желѣзноводскѣ; уже изъ перечисленныхъ мы видимъ, насколько расширяется кругъ показаній для лѣченія на Желѣзноводской группѣ по сравненію хотя бы съ Контрексевиллемъ.

Получивъ съ давнихъ поръ названіе женскаго курорта, Желѣзноводскъ съ такимъ же правомъ можетъ

быть названъ и *дѣтскимъ* курортомъ. Высокое положеніе надъ уровнемъ моря и, стало быть, горный воздухъ, окружающая растительность, теплота, отсутствіе рось въ связи съ лѣченіемъ ваннами, разсольными и грязевыми, минеральной водой, кумысомъ, то есть, тѣ же самыя уже перечисленныя выше условія способствуютъ въ высокой степени поправленію дѣтей, страдающихъ хроническими болѣзнями. Всѣ болѣзни, зависящія отъ пониженнаго питанія, какъ-то: малокровіе, переутомленіе, нервныя страданія, пріобрѣтаемыя громаднымъ большинствомъ дѣтей въ школьномъ періодѣ, наконецъ, золотуха, англійская болѣзнь, общій и мѣстный туберкулезъ, болѣзни почекъ—всѣ перечисленныя страданія дѣтей могутъ быть съ успѣхомъ пользуемы въ Желѣзноводскѣ. Кумысъ съ горными прогулками, съ подвижными на воздухѣ играми, въ сообществѣ не одной сотни дѣтей, помогаетъ успѣху лѣченія больного ребенка. Въ паркѣ имѣются площадки съ приспособленіями для гимнастики и дѣтскихъ игръ и павильонъ, въ которомъ дѣти могутъ играть въ дурную погоду; для руководства играми и гимнастикой управленіемъ водъ приглашаются свѣдующія лица. Опытъ прошлыхъ лѣтъ лѣченія больныхъ дѣтей въ Желѣзноводскѣ вполнѣ подтвердилъ достоинство его, какъ дѣтскаго курорта; съ каждымъ годомъ группа эта въ возрастающемъ числѣ привлекаетъ малолѣтнихъ больныхъ, успѣху поправленія которыхъ въ немалой мѣрѣ содѣйствуетъ и отсутствіе для нихъ здѣсь скуки, ибо всегда представляется возможность имѣть соотвѣтствующихъ возрасту сверстниковъ, благодаря чему и самое лѣченіе становится не обременительнымъ для пацієнтовъ, которые при обыкновенныхъ условіяхъ не особенно любятъ лѣчиться.

КИСЛОВОДСКАЯ ГРУППА.

Сезонъ съ 1-го іюня по 1-е октября.

Кисловодскъ расположенъ въ 57 верстахъ отъ станціи „Минеральныя воды“ Владикавказской желѣзной дороги, въ 36 верстахъ отъ Пятигорска и въ 21 верстѣ отъ Ессентуковъ по желѣзной дорогѣ, въ широкой котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горными возвышенностями и прорѣзанной двумя небольшими горными рѣчками—Ольховкой и Березовкой, сливающимися у сѣверной стороны Кисловодска и впадающими общимъ русломъ въ Подкумокъ съ правой его стороны въ 4 верстахъ отъ Кисловодска у станицы Кисловодской.

Климатъ Кисловодска, благодаря его положенію на высотѣ надъ уровнемъ моря 3000 фут. и близости къ высочайшей изъ горъ Европы—Эльбрусу, не на столько жаркій лѣтомъ, какъ климатъ другихъ группъ Кавказскихъ минеральныхъ водъ; благодаря же обилію солнца и зимою (Кисловодскъ занимаетъ средину между Италіей и Испаніей по количеству солнечныхъ часовъ въ годъ) и незначительности осенних и зимнихъ атмосферныхъ осадковъ, защищенности отъ сильныхъ вѣтровъ и почти полному отсутствію тумановъ, онъ теплѣе сосѣднихъ мѣстъ зимою и въ началѣ весны.

Средняя температура лѣта немного болѣе 14°R. Наибольшая температура лѣтомъ рѣдко доходитъ въ тѣни до 23°R, а 25°—27°R температура достигаетъ въ теченіе 2—3 часовъ въ сутки и то не каждое лѣто. Средняя температура года равна 6,5°R; наименьшая зимою рѣдко падаетъ до—10°R, и то на 1—3 дня и не каждую зиму, иногда же и вся зима проходитъ при минимумѣ въ—5° или —2°R, а днемъ тепло часто заходитъ за 15°R, на солнцѣ и иногда достигаетъ 23°R. Въ ноябрѣ еще иногда бываетъ 14°R, въ тѣни, а въ мартѣ 23°R, въ тѣни. Количество атмосферныхъ осадковъ въ годъ не доходитъ до 500 миллим., а иногда оно падаетъ до 350—400. Количество солнечныхъ дней въ мѣсяцѣ доходитъ до 18 подрядъ, а число дождливыхъ дней въ годъ колеблется между 60 и 70. Изъ этого количества атмосферныхъ осадковъ на конецъ мая и начало іюня приходится половина, а въ октябрѣ иногда вовсе не бываетъ осадковъ. Туманъ попадаетъ въ Кисловодскъ очень рѣдко (5—15 разъ въ годъ) и то на нѣсколько часовъ, а большею частью держится только на окрестныхъ горахъ. Барометрическія колебанія очень незначительны: среднее отъ 690,2 до 693,3, амплитуда крайнихъ колебаній—20. Снѣгъ иногда совсѣмъ не покрываетъ земли.

Нарзанъ и его терапевтическое значеніе.

Нарзанъ, какъ несомнѣнно показалъ каптажъ 1894 года, выходитъ изъ трещины въ доломитѣ, шириною отъ 1/4 до 3/4 и длиною въ 1/4 аршина, на глубинѣ трехъ саженей отъ поверхностей пола галлереи, и выдѣляетъ около 240,000 ведеръ въ сутки при наполненномъ бассейнѣ. Эта трещина въ доломитѣ доступна измѣренію по извилистости хода ея только на сажень. Трещина, выдѣляющая Нарзанъ, изолирована тесанными камнями на цементѣ, заложенными въ желобъ на доломитѣ, такъ что вырваться изъ окружающаго его бассейна Нарзанъ не можетъ, не смотря на то, что именуется „Богатыремъ“. Уединенный отъ грунтовыхъ водъ, Нарзанъ пересталъ мутиться, что бывало раньше. Такимъ образомъ, ясно, что „напитокъ богатырей“ каптажемъ 1894 года сохраненъ въ томъ лучшемъ видѣ, въ которомъ его пили тысячи лѣтъ тому назадъ „богатыри“, когда онъ не былъ еще закрытъ глиной и наносомъ, а вытекалъ чистымъ изъ трещины въ доломитѣ, какимъ онъ созданъ природой на недоступной рукамъ человѣка глубинѣ.

Въ настоящее время кисловатый, слегка щиплющій языкъ, пріятный вкусъ Нарзана почти всѣмъ извѣстенъ по личному опыту, такъ какъ милліоны бутылокъ его уже расходятся по всей Россіи именно потому, что онъ представляетъ безусловно чистую, гарантированную и на будущее время отъ загрязненія полезную воду. Приводимые ниже сравнительные анализы Нарзана, Аполлинариса и Гисгюблера показываютъ близкое сходство источниковъ между собою; въ таблицѣ помѣщены лишь главныя составныя части, имѣющія какое либо терапевтическое значеніе, которое вообще въ этихъ трехъ источникахъ незначительно, такъ какъ иначе они не употреблялись бы въ качествѣ столовой воды. Температура Нарзана сходна съ температурой Гисгюблера и ниже температуры Аполлинариса; это послѣднее необходимо принять во вниманіе при питьѣ у самаго источника въ смыслѣ освѣжающаго дѣйствія воды, сѣрнокислыхъ соединеній, исключивъ даже кальцій, какъ не имѣющій никакого значенія, въ Нарзанѣ больше, чѣмъ въ заграничныхъ двухъ; между тѣмъ сѣрнокислые кали и натръ обладаютъ слегка прохлаждающимъ и освѣжающимъ дѣйствіемъ при пріемѣ ихъ внутрь въ незначительныхъ дозахъ. Что касается углекислыхъ соединеній (за исключеніемъ желѣза, о которомъ мы скажемъ отдѣльно), то хотя ихъ въ общемъ въ Нарзанѣ и меньше, а роль ихъ при внутреннемъ употребленіи сводится къ нейтрализаціи кислотъ пищеварительнаго канала, но за то въ частности Нарзанъ содержитъ значительно болѣе углекислаго кальція, который, поступивъ въ кровь въ видѣ молочно-кислаго, частью служитъ матеріаломъ для построенія скелета, частью, выдѣляясь почками, можетъ производить благотворное дѣйствіе при страданіяхъ почечныхъ лоханокъ. Въ большемъ присутствіи этого элемента въ Нарзанѣ уже видно его нѣкоторое терапевтическое преимущество предъ Аполлинарисомъ и Гисгюблеромъ. Содержа довольно значительное количество желѣза, Аполлинарисъ никоимъ образомъ не можетъ превосходить этимъ Нарзанъ, ибо во всякой столовой водѣ излишнее присутствіе желѣза даетъ особый и непріятный водѣ привкусъ. Если мы упомянемъ еще, что углекислота, принятая внутрь, освѣжаетъ вообще, улучшаетъ пищевареніе, содѣйствуетъ перистальтическому движенію кишекъ, увеличиваетъ отдѣленіе мочи и что хотя ея нѣсколь-

ко менѣе содержится въ Нарзанѣ, чѣмъ въ Апполинарисѣ, но этотъ недостатокъ можетъ быть пополненъ его же собственнымъ газомъ, а въ Гисгюблерѣ его менѣе, чѣмъ въ Нарзанѣ, то послѣ всего сказаннаго мы можемъ резюмировать слѣдующее заключеніе о Нарзанѣ: *благодаря большему содержанію сѣрнокислыхъ солей кали и натра, почти отсутствію желѣза, большему содержанію углекислоты, чѣмъ въ Гисгюблерѣ, наконецъ, почти одинаковой температурѣ съ Гисгюблеромъ и болѣе низкой сравнительно съ Аполлинарисомъ, Нарзанъ съ большимъ правомъ можетъ быть названъ вкуснымъ, освѣжающимъ, прохлаждающимъ жажду столовымъ напиткомъ, чѣмъ Аполлинарисъ и Гисгюблеръ.*

Въ виду описанныхъ свойствъ Нарзана и его безусловной чистоты (здѣсь кстати упомянуть, что Гисгюблеръ содержитъ вѣсомыя органическія вещества), благодаря основательному каптажу, нисколько не будетъ удивительно, если онъ въ недалекомъ будущемъ вытѣснитъ всѣ иностранныя углекислыя воды, но сдѣлаетъ „богатырскій“ шагъ и за-границу.

Высокое терапевтическое достоинство имѣетъ Нарзанъ при употребленіи его въ видѣ *ваннъ*. Въ физіологическомъ дѣйствіи ваннъ Нарзана необходимо различать два момента: одинъ—термическій, зависящій отъ температуры ванны и присущій всѣмъ ваннамъ, и другой, зависящій отъ углекислоты, содержащейся въ Нарзанѣ. Для того, чтобы получить большую разницу дѣйствій, производимыхъ ваннами на организмъ, мы, не слѣдя градусъ за градусомъ, раздѣлимъ всѣ ванны по температурѣ на 3 разряда: теплыя (30—28°Р.), тепловатыя (28—23°Р.), прохладныя (23—18°Р) и цѣльный Нарзанъ. Чѣмъ выше температура ванны, тѣмъ меньше въ Нарзанѣ содержится углекислоты и тѣмъ слабѣе, стало быть, вліяніе этой послѣдней. Теплыя ванныя, соотвѣтствуя температурѣ тѣла, содержа мало углекислоты, которая вслѣдствіе нагрѣванія воды улетучивается, дѣйствуютъ вполнѣ успокаивающимъ образомъ; кромѣ того, части тѣла, не подвергающіяся вліянію ванны, испытываютъ малокровіе на счетъ усиленнаго прилива крови къ частямъ, погруженнымъ въ ванну (мы не касаемся горячихъ ваннъ, потому что онѣ вообще рѣдко употребляются, а въ Кисловодскѣ, вѣроятно, никогда). Рядъ ваннъ такого характера производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и слегка возбуждающее дѣйствіе. Чѣмъ ниже мы будетъ назначать температуру ваннъ, тѣмъ дѣйствіе ихъ рѣзче и рѣзче будетъ переходить отъ успокаивающаго въ возбуждающее въ зависимости отъ низкой температуры ванны и большаго количества углекислоты въ водѣ. Холодная температура, какъ извѣстно, есть сильный возбудитель для нервовъ, нервныхъ центровъ и мускуловъ; первымъ же эффектомъ всякаго подѣйствовавшаго на кожу термическаго раздражителя является сокращеніе сосудовъ, малокровіе ихъ, продолжающееся очень не долго и уступающее мѣсто расширенію, приливу крови къ периферіи, послѣ котораго при продолжающемся дѣйствіи раздраженія наступаетъ застой крови въ мѣстахъ приложенія раздражителя. Аналогичные факты мы имѣемъ и въ холодныхъ ваннахъ, вызванные съ одной стороны дѣйствіемъ холода, а съ другой—газа: первый моменты погруженія въ воду—сокращеніе перефическихъ сосудовъ, гусиная кожа, чувство холода, слѣдовательно малокровіе въ мѣстѣ приложенія раздражителей и, наоборотъ, полнокровіе въ другихъ мѣстахъ (повышеніе температуры въ подмышечной впадинѣ); на этомъ, второмъ моментѣ возбуждающее дѣйствіе ваннъ и оканчивается. Не должно вызывать при леченіи ваннами 3-го момента—чувства зябкости, посиненія кожи (застой). Какъ холодъ, такъ и углекислота, раздражая кожу, могутъ лишь суммировать дѣйствіе ванны: отъ послѣдней также получается въ началѣ сокращеніе сосудовъ, а затѣмъ краснота и пріятная теплота. Громадное преимущество Нарзана холодной ванны состоитъ въ томъ, что, увеличивая возбужденіе, она не даетъ такого впечатлѣнія холода, какъ простая ванна той-же температуры; при соприкосновеніи газа съ кожей является сначала ощущеніе легкаго холода и прикосновенія какъ будто паутины или ваты; потомъ появляется чувство легкой и пріятной теплоты. Вліяя специфически на нервы кожи, облегчая ее въ видѣ пузырьковъ, не смотря на усиленную тепло-отдачу въ холодной ваннѣ, углекислота даетъ субъективное ощущеніе тепла; вотъ почему холодная ванна Нарзана кажется теплѣе и пріятнѣе простой. Если съ какого либо мѣста стереть пузырьки газа рукой во время сидѣнія въ ваннѣ и прекратить, слѣдовательно, на одинъ моментъ вліяніе газа на кожу, то это мѣсто тотчасъ же начинаетъ зябнуть. *Производя возбуждающее дѣйствіе на организмъ, холодныя Нарзанныя ванны при осмотрительномъ ихъ употребленіи оживляютъ, освѣжаютъ организмъ, усиливаютъ дѣятельность мышцъ и секреторныхъ органовъ, ускоряютъ всасываніе въ желудочно-кишечномъ каналѣ, повышаютъ аппетитъ, укрѣпляютъ и понижаютъ возбудимость и чувствительность кожныхъ нервовъ, а равно и раздражительность мышцъ и дѣлаютъ организмъ способнымъ противостоять разнымъ вреднымъ внѣшнимъ вліяніямъ (закаливаніе).* Наоборотъ, при неумѣренномъ продолжительномъ употребленіи холодныхъ Нарзанныхъ ваннъ, если къ тому же организмъ плохо на нихъ реагируетъ, вмѣсто ожидаемой пользы можетъ получиться вредъ; вслѣдствіе часто повторяющагося прилива крови къ внутреннимъ органамъ и возбужденія нервной системы можетъ наступить угнетеніе ея и ослабленіе мышечной энергіи, а въ случаѣ болѣзней органовъ кровообращенія могутъ происходить апоплексіи. Кромѣ того, при неполной реакціи со стороны организма прямымъ послѣдствіемъ неумѣреннаго пользованія холодными ваннами можетъ быть состояніе, которое мы называемъ простудой.

Если мы теперь попытаемся подвести подъ одну рубрику **общія болѣзни, для лѣченія которыхъ Кисловодскъ является соотвѣтствующимъ курортомъ**, то пришлось бы раздѣлить ихъ на двѣ категоріи: 1) болѣзни съ вялою ослабленною дѣятельностью организма и 2) такія, которыя, на ряду съ ослабленіемъ дѣятельности организма, характеризуются повышенной раздражительностью и чувствительностью или же потерей чувствительности.

Къ первой категоріи относятся всѣ *состоянія послѣ тяжелыхъ и продолжительныхъ болѣзней, послѣ потерь крови, усиленной работы послѣ усиленнаго ослабляющаго лѣченія.* Начиная лѣченіе теплыми ваннами, постоянно ихъ понижая и руководясь при этомъ реакціей со стороны организма, въ связи съ другими методами лѣченія, существующими въ Кисловодскѣ, мы можемъ достигнуть прекрасныхъ результатовъ. Сюда же можно отнести и такія болѣзни, какъ напр. *золотуха, англійская болѣзнь, цынга,* которыя, иногда сопровождаясь упадкомъ питанія, требуютъ укрѣпляющаго лѣченія, то есть такого, чтобы организмъ могъ сопротивляться ослабляющему вліянію болѣзни. А что же можетъ дать больше въ этомъ отношеніи, чѣмъ чистый горный воздухъ, прогулки по горамъ, ванны Нарзана, кумысъ, кефиръ, газированное молоко и др. методы лѣченія того же рода? *Анемія, бѣдная немочь, истощеніе, пріобрѣтенное послѣ продолжительныхъ болотныхъ лихорадокъ,* имѣютъ тѣ же самыя основанія для лѣченія ихъ въ Кисловодскѣ.

Ко второй категоріи относятся различныя формы *нервныхъ болѣзней,* сопровождающихся то излишней раздражительностью и чувствительностью, то потерей ихъ. Въ зависимости отъ формы и причины происхожденія здѣсь назначаются то водяныя ванны Нарзана, то газовыя. Зная, чего нужно достигнуть при данной болѣзни и обладая различными методами лѣченія въ Кисловодскѣ, врачъ всегда можетъ ихъ скомбинировать самымъ выгоднымъ для больного образомъ. Въ послѣднее время въ Кисловодскъ стали посылать больныхъ Баседовой болѣзнью и такіе больные на долгій срокъ и прекрасно поправляются, хотя имъ избѣгаютъ давать внутрь Нарзанъ и ванны.

Изъ мѣстныхъ болѣзней укажемъ сначала на *болѣз-*

ни кожи и слизистыхъ оболочекъ: долго затянувшіяся язвы замѣчательно быстро очищаются, оживляются и рубцуются подъ вліяніемъ углекислыхъ ваннъ; что касается слизистыхъ оболочекъ, то при ихъ хроническомъ катаррѣ, сопровождающемся застойной гипереміей, вялостью и набухлостью самой ткани, газовые души даютъ благопріятные результаты: вызываемая каждый разъ душемъ краснота слизистой оболочки ведетъ въ концѣ концовъ къ уменьшенію гипереміи, уменьшенію набухлости тканей, измѣненію отдѣленій и заживленію имѣющихся изъязвленій. Далѣе упомянемъ *хроническій катарръ желудка и кишекъ.* Хотя въ данномъ случаѣ и показуется лѣченіе щелочными водами, но если катарръ сопровождается упадкомъ силъ, то гораздо лучше въ этомъ случаѣ назначать внутрь Ессентуки пополамъ съ Нарзаномъ и ванны Нарзана. При привычныхъ *запорахъ* въ зависимости отъ атоніи (вялости) кишечника, особенно у малокровныхъ, питье воды и ванны скоро возстановляютъ правильность отдѣленій. *Хроническіе катарры мочевого пузыря, боли и спазмы его, мочевой песокъ и камни.* Отъ двухъ послѣднихъ углекислыя воды употреблялись издавна, благодаря обилію содержащейся въ нихъ углекислоты; воды эти показаны внутрь въ тѣхъ случаяхъ, когда моча щелочной реакціи и есть основаніе подозрѣвать въ пузырѣ фосфорнокислые или же состоящіе изъ моче-кислаго аммонія сростки. Что касается болей и спазмовъ пузыря, то при введеніи углекислоты въ мочевой пузырь нерѣдко не только успокаиваются боли, но и проходитъ крайне непріятный симптомъ—постоянный позывъ къ моче-испусканію.

Нѣкоторыя формы болѣзней женскихъ половыхъ органовъ, какъ-то: *хроническія воспаленія матки, неправильности менструацій, невралгіи,* въ особенности, если эти болѣзни соединены съ упадкомъ питанія, лѣчатся въ Кисловодскѣ съ благопріятными результатами.

Намъ остается еще сказать о рядѣ болѣзней, благодаря которымъ Кисловодскъ, какъ курортъ, носитъ славу не менѣе Давоса и Мерана,—о легочныхъ страданіяхъ. Въ нихъ болѣе всего проявляется значеніе Кисловодска, какъ горно-климатической станціи. Больные съ *хроническими бронхіальными катарами, хроническимъ воспаленіемъ легкихъ, плевритами,* наконецъ, *легочной чахоткой* находятъ здѣсь громадное облегченіе, а иногда и полное исцѣленіе. Благодаря своей разряженности, болѣе чистый горный воздухъ, вентилируя легкія, заставляетъ грудную клѣтку дѣлать большіе размахи при вдыханіи. Это въ свою очередь ведетъ къ увеличенію жизненной емкости легкихъ, къ устраненію застоевъ. Если горный воздухъ служитъ гимнастикой для легкихъ, то горная мѣстность во время прогулокъ представляетъ гимнастику для сердца, работа котораго становится энергичнѣе, обмѣнъ веществъ усиливается, организмъ крѣпнетъ. Прогулка въ горахъ, смѣна картинъ и разнообразіе впечатлѣній настраиваютъ жизнерадостно большого, что въ свою очередь можетъ также содѣйствовать успѣху лѣченія. Если прибавить къ этому успокаивающія, укрѣпляющія и незамѣнимыя никакими другими по пріятности ощущеній ванны Нарзана, освѣжающее и прохлаждающее его дѣйствіе, какъ напитка, кумысъ, кефиръ, газированное молоко—средства, тоже содѣйствующія укрѣпленію организма для борьбы съ врагомъ, поселившимся внутри его, то немудренно и неудивительно, что въ Кисловодскѣ чахоточные больные поправляются, какъ ни на какомъ соотвѣтствующемъ ему курортѣ.

Продажа минеральной воды (Ессентукскихъ источниковъ, Смирновской и Кавказской горькой) производится въ галлереѣ Нарзана, въ особой водопродажной. При водопродажной имѣется молоко, для употребленія его съ минеральной водой, а равно и аппаратъ для нагрѣванія воды и молока. Продажа *кумыса, газированнаго и козьяго молока* производится въ разныхъ мѣстахъ. Кумысъ трехъ сортовъ: слабый, средній и крѣпкій. Цѣна за ½ бутылки 15 коп. Козье молоко по 5 коп. за стаканъ. Коровье молоко газируется естественнымъ газомъ Нарзана.

При наружномъ употребленіи Нарзанъ примѣняется въ видѣ ваннъ и купаній въ цѣльной неподогрѣтой водѣ въ устроенныхъ для этого бассейнахъ.

Сравнительная таблица составныхъ частей Нарзана и нѣкоторыхъ иностранныхъ источниковъ.

	Нарзанъ.	Аполлинарисъ	Гисгюблеръ.
Температура по Р. . . .	10,5	15,0—22,0	9,0—11,4
Плотн. составн. частей.	1,887	2,204	2,618
Сѣрнокисл. калія	0,071	—	0,029
„ натра	0,380	0,213	—
„ известп. .	0.099	—	—
„ магнезіи . .	0,138	—	—
Углекисл. натра.	0,019	0,955	1,076
„ магнезіи. .	0,078	0,377	—
„ извести	0,795	0.261	0,224
Углекисл. закиси желѣза	0,004	0,007	0,007
Хлористаго литія. . . .	с л ѣ д ы.	—	—
„ магнія . . .	0,226	—	—
Свободной углекисл..	1007,56 куб. сан.	1500 куб. сан.	941,1 куб. сан.

Ванныя комнаты, на сѣверной и восточной сторонахъ галлереи, снабжены всѣми необходимыми приспособленіями. Ванны кафельныя. Всѣхъ ванныхъ комнатъ 37. Для нагрѣванія простынь въ каждой кабинѣ имѣются спеціальныя приспособленія. Вода для ваннъ отпускается различныхъ температуръ: отъ 15 до 30°. Съ сезона 1895 г. устроено еще деревянное ванное зданіе, которое носитъ названіе Скальковскаго ваннаго зданія, въ честь тайн. сов. К. А. Скальковскаго, б. директора Горнаго Департамента; число кабинъ съ 1902 года 26. Нагрѣваніе этихъ ваннъ паровое, равно какъ на паровое передѣланы и старыя ванны въ каменной галлереѣ. Купаться въ цѣльномъ Нарзанѣ можно не иначе, какъ по указанію врача и по предъявленіи его записи.

Въ концѣ галлереи, рядомъ съ бассейномъ Нарзана, помѣщается *„газовая комната“,* въ которой установлены приборы для лѣченія мѣстными и общими газовыми ваннами и струей газа (души), направляемой на больныя мѣста. Газъ собирается изъ Нарзана.

Купанье въ прѣсной водѣ производится въ купальнѣ на р. Ольховкѣ. Температура воды въ купальнѣ находится въ зависимости отъ времени года и разности дневныхъ колебаній температуры воздуха. Цѣна билета для разового купанья въ купальнѣ 10 коп.

Горячій-Ключъ и его минеральныя воды.

Въ 53 верстахъ на югъ отъ Екатеринодара и въ 70 верстахъ отъ Чернаго моря, среди роскошной природы долины р. Псекупса, подымающейся до Главнаго хребта и позволяющей теплому воздуху южнаго склона течь до выхода Псекупса на Кубанскую низменность расположилось мѣстечко Горячій-Ключъ, пріобрѣтающее всеобщую извѣстность своими сильнѣйшими въ Европѣ сѣрными водами [1]). Эти сѣрнощелочныя воды въ десять разъ превосходятъ, по содержанію сѣроводорода, знаменитые, извѣстные еще римскимъ аристократамъ аахенскія воды, и въ пять разъ пятигорскіе. Кромѣ этихъ источниковъ, суточный дебитъ которыхъ доходитъ до 30 тысячъ ведеръ въ сутки, въ окрестностяхъ Горячаго Ключа существуетъ группа сильныхъ желѣзистыхъ источниковъ и солено-содо-бромистаго, весьма богатаго іодомъ.

Источники съ незапамятныхъ временъ были извѣстны всѣмъ адигейскимъ племенамъ, даже жителямъ Пятигорья: сюда съ предгорій и горъ Западнаго Кавказа свозились на арбахъ раненые и больные черкесы; здѣсь, подъ руководствомъ опытныхъ врачей они проходили короткій, но энергичный курсъ лѣченія, и, по свидѣтельству современниковъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, получали необыкновенное облегченіе. Съ 1864 года, послѣ насильственнаго выселенія абадзеховъ, населявшихъ долину р. Псекупса, богатый и кипѣвшій жизнью край, извѣстный у адиге подъ именемъ Мессира (Египта), благодаря своему богатству, былъ преданъ полузабвенію, продолжавшемуся до 1895 г., когда мѣстечко in spe стало реализироваться вслѣдствіе притока поселенцевъ; въ связи съ послѣднимъ обстоятельствомъ усилился и съѣздъ больныхъ, въ 1901 году достигшій 1650 человѣкъ.

Путешественникъ, намѣревающійся посѣтить Горячій-Ключъ, прибывши въ Екатеринодаръ, долженъ нанять извозчика-фаэтонщика (цѣны за одинъ конецъ колеблются между 6 и 10 р.). Существуетъ на Горячій-Ключъ и почтовый трактъ, можно ѣхать и на почтовыхъ (около 6 руб.).

Переѣхавъ черезъ Кубань по плашкоутному мосту и поднявшись затѣмъ, на постепенно повышающуюся равнину, вы покатите по торной дорогѣ, среди дубовыхъ перелѣсковъ, пока не пріѣдете въ станицу Пензенскую; отсюда дорога, поднявшись на вершину хребта, вьется по немъ, пока не приведетъ васъ къ долинѣ Псекупса. Намъ пришлось увидѣть ее впервые послѣ дождя, передъ заходомъ солнца за кудрявыя вершины хребта Пшафъ. Прямо по ту сторону дымившейся легкой долины синѣлъ мощный хребетъ Котхъ; внизу небольшими волнами разбѣгались веселыя горки, покрытыя ручьемъ лѣсовъ. По ту сторону рѣчки бѣлѣли ряды домиковъ, вытянулись въ линію зданія больницы, изъ-за деревьевъ краснѣли крыши ванныхъ зданій. Спустившись по дурно разработанному спуску, вы переѣзжаете очень мелкій лѣтомъ на перекатахъ Псекупсъ капризный, какъ всѣ горныя рѣки. Вотъ и первые домики мѣстечки, бѣленькіе, чистенькіе домики, крытые дранками и огороженные невысокимъ частоколомъ, изъза котораго выглядываетъ нѣсколько дѣтскихъ головокъ, далѣе на огородахъ гигантская кукуруза и подсолнечники. Вы замѣчаете нѣсколько новыхъ растеній, чувствуете ароматъ закавказской азалеи, дикаго жасмина, каприфоліума. Растенія, несмотря на сильную жару, ярко зелены, благодаря обильнымъ утреннимъ росамъ. Вы на широкой главной улицѣ—Михайловской—названной такъ въ честь посѣщенія минеральныхъ водъ Намѣстникомъ Кавказскимъ. Справа и слѣва, на протяженіи 350 саженей тянутся красивые дачные домики, большею частью одноэтажные, въ 2—3 комнаты, встрѣчаются и двухъэтажные, въ швейцарскомъ вкусѣ—съ верандой; каменныхъ построекъ нигдѣ не видно: изобиліе и дешевизна строевого лѣса, преимущественно дубоваго, въ связи съ большею влажностью воздуха, заставляютъ избѣгать кирпича и камня, какъ дорогихъ и негигіеничныхъ строительныхъ матеріаловъ. Перейдя черезъ небольшой мостикъ, вы вступаете во владѣніе минеральныхъ водъ: налѣво—длинное непривлекательнаго вида одноэтажное больничное зданіе, для больныхъ обоего пола, войскового сословія, рядомъ домикъ для врача и аптеки. Передъ больницей рядъ высокихъ и красивыхъ березъ. Отсюда длинная аллея изъ акацій, березъ, черешни приводитъ васъ къ небольшому, но красивому зданію съ колоннами, недавно отстроенному: это новое зданіе для ваннъ. Мимо бѣжитъ мутно-молочнаго цвѣта ручей, издающій рѣзкій запахъ сѣры и щелочи: это отработанная и лишняя вода, спускаемая въ Псекупсъ, протекающій невдалекѣ за грушевыми деревьями. Кое-гдѣ видны цвѣтники, ротонда, гдѣ устраиваются танцы, чтенія, спектакли.

Вы направляетеесь налѣво, въ небольшое, закрытое съ 3-хъ сторонъ ущелье; замыкается оно песчаниковыми скалами; склоны его покрыты прекраснымъ лѣсомъ, въ которомъ разбитъ стараніями г. Каменева паркъ. Осмотрѣвши зданія ваннъ съ ихъ удушливымъ сѣрнымъ воздухомъ, бассейнъ для охлажденія воды, вы подымаетесь на небольшую выравненную площадку, непосредственно передъ скалами, изъ-подъ которыхъ бьютъ ключи, еще въ 1884 г. заключенные въ трубы. Приподнявъ одну изъ тяжелыхъ заслонокъ, вы невольно отступаете: горячій удушливый воздухъ густой струею бьетъ вамъ въ лицо. Впереди васъ ожидаетъ прохлада и таинственная, прячущаяся во мракѣ склонившихся другъ къ другу скалъ Дантова лѣстница, вырубленная въ чистомъ, безъ всякой примѣси песчаника. Сбоку падаетъ со скалы на скалу прозрачный ручеекъ. На аллеяхъ разставлены скамейки. Аллея вьется по склону среди лѣса, выше и выше, пока не приведетъ васъ на высоту 200 ф. Прелестный горный ландшафтъ вознаграждаетъ за трудность подъема. Прямо хребетъ Пшафъ съ его ущельями, съ рѣчной Хоарзе, гдѣ, по преданію, былъ родъ богатыхъ абадзехскихъ ауловъ, а теперь ютится бѣдный Пятигорскій поселокъ. Вдали синѣетъ Навислая гора, близъ которой находится замѣчательная сталактитовая пещера, куда „курсовые“ устраиваютъ нерѣдко прогулки.

Впервые упоминаніе о нашихъ минеральныхъ водахъ встрѣчается въ 1829 году, когда ихъ посѣтилъ поручикъ Новицкій, изъѣздившій, по порученію начальства, весь Кубанскій и Черноморскій Кавказъ.

Впослѣдствіи ген. Рашпиль, узнавши о существованіи близъ Екатеринодара сѣрной воды, поручилъ одному армянину доставить въ Екатеринодаръ образцы этой воды. Инспекторъ войсковой врачебной управы ихъ изслѣдовалъ и призналъ ихъ близкими къ пятигорскому Александровскому источнику.

Въ 1865 г. графъ Сумароковъ-Эльстонъ поручилъ старшему врачу екатеринодарскаго госпиталя Рымашевскому привести воды въ порядокъ. Послѣдній энергично принялся за дѣло, построилъ лазаретъ, купальни, и воды стали служить нуждамъ екатеринодарскаго госпиталя; процентъ выздоровленій былъ весьма великъ: всѣхъ больныхъ за первые 4 года было 392; изъ нихъ 203 совершенно выздоровѣли, 83 получили значительное облегченіе, 66—облегченіе и только 40 человѣкъ (10 %) не получили никакого облегченія. Вскорѣ при водахъ былъ открытъ лазаретъ на 40 кроватей.

Въ 1884 году источники были каптированы горнымъ инженеромъ Конради; были выстроены купальни. Въ 1898 году окончено кирпичное новое зданіе ваннъ, число которыхъ въ настоящее время возросло до 24.

Г. Конради 8 ключей сѣрной воды соединилъ въ одну, которая по бетонной трубѣ проникаетъ въ ванныя зданія, находящіяся отъ мѣста выхода источниковъ въ 120 саженяхъ.

Въ 2 верстахъ отъ сѣрно-щелочныхъ выбиваются 2

[1]) Аахенскія воды—55,0° С. и 0,0044 грм. сѣроводорода на литръ воды; пятигорскіе—Сабанѣевскій—46,9° С. и 0,0083 грм. сѣроводорода, Ермоловскій—46,2° С. и 0,0076, Горячеключевскіе имѣютъ 46° С. и *0,0412* грм. сѣроводорода на литръ.

источника солено-бромо-іодистыхъ. Харьковскій профес. Родзаевскій призналъ эти источники за единственные въ Европѣ по содержанію іода (0,0640 грм.).

Въ 3½ вер. отъ іода-бромистаго источника вверхъ по р. Псечіако расположена группа желѣзистыхъ источниковъ, температуры 12° R.

Въ 5 верстахъ къ югу отъ стан. Ключевой имѣется рядъ соленыхъ ключей; существуютъ соленые источники близъ Волчьихъ воротъ и близъ Пятигорскаго поселка.

Врачебное дѣйствіе сѣрнощелочныхъ водъ весьма замѣчательно. Еще докторъ Рымашевскій сообщая въ 1870 г., что „на основаніи шестилѣтняго опыта, онъ пришелъ къ заключенію, что воды эти излѣчиваютъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ ревматизмъ, разнаго рода язвы, затверденія, опухоли, накожныя болѣзни, послѣдствія ранъ, венерической болѣзни, цынги, золотуху, сведенія". По мнѣнію д-ра Клюковскаго, „воды полезны при застарѣломъ ревматизмѣ и ломотахъ, сведеніяхъ, завалахъ брюшныхъ внутренностей, хроническихъ сыпяхъ и язвахъ, въ застарѣлой венерической болѣзни и меркуріализмѣ, во всѣхъ видахъ золотухи, въ хроническихъ катаррахъ женскихъ половыхъ органовъ, завалахъ матки и вообще, при всѣхъ болѣзняхъ, не осложненныхъ разстройствомъ органовъ дыханія и кровообращенія". Изъ 1684 человѣкъ, пользовавшихся водами при Клюковскомъ, выздоровѣли 1251 человѣкъ, получило облегченіе 230, и только 203 челов. не получили никакого облегченія. Такимъ образомъ 88% изъ общаго числа больныхъ получили отъ водъ помощь.

Д-ръ Кадкинъ занесъ въ свои записи 1,496 больныхъ. Изъ этого числа выздоровѣли 566, получили облегченіе 610 чел., остались въ прежнемъ состояніи 319. Такимъ образомъ, воды принесли пользу 79,9% всего числа лѣчившихся. Д-ръ Кадкинъ пишетъ, что, наилучшіе результаты отъ дѣйствія водъ получаются при лѣченіи *сифилиса*; второе мѣсто занимаютъ *кожныя язвы*, главнымъ образомъ, варикозныя и атоническія; хроническія сыпи (acne eczema, furunculosis, psoriajis vulgaris) обыкновенно настолько улучшаются въ одинъ сезонъ, что не требуютъ повторнаго лѣченія. Наибольшую группу больныхъ въ Горячемъ Ключѣ представляютъ ревматики (28% къ общему числу больныхъ). Изъ 431 ревматика, лѣчившагося водами за періодъ 6 лѣтъ, только 73 человѣка (16,9%) не получили никакого облегченія: 101 совершенно выздоровѣлъ, 257 получили облегченіе. Такимъ образомъ, по мнѣнію д-ра Кадкина, съ наибольшимъ успѣхомъ воды Горячаго Ключа лѣчатъ:

1) Сифилисъ поздній и наслѣдственный, и упорныя, не поддающіяся обыкновенному специфическому лѣченію, вторичныя явленія, въ особенности при осложненіи сифилиса меркуріализмомъ.

2) Хроническія заболѣванія суставовъ, съ выпотами и околосуставными отложеніями, фиброзными сращеніями, тугоподвижностью.

3) Хроническія накожныя сыпи и язвы.

4) Нѣкоторыя женскія болѣзни (хроническія воспалительныя состоянія матки и ея придатковъ).

5) Изъ нервныхъ: невральгіи ревматическаго происхожденія (ischias).

Что касается солено-іодо-бромистыхъ и желѣзистыхъ источниковъ, то по мнѣнію г. Кадкина, первые служили бы серьезною помощью при атоніи желудочно-кишечнаго канала и застоѣ въ системѣ воротной вены, въ связи съ общимъ ожирѣніемъ, геморроемъ, а вторые при анеміи, хлорозѣ.

Климатъ Горячаго-Ключа слѣдуетъ признать весьма благополучнымъ, что подтверждается слѣдующими данными: *сила вѣтра* — 2,5 метра въ сек. (средняя величина), число дней, когда показано „тихо" въ % къ общему числу — 53,9%; число ясныхъ дней: январь—4, августъ—17, декабрь—3; температура: январь—минусъ 5° R, августъ + 21° R., декабрь—минусъ 4° R. Средняя зимы —0,6° R, а лѣто + 20,8°.

А. Дьячковъ-Тарасовъ.

VIII. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Изъ исторіи грузинской литературы.

Кн. А. Г. Чавчавадзе.

Въ „Закавказскомъ Вѣстникѣ“, за 1846 г., № 23-мъ, появилось слѣдующее поразившее своей неожиданностью горестное извѣстіе: „6 ноября, въ 9 час. утра скончался въ гор. Тифлисѣ кн. Александръ Чавчавадзе, — крестникъ императрицы Екатерины Великой, — въ ранней молодости, по наслѣдству, генералъ-адъютантъ Ираклія II, предпослѣдняго царя Грузіи, — въ достопамятную войну русскихъ съ французами — адъютантъ при генералѣ Барклай де-Толли, — въ войну Россіи съ Персіей генералъ-майоръ въ русской службѣ и одинъ изъ числа самыхъ ревностнѣйшихъ сподвижниковъ графа Паскевича-Эриванскаго, и, наконецъ, съ 1838 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта членъ совѣта главнаго управленія Закавказскимъ краемъ, съ 1843 г. управляющій почтовою частью Закавказья. Наканунѣ смерти своей онъ былъ совершенно здоровъ и выѣхалъ съ визитомъ къ князю Намѣстнику (Воронцову). Лошади понесли, онъ хотѣлъ соскочить съ дрожекъ — упалъ и ударился головою объ камень. Всѣ пособія медицинскія оказались тщетными. 19 часовъ, до самой кончины своей, князь былъ безъ памяти.

Неутѣшно плачетъ о немъ осиротѣвшее семейство его.

Неутѣшно груститъ вся Грузія, которая утратила въ немъ даровитаго жителя и одного изъ благороднѣйшихъ своихъ представителей. Искренно сожалѣютъ объ немъ всѣ, кто только зналъ его. Мы слышали звуки военной похоронной музыки. Мы видѣли знамя, обвитое чернымъ флеромъ. Печальная колесница, окруженная факелами, медленно двигалась по улицамъ города, къ Сіонскому собору, въ сопровожденіи почти всего тифлисскаго народонаселенія. Всѣ кровли, всѣ балконы, всѣ окна были усѣяны народомъ; всѣ лавки были заперты. Въ соборѣ отпѣли панихиду за упокой души его, и съ тою же печальною торжественностью проводили гробъ его за Кахетинскую заставу. Тамъ въ Кахетіи ждутъ его могилы предковъ. „Прощай, князь! Плачущіе о тебѣ будутъ долго плакать, но не ждать тебя!“

Такими теплыми словами напутствовалъ тифлисскій органъ прахъ кн. Александра Чавчавадзе, направленный въ Шуамтійскій монастырь, близъ города Телава, гдѣ до сихъ поръ читается надгробная надпись на мраморной доскѣ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ: „Князь Александръ Чавчавадзе скончался 60 лѣтъ 6-го ноября 1846 году. Вечеръ водворится плачъ и заутра радость. Псал. XXIX“. Текстъ изъ пѣснопѣній пророка Давида служитъ какъ бы дополненіемъ крѣпкаго, но прочувственнаго некролога, посвященнаго памяти сына знаменитаго Гарсевана Чавчавадзе, полномочнаго министра грузинскихъ царей Ираклія II и Георгія XII при россійскомъ дворѣ въ концѣ XVIII в. и тестя безсмертнаго русскаго поэта А. С. Грибоѣдова.

Александръ Чавчавадзе родился въ 1786 г. въ С.-Петербургѣ, по прошествіи перваго трехлѣтія по заключеніи союзнаго трактата между Россіей и Грузіей, при ближайшемъ участіи Гарсевана Чавчавадзе. Воспріемницей его при крещеніи была Екатерина Великая, а съ момента его появленія на Божій свѣтъ былъ пожалованъ царемъ Ираклiемъ II титуломъ Эмиръ-Эджиба (т. е. генералъ-адъютантомъ) съ соотвѣтствующей званію пожизненною пенсіей. Осыпанный царскими милостями, Александръ росъ среди роскоши и довольства, сначала въ домѣ своего отца, а потомъ во французскомъ пансіонѣ до тринадцатилѣтняго возраста, когда онъ былъ привезенъ въ Тифлисъ, гдѣ въ 1801 г. при генералѣ Кноррингѣ, объявившемъ Грузію присоединенной къ Россіи, молодой именитый князь наравнѣ со всѣмъ грузинскимъ дворянствомъ принесъ клятву въ вѣрности русскому престолу. Но не долго суждено было юному Чавчавадзе сдержать данную присягу: въ 1803 г. онъ, оставивъ тифлисскій благородный пансіонъ, примкнулъ въ Кахетіи, въ день храмового Алавердскаго праздника (14-го сентября), къ союзу высшихъ аристократовъ, возымѣвшихъ намѣреніе стать подъ знамена царевича Фарнавоза съ цѣлью возвратить самостоятельность престолу грузинскихъ Багратидовъ.

Въ 1805 году по разрушеніи политическихъ плановъ взволнованной первыми неудачами въ Грузіи русскаго правительства именитой аристократіи, князь Чавчавадзе былъ высланъ въ С.-Петербургъ, гдѣ императоръ Александръ I простилъ ему юношескія увлеченія и назначилъ ему мѣстожительство въ г. Тамбовѣ, по другимъ извѣстіямъ въ Астрахани. Черезъ четыре года онъ былъ возвращенъ въ столицу и отданъ въ пажескій корпусъ, откуда вышелъ съ чиномъ поручика.

Несчастія образумили молодого офицера, — онъ изъ пылкаго прозелита царевича Фарнавоза сдѣлался преданнымъ слугой русскаго государя. Служебная его дѣятельность съ 1811 г. сосредоточивается при кн. Цицiановѣ, назначенномъ намѣстникомъ Кавказскимъ. Онъ принимаетъ участіе въ отечественной войнѣ и въ безчисленныхъ столкновеніяхъ съ горцами, тревожившими своими набѣгами неумиротворенную еще Грузію. Послѣднюю дань патріотическимъ мечтаніямъ онъ воздалъ въ 1832 г. раздѣливъ судьбу грузинскаго дворянства, еще разъ попытавшагося возстановить Багратидовъ въ Грузіи. Вмѣстѣ съ князьями Орбеліани и Эристовыми, впослѣдствіи завоевавшими довѣріе русскаго государя и извѣстность на военномъ, общественномъ и литературномъ поприщѣ, кн. Чавчавадзе былъ заточенъ въ одиночное заключеніе, гдѣ онъ написалъ стихотвореніе въ оправданіе и въ доказательство своей невинности въ затѣяхъ грузинской молодежи:

„Коваренъ этотъ свѣтъ, лишь слезы вызывая“, восклицаетъ онъ въ первой пробѣ своего пера. Здѣсь-то въ темницѣ пробудился его поэтическій геній [1]), нашедшій

[1]) Первая часть его стихотвореній впервые вышла въ Тифлисѣ въ 1881 г. Они были напечатаны частью по рукописи 1823 г. извѣстнаго въ грузинской литературѣ Давида—ректора, частью же по точ-

сначала выраженіе въ горестныхъ думахъ и вскорѣ принявшій жизнерадостное направленіе, наполненное страстныхъ чувствъ и упоительныхъ наслажденій.

Идеаломъ кн. А. Чавчавадзе сталъ поэтъ XVIII в. *Бесики*, первый грузинскій анакреонастъ, неподражаемый имитаторъ персидской музыки Саади и Гафиза. Подобно своему предшественнику, кн. А. Чавчавадзе принадлежитъ къ типу поэтовъ молодости, любви и красоты—трехъ лучей, сконцетрированныхъ въ одинъ фокусъ и зажженныхъ искрой небеснаго огня.

Любовь для него та божественная благодать, которая возвышаетъ человѣка къ Богу и безъ которой всѣ блага міра тлѣнъ и суета. „Чувствительность выше всѣхъ свойствъ, небомъ дарованныхъ,—красоту и разумъ она одухотворяетъ". Но съ этой благотворной мощью любовь обладаетъ и жестокой силой тревогъ для чувствительныхъ сердецъ: „она навѣваетъ воинство страданій", налагаетъ ярмо рабства". Любовь въ одно и то же время шарбатъ и ядъ, рожденная въ оханіяхъ.

Изранено бѣдное сердце и бьется тебя ожидая,
Трепещетъ и бьется все чаще, но вѣсти не можетъ подать!
Стою на дорогѣ,—и тѣни смущаютъ мнѣ душу, блуждая,
И листья, чуть слышно колеблясь, меня заставляютъ дрожать.

Порою, такъ уголь блестящій, мнѣ чудятся въ сумрачномъ полѣ
Волосъ твоихъ темныя кудри, играя разсудкомъ моимъ;
И тамъ, гдѣ блистаютъ зарницы, я вижу тебя въ ореолѣ
И воздухъ меня опьяняетъ дыханіемъ сладкимъ твоимъ.

Любви моей—помнишь ли, другъ мой? душа моя стала залогомъ:
Изъ устъ моихъ ты же устами ее приняла передъ Богомъ,
И я былъ такъ счастливъ! такъ вѣрилъ, что насъ единеніе ждетъ!..

Разлука меня убиваетъ. Измученъ твой рабъ ожиданіемъ...
Ужели ты станешь смѣяться надъ сердца свободнымъ признаніемъ?
Что дѣлать! увы! кто не любитъ, влюбленнаго тотъ не пойметъ.

Гражданскій мотивъ онъ затронулъ въ прекрасномъ стихотвореніи „Озеро Чокча". На его берегахъ, объятыхъ унынiемъ и жалкими руинами нѣкогда величественныхъ городовъ, передъ нимъ развертываются жилища совъ и картина запущенности, наполняющая сердца печальными размышленіями. Здѣсь когда то кипѣла полная жизнь и черныя скалы, нынѣ вздымающіяся угрюмо, свидѣтельствуютъ о минувшей красѣ. Но поэту въ прошломъ рисуется не одно довольство и благодать,—онъ знаетъ также, что и тогда жизнь омрачалась завистью и злобой. Кн. Чавчавадзе, пѣвецъ любви и жизни, окружающая среда наводитъ на печальныя думы какъ обнаженный лѣсъ или застоявшійся прудъ. Отсюда и проистекаетъ двойственность его лиры: струны ея звучатъ такъ нѣжно и любовно, но сквозь эти восторженныя мелодіи слышатся тоска и стонъ наболѣвшей души. Этотъ „сладкозвучный и свѣтлый поэтъ", по выраженію кн. Ак. Церетели, былъ однимъ изъ первыхъ растворявшихъ отраву, даваемую ему жизнью, въ аккордахъ беззаботнаго анакреонтическаго творчества [1]). Вѣрнѣе объ немъ повторить слова, сказанныя мною въ другомъ мѣстѣ: онъ не столько начинаетъ новое (европейское) направленіе въ грузинской литературѣ, сколько завершаетъ старое (персидское). Въ сочетаніи меланхолическихъ мелодій и пѣсней страсти отразилось на его лирѣ двойственное вліяніе—персидско-грузинское (Саади, Бесики) и русско-европейское, чрезъ посредство Пушкина, изъ котораго, между прочимъ, онъ переводитъ „Анчаръ", „Мечты" и др. Такимъ образомъ, кн. Александръ Гарсеванович Чавчавадзе является связующимъ звеномъ XVIII в. съ XIX столѣтіемъ.

Отличительная черта кн. А. Чавчавадзе психика, приближающая его къ способности Гейне въ смыслѣ поэтическаго претворенія реальной жизни, это—его изумительно тонкая чувствительность. Объ немъ можно сказать то, что говоритъ Мюссе о Петраркѣ: „онъ обладалъ геніемъ ловить біенье сердца, длящееся мгновеніе". Въ одномъ изъ первыхъ романсовъ, обращаясь къ своей умчавшейся возлюбленной, онъ хочетъ „въ пѣснѣ стройной излить тоску души своей и вспомнить, какъ безмолвное ея созерцаніе, озаряя его измученное сердце, вливало въ него цѣлительный бальзамъ!" Густые локоны, розовыя уста, граціозный станъ ослѣпилъ его, покорили властной силой, вызывая неизсякаемыя слезы—жертвы предъ алтаремъ любви. Личная скорбь и сердечныя муки составляютъ исключительную сферу его лирическихъ томленій, почти никогда незахватывающихъ мотивовъ общественныхъ размышленій. При ограниченности метафаретическаго языка и фигуральныхъ пріемовъ, онъ не устаетъ сравнивать виновницу своего встревоженнаго состоянія съ солнцемъ, луной, звѣздами, которыя наполняютъ его безцѣльное существованіе то яркимъ блескомъ, то лишаютъ своихъ животворныхъ лучей. Онъ часто и безъ достаточной причины плачетъ горькими слезами проклинаетъ свою судьбу, взываетъ о помощи къ неизвѣстной спасительницѣ: „Довольно, я здѣсь передъ тобою, возрадуй меня твоимъ милымъ взоромъ, уста пусть лепечутъ о чувствахъ святыхъ и упьюсь я голосомъ сладкимъ вблизи, истерзанный долгой разлукой съ тобой!"

Всѣ его романсы, носящіе названіе „мухамбази", „гафи", „мустазади" носятъ тотъ общій отпечатокъ, который отличаетъ грузинскія пѣсни первой половины XIX столѣтія. Типической формой изліянія душевныхъ волненій служитъ аллегорическое изображеніе страданія соловья, влюбленнаго въ розу:

СОЛОВЕЙ.

Почему поникла, Роза, ты головкою своей?
Почему ты отвернула вѣнчикъ отъ меня душистый?
Въ честь твою я пѣснь слагаю, для тебя я оглашаю
Затихающія рощи трелью звонкой, серебристой...

ными указаніями знавшихъ поэта. Обѣщанное продолженіе его произведеній до сихъ поръ еще не появлялось. Ему же принадлежитъ переводъ произ. „Альзира", „Ифигенія", „Ципа" съ французскаго („Заря". 1853 г.) и „Сидъ", также разсказъ „Евдокія, дочь Велизарія", съ французскаго, переводъ при сотрудничествѣ „Цар. Іоанна". С.-Пб. 1808 г.

[1]) Статья наша была уже написана, когда появились въ грузинской газетѣ *„Иверія"* (1902 г. №№ 12, 17, 22, 24, 27 и 29) фельетоны И. Панцхава, указывающаго на необходимость изданія полнаго собранія сочиненій кн. А. Чавчавадзе. Авторъ фельетона справедливо отмѣчаетъ въ его стихотвореніяхъ рядъ архаизмовъ, весьма тонко и художественно передающихъ нюансы мысли и чувства. Прерѣшенъ въ воспроизведеніи грандіозныхъ красотъ Кавказской природы г. Панцхава оставляетъ за княземъ А. Чавчавадзе и приводитъ въ доказательство своего мнѣнія одно стихотвореніе, отличающееся особеннымъ складомъ размѣра и обиліемъ устарѣлыхъ нынѣ словъ и выраженій.—Князю А. Чавчавадзе посвященъ этюдъ кн. К. Абашидзе въ грузинскомъ журналѣ *„Моамбэ"* (189-, апрѣль). Авторъ подчеркиваетъ преимущественное господство въ творчествѣ А. Чавчавадзе одной черты—преобладанiе тоски и грусти душевной, не проистекающей исключительно отъ неудовлетворительности личныхъ чувствъ любви. Пессимизмъ его имѣетъ болѣе глубокую обусловленную основу, —такъ полагаетъ кн. Абашидзе.

РОЗА.

Я взглянуть на верхъ не смѣю, я не знаю—для меня ли
Эти пѣсни, что изъ рощи смѣло, громко такъ звучали...

СОЛОВЕЙ.

Но свое благоуханье щедро всѣмъ ты расточаешь!
Сдѣлай такъ, чтобъ я одинъ имъ опьянялся, дорогая,
И тогда одна ты будешь слышать звуки тихихъ пѣсенъ,
Пѣсенъ мукъ любви и нѣги... И тобой одной тогда я
Буду жить, тебѣ слагая эти пѣсни, эти звуки
До послѣднихъ вздоховъ жизни, до послѣдней сердца
муки.

Рисуя, согласно съ традиціями Востока, подъ видомъ нѣжныхъ растеній и пѣвчихъ птицъ чувствительныя души, его лира настроена цѣломудренно, чисто, возвышено. Въ прекрасномъ стихотвореніи кн. Чавчавадзе восторженно воспѣваетъ смутную истому, овладѣвшую его трепетнымъ духомъ: „Бѣгутъ года, бѣгутъ мгновенія, а все я жду тебя мой милый,—минуты сладкаго свиданія! —розовыя уста, покрытыя росой, дыханьемъ благовоннымъ напоятъ и блескъ очей какъ лилію полевую, лучами солнца озаритъ. Вѣдь, слезъ потоки не могутъ пламя сердца заглушить, и лишь ты въ силахъ погасить огонь, тобою воспламененный. Смотри, какъ солнце ежедневно море слезъ съ полей смиряетъ,—жду, когда заря еще проглянетъ и для меня, о свѣтъ очей". Въ другомъ стихотвореніи, представляющемъ образецъ восточныхъ аллегорическихъ сравненій, ярче обрисовывается чувство красоты, фатальная симпатія къ возлюбленной, индивидуальная меланхолія, вызванная неудовлетворительностью личныхъ желаній и надеждъ: „Сердце все съ тобою, гдѣ-бъ ни былъ я, ликъ живой предо мною, кого бы ни видѣлъ я! Могъ бы я не томиться разлукой твоей, можешь ли удивляться горести моей! Лишь только улыбка раскроетъ рубинъ, впивается въ жемчугъ жадный взоръ одинъ. станъ ли кипариса встаетъ предо мной, сознаніе уже меркнетъ, объятое, тоскою. Память о кристалѣ сводитъ въ мигъ съ ума тщетныя разысканія, впереди все тьма"!...

Для комментаріевъ приведеннаго отрывка нужно имѣть въ виду особенности восточнаго фигуральнаго языка: рубинъ—символъ розовыхъ устъ; жемчугъ—означаетъ маленькіе, какъ бисеръ зубы; кипарисъ образъ граціозной таліи, а кристалъ заключаетъ въ себѣ понятіе объ ослѣпительной бѣлизнѣ тѣла. Въ тѣхъ произведеніяхъ, въ которыхъ кн. Чавчавадзе остается анализирующимъ міръ внутреннихъ ощущеній, внѣшняя форма его творчества достигаетъ полноты гармоніи съ освѣжающимъ или опьяняющимъ содержаніемъ лирическихъ изліяній. Рифма его пріобрѣтаетъ увлекательную звучность, упруго взвѣшивается и умѣстно подбирается. Обычно его стиль нисходитъ къ земной юдоли для выраженія пылкихъ чувствъ и различныхъ фазисовъ бытія неугомоннаго сердца. Богатый его поэтическій языкъ становится послушнымъ орудіемъ для произнесенія то нѣжныхъ упрековъ и унизительныхъ просьбъ, то съ неумолимою строгостью расточаетъ вѣщія проклятія. Вся философія поэзіи кн. А. Чавчавадзе тогда сводится къ торжеству сердца надъ разумомъ. Въ стихотвореніи, исполненномъ обаятельной прелести и представляющемъ варіацію на слова Пушкина— „любви всѣ возрасты покорны" грузинскій поэтъ значительно расширяетъ воздѣйствіе властной силы любви, подводя въ ея среду вліянія не только міръ разумныхъ существъ, но все живущее, одухотворенное: „кто ей не ставитъ сердце тропомъ, покорной дани не принесъ, — самъ царь лишь рабъ своей рабыни, мудрецъ безчинствомъ пораженъ и соловей любовь врачуя, розѣ пѣсни запоетъ. Ея законъ—законъ всеобщій: тронъ царицѣ самовластной всегда готовъ въ людскихъ сердцахъ,—она источникъ страданій, но въ ней и счастье и страсть". И такъ любовь основной законъ жизни и душа поэзіи. Но безъ страданія нѣтъ любви, а безъ любви нѣтъ жизни духа. Другими словами *любовь и страданіе*—синонимы жизни, слѣдовательно, и поэзіи, потому что поэзія тамъ, гдѣ есть жизнь. Лозунгъ творчества грузинскаго поэта— любовь и страданіе—одно-сторонній, замкнутый чисто личнаго свойства: любовь къ природѣ и красотѣ не полна безъ любви къ человѣчеству. Эта муза скорбящая, страждущая. Ея страданіе—результатъ любви и незбѣжный ея спутникъ. „О Боже, Боже! Не Ты-ль вѣщалъ, когда мнѣ далъ живую душу: *„любить—страдать,—страдать и жить*—одно и тоже", говоритъ ветеранъ русской поэзіи Я. П. Полонскій

Упоеніе красотою и грустное раздумье, наслажденіе жизнью и муки тревожнаго духа, добрые призывы одинаково возбуждаютъ въ кн. А. Чавчавадзе возвышенный лирическій тонъ. Не можете быть сильными,—говоритъ онъ въ одномъ еще нынѣ распѣваемомъ романсѣ,—и я былъ гордъ, блѣдный взоръ рабъ *красы*—былъ мнѣ непонятенъ; узрѣлъ тебя, и въ мигъ одинъ любовью и тоскою я окованъ. Въ присутствіи возлюбленной и въ восторженномъ ея созерцаніи, онъ испытываетъ подъемъ духа и сладость жизни. „Пока любимъ, къ нему съ небесъ спѣшатъ съ отрадой и геній чистой красоты и вѣтерокъ—ея дыханье—блаженствомъ страсти напоитъ. Звѣзды съ неба сіяютъ радостно надъ нимъ и чуетъ тонкій ароматъ отъ нѣжныхъ розъ и томныхъ лилій. И шепчетъ муза въ честь ея огнемъ исполненная хорами и внемлетъ онъ въ восторгѣ полномъ пѣснопѣніямъ животворнымъ. Звѣзды ужъ нѣтъ, она зашла и вмѣстѣ съ нею исчезло все—спокойствіе, блаженство и любовь. Душа объята горькимъ стономъ и видѣніями сладкихъ сновъ".

Роза и соловей, лилія и фіалка, солнце и луна, легкій зефиръ и утренняя заря, рубинъ и жемчугъ, кипарисъ и пальма, хрусталь и гишеръ—вотъ тѣ обычныя сравненія и параллели, которыми отличаются стихотворенія кн. А. Чавчавадзе. Эта параллель лишь передвижная выставка, давно установившаяся въ техникѣ народныхъ пѣсенъ. Обращаясь къ внѣшнимъ явленіямъ въ интересахъ нагляднаго толкованія страданій ревниваго сердца, кн. А. Чавчавадзе не выступалъ изъ предѣловъ индивидуальныхъ ощущеній. Онъ игнорируетъ наиболѣе цѣнное пріобрѣтеніе современной лирики со временъ Байрона—крайнее развитіе чувства природы. Только два его стихотворенія „Кавказъ" и „Весна" отражаютъ реальныя черты картины и соотношенія человѣка съ природой.

Для романтиковъ пейзажъ представлялъ симметичныя или безразличныя рамки меланхолической души, волновалъ воспоминаніями о происходившихъ среди нихъ душевныхъ событіяхъ. „У парнасцевъ", любившихъ пластическую красоту, идея царитъ гдѣ-то внѣ, далекая, холодная, и настроеніе скрывается за внѣшнимъ обликомъ предметовъ. Въ поэзіи нашихъ дней замѣтно болѣе сліяніе съ внѣшнимъ міромъ. Въ творчествѣ кн. А. Чавчавадзе, отражающемъ идилликовъ, природа служитъ декораціей и воспроизведеніемъ волненій душевной жизни: внѣшній міръ ему улыбается, если милая на его сторонѣ, все погружается въ мракъ, когда ее умчала судьба въ дальнюю сторону. Ночная тьма напоминаетъ ему гишеровые ея волосы, молнія въ небесахъ—сіяніе ея хрустально чистаго лика, дуновеніе вѣтерка—ей сладкое дыханіе. Крайній индивидуализмъ и развитіе романтическихъ идеаловъ составляютъ кардинальную нотку, издаваемую его эротической лирой. Однимъ изъ симпатичныхъ звуковъ его лирики слышется утонченное чувство, углубляющееся въ событія внутренняго міра и парящее въ идеальныхъ мечтаніяхъ. Неудачи въ любви становятся для него мучительной трагедіей. Онъ пытается утопить тревоги сердца въ безумныхъ оргіяхъ и искрахъ пѣнящагося вина. Въ стихахъ, посвященныхъ анализу сердечныхъ волненій, при всей односторонности его, нельзя не признать ихъ пластической красоты, раскрывающихъ въ пламенныхъ краскахъ таинственный и заманчивый міръ жгу-

чихъ и сладкихъ ощущеній, атмосферу любви, культъ опьяняющихъ наслажденій. „Пѣсни страсти", взывающія о веселіи и любви, составляютъ истинное украшеніе его лиры, рельефно выдѣляясь наряду съ схоластическими упражненіями о различныхъ запросахъ досужей фантазіи. Яркимъ образцомъ, характеризующимъ его направленіе, служитъ „Застольная пѣсня", отражающая нѣкоторое сходство съ сюжетомъ стихотворенія Пушкина „Добрый совѣтъ". *Пѣсня* кн. А. Чавчавадзе, два раза переведенная на русскій языкъ—Евлаховымъ и Тхоржевскимъ продолжаетъ въ теченіе 60 лѣтъ оставаться „Застольной" при безконечно длинныхъ и забавныхъ пирушкахъ веселыхъ грузинъ.

За здравіе всѣхъ насъ, кутилъ!
Нашъ праздникъ теперь наступилъ!
Въ давильнѣ—осенній божокъ—въ права свои
Бахусъ вступилъ,

Вотъ первая энергично и дружно подхватываемая всѣми присутствующими строфа „Пѣсни" грузинскаго поэта. Полное пренебреженіе къ суровымъ условіямъ дѣйствительности внушается только бурными парами вина.

Пусть будетъ зима холодна,
Пусть галокъ морозитъ она,
Коль бродитъ вино въ головахъ—суровость
зимы не страшна!

Добродушный юморъ, сопровождающій разгульную пѣсню, поднимаетъ веселое настроеніе пирующихъ: „Пусть жажду вино утолитъ; самъ батюшка пить разрѣшитъ; потопъ доказалъ, что вода для тѣхъ создана, кто грѣшитъ! Какъ только изволилъ самъ Ной отвѣдать сокъ, данный лозой, онъ слабость къ вину возымѣлъ, оставивъ скотамъ водопой". Воинственный духъ переплетается съ легкой насмѣшкой надъ мудрствованіями и неудержимой страстью къ бурнымъ порывамъ.

Давайте же, ребята, кутнемъ!
Вино, какъ врага разобьемъ!...
Оно обратится намъ въ кровь, а кровь ту въ
бою мы прольемъ!

Какъ только война закипитъ, всѣмъ трезвымъ погибель грозитъ; а пьяный—въ задорѣ своемъ умретъ или врага побѣдитъ! Не мудрствуй лукаво, мудрецъ, иль будешь плохой ты боецъ: ты духъ свой убьешь на войнѣ, предвидя печальный конецъ!... Попрячемте книги въ карманъ; научитъ насъ лучше стаканъ; о смерти твердитъ—кто ученъ, побѣдой бредитъ—кто пьянъ. Эй, докторъ! прими мой совѣтъ: когда излѣченія нѣтъ, вино помогаетъ и тамъ, гдѣ твой безполезенъ ланцетъ. Святыни должны подтвердить, что домъ христіанскихъ—кутитъ: вино Магометъ запретилъ, на зло ему будемте пить. Восторгъ наслажденій земныхъ не купить за горсть золотыхъ: есть много богатыхъ людей,—а есть ли въ томъ польза для нихъ! Такъ лучше же мы за виномъ, пируя, всю жизнь проведемъ: на днѣ мы кувшина съ виномъ веселье навѣрно найдемъ! Весною въ честь радужныхъ грезъ, прибѣгнемъ мы къ соку изъ лозъ, и пусть соловей лишь одинъ упьется дыханіемъ розъ! Но тотъ покоряетъ сердца, кто только груститъ безъ конца... А вслушайтесь въ пѣснь молодца, который отвѣдалъ винца!...

Всѣхъ лѣтомъ томитъ здѣсь жара,
И даже ночная пора
Прохлады и сна не даетъ; а пьяные—спятъ до
утра!...

Таковъ легкокрылый и художественный юморъ кн. А. Чавчавадзе, къ которому примкнули впослѣдствіи весьма видные грузинскіе поэты. Но притягательная сила въ творчествѣ, нынѣ забываемаго пѣвца любви, заключается въ тѣхъ стихотвореніяхъ, которыя посвящены женщинѣ этимъ безупречнымъ рыцаремъ, плѣняющимъ насъ прозрачной чистотой души. Нѣтъ въ грузинской поэзіи другого писателя, который такъ много удѣлилъ бы женщинѣ чувствъ „разсудка, теплоты, вниманія, ласки, участія, для котораго женщина была бы сіяніемъ, наградою, счастіемъ, жизнью. Все, что было у музы кн. А. Чавчавадзе,—подобно пылкому Гейне,—самаго чистаго и святого, сокровеннаго и глубокаго, жизнерадостнаго и грустнаго, скептическаго и великодушнаго—все посвящено имъ женщинѣ, тоскѣ по ней, сомнѣніями въ ней, мечтами о ней. Міровоззрѣніе его проникнуто пессимизмомъ предъ неразгаданными тайнами бытія, жизнь человѣческая „не представляетъ ничего ни утѣшительнаго и надежнаго; неумолимая кровожадная смерть все поглощаетъ: она летаетъ незримо, заложивъ уши, съ острымъ мечомъ въ рукахъ не внимая слезамъ рыдающихъ", говоритъ поэтъ въ надгробной эпитафіи одной дѣвушки.

Міръ объятъ противорѣчіями и борьбой добра со зломъ, сознаніе общественнаго долга меркнетъ при господствѣ личныхъ интересовъ и мелочной вражды. Такова идея стихотворенія „Горе міру".

Горе міру и въ мірѣ живущимъ,
Зломъ и любовью все въ мірѣ гнетущимъ;
Горе тѣмъ, что добро уничтожить хотятъ;
Горе всѣмъ, въ край изъ края несущимъ
Притѣсненье, грабежъ и захватъ!

Чувство властное злобы ихъ мучитъ,
Клеветать чувство зависти учитъ...
Грабятъ тѣ, кто грабительствомъ, братья, богатъ,—
И такимъ богачамъ не наскучилъ
Притѣсненье, грабежъ и захватъ.

Государства воюютъ другъ съ другомъ,
Губятъ пахарей, шедшихъ за плугомъ,
Расцвѣтаютъ—и вѣчно сосѣдямъ грозятъ;
Противъ слабыхъ всегда къ ихъ услугамъ
Притѣсненье, грабежъ и захватъ.

Ловитъ сила добычу съ улыбкой
И глумится надъ пойманой рыбкой,
Сердца каждый цвѣтокъ грубой силой измятъ,
Добродѣтель считаютъ „ошибкой"
Притѣсненье, грабежъ и захватъ!

Но не вѣчно царитъ побѣдитель!
День придетъ,—разорится грабитель,
Побѣжденные грозно ему отомстятъ;
Испытаетъ и самъ притѣснитель
Притѣсненье, грабежъ и захватъ.

Личной выгодой попрано братство,
Нипочемъ для людей святотатство:
Нападаетъ на брата съ оружіемъ братъ,
Льется кровь—созидаютъ богатство
Притѣсненье, грабежъ и захватъ!

Мы завидуемъ сильнымъ въ ихъ долѣ;
Но они—у величья въ неволѣ:
Ихъ мечты о владѣніяхъ новыхъ томятъ...

Все имъ грезится бранное поле,
Притѣсненье, грабежъ и захватъ.

И вокругъ сильныхъ міра вельможи
Ради выгоды лѣзутъ изъ кожи,—
Вырвать лучшій кусокъ другъ у друга спѣшатъ...
Въ ихъ кругу на забаву похожи
Притѣсненье, грабежъ и захватъ.

Всѣхъ, кто чуждъ къ бѣднякамъ сожалѣнья,
Всѣхъ, кто вноситъ въ ихъ жизнь огорченья,
Всѣхъ васъ въ рабство рабы же потомъ обратятъ—
И ужъ васъ не спасутъ отъ ихъ мщенья
Притѣсненье, грабежъ и захватъ!

Выше были приведены образцы, характеризующіе его радужную фантазію, преисполненную романтическихъ грезъ и заразительнаго обаянія. Талантъ его сверкалъ только въ этихъ лирическихъ изліяніяхъ. Но образъ его блекнетъ въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя не отвѣчаютъ настроенію „печальнаго и блѣднаго поэта“. Его переводы съ Вольтера, Лафонтена, Пушкина („Анчаръ“, „Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!“) не сверкаютъ обычными искрами легкости и теплоты. Тяжеловѣснымъ языкомъ передана классическая пьеса Корнеля „Сидъ“, набранная для журнала „Иверія“ въ 1885 г., но по какой-то странной причинѣ не попавшая въ печать. Не удалась ему обработка народной легенды о происхожденіи различныхъ болѣзней, виновникомъ которыхъ является сатана, выбросившій на землю изъ нѣдръ тартары замурованный сундукъ со всевозможными человѣческими недугами. Обаятельную прелесть пріобрѣтаетъ его стиль въ маленькихъ, выразительныхъ афоризмахъ, суматрующихъ смѣняющіяся настроенія и взгляды поэта. „Дерево горькое всегда останется горькимъ, если даже небесный духъ пересадитъ его въ эдемъ, окружитъ благовоннымъ бальзамомъ, —польетъ священной водой блестящаго Тигра“. Этотъ восточный фатимумъ имѣетъ неотразимую силу въ сферѣ прихотливыхъ увлеченій, „гдѣ ни мудрость, ни трезвый умъ не могутъ наложить узды порывамъ молодости и любви“. Идеальность и возвышенность пониманія кн. А. Чавчавадзе романтическихъ идей можетъ быть формулирована словами, обращенными имъ къ возлюбленной: „О милая—предметъ неотвязныхъ сладкихъ грезъ въ душѣ моей царитъ твой волшебный образъ; жизнь врозь съ тобою—недугъ тяжелый, предвѣстникъ скорби неизбѣжной“. Въ этихъ словахъ слышится воздѣйствіе великаго поэта XII в. Ш. Руставели. „Есть секретъ любви свободы—пусть любовь есть тайна двухъ! Тайная чудная природа, гдѣ царитъ надъ плотью духъ“...

А. Хахановъ.

Новый варіантъ творенія Александра Сергѣевича Грибоѣдова.

(4 января 1795 г. † 30 января 1829 г.)

„ГОРЕ ОТЪ УМА“.

Въ Горійскомъ уѣздѣ, въ домашней библіотекѣ мѣстнаго помѣщика, бывшаго Горійскаго уѣзднаго предводителя дворянства, ст. сов. И. Д. Сулханова, нами найденъ 30 августа 1893 года [1]) заслуживающій большого вниманія варіантъ произведенія безсмертнаго русскаго поэта А. С. Грибоѣдова „Горе отъ ума“, любезно переданный намъ владѣльцемъ его. На первой страницѣ рукопись эта имѣетъ слѣдующее заглавіе: „Комедія *Горе отъ ума*, въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Александра Грибоѣдова“. Подъ приведенною надписью, на заглавномъ же листѣ, помѣщены слѣдующіе стихи:

„Одна строфа, гдѣ пылкій геній
Неподражаемо блеснетъ,
Поэта память сбережетъ,
Не улетитъ въ рѣку забвеній,
Она вѣка переживетъ“!

Ниже этого пятистишія, посвященнаго А. С. Грибоѣдову, находится дата, написанная болѣе позднимъ почеркомъ и жирными чернилами: Марта 20 дня 1834 года, г. Зміевъ [1]).

Для выясненія значенія открытаго нами варіанта считаемъ необходимымъ предварительно сказать нѣсколько словъ вообще о времени и мѣстѣ написанія этой замѣчательно-художественной комедіи. Какъ извѣстно, вопросъ о времени созданія комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ остается по настоящее время открытымъ и доступнымъ разнообразнымъ предположеніямъ. И до сихъ поръ библіографы никакъ не могутъ придти къ полному соглашенію касательно времени и мѣста написанія комедіи, прославившей и увѣковѣчившей имя писателя. По одному извѣстію, Грибоѣдовъ, будучи еще семнадцатилѣтнимъ студентомъ этико-политическаго отдѣленія, будто бы уже читалъ отрывки изъ „Горе отъ ума“ доктору правъ Іону и товарищамъ своимъ; по словамъ же Булгарина, произведеніе это начато въ Тавризѣ въ 1821 году и окончено въ г. Тифлисѣ въ слѣдующемъ году, хотя измѣненія въ ономъ дѣлались и послѣ [2]).

По свидѣтельству же болѣе достовѣрной грузинской приписки, сдѣланной на нашемъ варіантѣ, комедія эта написана въ Грузіи (въ Тифлисѣ) въ 1822 году [3]), хотя она и подвергалась въ послѣдующее время со стороны автора многократнымъ передѣлкамъ въ отдѣльныхъ частяхъ. Послѣднее свидѣтельство приписки къ варіанту считаемъ мы болѣе правдоподобнымъ потому, что трудно предположить не смотря на увѣренія г. Булгарина, чтобы Грибоѣдовъ могъ приступить къ писанію своего произведенія въ г. Тавризѣ и притомъ послѣ назначенія своего на должность секретаря „бродящей миссіи“ [4]) при русскомъ посольствѣ, такъ какъ занятый исполненіемъ своихъ сложныхъ обязанностей по новой должности, за тѣмъ дѣловыми порученіями, побуждавшими его къ поѣздкамъ въ Тифлисъ и кромѣ того вынужденный необходимостью ознакомленія съ мѣстными персидскими обычаями и изученіемъ восточныхъ языковъ—персидскаго и арабскаго—творецъ „Горе отъ ума“ не могъ располагать достаточно свободнымъ временемъ, для занятія неслужебными дѣлами вообще и поэзіею—въ частности. Это подтверждается и отзывомъ самого Грибоѣдова, что въ Персіи—„въ печальномъ царствѣ не только ничему не научишься, но еще забудешь и то, что прежде зналъ“ и въ другомъ мѣстѣ: „смертная лѣнь и скука, ни за что приняться не хочется“ [5]).

„Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ—пишетъ по поводу „Горе отъ ума“ самъ Грибоѣдовъ—было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь ее. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха

[1]) „ივერია“ 1893 წ. № 188, газ. „Кавказъ“ за 1893 г. № 236.

[1]) Городъ этотъ находится въ Харьковской губерніи.

[2]) Полное собраніе сочиненій Грибоѣдова подъ редакціею Введенскаго, 1892 г. стр. 308.

[3]) Грузинская надпись на III страницѣ варіанта слѣдующаго содержанія: „დაიწერა სჯათველოში ჩუკ წელსა“.

[4]) Такъ онъ называетъ свой новый постъ. Веденскій, стр. 297.

[5]) Ibid. стр. 301 и 297.

заставили портить мое созданіе, сколько можно было" [1]). Съ той минуты, какъ пріобрѣло такую всеобщую извѣстность завѣтное произведеніе Грибоѣдова,—о судьбѣ котораго онъ сначала не загадывалъ, зная, что тяжелыя цензурныя условія не допустятъ оное до сцены, и въ лучшемъ случаѣ мечтая лишь о его напечатаніи въ видѣ „комедіи для чтенія"—онъ, по его же собственному признанію, поддался соблазну слышать свои стихи на сценѣ, передъ той публикой, которую онъ самъ бичевалъ и образумить которую онъ намѣренъ былъ и съ этою цѣлью рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ хлопотать о постановкѣ комедіи на сценѣ. Съ глубокою скорбью и сожалѣніемъ разставался онъ съ лучшими шедеврами пьесы, урѣзывалъ фразы, „мѣнялъ дѣло на вздоръ", ослаблялъ тонъ и яркія краски и сглаживалъ кажущіяся другимъ неприличныя выраженія и колкости. Но извѣстно, что никакія усилія, никакія знакомства съ великосвѣтскими кругами тогдашняго столичнаго общества, ни литературныя связи не помогли Грибоѣдову увидѣть свое произведеніе на сценѣ. Почему-то всякій видѣлъ себя въ какомъ-либо героѣ комедіи и малѣйшій намекъ понимали по своему и и на разные лады толковали. Понятно поэтому, что они старались не допустить публичнаго представленія этой комедіи, надѣлавшей столько шума въ высшихъ кругахъ столичнаго общества своимъ неожиданнымъ появленіемъ и небывалымъ успѣхомъ. Неудача огорчала и раздражала Грибоѣдова тѣмъ болѣе, что комедія его, распространяясь среди общества въ безчисленномъ множествѣ рукописей, всѣхъ приводила въ восхищеніе и славу ея ничуть не могло затмить даже такое крупное, появившееся съ нею одновременно произведеніе, какъ „Евгеній Онѣгинъ" А. С. Пушкина.

Кажется, ни одно литературное произведеніе въ мірѣ не подвергалось авторомъ такимъ многочисленнымъ передѣлкамъ и измѣненіямъ, какъ „Горе отъ ума". Комедія эта приноравливалась чуть ли не къ каждой столичной и провинціальной сценѣ, примѣнительно къ воззрѣніямъ и взглядамъ мѣстнаго общества. Вслѣдствіе таковыхъ обстоятельствъ каждый новый варіантъ указаннаго произведенія имѣетъ громадное значеніе въ дѣлѣ возстановленія первоначальнаго текста его. Въ данномъ же случаѣ значеніе и важность открытаго варіанта усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что до насъ не дошелъ подлинникъ указанной комедіи, который, по свидѣтельству Гарусова, комментатора и издателя произведеній Грибоѣдова, былъ сожженъ въ Петербургѣ, въ зданіи главнаго штаба [2]). По мнѣнію другихъ, автографъ Грибоѣдова находился у тестя поэта, извѣстнаго грузинскаго писателя А. Г. Чавчавадзе, а потомъ онъ оказался въ библіотекѣ кн. А. Церетели [3]).

Наша рукопись заключаетъ въ себѣ I—III + 167 страницъ in 4°, изъ коихъ I—III + 77 писаны на плотной сѣроватаго цвѣта бумагѣ, а остальныя 90 страницъ на синей бумагѣ. Почеркъ четкій; попадаются орфографическія ошибки. Дата на рукописи, какъ мы уже замѣтили выше, сдѣлана другимъ почеркомъ и другими, болѣе свѣжими и темными чернилами, что несомнѣнно указываетъ на происхожденіе рукописи далеко раньше 1834 г. Въ пользу древности списка говоритъ и то обстоятельство, что послѣ 1833 года, когда появилось первое московское печатное изданіе этой комедіи, едва ли кто сталъ бы переписывать ее.

Въ рукописи нашей нѣтъ тѣхъ пропусковъ [4]), которые встрѣчаются въ юбилейномъ изданіи тифлисской центральной книжной торговли, сдѣланномъ съ рукописи 1831 года. Варіантъ нашъ съ самаго начала и до конца просмотрѣнъ и съ большимъ стараніемъ исправленъ чьею-то рукою и установлена въ немъ правильная пунктуація, хотя, къ сожалѣнію, изъ самой рукописи не видно, кому принадлежитъ этотъ кропотливый трудъ редактированія его. Быть можетъ рукопись эта свѣрѣна съ автографомъ А. С. Грибоѣдова, или же съ рукописью исправленною рукою самаго автора, принадлежащею жителю Кавказскаго края, генералу-отъ-инфантеріи Алексѣю Петровичу Ермолову; рукопись эта пропала у владѣльца во время походныхъ его передвиженій [1]), ибо и самая наша рукопись, какъ видно изъ надписи на заглавномъ листѣ побывала въ Харьковской губерніи. Во всякомъ случаѣ рукопись эта достойна вниманія, особенно если имѣть въ виду то соображеніе, что первое изданіе этой комедіи напечатано не при жизни Грибоѣдова, который могъ бы ее исправить и установить окончательную ея редакцію, а лишь 4 года спустя послѣ его смерти. Поэтому нисколько не удивительно, что, хотя прошло три четверти столѣтія со времени написанія комедіи „Горе отъ ума" и за это время она уже выдержала около 100 изданій, все же далеко еще нельзя считать окончательно возстановленнымъ подлинный текстъ этой комедіи.

Въ виду того, что всякое новое слово относительно такого классическаго творенія, какъ „Горе отъ ума", можетъ пролить на это произведеніе новый свѣтъ въ дѣлѣ возстановленія его первоначальнаго текста и будетъ служить цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской литературы, желательно было бы издать съ подстрочными примѣчаніями этотъ замѣчательный варіантъ, во многомъ исправляющій и дополняющій существующій нынѣ печатный текстъ комедіи. Что настоящій варіантъ дѣйствительно дополняетъ и исправляетъ печатные тексты комедіи, это доказывается имѣющимися въ немъ разночтеніями, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ.

1) Въ первомъ дѣйствіи, на слова Чацкаго о смѣшеніи „французскаго языка съ нижегородскимъ", во всѣхъ печатныхъ изданіяхъ отвѣчаетъ Лиза: „но мудрено изъ нихъ одинъ скроить какъ вашъ"... между тѣмъ какъ въ нашемъ варіантѣ (стр. 27) эти слова произноситъ Софья, что болѣе соотвѣтствуетъ теченію рѣчи въ данномъ мѣстѣ, да и самый слогъ этой фразы болѣе приличествуетъ образованной личности, чѣмъ служанкѣ.

2) Во второмъ дѣйствіи, явленіе II, Чацкій говоритъ:

„Стучали объ полъ, не жалѣя!
Кому нужда,—къ тѣмъ спесь;
Лежи они въ пыли;
А тѣмъ,—кто выше,—лесть,
Какъ кружево плели".

У насъ же:

„Стуча имъ объ полъ, не жалѣя!
И чтобы въ знать войти, валялися въ пыли
И тѣмъ, кто выше, лесть какъ кружева плели (стр. 39).

3) „Богъ знаетъ, за него что вздумали вы—
Чѣмъ голова ввѣкъ не была набита!"

Вар. „Богъ знаетъ, за него что вздумали вы!
И вами навсегда, знать то забыто,
Чѣмъ голова его была набита" (стр. 74).

4) „Во всѣхъ княженъ вселять участье"

Вар. „Во всѣхъ дѣвицъ[2]) вселять участье" (стр. 127).

---

[1]) Ibid стр. 261.

[2]) Тифлисское юбилейное изданіе комедіи „Горе отъ ума" 1879 года подъ редакціею кн. Д. Г. Эристова, стр. 1.

[3]) Ibid. стр. 2.

[4]) См. 42 изд. стр. 1, 6, 12, 54, 62, 67, 73, 86, 89, 139 и др.

[1]) Ibid. стр. 3.

[2]) Этотъ стихъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Гарусовъ, былъ передѣланъ Грибоѣдовымъ для извѣстнаго тифлисскаго спектакля

Приведенныхъ разночтеній, думаемъ, достаточно для подтвержденія значенія нашей рукописи, въ которой мы нашли болѣе 140 характерныхъ варіантныхъ чтеній, при чемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одно, повидимому, незначительное слово, простая перестановка, одинъ штрихъ или вставка измѣняетъ смыслъ цѣлой тирады.

Е. К.

1902 г. 30-го сентября.
Гор. Каменецъ-Подольскъ.

ЛИТЕРАТУРА АДЕРБЕЙДЖАНСКИХЪ ТАТАРЪ.

I.

Русско-поданные адербейджанскіе татары занимаютъ юго-восточный уголъ Закавказья и живутъ въ губерніяхъ Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской, а также, въ незначительномъ количествѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣвернаго Кавказа. Персидско-поданные же татары адербейджанцы населяютъ обширные вилайеты (области) адербейджанскаго намѣстничества, центромъ котораго считается многолюдный богатый и торговый городъ Тавризъ, резиденція персидскаго валіахда, наслѣдника престола. Къ адербейджанскимъ татарамъ относится и населеніе Макинскаго ханства, за исключеніемъ курдовъ, ведущихъ кочевой образъ жизни. Всѣ они говорятъ, съ незначительными измѣненіями въ акцентѣ, на адербейджанскомъ нарѣчіи тюркскаго языка. Языкъ этотъ, благодаря своей простотѣ и легкости, всѣми усваивается безъ особаго затрудненія и является самымъ пріятнымъ и общеупотребительнымъ на всемъ мусульманскомъ востокѣ. На немъ говорятъ и жители Араки—Аджама и населенія Фарсистана и Туркестана, армяне, греки, айсоры, курды и др.

У адербейджанскихъ татаръ, какъ у народа менѣе культурнаго и не всегда имѣвшаго свою самостоятельную жизнь и исторію, прежде не было ни своей письменности, ни литературы. Съ принятіемъ ислама они заимствовали у арабовъ ихъ азбуку, а позднѣе, благодаря вліянію Персіи, познакомились съ знаменитою въ свое время „арабско-персидской литературой. Въ началѣ это знакомство было поверхностное: ни философія *Моллай Руми* и *Шейхъ Аттара*, ни нравоучительные, выдерживающіе строгое направленіе рационализма, разсказы персидскаго мудреца *Шейхъ Саади*, ни блестящее лирическое откровеніе пѣвца розы и соловья—*Хаджи Гафиза* не были доступны пониманію и критической оцѣнкѣ адербейджанскихъ татаръ, стоявшихъ все еще на невысокой ступени духовнаго развитія. Но впослѣдствіи, когда закавказскіе адербейджанцы подпали, вмѣстѣ съ другими народностями Кавказа, подъ крѣпкое управленіе Персидскаго правительства, то они переняли отъ нихъ не только одни обычаи, нравы и различныя бытовыя стороны ихъ жизни, но даже, незамѣтно для себя, стали духовно сближаться и сродняться съ господствующимъ народомъ, заимствуя у него религію, языкъ и литературу. Отъ персидскаго языка вошло въ адербейджанское нарѣчіе безчисленное множество персидскихъ словъ и выраженій, уже настолько сроднившихся съ татарскимъ языкомъ, что въ настоящее время трудно замѣнить ихъ своими собственными и многіе татары, даже хорошо грамотные, сомнѣваются въ персидскомъ ихъ происхожденіи. Этому много способствовали персидскіе *мектебы*. Съ водвореніемъ въ краѣ персидскаго вліянія, грамотные персіяне начали въ городахъ и большихъ селахъ открывать свои школы (мектебы), и такъ какъ въ этихъ мектебахъ учителями были такъ называемые персидскіе мирзы, то, понятно, и преподаваніе шло исключительно на персидскомъ языкѣ. Вездѣ читались однѣ персидскія книги; письма и разныя дѣловыя бумаги писались (въ нѣкоторыхъ городахъ Закавказья напр., въ Нахичевани, Эривани, Баку) и теперь пишуться на персидскомъ языкѣ. Татарскіе писатели, поэты, историки писали свои сочиненія на персидскомъ языкѣ. Знаменитый *Низами*, написавшій на персидскомъ языкѣ свои чудныя и проникнутыя возвышеннымъ чувствомъ любви поэмы, былъ татаринъ родомъ изъ Елисаветполя.

Но богатая персидская литература съ XVII-го вѣка, при династіи Сафевидовъ, принимаетъ совершенно другое направленіе. Вмѣсто прекрасныхъ гномическихъ стихотвореній, чудныхъ поэмъ, романовъ и повѣстей въ стихахъ изображаются сесуальные мотивы, а также заунывная, глубоко затрогивающая сердце грусть. Лирическій элементъ отступаетъ на задній планъ, а вмѣсто него выдвигается панегирическій тонъ. Писатели и поэты, движимые одними низменными чувствами, ради наживы и личной выгоды, излагаютъ Шахеншахамъ и другимъ высокопоставленнымъ придворнымъ лицамъ похвальныя рѣчи гиперболическаго характера. Такими качествами отличались придворные поэты, другіе же, болѣе отдаленные отъ двора и вниманія высокопоставленныхъ лицъ, вводятъ въ свои произведенія новый элементъ, заключающійся въ эротизмѣ. Предметомъ ихъ разсужденій и досужей фантазіи служатъ любовь и своеобразное описаніе достоинствъ воображаемой красавицы. Въ своихъ произведеніяхъ они воспѣваютъ то вьющіеся, какъ черная змѣя, локоны, то дугообразныя, имѣющія видъ молодого мѣсяца, брови, то черные жгучіе глаза, то яхонтовыя губы, то жемчужные зубы и т. д. Воспѣваемая красавица является живымъ олицетвореніемъ природы: ея ростъ сравнивается съ кипарисомъ или самшитомъ, походка—съ движеніемъ лани, лицо съ луною, цвѣтникомъ розъ, хранилищемъ золота и драгоцѣнностей, свѣтлымъ утромъ, а волосы вокругъ него—по чернотѣ—съ ночью, по длинѣ и кудреватости—съ опасной ядовитой змѣею, извивающейся вокругъ хранилища золота и готовой ужалить всякаго, кто осмѣлится подойти къ нему [1]).

Такое сенсуалистическое направленіе персидской литературы болѣе всего пришлось по вкусу адербейджанскимъ поэтамъ, изъ которыхъ молла Панахъ въ Карабагскомъ ханствѣ, молла Вели въ Казахскомъ магалѣ, молла Закиръ Нухинскій въ Шекинскомъ ханствѣ и Раджи въ Персидскомъ адербейджанѣ считались лучшими эротиками своего времени, и произведенія ихъ до сихъ поръ имѣютъ много поклонниковъ и подражателей.

Въ „Сборникѣ произведеній адербейджанскихъ поэтовъ", изданномъ просвѣщеннымъ членомъ Археографической Комиссіи Адольфомъ Петровичемъ Берже въ 1867 году въ Лейпцигѣ, на первомъ мѣстѣ напечатаны стихотворныя произведенія Молла Панаха-Вакифа, какъ несомнѣнно крупнаго поэта. Въ другомъ сборникѣ, называемомъ „Сборникъ произведеній Вакифа и его современниковъ" [2]), приводится и краткая біографія этого замѣчательнаго по природному уму, восточной учености и творческому таланту человѣка. Настоящее имя Вакифа молла Панахъ; „Вакифъ" его псевдонимъ и означаетъ знающій, имѣющій обо всемъ свѣдѣнія. И на самомъ дѣлѣ, можно сказать безъ преувеличенія, что молла Панахъ обладалъ большими знаніями и по своему времени считался самымъ ученымъ человѣкомъ. На этомъ основаніи позднѣе о немъ сложилась поговорка „Харъ охуянъ молла Панахъ олмазъ"; т. е. не всякій, кто посвящаетъ себя наукамъ, сдѣлается молла Панахомъ. Въ біографическомъ очеркѣ, составленномъ Мирза Юсифомъ, не упоминается о годѣ рожденія молла Панаха; въ немъ говорится, что

любителей, чтобы не оскорбить участвовавшихъ въ томъ спектаклѣ княженъ.

[1]) По восточному повѣрію, всякая кладъ охраняется змѣею.

[2]) Сборникъ этотъ составленъ Мирза Юсифомъ Карабаги по просьбѣ Мирза Джанъ-бека Мадатова (армянинъ), также извѣстнаго въ татарской литературѣ своими стихотвореніями. О немъ рѣчь впереди.

въ 1766 году, по причинѣ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и политическихъ смутъ, изъ Грузіи и сосѣднихъ ханствъ переселились въ Карабагскую землю къ Панахъ-хану нѣкоторыя кочевыя общества, какъ напр., Карачалинское, Джинлинское, Дамирги-Гасанлинское, Кизилъ-Хаджлинское, Сафикюрдское, Бой-Ахметлинское, Кенгерлинское и многія другія. Остатки этихъ обществъ и до сихъ поръ живутъ въ Казахскомъ уѣздѣ; вмѣстѣ съ ними переселилось въ Карабагъ нѣсколько семействъ изъ сел. Гасанъ-Су, родины Вакифа, которое находится недалеко отъ Акстафы. Въ числѣ этихъ семействъ былъ и молла Панахъ. Прибывъ въ Карабагъ, онъ, какъ ученый молла, не довольствовался жизнью въ деревнѣ и хотѣлъ искать себѣ счастья въ молодой резиденціи хана, въ Шушѣ. Здѣсь онъ основалъ первый татарскій мектебъ въ томъ кварталѣ, который нынѣ называется Саатлу, и началъ усердно заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣтей. Разсказываютъ, что однажды, когда онъ въ разговорѣ съ однимъ приближеннымъ тогдашняго хана Ибрагима услышалъ про одно легкомысленное распоряженіе послѣдняго, то въ душѣ онъ сказалъ себѣ, что онъ непремѣнно сдѣлается господиномъ надъ головою хана. Но первое время онъ жилъ въ крайней бѣдности и во всемъ терпѣлъ нужду и лишенія, о чемъ онъ въ насмѣшливомъ тонѣ пишетъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Насталъ байрамъ, какъ мнѣ быть?
Въ домѣ моемъ нѣтъ полнаго чувала [1]),
Рисъ и масло истощились давно,
Мяса купить не на что,
О моталѣ [2]) же лишь только можно мечтать.
Какъ видно, Богу одни мы были неблагодарны,
Что лишились Его милости и даровъ.
Другіе окружены сахаромъ и разнаго рода сладостями,
Въ нашемъ же домѣ нѣтъ и сушенаго кизила.
На свѣтѣ этомъ нѣтъ у насъ богатства,
Въ домѣ нѣтъ жены красивой.
Можетъ-быть ты, Вакифъ, хвастаешься своимъ умомъ и просвѣщеніемъ?
Напрасно! Слава Аллаху, у тебя нѣтъ и этихъ достоинствъ!

Но вскорѣ послѣ этого молла Панахъ, благодаря своему уму и природнымъ дарованіямъ, присутствіе которыхъ въ себѣ онъ отвергалъ въ насмѣшливомъ тонѣ, настолько выдвинулся въ глазахъ своихъ современниковъ, что о немъ стали говорить по всему Карабагу, какъ о рѣдкомъ ученомъ и остроумномъ поэтѣ. Слава о немъ дошла до самаго Ибрагимъ Халилъ-хана, который, лично убѣдившись въ его талантливости приблизилъ его къ себѣ и въ 1769 году возложилъ на него обязанности „Эшикъ-Агаси“ [3]). Вліяніе его на хана росло съ замѣчательной быстротою, и онъ, по справедливости судя, оказался гораздо умнѣе и дальновиднѣе своего повелителя; онъ нерѣдко выручалъ его изъ бѣды и своими умными совѣтами помогалъ ему въ затруднительныхъ случаяхъ, возникавшихъ по управленію обширнымъ ханствомъ.

Подобныхъ случаевъ въ жизни Молла Панаха не мало, когда онъ своими прекрасными стихами, или какимъ либо умнымъ и мѣткимъ замѣчаніемъ измѣнялъ весь планъ Ибрагимъ хана.

Жестокій Ага Мамедъ ханъ, узнавъ о томъ, что Ибрагимъ ханъ вмѣстѣ съ грузинскимъ царемъ Ираклiемъ призываютъ на помощь русскихъ, въ 1795 году съ несмѣтными полчищами явился подъ стѣнами города Шуши и сталъ настойчиво требовать о сдачѣ города. Обступивъ его съ двухъ сторонъ и обстрѣливая его каменными ядрами изъ своихъ огромныхъ пушекъ, въ пылу самонадѣянности онъ послалъ Ибрагимъ хану насмѣшливое посланіе въ двухстишіи слѣдующаго содержанія:

Съ свода небеснаго градомъ сыплются камни,
А ты, безумецъ, сидишь въ крѣпости, изъ стекла сооруженной [1]).

На это посланіе послѣдовалъ такой отвѣтъ, составленный молла Панахомъ:

Правда, Создатель мой стекломъ меня окружилъ,
Но это стекло Онъ въ камни вложилъ!

Вакифъ, происходя родомъ изъ Казаха, жители котораго и до сихъ поръ ведутъ кочевой образъ жизни, отлично зналъ житье—бытье кочевниковъ. Переписка его съ поэтомъ молла Вели-Видади, имѣетъ большой этнографическій интересъ. Въ одномъ письмѣ къ нему онъ въ легкихъ и изящныхъ стихахъ описываетъ жизнь терекеминокъ, полную милой идиллической простоты и теплой сердечности; въ другомъ письмѣ къ тому же Видади онъ изображаетъ непривлекательную сторону ихъ жизни.

Вообще въ произведеніяхъ Вакифа прекрасный полъ занимаетъ центральное положеніе, и его муза увивается вокругъ прелестной женщины, воспѣвая ей нѣжные плѣнительные мотивы, подслушанные гдѣ-то въ заоблачной странѣ, въ отдаленной небесной выси. Отдавая должную дань ея душевнымъ качествамъ и добродѣтели, Вакифъ въ самыхъ нѣжныхъ, изысканно поэтическихъ выраженіяхъ изображаетъ ея красоту и внѣшнія совершенства; при этомъ увлеченіе его этой красотой доходитъ до полнаго забвенія. Онъ, какъ соловей, поетъ на тысячу ладовъ, сравнивая любимую женщину то съ весной, то съ благоуханной свѣжей розой, то съ луной, солнцемъ, небомъ и такъ до безконечности. Иногда, въ порывѣ увлеченія, поэтъ впадаетъ въ святотатство, называя свою розу именами священныхъ городовъ,—то Меккой, то Мединой. Вотъ приблизительный переводъ одного изъ многочисленныхъ его стихотвореній эротическаго содержанія.

Ты моя Каоба [2]) и Кербалай [3]),
Ты моя Мекка и Медина,
Ты моя избранная святыня!

Моя Кибла [4])—твои брови,
Предъ ними только дѣлаю я поклоны,
Къ нимъ однимъ я обращаюсь лицомъ во время моего намаза.

Я опьяненъ тобою, не помню себя;
Мое счастье въ твоихъ глазахъ,
Вѣра моя—въ твоихъ чудныхъ волосахъ!

Ты моя луна, ты мое солнце,
Ты мой молодой мѣсяцъ,

[1]) Чувалъ—означаетъ мѣшокъ.

[2]) Моталъ—особеннымъ образомъ приготовленный сыръ, сохраняемый въ овечьей шкурѣ.

[3]) Придворный чинъ, въ родѣ гофмейстера.

[1]) Тутъ игра словъ: „Шуша“ по персидски означаетъ стекло, на что намекаетъ и Ага Магомедъ хавъ.

[2]) Священный храмъ въ Меккѣ куда ѣздятъ на поклоненіе мусульмане.

[3]) Въ Кербалѣ, которая находится около Багдада, погребены мощи любимаго всѣми шіитами имама Гусейна и его сподвижниковъ. Туда ѣздятъ на поклоненіе одни шіиты.

[4]) Кибла означаетъ супротивъ; у мусульманъ Киблой считается свящ. храмъ Кааба, куда они обращаютъ свои лица во время молитвы.

Ты мое богатство, ты мое счастье,
Ты мой почетъ и уваженье!

Лучшія мысли мои—мечтанье о тебѣ,
Лучшій разговоръ мой—бесѣда о тебѣ!

Когда въ 1797 году Ага-Магомедъ-ханъ вторично подвинулся съ многочисленнымъ войскомъ на Шушу, то Ибрагимъ-ханъ, чувствуя свою несостоятельность противъ сильнаго и мстительнаго врага, убѣжалъ въ Белаканъ, почему-то оставивъ въ Шушѣ своего друга молла Панаха. Ага-Магомедъ-ханъ безъ всякаго сопротивленія со стороны оставшихся въ городѣ жителей, вошелъ въ него и началъ безпощадно казнить всѣхъ, кого-только подозрѣвалъ въ невѣрности и измѣнѣ его власти. Наиболѣе виновныхъ онъ велѣлъ посадить въ темницу, желая придумать для нихъ самый жестокій способъ казни; въ числѣ послѣднихъ въ мрачной темницѣ сидѣлъ и молла Панахъ, съ которымъ угрюмый шахъ имѣлъ старые счеты. Разсказываютъ, что молла Панахъ, какъ знатокъ восточныхъ наукъ, умѣлъ угадывать будущность человѣка. Въ ту самую ночь, когда нукеры шаха завершили судьбу своего повелителя и когда къ утру всѣхъ заключенныхъ ожидала страшная казнь, молла Панахъ былъ занятъ вычисленіемъ будущихъ лѣтъ Ага-Магомедъ-хана. По этимъ вычисленіямъ онъ опредѣлилъ, что дни хана сочтены, и онъ больше не увидитъ новаго восхода солнца. Ободренный спасительной вѣрой въ свою безопасность, ночью же онъ спросилъ главнаго тюремщика, не знаетъ ли тотъ какія въ городѣ новости. Не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, онъ не могъ спать до утра и при появленіи зари вторично обратился къ тюремщику съ тѣмъ же вопросомъ, „какія въ городѣ новости?“ Но тюремщикъ, ничего не зная о происшедшемъ въ городѣ событіи, и на этотъ разъ не могъ удовлетворить любознательности поэта. Вскорѣ, однако, какъ появилось на горизонтѣ солнце, вѣсть объ убійствѣ шаха его нукерами распространилась по всему городу, дошла она и до тюрьмы и молла Панахъ вмѣстѣ съ остальными заключенными были выпущены на свободу. По этому поводу онъ написалъ своему другу Видади:

Посмотри, о Видади, какъ коварно вращенье судьбы,
Посмотри, какъ обманчиво время,
Какія бываютъ дѣла и какъ великъ Творецъ!
Смотри, какъ Онъ, справедливый Судья и могучій Властелинъ
Въ одинъ мигъ уничтожилъ злодѣя,
Обративъ въ прахъ его существованье!
Свѣча, которая ночью была киблой [1]) всего міра,
Къ утру внезапно потухла, не оставивъ слѣда!
Смотри, съ какой злобной радостью попирается голова сардара.
Она, только что отдѣлившаяся отъ золотого вѣнца,
Была полна необузданной спѣси и безграничнаго высокомѣрія.
Возьми примѣръ съ Ага-Магомедъ-хана, о ничтожный рабъ,
Смотри, какъ мучителенъ конецъ кровопійцы, будь онъ даже на тронѣ!
Бѣги отъ непостоянныхъ жителей суетнаго міра, о Видади!
Бѣги, сколько есть силы въ ногахъ твоихъ,
Не глядя ни на жену и дѣтей, ни на враговъ и друзей.
Закрой глаза Вакиръ на Божій свѣтъ, отрекись отъ соблазновъ его.
Обращай свое лицо къ святому пророку,
И уповай на помощь его чистѣйшаго потомства!

[1]) Мѣсто поклоненія.

Послѣ смерти Ага-Магомедъ-хана племянникъ Ибрагимъ-хана Мамедъ-бекъ Мехрабъ-бекъ-оглы, пользуясь отсутствіемъ своего дяди, котораго онъ ненавидѣлъ всей душой, захвативъ въ свои руки ханскую власть въ Карабагѣ, и чтобы ему легче и спокойнѣе было управлять ханствомъ, онъ приказалъ перебить всѣхъ друзей и приближенныхъ хана. Въ числѣ ихъ погибъ и молла Панахъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Али-Агою. Могила этого замѣчательнаго моллы и даровитаго поэта находится въ Шушѣ, на юго-восточной и живописной части ея. Въ настоящее время она имѣетъ весьма жалкій видъ и никто не думаетъ о приведеніи ея въ порядокъ.

Ежегодно, предъ наступленіемъ Новрузъ-байрама (9 марта), въ послѣднюю среду зимняго сезона, туда ходятъ толпами шушинскія татарки, разодѣтыя въ яркіе и нарядные костюмы; ходятъ онѣ не для поклоненія праху поэта, такъ восторженно воспѣвавшаго ихъ достоинства и красоту, а для совершенія надъ его могилой разныхъ суевѣрныхъ обрядовъ, заключающихъ будто бы въ себѣ исцѣлительныя отъ физическихъ и душевныхъ болѣзней силы.

II.

Вакифъ считается основателемъ татарской литературы. Несмотря на свою ученость, онъ писалъ просто, на понятномъ народномъ языкѣ, не прибѣгая къ помощи персидскихъ или арабскихъ словъ. Всѣ его произведенія дышатъ безыскусственной простотой и искреннимъ чувствомъ; многія изъ нихъ по простотѣ и художественности изложенія считаются образцами народной поэзіи, всѣ они поражаютъ своей мелодичностью, благозвучіемъ и необыкновенной выразительностью. Въ этомъ отношеніи онъ по справедливости можетъ считаться „ханомъ“ всѣхъ адербейджанскихъ поэтовъ.

Современникъ и другъ Вакифа молла *Вели Видади* обладалъ тоже недюжиннымъ поэтическимъ талантомъ; но талантъ его имѣлъ своеобразный и односторонній характеръ; онъ поетъ все грустные мотивы; почти всѣ произведенія Видади проникнуты чувствомъ глубокой скорби и безнадежной тоски. Даже въ описаніи чудныхъ картинъ природы, въ изображеніи разнообразныхъ сторонъ жизни поэтъ особенно подчеркиваетъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ отражается тщетность и непостоянство суетной жизни.

Послѣ Вакифа и Видади, положившихъ основаніе адербейджанской литературѣ и обогатившихъ ее своими высокохудожественными произведеніями, появились во всѣхъ частяхъ Адербейджана много поэтовъ. Они въ своихъ произведеніяхъ старались, главнымъ образомъ, подражать своимъ учителямъ,—карабагскіе, текинскіе и шемахинскіе поэты—Вакифу, казахскіе Видади. Изъ нихъ извѣстностью отличались слѣдующіе: *Ашигъ-Али*, *Аджизъ*, *Сабити Шакики*, *Рафи*, *Нишатъ*, *Лутфи Ширванскій*, *Саршаръ* и *Арифъ*. Всѣ эти поэты, бывшіе почти современниками молла Панаха, находились подъ сильнымъ вліяніемъ его свѣтлой жизнерадостной музы. Образчики ихъ произведеній вошли въ „Сборникъ соч. Вакифа и его современниковъ“, составленный мирза Юсифомъ.

Нѣсколько позднѣе ихъ пріобрѣтаютъ извѣстность своими мифическими стихотворными произведеніями армянинъ *Мирза-Джанъ Мадатовъ*, родомъ изъ с. Чанахчи, Шушинскаго уѣзда и поэтесса Ашикъ *Пери* изъ Дзагскаго магала, Джебраильскаго уѣзда. Помимо поэтическаго таланта, обнаружившагося у Мирза-Джана въ рядѣ блестящихъ стихотвореній, онъ считался хорошимъ знатокомъ персидской литературы; вообще онъ, несмотря на свое армянское происхожденіе, по духу и чувствамъ былъ истый мусульманинъ, и нѣкоторыя его посланія къ Ашикъ Пери и неизвѣстнымъ намъ друзьямъ проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ уваженія къ мусульманской жизни.

Красивая и молодая поэтесса Ашикъ, удивлявшая всѣхъ своимъ умомъ и талантомъ, считалась душою тог-

дашняго образованнаго общества. Со всѣхъ сторонъ посылались ей письма въ стихахъ и прозѣ хвалебнаго содержанія. Поэтесса въ свою очередь воодушевляла своихъ почитателей мелодичными стихами, проникнутыми чувствомъ искренней дружбы, *чистой любви, долга справедливости и уваженія къ человѣку*. Особенно интересна въ этомъ отношеніи ея переписка съ Мирза-Джаномъ, Джафаръ-Кули-ханомъ, Мамедъ-бекомъ, Мирза-Гасаномъ и Ахмедъ-бекомъ, которые считались самыми образованными людьми того времени. Прочувствованное стихотвореніе написала Ашикъ Пери на смерть Мирза-Джана, любимѣйшаго друга и человѣка рѣдкихъ душевныхъ качествъ. Поэтесса обращается къ измѣнчивой судьбѣ:

О ты, коварная судьба людская,
Скажи, куда ты дѣла дорогого Мирза-Джана?
Скажи, куда ты дѣла сладкорѣчиваго пѣвца,
Украшенія меджлисовъ и друга именитыхъ хановъ?
Таковы дѣла твои, о измѣнчивый свѣтъ!
Радость даешь ты въ началѣ, а горе подъ конецъ.
Смѣхъ и слезы смѣшаны у тебя.
Скажи, гдѣ сочинитель книгъ и стихотвореній?
Гдѣ руда золота и хранилище камней драгоцѣнныхъ?...

Мы привели только два куплета, но и этотъ маленькій отрывокъ показываетъ, какъ высоко цѣнилось значеніе Мурза-Джана среди его современниковъ и до какой степени онъ былъ дорогъ для самой поэтессы.

Среди достойныхъ современниковъ Ашикъ Пери видное мѣсто занимаетъ *Набати*, или ханъ Чобани изъ Мугана, извѣстный своими многочисленными и разновидными стихотвореніями. Стихи Набати гибки и благозвучны; содержаніе большинства произведеній Набати взято изъ жизни простого народа, преимущественно кочевниковъ терекеминцевъ. Но у него много и такихъ произведеній, въ которыхъ религіозно-философскій взглядъ и мистицизмъ являются преобладающимъ элементомъ. Сборникъ сочиненій Набати, изданный отдѣльной книгой, въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость. У Набати не мало и персидскихъ сочиненій. Въ нихъ поэтъ воспѣваетъ *свободу воли, сознательную вѣру во всемогущее единеніе и справедливое начало*. Отвергая все низкое и гнусное, поэтъ призываетъ всѣхъ служить добру, любить прекрасное и возвышенное. Въ глазахъ поэта все въ мірѣ, изъ за чего люди ведутъ между собою неутомимую борьбу, суета, пустая и недостойная забава, и поэтому, слѣдуетъ отвернуться отъ всего непрочнаго, обманчиваго, непостояннаго, отъ того, что „пятидневно". Внѣшняя обрядность, ложная показная религіозность также противны душѣ поэта. Его лира воспѣваетъ только идею, суть дѣла, внутренній міръ человѣка и состояніе его души... Но чтобы достичь извѣстной степени совершенства, духовно подняться до уразумленія высшихъ идей и быть въ состояніи пріобщиться ихъ, для этого нужно долголѣтнее бдѣніе, настойчивая и продолжительная работа надъ самимъ собой, серьезная борьба съ своими страстями и пр. Въ одномъ изъ стихотвореній поэтъ говоритъ:

Иди, поживи,
Пока ты неучъ!
Чтобы быть совершеннымъ,
Слѣдуетъ попутешествовать;
Чтобы быть собесѣдникомъ
Птицы Кафа [1]),
Чтобы парить съ ней
На высотѣ небесной,
Надо имѣть твердыя крылья...

Набати очевидно находился подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстнаго на всемъ востокѣ мистика и воодушевленнаго пантеиста Джелалъ-Эдина, прозваннаго Моллай-Руми.

Далѣе извѣстны своими разнообразными сочиненіями, большею частью эротическаго направленія, адербейджанскіе поэты *Дильсузъ, Раджи, Кумри, Дахилъ* и другіе. Но распространенію ихъ славы по всему Адербейджану, а также и въ Персіи среди послѣдователей секты шіизма болѣе всего содѣйствовали тѣ изъ ихъ сочиненій, въ которыхъ картинно и художественно описываются различные эпизоды изъ жизни святыхъ потомковъ пророка Магомета, главнымъ образомъ мученика имама Гусейна, пользующагося беззавѣтною любовью всѣхъ шіитовъ.

Роковое событіе, разыгравшееся въ концѣ 7-го столѣтія въ Ниневіи, дало богатый и неистощимый матеріалъ пылкому воображенію восточныхъ поэтовъ, писателей и историковъ. Въ 60 году гиджры, въ мѣстечкѣ Кербалай, расположенномъ на правомъ берегу Евфрата, былъ измѣнически убитъ войскомъ Езида, Дамасскаго халифа, любимый внукъ пророка имамъ Гусейнъ со всѣми своими 72 послѣдователями; въ числѣ послѣднихъ находились и несовершеннолѣтнія дѣти. Жены убитаго имама и его послѣдователей были взяты въ плѣнъ и отправлены къ Езиду въ Дамаскъ; имущество разграблено, а тѣла убитыхъ осмѣяны и поруганы. Это кровавое событіе, оставившее по себѣ неизгладимые слѣды, потрясло весь мусульманскій міръ. Описанію послѣднихъ дней имама Гусейна въ Кербалаѣ, случившихся въ первыхъ числахъ мѣсяца Мухаррама, въ особенности дня Ашуры (10 числа этого мѣсяца), когда были убиты всѣ послѣдователи имама и самъ онъ, посвящены цѣлые томы сочиненій на арабскомъ, персидскомъ и татарскомъ языкахъ. Сочиненія эти поются въ теченіи мохаррама въ мечетяхъ и въ другихъ богослужебныхъ домахъ извѣстными лицами, назыв. марсіяханами и ноха-ханами. Многія изъ нихъ, полныя чувствъ скорби и печали, на столько мастерски составлены, что вызываютъ плачъ и стоны среди слушателей. Изъ татарскихъ сочиненій этого типа наиболѣе извѣстны произведенія Раджи. Его *ноха* [1]) поется вездѣ, во всѣхъ провинціяхъ персидскаго Адербейджана и въ тѣхъ мѣстностяхъ Закавказья, гдѣ живутъ мусульмане шіиты. Закавказскіе поэты, въ особенности Карабагскіе, какъ ревностные шіиты, подражая Раджи, Кумри и другимъ поэтамъ персидскаго Адербейджана, сами написали безчисленное множество ноха и марсія; нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: *Закиръ, Аси, Норасъ* и молодой *Баки* въ этомъ родѣ поэзіи превзошли своихъ учителей.

Въ десятый день мохаррама (ашуры) во время религіозныхъ мистерій, когда ревностные шіиты, одѣтые въ саванъ, добровольно наносятъ на свои головы удары острымъ оружіемъ, и подвергаютъ себя разнымъ тѣлеснымъ истязаніямъ, поются слѣдующіе куплеты, сочиненные еще молла Панахомъ:

Придите, о друзья шіиты,
Исполнимъ въ сегодняшній день свой завѣтъ.
Пожертвуемъ своей жизнью
Ради царя нашей вѣры,
„Ради шаха Гусейна,
„О, нашъ шахъ Гусейнъ!

О, Шумръ [2]) окаянный!
Ты позабылъ стыдъ и совѣсть,

[1]) Кавказскія горцы у мусульманъ назыв. Кафомъ: подъ птицей Кафа нужно разумѣть орла.

[1]) Стихотвореніе печальнаго содержанія.

[2]) Убійца имама Гусейна.

Ты окрасилъ мученической кровью
Прекраснаго царевича Али-Акбера! [1])
„О нашъ шахъ Гусейнъ!

Пришли мы въ сегодняшній день
Дружной толпой на арену битвы.
Въ рукахъ нашихъ окровавленные мечи,
Мы требуемъ убійцы царевича Али-Акбера,
Царевича, не испытавшаго удовольствія жизни.
„О нашъ шахъ Гусейнъ!

Въ день суда страшнаго
Придетъ святая мать мученика,
Божественная Фатима, дочь пророка.
Въ рукахъ у нея окровавленный саванъ,
Саванъ, святый съ имама Гусейна!
Она, конечно, потребуетъ мести,
Каково тогда положеніе злодѣевъ?
„О нашъ шахъ Гусейнъ!...

Этотъ видъ литературныхъ произведеній, и до сихъ поръ почитаемый всѣми шіитами, имѣетъ своихъ спеціальныхъ поэтовъ и сочинителей. Въ Карабагѣ всякій по татарски грамотный шіитъ начинаетъ свое сочинительство первымъ дѣломъ съ ноха и марсія [2]). Это тѣмъ болѣе заманчиво, что ноха и марсія всѣми читаются съ большимъ интересомъ; сочинить ихъ не представляетъ большого труда, т. к. для нихъ существуетъ богатый матеріалъ; стоитъ только взять извѣстный эпизодъ изъ жизни имама мученика и изложить его въ общепринятой формѣ. Потому не подлежитъ счету ни число подобныхъ литературныхъ произведеній, ни, разумѣется, число ихъ авторовъ, которые продолжаютъ расти, какъ грибы въ дождливую весну.

III.

Съ начала сороковыхъ годовъ въ произведеніяхъ адербейджанскихъ поэтовъ замѣчается новое направленіе, значительно отличавшееся отъ прежняго эротическаго и крайне сантиментальнаго. Выдающимся представителемъ новаго направленія былъ *Касумъ-бекъ Хинзирстанскій*, который писалъ подъ псевдонимомъ „Закиръ“ что значитъ „словословящій Бога“. Вмѣстѣ съ Закиромъ въ новомъ направленіи работали *Баба-бекъ Кербалай-Абдула* и другіе выдающіеся поэты Карабага, а въ Тифлисѣ извѣстный драматургъ *Мирза Фатали Ахундовъ*, о которомъ рѣчь будетъ впереди. Каждый изъ нихъ, отдавъ должную дань все еще господствовавшему тогда эротизму, писали сатирическія произведенія, въ которыхъ смѣло и рѣшительно осмѣивали недостатки современнаго имъ общества,—свойственныя азіатамъ лицемѣріе, измѣну, пороки духовенства, льстивыя ихъ рѣчи, невѣжество толпы, наслѣдственное высокомѣріе высшаго ханскаго сословія.

Карабагъ является Парнасомъ для адербейджанскихъ поэтовъ и на высотахъ шушинскихъ горъ заводится гнѣздо для поэтовъ высокаго полета. Среди нихъ первое и выдающееся положеніе занимаетъ безспорно Касумъ-бекъ-Закиръ. Жаль, что въ точности нельзя установить, когда родился и умеръ этотъ замѣчательный поэтъ; но достовѣрно извѣстно, что онъ былъ современникомъ корифеевъ русской литературы,—Пушкина, Бѣлинскаго, Лермонтова и друг. Закиръ былъ потомокъ извѣстнаго Панахъ-хана, основателя города Шуши. Родился онъ въ Шушѣ, гдѣ и получилъ свое персидско-татарское образованіе въ одномъ изъ мѣстныхъ мектебовъ. По окончаніи курса ученія въ немъ, онъ поселился въ своемъ имѣніи, въ сел. Хинзирстанѣ, гдѣ онъ занимался хозяйствомъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія враги Закира обвиняли его въ укрывательствѣ знаменитаго разбойника Бехбуда, который приходился племянникомъ поэту. Несмотря на то, что эта была клевета на Закира, далекаго отъ всякаго рода незаконностей, представители мѣстной судебной и административной властей, введенные въ заблужденіе наговорами его недоброжелателей, приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь какъ самого поэта, такъ и сына его Наджафъ-Кули-бека и племянника Искандеръ-бека. Женъ и дѣтей ихъ заключили въ шушинскую тюрьму, имущество же движимое и недвижимое конфисковали. Это обстоятельство подѣйствовало на душу поэта потрясающимъ образомъ. По этому поводу онъ написалъ своему покровителю и другу бакинскому губернатору Кулебякину слѣдующія слова:

Въ твое отсутствіе, о таджъ-саръ! [1])
Постигло Закира великое несчастье.
Его, восьмидесятилѣтняго старца,
Обвиняли въ дружбѣ съ разбойникомъ!

По правдивости и кротости
Его считали всѣ пророкомъ.
По уму и разсудительности
Онъ славился во всемъ Джеваншірѣ.

Его не боялись на поляхъ
Свободно пасущіеся джейраны.
Нынѣ по милости двухъ злодѣевъ
Его уличаютъ въ дружбѣ съ волками!...

Далѣе Закиръ проситъ его помочь ему въ несчастьи и не оставить его безъ милостиваго вниманія. Благодаря Кулебякину, Мирза-Фатали Ахундову и нѣкоторымъ вліятельнымъ князямъ грузинскимъ, которые лично знали поэта, Закира скоро освободили изъ тюрьмы; ему пришлось всего перенести три мѣсяца заключенія въ Баку. Вскорѣ, по возвращеніи его изъ Баку на родину, освободили и дѣтей его изъ заключенія. Своихъ враговъ, содѣйствовавшихъ его ложному обвиненію въ глазахъ власти, Закиръ клеймилъ такимъ позоромъ въ своихъ сочиненіяхъ, который наврядъ ли когда-нибудь забудется во всемъ Карабагѣ.

Въ своихъ письмахъ, являющихся образцами художественной литературы, къ Мирза-Фатали-Ахундову, Исмаилъ-беку Куткашинскому, Джафаръ-Кули-хану и губернатору Кулебякину, Закиръ представляетъ полную картину жизни современнаго ему общества. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ вошли въ „Сборникъ адербейджанскихъ поэтовъ“, изданный А. П. Берже въ Лейпцигѣ, и они, по справедливости говоря, составляютъ лучшую часть Сборника. Эти письма и теперь читаются и выучиваются наизусть всѣми грамотными татарами, которые вообще имѣютъ большую склонность къ чтенію поэтическихъ произведеній. Въ легкихъ простыхъ и изящныхъ стихахъ поэтъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и вѣрностью изображаетъ духъ своего народа, его понятіе, міровозрѣніе, привычки, вѣрованіе, отношеніе къ жизни, людямъ, его добродѣтель и пороки, его благородство и недостойныя черты характера. Онъ, какъ глашатай истины, какъ строгій проповѣдникъ, „въ глазахъ людей читаетъ страницы злобы и порока“. Онъ смѣло и открыто бичуетъ корыстолюбіе, лицемѣріе и невѣжество духовенства, грубость и жестокость бекскаго сословія, жадность и взяточничество чиновниковъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, являлись покровителями воровъ и разбойниковъ. Онъ не ща-

[1]) Любимый сынъ имама.
[2]) Тоже, что ноха.

[1]) Обращеніе къ высокопоставленнымъ лицамъ, „таджъ-саръ“, т. е. корона моей головы.

дитъ и купеческаго сословія, которое, пріобрѣвши себѣ почетный титулъ „гаджи“ и „мешеди“, безсовѣстно эксплоатировали простой народъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Мирзѣ-Фатали-Ахундову, поэтъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ, пишетъ [1]):

„Что ты, глупое сердце, погружено въ сонъ невѣдѣнія? открой глаза и смотри на чудное твореньe Божье. Не тебѣ же одному пережить мірскую скорбь, не тебѣ одному облачиться въ тогу печали. Посмотри на красавицу весну, посмотри, какъ пышенъ и богатъ ея подвѣнечный нарядъ! Вѣдь тебѣ всего то жить дней пять или шесть, не больше; потомъ сойдешь ты въ могилу, въ царство тьмы и страха, а на смѣну тебѣ придутъ другіе. Такъ пользуйся же жизнью, сумашедшій! Любуйся картинами садовъ и долинъ и наслаждайся всѣмъ тѣмъ, гдѣ и въ чемъ только можешь найти его. Скуку вращенія измѣнчивой судьбы уничтожаетъ вращеніе чаши вина, которую держитъ въ рукахъ красавецъ виночерпій. Если же ты такъ святъ, что не пьешь краснаго вина, то, по крайней мѣрѣ, посмотри, какъ пьютъ его другіе, и какъ краснѣютъ ихъ лица отъ него.

„Утренняя роса пропитана ароматомъ жасмина и розы; изъ садовъ и полей несется упоительный запахъ. Какіе чудные глаза у незабудки, какъ лукаво киваетъ головой макъ!

„Я знаю, ты больной и хилъ, ты совсѣмъ выбился изъ силъ; но ты собирайся духомъ и хоть на время старческими ногами дотащись до сада веселья. Смотри тамъ на радость красавицъ, на ихъ граціозный танецъ, послушай живое бурлыканіе вина, льющагося изъ узкаго горлышка кувшина, послушай очаровательное пѣніе сумасшедшаго соловья,—какое пріятное сливаніе голосовъ! Смотри, вонъ тамъ, пестрой толпой гуляютъ красавицы; онѣ украшаютъ свои вьющіяся локоны цвѣтами; послушай какъ звонко отдается ихъ смѣхъ... Я, право, готовъ отдать за такой смѣхъ свою душу. Повѣрь, о сердце! этихъ полей и луговъ, этихъ чудныхъ цвѣтовъ, по своему восхваляющихъ величіе и могущество Создателя, я не промѣняю за блаженство будущаго рая, а этихъ красавицъ—за его гурій.

„Ты хорошенько подумай: гдѣ великіе цари Ирана, гдѣ Джумшидъ, Фридунъ и Кавусъ, гдѣ знаменитый Захрабъ, Фарамерзъ и Тусъ, гдѣ величіе Искандера, гдѣ милліонеръ Дкянусъ? [2]) Жестокая судьба давно развѣяла ихъ прахъ по лицу земли. Благоразумно-ли послѣ этого положиться на сей тленный міръ? Если не сегодня, то, навѣрное завтра уйдешь и ты вслѣдъ за тѣми, которые жили раньше тебя. Вспомни сказаніе про Фахрада и Ширина, вспомни несчастную и полную скорби исторію Лейли и Меджнуна [3]), вспомни, какъ томились они въ разлукѣ и какъ печаленъ былъ ихъ конецъ!

„А вотъ посмотри, какъ пользуются жизнью окружающіе тебя люди, какъ они, забывъ Бога и стыдъ, ради нея (жизни) торгуютъ своей вѣрой и совѣстью. Съ кого бы начать? затрудняюсь! Начнемъ хоть съ отцовъ духовныхъ, съ благочестивыхъ муллъ и ванзовъ [4]). На берегу рѣчки, у холоднаго источника, въ тѣни, расположились они непринужденно. Справа отъ нихъ стоятъ бутылки, слѣва—кувшины съ виномъ; въ рукахъ у нихъ стаканы, а предъ ними на тарелкахъ—разныя закуски. Правда, заманчива жизнь этихъ чалманосцевъ? Ванзъ постоянно твердитъ намъ про свою святость, про шаріатъ пророка Магомета. Онъ посылаетъ угрозы всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ склонность къ хараму (запрещенному). Но самъ онъ въ удобныхъ случаяхъ поглащаетъ все безъ разбору. Какъ онъ безпощаденъ и строгъ по отношенію къ другимъ, какъ онъ либераленъ и небреженъ по отношенію къ самому себѣ! Какой святостью дышетъ его рѣчь, какъ омерзительно и пагубно его дѣяніе! Кто же въ наше время обращаетъ вниманіе на пророка и имамовъ, чьи сердца заняты вопросами религіи? Возможно ли водворить какой нибудь порядокъ въ этомъ Содомѣ? Посмотри, какимъ уваженіемъ пользуется красное вино въ Рамазанѣ [1]) и какія преступленія совершаются правовѣрными въ траурномъ мѣсяцѣ мохаррамѣ?

„Къ сельскому люду жадный купецъ пристаетъ какъ піявка; сладкими рѣчами и мольбами завлекаетъ несчастнаго въ свою лавку и изъ пяти аршинъ втрое дороже проданнаго товара крадетъ добрую половину при измѣреніи. Таковы наши купцы, пріобрѣвшіе званіе гаджи, такова ихъ торговля! Бакальщики на чашу вѣсовъ кладутъ свою совѣсть и вѣру, а кислый айранъ [2]) продаютъ по цѣнѣ меду. Когда же имъ указывать ихъ несправедливость, они на тебя бросаются, какъ бѣшенныя собаки. Башмачники—обшиваютъ свой костюмъ золотомъ и галунами, а въ карты пригоршнями проигрываютъ червонцы. Содержатели кухмистерской носятъ золотые часы; высокомѣрію и гордости ихъ нѣтъ границы. Базарники и квартальные надзиратели являются полновластными хозяевами города; они съ утра до вечера ходятъ по базару, ища себѣ добычу. Разбиваются лица, колотятся спины, клочьями взлетаютъ на воздухъ бороды почетныхъ горожанъ,—все это изъ за нѣсколькихъ тумановъ, которые въ темную ночь должны быть всунуты въ карманы блюстителей порядка. Жестокостямъ хановъ и ихъ дѣтей нѣтъ предѣла. Они своихъ крестьянъ поджариваютъ на вертелѣ въ огнѣ; они безнаказано отнимаютъ у нихъ женъ и дочерей, они свободно расхищаютъ ихъ имущество. Вотъ каковы наши хановичи! Отличаются ли они чѣмъ нибудь отъ хищныхъ звѣрей? Говорятъ, что по новому положенію, Высочайше утвержденному, беки должны обуздать свои страсти и измѣнить отношенія къ крестьянамъ. Не знаю, гдѣ-какъ, а у насъ злодѣянія ихъ увеличились еще больше. Впрочемъ, вѣдь для нѣкоторыхъ законъ не написанъ... Нѣтъ силъ перечислить всѣ существующіе въ вашемъ вилаятѣ безпорядки; въ нихъ принимаютъ участіе и мужчины и женщины, съ одинаковымъ усердіемъ старающіеся перещеголять другъ друга. О правосудіи и справедливости и помину нѣтъ: они мѣшаютъ людямъ жить... На старости лѣтъ твоего Закира оклеветали эти нечестивцы. Всѣ старанія его оправдать себя въ глазахъ власти остались тщетными. Посмотри, мой милый Мирза, какое несчастье обрушилось на твоего друга!...“

Среди многочисленныхъ и разнородныхъ произведеній Закира обращаютъ на себя вниманіе басни и сказки, написанныя имъ на живомъ народномъ языкѣ; нѣкоторыя изъ басенъ такъ хорошо написаны и содержатъ въ себѣ столько житейской правды, что могутъ сравняться съ баснями Ив. Ан. Крылова, которому, быть можетъ, татарскій поэтъ подражалъ. Жаль, что произведенія такого крупнаго поэта до сихъ поръ нигдѣ не изданы, если не считать тѣхъ немногихъ писемъ и лирическихъ стихотвореній его, которыя вошли въ „Сборникъ“ Берже. Полный Сборникъ всѣхъ его произведеній, написанныхъ рукой самого поэта, хранится у одного изъ его внуковъ, который, какъ мы слышали, хочетъ издать его въ близкомъ будущемъ. Другой Сборникъ всѣхъ произведеній Закира имѣется у сына покойнаго Мирза-Фатали-Ахундова, современника и друга поэта.

Заслуги М. Ф. Ахундова въ татарской литературѣ очень велики: онъ былъ и поэтомъ, и драматургомъ, и беллетристомъ, и историкомъ, и публицистомъ, и критикомъ. Родился онъ въ Нухѣ въ 1812 году; когда ему было 7 лѣтъ, онъ лишился своихъ родителей и воспитывался подъ надзоромъ дяди по матери—Ахунда-Гаджи-Али-

[1]) Чтобы полнѣе передать содержаніе письма, оно приводится здѣсь въ прозаическомъ переводѣ.

[2]) Имена персидскихъ царей и знатныхъ мужей.

[3]) Фахрадъ и Ширинъ—герой и героиня романа Низами, а Лейли и Меджнунъ—повѣсть Физули Вагдадскаго.

[4]) Пр)оповѣдникъ.

[1]) Названіе мѣсяца, когда мусульмане соблюдаютъ постъ.

[2]) Кислое молоко въ очень жидкомъ видѣ.

Аскера, который былъ однимъ изъ самыхъ ученыхъ духовныхъ лицъ своего времени. Подъ руководствомъ этого ученаго муллы Мирза Фатали получилъ солидное мусульманское образованіе, изучивъ основательно персидскій и арабскій языки, потому что дядя предназначалъ его къ духовному званію. Когда ему минуло 18 лѣтъ, то случайное знакомство въ гор. Елисаветполѣ съ извѣстнымъ Мирза-Шафи (какъ поэтъ и философъ Мирза Шафи извѣстенъ даже въ Европѣ, особенно въ Германіи, гдѣ Баденштейномъ изданъ Сборникъ его стихотвореній), произвело переворотъ въ мысляхъ Ахундова. Послѣ этого, онъ рѣшился поступить не въ духовное званіе, а на службу. Для подготовки къ ней онъ поступилъ въ только что открывшееся нухинское уѣздное училище, гдѣ пробылъ до 22-лѣтняго возраста. Къ тому же времени возвратился изъ второй поѣздки въ Мекку дядя его Ахундъ-Гаджи-Али-Аскеръ. Тогда племянникъ присталъ къ нему, чтобы тотъ его опредѣлилъ во чтобы-то ни стало на службу. Съ этою цѣлью они пріѣхали въ Тифлисъ и обратились съ прошеніемъ къ тогдашнему главноуправляющему Грузіей барону Розену. Послѣ надлежащаго испытанія баронъ Розенъ, не долго колеблясь, принялъ Мирзу Фатима на службу въ качествѣ письменнаго переводчика восточныхъ языковъ. Съ тѣхъ поръ (это было въ 1834 году) до самой смерти онъ оставался на службѣ. Свободное отъ служебныхъ занятій время Мирза посвящалъ главнымъ образомъ чтенію русскихъ книгъ, благодаря чему онъ успѣлъ расширить кругъ своихъ познаній по исторіи, философіи и политическимъ наукамъ на столько, что смѣло могъ считаться самымъ образованнымъ мусульманиномъ своего времени среди кавказцевъ, кромѣ того, что онъ былъ отличнымъ знатокомъ восточныхъ языковъ. На службѣ Мирза Фатали дожилъ до чина полковника и былъ кавалеромъ многихъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ; участвовалъ въ нѣкоторыхъ экспедиціяхъ противъ непріятелей и имѣлъ нѣсколько важныхъ порученій. Скончался Ахундовъ въ Тифлисѣ послѣ тяжкой болѣзни въ 1878 г. 28 февраля на 66 году жизни.

Переходя къ литературной дѣятельности Ахундова, слѣдуетъ замѣтить, что развитію его духовныхъ силъ и творческаго таланта много способствовалъ тотъ просвѣщенный кругъ людей, среди которыхъ онъ жилъ долгое время. Въ молодости онъ написалъ много стихотвореній на персидскомъ и татарскомъ языкахъ. Изъ русскихъ поэтовъ онъ особенно почиталъ Пушкина, Гоголя и Грибоѣдова. Смерть Пушкина произвела на Ахундова сильное впечатлѣніе, и онъ по поводу этого печальнаго извѣстія написалъ прочувствованное стихотвореніе, которое переведено на русскій языкъ Марлинскимъ. Будучи самымъ даровитымъ и просвѣщеннымъ мусульманиномъ своего времени, Ахундовъ являлся лучшимъ проводникомъ гуманныхъ идей среди закавказскихъ мусульманъ. Онъ познакомилъ своихъ друзей,—Закира, Баба-бека и другихъ адербейджанскихъ поэтовъ съ произведеніями русскихъ писателей и этимъ путемъ расширилъ кругъ ихъ свѣдѣній. Благодаря его вліянію Закиръ, немного позднѣе Гаджи-Сеидъ-Азимъ работаютъ въ новомъ освѣжающемъ направленіи. Въ ихъ сочиненіяхъ замѣтно, если не органическое, то все же очень тѣсное соединеніе и примиреніе русскихъ гуманизирующихъ идей и народныхъ мусульманскихъ чувствъ и стремленій. Такъ, напр., въ своихъ письмахъ къ Кулебякину и самому Ахундову Закиръ весьма сочувственно относится къ безмятежной жизни и доброму характеру русскаго народа, высказывая искреннее уваженіе къ его образованности и воинской отвагѣ.

Главная заслуга Ахундова заключается въ его безсмертныхъ комедіяхъ, къ сочиненію которыхъ онъ приступилъ въ 1850 г.; этому много способствовало то вниманіе и сочувствіе, которое оказывалъ кн. Воронцовъ вообще театральному дѣлу. Имъ написаны шесть комедій и всѣ они вмѣстѣ съ одной повѣстью изданы въ 1859 году; русскій же переводъ этихъ комедій былъ еще раньше изданъ, а именно въ 1858 году.

Комедіи М. Ф. Ахундова, какъ рефлекторъ, отражаютъ жизнь закавказскихъ татаръ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Обладая несомнѣннымъ талантомъ и будучи хорошо знакомъ съ народомъ, Ахундовъ съ замѣчательной вѣрностью и искусствомъ изображаетъ различныя стороны его быта. Написаны онѣ живымъ, бойкимъ и хорошо обработаннымъ языкомъ адербейджанскаго нарѣчія. Благодаря этой живости и простотѣ языка, полнотѣ и жизненности содержанія, онѣ сдѣлались достояніемъ всей грамотной публики, всѣми читаются съ большимъ интересомъ и каждая изъ нихъ многократно ставилась любителями на сценѣ во всѣхъ почти городахъ Закавказья и даже въ Персіи.

Кромѣ комедій М. Ф. Ахундовъ написалъ повѣсть на татарскомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Обманутыя звѣзды* [1]). Въ ней авторъ мастерски изображаетъ жизнь высшихъ сановниковъ и визирей персидскаго двора временъ сафавидовъ; всѣ они являются людьми суевѣрными, недалекаго ума и ограниченныхъ понятій. Рѣчи ихъ на чрезвычайномъ собраніи поражаютъ своей наивностью, въ тоже время онѣ очень характерны. Изъ этихъ рѣчей можно заключить, что всѣ мысли и дѣла этихъ государственныхъ мужей направлены не къ благоустройству, а къ упадку и разоренію „золотой Персіи".

Ахундовымъ написано также нѣсколько критическихъ сочиненій на персидскомъ языкѣ (совершенно новый родъ литературы на Востокѣ). Какъ лучшій знатокъ восточныхъ языковъ, Ахундовъ первый поднялъ вопросъ о необходимости *измѣненія арабской азбуки* ради облегченія чтенія и тѣмъ быстраго распространенія грамотности среди мусульманъ. Онъ написалъ о недостаткахъ этой азбуки брошюру на персидскомъ языкѣ и послалъ ее въ Тегеранъ на разсмотрѣніе и одобреніе персидскаго правительства; вмѣстѣ съ нею онъ послалъ туда и свою усовершенствованную азбуку, составленную имъ взамѣнъ старой арабской. Но консервативные и завистливые сановники персидскаго двора не обратили должнаго вниманія на просвѣщенный трудъ Ахундова, и просьба его о принятіи его азбуки осталась безъ удовлетворенія. (Нѣсколько позднѣе такая же участь постигла и новую азбуку Мирза-Риза-хана, нынѣшняго персидскаго посла въ Константинополѣ). И въ Константинополѣ успѣху азбуки М. Ф. Ахундова, ѣздившаго туда спеціально для этой цѣли, главнымъ образомъ, помѣшалъ тогдашній персидскій посолъ. Несмотря на всѣ старанія его, рутина взяла свое. Ахундовъ трудился на этомъ поприщѣ 20 слишкомъ лѣтъ! Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ, какъ разочарованный и обманутый Солтанъ-Махмудомъ поэтъ Фирдуси, осмѣиваетъ зависть, корыстолюбіе, невѣжество и тупоуміе придворныхъ сановниковъ и визирей шаха.

Говоря о постепенномъ развитіи литературы закавказскихъ татаръ адербейджанцевъ, нельзя не указать на то благотворное вліяніе, какое оказала на нее издававшееся въ концѣ 70-хъ годовъ въ Баку татарская газета *Экинчи* (пахарь). Редакторовалъ газету Гасанъ-бекъ-Меликовъ, человѣкъ просвѣщенный, получившій высшее образованіе и учительствовавшій тогда въ бакинскомъ реальномъ училищѣ. Главная цѣль газеты, судя по преобладающему количеству помѣщенныхъ въ ней статей въ теченіе трехъ лѣтъ [2]), состояла въ распространеніи среди татарскаго населенія края полезныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній какъ практическихъ, такъ и теоретическихъ. Г. Меликовъ, какъ хорошій спеціалистъ по агрономіи и знатокъ татарскаго языка, въ каждомъ номерѣ своей газеты печаталъ весьма полезныя статьи по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; при этомъ онъ обнаруживалъ рѣдкія способности къ популяризаціи научныхъ свѣдѣній,

[1]) Нашъ переводъ этой повѣсти на русскій языкъ напечатанъ въ майской книжкѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ", за 1901 г.

[2]) Изданіе „Экинчи" началось въ 1875 году, прекратилось оно въ концѣ 1877 года.

излагая ихъ въ доступной литературной формѣ на простомъ и понятномъ языкѣ. Эти статьи, и доселѣ не утратившія своего значенія, могли бы принести большую пользу земледѣльческому населенію края, если ихъ издать въ надлежащей системѣ отдѣльными брошюрами. Главными сотрудниками редактора „Экинчи" были его же ученики—Аскеръ-ага Адигезаловъ, нынѣ товар. прокурора тифлисской судебной палаты, Керимъ-бекъ Мехмандаровъ,—шушинскій уѣздный врачъ, Наджафъ-бекъ Везировъ, бывшій делижанскій лѣсничій и нѣкоторые другіе образованные люди. Эти молодые люди, слушая лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, писали интересныя статьи изъ Москвы и Петербурга по научнымъ и литературнымъ отдѣламъ.

Ожесточенную борьбу ведетъ Шемахинскій поэтъ Гаджи-Сеидъ-Азимъ съ духовенствомъ, обличая ихъ въ умышленномъ распространеніи фанатизма и суевѣрныхъ понятій среди простого довѣрчиваго народа. Стихами, какъ бы вылитыми изъ стали и исходящими изъ глубины сердца, онъ разбиваетъ въ прахъ лжеученіе ванзовъ и ахундовъ, такъ безцеремонно коверкающихъ, ради личныхъ интересовъ, смыслъ ученія корана и установленнаго пророкомъ шаріата. Въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ своего учителя—Закира Карабахскаго, который, какъ было сказано выше, тоже не давалъ пощады лицемѣрнымъ и фанатичнымъ муллamъ при видѣ ихъ возмутительныхъ дѣяній.

Въ рядѣ блестящихъ стихотвореній Гаджи-Сеидъ-Азимъ даетъ своему любимому сыну Джафару добрыя отцовскія наставленія, подтверждая каждое изъ нихъ поучительными примѣрами изъ жизни праведныхъ людей. Въ этихъ наставленіяхъ, полныхъ глубокаго смысла, житейской правды, остроумія и находчивости, поэтъ въ лицѣ своего сына читаетъ нотаціи какъ бы всѣмъ своимъ читателямъ. И, дѣйствительно, въ нихъ столько правды, искренности и сердечной ласковости, что читатель съ первыхъ же стиховъ чувствуетъ себя подъ обаятельнымъ вліяніемъ этихъ рѣчей; нѣкоторые изъ нихъ до того проникнуты высокимъ чувствомъ гуманности и любви къ человѣку, что удивляешься широтѣ взглядовъ простого шемахинскаго сеида, нигдѣ не получившаго европейскаго образованія. Въ одномъ мѣстѣ, напр., онъ обращается къ сыну съ такими словами: „О бутонъ моей розы, о пріятно поющій соловей моихъ садовъ, мой милый Джафаръ! Дарованіемъ тебя милостивый Богъ обрадовалъ душу мою и зажегъ въ ней неугасаемый свѣтильникъ любви. Въ настоящее время тебѣ исполнилось 15 лѣтъ. Въ теченіе этого времени я занятъ былъ твоимъ воспитаніемъ. Теперь, слава Аллаху, ты достигъ зрѣлаго возраста и болѣе уже не нуждаешься въ уходѣ моемъ. Отнынѣ ты самостоятельный человѣкъ... Сынъ мой, твой умъ—пророкъ твой, слѣдуй ему, учись у него правиламъ жизни. Я не требую, чтобы ты шелъ по дорогѣ отцовъ твоихъ, я прошу тебя, шествуй по той стезѣ, какую укажетъ тебѣ твой здравый смыслъ; подружись ты съ нимъ, это лучшій спутникъ. Жизнь отца твоего не можетъ служить примѣромъ для тебя, лучше всего—возьми примѣръ сына Азара [1]). Не говорю тебѣ, чтобы ты былъ мусульманиномъ или христіаниномъ, но говорю тебѣ чтобы, ты, какую бы религію не исповѣдывалъ, былъ *человѣкомъ*. Не говорю чтобы ты былъ суннитомъ или шіитомъ—это вѣдь все равно!—но говорю имѣй *душу человѣческую*. Не требую чтобы ты былъ шейхидомъ или бабидомъ [2]), но убѣдительнѣйше прошу тебя о томъ, чтобы ты не сдѣлался жуликомъ и пройдохой!" Далѣе поэтъ говоритъ. „О, свѣтъ моихъ очей, мой любезный сынъ! люби родину свою—Ширванъ; на лонѣ его ты выросъ и воспитывался. Онъ по красотѣ и поэтичности считается второмъ Испаганомъ [1]). Вліяніе его почвы и климата до того плодотворно и живительно, что оно и камни приводитъ въ чувство. Просвѣщеніе не покинуло этого прелестнаго уголка и послѣ постигшаго его несчастья, послѣ страшнаго землетрясенія. Правосудный великій царь русской земли—да будетъ надъ нимъ благословенье Божье!—вновь оживилъ его своими милостями и щедрыми пожертвованіями. Онъ открылъ въ Ширванѣ много школъ и этимъ далъ доступъ всѣмъ получить образованіе. Въ этихъ школахъ проходятъ разныя науки и изучаются языки. Сынъ мой! развѣ ты сомнѣваешься въ томъ, что безграмотный человѣкъ—все тоже, что тупое четвероногое созданіе. Въ священномъ коранѣ сказано ясно: „могутъ ли сравниваться незнающіе съ знающими?" Богъ намъ открылъ въ другомъ мѣстѣ корана, что разныя нарѣчія—суть дары Его. Выводъ отсюда такой: кто знаетъ одинъ языкъ, тотъ обладаетъ лишь однимъ даромъ Бога; кто знаетъ два—обладаетъ двумя, три—тремя дарами. Сынъ мой, не лучше ли тебѣ стремиться къ тому, чтобы обладать какъ можно большимъ количествомъ даровъ Всевышняго, т. е. знать по больше языковъ. Въ особенности старайся изучить русскій языкъ,—въ немъ особенно нуждаемся мы. И въ священномъ шаріатѣ не говорится, что кромѣ языка арабскаго—остальные никуда не годны. Вѣдь самъ Богъ не арабъ и не русъ (русскій), не французъ и не нѣмецъ; онъ также не индѣецъ и не грекъ. Вѣдь Аллахъ, Богъ и Худа [2]) выражаютъ одно и тоже понятіе о Всемогущемъ Создателѣ, неужели ты будешь отрицать эту истину? И такъ, сынъ мой, обогащай себя знаніями разныхъ языковъ, просвѣщай свой умъ науками и будь увѣренъ, что это—лучшее украшеніе человѣка."

Нѣкоторыя наставленія Гаджи-Сеидъ-Азима въ одно время печатались съ переводомъ на русскій языкъ въ Бахчисарской газетѣ *Терджиманъ*, которая съ большимъ усердіемъ и нынѣ работаетъ въ пользу просвѣщенія русскихъ мусульманъ.

Въ краткой автобіографіи, вошедшей въ сборникъ произведеній Гаджи-Сеидъ-Азима, поэтъ даетъ, между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія о себѣ. Когда достигъ я 14 лѣтняго возраста, сталъ помышлять о чудесахъ Божьяго міра, о путешествіи и о пріобрѣтеніи знаній. О богатствѣ же я совсѣмъ не думалъ. Для достиженія своихъ цѣлей пустился я путешествовать по разнымъ странамъ, и мѣстопребываніемъ моимъ были то Дамаскъ и Египетъ, то Багдадъ и священный Ятребъ (Медина). Въ этихъ странахъ я изучилъ разныя науки, какъ богословскія, такъ и свѣтскія. Но темный народъ не придавалъ никакого значенія моей учености, и бесѣды мои о различныхъ явленіяхъ природы и о томъ, какъ надо жить на этомъ свѣтѣ, стали называть пустыми бреднями. Въ какой меджлисъ (собраніе) я ни являлся, доброжелатели мои они же и враги, стали перешептываться между собою, указывая на меня, „вотъ идетъ Гаджи-Сеидъ-Азимъ Ширванскій, говорили они, по истинѣ онъ отецъ лжи, источникъ безумія и сочинитель глупостей. Онъ хочетъ увѣрить насъ въ томъ, что будто наша земля не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а двигается, что землетрясеніе происходитъ отъ какихъ то газовъ, въ ней самой таящихся. Онъ отрицаетъ существованіе седьмого неба и небесный сводъ называетъ воздушнымъ пространствомъ. Онъ твердитъ, что вода съ лица земли въ видѣ какихъ то паровъ поднимается на воздухъ и что эти пары, вновь обратившись въ воду, падаютъ въ видѣ дождя. О, Боже, въ какомъ глубокомъ онъ заблужденіи! Онъ не мусульманинъ, а настоящій кяфиръ, проповѣдующій по внушенію дьявола новое, противное исламу ученіе."

Умеръ Гаджи-Сеидъ-Азимъ въ Шемахѣ въ 1893 г. какою то загадочною и до селѣ необъяснимою смертью. Въ числѣ множества причинъ, имѣвшихъ прямое или

---

[1]) Указаніе на патріарха Аврама, который, какъ извѣстно изъ свящ. исторіи, не принялъ вѣры своего Азара, который былъ идолопоклонникомъ и провозгласилъ вѣру въ Единаго Бога.

[2]) Шейхады и бабиды—мусульманскіе сектанты.

[1]) Богатый и живописный городъ въ Персіи. Прежде, въ царствованіе династіи Сафавюдовъ, онъ былъ столичнымъ городомъ.

[2]) Худа—по персидски—Богъ.

косвенное отношеніе къ смерти поэта, упорно указывается и на то, что она послѣдовала отъ неосторожнаго обращенія съ нимъ грубой черни, которую неоднократно возбуждало противъ него враждебно относившееся къ нему мѣстное духовенство. Говорятъ, что его будто задавила толпа народа во время выхода изъ мечети. Насколько вѣренъ этотъ таинственный слухъ, такъ сильно компроментирующій представителей религіи и проповѣдниковъ любви къ человѣку, вѣдаетъ одинъ Аллахъ, но не подлежитъ сомнѣнію та истина, что между ними и поэтомъ, обличавшимъ ихъ темныя дѣла при всякомъ удобномъ случаѣ, была объявлена война не на животъ, а на смерть. Ко всему сказанному о Гаджи-Сеидъ-Азимѣ нужно добавить, что его никогда не покидало творческое настроеніе; вдохновеніе было постояннымъ и неотлучнымъ его спутникомъ. Онъ, какъ Пушкинское эхо, на всѣ житейскія явленія и вопросы отвѣчалъ очень быстро. Талантъ его былъ свободенъ и могучъ. Иногда онъ въ кругу своихъ друзей импровизировалъ цѣлую поэму. Какъ на особое достоинство поэта, можно указать и на то, что онъ, не смотря на свою ученость, долголѣтнее странствованіе по востоку,—именно въ Турціи, Аравіи и Персіи, гдѣ онъ больше другихъ могъ бы набраться чужеземнаго вліянія въ сочинительскомъ искусствѣ, сохранилъ большую самостоятельность и оригинальность въ своихъ произведеніяхъ. Всѣ они отличаются ясностью изложенія и оригинальной художественностью. Стихи его плавны, благозвучны и граціозны. Его стилю чужды разныя витіеватости и вычурныя выраженія. Изображаемая имъ картина, будь она взята изъ жизни или природы, поражаетъ своей полнотой, правдивостью и изяществомъ. Такъ смѣло и правдиво можетъ писать только рѣдкій поэтъ,—обладающій свободнымъ и богато одареннымъ талантомъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ Гаджи-Сеидъ-Азимъ.

Гаджи также много содѣйствовалъ своими сочиненіями примиренію и духовному сближенію двухъ враждебно настроенныхъ другъ противъ друга сунитовъ и шіитовъ. Разсказывая въ шуточномъ тонѣ разныя наивнаго характера инциденты, которые нерѣдко происходятъ между суннитомъ и шіитомъ, поэтъ весьма умѣло и мѣтко подчеркиваетъ тѣ маловажныя различія, какія существуютъ въ религіозныхъ понятіяхъ спорящихъ, а иногда и ссорящихся сторонъ, и вмѣстѣ съ своими читателями отъ души смѣется надъ смѣшнымъ положеніемъ фанатическихъ представителей обѣихъ ученій.

Шестидесятые годы прошлаго столѣтія и въ исторіи развитія татарской литературы являются самымъ плодотворнымъ и счастливымъ періодомъ. Во многихъ городахъ Закавказья существовали тогда литературные кружки, носившіе разныя поэтическія названія въ родѣ „Бейти Сафа“ (домъ поэзіи); „Бейти Хамушъ“ (домъ молчанія или внутренняго міросозерцанія), „Дарис-сируръ“ (уголокъ радости) и т. п. Между отдѣльными кружками существовала дружеская связь, поддерживаемая переписками. Представителями этихъ кружковъ были: Въ Шушѣ—Абдула-бекъ-Аси, въ Шемахѣ—Гаджи-Сеидъ-Азимъ, въ Елисаветполѣ—Молла-Мехти-Наджи, въ Эривани—Мирза-Исмаилъ-Базми, въ Казахѣ—Кязумъ-бекъ-Саликъ. Особеннымъ почетомъ и славой пользовались карабагскіе поэты, которые, какъ могучіе орлы, свивъ себѣ гнѣздо на поэтической вершинѣ Шушинскихъ скалъ, съ высоты своего положенія задавали тонъ всѣмъ остальнымъ служителямъ поэзіи. Къ нимъ посылались на исправленіе и оцѣнку поэтическія произведенія изъ разныхъ мѣстъ и всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за тѣмъ, какой отзывъ дастъ по поводу того или другого произведенія знаменитый Аси. Молодой красивый и въ высшей степени даровитый поэтъ Абдулла-бекъ-Аси, какъ метеоръ, пронесся по горизонту адербейджанскихъ поэтовъ, озаривъ его ослѣпительнымъ блескомъ своего могучаго таланта. Пылкій, воспріимчивый, чрезвычайно живой и впечатительный, онъ съ раннихъ лѣтъ слишкомъ увлекался минутными наслажденіями, безразсудно предаваясь прожиганію жизни въ кругу молодыхъ своихъ собутыльниковъ. Воспѣвая въ чудныхъ стихахъ, подобно хаяйми, вино, веселье и любовь ставитъ ихъ выше всѣхъ даровъ природы. „Какъ не пить вина—восклицаетъ поэтъ—эпикуреецъ,—въ одномъ стихотвореніи—когда оно проясняетъ сознаніе лучше проповѣдей ваиза, наполняетъ душу благороднымъ порывомъ и поднимаетъ ее въ небесную даль къ самому Богу. Какъ не пить его, когда чудный цвѣтъ и упоительный ароматъ его имѣютъ такую же магическую силу, какой обладаютъ розовыя уста моей божественной пери!“ Но Абдулла-бекъ послѣ безумно проведенныхъ ночей и усерднаго возліянія въ честь Бахуса на веселомъ пиру обыкновенно впадалъ въ унынie и гнетущая его душу скорбь доводила его до отчаянія. Сердце поэта, омраченное постыдными дѣяніями, готово было разбиться на части. Въ такія минуты онъ считалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ и называлъ себя „Аси“, что значитъ грѣшный. Для облегченія сердечныхъ болей, онъ въ этомъ состояніи души излагалъ ноха въ честь имама Гусейна.

Слѣдуетъ однако замѣтить, что вопли раскаянія не есть постоянное явленіе въ основныхъ мотивахъ поэзіи Аси; они скоро замѣнялись его радостными возгласами, призывающими друзей поднять бокалъ въ честь забытаго „Пири могана[1]). Представители современнаго Аси общества и мѣстное духовенство, возмутившись поступкомъ Абдулла-бека, такъ смѣло м открыто нарушавшаго одно изъ важнѣйшихъ постановленій корана, однажды привели поэта въ мечеть и заставили его клясться на священномъ коранѣ, что онъ отнынѣ откажется отъ употребленія вина, какъ отъ гнуснаго соблазна сатаны. Это обстоятельство, вовсе не изъ ряда выходящее въ мусульманскомъ мірѣ, когда общество, подкрѣпленное вмѣшательствомъ духовенства, принимаетъ на себя неограниченное уполномочіе въ вопросахъ религіи, сильно подѣйствовало на друзей поэта. По этому случаю шемахинскіе поэты, опечаленные постигшимъ Аси, царя поэтовъ, прискорбнымъ случаемъ, послали ему одно большое стихотвореніе, въ которомъ между прочимъ говорится: „Да обратятся въ мечети всѣ винные погреба, да разобьются всѣ сосуды, содержащіе вино. Да опрокинется твоя чаша, о виночерпій! и розовое вино твое превратится въ алую кровь за то, что нашъ другъ и любимецъ, несчастный Аси получилъ въ Шушѣ запретъ отъ вина“! На это посланіе Аси написалъ чудный отвѣтъ на джагатайскомъ языкѣ; въ немъ поэтъ указываетъ своимъ друзьямъ на другой свѣтлый и неизсякаемый источникъ, изъ котораго они должны черпать пищу для своего вдохновенія,—это источникъ вѣры въ добро и истину, источникъ любви къ Единому Богу, во власти котораго судьба человѣка. Изъ этого источника напились великіе пророки Моисей, Іисусъ и Магометъ и всѣ они послѣ этого поднялись на высоту, гдѣ находится жилище солнца“.

Послѣ Гаджи-Сеидъ-Азима Ширванскаго и Абдула-бека-Аси, который умеръ совершенно молодымъ человѣкомъ въ 1876 году (годъ его рожденія точно неизвѣстенъ) татарская литература, лишившись въ ихъ лицѣ лучшихъ представителей своихъ идеально-романтическаго направленія, принимаетъ совершенно другой характеръ. Поэзія и стихотворная форма рѣчи начинаетъ уступать произведеніямъ прозаическимъ—комедіи, трагедіи, повѣсти и роману; вмѣсто стихотвореній пишутся басни и сказки для дѣтей.

Представителями новаго направленія являются, главнымъ образомъ, молодые люди, получившіе помимо восточнаго и русское образованіе въ правительственныхъ училищахъ,—среднихъ и высшихъ. Одни изъ нихъ заняты составленіемъ учебниковъ, другіе—переводами изъ русской литературы, третьи пробуютъ свои силы на повѣ-

[1]) Почтенный тамада, вдохновитель веселой компаніи и опытный руководитель поклонниковъ вина.

стяхъ и романахъ, четвертые посвятили себя драматической литературѣ и т. д.

Не вдаваясь въ подробный разборъ сочиненій современныхъ труженниковъ на литературномъ поприщѣ, ограничимся лишь краткимъ перечнемъ наиболѣе цѣнныхъ произведеній, съ указаніемъ ихъ авторовъ. Начнемъ съ учебниковъ. Первый учебникъ первоначальнаго обученія письму и чтенію по звуковому методу составленъ въ 1882 г. Л. О. Чернявскимъ, бывшимъ инспекторомъ татарскаго отдѣленія Зак. учит. семинаріи въ Гори. Учебникъ этотъ называется *Ватанъ дили* (родная рѣчь) и имѣетъ большое распространеніе въ татарскихъ школахъ; къ нему авторъ составилъ руководство для учителей. Вторая часть этого учебника составлена тѣмъ же авторомъ при сотрудничествѣ бывшаго учителя татарскаго языка при отдѣленіи нач. училища Сафаръ-Алибека Велибекова. Эта книжка предназначена для второго и третьяго года обученія и составлена по образцу Роднаго Слова II ч. Ушинскаго. Эти учебники создали цѣлую реформу въ татарскихъ мектебахъ, гдѣ до нихъ преподаваніе велось по старинному буквослагательному способу по персидскимъ букварямъ (чарака). Вслѣдъ за ними обращаютъ на себя вниманіе учебники по мусульманскому вѣроученію и священной исторіи почтеннаго закавказскаго Шейхуль-ислама-Молла-Абдуссалама Ахундзаде. До появленія его *Умдатиль Эхкяма, Зубдатиль Эхкяма* и *Горихи Мукаддаса* (основы религіи, обряды религіи и свящ. исторія) преподаваніе мусульманскаго закона Божія въ настоящемъ видѣ не существовало ни въ нашихъ мектебахъ, ни въ тѣхъ правительственныхъ школахъ, гдѣ оно стоитъ въ числѣ обязательныхъ предметовъ. Мулла сообщалъ кое-какія свѣдѣнія о догматахъ религіи, о днѣ страшнаго суда и затѣмъ заставлялъ учениковъ читать коранъ, не понимая, конечно, его значенія. Въ книгахъ г. Ахундзаде всѣ догматическія и исполнительныя или обрядовыя части религіи изложены въ надлежащей системѣ съ соблюденіемъ дидактическаго требованія педагогики, итти отъ легкаго къ трудному, отъ близкаго къ отдаленному. Къ арабскимъ текстамъ молитвъ приложены переводы на татарскомъ языкѣ и нужныя объясненія. Священная исторія, о которой въ нашихъ мектебахъ прежде не имѣли понятія, теперь является самымъ распространеннымъ и уважаемымъ учебникомъ въ нихъ. Какъ она, такъ и всѣ остальныя книги г. Ахундзаде написаны хорошимъ языкомъ. Почтенный Шейхуль-исламъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ образователемъ изящнаго литературнаго языка. Его интересная брошюра „Лекарства отъ болѣзни невѣжества и способъ ихъ употребленія“, какъ по своему содержанію, такъ и по способу изложенія и изяществу слога—можетъ считаться лучшимъ образцомъ литературныхъ произведеній. Благодаря трудамъ г.г. Чернявскаго и Ахундзаде, можно сказать, что и у татаръ педагогическое дѣло поставлено на научную почву. *Ходжей сибянъ* (дѣтскій учитель) Исмаилъ б. Гаспринскаго и *Ушакъ бахчаси* (дѣтскій садъ) Рашидъ-бекъ Эфендіева являются тоже полезными учебными книгами. Оба учебника составлены съ большимъ пониманіемъ дѣла. Но „Ходжей Сибянъ“, будучи составленъ на нарѣчіи крымскихъ татаръ, въ Закавказьѣ не имѣетъ распространенія, расходясь въ большомъ количествѣ въ Крыму и среди татаръ внутреннихъ губерній Россіи. При несовершенствѣ татарской азбуки и отсутствіи надлежащаго числа гласныхъ буквъ, татарское правописаніе всегда страдало отсутствіемъ установленныхъ правилъ орѳографіи. Чтобы сколько нибудь упорядочить это дѣло и установить возможное единство въ правописаніи татарскаго языка, г. Н. Нариманов издалъ въ 1899 году въ Баку „Краткую татарско-адербейджанскую грамматику“, составленную имъ по образцу русской грамматики Л. Поливанова. Другой учебникъ по свящ. исторіи составленъ въ 1899 г. вѣроучителями татарскаго отдѣленія К. Э. Эфенди-Заде и Кочарлинскимъ съ переводомъ на русскій языкъ; переводъ сдѣланъ инспекторомъ отдѣленія г. Ю. А. Смирновымъ. Въ этомъ году вышли изъ печати двѣ татарскія христоматіи *Басиратиль эфталъ* (дѣтское мировоззрѣніе) Р. Эфендіева и *Хазаинуль эфталъ* М. С. Сеидова. Обѣ христоматіи предназначены для старшаго возраста и заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ какъ переводный, такъ и оригинальный Составлены онѣ толково и хорошо. Въ томъ же году изданъ въ Баку другой полный учебникъ татарско-адербейджанской грамматики; составитель учебника молодой учитель А. Ю. Талибзаде. Кромѣ этихъ учебниковъ, приносящихъ громадную пользу въ дѣлѣ распространенія грамотности среди Закавказскихъ татаръ, въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго вѣка издано еще нѣсколько полезныхъ учебниковъ по разнымъ предметамъ на адербейджанскомъ нарѣчіи татарскаго языка.

Переходя къ указанію другихъ видовъ литературныхъ произведеній, слѣдуетъ замѣтить, что татарскимъ литераторамъ переживаемой нами эпохи болѣе всего по вкусу пришлись произведенія драматическаго характера. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что этимъ видомъ литературныхъ произведеній полнѣе и ярче можно выставить на видъ существующіе въ обществѣ недостатки и пороки и путемъ постановки ихъ на сценѣ обращать на нихъ вниманіе публики. Мусульманская же жизнь для этого рода произведеній даетъ богатый и неистощимый матеріалъ. Въ преобладаніи комедій надъ другими родами литературныхъ произведеній безспорно замѣчается также вліяніе на молодыхъ писателей знаменитаго драматурга *Мирза-Фатали Ахундова*, отличавшагося замѣчательною способностью художественно отмѣчать комическія стороны жизни всѣхъ сословій своего народа. Его *Мастали шахъ* вызвалъ почти одновременно трехъ подражателей; но, какъ и слѣдовало ожидать, никто изъ нихъ не могъ выполнить задачи въ удовлетворительной степени. Типъ колдуна-дервиша, ловко и безнаказанно эксплоатирующаго и до сихъ поръ суевѣріе нашихъ темныхъ женщинъ, никѣмъ такъ полно, вѣрно и характеристично не обрисованъ, какъ изобразилъ его покойный Ахундовъ въ лицѣ своего „Мастали шаха“.

Представителями этого рода литературныхъ произведеній являются *Наджафъ-бекъ Везировъ, Наримань Нариманов, Гашимъ-бекъ Везировъ, Васакъ Мадатовъ* (армянинъ), *Абдурахманъ-бекъ Ахвердовъ, Сулейманъ Ахундовъ, Аскаръ-ага Адигезаловъ* и др. Каждый изъ нихъ, за исключеніемъ послѣдняго, написалъ по нѣсколько комедій. Наджафъ-бекъ же Везировъ считается самымъ плодотворнымъ драматическимъ писателемъ; имъ написано 7 комедій и нѣсколько водевилей.

Блестящій талантъ обнаруживаетъ въ своихъ комедіяхъ г. Н.-б. Везировъ; онъ мастерски изображаетъ различныя явленія изъ патріархальнаго быта помѣщичьяго сословія. Его комедіи „Существуетъ одно только имя“ и „Заднимъ умомъ крѣпокъ“ могутъ считаться въ этомъ отношеніи самыми удачными произведеніями. Вѣрную картину изъ жизни празднаго бекскаго сословія представляетъ въ своей „Разоренной семьѣ“, г. Аб.-б. Ахвердовъ. Въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ этой комедіи авторъ обнаруживаетъ большую наблюдательность и умѣніе вѣрно и живо передавать свои наблюденія. Но г. Ахвердовъ имѣетъ слабость вводить въ свои комедіи какихъ-то джиновъ (нечистыхъ духовъ) и тѣней умершихъ; этой манерой, на нашъ взглядъ заимствованной изъ произведеній другихъ народовъ, онъ значительно умаляетъ значеніе своихъ комедій. Какъ комедіи Н. Везирова, такъ и Ахвердова написаны языкомъ живымъ, но мало обработаннымъ.

Менѣе всего можетъ похвастаться татарская литература беллетристикой. Положительно нельзя указать на какой нибудь романъ, написанный на татарскомъ или персидскомъ языкахъ. Такая скудость въ литературѣ восточныхъ народовъ беллетристическихъ произведеній, по нашему мнѣнію, объясняется затворничествомъ женщинъ, лишенныхъ по своему положенію возможности имѣть вліяніе на жизнь и развитіе своего народа. Разъ

онѣ обречены на вѣчное рабство и лишены возможности играть роль въ жизни, то о нихъ, какъ свободныхъ людяхъ, героиняхъ извѣстныхъ идей, направленій, общественныхъ интересовъ, не можетъ быть рѣчи. А романъ, въ которомъ отсутствуетъ женщина, слѣдовательно, и любовь и неразучныя съ нею страданія и борьба двухъ началъ—добра и зла есть скучная матерія; такой романъ не можетъ имѣть на читателя благотворнаго вліянія, облагораживающаго и возвышающаго его душу. Поэтому нисколько не странно, что въ повѣсти г. Нариманова *Багатуръ ва Соня* въ роли героини выступаетъ не мусульманка, а армянка Сонія. Во второй же части романа г. Ганіева, „Письма Шейдабека" главнымъ дѣйствующимъ лицомъ изъ женскаго пола является русская интелигентная особа Софья Михайловна.

Неустанно и плодотворно работаетъ въ пользу родной литературы Султанъ Меджидъ Ганіевъ. Въ своихъ трудахъ онъ обнаруживаетъ богатый и всесторонне развитой талантъ. Онъ является и поэтомъ (въ сказкѣ „Тюльки ва Чакъ-Чакъ"), и романистомъ (въ „Письмахъ Шейдабека" и „Божьемъ Правосудіи") и толковымъ переводчикомъ (въ „Первомъ винокурѣ") и хорошимъ знатокомъ языковъ (въ „Тюрко-татарскомъ словарѣ" и „Самоучителяхъ русскаго и татарскаго языковъ"). Рѣчь его образна, цвѣтиста и мѣстами усѣяна блестками восточнаго мѣткаго остроумія, но она не вездѣ ясна и точна.

Говоря о переводныхъ сочиненіяхъ изъ русской и иностранной литературы, нельзя не отмѣтить что и въ этой области пока сдѣлано очень мало.

Сдѣланы переводы изъ произведеній слѣдующихъ писателей и поэтовъ:

Изъ Пушкина: Повѣсти „Дубровскій" и „Барышня—крестьянка",—М. Г. Эфендіевымъ; „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ„—Ф. Кочарлинскимъ; „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ"—имъ же. Много мелкихъ стихотвореній Ахмедъ бекомъ Джеванширъ.

Изъ Лермонтова: „Мцыри", „Споръ", „Три Пальмы", „Дары Терека", „Хаджи Абрекъ" и много мелк. стихотвореній А. Б. Джеванширъ; „Воздушный корабль" Аск. Ага Адигезаловымъ.

Изъ Гоголя: „Ревизоръ"—Н. Наримановымъ.

Изъ Л Н. Толстого: „Первый винокуръ"—С. М. Ганіевымъ и „О вредѣ табака и вина" Ф. Кочарлинскимъ.

Изъ Жуковскаго: „Спящая царевна", „Лѣтній вечеръ" и много др. стихотвореній А. Б. Джеванширъ.

Изъ Крылова: много басенъ ханъ Карадагскимъ и Р. Б. Эфендіевымъ.

Изъ иностранной литературы переведена только одна трагедія Шекспира „Отелло"—Гашимъ-бекомъ Везировымъ и „Геній рода" Шопенгауэра Ф. Кочарлинскимъ.

Заканчивая свой обзоръ татарской литературы, пока очень небогатой цѣнными произведеніями, какъ оригинальными, такъ и переводными, считаемъ нужнымъ отмѣтить, что ея развитію много препятствуетъ несовершенство употребляемой въ мусульманскомъ мірѣ арабской азбуки; являясь орудіемъ для передачи мысли, для выраженія силы генія своего народа, она далеко не удовлетворяетъ своему назначенію. Вопросъ этотъ, поднятый еще покойнымъ Мирза Фатали Ахундовымъ, въ настоящее время горячо обсуждается интеллигентнымъ слоемъ мусульманскаго общества и нѣкоторые, взамѣнъ арабской азбуки, предлагаютъ свои вновь составленныя, усовершенствованныя письма.

Фридунъ-бекъ Кочарлинскій.

Что ты плачешь, родная.....

(Изъ кн. Эристова).

Что ты плачешь, родная, приникнувъ къ дверямъ,
Эти горькія слезы о чемъ?
Чѣмъ внимать этимъ стонамъ и женскимъ слезамъ,
Вѣрь, мнѣ легче упасть подъ мечемъ...
Что-жъ ты плачешь, родная, о чемъ ты скорбишь
И съ тоской на дорогу, рыдая, глядишь?

* * *

Слышишь, матушка, бьютъ, все ближе война...
Гдѣ же шашка моя и тетивы?
Вѣдь толпа татаровья ворвется жадна,
Запалитъ наши тучныя нивы,
Эту хатку обрушитъ, посѣвы сожжетъ,
Разольетъ наши старыя вина...
Но не плачь! Для слезы твоей время придетъ,
Вѣрь же—рано оплакивать сына!
. . . . . .
Ну, родная, двѣ раны въ груди,
И кольчуга моя не годится...
Отвернись по-скорѣе, не плачь, не гляди
И не бойся: могу еще биться!
Не страшись, вѣдь отчизну свою я люблю,
До послѣдняго вздоха я въ битвѣ,
Чтобы Грузію нехристъ оставилъ мою
И твоей не нарушилъ молитвы.
Что-жъ ты плачешь, родная? Я зорко гляжу
И отъ вороновъ хищныхъ страну сторожу!
Собери свои силы, работай, пряди.
Наблюдай за полями, жнитвомъ,
Чтобы куколь его не испортилъ гляди,
Присмотри и за нашимъ быкомъ!
Чтобы сынъ мой малютка былъ сытъ и одѣтъ,
А невѣсткѣ твоей... ни полслова:
Молода, пригорюнится, силъ у ней нѣтъ,
А потомъ... вѣдь пойдетъ за другого!
Что-жъ ты плачешь, родная, о чемъ ты скорбишь
И съ тоской на дорогу, рыдая, глядишь?

Т. Бекханова.

СКОРПІОНЫ.

Новелла.

Скорпіоны! Скорпіоны!

Бр... При одномъ уже названіи у меня по кожѣ пробѣгаетъ дрожь.

Мои воспоминанія о этихъ ужасныхъ насѣкомыхъ мучительны. И какъ только я услышу ненавистное для меня слово „скорпіонъ"—то мгновенно въ воображеніи моемъ представляется видъ этого насѣкомаго. Я даже думаю, что скорпіоны послужили причиной тому, что я сталъ неизлѣчимымъ неврастеникомъ.

Это началось съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ жить въ трущобѣ. Мое финансовое хозяйство было въ концѣ разстроено. Со стороны никакой поддержки не было. У меня не было ни родныхъ, ни знакомыхъ, ни друзей. Пришлось

вести босяцкую жизнь. Ища себѣ кровъ, подъ которымъ-бы я могъ укрыться отъ метеорологическихъ, вредныхъ для человѣка, условій подъ открытымъ небомъ—я наткнулся на базарѣ на харчевню. Внизу помѣщалась кухня, а если подняться по гибельной деревянной лѣсенкѣ безъ перилъ—вверхъ, то тамъ видна была столовая и три комнаты. Одна изъ этихъ комнатъ отдавалась въ наемъ. Я осмотрѣлъ ее. Это была конура въ четыре аршина ширины и шесть аршинъ длины. Полъ былъ земляной. Потолокъ и стѣны сооружены были изъ глины, при чемъ надо замѣтить, что на потолкѣ зіяли довольно солидныя трещины. Стѣны оклеены мизерными, нищенскими обоями. Изъ единственнаго окна открывался чудный видъ на глиняную крышу сосѣднихъ торговыхъ рядовъ. Раньше всѣ три комнаты представляли изъ себя сарай, въ которомъ хранились фрукты—настоящій-же хозяинъ харчевни передѣлалъ его въ комнаты. Мнѣ понравилась эта комната, да и кромѣ того особенно пришлась она мнѣ по вкусу своей дешевой цѣной. За комнату я платилъ два рубля въ мѣсяцъ. Я согласился поселиться и только попросилъ у хозяина какого-либо приспособленія для сна и столъ. При разговорѣ хозяинъ сказалъ мнѣ, что въ нанимаемой мной комнатѣ водятся скорпіоны. На эти слова хозяина я не обратилъ никакого вниманія; пріѣхавъ недавно въ Закавказьѣ я не имѣлъ понятія о скорпіонахъ.

Я былъ безконечно радъ найдя себѣ уголъ. При томъ въ харчевнѣ-же я и столовался за очень дешевую цѣну.

Комната моя была по серединѣ. Въ одной изъ нихъ жилъ такой-же, какъ и я чиновникъ бродяга, другая пустовала.

Все было хорошо, всѣмъ я былъ доволенъ. Съ своимъ сосѣдомъ я познакомился и вскорѣ сошелся, и съ нимъ короталъ вечера за бутылкой водки. Въ нашей харчевнѣ всегда было шумно, весело. Обѣдали здѣсь жандармы, солдаты, оборванцы неизвѣстнаго званія, женщины легкаго поведенія. А по вечерамъ составлялось чрезвычайно оживленное общество. Въ столовой пили водку, пиво, вино; пѣли хоромъ или so'o, играли на скрипкѣ и какой-то визгливой армянской дудкѣ. Много говорили ужасно сальныхъ анекдотовъ, цинично ругались и крѣпко сквернословили. До моей комнаты все явственно доносилось. Это общество и его времяпрепровожденіе мнѣ очень нравилось и мнѣ казалось, что я сижу въ мѣстномъ клубѣ. Изрѣдка я съ сосѣдомъ присоединялись къ этому обществу внося свой пай виномъ, или водкой.

Такъ прошло двѣ недѣли. Я совершенно обжился и былъ счастливъ, хотя меня и безпокоили нѣкоторыя мелочи. Такъ напримѣръ—отъ удушливаго чада плиты въ кухнѣ—у меня разболѣлись глаза; сходя съ лѣсеньки я очень осторожно изслѣдовалъ каждую ступенку изъ опасенія паденія въ кипящій котелъ, который находился какъ разъ подъ ступеньками. Но все это мелочи. Я хочу разсказать о томъ событіи въ моей жизни, которое сдѣлало меня неврастеникомъ nes plus ultra.

Я лежалъ на тахтѣ и собирался читать. Было еще рано, но я поторопился лечь, въ виду невозможности сидѣть на стулѣ. Блохи, эти злыя азіатскія блохи, не теряя времени жестоко аттаковывали меня и я спасался хотя немного, когда ложился на тахту и укрывался одѣяломъ—несмотря на тропическую жару. Прочитавши нѣсколько страницъ я опустилъ книгу и далъ отдыхъ глазамъ. Мой взглядъ остановился на трещинахъ потолка, а надо замѣтить, что свой потолокъ я изучилъ досконально и зналъ всѣ его достопримѣчательности на память. Для меня мой потолокъ служилъ развлеченіемъ. Кое-какъ дотянувши на службѣ до 2-хъ часовъ я приходилъ домой, съ жадностью проглатывалъ свой скромный обѣдъ съ приложеніями [1]), ложился на тахту и читалъ. Когда отъ чтенія у меня начинало ломить виски—я бросалъ книгу и смотрѣлъ на потолокъ. По вечерамъ я также предавался своему любимому занятію. Потолокъ этотъ на посторонній взглядъ не представлялъ изъ себя ничего интереснаго, напротивъ каждый находилъ его самымъ обыкновеннымъ, даже противнымъ, но для меня повторяю, мой потолокъ представлялъ развлеченіе. Многочисленныя и прихотливыя трещины потолка рисовались мнѣ рѣками Америки; желтыя пятна отъ дождя—озерами. И тутъ мое воображеніе создавало чудныя картины Американской дѣвственной природы. Цѣлыя картины припоминались изъ сочиненій Майнъ-Рида, Густава Эмара, Фенимора Купера и др.; юношей я зачитывался и увлекался этими авторами. И вотъ я воображалъ себя путешествующимъ по Америкѣ. Въ этомъ моемъ путешествіи много было приключеній; то я дрался съ индѣйцами, то удиралъ отъ табуна дикихъ лошадей, то застывалъ отъ ужаса при видѣ горящихъ льяносовъ и еще много, много сочиняла моя фантазія.

Я смотрѣлъ на трещины и мнѣ казалось, что я плыву на лодкѣ по величайшей въ мірѣ рѣкѣ—Амазонкѣ. Но вотъ большое озеро. Я перелетаю въ Соединенные Штаты. Большое озеро называется—Гуронъ. Путешествуя по берегу озера я съ удивленіемъ наткнулся на что-то неподвижно-сѣрое. Это „что-то“ было для меня большой новостью. Потолокъ свой я зналъ до мельчайшихъ подробностей. Долго всматривался я въ незнакомый мнѣ предметъ. Это „что-то неподвижно-сѣрое“ было по прежнему неподвижно-сѣрымъ. Но вотъ сѣрая кучка зашевелилась и что-то длинное съ какимъ-то крючкомъ поднялось вверхъ. Это было какое-то живое существо. Я подошелъ поближе. Кучка вдругъ побѣжала отъ меня, а я въ ужасѣ отпрянулъ назадъ. Боже мой, какое страшное чудовище! Когда это чудовище растянулось и побѣжало, то длина его равнялась никакъ не меньше, какъ четверти длины берега озера. Впереди у чудовища находились клешни, туловище довольно широкое, какое-то водянистое имѣло быстрыя и ловкія ноги, сзади извивался гигантскій хвостъ. Бр... какое отвратительное, страшное чудовище. Я постучалъ въ стѣну сосѣда. Сосѣдъ тотъ часъ-же явился.

— Что это за чудовище?—Спросилъ я сосѣда.

— Это? Скорпіонъ.

Я въ ужасѣ закрылъ глаза, а сосѣдъ спокойно сбросилъ палкой скорпіона на полъ. Скорпіонъ быстро побѣжалъ. Я закричалъ и выскочилъ въ двери. Когда я вошелъ въ комнату, скорпіонъ былъ уже раздавленъ, а сосѣдъ удивленно спросилъ меня чего я испугался.

Въ ту ночь я ночевалъ у сосѣда. Состояніе моего духа было невообразимое, но увы и въ комнатѣ сосѣда оказались скорпіоны. За ночь было убито два „чудовища“. Ночь я провелъ совершенно безъ сна.

Съ тѣхъ поръ я лишился сна, аппетита и хорошаго настроенія духа. Съ тѣхъ поръ меня стала раздражать каждая мелочь, каждый пустякъ. Веселое общество харчевни приводило теперь меня въ исступленіе. Сосѣда своего я почему-то возненавидѣлъ. Ночи я проводилъ безсонныя и безъ огня не могъ лечь на тахту.

Черезъ три дня въ моей комнатѣ появилось два скорпіона. Кто то ихъ убилъ. Я весь дрожалъ и ту ночь провелъ на бульварѣ, сидя на скамейкѣ и думая о скорпіонахъ.

Невидавши скорпіоновъ я не могъ представить себѣ этого противнаго насѣкомаго, но какъ только увидѣлъ его, то сейчасъ же проникся къ нему отвращеніемъ и ужасомъ, и я твердо увѣренъ въ томъ, что начало моей неврастеніи зародилось съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ перваго скорпіона.

Въ особенности памятна мнѣ одна ночь.

Подъ утро я заснулъ чуткимъ сномъ. Вдругъ смертельный ужасъ объялъ меня. По моей рукѣ ползъ огромный желтый скорпіонъ. Я хотѣлъ сбросить его, но рука не повиновалась мнѣ. Я хотѣлъ подняться, но мое тѣло точно окаменѣло. О ужасъ! На другой рукѣ тоже ползъ скорпіонъ. Мой взглядъ скользнулъ по потолку и стѣнамъ и волосы стали у меня на головѣ дыбомъ. Какъ потолокъ, такъ и стѣны были сплошь усѣяны скорпіона-

[1]) Приложеніями этими были разныя насѣкомыя въ видѣ мухъ, таракановъ, клоповъ и проч.

ми. Они ползли на меня. Тутъ были желтые, сѣрые, черные скорпіоны. При видѣ всей этой массы скорпіоновъ я закрылъ глаза и приготовился умирать. Черезъ нѣсколько минутъ я почувствовалъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ тѣла жгучіе уколы скорпіоновъ. Кто можетъ описать мой ужасъ?! И вдругъ мгновенно мое тѣло, какъ бы загорѣлось. Я весь пылалъ въ огнѣ. Скорпіоны буквально облѣпили меня съ ногъ до головы. По моимъ жиламъ и венамъ телка уже не кровь, а расплавленный свинецъ. Чувствуя, что смерть моя близка—я сталъ шептать на половину забытыя молитвы и молилъ Бога объ окончаніи моихъ нечеловѣческихъ страданій. Правая сторона моей головы мучительно, нестерпимо горѣла. Я крикнулъ что-то и... проснулся. Солнце немилосердно пекло правую сторону моей головы. Съ содроганіемъ посмотрѣлъ я на потолокъ и стѣны. На нихъ ничего не было. Моя Америка спокойно смотрѣла на меня своими рѣками и озерами.

Съ тѣхъ поръ я сталъ опасаться, чтобы не сойти съ ума, и тому были всякія причины, такъ напримѣръ мнѣ одно время казалось, что у моего начальника—бухгалтера вмѣсто носа—черный скорпіонъ. У другого моего сослуживца, у того, что носитъ золотые очки и котораго я не люблю за его насмѣшки—вмѣсто языка—два огромныхъ сѣрыхъ скорпіона съ безобразно длинными хвостами, а у моего сосѣда тоже вмѣсто носа сидитъ скорпіонъ, но только не черный и не сѣрый, а ярко красный. И вотъ я началъ также бояться бухгалтера, сослуживца въ золотыхъ очкахъ и сосѣда, какъ и скорпіоновъ. По потолку я продолжалъ путешествовать, но моя Америка вся кишѣла чудовищами и послѣ каждаго путешествія я возвращался усталымъ и разстроеннымъ.

Положеніе мое было безвыходно. Мнѣ необходимо нужно было выбраться изъ своей комнаты, но у меня не было ни гроша и я страдалъ, болѣлъ и терпѣлъ. Наконецъ послѣ памятнаго сна я рѣшился уйти изъ ужасной комнаты. Продавъ свою единственную драгоцѣнность—зимнее пальто и занявши у сосѣда полтинникъ я на другой же день послѣ сна перебрался въ другую трущобу, гдѣ скорпіоновъ уже не было.

Господа, предупреждаю. Никогда не нанимайте той комнаты въ харчевнѣ, въ которой я жилъ. Она хотя и дешева, но за то въ ней водится много скорпіоновъ, но кто желаетъ слѣдовать модѣ и хочетъ сдѣлаться неврастенникомъ (вѣдь неврастенія—болѣзнь модная) тому я съ охотой дамъ адресъ той комнаты гдѣ водятся скорпіоны.

Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ съ Закавказья и поселился въ Россіи прошло двадцать пять лѣтъ. Я сдѣлался старикомъ и уже собираюсь въ могилу; моя старческая память притупилась и я забылъ все и не могу даже теперь припомнить ни одного важнаго момента изъ своей жизни, но воспоминаніе о комнатѣ съ скорпіонами свѣжо и понынѣ въ моей памяти, и умру я неизлѣчимымъ неврастеникомъ.

Скорпіоны! Скорпіоны!

Александръ Кольчицкій.

Эривань, 31 іюля 1902 г.

АЛЛАВЕРДЫ.

I.

Съ временъ давнымъ-давно прошедшихъ,
Съ преданіемъ Иверской земли,
Отъ нашихъ предковъ знаменитыхъ,
Одно мы слово сберегли,—
Въ немъ нашей удали начало,
Товарищъ счастья и бѣды;
Оно у насъ всегда звучало:
Аллаверды, Аллаверды!

Аллаверды—Господь съ тобою
Вотъ слова—смыслъ
И съ нимъ не разъ
Готовился отважно къ бою
Войной взволнованный Кавказъ.
Ходили всѣ мы къ схваткамъ новымъ,
Не дожидаясь череды,
Хвала погибшимъ,
А здоровымъ:
Аллаверды, Аллаверды!

Когда досугъ кавказскій тѣша,
Просторъ давая бурдюкамъ,
Въ кругу веселомъ азарпеша
Гуляетъ звонко по рукамъ,
Неугомонно ходитъ чаша
И вплоть до утренней звѣзды
Несется голосъ толумбаша:
Аллаверды, Аллаверды!

Гр. Сологубъ.

II.

Аллаверды—то звукъ призывный,
То сердца сладостный привѣтъ;
На этотъ звукъ святой и дивный
Грузинъ умѣетъ дать отвѣтъ,
Поднявъ съ виномъ высоко чашу;
На кликъ, что насъ въ восторгъ привелъ
Мы отвѣчаемъ толумбашу:
Іахшіолъ, іахшіолъ!

Уже сто лѣтъ съ Россіей славной
Мы чтимъ единыя бразды;
И вновь намъ шлетъ нашъ Вождь Державный
Святой привѣтъ: Аллаверды!

И вновь мы грудью огневою
Всѣ встанемъ за Царя, за Престолъ
И громко крикнемъ всей душою:
На нѣкъ твои и іахшіолъ!

Опочининъ.

III.

Аллаверды! пѣвецъ старинный,
Опять вы съ нами, милый графъ,
Вы любите нашъ край картинный,
Нашъ старый бытъ, нашъ прежній нравъ.
Опять вашъ стихъ насъ оживляя,
Въ восторгъ кавказцевъ всѣхъ привелъ
И по обычаю мы края, вамъ отвѣчаемъ:
Іахшіолъ!

Д. Эристовъ.

КАВКАЗЪ.

Привѣтъ тебѣ, родной Кавказъ!
Просторъ, свободу вспоминая,
Душой стремился я не разъ
Къ тебѣ изъ чуждаго мнѣ края.
Привѣтъ долинамъ и горамъ,
Привѣтъ лазурнымъ небесамъ,
Привѣтъ и лѣсу, и потоку,
Что шумно льется между горъ,
Привѣтъ всему, что видитъ взоръ,
Что въ памяти моей глубоко
Запечатлѣлось съ давнихъ поръ!

Порой ты хмуръ, порою ясенъ,
Но въ блескѣ солнца, въ мракѣ тучъ
Ты одинаково могучъ
И одинаково прекрасенъ.

Люблю я тѣнь твоихъ лѣсовъ,
Сіяніе на зарѣ снѣговъ,
Твои ручьи, твои каскады,
Хребтовъ лиловыя громады,
Угрюмый видъ пустынныхъ скалъ,
Летящій въ глубину обвалъ,
И ревъ рѣки, и свистъ мятели,
И зелень пышную ущелій,
И памятникъ минувшихъ лѣтъ—
Сѣдой и мрачный минаретъ!
Все мило мнѣ...

И поѣздъ мчится,
И черный дымъ его клубится.
Вотъ деревушка, вотъ аулъ,
Вотъ свѣтлый ручеекъ мелькнулъ,
Поляна, кустъ, обрывъ скалистый,
Клочокъ посѣва золотистый.
Лиловая гряда холмовъ
И выше—пурпуръ облаковъ.
А тамъ, надъ пеленой тумана,
Гдѣ потухаетъ неба сводъ,
Какъ будто изъ пучины водъ,
Омытые зарей румяной,
Встаютъ хребты... Могучъ и дикъ,
Клубится мощный паровикъ:
И горячо его дыханье,
Какъ будто трепетъ ожиданья
Бурлитъ въ его стальной груди.
Дыша огнемъ, весь закоптѣлый,
Какъ вихрь, стремительный и смѣлый,
Онъ гордо мчится впереди.

Лучи зари пурпурной таютъ.
Густѣетъ сумракъ. Наступаютъ
Безмолвно горы. Небосклонъ
Стѣной ихъ темной заслоненъ.
И ночь спустившись надъ землею,
Своей живительной росою
Поитъ уснувшіе цвѣты,
Деревья, травы и кусты...
Привѣтъ вамъ, сумрачныя скалы!
Привѣтъ вамъ, гордые хребты!
Привѣтъ вамъ!.. Паровикъ усталый
Ползетъ на гору, и въ тѣни,
Какъ звѣзды, вспыхнули огни.

Ю. Роменскій.

„БАРСОВА КОЖА".

Драгоцѣннѣйшимъ *перломъ* грузинской литературы служитъ поэма Шота Руставели „Барсова кожа", современница нашему русскому „Слову о полку Игоревѣ".

Сотни лѣтъ прошли со времени появленія въ свѣтъ поэмы „Барсова кожа", но нѣтъ ни одной современной грузинской семьи, гдѣ бы не хранилось экземпляры этой поэмы, въ „пересказѣ" или въ печатномъ экземплярѣ.

Всякій грузинъ-отецъ, благословляя дочь свою при выходѣ въ замужество, передаетъ ей, прежде всего, книгу св. Евангелія и, непремѣнно, экземпляръ поэмы „Барсова кожа"...

Для грузинъ Шота Руставели не нашъ русскій Пушкинъ,—Пушкинъ слишкомъ серьезенъ,—а это... это нашъ *брильянтовый Лермонтовъ*, во всемъ величіи его славы, изящества и неподражаемой красоты!..

Шота Руставели говоритъ такъ:

—Я поэтъ, и въ мірѣ этомъ
Всѣхъ судьба насъ отмѣчаетъ:
Одаривъ таланта свѣтомъ,
Пышно лаврами вѣнчаетъ!
Потому герой мой главный—
Тарiели знаменитый—
Вамъ предстанетъ гордый, славный,
Рыцарь лаврами увитый...
Онъ, въ исторіи воспѣтый,
Былъ герой *грузинской славы*,
Въ „кожу барсову" одѣтый,
Легендарный, величавый,
Онъ въ бояхъ, какъ левъ, спокоенъ,
А въ любви—нѣжнѣй свирѣли.
Вотъ кто былъ грузинскій воинъ,
Несравненный Тарiели ..

Но какъ печальна была судьба поэмы „Барсова кожа" до той поры, пока она не вошла въ плоть и кровь грузинскаго народа!

Въ 1709 году, при грузинскомъ царѣ Вахтангѣ, въ гор. Тифлисѣ положено было начало *книгопечатанію* открытіемъ типографіи, въ которой и напечатана „Барсова кожа", ходившая до той поры въ полныхъ рукописяхъ и краткихъ спискахъ (афоризмы).

Со времени появленія въ свѣтъ этой книги начинается распространеніе въ народѣ громадной популярности Руставели и, вмѣстѣ, возникаютъ первыя гоненія противъ его произведенія со стороны грузинскаго духовенства того времени, и особенно грузинскаго католикоса Антонія I, который, въ видахъ охраненія своей паствы *отъ соблазна, приказалъ* собрать экземпляры „Барсовой кожи" и бросить ихъ въ рѣку Куру...

Но, задолго еще до этого оригинальнаго *потопленія* книги величайшаго поэта Грузіи, царь Вахтангъ V впалъ въ другую крайность и, печатая „Барсову кожу", прибавилъ къ поэмѣ *свои собственныя комментаріи*, гдѣ усиливался придать всему содержанію книги какое-то *религіозно-символическое значеніе*, чего, на самомъ дѣлѣ, въ книгѣ нѣтъ и не было даже и по старымъ ея спискамъ.

Но, къ великому счастью грузинскаго народа и вообще литературы, католикосъ Антоній не всѣ экземпляры „Барсовой кожи“ успѣлъ *утопить* въ рѣкѣ Курѣ... Патріоты-грузины книгу эту припрятали...

И вотъ, предъ нами „Барсова кожа“ во всей ея первобытной, почти идеальной красотѣ, съ ея неумирающей версификаціей.

Грузинскій царь *Давидъ Возобновитель* былъ первымъ насадителемъ научнаго образованія въ Грузіи, и онъ первый послалъ избранную имъ *грузинскую молодежь*, для полученія образованія, за-границу—въ Грецію, въ Аѳины.

Шота Руставели былъ тоже воспитанникомъ „аѳинской школы“, и потому съ его пріѣздомъ въ Грузію поднялась новая война, превратившаяся въ цѣлый ураганъ тоже новыхъ, т. е. не бывалыхъ на Кавказѣ, литературныхъ идей.

Извѣстно, что положеніе женщины у всѣхъ восточныхъ народовъ было въ тѣ времена угнетенное.

Личность и права женщинъ у всѣхъ восточныхъ народовъ стояли не выше личности и правъ рабовъ.

Воля или, лучше сказать, деспотизмъ мужей былъ закономъ для женъ, а отцовъ—для дочерей.

Невѣсты выходили замужъ не по свободному выбору, а по волѣ родителей, за кого и съ какою бы цѣлью эти послѣдніе ни выдавали ихъ.

Бѣдной женщинѣ запрещено было, даже и подъ „вѣнцомъ“, взглянуть на того человѣка, чьею женою или „собственностью“ становилась она.

Этотъ варварскій обычай, существующій и до нашихъ дней у многихъ народовъ востока, не могъ, конечно, не отразиться на жизни тогдашней хоть и христіанской Грузіи.

Суровый гнетъ и попраніе всякихъ правъ женщины—человѣка господствовали въ грузинской семьѣ, хотя, конечно, и не въ такой степени, какъ у окружавшихъ ее мусульманскихъ народовъ.

И вотъ, когда избранная грузинская молодежь стала получать образованіе въ греческихъ школахъ, заимствуя у аѳинянъ плоды цивилизаціи, то эти грузины явились піонерами просвѣщенія на своемъ родномъ Кавказѣ, и съ тѣхъ временъ умственное развитіе ихъ соотечественниковъ и вообще уровень пониманія вещей стали замѣтно расширяться.

А Шота Руставели безъ преувеличенія можно назвать первымъ бойцомъ за эмансипацію грузинской женщины.

Вообще говоря, новая тогда идея свободнаго выбора невѣстами жениховъ распространилась по Грузіи въ концѣ XII вѣка, почитаемаго въ грузинской исторіи золотымъ вѣкомъ народа во всѣхъ отношеніяхъ.

Происхожденіе своего золотого вѣка грузины всецѣло приписываютъ царицѣ Тамарѣ, и поэтому надобно полагать, что вопросъ объ „эмансипаціи грузинской женщины“ послужилъ, такъ сказать, почвою, на которой сошлись; знаменитая царица и совершенно безвѣстный, но будущій народный поэтъ Грузіи.

Постепенное затѣмъ сближеніе этихъ двухъ представителей тогдашней цивилизующей мысли заставило, конечно, воспріимчиваго Руставели сдѣлать первый шагъ по новому пути, т. е. воспроизвести въ поэтической формѣ выраженія идеи „нравственнаго совершенства“, осуществленіе котораго онъ увидѣлъ въ кроткомъ образѣ величественной, юной и прекрасной царицы Тамары и въ ея духовно-возраждающемся народѣ.

И вотъ, въ результатѣ явилась въ свѣтъ прелестная, оригинальная поэма чувствъ и нравовъ или „Барсова кожа“.

Поэма Руставели есть торжественный гимнъ „любви“, „добру“ и „красотѣ“, а главнѣйшее—женщинамъ, предъ которыми авторъ „Барсовой кожи“ благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ изъ созданій природы...

Поэма была встрѣчена вполнѣ сочувственно, читалась въ первый разъ при дворѣ въ присутствіи Тамары и ея вельможъ, а Руставели, осыпанный похвалами и богатыми подарками, получилъ еще въ даръ отъ царицы золотое перо.

Торжество таланта было полное и никогда въ Грузіи не бывалое.

Но судьба людей бываетъ измѣнчива: пышный и величественный поэтъ Грузіи изъ блестящаго придворнаго поэта, неожиданно для всѣхъ, превратился въ смиреннаго инока одного изъ іерусалимскихъ монастырей!..

Что же послужило причиною столь быстрой перемѣны въ судьбѣ поэта?

Всѣ говорятъ... что послужила любовь, пламенная и безумная любовь, столь часто присущая горячимъ сынамъ нашего раскаленнаго юга!

Молодой и опьяненный своими первыми литературными успѣхами, Шота Руставели влюбился... и въ кого?.. въ свою же повелительницу и царицу, въ красавицу Тамару!..

И этотъ жгучій моментъ прелестно воспроизведенъ въ слѣдующемъ стихотвореніи поэта А. Полонскаго.

Тамара и пѣвецъ ея Шота Руставели.

Въ замкѣ розъ, подъ зеленою сѣнью плющей,
Въ діадемѣ на тронѣ Тамара сидитъ.
Рядъ вассаловъ-князей
И почетныхъ мужей
Передъ ней раболѣпно стоитъ.

О внезапной грозѣ, что съ востока идетъ,
О нежданной войнѣ имъ она говоритъ,
И на битву ихъ шлетъ,
И отвѣта ихъ ждетъ,
И какъ солнце красою блеститъ!

„Укажи намъ врага! Твой народъ торопливъ
На побѣду!“—въ порывѣ собраніе шумитъ.
На всеобщій порывъ
Лишь пѣвецъ молчаливъ...
За него жаръ ланитъ говоритъ.

Не царицу Иверіи въ сонмѣ князей—
Въ ней онъ видитъ одно божество красоты!
И не сводитъ очей...
И не слышитъ рѣчей...

Его жаркія душатъ мечты...
Показался онъ жалокъ и страненъ другимъ...
И упалъ на него *испытующій взглядъ*...
И любовью палимъ,
И тоскою томимъ,

Изъ дворца удалиться онъ радъ.
Отпустили толпу и выходитъ пѣвецъ. Но съ лица
У Тамары мгновенно румянецъ сбѣжалъ,
И Тамара съ крыльца
Воротитъ къ ней пѣвца
Приказала, и *Шота* предсталъ.

И возвысился царственный голосъ жены:
„Руставель! родился ты одинъ изъ мужей—
Не въ защиту страны;
Кто не любитъ войны—
Не являйся мнѣ въ сонмѣ князей.

Но ты любишь дѣла и побѣды мои:
Я готова тебя при дворѣ принимать,
Слушать пѣсни твои—
Лишь не смѣй *о любви*
Въ этихъ пѣсняхъ ты мнѣ повторять"!

И, блѣднѣя, поникъ Руставель молодой
Передъ мощной владычицей многихъ земель
И, смутившись душой,
Какъ безумецъ, собой
Не владѣя, сказалъ Руставель:

„О царица! что-бъ не былъ я въ сонмѣ князей,
Навсегда удалиться ты мнѣ повели.
Все равно: образъ твой
Унесу я съ собой
До послѣднихъ предѣловъ земли...

Стану пѣть про любовь—ты не станешь внимать
Но, клянусь! на возвышенный голосъ *любви:*
Звѣзды станутъ сіять,
И листы трепетать,
И журчать голубыя струи!

Удалюсь я, царица! Прощай! Безъ наградъ,
Безъ похвалъ довершу я созданье мое[1]),
Но его затвердятъ
Внуки нашихъ внучатъ—
Да прославится имя твое!"

Содержаніе поэмы „Барсова кожа", въ общихъ чертахъ, слѣдующее: Вѣрность и привязанность царевны Нестанъ-Дареджанъ къ избраннику сердца ея простирается до того, что она скорѣе рѣшается огорчить нѣжно-любимыхъ родителей „противорѣчіемъ", нежели сдѣлаться женою нелюбимаго ею человѣка (хана Хварадшскаго). Мало того, что-бъ остаться вѣрною Таріелю и избавить себя отъ нежеланнаго брака, Нестанъ подаетъ даже своему возлюбленному мысль—умертвить сына хана Хварадшскаго...

Но за эту преступную мысль суждено было обоимъ имъ перенести много страданій и приключеній, прежде нежели достигнуть своей цѣли...

Нестанъ-Дареджанъ внезапно была похищена и увезена въ неизвѣстныя страны, но и тамъ она остается вѣрной до конца своему Таріелю, не взирая на всѣ соблазны и долгую разлуку.

Такъ, напримѣръ, вслѣдъ за похищеніемъ изъ отцовскаго дома и послѣ цѣлаго ряда приключеній, Дареджанъ попадаетъ во власть царя „морскихъ владѣній", который предназначаетъ ее въ невѣсты своему наслѣднику, но Дареджанъ, не взирая на то, что она ничего не знаетъ о судьбѣ Таріеля, все же не забываетъ его и скорѣе предпочитаетъ покончить самоубійствомъ, нежели измѣнить своему возлюбленному. И вотъ молодая невѣста дѣлаетъ отчаянный шагъ, она подкупаетъ своихъ прислужницъ и бѣжитъ ночью, сама не зная куда, при помощи преданной ей Патасани.

Попавъ затѣмъ случайно къ каджетскому царю, Дареджанъ встрѣчаетъ тѣ же почести, что и во дворцѣ „морского властителя", и молодой красавицѣ вновь представляется случай сдѣлаться царицею Каджетскаго царства, но Дареджанъ и здѣсь чужда мысли измѣнить Таріелю, и, вслѣдствіе принужденія къ браку, она снова рѣшается на самоубійство.

[1]) Поэма „Барсова кожа".

Но въ самую критическую минуту Дареджанъ суждено было быть освобожденной своимъ Таріелемъ и вступить съ нимъ въ давно желанный бракъ.

Съ момента, какъ Таріель узналъ о похищеніи Дареджанъ, любящая его душа не знала покоя, пока, наконецъ, онъ не нашелъ Нестани при помощи друга своего Автандила.

Хотя Автандилъ, по настоятельной просьбѣ Таріеля, и возвращается на родину, что-бъ извѣстить царя Ростевана и Тинатину объ успѣхѣ предпріятія и о судьбѣ найденнаго ими юноши, но немедленно спѣшитъ опять назадъ на помощь къ другу—Таріелю. Любовь Автандила къ Тинатинѣ и чувство долга зовутъ его на родину, но онъ побѣждаетъ эти горячія чувства, ради высокаго и святого чувства дружбы!

Ни слезы Тинатины, ни гнѣвъ царя не останавливаютъ молодого героя, и онъ тайкомъ бѣжитъ изъ царства и родины.

Освободивъ, при помощи Таріеля, Дареджанъ изъ Каджетской крѣпости, Автандилъ со слезами радости присутствуетъ при обрядѣ вѣнчанія своихъ молодыхъ друзей, и первый поздравляетъ ихъ съ началомъ новой жизни и новаго счастья!

Этого мало, Автандилъ не покидаетъ своего друга и въ дальнѣйшемъ. Возвратясь вмѣстѣ съ новобрачными на родину и женившись на возлюбленной своей Тинатинѣ, Автандилъ собираетъ многочисленное войско и идетъ походомъ на отечество своего друга (въ Индію), вмѣстѣ съ Таріелемъ, что-бъ отнять эту страну у незаконныхъ ея властителей (ибо отецъ Дареджанъ, бездѣтный Парсаданъ, уже умеръ) и вручить корону индійскую Дареджанъ и Таріелю, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ вполнѣ счастливыми!

По свидѣтельству грузинскаго митрополита Тимоѳея, путешествовавшаго въ XVIII в. по „святымъ мѣстамъ", Шота Руставели погребенъ въ монастырѣ св. Креста, въ Іерусалимѣ, гдѣ также (въ его время) хранился портретъ покойнаго поэта.

Въ эту же эпоху появились въ Грузіи классическія произведенія Висраміани (исторія о Висѣ и Раминѣ), Килила да Дамана, Амиранъ-Дареджаніани, оды І. Шавтели, Чахрухадзе, историческіе анналы и проч.

Съ XIII в. по XVIII в. дошедшіе до насъ памятники грузинской письменности увеличиваются въ количественномъ отношеніи, но по качеству они не отличаются ни оригинальностью, ни художественностью. Большая часть ихъ можетъ быть распредѣлена на двѣ группы: одна изъ нихъ обнимаетъ нравственно-дидактическія произведенія, другая сосредоточивается на сказочныхъ сюжетахъ.

Обратимся къ послѣднему отдѣлу.

Къ самому началу XIII в., ко времени, вѣроятно, царствованія Русудани, относится объемистый рукописный памятникъ „Русуданіани". „Русуданіани" представляетъ сборникъ 12 сказокъ, связанныхъ между собою искусственно дидактической идеей.

Сюжетъ „Русуданіани" таковъ: добродѣтельный мужъ Аптвиміане имѣлъ 12 умныхъ сыновей и одну прекрасную дочь Русудану. Потомокъ царственныхъ предковъ изъ Іемена, Манучаръ, женится на красавицѣ Русуданѣ. Воспитанный тайно въ христіанской вѣрѣ, онъ получаетъ приглашеніе ко двору безбожнаго царя, который обѣщаетъ возвратить ему наслѣдіе, нѣкогда потерянное его предками. Видя въ этомъ повелѣніи царя волю Божію, онъ уѣзжаетъ и этимъ причиняетъ женѣ большое горе. Однако, безбожный царь не довольствуется этимъ: онъ требуетъ къ себѣ дочь Манучара, Роадому, а затѣмъ и сына его, Придона. Успокаивать Русудану въ безысходной тоскѣ пріѣзжаютъ ея родители, которые развлекаютъ ее поучительными разсказами. Къ концу 12-го разсказа пріѣзжаетъ Придонъ, который велитъ записать всѣ разсказы.

Разсказы эти проникнуты идеею, что печали и испытанія смѣняются подъ конецъ, по волѣ Божіей, радостью и покоемъ. По словамъ проф. Чубинова, повѣсть харак-

теризуетъ бытъ, понятія, нравы народа и современное благоустройство.

Къ концу XIV и началу XV вѣка принадлежитъ поэма Алгузіани, отличающаяся подражаніемъ „Барсовой кожѣ“. Затѣмъ несомнѣнный интересъ представляетъ романъ подъ названіемъ „Сиринозіани“, о которомъ, по свидѣтельству г. Хаханова, не упоминается ни въ приписке о романахъ въ концѣ „Барсовой кожи“, ни въ энциклопедіи „Арчиліани“—царя Арчила. Тѣмъ не менѣе, рукописи его не рѣдки среди грузинъ.

Въ романѣ этомъ, какъ и въ знаменитой эпопеѣ Фирдуси „Шахъ-намэ“, описывается борьба Ирана съ Тураномъ, а потому начало его слѣдуетъ искать или въ персидской литературѣ, или въ тѣхъ легендахъ, которыя почти повсюду извѣстны на востокѣ, и изъ которыхъ позднѣе создалъ свою поэму великій Фирдуси.

Къ числу переводныхъ съ персидскаго языка произведеній относится поэма „Лейлъ и Меджнунъ“, съ которой была попытка сравнить „Барсову кожу“ Руставели. На грузинскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ перевода царя Теймураза (1587—1663 г.) этой поэмы. Переводъ писанъ руставелевскимъ стихомъ „шаири“.

Царь Теймуразъ I вообще извѣстенъ какъ переводитель персидскихъ поэтическихъ произведеній на грузинскій языкъ. Къ таковымъ относится „Вардбулбуліани“, поэма о розѣ и соловьѣ, „Шами-параваніани“, „Іосифъ-Зилахіани“ и др.

„Сравненіе весны и осени“, „Посвященіе образу царицы Тамары въ Давидъ-Гареджійской пустыни“, „Мученическія страданія царицы Кетеваны“ и др. являются оригинальными его произведеніями. Ему же принадлежитъ хронографъ, составленный на основаніи греческихъ и русскихъ источниковъ. Этими произведеніями царь Теймуразъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что его стали сравнивать съ Шота Руставели.

Дѣятельность этого царя нашла панегириста въ лицѣ другого царственнаго писателя—Арчила. Его поэма „Арчиліани“ представляетъ изложеніе горестной жизни и восхваленіе произведеній царя Теймураза. Помимо того, Арчилъ написалъ еще довольно много сочиненій.

Съ XVII в. открывается въ Грузіи новое столкновеніе восточнаго вліянія съ западнымъ. Къ этому времени начинается воздѣйствіе русской литературы, вліяніе которой замѣчается пока внѣ предѣловъ Грузіи—въ Москвѣ, гдѣ водворяется царь Арчилъ со свитой. Персидская поэзія, переживавшая свой захудалый періодъ, отражается въ грузинской письменности воспоминаніями или повторными переводами такихъ произведеній, которыя относятся къ расцвѣту персидской литературы. Между ними первое мѣсто занимаетъ „Ростоміани“.

Въ грузинской литературѣ распространено мнѣніе, что изъ всѣхъ извѣстныхъ на европейскихъ языкахъ переводовъ „Шахъ-намэ“ грузинскій „Ростоміани“ представляетъ произведеніе наиболѣе полное и близкое къ оригиналу знаменитой „Книги царей“ персидскаго поэта Фирдуси.

Въ связи съ „Ростоміани“ находятся „Сиринозіани“, „Придоніани“ и „Бараміани“, всѣ—повѣсти героическаго содержанія.

XVIII вѣкъ извѣстенъ подъ названіемъ „серебряной эпохи“ грузинской литературы. Этотъ періодъ ознаменованъ, съ одной стороны, культурнымъ подъемомъ Грузіи, а съ другой,—временнымъ возрожденіемъ политической мощи при царѣ Ираклiи II.

Затѣмъ весьма важны труды царя Вахтанга по собиранію историческихъ источниковъ и свода ихъ подъ именемъ „Картлисъ-Цховреба“.

Заслуживаютъ вниманія стихотворенія царя Теймураза II и цѣлая группа героическихъ повѣстей XVIII вѣка, находящихся въ зависимости отъ „Тысячи и одной ночи“. Къ нимъ относятся “Давришіани“, „О царѣ Аджамѣ“, „Сказаніе о Хикарѣ“ и др., а также фантастическія повѣсти: „Миріани“, „Намардіани“, „Саридоніани“ и друг.

Изъ стихотворныхъ сочиненій XVII—XVIII в. заслуживаютъ вниманія „Дидъ-Моуравіани“, Іосифа Тбители—историческая поэма, посвященная жизни и дѣятельности моурава Георгія Саакадзе; затѣмъ слѣдуетъ поэма Давида Гурамишвили „Давитіани“. Авторъ былъ большой знатокъ русскихъ народныхъ пѣсенъ и первый внесъ въ искусственную поэзію размѣръ народнаго стихотворенія.

При взятіи Тифлиса Ага-Магометъ-ханомъ погибъ знаменитый сазандаръ Грузіи Саятъ-Нова. Онъ былъ придворный трубадуръ царя Ираклія II. Когда Тифлисъ былъ взятъ, Саятъ-Нова молился въ храмѣ; слыша приближеніе враговъ, онъ взялъ въ руки крестъ и пошелъ къ нимъ навстрѣчу, желая остановить ихъ на порогѣ. Два стиха, двѣ звучныя риѳмы на татарскомъ языкѣ вылились изъ его устъ:

„Не отступлю отъ Іисуса,
Не выйду изъ церкви“.

И это были послѣднія слова восьмидесятилѣтняго старца.

Пѣсни его посвящены воспѣванію наслажденій, любви и красоты.

Цѣлый міръ я прошелъ, въ Абиссиніи былъ,
Но не видѣлъ такую какъ ты:
Всѣхъ красавицъ повыше твой смертный удѣлъ
Всѣ тобой восхищаемся мы,
Ты надѣнешь ли платье изъ шелка сырца,
Иль кафтанъ изъ парчи золотой,—
Тотъ сырецъ обращается въ шелкъ дорогой,
Всѣхъ восторгъ оправдаетъ пѣвца.
Дорогой ты алмазъ, счастливъ твой господинъ!
Не печалится тотъ, кто находитъ тебя,
Кто жъ тебя потерялъ, кто остался одинъ—
Умираетъ отъ горя стеня.
Слишкомъ рано въ могилу,—да будетъ ей свѣтъ,—
Твоя мать въ сонмъ усопшихъ сошла.
Если-бъ была жива, тебѣ равный портретъ
Въ этомъ мірѣ она бъ создала.
Ты съ рожденья сіяешь своей красотой,
Твои родинки—золота блескъ.
Весь въ кораллахъ вѣнокъ въ волосахъ золотой,
Испускаетъ онъ радужный блескъ.
Твои глазки горятъ искрометнымъ виномъ,
Твои щечки, какъ въ пурнѣ лавашъ,
Твои брови стрѣлою, рѣсницъ карандашъ
Не помянетъ влюбленный добромъ.
Твое личико—чистыя солнце, луна.
Гибкій станъ твой обвилъ кашемиръ...
Кисть упала изъ рукъ, такъ безсильна она.
Отнялся у души моей міръ.
Сядешь, милая, ты на коверъ тахтовой
Попугаю подобенъ твой видъ,
А стоишь на порогѣ ты сакли родной,
Мнится мнѣ гиппогрифъ то стоитъ.
И теперь ужъ, увы, не Саятъ я Нова!
Я свой домъ на пескѣ созидалъ.
Взглядъ твой, полный и страсти и пыла огня,
Какъ костеръ мою душу сжигалъ.
Что ты сдѣлала, ангелъ, съ моею душой?
Какъ мнѣ вѣсть отъ сердечка узнать?

И цвѣтной твой муслинъ, станъ обвивъ твой волной,
Индустанскимъ цвѣткомъ буду звать.

Саятъ-Нова писалъ стихи не только на грузинскомъ языкѣ, но также на армянскомъ и татарскомъ, остающіеся пока не изданными въ печати.

Большое собраніе стихотвореній грузинскихъ царей, царевичей и князей имѣется въ рукописномъ фоліантѣ царевича Григорія Іоанновича. Онъ записалъ произведенія царевича Ильи; свои собственныя, царей Теймураза II, Вахтанга, стихи Іоанна Ялгузидзе, Петра Ларадзе, Іоны Мровели, Туманашвили, Мачабели, Пешаншвили, Габашвили и др.

Изъ писателей, оставившихъ стихотворныя произведенія, отмѣтимъ еще слѣдующихъ: Димитрія Орбеліани († 1727, погребенъ въ тифл. Сіонск. соборѣ), прославившагося стилистической отдѣлкой фразъ, какъ о немъ выражается католикосъ Антоній въ „Мѣдномъ словѣ", Соломона Алексѣева, Димитрія Туманова, переселившагося съ царевичами въ Россію. Извѣстна его пѣсня (баяти): „О милая, въ раю расцвѣтшая душа, ты мнѣ судьбой назначена, отъ тебя жду жизни сладость".

Изъ фамиліи Баратовыхъ извѣстны Барамъ и Заалъ, изъ Багратіоновыхъ—Давидъ. Въ качествѣ переводчика стихотворныхъ произведеній извѣстенъ Сориданъ Чолокашвили.

Къ тому же времени относится поэма Кайхосро Андроникашвили, извѣстная подъ именемъ „Сѣть влюбленныхъ." („Мѣджнуртъ бадэ"). Затѣмъ появляется „Сулханъ-Саба" Орбеліани, по свидѣтельству г. Хаханова („Очерки по истор. груз. словесн." вып. III),—одного изъ замѣчательныхъ грузинскихъ писателей, значеніе котораго до настоящаго времени, какъ баснописца и лексикографа, остается въ полной силѣ.

Съ конца XVIII в. грузины уже болѣе основательно начали знакомиться съ русскою и западно-европейскою литературою, вслѣдствіе чего и грузинская литература мало-по-малу получаетъ характеръ и направленіе близкіе къ европейской и постепенно освобождается изъ-подъ вліянія восточной, собственно персидской, литературы.

Въ только что минувшемъ столѣтіи можно назвать нѣсколькихъ грузинскихъ поэтовъ (кн. Орбеліани, Баратовъ, Чавчавадзе и др.), которые, усвоивъ европейское образованіе, хорошо знакомые съ роднымъ языкомъ и роднымъ краемъ, съ успѣхомъ подвизаются во всѣхъ родахъ изящной литературы. Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались доступными русской и западно-европейской публикѣ въ переводахъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ.

Грузинскіе поэты въ образцахъ [1].

Князъ Николай Мелитоновичъ БАРАТОВЪ

(1816 — 1846).

Элегія.

О Мтацминда! о ты, гора святая!
Какъ трогаетъ твоихъ пустынныхъ мѣстъ краса,
Когда по нимъ скользитъ лучъ солнца, догорая,
И окропляетъ ихъ небесная роса!

Какъ все таинственно тогда и молчаливо!
Съ твоей вершины видъ какой открытъ глазамъ!
Внизу, какъ трапеза, въ цвѣтахъ сіяетъ нива
И благодарственный тебѣ шлетъ ѳиміамъ...

Я помню вечеръ: здѣсь бродилъ я одиноко,
О темная гора, въ святилищѣ твоемъ,
Всю прелесть вечера я чувствовалъ глубоко:
Онъ грустенъ былъ, какъ я,—я видѣлъ друга въ немъ!

А міръ былъ такъ красивъ! И неба отраженье
Запало въ душу мнѣ. Съ тѣхъ поръ меня къ себѣ,
О небо! ты влекло,—но мысли въ ихъ теченьи
Терялись въ воздухѣ, не долетѣвъ къ тебѣ!

Глядишь въ твою лазурь, забывъ судьбу земную,—
Предчувствіе манитъ туда, за твой предѣлъ,
Въ обитель вѣчности—искать тамъ жизнь иную...
Увы! не суждено знать смертнымъ свой удѣлъ!

Пока, задумчивый, стоялъ я на вершинѣ
И красоту небесъ съ любовью созерцалъ,
Подкрались сумерки; былъ май; порой въ ложбинѣ
Вздыхалъ ночной зефиръ—и цѣлый міръ смолкалъ.

Священная гора! Улыбку-ль утѣшенья
Иль тихую слезу найдетъ въ тебѣ пришлецъ,
Ты для него всегда источникъ облегченья,
О другъ таинственный тоскующихъ сердецъ!..

И стихло все кругомъ въ безмолвіи великомъ,
Взошла луна; звѣзда зажглась любовью къ ней.
Склоненный дискъ луны казался блѣднымъ ликомъ
Молящейся—съ душой, не вѣдавшей страстей!

Такъ наступила ночь. Въ моемъ воспоминаньи,
О Мтацминда, ту ночь я свято сохранилъ!
Я помню тѣ слова, въ ихъ стройномъ сочетаньи,
Которыя тогда я здѣсь произносилъ.

Съ тѣхъ поръ, когда печаль мнѣ душу омрачаетъ,
Я вновь бѣгу къ тебѣ—и сердцу моему
Его страданья вновь надежда облегчаетъ,
Что первый солнца лучъ разсѣетъ скорбь и тьму!

[1] Иванъ-да Марья (Тхоржевскіе).

Конь (Пегасъ).

Летитъ мой конь впередъ, дорогъ не разбирая,
А черный воронъ вслѣдъ зловѣщій крикъ свой шлетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Наперерывъ вѣтрамъ, скачи чрезъ горы, воды,
И жизненный мой путь, молю, укороти!
Не бойся, о мой конь, жары и непогоды;
Не бойся утомить ты всадника въ пути.

Пусть кину край родной, въ душѣ по немъ тоскуя,
И не увижу вновь ни милой, ни родныхъ;
Гдѣ свѣтъ разсѣетъ тьму—тамъ родину найду я.
Тамъ звѣздамъ разскажу всѣ тайны чувствъ моихъ...

Стонъ сердца—слѣдъ любви—поймутъ: волна морская
И полный красоты, безумный твой полетъ!..
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Пусть трупъ мой не снесутъ на кладбище родное,
Пусть милая къ нему не припадетъ въ слезахъ,
Пусть воронъ, выклюетъ глаза мои, и, воя,
Пусть вѣтеръ занесетъ пескомъ мой жалкій прахъ,—

Возлюбленной слезу—роса небесъ замѣнитъ,
А карканье воронъ—замѣнитъ плачъ друзей.
Лети, мой конь, себѣ твой витязь не измѣнитъ:
Не бывъ рабомъ судьбы, онъ не уступитъ ей!

Пусть будетъ одинокъ твой всадникъ, умирая;
Навстрѣчу смерти самъ, безстрашный, онъ пойдетъ!
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Безумныхъ силъ твоихъ не пропадетъ затрата,
И не заглохнетъ путь, протоптанный тобой:
Имъ облегчу я путь грядущій для собрата,
Имъ облегчу борьбу грядущему съ судьбой!..

Летитъ мой конь впередъ, дорогъ не разбирая,
А черный воронъ вслѣдъ зловѣщій крикъ свой шлетъ.
Лети, мой конь, лети, усталости не зная,
И по вѣтру развѣй печальной думы гнетъ!

Князь Рафаилъ Давидовичъ ЭРИСТОВЪ.

ПѢСНЬ ХЕВСУРА О РОДИНѢ.

Гдѣ я родился и выросъ, стрѣлы металъ и рѣзвился,
Гдѣ надъ могилами предковъ думалъ о нихъ и молился,—
Тамъ—моя родина; съ нею съ дѣтства душой я сроднился.

Нѣтъ! не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ! не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Милы мнѣ черныя скалы; тамъ, у вершины ихъ снѣжной,
Горный гнѣздится орелъ; шумятъ водопады мятежно.
Тамъ я охочусь на туровъ; мясо ихъ вкусно и нѣжно.

Нѣтъ! не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ! не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Если бы въ полномъ довольствѣ жить мнѣ пришлось на равнинѣ,
Все бы стремился я въ горы, точно магнитъ въ ихъ вершинѣ!
Лучше въ горахъ умереть, чѣмъ жить и томиться въ долинѣ!

Нѣтъ! не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ! не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Если-бъ меня на чужбинѣ встрѣтили съ царскимъ почетомъ,
Тронъ и дворецъ предложили, съ войскомъ несмѣтнымъ и флотомъ,
Жизнью клянусь я своею,—я-бъ не увлекся расчетомъ!..

Нѣтъ! не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ! не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Матери грудь и отчизна—обѣ намъ незамѣнимы;
Обѣ—очей намъ дороже! вѣрь мнѣ, собратъ мой любимый:
Только одинъ Богъ Предвѣчный; только одинъ край родимый!

Нѣтъ! не отдамъ и за древо безсмертья скалу я крутую!
Нѣтъ! не отдамъ и за рай чужеземный отчизну святую!

Зачѣмъ же зеркало тебѣ, моя шалунья?
Что ты прекрасна—знаешь ты.
Холодное-жъ стекло и отразить не въ силахъ
Всѣхъ чаръ волшебной красоты.

Но если точно ты себя желаешь видѣть,—
Взгляни хоть разъ въ глубь сердца мнѣ!
И въ немъ увидишь ты во всей красѣ свой образъ,
Тамъ отразившійся вполнѣ.

Князь Илья Григорьевичъ ЧАВЧАВАДЗЕ.

Арагва

(изъ поэмы „Ачрдили").

О родная Арагва моя,
Какъ глубоко люблю я тебя!
Было время, сильна и смѣла
Здѣсь отчизна моя расцвѣла;
Древней славы ея ореолъ
Надъ волнами твоими взошелъ,
И грузинъ, здѣсь рождаясь на свѣтъ,
Отъ тебя слышалъ первый привѣтъ;
Для него былъ значенія полнъ
Ропотъ быстро несущихся волнъ,—
И въ защиту родимыхъ долинъ
Грудью сталъ у Арагвы грузинъ,—
Кровь лилась подъ рукою врага,
Обагряя твои берега!
Тамъ, гдѣ съ мутно-тревожной Курой
Ты сливаешься свѣтлой струей,
Тамъ потокъ нашей жизни шумѣлъ,
Тамъ и кликъ боевой нашъ гремѣлъ!
Шли года, шли за ними вѣка,
Много волнъ прокатила рѣка,
Много воиновъ въ битвѣ легло,
Много въ вѣчность преданій ушло...
Сколько разъ я свой взоръ устремлялъ
Въ твои волны! Чего я искалъ?
Я о прошломъ отчизны мечталъ,
Я Арагву о немъ вопрошалъ...
Но лишь кровь, что лилась здѣсь рѣкой,
Мнѣ давала отвѣтъ роковой.

Съ тѣхъ поръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ полюбилъ я Грузію родную,
Я потерялъ навѣкъ и сонъ свой и покой;
Дыханье притаивъ, слежу за ней, ревную,
И пульсъ ея ищу трепещущей рукой.

Проходятъ ночи, дни; въ умѣ рой мыслей бродитъ,
И сердце, о мой край! терзается, любя.
Но я не сѣтую: я радъ, что жизнь проходитъ
Въ любви моей къ тебѣ, въ тревогѣ за тебя.

И лишь одно меня, о родина святая,
И мучитъ и томитъ: что здѣсь, въ родномъ краю,
Среди столькихъ людей—я одинокъ, страдая,
И не съ кѣмъ раздѣлить любовь къ тебѣ мою.

Князь Акакій Ростомовичъ ЦЕРЕТЕЛИ.

Желаніе.

Хочу свободы я для милой:
Хочу, что-бъ не могли пугать
Мою возлюбленную силой,
Не смѣли лаской увлекать!

Хочу, что-бъ имя дорогое
Гремѣло вновь, какъ встарину,
Что-бъ всѣ, кому оно—родное,
Слились на вѣкъ въ семью одну.

Хочу, что-бъ лира Руставели
Ее прославила бы вновь,
И что-бъ тѣ звуки разогрѣли
Въ насъ холодѣющую кровь.

Хочу еще... но нѣтъ: довольно!
Обрѣжемъ крылья у мечты,—
Не то, поэтъ, мечтой свободной
Чего не пожелаешь ты!

Больная.

О нѣтъ! не умерла она:
Она лишь спитъ и вновь проснется,
Кто ей навѣкъ желаетъ сна,
Тотъ смерти самъ скорѣй дождется!

Изнемогла она въ борьбѣ,—
Но вновь окрѣпнетъ на покоѣ;
Отчаянье въ ея судьбѣ
Есть заблужденье роковое.

И сердце чувствуетъ въ груди,
И вѣритъ умъ, что волей Бога
Еще надолго впереди
Открыта въ мірѣ ей дорога.

Мы лишены ея даровъ,
Но все же ей мы не измѣнимъ.
Могучій, гордый духъ отцовъ
Мы хоть терпѣніемъ замѣнимъ.

Пускай она насъ разоритъ
И пуститъ по міру съ сумою:
Кто честность нищаго сравнитъ
Со всей Іудиной казною?!

О нѣтъ! не умерла она!
Она лишь спитъ и вновь проснется—
И тѣхъ прославитъ имена,
Чье сердце къ ней участьемъ бьется.

Князь Маміа ГУРІЕЛИ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ „РАШИДЪ ВАРДАНИДЗЕ".

I.

Есть крѣпость на склонѣ Карчхали.
Когда-то, въ дни славной войны,
Ее „недотрогой" прозвали,
Защитницей вѣрной страны.
А нынѣ—людьми позабыта,
Давно никому не нужна,
Разрушена, мохомъ покрыта,
На холодѣ стынетъ она
И, суднаго дня ожидая,
Стоитъ съ обнаженной главой,
По голымъ бокамъ поростая
Колючей и сорной травой.

II.

А тамъ, за оградой, гдѣ прежде
Былъ только героевъ пріютъ,—
Въ нарядной зеленой одеждѣ
Злыхъ ящерицъ стаи снуютъ;
Тяжелую кладь нагружаютъ
На крошекъ-рабовъ муравьи,
А желтые осы вонзаютъ
Въ рабовъ этихъ жала свои;
Червякъ небольшой, но смышленный,
Такъ мѣрно ползетъ, словно самъ
Весь бархатъ лужайки зеленой
Онъ смѣритъ взялся по вершкамъ.
Вверху въ амбразурахъ засѣла
Надъ гнѣздами стая галчатъ,
И тамъ, гдѣ оружье звенѣло,
Ихъ хриплые крики звучатъ.
Вотъ по-небу тянется что-то,
Неясно виднѣясь вдали...
Ага! узнаю по полету:
То стаей летятъ журавли.
Все въ высь вереница ихъ вьется...
Вдругъ кречетъ: вспугнувъ журавлей,
Стремительнѣй барса несется
Онъ вслѣдъ за добычей своей.
Уже имъ настигнута стая,
А онъ, по лазури небесъ
Какъ вихрь вертикально взлетая,
Все выше летитъ... вотъ исчезъ...
Вотъ снова блеснулъ и съ налета
Какъ молнія врѣзался онъ
Въ средину всего перелета...
Безсильны тутъ хитрость и стонъ!
Добычу свою безпощадно
Влечетъ на Карчхали, злодѣй,
И тамъ насыщается жадно
Несчастною жертвой своей.

III.

А онъ, тотъ Карчхали могучій,
Щитъ Грузіи въ прежнихъ бояхъ,
Главой упираясь въ тучи,
Безстрастно стоитъ на часахъ.
Сѣдины его обвиваютъ
Туманы, какъ думы, кругомъ...
Кто смыслъ этихъ двумъ разгадаетъ,
И кто ихъ опишетъ перомъ?

Когда эти горы Кавказа
Простой ручеекъ бороздитъ,
Тотъ видъ, столь пріятный для глаза,
Мнѣ сердце невольно щемитъ.

Мнѣ чудится,—старыя раны
Раскроетъ живая струя,
И крови горячей фонтаны
Вдругъ хлынутъ изъ лона ручья.

Князь Григорій Дмитріевичъ ОРБЕЛІАНИ

(1801 + 1883).

Вечеръ разлуки.

Солнце склонилось на западъ, и лучъ его поздній къ Кавказу
Нѣжно прильнулъ, какъ дитя предъ разлукой съ отцемъ сѣдовласымъ;
Горы, задумчиво высясь главами до самаго неба,
Словно гиганты въ вѣнцахъ ледяныхъ взгромоздились надъ бездной;
Черныя тучи повисли на ребрахъ ихъ мрачныхъ уступовъ;
Гнѣвно оттуда грозятъ онѣ цѣлому міру шопотомъ;
Ниже ихъ—лѣсъ, окаймленный полями, какъ лентой зеленой,
Благоухая, подножіе горъ украшаетъ собою;
Сыплютъ алмазами въ пропасть бѣгущіе съ горъ водопады;
Скачущій Терекъ реветъ—и въ ущельяхъ тотъ ревъ отдается.

Съ грустью гляжу я впередъ, все впередъ—на большую дорогу:
Мчится карета по ней—и уноситъ съ собою навѣки
Ту, что мнѣ свѣтомъ небеснымъ доселѣ всю жизнь озаряла,
Ту, что собой возвышала мой духъ надъ предѣлами міра...
Ты уѣзжаешь! Прости! Но пока во мнѣ жизнь не угаснетъ,
Благословенье мое тебѣ будетъ сопутствовать всюду.
Мнѣ же тебя не видать—и не вѣдать ужъ радостей сердцу!
Трудъ и забота отнынѣ будутъ мнѣ вѣчнымъ удѣломъ.

Быстро несется карета. Все дальше уноситъ съ собою
Милая душу мою... Вотъ карету въ дали еле видно.
Вотъ она скрылась въ туманѣ. Безумецъ, на что же гляжу я?
Рвутся изъ устъ моихъ стоны, и сердце отъ муки трепещетъ.
Милая! Ты услаждала мнѣ жизнь безпредѣльнымъ блаженствомъ,
Ты пробудила въ груди моей сердце для страсти и счастья!
И уѣзжаешь! Твой образъ мнѣ жизненный путь не освѣтитъ!
И не утѣшитъ меня ужъ нѣжный твой голосъ въ печали!
Въ чемъ же могу я найти утѣшеніе въ мірѣ для сердца?
Если и ты не жалѣешь покинуть меня на страданье,
Если и ты не боишься отнять все блаженство у сердца,—
Кто же отворитъ мнѣ двери въ храмъ счастья, погибшаго счастья?
О, для чего я повѣрилъ, что будетъ оно безконечно?
Вотъ и разлука... Прости, о прости,—и будь счастлива въ жизни.
Мой же удѣлъ на землѣ—угасать безнадежно и молча.
Если исчезла надежда,—жалобой горя не сбудешь!

Вечеръ. Стемнѣло. Одинъ я съ своей безпредѣльною скорбью.
Тихо кругомъ. Лишь порой голосъ стража вдали раздается.
Вижу я въ выси небесъ очертанія горъ величавыхъ,
И надъ вершиной Казбека вечернюю звѣздочку вижу;
Слышу, какъ падая съ горъ, водопады теряются въ безднахъ;
Слышу, какъ Терекъ реветъ,—и въ ущельяхъ тотъ ревъ отдается.

IX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Пояснительная записка къ „Краткому списку книгамъ, статьямъ и изданіямъ, относящимся къ Кавказовѣдѣнію". [1])

Въ концѣ 1886 года мнѣ было поручено составить означенный списокъ, предназначенный тогда не для печати. Въ концѣ истекающаго года найдено нужно отпечатать этотъ списокъ. Пришлось его пополнить сочиненіями, появившимися съ 1887 г. по настоящее время. Въ этомъ отношеніи намъ оказалъ содѣйствіе многоуважаемый Н. К. Зейдлицъ.

Сообразно начертанному плану, въ списокъ должны были войти сочиненія, необходимыя для ознакомленія въ общихъ чертахъ съ Кавказомъ. При всемъ нашемъ стараніи сдѣлать вышеозначенный перечень по возможности краткимъ, онъ вышелъ все-таки довольно пространнымъ. Главная причина этого заключается въ томъ, что въ литературѣ, относящейся къ Кавказовѣдѣнію, находится весьма ограниченное число удовлетворительныхъ компендіумовъ. Пришлось поэтому по необходимости указывать подчасъ на изрядное количество монографій. Далѣе, хотя въ кавказской литературѣ существуетъ громадное количество отдѣльныхъ монографій, но онѣ по большей части или слишкомъ спеціальны, или составлены крайне небрежно. Нужно было сдѣлать самый тщательный выборъ изъ огромной кавказской литературы, причемъ, имѣя въ виду цѣль предлагаемаго каталога, мы должны были, скрѣпя сердце, выбросить изъ него даже капитальныя сочиненія и статьи, но носящія слишкомъ спеціальный характеръ, а съ другой стороны—включить въ списокъ книгъ иногда посредственныя изданія, единственно въ силу того, что они представляютъ обобщенія.

Для того, чтобы предоставить возможность лицамъ, не ознакомленнымъ съ литературою, относящеюся къ Кавказовѣдѣнію, вѣрнѣе оріентироваться въ предлагаемомъ каталогѣ, мы помѣстили въ немъ поясненія и указанія. Сознаемся въ томъ, что послѣднія сдѣланы вообще не такъ обстоятельно, какъ это было бы желательно. Въ оправданіе наше, сошлемся на тотъ фактъ, что въ 1886 г. въ нашемъ распоряженіи было около трехъ недѣль, а въ истекшемъ году еще меньше времени.

Мы должны коснуться еще одного обстоятельства. Въ началѣ списка помѣщены у насъ сочиненія и изданія, которыя относятся къ отдаленному времени и которыми, вѣроятно, рѣдко кто изъ лицъ, пожелавшихъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ Кавказомъ, станетъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, пользоваться; но отсутствіе ихъ въ какомъ-бы то ни было каталогѣ по Кавказовѣдѣнію было-бы, по меньшей мѣрѣ, странно. Такихъ, однако, сочиненій въ нашемъ спискѣ очень немного. Не могли мы также не указать на многотомные сборники по Кавказовѣдѣнію, издаваемые въ краѣ, къ которымъ, въ виду отсутствія цѣлесообразныхъ компендіумовъ, приходится невольно обращаться.

Въ заключеніе, намъ остается пожелать, чтобы нашъ трудъ принесъ пользу лицамъ, желающимъ ознакомиться съ Кавказомъ, и чтобы онъ вызвалъ труды, болѣе удовлетворительные въ этомъ отношеніи.

Л. З—скій.

15 декабря 1889 г.

[1]) „Кавказскій Календарь" 1890 г.

Краткій списокъ книгамъ, статьямъ и изданіямъ относящимся къ Кавказовѣдѣнію.

А) Книги и изданія, касающіяся всего Кавказа или же болѣе значительныхъ его территорій.

1*. Гильденштедтъ, академикъ. Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, изъ путешествія черезъ Россію и по Кавказскимъ горамъ, въ 1770—73 гг. Спб. 1809 г.

Сочиненіе представляетъ извлеченіе изъ сочиненія „Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebirge. Auf Befehl der Russisch-Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften".

Со времени Гильденштедта начинается серьезное изслѣдованіе края [1]).

2*. Klaproth. Voyage au mont Caucase et en Géorgie (en 1807 et 1808) 2 vol. Paris, 1823. Раньше этого времени трудъ Клапрота былъ изданъ на нѣмецкомъ языкѣ.

3*. Klaproth. Tableau historique, géographique ethnographique et politique du Caucase et des provinces limitrophes entre la Russie et la Perse. Paris, 1827.

Трудъ Клапрота, представляющій главнымъ образомъ компиляцію изъ прежнихъ трудовъ о Кавказѣ, не лишенъ и самостоятельности.

4*. Gamba. Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au-delà du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824. 2 vol, Paris, 1826.

Въ трудѣ Гамбы встрѣчаются новыя для тогдашняго

Поясненіе. Сочиненія, обозначенныя знакомъ *, имѣютъ значеніе главнымъ образомъ въ исторіи Кавказовѣдѣнія.

[1]) Кавказъ еще съ отдаленныхъ временъ обращалъ на себя вниманіе просвѣщенныхъ народовъ: о немъ разбросано не мало свѣдѣній въ сочиненіяхъ древнихъ классическихъ и арабскихъ писателей. Сообщали о немъ свѣдѣнія и путешественники среднихъ вѣковъ (Марко Поло, Плано Карпини, Рубруквисъ, Контарини, Барбаро). Больше вниманія на Кавказъ стали обращать съ XVII вѣка: Олеарій, Ламберти, Шампи, Тавернье, Шарденъ, ботаникъ Турнефоръ (въ началѣ уже XVIII в.) и др. отвели въ описаніи своихъ путешествій не мало мѣста и Кавказу. На первомъ планѣ нужно поставить трудъ Шардена, отличающійся живостью изложенія. Вотъ оглавленіе его: Chardin, Jean, chevalier. Journal du voyage en Perse et aux Indes Orientales par la Mer Noire et par la Colchide. Londres, 1686. Появилось не мало изданій этого труда.

Время путешествія Гильденштедта предшествуетъ эпохѣ начала утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ. Почти одновременно съ Гильденштедтомъ совершали путешествія по Кавказу: знаменитый Палласъ, гр. Тепоцкій, Рейнеггсъ и Гмелинъ.

времени свѣдѣнія. Въ немъ идетъ, между прочимъ, рѣчь о произведеніяхъ края и о торговлѣ.

5*. Eichwald. Reise auf dem Kaspischen Meere und im Kaukasus. Unternommen in den Jahren 1825—1826.

Этотъ трудъ, не всегда отличающійся критицизмомъ, представляетъ много новыхъ въ то время свѣдѣній о восточной части края.

6*. Легкобытовъ. Обозрѣніе россійскихъ владѣній за Кавказомъ, въ статистическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, произведенное и изданное по Высочайшему соизволенію. 4 части, Спб., 1836.

Первый трудъ по изслѣдованію Кавказа, предпринятый въ самомъ краѣ.

7*. Dubois de-Montpéreux. Voyage autour du Caucase chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. 6 vol. Paris 1839—1843. Avec un atlas (in folio) geógraphique, pittoresqe, archéologique, géologique etc.

Дюбуа де-Монперэ въ высшей степени даровитый и многосторонній ученый (геологъ, ботаникъ, археологъ и т. п.), ознакомившись обстоятельно съ тѣмъ, что было сдѣлано до него по изслѣдованію Кавказа, совершилъ въ 1834 и 35 гг. путешествіе по краю. Въ результатѣ получился трудъ, не потерявшій своей цѣнности и въ настоящее время. По своему живому и простому изложенію, онъ составляетъ теперь библіографическую рѣдкость. Въ особенности весьма трудно пріобрѣсти относящійся къ нему атласъ.

8*. Koch, C. Wanderungen im Oriente während der Jahre 1843 und 1844; 3 Bände: B. 2—Reise im Pontischen Gebirge und im türkischen Armenien; B. 3—Reise in Grusien, am Kaspischen Meere und im Kaukasus.

Сочиненіе имѣетъ главнѣйшимъ образомъ значеніе для естествовѣдѣнія.

9*. Gagarine, prince Crégoire, et Stackelberg, comte Ernest. Le Caucase pittoresque, dessiné d'après la nature. Avec une introduction et un texte explicatif par le comte Stackelberg. Paris, 1847—1849. Planches LX litographiées par les artistes les plus éminents.

„Le Caucase pittoresque" составляетъ прекрасное дополненіе къ атласу Дюбуа.

10*. Муравьевъ, А. Н. Грузія и Арменія, 3 части. Спб., 1848.

Сочиненіе заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ свѣдѣній о христіанскихъ храмахъ на Кавказѣ.

11*. Березинъ, А. Путешествіе по Дагестану и Закавказью, съ картами, планами и видами замѣчательнѣйшихъ мѣстъ. 3 части. Казань, 1850 г.

Сочиненіе имѣетъ значеніе въ этнографическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

12*. Гакстгаузенъ, баронъ. Закавказскій край. Замѣтки о семейной жизни и общественной и отношеніяхъ народовъ, обитающихъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Путевыя впечатлѣнія и воспоминанія. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб., 1857 г.

Сочиненіе, пользовавшееся въ свое время не вполнѣ заслуженною извѣстностью: авторъ его слишкомъ довѣрчиво относился къ показаніямъ тѣхъ лицъ, у которыхъ почерпалъ свѣдѣнія.

13*. Константиновъ. Дорожникъ по пути слѣдованія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника по Закавказскому краю въ 1850 г., съ краткими описаніями: этнографическимъ, статистическимъ и историческимъ. Тифлисъ, 1850 г.

Первая попытка составленія путеводителя по Кавказу. Онъ былъ потомъ пополненъ.

14. Надеждинъ, П. П. Природа и люди на Кавказѣ, по разсказамъ путешественниковъ, поэтическимъ произведеніямъ Пушкина, Полонскаго и ученымъ изслѣдованіямъ. Спб., 1869 г.

Первый опытъ географической христоматіи Кавказа. Во многихъ мѣстахъ выборъ сдѣланъ удачно. Книга читается легко. Въ настоящее время авторъ предпринимаетъ 2-е, дополненное изданіе.

15. Дубровинъ, Н. О. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Томъ I-й состоитъ изъ 3 книгъ: книга 1 и 2 заключаютъ въ себѣ „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ", а 3-я—библіографическій указатель источниковъ къ первымъ двумъ книгамъ. Спб., 1871 г.

Авторъ черпалъ свои свѣдѣнія изъ журнальныхъ и газетныхъ статей и изданій, появившихся на русскомъ языкѣ, при чемъ не избѣжалъ и противорѣчій. Компилятивный трудъ г. Дубровина посвященъ главнымъ образомъ этнографическому описанію кавказскихъ народовъ. Ему предпосланъ коротенькій орографическій и гидрографическій очеркъ края; классификація кавказскихъ народовъ не научная. Во всякомъ случаѣ, трудъ г. Дубровина представляетъ собою попытку обобщенія свѣдѣній о краѣ. Читается легко.

Примѣчаніе. Остальные томы посвящены историческимъ очеркамъ (м. Историческій отдѣлъ).

16. Reclus, Elisée. Nouvelle Géographie Universelle. Livre VI. L'Asie Russe, 1881. Переводъ на русскомъ языкѣ изданъ въ 1883 г.

2-я глава VI книги „Новой Всеобщей Географіи" посвящена описанію Кавказа (отъ 59 до 303 стр.). Къ описанію приложено много картъ, профилей и гравюръ. Описаніе хотя и не полное, но все-таки довольно цѣльное. Оно распадается на: общее и частное (на послѣднее обращено главное вниманіе). Физико-географическое описаніе края составлено довольно удовлетворительно, оно отличается большею вѣрностью и полнотою сообщаемыхъ свѣдѣній (въ него входятъ: рельефъ страны, геологія, климатъ, флора и фауна). Этого нельзя сказать объ этнографическомъ описаніи края, въ которомъ встрѣчаются иногда ошибочныя свѣдѣнія. Классификація кавказскихъ народовъ довольно сбивчива, вслѣдствіе того, что авторъ въ этомъ случаѣ пользовался источниками весьма сомнительнаго достоинства (какъ, напр., трудомъ г. Риттиха). Во всякомъ случаѣ, трудъ Реклю представляетъ пока лучшую попытку описанія края по районамъ. Изложеніе живое.

17. Живописная Россія. Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ и бытовомъ значеніи. Т. IX. Кавказъ. Съ 175 рисунками въ текстѣ и 44 отдѣльными картами, рѣзанными на деревѣ. Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ. Спб., 1883 г.

IX т. Живописной Россіи заключаетъ въ себѣ общій очеркъ Кавказа и 12 частныхъ очерковъ. Общій очеркъ сообщаетъ совершенно превратныя свѣдѣнія о Кавказѣ. Не мало ошибочныхъ свѣдѣній попадается и въ частныхъ очеркахъ; особенно страдаютъ орографія и этнологія, самыя слабыя части вообще у составителей описанія края. Книга не даетъ цѣльнаго представленія о краѣ. Изложеніе (частныхъ очерковъ) довольно оживленное и книга читается легко. Многіе рисунки не вѣрны.

18. Литвиновъ, М. Окраины Россіи. I. Кавказъ. Изданіе 2-е, исправленное. Спб., 1884 г.

Эта маленькая книжечка (52 стр.) заключаетъ въ себѣ краткіе физико-географическій и этнографическій обзоры края; за ними слѣдуетъ обзоръ границъ въ стратегическомъ отношеніи. Авторъ, при составленіи своей монографіи, обратился къ изданіямъ Кавк. отдѣла Импер. русск. геогр. общ. и къ трудамъ, имѣющимъ цѣнность въ научномъ отношеніи. Вотъ почему въ его монографіи нѣтъ тѣхъ превратныхъ свѣдѣній, напр., по орографіи и этнологіи, какія встрѣчаются въ трудахъ о Кавказѣ, издаваемыхъ въ Имперіи.

19. Владыкинъ, М. Путеводитель и собесѣдникъ въ путешествіяхъ по Кавказу. Въ 2-хъ частяхъ. 2-е. Москва, 1885 г.

Авторъ пользовался главнымъ образомъ трудомъ г. Дубровина. „Путеводитель" довольно сносенъ, но „Собесѣдникъ" нерѣдко вдается въ бесѣды, не характеризующія ни края, ни его жителей. Разсказъ оживленный.

20. Мечъ, С. Кавказъ, 2-е дополнен. изданіе. Москва, 1886 г.

Это небольшая книжечка, составленная подъ вліяніемъ IX т. „Живописной Россіи". Авторъ сообщаетъ общія характеристики степей Сѣвернаго Кавказа, Большого Кавказа и Закавказья. Лучшія мѣста—это очерки флоры и фауны.

21. Orsolle, E. Le Caucase et la Perse (pp. 407). Paris, 1885 г.

Большая половина книги посвящена Кавказу. Авторъ побывалъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Онъ описываетъ свои путевыя впечатлѣнія, при чемъ сообщаетъ свѣдѣнія о краѣ, почерпнутыя главнымъ образомъ изъ французскихъ источниковъ. Трудъ г. Орсолля нельзя назвать солиднымъ; онъ не чуждъ и курьезовъ: г. Орсолль нисколько не церемонится съ географическими и этнографическими названіями, которыя нерѣдко у него страшно искажены.

22. Вейденбаумъ, Е. Г. Путеводитель по Кавказу. Съ 12-ю рисунками и дорожною картою. Страницъ текста 416 и алфавитнаго указателя 18. Тифлисъ, 1888 г.

Книга раздѣляется на 2 части: въ первой заключается общее обозрѣніе цѣлаго края, а во второй—описаніе главнѣйшихъ пунктовъ, расположенное по маршрутамъ (это-то собственно и есть Путеводитель). Большую половину занимаетъ первая часть, да и во второй части есть такія статьи, какъ, напр., краткій очеркъ исторіи Грузіи, и другія, которыя должны были-бы быть отнесены къ первой части. Въ описаніи пунктовъ значительно преобладаетъ историческій элементъ. Отдѣлы первой части изложены сжато, за исключеніемъ очерка этнографіи Кавказскаго края и „Историческаго очерка распространенія русской власти на Кавказскомъ перешейкѣ". Послѣдній очеркъ занялъ болѣе 1/3 первой половины книги (но ему не предпосланъ историческій обзоръ политическаго состоянія края предъ утвержденіемъ въ послѣднемъ русскаго владычества). Связь между отдѣлами болѣе внѣшняя. Въ книгѣ попадаются погрѣшности, но онѣ, можно сказать, неизбѣжны при единоличной и спѣшной работѣ. Есть нѣкоторыя неточности на картѣ, приложенной къ книгѣ (напр., Артвинъ придвинутъ къ самой границѣ, а половина Ольтъ обозначена на турецкой территоріи и т. д.).

Въ заключеніе, мы, вопреки отзывамъ столичной прессы о „Путеводителѣ", рѣшаемся утверждать, что этотъ трудъ, по массѣ заключающихся въ немъ свѣдѣній, переданныхъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вѣрно, долженъ быть отнесенъ къ категоріи книгъ, весьма полезныхъ для тѣхъ, которые пожелаютъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ Кавказомъ.

23. Кавказъ. Справочная книга, составленная Старожиломъ. Въ 1/16 долю листа 411 страницъ. Съ картою Кавказскаго края (въ масштабѣ 80 верстъ въ дюймѣ). Тифлисъ, 1887 г.

Въ предисловіи сказано, что означенная книжка должна служить сборникомъ энциклопедическихъ свѣдѣній оКавказѣ. Дѣйствительно, въ этотъ энциклопедическій сборникъ вошли самые разнородные предметы: гостиницы и спеціальныя изслѣдованія по геологіи, буфеты и кавказскіе языки, извощичья такса и исторія Кавказа, и т. д., и т. д. Но лица, желающія ознакомиться съ состояніемъ научныхъ изслѣдованій на Кавказѣ, навѣрное не обратятся къ справочной книгѣ Старожила: для этого имѣются другія *справочныя* книги. Гораздо лучше было бы позаботиться о томъ, чтобы „Справочная книга" была полезною для пріѣзжающихъ на Кавказъ, а между тѣмъ по ней нельзя даже ориентироваться при посѣщеніи важнѣйшихъ пунктовъ. Часто нѣтъ и помину о достопримѣчательностяхъ данного города (такъ, напр., при описаніи Тифлиса, нѣтъ ни слова о такихъ достопримѣчательностяхъ, какъ Сіонскій соборъ, Анчисхатская церковь и т. д.). Судя, однако, по изложенію нѣкоторыхъ отдѣловъ книжки, имѣемъ право ожидать, что 2-е ея изданіе, начавшееся въ этомъ году, явится въ другомъ видѣ [1]).

24. Проценко, Ю. П. Краткая географія Кавказа. По сравнительному методу. 120 стр. Тифлисъ, 1889 г.

Послѣ коротенькаго обзора края, авторъ принимается за частное описаніе „по сравнительному методу". Въ этомъ описаніи сопоставляются иногда части края, не имѣющія ничего общаго между собою, какъ, напр., губерніи Бакинская и Кутаисская, Черноморскій округъ и Эриванская губ. Подобныя сопоставленія могутъ повести къ сбивчивости. Краткая географія сообщаетъ иногда невѣрныя свѣдѣнія о краѣ (по орографіи, этнологіи и т. д.). Весьма оригинальны нисколько не идущія къ дѣлу филологическія толкованія, разсѣянныя въ книгѣ. Замѣтимъ, однако, что въ ней попадаются не лишенныя интереса свѣдѣнія о занятіяхъ и бытѣ жителей.

25. Карты Кавказскаго края, составленныя топографическимъ отдѣломъ кавказскаго военнаго округа: 40-верстная, 20-верстная, 10-верстная и рельефныя карты.

Карта 40-верстная въ первый разъ издана въ 1868 г. Кавказск. Отдѣломъ Импер. Русск. Географ. Общества. Съ тѣхъ поръ она постоянно исправляется. Техническая ея отдѣлка предоставляетъ возможность легко ориентироваться; на ней обозначены границы административныхъ отдѣловъ (губерній, уѣздовъ), дороги и т. д. На поляхъ ея помѣщены названія этихъ отдѣловъ, показаны: абсолютная высота замѣчательнѣйшихъ вершинъ, главнѣйшіе перевалы, предѣлы произрастанія лѣса, разныхъ культурныхъ растеній и т. д. [2]). 40-верстная карта, по технической отдѣлкѣ, уступаетъ 10-верстной картѣ Кавказскаго края, составленной тоже въ топографическомъ отдѣлѣ кавказскаго военнаго округа и отлитографированной въ 1869 г. въ Готѣ. Второго изданія не было. Въ этомъ же отдѣлѣ составлены: рельефная карта Кавказа и рельефная карта театра войны 1877—78 гг. въ Азіятской Турціи, со смежными частями Закавказскаго края. Она окончена въ 1884 г.

26. Списки населенныхъ мѣстъ губерній: Бакинской, Эриванской, Кутаисской, Ставропольской, областей: Терской и Кубанской (эти списки помѣщены въ „Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, издаваемомъ кавказскимъ статистическимъ комитетомъ"), далѣе—Дагестанской области (помѣщен. въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній", изданномъ кавк. отдѣломъ импер. русск. геогр. общества) и Тифлисской губерніи (напечат. въ 1-мъ вып. 1 тома Сборника матеріаловъ для описанія Тифлисской губерніи).

Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ, которые составилъ, подъ редакціею Н. К. Зейдлица, кавказскій статистическій комитетъ, точно обозначено географическое ихъ положеніе; къ нимъ же приложены обстоятельные алфавитные указатели. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагестанской области, составленныхъ А. В. Комаровымъ (бывшимъ начальникомъ Закаспійской области), сообщена правильная транскрипція населенныхъ пунктовъ, пояснено этимологическое значеніе многихъ изъ нихъ и сдѣланы весьма цѣнныя этнографическія и географическія поясненія. Цифровыя данныя, помѣщенныя въ означенныхъ спискахъ, конечно, подверглись измѣненіямъ [3]).

[1]) До сихъ поръ у насъ имѣется единственный путеводитель, удовлетворяющій своему назначенію,—это „Путеводитель и справочная книга къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ" (издан. въ 1888 г., въ Петербургѣ).

[2]) Поясненіемъ этой карты можетъ служить статья „Административные отдѣлы Кавказскаго края", помѣщенная въ V томѣ „Кавказскаго отдѣла импер. русск. географич. общества". Въ ней указаны: географическое положеніе административныхъ отдѣловъ края и этнографическій ихъ составъ, а также сдѣлана характеристика главныхъ составныхъ частей Кавказа. Въ прошломъ году перепечатанъ тотъ выпускъ Извѣстій, въ которомъ помѣщена была означенная статья. Она подверглась исправленіямъ.

[3]) Болѣе свѣжія цифровыя показанія о числѣ жителей и другія статистическія данныя помѣщаются въ кавказскомъ календарѣ, издаваемомъ кавказскимъ статистическимъ комитетомъ.

27. Записки Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества (съ 1852 г.) и Извѣстія Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества (съ 1872 г.). Записокъ вышло 13 книжекъ (изъ нихъ VI, VII, VIII, IX и XII весьма почтеннаго объема, X вышла въ 3-хъ выпускахъ, а XI въ 2-хъ выпускахъ). Въ настоящее время подходитъ къ концу печатаніе 2-го вып. XIII кн. и 1-го вып. XIV кн. Записокъ. Извѣстій вышло 9 томовъ. Имѣются и др. изданія Отдѣла (въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ).

Записки и Извѣстія Отдѣла заключаютъ въ себѣ монографіи и замѣтки по разнымъ отраслямъ Кавказовѣдѣнія и, по разнообразію содержанія, они не уступаютъ, положительно, ни одному изъ органовъ другихъ географическихъ обществъ [1]). Статьи, помѣщаемыя въ органахъ Отдѣла, подвергаются предварительно тщательному просмотру. Благодаря всему этому, Записки и Извѣстія представляютъ, безспорно, источникъ, откуда можно черпать самыя разнообразныя свѣдѣнія о краѣ. Кромѣ того, въ нихъ находится много цѣнныхъ монографій, посвященныхъ описанію Закаспійскаго края и прилежащихъ къ Закавказью частей Азіятской Турціи и Персіи.

28. Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, издававшійся въ Тифлисѣ при Кавказскомъ Горскомъ Управленіи (нынѣ Кавказскомъ Военно-народномъ Управленіи) съ 1867 по 1876 г., подъ редакціею Н. И. Воронова. 9 выпусковъ.

Хотя Кавказскій Отдѣлъ Рус. Географическаго Общества и обратилъ, съ самаго начала своего существованія, вниманіе на изслѣдованіе Кавказскихъ горцевъ; но о горцахъ-мусульманахъ онъ не могъ добыть положительныхъ свѣдѣній по той простой причинѣ, что съ ними велась ожесточенная борьба. По умиротвореніи Кавказа, кавказское военное просвѣщенное начальство, исходя изъ того начала, что, ради лучшаго управленія горцами, нужно ознакомиться съ ними, положило основаніе означенному сборнику. Редакція его поручена была Н. И. Воронову. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать: сборникъ, редактированный Н. И. Вороновымъ, заключалъ самыя разнородныя свѣдѣнія о горцахъ: домашній, семейный и экономическій бытъ, сословное и поземельное устройство обычаи и нравы, вѣрованіе и міровоззрѣніе горцевъ, народное судопроизводство, народныя сказанія, исторія и лингвистика, статистика и географія входили въ составъ Сборника. Но въ 1876 г. вышелъ изъ Кавказскаго Горскаго Управленія Н. И. Вороновъ, и тогда-же прекратилъ свое существованіе Сборникъ, не выполнивъ вполнѣ своего назначенія.

29. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, издаваемый въ Тифлисѣ (съ 1881 г.). 8 выпусковъ.

Сборникъ раздѣляется на 2 отдѣла: первый посвященъ описанію мѣстностей, во второмъ помѣщаются народныя сказанія, преданія, пѣсни, пословицы, поговорки и т. д. Отступленіе отъ этой программы представляетъ 8-й выпускъ, посвященный цѣликомъ описанію промысловыхъ занятій. Сотрудники Сборника главнымъ образомъ учителя и смотрителя народныхъ училищъ. Къ нимъ, конечно, а слѣд., и къ этому изданію нельзя предъявлять большихъ требованій. Въ Сборникѣ, однако, попадаются иногда замѣтки, заслуживающія вниманія. Попадаются даже монографіи.

30. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи, изданный подъ редакціею Вице-предсѣдателя Имп. Рус. Географическаго Общества, П. П. Семенова. 5 томовъ (съ 1863 по 1885 г.). Спб.

Громадный трудъ, въ которомъ попадается множество статей, посвященныхъ Кавказу. Въ послѣднее время поговариваютъ о дополненіяхъ къ этому труду и о необходимости измѣненій въ немъ, вызванныхъ временемъ Можно надѣяться, что въ обновленіи Географическо-статистическаго словаря Имперіи нашъ Отдѣлъ приметъ дѣятельное участіе по отношенію къ Кавказу.

Б) Монографіи, статьи и изданія, посвященныя отдѣльнымъ отраслямъ Кавказовѣдѣнія [1]).

I. По физической географіи вообще:

1. Тороповъ, Н. Опытъ медицинской географіи Кавказа относительно перемежающихъ лихорадокъ. Спб., 1864 г.

Авторъ задался цѣлью разсмотрѣть вліяніе географическихъ условій на развитіе болѣзненности вообще и лихорадокъ въ частности. Преслѣдуя эту цѣль, авторъ набросалъ очеркъ физической географіи. Вотъ отдѣлы: 1) общій взглядъ на Кавказскій край, 2) орографія, 3) геологія, 4) гидрографія, 5) температура, 6) растительность. Трудъ покойнаго Торнова, изложенный живо, даже почти популярно, можетъ быть прочтенъ съ пользою прежде обстоятельнаго ознакомленія съ разными отдѣлами физической географіи Кавказа.

II. По орографіи:

2) Салашкій, Н. Д. Очеркъ орографіи и геологіи Кавказа. Помѣщенъ въ VII кн. Записокъ Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества, въ 1866 г.

Это единственно цѣльная монографія по орографіи Кавказа. Она составлена на основаніи трудовъ Абиха и Щуровскаго. Изложеніе иногда детальное, но общія характеристики сдѣланы довольно мѣтко. Въ монографіи, занимающей 118 стр., отведено 28 стр. геологическому очерку Кавказа. Этотъ краткій очеркъ даетъ понятіе о геологическомъ строеніи края и можетъ пригодится для первоначальнаго ознакомленія съ этимъ предметомъ.

3) Стебницкій І. И. Понтійскій хребетъ. Въ VII томѣ Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества (1882—83 г.).

Статья представляетъ цѣльное описаніе вышеназваннаго хребта, о которомъ въ географическихъ сочиненіяхъ и статьяхъ встрѣчаются лишь отрывочныя свѣдѣнія.

III. По геологіи и минералогіи:

4) Шуровскій, І. Е., профессоръ. Геологическіе очерки Кавказа, составленные по Палласу, Энгельгардту, Парроту, Абиху, Купферу, Эйхвальду, Дюбуа-де-Монпэрэ, Коху и пр. Монографія напечатана была сперва въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1862 г., въ №№ 2, 3 и 4.

Монографія покойнаго талантливаго профессора представляетъ прекрасное обобщеніе добытыхъ наукою изслѣдованій по геологіи Кавказа.

5. Абихъ, Г. В. Разныя монографіи, помѣщенныя въ изданіяхъ Кавк. отд. русск. географ. общ., въ мемуарахъ Импер. академіи наукъ и др. изданіяхъ.

Перечень ихъ помѣщенъ въ №№ 9 и 10 тома V „Извѣстій геологическаго комитета“ [2]).

---

[1]) Разнообразіе содержанія изданій Отдѣла обусловилось мѣстными условіями: въ Тифлисѣ нѣтъ ученыхъ обществъ, занятыхъ разработкою отдѣльныхъ научныхъ отраслей. Вслѣдствіе этого, въ Запискахъ и Извѣстіяхъ Отдѣла помѣщаются и естественно-историческія изслѣдованія, и антропологическія измѣренія, и лингвистическія изысканія, и т. д., и т. д.

[1]) Кавказъ, не дождавшійся до-сихъ-поръ удовлетворительнаго цѣльнаго описанія его, не можетъ похвалиться, не смотря на богатство научнаго матеріала, обиліемъ такихъ монографій, которыя представляли-бы обобщеніе свѣдѣній, добытыхъ по разнымъ отраслямъ Кавказовѣдѣнія.

[2]) Никто не сдѣлалъ столько для геологіи Кавказа, сколько покойный академикъ *Абихъ*: имъ отпечатано болѣе 50 цѣнныхъ монографій и статей. Значительная ихъ часть переведена на русскій языкъ покойнымъ *Кошкулемъ* и помѣщена главнымъ образомъ въ изданіяхъ Кавк. отд. Имп. русск. геогр. общ. Въ нихъ же помѣщены

6. Фонъ-Кошкуль, Ф. Г. Разныя монографіи, помѣщенныя въ Запискахъ Кавк. отд. Импер. русск. географ. общества и въ др. изданіяхъ.

Перечень трудовъ Ф. Г. фонъ-Кошкуля помѣщенъ въ IX томѣ Извѣстій Кавк. отд. русск. геогр. общества (см. стр. 221—223).

7. Матеріалы для геологіи Кавказа, издаваемые Управленіемъ горною частью на Кавказѣ и за Кавказомъ.

Бывшій начальникъ Управленія горною частью на Кавказѣ и за Кавказомъ И. А. Штейманъ, сознавая всю пользу, которую горный промыселъ можетъ извлечь изъ детальныхъ изслѣдованій мѣстностей, изобилующихъ полезными ископаемыми, обыкновенно организовывалъ развѣдочныя партіи изъ горныхъ инженеровъ для геогностическаго изслѣдованія, описанія и составленія картъ разныхъ частей края, въ которыхъ онъ предполагалъ возможность развитія горнаго производства. Труды горныхъ инженеровъ помѣщались въ „Матеріалахъ для геологіи Кавказа". Эти матеріалы уже стали издаваться въ концѣ 60-хъ гг. Издаются они и теперь. Въ нихъ попадаются изслѣдованія, заслуживающія вниманія, какъ, наприм., изслѣдованія гг. Коншина, Бацевича, Симоновича и др.

8. Мёллеръ, В. И. Полезныя ископаемыя и минеральныя воды Кавказскаго края. Съ картою. Тифл., 1889 г.[1]).

Этотъ перечень минеральныхъ богатствъ, болѣе полный (376 стр.), нежели прочіе перечни, появившіеся въ печати, заключаетъ въ себѣ указанія на мѣстонахожденія минераловъ и въ большинствѣ случаевъ на ихъ химическій составъ, но онъ не даетъ понятія ни о степени значенія для края даннаго минерала, ни объ его эксплоатаціи. „Не желая затемнять фактовъ,—говоритъ составитель перечня,—я *умышленно* избѣгалъ особенно значительныхъ обобщеній". Мы съ этимъ не согласны и думаемъ, что только значительныя и, конечно, толковыя обобщенія предоставили бы возможность читателямъ сколько-нибудь ориентироваться въ означенномъ сухомъ перечнѣ; они не затемнили бы, но, напротивъ того, уяснили бы факты. Обобщенія же, о которыхъ говоритъ составитель перечня, занимающія всего на всего только 8 страницъ (отъ 376 до 384 стр.), навряд ли много будутъ содѣйствовать уясненію перечня.

9. Менделѣевъ, Д. И. Бакинское нефтяное дѣло въ 1886 г. Спб.

Эта монографія даетъ понятіе о богатствѣ мѣсторожденій нефти въ Бакинскомъ районѣ[2]).

10. Коншинъ, А. М. Закубанскія нефтяныя мѣсторожденія и нефтяныя мѣсторожденія Таманскаго полуострова. Въ Матеріалахъ для геологіи Кавказа (см. серію 2-ю, книгу 2-ю, вып. 2-й). Тифлисъ, 1888. Обстоятельное извлеченіе помѣщено во 2-мъ вып., IX т. Извѣстій Кавк. отдѣла русск. географ. общ.

Монографіи А. М. Коншина представляютъ пока лучшій источникъ для ознакомленія съ означенными мѣсторожденіями нефти.

11. Кёппенъ, А. Азія, проектированныя въ ней желѣзныя дороги и ея каменноугольныя богатства. По Гохштеттеру составилъ и дополнилъ горный инженеръ А. Кёппенъ. Спб., 1877 г.

Г. Кёппенъ разработалъ обстоятельнѣе ту часть труда, которая касается каменноугольныхъ мѣсторожденій въ азіятскихъ владѣніяхъ Россіи. Извлеченіе изъ труда г-на Кёппена, по отношенію къ Кавказу и смежнымъ странамъ, помѣщено въ V т. Извѣстій Кавк. отд. Импер. русскаго геогр. общества (отъ стр. 85 до 92). Оно пополнено замѣткою о кубанскомъ каменномъ углѣ (отъ стр. 93 до 98).

12. Марганцевый промыселъ въ Шорапанскомъ уѣздѣ, Кутаисской губерніи. Статья издана отдѣльною брошюрою (она находится въ складѣ изданій Кавк. отдѣла геогр. общества). Тифлисъ, 1886 г.

Брошюра знакомитъ съ состояніемъ этого промысла и показываетъ несостоятельность доводовъ тѣхъ лицъ, которыя высказались противъ развитія марганцевой промышленности [1]).

13. Скоровъ, М. В. Минеральныя воды Кавказскаго Намѣстничества (статья, помѣщенная въ Кавказскомъ Календарѣ на 1877 годъ, занимаетъ 36 страницъ).

Эта толково составленная замѣтка представляетъ краткій обзоръ минеральныхъ водъ, изслѣдованныхъ до 1877 г.

14. Radde, G. Vier Vorträge über den Kaukasus. Gotha, 1874. Изданы отдѣльною брошюрою въ приложеніяхъ къ Petermann's Mittheilungen. 3 er Vortrag «Die unorganische Welt im Kaukasus in ihrer Benutzung durch den Menschen».

Бѣглый обзоръ минеральныхъ богатствъ края, въ томъ числѣ и минеральныхъ водъ. Авторъ говоритъ и объ эксплоатаціи этихъ богатствъ.

IV. По гидрографіи.

15. Герсевановъ, М. Н. Очеркъ гидрографіи Кавказскаго края (119 стр.). Спб., 1886 г.

Это единственная цѣльная монографія по гидрографіи Кавказа. Талантливый авторъ обратилъ особенное вниманіе на главнѣйшія рѣки Кавказа; описанію морей отведено не много мѣста. Изложеніе доступно для массы интеллигентней публики.

16. Вейсъ-фонъ-Вейсенгофъ, С. А. Свѣдѣнія о состояніи орошенія на Кавказѣ по 1883 г. Эта монографія помѣщена въ VI вып. Сборника Кавказ. Общества Сельскаго Хозяйства, издана въ Тифлисѣ и отдѣльною брошюрою.

Это пока самое обстоятельное описаніе ирригаціонныхъ работъ, произведенныхъ въ краѣ.

17. Филиповъ, Н. М. Морская географія Каспійскаго водоема.

Этотъ трудъ представляетъ описаніе не только Каспійскаго моря, но и прибрежій его. Авторъ монографіи говоритъ и о дѣятельности прибрежныхъ жителей [2]).

и отчеты о большинствѣ изслѣдованій Абиха. Изъ монографій Абиха, представляющихъ собою обобщеніе его изслѣдованій, имѣютъ самое важное значеніе: „Prodromus einer Geologie der Kaukasischen Länder" (помѣщенъ въ Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg, V Série, t, VI, 1858) и „Geologische Forschungen in den Kaukasischen Ländern". Первою монографіею, положившею прочныя основанія для уясненія орографическаго устройства Кавказа и для дальнѣйшихъ изслѣдованій Абиха, пользовался главнымъ образомъ Салацкій при составленіи своей монографіи. „Geologische Forschungen", которыя покойный Абихъ началъ издавать въ послѣдніе годы въ Вѣнѣ, должны были представить сводъ болѣе 35-лѣтнихъ изслѣдованій знаменитаго ученаго. За переводъ нѣкоторыхъ изъ этихъ изслѣдованій намѣренъ приняться Кавк. отдѣлъ русскаго географ. общества.

[1]) По изслѣдованію минеральныхъ богатствъ края, а въ числѣ ихъ и минеральныхъ водъ, появилось такъ много монографій, что онѣ могли-бы составить собою объемистое изданіе. Въ этомъ отношеніи тоже больше всѣхъ потрудился академикъ *Абихъ*. Изъ другихъ лицъ, работавшихъ на этомъ поприщѣ, слѣдуетъ упомянуть о покойномъ *Кошкулѣ*. Но, не смотря на обиліе отдѣльныхъ трудовъ по минералогіи, цѣльныхъ и обстоятельныхъ монографій, представляющихъ обобщенія, не имѣется.

[2]) Для лицъ, желающихъ ознакомиться въ общихъ чертахъ съ состояніемъ нефтянаго дѣла на Апшеронскомъ полуостровѣ рекомендуемъ также „Карту Апшеронскаго полуострова съ обозначеніемъ на ней источниковъ, фотогеновыхъ заводовъ, нефтепроводовъ и пр.", составленную *С. І. Гулишамбаровымъ*. На поляхъ ея сообщены разныя свѣдѣнія, касающіяся, бакинской нефти. Въ послѣдніе годы появилось множество монографій и замѣтокъ о бакинской нефти на языкахъ русскомъ, англійскомъ и др. Съ этою литературою знакомитъ въ общихъ чертахъ Научная лѣтопись, помѣщаемая въ Извѣстіяхъ Кавк. Отдѣла Географ. Общества.

[1]) Къ брошюрѣ приложены „Историческія замѣтки о горномъ дѣлѣ на Кавказѣ", перепечатанныя цѣликомъ въ Горномъ Журналѣ (въ № 2 за 1886 г.).

[2]) Въ нашъ списокъ не вошли спеціальные труды по гидрографіи края, изданные отдѣльно, или-же помѣщенные въ изданіяхъ Кавк

V. По климатологіи [1]).

18. Салацкій, Н. Д. Очеркъ климата Закавказскаго края. Въ V кн. Записокъ Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества (отъ 75 по 162 стр.). 1862 г.

Образцовая статья по обработкѣ матеріаловъ, имѣвшихся въ распоряженіи автора. Къ статьѣ приложены таблицы. Авторъ, при разсмотрѣніи климата Закавказья, касается и др. странъ. Въ статьѣ, между прочимъ, указаны высшіе предѣлы культурныхъ растеній и произрастанія лѣса, а также высшія, обитаемыя человѣкомъ, мѣста на Кавказѣ.

19. Смирновъ, М. Н. Библіографическая замѣтка о трудѣ Вильда „О температурѣ воздуха въ Россійской имперіи", помѣщенная въ VII т. Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества (отъ 290 до 313 стр.), 1883 г.

Замѣтка знакомитъ довольно обстоятельно съ капитальнымъ трудомъ акад. Вильда. Главное достоинство замѣтки составляютъ метеорологическія таблицы, относящіяся къ Кавказу, и выводы изъ наблюденій, произведенныхъ на 34 кавказ. метеорологическихъ станціяхъ. Изложеніе не вездѣ отличается ясностью.

20. Статковскій, Б. И. Задачи климатологіи Кавказа (218 стр.). Спб., 1878 г.

Въ этомъ трудѣ говорится о климатѣ, высотѣ снѣжныхъ линій, о ледникахъ и о вліяніи элементовъ атмосферы на жизнь вообще. Авторъ задается цѣлью опредѣлить теоретически высоту снѣжной линіи; съ нѣкоторыми его положеніями нельзя согласиться. Около 1/8 книги занято выдержками изъ сдѣлавшагося библіографическою рѣдкостью „Опыта медицинской географіи". Трудъ вообще почтенный.

21. Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи.

Въ этихъ лѣтописяхъ помѣщаются, между прочимъ, и выводы изъ наблюденій, производимыхъ на всѣхъ кавказскихъ метеорологическихъ станціяхъ.

22. Труды Тифлис. Физической Обсерваторіи.

Обсерваторія ежегодно печатаетъ ежечасныя метеорологическія и магнитныя наблюденія, производимыя на ней, а въ послѣдніе годы и наблюденія надъ температурою почвы.

VI. По изслѣдованію ледниковъ.

23. Стебницкій, И. І. О распространеніи ледниковъ на Кавказѣ (21 стр.). Въ V т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Рус. Географ. Общ.

Ясно изложенная замѣтка, представляющая, въ краткихъ чертахъ, обобщеніе изслѣдованія о кавказскихъ ледникахъ. Почти четвертая часть ея посвящена Девдоракскому леднику, для изслѣдованіе котораго, изъ опасенія заваловъ на военно-грузинской дорогѣ, въ 60 и 70 годахъ наряжались комиссіи [2]).

24. Динникъ, Н. Я. Современные и древніе ледники Кавказа. Въ 1-мъ вып. XIV кн. Записокъ кавказскаго отдѣла импер. русск. географическаго общества (еще не окончена).

Капитальная статья, имѣющая большое значеніе и для орографіи Кавказа. Авторъ разсматриваетъ кавказскіе ледники и горы не изолированно отъ прочихъ горъ Европы и Азіи, но касается, въ общихъ чертахъ, горъ и ледниковъ другихъ странъ.

VII. По ботаникѣ и зоологіи.

25. Радде, Г. И. Органическій міръ Кавказскаго края. Вторая лекція, читанная въ Германіи въ 1874 г. См. кавказскій календарь на 1878 г. (45 стр.). Переводъ съ нѣмецкой брошюры „Vier Vorträge über den Kaukasus".

Это бѣглые очерки флоры и фауны; авторъ останавливается преимущественно на царствѣ растительномъ. Свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ, вошли потомъ въ составъ IX т. „Живописной Россіи" (въ разныхъ очеркахъ). Въ монографіи г. Меча о Кавказѣ (см. А, № 20) имѣются тоже краткіе очерки флоры и фауны разныхъ районовъ края. Въ описаніяхъ своихъ поѣздокъ по краю г. Радде набросалъ очерки фауны и флоры. Показанія г. Радде относительно вертикальнаго распространенія растеній возбуждаютъ подчасъ сомнѣнія.

26. Зейдлицъ, Н. К. Очеркъ ботанической географіи Кавказа изъ Гризебаха. Во 2-мъ т. „Извѣстій кавказск. отдѣла импер. русск. геогр. общества (отъ 111 до 122 стр.). 1873 г. Это извлеченіе изъ труда Гризебаха: „Die Vegetation der Erde nach ihrer klimatischen Anordnung. Ein Abriss der vergleichenden Geographie der Pflanzen".

Замѣтка представляетъ удачно сдѣланное извлеченіе, примѣнительно къ Кавказу, изъ капитальнаго труда знаменитаго профессора, посвятившаго десятки лѣтъ своей ученой дѣятельности изслѣдованію распредѣленія растеній на земномъ шарѣ. Въ означенномъ трудѣ растительный міръ разсмотрѣнъ въ связи съ климатическими условіями данныхъ странъ.

27. Медвѣдевъ, Я. С. Деревья и кустарники Кавказа (IV и V вып. Сборника общества сельск. хозяйства). Монографія издана и отдѣльною брошюрою.

При описаніи отдѣльныхъ видовъ, авторъ указываетъ на географическое ихъ распространеніе по Кавказу, касается свойствъ, хозяйственнаго значенія и техническаго употребленія описываемыхъ растеній. Трудъ почтенный.

28. Оверинъ и Ситовскій. Опытъ русско-кавказской флоры, въ примѣненіи къ сельскому хозяйству и домашнему быту. Тифлисъ, 1858—1863.

Въ основаніе принято сочиненіе Ледебура „Flora Rossica" [1]). „Опытъ" полезенъ для справокъ.

29. Смирновъ, М. Н. Énumération des espèces des plantes vasculaires du Caucase (списокъ сосудистыхъ растеній Кавказа). Въ 1, 3 и 4 выпускахъ Bulletin de la Société Imp. des naturalistes de Moscou за 1887 г.

Въ 1-мъ и 3-мъ вып. этого изданія заключается введеніе (авторъ говоритъ о климатическихъ условіяхъ, о распредѣленіи на Кавказѣ влажности, снѣжной линіи и ледниковъ и т. д.). Потомъ авторъ приступаетъ къ подраздѣленію Кавказа, въ отношеніи флоры, на 12 районовъ. Значительная часть 4-го выпуска посвящена семейству Лютиковыхъ. Описаніемъ его и оканчивается монографія

Отдѣла Географ. Общества. Здѣсь нельзя не упомянуть о капитальной монографіи покойнаго оріенталиста Н. В. Ханыкова „О перемежающихся измѣненіяхъ уровня Каспійскаго моря", помѣщ во 2-й кн. Записокъ Кавк. Отдѣла Географ. Общества (сдѣлавшейся библіографическою рѣдкостью). Имѣются цѣнныя по гидрографіи данныя и въ трудѣ П. Д. Краевича „Военный обзоръ Ріонскаго края".

[1]) Въ Запискахъ Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества имѣется весьма обстоятельно составленная А. Т. Филадельфинымъ монографія о климатѣ Тифлиса (въ IV и V кн. Записокъ Отдѣла), слѣдуетъ упомянуть и о прекрасномъ спеціальномъ трудѣ академика Абиха: „О кристаллическомъ градѣ въ Тріалетскихъ горахъ и о зависимости гидрометеоровъ отъ физическаго строенія почвы", составившемъ собою 3 вып. X кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла (219 стр.). 1879 г. Имѣются въ нихъ и др. цѣнныя монографіи по климатологіи отдѣльныхъ частей края.

[2]) Управленіе путей сообщенія на Кавказѣ издало въ 1884 г. „Сборникъ свѣдѣній о завалахъ, упавшихъ съ горы Казбекъ съ 1776 по 1878 г. на Военно-грузинскую дорогу". Сборникъ украшенъ рисунками видовъ Девдоракскаго ледника. Къ изданію приложенъ атласъ чертежей и рисунковъ.

[1]) Мы не включили въ нашъ списокъ цѣннаго, изданнаго въ половинѣ текущаго столѣтія, сочиненія *Ледебура* (представляющаго сводъ всѣхъ частныхъ трудовъ какъ автора, такъ и его предшественниковъ и необходимаго для всѣхъ лицъ, занимающихся ботаническими изслѣдованіями на Кавказѣ), такъ какъ оно пригодно лишь для спеціалистовъ.

покойнаго Смирнова, носящая оглавленіе, не вполнѣ соотвѣтствующее содержанію [1]).

30. Кесслеръ, К. Ф., профессоръ. Путешествіе по Закавказскому краю въ 1875 г. съ зоологическою цѣлью (стр. 200). Спб., 1878 г. Въ приложеніи къ VIII т. Трудовъ с.-петербургскаго общества естествоиспытателей. Издано и отдѣльною книгою.

Во время своего путешествія знаменитый зоологъ главнымъ образомъ интересовался кавказскою фауною. Подробнѣе описана фауна Гокчи и окрестностей этого озера, а также фауна низовьевъ Куры. Изложеніе оживленное.

31. Кесслеръ, К. Ф. Рыбы, водящіяся и встрѣчающіяся въ Арало-Каспійско-Понтійской ихтіологической области (360 стр. съ приложеніями). Вып. IV Трудовъ арало-каспійской экспедиціи. Спб., 1877 г. Изданіе украшено рисунками.

Капитальный трудъ. Весьма интересна 3-я часть сочиненія, заключающая въ себѣ выводы изъ ихтіологическихъ изслѣдованій Арало-Каспійско-Понтійской области. Съ содержаніемъ означеннаго труда знакомитъ довольно обстоятельно замѣтка, помѣщенная въ V т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Географич. Общества (отъ 77 до 84 стр.).

32. Богдановъ, М. Н., профессоръ. Птицы Кавказа. Спб., 1879 г.

Небольшой (200 стр.), но весьма цѣнный трудъ. Авторъ, подвергши критической оцѣнкѣ всѣ матеріалы, собранные по орнитологической фаунѣ Кавказа, весьма облегчилъ трудъ будущимъ изслѣдователямъ. Изложеніе сжатое, но ясное.

33. Радде, Г. И. Орнитологическая фауна Кавказскаго края. (Ornis Caucasica). Систематическое и біолого-географическое описаніе кавказскихъ птицъ. Книга большого формата, заключаетъ въ себѣ 450 стр. и украшена 26 таблицами и картою. Тифлисъ, 1885 г. Этотъ трудъ предварительно былъ изданъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Изящно исполненные рисунки располагаютъ читателя въ пользу труда. Но онъ не особенно богатъ содержаніемъ, не смотря на его почтенный объемъ, обусловившійся главнымъ образомъ словоохотливостью автора. Встрѣчается не мало погрѣшностей. Оглавленіе не правильное, такъ какъ трудъ заключаетъ въ себѣ наблюденія, произведенныя авторомъ на небольшой части территоріи края. Изложеніе оживленное. Физико-географическій очеркъ, помѣщенный въ приложеніи, сообщаетъ невѣрныя свѣдѣнія по орографіи края [2]).

VIII. По лингвистикѣ, антропологіи и этнологіи [1]):

34. Усларъ, П. К., баронъ. Отлиграфированные труды его объ языкахъ: абхазскомъ, чеченскомъ, аварскомъ, лакскомъ (казикумухскомъ), хюркилинскомъ (нарѣчія даргинскаго языка), кюринскомъ и посмертный трудъ о табасаранскомъ языкѣ. Труды эти имѣютъ значеніе и для этнографіи. Находятся также замѣтки Услара о разныхъ горскихъ языкахъ, помѣщенныя въ Мемуарахъ Имп. Академіи Наукъ. Нѣкоторыя изъ замѣтокъ хранятся въ Кавказскомъ Военно-народномъ Управленіи. Сверхъ того, составлены были, подъ руководствомъ Услара, букваря и книги для первоначальнаго чтенія для разныхъ восточно-горскихъ народовъ.

Въ Тифлисѣ отпечатаны въ послѣдніе годы труды Услара объ языкахъ: абхазскомъ, чеченскомъ и аварскомъ. Въ поименованныхъ изданіяхъ помѣщенъ усларовскій алфавитъ нѣсколькими различными алфавитами; сверхъ того, труды Услара искажены. Приложенія же къ нимъ лишаютъ изданные труды всякаго научнаго значенія. Вслѣдствіе этого, а также въ виду того, что отлитографированные труды Услара составляютъ библіографическую рѣдкость, спеціалистамъ придется обращаться къ отчетамъ о трудахъ нашего первостепеннаго лингвиста, составленнымъ акад. Шифнеромъ.

35. Шифнеръ, академикъ. Обстоятельные отчеты о трудахъ Услара, помѣщенные на нѣмецкомъ языкѣ въ мемуарахъ Императ. академіи наукъ, и собственные его труды объ языкахъ тушинскомъ и удинскомъ.

36. Шёгренъ, академикъ. Осетинская грамматика (съ словаремъ). Спб., 1844 г. Издана она и на нѣмецкомъ языкѣ.

Капитальный трудъ, имѣющій большое значеніе и для кавказской этнологіи.

37. Миллеръ, Вс. Ѳ., профессоръ. Осетинскіе этюды въ 3-хъ частяхъ. Москва, 1881—1887 гг.

Въ 1-й части помѣщены осетинскіе тексты, во 2-й грамматика осетинскаго языка и религіозныя вѣрованія осетинъ въ 3-й историческія свѣдѣнія объ осетинахъ и вопросъ о происхожденіи этого народа, а также разные „экскурсы“ (о болгарахъ, аланахъ, скиѳахъ и въ области осетинскаго языка). Изложеніе вообще не ясное. Замѣ-

---

[1]) Изъ перечисленныхъ сочиненій по ботаникѣ края видно, что до-сихъ поръ мы не имѣемъ компендіума, посвященнаго описанію флоры всего Кавказа и доступнаго массѣ интеллигентной публики, а между тѣмъ въ кавказской литературѣ имѣется не мало монографій по описанію флоры разныхъ частей края. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр., монографія *Н. К. Срединскаго* „Очеркъ растительности Ріонскаго бассейна“ очень цѣнны. Упомянемъ о монографіяхъ: „Botanische Ergebnisse einer Reise durch das östliche Transkaukasien und den Aderbeidshan“ (въ 1857 г), *Н. К. Зейдлица*, „Die Flora des südwestlichen Caspi-Gebietes“ (въ 1886 г.), *Г. И. Радде*, объ изслѣдованіяхъ флоры Батумскаго округа и Карсской области, произведенныхъ кн. *Вл. И. Массальскимъ*, о цѣнахъ для ботанической географіи Кавказа изслѣдованіяхъ акад. *Рупрехта*. Не мало наблюденій надъ флорою описано въ изданіяхъ Кавк. Отдѣла Географ. Общества и въ трудахъ Кавк. Общества Сельскаго Хозяйства. Особенное вниманіе обращаютъ на себя наблюденія *Н. Я. Динника* надъ флорою гористыхъ мѣстностей западной части Кавказскаго края (въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ изданіяхъ Кавказскаго отдѣла).

[2]) Литература по зоологіи края представляетъ много цѣнныхъ отдѣльныхъ монографій *Палласа, Бэра, Менетріэ, Брандта, Нордмана, Коленати, Беккера*. Изъ новѣйшихъ упомянемъ о монографіи *К. Н. Россикова* „Обзоръ млекопитающихся животныхъ долины р. Малки“ (помѣщенной, въ 1887 г., въ LIV т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ, изданный и отдѣльною брошюрою). Цѣнный матеріалъ для географіи фауны представляютъ замѣтки гг. *Чернявскаго, Динника, Россикова* (статьи двухъ послѣднихъ помѣщены въ изданіяхъ Кавказск. Отдѣла Географ. Общ.), *Михайловскаго* (въ Трудахъ С.-Петербургск. Общества Естествоиспытателей). Попадаются замѣтки по зоологіи въ Мемуарахъ Имп. Академіи Наукъ, въ Трудахъ Кавказ. Общества Сельск. Хозяйства и въ др. изданіяхъ. Вообще накопился уже богатый матеріалъ для составленія описанія фауны Кавказа.

[1]) Благодаря серьезнымъ лингвистическимъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ послѣднее 50-лѣтіе, существовавшія въ старину странныя этнологическія предположенія о Кавказѣ значительно разсѣялись. Больше всѣхъ въ этомъ отношеніи потрудились: баронъ П. К. Усларъ (въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ), знаменитый изслѣдователь кавказско-горскихъ языковъ, и покойный академикъ А. Шифнеръ, познакомившій ученый міръ съ изслѣдованіями Услара и самъ произведшій изысканія въ области кавказско-горскихъ языковъ. Еще прежде (въ 40-хъ годахъ) академикъ Шегренъ своимъ солиднымъ трудомъ объ осетинскомъ языкѣ положительно доказалъ принадлежность этого языка къ иранской группѣ. Въ 80-хъ гг. проф. Вс. Ѳ. Миллеръ пополнилъ отчасти изслѣдованія Шегрена. Въ это же время проф. А. А. Цагарели указалъ на близкое родство мингрельскаго языка съ грузинскимъ, а покойный профессоръ К. П. Паткановъ точнѣе опредѣлилъ мѣсто, занимаемое армянскимъ языкомъ въ арійскомъ семействѣ.— Антропологическія измѣренія стали производить на Кавказѣ генералъ Р. Ѳ. Фонъ-Эркертъ и помощникъ директора Ліонскаго музея, профессоръ Эрнестъ Шантръ. Означенныя изслѣдованія, а главнымъ образомъ лингвистическія представили возможность составить этнологическую классификацію кавказскихъ народовъ. Въ виду этого, мы и помѣстили въ предлагаемомъ спискѣ выдающіеся лингвистическіе труды и антропологическія измѣренія, произведенныя на Кавказѣ хотя они могутъ интересовать только спеціалистовъ.

тимъ еще, что г. Миллеръ замѣнилъ образцовый алфавитъ Шёгрена своимъ собственнымъ, составленнымъ непослѣдовательно и испещреннымъ надбуквенными значками.

38. Цагарели, А. А., профессоръ. Мингрельскіе этюды. 2 выпуска (мингрельскіе тексты и фонетика). Спб., въ началѣ 80-хъ годовъ.

Замѣтки о грамматическомъ строѣ мингрельскаго языка помѣщены въ декабрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1878 г. (см. сообщеніе объ изслѣдованіяхъ г. Цагарели, помѣщенное въ V т. Извѣстій Кавк. отдѣла русск. геогр. общества, стр. 192—196). Затѣмъ А. А. Цагарели издалъ два выпуска мингрельскихъ этюдовъ и приготовилъ къ печати продолженіе ихъ, котораго онъ пока не издаетъ. Изслѣдованія А. А. Цагарели имѣютъ значеніе для этнологіи иберійской группы народовъ.

39. Паткановъ, К. П., профессоръ. О мѣстѣ, занимаемомъ армянскимъ языкомъ въ кругу индо-европейскихъ. Въ VI т. Извѣстій Кавк. Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества (отъ 27 до 50 стр.). Тифлисъ, 1879 г.

Окончательный выводъ изслѣдователя: армянскій языкъ, занимая среднее мѣсто между группами иранской и славо-литовской, есть представитель самостоятельной, исчезнувшей (можетъ быть, Мало-азійской) группы индо-европейскихъ языковъ [1]).

40. Фонъ-Эркертъ, Р. Ѳ. Антропологическія измѣренія нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ. Въ VII т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Рус. Географ. Общества за 1882—83 гг. (129—149 стр. и 268—274 стр.) и въ VIII т. Извѣстій Отдѣла за 1884 г. (47—73 стр.).

Въ прошломъ году онъ прислалъ въ Кавказ. Отдѣлъ остальныя свои измѣренія, которыя будутъ отпечатаны въ X т. Извѣстій Отдѣла. Р. Ѳ. фонъ-Эркертомъ измѣрены, въ общей сложности, 819 субъектовъ, а въ томъ числѣ 521 лезгинъ.

41. Шантръ, Эрнестъ, профессоръ. Антропологическія измѣренія. Въ VIII т. Извѣстій Отдѣла за 1884—85 гг. (отъ 143 до 149 стр. и отъ 374 до 383 стр.).

Двѣ библіографическія замѣтки, составленныя Л. П. Загурскимъ. Во второй замѣткѣ сдѣлана попытка согласованія нѣкоторыхъ измѣреній Р. Ѳ. фонъ-Эркерта, производившаго измѣренія по методѣ Вирхова, съ измѣреніями Шантра, придерживающагося инструкціи Брока.

42. Chantre, Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Lyon et Paris, 1885—1887. 4 объемистыхъ тома in 4-to imp. Ко второму тому приложенъ атласъ, составляющій собою громадную книгу. Изданіе роскошное: въ немъ 245 рисунковъ въ текстѣ и 140 литографированныхъ таблицъ и фотогеліогравюръ. Къ изданію приложены двѣ хромолитографированныя карты. Изданіе г. Шантра, чрезвычайно дорогое (300 франк.), доступно только для состоятельныхъ лицъ и библіотекъ.

Г. Шантръ рѣшился составить сводъ всего того, что имѣется по палеэтнографіи. Капитальный его трудъ имѣетъ важное значеніе не только для атропелогіи, но и для археологіи края. Съ содержаніемъ этого труда, по всей вѣроятности, познакомитъ читателей редакція Извѣстій Отдѣла.

43. Загурскій, Л. П. Этнографическая классификація кавказскихъ народовъ. Приложена къ Кавказскому Календарю за 1888 г., издана и отдѣльной брошюрою.

Классификація сдѣлана главнымъ образомъ на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій. Поясненіемъ монографіи служатъ слѣдующія статьи его-же: „Замѣтка объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ“ (23 стр. in 4-to. Москва, 1880 г. Замѣтка составляетъ приложеніе къ VI т. Извѣстій Отдѣла), „Искаженіе добытыхъ наукою фактовъ по этнографіи Кавказа въ сочиненіи г. Риттиха: Племенной составъ контингентовъ русской арміи“ (въ IV т. Извѣстій Отдѣла) и „Слѣдуетъ-ли Бѣлую расу называть Кавказскою“ (въ VIII т. Извѣстій Отдѣла).

44. Зейдлицъ, Н. К. Этнографическая карта Кавказа, въ масштабѣ 30 верстъ въ дюймѣ, изданная въ картографическомъ заведеніи г. Ильина (въ 1881 г.).

Въ основу ея принята классификація кавказскихъ народовъ, составленная на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій. Есть погрѣшности (главнѣйшая та, что адербейджанскихъ татаръ показано черезчуръ много). См. замѣтку г. Загурскаго: „Этнографическія карты Кавказскаго края“, помѣщенную въ VII вып. Извѣстій Кавк. Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества. Карта г. Зейдлица имѣетъ неоспоримое преимущество передъ другими этнографическими картами Кавказа.

IX. По этнографіи, демографіи и обычному праву:

45. Дубровинъ, Н. Ѳ. Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ. Двѣ книги. Спб., 1871 г.

Мы уже упомянули объ этомъ трудѣ (см. А, № 15). Здѣсь замѣтимъ, что онъ долженъ быть отнесенъ главнымъ образомъ къ отдѣлу этнографіи. Это пока единственно цѣльное, хотя и не полное, собраніе этнографическихъ очерковъ кавказскихъ народовъ. Попадаются погрѣшности, невѣрныя показанія и подчасъ устарѣлыя уже свѣдѣнія.

46. Сборникъ-свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, изданный подъ редакціею Н. И. Воронова (съ 1867 по 1876 г.). 9 выпусковъ. Тифлисъ.

Это тоже (см. А, № 28) по преимуществу этнографическій сборникъ. Онъ посвященъ описанію восточныхъ и западныхъ Кавказскихъ горцевъ, а также осетинъ. Содержаніе весьма разнообразное [1]).

47. Von Erckert, R. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1885.

Въ этомъ довольно объемистомъ трудѣ Р. Ѳ. фонъ-Эркертъ старался сгруппировать данныя о кавказскихъ народахъ, добытыя главнымъ образомъ на Кавказѣ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и мало извѣстныя европейцамъ.

48. Сборникъ Имп. Кавказ. Медицинскаго Общества и Протоколы засѣданій Кавк. Медиц. Общества.

Въ изданіяхъ Кавказ. Медицинскаго Общества попадаются замѣтки, цѣнныя для географіи и этнографіи, а въ особенности для демографіи. О нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются обстоятельныя сообщенія въ Извѣстіяхъ Кавк. Отдѣла Географическаго Общества. Въ послѣднихъ попадаются изрѣдка сообщенія членовъ Отдѣла по демографіи края (напр., о распространеніи зоба и кретинизма на Кавказѣ).

49. Леонтовичъ, Ѳ. А., профессоръ. Адаты кавказскихъ горцевъ. Матеріалы по обычному праву Сѣвернаго и Восточнаго Кавказа. Два выпуска (въ 1-мъ вып. стр. 437+VI, а во 2-мъ стр. 396+V). Одесса, 1882—83 гг.

Многоуважаемый профессоръ задалъ себѣ большой трудъ—собрать адаты кавказскихъ горцевъ, не потерявшіе вполнѣ своей силы и по настоящее время. Выпускъ 1-й заключаетъ въ себѣ 4 отдѣла: а) переписка кавказскаго горскаго управленія по собиранію свѣдѣній объ адатахъ; б) адаты черкесъ, бывшей Черноморской литіи; в) адаты черкесъ Кубанской области, и г) адаты горцевъ Терской области—кабардинцевъ и малкарцевъ. Во 2-мъ вып. находятся адаты осетинъ, чеченцевъ, кумыковъ и сводъ адатовъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа. Въ 3-й выпускъ должны были войти сборники адатовъ дагестанскихъ горцевъ. Къ сожалѣнію, онъ еще не вышелъ въ свѣтъ. Недостатокъ этотъ могутъ отчасти восполнить

[1]) Въ предлагаемомъ спискѣ пропущены труды по лингвистикѣ Боппа, Макса, Миллера, Густава, Розена, Березина Рисса, Загурскаго, Егіазарова и другихъ.

[1]) Свѣдѣнія о горцахъ иверскаго поколѣнія, а также о курдахъ и др. народахъ заключаются въ изданіяхъ Кавказ. Отдѣла Рус. Географическаго Общества.

адаты, помѣщенные въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

Примѣчаніе Данныя для изученія обычнаго права кавказскихъ народовъ попадаются въ разныхъ монографіяхъ, помѣщенныхъ въ Запискахъ Кавказ. отдѣла геогр. общества: въ замѣткахъ Дм. З. Бакрадзе о Закатальскомъ округѣ (въ 1-мъ вып. XVI кн. Записокъ отдѣла), въ статьяхъ г. Урбнели о хевсурахъ (извлеченіе помѣщено тамъ же), въ монографіи С. Я. Егіазарова о курдахъ (во 2-мъ вып. XIII Записокъ Отдѣла). Сверхъ того, Кавк. отдѣлъ имѣетъ не мало рукописныхъ матеріаловъ по обычному праву Терской и Дагестанской областей, а также Эриванской губерніи.—Имѣются данныя, относящіяся къ обычному праву, въ Сборникѣ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края и въ сводѣ этихъ матеріаловъ.

50. Ковалевскій, М. М. Современный обычай и древній законъ. Обычное право осетинъ[1]) въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. 2 тома (въ 1-мъ т. 340 стр., а во 2-мъ 410). Москва, 1886 г.

Капитальная монографія по обычному праву. Авторъ ея, бывшій профессоръ, дѣлаетъ сопоставленія, относительно обычнаго права, между осетинами и народами иранской группы, къ которой первые принадлежатъ [2]), и родственными съ нею другими группами арійскаго семейства. Трудъ М. М. Ковалевскаго долженъ быть настольною книгою для лицъ, занимающихся изслѣдованіемъ обычнаго права какъ иранскихъ народовъ, такъ и вообще арійскаго семейства.

51. Егіазаровъ, С. А. Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьи. Часть I (стр. 336 + VI). Сельская община. Казань, 1889 г.

Эта солидная монографія, посвященная разсмотрѣнію аграрныхъ отношеній въ сельской общинѣ, обусловленныхъ въ прежнее время, въ значительной степени, обычнымъ правомъ. Авторъ обѣщаетъ въ предисловіи приняться потомъ за изслѣдованіе исторіи городовъ и сословій.

X. По изслѣдованію народной дѣятельности:

52. Изданія кавказскаго общества сельскаго хозяйства: Записки, Сборникъ и Отчеты, а съ 1885 г. Труды этого общества

Въ изданіяхъ этого общества накопилось уже почтенное количество матеріала для составленія очерка состоянія въ краѣ разныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Общество предполагало составить подобный очеркъ въ 1889 г., ко времени открытія сельско-хозяйственной выставки; но это предположеніе, къ сожалѣнію, не осуществилось. Поэтому лицамъ, желающимъ ознакомиться съ состояніемъ сельскаго хозяйства въ краѣ, приходится просматривать изданія общества, или же Сборникъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края, или же отдѣльно изданныя монографіи (которыхъ немного).

53. Pethzoldt, Professor. Der Kaukasus—Eine naturhistorische, sowie land-und volkswirtschaftliche Studie (ausgeführt im Jahre 1864). 2 Bände. Leipzig, 1866—67.

Петцольдъ объѣхалъ значительную часть Закавказья и сообщилъ въ своемъ трудѣ бѣглыя замѣтки о состояніи въ краѣ земледѣлія, виноградарства, о состояніи скотоводства, шелководства, воздѣлыванія хлопка, марены и т. д. Трудъ г. Петцольда захватываетъ значительный районъ народной сельской дѣятельности и представляетъ собою первый опытъ въ этомъ отношеніи послѣ изслѣдованій извѣстнаго въ свое время Гагемейстера [1]); но онъ довольно поверхностенъ и уже устарѣлъ.

54. Зейдлицъ, Н. К. Очеркъ виноградарія Кавказа. Помѣщенъ въ III т. Сборника свѣдѣній о Кавказѣ, издаваемаго кавк. статистическимъ комитетомъ (отъ 177 до 563 стр.). Изданъ и отдѣльною книгою. Тифлисъ, 1873 г.

Этотъ добросовѣстный и объемистый трудъ, посвященный одной изъ главныхъ отраслей промышленности края и изданный уже давно, нуждается въ исправленіяхъ.

55. Матеріалы по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края. 7 объемистыхъ томовъ большого формата (in 4-o). Тифлисъ, 1885—1887 г. Изданы по распоряженію уполномоченнаго на Кавказѣ г. министра государственныхъ имуществъ.

Разностороннее описаніе по уѣздамъ и районамъ быта государственныхъ крестьянъ. Въ немъ, между прочимъ, представляетъ не мало интереса отдѣлъ, озаглавленный: „Источники благосостоянія крестьянъ", знакомящій съ состояніемъ земледѣлія, съ ремеслами, отхожими промыслами и другими отраслями дѣятельности крестьянъ.

Въ 1887 г. приступлено къ изданію „Свода матеріаловъ по изученію экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края". 5 томовъ in 4-to. Тифлисъ, 1887 и 1888 гг.

Въ этомъ сводѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе томы IV и V, посвященные главнымъ образомъ очеркамъ разныхъ отраслей сельской промышленности. Такъ, въ VI т. находимъ слѣдующія монографіи: Земледѣліе у государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края (отъ 158 до 559 стр.), садоводство (виноградарство, фруктоводство, садовое огородничество), очеркъ шелководства, очеркъ пчеловодства и хлопководство, а въ V томѣ: скотоводство, лѣтнія и зимнія пастбища [2]).

56. Сагателовъ, М. Экономическіе очерки Эриванской губерніи и озеро Гокча. Тифлисъ, 1879 г.

Въ нихъ идетъ рѣчь о богатствѣ естественныхъ произведеній Эриванской губерніи и о поднятіи уровня народнаго благосостоянія, объ орошеніи безводныхъ пустошей, о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ въ возвышенныхъ частяхъ губерніи, о правительственной опекѣ для народныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, о поднятіи Гокчинскаго рыбнаго промысла и т. д.

57. Маргграфъ, О. В. Очеркъ кустарныхъ промысловъ Сѣвернаго Кавказа, съ описаніемъ техники производства. Стр. 288. Москва, 1882 г.

Первый и довольно удовлетворительный опытъ описанія кустарной промышленности, довольно развитой на Кавказѣ.

58. Россиковъ, К. Н. Конхидатль и Нижнее Энхели. Въ 1-мъ вып. XIII кн. Записокъ Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества (отъ 278 до 306 стр.) Монографія снабжена видами и рисунками.

Описанъ соляной промыселъ въ этихъ аулахъ Нагорнаго Дагестана. Первый опытъ обстоятельнаго описанія одного изъ кустарныхъ промысловъ.

59. Промысловыя занятія въ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктахъ Терской и Кубанской областей, VIII вы-

---

[1]) Первую попытку, хотя и не вполнѣ удачную, научнаго изслѣдованія обычнаго права осетинъ сдѣлалъ въ началѣ 70-хъ годовъ г. Пфафъ (его „Народное право осетинъ" помѣщено въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, изд. Кавказ Статистическимъ Комитетомъ (въ 1-мъ и во 2-мъ т., въ 1871 и 1872 г.г.)

[2]) Многоуважаемый авторъ вышеозаглавленнаго труда утверждаетъ, что только можно было приняться за изслѣдованіе обычнаго права осетинъ, когда г. Миллеръ доказалъ своими лингвистическими изысканіями (въ 80-хъ годахъ) принадлежность ихъ къ иранской группѣ. Тутъ вышло недоразумѣніе: принадлежность осетинскаго языка къ иранской группѣ доказалъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ академикъ Шёгренъ.

[1]) Въ концѣ 40-хъ годовъ Ю. А. Гагейместеръ помѣстилъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и въ мѣстной газетѣ „Кавказъ" не мало сельско-хозяйственныхъ очерковъ. Это былъ на Кавказѣ первый солидный изслѣдователь состоянія сельско-хозяйственной промышленности.

[2]) Въ сводъ вошли также монографіи, посвященныя изслѣдованію экономическаго состоянія, а также изслѣдованію формъ землевладѣнія и аграрныхъ отношеній государственныхъ крестьянъ.

пускъ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ, 1889 г.

Изданіе это приготовлялось для тифлисской сельскохозяйственной выставки. Цѣлью его было показать состояніе въ двухъ вышеназванныхъ областяхъ кустарной промышленности. Но какъ видно изъ изданія, лица, доставлявшія свѣдѣнія, не уяснили себѣ предложенной имъ задачи или, какъ сказано въ предисловіи, поняли ее слишкомъ широко, включивъ въ свои отчеты и фабричную промышленность, и земледѣліе, и скотоводство, и винодѣліе, и т. д., и т. д. Они добросовѣстно подсчитали портныхъ, слесарей, кузнецовъ и вообще работниковъ, распросили у нихъ, откуда они получаютъ нужный для нихъ матеріалъ и какъ великъ ихъ заработокъ; нравственная сторона работниковъ (напр., трезвость) не осталась тоже безъ вниманія. Но что касается кустарной промышленности, то о ней въ книгѣ очень немного. Книга заняла болѣе 400 страницъ.

60. Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1885—1887 годы. 114 стр. Изданіе Департамента Торговли и Мануфактуръ. Спб., 1889 годъ.

Въ этомъ изданіи, между прочимъ, показаны фабричныя и заводскія производства по губерніямъ и областямъ Кавказа, съ указаніемъ числа фабрикъ и заводовъ, суммы производства и числа рабочихъ.

61. Гулишамбаровъ, С. І. Обзоръ фабрикъ и заводовъ Тифлисской губерніи. Историко-статистическое описаніе фабрично-заводской промышленности Тифлисской губерніи въ связи съ развитіемъ въ ней кустарныхъ промысловъ. Тифлисъ, 1888 г.

Первый опытъ на Кавказѣ обстоятельнаго описанія фабричной заводской промышленности одной изъ значительнѣйшихъ территорій этого края.

62. Записки Кавказскаго Отдѣленія Имп. Рус. Техническаго Общества съ 1869 г. 18 томовъ.

Начало этому изданію положилъ первый предсѣдатель Отдѣленія М. Н. Герсевановъ. При немъ (до 1883 г.) вышло 15 томовъ Записокъ съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ. Въ нихъ находимъ замѣтки по строительному искусству, по сооруженію шоссейныхъ, горныхъ и желѣзныхъ дорогъ, о мостахъ и кавказскихъ портахъ, объ ирригаціи, изслѣдованіи и регулированіи рѣкъ; далѣе, въ нихъ помѣщались бесѣды объ эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ края и объ изслѣдованіи Казбекскихъ ледниковъ, и т. д., и т. д. Дѣло, начатое, М. Н. Герсевановымъ, продолжаетъ теперешній предсѣдатель Отдѣленія Новомѣйскій.

63. Шавровъ, Н. А. Обзоръ производительныхъ силъ Кавказскаго намѣстничества. Въ Кавказскомъ Календарѣ на 1880 и 1881 гг.

Въ этомъ обзорѣ находятся слѣдующіе отдѣлы: финансовое положеніе Кавказскаго намѣстничества, торговля внѣшняя и внутренняя, горнозаводская промышленность, акцизные сборы въ Закавказьи, пути сообщенія. Есть въ немъ и такія статьи, которыя не относятся къ предмету (какъ, напр., Тифлисъ по однодневной переписи 25 марта 1876 года и др.). Означенная монографія представляетъ попытку очерка производительныхъ силъ края.

64. Кондратенко, Е. И. Краткій очеркъ экономическаго положенія Кавказа (по оффиціальнымъ и др. источникамъ). Приложеніе къ Кавказскому Календарю на 1888 г. 97 стр.

Вотъ рубрики очерка: пространство, населеніе и населенность Кавказскаго края, таблицы о результатахъ межеванія на Кавказѣ, добывающая промышленность, горнозаводская промышленность, фабричная и заводская дѣятельность, внѣшняя торговля Кавказа, движеніе коммерческихъ судовъ заграничнаго плаванія и каботажа въ кавказскихъ портахъ Чернаго и Каспійскаго морей, движеніе внутренней торговли на Кавказѣ, доходы и расходы по Кавказу.—Предполагалось этотъ очеркъ впослѣдствіи расширить.

XI. По статистикѣ:

65. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ. Одинъ (объемистый) томъ. Составленъ Н. И. Вороновымъ, изданъ Кавк. отдѣломъ Импер. русск. географ. общества. Тифлисъ, 1869 г.

Составитель пользовался трудами мѣстныхъ статистическихъ комитетовъ. Подвергши эти труды строгой критической оцѣнкѣ, онъ приготовилъ къ печати образцовый сборникъ статистическихъ свѣдѣній о краѣ. Данныя, имѣющіяся въ немъ, уже устарѣли; но методъ разработки статистическихъ данныхъ не потерялъ своего значенія и въ настоящее время. Къ сожалѣнію, трудъ покойнаго Воронова составляетъ почти библіографическую рѣдкость.

66. Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, издававшійся въ Тифлисѣ Кавк. статист. комитетомъ, подъ редакціею Н. К. Зейдлица (главнаго редактора этого комитета). Съ 1871 по 1885 г. 9 томовъ.

Незадолго до 1871 г., съ учрежденіемъ Кавказскаго статистическ. комитета, губернскіе статистическіе комитеты въ Закавказьи были закрыты, а поэтому Н. К. Зейдлицъ очутился въ непріятномъ положеніи. Пришлось помѣщать въ Сборникѣ статьи, не имѣющія ничего общаго съ статистикою. Тѣмъ не менѣе, два первые выпуска этого изданія заключаютъ въ себѣ монографіи, весьма цѣнныя для Кавказовѣдѣнія. Статистическихъ монографій тамъ немного. Но, благодаря усердію Н. К. Зейдлица, уже съ 1873 г. Сборникъ принимаетъ характеръ статистическаго изданія. Изъ статистическихъ трудовъ, появившихся въ Сборникѣ, мы должны поставить на первомъ планѣ списки населенныхъ мѣстъ губерній и областей края, составленные на основаніи камеральнаго описанія. Эти списки предоставили возможность составленія статистическихъ таблицъ о народонаселеніи Кавказскаго края, весьма цѣнныхъ для Кавказовѣдѣнія.

67. Сводъ статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ населенія Кавказа, издаваемый въ Тифлисѣ съ 1887 г., подъ редакціею Н. К. Зейдлица, Кавк. статист. комитетомъ.

Въ 1886 г. было приступлено къ составленію посемейныхъ списковъ населенія всего Закавказья и тѣхъ частей Сѣвернаго Кавказа, на которыя еще не распространялось дѣйствіе устава о воинской повинности. Затѣмъ принялись за составленіе свода статистическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ. Онъ распредѣленъ на 8 таблицъ, представляющихъ распредѣленіе населенія по поламъ, возрастамъ, вѣроисповѣданіямъ, народностямъ, по домашнему языку, грамотности и знанію русскаго языка, по образованію, по сословіямъ и имущественной состоятельности. Въ 1887 г. вышло въ свѣтъ 4 выпуска: Закатальскій округъ, Ахалкалакскій уѣздъ (Тифлисской губерніи), Черноморскій округъ, Даргинскій округъ (Дагестанской области), въ 1888 г. Сигнахскій уѣздъ (Тифлисской губерніи) и Елисаветпольская губернія, а въ 1889 г. Карсская область.

68. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губерніи съ 1868 г.

Выходитъ уже 15 лѣтъ подъ редакціею І. В. Бентковскаго. Прежде онъ носилъ тоже характеръ сборника не-исключительно статистическаго. VII же вып. (издан. въ 1876 г.) представляетъ очеркъ губерніи въ орфографическомъ, климатическомъ, этнографическомъ и др. отношеніяхъ. XII вып. образовалъ „Статистическо-географическій путеводитель по Ставропольской губерніи" (изданный въ 1883 г.).

69. Изданія Кубанскаго областного статистическаго комитета: а) Памятная книжка Кубанской области, б) Кубанскій сборникъ, изданный въ Екатеринодарѣ, въ 1883 году, и в) Статистическія свѣдѣнія о кубанскомъ казачьемъ войскѣ.

Памятная книжка Кубанской области издавалась въ теченіе многихъ лѣтъ, подъ редакціею Е. Д. Фелицина, и

заключала въ себѣ, между прочимъ, географическія, этнографическія и статистическія свѣдѣнія объ области. Кубанскій сборникъ заключаетъ въ себѣ рядъ статей разнообразнаго содержанія. Статистическія свѣдѣнія о кубанскомъ казачьемъ войскѣ составляютъ извлеченія изъ Всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ.

70. Изданія Терскаго областного статистическаго комитета: а) Сборникъ свѣдѣній о Терской области, 1878 г., Владикавказъ; б) Статистическіе матеріалы для изученія современнаго станичнаго быта терскаго казачьяго войска.

Содержаніе Сборника свѣдѣній о Терской области: географическій очеркъ области, города и округа области, общій сводъ статистическихъ свѣдѣній о Терской области, естественныя богатства, терское казачье войско и матеріалы для этнографіи и статистики области.

71. Сборникъ матеріаловъ для описанія Тифлисской губерніи, издававшійся при канцеляріи тифлисскаго губернатора. Два выпуска. 1870—71 гг.

Въ этомъ сборникѣ помѣщено было нѣсколько монографій, представляющихъ интересъ, какъ, наприм., географическій очеркъ губерніи (часть), бальнеологическій очеркъ губерніи и др.; но неумѣлая редакція посодѣйствовала къ прекращенію изданія.

72. Труды Тифлисскаго губернскаго статистическаго комитета. Свѣдѣнія за 1884 и 1885 годы. 1886 г.

Большую часть этого изданія занимаютъ списки населенныхъ мѣстъ губерніи, съ распредѣленіемъ населенія по состоянію, народности и религіи. Разсужденія редактора трудовъ о распредѣленіи населенія губерніи по народностямъ и распредѣленіе послѣднихъ въ спискахъ не выдерживаютъ критики.

73. Обзоры губерній и областей, составляющіе извлеченіе изъ Всеподданнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ.

Эти отчеты служатъ матеріаломъ для свода данныхъ о составѣ населенія, о промышленной дѣятельности и т. д., помѣщаемаго въ „Кавказскомъ календарѣ“, издаваемомъ при Кавк. статист. комитетѣ.

XII. По археологіи и исторіи.

а) По археологіи:

74. Записки Общества любителей Кавказской археологіи. Одна книга. Тифлисъ, 1875 г. Она заключаетъ въ себѣ: а) Краткій обзоръ археологическихъ изысканій, произведенныхъ на Кавказѣ до 1874 г., т. е. до времени учрежденія означеннаго общества и б) Кавказъ въ древнихъ памятникахъ христіанства Дм. З. Бакрадзе.

Монографія (отъ 19 до 179 стр. in 4-to) Дм. З. Бакрадзе представляетъ описаніе въ алфавитномъ порядкѣ церквей и монастырей Закавказья. Этотъ весьма цѣнный путеводитель по святынямъ Кавказа нуждается въ новомъ изданіи, въ болѣе удобномъ для читателей форматѣ.

75. Извѣстія Общества любителей Кавказской археологіи. Одинъ выпускъ. Тифлисъ, 1877 г. Этотъ выпускъ составляетъ брошюру „Предметы древности въ хранилищѣ Общества любителей Кавказской археологіи“.

Къ тексту (на русскомъ и французскомъ языкахъ) приложены таблицы археологическихъ находокъ, произведенныхъ главнымъ образомъ оказавшимъ огромныя услуги кавказской археологіи покойнымъ Ф. С. Байерномъ.

76. Пятый археологическій съѣздъ. Труды предварительнаго Комитета по устройству съѣзда (въ Тифлисѣ). Приложеніе къ VII тому „Древностей“, издаваемыхъ Имп. Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. Москва, 1882 года.

Это приложеніе заключаетъ рядъ цѣнныхъ статей по кавказской археологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова.

77. Труды V археологическаго съѣзда (въ Тифлисѣ) въ 1881 г. изданные подъ редакціею графини П. С. Уваровой Jr 4-to imp. (стр. VII+411) съ приложеніемъ 41 таблицы. Изданіе „посвящено памяти основателя археологическихъ съѣздовъ въ Россіи графа Алексѣя Сергѣевича Уварова“.

„Ни для одного съѣзда“, сказано въ предисловіи, „не было сдѣлано такъ много, какъ для тифлисскаго“. Предварительно были предприняты поѣздки, посланы экспедиціи и произведены раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа. Сверхъ того, на съѣздъ было приглашено много ученыхъ, которые пролили свѣтъ на отдаленное прошлое края. Дѣло понятное, что и труды съѣзда были плодотворны для Кавказовѣдѣнія. Въ 1887 г. они были изданы Москов. Археологическимъ Обществомъ.

78. Извѣстія Кавказскаго Общества исторіи и археологіи. Два выпуска. Тифлисъ, 1882—1884 г.г.

Во время V археологическаго съѣзда, вмѣсто Общества любителей Кавказской археологіи, учреждено было означенное общество. Благодаря энергіи своего предсѣдателяА. В. Комарова, оно въ теченіе двухъ лѣтъ выпустило въ свѣтъ два выпуска, которые заключаютъ въ себѣ монографіи, имѣющія значеніе либо для археологіи, либо для исторіи отдаленной эпохи края.

79. Вейденбаумъ, Е. Г. Статьи и замѣтки по археологіи: а) Замѣтка о кавказскихъ каменныхъ орудіяхъ (въ III т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Русск. Географическаго Общества, отъ 115 до 123 стр.), б) Замѣтки объ употребленіи камня и металловъ у кавказскихъ народовъ (въ IV т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла, отъ 121 до 147 стр. и отъ 257 до 302 стр.) и в) Священныя рощи и деревья у кавказскихъ народовъ (въ V томѣ Извѣстій Кавказ. Отдѣла, отъ 153 до 179 стр.).

Автору пришлось перечитать много книгъ и статей и старательно отыскивать въ нихъ намеки на слѣды отдаленныхъ временъ, сохранившіеся въ повѣрьяхъ и обычаяхъ. За послѣднюю монографію Имп. Рус. Географическое Общество присудило Е. Г. Вейденбауму серебряную медаль.

80. Chantre, Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Lyon et Paris, 1885—1887.

Изданіе весьма цѣнное и для Кавказской археологіи (см. Б. № 42).

b) По исторіи[1]):

81. Усларъ, П. К. Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ. Съ біографіею автора, написанною Л. П. Загурскимъ. Изданіе Кавказскаго Военно-Народнаго Управленія (при содѣйствіи Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Географическаго Общества). Тифлисъ, 1881 г.

Капитальный трудъ одного изъ первостепенныхъ кавказскихъ изслѣдователей. Въ этомъ объемистомъ трудѣ (552 стр.), обнаруживающемъ огромную эрудицію и глубокій критицизмъ автора его, разсматривается Кавказъ въ связи съ исторіею человѣчества. Онъ обнимаетъ собою, какъ это показываетъ оглавленіе, самыя отдаленныя времена.

82. Ганъ, К. Ф. Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. Помѣщены въ IV вы-

1) До-сихъ-поръ не имѣется полной исторіи Кавказа. Болѣе всего разработана, сравнительно, исторія армянъ. Затѣмъ слѣдуетъ исторія Грузіи, но послѣдняя, не смотря на обиліе матеріаловъ, не дождалась цѣльнаго и самостоятельнаго очерка. Еще менѣе разработана исторія восточной части Закавказья. Что касается Сѣвернаго Кавказа, то исторія черкесовъ (адыге) написалъ Шора-Бекмурзинъ. Историческія догадки его объ отдаленномъ прошломъ черкесовъ не выдерживаютъ критики. Остается неразгаданнымъ и отдаленное прошлое жителей Дагестана, Чечни и Осетіи. Разъясненіе его зависитъ значительно отъ лингвистики и археологіи. Отдаленное прошлое не разъяснено даже въ армянской и грузинской исторіи. Исторія Сѣвернаго Кавказа дѣлается болѣе или менѣе извѣстною со времени сношеній съ нимъ русскихъ. Вообще даже добытыя для науки историческія данныя не разработаны (за исключеніемъ послѣднихъ столѣтій) надлежащимъ образомъ.

пускѣ Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Тифлисъ, 1884 г.

Этотъ трудъ представляетъ выдержки изъ древнихъ классическихъ писателей, относящіяся къ Кавказу, начиная съ Гомера до V столѣтія по Р. Х. включительно. Комментаріевъ не сдѣлано.

Примѣчаніе. Въ настоящее время въ IX вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа" печатается часть 2-ая означенныхъ Извѣстій подъ заглавіемъ: „Византійскіе писатели. Съ латинскаго текста Штриттера перевелъ К. Ганъ".

83. Sakarthvelos Tskhovreba. Chronique géorgienne. traduite par Brosset. 4 vol., 1849—58 [1]).

Изъ этой лѣтописи дѣлались въ разное время извлеченія.

84. Бакрадзе, Д. З. и Берзеновъ, Н. Г. Тифлисъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Спб., 1870 г.

Первый отдѣлъ этого изданія (отдѣлъ историческій), составленный г. Бакрадзе и обнимающій 73 стр., заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ Грузіи до присоединенія ея къ Россіи [2]).

85. Баратовъ, С., кн. Исторія Грузіи. Тетрадь 1. Древняя исторія Грузіи, Спб., 1865 г. Тетради II и III. Исторія Среднихъ вѣковъ. Спб., 1870 г. [3]).

Покойный авторъ отнесся болѣе критически, нежели его предшественники къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Грузинскою лѣтописью. Къ сожалѣнію, онъ успѣлъ довести свою исторію Грузіи только до XII в.

Примѣчаніе. Древняя исторія кн. Баратова (стр. 120) вышла на французскомъ языкѣ въ Тифлисѣ, въ 1888 г., подъ слѣдующимъ оглавленіемъ: „Prince Soulkhan Baratoff. Histoire ancienne de Géorgie, par J. Mourier.

86. Іосселіани, Платонъ. Краткая исторія Грузинской церкви. Изданіе 2-ое. Стр. 154. Спб., 1843 г.

Эта монографія имѣетъ значеніе и для политической исторіи Грузіи.

87. Brosset. Laurent. Bibliegraphie analytique des ouvrages de Mr Marie-Félicité Brosst LXII+703 страницы мелкаго шрифта. S.-Pétersbourg, 1887.

Въ этомъ трудѣ перечислены не только всѣ труды покойнаго Броссе, но и всѣ сочиненія, касающіяся исторіи и археологіи Грузіи и Арменіи на русскомъ и др. европейскихъ языкахъ. При номерахъ часто приведено и содержаніе ихъ.

88. Saint Martin. Mémoires historiques et géographiques sur l'Armenie. Въ 1-мъ томѣ находится Précis de l'histoire d'Arménie (279—450 pp.(, 2-ой томъ составляетъ поясненіе 1-го. Paris, 1818—1819.

Сенъ-Мартенъ потрудился много надъ древнею исторіею Кавказа и въ особенности Арменіи. Сенъ-Мартенъ не чуждъ увлеченій [1]).

89. Gatteyrias, J. A., élève diplômé de l'Ecole des langues orientales. L'Arménie et les arméniens (141 pp.). Paris, 1883.

Толковый очеркъ исторіи Арменіи, съ приложеніемъ краткаго изложенія ученія армяно-григоріанской церкви, а также краткихъ свѣдѣній о замѣчательнѣйшихъ писателяхъ Арменіи и дѣятельности мехитаристовъ. Это пока лучшій краткій компендіумъ для европейцевъ по исторіи Арменіи.

90. Абаза, В. А. Исторія Арменіи. Спб,. 1888 г.

Монографія заключаетъ въ себѣ 128 стр. Изъ нихъ собственно-политической исторіи, изложенной фактически и весьма сжато, отведено только 74 страницы [2]). Начало книжки занимаютъ: коротенькій географическій очеркъ древней Арменіи и краткія свѣдѣнія объ армянскихъ лѣтописцахъ и нѣкоторыхъ писателяхъ. Въ концѣ идетъ рѣчь о переселеніяхъ армянъ, переводъ священныхъ книгъ, о патріархахъ и т. д. Въ заключеніе приложена хронологическая таблица царей династіи Хайка, производимой прямо отъ Ноя, а затѣмъ царей другихъ династій.

91. Эзовъ, Г. А. Внутренній бытъ древней Арменіи. Историческое изслѣдованіе. 146 стр. Спб., 1859 г.

Отдѣлы монографіи: верховная власть, церковь, внутреннее управленіе, войско, земледѣліе и торговля, армянскій языкъ, письмена и письменность.

92. Шаро-Бекмурзинъ-Ногмовъ. Исторія адыхейскаго народа, составленная по преданіямъ кабардинцевъ. Стр. 176+V. Тифлисъ, 4861 г.

Эта исторія доведена до 1812 г., а именно—до изданія Высочайшей грамоты кабардинскимъ владѣльцамъ и всему народу о подтвержденіи ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ. Преданія о происхожденіи и объ отдаленномъ прошломъ кабардинцевъ, сложенныя уже въ неслишкомъ отдаленное время, не заслуживаютъ довѣрія. Тѣмъ не менѣе, книга представляетъ интересъ, какъ попытка изложенія цѣльной исторіи кабардинцевъ. Не мало интереса представляютъ тѣ мѣста книги, въ которой авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о прежнемъ домашнемъ и общественномъ бытѣ черкесовъ и объ ихъ внутренней жизни.

93. Пфафъ, В. Б. Матеріалы для исторіи осетинъ. Въ IV вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ (1—32 стр.) и въ V вып. этого сборника (1—100 стр.).

Гипотезы автора о принадлежности осетинъ семитамъ, основанныя главнымъ образомъ на псевдо-филологическихъ толкованіяхъ, а не на знакомствѣ съ осетинскимъ языкомъ, не выдерживаютъ критики. Кромѣ того, авторъ придаетъ слишкомъ большое значеніе преданіямъ, какъ историческому источнику. За всѣмъ тѣмъ, монографія Пфафа, старавшагося собрать изъ разныхъ историческихъ источниковъ, не лишена значенія. Она доведена до времени подчиненія осетинъ кабардинцамъ.

94. Матеріалы для исторіи Дагестана, заключающіеся въ „Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ".

Матеріалы представляютъ по большей части перечень событій. Эти матеріалы: а) Шамхалы Тарковскіе съ родословною таблицею (въ 1-мъ вып.), б) Казикумухскіе и Кюринскіе ханы и Мехтулинскіе ханы (во 2-мъ выпускѣ); Извлеченіе изъ исторіи Дагестана, составленное Мухам-

---

[1]) Никто столько не потрудился въ дѣлѣ изданія старинныхъ книгъ, разъясняющихъ прошлое Грузіи, сколько покойный академ. Броссе. Потрудился онъ не мало и надъ исторіею и археологіею Арменіи. Укажемъ только на то, что всѣхъ изданій, брошюръ и замѣтокъ, вышедшихъ вполнѣ или отчасти изъ-подъ пера знаменитаго труженика, насчитано 271; сверхъ того, 15 трудовъ издано при его участіи.

[2]) Въ послѣднее время. Дм. З. Бакрадзе, потрудившійся не мало надъ изслѣдованіемъ археологіи и исторіи Грузіи, издаетъ исторію этой страны на грузинскомъ языкѣ. Вѣроятно, онъ, по окончаніи этого труда, издастъ его и по-русски.

[3]) Въ нашемъ спискѣ мы не перечислили ни выдающихся трудовъ по исторіи Грузіи, изданныхъ Броссе на французскомъ языкѣ, ни историческихъ опытовъ, появившихся на русскомъ языкѣ съ конца прошлаго столѣтія, ни статей, трактующихъ отдѣльные эпизоды изъ исторіи Грузіи. Эти статьи, иногда весьма цѣнныя, разсѣяны по журналамъ, въ газетѣ, „Закавказскій Вѣстникъ" и въ старинныхъ номерахъ „Кавказа". Имѣя постоянно въ виду ту цѣль, съ какою составленъ былъ предлагаемый списокъ, мы указали только на четыре труда, дающіе возможность ознакомиться въ общихъ чертахъ, на первыхъ порахъ, съ исторіею Грузіи.

[1]) Армянская историческая литература очень богата. Армяне имѣютъ много знаменитыхъ лѣтописцевъ, труды которыхъ переведены на разные европейскіе языки, а въ числѣ ихъ и на русскій. Вотъ названія нѣсколькихъ лѣтописей: Армянская исторія *Моисея Хоренскаго* (лучшій переводъ Н. О. Эмина). Исторія *Егише Вардапета* (Борьба христіанства съ ученіемъ Зароастровымъ, въ V столѣтіи, въ Арменіи, переводъ П. С. Шапшіева), Всеобщая исторія *Вардана Великаго* (переводъ Н. О. Эмина). Покойный К. П. Паткановъ потрудился тоже не мало надъ переводомъ лѣтописей Арменіи.

[2]) *Шопенъ* отвелъ исторіи Арменіи болѣе мѣста въ своемъ „Историческомъ памятникѣ состоянія Армянской области въ эпоху присоединенія ея къ Россійской имперіи".

медомъ Рафи (въ 5 вып.). Послѣдняя монографія знакомитъ съ внутреннею жизнью горцевъ въ былыя времена.

Прим. Въ „Сборникѣ“ находятся также матеріалы, относящіеся къ исторіи Чечни и Осетіи. Эти, однако, матеріалы изложены не отдѣльно, но входятъ въ составъ этнографическихъ очерковъ, а потому мы и не перечисляемъ ихъ здѣсь.

Не указываемъ въ нашемъ спискѣ матеріаловъ по исторіи восточнаго Закавказья, такъ какъ они заключаются въ сочиненіяхъ, почти недоступныхъ для массы читателей. Замѣтимъ только, что историческія свѣдѣнія объ означенной территоріи обыкновенно пріурочиваются къ исторіи утвержденія русскаго владычества за Кавказомъ. Попадаются также отдѣльныя замѣтки въ разныхъ трудахъ. Такъ напр., въ V томѣ актовъ, изданныхъ Кавказскою археографическою коммисіею, находятся родословныя таблицы ханскихъ домовъ: Ширвана, Баку, Шеки и султановъ елисуйскихъ. Весьма желательно, чтобы, пробѣлъ по исторіи Закавказья, по отношенію къ восточной его части, былъ пополненъ.

95. Бутковъ, П. Г. Матеріалы для новой исторіи Кавказа, 1722 по 1803 г. 3 части СПб., 1869 г. изданіе Академіи наукъ.

Этотъ объемистый трудъ имѣетъ большое значеніе при изученіи исторіи Кавказа.

96. Броссе, М. И. Перечень хронологическихъ указаній, заключающихся въ III томѣ „Матеріаловъ для новой исторіи Кавказа“. СПб., 1869 г.

Перечень матеріаловъ Буткова, пополненный академикомъ Броссе, обнимаетъ собою время съ 1214 по 1832 г. и служитъ важнымъ пособіемъ при изученіи этого періода исторіи Кавказа.

Прим. Этотъ перечень послужилъ источникомъ для составленія „Краткаго перечня замѣчательныхъ событій“, помѣщаемаго обыкновенно въ Кавказскомъ Календарѣ.

97. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссіею и изданные подъ редакціею А. П. Берже. Отъ 1366 г. до 1885 г. X томомъ (VI-ой въ книгахъ), in folio.

Одинадцать изданныхъ роскошно, толстыхъ книгъ „Актовъ“ заключаютъ въ себѣ документы со 2-ой половины XVIII в. по 1854 г., извлеченные изъ Архива Главнаго Управленія Намѣстника Кавказскаго. Сверхъ того, въ I т. вошли грамоты на грузинскомъ языкѣ царей и другихъ владѣтельныхъ особъ Грузіи, а также документы на языкахъ персидскомъ, турецкомъ и арабскомъ и переводы съ армянскаго, съ 1398 по 1799 годъ. Акты заключаютъ весьма цѣнный матеріалъ для новѣйшей исторіи края и составляютъ необходимое пособіе для основательнаго изученія ея. Къ сожалѣнію, громадный форматъ Актовъ, крайне неудобный для чтенія, и большая ихъ цѣнность служатъ важною помѣхою для ихъ распространенія. Мало того, отпечатаны были въ слишкомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и стали дѣлаться библіографическою рѣдкостью (въ настоящее время 1-й томъ не поступаетъ въ продажу).

Какъ-бы то ни было, но покойный Берже оказалъ большія услуги новой исторіи Кавказа (заслуги эти оцѣнены въ брошюрѣ, находящейся въ складѣ изданій Кавказ. Отдѣла Рус. Географ. Общества и озаглавленной „Библіографическая замѣтка о брошюркѣ: „Памяти Адольфа Петровича Берже“, Тифлисъ, 1886 г.).

Съ 1886 г. „Акты“ продолжаетъ издавать г. Кобяковъ. Въ 1888 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ XI т. „Актовъ“, посвященный періоду времени съ марта 1854 г. по сентябрь 1856 года.

98. Кавказскій Сборникъ, Издаваемый съ Высочайшаго соизволенія при штабѣ Кавказскаго военнаго округа. Онъ издается Военно-историческимъ Отдѣломъ, съ 1875 года. XIII томовъ.

Онъ посвященъ разработкѣ матеріаловъ для военной новой исторіи Кавказа вообще. Сборникъ, выпустившій уже изрядное количество монографій, посвященныхъ описанію эпизодовъ изъ войнъ съ Кавказскими горцами и съ турками и проливающій болѣе свѣта на событія послѣднихъ десятилѣтій исторіи Кавказа, служитъ прекраснымъ дополненіемъ Актовъ, издаваемыхъ Кавказскою Археографическою Коммисіею. Первые два выпуска уже сдѣлались библіографическою рѣдкостью.

99. Бентковскій, І. В. „Матеріалы для исторіи колонизаціи Сѣвернаго Кавказа“, „Гребенцы“ и другія монографіи.

І. В. Бентковскій, секретарь Ставропольскаго статистическаго комитета, разработывающій усердно новѣйшую исторію Сѣвернаго Кавказа, отпечаталъ изрядное количество монографій, уясняющихъ новую исторію этого края (какъ, напр., „Городъ Терки и его значеніе въ исторіи распространенія русскаго владычества на Сѣверномъ Кавказѣ“ и т. д.).

100. Попко, И. Терскіе казаки со стародавнихъ временъ. Историческій очеркъ. 566 стр., 1880 г.

Выпускъ 1-й составляетъ историческій очеркъ Гребенскаго войска. Авторъ хорошій разсказчикъ.

101. Ржевускій, А. Терцы. Сборникъ историческихъ, бытовыхъ и географическо-статистическихъ свѣдѣній о Терскомъ казачьемъ войскѣ. Въ 4-ую долю, 287 стр. и оглавленіе. Владикавказъ, 1888 г.

Историческій отдѣлъ занимаетъ 202 стр. Затѣмъ слѣдуетъ бытовой отдѣлъ, а въ заключеніе очень короткій географическо-статистическій очеркъ терскаго войска. Разсказъ складный.

102. Фелицынъ, Е. Д. Краткій очеркъ заселенія Кубанской области, съ картою. Помѣщенъ въ VIII т. Извѣстій кавк. отдѣла импер. русск. геогр. общества (отъ 250 до 284 стр.), въ 1885 г.

Е. Д. Фелицынъ, секретарь кубанскаго статистическаго комитета, потрудился немало надъ разработкою исторіи Кубанской области.

103. Щербина, Ф. А. и Фелицынъ, Е. Д. Кубанское казачье войско. 1696—1888. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ (438 стр.), съ 45 рисунками и картою. Воронежъ, 1888 г.

Книга состоитъ изъ двухъ частей: въ 1-й помѣщенъ „Краткій историческій очеркъ кубанскаго казачьяго войска (до 239 стр.), а 2-ой озаглавленъ „кошевые, войсковые и наказные атаманы бывшихъ черноморскаго, кавказскаго линейнаго и нынѣ кубанскаго казачьяго войска. 1788—1888 гг.“ Къ біографическимъ очеркамъ наказныхъ атамановъ присоединены ихъ портреты.

104. Bell. Journal of residence in Circassia during the years 1837—39. 2 vol. (въ 1-мъ томѣ 453, а во 2-мъ 488). London, 1840. Вскорѣ это сочиненіе было переведено на французскій языкъ, подъ заглавіемъ „Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837—39, и на нѣмецкій языкъ.

Одно изъ лучшихъ сочиненій о черкесахъ. Белль описываетъ бытъ, общественное и политическое устройство адыге, ведшихъ тогда упорную войну съ русскими. Оно имѣетъ значеніе и въ этнологическомъ отношеніи. Въ настоящее время оно должно быть отнесено къ категоріи историческихъ трудовъ.

105. Люлье, Л. Я. Общій взглядъ на страны, занимаемыя горскими народами: черкесами, абхазцами и другими смежными съ ними. Въ IV кн. Записокъ кавказскаго отдѣла импер. русск. географ. общества 1857 г.

Въ статьѣ Люлье отчетливо указаны подраздѣленія западно-кавказско-горскихъ народовъ и мѣстности, занятыя тогда ими; далѣе, онъ знакомитъ съ общественнымъ и политическимъ устройствомъ этихъ народовъ. Въ настоящее время статья Люлье должна быть отнесена къ отдѣлу историческихъ трудовъ.

106. Люлье, Л. Я. О натухайцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ. Въ IV кн. Записокъ кавк. отдѣла импер. русск. геогр. общества 1857.

Эта монографія тоже носитъ теперь характеръ историческаго труда. Л. П. Загурскій помѣстилъ въ VIII т. Извѣстій кавк. отдѣла импер. русск. географ. общества

статью: „По поводу трудовъ Е. Д. Фелицына о горцахъ Кубанской области". Въ этой статьѣ онъ, на основаніи свѣдѣній, сообщаемыхъ Л. Я. Люлье, и посмертныхъ рукописныхъ замѣтокъ П. К. Услара, старается уяснить характеръ подраздѣленій западно-кавказско-горской группы народовъ (абхазо-адыгской) и др. этнологическіе вопросы [1]).

107. Дубровинъ, Н. Ѳ. Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ.

Томы: II, III, IV, V и VI. Содержаніе 1-го тома не соотвѣтствуетъ оглавленію (см. А № 15). Слѣдующіе же томы представляютъ исторію войны и водвореніе русской власти на Кавказѣ, постепенное введеніе гражданскихъ началъ и административныхъ перемѣнъ въ покоряемомъ краѣ.

Томъ II заключаетъ въ себѣ царствованіе грузинскаго царя Ираклія II. Стр. XVIII+318. Спб., 1886 г.

Содержаніе тома III: вторженіе Ага-Магометъ-хана въ Грузію, прибытіе Коваленскаго и Лазарева въ Тифлисъ, кончина грузинскаго царя Георгія XII и присоединеніе Грузіи къ Россіи. Стр. VI+550. Спб., 1886 г.

Содержаніе тома IV: кн. Циціановъ, война съ Персіею въ 1805 г., смерть кн. Циціанова въ Баку. Стран. VII+536. Спб., 1886 г.

Содержаніе тома V: гр. Гудовичъ, Тормасовъ, маркизъ Паулуччи. Стр. VIII+494. Спб., 1887.

Содержаніе тома VI: Ртищевъ и Ермоловъ. Стран. XI+756. Спб., 1888 г.

108. Щербатовъ, ген.-м., кн. генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность по неизданнымъ источникамъ. Томъ I. Стр. 396 и приложеній 139. Спб., 1888 г. Съ картами и планами.

Послѣдняя глава 1-го роскошно изданнаго тома кончается назначеніемъ ген. Паскевича главнокомандующимъ на Кавказъ, такъ что II томъ будетъ въ значительной части посвященъ дѣятельности ген. Паскевича на Кавказѣ.

109. Зубовъ, Пл. Персидская война въ царствованіе Николая I. 2-е изданіе. Стр. 269. Спб., 1837 г.

Монографія Зубова пользовалась въ свое время извѣстностью.

110. Ушаковъ, полковн. Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, въ 1828—29 годахъ. 2 части. Съ атласомъ картъ и плановъ. Спб., 1839 г.

Трудъ Ушакова былъ переведенъ на языки: французскій, нѣмецкій и польскій.

111. Оадеевъ, Р. Шестьдесятъ лѣтъ кавказской войны (стр. 147). Съ картой. Тифлисъ, 1860.

Опытъ описанія въ сжатомъ видѣ прошлой кавказской войны.

112. Богдановичъ, М. И. Восточная война, 1853—1856 годовъ. Изданіе 2-ое въ 4 томахъ (стр. въ т. 1-мъ VI+249 и 40, во 2-мъ III+272 и 77, въ 3-мъ IV+279 и 40, въ 4-мъ V+450 и 71). Спб., 1878 г.

Лучшій трудъ по описанію Восточной войны 1853—1856 годовъ.

113. Лихутинъ, М. Русскіе въ Азіятской Турціи въ 1854—1855 годахъ. Стр. 443. Съ картою Спб., 1863.

Талантливый трудъ, имѣющій значеніе не только въ военномъ, но и въ этнографическомъ отношеніи. Разсказъ живой.

114. Кишмишевъ, С. О., ген.-лейт. Война въ Турецкой Арменіи 1877—1878 гг. Стр. IX+507. Съ приложеніемъ 11-ти плановъ и операціонной карты дѣйствующаго корпуса въ Турецкой Арменіи. Спб., 1883 г.

Первое подробное описаніе этой войны, заслуживающее вниманія по своимъ матеріаламъ, которыми авторъ, будучи участникомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, имѣлъ возможность пользоваться.

115. Потто, В. А. Кавказская война въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ.

Томъ I. Отъ древнѣйшихъ (?) временъ до Ермолова. Стр. 698. 2-е изданіе въ 4-хъ выпускахъ. Спб., 1887 г.

Начало тома начинается короткимъ обзоромъ нѣкоторыхъ событій на Кавказѣ (отъ 6 до 17 стр.) отъ Іоанна Грознаго до Петра Великаго. 3-й вып. начинается съ кн. Циціанова.

Томъ II. Ермоловское время. 2-ое изд. въ 4-хъ выпускахъ. Стр. 832. Спб., 1887 г.

Томъ III. Персидская война 1826—1828 гг. 2-ое изд. въ 4-хъ выпускахъ. Стр. 748. 1888 г.

Томъ IV. Турецкая война (1828—1829 гг.). Въ 4-хъ выпускахъ. Стр. 726. Тифлисъ, 1887—1888 гг. [1]).

Труды г. Потто изложены картино и читаются съ удовольствіемъ. Почти всѣ газеты и журналы обратили вниманіе на нихъ, когда появилось ихъ 1-ое изданіе, и выставляли на видъ живость изложенія. Но о характерѣ трудовъ г. Потто были различные отзывы. Самый восторженный отзывъ появился въ газетѣ „Новое Время" отъ 29 окт. 1885 (см. № 3474). Вотъ какъ онъ заканчивается: Заканчиваю мой отзывъ о трудѣ г. Потто тѣми-же словами, какими я его началъ: этотъ трудъ не историческій, но въ педагогическомъ смыслѣ весьма цѣнный, и я всякому русскому юношѣ охотно-бы подарилъ именно эту книгу. Пусть изъ нея онъ увидитъ, какіе у него были предки и не думаетъ, что это громадное царство сложилось капризами случая и сбито въ кучу чужою прихотью, а не доблестью казака и солдата россіянина, не знавшихъ страха передъ врагомъ и не жалѣвшихъ своей крови"... Замѣтимъ, что труды г. Потто продаются дорого.

116. Bodenstedt, Fr, Tausend und ein Tag im Oriente. 3 Bände (1-er X+216. SS., 2-er XI+ 220 SS., 3-er II+223 SS.). Berlin, 1865.

Поэтическое описаніе Кавказа во время управленія имъ ген. Нейдгарта.

117. Зиссерманъ, Ар. Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ (1842—1867). 2 части (въ 1-ой части 424 стр., во 2-ой 441 стр.). Спб., 1879 г.

Авторъ разсказываетъ главнымъ образомъ о походахъ противъ горцевъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, и сообщаетъ подчасъ цѣнныя свѣдѣнія о выдающихся дѣятеляхъ. Разсказъ живой. Трудъ г. Зиссермана носитъ характеръ мемуаровъ.

118. Бороздинъ, К. А. Закавказскія воспоминанія. Мингрелія и Сванетія съ 1854 по 1862 г. Книга небольшого формата, заключаетъ 423 стр. Спб., 1884 г.

Воспоминанія г. Бороздина относятся ко времени экспедиціи Омаръ-паши въ Мингрелію и упраженія Мингрельскаго и Сванетскаго владѣній. Въ описаніи находятся мѣста, мѣтко характеризующія мѣстныхъ жителей и лицъ, заправлявшихъ событіями, происходившими въ западной части Закавказья. Но бѣда въ томъ, что авторъ, будучи высокаго мнѣнія о своей политической дальновидности, не поколебался набросить тѣнь на нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей. „Его Воспоминанія" относятся къ категоріи мемуаровъ.

119. Чичагова. М. Н. Шамиль на Кавказѣ и въ Рос-

[1]) Упомяну здѣсь о монографіяхъ *Карлгофа* о политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населявшихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. (Русск. Вѣстникъ, 1860 г., августъ), бар. *Торнау* (Воспоминанія кавказскаго офицера 1835—1838 гг. Москва, 1865 г.).

Цѣнный матеріалъ для ознакомленія съ состояніемъ Кубанской области, по выселеніи изъ нея горцевъ, представляетъ „Указатель географич. матеріала, заключающагося въ Кубанскихъ Вѣдомостяхъ отъ 1863 по 1874 г. Въ „Указателѣ" помѣщены выдержки изъ газетъ. Онъ напечатанъ въ „Приложеніяхъ къ III т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла И м п. Рус. Геогр. Общества" въ 1874 г.

[1]) Изъ указанныхъ въ этомъ спискѣ трудовъ по новой исторіи Кавказа видно, что до-сихъ-поръ и въ этомъ отношеніи нѣтъ такого компендіума, который предоставилъ-бы возможность ознакомиться въ общихъ чертахъ съ исторіею утвержденія русскаго владычества въ краѣ. Обобщеніе обширнаго матеріала по новой исторіи Кавказа ждетъ еще дѣятеля, а пока лицамъ, желающимъ наскоро ознакомиться съ нею, приходится обращаться къ краткимъ очеркамъ исторіи утвержденія русскаго владычества, помѣщаемымъ въ разныхъ изданіяхъ (хотя-бы, напр., въ „Путеводителѣ", составленномъ г. Вейденбаумомъ).

сіи. Біографическій очеркъ. Въ 4 долю листа, 202 стр. Спб., 1889 г.

Монографія г. Чичаговой, посвященная характеристикѣ знаменитаго послѣдняго дагестанскаго имама, изложена безъ прикрасъ, живо и правдиво.

Б) Важнѣйшія монографіи и изданія, посвященныя описанію отдѣльныхъ кавказскихъ странъ и народовъ [1]).

I Монографіи, относящіяся къ Кутаисскому генералъ-губернатору

*1 Лаврентьевъ, А. И. Военно-статистическое описаніе кутаисскаго генералъ-губернаторства, состоящаго изъ Кутаисской губ., владѣній: Мингреліи, Абхазіи и Сванетіи и приставствъ: Самурзаканскаго и Цибельдинскаго. Издано департаментомъ генеральнаго штаба [2]). Стр. 334. Т. XVI. Часть 5. Спб. 1858 г.

Разностороннее описаніе края. Статистическія свѣдѣнія, сообщенныя въ этомъ трудѣ, уже, конечно, устарѣли; но, въ виду отсутствія цѣльнаго описанія означеннаго края, онъ можетъ быть пригоденъ и теперь для ознакомленія съ послѣднимъ, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

2. Краевичъ, П. Д. Военный обзоръ Ріонскаго края. Стр. VII+272. СПб., 1870 г.

Интересъ и для не-военныхъ представляетъ 1-я часть монографіи до (до 153 стр.), посвященная обзору края въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ, а также описанію путей сообщенія. Въ этой части монографіи есть много данныхъ, не появлявшихся въ печати.

* 3. Лисовскій, В. Я. Чорохскій край. Военно-статистическій очеркъ. Изданъ Отдѣленіемъ Генеральнаго штаба Кавказскаго военнаго округа. Вып. I. Стр. 154. Тифлисъ, 1887 г.

Чорохскимъ краемъ названы Батумскій и Артвинскій округа, составлявшіе прежде Батумскую область. Отдѣлы труда: топографическій обзоръ края, этнографическій очеркъ, экономическій бытъ края и Батумъ. Въ приложеніи помѣщены: списокъ населенныхъ мѣстъ Чорохскаго края и таблица статистическихъ свѣдѣній объ этомъ краѣ за 1884 г. Это единственное цѣльное описаніе края; изложено оно весьма доступно.

4. Бартоломей, И. А. Поѣздка въ Вольную Сванетію въ 1853 г. Въ III кн. Записокъ Кавказ. Отдѣл. Рус. Географ. Общества (отъ 147 до 237 стр.). Тифлисъ, 1855 г.

Цѣнная эта монографія, обработанная, на основаніи доставленныхъ И. А. Бартоломеемъ матеріаловъ, покойнымъ графомъ Соллогубомъ, представляетъ первое достовѣрное описаніе Сванетіи. Но разсужденія объ языкѣ и происхожденіи сванетъ не выдерживаетъ критики.

5. Бакрадзе, Дм. З. Сванетія. Въ VI кн. Записокъ Кавказскаго Отдѣла Рус. Географическаго Общества. Стр. 117. 1864 г.

Въ этой монографіи помѣщены этнографическія и цѣнныя археологическія свѣдѣнія о Сванетіи. Трудъ почтенный.

6. Bernoville, Raph. La Souanétie Libre. In 4 to imp. 165 pp. Paris, 1875.

Авторъ посвящаетъ часть книги Колхидѣ и Рачѣ, а затѣмъ принимается за описаніе всей Сванетіи. Въ составъ описанія входятъ: топографія, этнографія, исторія, археологія. Изданіе снабжено прекрасно исполненными рисунками видовъ и историческихъ памятниковъ, что, конечно, увеличило значительно стоимость книги, которая читается легко.

7. Стояновъ, А. И. Путешествіе по Сванетіи. Во 2-омъ вып. X кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества. 1876 г.

Объемистая монографія. При составленіи ея, авторъ пользовался трудами гг. Бартоломея и Бакрадзе; но въ ней есть не мало и новыхъ данныхъ.

8. Каневскій, И. Я. Любопытные уголки Кавказа. Очеркъ жизни и природы. Тифлисъ, 1886 г.

Въ этой книгѣ описанію поѣздки въ Сванетіи отведено 66 стр. Разсказъ простъ, безъ всякихъ прикрасъ и даетъ вѣрное понятіе о Сванетіи. Это интересная монографія.

9. Радде, Г. И. Путешествіе въ Мингрельскихъ альпахъ и въ трехъ ихъ верхнихъ, продольныхъ долинахъ (Ріона, Цхенисъ-Цхали и Ингура). 222 стр. Съ атласомъ, изображающимъ виды, а также типы и костюмы сванетъ. Въ VII кн. Записокъ Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества, 1899 г.

Это собственно путешествіе въ верхней части Мингреліи, въ Рачѣ и физико-географическое описаніе. Авторъ сообщилъ и этнографическія свѣдѣнія о сванетахъ, причемъ пользовался трудами гг. Бартоломея и Бакрадзе.

10. Mouri-r, J., officier d'Académie. La Mingrélie (465 pp.). Odess·, 1884.

Въ монографіи говорится объ исторіи и о фаунѣ, о литературѣ и о торговлѣ, и т. д., однимъ словомъ, въ книгѣ сообщены самыя разнообразныя свѣдѣнія. Трудъ, конечно, не капитальный, но дающій понятіе объ описываемой странѣ. Главное достоинство его то, что имѣющіяся въ немъ свѣдѣнія сообщены автору интеллигентнымъ мингрельцемъ. Книга снабжена множествомъ рисунковъ и картою Мингреліи. Это пока лучшее описаніе Мингреліи.

Примѣчаніе. Въ 1804 г. издалъ въ Парижѣ покойный Берже „Voyage en Mingréli-“. Это сочиненіе уступаетъ во многомъ монографіи г. Мурье.

11. Радде, Г. И. Предварительный отчетъ о путешествіи по Кавказу, лѣтомъ 1865 г. Въ VIII кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла Имп Рус. Географ. Общества (отъ 34 до 46 стр.). 1873 г.

Путешественникъ отправился изъ верхней Карталініи въ Кутаисъ, а оттуда въ Абхазію. Изъ Абхазіи-же онъ отправился къ истокамъ Кубани и дѣлалъ попытку восхожденія на Эльбрусъ.

12. Абхазцы. Въ VI вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ (стр. 48). 1872 г.

Безъименный авторъ, опровергая ошибочныя свѣдѣнія объ абхазцахъ, переданныя г. Дубровинымъ въ его „Очеркѣ Кавказа и народовъ его населяющихъ“, излагаетъ вкратцѣ общественное ихъ устройство и показываетъ отношеніе Абхазіи къ Самурзакани и Цебельдѣ. Статья солидная.

13. Бакрадзе, Дм. З. Замѣтка о Батумской области. Въ VI т. Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества (отъ 153 до 167 стр.). 1880 г.

Кратк. географическо-этнографическій очеркъ страны.

14. Левашевъ, Н. Н. Замѣтка о пограничной линіи и зонѣ, на разстояніи отъ берега Чернаго моря до города Артвина (съ картою). Въ VI т. Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географическ. Общества (отъ 203 до 256 стр.).

---

1) При составленіи этого списка имѣлось въ виду то обстоятельство, что трудъ г. Дубровина, представляющій собою обобщеніе свѣдѣній, разсѣянныхъ по русскимъ газетамъ и журналамъ, не полонъ, не чуждъ погрѣшностей и доведенъ только до 1871 г., и что въ немъ слишкомъ мало обращено вниманія на физико-географическое описаніе края.

Мы нашли возможнымъ распредѣлить означенныя монографіи, за исключеніемъ только нѣсколькихъ, по большимъ административнымъ отдѣламъ. *Въ числѣ этихъ монографій первое мѣсто занимаютъ тѣ, которыя посвящены болѣе обстоятельному описанію большихъ административныхъ отдѣловъ. Передъ этими монографіями у насъ поставленъ знакъ **.

2) Изданіемъ описаній значительной части большихъ административныхъ отдѣловъ мы обязаны Генеральному Штабу. Хотя эти описанія названы военно-статистическими, но въ нихъ обыкновенно разсматривается данная страна разносторонне, какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Въ замѣткѣ картинно описаны ущелья Батумской области, въ особенности хорошо описанъ бассейнъ Чороха [1]).

15. Каневскій, И. Я. Любопытные уголки Кавказа. Батумскій округъ. Очерки жизни и природы. Тифлисъ, 1886 г.

Для Батумскаго округа отведено 100 стр. Это путевыя замѣтки наблюдательнаго путешественника.

16. Бакрадзе, Дм. З. Краткій очеркъ Гуріи, Чурукъ-су и Аджары. Во II т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Географич. Общества (отъ 200 до 224 стр.). 1873 г.

Замѣтка имѣетъ значеніе въ этнографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ. Авторъ напечаталъ впервые небольшое описаніе Аджаріи.

17. Казбекъ, Г. Н. Три мѣсяца въ Турецкой Грузіи. Въ 1-мъ вып. X. кн. Записокъ Кавк. Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества (140 стр.). 1876 г.

Это описаніе поѣздки, совершенной авторомъ въ 1874 г. въ Верхнюю Аджару, Шавшетъ, Арданучъ, Ливану и Лазистанъ. Описаніе, веденное въ формѣ дневника, знакомитъ съ характеромъ страны и жителей бассейна Чороха, входившаго тогда всецѣло въ составъ Турціи.

Примѣчаніе. Интересныя свѣдѣнія объ этой странѣ представляетъ отчетъ англійскаго консула Польгрева, переведенный на русскій языкъ и помѣщенный въ VII т. Извѣстій Кавк. Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества, въ 1883 г.

18. Литвиновъ, М. Черное море. Роль моря въ разныя историческія эпохи, современное экономическое и военное значеніе Чернаго моря. Стр. 211. СПб., 1881 г.

Для Кавказа имѣютъ значеніе нѣкоторыя мѣста этой книги, какъ, напр., „Восточное побережье Чернаго моря“. „Торговля кавказскихъ портовъ“, „Производительность и потребленіе нефти на Кавказѣ“ и др.

II. Монографіи, относящіяся къ Тифлисской губерніи и Закатальскому округу [2]):

19. Загурскій, Л. П. Поѣздка въ Ахалцихскій уѣздъ въ 1872 г. Въ VIII кн. Записокъ кавк. отдѣла императ. русск. географ. общества (85 стр.). 1873 г.

Прошлое и настоящее, этнографическій составъ, дѣятельность жителей (ремесленная, торговая и т. д.) этого уѣзда, составляющаго значительную часть страны, носящей въ старину названіе Саатабаго и населенной грузинскимъ отуреченнымъ населеніемъ.

20. Джанашіевъ, Гр. Перлъ Кавказа. Боржомъ и его окрестности. 2-е изданіе. Въ 1/16 долю листа. Стр. 70+III.

Талантливо написанная монографія.

21. Эристовъ, Р. Д., кн. О Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ, съ картою. Въ III кн. Записокъ кавказскаго отдѣла импер. русск. географ. общества (отъ 75 до 145 стр.). 1855 г.

Обстоятельное и добросовѣстное этнографическое описаніе трехъ интересныхъ горскихъ народцевъ, не потерявшее и теперь своихъ достоинствъ. Описанію предшествуетъ краткій географическій очеркъ названнаго округа. Изложеніе ясное.

22. Радде, Г. И. Хевсурія и хевсуры. Описаніе путешествія, совершеннаго лѣтомъ 1879 г. Съ 13-ью таблицами, картою и множествомъ рисунковъ въ текстѣ. Монографія составляетъ 2-ой выпускъ XI книги Записокъ Кавказскаго Отдѣла Имп. Русск. Географическаго Общества (341 стр. съ приложеніями). 1880 г.

Большая часть этнографическаго отдѣла взята изъ труда кн. Эристова. Физико-географическое описаніе значительно расширено. Главное достоинство монографіи—списокъ растеній, собранныхъ путешественникомъ, и его біологическія наблюденія. Попадаются въ этнографическомъ отдѣлѣ погрѣшности, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда путешественникъ описываетъ собственныя наблюденія. Барометрическія опредѣленія высотъ большею частью невѣрны. Названія многихъ мѣстностей, рѣкъ и горъ искажены. Изложеніе оживленное.

Примѣчаніе.—Въ настоящее время имѣется уже обстоятельный списокъ собственныхъ географическихъ именъ, искаженныхъ въ названной монографіи. Этотъ списокъ съ поправками приложенъ къ ней.

23. Худадовъ, Н. А. Замѣтки о Хевсуріи Въ 1-мъ вып. XIV кн. Записокъ Отдѣла (62 до 96 стр.).

Монографія сообщаетъ не мало интересныхъ свѣдѣній о нравахъ и объ обычаяхъ хевсуръ.

24. Эристовъ, Р. Д., кн. Извлеченіе изъ этнографическихъ очерковъ г. Урбнели о хевсурахъ. Въ XIV кн. Записокъ Отдѣла (отъ 149 до 198 стр.).

Г. Урбнели (псевдонимъ) подмѣтилъ совершенно новыя стороны въ жизни хевсуръ и разъяснилъ много того, что прежними изслѣдователями едва было затронуто.

25. Фонъ-Плотто, А. И. Природа и люди Закатальскаго округа. IV вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ (62 стр.). 1870 г.

Большую часть монографіи (около 2/3) занимаетъ этнографическій очеркъ (описаніе обычаевъ, нравовъ и т. д.).

26. Бакрадзе, Дм. З. Замѣтки о Закатальскомъ округѣ. Въ 1-омъ вып. XIV кн. Записокъ Кавказскаго Отдѣла Рус. Географ. Общества (34 стр.). 1888 г.

У автора обращено болѣе вниманія на историческую часть. Сверхъ того, разъясненъ прежній соціально-экономическій и поземельный строй округа.

III. Монографіи, относящіяся къ Карсской области:

27. Степановъ, П. Ф. Замѣтка о Карсской обл. Въ IV т. Извѣстій Кавказскаго Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества. 1883 г.

Первый очеркъ Карсской обл., дающій, не смотря на малый объемъ, довольно вѣрное понятіе о характерѣ страны.

28. Бакрадзе, Д. З. Историко-этнографическій очеркъ Карсской области. Въ VII т. Извѣстій Кавк. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества (отъ 192 до 202 стр.). 1883 г.

Составляетъ какъ-бы дополненіе къ вышепоименованной замѣткѣ. Къ ней приложено описаніе историческихъ памятниковъ въ Батумской области.

29. Садовскій, К. Краткія замѣтки о Карсской обл. въ III выпускѣ „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ (отъ 315 до 350 стр.).

Очеркъ расположенъ по принятымъ въ учебникахъ рубрикамъ.

30. Массальскій, В. И., кн. Очеркъ южной части Карсской области. Въ IX т. Извѣстій Отдѣла (105—128 стр.),

Это физико-географическій и этнографическій очеркъ Кагызманскаго округа.

IV. Монографіи, относящіяся къ Эриванской губерніи:

*31. Шопенъ, Ив. Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху присоединенія ея къ Россійской имперіи. Стр. IX+1231 (убористой печати). Спб., 1852 г.

1-ая часть (до 344 стр.) представляетъ введеніе. Въ

---

[1]) Въ VI т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Географ. Общества помѣщены и другія замѣтки, относящіяся къ бывшей Батумской области.

[2]) Въ настоящее время не имѣется цѣльнаго описанія этой губерніи. Въ Сборникѣ матеріаловъ для описанія Тифлисской губерніи (см. Б, № 71) есть замѣтки, посвященныя обобщенію свѣдѣній по нѣкоторымъ отдѣламъ географіи и этнографіи (по послѣдней обобщенія крайне неудачны). Въ 1872 г. изданъ былъ въ Петербургѣ „Военный обзоръ Тифлисской губерніи и Закатальскаго округа“, составленный полковникомъ (теперь генераломъ) *Филипповымъ*; но этотъ трудъ имѣетъ значеніе лишь въ военномъ отношеніи. Для массы читателей могъ бы пригодиться орографическій очеркъ Тифлисской губерніи, но онъ изложенъ слишкомъ детально (авторъ преслѣдовалъ при этомъ стратегическія цѣли). Итакъ, приходится ограничиться перечисленіемъ монографій, относящихся къ отдѣльнымъ частямъ губерніи.

него входятъ: краткое начертаніе древней географіи и исторіи Великой Арменіи, краткій обзоръ армянской словесности и древностей. Затѣмъ идетъ обстоятельное описаніе области въ различныхъ отношеніяхъ. Трудъ устарѣлъ, но онъ и теперь имѣетъ значеніе.

*32. Усларъ, П. К., бар. Военно-историческое обозрѣніе Россійской имперіи, издаваемое при Департаментѣ Генеральнаго Штаба. Томъ XVI. Часть 6 Эриванская губернія. (Стр. 300 съ приложеніемъ таблицъ). Спб., 1853 г.

Отдѣлы: общій взглядъ на губернію въ военно-статистическомъ отношеніи, мѣстность, жители, промышленность, образованность и свѣдѣнія спеціальныя. Книга Услара уступаетъ, въ отношеніи разнообразія матеріаловъ, труду Шопена, но въ ней что ни шагъ почти встрѣчаются, то самостоятельные взгляды на страну и ея жителей. Лучше другихъ отдѣловъ изложены: орографія, гидрографія и этнографическій отдѣлъ. Трудъ Услара нуждается въ новомъ изданіи.

33. Егіазаровъ, С. А. и Карцевъ, Ю. С. Труды по изслѣдованію курдовъ и езидовъ, помѣщенные во 2-мъ вып. XIII кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла Географ. Общества.

Эта книга, изданная подъ редакціею Л. Н. Загурскаго, цѣликомъ посвящена курдамъ и езидамъ. Въ нее входятъ почти исключительно труды С. А. Егіазарова, а именно: этнографическій очеркъ курдовъ Эриванской губерніи, курманджійскіе тексты, краткій этнографическо-юридическій очеркъ езидовъ Эриванской губерніи. Затѣмъ слѣдуютъ замѣтки Ю. С. Карцева о турецкихъ езидахъ, а за ними извлеченіе изъ замѣтокъ г. Сіуффи объ езидахъ, сдѣланное С. А. Егіазаровымъ.

34. Ковалевскій, Е. П. и Марковъ, Е. С. На горахъ Араратскихъ. Въ 1/16 долю листа 316 стр. Съ рисунками. Москва, 1889 г.

Авторы восходили на Араратъ въ 1888 г. Въ монографіи они описали достопримѣчательныя мѣстности въ Эриванской губ., черезъ которыя проѣзжали. Затѣмъ, проѣхали въ Карсъ, Ардаганъ, они спустились въ Батумскій округъ.

V. *Монографіи, относящіяся къ Бакинской губерніи:*

*35. Зейдлицъ, Н. К. Списки населенныхъ мѣстъ Бакинской губерніи (260 стр.). Тифлисъ. 1870 г.

Предисловіе къ спискамъ, занявшее болѣе половины книги и обнаруживающее большую эрудицію автора, представляетъ разностороннее описаніе края въ географическомъ, этнографическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Главная заслуга Н. К. Зейдлица при составленіи означенныхъ списковъ состояла въ правильной этнологической классификаціи населенія Бакинской губерніи. Поэтому-то Усларъ вышеназванный трудъ назвалъ весьма вѣскимъ въ кавказской этнографіи.

36. Риссъ, П. Ф. О талышинцахъ, ихъ образъ жизни и языкъ. Въ III кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла Географ. Общества (72 стр.). 1855 г.

Статья по преимуществу лингвистическая. Сообщаются въ ней и интересныя этнографическія свѣдѣнія.

VI. *Монографіи, относящіяся къ Дагестанской области:*

*37. Соловьевъ, К. С. Военное обозрѣніе Дагестанской области, изданное Отдѣломъ генеральнаго штаба Кавказскаго военнаго округа (172 стр.). Тифлисъ, 1887 г.

Въ 1-мъ отдѣлѣ общій географическій и этнографическій обзоръ области, 2-й отдѣлъ занимаетъ краткій историческій очеркъ покоренія Дагестана, затѣмъ слѣдуютъ списки населенныхъ мѣстъ.

38. Путеводитель по Дагестану. Составленъ по случаю проѣзда Государя Императора отъ г. Петровска черезъ Гунибъ до границы Терской области, въ 1871 г.

Въ началѣ путеводителя помѣщенъ очеркъ присоединенія Дагестана къ Россіи и образованія Дагестанской области. Путеводитель составленъ довольно обстоятельно.

39. Отчетъ по управленію Дагестанскою областью съ 1-го ноября 1863 г. по 1-е октября 1869 г.

Отчетъ знакомитъ съ преобразованіями, произведенными въ устройствѣ области, послѣ умиротворенія Дагестана, а также съ состояніемъ путей сообщенія и т. д.

40. Вороновъ, Н. И. Изъ путешествія по Дагестану. Въ 1-мъ и 3-мъ вып. Сборника.

Путешественникъ, пріѣхавшій изъ Дидо на Гунибъ, а оттуда въ Кумухъ, знакомитъ читателей съ общимъ характеромъ страны и бытомъ жителей. Характеристики сдѣланы мѣтко.

41. Омаровъ, Абдулла. Какъ живутъ лаки (изъ воспоминаній дѣтства). Въ III и IV вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

Вѣрное и картинное изображеніе жизни горцевъ, сдѣланное интеллигентнымъ туземцемъ.

42. Его-же. Воспоминанія муталима. Въ 1-мъ вып. Сборника.

43. Львовъ, Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ аварскаго племени. Въ III вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

44. Кузьминскій, В. А. Замѣтка объ Андійскомъ округѣ. Въ VI т. Извѣстій кавк. отдѣла географ. общества, 1881 г.

Интересъ представляютъ данныя, касающіяся экономической дѣятельности.

45. Л. З. Поѣздка г. Беккера по Южному Дагестану. Въ IX вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

Замѣтка содержитъ интересныя данныя въ біологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

VII. *Монографіи, относящіяся къ Терской области:*

*46. Казбекъ, Г. Н. Военно-статистическое описаніе Терской области, изданное отдѣломъ генеральнаго штаба кавказскаго военнаго округа. Стр. 368. 1888 г.

Отдѣлы его: физико-географическое описаніе области, этнографическій очеркъ ея и свѣдѣнія по общей статистикѣ области. Въ приложеніи помѣщены: списокъ измѣренныхъ высотъ, метеорологическія свѣдѣнія и списки населенныхъ мѣстъ.

47. Сборникъ свѣдѣній о Терской области, изданный терскимъ статистическимъ комитетомъ. Вып. 1-ый. Владикавказъ, 1878 г.

Это попытка обобщенія свѣдѣній объ области.

48. Путеводитель по Терской области (составленный для проѣзда въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, въ 1871 г.).

49. Динникъ, Н. Я. Горы и ущелья Терской области, въ 1-мъ вып. XIII кн. Записокъ кавк. отдѣла импер. русск. геогр. общества (отъ 1 до 48 стр.). 1884 г.

Обстоятельное физико-географическое описаніе нагорной части Терской области.

50. Его же. Путешествіе по Дигоріи (61 стр.) въ 1 вып. XIV кн. Записокъ отдѣла.

51. Его же Поѣздка въ Балкарію (въ 1886 г.) 29 стр. Поѣздка въ Балкарію въ 1887 г. Въ 1-мъ вып. XIV кн. Записокъ отдѣла.

Три послѣднія монографіи считаются лучшими.

52. Лаудаевъ, Умалатъ. Чеченское племя. Въ VI вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

Этнографическій очеркъ, написанный интеллигентнымъ чеченцемъ.

53. Поповъ, И. М. Ичкерія (историко-этнографическій очеркъ). Въ IV вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ.

54. Грабовскій, Н. Ф. и Чахъ-Ахріевъ. Экономическій и домашній бытъ жителей Горскаго участка Ингушевскаго округа. Въ III вып. Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. См. также V, VIII и IX вып. этого сборника.

55. Лавровъ, Д. Замѣтка объ осетинахъ. Въ 3 вып. „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа". (отъ 1 до 314 стр.). Тифлисъ, 1883 г.

Географическо-историческое описаніе. Трудъ компилятивный. Изложеніе растянутое. Трудъ г. Лаврова полезенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ обобщеніе, хотя далеко и не полное, имѣющихся свѣдѣній объ Осетіи. Онъ не оконченъ.

56. Кипіани, М. З. Отъ Казбека до Эльбруса. Путевыя замѣтки о нагорной полосѣ Терской области. Владикавказъ. 1884 г.

Авторъ знакомитъ довольно обстоятельно съ экономическимъ положеніемъ осетинскаго населенія и горныхъ обществъ Большой Кабарды.

VIII Монографіи, относящіяся къ Ставропольской губерніи.

57. Очеркъ Ставропольской губерніи въ орографическомъ, геологическомъ, гидрографическомъ, климатическомъ, этнографическомъ и др. отношеніяхъ. Въ VII вып. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губерніи. Ставрополь, 1876 г.

Какъ ни сжато изложенъ этотъ очеркъ, но онъ все-таки имѣетъ преимущество предъ военно-статистическимъ обозрѣніемъ Ставропольской губерніи, составленнымъ г. Забудскимъ въ 1851 г.

58. Статистическо-географическій путеводитель по Ставропольской губерніи. Въ XII вып. Сборника статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губерніи 1883 г.

59. Бентковскій, І. И. Замѣтки о калмыкахъ, помѣщенныя въ 1-хъ выпускахъ „Сборника Статистич. Свѣд. о Ставропольской губ.", въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ.

Прим. Въ „Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Ставропольской губ." помѣщенъ рядъ статей, посвященныхъ ознакомленію съ тухменами и др. инородцами этой губерніи.

60. Бентковскій, І. В. Историко-статистическое обозрѣніе инородцевъ-магометанъ, кочующихъ въ Ставропольской губерніи. Ногайцы. Ставрополь. 1883 г.

IX. Монографіи, относящіяся къ Кубанской области:

61. Монографіи, отпечатанныя въ Памятной книжкѣ Кубанской области.

Область не имѣетъ цѣльнаго описанія, а потому приходится обращаться къ Памятной книжкѣ, гдѣ попадаются замѣтки географическія и статистическія.

62. Динникъ, Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области. Въ I-мъ вып. XIII кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла Географ. Общества (отъ 307 до 363 стр.). 1884 г.

Обстоятельное физико-географическое описаніе, причемъ авторъ останавливается на ледникахъ и описываетъ флору и фауну.

63. Динникъ Н. Я. Эльбрусъ, его отроги и ущелья. Въ V т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Географ. Общества (265—288 стр.). 1880 г.

Эта монографія носитъ такой-же характеръ, какъ и др. монографіи Н. Я. Динника.

64. Грове, Холодный Кавказъ. Это переводъ съ англійскаго The frosty Caucasus, изданный г. Ильинымъ въ 1879 г.

Г. Грове въ 1874 г. совершилъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ глаціаристовъ восхожденіе на Эльбрусъ. Послѣ Грове высокія мѣста Кубанской области и окрестныхъ странъ часто посѣщали члены Англійскаго альпійскаго клуба (Фрешфильдъ и его товарищи, г. Деши и другіе).

65. Попко, Ив. Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту. Стр. XI+292 С.-Пб. 1853 г.

Это сочиненіе до сихъ поръ не потеряло своего значенія.

66. Петровъ Г. С. Карачай. Въ Памятной книжкѣ Кубанской области на 1880 г.

Весьма порядочный этнографическій очеркъ; извлеченіе изъ него помѣщено въ VI т. Извѣстій Кавказ. Отдѣла Рус. Географическаго Общества.

X. Монографіи, относящіяся къ двумъ большимъ административнымъ Отдѣламъ.

67. Динникъ, Н. Я. Осетія и верховья Ріона. Въ 1-мъ вып. XIII кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла Географ. Общества (отъ 49 до 100 стр.). 1884 г.

Физико-географическое описаніе.

68. Россиковъ, К. Н. Поѣздка въ Чечню и Нагорный Дагестанъ. Въ 1-мъ вып. XIII кн. Записокъ Кавказ. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества (отъ 215 до 277 стр.).

Монографія представляетъ описаніе физико-географическое и этнографическое посѣщенныхъ авторомъ мѣстностей.

Дополненія:

Къ 22 стр. Vambery, Hermann. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. 638 ss. Leipzig, 1885.

Глава о ногайцахъ, кумыкахъ и карачаевцахъ (543—566 стр.), а также глава объ иранскихъ тюркахъ или адербейджанцахъ непосредственно относятся до Кавказа.

Къ 31 стр. Wakhoucht. Description géographique de la Géorgie, Publié par M. F. Brosset. In 4-to, pp. XXX et. 540. Texte géorgien et traduction française. St.-Pétersc., 1842.

Анановъ, д-ръ. Абастуманъ и его цѣлебное значеніе. Т., 1892 г., ц. 1 р.

Аннинскій. Исторія Армянской церкви (до XIX вѣка). К. 1900 г., ц. 2 р.

Его же. Древніе армянскіе историки, какъ источники. О., 1899 г., ц. 1 р. 20 к.

Апостоловъ. Географическій очеркъ Кубанской области. Т., 1897 г., ц. 1 р. 50 к.

Баратовъ. Исторія Грузіи. Ч. 2—3. Исторія среднихъ вѣковъ. Спб., 1871 г., ц. 1 р.

Бѣгичевъ. Мтацминдскій монастырь св. Давида Гареджійскаго. Т., 1890 г., ц. 20 к.

Бакрадзе. Тифлисъ въ историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Спб., 1870 г., ц. 1 р.

Бѣлокуровъ. Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ ризы Господней царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1625 году. М., 1891 г., ц. 50 к.

Его же. Сношенія Россіи съ Кавказомъ, вып. I. 1578—1613 гг. М., 1889 г., ц. 3 р.

Вейденбаумъ. Путеводитель по Кавказу, съ 12 рисунками и дорожною картою. Т., 1888 г., ц. 3 р. 50 к.

Его же. Кавказскіе этюды, т. I. Т., 1901 г., ц. 1 р. 25 к.

Его же. Большой Араратъ и попытки восхожденія на его вершину. Т., 1901 г., ц. 30 к.

Вермишевъ. Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ въ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ, Тифлисской губерніи. Т., 1886 годъ, ц. 1 р.

Его же. Земледѣліе у государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края. Т., 1888 г., ц. 2 р.

Гамбашидзе. Гейнатскій монастырь и жизнеописаніе благовѣрнаго царя Давида III, Возобновителя. К., 1888 г., ц. 25 к.

Его же. Св. великомученики Давидъ и Константинъ и Моцаметскій монастырь. К-, 1888 г., ц. 10 к.

Давидовъ. Кавказская жизнь. Художественно-литературный сборникъ, кн. II. Т., 1897 г., ц. 2 р.

Демонце. Практическое руководство къ облѣсенію и задерненію горъ, съ атласомъ. Т., 1891 г., ц. 4 р.

Джаншіевъ. Перлъ Кавказа, изд. 4-е. Иллюстр. изд. М., 1900 г., ц. 1 р. 50 к.

Дингельштедтъ. Водовладѣніе и ирригація, ч. I. Т., 1880 г., ц. 2 р. 75 к.

Его же. Закавказскіе сектанты въ ихъ семейномъ и религіозномъ быту. Спб., 1885 г., ц. 2 р.

Дорофеевъ. Кавказскія сказки и преданія для юношества, вып. I. Т. 1897 г., ц. 1 р. 25 к.

Дѣтскія игры въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа и Закавказья. Т., 1886 г. ц. 60 к.

Егіазаровъ. Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьи, часть I. Сельская община. К., 1889 г., ц. 2 р. 75 к.

Его же. Изслѣдованія по исторіи учрежденій въ Закавказьи, ч. II. Городскіе цехи. К., 1891 г., ц. 4 р.

Его же. О водовладѣніи въ Закавказскомъ краѣ. К., 1895 г., ц. 45 к.

Ефимовъ. Нужды Закавказскаго межеванія. Б., 1894 годъ, ц. 40 к.

Записки. Общества любителей кавказской археологіи, кн. I, изданная подъ редакціею Берже и Бакрадзе. Т., 1875 г., ц. 4 р.

Загурскій. Замѣтка объ изслѣдованіи кавказскихъ языковъ. М., 1880 г., ц. 60 к.

Записки. Кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества, книга VIII, вып. II. Т., 1891 г., ц. 2 р.

Іоаннисіани, Р. А. Дома трудолюбія (сочиненіе удостоенное совѣтомъ Императорскаго с.-петербургскаго университета золотой медали). Т., 1900 г., ц. 60 к.

Іоаннесовъ. Исторія князей Орбельянъ съ примѣчаніями и объясненіями. М., 1883 г., ц. 1 р.

Иваненко. Гражданское управленіе Закавказьемъ отъ присоединенія Грузіи до намѣстничества Великаго Князя Михаила Николаевича. Историческій очеркъ. Т., 1901 г., ц. 3 р.

Извѣстія. Кавказскаго общества любителей естествознанія и Альпійскаго клуба, кн. I. Т., 1879 г., ц. 15 к.

Кавказскій сборникъ. Т. XIX. Т., 1898 г., ц. 2 р.

Калантаръ. Состояніе скотоводства на Кавказѣ. Рогатый скотъ. Т., 1890 г., ц. 1 р.

Канивецкій. Кавказъ въ поэзіи Пушкина. Е., 1899 г., ц. 35 к.

Карабеговъ. Давность по церковнымъ землямъ. Спб., 1894 г., ц. 1 р. 20 к.

Кишмишевъ. Походы Надиръ-шаха въ Гератъ, Кандагаръ, Индію и событія въ Персіи послѣ его смерти. Съ приложеніемъ географическихъ картъ на пяти листахъ. Т., 1889 г., ц. 3 р. 50 к.

Козубскій. Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. съ тремя портретами и схемическою картою. Т.-Х.-Ш., 1895 г., ц. 2 р. 80 к.

Его же. Памятная книжка и адресъ-календарь Дагестанской области на 1901 г. Т.-Х.-Ш., 1901 г., ц. 1 руб. 50 коп.

Кондратенко, Ѳ. Учебникъ географіи Кавказа. Т., 1895 г., ц. 50 к.

Коншинъ. Отчетъ объ изслѣдованіи Боржомскихъ и Абастуманскихъ минеральныхъ водъ съ цѣлью опредѣленія ихъ округовъ охраны съ приложеніемъ плановъ, фотографическихъ снимковъ и одной таблицы чертежей. Т., 1893 г., ц. 4 р.

Климатъ города Тифлиса по наблюденіямъ Тифлисской метеорологической обсерваторіи за 18 лѣтъ (1861—1878 гг.). Т., 1880 г., ц. 60 к.

Ландольтъ. Горные потоки, снѣжныя лавины, каменныя осыпи и средства къ уменьшенію поврежденій, причиняемыхъ ими. Съ 19 литографированными таблицами. Т., 1893 г., ц. 1 р. 20 к.

Ликонинъ. Кавказскія минеральныя воды. Желѣзноводскъ и его лѣчебныя средства. Спб., 1894 г., ц. 1 руб. 25 к.

Лопатинскій. Русско-кабардинскій словарь съ указателемъ и краткою грамматикою. Т., 1890 г., ц. 1 р.

Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ Закавказскаго края, т. I. Тифл., 1893 г., ц. 4 р.

Тоже для устройства казенныхъ лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ и для изученія скотоводства на Кавказѣ. Добавленіе къ III тому. Т., 1899 г., ц. 50 к.

Тоже для устройства казенныхъ лѣтнихъ и зимнихъ пастбищъ и для изученія скотоводства на Кавказѣ, т. IV. Карабахскія казенныя лѣтнія пастбища (съ картою карабахскихъ лѣтнихъ пастбищъ). Т., 1899 г., ц. 2 р.

Марковъ Е. и Ковалевскій. На горахъ Араратскихъ (изъ поѣздки студен. эксп. по Закавказью) съ рисунками. М., 1889 г., ц. 1 р. 50 к.

Михайловъ. Туземцы Закаспійской области и ихъ жизнь. Этнографическій очеркъ. А., 1900 г., ц. 50 к.

Опочининъ. Святая Нина, поэма. Т., 1884 г., ц. 30 к.

Остроумовъ. Сарты. Этнографическіе матеріалы, вып. II. Народныя сказки Сартовъ съ четырьмя рисунками. Т., 1893 г., ц. 1 р. 20 к.

Его же. Этнографическіе матеріалы, вып. III. Пословицы и загадки Сартовъ. Т., 1895 г., ц. 1 р. 20 к.

Пантюховъ д-ръ. Кобулеты какъ приморскій курортъ. Т., 1900 г., ц. 30 к.

Его же. Алкоголизмъ на Кавказѣ. Т., 1901 г., ц. 10 к.

Его же. О нѣкоторыхъ лѣчебныхъ мѣстностяхъ Закавказья. Т., 1897 г., ц. 15 к.

Его же. Населеніе Кутаисской губерніи. Спб., 1892 годъ, ц. 60 к.

Его же. Ингуши. Антропологическій очеркъ. Тифл., 1901 г., ц. 25 к.

Его же. Проказа, зобъ и парши на Кавказѣ. Тифл., 1900 г., ц. 10 к.

Его же. О кумыкахъ. Антропологическій очеркъ. Т., 1895 г., ц. 25 к.

Его же. О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ Закавказскаго края. Т., 1890 г., ц. 30 к.

Его же. Шаорская котловина и ея окрестности. Т., 1900 г., ц. 40 к.

Его же. Къ статистикѣ кавказской патологіи. Тифл., 1898 г., ц. 1 р. 50 к.

Его же. Антропологическія наблюденія на Кавказѣ. Т., 1893 г., ц. 1 р. 50 к.

Его же. Курды и карапапахи (этнографическая замѣтка). Т., 1891 г., ц. 20 к.

Его же. О нѣкоторыхъ водахъ Тифлиса и его окрестностей. Т., 1891 г., ц. 20 к.

Его же. О пещерныхъ и позднѣйшихъ жилищахъ на Кавказѣ. Т., 1896 г., ц. 1 р.

Пираловъ. Краткій очеркъ кустарныхъ промысловъ Кавказа. Съ 3 раскрашенными картограммами. Т., 1900 г., ц. 50 к.

Потто. Памяти старыхъ кавказцевъ. Т., 1897 г., ц. 50 к.

Его же. Генералъ-адъютантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ. Т., 1900 г., ц. 2 р. 40 к.

Проценко. Краткая географія Кавказа. По сравнительному методу. Т., 1889 г., ц. 40 к.

Періодическая печать на Кавказѣ. Т., 1901 г., ц. 25 к.

Полное собраніе пѣсенъ Беранже въ переводѣ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Тхоржевскаго. Съ портретомъ Беранже. Т., 1899 г., ц. 6 р.

Радде. Коллекціи Кавказскаго музея, т. II. Ботаника съ 12 портретами, 16 таблицами хромолитографіи, фототипіи и гелиогравюръ и 3 картами. Т., 1901 г., ц. 7 р.

Ролловъ. Раздеченіе маслины. Т., 1899 г., ц. 80 к.

Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растеній на Кавказѣ, вып. III и IV. Ц. по 1 р.

Тоже, по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ, вып. I. Т., 1895 г., ц. 80 к.

Тоже, вып. II (съ рисунками). Т., 1899 г., ц. 80 к.

Тоже, по виноградарству и винодѣлію на Кавказѣ, вып. I; Черноморскій округъ, III; Кутаисская губернія, II; Дагестанская область, Бакинская губернія, VIII; Тифлисская губернія (Горійскій и Душетскій уѣзды). Ц. по 80 к.

Сегаль. Мусульманскія секты въ Закавказскомъ краѣ. Т., 1893 г., ц. 40 к.

Семеновъ. Туземцы Сѣверо-Восточнаго Кавказа (разсказы, очерки, изслѣдованія, замѣтки о чеченцахъ, кумыкахъ и ногайцахъ и образцы поэзіи этихъ народцевъ). Спб., 1895 г., ц. 2 р.

Смирновъ. Магометъ. Пособіе къ изученію происхожденія Ислама. В., 1891 г., ц. 50 к.

Его же. Краткая исторія Кавказа. Съ 57 иллюстраціями. Спб., 1901 г., ц. 25 к.

Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ переводахъ русскихъ писателей, подъ редакціей И. Тхоржевскаго. Т., 1896 г., ц. 3 р.

Статковскій. Микроскопическіе организмы и наблюденія надъ ними въ парижской обсерваторіи Монсури. Т., 1882 г., ц. 1 р.

Труды. Тифлисскаго Ботаническаго сада, вып. III. Т., 1889 г., ц. 3 р.

Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Т., 1901 годъ, ц. 50 к.

Такайшвили. Матеріалы для исторіи Грузіи. Т., 1895 годъ, ц. 60 к.

Его же. Сигель грузинскаго царя Баграта IV (1027—1072). Спб., 1894 г., ц. 60 к.

Его же. Еще одинъ изъ источниковъ Грузіи царевича Вахушта. Спб.. 1893 г., ц. 60 к.

Труды лабораторіи при Сакарскомъ питомникѣ американскихъ лозъ. Годъ 2, 3, 5, ц. по 1 р. 20 к.

Тимоѳеевъ. Полевки въ Восточномъ Закавказьѣ ихъ образъ жизни, вредная дѣятельность и условія борьбы съ ними. Т., 1893 г., ц. 15 к.

Тифлисъ и его окрестности. Т., 1896 г., ц. 40 к.

Труды 5-го археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ 1881 г. Съ приложеніемъ 41 таблицы. М., 1887 г., ц. 1 р.

Тебеньковъ. Древнѣйшія сношенія Руси съ Прикаспійскими странами и поэма „Искандеръ Наме“ Низами, какъ источникъ для характеристики этихъ сношеній. Т., 1896 г., ц. 50 к.

Френкель. Очерки Чурукъ-су и Батума. Т., 1879 г., ц. 1 р.

Его же. Къ исторіи разбоя на Кавказѣ. Тато Цулукидзе. Т., 1892 г., ц. 1 р.

Хроника кавказскихъ войнъ. Т., 1896 г., ц. 3 р.

Хонели (И. А. Бахтадзе). Къ 100-лѣтію крцанисской битвы (1795—1895). Т., 1896 г., ц. 30 к.

Цагарели. Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, вып. I. Спб., 1886 г., ц. 1 р. 50 к.

Его же. Грамоты и др. историческіе документы XVIII столѣтія, относящіеся къ Грузіи, т. I, съ 1768 по 1774 г. Съ картою Закавказья 1771 г. Спб., 1891 г., ц. 3 р.

Цуриновъ. Природныя богатства Тифлиса (проектъ переустройства горячихъ сѣрно-щелочныхъ источниковъ въ видахъ ихъ правильной эксплоатаціи). Т., 1898 г., цѣна 25 к.

Б. Эсадзе. Альбомъ картинной галлереи Кавказскаго военно-историческаго музея, 28 картинъ.

Его же. Альбомъ портретной галлереи Кавказскаго военно-историческаго музея.

КОНЕЦЪ

ДОРОЖНАЯ КАРТА КАВКАЗА

КАРТА ПОЧТОВЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТИ И ТУРКЕСТАНѢ

Желѣзныя
Почтовыя
Дороги
Непочтовыя

Персія

КАРТА КАВКАЗСКАГО КРАЯ

АЗОВСКОЕ МОРЕ

ЧЕРНОЕ МОРЕ

КАСПІЙСКОЕ МОРЕ

ТУРЦІЯ

ПЕРСІЯ

Екатеринодаръ · Новороссійскъ · Ставрополь · Пятигорскъ · Кисловодскъ · Моздокъ · Грозный · Владикавказъ · Нальчикъ · Александровское · Нальчикъ · Эльборусъ · Кутаисъ · Поти · Батумъ · Тифлисъ · Ахалцихъ · Ахалкалаки · Гумри · Александрополь · Карсъ · Эривань · Елисаветополь · Нухинскій · Шемахинскій · Дербентъ · Кизляръ · Астрахань · Петровскъ · Темиръ-Хан-Шура · Ленкорань · Астара · Баязетъ · Ванъ · Битлисъ · Мушъ · Харпутъ · Эрзингянъ · Байбурть · Гюмушъ-хана · Ардагань · Арданучъ · Олтинъ · Шавшатъ · Ольтетъ · Кобулетъ · Сухумъ · Гагры · Сочи · Туапсе · Анапа · Ейскъ · Таганрогъ · Мариуполь · Бердянскъ · Геническъ · Перекопъ · Керчь · Феодосія · Евпатория · Симферополь · Ялта · Севастополь

Съверный Кавказъ

I Кубанская обл.
Отделы:
1 Екатеринодарский.
2 Ейский.
3 Таманский.
4 Лабинский.
5 Майкопский.
6 Баталпашинский.
7 Лабинский.

II Терская обл.
Отделы:
1 Пятигорский.
2 Кизлярский.
3 Сунженский.
Округа:
4 Владикавказский.
5 Нальчикский.
6 Грозненский.
7 Хасавюртовский.
8 Юрт Каранашевскій.

III Ставропольск. губ.
Уезды:
1 Ставропольский.
2 Медвѣженскій.
3 Новогригорьевскій.
4 Александровскій.
5 Новые Деревни упразд.
6 Юрты Урухмейскіе.
7 Юрт Аликуловъ Джеръ.

IV Тифлисская губ.
Уезды:
1 Тифлисскій.
2 Ахалцыхскій.
3 Ахалкалакскій.
4 Борчалынскій.
5 Горійскій.
6 Душетскій.
7 Сигнахскій.
8 Телавскій.
9 Signachi.

V Кутаисская губ.
Уезды:
1 Кутаисскій.
2 Зугдидскій.
3 Сенакскій.
4 Лечхумскій (Чагери)
5 Рачинскій. (с Оки)
6 Шорапанскій.
7 Озургетскій.

Округа:
8 Сухумскій.
9 Батумскій.
10 Артвинскій.

VI Елисаветопольск. губ.
Уезды:
1 Елисаветопольскій.
2 Казахскій.
3 Джевалшырскій.
4 Зангезурскій.
5 Шушинскій.
6 Джебраильскій.
7 Нухинскій.
8 Ярымскій (Ахтинскій.)

VII Бакинская губ.
Уезды:
1 Зрявальскій.
2 Земхабунскій.
3 Александрополскій.
4 Ново-Бакинскій.
5 Шемахо-Муганскій.
6 Кюринскій.
7 Сальянскій. (с Шадыри)

VIII Бакинская губ.
Уезды:
1 Бакинскій.
2 Кубинскій.
3 Шемахинскій.
4 Гокчайскій.
5 Джеватскій.
6 Ленкоранскій.

IX Карсская обл.
Округа:
1 Карсскій.
2 Ардаганскій.
3 Олтинскій.
4 Кагызманскій.

X Дагестанская обл.
Округа:
1 Т. Т. Шауринскій.
2 Андійскій.
3 Даргинскій (Акушинскій.)
4 Кюринскій.
5 Даргинскій.
6 Кайтагскій.
7 Казикумухскій.
8 Кюринскій.
9 Самурскій.

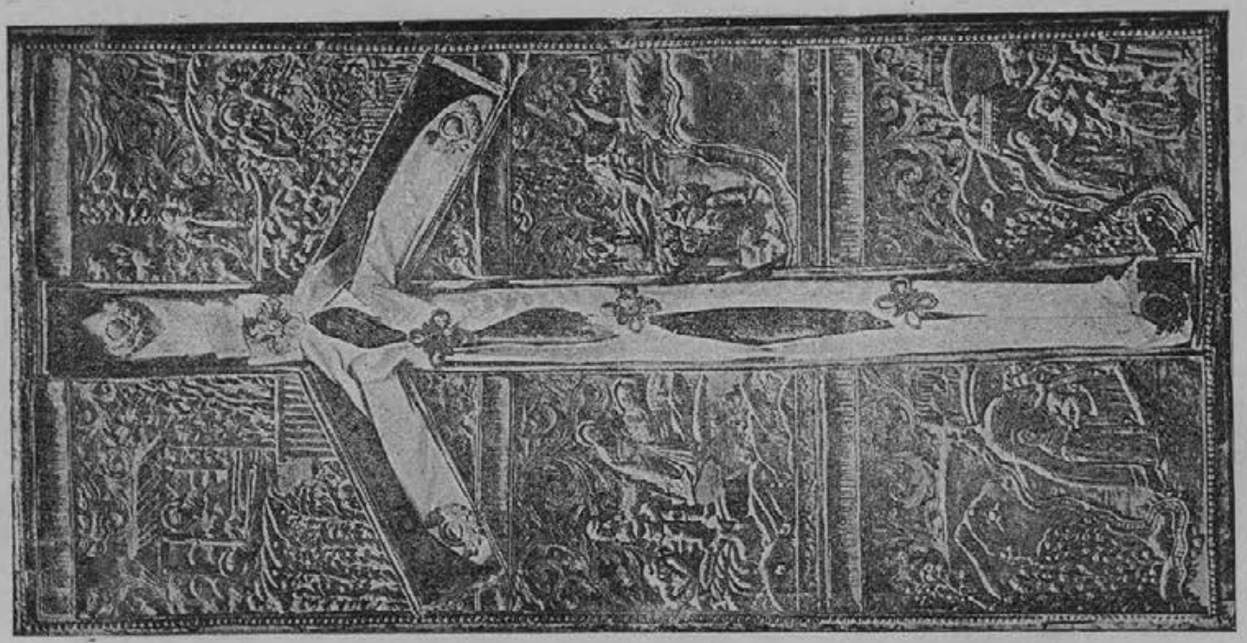
XI Закатальскій окр.

XII Черноморскій окр.

Масштабъ 120 верстъ въ Англійскомъ дюймѣ.

№ 1
Св. Нина—просвятительница Грузіи.

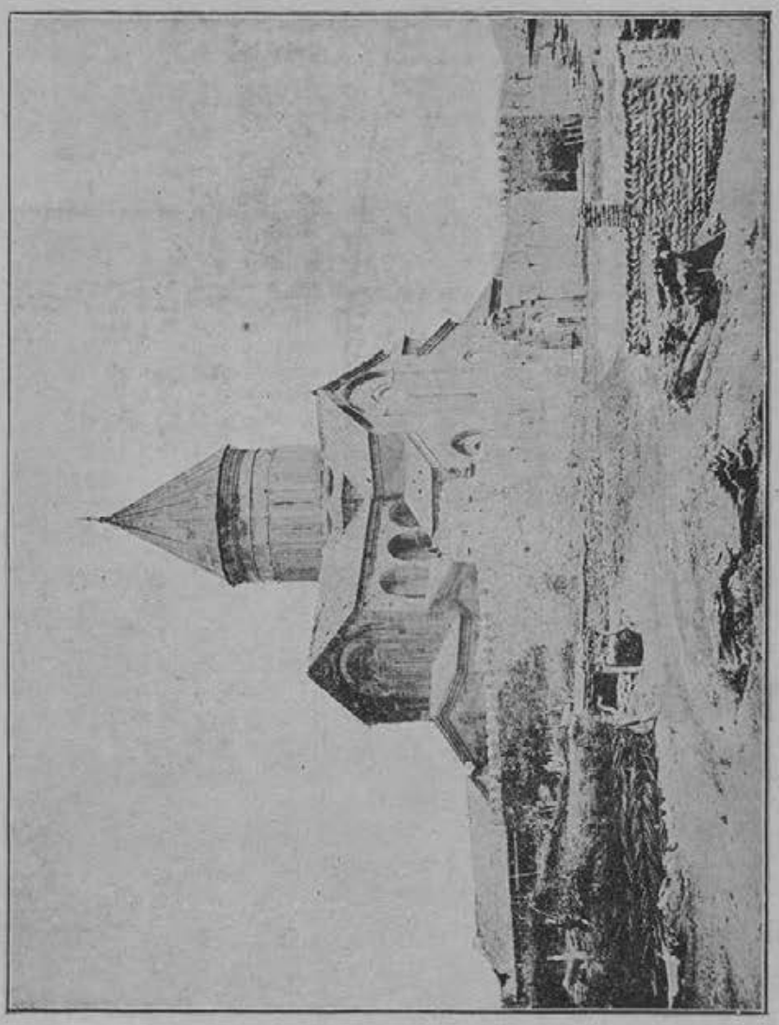
№ 2.
Лозово-виноградный крестъ св. Нины, обвитый ея волосами.

№ 3. Св. Нина по изображенію французовъ.

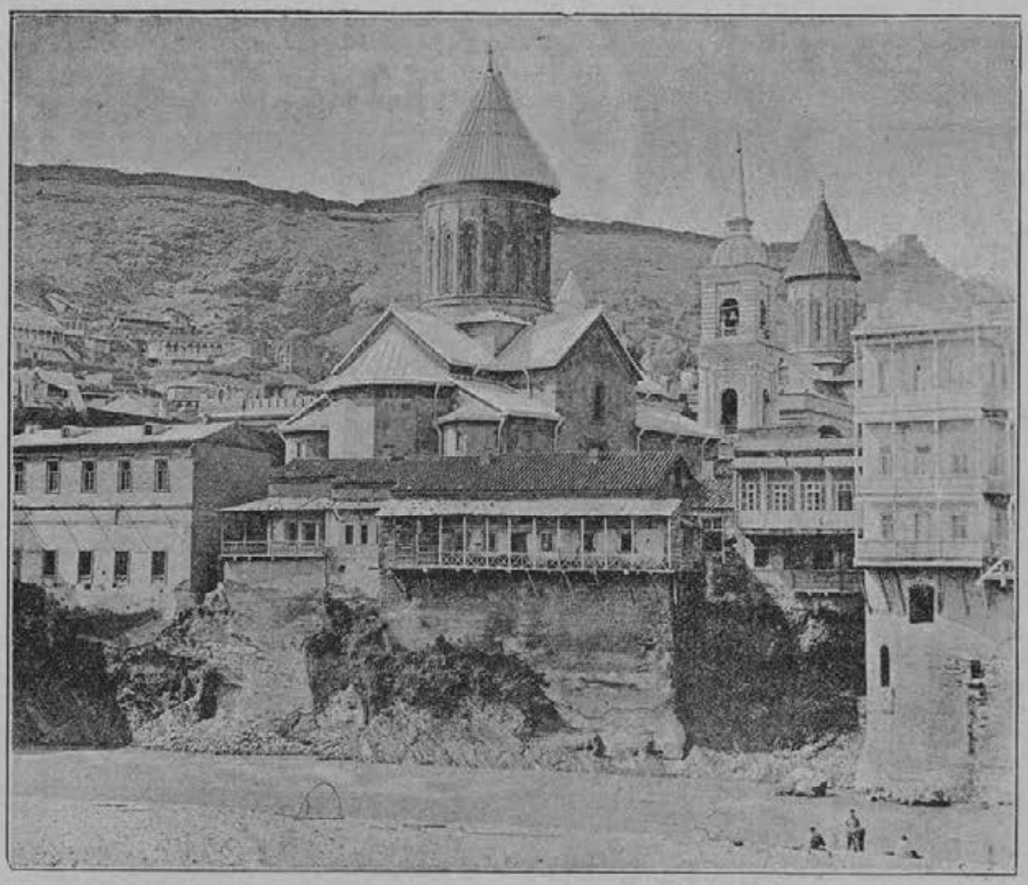
№ 4. Св. Нина.

№ 5. Мцхетскій соборъ, гдѣ начала проповѣдь св. Нина (грузинскій).

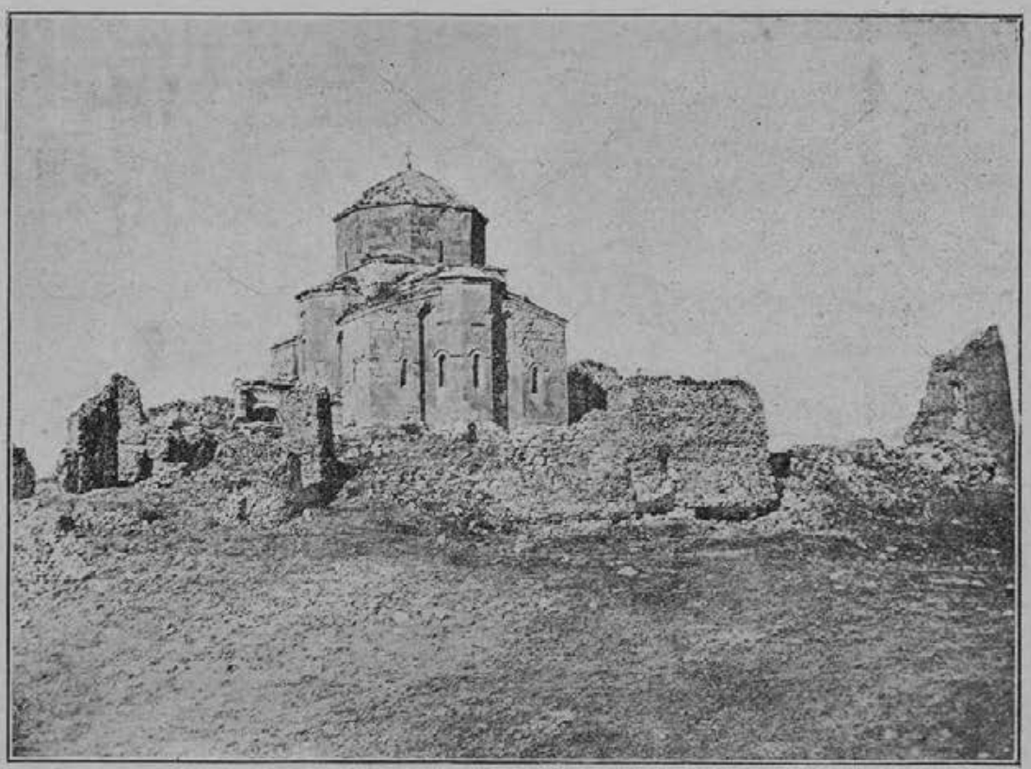
№ 6. Гелатскій монастырь близъ г. Кутаиса. (грузинскій).

№ 7. Сіонскій соборъ въ г. Тифлисѣ, гдѣ хранится крестъ св. Нины. (грузинскій).

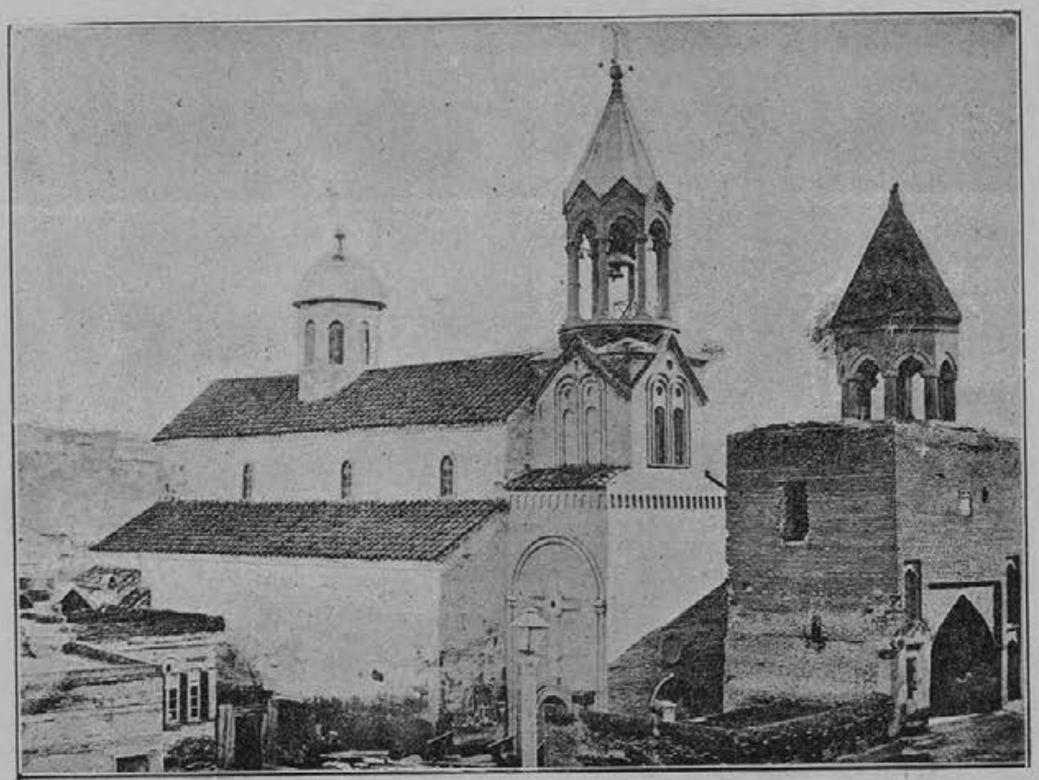
№ 8. Самтаврскій соборъ, въ сел. Мцхетъ (грузинскій).

№ 9. Монастырь св. Креста противъ сел. Мцхетъ (грузинскій).

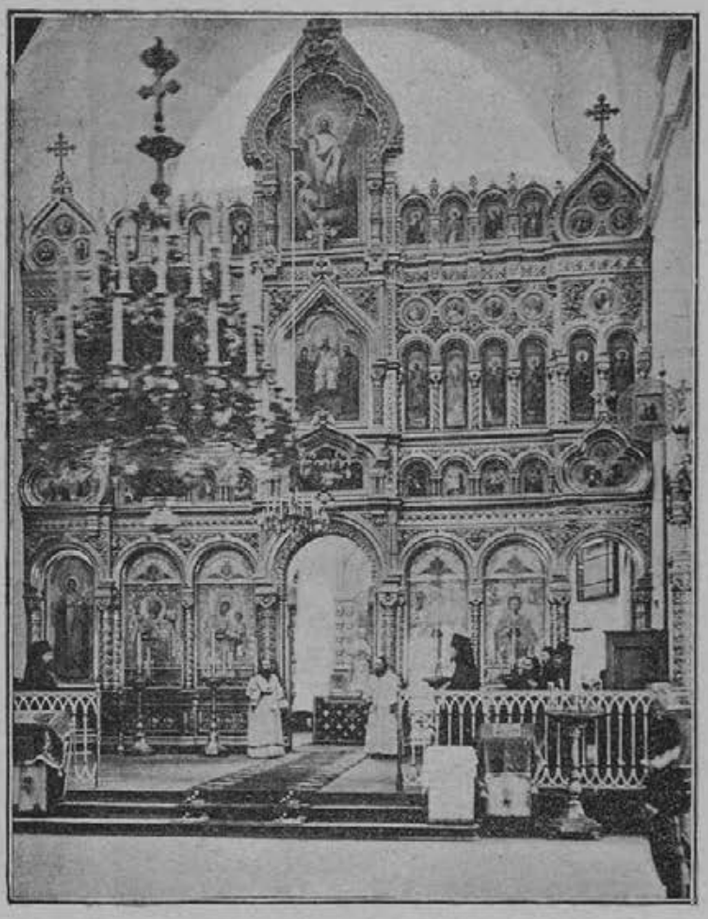
№ 10. Церковь св. Давида въ г. Тифлисѣ, гдѣ похороненъ А. С. Грибоѣдовъ. (грузинская).

№ 11. Анчисхатская церковь въ г. Тифлисѣ. (грузинская).

№ 12. Ново-Афонскій монастырь, около г. Сухума.

№ 13. Иконостасъ Ново-Афонскаго монастыря.

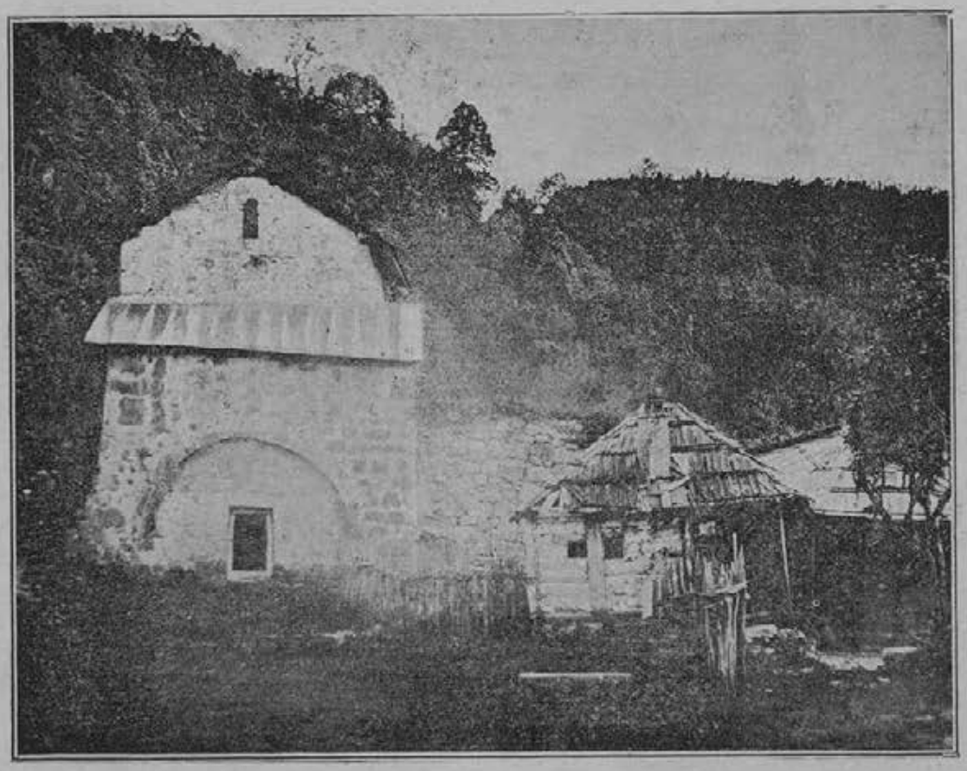

№ 14. Музей при Ванкскомъ соборѣ въ г. Тифлисѣ. (армянскій).

№ 15. Древній крестъ, найденный у гор. Арарата въ Эриванской губ. № 16.

№ 17. Пещера грузинскаго Царя Давида-Возобновителя, около г. Кутаиса.

№ 18. Грузинскій царь Ираклій II.

№ 19. Послѣдній грузинскій царь Георгій XII.

№ 20. Грузинская царица Дарія.

№ 21. Грузинская царица Марія.

№ 22. Царевичъ Теймуразъ.

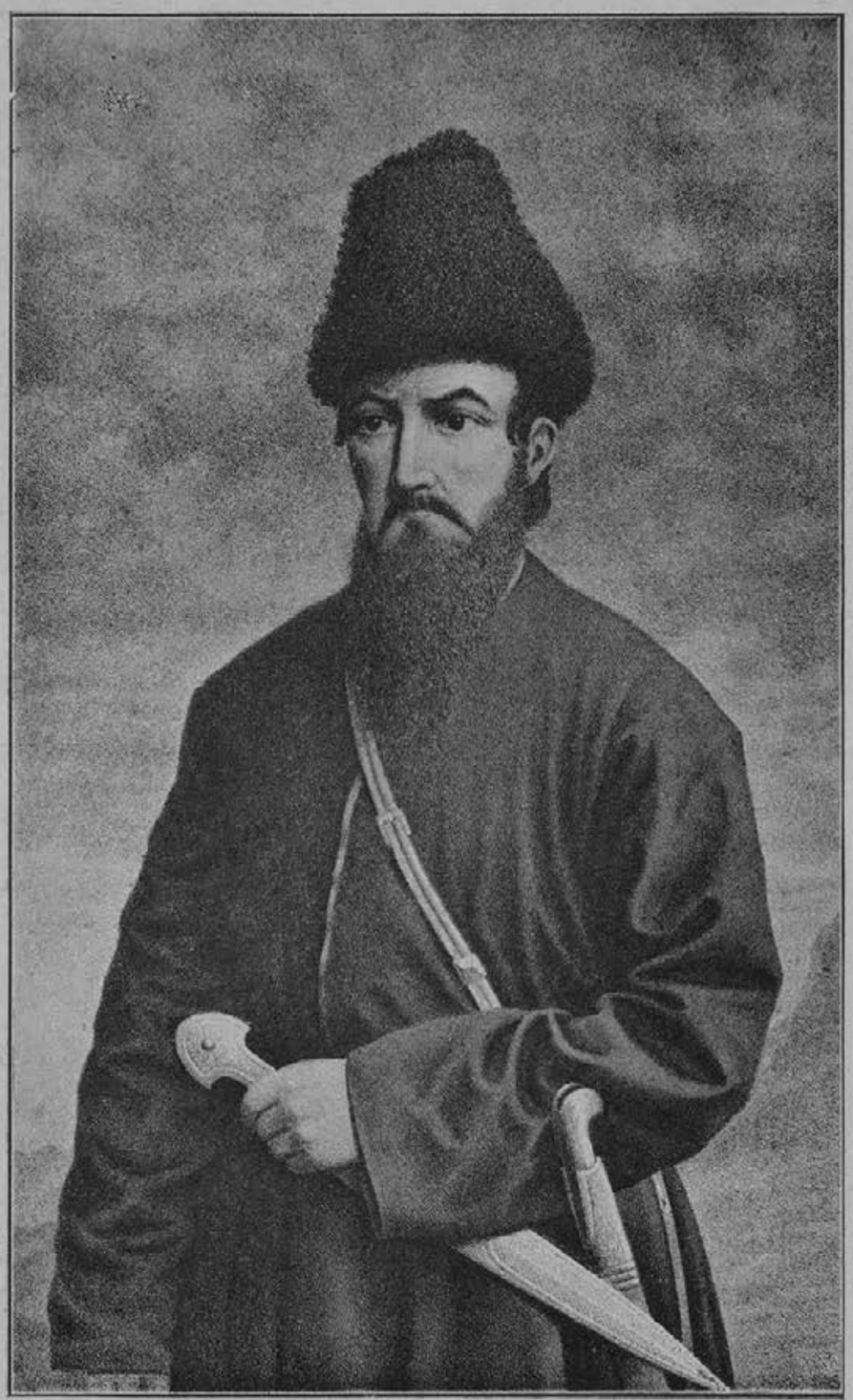
№ 23. Царевъ Юлонъ.

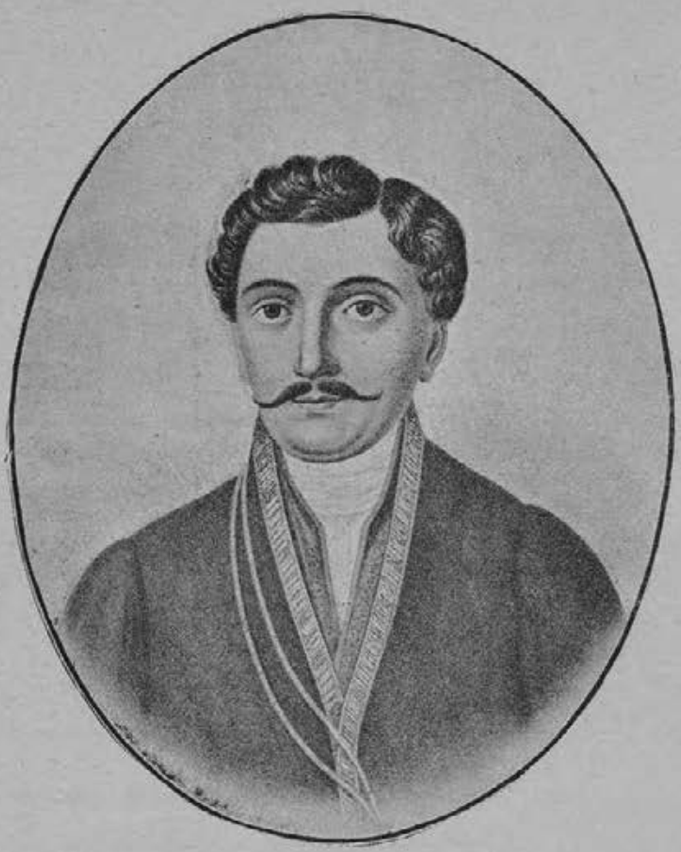
№ 24. Царевичъ Багратъ.

№ 25. Царевичъ Іоаннъ.

№ 26. Грузинскій царевичъ Александръ

№ 27. Царевичъ Парнаосъ.

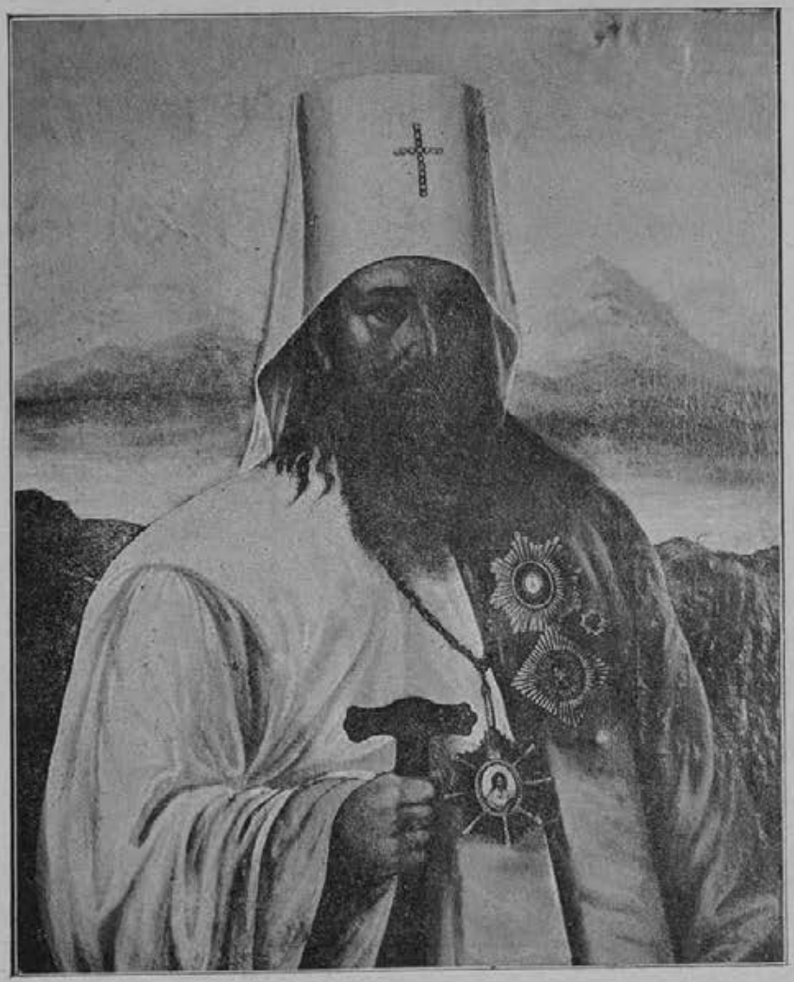
№ 28. Грузинскій царевичъ Давидъ.

№ 29. Грузинскій католикосъ Антоній.

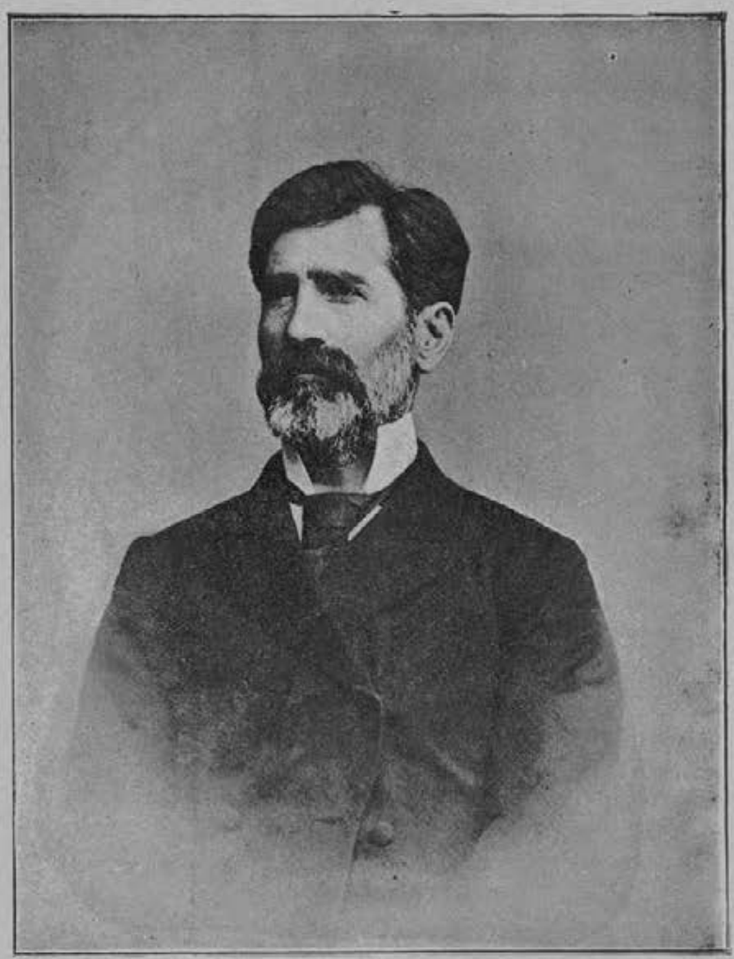
№ 30. Гербъ грузинскаго Царства.

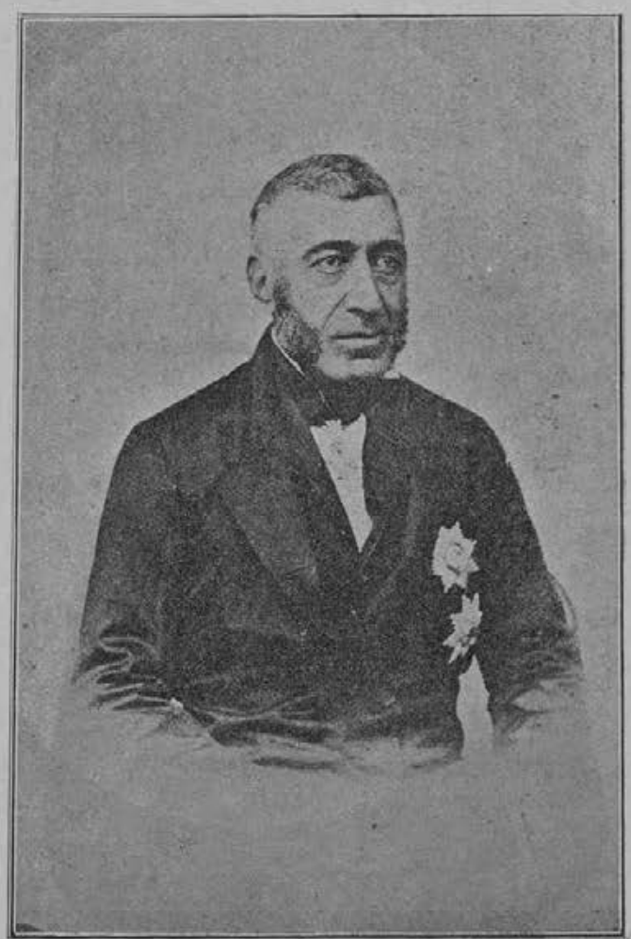
№ 31. Митрополитъ Феофилактъ.

№ 32.

№ 33. Д. Бакрадзе.

№ 34. Платонъ Іоселіани.

№ 35. Митрополитъ Варлаамъ

№ 36. Епископъ Гавріилъ.

37. Архіепископъ Гаіатъ.

№ 38. Ш. Руставели.

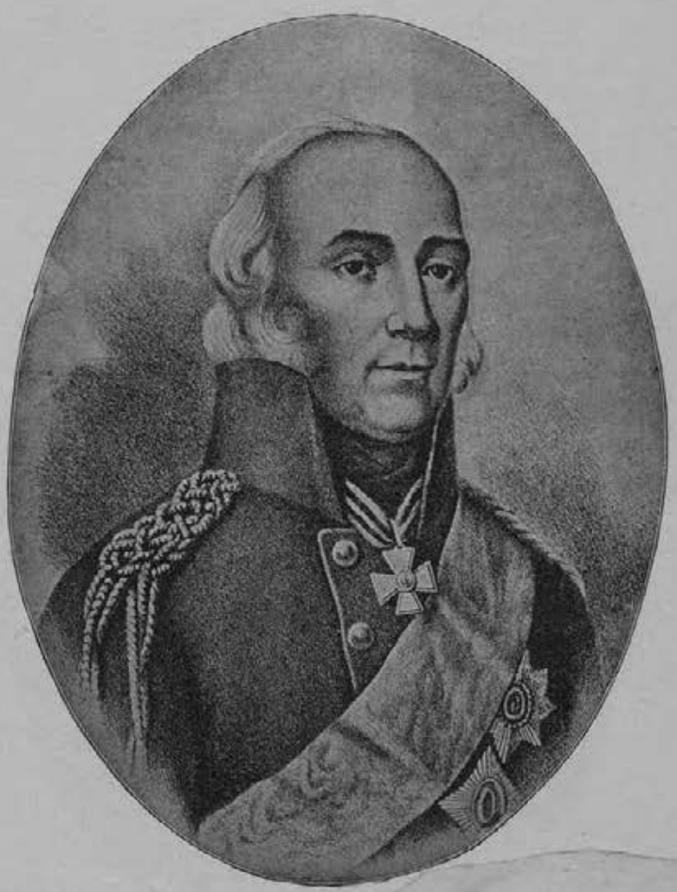
№ 39. Императоръ Павель I.

№ 40. Императоръ Александръ I.

№ 41. К. Ѳ. Кноррингъ.

№ 42. Князь П. Д. Цит

№ 43. Графъ И. Ц. Гудовичъ.

№ 44. А. П. Тормасовъ.

№ 45. Маркизъ Паулуччи.

46 Н. Ѳ. Гнѣщевъ

№ 47. А. П. Ермоловъ.

№ 48. Императоръ Николай I.

№ 49. Графъ И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій.

№ 50. Баронъ Г. В. Розенъ.

№ 51. Е. А. Головинъ.

№ 52. А. И. Нейдгардъ.

№ 53. М. С. Воронцовъ.

№ 54. Императоръ Александръ II.

№ 55. Муравьевъ.

№ 56. Барятинскій.

№ 57. Вел. кн. Михаилъ Николаевичъ.

№ 58. Александръ III.

Дондуковъ-Корсаковъ.

№ 60. Шереметьевъ.

№ 61. Кн. Голицынъ.

№ 62. Николай II.

22

№ 63. Алексій—экзархъ Грузіи.

№ 64. Александро-Невскій соборъ, въ Тифлисѣ.

№ 65. Епископъ Леонидъ (грузинскій).

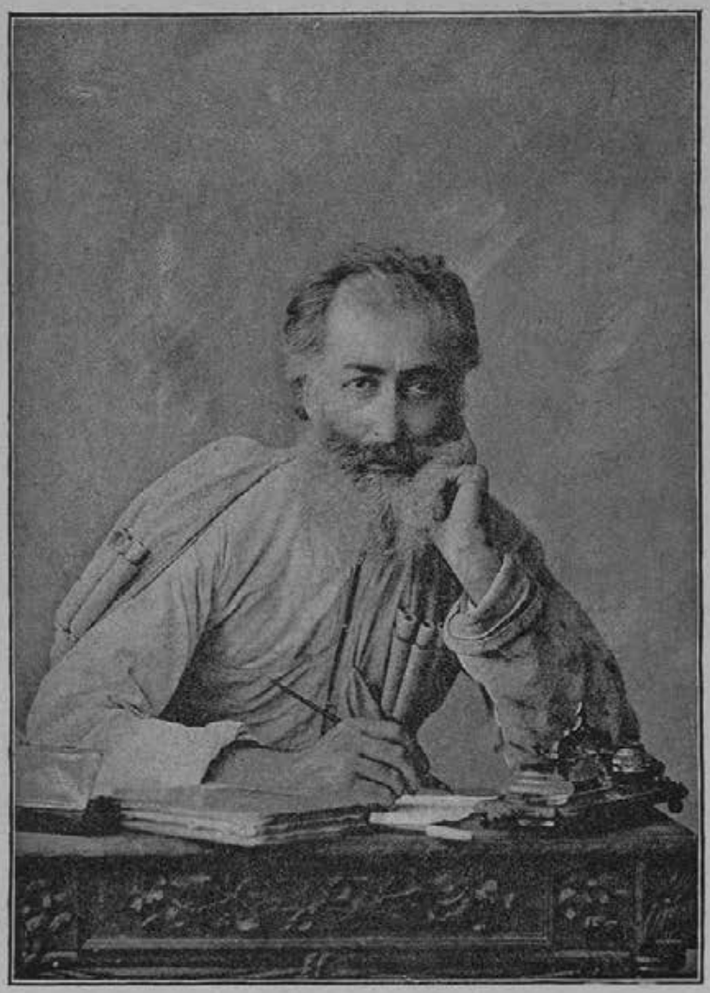
№ 66. Епископъ Кіріонъ (грузинскій).

№ 67. Инженеръ-строитель Кладіашвили.

№ 68. Кн. Андроникovъ. Батумскій городской голова.

№ 69 А. Казбекъ (грузинскій поэтъ).

№ 70.

№ 71. Кн. Р. Эристовъ (грузинскій поэтъ).

№ 72. Кн. Ил. Чавчавадзе (грузинскій поэтъ).

№ 73. Арцруни (армянскій публицистъ).

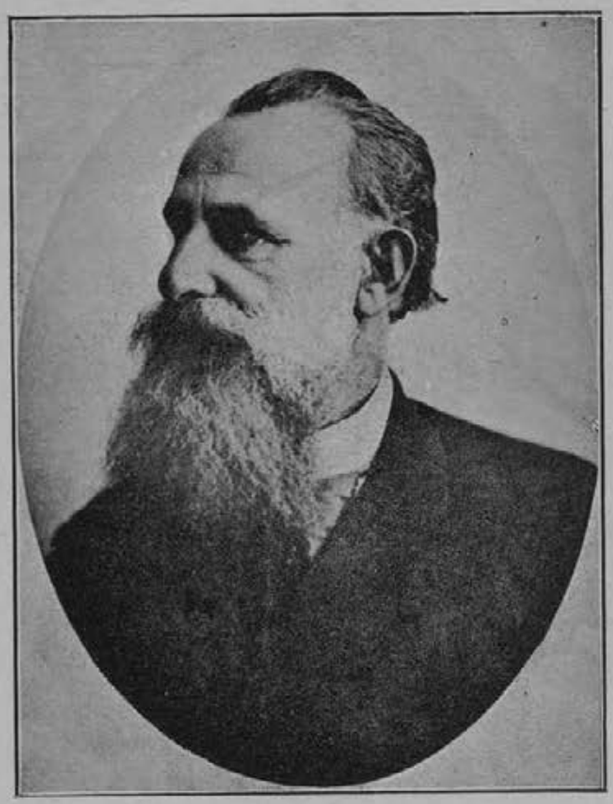
№ 74. † Евангуловъ. Тифл. город. голова.

№ 75. Н. З. Цхветадзе.

№ 76. Д. З. Сараджевъ.

№ 77. Армянскій публицистъ Агаянцъ.

№ 78. Мкртичъ, католикосъ армянскій.

№ 79. Грузинскій публицистъ А. Цагарели.

№ 80. Ген. графъ Лорисъ-Меликовъ.

№ 81. Ген. Лазаревъ.

№ 82. Ген. Фадѣевъ.

№ 83. Ген. кн. В. Бебутовъ.

№ 84. Ген. Котляревскій.

№ 85. Слѣпцовъ—герой Кавказской войны.

№ 86. Т. П. Тумановъ.

№ 87. Депутація отъ тифлисскаго дворянства въ Петербургѣ. (По случаю 100-лѣтія празднованія присоединенія Грузіи).

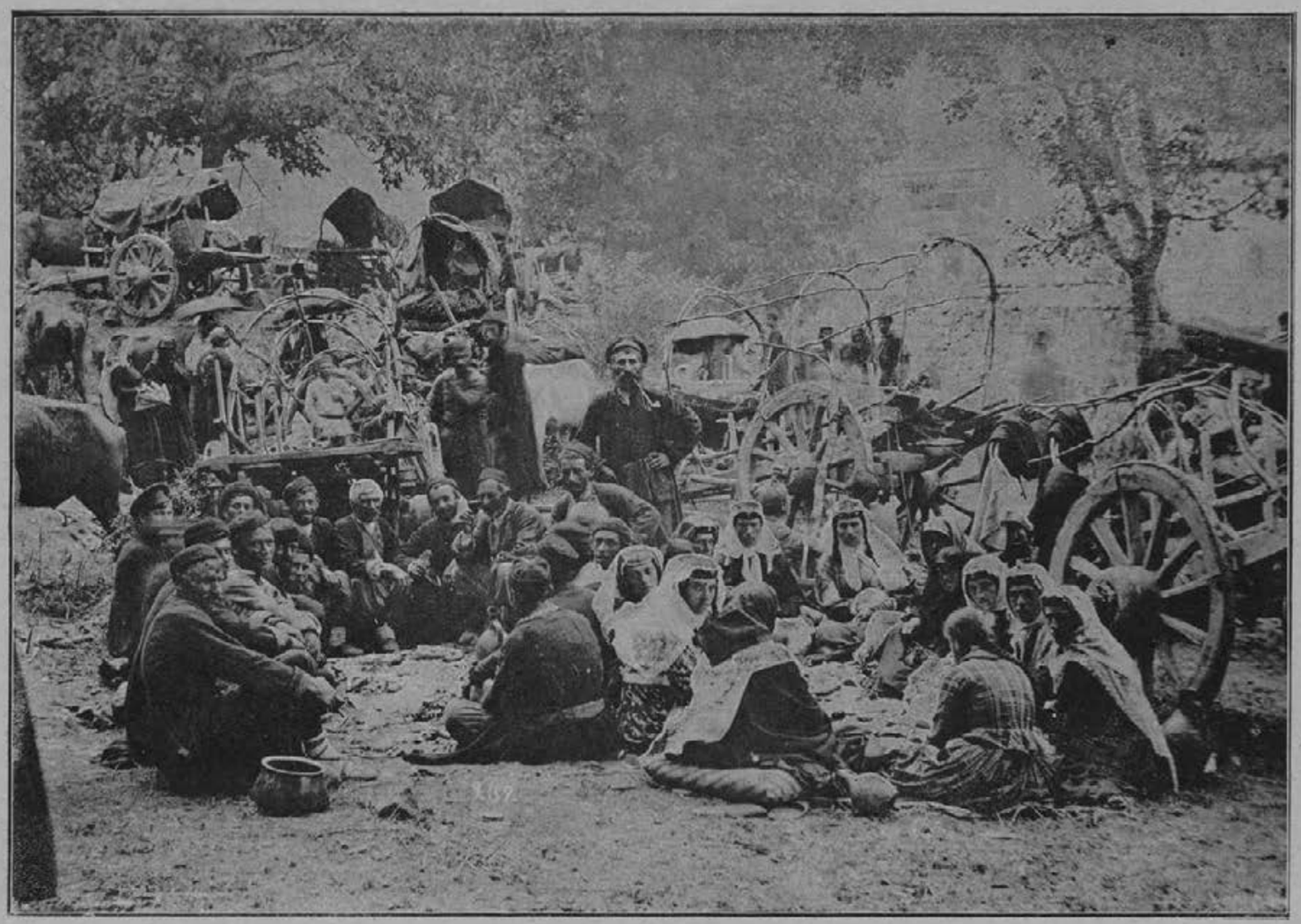
№ 88. С. М. кн. Лордкипанидзе.

№ 89. М. Н Кутателадзе.

№ 90. Депутація отъ Кутаисскаго дворянства въ Петербургѣ.

№ 91. Церковный Мцхетскій праздникъ, 1 октября (изъ быта грузіи).

32

№ 92

Церковный праздникъ въ Алавердскомъ монастырѣ въ Кахетіи, 14 сентября (изъ быта грузіи).

33

№ 93. Кѣеноба, грузинскій карнавалъ (изъ быта грузинъ).

№ 94. Хевсуръ въ кольчугѣ.

№ 95. Хевсуры.

№ 96. Хевсуры на обѣдѣ.

№ 97. Военныя упражненія хевсуръ.

№ 98. Хевсуры.

№ 99 Артистъ-пѣвецъ Коридзе и его гурійскій хоръ.

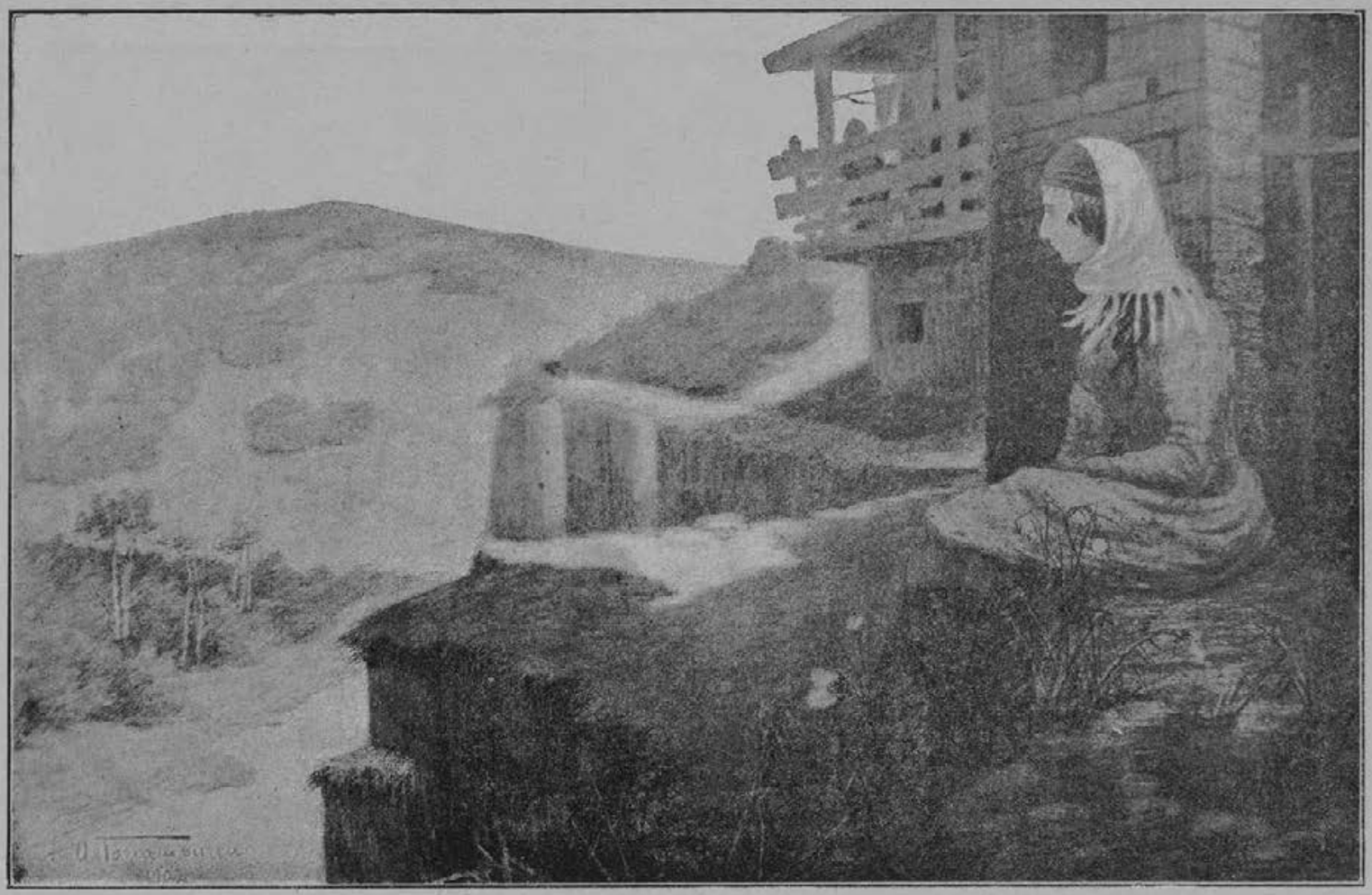
№ 100. Представители народностей Кавказа (къ празднованію столѣтія присоединенія Грузіи).

№ 101. Представители народностей Кавказа (къ празднованію столѣтія присоединенія Грузіи).

№ 102. Набѣгъ лезгинъ на Кахетію.

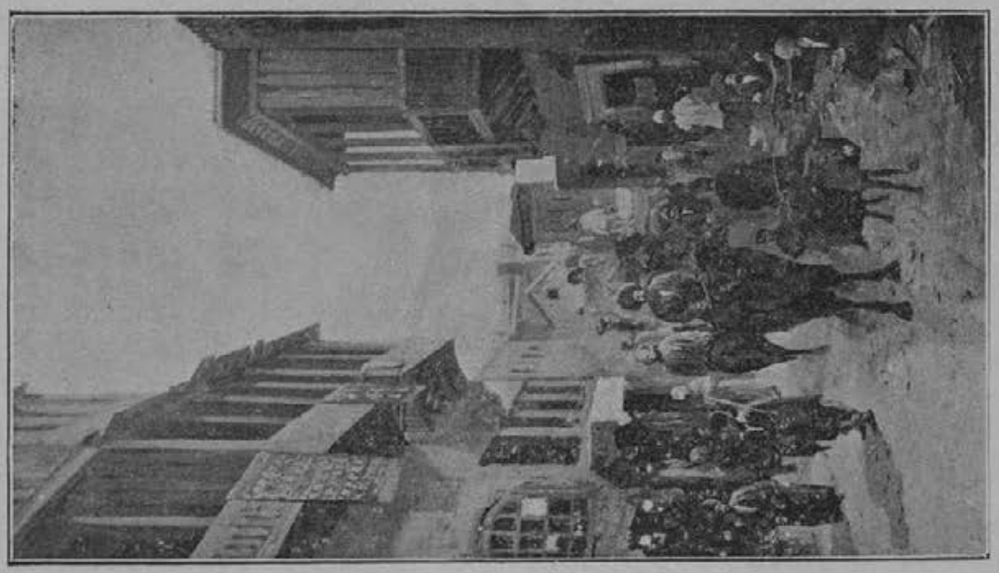
№ 103. Въ ожиданіи (эскизъ).

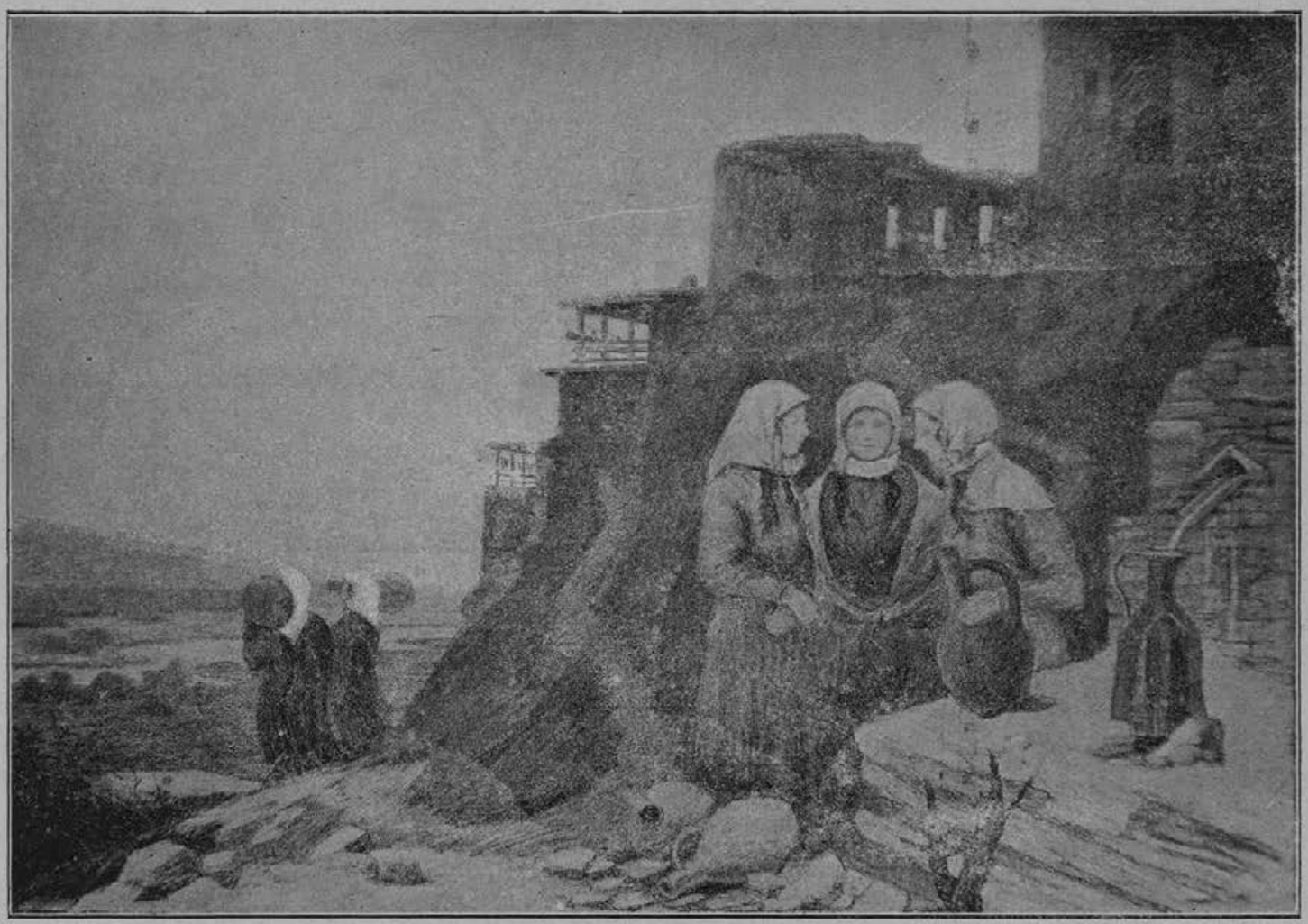
№ 104. Армянки за пряжей.

№ 105. Оджарцы.

№ 106. Базаръ въ Тифлисѣ.

№ 107. У ручья (эскизъ).

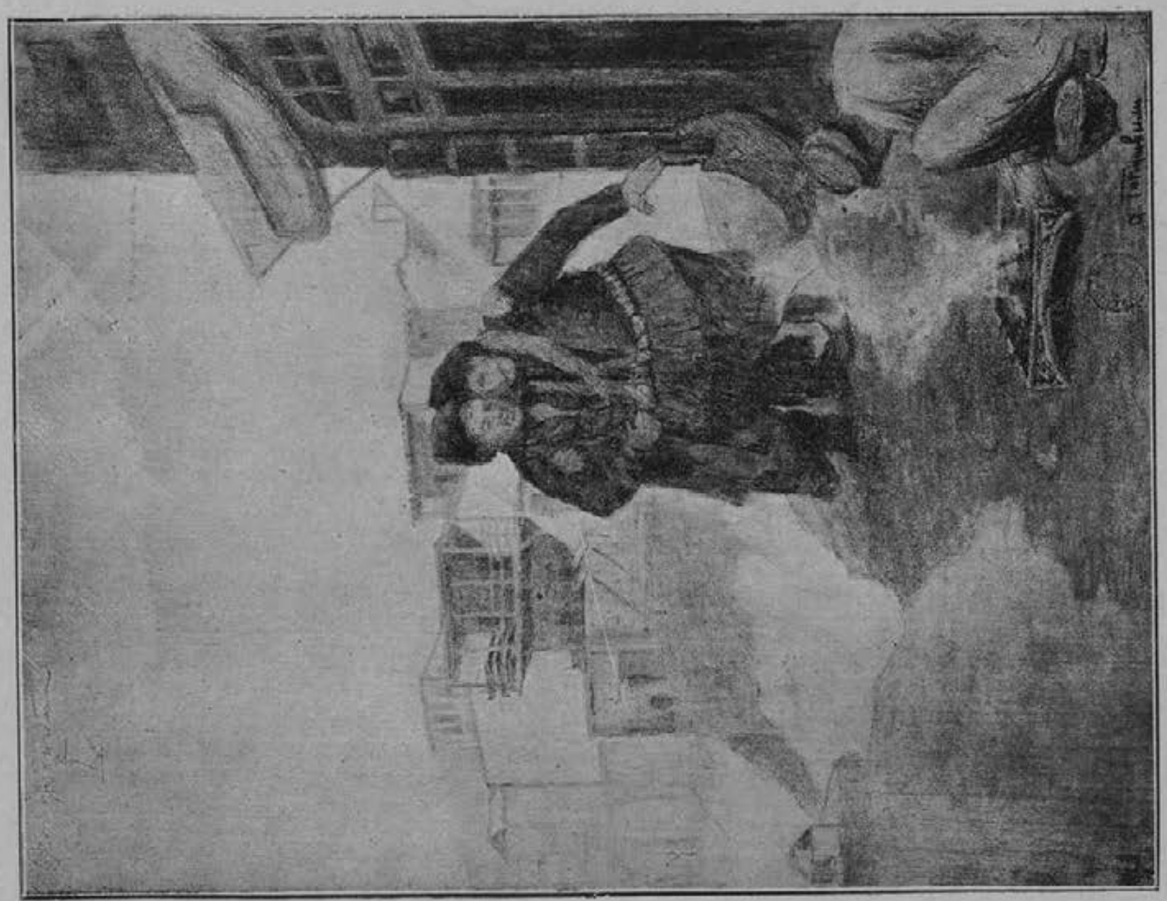
№ 108. Грузинъ-персъ.

№ 109. Грузинъ-персъ.

№ 111. Сторожиха—армянка.

№ 110. Уличная жизнь.

№ 112. Косарь (грузинъ).

№ 113. Азіатскій сапожникъ.

№ 114. Муша (амбалъ).

№ 115. Типъ муши.

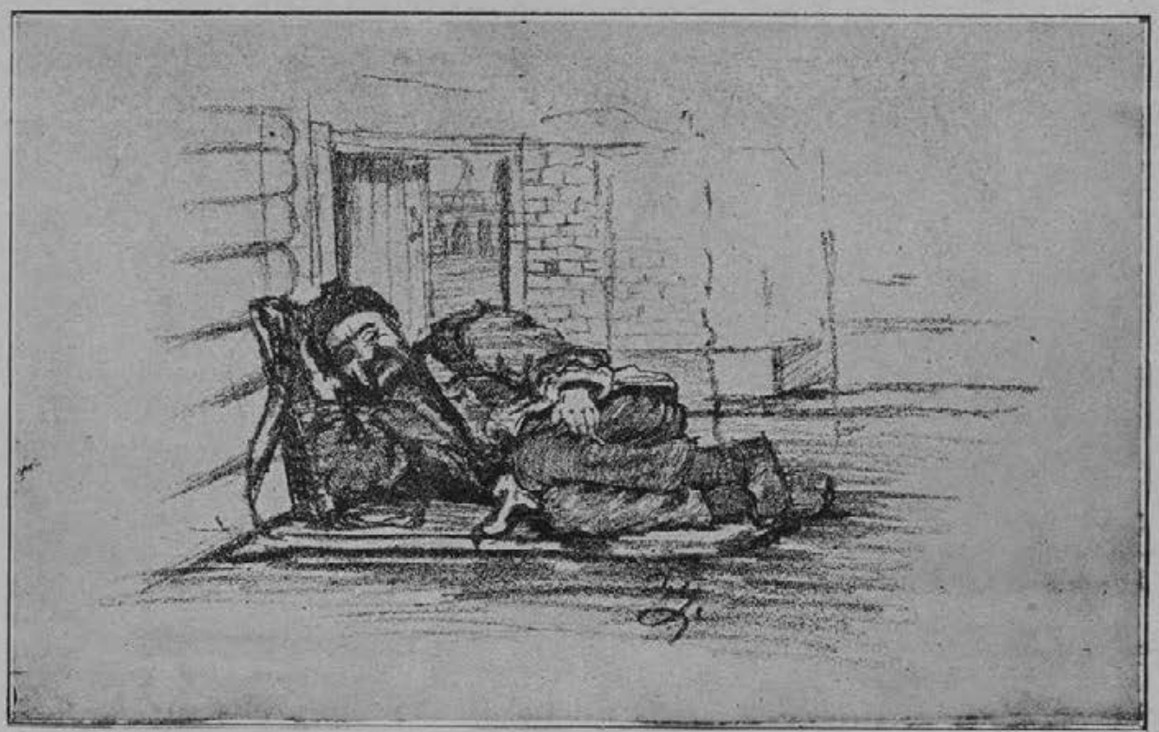
№ 116. Продавецъ молока.

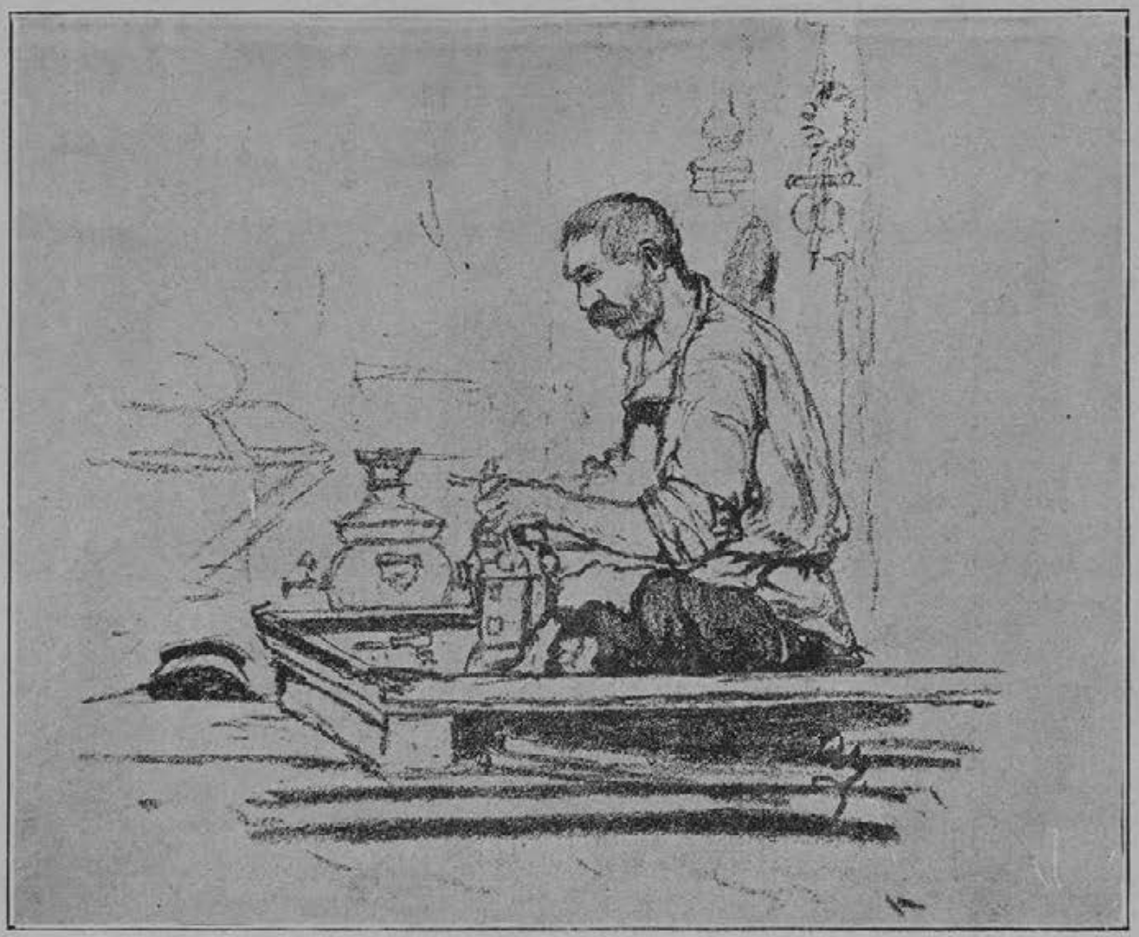
№ 117. Армянинъ-сирачъ, торговецъ виномъ.

№ 118. Мясникъ (азіатскій).

№ 119. Муша.

№ 120. Лудильщикъ.

№ 121. Персъ-мостовщикъ.

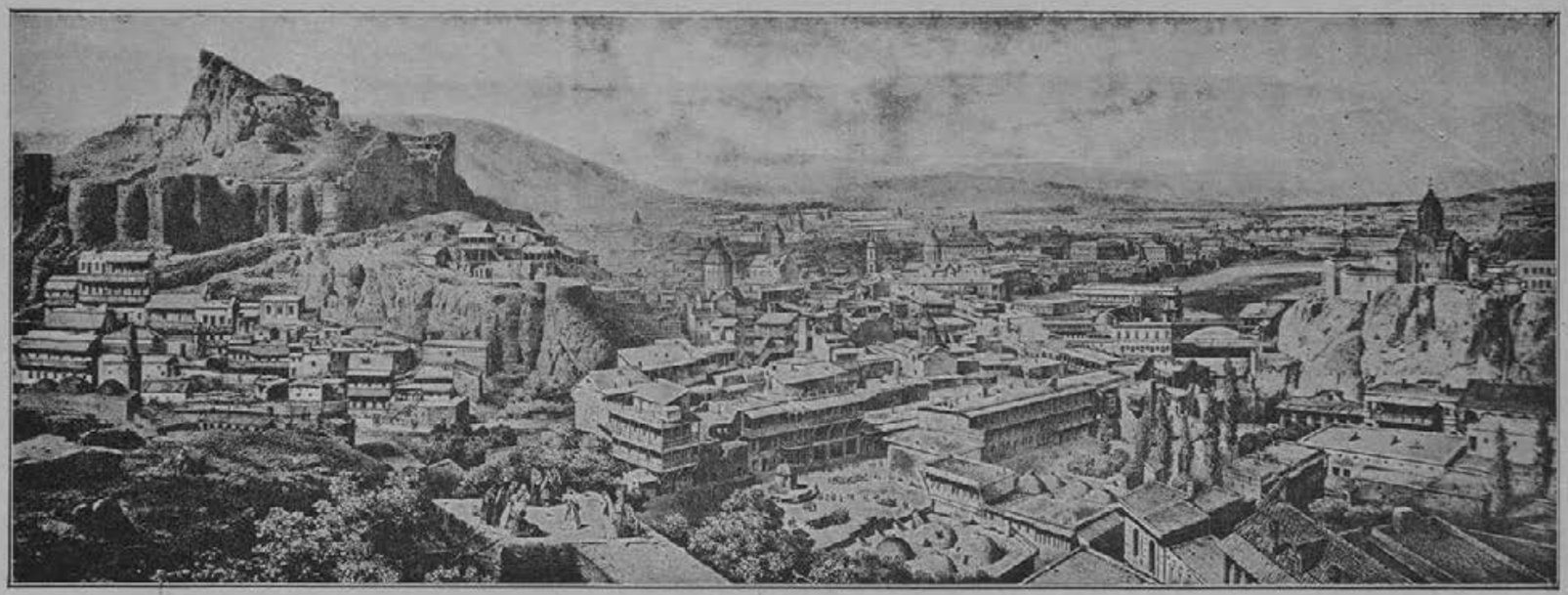
№ 122. Персъ, продавецъ шербета.

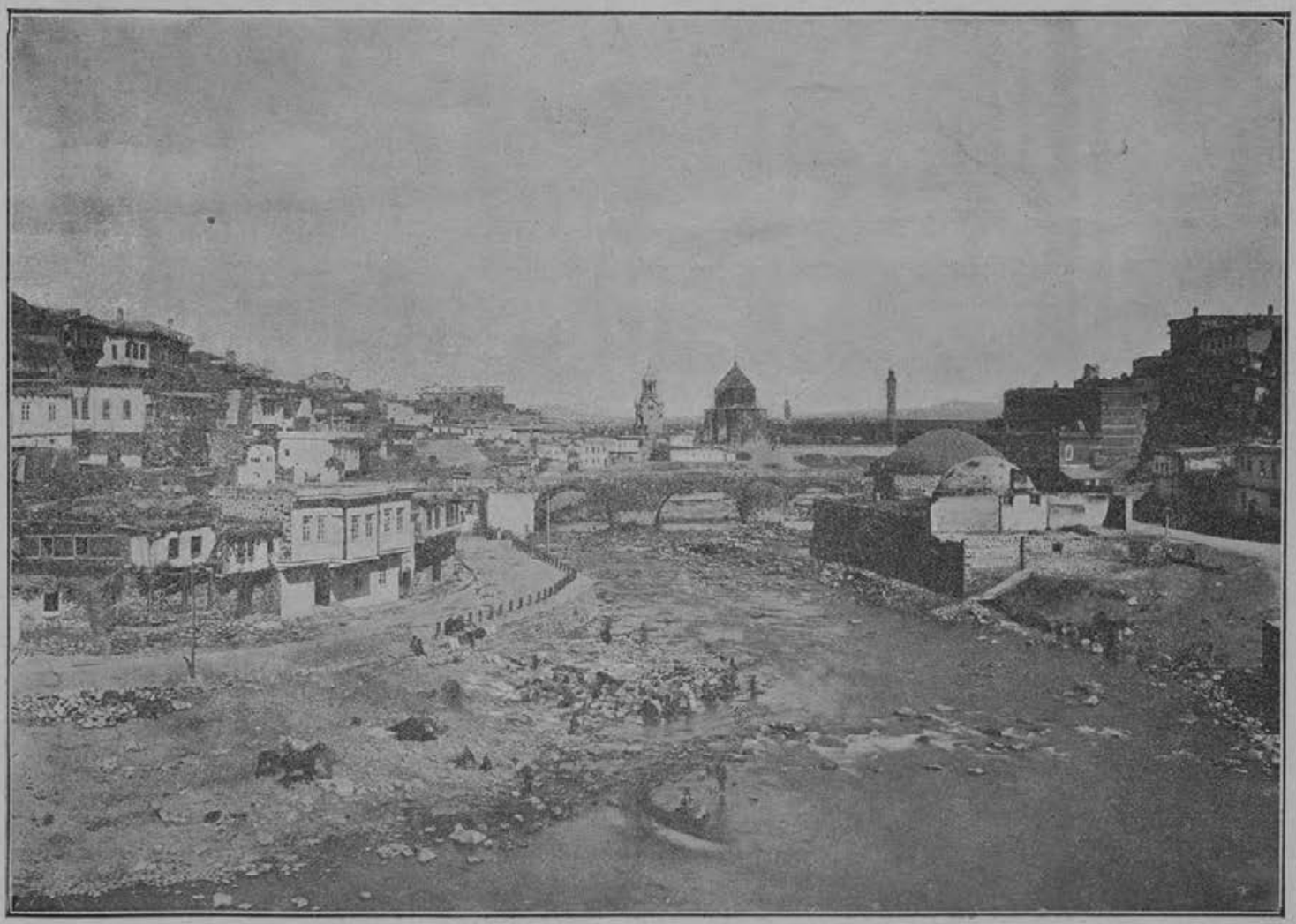
№ 123. Персъ, продавецъ чая.

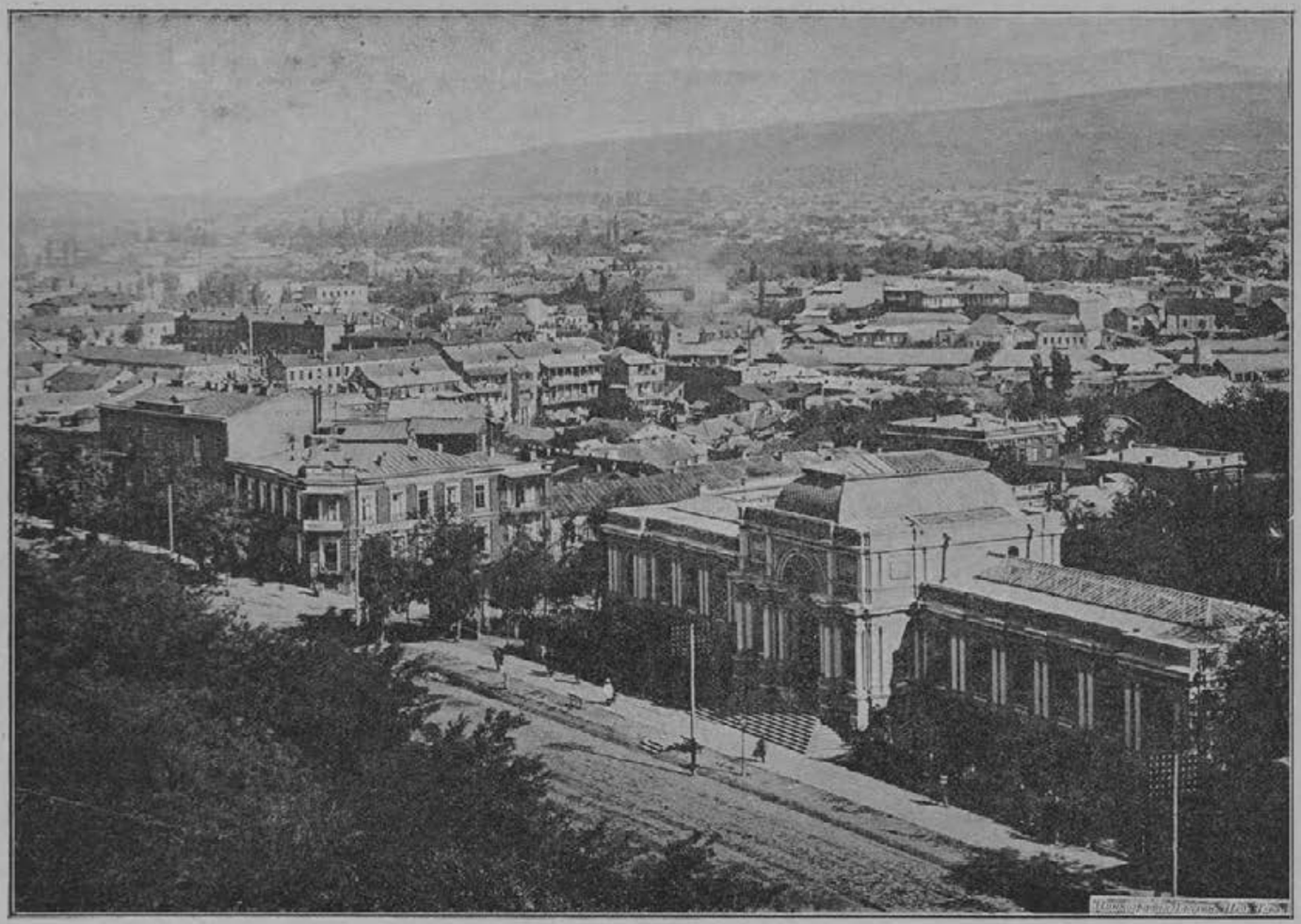
№ 124. Персъ куритъ за кальяномъ.

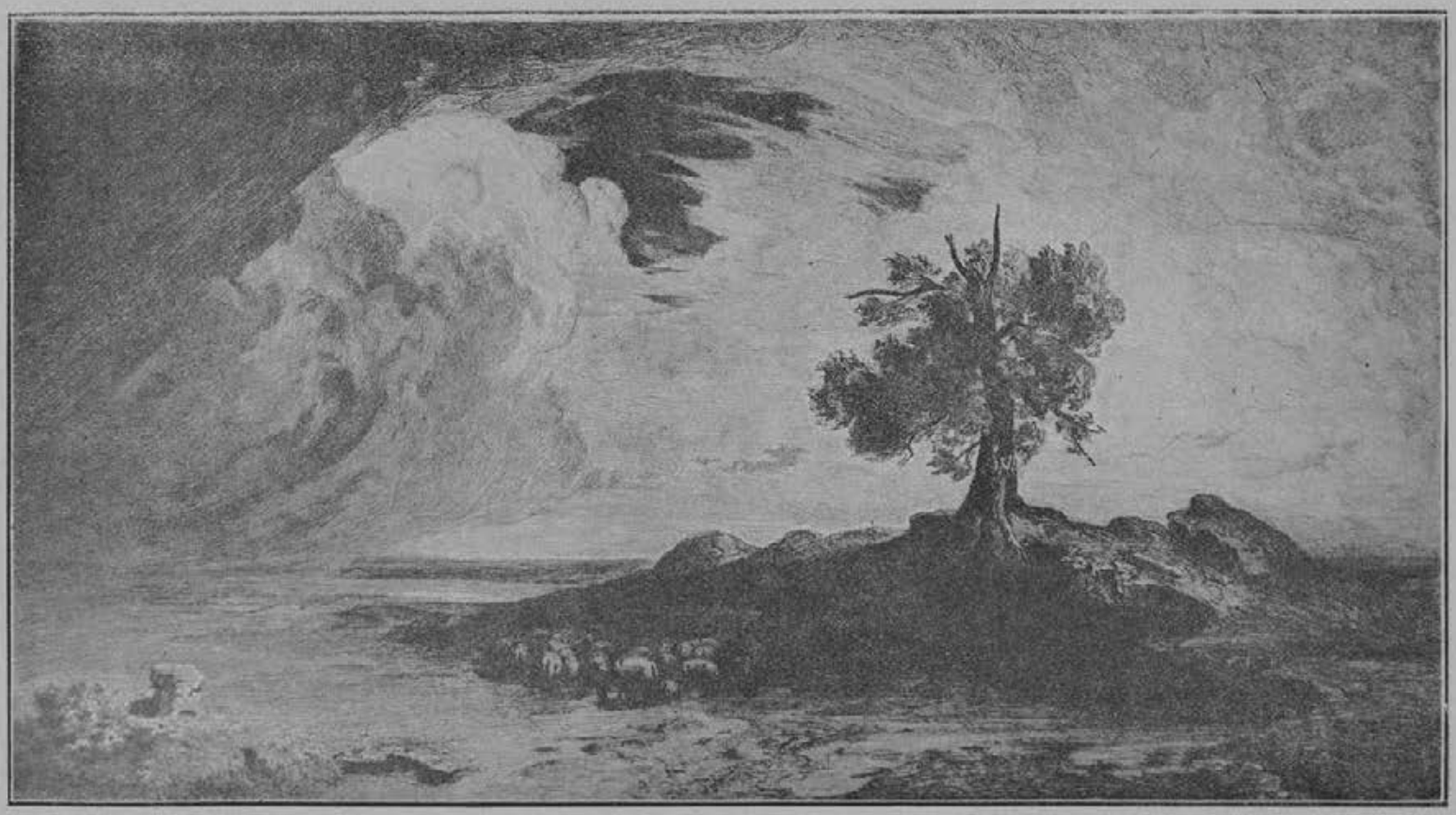
№ 125 Видъ г. Тифлиса по Шардену.

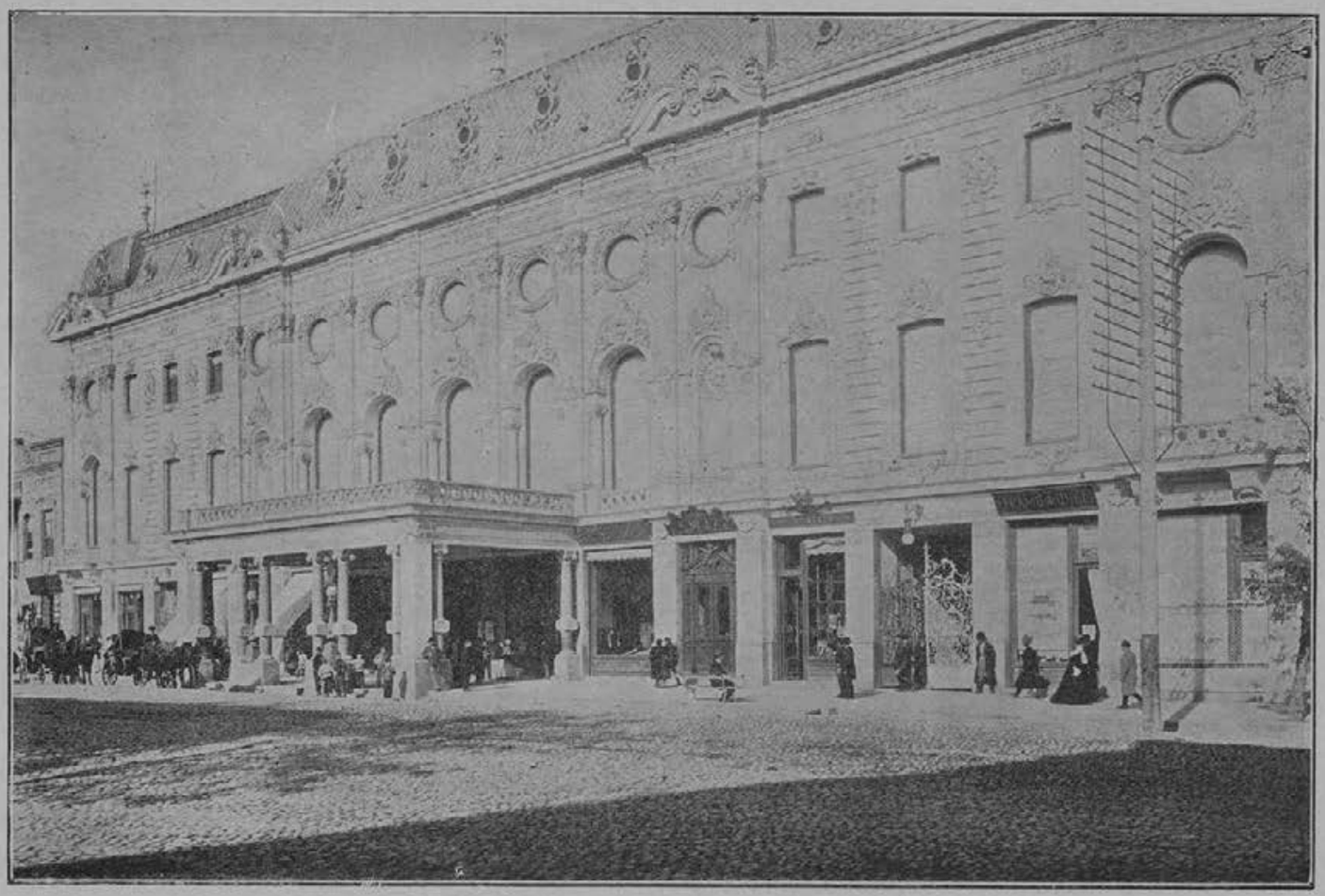
№ 126. Г. Эривань.

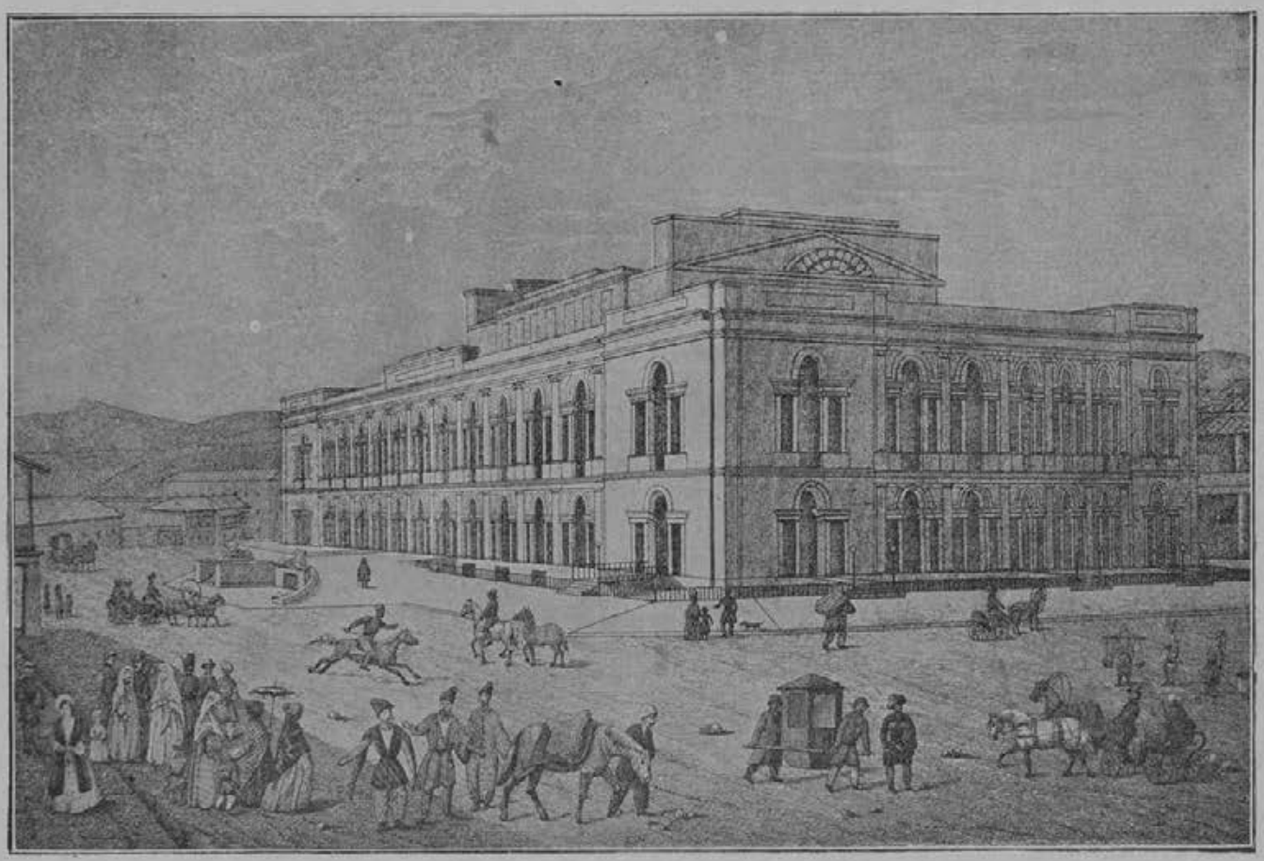
№ 127. Храмъ Славы въ г. Тифлисѣ и видъ города.

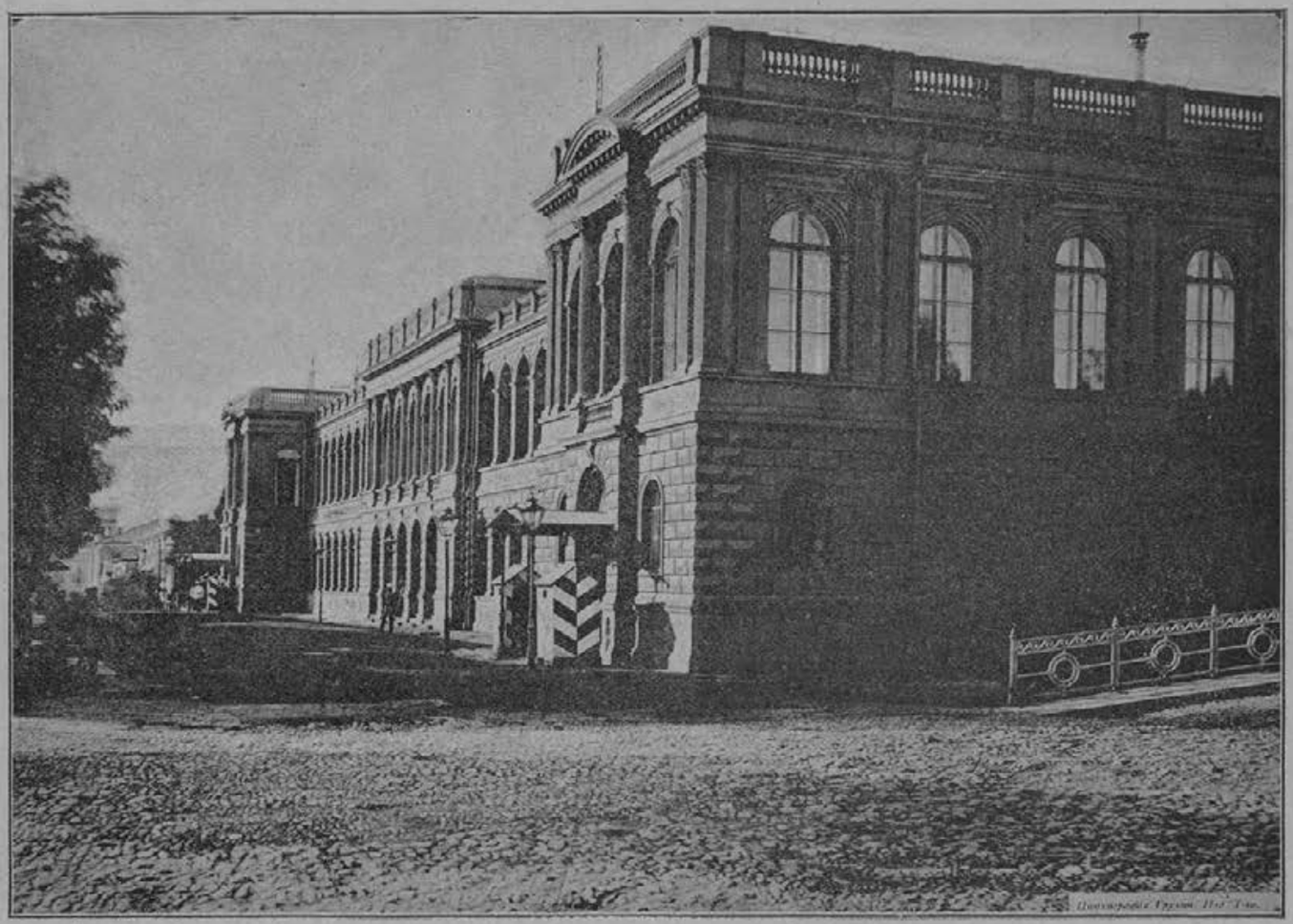
№ 128. Дубъ.

№ 129. Зданіе Артистическаго Общества въ г. Тифлисѣ.

№ 130. Видъ тифлисскаго стараго театра.

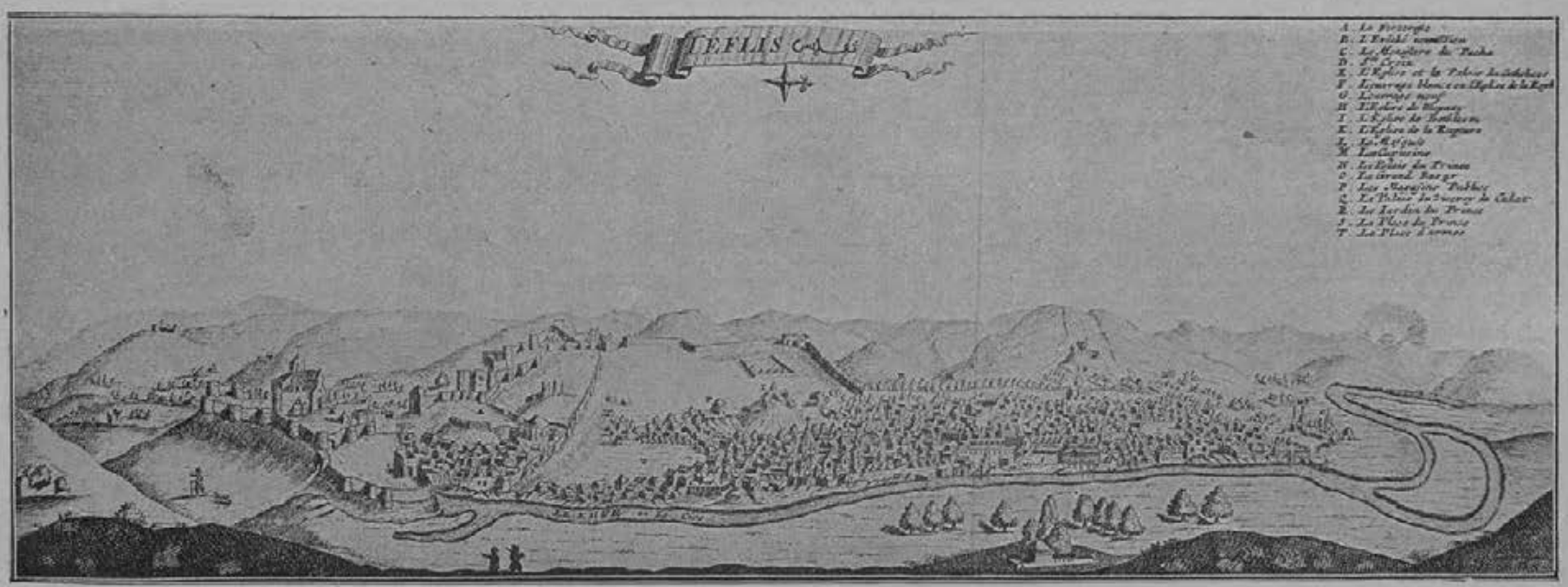
№ 131. Дворецъ Главноначальствующаго въ Тифлисѣ.

№ 132. Памятникъ битвы 18 января 1878 г. около г. Батума.

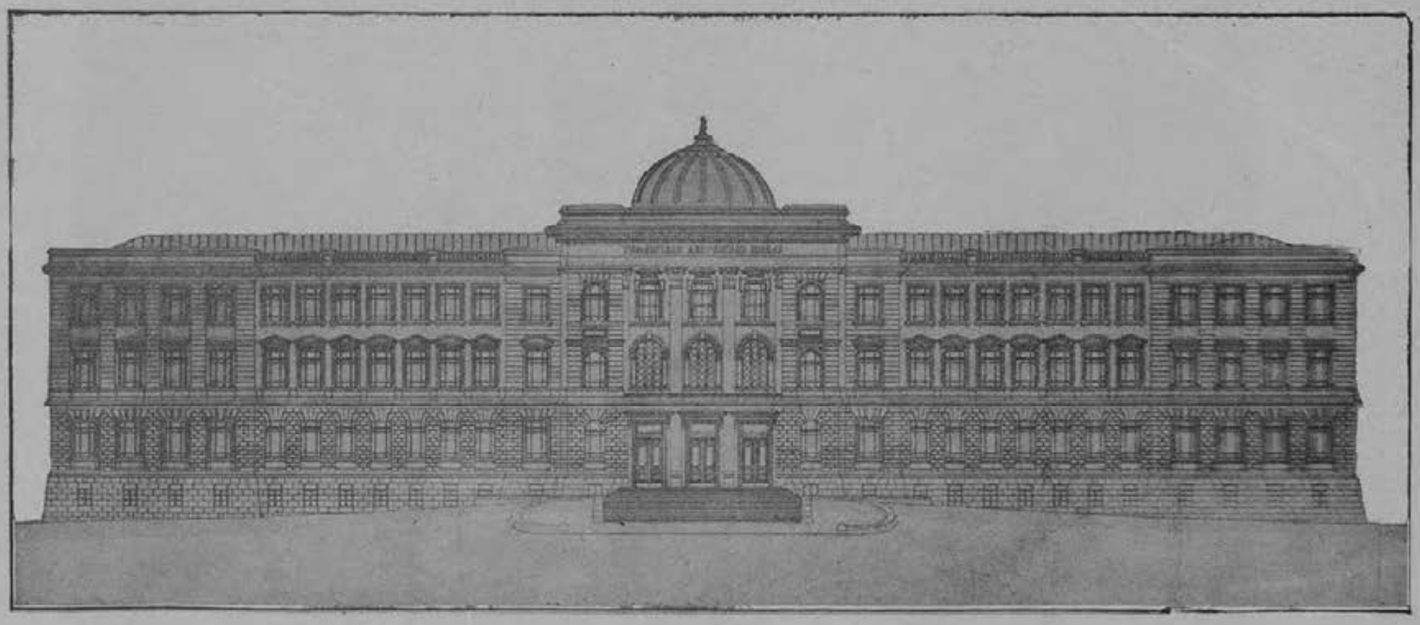
№ 133. Зданіе электропечатни Груз. Изд. Т—ва, въ г. Тифлисѣ.

№ 134. Видъ г. Тифлиса по Шардену.

№ 135. Видъ дачнаго мѣста на Кавказѣ.

№ 136. Старое помѣщеніе груз. двор. школы въ Тифлисѣ.

№ 137. Амазонки на Кавказѣ.

№ 138. Походъ аргонавтовъ на Колхиду.

ГРУЗИНСКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ ТРУППА.

№ 144.

АРТИСТЪ В. АБАШИДЗЕ.

№ 146.

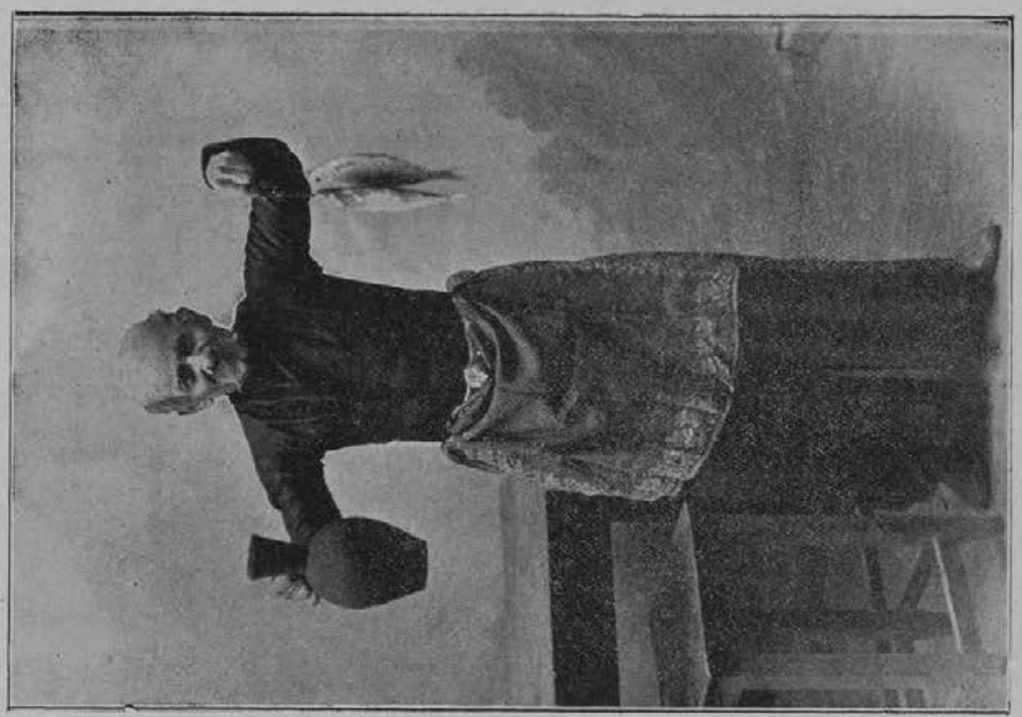

№ 145.

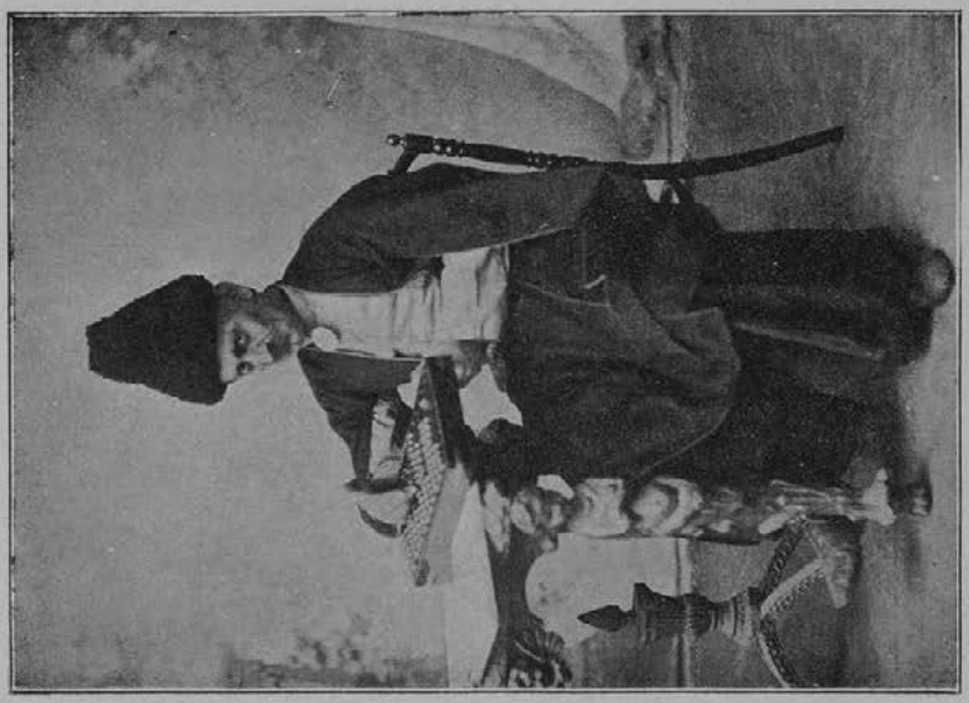
АРТИСТЪ В. АБАШИДЗЕ.

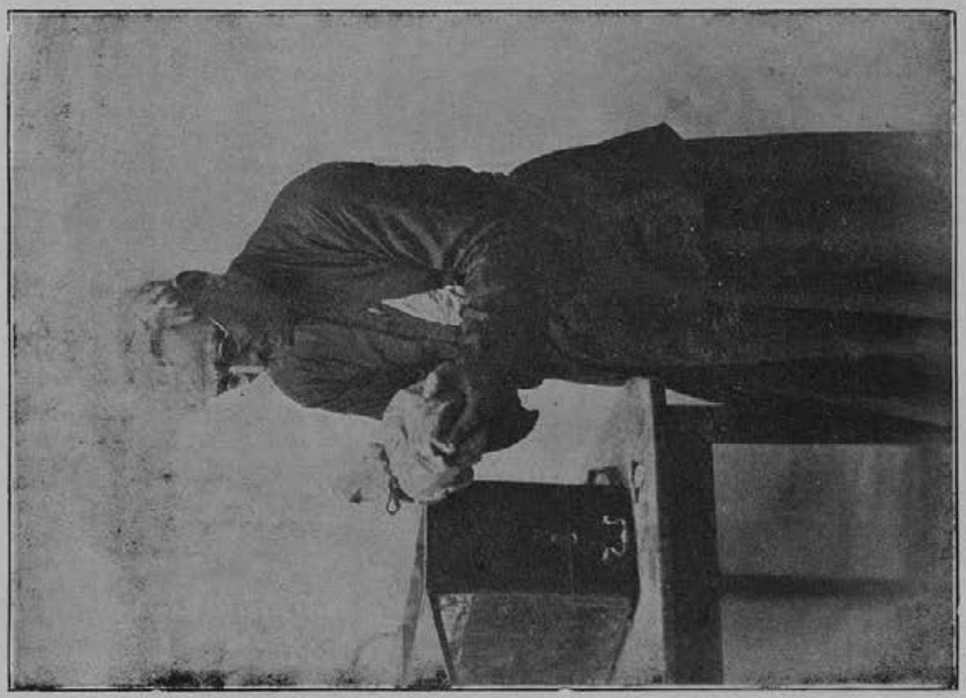
№ 148.

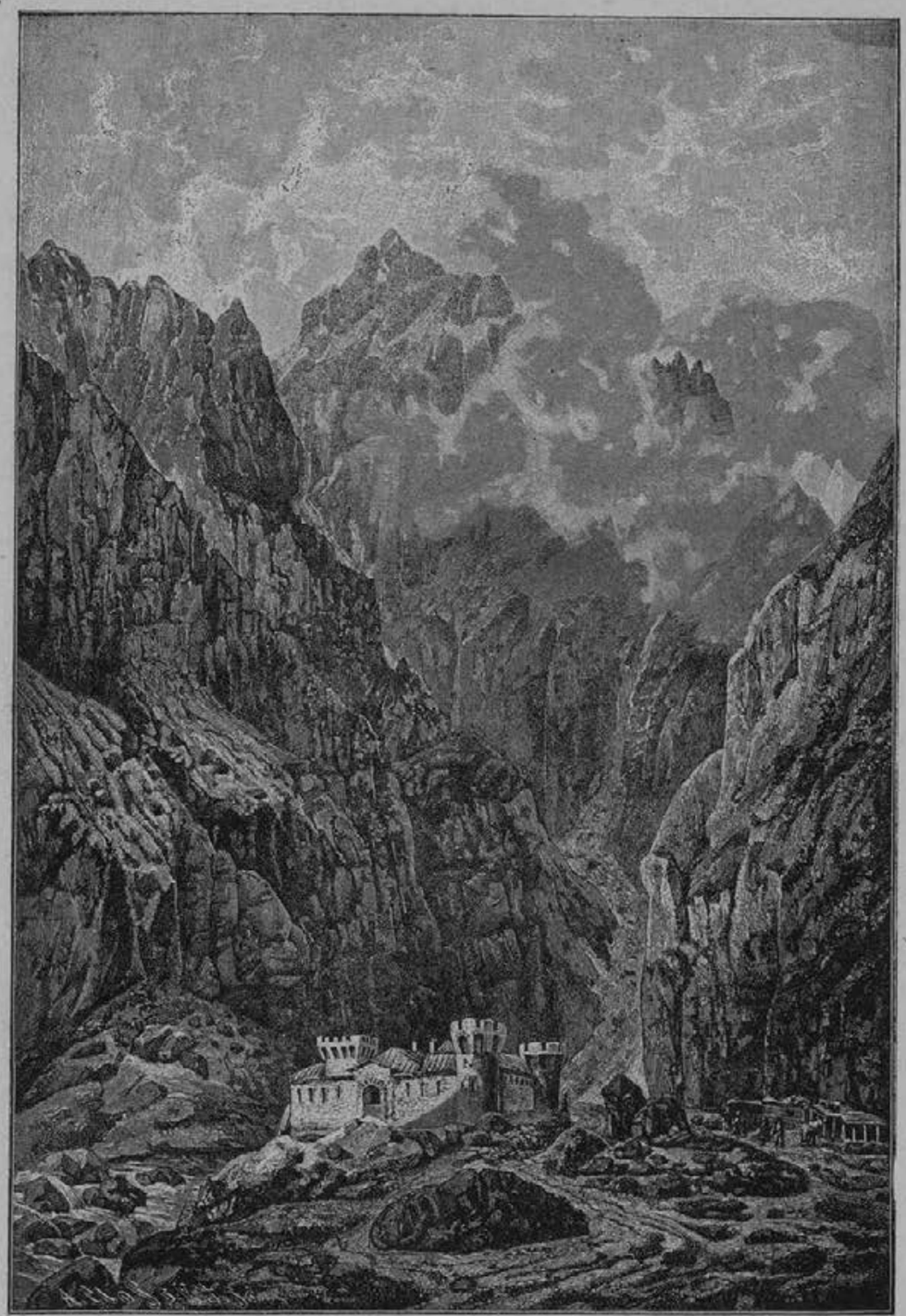
№ 147.

№ 150.

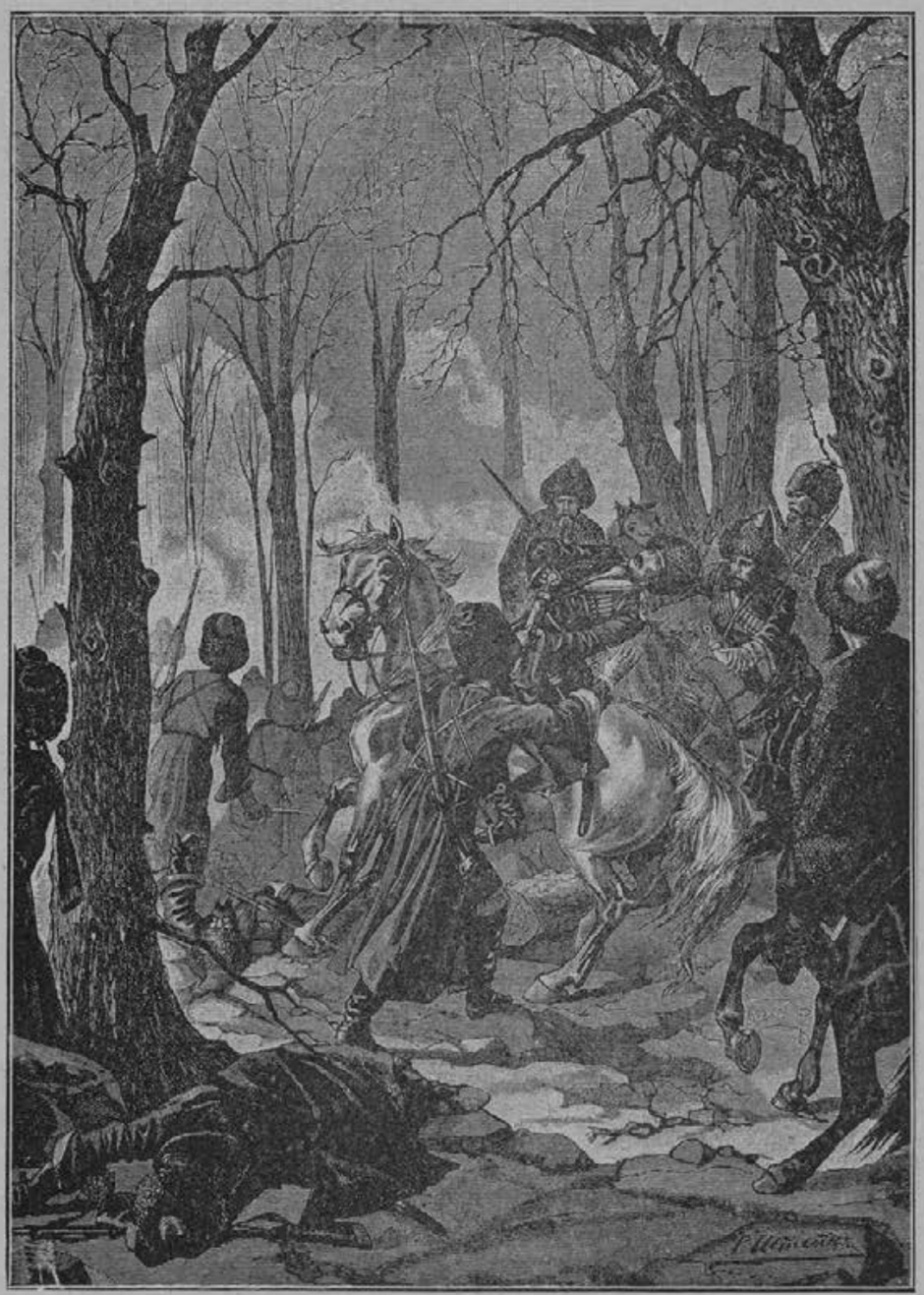

№ 149.

№ 139. Дарьяльское ущелье.

59

№ 140. Геройская смерть генерала Слѣпцова.

№ 141. Видъ города Шемахи послѣ землѣтрясенія.

№ 142. Видъ города Шемахи послѣ землѣтрясенія.

№ 143. Видъ города Карса.